Дорогой
друг!
Возвращаю
он дождался
на полном
в отличном
в

LOT NO. | COUNT NO.

ASS | CALL NUMBER

BUCKRAM COLOR 298 | PRINT COLOR Gold

BINDERY USE ONLY

- ☐ HAND TRIM
- ☐ STF (MACH)
- ☐ STF (HAND)
- ☐ PKT (CLOTH)
- ☐ PKT (PAPER)
- ☐ PKT (OVERSIZE)
- ☐ ALL ADDS OUT
- ☐ STUBBING
- ☐ DIVIDERS
- ☐ MENDING
- ☐ REM. STAPLES
- ☐ FOLD PAGES
- ☐ PANEL (LINES(S)
- ☐ PANEL (LINES(D)
- ☐ EXTRA TIME _____

REASON _____

RY COPY

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ПРОФЕССОРА

Оскара Іегера.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ПЕРЕВОДЪ и ДОПОЛНЕНІЯ

подъ редакціею

П. Н. Полевого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ПРОФЕССОРА

Оскара Іегера.

Съ **216** гравюрами въ текстѣ, съ **16** приложеніями, отпечатанными черною и цвѣтными красками, **3** картами въ текстѣ и **6**—въ особомъ приложеніи.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. Н. Полевого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Дозволено цензурою, СПБ., 27 іюня 1894 года.

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

стр.

КНИГА ПЕРВАЯ. Отъ Одоакра до Карла Великаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Одоакръ въ Италіи.—Взглядъ на былое германскихъ народовъ.—Германцы и христіанство 3
ГЛАВА ВТОРАЯ. Остготы и Теодорикъ.—Франки и Хлодвигъ.—Императоръ Юстиніанъ и вторичное завоеваніе Запада.—Лангобарды въ Италіи.—Франкское королевство въ VI и VII столѣтіяхъ 20
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Исламъ и Калифатъ.—Первыя завоеванія Калифовъ.—Восточно-Римская имперія. — Положеніе дѣлъ на Западѣ: Вестготское царство; Франкскія государства.—Карлъ Мартель и Арабы.—Бонифацій и Пипинъ I 44
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Карлъ Великій 66

КНИГА ВТОРАЯ. Отъ Лудвига Благочестиваго до Крестовыхъ походовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Лудвигъ Благочестивый и домъ Каролинговъ до смерти послѣдняго представителя ихъ нѣмецкой линіи 90
ГЛАВА ВТОРАЯ. Конрадъ I и Генрихъ I:—династія Саксонская. 919—1024. Возстановленіе имперіи 105
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Короли Салическаго дома: Конрадъ II, Генрихъ III, Генрихъ IV.—Королевская власть и княжеская власть; королевская власть и папская власть; Григорій VII. 148
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Европейскія внѣ-германскія государства до конца одиннадцатаго столѣтія 199

КНИГА ТРЕТЬЯ. Отъ начала Крестовыхъ походовъ до Рудольфа Габсбургскаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Первые Крестовые походы.—Италія и Германія въ царствованіе Генриха V, Лотарія Саксонскаго и Штауфена Конрада . . . 237
ГЛАВА ВТОРАЯ. Фридрихъ Барбаросса 269
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Окончаніе третьяго Крестоваго похода.—Генрихъ VI.—Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV.—Начало дѣятельности Фридриха II. 297
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Фридрихъ II. — Конрадъ IV 313
ГЛАВА ПЯТАЯ. Внѣ-германскія государства въ XII и XIII вѣкахъ.—Окончаніе Крестовыхъ походовъ. 342
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Послѣдствія Крестовыхъ походовъ и времена междуцарствія. — Смерть Конрадина 357

стр.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Отъ Рудольфа Габсбургскаго до начала реформаціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Рудольфъ Габсбургскій и его наслѣдники до смерти Генриха VII.—Начало «Вавилонскаго плѣненія» Церкви 390
ГЛАВА ВТОРАЯ. Фамиліи Габсбургъ, Виттельсбахъ, Люксенбургъ.—Фридрихъ Красивый и Лудвигъ Баварскій.—Правленіе Лудвига 414
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Германія во второй половинѣ XIV столѣтія: короли изъ Люксенбургскаго дома: Карлъ IV, Венцеславъ, Сигизмундъ и великія федераціи. — Городскіе союзы и войны: швабско-рейнскій союзъ—Ганза.—Швейцарскій союзъ. 429
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Внѣ-германскія государства до начала XV столѣтія.—Церковныя отношенія.—Джонъ Виклифъ въ Англіи 453
ГЛАВА ПЯТАЯ. Состояніе Церкви.—Великій расколъ и соборное движеніе.—Гусситская война и конецъ Люксенбургскаго дома.—Начало Габсбурговъ.—Конецъ базельскаго собора. 489
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Эпоха Фридриха III и Максимиліана I 510

Указатель къ Исторіи среднихъ вѣковъ. 603

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

I и II ТОМЫ

„ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ“

ПРОФЕССОРА

О. ІЕГЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. Н. Полевого.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ:

„Древнюю исторію“.

Съ 244 гравюрами въ текстѣ, 18 приложеніями, отпечатанными черною и цвѣтными красками, 1 картою въ текстѣ и 4—въ особомъ приложеніи.

Второй томъ заключаетъ въ себѣ:

„Исторію среднихъ вѣковъ“.

Съ 216 гравюрами въ текстѣ, съ 16 приложеніями, отпечатанными черною и цвѣтными красками, 3 картами въ текстѣ и 6—въ особомъ приложеніи.

Цѣна каждому тому въ отдѣльной продажѣ 4 р. сер.

Въ переплетѣ 4 р. 75 коп.

За пересылку по 6 фунтовъ за каждый томъ по разстоянію.

II. Исторія среднихъ вѣковъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Отъ Одоакра до Карла Великаго.

Эйнгардова «Жизнь Карла Великаго».

Эйнгардъ (позднѣйшая форма: Эгингардъ)—воспитанникъ, другъ и министръ Карла Великаго, сочленъ его академическаго кружка, составилъ жизнеописаніе своего государя и благодѣтеля, непосредственно послѣ его смерти. Въ прекрасномъ латинскомъ изложеніи, далеко превышающемъ современную ему латинь другихъ хронистовъ, онъ даетъ намъ вѣрно и рѣзко-очерченный образъ своего величаваго повелителя, тепло-начертанный рукою любящаго и признательнаго человѣка. По смерти Карла, Эйнгардъ занималъ высокія должности и при его наслѣдникѣ, Лудвигѣ Благочестивомъ, былъ и аббатомъ, не расторгая однакоже брака съ супругою своею Иммою (которая вовсе не была дочерью Карла, какъ утверждаетъ преданіе), достигъ глубокой старости и умеръ въ 844 г. (род. въ 770, отъ знатныхъ родителей).

Изъ рукописи, хранящейся въ Импер. Вѣнской библіотекѣ, мы даемъ въ вѣрной копіи начало завѣщанія Карла, которое Эйнгардъ приводитъ дословно, вмѣстѣ съ именами подписавшихся подъ нимъ свидѣтелей.

Объяснительная таблица къ завѣщанію Карла Великаго.

Затѣмъ велѣлъ изложить свою волю въ краткомъ документѣ, содержаніе коего и смыслъ
— — — — — — — — — — — — — — — —

talis est:
суть слѣдующіе:

In nomine domini omnipotentis patris et filii et spiritus sancti.
Во имя Бога Всемогущаго, Отца и Сына и Св. Духа.

Descriptio atque divisio quae facta est a gloriosissimo atque piissimo domno
Росписаніе и раздѣленіе, которое сдѣлано достославнымъ и благочестивѣйшимъ государемъ

Karolo imperatore augusto anno ab incarnatione domini nostri Jesu Christi
Карломъ, императоромъ августѣйшимъ въ году отъ воплощенія Нашего Господа Іисуса Христа

DCCCXI anno vero regni ejus in Francia XLIII et in Italia XXXVII
811-мъ, въ году же его царствованія во Франціи 43-мъ и въ Италіи 37-мъ,

imperii autem XI indictione IIII quam pia ei prudenti conside-
императорства-же его въ 11-мъ, въ 4-мъ индиктѣ, которое онъ по благочестивомъ и мудромъ раз-

ratione facere decrevit et domino annuente perfecit de thesauris
мышленіи сдѣлать рѣшился и Божіею волею исполнилъ—изъ его казны

suis atque peccunia quae in illa die in camera ejus inventa est. In
и денегъ, какія въ данный день въ его казно-хранилищѣ находились. При-

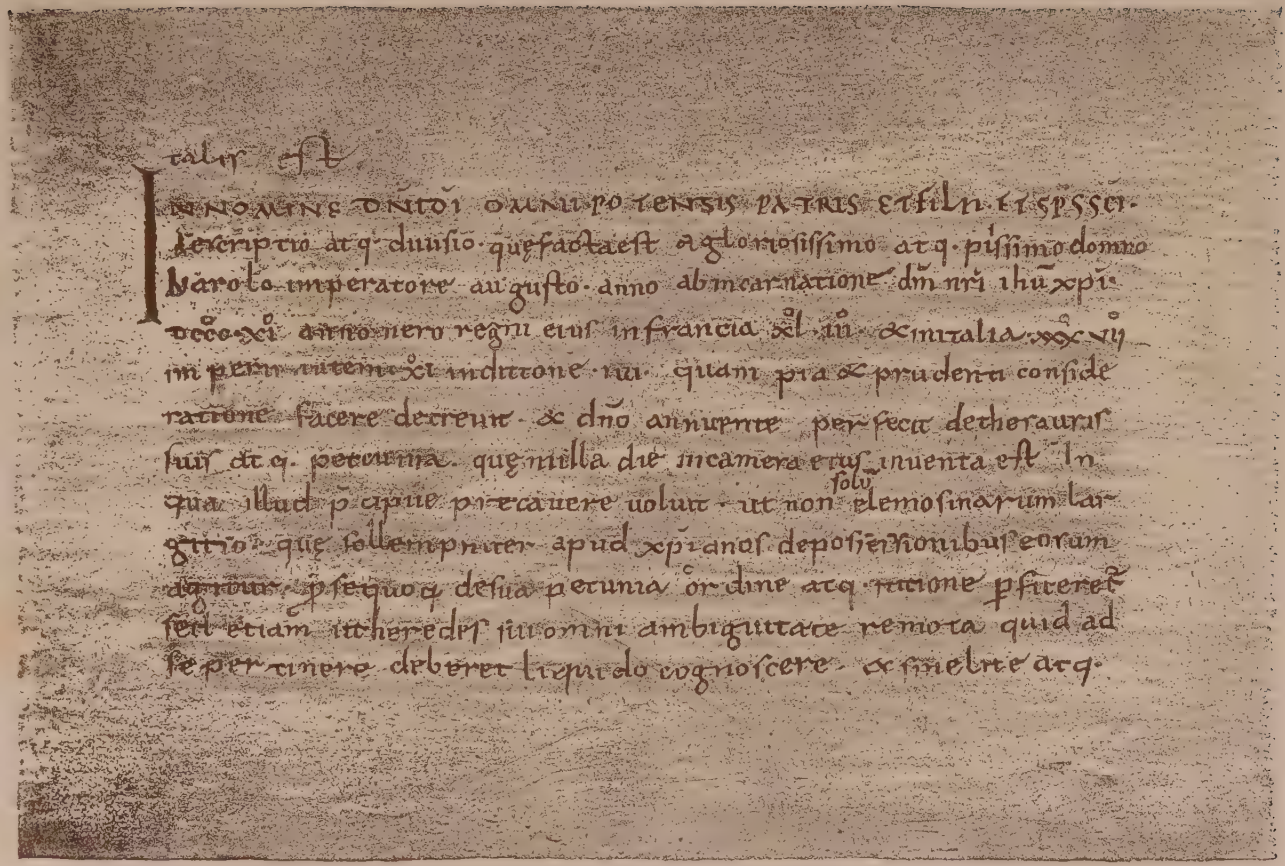
qua illud p(rae)cipue precavere voluit ut non solum elemosinarum lar-
чемъ онъ преимущественно то имѣлъ въ виду, чтобы не одна милостыни раз-

gitio quae sollempniter apud christianos de possessionibus eorum
дача, какъ обычно у христіанъ, изъ его имущества

agitur pro se quoque de sua pecunia ordine atque racione perficeretur
была изъ его денегъ обычнымъ порядкомъ произведена,

sed etiam ut heredes sui omni ambiguitate remota quid ad
но, чтобы и его наслѣдники, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній, (то) что имъ

se pertinere deberet liquido cognoscere et sine lite atque
надлежитъ получить, ясно знали и безъ спора и



ЗАВѢЩАНІЕ КАРЛА ВЕЛИКАГО.

Заимствовано изъ «Житія Карла Великаго», написаннаго Эйнгардомъ на слѣдующій годъ, по кончинѣ Карла.

Рукопись Императорской библіотеки въ Вѣнѣ. Факсимиле начала.

шихъ столѣтій; видимъ только непрерывно и однообразно-повторяющіеся набѣги съ одной стороны и отраженіе ихъ—съ другой: но вездѣ видимъ только воинственныя дружины и не видимъ жизни земледѣльческой, не видимъ постоянной культурной работы. Рѣшающимъ событіемъ былъ тотъ массовый переходъ Готовъ на почву Римскаго государства, который произошелъ въ 375 г.; затѣмъ уже это, такъ-называемое, «переселеніе народовъ» закончилось ровно сто лѣтъ спустя, событіемъ 476 г., которымъ обычно заканчивается изложеніе Древней Исторіи.

Христіанство.

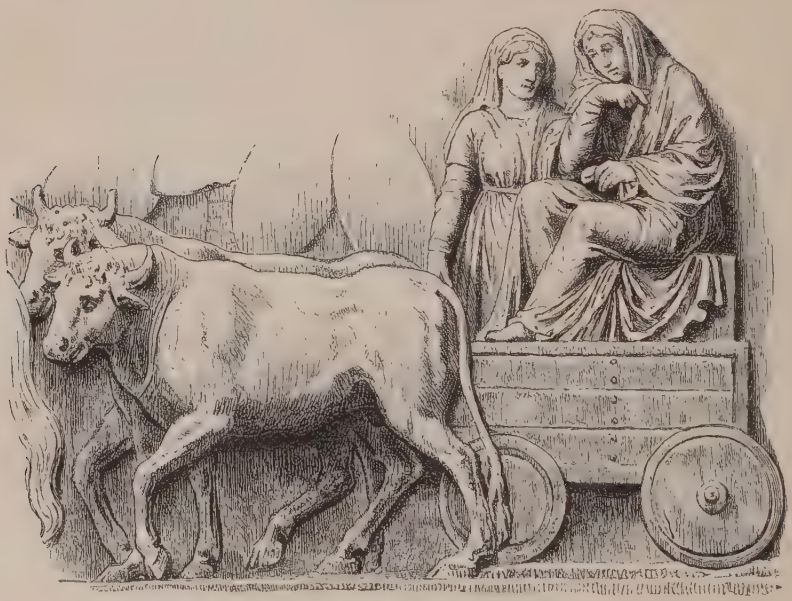
Но, въ теченіе того пятисотлѣтія, которое протекло со времени Цесаря, міръ успѣлъ совсѣмъ преобразиться:—*христіанство* уже успѣло окончательно утвердиться въ предѣлахъ римскаго міра, и уже въ теченіе цѣлаго полувѣка господствовало несомнѣнно. Мало-по-малу проникло оно и къ Германцамъ, сначала заносимое случайными миссіонерами изъ рабовъ и купцовъ, а съ 347 года уже при посредствѣ молодого еще духовнаго *Ульфилы*, который до самой своей смерти, въ 388 г., съ неутомимымъ рвеніемъ распространялъ евангельское ученіе между Готами. Сохранились до нашего времени драгоцѣнные отрывки его перевода евангельскихъ чтеній и другихъ частей Новаго Завѣта, и его почтеннымъ именемъ, такъ сказать, открывается исторія зарождающагося развитія германской духовной жизни. Отъ Готовъ христіанство перешло и къ другимъ германскимъ народамъ, и сто лѣтъ спустя послѣ смерти Ульфилы, христіанство было уже господствующею религіею, по крайней мѣрѣ, среди тѣхъ Германцевъ, которые поселились на почвѣ Римской имперіи.

Плѣнный Готъ. Изображеніе на побѣдной колоннѣ Ѳеодосія Великаго (391 по Р. Хр.).

Германскія религіозныя воззрѣнія.

Были попытки доказать, будто многое въ богопочитаніи древнихъ Германцевъ, по нѣкоторому внутреннему сродству воззрѣній, облегчило внесеніе къ нимъ христіанскаго ученія:—вполнѣ несомнѣнно однакоже только то, что германское язычество оказало христіанству гораздо менѣе упорное сопротивленіе, что оно было гораздо легче и быстрѣе имъ осилено, чѣмъ язычество греческо-римское. Надо замѣтить, что среди Германцевъ существовало весьма опредѣленное вѣрованіе въ безсмертіе души и, вѣроятно, въ связи съ этимъ, Тацитъ замѣчаетъ, что они гораздо менѣе придаютъ значенія погребальнымъ обрядамъ, нежели Римляне или Греки; кромѣ того, въ ихъ вѣрованіяхъ находимъ странное и внушительное представленіе объ окончательной гибели самихъ боговъ, о разрушеніи всего существующаго міра, который долженъ быть поглощенъ громаднымъ пожаромъ, и вновь долженъ возродиться въ видѣ измѣненномъ и уже неразрушимомъ. На нѣкоторую близость ихъ религіозности и религіозно-

сти христіанской Тацитъ, повидимому, намекаетъ въ своемъ указаніи: «именами боговъ они называютъ то̀ таинственное, которое представляется только очамъ ихъ благочестія». Это, пожалуй, можно выразить реальнѣе слѣдующимъ образомъ: ихъ религіозныя представленія (насколько они намъ извѣстны) были лишены той устойчивости и твердости, которыя придавала греко-римскому міру боговъ миѳологія, украшенная фантастическими и поэтическими вымыслами, а также и искусство своими чудными образами, а въ позднѣйшее время и философія со своею символикой, не говоря уже о вліятельномъ жреческомъ сословіи. Вѣрованье въ бога небесъ, *Зіо* или *Тіо*, принесли съ собою въ Европу уже первые германскіе переселенцы изъ своей прародины: не особенно обширный кругъ божествъ раз-



Германскія женщины (вѣроятно жрицы), слѣдующія за войскомъ.
Заключительная группа шествія Маркоманновъ, подчинившихся Марку Аврелію. — Рельефъ съ Антониновой колонны въ Римѣ.

вился впослѣдствіи на основѣ этого одного главнаго вѣрованья и существовалъ съ нимъ рядомъ. Такъ напримѣръ такимъ же, какъ *Зіо* или *Тіо*, божествомъ, но подъ другимъ наименованіемъ и при нѣсколько иномъ воззрѣніи, является *Вуотанъ*, богъ облачнаго неба и солнца, которое не слишкомъ часто проглядывало изъ-за облаковъ въ пасмурной странѣ Германцевъ; у воинственнаго народа понятіе о подобномъ божествѣ легко связалось съ различными представленіями военнаго быта, точно такъ же, какъ аттрибуты воинственности были приписаны и многимъ другимъ божествамъ; этому богу войны оказывались посвященными—волкъ, воронъ и коршунъ, какъ животныя, питающіяся на полѣ битвъ; ему оружіемъ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

къ готскому тексту епископа Ульфилы.

veihnai namo thein. quimai thiudi-
да святится имя Твое. Да пріидетъ цар-
nassus theins. vairthai vilja
ствіе Твое. Да будетъ воля
theins. sve in himina jah ana
Твоя, яко же на небеси и на
airthai. Hlaif unsarana thana sin-
земли. Хлѣбъ нашъ насущ-
teinan gif uns himma daga. Jah
ный даждь намъ днесь. И
afiet uns, thatei skulans sijai-
остави намъ долги наша
ma. svasve jah veis afietam thaim
—яко же и мы оставляемъ
skulam unsaraim. Jah ni brig-
должникомъ нашимъ. И не ввe-
gais uns in fraistubnjai. ak lau-
ди насъ во искушеніе, но из-
sei uns af thamma ubilin. unte
бави насъ отъ лукаваго, яко
theina ist thiudangardi jah mahts
Твое есть царство и сила,
jah vulthus in aivins. amen.
md и слава во вѣки. Аминь.
Unte jabai afietith mannam
Ибо если вы прощаете людямъ
missadedins ize. afletith jah
дурныя дѣянія ихъ, проститъ также
izvis atta izvar sa ufar himinam.
v. 15. вамъ Отецъ вашъ Небесный,
Ith jabai ni afietith mannam mis-
а если не простите людямъ дурныхъ дѣ-
sadedins ize ni thau atta iz-
яній ихъ, также и Отецъ вашъ
var afletish missadedins izva-
m. e. не проститъ дурныхъ дѣяній ва-
ros: Aththan bithe fastaith ni vair-
шихъ. А когда вы поститесь, то не будь-
thaith svasve thai liutans gaurai
те, какъ лицемѣры печальны.

Уменьшенный снимокъ одной страницы такъ называемаго „Серебрянаго
[illegible]
[illegible] 1755 г. по Р. Хр.
[illegible] Гренландіи и Исторіей
хронологіи Христа.

служилъ мѣткій, издали разящій дротикъ; за нимъ толпою несутся души павшихъ героевъ и зычные клики этого Вуотанова войска слышатся ночью въ завываніяхъ вихря; гдѣ военно-плѣнные приносятся въ жертву—тамъ это происходитъ въ честь Вуотана. Другимъ виднымъ божествомъ былъ Донаръ, богъ грозы: молнія, сверкающая въ небѣ, это его молотъ, который онъ мечетъ во враговъ своихъ; вѣроятно о немъ упоминаетъ Цесарь, повѣствуя намъ о какомъ-то богѣ Вулканѣ, которому будто-бы Германцы покланяются. Но не всѣ боги представлялись Германцамъ въ такихъ ужасающихъ и страшныхъ образахъ: были у нихъ и женскія, благодатныя божества, являвшіяся подъ различными именами Фригги и Нерты. Рядомъ съ богами, довольно значительную роль въ народномъ миѳѣ играли созданныя фантазіею народа среднія, богоподобныя существа—въ видѣ великановъ и карликовъ. Лѣсную глушь, ущелья горъ и голыя вершины ихъ, по представленію народа, населяли чудовищные великаны; а въ нѣдрахъ земли и въ разсѣлинахъ скалъ жили карлики, которые въ безчисленномъ множествѣ распространялись по землѣ, всюду вносили свою таинственную силу, то зловредную, то благодѣтельную, по ихъ произволу, и проникали даже въ жилища людей, вступая въ близкія сношенія съ ними и съ домашними животными. Богослуженіе было чрезвычайно просто и не составляло тайны, доступной однимъ жрецамъ. Обрядная сторона его болѣе всего служила къ тому, чтобы узнать волю боговъ: прислушивались къ ржанію коней, къ крику птицъ и присматривались къ ихъ полету; а не то гадали по жребіямъ: отъ дерева съ плодами отрѣзали вѣтку, нарѣзали ее на кусочки, на которыхъ нацарапывали особые знаки и затѣмъ разбрасывали ихъ по чистому рядну: собирали ихъ, сопоставляя для гаданья, либо жрецъ, либо вѣдунья, либо глава семьи.

Что такое слабое въ своихъ основахъ, колеблющееся, никакимъ мощнымъ жреческимъ сословіемъ не поддерживаемое религіозное вѣрованье могло быть въ сравнительно-короткое время побѣждено христіанствомъ, — это

Древне-сѣверный руническій календарь, рѣзанный изъ липоваго дерева.

Оригиналъ хранится въ Германскомъ музеѣ въ Нюрнбергѣ. Натуральная величина: 1 метръ и 22,6 цм. длины и 4,9 цм. ширины. Оба куска слѣдуетъ представлять себѣ сопоставленными вмѣстѣ.

Быстрые успѣхи христіанства. Аріанизмъ.

болѣе чѣмъ понятно. И побѣждено оно было именно тѣмъ, что въ христіанствѣ все было опредѣленно, все ясно, все осязательно:—это была вѣра тѣхъ, кого невольно приходилось признать болѣе знающими; даже и то обстоятельство, что эта вѣра была изложена въ видѣ писаной книги, должно было придавать ей въ глазахъ этихъ безхитростныхъ людей такую авторитетность, которая, сама по себѣ, внушала имъ довѣріе. Не безъ основанія утверждали нѣкоторые изслѣдователи, что принятіе христіанства до извѣстной степени было облегчено для Германцевъ тѣмъ, что оно первоначально явилось среди нихъ въ формѣ *аріанизма*, да и вообще Германскимъ народамъ пришлось стоять въ сторонѣ отъ тѣхъ нескончаемыхъ богословскихъ споровъ, которые повсемѣстно начались вслѣдъ за вторымъ Константинопольскимъ соборомъ (381 г.).

Догматическіе споры.

Положенія, утвержденныя на этомъ соборѣ, повели къ цѣлому ряду преній и препирательствъ религіозныхъ, которыя вращались преимущественно около личности Христа и вопроса о соотношеніи въ Немъ божественнаго и человѣческаго начала. Затѣмъ затѣялся споръ между *Несторіемъ*, патріархомъ константинопольскимъ, который отказывался признавать Божію Матерь *Богородицей*, и Кирилломъ Александрійскимъ, который это наименованіе отстаивалъ. Не менѣе споровъ вызвалъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли признавать одно или два естества во Христѣ? Вопросъ этотъ, между прочимъ, вызвалъ страшное раздраженіе и борьбу партій на соборѣ 449 г. въ Эфесѣ; наконецъ на *Халкедонскомъ* соборѣ 451 г. отыскана была надлежащая формула для рѣшенія этого вопроса и *монофизитизмъ* (т. е. ученіе о томъ, что во Христѣ можно признавать только одно естество) осужденъ какъ ересь. Одновременно съ этимъ шли споры о грѣхѣ и милосердіи Божіемъ, о свободной волѣ человѣка и соотношеніи ея съ Божіемъ милосердіемъ; споры эти тѣсно связаны съ именами *Пелагія* и *Августина*. Первый былъ британскій монахъ, въ 411 г. пришедшій въ Африку; онъ съ настойчивостью утверждалъ, что свобода воли есть высшее, неотъемлемое благо человѣческой природы: и добро, и зло—суть не что иное, какъ свободныя дѣянія человѣка, и только *возможность* дѣлать добро и зло (безъ которой немыслимо и *долженствованіе*) исходитъ отъ Бога, при чемъ однакоже Его личность не создаетъ добро, а только способствуетъ его совершенію. Августинъ, противникъ Пелагія, былъ уроженцемъ г. Тагасты (въ Нумидіи); въ 383 г. видимъ его учителемъ краснорѣчія въ Римѣ, а затѣмъ въ Миланѣ, гдѣ онъ, по собственному его признанію, предавался чувственнымъ наслажденіямъ съ великою необузданностью, а затѣмъ перешелъ въ христіанство послѣ долгой и тяжкой внутренней борьбы, и былъ крещенъ въ 387 г., въ Миланѣ же, тамошнимъ епископомъ Амвросіемъ; онъ самъ полагалъ, что обращеніемъ своимъ онъ обязанъ былъ молитвамъ своей матери Моники. Чрезвычайно рѣзкимъ образомъ съумѣлъ онъ противупоставить грѣховное состояніе души дѣйствію милосердія Божія, въ своей собственной жизни испытавъ и то. и другое самымъ непреложнымъ образомъ; по его воззрѣнію, уже по совершеніи перваго прегрѣшенія, человѣкъ утрачиваетъ свободу воли и подпадаетъ рабству грѣха; изъ этого-то грѣховнаго человѣчества Божіе милосердіе даетъ возможность нѣкоторому числу людей достигнуть блаженства

и въ этихъ избранникахъ дѣйствуетъ независящимъ отъ ихъ воли образомъ. Съ 395 г. Августинъ былъ епископомъ въ Африкѣ и умеръ во время нашествія Вандаловъ. Среди всѣхъ этихъ препирательствъ и споровъ, христіанскія воззрѣнія мало-по-малу развились въ стройную систему догматовъ, утвержденныхъ вселенскими соборами; и одновременно съ этими догматами развилось ученіе о *каѳолической* Церкви, какъ носительницѣ безусловнаго авторитета въ дѣлахъ вѣры, во всемъ томъ, что необходимо человѣку для достиженія блаженства. Представителями авторитета Церкви явились *епископы*. Они одни имѣли право голоса на соборахъ, на рѣшеніи которыхъ основывалась законодательная власть Церкви; они стояли во главѣ клира въ діоцэзахъ и назначали клириковъ на различныя должности; во главѣ епископовъ каждой провинціи стоялъ митрополитъ, въ качествѣ епископа мѣстнаго главнаго города, онъ же и созывалъ духовенство на соборы; выше митрополитовъ стояли патріархи—епископы, правившіе Церковью въ главнѣйшихъ центрахъ государства, въ Римѣ, въ Александріи и Антіохіи, къ которымъ причтенъ былъ на соборѣ 381 г. и Константинополь, «Новый Римъ», занявшій почетное мѣсто тотчасъ вслѣдъ за Римомъ; пятымъ патріархомъ былъ признанъ епископъ іерусалимскій, не пользовавшійся, впрочемъ, особымъ значеніемъ. И, среди всѣхъ этихъ патріарховъ, *римскіе* епископы, называя себя преемниками апостола Петра, уже начинали присваивать себѣ первенство и заявлять о своихъ притязаніяхъ на общій надзоръ надъ всею Христіанскою Церковью. Съ полною ясностью эту идею выражалъ уже и *Левъ I* или Великій (440—461 г.), говорившій, что онъ стоитъ во главѣ Церкви во имя апостола Петра и рѣшаетъ по внушенію Божію и апостольскому. Постепенно развиваясь изъ первоначальной, чисто демократической основы, Церковь дошла уже теперь въ своемъ устройствѣ до весьма сложной іерархіи, и, въ лицѣ римскаго епископа, начинала уже видимо стремиться къ подчиненію этой іерархіи монархическому единовластію высшаго главы Церкви.

Іерархія церковная заботилась о томъ, чтобы богослуженіе всюду совершалось правильно, и чтобы вся жизнь человѣка слагалась на основаніи заповѣдей Божіихъ и завѣтовъ Церкви. Всякіе языческіе символы, изображенія и празднества—всюду исчезли съ лица земли. Празднества въ честь Юпитера и Вакха были замѣнены поминаніями мучениковъ и великихъ подвижниковъ, и такое направленіе благочестія не могло не оказать благотворнаго вліянія на жизнь и бытъ народа. Къ назиданію толпы не мало служили и тѣ подвижники, которые, на глазахъ у всѣхъ, поднимали на свои плеча тяжелый крестъ самоотреченія и духовныхъ подвиговъ. Необходимымъ и вполнѣ своеобразнымъ дополненіемъ прочихъ формъ и средствъ каѳолической Церкви явилось *монашество*. Оно проявилось сначала въ Египтѣ: ревнители вѣры, убѣгая соблазновъ міра, уходили въ ближайшую пустыню и жили тамъ одинокими отшельниками, подобно *Антонію* или *Павлу Ѳивейскому*, изнуряли свою плоть и боролись съ навѣтами и кознями злого духа. Но этихъ отшельниковъ (*эремитовъ* или *анахоретовъ*) вскорѣ явилось такъ много, что они уже стали соединяться въ общежитія, подчиненныя общимъ правиламъ. Древнѣйшее изъ та-

Іерархія. Монашество.

кихъ общежитій было основано въ 340 г., на одномъ изъ островов Нила, *Пахоміемъ*. Первые монахи, явившіеся въ Европѣ, составляли свиту Аѳанасія Александрійскаго, изгнаннаго изъ Александріи во время великаго раздора, внесеннаго въ Церковь аріанствомъ. Но уже около времени смерти Аттилы (454 г.) въ Норикѣ поселился выходецъ съ Востока, подобный монахамъ служитель Божій, *Северинъ*, котораго вскорѣ всѣ стали почитать, какъ непреложнаго совѣтника и прорицателя.

Вотъ тотъ кругъ понятій, въ которомъ жили побѣжденные варварами романскіе народы, и этотъ замкнутый, но весьма послѣдовательно созданный кругъ идей долженъ былъ, конечно, поразить ихъ германскихъ побѣдителей. Самъ Одоакръ, на пути въ Италію, счелъ долгомъ посѣтить укромную келью св. Северина — и долженъ былъ склонить свою гордую голову при входѣ въ ея низенькую дверь; и говорятъ, будто святой предсказалъ ему великую будущность, а впослѣдствіи, когда онъ уже былъ королемъ,— возвѣстилъ ему и близкій конецъ его господства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Остготы и Теодорикъ.—Франки и Хлодвигъ.—Императоръ Юстиніанъ и вторичное завоеваніе Запада.—Лангобарды въ Италіи.—Франкское королевство въ VI и VII столѣтіяхъ.

Господство Одоакра.

Господство Одоакра дѣйствительно оказалось непродолжительнымъ. Оно еще не успѣло пустить глубокихъ корней и навѣрно не было тягостнымъ. Корысть его воиновъ была весьма легко удовлетворена тѣмъ, что имъ роздали участки земли во владѣнія: надѣливъ ихъ земельными владѣніями, тѣмъ самымъ старались предупредить нѣчто худшее въ будущемъ. Во владѣніе воиновъ Одоакра отдана была, такимъ образомъ, цѣлая треть италійской территоріи. Въ управленіе городами и муниципіями (въ существеннѣйшихъ чертахъ сохранившими свой внутренній строй отъ древнѣйшихъ временъ Рима) онъ не вступался, а равно не вмѣшивался и въ дѣла церковныя: сближенію его съ мѣстнымъ населеніемъ Италіи въ значительной степени препятствовало то, что онъ былъ аріанинъ, а они придерживались каѳолической вѣры, утвержденной вселенскими соборами. Съ нимъ нѣсколько примирялъ населеніе титулъ патриція, данный ему императоромъ; но, вообще говоря, власть Одоакра сносили, какъ необходимое зло, которое могло бы быть еще гораздо невыносимѣе и тягостнѣе. Онъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять обезпечилъ альпійскую границу отъ новыхъ вторженій съ германской стороны, и съ этою цѣлью велъ даже кое-какія войны, какъ, напримѣръ, противъ короля Ругіевъ, Февы, который осѣлъ было по обоимъ берегамъ Дуная, къ востоку отъ

ЕВРОПА
по окончаніи переселенія народовъ (476).
Масштабъ 1:25.000.000
Скотты
Пикты
Бритты
Англы
Саксы
Юты
Фризы
Франки
Государства
Франкскія
Тюринги
Бургунды
Кар.
Сигрія
Алманы
Лангобарды
Эсты
Славянскіе народы
Герулы
Гепиды
Остготское
Царство
Готы
Вестготское
Царство
Свевы
Аланы
Вандалы
Мавры
Римъ
Равенна
Пирсія
Сардинія
Сицилія
Карѳагенъ
Вандальское
Царство
Средиземное море
Черное море
Ѳракія
Константинополь
Иллирія
Восточно-Римская
Антіохія
Александрія
Римская
Имперія
Дунай
Днѣпръ
Днѣстръ
Висла
Волга
Тейсъ
Тибръ
Тагусъ
Гаронна
Рейнъ
Сѣна
Лоара
Эльба
Одеръ
Вистула
Нѣманъ
Сѣверное море
Балеарскіе о-ва
Корсика
Сардинія
Сицилія
Кипръ
Крѣтъ
Родосъ
Кипръ
Мальта
Гибралтаръ
Пиренеи
Альпы
Апеннины
Карпаты
Кавказъ
Уралъ
Волга
Дунай
Днѣпръ
Днѣстръ
Висла
Тейсъ
Тибръ
Тагусъ
Гаронна
Рейнъ
Сѣна
Лоара
Эльба
Одеръ
Вистула
Нѣманъ
Волга
Сѣверное море
Средиземное море
Чер

Инна; возстанія въ Италіи Одоакръ могъ не опасаться, потому что населеніе ея давно уже отвыкло отъ военныхъ дѣйствій. Конецъ его владычеству былъ положенъ королемъ Остготовъ *Теодорикомъ*, такимъ же германцемъ по происхожденію, какъ и самъ Одоакръ.

Остготы. Теодорикъ.

Остготы жили тогда въ древней провинціи *Панноніи*, простиравшейся на югъ и на западъ отъ средняго теченія Дуная. Они были покорены Гуннами и вновь освободились изъ-подъ ига ихъ, когда, по смерти Аттилы, его царство разрушилось. Послѣ славной битвы 454 г. при *Недадѣ* (въ Панноніи), гдѣ Остготы, вмѣстѣ съ другими Германцами, бились за свою независимость, они соединились подъ властью одного вождя, *Теодемира*. Его сынъ былъ *Теодорикъ*, который около десяти лѣтъ, въ юности своей, прожилъ въ Константинополѣ, попавъ туда заложникомъ при заключеніи одного изъ договоровъ, между отцомъ его Теодемиромъ и западно-римскимъ императоромъ. Послѣ смерти отца онъ былъ провозглашенъ королемъ Остготовъ; но отношенія его къ Восточно-Римской имперіи были неутѣшительны: ненадежный миръ смѣнялся мелкими войнами, не приводившими ни къ какому результату, и вотъ, наконецъ, императоръ *Зенонъ* (474—491), придерживаясь коварной политики слабаго, рѣшился направить силы одного варвара противъ другого—Теодорика противъ Одоакра. Около Теодорика собралось до 200—300.000 войска. При Изонцо Остготы, къ которымъ присоединились остатки всякихъ другихъ племенъ, сразились въ войскомъ Одоакра. Теодорикъ побѣдилъ, и вскорѣ послѣ того нанесъ уже поколебленному врагу другое пораженіе близъ Вероны (489); его быстрые успѣхи возбудили однакоже опасенія въ другихъ сосѣднихъ племенахъ, и у Одоакра явились союзники. Ему оказали помощь Бургунды, между тѣмъ какъ Вестготы старались поддержать Остготовъ. Произошла на берегахъ *Адды* (въ августѣ 490 г.) третья битва, въ которой боролись между собою многія германскія племена—Герулы, Ругіи, Остготы и Вестготы, Бургунды и Вандалы,—и Одоакръ былъ разбитъ окончательно; онъ поспѣшилъ укрыться въ Равенну, тамъ выдержалъ продолжительную осаду, наконецъ, терпя нужду во всемъ, вступилъ въ переговоры съ Теодорикомъ (въ февралѣ 493 г.) и былъ имъ измѣннически убитъ.

То, что не удалось осуществить Одоакру при посредствѣ небольшой и разноплеменной воинской силы, то удалось привести въ исполненіе Теодорику, опираясь на надежную силу значительной и однородной массы своего народа. Въ теченіе его 33-хъ-лѣтняго (493—526 г.) правленія Италія успѣла отдохнуть и оправиться. Прежде всего Теодорикъ вновь соединилъ подъ своимъ владычествомъ весь Аппенинскій полуостровъ и прилегающіе къ нему острова, уступленные ему Вандалами, и затѣмъ вернулся въ политикѣ внѣшней къ давнимъ пріемамъ римской республики, которые состояли въ томъ, что Римъ старался защитить отовсюду открытую для нападенія Италію занятіемъ подступовъ къ странѣ и военнымъ господствомъ на ближайшихъ къ ней берегахъ. Такая политика вполнѣ увѣнчалась успѣхомъ: онъ распространилъ свое владычество на В. на Истрію, а съ 510 г. и на юго-восточную Галлію (древне-римскую «провинцію») съ запада, а на сѣверо-востокѣ—до Дуная; морскіе разбои

Вандаловъ онъ сурово обуздалъ, выстроивъ для борьбы съ ними цѣлую тысячу мелкихъ судовъ. Съ восточно-римскимъ дворомъ онъ умѣлъ отлично ладить: на монетахъ онъ приказалъ чеканить изображеніе императора, на всѣхъ публичныхъ надписяхъ выставлялъ имя императора впередъ, а свое ставилъ позади, и въ письменныхъ сношеніяхъ съ восточно-римскимъ дворомъ держался тѣхъ приниженныхъ формъ, которымъ тамъ придавали большое значеніе. Въ Константинополѣ, гдѣ въ 491 г. *Анастасій* наслѣдовалъ *Зенону*, переносили поневолѣ то, чего нельзя было измѣнить, и только съ 518 г., съ воцаренія *Юстина*, отношенія къ Италіи поколебались, и въ вину королю италійскому, Теодорику, было поставлено и то, что онъ варваръ, и то, что принадлежитъ къ аріанству. Но значеніе Теодорика было очень велико въ германскомъ мірѣ, и мощный образъ побѣдителя при Веронѣ не даромъ сохранился даже и въ памяти народной, въ произведеніяхъ народной поэзіи. И дѣйствительно, Теодорикъ всѣми силами старался соблюсти мирную связь между сосѣдственными германскими народами, на основахъ существующаго порядка вещей, при чемъ пытался все же удержать за собою свою царственную долю, свое владычество надъ среднею страною — Италіей, и упрочивалъ его политическими брачными союзами. Онъ выдалъ своихъ дочерей замужъ за бургундскихъ и вестготскихъ князей; самъ же избралъ себѣ въ жены дочь опаснѣйшаго изъ германскихъ вождей, франкскаго короля Хлодовея или Хлодвига, безпокойнаго честолюбца, стремившагося къ единоличному обладанію всей Галліей, которому однакоже Теодорикъ воспрепятствовалъ слишкомъ безпощадно воспользоваться плодами его побѣды (517 г.) надъ Вестготами.

Италія при Теодорикѣ.

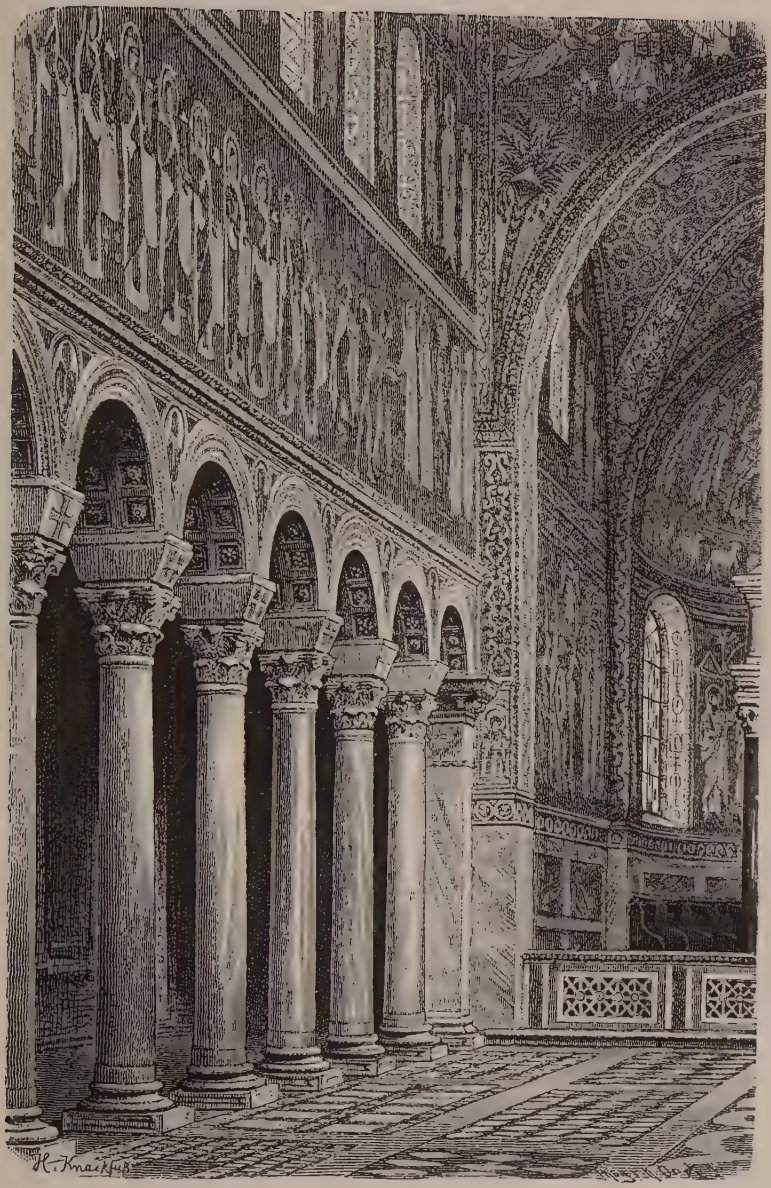
Италія въ теченіе всего правленія Теодорика наслаждалась благами прочнаго мира и сильной правительственной власти, которая, руководясь законами, проявлялась разумно и мягко. Великимъ благомъ было и то, что въ страну введено было значительное количество свѣжихъ и сильныхъ поселенцевъ, и что подъ защитою ихъ (они одни имѣли право носить оружіе и не только сохранили, но даже еще усовершенствовали свою военную организацію) романское населеніе всюду могло приняться за свою мирную трудовую дѣятельность. Торговля и промышленность ожили вновь; безопасность всюду была образцовая: каждый могъ изъ конца въ конецъ страны проѣзжать и перевозить свое имущество, безъ малѣйшаго страха, и безпрепятственно въѣзжать въ города, въ которыхъ ворота были день и ночь открыты. Готы заняли въ Италіи, приблизительно, такое же положеніе, какое нѣкогда занимали Спартіаты въ древней Лаконіи, — положеніе воинской аристократіи; на выдѣленныхъ имъ участкахъ они жили, руководясь

Монограмма Теодорина.
На одной изъ капителей колоннъ въ Равеннской базиликѣ.

народнымъ правомъ, а коренное народонаселеніе жило по своимъ римскимъ законамъ, которые Теодорикъ признавалъ въ полной силѣ. Споры и тяжбы между Готами и Римлянами улаживалъ готскій графъ при помощи римскаго юриста, и общественныя отношенія, установившіяся между двумя народностями, прекрасно рисуются въ современной поговоркѣ, которую приписываютъ самому Теодорику: «знатный Готъ охотно принимаетъ на себя роль римлянина, а бѣдный римлянинъ весьма охотно прикидывается Готомъ». Но дѣйствительнаго сліянія, или даже сближенія обоихъ элементовъ, мы не видимъ. Италійцы, обладавшіе тысячелѣтней высоко-развитой культурой, ненавидѣли и презирали своихъ побѣдителей, передъ которыми, однакоже, должны были преклоняться; но все же самымъ важнымъ препятствіемъ къ сближенію служила религія. Христіанство Готовъ представлялось Италійцамъ «аріанскою ересью»,—вѣрованьемъ необразованнаго, бѣднаго и простого народа, и притомъ такою формою религіи, которая мало давала простора вліянію священнослужителей,—а по сравненію съ этою формою христіанство Римлянъ представлялось глубоко и тонко обдуманною, догматически развитою религіею, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, и великолѣпное, торжественное служеніе Римской Церкви несомнѣнно производило сильное впечатлѣніе на германскихъ завоевателей. Теодорикъ отличался полнѣйшею вѣротерпимостью и въ высшей степени снисходительно относился къ ощущеніямъ покоренныхъ имъ Италійцевъ. Онъ только разъ заглянулъ въ Римъ и жилъ постоянно въ Равеннѣ, стараясь поддерживать самыя дружескія отношенія съ духовенствомъ римскимъ и съ его главою, епископомъ римскимъ; но онъ, конечно, даже и такимъ способомъ не могъ обезоружить религіозную ненависть и высокомѣріе, которому не давалъ даже повода къ жалобамъ на преслѣдованія. Трудности занимаемаго Теодорикомъ положенія выказались явственно только къ концу его правленія, когда его отношенія къ константинопольскому двору измѣнились и заставили его опасаться дѣйствительныхъ заговоровъ или даже тѣни ихъ; въ это время жертвами его подозрительности пали многіе именитые римскіе мужи: въ томъ числѣ погибъ и *Боэцій*, человѣкъ всѣми уважаемый, замѣчательный государственный дѣятель, философъ и писатель, пользовавшійся вниманіемъ и самого Теодорика. Это происходило въ 524 г.; два года спустя, въ 526 г., Теодорикъ умеръ въ своемъ равеннскомъ дворцѣ, на 37 году своего правленія, на 33 году послѣ вступленія въ Италію. Этому господству Готовъ грозили большія опасности, тѣмъ болѣе, что Теодорикъ не оставилъ по себѣ сына, и власть его перешла къ десятилѣтнему внуку, *Аталариху*, за котораго въ качествѣ регентши правила его мать, *Амалазунта*.

Галлія до Хлодвига.

Около того же времени, когда Остготы осѣли въ Италіи, въ Сѣверной Галліи образовалось Германское государство при гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели Готское государство въ Италіи. Незадолго до того момента, когда послѣдній изъ западно-римскихъ императоровъ сошелъ съ исторической сцены, Галльская земля была раздѣлена на пять или на шесть самостоятельныхъ частей. Юго-восточная часть, отъ Пириней до Луары, входила въ составъ Вестготскаго царства и была его важнѣй-



Внутренній видъ аріанскаго собора, воздвигнутаго въ 500 г. въ Равеннѣ Теодорикомъ.

Переданъ въ руки римскаго духовенства въ 560 г.; нынѣ извѣстенъ подъ именемъ С. Аполлинаре Нуово.—Здѣсь соборъ представленъ въ своемъ прежнемъ видѣ.

шею частью, въ которой находился центръ царства, городъ *Толоза*; ихъ сосѣди на В., въ долинѣ Роны и Соны, были *Бургунды*; на западѣ, на одномъ изъ полуострововъ, утвердились *Бритты*, вытѣсненные изъ-за моря англо-саксонскимъ владычествомъ; отъ нихъ и самый полуостровъ получилъ на-

Мавзолей Теодорика въ Равеннѣ.

Въ его нынѣшнемъ состояніи.

званіе *Бретани*. Сѣвернѣе, страна отъ Луары до Соммы составляла еще сплошную римскую провинцію, которою и правилъ нѣкій *Сіагрій* въ качествѣ патриція и какъ-бы подъ верховенствомъ имперіи. На этотъ остальной клочокъ римской области съ юго-востока, съ верховьевъ и со средняго теченія Рейна, напирали *Аллеманы*, давно уже переступившіе за Рейнъ; съ сѣвера, съ низовьевъ Рейна—*Франки*, которые уже успѣли овладѣть всею территоріею отъ Сѣвернаго моря до Соммы и Мааса, т. е. нынѣшнею Голландіею и Бельгіею.

Франки (не отдѣльное племя, а союзъ племенъ) раздѣлялись на двѣ большія группы:—Франковъ *рипуарскихъ*, столицею которыхъ былъ римскій городъ *Колонія*, и Франковъ *салическихъ*; среди послѣднихъ преобладающею властью пользовался сикамбрскій родъ, носившій прозваніе *Меровинговъ*. Франки и Аллеманы были еще язычники. Бургунды и Вестготы были христіанами аріанскаго толка, между тѣмъ какъ исконное населеніе Галліи, обращенное въ христіанство еще въ IV в., принадлежало къ каѳолической Церкви. Франки, подвигаясь впередъ медленнѣе прочихъ германскихъ народовъ, являвшихся на римской территоріи, укоре-

нялись однакоже тверже ихъ на своихъ новыхъ посельяхъ; они всѣ очень быстро перешли къ земледѣлію и образовали много маленькихъ отдѣльныхъ государствъ подъ властью королей.

Хлодвигъ. 481.

Въ 481 г. умеръ меровингъ Хильдерикъ, и 15-ти-лѣтній сынъ его, *Хлодвигъ* (или Хлодовей), провозглашенъ былъ королемъ салійскихъ Франковъ. Не видимъ у него никакихъ благородныхъ и рыцарскихъ качествъ германскихъ королей-воиновъ: — это истый варваръ, алчный до власти и корысти, котораго вовсе не коснулось высшее развитіе римскаго міра, даже и среди своего паденія и растлѣнія все же способнаго дѣйствовать возвышающимъ и облагораживающимъ образомъ на такихъ дѣятелей, какъ Теодорикъ. И самое христіанство не оказало на Хлодвига ни малѣйшаго вліянія: и будучи язычникомъ, и впослѣдствіи, будучи христіаниномъ, онъ дѣйствовалъ безъ зазрѣнія совѣсти тамъ, гдѣ дѣло шло о расширеніи его власти и владѣній.

Побѣда надъ Сіагріемъ.

Онъ не долго медлилъ: въ 486 г., будучи 19-ти-лѣтнимъ юношей, Хлодвигъ напалъ, во главѣ своей дружины, на Сіагрія, разбилъ его при Суассонѣ и (когда тотъ былъ выданъ ему запуганнымъ вестготскимъ королемъ Аларихомъ II) велѣлъ его казнить. Завоеваніе страны было весьма не затруднительно, такъ какъ римское правительство не было любимо населеніемъ. Отдѣльные города, одинъ за другимъ, капитулировали и переходили на сторону побѣдителя, который получилъ полнѣйшую возможность надѣлить своихъ дружинниковъ землею, не особенно стѣсняя высшіе классы романскаго населенія. Казенныхъ земель и конфискацій, неизбѣжныхъ при каждомъ завоеваніи, оказалось уже достаточно, чтобы снабдить короля и всю его свиту аллодіями (удѣлами).

Пораженіе Аллеманамъ и принятіе христіанства. 496.

Въ 493 г., въ самый годъ пораженія Одоакра, юный король вступилъ въ бракъ, который былъ весьма обиленъ послѣдствіями. Онъ женился на Хротегильдѣ, дочери бургундскаго короля Хильперика, убитаго роднымъ своимъ братомъ Гундобальдомъ. Хротегильда вскорѣ съумѣла подчинить супруга своему вліянію, и, сама будучи ревностной христіанкой, старалась всѣми силами и Хлодвига обратить въ свою вѣру. Богословскія пренія супруговъ, насколько ихъ передаетъ намъ историкъ Франковъ, епископъ Григорій Турскій, даютъ намъ возможность заглянуть въ кругъ понятій этихъ франкскихъ вождей. Хротегильда настаивала, чтобы супругъ ея молился Истинному Богу, создавшему небо и землю; Хлодвигъ возражалъ ей, что небо и земля, по его мнѣнію, скорѣе созданы его богами. «Вашъ Богъ», замѣтилъ онъ женѣ, «очевидно существо весьма слабое,— да къ тому же еще Онъ и родомъ-то не изъ боговъ». Но несмотря на эти разсужденія, онъ соглашается, чтобы старшій сынъ ихъ былъ крещенъ; но этотъ сынъ умираетъ. «Вотъ вѣдь, будь онъ посвященъ во имя моихъ боговъ, такъ и теперь бы еще былъ живъ» — заявилъ опечаленный король. Нѣсколько времени спустя, у королевы родился другой сынъ: заболѣлъ было и этотъ, но по молитвѣ Хротегильды выздоровѣлъ. Вообще замѣтно, что вопросъ о принятіи христіанства занимаетъ короля и онъ ясно сознаетъ выгоды подобнаго шага; но его останавливаетъ такое соображеніе: до того времени языческіе боги доставляли побѣды ему и его воинамъ, а христіанскій Богъ, Богъ побѣжденныхъ, выказывалъ Себя не

особенно могущественнымъ. Военное событіе подало поводъ къ тому, чтобы Хлодвигъ рѣшился наконецъ сдѣлать шагъ, необходимость котораго была очевидна. Аллеманы, которымъ Готское царство мѣшало продвинуться на югъ, давно уже тѣснили Франковъ рипуарскихъ и ихъ короля Альберта, который, при новомъ нападеніи Аллемановъ, призвалъ Хлодвига на помощь (496 г.). Между Рейномъ и Маасомъ, при Тольбіакѣ, дѣло дошло до битвы:—и въ этой битвѣ впервые Хлодвигъ обратился къ Богу христіанъ со своей языческой молитвой: «Іисусъ Христосъ», — такъ передаетъ намъ эту молитву Григорій Турскій,— «Хротегильда говоритъ, что Ты Сынъ Бога Живаго и даруешь побѣды тѣмъ, кто на Тебя уповаетъ: если Ты даруешь теперь побѣду мнѣ, то я въ Тебя стану вѣрить и дозволю себя окрестить во Имя Твое: ибо я взывалъ къ своимъ богамъ, но они мнѣ не оказали помощи». И вотъ, побѣда, колебавшаяся на ту и на другую сторону, была рѣшена: Аллеманы обратились въ бѣгство. Пораженіе ихъ было полное; они утратили значительную часть своей территоріи, которую затѣмъ Хлодвигъ взялъ себѣ, включивъ ее въ достояніе короны, а нѣкоторую долю ея раздѣлилъ на участки между своею знатью и воинами; въ то время даже и часть Баваріи, и часть Вюртемберга — отошли къ франкскимъ владѣніямъ, и только весьма опредѣленно выраженная воля Теодорика воспрепятствовала франкскому королю еще шире раздвинуть предѣлы своихъ владѣній. Но Аллеманы, послѣ нанесеннаго имъ пораженія, утратили всякое значеніе среди германскихъ племенъ.

Крещеніе Холдвига.

Хлодвигъ, послѣ побѣды, не замедлилъ исполнить свой обѣтъ, что было вдвойнѣ необходимо и еще легче исполнимо теперь, когда его власть распространилась еще на новыя, обширныя области. Христіанство уже составляло въ то время великую духовную силу, правившую всѣми мірскими дѣлами, и было совершенно ясно, что прочная власть могла установиться на романской почвѣ и была доступна только тому побѣдоносному меньшинству, которое было-бы единовѣрно съ большинствомъ побѣжденныхъ. Особенно благопріятнымъ въ данномъ случаѣ было то условіе, что Хлодвигъ имѣлъ полнѣйшую возможность свободнаго выбора между обѣими формами исповѣданія, господствовавшими въ то время, — между каѳолическою и аріанскою. Онъ не поколебался избрать первую изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что она уже начинала значительно преобладать надъ аріанствомъ, и даже среди Германцевъ переходы изъ аріанства въ лоно каѳолической Церкви были уже не рѣдки (такъ напр. было съ Бургундами); и вотъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ противниковъ аріанской ереси, епископъ реймскій *Ремигій*, совершилъ крещеніе надъ Хлодвигомъ и его дружиной. Это происходило въ Реймсѣ, въ самое Рождество (496 г.) и здѣсь уже ясно выказалось то умѣнье, съ которымъ современное духовенство привлекало къ себѣ этихъ грубыхъ воиновъ. Повидимому, Франки не особенно охотно переходили изъ язычества въ христіанство, не охотно разставались со старыми богами, которые, на ихъ взглядъ, вовсе не были такъ худы, да притомъ и баловали ихъ немалыми успѣхами за послѣднее десятилѣтіе. Но король ихъ рѣшился на этотъ шагъ—и его обращенію старались придать возможно болѣе торжественную обстановку: улицы города были всячески украшены; церковь, въ которой приготовлена была

купель, была кругомъ увѣшана бѣлыми завѣсами, и вся освѣщена множествомъ горящихъ свѣчей. «Весь храмъ»—съ одушевленіемъ повѣствуетъ намъ Григорій Турскій объ этомъ великомъ историческомъ событіи—«былъ исполненъ небеснаго благоуханія и Богъ излилъ столь великую благодать на всѣхъ въ то время присутствовавшихъ въ храмѣ, что всѣмъ имъ казалось, будто они въ раю и вдыхаютъ его благоуханія». И дѣйствительно, со стороны Хлодвига не легко было рѣшиться на этотъ шагъ. «Склони главу твою, Сикамбръ»,—такъ обратился къ королю епископъ,—«покланяйся тому, что ты доселѣ преслѣдовалъ, и преслѣдуй то, чему доселѣ поклонялся». Извѣстіе о крещеніи Хлодвига во всемъ романскомъ мірѣ возбудило великую радость и ликованіе. По этому поводу Григорій Турскій сообщаетъ намъ множество примѣровъ той непримиримой ненависти, съ которою всѣ, принадлежавшіе къ каѳолической Церкви, относились къ исповѣдывавшимъ аріанство. И эта ненависть, это религіозное разъединеніе и были именно тѣмъ зародышемъ гибели, которое уже носили въ себѣ всѣ остальныя германскія государства: и въ этомъ именно смыслѣ государству Хлодвига предстояло великое будущее! Онъ стремился обладать нераздѣльно всею Галліей,—и уже зналъ заранѣе, что всѣ епископы, все духовенство и все романское населеніе будутъ на его сторонѣ.

Бургунды и Вестготы.

Подчиненіе *Бургундовъ* не удалось; власть надъ ними упрочилась въ рукахъ Гундобальда, убійцы отца Хротегильды. Что же касается до борьбы съ *Вестготами*, которую Хлодвигъ началъ въ 507 г., то онъ и самъ ее называлъ «религіозною войною». Григорій Турскій влагаетъ ему въ уста такія рѣчи: «мнѣ больно видѣть, что часть Галліи находится въ рукахъ этихъ аріанъ; пойдемъ на нихъ войною, одолѣемъ ихъ съ Божьей помощью, и овладѣемъ ихъ страной». Битва, рѣшившая судьбы Галліи, произошла при *Вуглэ*, невдалекѣ отъ Пуатье. Готы и король ихъ Аларихъ II бились храбро, но войско Хлодвига, повидимому, оказалось болѣе выносливымъ и лучше устроеннымъ: — Готы были разбиты, самъ Аларихъ палъ въ битвѣ или во время бѣгства и Хлодвигъ завладѣлъ всею страною до самой Гаронны. Остальныя владѣнія Готовъ въ Галліи и въ Испаніи были спасены только вмѣшательствомъ Теодорика, который тщетно пытался воспрепятствовать войнѣ, возгорѣвшейся между двумя родственными ему королями; эти остатки Готскаго царства перешли во власть несовершеннолѣтняго Амалариха, сына погибшаго въ битвѣ Алариха. Около этого времени, Хлодвигъ получилъ отъ константинопольскаго двора титулъ патриція и проконсула—неизвѣстно, по просьбѣ-ли, или безъ всякаго ходатайства, по благорасположенію восточно-римскаго правительства. Титулъ этотъ, однакоже, значительно облегчилъ сліяніе двухъ народностей и даже въ среду приближенныхъ короля внесъ нѣкоторое равновѣсіе и равномѣрность отношеній; а дворъ его, теперь пребывавшій въ Лутеціи (Парижѣ),—этомъ естественномъ центрѣ управленія Галліею,—былъ дѣйствительно разнообразенъ по составу: тутъ видимъ и епископовъ, и знатныхъ вельможъ романскаго происхожденія, и грубыхъ представителей франкской дружины Хлодвига.

Сліяніе Франковъ.

Послѣднимъ дѣломъ Хлодвига было сліяніе рипуарскихъ Франковъ съ салическими. Онъ подчинилъ своей власти мелкія владѣнія въ области

салическихъ Франковъ и выказалъ при этомъ много хитрости и жестокости. Короля рипуарскихъ Франковъ, Сигберта, онъ устранилъ очень просто, подговоривъ его сына — убить отца; а затѣмъ и къ сыну подослалъ убійцъ. Послѣ этого онъ былъ провозглашенъ королемъ и рипуарскихъ Франковъ. Но этому едва-ли можно удивляться въ виду того, что и нравственный уровень современнаго духовенства былъ далеко не высокимъ. Григорій Турскій, подробно излагая намъ всѣ эти ужасы, наивно добавляетъ: «Богъ, что ни день, преклонялъ предъ нимъ враговъ его и распространялъ его царство»... Въ 511 г. Хлодвигъ умеръ, еще въ цвѣтѣ лѣтъ и мужественной силы.

Наслѣдники Хлодвига. 511.

Послѣ Хлодвига осталось четверо сыновей — Теодорикъ, Хлодомаръ, Хильдебертъ и Клотаръ—и тотчасъ же выяснилось, какъ эти наслѣдники Хлодвига были мало проникнуты пониманіемъ возложенной на нихъ государственной задачи:—они подѣлили царство отца на четыре части и каждый избралъ себѣ въ своей части особую столицу. Реймсъ, Орлеанъ, Парижъ, Суассонъ—одновременно явились столицами. Настоящимъ наслѣдникомъ Хлодвига явился Теодорикъ, происходившій не отъ брака съ Хротегильдой. Несмотря на это раздѣленіе власти и на тѣ дурныя послѣдствія, какія оно имѣло во внутреннемъ управленіи, мощь Франковъ и въ ближайшія десятилѣтія проявилась новыми воинскими предпріятіями: такъ напримѣръ въ 551 г. видимъ франкское войско, побѣдоносно оттѣсняющее Тюринговъ отъ ихъ западной границы; въ 534 г., послѣ долгой борьбы, былъ положенъ конецъ и *Бургундскому* королевству.

Восточно-римскій дворъ.

Въ то время, какъ это происходило на Западѣ, на Востокѣ уже шли приготовленія къ такому предпріятію, которое угрожало господству Франковъ не только въ настоящемъ его объемѣ, но и въ будущемъ его распространеніи. При *восточно-римскомъ* дворѣ принято было рѣшеніе, вновь возстановить единство Римской имперіи и вооруженною рукою положить конецъ захватамъ владѣній и власти на Западѣ.

Императоръ Юстиніанъ.

На эти узурпаціи никогда не смотрѣли въ Константинополѣ какъ на нѣчто окончательно рѣшенное. Тамъ еще живо было сознаніе единства имперіи, тамъ величавое и громкое наименованіе «*Римской Имперіи*» было не пустымъ словомъ. Обыкновенно, описывая внутреннее состояніе Восточно-Римской имперіи, обращаютъ, главнымъ образомъ, вниманіе на двѣ бытовыя черты, какъ на особенно-характерныя и выдающіяся: на догматическіе споры и на борьбу партій цирка. Но эта до самозабвенія доходящая горячность въ спорахъ религіозныхъ вовсе не можетъ быть названа чертою характерною, такъ какъ она проявлялась не только въ Восточно-Римской имперіи и не только въ это время; да и едва-ли заслуживаетъ порицанія та черта человѣческой натуры, что, разъ проникнувъ въ область религіознаго мышленія, она страстно стремится разгадать, разслѣдовать его тайны. Иногда случается при всѣхъ подобныхъ спорахъ (а тутъ это случалось въ особенности часто), что спорившіе не сходились въ *словахъ*, и изъ-за одного слова возникали партіи, которыя, слѣдовательно, были не болѣе осмыслены, нежели пристрастіе къ голубому или зеленому цвѣту одежды возницъ при конскихъ ристаніяхъ въ циркѣ, которыми тоже страстно увлекалось въ ту пору все населеніе Константинополя.

Но и это явленіе не было ни новымъ, ни характернымъ,—уже въ послѣдніе годы римской республики пристрастіе къ такого рода играмъ проявлялось въ Римѣ съ болѣзненною горячностью. Иноземцы, посѣщавшіе Римъ, уже и тогда удивлялись, до какой степени эти игры могли быть предметомъ всѣхъ разговоровъ въ столицѣ: а чѣмъ болѣе деспотизмъ и его чиновничество подавляли въ столичномъ населеніи живой интересъ къ болѣе важнымъ вопросамъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе страстно оно должно было относиться къ подобнымъ пустякамъ. Вмѣстѣ съ другими пороками и безобразіями древняго Рима, и эта страсть къ играмъ цирка была перенесена въ «Новый Римъ», и, какъ это бываетъ очень часто, она тамъ еще возросла и достигла наконецъ чудовищныхъ размѣровъ. Сначала существовали въ циркѣ четыре цвѣта, по которымъ отличали запряжки коней, ихъ возницъ и ихъ собственниковъ; позднѣе, только два цвѣта, зеленый и голубой: и каждый изъ присутствующихъ почиталъ долгомъ стать на сторону тѣхъ или другихъ; легко можетъ быть, впрочемъ, что за этою принадлежностью къ партіямъ цирка скрывались и церковные, и политическіе интересы различныхъ группъ населенія. И какъ ни была своеобразна эта картина политической жизни партій по отношенію къ нѣкоторымъ сторонамъ общественнаго быта и жизни, однакоже эти болѣе выдающіяся въ ней стороны ничуть не были важнѣйшими въ современной жизни государства, которое императоры—*Зенонъ* (съ 474 г.), *Анастасій* (съ 491 г.) и *Юстинъ* (съ 518 г.)—всѣми силами старались вновь укрѣпить, послѣ того, какъ имъ были пережиты бурные періоды послѣдней половины вѣка. И мы видимъ дѣйствительно, что всюду въ государствѣ

Юстиніанъ со своею свитою. По современной мозаикѣ—въ Равеннѣ.

царитъ порядокъ въ управленіи, избытокъ въ казнѣ государственной, и войско вновь приведено въ такое положеніе, въ которомъ оно могло представлять собою грозную силу. И вотъ, въ 527 г. на престолъ вступилъ племянникъ Юстина, *Юстиніанъ*, и вступилъ въ возрастѣ вполнѣ зрѣ-

ломъ — ему было 45 лѣтъ. Съ его именемъ связано безсмертное дѣяніе, нѣкогда задуманное великимъ Цесаремъ, но которое могло быть совершено только теперь, 500 лѣтъ спустя: полное собраніе римскаго права въ видѣ громаднаго сборника законовъ—Corpus juris Romani,—надъ составленіемъ котораго, съ самаго начала его царствованія, трудились цѣлыя комиссіи замѣчательныхъ юристовъ, въ существеннѣйшихъ чертахъ закончившія его къ 534 году. Собравъ, въ наглядномъ сопоставленіи, результаты тысячелѣтняго развитія права, Юстиніанъ закрѣпилъ одно изъ великихъ достояній человѣчества, въ принципѣ положилъ конецъ рабству и воздвигъ своему царствованію такой же прочный памятникъ, какой воздвигъ и торжествующей Православной Церкви въ видѣ громаднаго храма св. Софіи (т. е. «Премудрости Божіей»). На мгновеніе и Юстиніаново могущество было потрясено призракомъ партій цирка. Императоръ оказывалъ покровительство «*Голубымъ*», и въ 532 г. разразилось вдругъ такое возстаніе «*Зеленыхъ*», что и тронъ, и жизнь императора оказались въ опасности. Однакоже его спасла энергія его супруги *Θеодоры*, которая не даромъ изъ весьма двусмысленнаго положенія возвышена была въ супруги императора и увѣнчана была саномъ Августѣйшей; она вынудила Юстиніана не торопиться рѣшеніемъ, а между тѣмъ *Велизарій*, замѣчательный полководецъ, уже прославившійся въ войнахъ съ Персами, успѣлъ при помощи надежнаго войска подавить возстаніе и залить его пламя кровью *Зеленыхъ*.

Походъ противъ Вандаловъ. 533 г.

Этому же самому полководцу поручено было выполненіе и великаго замысла — возстановленіе «единой Римской имперіи»,—къ которому Церковь относилась весьма сочувственно, такъ какъ съ этимъ было связано искорененіе аріанской ереси. Съ Персами заключенъ былъ миръ, и, въ іюнѣ 533 г., флотъ въ 600 кораблей (съ 16.000 пѣхоты и 5.000 конницы) вышелъ изъ гавани константинопольской, чтобы изъять провинцію *Африку* изъ-подъ власти Вандаловъ.

Вандалы слыли за суровѣйшій изъ всѣхъ варварскихъ народовъ, обрушившихся на территорію Римской имперіи; и имъ-то пришлось осѣсть въ той самой провинціи, которая наиболѣе изобиловала пороками утонченной цивилизаціи: не даромъ одинъ изъ современныхъ христіанскихъ писателей называетъ Африку «клоакой пороковъ»—sentina vitiorum. Болѣе чистые нравы, которые тотъ же самый писатель (Сальвіанъ) похваляетъ у Вандаловъ, не долго устояли противъ напора страшнаго разврата: хищные и суровые Вандалы, озлобленные упорнымъ сопротивленіемъ мѣстнаго населенія, стали имъ править жестоко, но вскорѣ переняли отъ побѣжденныхъ укоренившіеся среди нихъ пороки. Духъ религіознаго фанатизма, отчасти пробужденный борьбою, происходившей на этой почвѣ съ *Донатистами*, вскорѣ овладѣлъ и Вандалами, которые задумали навязать свое аріанство мѣстному населенію, ревностно преданному каѳолической Церкви. Но первоначальный завоеватель страны, *Гейзерихъ*, скончался въ 477 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ и яростныя аріанскія преслѣдованія были пріостановлены и ослаблены; при болѣе мягкомъ правителѣ, *Хильдерикѣ* (съ 523 г.), приняты были даже мѣры къ умиротворенію этой религіозной вражды и къ установленію нѣкоторой вѣротерпимости, но это

было уже поздно: все мѣстное населеніе было проникнуто страшною злобою и ненавистью противъ Вандаловъ и жаждало освобожденія и отмщенія своимъ притѣснителямъ. Хильдерикъ въ 530 г. былъ свергнутъ *Гелимеромъ* или замѣщенъ имъ, и на долю Гелимера теперь выпадала трудная задача—защитить владычество ненавистнаго меньшинства (число Вандаловъ не превышало 80.000 человѣкъ) противъ полководца, способнаго воспользоваться всѣми выгодами положенія. Въ сентябрѣ 533 г. Велизарій высадился въ Африкѣ; столь грозная въ былое время морская сила Вандаловъ была уже не прежняя. Нѣсколько городовъ тотчасъ же открыли ему ворота и уже первая битва—въ 10 миляхъ отъ Карѳагена—повлекла за собою утрату столицы, и Велизарій, со своей стороны, не замедлилъ возстановить сильныя укрѣпленія этого города, пришедшія въ упадокъ подъ властью Вандаловъ. Гелимеръ попытался еще разъ вступить въ битву съ Велизаріемъ; но, несмотря на численное превосходство своего войска, по сравненію съ войскомъ Велизарія, онъ потерпѣлъ пораженіе, и къ веснѣ слѣдующаго, 534 г. завоеваніе Африки было закончено. Гелимеръ, потерявъ бодрость духа, самъ не захотѣлъ продолжать борьбу и принялъ помилованіе, которое ему предложилъ побѣдитель отъ имени императора. Такимъ образомъ все владычество Вандаловъ было прахомъ развѣяно въ три мѣсяца. Съ Гелимеромъ обошлись весьма снисходительно; когда онъ, послѣ тріумфа, котораго Велизарій былъ удостоенъ, бросился къ ногамъ императора, ему указано было одно помѣстье въ Галатіи, какъ постоянное мѣсто жительства; тамъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя и умеръ. Та часть Вандаловъ, которая не захотѣла покориться Римлянамъ и, удалившись въ страну Мавровъ, еще нѣкоторое время продолжала борьбу; но въ сущности, Африка, попрежнему, стала римской провинціей, а вскорѣ и *Сардинія* подчинилась власти восточно-римскаго императора.

Остготы по смерти Теодорика.

Первое начало великаго замысла было выполнено; болѣе трудная часть его—вторичное завоеваніе *Италіи* и *Испаніи*—еще предстояла впереди. Дочь Теодорика, *Амалазунта*, которая правила Остготскимъ царствомъ за несовершеннолѣтняго наслѣдника престола, была женщина умная и образованная, но не годилась въ правительницы для военнаго государства, которое нуждалось именно въ мужской рукѣ; она слышала постоянно отъ всѣхъ окружающихъ укоры въ томъ, что она и будущаго короля остготскаго воспитаетъ какъ римлянина, а эти гордые побѣдители относились къ римскому образованію свысока, съ наивною грубостью невѣжества. Но вскорѣ воспитываемый Амалазунтою наслѣдникъ умеръ; она предположила однакоже, что удержитъ власть въ своихъ рукахъ, принявъ въ соправители къ себѣ одного изъ родственниковъ своихъ, *Теодахата*. Она при этомъ удержала за собою первое мѣсто въ правленіи, и вполнѣ справедливо, такъ какъ новый король былъ человѣкомъ весьма мало-способнымъ, занимался только, во вкусѣ того времени, богословскими тонкостями и совсѣмъ не годился быть вождемъ готской воинственной знати; но чѣмъ менѣе онъ имѣлъ значенія, тѣмъ болѣе требовалъ онъ къ себѣ вниманія. Поэтому онъ рѣшился избавиться отъ королевы и сначала посадилъ ее въ заточеніе, а потомъ, по требованію ея враговъ, даже приказалъ ее убить (535 г.). Такъ какъ Амалазунта поддерживала постоян-

ныя сношеніи съ императоромъ Юстиніаномъ (а этотъ германо-романскій міръ былъ полонъ лжи и невѣжества), то убіеніе ея дало ему удобный предлогъ для вмѣшательства.

Велизарій въ Италіи. Война 534—540.

Велизарію вновь было поручено начальство надъ всѣми войсками. Экспедиція направилась сначала въ Африку, которая избрана была удобнымъ операціоннымъ базисомъ. Еще разъ убѣдившись въ тѣсной связи этой провинціи съ имперіей, Велизарій переправился въ Сицилію и овладѣлъ островомъ безъ всякаго затрудненія, такъ какъ только въ Палермо встрѣтилъ онъ нѣкоторое сопротивленіе со стороны засѣвшаго тамъ готскаго гарнизона. Теодахатъ, одновременно, напуганный наступательнымъ движеніемъ войскъ римскихъ съ сѣвера, изъ Далмаціи, поспѣшилъ прибѣгнуть къ переговорамъ, и такимъ образомъ было упущено время къ отраженію нападенія, и Велизарій, въ 536 году, завоевалъ всю Южную Италію, отъ Регіума и до Неаполя, при чемъ взялъ и этотъ городъ послѣ непродолжительной осады. Только тутъ уже на-половину побѣжденная нація ободрилась и рѣшилась дать мужественный отпоръ. На шумномъ народномъ собраніи, близъ Рима, Готы провозгласили королемъ *Витигеса*, бывшаго оруженосца Теодахатова,—воина испытанной храбрости, хотя и далеко не знатнаго происхожденія; а несчастный Теодахатъ, во время бѣгства въ Равенну, былъ убитъ. Вскорѣ послѣ того, когда войско Велизарія приблизилось къ Риму, въ городѣ произошло возстаніе; готскій гарнизонъ отступилъ въ Равенну, гдѣ Витигесъ собиралъ всѣ воинскія силы своего народа, и Велизарій уже провелъ Рождественскіе праздники въ древней столицѣ имперіи, отъ которой ключъ отправилъ императору въ Константинополь (536 г.). Но на этомъ его успѣхи и закончились: весною 537 г. Витигесъ явился подъ стѣнами Рима съ готскимъ войскомъ, которое было гораздо многочисленнѣе небольшого войска Велизаріева. Съ изумительнымъ искусствомъ велъ Велизарій оборону города, даже и тогда, когда его сталъ тѣснить голодъ и вызвалъ въ городѣ попытки предательства. Стѣна Адріана оказалась надежнымъ оплотомъ; когда же наконецъ прибыли нетерпѣливо ожидаемыя подкрѣпленія, то Готы уже настолько оказались истощенными долгою осадою, что должны были её снять (мартъ 538 г.) и Велизарій вновь перешелъ къ наступленію. Паденіе готскаго владычества казалось уже близкимъ, городъ Миланъ уже возсталъ противъ нихъ, и оба полководца—Велизарій и евнухъ Нарзэсъ, подоспѣвшій къ нему съ подкрѣпленіями—собирались уже подступить къ Равеннѣ, послѣдней позиціи Остготовъ, какъ вдругъ нежданнымъ препятствіемъ этому движенію явилось иноземное вмѣшательство въ эту войну и раздоръ, возникшій между обоими полководцами. До этого времени франкскіе короли держались въ сторонѣ отъ этой борьбы: въ ихъ прямыхъ интересахъ было бы, конечно, желать, чтобы борьба Готовъ съ Римлянами продлилась подолѣе, взаимно ослабляя и ту, и другую сторону. Но теперь, когда уже гибель Готовъ была близка, король *Теодебертъ* (человѣкъ дальновидный), правившій австразійскою частью Франкскаго государства, склонился на просьбы Витигеса, доведеннаго до отчаянія: онъ приказалъ бургундо-франкскимъ полчищамъ двинуться въ Италію и оказать помощь Готамъ при усмиреніи миланскаго возстанія. Это приказаніе ко-

роля было выполнено въ точности и бургундскія вспомогательныя войска приняли свою долю участія въ кровавой мести населенію и въ грабежѣ Милана. На слѣдующій годъ уже и самъ король Теодебертъ явился въ Италію съ большимъ войскомъ, не объявляя даже, противъ кого онъ думаетъ воевать. Опустошивъ Сѣверную Италію, онъ вновь удалился восвояси (539 г.). Наконецъ, въ 540 г. Велизарій достигъ своей цѣли. Онъ двинулся къ *Равеннѣ* и обложилъ ее, между тѣмъ какъ Юстиніанъ, который уже начиналъ опасаться подвиговъ своего полководца, склонялся къ принятію тѣхъ мирныхъ предложеній, съ которыми обращались къ нему Готы, доведенные до крайности. Когда они, изморенные голодомъ, уже не могли долѣе держаться въ Равеннѣ, они пришли къ очень странному рѣшенію, достойному воинственнаго народа: они предложили своему побѣдителю быть королемъ Готовъ и всей Италіи — и, конечно, если бы Велизарій принялъ это предложеніе, то никто бы не былъ этимъ удивленъ. Но не таковъ былъ Велизарій: онъ былъ монархистъ по убѣжденію и высшею цѣлью его честолюбія было честное служеніе императору во главѣ другихъ вельможъ, на пользу возвеличенія Римской имперіи. Поэтому онъ воспользовался расположеніемъ къ нему осажденныхъ, не принялъ лично касавшіяся его предложенія ихъ, но и не отвергъ: отъ имени Юстиніана онъ овладѣлъ городомъ. Вскорѣ вслѣдъ за этимъ покореніемъ послѣдовало подчиненіе и другихъ городовъ; а между тѣмъ, всѣ съѣзжавшіеся около этого времени въ Равенну князья остготскіе предполагали, что цѣль ихъ съѣзда—провозглашеніе новаго короля.

Велизарій отозванъ.

Но преданность Велизарія императору была выше всѣхъ подобныхъ соблазновъ. Въ самомъ блескѣ своихъ побѣдъ и славы, онъ получилъ императорскій указъ, которымъ онъ былъ отозванъ изъ Италіи, и ему, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, предложено было командованіе греческими войсками во вновь возгорѣвшейся войнѣ противъ Персовъ. Онъ повиновался немедленно, захватилъ съ собою наиболѣе цѣнную часть добычи—казну Теодорика—и самаго важнаго изъ своихъ плѣнниковъ, сверженнаго короля Витигеса, и, по пріѣздѣ въ Константинополь, принесъ въ даръ императору эти несомнѣнныя доказательства полной побѣды. Съ Витигесомъ обошлись весьма хорошо, и такъ какъ онъ отрекся отъ аріанства, то получилъ даже высокій санъ патриція, котораго не былъ удостоенъ менѣе покладливый король Вандаловъ, не пожелавшій измѣнить аріанству.

Король Тотила.

Велизарій былъ поспѣшно отозванъ изъ Италіи, вслѣдствіе-ли возбужденнаго противъ него недовѣрія, или же вслѣдствіе придворныхъ интригъ, и положеніе дѣлъ въ Италіи измѣнилось сразу. Готы были проникнуты уваженіемъ къ своему побѣдителю, и кажется, что они Велизарію лично обязались повиновеніемъ въ заключенномъ съ нимъ договорѣ. Чуть только онъ покинулъ Италію, мятежъ опять поднялся всюду. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, нашелся и настоящій вождь въ лицѣ *Тотилы*, племянника Витигесова, который оправдалъ выборъ народа цѣлымъ рядомъ блестящихъ успѣховъ. Готы довольно быстро вернули себѣ свое владычество; притомъ же и романское населеніе на опытѣ убѣдилось въ томъ, что самое правленіе Готовъ (хотя, можетъ-быть, въ частностяхъ и

нѣсколько суровое), было все-таки гораздо менѣе тягостнымъ, нежели правленіе императорское, съ его невыносимою системою податей, отъ которой въ особенности страдало внѣ-городское населеніе. Императорскія войска, весьма ограниченныя по числу, стали опасаться своего положенія, тѣмъ болѣе, что уже не было ихъ главной надежды и опоры—геніальнаго вождя, къ которому они привыкли. Надежды Готовъ вновь оживились и въ 541 — 544 гг. они успѣли даже возстановить свое господство надъ всѣми южными областями Италіи—Луканіей, Апуліей и Калабріей. Императорскій дворъ долженъ былъ рѣшиться вновь послать Велизарія въ Италію. Но, какъ это очень часто случается въ правленіяхъ единодержавныхъ, гдѣ воля одного лица рѣшаетъ дѣло, поддаваясь нерѣдко вліяніямъ совершенно противуположнымъ, — такъ случилось и въ данномъ случаѣ: въ Константинополѣ стремились достигнуть цѣли, не давая средствъ на ея выполненіе. Съ тѣмъ небольшимъ количествомъ войскъ, какія еще находились въ Италіи и едва могли держаться въ городахъ, Велизарій, конечно, ничего не могъ предпринять. Такимъ образомъ, въ декабрѣ 546 г. Тотилѣ удалось весьма смѣлое предпріятіе: — онъ вернулъ Римъ подъ власть Готовъ. Правда, что, немного спустя, Велизарію посчастливилось вновь завоевать Римъ; но такъ какъ и послѣ этого отчаяннаго усилія ему не прислали никакихъ подкрѣпленій изъ Константинополя и онъ не могъ закончить войну противъ Готовъ, также истощенныхъ ею, то въ 549 г. онъ былъ вторично отозванъ въ Константинополь.

Война съ 550—553 г. Конецъ Готскаго царства.

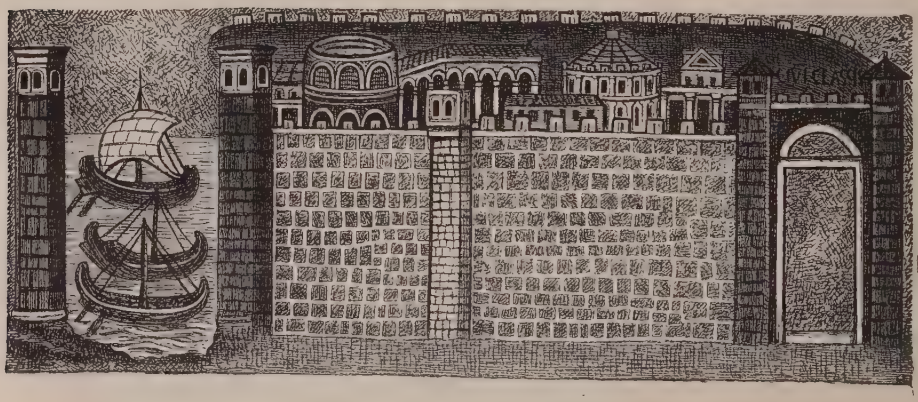
И вотъ вся страна вновь оказалась въ рукахъ Готовъ и Тотила перенесъ въ Римъ столицу Остготскаго королевства повидимому прочно установившагося вновь. И острова Сицилія, Сардинія, Корсика вторично подчинились власти Готовъ. Къ чести Тотилы слѣдуетъ отнести то, что онъ не вознесся и попытался заключить мирный договоръ съ императоромъ Юстиніаномъ; но тотъ, хоть и не будучи ни воиномъ, ни особенно дальновиднымъ государемъ, обладалъ однакоже извѣстнаго рода упорствомъ, которое всегда побуждало его доводить начатое дѣло до конца. Ему была очевидна слабость Готовъ, которые для большинства населенія были чуждыми, извнѣ вторгнувшимися иноплеменниками; и дѣйствительно, какъ только проникъ въ Италію слухъ о новыхъ военныхъ приготовленіяхъ въ Константинополѣ, такъ тотчасъ же оживился мятежный духъ въ мѣстномъ населеніи. Для этой второй и болѣе настойчивой попытки завоеванія Италіи Юстиніанъ весьма удачно избралъ евнуха *Нарзэса*, уже начальствовавшаго войсками въ Италіи, во время перваго похода, и притомъ умѣвшаго гораздо искуснѣе простодушнаго Велизарія достигать своихъ цѣлей среди непрерывныхъ козней и интригъ Константинопольскаго двора. Ему была дана достаточная военная сила, съ которою онъ съ сѣвера подступилъ къ Равеннѣ, гдѣ еще держался римскій гарнизонъ. Соединивъ здѣсь все свое войско, Нарзэсъ сразился съ Тотилою въ открытомъ полѣ; сраженіе произошло при *Тагинэ*, деревенькѣ въ окрестностяхъ Рима. Здѣсь Готы понесли тяжкое пораженіе, которое оказалось еще болѣе гибельнымъ вслѣдствіе того, что въ битвѣ палъ и самъ король ихъ. Затѣмъ Нарзэсъ побѣдителемъ вступилъ въ Римъ, который, такимъ образомъ, пятый разъ въ теченіе царствованія Юстиніана перешелъ въ иныя руки (552). Тѣмъ временемъ Готы, от-

ступившіе на сѣверъ, избрали себѣ, въ Павіи, новаго короля *Тейя*, который рѣшился еще разъ вступить въ битву съ римскимъ войскомъ. Въ Кампаніи, при р. Сарнѣ или при *Лактарской* горѣ, произошла послѣдняя битва Римлянъ съ Готами, закончившаяся громаднымъ пораженіемъ послѣднихъ. Ихъ ново-избранный король выказалъ себя достойнымъ представителемъ своего мужественнаго народа, и вотъ какъ римскій бытописатель разсказываетъ намъ о его послѣднемъ подвигѣ. Онъ бился въ самой серединѣ ожесточенной сѣчи; всѣ метательныя копья Римлянъ были противъ него направлены, и вотъ, въ то время, когда онъ перемѣнялъ щитъ, отягощенный засѣвшими въ немъ дротиками, роковой ударъ поразилъ его на-смерть. Дружина, вѣрная германскому обычаю (дружинники считалось позоромъ пережить своего господина), продолжала биться, пока ночь не положила конецъ битвѣ, которая длилась и весь слѣдующій день: только на третье утро оставшійся въ живыхъ остатокъ Готовъ вступилъ въ переговоры (553). Въ слѣдующемъ году угасающій уже жаръ войны нашелъ таки себѣ поддержку въ тѣхъ толпахъ Франковъ и Аллемановъ, которыя нахлынули на театръ войны подъ предводительствомъ своихъ герцоговъ, алчныя грабежа и крови. Неудержимо стремились они впередъ, все опустошая и раззоряя: Аллеманы (еще язычники) не щадили и христіанскихъ храмовъ. Одинъ изъ ихъ герцоговъ мечталъ даже о томъ, что съумѣетъ, подобно Теодорику, захватить въ свои руки власть надъ всей Италіей, такъ какъ, дѣйствительно, на нѣкоторое время, они овладѣли чуть-ли не всѣмъ полуостровомъ, почти не встрѣчая сопротивленія. Однакоже Нарзэсъ отлично понималъ, что ихъ воинственность должна была уменьшаться по мѣрѣ того, какъ возрастала ихъ добыча. Онъ напалъ на нихъ въ Кампаніи, при Вольтурно, и здѣсь еще разъ произошла такая же битва, какъ нѣкогда при Теламонѣ и при Верцеллэ, — битва правильно-устроеннаго и хорошо обученнаго войска противъ храбрыхъ и многочисленныхъ варварскихъ-полчищъ; говорятъ, что изо всѣхъ германскихъ хищниковъ, участвовавшихъ въ этой битвѣ, только пятеро успѣли спастись и уцѣлѣть (554). Послѣ этой побѣды

Готскій воинъ. Равеннская небольшая мраморная фигура изъ временъ Теодорика или его наслѣдниковъ. Хранится въ Равеннѣ, въ надмогильной часовнѣ экзарха Исаака.

Нарзэсъ отпраздновалъ въ Римѣ тріумфъ—послѣдній воинскій тріумфъ въ этомъ городѣ. Послѣднія толпы Готовъ и ихъ необузданныхъ союзниковъ, которыя еще появлялись то тутъ, то тамъ—были уже не страшны; часть ихъ еще вò-время успѣла изъявить покорность и слилась впослѣдствіи съ остальнымъ населеніемъ Италіи; часть—выселилась изъ Италіи; долѣе всѣхъ сопротивлялся готскій отрядъ въ 7.000 человѣкъ, засѣвшій въ крѣпости Компза. Въ 555 году война могла уже считаться оконченною.

Экзархатъ. Нарзэсъ, съумѣвшій внушить къ себѣ уваженіе или опасеніе при Константинопольскомъ дворѣ, придалъ Италіи новое внутреннее устройство, такъ какъ она теперь вновь обратилась въ провинцію Восточно-Римской имперіи. Еще десять лѣтъ правилъ Нарзэсъ Италіей въ качествѣ экзарха, и этотъ періодъ италійской исторіи носитъ названіе *экзархата*, такъ какъ за это время Италія подчинена была Константинополю и управлялась на греческій ладъ. Одинъ изъ современныхъ германскихъ писателей восхваляетъ Нарзэса за его благочестіе и щедрую раздачу милостыни бѣднымъ и утверждаетъ даже, что его побѣды слѣдуетъ скорѣе приписывать его ночнымъ бдѣніямъ и инымъ молитвеннымъ подвигамъ, нежели воинскому искусству; очевидно, что при Нарзэсѣ духовенство, неохотно подчинявшееся германскому владычеству, вновь получило преобладающее значеніе, и что Нарзэсъ съумѣлъ ему угодить. Однакоже, возстановленіе Рима въ его прежнемъ значеніи нимало не входило въ расчеты константинопольской политики. Экзархъ избралъ себѣ резиденціей



Укрѣпленная гавань Равеннская.
Мозаика въ Равеннской церкви С. Аполлинаре-Нуово (бывшемъ аріанскомъ соборѣ Теодорика)

неприступно укрѣпленную *Равенну*, которая, уже по самому положенію своему на восточномъ берегу, способствовала облегченію сношеній съ восточною половиною имперіи и ея столицей. Нарзэсъ, оставаясь въ своемъ положеніи экзарха, пережилъ и предшественника своего, Велизарія, скончавшагося въ 565 году въ опалѣ, и императора Юстиніана, съ именемъ котораго связано воспоминаніе о возстановленіи господства Восточно-

Римской Имперіи въ Африкѣ, Италіи и нѣкоторой части Испаніи; Юстиніанъ скончался въ одинъ годъ со своимъ великимъ полководцемъ, послѣ 37 лѣтъ правленія, на 83 году жизни. Впрочемъ и Нарзэсу впослѣдствіи пришлось на себѣ испытать превратности дворской милости и благоволенія. Новый императоръ, *Юстинъ II* (565—578), отозвалъ его, внявъ жалобамъ провинціаловъ на его притѣсненія. Онъ умеръ (въ 567 году) въ то самое время, когда уже новая, послѣдняя волна великаго «переселенія народовъ» надвигалась на Италію, чтобы еще разъ ее наводнить полчищами германскихъ воинственныхъ пришельцевъ.

Вторженіе Лангобардовъ, 568.

Этотъ народъ были *Лангобарды*, которые уже и гораздо раньше упоминаются среди Германскихъ народовъ (первоначально въ составѣ Марбуодова царства). Впослѣдствіи они, вѣроятно, были покорены Гуннами, и, вмѣстѣ съ другими племенами, освободились послѣ смерти Аттилы. Во времена Остготскаго господства, они жили въ Панноніи, на югъ отъ средняго теченія Дуная, на мѣстѣ, указанномъ Юстиніаномъ для ихъ поселенія, и переселились они сюда со своихъ прежнихъ поселій, на сѣверъ отъ средняго Дуная. Ближайшими ихъ сосѣдями на востокъ были *Гепиды*, которые ближе чѣмъ Лангобарды соприкасались со слабыми мѣстами Восточно-Римской имперіи. Такимъ образомъ между Лангобардами и Восточно-Римскою имперіею завязались благопріятныя отношенія, основанныя на нѣкоторой общности интересовъ. При покореніи Готовъ Лангобарды даже содѣйствовали имперіи: многіе изъ нихъ служили въ войскѣ Нарзэса: король лангобардскій, *Альбоинъ*, даже отправилъ въ помощь Нарзэсу отборный отрядъ войска. Готы, во время своего властвованія въ Италіи, возбуждали несомнѣнно зависть всѣхъ остальныхъ германскихъ племенъ, такъ какъ обладаніе Италіей, для всѣхъ варварскихъ народовъ, представлялось высшею цѣлью стремленій ихъ и лучшею наградою побѣды; слѣдовательно, можно было даже задать себѣ такого рода вопросъ: который изъ германскихъ народовъ заступитъ мѣсто Готовъ въ Италіи? Мужество Лангобардовъ давно уже было всюду прославлено, да и ихъ тогдашній король *Альбоинъ* пользовался извѣстностью беззавѣтнаго храбреца. Его слава возросла въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ 566 году онъ закончилъ длинный рядъ усобицъ съ Гепидами такою побѣдою, послѣ которой даже и самое имя этого народа почти исчезло: король ихъ Кунимундъ палъ въ битвѣ, его дочь Розамунду побѣдитель взялъ себѣ въ жены, и въ то же время велѣлъ себѣ сдѣлать изъ черепа своего тестя пиршественную чашу. Непосредственно побудилъ Альбоина къ походу въ Италію самъ Нарзэсъ; озлобленный назначеніемъ новаго экзарха, Лонгина, Нарзэсъ рѣшился избрать этотъ дикій и храбрый народъ орудіемъ своей мести. Какъ бы то ни было, но въ 568 году они пустились въ походъ; современные писатели, описывая намъ ихъ внѣшность, упоминаютъ о длинныхъ холщевыхъ одеждахъ, о короткой ихъ обуви, съ кожаными завязками, о ихъ прическѣ, какъ у женщинъ раздѣлявшейся проборомъ посрединѣ. Къ полчищамъ Лангобардовъ примкнули многіе удальцы и изъ другихъ племенъ, потому что никто не сомнѣвался въ успѣхѣ Альбоина; въ его войскѣ видимъ и Гепидовъ, и Болгаръ, и Сарматовъ, и Паннонцевъ, и Свэвовъ, и Норійцевъ; къ нему же присое-

динилась и значительная по числу толпа Саксовъ (около 20.000 человѣкъ, съ дѣтьми и женами), которые, по замѣчанію современнаго историка, звались «старыми друзьями Альбоина». Въ общемъ, однакоже, силы его были не черезчуръ многочисленны. Когда они перешли черезъ Альпы и явились въ Сѣверной Италіи,—они нигдѣ не встрѣтили войска въ открытомъ полѣ. Только Павія, сильно укрѣпленная еще при Готахъ, оборонялась въ теченіе трехъ лѣтъ отъ осаждавшихъ ее Лангобардовъ; когда же, наконецъ, городъ сдался, Альбоинъ здѣсь основалъ свою резиденцію. Господство Лангобардовъ было гораздо болѣе суровымъ, нежели господство Готовъ; война и охота были ихъ излюбленными занятіями, и при этомъ даже сосѣдственныя области Галліи нерѣдко подвергались ихъ разбойничьимъ набѣгамъ; римскихъ подданныхъ своихъ заставляли они заботиться о доставленіи имъ всего необходимаго для жизни, и въ видѣ дани взимали съ нихъ третью долю жатвы.

Господство Лангобардовъ въ Италіи.

Цѣлый рядъ трагическихъ преступленій, о которыхъ разсказъ современнаго лѣтописца читается какъ эпическая поэма,—въ самомъ корнѣ положилъ предѣлъ той власти, которая соединила Лангобардовъ въ грозную силу. Опьяненный виномъ Альбоинъ, однажды, до того забылся на пиру, что заставилъ свою супругу Розамунду пить за его здоровье изъ кубка, въ который былъ оправленъ черепъ ея отца. Павелъ-Дьяконъ, описывающій намъ это событіе, утверждаетъ, что онъ самъ видѣлъ этотъ кубокъ и клянется въ томъ «именемъ Божіимъ». Розамунда отмстила своему супругу за эту безобразную жестокость тѣмъ, что подговорила его оруженосца Хельмихиса и одного изъ его дружинниковъ, Передея, и ввела ихъ въ опочивальню, гдѣ Альбоинъ спалъ въ опьяненіи. Тотъ же лѣтописецъ прибавляетъ, что мечъ Альбоина былъ заклепанъ, и онъ былъ убитъ, лишенный всякой возможности сопротивленія. Но Розамундѣ не въ прокъ пошло ея злодѣйство: всѣ лангобардскіе князья возстали противъ нея; ей удалось однакоже бѣжать со своими сокровищами въ Равенну, и тамъ запутать экзарха Лонгина въ свои сѣти; но ея любимецъ, бывшій оруженосецъ ея мужа, мѣшалъ ей въ достиженіи ея цѣли, и она поднесла ему ядъ: однакоже тотъ догадался, что она дала ему отраву, и силою заставилъ ее выпить остатокъ яда, бывшаго въ кубкѣ (573).

Лангобарды и Римляне.

И король *Клефъ*, наслѣдовавшій Альбоину, былъ также вскорѣ убитъ. Затѣмъ уже короля Лангобарды не избирали, и каждый изъ ихъ 35 князей или герцоговъ (duces) правилъ извѣстнымъ округомъ, въ которомъ онъ былъ полнымъ властелиномъ при помощи своей дружины. Это господство не представляло собою такого правильнаго строя, какъ господство Готовъ, и не могло быть прочнымъ. Прибрежная полоса, Италіи — Романья, Лигурія, Сицилія, Сардинія, Корсика—подчинялись власти *экзарха* и составляли часть Восточной Римской имперіи и при этомъ религіозная рознь, между романскимъ мѣстнымъ населеніемъ и пришлыми завоевателями, ярыми аріанами, давала себя чувствовать еще рѣзче, чѣмъ прежде, такъ какъ Лангобарды стояли на гораздо низшей степени развитія, нежели Остготы. Мало-по-малу Лангобарды сами пришли къ сознанію своей разрозненности, и той опасности, которая ежечасно могла грозить имъ со стороны союза между единовѣрными сосѣдними странами, Франкскимъ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

Указъ Лангобардскаго короля Ротари.

(Правилъ съ 636—663 г.; былъ 17-мъ въ ряду имъ самимъ исчисленныхъ королей).

LXX Si quis alii policem pedes
Если кто-либо большой палецъ ноги
excusserit comp(onat) sol(i)d(os) sedice(m)
отрубитъ (другому), то платитъ солидовъ 16.

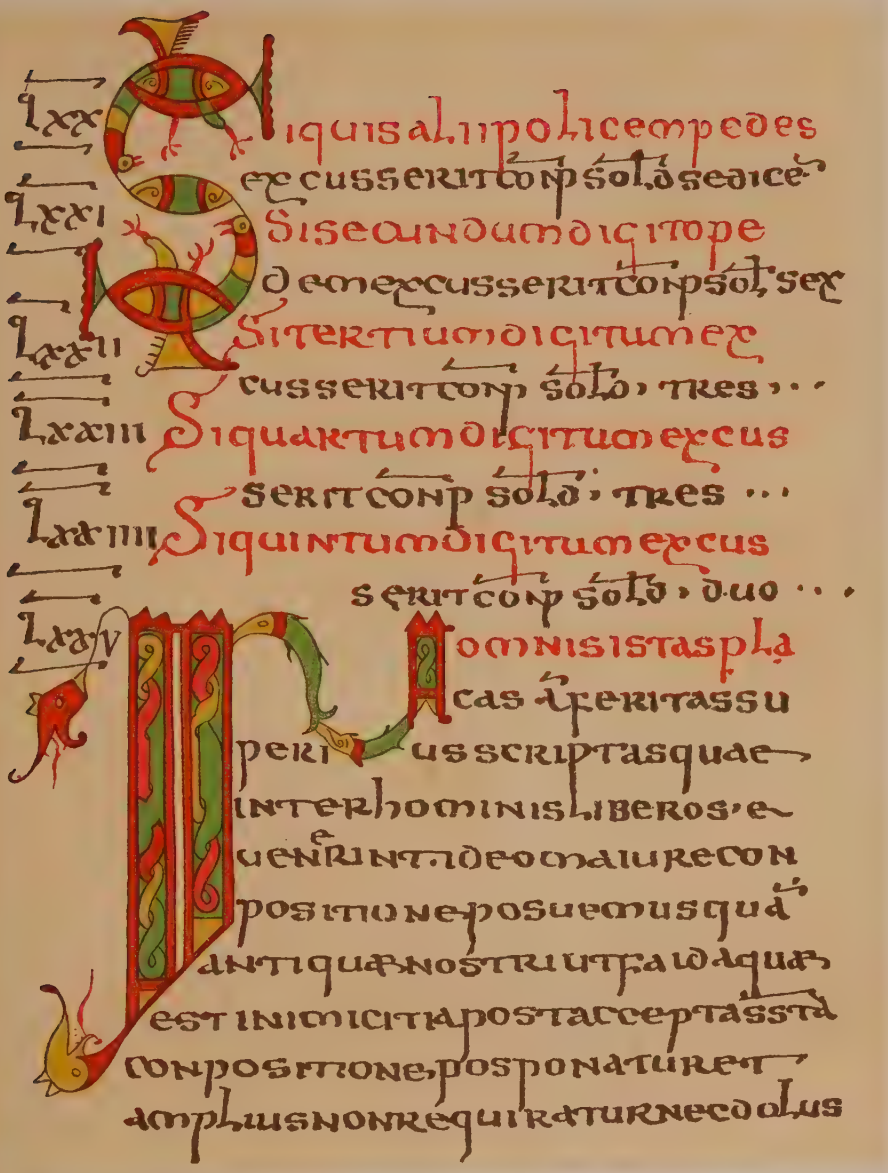
LXXI Si secundum digito pe-
Если второй палецъ но́-
dem excusserit comp(onat) sol(idos) sex
ги отрубитъ—платитъ солидовъ 6.

LXXII Si tertium digitum ex-
Если третій палецъ от-
cusserit comp(onat) sol(i)dos tres.
рубитъ—платитъ солида 3.

LXXIII Si quartum digitum excus-
Если четвертый палецъ от-
serit comp(onat) sol(i)d(os) tres.
рубитъ—платитъ солида три.

LXXIV Si quintum digitum excus-
Если пятый палецъ от-
serit comp(onat) sol(i)d(os) duo.
рубитъ—платитъ солидовъ два.

LXXV IN omnis istas pla-
За всѣ эти члено-
cas a(ut) feritas su-
вредительства или поврежденія, вы-
perius scriptas quae
ше-описанныя, которыя
inter hominis liberos e-
между людьми свободными слу-
venerint, ideo majure(m) con-
чались, потому бо́льшую
positione(m) posuemus qua(m)
пеню мы положили, чѣмъ
antiquae nostri ut faida quae
предки наши, дабы отъ усобицы, то
est inimicitia post accepta ssta (suprascripta)
есть, вражды, по уплатѣ вышеозначенной
compositione pos(t)ponatur et
пени, отсталъ (провинившійся) и
amplius non requiratur nec dolus...
впослѣдствіи къ ней не возвращался, ни ухищреніе...



Памятникъ культуры въ эпоху переселенія народовъ: Лангобардское право.
УКАЗЪ ЛАНГОБАРДСКАГО КОРОЛЯ РОТАРИ, ОТЪ 643 ГОДА.

Древнѣйшая изъ всѣхъ рукописей Лангобардскихъ законовъ, написанная между 671 и 736 гг.; хранится въ С.-Галленской библіотекѣ. Точная копія.

Агилульфъ, 2-й супругъ Теоделинды. Адальвальдъ, сынъ Теоделинды. Гундебергова дочь. Теоделинда.

Теоделинда, королева Лангобардовъ, приноситъ св. Іоанну дары по обѣту.

Рельефъ заложеннаго ею въ 595 г. собора въ Монцѣ. Нынѣ надъ входною дверью собора, обновленнаго въ XIV в. Большая часть изображенныхъ на рельефѣ обѣтныхъ даровъ еще и понынѣ хранится въ ризницѣ Монцскаго собора.

королевствомъ и Восточно-Римской имперіей, — и вотъ, въ 584 г., дѣло опять дошло до выбора новаго короля. То былъ сынъ Клефа, *Автарисъ* (584—590), который прошелъ чрезъ всю Италію со своими полчищами, и, коснувшись копьемъ столба, поставленнаго на берегу Мессинскаго пролива, горделиво произнесъ: «доселѣ простирается земля Лангобардовъ». Автарисъ былъ женатъ на франкской княжнѣ *Теоделиндѣ*, которая была воспитана при дворѣ Гарибальда, герцога Бойоаріевъ. Послѣ смерти Автариса, она избрала себѣ въ мужья герцога *Агилульфа* Туринскаго, который и былъ провозглашенъ королемъ. Она была ревностною христіанкою каѳолическаго исповѣданія, и современные лѣтописцы представляютъ ее намъ какъ женщину выдающуюся не только по красотѣ своей, но и по образованію; вслѣдствіе побужденій религіозныхъ, а отчасти и вслѣдствіе соображеній политическихъ, она стала всѣми силами обращать Лангобардовъ изъ аріанства въ истинную вѣру. Она была очень близка къ епископу римскому, *Григорію I* (590—604 г.) и состояла въ частыхъ сношеніяхъ съ Римомъ, который для всего порабощеннаго романскаго населенія былъ естественнымъ центромъ ихъ угнетенной вѣры и національности. Но ея усилія не скоро привели къ благопріятному исходу; и въ томъ, что Павелъ-Дьяконъ разсказываетъ намъ о королѣ *Ротаріѣ*, принявшемъ бразды правленія въ 636 г., выясняется для насъ вся трудность примиренія религіозныхъ противорѣчій. Восхваляя этого короля, какъ храбраго и правдиваго правителя, Павелъ-Дьяконъ говоритъ о немъ, что «и онъ также не держался правой вѣры»,—«и онъ также запятнанъ былъ лукавствомъ аріанской ереси, въ силу которой почиталъ Сына менѣе Отца, а Св. Духа — менѣе и Отца, и Сына». И во всѣхъ городахъ Лангобардскаго королевства, попрежнему, паства была раздѣлена между двумя епископами, каѳолическимъ и аріанскимъ, и при этихъ

условіяхъ, конечно, жизнь страны не могла идти путемъ успѣшнаго и правильнаго развитія.

Франкское государство въ VI и VII в.

Отъ этого разслабляющаго элемента, отъ религіозныхъ распрей вполнѣ было свободно только *Франкское государство* и поэтому оно само и всѣ ему подвластныя страны получили послѣ Хлодвига нѣчто въ родѣ господствующаго положенія на Западѣ германскаго міра. Дважды, только дважды въ теченіе 200 лѣтъ, въ которыя Франками правили князья изъ рода Меровинговъ, вся страна Франковъ соединялась подъ властью *одного* короля:—въ 558—561 при *Клотарѣ I*, младшемъ изъ сыновей Хлодвига, и въ 613—628 г., при *Клотарѣ II*. За этими краткими періодами единенія всегда слѣдовали новые передѣлы территоріи между сыновьями, и естественныя слѣдствія подобныхъ передѣловъ — войны и убійства между братьями и родственниками, и въ эти усобицы, конечно, должны были вступаться ихъ дружины, а за дружинами и большее или меньшее число свободнаго населенія. Правленіе династіи Хлодвига представляетъ собою удивительно однообразное чередованіе ужасовъ и злодѣйствъ, которыми отмѣчена вся эта эпоха; отъ времени до времени совершающіяся передъ глазами наблюдателя чудовищныя преступленія невольно привлекаютъ его вниманіе къ отдѣльнымъ дѣятелямъ изъ этого круга. Кому не извѣстно, напр., то соперничество въ кровавыхъ злодѣяніяхъ, которымъ прославились двѣ страшныя женщины, характеризующія эту эпоху:—Брунгильда (дочь вестготскаго короля Аѳанагильда), супруга австразійскаго короля Сигберта I, и Фредегунда, плебейка-любовница Хильперика I, короля Нейстріи? Послѣдняя начала свои подвиги съ того, что приказала удавить во время сна супругу Хильперика, Гальсвинѳу, сестру Брунгильды,—и за этимъ послѣдовалъ нескончаемый рядъ злодѣйствъ, которыя, 40 лѣтъ спустя, закончились тѣмъ, что сынъ Фредегунды, Клотаръ II, которому Брунгильда попалась въ руки, — приказалъ привязать ее къ хвосту дикаго коня, и тотъ размыкалъ ее на-смерть. Соединеніе грубѣйшей распущенности съ самою утонченною жестокостью, при удовлетвореніи которой не уважаются ни божескіе, ни человѣческіе законы, служитъ въ этотъ страшный періодъ отличительной чертою не только царствующаго дома, но и всего народа, насколько о немъ можно судить по его высшимъ классамъ. Сліяніе побѣдителей съ побѣжденными происходило здѣсь быстро, и такъ же быстро смѣшивались пороки римской испорченности съ дикими проявленіями франкской грубости. Церковь смотрѣла на все это сквозь пальцы, радуясь тому, что всѣ эти пороки не сопровождались наиболѣе тяжкимъ: принадлежностью къ аріанству. Одинъ изъ бытописателей этого времени очень вѣрно сравниваетъ современную Церковь съ нѣжною матерью, которая невольно поддается естественной слабости къ единственному сыну: — и всему вѣритъ, на все надѣется, все переноситъ. Притомъ и мѣстное романское населеніе здѣсь не должно было опасаться за свою частную собственность, какъ въ сосѣднихъ странахъ, завоеванныхъ Бургундами, Готами и Вандалами, или въ Италіи, подъ владычествомъ Лангобардовъ. Для франкскихъ дружинъ, уже и при Хлодвигѣ продвинувшихъ грань своей территоріи далеко на югъ, достаточно было завоеванной ими земли, чтобы ихъ обезпечить земельными владѣніями, обогатить и дать имъ пол-

ную возможность съ необузданною страстностью предаться тѣмъ наслажденіямъ, которыхъ такъ много представляла эта страна, цивилизованная уже въ теченіе цѣлыхъ 600 лѣтъ. Среди подобныхъ наслажденій быстро исчезла добродѣтель, за которую Тацитъ такъ восхваляетъ германскихъ женщинъ, и на которыя уже Цесарь обратилъ вниманіе. Испорченность сообщилась и духовенству, за которымъ здѣсь не наблюдало, какъ въ Италіи, Испаніи и Африкѣ, враждебное духовен ство аріанское. Дружба епископовъ съ королями имѣла то гибельное послѣдствіе, что люди недостойные попадали въ епископы, и, въ свою очередь, выказывали себя ихъ услужниками. Всѣ были озабочены догматическою правильностью религіозныхъ вѣрованій, и никто нимало не заботился о правилахъ житейской нравственности. Но воспитывающая сила церковнаго ученія и церковнаго порядка, конечно, и въ эти злыя времена не утрачивалась совершенно, и не было недостатка въ духовныхъ, которые поддерживали ту величайшую истину христіанскаго ученія, что добрая вѣра должна быть поддержана добрыми дѣлами, и подкрѣпляли это ученіе напоминаніями о карѣ, ожидающей грѣшниковъ въ загробной жизни; а это напоминаніе даже и для полуязычниковъ Франковъ имѣло свое значеніе, такъ какъ вѣра въ безсмертіе души была свойственна и германскому язычеству.

Въ политическомъ смыслѣ единство вѣры и могущество Церкви, всюду поощряемой и обогащаемой, было очень полезно. Эта единая Церковь сглаживала или, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени смягчала тѣ пагубныя послѣдствія, которыя могли происходить отъ частыхъ передѣловъ государства; въ Церкви скоплялись большія богатства, она распоряжалась громадными земельными владѣніями и тѣмъ самымъ оказывала въ высшей степени важное вліяніе на экономическую сторону народной жизни; но она не въ силахъ была воспрепятствовать нравственному паденію, которое все шире и дальше распространялось въ народѣ, среди Франковъ, поселившихся въ этой странѣ, столь богато одаренной отъ природы и такъ немного требовавшей труда для обработки. Этой нравственной порчѣ, вѣроятно, подпали бы и другіе Германцы, поселившіеся на римской территоріи, такъ какъ сила нравственнаго отпора была среди нихъ ничуть не сильнѣе, чѣмъ среди Франковъ; но случилось такъ, что, ни для кого неожиданно, вдали отъ мѣста дѣйствія излагаемой нами исторіи германскихъ племенъ, возросъ такой врагъ, который вскорѣ долженъ былъ ихъ вынудить къ борьбѣ за вѣру и преобладаніе, къ борьбѣ, требовавшей напряженія всѣхъ ихъ физическихъ и моральныхъ силъ—къ борьбѣ на жизнь и на-смерть. Этотъ врагъ были *Арабы*.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Исламъ и Калифатъ.—Первыя завоеванія Калифовъ.—Восточно-Римская имперія.—Положеніе дѣлъ на Западѣ: Вестготское царство; Франкскія государства.—Карлъ Мартель и Арабы.—Бонифацій и Пипинъ I.

Аравія. *Аравія* представляетъ собою крайній западный изъ трехъ большихъ полуострововъ, которые выступаютъ изъ материка Азіи съ южной стороны, точно такъ же, какъ Балканскій, Аппенинскій и Пиринейскій полуострова изъ материка Европы:—это большая сплошная возвышенность, по своей поверхности въ пять разъ превосходящая поверхность Германіи; на Ю. и С.-З. она почти сплошь занята пустынями, а на С.-В. она примыкаетъ къ пустынямъ Передней Азіи. Древніе различали *Счастливую* Аравію (область Іеменъ, на западномъ берегу, близъ Краснаго моря), *Каменистую* (съ Синайскимъ полуостровомъ) и *Песчаную* (внутри полуострова). Краснорѣчивые описатели давали уже не разъ описаніе этой внутренней и наибольшей части Аравіи. «Въ печальной глуши Аравіи» — такъ говоритъ Гиббонъ — «простирается безграничная песчаная равнина, пересѣкаемая только островерхими и голыми горными возвышенностями,—дикая пустыня, выжженная отвѣсными и палящими лучами солнца, отъ которыхъ негдѣ укрыться, негдѣ пріютиться въ отрадной тѣни. Вѣтры, дующіе здѣсь, не освѣжаютъ воздуха, а напротивъ, разносятъ повсюду вредныя, даже смертоносныя испаренія: свободно разгуливая по пустынному простору, они то вздымаютъ, то вновь развѣваютъ песчаныя горы, подобныя волнамъ океана. Ручьи, ниспадающіе съ горъ, быстро поглощаются алчущею землею; рѣдкая и жесткая растительность, въ родѣ тамаринды и акаціи, запускающая свои корни въ расщелины скалъ, питается одною ночною росою; скудный запасъ воды хранится въ цистернахъ и водопроводахъ, и странникъ, истомленный тяжкимъ дневнымъ переходомъ, часто не находитъ влаги для утоленія своей мучительной жажды, потому что ему противенъ вкусъ воды, протекающей по руслу, насыщенному сѣрой или солью». Среди населенія Аравіи съ давнихъ временъ различаютъ *Хаддези*—осѣдлыхъ Арабовъ, и *Бедави*—кочевыя племена пустыни. Первые вели весьма оживленную торговлю произведеніями благодатной береговой полосы — напримѣръ, лада-

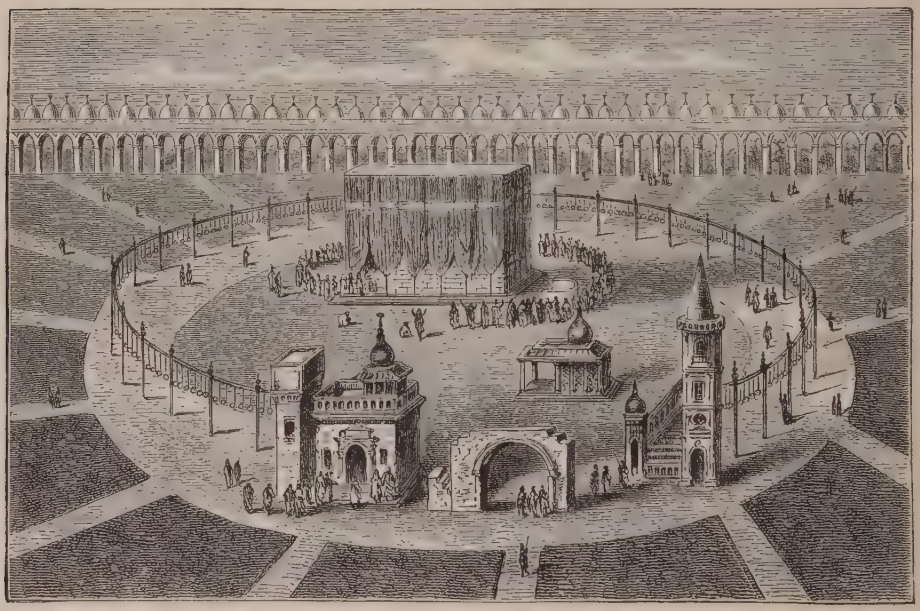
номъ, а теперь—кофе; но главную силу націи составляютъ Бедуины, населяющіе пустыню: въ средѣ ихъ развились главныя отличительныя черты этого мощнаго племени — его чрезвычайная умѣренность и страстныя стремленія къ независимости. Однообразіе пространства широко раскидывающейся кругомъ ихъ пустыни прерывается только рѣдкими группами финиковыхъ пальмъ и акацій; конь, котораго чистѣйшую расу ведутъ они, по преданію, отъ конюшень царя Соломона, и терпѣливый, неутомимый, выносливый верблюдъ—служатъ этому народу кораблями среди песчанаго моря пустыни и переносятъ этихъ худощавыхъ, сожженныхъ солнцемъ, сильно-развитыхъ скитальцевъ пустыни отъ оаза къ оазу. Эти Бедуины, съ древнѣйшихъ временъ, живутъ тѣмъ, что или сопровождаютъ, или грабятъ торговые караваны, которые тянутся черезъ ихъ страну по древнимъ путямъ, соединяющимъ культурныя страны. Распадаясь на множество мелкихъ племенъ, подъ начальствомъ шейховъ и эмировъ, Бедуины ведутъ между собою частыя войны. Какой-нибудь пустякъ—пораненіе верблюда или пользованіе колодцемъ въ пустынѣ—возбуждаетъ иногда ненависть, приводитъ къ убійству и къ кровавой мести, которая затѣмъ переходитъ изъ рода въ родъ и длитъ распрю черезъ цѣлыя поколѣнія, десятки и даже сотни лѣтъ. Этотъ дикій обычай, какъ и многіе другіе подобные, смягчается однакоже благотворнымъ гостепріимствомъ, естественно истекающимъ, правда, изъ мѣстныхъ условій жизни, но тѣмъ не менѣе цѣннымъ въ этой странѣ, въ которой и теперь еще насчитываютъ не болѣе 4—5 милліоновъ жителей на всемъ громадномъ пространствѣ ея площади. Среди всѣхъ восточныхъ народовъ, Арабы могутъ быть названы единственнымъ, способнымъ понимать свободу въ смыслѣ европейскомъ; сами по себѣ, они народъ дѣятельный, подвижный, тонкій; отъ природы они одарены расположеніемъ къ поэзіи, умѣньемъ облекать свою мысль въ красивыя формы и естественнымъ краснорѣчіемъ, которое у многихъ между ними проявляется съ особенною силою и выразительностью; напротивъ того, въ нихъ, какъ и во всѣхъ соплеменныхъ имъ семитахъ, нѣтъ ни малѣйшаго расположенія ни къ пластикѣ, ни къ живописи. Ихъ религія во всѣ времена состояла въ поклоненіи звѣздамъ; они всегда взирали съ вѣрою и глубокимъ благоговѣніемъ на звѣзды, по которымъ они ночью направляли свой путь черезъ неизмѣримую пустыню. Какъ ни была сильно развита ихъ фантазія, какъ ни были они постоянно расположены слушать разсказы,—однакоже среди нихъ не сложилось никакихъ миѳовъ; имъ извѣстны были немногія божества только по имени, но за то многимъ предметамъ внѣшней природы они приписывали таинственныя, волшебныя силы; и вотъ, одинъ изъ такихъ именно предметовъ — *черный, съ неба упавшій, камень*, слѣдовательно, метеоритъ, служилъ издревле въ *Меккѣ* предметомъ почитанія. Окинутый священнымъ шатромъ или окруженный стѣнами дома, онъ составлялъ, подъ названіемъ *Каабы* (или *Кіабы*) величайшую святыню для всѣхъ Арабовъ, и къ этой святынѣ уже издревле отовсюду стекались поклонники *).

---

*) Теперь этотъ камень вставленъ въ стѣну меккской мечети. «Кааба» — значитъ именно *домъ* или *жилище*.

Магометъ.

Именно въ Меккѣ, городѣ, расположенномъ среди наименѣе плодоносной части «Счастливой» Аравіи, въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Аравійскаго залива, среди племени *Корайшитовъ*, родился человѣкъ, которому суждено было ввести никому невѣдомыхъ Арабовъ въ рядъ всемірно-историческихъ націй; человѣкъ этотъ былъ *Мухамедъ* (или *Магометъ*), сынъ Абдаллаха (около 569 по Р. Хр.). Позднѣйшая легенда украсила и его юность всякаго рода чудесами: но эта юность протекла точно такъ же, какъ она обыкновенно протекала у всѣхъ Арабовъ. Рано осиротѣвъ, онъ росъ въ нуждѣ, у своего дяди Абу-Талеба; но уже и юность его была богата мощными религіозными впечатлѣніями и побужденіями. Въ самой



Кааба въ Меккѣ, въ ея нынѣшнемъ видѣ. По Буклею.

Меккѣ, среди могущественнаго племени Корайшитовъ, существовалъ издавна раздоръ между богатымъ, аристократическимъ кружкомъ и болѣе бѣднымъ или менѣе знатнымъ родомъ *Гашемитовъ*. Мухамедъ принадлежалъ къ этому роду; пріидя въ возрастъ, онъ поступилъ на службу къ богатой вдовѣ, изъ весьма уважаемой фамиліи, къ Кадиджѣ, сначала велъ ея торговыя дѣла, а потомъ даже и женился на ней. Во время своихъ торговыхъ путешествій онъ встрѣчался и съ Евреями, которыхъ, какъ повсюду, такъ и въ этихъ странахъ, было не мало, сходился и съ христіанами, которые изъ греческихъ мѣстностей попадали и въ Аравію, убѣгая отъ догматическихъ споровъ и религіозныхъ преслѣдованій. Отъ нихъ узналъ онъ сущность ихъ вѣры, ознакомился и съ ихъ суевѣріями, и вотъ, наравнѣ со многими изъ своихъ современниковъ-Арабовъ, онъ по-

чувствовалъ, что въ душу его закрадывается духъ сомнѣнія въ силѣ и мощи тѣхъ кумировъ, которые были созданы народнымъ повѣрьемъ. Это подѣйствовало сильнымъ, возбуждающимъ образомъ на его духъ, одинаково-способный и къ поэтическому полету, и къ кропотливо-серьезной работѣ мысли: онъ сталъ искать уединенія, гдѣ бы могъ свободно заняться переработкой воспринятыхъ впечатлѣній, и все болѣе и болѣе углублялся въ обсужденіе тѣхъ загадочныхъ вопросовъ, на которые его наводили эти впечатлѣнія. Тутъ его уму, склонному къ мечтательности и возбужденію, а можетъ-быть и омраченному нѣкоторымъ тѣлеснымъ недугомъ, весьма обычнымъ въ тѣхъ странахъ,—стали представляться видѣнія: архангелъ Гавріилъ принесъ ему завѣты Божіи, начертанные на серебряной ткани. Съ необычайною силою ожило въ душѣ его представленіе о божествѣ, издревле присущее всѣмъ семитическимъ племенамъ—какъ о крѣпкомъ, мощномъ, высшемъ — и передъ этимъ *единымъ* божествомъ исчезли всѣ иные боги и кумиры. Это чудо свершилось въ его взволнованной душѣ, и онъ почувствовалъ въ себѣ призванье—возвѣстить всѣмъ ту истину, въ которую онъ самъ увѣровалъ, призваніе быть *пророкомъ* своего народа. Первою увѣровавшею въ него была его супруга Кадиджа. Ея примѣру послѣдовалъ ея родственникъ Варака, который, въ невольномъ порывѣ, произнесъ высшій догматъ исламизма: «*единъ Богъ, и Мухамедъ пророкъ его*»; затѣмъ уже божественное призваніе Мухамеда было признано рабомъ его, Зеидомъ, родственникомъ Али, тестемъ Абубекромъ. Не то встрѣтилъ онъ среди своего племени, отъ котораго однакоже не скрылъ ниспосланнаго ему откровенія. Ему пришлось столкнуться съ ихъ своекорыстіемъ и предубѣжденіемъ, хотя откровеніе его ничуть не умаляло священнаго значенія Каабы. Убѣгая отъ преслѣдованій своихъ земляковъ, Мухамедъ, въ 622 г., удалился въ г. Ястрѐбъ, гдѣ и прежде многіе въ него увѣровали, и теперь встрѣтилъ радушный пріемъ:—этотъ городъ, лежащій въ 60 миляхъ къ С. отъ Мекки, на большой караванной дорогѣ въ Сирію, сталъ такимъ образомъ городомъ пророка—*Медина аль Набхи*—городомъ изъ городовъ.

Это бѣгство Мухамеда, съ немногими изъ вѣрующихъ, съ родины его на чужбину, было событіемъ, составившимъ эпоху: весь мухамеданскій міръ ведетъ свое лѣтосчисленіе отъ «удаленія» (*Геджры*) Мухамеда изъ Мекки (20 сентября 622 г.). Небольшой кружокъ вѣрующихъ вскорѣ обратился въ бродячую толпу воиновъ. Враждебныя дѣйствія Корайшитовъ вынудили и пророка къ насилію, и онъ не поколебался сообщить вѣрующимъ новое откровеніе, по которому мечъ будто бы свыше былъ ему указанъ, какъ «средство къ распространенію новой вѣры, ключъ къ раю и аду». Въ 624 г., при колодцѣ Бедръ, Мухамедъ одолѣлъ Корайшитовъ; въ то мгновеніе, когда исходъ битвы колебался, пророкъ бросилъ вверхъ горсть пыли и воскликнулъ: «смятеніе да покроетъ лицо ихъ!»—и будто бы внесъ этимъ смятеніе въ ряды враговъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. За первою битвою послѣдовали и другія; одно племя за другимъ присоединялось къ счастливому побѣдителю, который, въ то же время, былъ краснорѣчивымъ и вдохновеннымъ провозвѣстникомъ новой вѣры; царство его начинало видимо возрастать и становиться «царствомъ отъ міра сего». На седьмой

Геджра, 622.

годъ *Геджры* (630 г.) онъ побѣдоносно вступилъ въ Мекку, гдѣ и велѣлъ въ Каабѣ повергнуть всѣ кумиры. Тотъ подъемъ духа, который онъ сообщилъ своему народу, увлекъ его самого. То противодѣйствіе, которое онъ встрѣтилъ и счастливо превозмогъ, еще болѣе возвысило его сознаніе собственнаго достоинства, которое какъ бы слилось во-едино съ его религіознымъ чувствомъ, съ его богопознаніемъ,—и вотъ онъ еще самъ началъ священную войну, которая должна была распространить новую вѣру за предѣлы Аравіи и преподать ее покореннымъ сосѣднимъ народамъ. «Ибо не для шутки создалъ Аллахъ землю»—такъ говорилъ онъ—«и небо не для игры». И онъ дѣйствительно вѣрилъ въ то вѣроученье, которымъ онъ пробудилъ народъ свой къ исторической жизни.

Исламъ. На высотѣ своей пророческой славы, признанный всѣми главою народа, безчисленныя племена котораго слились во-едино, одушевленныя великимъ помысломъ—Мухамедъ умеръ (632). Послѣдователи его не хотѣли вѣрить, чтобы онъ могъ умереть: одни говорили, что онъ вознесся на небо, другіе, что удалился на гору Синай, — хотя всѣ современники, всѣ близкіе его видѣли, что онъ былъ не болѣе, какъ простой смертный, что жилъ какъ и всѣ другіе по обычаю своего народа, умѣренный въ пищѣ, скромный въ одеждѣ. Слова его, полныя глубокаго смысла, исходившія изъ полноты души, потрясенной религіознымъ настроеніемъ, высказанныя горячо, а подчасъ и увлекательно, невольно зажигали сердца, а вѣра и фантазія послѣдующихъ поколѣній стали и далѣе развивать эти зародыши, такъ что (какъ оно часто и всюду случается въ подобныхъ положеніяхъ) первоначальная основа его ученія была обильно украшена вымысломъ: однакоже, нельзя сказать, чтобы она была обезображена до неузнаваемости, и первоначальная сила его не вполнѣ утратилась въ позднѣйшихъ формахъ. Онъ самъ назвалъ свое ученіе *Исламъ*, т. е. подчиненіе, смиреніе: это ученіе, по словамъ самого Мухамеда, было ничѣмъ инымъ, какъ послѣднимъ и высшимъ откровеніемъ Божіимъ, и всѣ исповѣдывающіе это ученіе, «мослемиты» или «правовѣрные», видятъ въ немъ продолженіе закона Моисеева и послѣдующаго христіанскаго ученія. Свое представленіе о правовѣрныхъ они понимаютъ довольно своеобразно: по ихъ мнѣнію, уже Авраамъ былъ мослемитомъ, вѣрнымъ слугою Божіимъ, поборникомъ язычества,—и вотъ его-то вѣру, вѣру Авраамову, возстановилъ Мухамедъ. При такомъ взглядѣ на «правовѣріе», послѣдователи Мухамеда—для убѣжденія Іудеевъ и христіанъ, жившихъ по сосѣдству съ ними или среди нихъ, — ссылались и на законъ Моисеевъ, и на Св. Писаніе, какъ на подтверждающія свидѣтельства: они сами утверждали, что тотъ «Утѣшитель», о которомъ говоритъ Спаситель, уже явился въ лицѣ Мухамеда, «послѣдняго и величайшаго изъ пророковъ, послѣ котораго уже не явится болѣе никакой пророкъ». Источникомъ и главною опорою ученія является *Коранъ*—записанный со словъ Магомета приближенными къ нему людьми; эта книга всюду говоритъ прямо отъ имени Божьяго, и все содержаніе ея, какъ полагаютъ правовѣрные, было внушено пророку ангеломъ Гавріиломъ. Весь «Исламъ» распадается на ученіе о вѣрѣ и мораль. Ученіе указываетъ человѣку на Бога и Его пророка и представляетъ собою строгій монотеизмъ, допускающій, впрочемъ, суще-

ствованіе *ангеловъ*, множество добрыхъ духовъ, безплотныхъ, созданныхъ изъ чистаго пламени, исполняющихъ волю Божію и восхваляющихъ Его Имя. Между ними четыре архангела: Гавріилъ—духъ Откровенія, Михаилъ—сражающійся въ битвахъ за правовѣрныхъ, Азраилъ—ангелъ смерти, и Исфраилъ—который долженъ трубить въ трубу въ день воскресенія мертвыхъ; другіе ангелы, Моакхибаты, сопровождаютъ смертныхъ по-двое каждаго—одинъ съ правой стороны, другой—съ лѣвой, и каждый вечеръ взлетаютъ они къ престолу Божію и докладываютъ о дѣйствіяхъ порученнаго имъ смертнаго. Они признаютъ еще и одного злого духа—Азазила (Сатану) — придаютъ ему прозваніе «Эблисъ», т. е. отчаяніе, и разсказываютъ о немъ, что онъ былъ прежде ангеломъ, но обращенъ въ злого духа за выказанное имъ высокомѣріе и ослушаніе волѣ Божіей, такъ какъ онъ отказался оказать почтеніе Адаму, когда тотъ былъ созданъ, между тѣмъ какъ всѣ другіе ангелы исполнили повелѣнное Господомъ. Затѣмъ исламъ допускаетъ вѣру въ пророковъ, которыхъ правовѣрные насчитываютъ до 200,000; но шестеро изъ нихъ возвышаются надъ всѣми остальными: Адамъ, Ной, Авраамъ, Муза (Моисей), Иза (Іисусъ) и Мухамедъ. Ученіе о воскресеніи мертвыхъ и послѣднемъ, Страшномъ судѣ заимствовано цѣликомъ изъ христіанскихъ воззрѣній, хотя прикрашено фантастическими добавленіями. Когда Исфраилъ трижды протрубитъ, начнется судъ. И вотъ весь воздухъ наполнится душами, ищущими своего тѣла; земля разверзнется, кости застучатъ другъ о друга, складываясь въ остовы; но выйдутъ на поверхность земли только правовѣрные, а невѣрные будутъ лежать въ землѣ и подняться не смогутъ. Тогда въ рукахъ Гавріила явятся большіе вѣсы; на одну чашку вѣсовъ, свѣтлую, возлагаютъ добрыя дѣла, на другую, темную—дурныя дѣла; затѣмъ всѣ души умершихъ пойдутъ черезъ мостъ аль-Сератъ, для дальнѣйшаго испытанія, а тотъ мостъ, острый, какъ лезвіе сабли, протягивается надъ бездною преисподней; и вотъ грѣшники и невѣрные, переходя по тому мосту, падаютъ внизъ, а праведники перелетаютъ черезъ него какъ бы на крыльяхъ птицы. Съ особеннымъ тщаніемъ украшаетъ фантазія правовѣрныхъ описаніе рая. Если правовѣрный искупитъ свои грѣхи, и если онъ былъ при жизни достойнымъ рая, то онъ прежде всего освѣжается у «Пруда Пророка», въ которомъ вода сладка какъ медъ, холодна какъ снѣгъ, прозрачна какъ кристаллъ; кто той воды изопьетъ, тотъ никогда болѣе не будетъ знать жажды. Вслѣдъ затѣмъ, ангелъ Рушванъ отворяетъ правовѣрному праведнику врата рая: все пространство рая усыпано, вмѣсто песку, мельчайшею пшеничною мукою; жемчугъ и яхонты разбросаны всюду, вмѣсто булыжниковъ, и по всему раю текутъ рѣки чистѣйшей воды, ручьи молока, меда, даже вина, которое на землѣ воспрещается пить правовѣрнымъ; посреди рая растетъ *таба*—дерево жизни, отягощенное дорогими плодами; оно такъ громадно, что отличный скакунъ только въ теченіе 100 лѣтъ непрестаннаго бѣга могъ бы перебѣжать черезъ тѣнь его. Самый воздухъ въ раю напоенъ ароматами и оглашается постоянно гармоническимъ шелестомъ листьевъ и мелодическимъ пѣніемъ дочерей рая, черноокихъ гурій; онѣ предназначены быть подругами правовѣрныхъ наравнѣ съ тѣми женами, съ которыми они жили на землѣ и которыхъ

прелести будутъ въ раю вновь возстановлены. И такъ будутъ они тамъ блаженствовать, украшенные вѣнцами изъ золота и алмазовъ, окруженные сотнями слугъ, будутъ ѣсть на золотыхъ блюдахъ и пить изъ золотыхъ кубковъ, не зная ни пресыщенія, ни опьяненія, среди непрерывнаго ряда наслажденій. Каждаго правовѣрнаго, сверхъ этихъ, ждутъ въ раю еще иныя радости:—для изображенія ихъ слабъ языкъ человѣческій.

Послѣдняя статья Корана толкуетъ о вѣчномъ предопредѣленіи; она не проведена въ Коранѣ со строгой послѣдовательностью. Но этотъ догматъ уже лежитъ въ основѣ того суроваго представленія о божествѣ и въ томъ общемъ настроеніи, которыя такъ свойственны семитическому духу, такъ что вскорѣ оно получило преобладающую силу. Твердо вѣруя въ силу этого догмата, мослемитъ, не колеблясь, устремляется въ битву: онъ знаетъ, что день его смерти занесенъ на скрижаляхъ вѣчности;—побѣдитъ-ли онъ, или падетъ, все равно: его ждетъ райское блаженство.

Мораль ислама.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что этому вѣрованью недоступны всѣ наиболѣе глубокія религіозныя понятія: даже все то, что заимствовано исламомъ изъ ученія христіанскаго, воспринято имъ только съ чисто внѣшней стороны. Еще болѣе выясняется это въ мухамеданской этикѣ, которая вся состоитъ въ напоминаніяхъ о выполненіи правилъ, касающихся внѣшней стороны жизни. Всѣмъ мослемитамъ предписываются частыя омовенія, съ соблюденіемъ весьма точно установленнаго церемоніала, и пять ежедневныхъ молитвъ, при которыхъ правовѣрный долженъ обращаться лицомъ въ направленіи Мекки, указуемомъ тѣми минаретами или молитвенными башнями, съ которыхъ возвѣщается о времени, назначенномъ для совершенія молитвъ; сильному впечатлѣнію этой отовсюду раздающейся молитвы правовѣрныхъ поддался и самъ Абу-Суфьянъ, послѣдній вождь Корайшитовъ: онъ былъ пораженъ имъ и отрекся отъ своего невѣрія. Священнымъ днемъ недѣли для всѣхъ правовѣрныхъ положена пятница:—въ этотъ день въ мечетяхъ молятся и проповѣдуютъ. Наравнѣ съ молитвою, важнѣйшею обязанностью правовѣрныхъ признается раздача милостыни и постъ, которому посвящается цѣлый мѣсяцъ, Рамазанъ: «молитва ведетъ только до полу-пути къ Богу, постъ приводитъ къ самому Его порогу, милостыня ставитъ предъ лицо Его», и эта послѣдняя обязанность по отношенію къ бѣднымъ, сирымъ и къ «сыну пути» (т. е. страннику или нищему) предписывается правовѣрнымъ съ особенною настойчивостью. Сверхъ этихъ обязанностей, законъ Мухамедовъ повелѣваетъ каждому правовѣрному, достигнувшему зрѣлаго возраста, нравственно-правоспособному и обладающему извѣстнымъ достаткомъ—хоть разъ въ жизни совершить странствованіе въ Мекку; это предписаніе также много способствовало установленію между всѣми правовѣрными сильнаго чувства общенія. Правовѣрный, рѣшающійся на такое странствованіе, дѣлаетъ дома всѣ необходимыя распоряженія, совершаетъ дальній путь въ одеждѣ простого странника, дабы въ Меккѣ приложиться устами или хотя бы только прикоснуться рукой къ священному черному камню Каабы, совершить предписываемыя обычаемъ молитвы и обряды, посѣтить различныя святыя мѣста—колодецъ Земъ-земъ, гору Арафатъ,

около которой, противъ трехъ столбовъ, странники бросаютъ семь камней, въ видѣ заклинанія противъ злыхъ духовъ *).

И вотъ эта религія выступила теперь съ притязаніемъ на *всемірное* владычество: уже самый основатель ея видимо разсчитывалъ на распространеніе ея по всему міру, тѣмъ болѣе, что монотеистическое представленіе о божествѣ какъ бы само по себѣ предполагаетъ необходимость подобнаго распространенія. Но именно въ этомъ пунктѣ и проявляется уже сильнѣйшая противуположность между исламомъ и другою, истинною и всемірно-распространившеюся вѣрою—христіанствомъ. Спаситель повелѣлъ ученикамъ Своимъ всюду и всѣмъ проповѣдывать всерадостную вѣсть о наступленіи Царствія Божія; высшею обязанностью каждаго правовѣрнаго является также распространеніе ислама. Но средствомъ для распространенія ислама является мечъ, завоевательная война, и Коранъ прямо указываетъ на это:—«чьи стопы будутъ покрыты прахомъ битвъ Господнихъ, тотъ въ день великаго суда будетъ отстоять отъ преисподней далѣе, чѣмъ на то разстоянія, которое самый быстрый конь можетъ пробѣжать въ 1000 лѣтъ»; и еще: «убивайте, пролагая пути Господни, всѣхъ, кто васъ убивать хочетъ; бейтесь съ врагами, пока всякій соблазнъ исчезнетъ и вѣра правая восторжествуетъ». Вотъ съ какими побужденіями этотъ народъ выступилъ на поприще всемірной исторіи! До того времени судьбы исторіи почти безслѣдно его миновали; ни одно изъ большихъ міровыхъ государствъ—ни Ассиріяне, ни Персы, ни Александръ Македонскій, ни Римляне—этою страною не обладали. Еще не затраченной силѣ націи былъ вдругъ необычайнымъ образомъ данъ толчокъ, при посредствѣ вновь явившейся религіи, которая немногими ясно-выраженными, но въ сущности простѣйшими идеями и строго монотеистическими понятіями о Богѣ удовлетворяла религіозному чувству и въ то же время тѣшила фантазію своими заманчивыми образами. И какое же громадное поприще теперь разомъ открывалось для этого народа въ его стремленіи къ подвигамъ! Теперь уже дѣло шло не о жалкой добычѣ, которую можно было получить отъ ограбленія каравана, или во время усобицы между двумя племенами: всѣ усобицы прекратились, всѣ сердца прониклись высокимъ сознаніемъ воспринятаго новаго ученія—и алчные взоры во-едино слившейся націи обратились къ тѣмъ столицамъ древняго міра, въ которыхъ вѣками накопленныя сокровища, по праву, должны были перейти въ собственность воиновъ, которые бились во славу Аллаха.

Первые калифы.

Столѣтіе, къ которому относится краткая, но по своимъ послѣдствіямъ все же громадная дѣятельность Мухамеда, еще не успѣло закончиться, какъ уже царство *Калифовъ*, преемниковъ пророка, раскинулось отъ береговъ Инда до Геркулесовыхъ столповъ. При калифахъ Абубекрѣ (622—634) и *Омарѣ* (634—644) они овладѣли Дамаскомъ (635), Іерусалимомъ (637), Антіохіей—съ одной стороны, а съ другой—ниспровергли

*) Первыми свѣдѣніями объ этихъ обычаяхъ странствующихъ въ Мекку мослемитовъ мы обязаны нѣмецкому путешественнику, Іог. Людв. Буркгардту, который, преодолѣвъ много трудностей и подвергая неоднократно свою жизнь опасности, совершилъ въ 1814 г. это путешествіе въ Мекку, въ одеждѣ мухамеданскаго хаджи.

могущество Персіи, и всѣ эти страны покорили исламу. Оба могущественныхъ царства, Восточно-Римское и Персидское, враждовали между собою уже въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ: нельзя было и помышлять о томъ, чтобы они вступили въ союзъ для отпора новому грозному врагу. Двадцатый по числу въ новой династіи персидскихъ царей, шахъ-инъ-ша *Хозру-Нуширванъ*, современникъ и противникъ Юстиніана, правитель замѣчательный, котораго не даромъ сравнивали съ Даріемъ I,—умеръ въ 579 году; какъ и прежде водилось, такъ и теперь—наслѣдованіе престола постоянно сопровождалось въ Персіи опасными кризисами: и вотъ, второй, послѣ Нуширвана, шахъ *Хозру* явился уже посаженникомъ восточно-римскаго императора *Маврикія*, у котораго онъ нашелъ себѣ прибѣжище какъ изгнанникъ. Послѣ кончины Маврикія (602) ему наслѣдовалъ его убійца, *Фока*, а затѣмъ *Гераклій* (610). Хозру, который вовсе не хотѣлъ послѣдняго признать императоромъ, выступилъ противъ него войною и, въ союзѣ съ Аварами и другими врагами Имперіи, угрожалъ даже Константинополю. Но храбрый Гераклій не только отразилъ это нападеніе, но еще и самъ вторгся въ Персидскую область, и это вторженіе вызвало враждебное шаху возстаніе среди его знати и привело къ его паденію (628). Такимъ образомъ царство Персидское было ослаблено и потрясено, когда вдругъ поднялась противъ него новая буря. Послѣдній шахъ изъ этой династіи (которая нѣкогда, въ началѣ III вѣка по Р. Хр., обновила Персидское царство), Іездегердъ III, разбитый Арабами при Кадезіи, на западъ отъ Евфрата, и затѣмъ при Негавендѣ въ Мидіи, вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Одновременно съ этимъ, по волѣ великаго калифа *Омара*, его геніальные полководцы, *Амру* и *Калидъ*, завоеватель Сиріи, овладѣли Александріей (641 г.). При слѣдующемъ калифѣ *Отманѣ* (644—656) Арабы овладѣли Кипромъ и Родосомъ, такъ какъ они успѣли уже и съ моремъ освоиться; когда же въ 656 году въ калифы возведенъ былъ *Али*, зять пророка (мужъ его дочери отъ Фатимы), тогда выказались разомъ всѣ непривлекательныя стороны восточнаго государства. Аэша, нѣкогда бывшая любимѣйшею изъ женъ Пророка, ненавидѣла новаго государя, достигнувшаго власти при посредствѣ брачнаго союза съ дочерью ея соперницы; на калифа Али взведено было обвиненіе въ томъ, будто бы онъ участвовалъ въ убіеніи Отмана, своего предшественника; обвиненіе это основывалось на томъ, что онъ не наказалъ убійцу Отмана, и вотъ Омаядъ *Моавія*, намѣстникъ Сиріи, Корайшитъ по происхожденію, выступилъ мстителемъ за Али, прикрывая этимъ предлогомъ свои собственные честолюбивые замыслы. Въ 661 году калифъ Али былъ умерщвленъ нѣсколькими приверженцами секты, увлекавшейся фантастическими идеалами. Началась борьба между двумя династіями и длилась долгое время, въ связи съ династическими препирательствами, которыя привели къ расколу, и понынѣ раздѣляющему приверженцевъ ислама на два враждебныхъ лагеря. Приверженцы Али признаютъ только за родственниками Пророка право наслѣдованія ему въ руководженіи народа: они произнесли проклятіе тремъ первымъ калифамъ и узурпаторамъ изъ дома Омаядовъ. Это—*шіиты*; для нихъ Коранъ есть единственный источникъ религіознаго познаванія, между тѣмъ какъ торжествующая партія ссылалась еще и на

другой, дальнѣйшій источникъ, на *сунну* или преданія—устныя изреченія пророка, яко бы собранныя послѣ его смерти. Эти прозвались *сунитами*, и одержали верхъ надъ шіитами: ихъ религіозныя воззрѣнія строже; они почитаютъ Коранъ плодомъ небеснаго откровенія, и собственному мышленію, по отношенію къ этой священной книгѣ, оставляютъ лишь самый ограниченный просторъ.

При *Моавіѣ I* (661—679), который по смерти Али остался единственнымъ калифомъ, завоеванія были вновь предприняты: съ 668—675 гг. его войско осаждало даже Константинополь и воевало въ его окрестностяхъ. Тогда-то именно (673 г.) «греческій огонь», изобрѣтенный сирійскимъ грекомъ Каллиникомъ, произвелъ во флотѣ римскомъ страшныя опустошенія: дѣла приняли вдругъ такой благопріятный оборотъ, что Моавія заключилъ миръ съ Восточно-Римскою имперіею, только заручившись годовою данью съ нея или, иначе сказать, призналъ существованіе Римской имперіи въ ея прежнемъ положеніи подъ условіемъ денежнаго окупа. Императоръ *Константинъ IV*, правда, нашелъ возможность облегчить оборону имперіи новымъ ея подраздѣленіемъ на военные округи (или тематы); но Арабы, тѣмъ временемъ, обратились къ завоеванію сѣвернаго берега Африки: въ 697 году, въ то время, когда въ *Дамаскѣ*, резиденціи Омаядовъ, правилъ четвертый изъ нихъ, *Абдальмаликъ* (съ 685 г.), палъ Карѳагенъ, и послѣ временного перехода въ руки византійскаго полководца, съ 699 года остался навсегда въ рукахъ правовѣрныхъ. Свѣтъ христіанскаго ученія погасъ по всему африканскому побережью. Южная окраина Средиземнаго моря, тяжкія пріобрѣтенія двухъ тысячелѣтій, на долгое время погибли для христіанства и для культуры, которая и до сихъ поръ еще не вполнѣ туда проникла. Завоеванія. Домъ Омаядовъ.

Тутъ ужъ опасность стала грозить западнымъ окраинамъ нѣкогда бывшей Римской имперіи. Въ правленіе пятаго изъ преемниковъ Моавіи, *Велида I* (705—715), государя энергичнаго и властолюбиваго, Арабы нашли возможность переправиться черезъ проливъ въ Испанію, куда путь Велидъ I, 705.

былъ имъ указанъ и облегченъ несчастнымъ положеніемъ дѣлъ въ Вестготскомъ царствѣ.

Вестготское государство въ Испаніи.

Со временъ побѣды, одержанной Хлодвигомъ надъ Вестготами, ихъ царство ограничивалось почти исключительно Пиринейскимъ полуостровомъ, и вскорѣ резиденція Вестготскаго царства была перенесена въ *Толедо*. Съ Амаларихомъ, который въ 531 году палъ въ битвѣ противъ Франковъ, древняя династія королей вымерла, и царство Вестготское стало управляться выборными королями. Этимъ самымъ оно было лишено основы къ его дальнѣйшему утвержденію и благополучному развитію, и Восточно-Римской имперіи при Юстиніанѣ удалось вновь овладѣть юго-восточнымъ берегомъ Испаніи. Религіозная распря между аріанствомъ и каѳолическимъ вѣроисповѣданіемъ здѣсь проявилась болѣе рѣзко, чѣмъ гдѣ-либо, и вынуждала противниковъ аріанства къ заговорамъ и поддержкѣ тайныхъ сношеній съ Франками. До нѣкоторой степени этому злу удалось помочь тѣмъ, что въ концѣ VI вѣка король *Реккаредъ* (586—601 г.) съ большинствомъ аріанъ-епископовъ и народа присоединились къ каѳолической Церкви. Однакоже ближайшимъ слѣдствіемъ этого перехода было возрастаніе могущества знати; епископы, которые пріобрѣли гораздо больше значенія, вошли въ тѣсный союзъ съ вельможами; но ближайшіе преемники Реккареда еще продолжали держаться политики сліянія германскаго и романскаго элементовъ населенія; въ VII в. обнародованъ былъ даже основанный на римскомъ правѣ сборникъ законовъ, *Forum judicum*, и возвращены были подъ власть вестготскихъ королей тѣ части Испаніи, которыя были захвачены Византіей. Но и въ этомъ новомъ сборникѣ законовъ избираемость королей была положена въ основу всего государственнаго устройства; а когда дѣло доходило до подобныхъ выборовъ, то по поводу ихъ предварительно совѣщались знатные «палатины», изъ которыхъ многіе, быть-можетъ, насчитывали подобныхъ же выборныхъ королей въ числѣ своихъ предковъ,— слѣдуетъ-ли одобрить тотъ или другой выборъ, или же надо попытаться ему воспрепятствовать. Это повело къ образованію партій или, скорѣе, кружковъ; твердая, самостоятельная власть оказалась невозможною. Вестготскіе крупные земельные собственники, у которыхъ находились въ подчиненіи многочисленные трибутаріи,—другими словами, господствующее военное сословіе, — подпали такимъ порокамъ, которые почти всегда и вездѣ бываютъ послѣдствіемъ подобнаго общественнаго положенія; епископы, среди долгихъ и непрерывныхъ религіозныхъ препирательствъ утратившіе духъ христіанскаго смиренія и любви и усвоившіе себѣ этими раздорами только нетерпимость, за недостаткомъ еретиковъ, которыхъ можно было бы преслѣдовать, обратили ее противъ *Іудеевъ*, которые поселились въ Испаніи въ великомъ множествѣ. Каждому разумному человѣку опасность, грозившая изъ-за моря, около этого времени стала уже очевидною. Королю Эгизу безъ всякихъ затрудненій наслѣдовалъ его сынъ Витиза, который настойчиво заботился о подъемѣ королевской власти (701 г.); въ особенности стремился онъ обуздать своеволіе духовенства. Это повело къ новому дробленію на партіи, къ заговору, къ сверженію Витизы и къ избранію или провозглашенію новаго короля, *Родериха*. А между тѣмъ у Витизы остались сыновья, и братъ его *Оппасъ* былъ архі-

епископомъ севильскимъ: къ ихъ партіи присоединился одинъ изъ вельможъ, графъ Юліанъ, занимавшій важный постъ намѣстника въ Сеутѣ и уже неоднократно защищавшій этотъ крѣпкій городъ противъ нападенія Арабовъ. Изъ ненависти къ Родериху, графъ Юліанъ и Оппасъ не задумались позвать Арабовъ на помощь противъ него. Арабы тотчасъ оказали помощь: одинъ изъ подначальныхъ полководцевъ арабскаго намѣстника въ Африкѣ, опытный воинъ, *Тарикъ* *), высадился на берегу Испаніи съ небольшимъ войскомъ, которое однакоже вскорѣ возросло отъ присоединенія къ нему недовольныхъ изъ христіанъ и въ особенности изъ Евреевъ. Первое столкновеніе Востока съ Западомъ, ислама съ христіанствомъ, на западно-европейской почвѣ, произошло при *Хересѣ де-ла-Фронтера*, на правомъ берегу Гвадалквивира (711 г.). Вестготы, въ рядахъ которыхъ оказалась измѣна, были разбиты. Въ трехдневной борьбѣ вестготское военное государство было сломлено. Послѣдній изъ королей вестготскихъ, Родерихъ, пропалъ безъ вѣсти—утонулъ въ Гвадалквивирѣ, если вѣрить романсамъ, воспѣвающимъ эту гибельную борьбу; за этою первою побѣдою, одержанною передовымъ отрядомъ мухамеданскаго войска, послѣдовало затѣмъ быстрое и совершенное ниспроверженіе Вестготскаго царства, уже самимъ Музой, намѣстникомъ африканскимъ, который переправился въ Испанію съ грозными силами.

Битва при Хересѣ, 711. Паденіе Вестготскаго царства.

Это германское господство, которое длилось однакоже около трехъ вѣковъ и повидимому имѣло бы возможность укрѣпиться,—оказалось настолько слабымъ, что въ самое короткое время всѣ укрѣпленные пункты страны достались въ руки побѣдителей, и тѣ, при помощи своихъ лучшихъ союзниковъ, многочисленныхъ Іудеевъ, такъ быстро освоились съ завоеванною территоріей, что и десяти лѣтъ не прошло, какъ уже Арабы попытались завоевать и сосѣднюю *Галлію*, положеніе которой, повидимому, было настолько же запутаннымъ и расшатаннымъ, какъ и положеніе разрушеннаго Арабами Вестготскаго царства, и потому уже побуждало къ нападенію.

Франкское государство въ VII в.

Клотаръ II, вновь соединившій все Франкское государство подъ своею властью, скончался въ 628 г. При его наслѣдникахъ—сынѣ Дагобертѣ I (638) и Хлодвигѣ II (657)—единство государства поддерживалось съ трудомъ; по смерти послѣдняго передѣлы возобновились и естественная рознь установилась (отчасти она замѣтна еще и понынѣ) между сѣверными частями царства, гдѣ преобладала германская національность, и южными—гдѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ національности романской. Къ этимъ двумъ составнымъ частямъ, *Австразіи* и *Нейстріи*, примкнула третья часть—*Бургундія*, которая также заявляла притязанія на нѣкоторую самостоятельность и пользовалась ею въ такой же степени, какъ остальныя двѣ части Франкскаго государства, благодаря династическимъ смутамъ, происходившимъ въ королевскомъ домѣ. Однакоже основы государственной жизни въ Франкскомъ государствѣ были тверже и разумнѣе, нежели въ государствѣ Вестготскомъ. Мы уже упоминали выше, что при завоеваніи страны въ распоряженіе побѣдителей досталось такое количество земель,

*) Скала Гибралтаръ—собственно «Гора Тарика» — до сихъ поръ сохранила память объ его имени.

что можно было не касаться земельныхъ владѣній романскаго населенія, такъ что лишь весьма незначительная часть его обращена была въ трибутаріевъ, обложенныхъ постоянною податью. Наиболѣе богатые землевладѣльцы, а равно и епископы (большею частью романскаго происхожденія, но единовѣрные съ завоевателями) легко сблизились съ новою землевладѣльческою знатью, которую составляли завоеватели или, вѣрнѣе, дружинники, принадлежавшіе къ военной свитѣ короля. Каждый изъ этихъ дружинниковъ получалъ свою часть изъ земель, находившихся въ распоряженіи короля, какъ *аллодіумъ* (allodium) или жребій, въ полное и наслѣдственное владѣніе, нотолько съ однимъ, повидимому, ограниченьемъ, что нѣкоторая доля этого владѣнія (такъ-называемая *салическая* земля) не могла переходить по наслѣдству къ женщинамъ, такъ какъ владѣлецъ аллодія былъ обязанъ нести воинскую службу на защиту страны. Но такъ какъ короли (а мы видѣли, что они еще далеко не достигли предѣла своихъ завоеваній) нуждались въ постоянномъ войскѣ, то они создавали себѣ нѣчто подобное, выдѣляя изъ своего королевскаго земельнаго владѣнія участки подъ названіемъ *бенефицій* тѣмъ, которые принимали на себя, въ качествѣ *лёйдовъ* (leudes), обязательства постоянной придворной и военной службы при особѣ короля. Эти бенефиціи составляли такимъ образомъ нѣчто въ родѣ вознагражденія за службу, и только король имѣлъ право отнять данное имъ владѣніе, еслибы награжденное имъ лицо оказалось ему невѣрнымъ или въ чемъ-либо передъ королемъ провинилось. Многіе изъ наиболѣе богатыхъ свободныхъ людей, получая такимъ образомъ, сверхъ своего аллодіума, еще и королевскую бенефицію и принимая на себя за это опредѣленныя обязательства, становились въ непосредственное и постоянное служебное отношеніе къ королю. Но и крупные землевладѣльцы, и епископы, у которыхъ церкви были также надѣлены земельными владѣніями, нуждались въ извѣстнаго рода правильныхъ служебныхъ отправленіяхъ, а слѣдовательно и въ лицахъ, которыя могли бы ихъ отправлять, и этимъ лицамъ, въ видѣ вознагражденія, опять-таки выдѣляли опредѣленныя бенефиціи изъ своего аллодіума; такимъ образомъ создалась новая политическая или общественная система, которой предстояло великое будущее и которая, подъ названіемъ *ленной системы*, является отличительною чертою послѣдующихъ столѣтій. Во главѣ этой системы стоитъ *король*, который, при безпрерывныхъ походахъ, при вызванныхъ ими ненадежныхъ, неустановившихся отношеніяхъ, при общемъ положеніи и состояніи своего народа, среди исконнаго населенія страны, достаточно имѣлъ возможности проявить власть, въ которой всѣ нуждались и на которую всѣ разсчитывали. Власть свою король проявлялъ въ формахъ весьма скромныхъ: на повозкѣ, влекомой волами, медленно объѣзжалъ онъ страну, всѣмъ доступный, останавливаясь въ тѣхъ мѣстахъ, куда обычно народъ собирался къ нему на судъ. И самыя названія придворныхъ должностей напоминали собою первоначальное распредѣленіе должностей между лицами, служащими въ большомъ хозяйствѣ:— *senescalcus* или управитель, *marescalcus* (иначе: *comes stabuli*)—конюшій, *camerarius* — хотя всѣ эти титулы, конечно, могли произойти и подъ вліяніемъ романизма или византинизма, какъ онъ проявлялся при позд-

нѣйшихъ императорахъ. Непосредственно за королемъ стоятъ вельможи—*приматы*, князья, *оптиматы*, какъ ихъ обычно обозначаютъ древне-латинскими названіями современные писатели—*свѣтская* знать, насколько она уже успѣла образоваться изъ старыхъ и новыхъ мѣстныхъ элементовъ и къ которой теперь примкнули представители высшихъ церковныхъ должностей—епископы и архіепископы, въ качествѣ *духовной* знати. За этою знатью въ общественномъ строѣ слѣдовали *болѣе состоятельные* представители свободнаго населенія, большею частью Франки, но также и Романцы; изъ нихъ-то (въ тѣхъ случаяхъ, когда они принимали на себя какую-нибудь должность, ministerium, и соединенную съ нею бенефицію) образовалось чиновничье и родовое дворянство; а изъ свободныхъ людей, которые вступали въ подобныя же служебныя отношенія къ духовной или свѣтской знати — въ *министеріалы* вельможъ или епископовъ—развилось впослѣдствіи низшее дворянство. Но всѣ эти общественныя отношенія еще не были вполнѣ прочными и установившимися, и грани между сословіями еще не были ни рѣзко обозначенными, ни окончательно опредѣленными. Съ нѣкоторою наивностью этотъ общественный строй высказывается въ различныхъ параграфахъ салическаго закона (окончательно приведеннаго въ порядокъ при Дагобертѣ I, въ VII в.), при опредѣленіи пени за убійство. Если убитый принадлежитъ къ дружинникамъ короля, то пеня, уплачиваемая убійцею въ королевскую казну или же родственникамъ убитаго, равняется 600 солидамъ; если убитый романецъ принадлежалъ къ кругу застольныхъ товарищей короля — то 300 солидамъ; если обыкновенный франкъ—то 200; 100 солидовъ пени платилось за романскаго землевладѣльца; 45—за принадлежавшаго къ податному сословію. Управленіе страною и правосудіе поручено было *графамъ* (comites), которыхъ назначалъ самъ король; впрочемъ, въ большинствѣ городовъ, въ особенности въ тѣхъ, которые перешли во власть Франковъ путемъ капитуляцій,—древне-римское право и римскій строй города были оставлены неприкосновенными.

Правительственныя отношенія. Майордомъ.

При подобныхъ условіяхъ только *одно* предполагалось существенно важнымъ и необходимымъ для общаго благосостоянія:—королемъ долженъ былъ быть человѣкъ сильный; онъ могъ быть жестокъ, суровъ, своеволенъ, но никакъ не могъ быть слабымъ. Такая-то сила долгое время держалась въ династіи Меровинговъ, хотя въ остальномъ ихъ дворецъ былъ постоянно опозоренъ всѣми ужасами варварства и пороками выродившейся римской цивилизаціи, и правленіе королей франкскихъ, послѣ смерти Хлодвига I, характеризуется именно этою причудливою смѣсью дикаго варварства съ утонченною испорченностью. Послѣдствія этого ненормальнаго быта не заставили себя ждать: родъ Меровинговъ пресѣкся на королѣ *Дагобертѣ I*, который предавался позорнѣйшимъ порокамъ и излишествамъ, — а между тѣмъ рядомъ съ королевскою властью успѣла развиться и возрасти другая, новая сила.

Во главѣ королевской военной свиты стоялъ особый сановникъ—*майордомъ* (major domus—старшій въ домѣ), значеніе котораго въ такой же мѣрѣ возрастало, въ какой самый домъ короля и свита его увеличивались, чѣмъ болѣе возрастало и самое значеніе королевскаго дома въ упра-

вленіи всею страною. Это было такое мѣсто, которое могло быть предложено только довѣренному лицу, а потому майордомъ избирался именитѣйшими изъ вельможъ и сословія благородныхъ, или по крайней мѣрѣ представлялся королю. И вотъ, среди австразійскаго дворянства нашлась родственная королевскому дому фамилія, обладавшая весьма обширными помѣстьями между Маасомъ, Мозелемъ и Рейномъ; изъ представителей ея, наиболѣе древнихъ, извѣстенъ намъ Карломанъ (жилъ ок. 600 г.); его-то сынъ, *Пипинъ Ланденскій* *), былъ майордомомъ въ Австразіи, при Дагобертѣ I (622—638 г.). За нимъ слѣдовалъ другой, мощный представитель того же дома, *Гримоальдъ*, который однако уже возбудилъ противъ себя зависть другихъ вельможъ и палъ ея жертвою. Только уже *Пипину Геристальскому*, Пипину среднему, удалось пріобрѣсти громкую извѣстность: въ одной изъ усобицъ, которыя бушевали между вельможами Нейстріи и Австразіи изъ-за господства въ землѣ Франковъ, онъ разбилъ Бартара, майордома Нейстріи, при *Тестри* (687 г.); послѣ этого, Пипинъ вынудилъ ничтожнаго короля Нейстріи, Теодорика III, чтобы тотъ назначилъ его майордомомъ Австразіи, Нейстріи и Бургундіи, слѣдовательно всего Франкскаго королевства, возсоединеннаго побѣдою при Тестри. Ему тогда же былъ присвоенъ титулъ, который уже указывалъ, что Пипинъ былъ не простымъ подданнымъ короля: онъ титуловался княземъ и герцогомъ франкскимъ (dux et princeps Francorum). Сынъ его былъ *Карлъ*, впослѣдствіи прозванный Карлъ Мартель (т. е. боевой молотъ); послѣ долговременной борьбы, въ 719 г., онъ занялъ мѣсто своего отца, какъ майордомъ трехъ составныхъ частей государства, съумѣлъ поддержать единство между этими частями и окончательно прославилъ свой родъ такимъ геройскимъ подвигомъ, которымъ значеніе стариннаго королевскаго рода было окончательно подорвано.

Карлъ Мартель. Битва при Турѣ. 732.

Могущество Калифата, при Велидѣ I и его наслѣдникѣ Сулейманѣ, было болѣе чѣмъ когда-либо грознымъ. На берегахъ Инда и на побережьяхъ Атлантическаго океана войска Калифата всюду одинаково торжествовали надъ врагами. Въ 717 г. новое нападеніе на Константинополь было отражено съ большимъ трудомъ, а съ 720 г. испанскіе Арабы уже совершаютъ походы и за Пиринеи. Герцогъ Аквитаніи—юго-западной части Галліи, освободившейся отъ франкскаго владычества—съ величайшими усиліями отражалъ ихъ нападенія. Въ 732 году сильное арабское войско вторично перешло черезъ Пиринеи, нанесло герцогу аквитанскому тяжкое пораженіе и вынудило его искать спасенія въ бѣгствѣ. Тогда онъ обратился за помощью къ могущественному и грозному майордому франкскому. Повидимому, надвигавшаяся грозная опасность на время прекратила многоразличные раздоры и усобицы какъ среди самихъ Франковъ, такъ и среди Франковъ и другихъ германскихъ племенъ:—Карлу удалось собрать большое войско, въ составъ котораго вошли, кромѣ Франковъ, и многія другія племена германскія: Аллеманы, Баварцы, Саксы, Фризы — для отраженія страшнаго бѣдствія. Рѣшительная битва произошла въ октя-

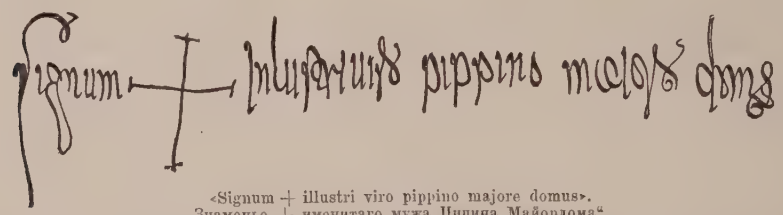
*) Эта мѣстность входитъ въ настоящее время въ составъ Люттихской провинціи въ Бельгіи.

брѣ 732 года, на равнинѣ между Туромъ и Пуатье. День этой битвы былъ однимъ изъ важныхъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи человѣчества: — и здѣсь такъ же, какъ при Саламинѣ, или какъ на Каталаунскихъ поляхъ, судьба многихъ народовъ зависѣла отъ сомнительнаго исхода борьбы двухъ войскъ. Съ подробностями битвы, въ частности, мы незнакомы, хотя и можемъ себѣ представить съ полною ясностью, какія побужденія и какіе страстные порывы волновали воиновъ, входившихъ въ составъ этихъ обоихъ войскъ. Войско Абдеррахмана было одушевлено тѣмъ пламенемъ вѣры въ Единаго Бога и Его Пророка, который предалъ уже царства и народы во власть правовѣрныхъ, и гордостью побѣдителей, и тою алчностью добычи, для которой всѣ уже одержанныя побѣды и захваты должны были служить только ступенями къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, завоеваніямъ и обогащеніямъ. Религіозный энтузіазмъ, вѣроятно, былъ великъ и въ христіанскомъ войскѣ, хоть мы не имѣемъ свѣдѣній объ особомъ усердіи духовенства, и притомъ знаемъ, что довольно значительная часть Карлова войска состояла еще изъ язычниковъ. Но Франки знали, за что они бьются: они уже успѣли свыкнуться съ тою прекрасною страною, которую пріобрѣли своимъ мужествомъ и мужествомъ своихъ предковъ, и готовились горячо постоять за нее. Главная сила мужества Арабовъ проявлялась въ ихъ стремительномъ натискѣ, которымъ они всегда наводили ужасъ на враговъ своихъ; главная сила Сѣверянъ—въ спокойной оборонѣ: «они стояли, какъ неподвижная стѣна», «какъ ледяной поясъ»—такъ повѣствуетъ намъ одинъ современный источникъ. Карлъ, очевидно, озаботился предварительнымъ ознакомленіемъ своихъ воиновъ съ арабской тактикой; притомъ нѣкоторую увѣренность придавало имъ сознаніе своего превосходства передъ Арабами въ силахъ физическихъ. Искусное обходное движеніе герцога аквитанскаго много способствовало одержанію побѣды, которая была полною: — на другой день шатры арабскаго стана оказались пустыми, и можно было совершенно спокойно выбрать изъ нихъ добычу, которая была весьма значительна.

Дальнѣйшее правленіе Карла Мартеля.

То единодушіе, которому были обязаны этою побѣдою, удержалось не долго, и Карлу пришлось впослѣдствіи вновь бороться и съ *Фризами*, и съ *Саксами*, и съ *аквитанскимъ герцогомъ*, и съ *нейстрійскими вельможами*, которые не брезгали даже предательскою связью съ мосле-митами, вслѣдствіе чего тѣ еще много разъ вторгались во Франкское государство, опустошая весь юго-востокъ его до самаго Ліона; только уже въ 739 г. Карлу удалось, въ союзѣ съ лангобардскимъ королемъ Ліутпрандомъ, окончательно справиться и съ Арабами, и со своими внутренними усобицами. Въ періодъ этой борьбы, грозный воитель нарушилъ свои связи и съ Церковью или, вѣрнѣе сказать, съ высшими духовными лицами современнаго Франкскаго государства, которыя погрязали въ грубѣйшей безнравственности и вели самую расточительную жизнь. Онъ, не задумываясь, почерпалъ изъ церковныхъ имуществъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о борьбѣ съ исламомъ и въ особенности о вознагражденіи дѣятелей, которые въ этой борьбѣ оказали существенныя услуги государству; понятно, что избалованное королями и зазнавшееся духовенство старалось всячески ему вредить и препятствовать, и даже

пустило въ ходъ легенду о видѣніи, въ которомъ одному изъ духовныхъ будто бы было показано, какъ побѣдитель Арабовъ мучился въ пламени преисподней за свои дурныя отношенія къ духовенству. Несмотря на все это, значеніе Карла было настолько велико, что онъ, по смерти Теодорика IV, могъ довольно долгое время никѣмъ не замѣщать осиротѣвшій тронъ.



«Signum ✝ illustri viro pippino majore domus».
„Знаменье ✝ именитаго мужа Пипина Майордома".

Съ диплома 651 г. въ національномъ архивѣ въ Парижѣ. Собственноручно поставленъ Пипиномъ только крестъ; все остальное рукою писца.

Майордомъ Карлъ умеръ въ 741 г. Изъ его двоихъ сыновей, *Пипина* и *Карломана*, наслѣдовавшихъ ему, послѣдній въ 747 г. удалился въ знаменитый монастырь, основанный въ 529 г. въ Кампаніи на горѣ Казинусъ, на мѣстѣ бывшаго Аполлонова храма *). Пипинъ съ той поры правилъ одинъ, хотя и отъ имени совершенно ничтожнаго меровингскаго короля *Хильдерика III*, пока въ 751 г. не рѣшился сдѣлать уже давно обдуманнаго имъ шага. Онъ отправилъ двоихъ духовныхъ лицъ къ папѣ *Захарію* (741—762) и предложилъ ему для разрѣшенія слѣдующій вопросъ: — не лучше-ли будетъ для общаго положенія франкской Церкви, чтобы тотъ, кто держитъ въ рукахъ власть, носилъ бы и титулъ королевскій.

Положеніе Церкви. Папство.

Это именно посольство и этотъ запросъ были событіями знаменательными въ исторіи франкскаго государства, равно какъ и въ исторіи папства. Мы уже выше видѣли, что римскіе епископы издавна заявляли большія притязанія, выдавая себя за намѣстниковъ св. апостола Петра: и событія сложились для нихъ удивительно благопріятно, какъ бы въ подтвержденіе ихъ притязаній. Въ то время, когда въ восточной греческой Церкви продолжались богословскія распри и патріархъ константинопольскій, благодаря близости императора, оставался въ постоянной зависимости отъ него, отъ его двора, а также и отъ тѣхъ колебаній и партій, которыя играли такую важную роль при каждой новой перемѣнѣ въ престолонаслѣдіи—епископы западные вели борьбу только съ аріанствомъ, строго придерживаясь установленной догматической системы, и епископъ римскій свободно исполнялъ въ вопросахъ вѣры обязанность третейскаго судьи, которую возлагали на него многіе, по старому предразсудку, по которому Риму придавалось особое значеніе, а св. Петръ почитался первымъ

*) Основателемъ этого монастыря былъ Бенедиктъ Нурзійскій, который далъ правила общежитія монахамъ своей обители.

епископомъ римскимъ. Притомъ императоръ былъ далеко, и долгое время совсѣмъ не принималъ участія въ дѣлахъ западныхъ странъ. Разъединеніе между Востокомъ и Западомъ все болѣе и болѣе становилось ощутительнымъ; къ тому же и все романское населеніе Запада, угнетаемое завоевателями-аріанами, Остготами, Вестготами и Вандалами, все тѣснѣе и тѣснѣе заключалось въ замкнутый кругъ и начинало пріучаться видѣть въ каѳедрѣ св. Петра естественный центръ своей Церкви, а въ самой Церкви какъ бы нѣкоторое восполненіе исчезнувшаго государственнаго единства, сближавшее, роднившее ихъ между собою однимъ общимъ чувствомъ духовной національности, если можно такъ выразиться. Такое отношеніе романскаго населенія къ Риму воздѣйствовало даже на аріанъ-Германцевъ, вызывало въ нихъ нѣкоторую неувѣренность, которая ясно выказалась во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ обращенія аріанъ къ каѳолической Церкви, и еще болѣе усилилась со временъ событія 496 г., которое окончательно подорвало значеніе аріанства въ Германіи. Этому постоянно возраставшему значенію римскаго епископа угрожала нѣкоторая опасность въ то время, когда Велизарій и Нарзэсъ вновь покорили Италію подъ власть восточно-римскаго императора: но отъ этой опасности римскій епископъ былъ избавленъ вторженіемъ Лангобардовъ. Хотя городъ Римъ и призналъ власть экзарха, но въ сущности надъ нимъ не было никакой непосредственной власти, и какъ дурно ни чувствовалъ себя *Григорій I* «подъ мечами Лангобардовъ», — по его выраженію, — но тѣмъ не менѣе Римъ именно въ это время былъ центромъ миссіонерской дѣятельности между Германцами. Именно при этомъ замѣчательномъ папѣ его миссіонерамъ удалось обратить въ христіанство Англо-Саксовъ въ далекой Британніи, и между самыми Лангобардами сталъ распространяться свѣтъ правой вѣры, которая окончательно установилась при королѣ Гримоальдѣ (663—671 г.).

Еще страшнѣе была опасность, грозившая самостоятельности папской власти изъ-за Лангобардовъ, въ особенности при *Ліутпрандѣ*, замѣчательнѣйшемъ изъ ихъ королей (714—743 г.), который стремился покорить своему могуществу весь полуостровъ, какъ то было во времена Теодорика. Около этого же времени римскому епископу удалось порвать свои связи съ Константинополемъ изъ-за *спора объ иконахъ*. Тѣ неистовства, которыя послѣдовали на Востокѣ послѣ указа (726 г.), изданнаго императоромъ *Львомъ III Исаврянином*ъ, воспрещавшаго поклоненіе иконамъ, не нашли себѣ отголоска на Западѣ, гдѣ папа Григорій II, пастырь осторожный и дальновидный, принялъ поклоненіе иконамъ подъ свое покровительство.

Миссіонерская дѣятельность монаховъ.

И между тѣмъ какъ Востокъ уже со второй половины VII вѣка утратилъ обширныя области, отвоеванныя у него исламомъ, а о миссіонерской дѣятельности и думать не могъ—этой именно дѣятельности открывалось на Западѣ обширное поприще. Миссіонерской дѣятельности здѣсь посвятило себя преимущественно *монашество*, которое проявило себя и практическимъ, и весьма дѣятельнымъ. Образцомъ всѣхъ монастырей Запада явился вышепомянутый бенедиктинскій монастырь на *Монте-Кассино*. Подобные же монастыри явились всюду, и вмѣстѣ съ тѣмъ, среди широко распространившагося монашества, образовалась своего рода «Церковь

среди Церкви»—сложилась тѣсно сплоченная, дѣятельная община бойцовъ, всегда готовыхъ бороться за идеи, положенныя въ основу Церкви. Каждый вступавшій въ монашество долженъ былъ провести нѣкоторое время на испытаніи, прежде чѣмъ произнести обѣтъ, который навсегда отлучалъ его отъ міра, обязывалъ повиновеніемъ Богу и святымъ Его и подчинялъ безусловной власти аббата,—отца и настоятеля обители. По правиламъ св. Бенедикта, монахамъ предписывалось весьма разумное чередованіе молитвенныхъ упражненій и ручного труда, къ области котораго впослѣдствіи (Кассіодоромъ, вступившимъ въ этотъ монастырь въ 538 г.) отнесены были и научныя занятія; съ той поры орденъ бенедиктинцевъ и во всѣ послѣдующія времена славился своею ученостью. Особенно плодотворною оказалась миссіонерская дѣятельность въ *Ирландіи*, гдѣ христіанство установилось не ранѣе 430 г., а уже съ конца VI вѣка отсюда начали выходить ревностные миссіонеры, которые стали проповѣдывать евангельское ученіе пребывавшимъ еще въ язычествѣ германскимъ народамъ: отсюда вышли и *Колумбанъ*, и *Галлъ* — проповѣдывавшіе среди Аллемановъ, и *Эммеранъ*—просвѣтитель Баварцевъ, и *Киліанъ*—распространившій христіанство въ Тюрингіи. Эти «люди Божіи» не стояли еще тогда въ тѣсной зависимости отъ Рима и даже расходились съ римскимъ духовенствомъ по многимъ вопросамъ внѣшней обрядности и культа. Такъ, они съ особенною настойчивостью отстаивали исключительно авторитетъ Св. Писанія, допускали браки въ священствѣ, противъ которыхъ давно уже возставала римская Церковь, совершали богослуженіе и говорили проповѣди на мѣстномъ народномъ языкѣ. Въ противуположность имъ, духовенство *британской Церкви*, съ тѣхъ поръ какъ стали господствовать въ этой странѣ Англосаксы, старалось поддержать самыя тѣсныя связи съ Римомъ. Миссіонеры тамошніе, Вигбертъ, Виллибродъ, проповѣдывали Фризамъ, но первоначально безъ особеннаго успѣха. Объ одномъ изъ герцоговъ этого племени, Радпотѣ, часто повторялся извѣстный анекдотъ о его крещеніи: Радпотъ уже вступилъ было одною ногою въ купель, какъ вдругъ имъ овладѣло сомнѣніе относительно его предковъ, и тогда онъ спросилъ крестившаго монаха гдѣ они, по его мнѣнію, находятся? Монахъ отвѣчалъ, что они, какъ некрещеные, по всѣмъ вѣроятіямъ, находятся въ аду. Услышавъ это, Радпотъ поспѣшилъ вынуть ногу изъ купели и сказалъ: «гдѣ эти храбрые находятся, тамъ и я хочу быть». Легко можетъ быть, что подобные случаи повторялись неоднократно.

Положеніе франкской Церкви. Бонифацій.

Со стороны франкской Церкви, повидимому, очень немногое было сдѣлано для обращенія германскихъ племенъ, даже и тѣхъ, которыя были вполнѣ покорены Франками. Эта Церковь вообще не отличалась своимъ внутреннимъ строемъ: борьба съ аріанствомъ, видимо, гораздо болѣе занимала франкское духовенство, нежели борьба противъ язычества. Епископы франкскіе, съ тѣхъ поръ, какъ Хлодвигъ съ ними сблизился, заботились только о томъ, чтобы извлечь изъ этого сближенія выгоды; они принимали самое дѣятельное участіе въ интригахъ, къ которымъ раздѣленія царства давали поводъ; они являлись на всѣ собранія вельможъ и народа, какія созывались королями, и—пользовались благопріятными обстоятельствами для пріобрѣтенія власти и богатства. Многіе даже и прямо

выказывали стремленіе обратить свой епископатъ въ мірское территоріальное владѣніе. Вопросъ о реформѣ франкской Церкви, мало-по-малу, сталъ вопросомъ насущнымъ: уже Карлъ Мартель вступилъ съ представителями ея въ борьбу, и уже изъ самой формы запроса, обращеннаго Пипиномъ къ папѣ Захарію, становится для насъ ясно, что между нимъ и Пипиномъ происходили уже кое-какія предварительныя сношенія по вышеуказанному вопросу. Дѣятельнымъ орудіемъ этой реформы явился англо-саксонскій монахъ, *Винфридъ*, который родился въ 680 г. въ Киртонѣ (въ Девонширѣ) и затѣмъ довольно безуспѣшно занимался проповѣдью христіанства между Фризами. Въ 718 г. Винфридъ отправился въ Римъ, чтобы, запасшись полномочіями и инструкціями папы, продолжать свою миссіонерскую дѣятельность въ Тюрингіи; при этомъ ему было поручено, чтобы онъ старался и франкскую Церковь, и тѣ области Германіи, въ которыхъ онъ будетъ проповѣдывать,—какъ можно тѣснѣе сблизить и съ папою и съ Римомъ. Въ 723 г. онъ вторично побывалъ въ Римѣ, былъ здѣсь посвященъ въ епископы и получилъ при этомъ имя *Бонифація* *). Въ годъ великой битвы (732 г.) Григорій III назначилъ его архіепископомъ, но безъ опредѣленной каѳедры; въ послѣдующее десятилѣтіе онъ и продолжалъ свою проповѣдь въ Германіи (въ Гессенѣ); при этомъ, онъ, подобно многимъ другимъ миссіонерамъ, дѣйствовалъ на умы язычниковъ не только сильною проповѣдью, но также и тѣмъ, что переименовалъ ихъ языческія капища въ храмы христіанскихъ святыхъ, а ихъ празднества пріурочивалъ къ днямъ церковныхъ празднествъ. Въ то же время онъ боролся противъ свободомыслія ирландскихъ духовныхъ, которое проникло и въ среду франкскаго духовенства. При помощи правительственной власти, онъ добился нѣкоторыхъ результатовъ: на «германскомъ соборѣ» (742 г.)—мѣсто, гдѣ онъ происходилъ, не извѣстно—всѣ епископы франкскіе обязались безусловнымъ подчиненіемъ римской каѳедрѣ, и вскорѣ послѣ того (745 г.) франкское духовенство предоставило ему въ управленіе епископскую каѳедру въ *Майнцѣ*. Когда, три года спустя, папа Захарій подчинилъ 9 епископій франко-германскихъ Бонифацію (Зальцбургъ, Фрейзингенъ, Регенсбургъ, Пассау, Шпейеръ, Вормсъ, Кёльнъ, Утрехтъ, Тонгернъ), Майнцъ явился метрополіей всей Германской Церкви. Въ 751 г. закончилась и дѣятельность Бонифація.

Пипинъ—король. 751.

Папа Захарій, который, такимъ образомъ, являлся высшею инстанціею для западнаго міра въ разрѣшеніи вопросовъ совѣсти,— на обращенный къ нему запросъ Пипина, конечно, отвѣтилъ утвердительно. Сообразно съ этимъ отвѣтомъ, послѣдній изъ меровингскихъ королей — король только по имени—былъ отправленъ въ монастырь, и въ Суассонѣ созванъ съѣздъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Здѣсь завершилось учрежденіе новаго королевства: состоялось нѣчто въ родѣ выборовъ короля, съ общаго согласія Франковъ, и архіепископъ майнцскій, въ качествѣ легата папскаго, помазалъ и вѣнчалъ Пипина королевскою короной — какъ нѣкогда Самуилъ Давида (751). Безъ сомнѣнія, эта аналогія приходила на память

*) Это имя было не болѣе какъ переводъ его англо-саксонскаго имени: *Вин-фретъ*, благопріятный, boni-facius.

и духовенству, и тѣмъ мірянамъ, которые были знакомы съ библейскою исторіей:—создано было новое королевство при содѣйствіи Церкви. Вскорѣ послѣ того Бонифацій передалъ или предоставилъ свою каѳедру ученику своему Луллу и вновь принялся за ту проповѣдническую дѣятельность, которою такъ страстно увлекался въ молодости. «Проповѣдуя Слово Божіе язычникамъ-Фризамъ», онъ былъ замученъ ими (755 г.) и потому не даромъ былъ удостоенъ въ потомствѣ наименованія его апостоломъ Германіи. Его останки были погребены въ основанномъ имъ монастырѣ Фульдскомъ.

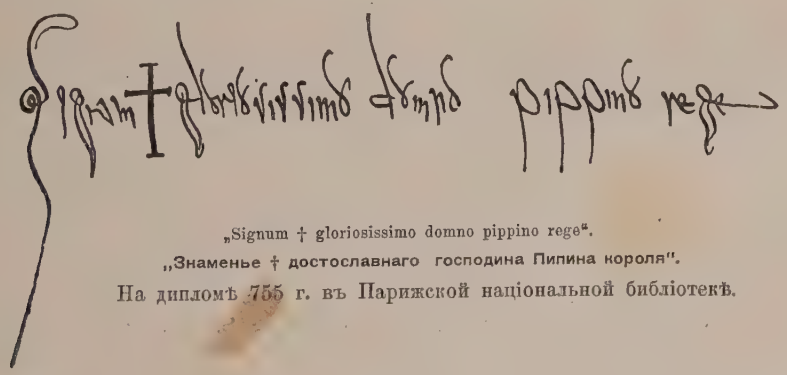
Пипинъ и Лангобарды.

Первый въ династіи Каролинговъ, *король Пипинъ*, правилъ до 768 г. Ему вскорѣ, послѣ восшествія на престолъ, представился случай отблагодарить папу за ту поддержку, какую тотъ оказалъ ему при полученіи королевскаго титула. Лангобардскій король *Айстульфъ*, энергически продолжавшій начинанія Ліутиранда, и уже овладѣвшій экзархатомъ, отлично понималъ, сообразуясь съ примѣромъ Пипина, что и ему теперь представляется возможность объявить себя королемъ всей Италіи. Поэтому онъ объявилъ преемнику Захарія, *Стефану II*, что онъ намѣренъ подчинить себѣ и Римъ. Тщетно обращался Стефанъ за помощью къ греческому императору, хотя тотъ (Константинъ V Копронимъ) и былъ яростнымъ иконоборцемъ; не получивъ отъ него желаемаго, папа рѣшился обратиться за помощью къ Франкамъ. Съ этою цѣлью папа Стефанъ лично отправился за Альпы, и въ С.-Дени самъ просилъ Пипина о помощи. При этомъ онъ завершилъ и какъ бы скрѣпилъ уже совершенное его предшественникомъ: собственноручно помазалъ онъ новаго франкскаго короля и его двоихъ сыновей, и собственною властью наименовалъ Пипина римскимъ патриціемъ. Между королемъ и папою состоялось нѣчто въ родѣ договора, въ силу котораго Пипинъ тотчасъ приступилъ къ посредничеству между папою и Айстульфомъ (754 г.). Только тогда уже, когда ничего не оказалось возможно добиться путемъ переговоровъ, король Франкскій выступилъ въ походъ, которому франкскіе вельможи, повидимому, совсѣмъ не сочувствовали. Первый походъ закончился, послѣ удачной для Франковъ битвы, миромъ, по которому Айстульфъ обязался возвратить папѣ захваченныя Лангобардами области и вознаградить Франковъ за военныя издержки; но онъ нарушилъ договоръ: какъ только удалились Франки, двинулся къ Риму, который и держалъ въ тѣсной осадѣ. Второй походъ (755), еще болѣе перваго успѣшный для Франковъ, вынудилъ Айстульфа къ полной покорности: отвоеванныя Пипиномъ отъ Айстульфа области — экзархатъ и такъ-называемый Пентаполисъ (береговую полосу отъ Римини до Анконы)—Пипинъ, по уговору съ папою Стефаномъ, подарилъ «каѳедрѣ св. Петра». Возраженія восточнаго римскаго императора не привели ни къ чему: посланцы его, явившіеся въ лагерь Пипина подъ Павіей, на заявленныя ими требованія получили прямой отказъ, и ключи Равенны и другихъ городовъ были переданы въ руки папѣ. Сыновья Карломана, которые могли бы оказаться опасными новому королю по своимъ притязаніямъ, были заключены въ монастырь; и самъ Карломанъ въ 755 г. умеръ въ одной изъ франкскихъ обителей. Однакоже, несмотря на эти предосторожности, Пипинъ не могъ похвалиться спокойствіемъ

правленія; ему приходилось безпрестанно бороться то съ Саксами, то съ герцогомъ Вайфаромъ Аквитанскимъ, то съ Арабами (Сарацинами), среди которыхъ, около этого времени, произошла такая же важная перемѣна, какъ и во Франкскомъ государствѣ.

Положеніе Калифата. Аббассиды.

Кровавый переворотъ—явленіе весьма обычное на Востокѣ—положилъ конецъ владычеству Омаядовъ въ Дамаскѣ. Родовыя распри, издревле столь излюбленныя въ средѣ Арабовъ, проявились и теперь однимъ изъ наиболѣе жизненныхъ элементовъ ихъ быта, но уже въ примѣненіи къ болѣе обширному кругу дѣйствій и къ болѣе заманчивымъ задачамъ. Старинная вражда Гашемитовъ къ Корайшитамъ возродилась въ видѣ борьбы партій, проводившей болѣе строгое религіозное направленіе противъ того, слишкомъ ужъ мірского характера, который носило на себѣ правленіе Омаядовъ: противъ 13-го въ династіи Омаядовъ, *Мервана II*, возсталъ *Абдалла-Абулъ-Аббасъ*, глава одного изъ родственныхъ пророку домовъ. Одержавъ побѣду, Аббасъ безпощадно приказалъ умертвить всѣхъ Омаядовъ, какіе попались въ его руки *). За симъ этотъ Аббасъ и явился главою династіи *Аббассидовъ* (750—1258 г.). Отъ руки убійцъ успѣлъ спастись только одинъ представитель династіи Омаядовъ, *Абдеррахманъ*, сынъ Моавія, который бѣжалъ за Евфратъ, затѣмъ въ Египетъ и оттуда въ Варварійскія владѣнія, и, наконецъ, послѣ тысячи приключеній, явился въ Испаніи, на европейской почвѣ. Здѣсь засталъ онъ междоусобную войну среди господствующаго племени и вскорѣ нашелъ себѣ приверженцевъ (752). Онъ съумѣлъ отбить всѣ враждебныя нападенія со стороны аббассидской династіи и ея партіи, образовалъ особый независимый калифатъ, избравъ себѣ резиденціею *Кордову* (Кардубу), и умеръ здѣсь въ 788 г. Однакоже владѣнія Арабовъ въ Галліи, мало-по-малу, стали уходить изъ-подъ власти ихъ; послѣ долгой борьбы въ 759 г. у нихъ была отбита и Нарбонна,—ихъ главный оплотъ за Пиринеями. Завоеваніе Нарбонны было послѣднимъ подвигомъ новаго франкскаго короля: Пипинъ скончался въ 768 году.

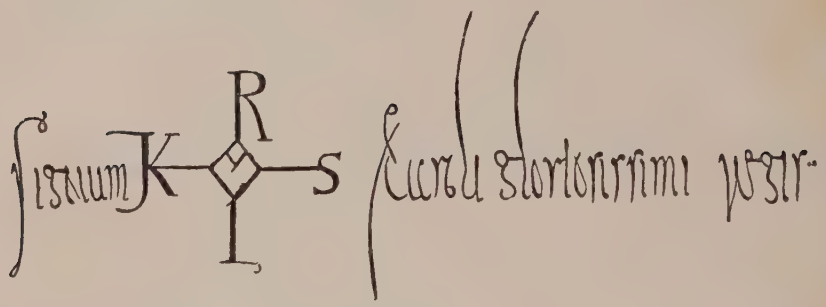


„Signum † gloriosissimo domno pippino rege".

„Знаменье † достославнаго господина Пипина короля".

На дипломѣ 755 г. въ Парижской національной библіотекѣ.

*) Аббасъ, въ память этихъ убійствъ, получилъ прозваніе «эль-Саффэ», т. е. *Кровожадный*.



R
„Signum K+S Caroli gloriosissimi regis".
L

Карлово знаменье на актѣ, данномъ въ Куфштейнѣ 31 августа 790 года.

На подписи, скрѣпляющей актъ, собственноручно Карломъ написанъ только ромбъ съ уголкомъ въ серединѣ креста, окруженнаго буквами королевской монограммы, которыя, равно какъ и всѣ остальныя слова направо и налѣво отъ нея, написаны рукою писца.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Карлъ Великій.

Государства европейскія около 750 г.

Въ серединѣ VIII вѣка, до котораго достигъ нашъ разсказъ, слѣдовательно 300 лѣтъ спустя послѣ фактическаго исчезновенія римской государственной власти на европейскомъ Западѣ, мы уже видимъ на территоріи прежней Римской Имперіи три различныя системы государственнаго устройства у народовъ. И названія, и традиціи единодержавной Имперіи сохранились за Востокомъ, центромъ котораго и главнымъ опорнымъ пунктомъ былъ отлично укрѣпленный и весьма благопріятно-расположенный *Константинополь*. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что этотъ городъ — съ его старинными зданіями и съ болѣе новыми постройками христіанскаго періода, мало-по-малу возросшими на почвѣ древняго искусства — представлялъ собою въ высшей степени величавое зрѣлище. Возвращенныя завоеваніями при Юстиніанѣ области Западно-Римской имперіи, какъ мы уже упоминали, были вновь утрачены при послѣдующемъ царствованіи, и около 750 года ограничивались уже небольшими клочками итальянскаго побережья—Неаполемъ, Гаэтой, Калабріей, частью Апуліи, частью Сициліи и Сардиніи. За то при могущественномъ и дѣятельномъ императорѣ *Гераклiи* (610—642 г.), какъ было помянуто, *Персы*, исконные враги имперіи, послѣ цѣлаго ряда походовъ, были отброшены: съ сыномъ Хозроя, противника Геракліева, былъ заключенъ въ 628 г. почетный миръ, по которому Имперіи возвращены были Сирія и Египетъ

и величайшая святыня христіанскаго міра—живоначальное древо Креста Господня. Но тому же самому государю уже пришлось сражаться съ новымъ и болѣе страшнымъ врагомъ — съ Арабами, которые грозили не только ему, но и всему христіанскому міру. Сирія и Египетъ были вновь утрачены; вскорѣ затѣмъ и провинція Африка; за первою осадою Константинополя (677 г.), которая окончилась мирнымъ соглашеніемъ, послѣдовала въ 717 г. другая, которая, благодаря неприступности столицы, не удалась и привела осаждающихъ къ большимъ потерямъ. Среди Арабовъ, осаждавшихъ городъ, распространился слухъ, будто большое христіанское войско идетъ съ Запада на помощь Грекамъ; но слухъ этотъ былъ совершенно не вѣренъ. На самомъ дѣлѣ обѣ половины бывшей единой имперіи болѣе и болѣе отдѣлялись одна отъ другой, ибо и религія составляла уже между ними связь весьма слабую, которая еще болѣе подрывалась богословскими спорами и иконоборчествомъ. Но, по прошествіи нѣкотораго времени, грозная сила Арабовъ стала мало-по-малу слабѣть, благодаря междоусобнымъ войнамъ, дворцовымъ переворотамъ и кровавымъ династическимъ распрямъ; калифатъ, такъ быстро охватившій собою все пространство земель отъ Татаріи и Инда, на протяженіи 200 дней пути, до столповъ Геркулесовыхъ и Гаронны, сталъ приходить въ упадокъ, и, рядомъ съ калифатомъ *Багдадскимъ* (Багдадъ былъ резиденціею Аббассидовъ), явился уже другой калифатъ или эмиратъ Омаядскій въ Кордовѣ. Братъ Абдулъ-Аббаса, который въ 754 г. вступилъ во власть, *Альмансуръ* (754—775 г.), уже не могъ въ мухамеданскомъ мірѣ занять то высокое положеніе, какое подобало имѣть духовному и свѣтскому повелителю всѣхъ правовѣрныхъ.

На Западѣ Карлъ Мартель положилъ предѣлъ поступательному движенію Арабовъ: однакоже опасность нападеній ихъ не могла быть устранена до тѣхъ поръ, пока германскія племена, поселившіяся на Западѣ Европы, жили между собою во враждѣ и раздорахъ. Но аріанство, бывшее однимъ изъ поводовъ къ этой взаимной враждѣ, уже начинало исчезать почти безслѣдно; за то Лангобарды и Франки, хотя и одинаково просвѣщенные христіанствомъ, относились другъ къ другу враждебно; примкнувшіе къ Франкскому государству племена—Аллеманы, Тюринги, Баварцы, къ которымъ теперь также проникло христіанство, были не равноправны съ Франками по своему подчиненному положенію, и потому самому весьма естественно должны были стремиться къ независимости. Такъ отдѣлился изъ-подъ власти Пипина юный герцогъ баварскій, *Тассило*, сынъ сестры Пипина. Сильно-враждебнымъ франкскому государству было большое племя, вполнѣ еще языческое, *Саксовъ*, жившихъ за предѣлами франкскаго господства; точно такъ же и германское племя, жившее на Скандинавскомъ Сѣверѣ, еще вовсе не соприкасалось съ областью распространенія христіанства. Только та часть Саксовъ, которая въ VIII в. осѣла въ Британніи, выдѣлялась изъ остальныхъ германскихъ племенъ. Эти Саксы, Фризы, Англы, Юты, послѣ усиленной борьбы (во время которой были почти уничтожены слѣды римской культуры) туземцами были оттѣснены къ западу и сѣверу Британніи, и на островѣ явилось нѣсколько небольшихъ *племенныхъ государствъ*, которыя ради удобства называются

Небольшая бронзовая статуэтка, по всѣмъ вѣроятіямъ, изображеніе Карла Великаго.

Нѣкогда хранилась въ Мецскомъ соборѣ; позднѣе пріобрѣтена городомъ Парижемъ и въ іюнѣ 1871 г. разыскана подъ развалинами сгорѣвшей ратуши. Теперь въ музеѣ Карнавалэ, въ Парижѣ.

обыкновенно *Гептархіей* (семицарствіемъ). Этимъ англосаксонскимъ государствамъ въ Британніи, конечно, никакого дѣла не было до Рима, къ которому даже Теодорикъ и Хлодвигъ относились съ нѣкоторымъ вниманіемъ. Эти государства стояли внѣ всякой связи съ древней имперіей или съ ея тѣнью, и потому не пощадили даже и начатковъ христіанства, зародившагося въ этой странѣ. Вскорѣ однакоже (въ концѣ VI в.) христіанскіе миссіонеры — и именно римскіе—проникли въ Британнію. Женитьба кентскаго короля на франкской княжнѣ открыла путь бенедиктинцамъ папы Григорія I къ Англо-Саксамъ, и, въ противуположность старой британской, независимой отъ Рима, Церкви, Англо-Саксы тѣсно примкнули къ Церкви каѳолической, которой центромъ былъ Римъ. Вполнѣ непросвѣщенною христіанствомъ оставалась восточная половина Европы (отъ 30° вост. долготы), заселенная массою славянскихъ племенъ. Такимъ образомъ, весь въ то время извѣстный міръ распадался на три группы,—*христіанскую, мухамеданскую* и *языческую*,—и хотя послѣдняя изъ этихъ группъ не выказывала особенной враждебности по отношенію къ христіанскому міру, а распространеніе ислама какъ бы пріостановилось на время, однакоже полное торжество христіанства и сопряженной съ нимъ своеобразной, такъ-называемой западной культуры еще не было окончательно-рѣшеннымъ.

Смерть Пипина. Карлъ и Карломанъ.

И вотъ во главѣ этого христіанскаго міра явился человѣкъ въ высшей степени способный и по-своему «великій»; онъ съумѣлъ обезпечить плоды этой христіанско-западной культуры, положивъ основаніе сильной государственной организаціи и тѣмъ самымъ вполнѣ заслуживъ наименованіе, которое люди издавна привыкли придавать мужамъ, дающимъ прочную

основу новому всемірно-историческому развитію. Такимъ именно дѣятелемъ явился *Карлъ Великій.*

Пипинъ, умирая, раздѣлилъ, по старому германскому обычаю, царство свое на двѣ приблизительно-равныя половины между своими двумя сыновьями. Карлу, старшему изъ нихъ, было 26 лѣтъ, когда онъ сталъ править государствомъ; это былъ человѣкъ рѣшительный, одаренный умомъ яснымъ и выспреннимъ, и при этомъ физически-сильный, не знавшій до 30 лѣтъ никакихъ болѣзней. По внѣшности, онъ былъ плотно и стройно сложенъ, но вовсе не былъ человѣкомъ необычайно высокимъ. Фантастическія представленія о Карлѣ Великомъ, существующія въ общемъ обращеніи, до нѣкоторой степени не трудно провѣрить по двумъ болѣе или менѣе схожимъ изображеніямъ его, сохранившимся до настоящаго времени: по мозаикѣ въ Латеранѣ и небольшому конному изображенію его, хранившемуся въ соборной ризницѣ въ Мецѣ; судя по этимъ двумъ изображеніямъ, видимъ, между прочимъ, что онъ, по франкскому обычаю, носилъ усы.

Голова вышепомѣщеннаго коннаго изображенія Карла Великаго — въ натуральную величину.

Карлъ и Лангобарды.

Съ перваго же шага онъ, при своемъ братѣ Карломанѣ, уже выказалъ себя полновластнымъ государемъ. Первымъ противникомъ его былъ герцогъ Гунольдъ Аквитанскій, наслѣдовавшій Вайфару, который и думалъ для возстановленія своей независимости воспользоваться благопріятными обстоятельствами при перемѣнѣ правителей. Хотя братъ и отказалъ Карлу въ помощи, но онъ и одинъ, въ *одинъ* походъ, управился съ Гунольдомъ. Затѣмъ, раздоръ, уже начинавшійся между братьями и грозившій Франкскому королевству большими бѣдствіями, былъ вскорѣ устраненъ смертью Карломана, который скончался въ декабрѣ 771 года. Оба сына Карломановы были несовершеннолѣтними и всѣ свѣтскіе и духовные вельможи въ карломановой долѣ государства безъ всякаго затрудненія признали Карла своимъ королемъ. Тѣмъ временемъ со стороны королевства Лангобардскаго (гдѣ въ 756 году умеръ король Айстульфъ) уже готовились серьезныя затрудненія. Айстульфу, послѣ нѣкоторой распри изъ-за престола, наслѣдовалъ *Дезидерій*, герцогъ Тусціи, и матери Карла, королевѣ Бертѣ, удалось вступить съ нимъ въ родственныя связи при помощи устроеннаго ею брака между Карломъ и дочерью Дезидерія. Напрасно тогдашній папа *Стефанъ III* предостерегалъ противъ сближенія съ этимъ народомъ—«съ вѣроломнымъ и грязнѣйшимъ народомъ лангобардскимъ, который и причислять-то къ народамъ стыдно, и о которомъ»—такъ выражается озлобленный и ненавидящій Лангобардовъ папа—«достовѣрно извѣстно, что отъ него и прокаженные происходятъ»; тщетно заклиналъ онъ Карла не вступать въ этотъ бракъ, во имя Страшнаго суда, во имя всѣхъ Таинствъ Господнихъ, во имя мощей св. Петра апо-

стола, даже грозилъ проклятіемъ: — король развелся со своею супругою Гимильтрудою и обвѣнчался съ дочерью Дезидерія. Однакоже, такъ какъ нравы при дворѣ франкскихъ королей и въ этотъ періодъ были немногимъ лучше, чѣмъ во времена Меровинговъ, то Карлъ скоро прискучилъ своей новой женой и отправилъ ее обратно къ отцу, который рѣшился Карлу отомстить; онъ призналъ Карломановыхъ сыновей королями франкскими, а въ то же время и въ римской политикѣ рѣшился слѣдовать примѣру своего предшественника, и двинулъ большое войско для покоренія Рима. Онъ и слышать не хотѣлъ о томъ соглашеніи, которое предлагалъ ему новый папа Адріанъ I, повидимому, вовсе не желавшій принять помощь со стороны франкскаго короля. Однакоже пришлось къ нему прибѣгнуть. Карлъ собралъ войско и двинулся въ Италію черезъ Монъ-Сенисъ; часть войска велъ его дядя Бернгардъ другимъ путемъ, черезъ *Mons-Iovis*, которая съ той поры и получила свое нынѣшнее названіе горы св. Бернгарда. Тутъ-то и выказалось, какъ мало внутренней связи было въ государствѣ Лангобардскомъ, и какъ незначительна была власть ихъ тогдашняго короля. Дезидерій даже не рѣшился принять битвы въ открытомъ полѣ:—онъ поспѣшилъ укрыться въ сильно укрѣпленную Павію. Тамъ выдержалъ онъ долгую осаду, не имѣя возможности надѣяться на какое бы то ни было избавленіе отъ нея. Сыну его, Адельгизу, который держался нѣкоторое время въ Веронѣ, удалось оттуда уйти и пробраться въ Константинополь, гдѣ онъ былъ принятъ при дворѣ и могъ безопасно ожидать наступленія болѣе благопріятнаго времени. Для Дезидерія же, когда онъ наконецъ вынужденъ былъ сдаться Карлу, не оставалось никакого выбора: онъ былъ постриженъ въ монахи и отправленъ въ монастырь Корби (въ нынѣшнемъ департаментѣ Соммы), въ 774 г. Послѣ этой побѣды Карлъ присвоилъ себѣ титулъ «короля франкскаго и лангобардскаго», а также и всѣ внѣшнія царственныя украшенія лангобардскихъ королей *). Карлъ, конечно, поступилъ чрезвычайно умно, предоставивъ побѣжденнымъ Лангобардамъ пользоваться нѣкоторою самостоятельностью или тѣнью самостоятельности, хотя принялъ на себя титулъ ихъ короля; это было необходимо по отношенію къ непокореннымъ еще элементамъ лангобардскаго народа—къ герцогамъ Фріульскому, Сполетскому и Беневентскому, изъ которыхъ послѣдній, зять Дезидерія, Арихисъ, вмѣстѣ съ Адельгизомъ, еще долго противился Карлу; только уже въ 787 г. онъ былъ окончательно побѣжденъ и вынужденъ быть данникомъ Карла. Коронныя владѣнія королей лангобардскихъ, по праву перешедшія во власть Карла, были имъ заселены болѣе надежнымъ элементомъ преданныхъ ему Франковъ и Аллемановъ; затѣмъ, при первой вѣрной возможности, Карлъ передалъ всю страну Лангобардовъ, по франкскому образцу, въ управленіе графовъ—правителей, назначаемыхъ королемъ, а самъ обратился къ другимъ дѣламъ.

Приготовленія къ войнамъ съ Саксами.

Уже во время этой лангобардской войны всѣ успѣли ознакомиться съ однимъ главнымъ свойствомъ государственной мудрости Карла и основой

*) Относительно знаменитой «желѣзной короны», и теперь еще хранящейся въ Монцѣ, существуетъ сомнѣніе:—дѣйствительно-ли она относится къ этому времени?

всѣхъ его успѣховъ: съ тою твердою волею, которая давала ему возможность непремѣнно доводить до конца задачу, за которую онъ принимался. То же свойство, еще въ высшей мѣрѣ, проявилось при выполненіи другого, гораздо болѣе мудренаго замысла—при покореніи *Саксовъ,* которое онъ задумалъ уже давно, еще тогда, какъ онъ, послѣ смерти Карломана, сталъ править всѣмъ королевствомъ.

Война съ Саксами, которая длилась цѣлую четверть вѣка (772—804 г.), вовсе не была слѣдствіемъ стремленія къ воинственнымъ приключеніямъ или завоеваніямъ, ни какихъ-либо преобладающихъ побужденій религіознаго свойства:—это была историческая задача, завѣщанная Карлу его отцомъ и дѣдомъ. По своей внутренней необходимости, своему общему ходу и послѣдствіямъ своего побѣдоноснаго окончанія, эта война въ исторіи германской націи и даже всей Западной Европы занимаетъ такое же мѣсто и даже носитъ на себѣ такой же характеръ, какъ и самнитскія войны въ римской исторіи. Народъ саксонскій или, лучше сказать, то соединеніе племенъ, которое въ теченіе многихъ вѣковъ образовалось въ Сѣверной Германіи подъ этимъ названіемъ, жилъ на территоріи между Эльбою и Рейномъ, занимая все пространство отъ сліянія рѣкъ Фульды и Верры и до Эйдера. Самихъ Саксовъ подраздѣляютъ на пять большихъ племенъ, входившихъ въ составъ не то государства, не то союза, который они составляли: Вестфаловъ, Энгровъ, Остфаловъ, Фризовъ и Норманновъ. Всѣ они были язычники, и ни въ установленіи государственной связи между разрозненными народными силами, ни въ отношеніи какихъ-либо иныхъ стремленій народа къ высшимъ цѣлямъ они въ послѣдніе вѣка нимало не подвинулись впередъ. Они не знали королевской власти, и въ мирное время не было у нихъ даже и признака какого-нибудь общаго правленія; только ради цѣли веденія войны или ради хищническаго набѣга избирался ими герцогъ или, вѣрнѣе, герцоги отдѣльныхъ племенъ и племенныхъ союзовъ. У нихъ было почти то же, что повѣствуетъ намъ Цесарь о Свэвахъ: отдѣльныя общины, управляемыя выборными старшинами, живутъ по обычаю праотцевъ; извѣстнаго рода общіе вопросы разрѣшаются на общихъ народныхъ сходкахъ, которыя собираются въ опредѣленное время и въ опредѣленныхъ мѣстахъ или вообще каждый разъ, когда общая опасность грозитъ странѣ, или же, когда общее предпріятіе противъ сосѣдей сулитъ успѣхъ и богатую добычу. Характеръ подобной общины (или общинъ) демократиченъ только въ весьма условномъ смыслѣ: въ ней неизбѣжно существуетъ господствующій классъ свободныхъ (Freie или Frilinge), противуполагаемый многочисленнымъ несвободнымъ, гдѣ бы и когда бы то ни было покореннымъ въ силу военнаго права, и надъ массою *свободныхъ* выдвигаются (въ силу извѣстнаго естественнаго развитія, которое наблюдается во всѣхъ подобныхъ же условіяхъ) *благородные, знатные* (Edelinge, Ädelige), сильные, воинственные, окруженные многочисленными дружинами; давно уже были они страшны сосѣдямъ, а при нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ могли бы даже быть гибельными для Франкскаго государства. Проницательный Карлъ понялъ одно, что—если можно употребить въ данномъ случаѣ современное выраженіе — *эра переселенія народовъ,* неправильныхъ захватовъ земли, дикихъ вторженій на террито-

рію, медленно пріобрѣтенную культурой, уже прекратилась; вотъ почему, въ маѣ 772 г., въ Вормсѣ, — на одномъ изъ тѣхъ весеннихъ съѣздовъ, на которые съ давнихъ поръ ежегодно съѣзжались къ королю духовные и свѣтскіе вельможи,—рѣшена была война противъ Саксовъ.

Войны съ Саксами.

Въ этой борьбѣ съ Саксами интересы Франкскаго государства и христіанской Церкви шли рука объ руку, хотя въ первые годы войны никакихъ обращеній изъ язычества въ христіанство и не послѣдовало. Самая война велась обычно такимъ образомъ, что на майскомъ съѣздѣ, въ одномъ изъ мѣстъ, ближайшихъ къ театрамъ войны, принимались необходимыя мѣры къ походу, и затѣмъ этотъ походъ открывали съ нѣкоторою торжественностью, которой Церковь придавала обрядовую сторону. Мощи, какія были подъ руками, несли впереди выступающаго войска; и духовенства при войскѣ было очень много: «священниковъ, аббатовъ, пресвитеровъ, учителей вѣры, сколько возможно было ихъ собрать»— «и обязанность ихъ заключалась въ томъ, чтобы они своими святыми наставленіями поучали и подъ кроткое иго Христово покоряли народъ, съ поконъ вѣка находившійся въ узахъ бѣсовскихъ». Воевали, опустошали страну, разрушали языческія капища *); затѣмъ непріятельскія общины покорялись, нѣкоторыхъ князей или эделинговъ удавалось крестить, отъ общинъ брали заложниковъ, размѣщали гарнизоны въ удобныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ *Эресбургъ* при Штадтбергѣ, и начинали строить церкви. Но при первомъ удобномъ случаѣ — когда знали, что король франкскій гдѣ-нибудь далеко отъ мѣста дѣйствія — народъ поднимается, вѣроломный, какъ всѣ варвары, нарушаетъ всѣ клятвы, данныя отъ имени его, нападаетъ на гарнизоны и пытается уничтожить слѣды наложеннаго на него рабства. Такъ и тянется война, жестокая и кровавая; такъ утрачены были и всѣ пріобрѣтенія первыхъ лѣтъ войны, когда Карлъ былъ отвлеченъ войною съ Лангобардами; возвратясь оттуда, онъ послалъ въ страну Саксовъ летучіе отряды для ея опустошенія; въ 775 г. лично повелъ туда большое войско, и страна Саксовъ ему покорилась, но уже въ слѣдующемъ году, въ то же время,—во время его пребыванія въ Италіи, вся страна вновь возстала. То же самое повторялось еще нѣсколько разъ: въ 777 г. майскій съѣздъ созванъ былъ въ Падерборнѣ; на немъ явилось уже много Саксовъ и ихъ знати, и предприняты были мѣры къ установленію болѣе прочной организаціи. Но уже въ слѣдующемъ 778 г. воинственныя толпы Саксовъ являются на самыхъ берегахъ Рейна. Они подступаютъ подъ самый Кёльнъ и все, на правомъ берегу Рейна (на лѣвый они не могутъ или не рѣшаются переправиться), предаютъ огню и мечу: опасались даже за гробъ св. Бонифація, такъ что монахи фульдскіе поспѣшили его припрятать въ безопасное мѣсто.

То былъ годъ, въ который Карлъ предпринялъ важный, но не особенно удачный походъ за Пиринеи; возстаніе Саксовъ вызвало его оттуда, и въ походахъ двухъ послѣдующихъ годовъ онъ лично предводительствовалъ войсками. Въ рукахъ его были довольно значительныя силы; Саксы

*) Въ 772 году было раззорено знаменитѣйшее изъ нихъ, *Ирминсулъ* въ Эггскихъ горахъ,—святилище, котораго значеніе и внѣшній видъ неизвѣстны.

поспѣшили заявить о своей покорности и многіе изъ нихъ крестились. Вскорѣ послѣ того, многіе изъ саксонскихъ эделинговъ должны были признать, что они тщетно противятся преобладающему могуществу Франковъ, и что ихъ же интересъ долженъ побуждать ихъ къ скорѣйшему соединенію съ государствомъ Франковъ; въ виду этого Карлъ, на одномъ изъ съѣздовъ (782 г.), попытался установить свое окружное управленіе въ странѣ Саксовъ, и даже многихъ изъ саксонской знати возвелъ въ графское достоинство. Но у Саксовъ, около этого времени, явился вождь, князь Видукиндъ, который сталъ руководить своимъ народомъ въ томъ же духѣ, какъ нѣкогда Арминъ, и даже побуждалъ ихъ дѣйствовать противъ Карла, какъ тотъ нѣкогда дѣйствовалъ противъ Варра. Между Франками пронесся слухъ о вторженіи *Сорбовъ* (Сербовъ)—славянскаго племени, жившаго между Заной и Эльбой. Когда же франкское войско явилось на саксонской территоріи, то оказалось, что сами Саксы бунтуютъ и что Видукиндъ предводительствуетъ мятежниками. Вмѣстѣ съ рипуарскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, подъ предводительствомъ какого-то графа Теодорика, франкское войско довольно несогласно и слишкомъ неосторожно произвело нападеніе на Саксовъ, которые къ этому нападенію готовились, а потому со всѣхъ сторонъ окружили Франковъ и нанесли имъ такое же жестокое пораженіе, какое было нанесено Варру въ Тевтобургскомъ лѣсу. Спаслись немногіе, и пораженіе это было тѣмъ болѣе чувствительно, что во время битвы погибло нѣсколько именитыхъ сподвижниковъ Карла. Карлъ рѣшился жестоко наказать Саксовъ за вѣроломство. Быстро собравъ сильное войско, онъ поспѣшилъ въ Саксонію и созвалъ къ себѣ саксонскихъ вельможъ. Главный зачинщикъ и руководитель возстанія, Видукиндъ, бѣжалъ къ Норманнамъ и ускользнулъ отъ мести Карла, который потребовалъ выдачи ему 4.500 Саксовъ и безпощадно приказалъ ихъ всѣхъ обезглавить, близъ Вердёна на Аллерѣ. Это на первыхъ порахъ вновь возмутило весь народъ противъ Карла, тѣмъ болѣе, что Саксамъ не по сердцу приходилось ни новое государственное устройство, ни новая вѣра, которая притомъ же требовала уплаты десятины священникамъ. Партія Видукинда опять взяла верхъ. Послѣдовали новыя битвы, и дѣло приняло иной, болѣе благопріятный оборотъ только уже съ 785 г. Зиму 784—785 г. Карлъ самъ провелъ въ Саксоніи; лѣтомъ ходилъ походомъ до береговъ Эльбы. Повидимому, именно около этого времени большинство Саксовъ разувѣрилось въ могуществѣ своихъ боговъ и признало тщетность дальнѣйшаго противодѣйствія прочно-устроенному Франкскому государству, во главѣ котораго стоялъ мощный единодержавный государь. Въ числѣ этихъ Саксовъ находился и самъ Видукиндъ, и другой вліятельный князь Аббіо. Оба они крестились: съ этою цѣлью они оба явились къ Карлу, въ Аттиньи, въ Арденнахъ, и были имъ вполнѣ очарованы.

Падерборнскій капитулярій, 785.

Послѣ этого, крещеніе было предписано всѣмъ, подъ страхомъ смертной казни, и весьма подробный статутъ, такъ-называемый *падерборнскій капитулярій* (785 г.), урегулировалъ всѣ отношенія въ странѣ Саксовъ, о которой мы, путемъ этого статута, получаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія. По этому статуту, смертной казни подлежитъ тотъ, кто церковь ограбитъ

или подожжетъ, кто нарушитъ святой 40-ка-дневный постъ изъ неуваженія къ христіанству, кто убьетъ епископа, или священника, или дьякона, кто по дьявольскому соблазну станетъ принимать мужчину за колдуна, а женщину за вѣдьму, и за то ихъ сожжетъ, и станетъ самъ ѣсть ихъ мясо или давать ѣсть другимъ, кто станетъ сожигать трупы умершихъ, станетъ укрываться отъ крещенія, чтобы остаться язычникомъ, или станетъ приносить людей въ жертву дьяволу или бѣсамъ, станетъ составлять заговоры противъ христіанъ или ихъ короля, устраивать возмущенія противъ короля, или же убьетъ своего господина или госпожу. Кто не окреститъ своего ребенка въ первые же дни по рожденіи, тотъ платитъ: эделингъ—120, свободнорожденный—60, несвободный—30 шиллинговъ; точно такъ же платитъ денежный штрафъ тотъ, кто приноситъ жертвы у источниковъ и деревьевъ, или въ рощахъ. Языческихъ жрецовъ и прорицателей слѣдуетъ отнынѣ выдавать Церкви; тѣла Саксовъ-христіанъ—хоронить на христіанскихъ кладбищахъ, а не зарывать въ древне-языческихъ могильныхъ холмахъ. На христіанскія церкви было распространено право убѣжища, и это много способствовало внушенію къ нимъ уваженія въ новообращенной паствѣ; на каждые 120 человѣкъ надлежало удѣлять въ пользу Церкви одного раба или рабыню и, сверхъ того, по заповѣди Божіей, всѣ—эделинги, свободные или несвободные—должны были удѣлять Церкви десятую долю своего имущества или заработка. Общія народныя собранія были воспрещены, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они «собирались по волѣ короля его посланными». Прежде чѣмъ народъ подчинился всѣмъ этимъ законоположеніямъ, Карлу пришлось усмирить еще одно возстаніе. Затѣмъ, мало-по-малу, ему удалось окончательно переманить знать на свою сторону и разъединить ее съ народомъ: въ 797 году очень много саксонскихъ эделинговъ присутствовало на съѣздѣ въ Ахенѣ, гдѣ вышеприведенные суровые капитуляріи были значительно смягчены. Тогда же закончена и церковная организація:—епископскія каѳедры учреждены въ Гильдесгеймѣ, Падерборнѣ, Бременѣ, Вердёнѣ, Мюнстерѣ, Оснабрюкѣ, и въ эти города разосланы мощи или части мощей, какія гдѣ можно было отыскать. Суровымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма дѣйствительнымъ средствомъ умиротворенія Саксоніи были массовыя переселенія народа во Франкскую землю, а оттуда, наоборотъ, въ Саксонію. Сохранившіяся доселѣ названія мѣстностей и городовъ, произведенныя отъ Франковъ (Франкфуртъ, Франкенталь и т. д.) въ сѣверо-западной Германіи, и другія, произведенныя отъ имени Саксовъ (Саксенгаузенъ, Саксенгеймъ) въ южной Германіи—напоминаютъ объ этихъ переселеніяхъ; говорятъ, до 10.000 семействъ было выселено изъ Саксоніи на Франкскую территорію. Въ 804 году всякое сопротивленіе прекратилось; строгими мѣрами достигнуты были громадные результаты: введеніемъ сильнаго и многочисленнаго народа Саксонскаго въ составъ Франкскаго государственнаго организма была создана возможность возникновенія въ будущемъ германскаго государства—германской націи.

Славяне. Датчане. Такимъ образомъ границею государства Франкскаго явилась Эльба—и, какъ прямое слѣдствіе этого, навязались войны противъ *славянскихъ племенъ*, жившихъ за этою рѣкою, противъ Оботритовъ, Сорбовъ, Виль-

цовъ, а равно и противъ Датчанъ, которые долгое время служили Саксамъ опорою, а ихъ князьямъ давали въ случаѣ нужды убѣжище. Эти славянскія племена не сумѣли воспользоваться временемъ великой борьбы двухъ германскихъ народовъ и не сплотились въ одно цѣлое для дружнаго отпора будущихъ опасностей. То была нисколько не организованная масса отдѣльныхъ, самостоятельныхъ, не связанныхъ между собою небольшихъ государствъ или племенъ, которыя жили между собою въ раздорахъ, не подчиняясь ничьей власти. Только однажды, въ VI вѣкѣ, удалось франкскому купцу или удальцу, по прозванію *Само*, соединить нѣкоторое число этихъ племенъ въ болѣе обширное государство, но на весьма короткое время; и изъ тѣхъ историческихъ потемокъ, которыя окружаютъ этотъ дальній Востокъ, для насъ выясняется только одно: что франкскіе купцы проникали и сюда, и что эти торговыя сношенія приносили имъ весьма большія выгоды, сопряженныя, впрочемъ, и съ весьма большими опасностями. Что же касается Датчанъ, то съ ними въ 811 г. заключенъ былъ договоръ, по которому Эйдеръ явился границею Франкскаго государства, которое уже нѣсколько лѣтъ сряду носило величавое названіе *римскаго*.

Паденіе Тассила.

Это государство и его мощный правитель испытали свою силу на томъ самомъ герцогѣ *Тассило*, который нѣкогда дерзко отказалъ въ повиновеніи и королю Пипину, и его наслѣднику. Онъ былъ женатъ на дочери Дезидерія, Ліутбергѣ, слѣдовательно, относился враждебно и къ Карлу, однакоже, ни во время лангобардской войны, ни во время затрудненій, вызванныхъ войною съ Саксами, не рѣшился дѣйствительно сдѣлать шагъ, задуманный имъ и стряхнуть франкское господство съ земли Лангобардовъ. Онъ велъ себя очень двусмысленно, однакоже не выяснено, въ какомъ именно случаѣ, и какимъ образомъ онъ отказался повиноваться Карлу: знаемъ только, что Карлъ приказалъ своему войску, въ видѣ трехъ отрядовъ, вступить въ землю Тассила, и тѣмъ вынудилъ его, безъ всякаго кровопролитія, къ выдачѣ заложниковъ, которые должны были служить ручательствомъ за его личный способъ дѣйствій. Эта зависимость была невыносима для Тассила и его супруги Ліутберги, и они вошли въ предательскія сношенія съ сосѣднимъ языческимъ племенемъ *Аваровъ*, чѣмъ возбудили къ себѣ ненависть даже и въ своихъ подданныхъ. Это дѣло обсуждалось на одномъ изъ съѣздовъ въ Ингельгеймѣ и здѣсь-то, по одному современному свидѣтельству, припомнились Тассилу всѣ его вины и всѣ вѣроломныя нарушенія клятвъ въ вѣрности, принесенныхъ и королю Пипину, и его сыновьямъ Карлу и Карломану, да еще надъ костями св. Діонисія, св. Мартина и св. Германа: на этомъ основаніи, присутствовавшіе на съѣздѣ высшіе духовные и свѣтскіе сановники приговорили Тассила къ смерти. Но Карлъ не захотѣлъ проливать его крови. Онъ отправилъ его, а равно и всѣхъ членовъ его семейства въ монастырь (788 г.), гдѣ, вскорѣ послѣ того, Тассилъ и умеръ. Самое герцогство его было подѣлено на отдѣльные округа, и каждый изъ нихъ порученъ въ управленіе особому графу. Эта перемѣна была проведена безъ всякаго затрудненія, такъ какъ все герцогство было напугано возможностью вторженія Аваровъ, и потому охотно искало спасенія въ тѣсномъ единеніи съ великимъ государствомъ.

Усмиреніе Аваровъ.

И дѣйствительно, Карлъ не замедлилъ и самъ двинуться войною противъ этого хищническаго племени, которое занимало своими посельями большую часть нынѣшней Австріи и почти всю нынѣшнюю Венгрію. Три арміи разомъ двинулись въ Аварскую землю; одна шла изъ Италіи, подъ начальствомъ второго Карлова сына Пипина; надъ главною изъ нихъ начальствовалъ самъ Карлъ, лично. Успѣху похода много способствовали раздоры, существовавшіе между варварами. Рѣшительный ударъ нанесенъ былъ Аварамъ взятіемъ цѣлой системы кольцеобразныхъ укрѣпленій, окруженныхъ каменными стѣнами и частоколомъ изъ толстѣйшихъ бревенъ; среди этихъ укрѣпленій расположено было много всякихъ поселеній. Взявъ штурмомъ эти укрѣпленія, Франки обогатились несмѣтными богатствами нагроможденной здѣсь добычи аварскихъ хищническихъ наѣздовъ и вторженій; добыча эта, которою пришлось нагрузить нѣсколько большихъ обозовъ, была настолько громадна, что даже наступившую въ ближайшіе годы дороговизну во Франкскомъ государствѣ всѣ поясняли избыткомъ благородныхъ металловъ, доставшихся Франкамъ въ данномъ случаѣ въ руки. Нѣкоторая часть Аварской земли была обращена въ *Аварскую марку* или *границу*, съ вполнѣ военнымъ внутреннимъ устройствомъ управленія, такъ что отнынѣ мирный трудъ былъ уже окончательно обезпеченъ отъ всякихъ гибельныхъ вторженій варварства. Дѣло обращенія покореннаго народа въ христіанство было въ 798 году поручено новому архіепископу *зальцбургскому*.

Карлъ и Арабы. Испанская марка.

Такъ продвинулъ Карлъ свое могущество на Востокъ и утвердилъ его тамъ съ замѣчательною удачею, но въ особенности съ замѣчательною послѣдовательностью: до той грани, до которой достигала его власть— простиралась теперь на Западѣ и та область, которая могла служить открытымъ поприщемъ для спокойнаго прогресса, для медленной, но непрерывной культурной работы между людьми. Это было, конечно, большою заслугою Карла, тѣмъ болѣе, что эта культурная работа встрѣчала себѣ препятствіе къ распространенію не только съ Востока, но и съ другой стороны—въ мухамеданскомъ мірѣ. Нельзя, правда, сказать, чтобы *Арабы* въ Испаніи (гдѣ они главнымъ образомъ и должны были обращать на себя вниманіе франкской политики) уничтожили существовавшую тамъ культуру и вообще выказали себя варварами: въ общемъ можно даже, пожалуй, сказать, что населенію Пиринейскаго полуострова лучше жилось подъ ихъ властью, нежели подъ властью Вестготовъ. Туземцы сохранили за собою свою земельную собственность; Арабъ не занимался земледѣліемъ, а получалъ пропитаніе, отчасти натурою, въ видѣ дани отъ побѣжденныхъ. Послѣдніе, сверхъ того, платили поголовную дань, какъ и теперь ее платятъ христіане туркамъ, въ Турціи. Эта дань была формальнымъ, и хотя нѣсколько унизительнымъ, но не обременительнымъ признаніемъ господствующаго положенія правовѣрныхъ надъ «невѣрными»; но, по крайней мѣрѣ, «невѣріе» ихъ не признавалось преступленіемъ, какъ то сплошь и рядомъ бывало въ христіанскихъ странахъ; мало того, каждый, переходившій въ исламъ, уже избавлялся отъ этой подати. Такая награда, которою обусловливалась перемѣна вѣры, многихъ привлекала къ переходу въ исламъ, тѣмъ болѣе, что и несвободные или рабы,

перебѣжавшіе за черту владѣнія мослемита и здѣсь произнесшіе завѣтное изреченіе ислама: «нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ Его»— однимъ этимъ восклицаніемъ, какъ бы по волшебству, уже пріобрѣтали свободу. Арабы были далеки отъ той нетерпимости, которую еще недавно, на той же испанской почвѣ, проявляли христіане въ своихъ догматическихъ распряхъ или, позднѣе, въ своихъ отношеніяхъ къ Іудеямъ; они совершенно довольствовались тѣмъ, что «невѣрные» были обезоружены и вынуждены служить побѣдителямъ. Вскорѣ среди этого господствующаго слоя арабскаго населенія проявилось расположеніе и къ высшимъ научнымъ стремленіямъ, и страна дѣйствительно стала процвѣтать подъ ихъ управленіемъ: однакоже будущность человѣчества была не въ ихъ рукахъ. Исламъ не способствуетъ развитію наиболѣе глубокихъ жизненныхъ началъ; ему, и какъ вѣрованію, и какъ религіи, не хватаетъ той непосредственности христіанства, которая способна постоянно производить новыя идеи, извлекать новыя сокровища изъ неистощимаго запаса своего духа. А между тѣмъ, въ данный моментъ, сила приверженцевъ христіанства доведена была въ Испаніи до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. Остатки бѣжавшихъ Вестготовъ укрылись въ неприступныхъ тѣснинахъ западныхъ Пиринеевъ, въ Астурійскихъ и Кантабрійскихъ горахъ, и здѣсь, мало-помалу, образовалось маленькое королевство, *Астурія*, захватившее крайній сѣверо-западъ Пиринейскаго полуострова; въ то время, когда Карлъ вынужденъ былъ обратить вниманіе на Испанію, въ Астуріи правилъ король *Альфонсъ II*.

Никакъ ужъ не стремленіе къ завоеваніямъ, столь прославляемое многими историческими повѣствованіями, побудило Карла переступить за Пиринеи. Близкое сосѣдство Арабовъ было съ 711 и 732 годовъ нѣкоторою угрозою для Франкскаго государства, тѣмъ болѣе, что Арабы занимались и пиратствомъ, и Карлъ видѣлъ себя обязаннымъ принять подъ свою защиту населеніе италійскаго и галльскаго побережья. Внѣшній поводъ къ вооруженному вмѣшательству былъ данъ Карлу раздорами, происходившими въ средѣ мухамеданскаго мира. Въ 777 году онъ принималъ пословъ эмира Ибнъ-аль-Араби, сторонника Аббассидовъ, который былъ изгнанъ изъ Сарагоссы омаядскимъ калифомъ Абдеррахманомъ; а уже въ 778 году Карлъ стоялъ съ войскомъ на берегахъ Эбро, Сарагосса была взята штурмомъ, а Арабы-союзники были поставлены въ лѣнныя отношенія къ королю Франковъ; однакоже вѣсть о возстаніи Саксовъ вынудила Карла къ удаленію изъ Испаніи, и тутъ-то, при обратномъ походѣ черезъ Пиринеи, арьергардъ его арміи, въ дикой Ронсевальской долинѣ, попалъ на засаду Васконовъ, побужденныхъ къ этому нападенію предательскими происками аквитанскаго герцога Лупуса. Среди многихъ жертвъ этого внезапнаго нападенія знаменитѣйшею былъ храбрый маркграфъ бретаньскаго побережья, Хруотландъ, прославленный поэзіею германскихъ и романскихъ народовъ въ ихъ *пѣсняхъ о Роландѣ*. Карлъ долженъ былъ примириться съ этимъ несчастіемъ, тѣмъ болѣе, что возмездіе за него оказывалось совершенно невозможнымъ. Гораздо болѣе всякаго возмездія на Васконовъ подѣйствовало великодушіе Карла, который призналъ *Санхо*, одного изъ сыновей Лупуса, герцогомъ, хорошо понимая, что новый гер-

цогъ вынужденъ будетъ дружить Франкскому государству въ виду опасности, грозившей ему со стороны Сарацынъ. Младшій сынъ Карла, Лудвигъ, завершилъ здѣсь политическіе замыслы отца своего: въ 801 году здѣсь учреждена была *Испанская марка*, и столицею ея была признана *Барцелона*, а самая марка подѣлена въ смыслѣ управленія на 10 — 12 графствъ, и въ смыслѣ церковномъ подчинена вѣдѣнью четырехъ епископовъ. И это завоеваніе было въ высшей степени благодѣтельнымъ: не только Галлія была обезпечена отъ дальнѣйшихъ набѣговъ со стороны Сарацынъ, но и христіанскому населенію Испаніи дана была такимъ образомъ надежная опора и поддержка; вскорѣ оказалась возможность дѣйствовать отсюда даже и наступательно противъ ислама.

Отношенія къ Восточно-Римской имперіи.

Эта борьба съ омаядскимъ калифатомъ могла только самымъ благопріятнымъ образомъ воздѣйствовать на отношенія Карла къ *аббассидскимъ* калифамъ Багдадскимъ. Его интересы какъ бы сливались съ ихъ интересами въ Испаніи въ весьма значительной степени. И не только въ этомъ направленіи:—повелителю правовѣрныхъ было весьма желательно, чтобы, рядомъ съ враждебной ему Восточно-Римской имперіей, установилась равносильная ей Западно-Римская. Что же касается Восточно-Римской имперіи, то она, вопреки внутреннимъ и внѣшнимъ событіямъ двухъ послѣднихъ вѣковъ, все еще представляла собою мощный государственный организмъ. Тогда, по смерти Льва II (780 г.), имперіей правила его вдова, императрица *Ирина*—женщина умная и, несмотря на всю свою порочность, вполнѣ способная управиться со всѣми случайностями, какимъ была подвержена высшая власть въ современной Византіи. Въ качествѣ правительницы во время несовершеннолѣтія своего сына *Константина VI*, она съумѣла придать иное направленіе церковной политикѣ, прекративъ иконоборческую смуту, и тѣмъ самымъ улучшила отношенія Византіи къ Западу и къ епископу римскому. Препятствовать успѣхамъ франкскаго могущества въ Италіи она была не въ силахъ, и могла только предложить Карлу династическій бракъ, просватавъ его дочь за своего сына, юнаго Константина Порфирогеннета (Порфиророднаго). Карлъ принялъ это предложеніе, но предположенный бракъ не состоялся, такъ какъ Ирина сама нарушила заключенный о бракѣ договоръ (788 г.), опасаясь того, что этотъ бракъ доставитъ ея сыну такую самостоятельность, какой она вовсе не желала ему дать; когда же сынъ сталъ приближаться къ совершеннолѣтію и слѣдовательно готовъ уже былъ принять бразды правленія въ свои руки, она съ нимъ окончательно разссорилась: этотъ раздоръ, на византійской почвѣ, гдѣ никакія злодѣйства не совершались наполовину, привелъ къ невѣроятнымъ послѣдствіямъ. Безчеловѣчная мать устроила заговоръ противъ своего сына: злодѣи напали на него внезапно и ослѣпили его, а Ирина продолжала править отъ его имени (797 г.). Само собою разумѣется, что эти событія должны были нарушить отношенія къ франкскому государю: уже съ 788 года отношенія между обоими государствами стали враждебными, и мы видѣли, что лангобардскій претендентъ Адельгизъ уже нашелъ себѣ убѣжище и даже поощреніе своихъ притязаній при дворѣ византійскомъ.

Быть-можетъ, именно эти непріязненныя отношенія къ Византіи и способствовали тому, чтобы Карлъ окончательно принялъ рѣшеніе, къ которому и безъ того побуждалъ его самый ходъ событій всего его царствованія. Онъ уже не могъ править многоразличными странами и народами, какіе были имъ завоеваны въ первыя 30 лѣтъ его правленія, продолжая носить титулъ короля Франковъ,—какъ не могъ бы и Александръ Великій править своимъ азіатскимъ царствомъ, продолжая именоваться царемъ македонскимъ. Чтобы примирить и слить во-едино всѣ противуположные элементы въ своемъ царствѣ — германскія племена Франковъ, Саксовъ, Фризовъ, Лангобардовъ, Баварцевъ, Аллемановъ — съ романскими, *славянскими* и иными составными частями государства — для этого Карлу необходимо было принять новый, такъ сказать, нейтральный титулъ, который бы могъ придать ему неоспоримый авторитетъ и значеніе въ глазахъ всѣхъ его подданныхъ. Такимъ титуломъ могъ быть только титулъ *императора римскаго:* — и дѣло было только въ томъ, какимъ образомъ его добыть? Провозглашеніе Карла императоромъ могло произойти только въ Римѣ, и вскорѣ къ тому представился случай:—папа Левъ III, въ 796 г. наслѣдовавшій Адріану I, очутился случайно въ такомъ положеніи, что долженъ былъ искать защиты у Карла, который, въ качествѣ римскаго патриція, былъ представителемъ высшей власти по отношенію къ Риму и его области. Дѣло въ томъ, что въ Римѣ установились среди папскаго двора ужъ черезчуръ свѣтскіе порядки; между знатными родными предшествующаго папы и нѣсколькими честолюбцами или корыстолюбцами составился заговоръ противъ новаго папы; заговорщики напали на Льва III, избили его, но ему все же удалось отъ нихъ ускользнуть. Онъ поспѣшилъ за Альпы, къ Карлу, и сошелся съ нимъ на саксонской территоріи, въ Падерборнѣ. То, что случилось въ Римѣ, ясно указывало каждому на необходимость учрежденія высшей третейской власти, и всѣ предвидѣли или уже знали, что предстоитъ нѣчто весьма важное, когда вскорѣ послѣ того самъ Карлъ, съ весьма значительнымъ войскомъ, двинулся въ Италію. Папа Левъ III, принятый Карломъ подъ защиту и успѣвшій убѣдить короля въ своей полной невиновности, отправился впередъ. По прибытіи въ Римъ, Карлъ рѣшилъ формальнымъ судебнымъ разбирательствомъ распрю между папою и его обвинителями—и это очень не понравилось епископамъ. Папа Левъ III очистилъ себя отъ обвиненія клятвою, послѣ того какъ обвинители его не могли привести доказательствъ въ подкрѣпленіи своего обвиненія; затѣмъ, знаменательный всемірно-историческій актъ коронованія Карла произошелъ въ самое Рождество 800 г., въ прежней базиликѣ св. Петра. Послѣ того, какъ Карлъ отслушалъ въ базиликѣ обѣдню и совершилъ молитву, возстановленный имъ папа возложилъ на него корону, и произнесенный имъ возгласъ: «да здравствуетъ и да благословенъ будетъ Богомъ вѣнчанный великій и миролюбивый императоръ Римскій Карлъ Августъ» — былъ трижды повторенъ всѣми присутствовавшими въ храмѣ. И произнесеніе этой формулы, и общій ходъ дѣла доказываютъ, что это произошло не случайно, а было выполнено по извѣстной, опредѣленной программѣ: само собою разумѣется, что и въ храмѣ св. Петра при этомъ вѣнчаніи присутствовала не случайно собравшаяся толпа, а

Карлъ императоръ. 800.

именно собраніе высшихъ представителей современнаго общества. Самая функція папы при этомъ коронованіи была чисто-духовная и его степень участія въ созданіи новой имперіи была ничуть не болѣе, а, можетъ быть, даже и менѣе, чѣмъ доля участія его предшественниковъ Захарія и Стефана при созданіи каролингскаго королевства. По совершеніи коронованія, папа принесъ новому императору клятву въ вѣрности, какъ старшій изъ епископовъ въ его имперіи. Однимъ словомъ, шагъ, сдѣланный Карломъ, былъ дѣйствіемъ вполнѣ сознательнымъ, хорошо обдуманнымъ, хорошо подготовленнымъ, и какъ бы выраженіемъ новыхъ отношеній и наступившаго новаго порядка вещей было установленіе присяги въ вѣрности для всѣхъ подданныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ:—каждый изъ нихъ, по наступленіи 12-ти-лѣтняго возраста, долженъ былъ присягать императору и въ присягѣ признавать себя «подданнымъ Цесаря». Измѣненъ былъ и самый придворный церемоніалъ въ различныхъ торжественныхъ случаяхъ; точно такъ же и Александръ Великій, сдѣлавшись «повелителемъ всей Азіи», потребовалъ колѣнопреклоненія предъ собою отъ всѣхъ подданныхъ, и отъ Македонянъ, и отъ Эллиновъ. Такъ была возстановлена Римская имперія, которая однакоже получила совсѣмъ особый характеръ вслѣдствіе того, что въ составъ ея вошла и христіанская Церковь; и римскимъ императоромъ теперь явился одинъ изъ германскихъ князей.

Карлъ, какъ правитель.

Эта обновленная Римская имперія захватывала пространство земель около 25.000 кв. миль и границы ея можно опредѣлить такъ: на С. и З.— Эйдеръ, Сѣверное море, Атлантическій океанъ; на Ю. — Эбро, Лирисъ или Гарильяно и Драва; на В. — Дунай или Тисса и Эльба. Населеніе имперіи не можетъ быть выражено никакими строго-опредѣленными цифрами. Наименованіе «Великаго» императоръ Карлъ заслужилъ столько же своею правительственною дѣятельностью, сколько и воинскими подвигами: не мѣшаетъ однакоже замѣтить, что хотя всѣ воинскія предпріятія производились подъ его верховнымъ руководствомъ, однакоже онъ принималъ личное участіе лишь въ очень немногихъ большихъ сраженіяхъ. Какъ истинно-великій человѣкъ, онъ былъ одновременно и воиномъ, и государственнымъ человѣкомъ, и полководцемъ, и правителемъ; завоеваніе, не сопряженное съ высшей государственной цѣлью, не могло бы послужить основой славы, которая способна была бы удовлетворить сознаніе западнаго человѣка. Для того, чтобы править государствомъ, необходимо умѣнье соединять и руководить, и въ высшей степени любопытно задать себѣ вопросъ, какія именно средства единенія Карлъ умѣлъ пустить въ ходъ и примѣнить къ своему царству, столь пестрому и разноплеменному.

Личность Карла Великаго.

Наиболѣе дѣйствительнымъ изъ этихъ средствъ единенія была личность самого государя. Въ лицѣ Карла, въ высшемъ и вліятельнѣйшемъ положеніи, во главѣ общества явился наиболѣе замѣчательный по уму и характеру человѣкъ того времени: одинъ изъ тѣхъ, которые умѣютъ окружать себя умными и знающими совѣтниками, умѣютъ привязывать ихъ къ себѣ, и при этомъ обладаютъ настолько острымъ взглядомъ и тонкимъ чутьемъ ко всему исполнимому и возможному, что могутъ съ дѣйствительною пользою примѣнять умный совѣтъ на дѣлѣ. А Карлъ, въ довершеніе къ тому, однажды признавъ что-либо необходимымъ, умѣлъ это

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА.

Мозаическое изображеніе Льва III и Карла Великаго.

Левъ III (795—816) выстроилъ двѣ триклиніи (иначе сказать, трапезницы) для угощенія въ нихъ князей и иныхъ сановныхъ лицъ: одну при церкви св. Петра, другую при Латеранскомъ дворцѣ своемъ; послѣдняя была весьма обширна и украшена мозаическимъ абсидомъ, въ которомъ и помѣщалось приводимое нами мозаическое изображеніе св. Петра, подающаго «сто́лу» папѣ Льву, и знамя Римское—Карлу Великому.

Въ этой самой трапезницѣ еще папа Николай V угощалъ императора Фридриха. Затѣмъ дворецъ пришелъ въ запустѣніе и ветхость; Сикстъ V приказалъ снести его послѣдніе остатки, но главный абсидъ съ украшающими его мозаиками уцѣлѣлъ, и кардиналъ Франческо Барберини перенесъ его цѣликомъ на другую сторону улицы, вставилъ въ новую нишу и подновилъ мозаику. При папѣ Бенедиктѣ XIV изображеніе было еще разъ реставрировано, причемъ главнымъ образомъ подновлена была голова св. Петра. Существуетъ снимокъ съ этой мозаики, снятый ранѣе реставраціи, произведенной кардиналомъ Барберини, и относящійся къ XVI вѣку. При точномъ сравненіи этого снимка съ нашимъ, мы замѣчаемъ разницу только въ нѣкоторомъ измѣненіи головного убора императора; на древней копіи видимъ у него на головѣ плотно-прилегающую шапку, съ тремя небольшими перьями.

И такъ, мы должны видѣть въ этомъ древнемъ памятникѣ искусства, быть можетъ, единственное современное «лицевое» изображеніе Карла, такъ какъ и парижская статуэтка не представляетъ собою памятника не подлежащаго сомнѣнію.

НАДПИСИ.

Наверху: Sanctus Petrus.
Налѣво: Sanctissimus Dominus Leo Papa.
Направо: Domino Carulo regi.
Внизу: Beate Petre Donas
Св. Петръ! Даруй
Vitam Leoni P. P. B(v)icto
Жизнь папѣ Льву (и) побѣду
riam Carulo regi donas.
Карлу королю.

СВ. ПЕТРЪ ПЕРЕДАЕТЪ КАРЛУ ВЕЛИКОМУ ЗНАМЯ РИМА, А ЛЬВУ III СТОЛУ, КАКЪ СИМВОЛЫ МІРСКОГО И ДУХОВНАГО ВЛАДЫЧЕСТВА.

Мозаическое изображеніе изъ триклиніума Льва III въ Римскомъ Латеранѣ. Современный памятникъ Каролингскаго искусства и древнѣйшее изображеніе Карла Великаго (IX в.).

необходимое быстро приводить въ исполненіе, или же, съ терпѣливой энергіей, добивался постепенно того, что неизбѣжно выполнялось само собою. Карлъ въ высокой степени обладалъ тѣмъ качествомъ, которымъ обычно отличаются всѣ великіе люди—Александры и Цесари: быстротою дѣйствія и неутомимою дѣятельностью. О быстротѣ дѣйствія достаточно свидѣтельствуетъ исторія его походовъ, но, и помимо ихъ, онъ и въ мирное время путешествовалъ очень много; а его влеченіе къ дѣятельности было просто неистощимо: — кому не извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ онъ, во время одѣванія, велѣлъ изложить себѣ сущность какой-то тяжбы, и тутъ же ее разрѣшилъ. Онъ и за столомъ приказываетъ себѣ читать; рѣдко случается, чтобы онъ всю ночь проспалъ напролетъ; и чуть только ему не заспится—ужъ онъ поднимается и начинаетъ упражняться въ трудномъ искусствѣ писанія, которое, по современнымъ германскимъ воззрѣніямъ, почиталось почему-то несовмѣстимымъ съ воинскимъ ремесломъ. Любознательность его была поразительна и стремленіе къ познанію доходило даже до наивнаго любопытства. Какъ и всѣ дѣятельныя натуры, онъ любилъ опредѣленную правильность жизни. Онъ терпѣть не могъ пьянства и былъ очень умѣренъ въ питьѣ и ѣдѣ; на его столѣ не бывало болѣе 4-хъ блюдъ; постовъ не любилъ и соблюдалъ ихъ неохотно, хотя и былъ благочестивъ и любилъ соблюдать церковные обряды. Одѣвался онъ тоже всегда очень просто и просторно, подобно всѣмъ Франкамъ, и только въ церковные праздники или при большихъ церемоніяхъ мѣнялъ простую одежду свою на богатый нарядъ. При этомъ онъ очень любилъ тѣлесныя упражненія, верховую ѣзду, плаваніе, охоту и тѣ менѣе стѣснительныя отношенія общественныя, которыя на охотѣ или при подобныхъ упражненіяхъ устанавливаются. Будучи самъ темперамента очень живого, притомъ обладая умѣньемъ хорошо говорить и любя говорить, Карлъ ощущалъ потребность въ большомъ и разнообразномъ обществѣ. Онъ прекрасно говорилъ на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; греческій онъ разумѣлъ, но не говорилъ на немъ. «Голосъ его» — такъ разсказываетъ намъ Эингардъ *) — «былъ чистый и звонкій, но не соотвѣтствовалъ его статному, крѣпкому тѣлосложенію». Ростъ его онъ опредѣляетъ такъ: «7 его ступней въ вышину»—что значитъ, что онъ былъ хорошаго роста, повыше средняго, но вовсе не такой великанъ, какимъ его обычно представляютъ. При немъ, въ его царствѣ не было опредѣленной *столицы* (какъ Константинополь—въ Восточно-Римской имперіи, или Багдадъ—въ Калифатѣ); онъ обычно пребывалъ въ одномъ изъ городовъ на Рейнѣ—въ Ахенѣ, Ингельгеймѣ, Нимвегенѣ — и тутъ собиралъ около себя свою семью. «Но здѣсь»,— говорилъ Эингардъ,—«въ своей семейной жизни, этотъ вообще счастливый человѣкъ испыталъ превратности судьбы». Въ чемъ онѣ именно состояли— онъ не говоритъ; но мы очень хорошо знаемъ источникъ этихъ непріятностей и досадъ, которыя крылись въ разнузданности нравовъ, еще со временъ Меровинговъ господствовавшей при дворѣ франкскихъ королей

*) Единственный писатель, изъ сочиненія котораго мы извлекаемъ важнѣйшія черты характеристики Карла, такъ какъ въ словахъ его слышится личное впечатлѣніе современника, въ теченіе долгаго времени находившагося въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ съ великимъ монархомъ.

и отъ которой даже у этого великаго государя не хватало силы отклониться. Мы не видимъ однакоже, чтобы эта сторона его жизни встрѣчала себѣ особенное порицаніе среди окружавшаго его духовенства; и самъ Эингардъ говоритъ объ этомъ, какъ о чемъ-то весьма естественномъ. Изъ троихъ сыновей Карла его пережилъ только младшій, Лудвигъ.

Съѣзды князей или сеймы.

Воля такого выдающагося государя и среди такой еще не сложившейся государственной и общественной жизни, конечно, мало чѣмъ была ограничена; однакоже царство Карлово не было деспотіей, хотя рѣшающее слово всюду бывало произносимо самимъ императоромъ. Древнимъ и весьма дѣйствительнымъ средствомъ единенія были *съѣзды* или *сеймы* (Reichstage), которые, хотя и не сложились еще въ опредѣленную форму, однакоже собирались дважды въ годъ, подъ предсѣдательствомъ государя, которому они служили важнымъ подспорьемъ въ его законодательной дѣятельности; сеймы эти происходили одинъ разъ осенью, въ видѣ меньшихъ, предварительныхъ совѣщательныхъ собраній, и одинъ разъ весной, въ видѣ заключительныхъ общихъ собраній. На подобныя собранія добровольно съѣзжались сначала свѣтскіе сановники *), а потомъ и духовные, архіепископы и епископы, которые здѣсь пользовались большимъ вліяніемъ и значеніемъ, какъ люди, по тому времени, просвѣщенные, привычные къ государственнымъ дѣламъ и къ коллегіальному ихъ обсужденію. При этихъ случаяхъ сходилось и много всякаго люда, который однакоже здѣсь только и дѣлалъ, что выражалъ свое сочувствіе, когда ему объявлялось въ простой и разумной формѣ о томъ или другомъ рѣшеніи короля или сейма. Законодательная дѣятельность Карла была дѣйствительно обширна. Находились люди, которые укоряли его въ томъ, что его законодательство было вполнѣ самодержавнымъ, что не было въ его время выдано никакихъ общихъ сборниковъ закона; но на эти укоры можно отвѣтить только то, что никакіе общіе сборники законовъ для такого несложившагося царства, съ такимъ разнороднымъ населеніемъ не были еще возможны. Его личные указы, капитуляріи, въ той формѣ, въ которой они выходили изъ его императорской канцеляріи, направлены были на частности, поддававшіяся общему упорядоченію, какъ напримѣръ въ область народнаго хозяйства, религіозной жизни, правосудія. Гуманное направленіе капитулярій характеризуется между прочимъ тѣмъ, что волшебники, вѣдьмы и вѣдуны (tempestuarii, т. е. тѣ, которые наводили бури и грозы), вмѣсто прежнихъ варварскихъ наказаній, отдавались духовнымъ лицамъ для назиданія; или же знаменательной указъ 805 г., по которому никто въ мирное время не долженъ былъ носить оружія. Старый обычай даже и на собранія народныя приходить съ оружіемъ (о которомъ упоминаетъ Тацитъ) начиналъ, очевидно, выводиться, въ виду упрочившагося мирнаго состоянія общественнаго.

Управленіе государствомъ. Графы.

Великая заслуга Карла заключается именно въ томъ, что онъ съумѣлъ привести въ порядокъ и примѣнить на практикѣ то правильное управленіе страною, которое способствовало ея умиротворенію. И если первымъ

*) Первоначально эти мартовскіе, а позднѣе—майскіе съѣзды имѣли значеніе смотровъ, на которые собирались всѣ лица, обязанныя непосредственною службою королю.

средствомъ объединенія имперіи мы считаемъ самую личность императора Карла, а вторымъ—его сеймы, то третьимъ средствомъ объединенія разнородныхъ составныхъ частей имперіи были несомнѣнно поставленные имъ *чиновники*. Старинные народные вожди, герцоги, и въ Аквитаніи, и въ Баваріи, и въ странѣ Лангобардовъ, и всюду, гдѣ возможно — были устранены. Все государство было подѣлено на округа (gau), и всюду были поставлены королевскіе чиновники, *графы*, для сбора войскъ, управленія и правосудія. Ихъ должность была бенефиціей, т. е. должностью, порученною государемъ и сопряженною съ обязанностями, проистекавшими изъ понятія о бенефиціи или лэнѣ. Самое правосудіе, относившееся къ обязанностямъ графа, было, въ частности, не одинаково, при большомъ разнообразіи народовъ, ихъ судебныхъ обычаевъ и правовыхъ воззрѣній на огромномъ пространствѣ имперіи. Заслуживаетъ упоминанія то обстоятельство, что уже и въ тѣ времена затруднительная обязанность, побуждавшая всѣхъ свободныхъ людей собираться на частые судебные съѣзды, была облегчена назначеніемъ *шёффовъ* или выборныхъ изъ свободнаго населенія, которые на судѣ у графа, при судебныхъ рѣшеніяхъ, являлись представителями всего свободнаго населенія. Графства на границахъ, на *маркахъ*—испанской, британской, датской, сорбской, аварской, фріульской—имѣли вполнѣ военное устройство, были подчинены маркграфамъ и застроены крѣпкими замками, съ сильными гарнизонами въ каждомъ изъ нихъ. Съ обычною своею осмотрительностью Карлъ озаботился и о постройкѣ весьма внушительнаго флота, въ которомъ въ особенности нуждались постоянно угрожаемые берега Италіи и смежныхъ съ нею острововъ. Весьма затруднительно, при громадныхъ пространствахъ и такихъ путяхъ сообщенія было наблюденіе за чиновничествомъ: для этого была установлена должность особыхъ надзирателей, — *Missi dominici*,—наблюдавшихъ за судоустройствомъ и военнымъ дѣломъ, и *Missi fiscalini*, наблюдавшіе вообще за управленіемъ; эти наблюдатели всюду передавали волю государя, всюду съ особенною настойчивостью проводили идею государственнаго единства. Дальнѣйшимъ и существеннѣйшимъ средствомъ единенія было то привилегированное положеніе, которое выпало на долю *франкской національности:* изъ нея преимущественно (хотя и не исключительно) избирались высшіе чиновники, графы и чиновники-наблюдатели. Карлъ, по собственному побужденію, старался, гдѣ было возможно, избирать высшихъ сановниковъ и не изъ Франковъ. Въ этомъ отношеніи было особенно цѣнно то, что не малое участіе въ управленіи принимали и духовныя лица и что при замѣщеніи различныхъ духовныхъ должностей никакого предпочтенія опредѣленной національности не давалось.

Церковь и воспитаніе.

Церковь каѳолическая и то *единообразное* воспитаніе, которое она доставляла, были однимъ изъ важнѣйшихъ связующихъ началъ въ Имперіи и составляли вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ важнѣйшихъ правительственныхъ средствъ для Карла. Церковь представляла для этого еще весьма мало организованнаго государства громадное преимущество уже вполнѣ сложившагося организма, и не только при искорененіи язычества въ Саксоніи, но и во многихъ другихъ случаяхъ Церковь шла рука объ руку съ Карломъ. Церковь обязана ему чрезвычайно многимъ и не безъ основанія

причла его къ лику своихъ праведниковъ, хотя онъ, повидимому, въ строгомъ смыслѣ христіанскаго ученія, и не могъ бы быть отнесенъ къ этому разряду. Прежде всего капитуляріемъ франкфуртскимъ 798 года онъ обезпечилъ внѣшнее положеніе духовенства, обративъ обычную уплату десятины на пользу Церкви—въ государственный законъ; еще большую услугу оказалъ Карлъ духовенству, тщательно наблюдая за тѣмъ, чтобы оно вполнѣ соотвѣтствовало своему высокому призванію. Реформа франкской Церкви, начатая еще Бонифаціемъ, была въ значительной степени дополнена епископомъ Хродегангомъ Мецскимъ (около 760 г.), который и для бѣлаго духовенства вмѣнилъ въ обязанность *каноническій образъ жизни.* Клерики каѳедральныхъ церквей обязаны были жить по опредѣленнымъ правиламъ, и притомъ въ общежитіи, какъ и монахи. Карлъ старался поощрять развитіе проповѣди на народномъ языкѣ, дабы всѣ вообще народы его царства могли дѣйствительно проникнуться духомъ христіанства; а такъ какъ далеко не всѣ духовныя лица были въ состояніи сами составлять проповѣди на народномъ языкѣ, то онъ помогъ этому недостатку, создавъ особые сборники проповѣдей въ помощь проповѣдникамъ, и составленіе этого сборника поручилъ сыну Павла Варнефрида. И вообще онъ очень близко принималъ къ сердцу образованіе духовенства, какъ о томъ свидѣтельствуетъ весьма извѣстная, но тѣмъ не менѣе и весьма поучительная исторія Санъ-галленскаго монаха. Императоръ самъ зашелъ въ школу для клериковъ и сталъ прислушиваться къ вопросамъ учителя; оказалось, что дѣти богатыхъ семей отвѣчали хуже, а дѣти бѣдныхъ лучше; по окончаніи вопросовъ, императоръ обратился къ ученикамъ съ рѣчью, и высказалъ имъ прямо, относительно ихъ будущаго, что онъ не станетъ обращать вниманія на лица и положенія, и бѣднымъ, но отличившимся въ ученіи, раздастъ лучшія епископіи. Такъ, изъ немногаго, случайно сохранившагося о Карлѣ, мы узнаемъ его свѣтлый взглядъ на все, что было важно для образованія. Онъ и церковное пѣніе очень цѣнилъ. «На Пасхѣ 787 г.» — такъ повѣствуетъ одинъ изъ современниковъ—«поднялся споръ между пѣвцами-Галлами и пѣвцами-Римлянами; Галлы утверждали, что они поютъ лучше, а Римляне—что исполняютъ церковныя пѣснопѣнія по предписаніямъ св. папы Григорія; споръ дошелъ до самого короля Карла, который рѣшилъ въ пользу напѣвовъ Григорьевскихъ». Папа Адріанъ прислалъ къ нему двоихъ ученѣйшихъ пѣвцовъ римской Церкви; изъ нихъ онъ одного отправилъ въ Мецъ, а другого въ Суассонъ: всѣ франкскіе пѣвцы должны были научиться римскому напѣву, и вскорѣ послѣ того оказалось, что учившіеся въ Мецѣ пѣвцы стали настолько же выше другихъ галльскихъ пѣвцовъ, насколько римскіе были выше мецскихъ... «А въ другой разъ»—сообщаетъ тотъ же источникъ—«король вывезъ съ собою учителей математики и счетной науки изъ Рима во Франкскую землю и повсюду распространялъ изученіе этихъ наукъ».

Императоръ и Церковь.

Однакоже, Карлъ и по отношенію къ церковной іерархіи сохранялъ свое положеніе самодержца въ полной неприкосновенности. Принявъ новый титулъ императора римскаго, онъ явился отчасти и главою Церкви, и его другъ папа Адріанъ не напрасно (хотя и съ другими цѣлями) ука-

зывалъ ему на примѣръ императора Константина: онъ не выносилъ высокомѣрія духовныхъ сановниковъ, не избавлялъ духовныхъ отъ взиманія податей, и подобно дѣду своему, хотя и не съ такою же суровостью, настойчиво поддерживалъ свое право свободно распоряжаться земельными владѣніями того или другого монастыря, слѣдовательно не признавалъ коллективнаго права Церкви на недвижимыя имущества. Онъ самъ назначалъ епископовъ на мѣста и самъ снабжалъ ихъ бенефиціями, съ которыми одновременно были сопряжены и опредѣленныя обязательства. Онъ не затруднялся даже вступаться и во внутреннія дѣла Церкви, какъ напр. въ догматическій споръ объ *адопціонизмѣ* *), который вызвалъ мѣстные соборы въ Регенсбургѣ 792 г., во Франкфуртѣ 794 г., и былъ отвергнутъ, какъ ученіе еретическое.

Алкуинъ.

Къ почетнѣйшимъ чертамъ характера этого замѣчательнаго человѣка относится, конечно, его живое участіе къ *наукѣ* и духовному развитію: именно это личное увлеченіе его и придавало силу и значеніе его усиліямъ на пользу народнаго образованія. Его учителемъ и ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ въ этомъ направленіи былъ англо-саксъ *Алкуинъ* изъ Нортумберлэнда, который съ нѣсколькими своими учениками прибылъ ко двору франкскаго короля и былъ имъ посаженъ въ аббаты Турскаго монастыря. Это было нѣчто въ родѣ ученаго общества, собиравшагося при особѣ Карла, — цѣлая академія, члены которой носили имена классическія и библейскія. И женщины, бывшія при дворѣ Карла, принимали въ этомъ обществѣ участіе. Ревность Карла къ наукѣ выразилась какъ нельзя лучше въ прекрасномъ желаніи, которое онъ однажды высказалъ, замѣтивъ, что онъ былъ бы счастливъ, если бы во всемъ его царствѣ нашлось 12 мужей, подобныхъ св. Августину и св. Іерониму, — на что Алкуинъ отвѣчалъ ему весьма остроумно: «у Самого Господа, Владыки неба и земли, было ихъ только двое, а ты желаешь ихъ имѣть двѣнадцать!»

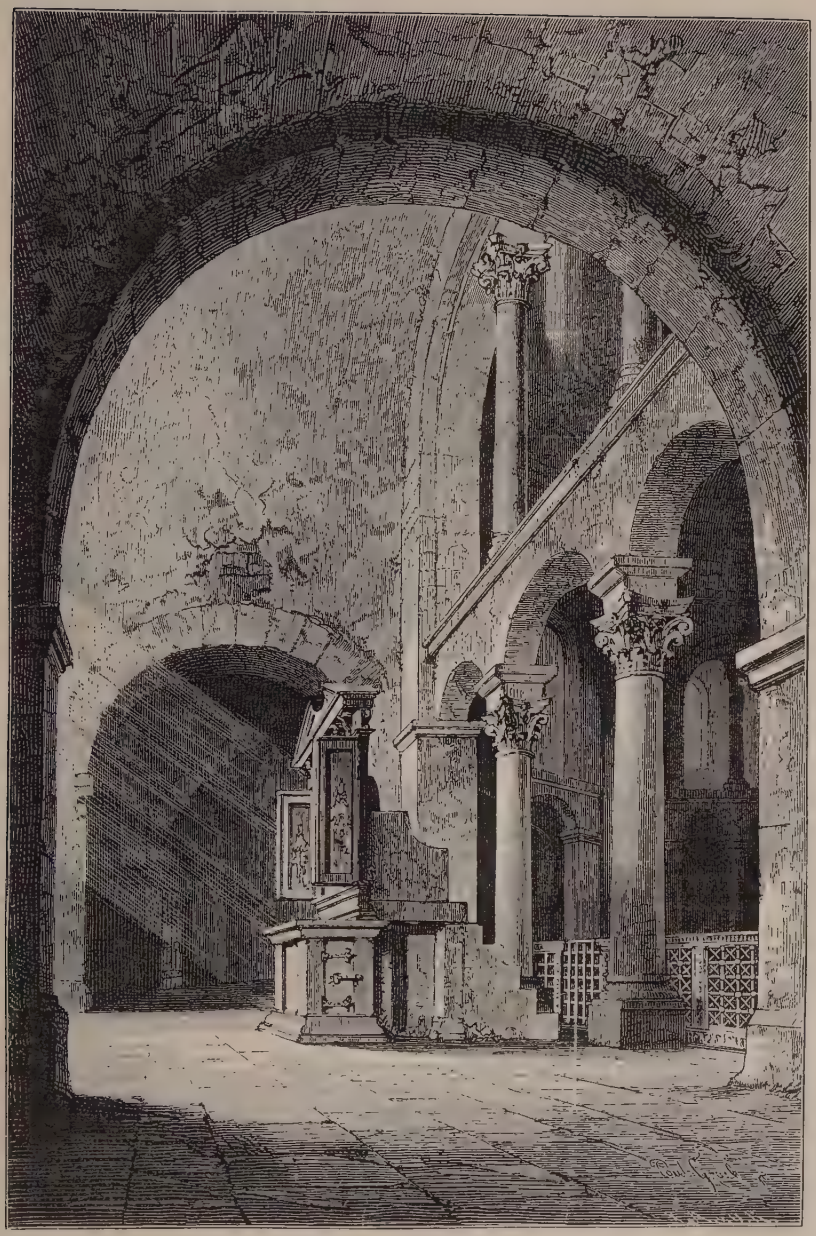
Сельское хозяйство и торговля.

Многосторонняя правительственная дѣятельность Карла была преимущественно и притомъ весьма настойчиво направлена на побужденіе народа *къ дѣятельности практической* — на занятія сельскимъ хозяйствомъ, промышленностью, торговлею. Онъ создалъ важнѣйшія условія для осуществленія этой дѣятельности — безопасность отъ внѣшнихъ вторженій и внутренній порядокъ, насколько это было возможно въ то время преобладанія грубой силы, и насколько то было въ его власти, поощрялъ развитіе отдѣльныхъ отраслей промышленности. Онъ самъ, какъ крупнѣйшій землевладѣлецъ во всемъ царствѣ, былъ разумнымъ и прекраснымъ хозяиномъ и его собственные хутора представляли собою образцовыя хозяйственныя заведенія. Отъ своихъ управителей онъ требовалъ точнаго отчета: если они въ этомъ смыслѣ провинялись, то должны были явиться въ резиденцію короля «и отвѣчать своею спиною или понести иное наказаніе, какое угодно будетъ назначить королевѣ». По старому обычаю, королевѣ, въ этой части управленія, принадлежала весьма значительная и вполнѣ самостоятельная роль. Хищныхъ звѣрей, въ особенности волковъ, велѣно было преслѣдовать самымъ энергическимъ образомъ и истреблять ихъ дозволялось всѣми способами. Еще за два года до смерти

Карла явилось весьма подробное законоположеніе, посвященное собственно обработкѣ земли: — это знаменитый *Capitulare de villis* (812). Главною потребностью, однакоже, очевидно, являлось размноженіе и улучшеніе *путей сообщенія*, и это, конечно, было гораздо легче привести въ исполненіе единовластному правителю большого государства, нежели всѣмъ прежде бывшимъ правителямъ разрозненныхъ владѣній и областей. Карлъ при этомъ прежде всего обратилъ вниманіе на улучшеніе водяныхъ сообщеній, и такимъ-то образомъ явился весьма грандіозный для того времени проектъ (793 г.) соединенія Дунайскаго и Рейнскаго бассейновъ посредствомъ канала. Проектъ однакоже не былъ приведенъ въ исполненіе по невозможности добыть достаточное количество необходимыхъ для того рабочихъ рукъ; такъ же неудачно окончилось и другое весьма благодѣтельное предпріятіе — постройка постояннаго моста черезъ Рейнъ у Майнца: его строили цѣлыхъ десять лѣтъ и построили такъ прочно, что, по словамъ Эингарда, «всѣ сулили, что этого моста на вѣкъ хватитъ»; но пожаръ, случившійся въ 813 г., спалилъ этотъ мостъ въ теченіе трехъ часовъ, и есть основаніе думать, что онъ произошелъ отъ поджога лодочниковъ, занимавшихся перевозомъ черезъ рѣку — промысломъ весьма выгоднымъ. Планъ замѣны этого моста каменнымъ не осуществился.

Рельефное изображеніе на мѣдномъ позолоченномъ ковчегѣ, заключающемъ въ себѣ кости Карла Великаго въ Аахенскомъ соборѣ.

На этомъ изображеніи Карлъ посвящаетъ Дѣвѣ Маріи Аахенскій соборъ. Самый ковчегъ этотъ былъ устроенъ по приказанію Фридриха Барбароссы, который собралъ въ него кости Карла Великаго, по поводу причисленія его къ лику праведниковъ, въ 1165 г.



Внутренній видъ Аахенскаго собора съ кресломъ императора Карла Великаго.

Современная торговля находилась главнымъ образомъ въ рукахъ двухъ совершенно различныхъ племенъ: Фризовъ и Іудеевъ. Фризы жили преимущественно во внутреннихъ городахъ,—Майнцѣ, Вормсѣ, Кёльнѣ,—гдѣ и до сихъ поръ о нихъ напоминаютъ названія нѣкоторыхъ улицъ, а фризскія (фряжскія) сукна были всюду въ цѣнѣ и составляли даже важную статью торговли со странами восточными. За моремъ торговля сосредоточивалась въ рукахъ евреевъ, которые въ то время были болѣе искусны въ мореплаваніи, нежели нынче. Они пользовались въ правленіе Карла такою вѣротерпимостью, какой ни до него, ни послѣ него никто уже имъ не оказывалъ; имъ дозволено было строить синагоги и во многихъ городахъ, какъ напр. въ Кёльнѣ и Нарбоннѣ; они могли даже занимать общественныя должности; при самой особѣ Карла видимъ іудея Исаака, въ качествѣ толмача, которому даются важныя порученія, такъ какъ Карлъ черезъ Массилію завелъ непосредственныя сношенія съ Востокомъ и даже обсылался посольствами съ однимъ изъ аббасидскихъ государей, калифомъ *Гаруномъ-аль-Рашидомъ*. При этихъ посольствахъ государи обмѣнивались и дарами: при франкскомъ дворѣ можно было полюбоваться большимъ слономъ Абулъ-Аббасомъ и превосходною арабскою потѣшною палаткою—подарками калифа; въ особенности же всѣ дивились диковинными часами, которые не поддаются даже описанію такого искуснаго писателя, какъ Эингардъ. То были водяные часы изъ бронзы:—часы обозначались 12 мѣдными шариками, которые звонко ударяли о нижній металлическій тазикъ, а также и 12 всадниками, которые, въ концѣ каждаго часа, выѣзжали изъ особыхъ нишъ. «Да и другого диковиннаго было много въ тѣхъ часахъ, что теперь и пересказать-то было бы трудно», — замѣчаетъ современникъ. Упоминается также о томъ, будто Гарунъ призналъ за своимъ далекимъ союзникомъ нѣчто въ родѣ права защиты по отношенію къ христіанамъ, жившимъ въ Іерусалимѣ; надо, однакоже, думать, что это было со стороны Гаруна скорѣе любезностью, нежели актомъ, имѣющимъ какое бы то ни было политическое значеніе.

Кончина Карла.

Это блестящее царство, связавшее во-едино столько сильныхъ народовъ и доставившее имъ государственный строй, страдало только однимъ недостаткомъ—тѣмъ, что оно, болѣе чѣмъ всѣ подобныя, когда-либо возникавшія царства, основывалось на мощномъ разумѣ и крѣпкой волѣ одного великаго дѣятеля. Въ то время, когда онъ самъ уже приблизился къ старости, злая судьба, тяготѣвшая надъ его домашнею жизнью, лишила его двоихъ сыновей, Карла и Пипина, и такимъ образомъ раздѣленіе государства на три части, предпринятое имъ въ 806 г., оказалось излишнимъ. Въ 813 г. императоръ созвалъ большой съѣздъ государственныхъ чиновъ въ *Аахенъ*, гдѣ онъ въ послѣдніе годы жизни жилъ особенно охотно. На этотъ съѣздъ явились богатѣйшіе и знатнѣйшіе изъ землевладѣльцевъ, высшіе духовные и свѣтскіе сановники и представители власти; набралось довольно и всякаго иного люда, который хоть и не былъ, собственно говоря, представителемъ народа, но по крайней мѣрѣ замѣнялъ его. На этомъ-то торжественномъ собраніи, Карлъ возложилъ вѣнецъ на главу своего единственнаго сына и наслѣдника. «Многая лѣта

императору Лудвигу!»—возгласила толпа вслѣдъ за вельможами и знатью; о какомъ бы то ни было участіи духовенства или папскомъ содѣйствіи при этомъ не было и рѣчи, и самый актъ вѣнчанія Лудвига былъ, кажется, гораздо болѣе неожиданнымъ, нежели актъ вѣнчанія Карла въ 800 г. «Хвала, Тебѣ, Господу»,—сказалъ императоръ Карлъ,—«что Ты даровалъ очамъ моимъ возможность видѣть сына моего на моемъ престолѣ!»—затѣмъ поручилъ своему коронованному наслѣднику его неравноправныхъ съ нимъ братьевъ и отправилъ его въ Аквитанію, которою Лудвигъ и правилъ со славою.

Пять мѣсяцевъ спустя, 28 января 814 года, Карлъ скончался. Одинъ изъ современныхъ источниковъ утверждаетъ, что онъ передъ смертью пріобщился Св. Тайнъ и былъ мѵропомазанъ епископами. «Когда все сіе совершилось, онъ поручилъ душу свою Богу и умеръ съ миромъ... И никто не можетъ передать, какъ великъ былъ плачъ и сокрушеніе о немъ по всей землѣ: самые язычники выразили о немъ сожалѣніе. Величайшая же скорбь была среди міра христіанскаго и во всемъ его царствѣ». Останки Карла были погребены въ церкви св. Маріи, въ Аахенѣ.

Монета Карла Великаго.
„Karolus Imperator Augustus“.

Изъ позолоченнаго серебра. Чеканена въ городѣ Трирѣ. Хранится въ королевскомъ музеѣ въ Берлинѣ.

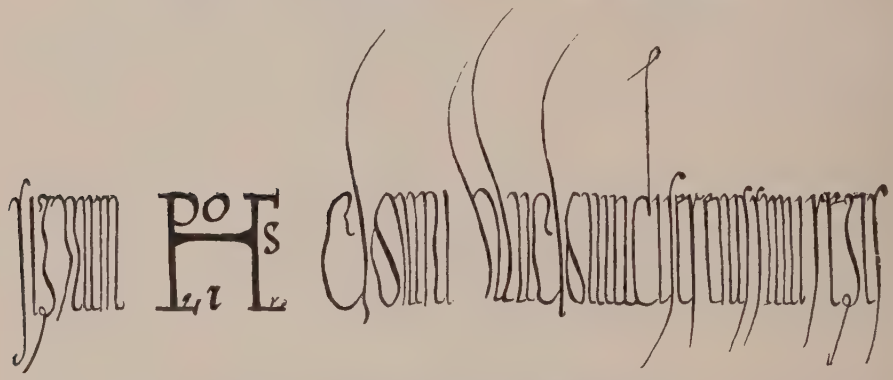
КНИГА ВТОРАЯ.

Отъ Лудвига Благочестиваго до Крестовыхъ походовъ.

(814—1096 гг. по Р. Хр.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Лудвигъ Благочестивый и домъ Каролинговъ до смерти послѣдняго представителя ихъ нѣмецкой линіи.



„Signum + domni hludovvici serenissimi regis".
Знаменье Лудвига Нѣмецкаго въ подписи акта 870-хъ годовъ, писаннаго во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Лудвигъ I Благочестивый.

Карлъ Великій скончался прежде, чѣмъ того можно было ожидать; сынъ его Лудвигъ, вызванный изъ Аквитаніи, уже не засталъ его въ живыхъ. *Лудвигъ I* (814—840 гг.) тотчасъ принялъ бразды правленія въ руки и выполнилъ завѣщаніе отца своего; никто бы не осмѣлился коснуться его авторитета; замѣтно, что единство царства, подъ императорскою властью—всѣмъ пришлось по сердцу. Повидимому и Лудвигъ былъ достойнымъ преемникомъ своего отца: въ лучшей порѣ мужества, хорошо воспитанъ и издавна привыченъ къ занятіямъ дѣлами государственными. Опытъ правительственной мудрости, который удалось ему пріобрѣсти въ Аквитаніи, пришелся ему очень кстати, а по своему образованію онъ могъ быть смѣло поставленъ на ряду съ современными ему учеными, и это, конечно, ничему повредить не могло; онъ говорилъ свободно по-латинѣ, разумѣлъ греческій языкъ и умѣлъ толковать Библію въ смыслѣ тогдашняго богословія не только съ ея «духовной и нравственной» стороны, но также и со стороны ея «мистическаго», т. е. аллегорическаго значенія. Ростомъ онъ былъ поменьше отца, но крѣпко сложенъ

и въ рукахъ у него была сила необыкновенная; въ стрѣльбѣ изъ лука и въ метаніи копья—ему не легко было найти равнаго. При этомъ онъ унаслѣдовалъ подвижность своего отца, былъ такимъ же рьянымъ охотникомъ, какъ и тотъ, и въ личной храбрости у него не было недостатка. Не даромъ славился онъ и добрыми дѣлами, въ духѣ того времени—питаніемъ бѣдныхъ и выкупомъ плѣнныхъ,—а по благочестію могъ смѣло быть поставленъ наравнѣ съ любымъ монахомъ: всѣмъ бросалась въ глаза его усердная и долгая молитва. При этомъ онъ и работникомъ былъ ретивымъ, насколько можно о томъ судить по его законодательнымъ актамъ; едва-ли однакоже справедливо извѣстіе о томъ, будто только ближайшіе къ нему совѣтники могли его отговорить отъ поступленія въ монастырь, по примѣру Карломана, дѣдова брата. Его окружали уже подрастающіе сыновья—и это могло быть въ глазахъ всѣхъ только благопріятнымъ условіемъ. Въ 816 году папа Стефанъ IV пріѣхалъ изъ Рима и совершилъ то, что было упущено въ 813 году:—въ Реймсѣ онъ помазалъ Лудвига на царство, и держалъ при этомъ рѣчь къ нему, какъ ко второму царю Давиду.

Завѣщаніе 817 г.

Случайная опасность, которой онъ подвергся, равно какъ и опасеніе по отношенію къ той партіи, которая поощряла притязанія его племянника Бернгарда (сына Пипинова), побудили его на четвертомъ же году царствованія озаботиться о составленіи завѣщанія и разрѣшеніи вопроса, какъ слѣдуетъ, въ случаѣ его смерти, поступить съ его царствомъ—вопросъ, вдвойнѣ оказавшійся важнымъ при нынѣшнемъ объемѣ царства. По этому завѣщанію, *Пипинъ* и *Лудвигъ*, какъ младшіе сыновья его, должны были получить, съ титуломъ «королей», Аквитанію и Баварію; а къ *Лотару*, старшему, долженъ былъ перейти титулъ императора и верховное владычество надъ всею имперіей. При этомъ надѣленіи сыновей, однакоже, принципъ единства царства былъ охраняемъ гораздо рѣшительнѣе, нежели при дѣлежахъ царства во времена Меровинговъ, которые, сверхъ того, не обладали весьма удобнымъ для единенія титуломъ императорскимъ: въ своемъ актѣ Лудвигъ съ особенною выразительностью налегаетъ на то обстоятельство, что ему, молъ, «и въ голову не приходитъ—разрывать единство царства ради любви къ своимъ дѣтямъ, и тѣмъ самымъ»—добавляетъ онъ многозначительно—«возбуждать огорченіе святой Церкви». На большомъ съѣздѣ въ Аахенѣ это распоряженіе Лудвига было принято всѣми, и при этомъ случаѣ явно выказалось преобладающее вліяніе духовной аристократіи—какъ главной въ то время носительницы идей единенія Имперіи. (817 г.).

Возстаніе Бернгарда.

Племянникъ Лудвига, Бернгардъ, котораго Карлъ Великій поставилъ правителемъ Италіи, съ титуломъ короля Италійскаго (812 г.), очень оскорбился распоряженіями Лудвига, увидѣлъ въ нихъ подрывъ своимъ интересамъ, и возсталъ противъ него съ оружіемъ въ рукахъ, повидимому, поддерживаемый партіей, состоявшей изъ приближенныхъ къ самому Лудвигу вельможъ. Однакоже Лудвигъ, несмотря на свой монашескій образъ жизни, который ему ставили въ укоръ, оказался не безъ энергіи: Бернгардъ оробѣлъ въ виду того сильнаго войска, которое противъ него вывелъ въ поле императоръ, и покорился ему. На ближай-

шемъ съѣздѣ вельможъ, въ Аахенѣ, онъ, вмѣстѣ со своими сообщниками былъ осужденъ на смерть, но казнь, по варварскому обычаю времени, была ему замѣнена ослѣпленіемъ, которое, притомъ, выполнено было съ такою жестокостью, что Бернгардъ умеръ нѣсколько дней спустя. Снисходительнѣе было поступлено съ побочными сыновьями Карла, со стороны которыхъ Лудвигу также грозила нѣкоторое время подобная же опасность: ихъ приказано было постричь и отослать въ монастырь.

Партія императрицы Юдиѳи.

Такимъ образомъ новый порядокъ вещей установился, и до 828 года дѣла шли недурно. Организмъ или механизмъ управленія—графы и епископы и подчиненные имъ исполнители—несли вѣрно свою службу. Марки охранялись строго, войны происходили только на границахъ; при самомъ дворѣ императорскомъ господствовало большое оживленіе; непрерывно приходили отовсюду къ тому двору посольства—греческія, римскія, сарацинскія, болгарскія; образовалось нѣчто въ родѣ обычнаго и правильнаго хода дѣлъ; по окончаніи съѣзда вельможъ, императоръ отправлялся въ свои обычныя странствованія, либо выступалъ въ походъ, если это было нужно; затѣмъ наступала пора осеннихъ охотъ въ Вогезахъ или Арденнахъ, и, наконецъ, зимнее пребываніе въ Аахенѣ, гдѣ тоже сидѣли не безъ дѣла. Съ 819 года Лудвигъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью баварскаго графа Вельфа, Юдиѳью, и эта жена пріобрѣла преобладающее вліяніе на императора, который, какъ и всѣ обыкновенные люди, легко поддавался постороннему вліянію. Отъ Юдиѳи, въ 823 году, родился у императора сынъ Карлъ: въ томъ же году организація царства была окончательно утверждена, такъ какъ Лотаръ, старшій сынъ отъ перваго брака, былъ коронованъ въ Римѣ императорскою короною. Однакоже, надо было озаботиться о надѣленіи владѣніями и младшаго сына, и онъ, еще будучи 6-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, былъ по указу Лудвига возведенъ въ титулъ герцога Аллеманіи, откуда родомъ была семья его матери. Такимъ образомъ, при дворѣ оказалось двѣ партіи—партія королевы и ея сына, и партія трехъ старшихъ сыновей Лудвига; во главѣ первой явился вскорѣ мужъ сильный, графъ *Бернгардъ*, доселѣ занимавшій трудный постъ правителя въ Барселонѣ, а теперь поставленный хранителемъ казны государственной, по древне-германскому обычаю состоявшей подъ надзоромъ супруги императора.

Возстаніе троихъ старшихъ сыновей.

Средства, къ которымъ старшіе братья прибѣгли, были далеко не тонкими. Лотаръ, которому пришлось дѣйствительно принять на свою часть расходы по содержанію малолѣтняго брата Карла, былъ этимъ очень недоволенъ, и, вмѣстѣ съ братомъ Пипиномъ, возсталъ противъ отца, опираясь на его распоряженіе о престолонаслѣдіи (отъ 817 года); перевѣсъ силъ оказался на ихъ сторонѣ, и они обвинили графа Бернгарда въ позорной связи съ императрицей и въ околдованіи ихъ отца, императора. Они понудили императрицу удалиться въ монастырь (братъ Лудвигъ примкнулъ къ нимъ-же) и самого императора пытались склонить къ отреченію отъ престола и поступленію въ монастырь. Императоръ Лудвигъ, однакоже, этому воспротивился, и въ 831 году на сеймѣ, собравшемся въ Нимвегенѣ, снова вернулъ себѣ всю свою власть. Восточно-франкская и саксонская знать были на его сторонѣ, а равно и двое млад-

шихъ сыновей, которые стали завидовать Лотару или не довѣрять ему. Юдиѳь и ея братья были вновь вызваны изъ монастыря, а главные вожди партіи Лотара приговорены къ смерти, но помилованы императоромъ, который, со времени печальнаго ослѣпленія племянника, не рѣшался ни на какія кровавые приговоры. Вскорѣ и графъ Бернгардъ, герцогъ Септиманскій, вновь вошелъ въ прежнюю силу:—дабы очистить себя отъ возведеннаго на него обвиненія, онъ предложилъ своимъ противникамъ—рѣшить дѣло «судомъ Божіимъ», т. е. судебнымъ поединкомъ, и никто не рѣшился съ нимъ вступить въ бой.

Второе и третье возстанія.

Однакоже, миръ былъ непродолжителенъ. Второе возстаніе, Пипина и Лудвига, послѣдовало уже въ 832 году. Еще разъ сила оказалась на сторонѣ императора: Пипинъ былъ сверженъ съ престола и его королевство Аквитанія перешло къ Карлу. Это возбудило тревогу среди сыновей Лудвига, которые, опасаясь полнаго торжества партіи мачихи своей, соединились втроемъ для новаго возстанія (833 г.). На этотъ разъ они были осторожнѣе, да къ тому же и запаслись тайнымъ союзникомъ въ лицѣ папы Григорія IV. Имъ удалось собрать свои силы близъ Вормса, между тѣмъ какъ императоръ со своимъ войскомъ стоялъ при Кольмарѣ. Войска были уже готовы вступить въ бой, однакоже, враждующія стороны вступили въ переговоры, въ которыхъ принялъ участіе и папа римскій, подоспѣвшій во время этой распри, чтобы явиться въ качествѣ миротворца; однакоже, совершенно безуспѣшно. Переговоры велись такъ хитро, что всѣ вдругъ покинули императора и перешли на сторону его сыновей. Видя это, онъ вскорѣ и самъ явился въ ихъ лагерѣ. Старшій изъ нихъ, Лотаръ, посадилъ его въ заточеніе: съ него взяли обѣщаніе, что онъ разлучится съ Юдиѳью (ее отправили въ одинъ изъ итальянскихъ монастырей), а самъ былъ препровожденъ Лотаромъ *), какъ плѣнникъ, сначала въ Суассонъ, а потомъ въ Аахенъ. Въ Суассонѣ несчастный императоръ былъ подвергнутъ публичному покаянію въ церкви монастыря св. Медарда: облеченный въ власяницу, обычную одежду кающихся, онъ здѣсь долженъ былъ прочесть длинный списокъ грѣховъ своихъ. Это уничиженіе Лудвига во многихъ возбудило къ нему сочувствіе, а къ жестокому Лотару и всей его партіи—отвращеніе. Двое младшихъ сыновей, Пипинъ и Лудвигъ, воспользовались этимъ настроеніемъ, приняли сторону отца, и Лотаръ долженъ былъ его выдать имъ. Лудвигъ былъ вновь всѣми признанъ императоромъ, а Лотаръ вынужденъ у него просить прощенія. Нѣсколько лѣтъ протекли мирно. Въ теченіе этихъ лѣтъ Пипинъ скончался, а Лудвигъ, озабоченный закрѣпленіемъ значительной доли своего царства за младшимъ сыномъ Карломъ (отъ Юдиѳи), въ 839 г. затѣялъ *новый передѣлъ* имперіи, по которому Карлу и Лотару достались лучшія и наибольшія части, Лудвигу—одна Баварія, а сыновьямъ Пипина, во избѣжаніе дробленія царства, вовсе отказано въ удѣлахъ. Лудвигъ Баварскій, конечно, счелъ себя обиженнымъ и съ оружіемъ въ рукахъ возсталъ противъ этого передѣла. Отецъ выступилъ съ войскомъ противъ

*) Въ данномъ случаѣ, Лотаръ, кажется, и самъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ партіи духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ.

сына; они сошлись пониже Майнца на битву. Но часъ Лудвига уже пробилъ: онъ скончался на небольшомъ Рейнскомъ островкѣ, почти насупротивъ своего Ингельгеймскаго дворца. Современное свидѣтельство одного духовнаго писателя живо переноситъ насъ къ его смертному одру, куда, по обычаю времени, въ небольшую комнату собралось все находившееся подъ руками духовенство. Умирающій, очевидно удрученный всѣмъ этимъ множествомъ народа, съ досадою сталъ кричать: «прочь! прочь!» (huts, huts!), а благочестивый хронистъ, описывающій смерть императора, не преминулъ объяснить этотъ весьма естественный возгласъ его тѣмъ, что ему будто бы передъ смертью чудился бѣсъ, и что умирающій именно его-то и хотѣлъ отогнать отъ своего одра. По смерти, останки императора Лудвига были препровождены въ Мецъ и тамъ погребены въ церкви св. Арнульфа, родоначальника Каролинговъ (840).

Характеръ правленія Лудвига.

Въ несчастномъ исходѣ царствованія, которое началось такъ благопріятно, а окончилось такъ несчастливо, въ значительной степени слѣдуетъ винить самого императора Лудвига, хотя и не онъ одинъ былъ въ томъ виновенъ. Однакоже, нельзя сказать, чтобы это царствованіе было вполнѣ безуспѣшнымъ. Въ томъ, что составляло высшій интересъ времени, что и въ политическомъ смыслѣ было въ высшей степени важно, въ это царствованіе было сдѣлано важное пріобрѣтеніе: король Норманнскій, Гаральдъ, явился въ Ингельгеймъ и пожелалъ окреститься (въ Майнцѣ 826 г.), и съ нимъ вмѣстѣ отправился на Сѣверъ монахъ *Ансгарій*, который и былъ первымъ епископомъ новой Гамабургской (Гамбургской) епархіи, основанной въ низовьяхъ Эльбы. Мысль о внесеніи христіанства въ эти дальнія страны была уже и у Карла Великаго; но эти предначертанія великаго государя удалось привести въ исполненіе уже только посланному императоромъ Лудвигомъ — епископу Эбо Реймскому; хотя Гаральдъ, повидимому, очень долго колебался, но, наконецъ, все-же извѣстилъ Лудвига о томъ, что собирается его навѣстить, и вотъ, по поводу этого посѣщенія, одинъ изъ современныхъ хронистовъ, даетъ намъ возможность заглянуть во внутреннюю жизнь Ингельгеймскаго двора, и рисуетъ намъ бытовую картину, какую мы рѣдко можемъ встрѣтить на сухихъ страницахъ средневѣковыхъ лѣтописей. Онъ описываетъ намъ дворецъ и церковь съ украшающими ихъ стѣны мірскими и священными изображеніями, затѣмъ говоритъ о прибытіи далекихъ гостей, которые поднялись на своихъ судахъ вверху по Рейну, объ ихъ обращеніи въ христіанство и о томъ, какъ Гаральда воспринималъ отъ купели самъ Лудвигъ, а его супруга Юдиѳь, была воспріемницею супруги Гаральда. За крещеніемъ слѣдовало торжественное богослуженіе и не менѣе блестящій пиръ, при которомъ старшій поваръ Лудвига, Гунто, и Петръ—придворный пекарь, и Отонъ—завѣдывавшій придворнымъ погребомъ—наперерывъ другъ передъ другомъ старались отличиться. За пиршествомъ слѣдовала большая охота, во время которой императрица принимала дорогихъ гостей въ роскошной палаткѣ, раскинутой въ отъѣзжемъ полѣ, между тѣмъ какъ вся свита императора располагалась просто на травѣ, подъ открытымъ небомъ. По окончаніи всѣхъ этихъ торжествъ и празднествъ «возрожденные къ новой жизни Датчане» и ихъ король, богато-одаренные и пора-

женные франкскимъ великолѣпіемъ, направились въ обратный путь, снабженные церковною утварью — дабы ниспровергнуть или истребить кумиры своихъ боговъ, какъ Гаральдъ обѣщалъ своему царственному воспріемнику и радушному хозяину.

Междоусобная война братьевъ. 840 г.

Лудвигъ очень серьезно относился и къ распространенію христіанскаго образованія въ его собственномъ царствѣ, и въ этомъ именно смыслѣ вполнѣ заслуживаетъ своего прозванія «Благочестивый» — а не только потому, что онъ всюду посѣщалъ церкви и былъ неутомимъ въ молитвѣ. Отдѣльныя проявленія этого благочестія заслуживаютъ вниманія; такъ напримѣръ, когда на небѣ появилась однажды комета, онъ приказалъ позвать къ себѣ духовное лицо (то самое, которое и передастъ этотъ разсказъ) и сталъ его разспрашивать о его мнѣніи: правда-ли, молъ, что слѣдуетъ подобныя небесныя знаменья считать провозвѣстниками перемѣнъ царствованія или смерти правителей? Священникъ отвѣчалъ на это мѣстомъ, заимствованнымъ изъ пророка Іеремія, и Лудвигъ, благочестивый и разумный, закончилъ бесѣду съ нимъ слѣдующими прекрасными словами: «мы должны бояться только Того, Который создалъ и насъ, и это свѣтило; однакоже появленіе подобныхъ знаменій можетъ служить и на пользу пробужденія грѣшниковъ отъ ихъ усыпленія». Въ это время не видимъ однакоже особой зависимости императора отъ Церкви и преимущественно отъ папы; сынъ Лудвига, Лотаръ, въ 824 году упорно настаивалъ на томъ, чтобы выборъ папы совершался по всѣмъ каноническимъ правиламъ, и тотъ, кто избранъ въ папы, не могъ бы быть посвященъ въ этотъ санъ прежде, нежели онъ принесетъ присягу въ вѣрности императору; при немъ же франкская Церковь оказалась въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ культомъ поклоненія иконамъ. Но вскорѣ междоусобныя войны положили зародышъ паденія Франкскаго царства, которое было вовлечено и свѣтскими вельможами, и епископами въ борьбу партій, а отъ нея вскорѣ и правительственная власть оказалась въ полной зависимости. Эта междоусобная война, или скорѣе война знати, продолжалась еще довольно долго. Лудвигъ и Карлъ соединились противъ Лотара и въ борьбѣ съ нимъ могли, конечно, опираться только на тѣ племена и части населенія, среди которыхъ идея единенія высшей власти еще не успѣла укорениться надлежащимъ образомъ. Переговоры не привели ни къ чему: распря была предоставлена «на судъ Всемогущаго Бога» и въ 841 году, при *Фонтанетѣ*, близъ Оксерра, дѣло дошло до битвы, въ которой Лотаръ потерпѣлъ пораженіе. Битва была упорная и кровопролитная, и въ ней, по замѣчанію современнаго лѣтописца, «братъ шелъ на брата, и племянникъ поднималъ руку на племянника».

Карлъ и Лудвигъ противъ Лотара.

Въ 842 году войска обоихъ братьевъ сошлись у Страсбурга, и передъ войскомъ Карла (*Плѣшиваго* по прозванію) Лудвигъ произнесъ на *романскомъ* языкѣ клятву, которою обязался брату своему Карлу во всемъ помогать по-братски, а съ Лотаромъ не заключать никакого отдѣльнаго договора; такую клятву, на *нѣмецкомъ* (in thiudisker Sprache) языкѣ произнесъ и Карлъ передъ войскомъ Лудвига. Между тѣмъ Лотару удалось въ Германіи привлечь часть населенія на свою сторону и даже способствовать весьма опасному возстанію низшихъ классовъ населенія противъ

знати; но до большого и рѣшительнаго сраженія дѣло не дошло; дѣло закончилось переговорами при посредствѣ епископовъ, которые очень были озабочены сохраненіемъ государственнаго единства, такъ какъ отъ него зависѣло и единство церковное; къ тому же они здѣсь пользовались большимъ вліяніемъ, и цѣль у нихъ была благая. Договоръ былъ заключенъ въ Виродунумѣ или *Вердёнѣ* въ 843 году.

Вердёнскій договоръ. 843.

Царство Карла Великаго, по этому договору, было вновь подѣлено и притомъ такъ, что *Лудвигъ* получилъ всѣ земли по правую сторону Рейна, за исключеніемъ Фрисландіи, а на лѣвомъ берегу Рейна города: Шпейеръ съ его округомъ, Вормсъ и Майнцъ; *Карлъ*—земли на западъ отъ Рейна; *Лотаръ*—Италію и всю страну отъ устья Рейна до устья Роны, со включеніемъ Фрисландіи и земли Рипуарскихъ Франковъ. Ему же предоставленъ былъ и титулъ императора. Въ его владѣніяхъ находились большіе города: Римъ и Миланъ, Массилія, Лугдунумъ, Триръ, Аахенъ, Кельнъ. Этотъ передѣлъ имѣлъ свое несомнѣнное всемірно-историческое значеніе въ томъ именно смыслѣ, что *германская* восточная половина царства была отдѣлена отъ *римской* западной, и такимъ образомъ было положено начало двумъ царствамъ на основѣ различія національностей и языковъ. Этой національной основы не хватало Лотарову царству, которое въ сущности явилось случайно-составленнымъ и на-время собраннымъ подъ властью одного владыки въ одно цѣлое. Это и выказалось въ томъ, что, 23 года спустя, по смерти Лотара, въ 870 году, произошелъ новый передѣлъ, по которому во владѣніе Лудвига нѣмецкаго перешла бо̀льшая часть Лотарингіи и Фрисландіи, и такимъ образомъ всѣ области, населенныя германскими племенами, отошли къ восточной половинѣ Франкскаго царства. За смертью Лотара (855)—худшаго *), но можетъ быть и наиболѣе замѣчательнаго изъ внуковъ Карла Великаго—титулъ императорскій перешелъ къ его сыну Лудвигу II, и, по кончинѣ послѣдняго (въ 875 г.), эта линія Каролинговъ пресѣклась окончательно. Послѣ этого Карлъ Плѣшивый овладѣлъ Италіей и былъ коронованъ папою Іоанномъ VIII, какъ императоръ (подъ именемъ Карла II). Но, по кончинѣ Лудвига Нѣмецкаго (879) его царство подѣлилось между его тремя сыновьями—Карломаномъ, Лудвигомъ и Карломъ Толстымъ. Послѣднему изъ нихъ, по смерти братьевъ и по смерти внуковъ Карла Плѣшиваго, удалось на время (впрочемъ, весьма короткое) соединить подъ своею властью обѣ половины царства Карла Великаго — восточную и западную. Но эта тяжкая задача была не по-плечу Карлу Толстому (иначе: Карлу III) — человѣку больному и слабохарактерному. Онъ не въ состояніи былъ защититься даже отъ Норманновъ, которые производили опустошительные набѣги на берега Франкской земли и въ 886 году даже осаждали Парижъ и вынудили Карла къ уплатѣ имъ тяжкаго окупа. Въ слѣдующемъ году онъ былъ даже низложенъ на съѣздѣ мѣстныхъ князей, и на мѣсто его возведенъ въ короли графъ *Одонъ* Парижскій, прославившійся своею

*) Современный хронистъ разсказываетъ намъ, что не малаго труда стоило монахамъ Прюмскаго монастыря, гдѣ Лотаръ умеръ — молитвами спасти его душу изъ когтей бѣсовъ, которые долго боролись изъ-за нея съ ангелами надъ тѣломъ усопшаго грѣшника.

храбростью во время осады Парижа Норманнами. Въ то же время, въ восточной половинѣ Франкскаго государства, провозглашенъ былъ королемъ *Арнульфъ* (887—899 г.), побочный сынъ Карломана, братъ Карла III; а въ Италіи, въ 888 г., маркграфъ Беренгаръ Фріульскій, который въ Павіи и былъ коронованъ королевскимъ вѣнцомъ. Изъ общаго состава вышепомянутыхъ земель выдѣлилась только Бургундія, подъ властью двухъ графовъ — Бозона Віеннскаго и графа Рудольфа — образовавшая самостоятельное владѣніе.

Арнульфъ. Общее положеніе дѣлъ.

Среди всѣхъ подобныхъ усобицъ и быстро наступавшихъ перемѣнъ правленія, конечно, твердо-обоснованное Карломъ Великимъ государственное устройство не могло устоять. Графы, надѣляемые землями взамѣнъ жалованья, являвшіеся представителями правительственной власти въ отдаленныхъ округахъ, никѣмъ не надзираемые, тотчасъ же расширили предѣлы своей власти и независимости, по мѣрѣ того, какъ центральная власть становилась слабою и ничтожною. Мало того, власть ихъ—изъ временной и зависимой—во многихъ мѣстахъ обратилась въ наслѣдственную, тамъ, гдѣ отецъ имѣлъ возможность передать ее въ руки способнаго сына. Уже Лудвигъ Благочестивый не всегда умѣлъ справляться со многими изъ этихъ графовъ и, вмѣсто того, чтобы повелѣвать ими или вынуждать ихъ къ покорности въ силу своей императорской власти, привлекалъ ихъ къ себѣ раздачею имъ новыхъ лэновъ во владѣніе. При его наслѣдникахъ эти отношенія еще ухудшились. Свободное населеніе страны сильно страдало, съ одной стороны, отъ произвола этихъ уже почти независимыхъ владыкъ, а съ другой, отъ тягостной военной службы, которая была одинаково обязательна для всѣхъ свободныхъ людей, по крайней мѣрѣ при войнахъ оборонительныхъ; для избѣжанія этихъ бѣдствій существовало только одно, весьма простое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гибельное средство:—свободный человѣкъ могъ передать свой аллодіумъ (свое личное владѣніе) богатому и мощному графу во владѣніе, дабы получить его обратно изъ его рукъ уже въ видѣ бенефиція; при этомъ, правда, онъ утрачивалъ свое значеніе человѣка свободнаго, но взамѣнъ этой личной свободы получалъ весьма цѣнное право на покровительство мощнаго владыки. Точно такъ же можно было передавать свое владѣніе и Церкви, монастырю, епископу, и получать обратно изъ ихъ рукъ это же владѣніе уже въ видѣ лэна, принявъ на себя нѣкоторое обязательство:— и то, и другое одинаково вело къ быстрому сокращенію количества свободнаго населенія. А между тѣмъ, ни для кого незамѣтно, для бо̀льшей части населенія наступало новое общественное устройство, при которомъ общая зависимость отъ короля смѣнялась частною зависимостью отъ ближайшаго господина, и центръ тяжести перемѣщался отъ королевской, объединяющей власти, на сторону многихъ владыкъ, которые, опираясь на своихъ вассаловъ, тѣмъ болѣе оказывали сопротивленіе королю, чѣмъ болѣе тотъ, при своихъ затрудненіяхъ, нуждался въ ихъ помощи.

Внѣшніе враги.

Это весьма явно обнаружилось вскорѣ послѣ смерти Лудвига Благочестиваго, при оборонѣ границъ государства, которымъ враги отовсюду угрожали дерзкимъ вторженіемъ. На Ю., со стороны Италіи и Африки, явились вновь грозными врагами христіанства *Арабы*. Между 827—878 гг. они

завоевали *Сицилію*, завладѣли многими важными пунктами Апулійскаго берега; въ 846 г. арабскій флотъ вошелъ даже въ устье Тибра, и высадилъ войско, которое ограбило предмѣстья Рима; Римлянамъ съ ужасомъ пришлось увидѣть, какъ они оскверняли святыя обители, обращая ихъ въ конюшни для своихъ коней — какъ они завладѣли даже и древнею церковью св. Петра. Въ 889 году Арабы явились снова и на галльской территоріи, гдѣ они утвердились въ крѣпкомъ городкѣ *Фраксинетумъ*, между Фрежюсомъ и Марселемъ, — и этотъ городокъ служилъ имъ опорнымъ пунктомъ для ихъ морскихъ разбоевъ. И на В. границы не были продвинуты далѣе; напротивъ того, ихъ было даже трудно защитить отъ враждебныхъ *славянскихъ племенъ*, — Оботритовъ, Сербовъ, Чеховъ, Моравовъ. Лудвигъ Германскій съ честью велъ противъ нихъ борьбу, въ особенности противъ моравскаго князя Ростислава, сначала союзника, а потомъ злѣйшаго врага Нѣмцевъ. Хотя Ростиславъ, нѣсколько времени спустя, и былъ свергнутъ племянникомъ своимъ *Святополкомъ*, при помощи Нѣмцевъ, которымъ онъ и выдалъ дядю, однакоже и Святополкъ оказался правителемъ умнымъ и сосѣдомъ опаснымъ. Въ концѣ IX вѣка на В. явился новый врагъ,—*Магьяры*, финско-тюркское племя; они заняли въ правленіе Арнульфа Паннонію, и отсюда стали во всѣ стороны направлять свои опустошительные набѣги, напоминавшіе всѣмъ времена Гуннскихъ нашествій. Но самымъ тягостнымъ бѣдствіемъ второй половины IX вѣка были *Норманны*, германское племя, жившее въ Даніи, южной части Швеціи и въ Норвегіи; это сильное и воинственное племя, рано-освоившееся съ мореплаваніемъ, быстро возраставшее въ числѣ и скудно-пропитываемое бѣдною природою Сѣвера, стало съ конца IX вѣка производить морскіе набѣги на сосѣднія страны, вооруженною рукою отыскивая себѣ новыхъ поселій. Въ 787 году такіе сѣверные пираты высадились въ Вессексѣ, и съ той поры получили весьма важное значеніе въ исторіи Англіи, но вскорѣ послѣ того эти грозные воители, на своихъ легкихъ судахъ, вмѣщавшихъ отъ 20 до 60 человѣкъ, стали уже являться всюду, куда только судоходныя рѣки, впадавшія въ море, давали имъ возможность проникнуть. Отъ древне-сѣвернаго наименованія воиновъ или бойцовъ—*каппаръ*—всѣ разбойничьи суда во всемъ свѣтѣ и до сихъ поръ носятъ названіе *каперовъ*; сами себя они называли *викингами* (витязями) и на почвѣ ихъ морскихъ набѣговъ сложилась цѣлая поэзія, такъ какъ они очевидно гнались не за одной добычей, не за однимъ захватомъ владѣній, а также и за славою; эта слава ихъ смѣлыхъ подвиговъ, съ которою они возвращались на родину, возбуждала тамъ соревнованіе во всѣхъ ихъ землякахъ. Гдѣ только бывало завидятъ со сторожевыхъ пунктовъ берега корабли съ рѣзными головами коней или драконовъ на носу, — тамъ тотчасъ же начинается поспѣшное бѣгство и укрыванье всего, что можно было безъ труда унести съ собою. Но эти разбойники тонко знали свое дѣло: они обыкновенно устраивали укрѣпленный лагерь около устья тѣхъ рѣкъ, которыя открывали имъ путь внутрь страны, и оставляли для охраны этого лагеря нѣкоторое число храбрѣйшихъ изъ витязей; туда свозили они свою добычу:—деньги, скотъ, плѣнниковъ—все, что добывали изъ самой страны, внутрь которой

далеко заплывали вверхъ по рѣкамъ и притокамъ ихъ. На всѣхъ берегахъ океана, въ Сѣверномъ и въ Балтійскомъ морѣ, до самой Эстляндіи— Норманны наводили ужасъ на все прибрежное населеніе, и для ихъ языческой ярости не было ничего святого; такъ, въ 845 году, они раззорили Гамбургъ, городъ, созданный Лудвигомъ Благочестивымъ. Въ усобицахъ Каролинговъ они случайно принимали участіе, въ качествѣ союзниковъ одной изъ враждовавшихъ сторонъ, и случалось, что съ ними не рѣшались вступать въ битву даже и тогда, когда всѣ условія благопріятствовали ея удачному исходу: такъ напр., Карлъ Плѣшивый много разъ заключалъ договоры съ предводителями Норманновъ, отплачиваясь отъ нихъ деньгами и уступая имъ участки земли. Въ 885—86 г. видимъ ихъ подъ стѣнами Парижа; и лишь весьма рѣдко случается услышать о такой побѣдѣ надъ ними, какъ побѣда Лудвига III, сына Карла III, въ 881 г.,— воспѣтая въ такъ-называемой «пѣснѣ о Лудвигѣ», весьма цѣнномъ поэтическомъ произведеніи того времени, сложенномъ въ честь того, кто не побоялся вступить въ борьбу съ грознымъ врагомъ:

«Чуть пѣсню пропѣли, мечи загремѣли...
«Хвала Богу силъ—Лудвигъ въ ней побѣдилъ!»

Но несмотря на это пораженіе, въ слѣдующемъ же году, Норманны снова явились на Рейнѣ и Мозелѣ, поплыли вверхъ, выжгли и раззорили Люттихъ, Кельнъ, Аахенъ, Триръ. Сильное пораженіе было имъ нанесено *Арнульфомъ* въ 891 г. Они только что уничтожили высланный имъ противъ нихъ отрядъ близъ Мастрихта, и окопались въ укрѣпленномъ лагерѣ около Лёвена. Арнульфъ напалъ на этотъ лагерь и одержалъ блестящую побѣду: двое ихъ королей было при этомъ убито и 15 значковъ составляли воинскіе трофеи побѣдителя. Арнульфъ, послѣ этой побѣды, обратилъ оружіе противъ Моравскихъ князей; во время борьбы со Святополкомъ, онъ неладилъ и съ Магъярами, и тѣмъ самымъ навлекъ на свои владѣнія ихъ набѣги, которые были еще опустошительнѣе Норманнскихъ. Чтобы выпутаться изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, Арнульфъ рѣшился возстановить Имперію. Въ 894 г. онъ двинулся въ Италію, гдѣ папа Формозъ короновалъ его императорскою короной. Однакоже, кромѣ этого титула и большого запаса св. мощей — Арнульфъ не пріобрѣлъ ничего; вторично отправившись въ Италію, въ 899 г., Арнульфъ скончался на пути. Магъяры же въ этотъ самый годъ произвели первый хищническій набѣгъ на Италію.

Арнульфъ оставилъ несовершеннолѣтняго сына, *Лудвига*, который на одномъ изъ княжескихъ съѣздовъ и былъ признанъ королемъ восточной части Франкскаго государства. Правителемъ королевства во время его младенчества былъ назначенъ архіепископъ Майнцскій, Гаттонъ. Но мальчикъ не дожилъ до совершеннолѣтія: онъ умеръ въ 911 году, а съ нимъ вмѣстѣ угасла династія Каролинговъ и для восточно-франкской, т. е. германской половины государства, наступила тяжкая и мрачная эпоха внутреннихъ междоусобій, раздоровъ и волненій, сильно замедлившихъ ростъ государства, которому долго еще пришлось добиваться установленія связи между его разрозненными частями.

Лудвигъ младенецъ. 899—911.

Церковь.

Великимъ счастьемъ въ этотъ вѣкъ было именно то, что незыблемо-твердая организація *Церкви* представлялась современному обществу чѣмъ-то прочнымъ и носившимъ въ себѣ начала истинной духовной жизни. Церковь, сама по себѣ, представляла нѣчто такое, что полагало предѣлъ разнузданности и произволу сильныхъ, и міръ идеальныхъ стремленій противуполагало дикимъ и грубымъ инстинктамъ современнаго общества: мы уже видѣли, какъ императоръ Лудвигъ I, столь многими ненавидимый и презираемый, строго соблюдалъ однакожъ обязанности христіанскаго правителя, и мы невольно радуемся, когда видимъ, съ какою нравственною мощью папа *Николай I* (856—867) вооружился противъ короля Лотара II, когда тотъ (поддерживаемый архіепископомъ Гунтрамомъ Кёльнскимъ и Теодгадомъ Трирскимъ) задумалъ было развестись со своею законною супругою и жениться на любовницѣ; папа встрѣтилъ себѣ сочувствіе въ справедливомъ недовольствіи народа — и король долженъ былъ подчиниться его волѣ. Великимъ счастіемъ была и та теплая вѣра народа, которая всѣ обыденныя явленія жизни стремилась объяснить чудеснымъ проявленіемъ Божіей воли и Всемогущества; насиліе и властный произволъ, которые, повидимому, ничѣмъ бы не могли быть сдержаны, смирялись, однакоже, предъ опасеніемъ навлечь на себя гнѣвъ св. угодника Божія; и тамъ, гдѣ, конечно, была бы осмѣяна всякая угроза свѣтскою карою, — дѣйствовалъ страхъ церковнаго проклятія, исключенія изъ общенія съ Церковью, послѣдствія котораго грозили карою даже за гробомъ. И даже меньшія наказанія, налагаемыя Церковью за болѣе легкіе проступки—всѣ эти денежныя пени, посты, усиленныя молитвы и поклоны—дѣйствовали уже спасительно, въ особенности по отношенію къ болѣе или менѣе грубымъ суевѣріямъ и обычаямъ (въ родѣ, напримѣръ, всякаго рода волшебствъ и колдовства), унаслѣдованнымъ отъ язычества.

Священство. Монашество. Догматизмъ.

Сильная и твердая вѣра въ чудеса, распространенная во всѣхъ слояхъ населенія отъ высшаго до низшаго, въ значительной степени способствовала поддержанію авторитета духовнаго. При этомъ всѣ вѣрили также и въ то, что и священство, и тѣмъ болѣе монашество съ его отреченіемъ отъ міра, не только требуетъ отъ человѣка извѣстнаго рода святости, но даже и осѣняетъ его святостью—и болѣе всѣхъ вѣрило въ это само духовенство—въ чемъ мы и должны видѣть важное и вполнѣ справедливое основаніе его значительнаго вліянія на общество. На церковную службу всѣ смотрѣли серьезно, и не только народъ, но и правящіе классы его съ невольнымъ уваженіемъ слѣдили за тѣмъ, съ какою важностью обсуждались на мѣстныхъ соборахъ не только дисциплинарные и ритуальные вопросы, но также и метафизико-догматическіе. Система догматовъ была еще не вполнѣ выработана и закончена: обо многихъ вопросахъ еще спорили, изслѣдуя и разбирая ихъ, и многія важныя теологическія тонкости и въ это время еще занимали умы. Саксонскій монахъ, *Готшалькъ*, въ 847 г., возобновилъ строгое ученіе св. Августина о «предопредѣленіи» и даже еще рѣзче и не обинуясь сталъ доказывать, что предопредѣленіе бываетъ двоякое: одни *предъизбраны* къ жизни вѣчной, другіе же осуждены на погибель. Противъ этого ученія возстали — архіепископъ Гинкмаръ Реймскій, и Рабанусъ Маурусъ, ученикъ Алкуина, возведенный не-

задолго передъ тѣмъ въ архіепископы Майнцскіе; напротивъ того, Ремигій, архіепископъ Ліонскій, перешелъ на сторону Готшалька. Споръ разгорѣлся; въ немъ приняли участіе многіе архіепископы, ученый монахъ Ратрамнусъ и значительнѣйшій изъ богослововъ или философовъ-современниковъ, *Іоганнъ Скотъ Эригена* († 886), пользовавшійся большимъ уваженіемъ при дворѣ Карла Плѣшиваго. Многіе мѣстные соборы занимались разборомъ ученія Готшалька, и тотъ былъ до такой степени твердо убѣжденъ въ правотѣ своего воззрѣнія, что, предполагая доказать ее «судомъ Божьимъ»— рѣшался даже принять испытаніе огнемъ, т. е. проѣхать на конѣ черезъ пылающій костеръ. Другой споръ затѣялся изъ-за ученія, проповѣдываемаго *Пасхазіемъ Ратбертомъ*, аббатомъ Корвейской обители, и касался ученія о таинствѣ св. причащенія. Онъ первый рѣшился заговорить о «*пресуществленіи*» хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христову. Противъ него возсталъ *Ратрамнусъ*, но оспаривалъ тщетно и воззрѣніе Ратберта вскорѣ получило весьма обширное распространеніе.

Лже-Исидоровскія декреталіи.

То большое и, въ общемъ смыслѣ, весьма благотворное вліяніе, которымъ пользовалось въ современномъ обществѣ духовенство, должно было неизбѣжно воздѣйствовать на самосознаніе его представителей. Всѣ условія жизни имъ въ этомъ отношеніи благопріятствовали: основаніе монастырей, надѣленіе епископій земельными имуществами, вклады въ церковную казну—все это считалось духовною заслугою, и дѣйствительно, во многихъ случаяхъ, приносило существенную пользу; но въ то же время, это же вліятельное положеніе духовенства въ значительной степени способствовало уясненію для всѣхъ необходимости усовершенствованія той іерархической организаціи, которая поставила его во главѣ общества. Не менѣе важно было, въ данномъ случаѣ, оберечь себя и отъ противуположнаго теченія. Духовной аристократіи не легко было удержать за собою свое положеніе среди возрастающей и постоянно усиливающейся аристократіи свѣтской, и она по-неволѣ была вынуждена,—при своихъ громадныхъ владѣніяхъ и множествѣ хозяйственныхъ и административныхъ заботъ и обязанностей—отдавать значительную долю своей дѣятельности чисто-мірскимъ дѣламъ. Притомъ же лэнная система ставила духовенство въ зависимость отъ владѣтельныхъ князей, и вынуждала его принимать участіе въ интересахъ общественной жизни: такъ съ половины IX вѣка мы уже видимъ, что епископы и аббаты преспокойно участвуютъ въ войнахъ. Архіепископъ Гинкмаръ Реймскій разсказываетъ намъ, какъ его сюзеренъ, король Карлъ Плѣшивый, при случаѣ какого-то спора, сказалъ, что «если молъ онъ, епископъ, желаетъ остаться при своемъ мнѣніи, то можетъ себѣ въ своей церкви и пѣть, и молиться, сколько ему угодно, но съ мірскою своею властью надъ людьми и имуществомъ долженъ будетъ разстаться». Само собою разумѣется, что великое преобладаніе іерархической идеи, при зависимости нѣкоторой части самой іерархіи отъ свѣтскихъ владыкъ, значительно должно было способствовать развитію папской власти, и замѣчательнѣйшій изъ папъ этого времени, *Николай I*, съумѣлъ этимъ воспользоваться. Именно къ этому времени, между 829 и 845 гг., относится довольно неуклюжая поддѣлка, извѣстная подъ названіемъ «*лже-Исидоровскихъ декреталій*» — сборника папскихъ мнѣній и разъясненій,

соборныхъ рѣшеній и т. п., между которыми очень многія оказываются вымышленными. Сборникъ этотъ приписывали епископу Севильскому Исидору, хотя, въ сущности, какъ предполагаютъ, онъ былъ составленъ гдѣ-то около Реймса, и не безъ участія со стороны высшей духовной власти. Этотъ сборникъ, который, благодаря полному отсутствію критики, вскорѣ вошелъ во всеобщее употребленіе на Западѣ, какъ одинъ изъ источниковъ церковнаго права, отличался особымъ, тенденціознымъ направленіемъ, которое мы теперь могли-бы назвать *ультрамонтанскимъ*, хотя оно въ ту пору ничего не имѣло общаго съ папскою властью. Декреталіи отрицаютъ всякое право суда мірского надъ лицами духовными, всякое право вмѣшательства мірской власти въ духовныя владѣнія, почитая такое вмѣшательство великимъ грѣхомъ, такъ какъ епископовъ «можетъ судить только Богъ»; возвышая въ такой степени значеніе епископовъ, декреталіи тѣмъ самымъ возвеличиваютъ и власть папы. По мнѣнію декреталій, именно тамъ, въ Римѣ, слѣдуетъ рѣшать всѣ «важныя дѣла», тамъ слѣдуетъ искать окончательныхъ рѣшеній; мѣстные соборы можно собирать только съ разрѣшенія римскаго епископа, къ которому постоянно можно апеллировать на ихъ рѣшеніе; ни одинъ епископъ безъ разрѣшенія папы не можетъ быть ни поставленъ, ни смѣщенъ. Между тѣмъ какъ декреталіи всюду стараются поставить епископовъ въ ближайшее и непосредственное отношеніе къ папѣ, онѣ всюду проводятъ идею о необязательности подчиненія епископовъ архіепископамъ: недаромъ Гинкмаръ Реймскій, умно и настойчиво отстаивавшій свои права *), называетъ этотъ сборникъ «ловушкою» для архіепископовъ.

Монастыри. Быстрое распространеніе *монастырей*, около этого времени, оказало сильное и, въ общемъ смыслѣ, весьма благотворное воздѣйствіе на жизнь народную. На Западѣ монашество представляло собою элементъ общественной жизни, подъ кровомъ котораго самое общество въ тиши развивалось и возрастало, вопреки всѣмъ враждебнымъ силамъ, которыя тогда ему въ особенности могли угрожать; прекрасною, истинно блаженною жизнью жили современные монахи, образцомъ которыхъ представляется намъ Штурмій, аббатъ Фульдскій. Монастыри, устроенные по уставу св. Бенедикта, размножались быстро; едва только одинъ достигалъ на мѣстѣ своего основанія нѣкотораго процвѣтанія, онъ тотчасъ же выдѣлялъ изъ себя новую колонію, сначала тщательно освѣдомившись о мѣстѣ новаго поселенія; случалось и то, что какой-нибудь владѣтельный князь выпрашивалъ себѣ нѣсколько монаховъ изъ какого-нибудь знаменитаго монастыря, дабы при помощи ихъ, въ избранномъ мѣстѣ, основать такое же благодѣтельное учрежденіе. Подобный монастырь, пока онъ соотвѣтствовалъ своему идеалу, былъ вмѣстѣ и церковью, и школою, и образцомъ въ смыслѣ хозяйственномъ, и учрежденіемъ для храненія и размноженія книгъ, и разсадникомъ всевозможныхъ искусствъ и ремеслъ, и послѣднимъ прибѣжищемъ людей, утомленныхъ жизненными бурями! Особенно важны были монастыри въ значеніи школъ; къ знаменитымъ прежнимъ обителямъ, въ родѣ Фульдской и С. Галленской, которыя существовали

*) Смѣщенный имъ Ротгадъ, епископъ Суассонскій, такъ и остался смѣщеннымъ.

уже слишкомъ сто лѣтъ, прибавились теперь весьма многія другія, и въ школахъ при нихъ постепенно образовалось нѣкоторое количество свободныхъ и благородныхъ мірянъ, которые, научившись искусству чтенія, письма и счёта, и въ особенности ознакомившись съ латинью, пріобрѣтали уже ключъ къ высшему познаванію. Для этого курса ученія придуманы были уже важныя названія: толковали уже о *trivium* и *quadrivium*, которымъ обучали въ монастырскихъ школахъ, разумѣя подъ первымъ названіемъ грамматику, логику и реторику, а подъ вторымъ—четыре дальнѣйшія науки или искусства:—музыку, ариѳметику, геометрію и астрономію—знаніемъ которыхъ, однакоже, не многіе могли похвалиться. Школы эти, конечно, не были учрежденіемъ демократическимъ, да и вообще доступъ въ самый монастырь далеко не всѣмъ былъ открытъ. И здѣсь высказывался тотъ же аристократическій характеръ, который болѣе и болѣе овладѣвалъ обществомъ. Однакожъ, мало-по-малу, образовался хотя небольшой кружокъ такихъ людей, которые обладали нѣкоторымъ подобіемъ научнаго образованія, и при этомъ не принадлежали къ духовенству. Явились *читатели*, хотя еще и въ весьма ограниченномъ числѣ, а слѣдовательно могла уже начаться и литература.

„Геліандъ" „Христосъ"

Изъ этого столѣтія дошли до насъ два большихъ стихотворныхъ произведенія, которыя уже какъ бы разсчитаны на извѣстный кругъ читателей. Мы говоримъ о двухъ евангельскихъ «гармоніяхъ» — «*Геліандъ*» (т. е. Спасителѣ), которая была сочинена около 830 г. по приказанію Лудвига Благочестиваго на саксонскомъ нарѣчіи, и о «*Христѣ*», которую сочинилъ монахъ *Отфридъ фонъ-Вейссенбургъ* (ученикъ знаменитаго Рабануса Мауруса) около 870 г., и посвящена Лудвигу Нѣмецкому. Отфридъ задался такимъ планомъ въ своей поэмѣ: въ риѳмованныхъ строкахъ онъ хотѣлъ передать существеннѣйшее содержаніе евангелій, а въ особыхъ добавочныхъ главахъ — изложить тайный, мистическій смыслъ писанія, и такимъ образомъ одновременно создать богоугодное и современникамъ своимъ полезное произведеніе; въ риѳмованномъ предисловіи къ нему, указывая на то, что «побудило автора продиктовать эту книгу на нѣмецкомъ языкѣ», онъ добавляетъ, что люди дожили уже до того времени, когда и «Франки Господу Богу на своемъ языкѣ хвалу воспѣваютъ». Весьма краснорѣчиво изображаетъ онъ намъ, далѣе, ихъ преимущества по сравненію съ Греками и Римлянами, и, какъ изъ этихъ строкъ, такъ и изъ всего произведенія мы узнаемъ, до какой степени, благодаря Карлу Великому, пробуждено было самосознаніе германскаго народа. Произведеніе саксонца (имя его намъ неизвѣстно) менѣе притязательно; изложеніе его не обладаетъ никакими духовными и мистико-аллегорическими прикрасами, и потому представляется болѣе поэтическимъ: но привлекательною стороною произведенія являются не поэтическія его достоинства, а историческое содержаніе; изъ него мы видимъ, какія добросовѣстныя усилія употребляетъ духовный авторъ для того, чтобы уяснить недавно обращенному воинственному народу главную сущность евангельскаго разсказа. Отношенія учениковъ къ Спасителю онъ старается истолковать отношеніями дружины къ вождю ея, и потому, съ особеннымъ усердіемъ подчеркиваетъ извѣстный эпизодъ апостола Петра съ рабомъ Малхомъ. Оба сти-

хотворенія, однакоже, равно важны для насъ тѣмъ, что вводятъ насъ въ кругъ мышленія и ощущеній современнаго общества, указываютъ намъ, въ какую форму рѣчи приходилось тогда облекать мысль — и потому именно служатъ намъ драгоцѣннымъ дополненіемъ къ тѣмъ скуднымъ источникамъ, по которымъ мы знакомимся съ германскою жизнію и бытомъ этого отдаленнаго времени. Изъ поэмы Отфрида мы узнаемъ, какъ на основаніи христіанской религіозности зародилось среди германскаго народа чувство національнаго самосознанія: изъ «Геліанда» же видимъ, какъ еще неглубоко проникли въ народную жизнь эти зародыши общаго христіанскаго образованія.

Печать Лудвига Младенца.

Печать Конрада I.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Конрадъ I и Генрихъ I.: — династія Саксонская. 919 — 1024. Возстановленіе имперіи.

По смерти Лудвига, германской части франкскаго государства грозило полное распаденіе. Подъ его слабою рукою всюду возникла та самая сила, которую такъ тщательно старался подавить Карлъ Великій: власть раздробилась между многими племенными герцогами-правителями. Гдѣ королевская власть ослабѣвала, тамъ изъ какого-нибудь древняго и знатнаго рода выступалъ мѣстный вождь, который и захватывалъ въ свои руки власть исполнительную, судъ и расправу, въ которыхъ потребность ощущалась настоятельная: такихъ правителей всюду, въ отличіе отъ графовъ, величали народнымъ названіемъ *герцоговъ*. Въ это именно время поднялись многіе роды знатныхъ, въ разныхъ мѣстахъ, почти одновременно: въ Франкской землѣ—Бабенберги, и рядомъ съ ними—Конрадины, а въ Швабіи—герцогъ Бургхардъ, котораго современные источники называютъ «княземъ Аллеманскимъ»; въ Баваріи—Арнульфъ, въ Саксоніи—Ліудольфинги, во главѣ которыхъ стоялъ герцогъ *Оттонъ*—человѣкъ уже престарѣлый. Критическое положеніе. 918.

Національное единство, въ общемъ смыслѣ слова, еще не существовало; многимъ даже не на шутку приходило въ голову,—къ чему имъ король? И при этомъ твердо держалась мысль о *единствѣ царства*—коренившаяся на неувядаемомъ обаяніи Римской Имперіи, которое было обновлено Карломъ Великимъ: и эта мысль находила себѣ сильную поддержку въ интересахъ Церкви и ея представителей, епископовъ. Возвращеніе къ прежней племенной разрозненности могло бы, пожалуй, потрясти основы церковнаго единства и даже способствовать тому, чтобы и

язычество, далеко еще не искорененное, пожалуй, подняло бы голову. Къ тому же, съ Востока грозило нашествіе страшныхъ Магъяръ, котораго одинаково опасался и народъ, и знать; а среди знати давно уже установились оживленныя сношенія и разнообразныя связи, которыя главнымъ образомъ вызваны были съѣздами, которые, въ то время, гораздо болѣе были важны потому, что доставляли возможность знати сходиться для личнаго знакомства и сближенія, нежели по своей законодательной дѣятельности.

I. Конрадъ I; Генрихъ I.

Выборъ Конрада.

Итакъ идея единенія царства одержала верхъ надъ остальными стремленіями современнаго общества: «Великій Карлъ совершилъ это силою христіанской вѣры»—такъ коротко и мѣтко выражается одинъ изъ писателей того вѣка, Видукиндъ Корвейскій. И вотъ, въ самый годъ смерти Лудвига, позднею осенью, съѣхались князья въ *Форшгеймъ*, во Франкской землѣ. Изо всѣхъ князей двое особенно выдавались своими достоинствами: *Конрадъ*, герцогъ Франкскій, и *Оттонъ*, герцогъ Саксонскій; послѣдній, всѣми уважаемый и весьма достойный человѣкъ, но уже начинавшій старѣть, самъ отклонилъ отъ себя всякія искательства избирателей, и указалъ имъ на Конрада, находившагося въ цвѣтущемъ возрастѣ мужества; къ тому же, Конрадъ состоялъ въ родственныхъ связяхъ съ домомъ Каролинговъ: онъ и былъ избранъ (911 г.).

Правленіе Конрада. 911—918.

Это правленіе не могло назваться счастливымъ. Конрадъ, король по выбору, сразу увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ мудреною задачею: добиться авторитета наслѣдственнаго короля. Даже и въ томъ случаѣ, если бы эта задача была ему по силамъ, по его личнымъ качествамъ, онъ жилъ слишкомъ мало, чтобы эту задачу разрѣшить. Онъ обладалъ личнымъ мужествомъ родовитаго Франка; сверхъ того, до насъ дошли разсказы о немъ, какъ о человѣкѣ открытаго и веселаго характера, напримѣръ о его посѣщеніи обители С. Галленской, благодаря которому ученики монастырской школы (ихъ вообще держали очень строго) провели три дня очень пріятно и весело. Но Конраду не улыбалось счастье! Сначала не удалась ему попытка—вновь вернуть Лотарингію восточно-франкскому государству; затѣмъ, годъ спустя послѣ его воцаренія, умеръ Оттонъ, герцогъ Саксонскій, который такъ много способствовалъ избранію Конрада, и, при своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, могъ бы и впослѣдствіи быть его главнымъ совѣтникомъ и опорою (912 г.). Тутъ ужъ ясно обозначились двѣ партіи: одна — королевская, съ нѣсколькими важными духовными сановниками во главѣ (Гаттономъ, архіепископомъ Майнцскомъ, епископомъ Соломономъ Констанцскимъ, епископами Зальцбургскимъ и Фрейзингенскимъ), которой Конрадъ все болѣе и болѣе подчинялся; другая—герцогская, къ которой принадлежали многіе могущественные владѣтельные князья, нѣкогда равноправные съ Конрадомъ, и потому ни мало не расположенные давать слишкомъ много простора королевской власти. Значительнѣйшимъ между ними былъ *Генрихъ*, сынъ Оттона, любимый въ Саксоніи не менѣе своего отца и вполнѣ заслуживав-

шій любви по своимъ прекраснымъ личнымъ качествамъ; положеніе свое въ Саксоніи онъ еще утвердилъ супружествомъ своимъ съ Матильдою, происходившею изъ знатнаго вестфальскаго дома, который велъ свой родъ отъ герцога Видукинда. Конрадъ и его совѣтники медлили и не рѣшались передать ему тѣ громадныя лэнныя владѣнія въ Саксоніи и Тюрингіи, которыми владѣлъ его отецъ; завязалась распря, въ которой все Саксонское племя было на сторонѣ Генриха, да и старая, еще не вполнѣ стихнувшая ненависть Саксовъ и Франковъ тоже имѣла нѣкоторое значеніе; распря окончилась кровавою битвою при Эресбургѣ (915 г.). Въ томъ же году на бо́льшую часть Германіи обрушилось опустошительное нашествіе Магъяровъ. Точно также неутѣшительно было положеніе дѣлъ и въ Аллеманіи, и въ Баваріи. Здѣсь, герцогъ Баварскій, Арнульфъ и Эрхангеръ, одинъ изъ владѣтельныхъ князей Швабскихъ, побѣдоносно отразили вторженіе магъярской орды, и, повидимому, поладили на время съ королемъ; но король, несмотря на это, продолжалъ благопріятствовать ихъ врагу, епископу Соломону Констанцскому, и Эрхангеръ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Бертольдомъ, на того епископа напали и взяли его въ плѣнъ. Изъ-за этого поднялась жестокая распря между королемъ и владѣтельными князьями швабскими и баварскими, и въ ней сторону этихъ князей принялъ и Генрихъ Саксонскій; распря однакоже окончилась тѣмъ, что Эрхангеръ, Бертольдъ и племянникъ ихъ *Ліутфридъ* были казнены по приказанію короля или, лучше сказать, по настоянію руководившихъ имъ епископовъ (917). Несмотря однакоже на эту суровую мѣру, королю не удалось подчиненіе верхней Германіи: герцогъ Арнульфъ удержалъ свое положеніе въ Баваріи, и въ Швабіи герцогомъ избранъ былъ Бурхардъ младшій, сынъ «князя Аллеманскаго». Вскорѣ послѣ того и самъ король Конрадъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, заболѣлъ и оказался на смертномъ одрѣ (918 г., декабрь). Передъ концомъ своимъ, онъ совершилъ истинно-доброе дѣло, уговоривъ брата своего, Эбергардта, отказаться отъ его притязаній на престолъ. Весьма вѣроятными представляются намъ тѣ слова, которыя въ уста Конраду влагаетъ одинъ изъ современныхъ хронистовъ: «намъ счастье на роду не писано, нѣтъ у насъ и надлежащей сноровки для управленія—этимъ надѣленъ Генрихъ Саксонскій и отъ него теперь зависитъ общее благосостояніе». Онъ даже взялъ съ Эбергардта слово, что тотъ самъ передастъ Генриху Саксонскому внѣшніе знаки королевской достоинства,—мечъ и вѣнецъ франкскихъ королей, священное копье и королевскую порфиру.

Саксонская династія. Король Генрихъ I.

Весьма важно было то, что и франкскіе князья прониклись наконецъ убѣжденіемъ, что «будущее восточно-франкское царство принадлежитъ Саксонской династіи»; привлекательная личность Генриха довершила остальное, и среди знати представители самыхъ разнородныхъ направленій очень скоро сошлись въ томъ, что имъ слѣдуетъ избрать именно Генриха, и это избраніе (въ февралѣ 919 г.) было привѣтствовано восторженными кликами народной толпы. Архіепископъ Майнцскій, франкъ по происхожденію, готовился уже къ его помазанію и коронованію; но Генрихъ весьма благодушно уклонился отъ этого, сказавъ: «мнѣ довольно и того, что я превознесенъ предъ всѣми моими предками и, Божьею милостью и

вашею доброю волею, призванъ называться королемъ; что же касается помазанія и возложенія на меня діадемы, то пусть это будетъ предоставлено достойнѣйшему». Въ этой отповѣди новоизбраннаго короля на заискиванья духовенства чуется намъ черта чисто-саксонскаго воззрѣнія на духовенство: не слѣдуетъ забывать, что современная саксонская знать еще не забыла того времени, когда вся власть сосредоточивалась въ ея рукахъ, между тѣмъ какъ теперь мощная духовная аристократія стремилась раздѣлить эту власть со свѣтскою знатью. Какъ бы то ни было, но для насъ достовѣрно одно: Церковь при Генрихѣ не пользовалась тѣмъ благопріятнымъ положеніемъ, которое она занимала при Конрадѣ, и высшее духовенство вынуждено было довольствоваться гораздо болѣе скромнымъ положеніемъ, сравнительно съ тѣмъ, которое выпало ей на долю на древне-франкской почвѣ. Генрихово воззрѣніе на обязанности короля дѣйствительно было иное, нежели воззрѣнія его предшественника, или тѣхъ каролинговъ, которые правили ранѣе Конрада. Историкъ его дома и племени, монахъ Видукиндъ Корвейскій, представляетъ намъ его сущимъ богатыремъ, съ которымъ никто не брался тягаться даже въ рыцарскихъ играхъ; на дружескомъ пиру—привѣтливымъ, но никогда не роняющимъ своего достоинства, и притомъ страстнымъ охотникомъ; та выдающаяся мудрость, которую онъ ему приписываетъ, подтверждается его 16-ти-лѣтнимъ счастливымъ и удачнымъ правленіемъ (919—936 г.). Мудрость эта заключалась въ томъ, что онъ умѣлъ съ перваго взгляда угадывать все исполнимое, и затѣмъ, съ спокойною настойчивостью добивался своей цѣли—и вотъ такимъ-то путемъ онъ съумѣлъ осторожно и предусмотрительно утвердить и обезпечить свое положеніе въ Саксоніи, а затѣмъ, самое положеніе Саксоніи въ средѣ другихъ сосѣднихъ владѣній.

Королевская печать Генриха I.

Королевская власть и герцогская.

Безъ особеннаго труда ему удалось сначала привести новаго герцога Швабскаго, Бурхарда, къ признанію его королевскаго авторитета. Умный герцогъ сразу понялъ, что ему приходится имѣть дѣло съ умнымъ человѣкомъ и съ превосходною воинскою силою, да и Генрихъ тоже постарался не доводить дѣла до крайности. Напротивъ того, Арнульфъ Баварскій вынудилъ Генриха къ тому, что онъ приступилъ къ осадѣ Регенсбурга; и хотя Арнульфъ выказывалъ большое недовольство по поводу того, что «Саксонецъ распоряжается въ его землѣ», — однакоже и онъ тоже покорился, и тѣмъ сохранилъ за собою важное право назначенія епископовъ въ подвластной ему странѣ, право, которое утвердилъ за нимъ король Генрихъ (921 г.) *). Въ томъ же году онъ вступилъ въ соглашеніе съ каролингскимъ королемъ западно-франкскаго государства, свидѣвшись съ

*) Вообще говоря, право назначенія спископовъ принадлежало только королю, который и вручалъ имъ епископскій посохъ.

нимъ въ Боннѣ, причемъ тотъ называлъ его «своимъ другомъ королемъ восточнымъ», а Генрихъ его — «Божіею милостью королемъ западныхъ Франковъ». Несмотря на эти любезности, онъ воспользовался усобицами на Западѣ, чтобы, при удобномъ случаѣ, присоединить Лотарингію къ восточно-франкскому государству: безпокойный и непосѣдливый герцогъ Гизельбертъ былъ усмиренъ и попался въ плѣнъ къ Генриху, который однакоже не только не лишилъ его герцогства, но даже выдалъ за него замужъ дочь свою Гербергу (928 г.). Этимъ самымъ сдѣланъ былъ важный шагъ: нѣмецкія племена были соединены въ одно государство, которое хотя и носило на себѣ характеръ федераціи, однакоже составляло связное цѣлое. Тотъ фактъ, что Генрихъ призналъ новую (или лучше сказать— возобновленную) герцогскую власть за нѣчто такое, съ чѣмъ королю приходилось считаться, что онъ не смогъ въ напрасной борьбѣ съ этою народившеюся властью растрачивать свою силу—это дѣлаетъ честь государственной мудрости Генриха.

Генрихъ и Магъяры.

Конечно, это было не Богъ вѣсть что: — это только способствовало тому, чтобы связать разрозненныя германскія племена. Во всей его правительственной дѣятельности видимъ, вообще, человѣка съ свѣтлымъ и вѣрнымъ взглядомъ, умѣющаго выждать удобную минуту для дѣйствія и неспособнаго къ такому самомнѣнію, которое все стремится сдѣлать сразу и порѣшить однимъ ударомъ. Важнѣйшею задачею и даже національнымъ жизненнымъ вопросомъ была борьба на смерть съ хищными Магъярами, которые почти ежегодно производили свои опустошительные набѣги на Саксонію. Во время этихъ нашествій одна изъ ихъ ордъ обрушилась на монастырь Санъ-Галленскій. Живой очевидецъ этого вторженія оставилъ намъ любопытное его описаніе. Энгильбертъ, аббатъ знаменитаго монастыря, предвидя вражеское нашествіе, приказалъ въ удобномъ и неприступномъ мѣстѣ устроить укрѣпленіе, въ которое братія и снесла все монастырское имущество и казну. Вскорѣ высланные изъ монастыря развѣдчики возвѣстили о приближеніи непріятеля, которое обозначается дымомъ зажженныхъ Магъярами пожаровъ. Тогда и вся братія монастырская также укрывается въ укрѣпленіи и только одинъ изъ братіи, служившій въ монастырѣ шутомъ для всѣхъ, не захотѣлъ укрываться за стѣнами укрѣпленія, въ отместку за то, что отецъ-казначей въ тотъ годъ не выдалъ ему кожи на обувь. Вскорѣ нагрянула дикая орда, но къ брату Гериберту отнеслась весьма снисходительно, замѣтивъ, что онъ не вполнѣ владѣетъ разсудкомъ: Магъяры заставили его водить себя по всему монастырю, но, конечно, не много нашли въ немъ добра. Въ погребѣ, однакоже, еще оставалось двѣ бочки вина, и одинъ изъ Магъяръ вздумалъ было ткнуть въ одну изъ бочекъ копьемъ. «Не тронь!»—крикнулъ на него полоумный Гериберть, — «а то что же мы пить-то будемъ, когда вы отсюда уберетесь?» Конечно, Магъяры на это отвѣчали общимъ взрывомъ хохота, и вино уцѣлѣло для братіи. Затѣмъ вся орда расположилась для пиршества на монастырскомъ дворѣ и на лужайкѣ, кругомъ обители; Магъяры набрасывались на мясо какъ дикіе звѣри, а вино было всюду разставлено среди пирующихъ большими корчагами. По окончаніи пира, они заставили Гериберта и еще одного захваченнаго въ плѣнъ духов-

наго — пѣть имъ священныя пѣсни, а сами стали подъ звуки тѣхъ пѣсенъ плясать. Нѣкоторые изъ нихъ, вообразивъ себѣ, что пѣтухъ на колокольнѣ и есть изображеніе главнаго монастырскаго божества, задумали его оттуда снять—но тотъ, кто полѣзъ за этимъ на шпиль колокольни, упалъ оттуда и переломилъ себѣ спину; монастырская хроника разсказываетъ, что точно такою же лютою смертью погибъ и другой дикарь, который дерзнулъ еще болѣе грубымъ образомъ оскорбить св. Галла; нѣсколько времени спустя, орда дикарей отхлынула вновь и вся братія дивилась тому, что брату Гериберту удалось выйти изъ ихъ рукъ цѣлымъ и невредимымъ; а полоумный братъ Гериберть не скрылъ отъ нихъ, что ему даже вовсе не дурно было у Магъяръ, и что, по отношенію къ вину, они были къ нему гораздо болѣе щедры, нежели монастырскій экономъ.

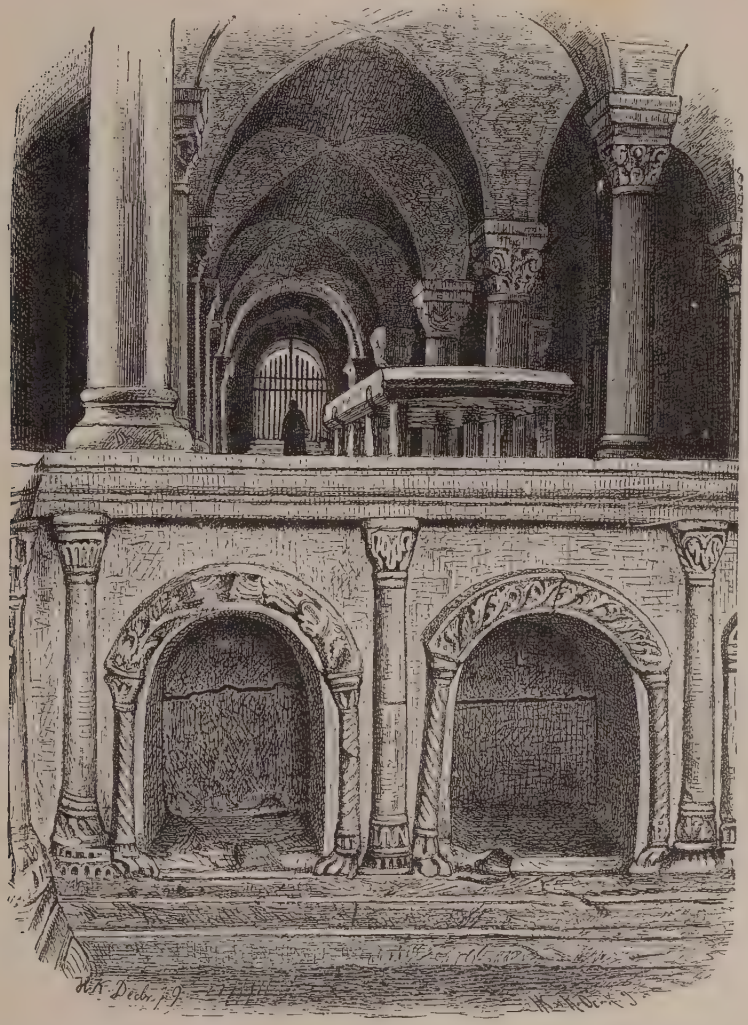
Борьба со Славянами.

Во время набѣга 924 года случилось, между прочимъ, что одинъ изъ важнѣйшихъ магъярскихъ предводителей былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ Генриху. Магъяры предлагали за него дорогой выкупъ. Но король воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы выговорить съ ними болѣе продолжительное перемиріе, лѣтъ на 9-ть, въ теченіе котораго обязался имъ выплачивать ежегодную дань. Южную часть Карловой имперіи онъ предоставилъ на произволъ судьбы и этихъ враговъ, лишь бы охранить отъ нихъ Саксонію. Девятилѣтнимъ перемиріемъ съ ними онъ воспользовался превосходно: собралъ за это время сильное войско, и озаботился устройствомъ цѣлаго ряда укрѣпленныхъ пунктовъ; эти пункты онъ занялъ гарнизонами, и назначалъ въ составъ ихъ девятаго человѣка изъ своихъ служилыхъ людей, а остальныхъ осьмерыхъ, изъ той же очереди, обязывалъ заботиться о его содержаніи; поддерживая такимъ образомъ связь съ этими далеко-выдвинутыми укрѣпленіями, онъ, несомнѣнно, способствовалъ тому, что многіе изъ нихъ потомъ обратились въ города, хотя, собственно говоря, онъ первоначально не имѣлъ этого въ виду. Войско, собранное и обученное имъ для борьбы противъ Магъяръ, онъ имѣлъ возможность испытать въ пограничныхъ войнахъ со Славянами, за которыя вновь горячо принялся въ 928—929 гг. Въ 928 году, по выраженію лѣтописца, «при посредствѣ голода, желѣза и холода», Генрихъ завоевалъ городъ Вендовъ Браннибоpъ, покорилъ и еще два-три ближайшія племени, и среди нихъ построилъ укрѣпленіе, на мѣстѣ котораго впослѣдствіи возникъ городъ Мейссенъ; въ слѣдующемъ году онъ проникъ далѣе на югъ, по направленію къ Богеміи, гдѣ тамошній король или герцогъ, правившій въ городѣ Прагѣ, призналъ надъ собою его главенство. Однакоже вскорѣ послѣ того, въ то время какъ Генрихъ осаждалъ славянскій городъ Лукини на Эльбѣ, произошло всеобщее возстаніе Славянъ, жившихъ между Эльбою и Одеромъ; королю удалось отразить и разбить то войско славянское, которое подступало на выручку города, послѣ чего племена Славянскія признали себя побѣжденными и стали платить ему дань (929 г.).

Пораженіе Магъяръ, 933 г.

По обычаю своему, весьма терпѣливо выждалъ Генрихъ того времени, когда окончилось заключенное съ Магъярами перемиріе. На большомъ народномъ собраніи онъ убѣдился въ томъ, что вся земля Саксонская готова дать единодушный отпоръ врагу, и потому, когда явились обычные послы Магъярскіе за полученіемъ ежегоднаго «подарка»—имъ пришлось

вернуться домой съ пустыми руками. Ожидаемое вторженіе Магъяръ не замедлило, и тутъ-то пришлось убѣдиться, какъ много было сдѣлано предусмотрительнымъ Генрихомъ для предотвращенія этой опасности:—одна



Гробница Генриха I и супруги его, Матильды, въ склепѣ Кведлинбургской замковой церкви. Открыта въ 1867 году.

орда хищниковъ потерпѣла отъ Саксовъ и Тюрингцевъ жестокое пораженіе:—голодъ и холодъ довершили ея гибель; и плѣнники магъярскіе не были пощажены. Противъ другой орды—повидимому, составлявшей главный отрядъ магъярскаго войска—король выступилъ самъ и вблизи мѣ-

стечка Ріаде (933 г.) сошелся съ нею. Но битвы не произошло: Магъяры бѣжали, какъ только завидѣли приближающееся королевское войско; лагерь ихъ достался въ руки Генриховыхъ воиновъ, при чемъ освобождено было множество плѣнниковъ—и вся страна вздохнула свободно. Съ великою радостью принялись всѣ за возстановленіе и обновленіе разрушенныхъ Магъярами церквей и монастырей, такъ какъ теперь можно было надолго успокоиться и не опасаться нападенія хищниковъ, изъ которыхъ, на этотъ разъ, не многіе вернулись къ себѣ на родину.

Генрихъ и Датчане.

Послѣднимъ дѣяніемъ Генриха былъ его походъ 934 года противъ Датчанъ; онъ вынудилъ ихъ короля, Горма, къ заключенію мира. Область Шлезвигская, по ту сторону Эйдера, получила правильное устройство, равное съ землею, отвоеванною у Вендовъ: — такимъ образомъ Генриху удалось присоединить къ своему Восточно-Франкскому государству *двѣ марки* и тѣмъ самымъ обезпечить границы отъ вторженія Славянъ и Магъяръ.

Генрихъ достигъ всѣхъ своихъ цѣлей и совершилъ въ небольшой періодъ времени весьма многое; притомъ онъ былъ еще не старъ, ему было всего около 60 лѣтъ и онъ былъ окруженъ цвѣтущими сыновьями. Тутъ онъ разсудилъ, что настало и для него время побывать въ Римѣ; какіе при этомъ были его планы, намъ это неизвѣстно; по всѣмъ вѣроятіямъ, однакоже, онъ думалъ именно теперь принять то помазаніе и вѣнчаніе, отъ котораго отказался при вступленіи на престолъ. Но на пути онъ почувствовалъ себя дурно, и вынужденъ былъ вернуться домой для необходимыхъ распоряженій. Съ привычнымъ спокойствіемъ и разумностью принялъ онъ всѣ мѣры къ обезпеченію спокойствія въ государствѣ. Въ Эрфуртѣ созвалъ онъ князей на съѣздъ и указалъ имъ на старшаго сына своего, отъ брака съ Матильдою, *Оттона*, какъ на короля; современный хронистъ добавляетъ: «какъ на короля, надъ всѣми его братьями и всѣмъ государствомъ Франкскимъ». О раздѣленіи государства уже не было и рѣчи. Въ 936 году Генрихъ умеръ: останки его были преданы землѣ въ имъ основанномъ или имъ укрѣпленномъ Кведлинбургѣ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА.

Къ характеристикѣ Оттона Великаго,

написанной Видукиндомъ Корвейскимъ.

Текстъ и переводъ:

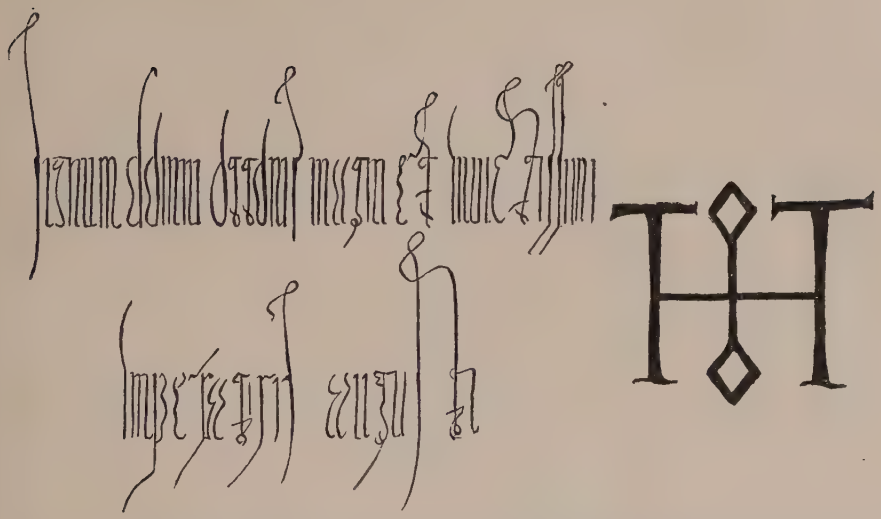
praeter regie(ae) discipline(ae) terrorem semper iocundus.
Внѣ подобающаго царственнаго величія, всегда (бывалъ) ласковъ,
dandi largus, dormiendi parcus et inter dormiendum
щедръ на даяніе, на сонъ же скупъ и во снѣ
semper aliquid loquens, quo eum semper vigilare esti-
всегда что-нибудь говорилъ, такъ что со стороны казалось, будто онъ постоянно бодрствовалъ.
mes. amicis nichil (nihil) negans et supra hominem fide-
Друзьямъ ни въ чемъ не отказывалъ и былъ больше всѣхъ людей вѣренъ.
lis. Nam quosdam audivimus accusatos et peccati ma-
Ибо мы слыхали, что нѣкоторые обжалованные (передъ нимъ) и въ проступкѣ ули-
nifestos ipsum eorum advocatem et intercessorem et cri-
ченные, въ немъ же самомъ находили защитника и ходатая, который поло-
minis nulio modo credulum et ab eo post habitos tamquam
жительно не хотѣлъ вѣрить ихъ винѣ, и даже потомъ съ ними такъ обращался, какъ будто
nichil (nihil) unquam in eum peccassent. Ingenium ei admodum
они ничѣмъ никогда противъ него не провинились. Умъ его очень
mirandum, nam post mortem edidis regine(ae) cum antea
былъ поразителенъ, ибо послѣ смерти королевы Эдиты выучился онъ
nescierit litteras in tantum didicit, ut pleniter
грамотѣ, которую прежде не зналъ, такъ хорошо, что вполнѣ
libros legere et intelligere noverit. Preterea (praeterea) roma-
книги читать и понимать могъ. Сверхъ того на роман-
na lingua slavanicaque loqui scit. sed rarum est,
скомъ и славянскомъ языкахъ говорить разумѣлъ. Но лишь рѣдко
quo earum uti dignetur. In venationibus creber,
считалъ употребленіе ихъ приличнымъ. Въ ловахъ ретивъ,
tabularum ludos amat, equitatus gratiam regia gra-
въ шашки любитъ играть, и веселостямъ рыцарской потѣхи предается
viate interdum exercens. Accessit ad hec (haec) et moles
иногда съ царственною пристойностью. Къ тому же силенъ
corporis, omnem regiam ostendes dignitatem, capi-
тѣлосложеніемъ, которое вполнѣ выказываетъ королевское достоинство, голова
te cano sparsus capillo, oculi rutilantes et in mo-
покрыта сѣдѣющими волосами, а взоръ быстрый и по-
dum fulguris cita repercussione splendorem quen-
добно молніи вспыхивающій, при взглядѣ, какимъ-то
dam emittentes, facies rubicunda et prolixior bar-
блескомъ, лицо румяное и борода рыжеватая нис-
ba et ad hec (haec) contra morem antiquum. Pectus leoninis
падаетъ, даже и противъ стариннаго обычая. Грудь (словно) львиною,
quibusdam sparsum iubis, venter commodus, incessus
покрыта мѣстами гривою, станъ строенъ, поступь
quondam citus modo gravior; habitus patrius et qui numquam
прежде быстра, теперь же гораздо болѣе размѣрена; одежда мѣстная, которую никогда
sit peregrino usus. Quotiens cumque autem sit opus
не мѣнялъ по иностранному образцу. Каждый же разъ, когда онъ
corona portanda, jejunium semper praecedere pro vero
вѣнецъ носить долженъ, онъ къ тому всегда подготовляется, какъ воистину утверждаютъ,
traditur. (Heinricus vero morum gravitate pollebat).
постомъ. (Генрихъ же былъ преимущественно серьезнаго характера).

puer regie disciplinę verecē semp iocundus.
dandi larg. dormiendi parc. ꝛ mr dormiendū
semp aliqd loquens quo eū semp iugulare esti
mes. amicis nichil negans. ꝛ sup hominē fide
lis. Hā qs dā audium accusatos. ꝛ peccati ma
nifestos. ipsū eorꝫ aduocatū ꝛ intercessorē ꝛ cri
minis nullom credulū. ꝛ ab eo pr habitos tāq
nich unq in eū peccassent. Ingenuū et admod
mirandū. nā p morte edidis regine cū antea
nescierit litras intantū didicit. ut plenter
libros legē ꝛ intelligē nouerit. Pretea roma
na lingua slauanicaq loqui scit. si rarum est
quo eaꝫ uti dignetur. In uenationib creber.
tabulaꝫ ludos amat. equitat grām regia gra
uitate mōdū exercens. Accessit ad hec ꝛ moles
corpis. omnē regiā ostendens dignitatē. capi
te cano sparsus capillo. oculi ritilantes ꝛ ī mo
dū fulguris cita repcussione splendorē quen
dā emittentes. facies rubicunda ꝛ plurice bar
ba. ꝛ ad hec st more antiquū. Pect leoninus
quib dā sparsum ubis. uent cōmod. mcessus
qndā citus in gutor. habitus patri. ꝛ q nūq
sit pegrino usus. Quotienscūq aut sit opus
corona portanda. reiunū semp pōdē p uero
tradit. Henric ꝛ mox gutture pollebat. ꝛ

ИЗЪ „САКСОНСКОЙ ИСТОРІИ", соч. Видукинда Корвейскаго, законченной имъ въ 967 г.

Факсимиле рукописи въ Королевской библіотекѣ, въ Дрезденѣ.

Видукиндово изображеніе личности Оттона.



„Signum domni ottonis magni et invictissimi imperatoris augusti".
Знаменье руки Оттона Великаго изъ акта, даннаго подъ стѣнами Равенны, въ 970 году.

2. Три Оттона.

Королю Оттону было ровно 24 года, когда онъ былъ возведенъ на престолъ *Восточно-Франкскаго царства*, какъ тогда офиціально называли государство Германское; онъ получилъ имя въ честь дѣда, который дожилъ до рожденія внука (912 г.). По шестнадцатому году онъ уже вступилъ въ бракъ съ Эдитой (929 г.), дочерью англосакскаго короля Эдуарда, такъ какъ Генрихъ очень заботился о поддержкѣ связей съ земляками своими, переселившимися за море. Не безъ удивленія узнаемъ мы о немъ, что онъ выучился читать только уже послѣ смерти своей супруги, при чемъ, однакоже, саксонскій историкъ не упускаетъ случая замѣтить, что онъ къ книжной премудрости былъ очень способенъ: «быстро сталъ читать и понимать прочитанное»; сверхъ того, онъ умѣлъ объясняться и на славянскомъ, и на романскомъ языкѣ. У Оттона внѣшность была отцовская; отъ отца перешли къ нему и наклонности, и свойства: онъ такимъ же былъ страстнымъ охотникомъ, и такъ же общителенъ, какъ и тотъ; но его стремленія были болѣе возвышенны, онъ сознавалъ себя какъ бы «порфиророднымъ» и смотрѣлъ на свое королевское призваніе глубоко и серьезно: не даромъ разсказываютъ о немъ, что онъ постоянно постился передъ тѣми днями, когда ему приходилось являться передъ народомъ съ вѣнцомъ на головѣ. Съѣздъ князей, на которомъ его избраніе должно было получить окончательную санкцію, созванъ былъ въ Аахенѣ, на франкской почвѣ. Та пышная обстановка, въ которой это избраніе происходило, указываетъ, въ какой степени эта королевская власть уже успѣла утвердиться: герцоги, многіе изъ знати, и великое множество на- Оттонъ I.

рода присутствовали при избраніи. Послѣ того какъ князья, т. е. свѣтская знать, возвели и посадили его на тронъ, воздвигнутый въ залѣ, соединявшей дворецъ съ соборомъ, архіепископъ Майнцскій представилъ собравшейся въ соборѣ толпѣ, «Богомъ избраннаго, нѣкогда могущественнымъ владыкою Генрихомъ назначеннаго, нынѣ надъ всѣми князьями властвующаго короля Оттона...» «Если вамъ этотъ выборъ по-сердцу, то поднимите правую руку къ небу» — добавилъ архіепископъ. Затѣмъ коронованіе совершено было соборне Майнцскимъ и Кельнскимъ архіепископами; за коронованіемъ послѣдовало мѵропомазаніе; во время коронаціоннаго пира, королю за столомъ служили герцоги: Гизельбертъ Лотарингскій, Эбергардъ Франконскій (братъ Конрада I), Германъ Швабскій, Арнульфъ Баварскій: между ними были распредѣлены высшія придворныя должности при этомъ торжествѣ, которому всѣ, видимо, старались придать какъ можно больше значенія.

Первые годы прошли благополучно. Вторженія Славянъ и Магъяръ, которые хотѣли воспользоваться перемѣною царствованія, были удачно отражены; при этомъ Магъяры не достигли даже границъ Саксоніи.

Возстаніе Танкмара и Эбергарда.

Но вскорѣ горизонтъ омрачился. Первый поводъ къ смутамъ, которыми наполнены были ближайшіе годы, подала исконная племенная зависть между знатью Франкскою и Саксонскою. Послѣдняя забрала себѣ въ голову, что нынѣшній король не даромъ избранъ изъ Саксонскаго племени, и, на этомъ основаніи, многіе саксонскіе вассалы отказывались служить своимъ франкскимъ лэннымъ владѣльцамъ. Между тѣмъ какъ Оттонъ занятъ былъ умиротвореніемъ Баваріи, гдѣ онъ замѣстилъ мятежнаго герцога Эбергарда (сына Арнульфова) его братомъ *Бертольдомъ*, — другой Эбергардъ, герцогъ Франкскій, задумавъ обуздать одного изъ своихъ мятежныхъ саксонскихъ вассаловъ, приказалъ сжечь его городъ. Король наказалъ Эбергарда за эту самовольную расправу, наложивъ на него пеню въ 100 фунтовъ серебра; а тѣ предводители дружинъ герцога, которые выполнили его приказаніе и сожгли городъ, были приговорены къ позорному наказанію, которое и господину ихъ показалось оскорбительнымъ: каждый изъ нихъ долженъ былъ принести на рукахъ собаку въ Магдебургъ—тогдашнюю резиденцію короля. Эбергардъ, озлобленный этимъ, нашелъ себѣ вскорѣ и союзника — въ лицѣ *Танкмара*, брата короля Оттона, который былъ старше его годами, но происходилъ отъ брака непризнаннаго Церковью. Эбергардъ возсталъ въ то время, когда еще Оттонъ занятъ былъ улаженіемъ дѣлъ въ Баваріи; между тѣмъ, какъ Оттонъ пытался смирить мятежниковъ кроткими мѣрами, къ нимъ присталъ и Танкмаръ, захватилъ Генриха, Оттонова брата, и «какъ простого раба» отправилъ къ своему союзнику Эбергарду. Танкмаръ продержался недолго; въ то время, какъ онъ укрылся въ Эресбургѣ, королевскіе ратники, при помощи горожанъ, ворвались въ городъ и среди отчаянной сѣчи, завязавшейся въ городѣ, убили Танкмара въ церкви, у подножія алтаря. Когда послѣ этого Эбергардъ лицемѣрно сталъ заискивать примиренія съ королемъ, онъ, въ то же время, готовилъ уже другое предательство. Онъ съумѣлъ сойтись и стакнуться со своимъ плѣнникомъ Генрихомъ, братомъ Оттона, и даже убѣдить его въ томъ, что онъ болѣе брата имѣетъ правъ на коро-

левскій вѣнецъ: Оттонъ, молъ, родился еще въ то время, когда Генрихъ былъ герцогомъ, а Генрихъ уже тогда, когда его отецъ былъ избранъ въ короли. И вотъ противъ короля образовалась большая коалиція: къ двоимъ заговорщикамъ присоединился и безпокойный герцогъ Лотарингскій, Гизельбертъ, и даже западно-франкскій король вошелъ съ ними въ союзъ. Вслѣдствіе этого, 939 годъ былъ особенно критическимъ годомъ для Оттона, тѣмъ болѣе, что и Датчане, и Славяне воспользовались удобнымъ случаемъ для разрыва: приходилось одновременно биться и въ Саксоніи, и въ Лотарингіи, и на Рейнѣ. Однакоже Оттонъ справился съ трудною задачею. Ходъ борьбы его съ противниками прослѣдить довольно трудно, при сбивчивости современныхъ извѣстій; знаемъ, однакоже, что длилась она довольно долго, и потомъ вдругъ, *въ одинъ день* Оттонъ былъ случайностью избавленъ отъ двоихъ своихъ главныхъ враговъ. Вблизи Андернаха, войско королевское настигло арьергардъ непріятеля, въ которомъ находились и Эбергардъ, и Гизельбертъ, между тѣмъ, какъ большая часть ихъ войска уже успѣла переправиться за Рейнъ съ богатою добычею. При неожиданномъ нападеніи, Эбергардъ палъ послѣ отчаяннаго сопротивленія, а Гизельбертъ, вмѣстѣ съ другими бѣглецами, бросился въ лодку, собираясь переплыть за рѣку; но, переполненная людьми, лодка пошла ко дну, и Гизельбертъ потонулъ. Такъ въ одинъ день два герцогства остались безъ герцоговъ (939 г.). Генрихъ же не отказался отъ своихъ обширныхъ замысловъ. Ради выполненія ихъ, онъ рѣшился даже прибѣгнуть къ убійству и подослать убійцъ къ брату, который уже готовъ былъ дать ему герцогство Лотарингское. Но заговоръ былъ открытъ, заговорщики перехвачены и казнены — самъ Генрихъ бѣжалъ (941 г.). Несмотря на все это, въ томъ же году послѣдовало между братьями примиреніе: Генрихъ искренно покаялся передъ братомъ своимъ, и былъ помилованъ. Хотя связь всѣхъ этихъ явленій представляется намъ далеко не ясною, при крайней скудости источниковъ, однакоже одно оказывается несомнѣннымъ: Генрихъ оправдалъ великодушіе своего брата и съ той поры былъ всегда непоколебимо вѣренъ ему.

Правленіе Оттона. 941—950.

Послѣ того, какъ Оттону пришлось такъ упорно биться изъ-за своей короны, ему дана была возможность вздохнуть спокойно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Весьма важнымъ шагомъ было то, что онъ не возстановилъ герцогства Франконскаго, и слѣдовательно принялъ эту землю въ свое личное управленіе; герцогство Лотарингское, въ 944 году, онъ передалъ франкскому вельможѣ, *Конраду*, за котораго впослѣдствіи отдалъ свою дочь, Ліутгарду. Въ 946 году, къ великому удовольствію Оттона, западно-франкскій король Лудвигъ — бывшій союзникъ мятежныхъ герцоговъ,—самъ былъ вынужденъ просить у Оттона помощи противъ своихъ мощныхъ вассаловъ. Оттонъ привелъ ему на помощь сильное войско — говорятъ, будто до 32,000 человѣкъ—въ Галлію, и побѣдоносно дошелъ до Руана; но, конечно, и ему не подъ силу было поддержать клонившееся къ упадку могущество Каролинговъ. Въ то же время на Славянскихъ маркахъ велась ожесточенная борьба—съ одной стороны отъ рѣки Заалы и средняго теченія Эльбы до рѣки Одера, гдѣ воевалъ маркграфъ *Геро;* съ другой стороны — отъ Кильской бухты до устьевъ Одера, гдѣ

бился съ Славянами маркграфъ *Германъ Биллунгъ*. Борьба сопровождалась всѣми ужасами коварства и безпощадной мстительности: знаемъ даже и такой примѣръ—маркграфъ Геро пригласилъ къ себѣ однажды на пиръ 30 старшинъ изъ Вендской земли и пилъ съ ними вмѣстѣ, а когда они охмѣлѣли, то онъ приказалъ ихъ перебить. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ христіанство могло проникать туда лишь весьма туго и медленно, хотя только оно и могло бы упрочить всѣ эти завоеванія на окраинахъ. Однакоже, Оттонъ и здѣсь не упустилъ случая, именно въ это время обратить особенное вниманіе на дѣятельность миссіонерскую, и проводилъ ее весьма настойчиво. На границѣ Славянскихъ земель возникали церковныя учрежденія,—въ 946 году епископство Гавельбергское, въ 949 году епископство Бранденбургское, и первые епископы здѣшніе были посвящены въ этотъ санъ архіепископомъ Майнцскимъ. И на Сѣверѣ, при новомъ архіепископѣ Гамбургскомъ *Адальдагѣ*, миссіонерская дѣятельность также оживилась: въ 948 году явились посланные изъ Гамбурга три новыхъ епископа для трехъ новоучрежденныхъ на датской почвѣ епископій—Слясвика, Рипы и Гарузы *(Шлезвига, Рипена* и *Ааргуса)* — на мѣстномъ соборѣ въ Ингельгеймѣ, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ папскаго легата, обсуждались весьма важные церковные вопросы, которыми Оттонъ занимался особенно внимательно послѣ кончины супруги своей Эдиты (946 г.).

Могущество королевскаго дома. Епископъ Брунонъ.

Въ 947 году умеръ Бертольдъ, герцогъ Баварскій, и Оттонъ передалъ герцогство своему брату Генриху, съ которымъ вполнѣ примирился и сблизился, такъ какъ Генрихъ вполнѣ искренно призналъ умственное превосходство Оттона. Годъ спустя, умеръ Германъ Швабскій, на единственной дочери котораго былъ женатъ сынъ Оттона, Ліудольфъ. Къ нему-то, еще вполнѣ юному, перешло герцогство Швабское, и такимъ образомъ достигнуто было такое положеніе, о которомъ еще незадолго передъ тѣмъ и мечтать было невозможно: во главѣ двухъ герцогствъ стояли члены одной и той же царствующей фамиліи, а два важнѣйшія изъ нихъ, Саксонія и Франконія, состояли въ управленіи главы той же фамиліи—самого короля. И всѣ эти правители были еще въ самомъ цвѣту мужества: Генриху было немного болѣе тридцати лѣтъ, Оттону не было сорока; въ лучшей порѣ мужества находился и еще одинъ членъ той же благословенной семьи, который чрезвычайно своеобразно дополнилъ своею дѣятельностью Оттоново могущество. Второй сынъ отъ брака Генриха и Матильды, *Брунонъ*, въ раннемъ возрастѣ поступилъ въ монахи и предался своему призванію съ усердіемъ, поразительнымъ при его молодости: страстно любя книги, онъ, по замѣчанію одного біографа, «носился со своей библіотекой, какъ Израиль съ Ковчегомъ». Еще будучи мальчикомъ, онъ обладалъ уже такими свѣдѣніями, которыя по тому времени были чрезвычайными; а когда онъ достигъ юношескаго возраста, братъ-король сдѣлалъ его своимъ канцлеромъ и поручилъ ему въ завѣдываньe всю государственную канцелярію. Съ неутомимымъ рвеніемъ Брунонъ посвятилъ себя занятіямъ государственными дѣлами, и, несмотря на это, ревностно продолжалъ заниматься науками; онъ привлекалъ къ себѣ Грековъ на службу и изучалъ ихъ языкъ, и, въ то же время, на-

ходился въ постоянныхъ и непосредственныхъ отношеніяхъ съ ирландскими и британскими монахами, которыхъ Датчане изгнали изъ ихъ родныхъ пепелищъ. Брунонъ отчасти раздѣлялъ съ ними ихъ аскетическія воззрѣнія, но этотъ аскетизмъ нимало не сдерживалъ его страсти къ научному изслѣдованію и прогрессу. Онъ и самого короля завлекалъ къ своимъ занятіямъ, въ которыхъ тотъ находилъ даже нѣкоторое утѣшеніе и разсѣяніе послѣ кончины супруги, столь сильно его опечалившей; и вотъ, въ половинѣ X вѣка мы видимъ въ средѣ нѣмецкаго монашества и духовенства, въ старыхъ и новыхъ школахъ монастырей — С. Галленскаго, Рейхенаускаго, Фульдскаго, Вюрцбургскаго, Корвейскаго, Гандерсгеймскаго, Кведлинбургскаго—большое умственное оживленіе, обѣщавшее принести наилучшіе плоды въ будущемъ. Это царство, послѣ разныхъ треволненій, повидимому, прочно слившееся во-едино, обладало тѣмъ неоцѣненнымъ преимуществомъ, что его населеніе, при всѣхъ своихъ частныхъ и мѣстныхъ различіяхъ, все же говорило однимъ и тѣмъ же языкомъ, слѣдовательно, обладало такимъ объединяющимъ средствомъ, какимъ въ то время не могли похвалиться ни Испанія, ни Галлія, ни Италія. То, что Видукиндъ Корвейскій говоритъ о Генрихѣ I, называя его «величайшимъ изъ королей европейскихъ, создавшихъ себѣ обширное и сильное государство своими собственными трудами»—все это еще съ бо́льшимъ правомъ можетъ быть примѣнено къ сыну Генриха, Оттону I.

Положеніе дѣлъ въ Италіи.

Именно это блестящее положеніе невольно и заставляло всѣхъ подумать объ императорскомъ титулѣ, который все еще имѣлъ по-прежнему громадное значеніе въ глазахъ свѣта; поэтому не удивительно, что и самъ Оттонъ, и его подданные, именно въ эти дни блеска и великолѣпія, обратили взоры къ Италіи и Риму, откуда до-нынѣ всѣ императоры получали свой титулъ. Притомъ, дѣло шло въ данномъ случаѣ не о пустомъ титулѣ. Названія «Римская Имперія» и «Римскій Императоръ» въ современномъ историческомъ мірѣ обозначали собою дѣйствительно культурную страну, собранную въ одно цѣлое при посредствѣ христіанской Церкви; съ другой стороны, Римъ, въ которомъ прежнее обаяніе столицы міра и центра высшей мірской власти слилось съ его новымъ значеніемъ резиденціи высшаго представителя духовной власти, почитаемый всѣми за общее достояніе всѣхъ европейскихъ народовъ,—какъ нѣкогда Дельфы были общимъ достояніемъ всѣхъ Эллиновъ,— и этотъ-то Римъ, вмѣстѣ со всею Италіей, находился въ такихъ условіяхъ, о которыхъ даже едва-ли возможно дать понятіе современному читателю.

Если заглянемъ въ эти условія, то поневолѣ придется согласиться съ тѣмъ мыслителемъ, который сказалъ, что «трудно себѣ представить все, что въ состояніи вынести народъ». Для такой страны, какъ Италія, въ которой такъ пестро было перемѣшано множество народовъ, *Имперія* нѣкогда обозначала (болѣе чѣмъ для всякой другой страны) — сильную власть и порядокъ. Но, уже со смертью Арнульфа (899), имперія существовала только по имени, — и покрывала мимолетнымъ блескомъ или тѣнью захваты власти тѣхъ хищниковъ, которые были сильнѣе или порочнѣе другихъ. Такъ, въ 901 г. Лудвигъ II Бургундскій вѣнчался въ Римѣ императорскою короной; вслѣдъ затѣмъ герцогъ *Беренгаръ* Фріуль-

скій *) одолѣлъ Бургундскаго короля, захватилъ его врасплохъ и ослѣпилъ—по варварскому обычаю времени—и это нимало не помѣшало ему въ 915 г. добиться императорской короны: — въ 924 г. онъ былъ заколотъ. Послѣ этого, еще одинъ король Бургундскій, *Гугонъ*, пытался добиться итальянской короны, которую у него отбивалъ одинъ изъ мѣстныхъ вельможъ, маркграфъ Иврійскій, *Беренгаръ II*. На итальянскую королевскую корону стали въ это время смотрѣть, какъ на переходъ къ императорскому сану: однакоже, послѣ несчастнаго Лудвига II (онъ умеръ четыре года спустя, послѣ смерти врага своего) никому не удавалось ея добиться. И никто изъ этихъ королей или временныхъ тиранновъ не былъ даже настолько могуществен, чтобы имѣть возможность защитить Италію отъ тѣхъ хищныхъ набѣговъ, которые безпрестанно на нее обрушались. Такъ, Средняя Италія почти 30 лѣтъ сряду находилась подъ владычествомъ Арабовъ, которые устроили себѣ укрѣпленный пунктъ на Гарильяно, грабили и притѣсняли населеніе, и отсюда отправляли свою добычу цѣлыми кораблями въ Сицилію или въ Африку: только уже въ 916 г., благодаря энергіи папы Іоанна X, они были здѣсь нѣсколько обузданы. Еще болѣе продолжительны и тягостны были набѣги того же врага на Верхнюю Италію изъ Фраксинетума, черезъ альпійскія дороги, на которыхъ Арабы настроили много замковъ-заставъ. Съ 899 года къ этому бѣдствію прибавилось еще новое: набѣги Магъяръ съ востока, повторявшіеся ежегодно. Въ 926 г. они достигали даже Рима; въ 942 потерпѣли тамъ жестокое пораженіе, но не переставали попрежнему тревожить набѣгами ломбардскую равнину. Ближайшими послѣдствіями такого положенія дѣлъ было то, что все населеніе—насколько то было возможно — собралось въ города, которые, въ свою очередь, поспѣшили дополнить и усилить свои укрѣпленія, такъ что при набѣгахъ непріятеля отсиживались въ осадѣ, терпѣливо ее выдерживая, или же отдѣлываясь уплатою окупа. Странно сказать, что это скопленіе населенія въ городахъ, вызванное страшнымъ бѣдствіемъ, имѣло и нѣкоторыя благопріятныя послѣдствія: съ одной стороны, оно способствовало быстрому расцвѣту нѣкоторыхъ ремеслъ и даже отраслей искусства, а также и развитію столь важнаго для Италіи городского элемента; съ другой стороны,—общая опасность и бѣдствія, вынуждавшія къ совмѣстному житью въ крѣпкихъ городахъ, способствовали сближенію различныхъ элементовъ населенія, романскихъ и германскихъ, и ускорили ихъ сліяніе, вырабатывая общій языкъ и сглаживая различія въ обычаяхъ. Но нельзя упустить изъ виду и того въ высшей степени дурного вліянія, которое оказывала ненадежность всѣхъ условій жизни на нравственное состояніе общества. Всѣ торопились жить, и мелкое честолюбіе, при существующемъ безправіи, спѣшило поскорѣе достигать своихъ цѣлей, не разбирая средствъ: на чьей сторонѣ была сила, тотъ и пользовался ею, какъ тиранъ, маленькій — въ маломъ, большой—въ большомъ. И если даже въ странахъ германскихъ, за это время, мы видимъ полное отсутствіе понятія о чести и вѣрности долгу

*) Уже въ 888 г., послѣ смерти Карла Толстаго, онъ принудилъ провозгласить себя королемъ Италіи.

(они болѣе существуютъ въ нѣмецкихъ реторическихъ учебникахъ, какъ громкая фраза, чѣмъ въ описываемой нами дѣйствительности), то ужъ въ Италіи-то вѣроломство, двоедушіе и двуязычіе вошли какъ-бы въ законъ общественной жизни того времени. Понятное дѣло, что подобное настроеніе умовъ, подобное воззрѣніе на жизнь должно было отозваться и на общественныхъ, и на семейныхъ нравахъ, въ которыхъ видимъ полное отсутствіе какой бы то ни было стыдливости: — мы не ошибемся, если скажемъ, что въ первой половинѣ X вѣка, болѣе чѣмъ когда-либо, въ Италіи развратъ достигъ крайнихъ предѣловъ и женщины безнравственныя пользовались наибольшимъ значеніемъ.

Папство.

Отъ Церкви въ это время нельзя было ожидать спасенія, хоть и не было въ средѣ ея недостатка въ строгихъ и серьезныхъ людяхъ, которые съ ужасомъ смотрѣли на то «сатанинское господство», которое такъ очевидно охватило все современное общество въ Италіи. Епископы, достигнувшіе при этомъ общемъ разладѣ большого могущества, немногимъ отличались въ нравахъ отъ мірской знати. Не блистали нравственностью и монастыри, которые оказывали лишь весьма слабый отпоръ общей испорченности; но хуже-то всего было то, что отравленнымъ оказывался и тотъ источникъ, изъ котораго доселѣ почерпались и указанія, и назиданія въ вопросахъ вѣры и совѣсти. *Папскій престолъ* обратился въ игрушку или въ орудіе испорченности различныхъ знатныхъ фамилій и партій, и въ теченіе полувѣка (904—955 гг.) двѣ знатныя и страшныя женщины, Ѳеодора и ея дочь Марозія, по произволу, пользуясь и тайными убійствами, и предательствами всякаго рода, возводили на папскій престолъ своихъ любовниковъ, сыновей, фаворитовъ! Одинъ изъ сыновей Марозіи былъ, напримѣръ, въ 932 году провозглашенъ папою подъ именемъ Іоанна XI, послѣ того, какъ папа Іоаннъ X былъ злодѣйски умерщвленъ въ темницѣ. И въ то же время, югъ Италіи находился во власти греческихъ императоровъ, которые—если-бы только въ рукахъ ихъ оставалась хоть тѣнь прежняго могущества—въ данное время легко могли бы всю Италію подчинить своему господству.

Королевство Беренгара.

Но изъ Константинополя нечего было ожидать помощи. Былъ только одинъ человѣкъ, достаточно-сильный для того, чтобы внести въ эту страну новые порядки и строй общественный:—такимъ человѣкомъ былъ король Восточно-Франкскаго государства, Оттонъ I, который невольно вынужденъ былъ обратить вниманіе сначала на Западно-Франкское государство, а потомъ и на Италію. Въ Италіи же происходило вотъ что: королю Гугону не удалось тамъ утвердить свою тираннію; онъ замѣщенъ былъ юнымъ сыномъ его, *Лотаромъ*, который былъ признанъ королемъ только условно, въ силу договора съ могущественнѣйшимъ изъ противниковъ Бургундіи, маркграфомъ Беренгаромъ. Но Лотаръ и умеръ юношей (950 г.), и тогда-то именно Беренгаръ счелъ время наиболѣе удобнымъ для захвата итальянской короны и упроченія ея въ своемъ домѣ. Въ этихъ видахъ онъ сталъ хлопотать о заключеніи брачнаго союза между сыномъ своимъ Адальбертомъ и молодою вдовою Лотара, Адельгейдой (Бургундской княжной по рожденію), которую ему удалось захватить въ 951 г. Одному изъ своихъ графовъ онъ поручилъ держать ее въ строгомъ заточеніи на Гард-

скомъ озерѣ, и Беренгаръ не стыдился даже пускать въ дѣло жестокія истязанія, лишь бы вынудить ее къ выполненію его воли.

Оттонъ и Адельгейда. 951.

Это обстоятельство и послужило для Оттона I внѣшнимъ предлогомъ для его вступленія въ Италію. Это рѣшеніе его было знаменательнымъ и привело къ важнымъ послѣдствіямъ. Онъ собралъ большія воинскія силы:—его братъ Брунонъ, его братъ Генрихъ, герцогъ Баварскій, его зять Конрадъ Лотарингскій, приняли участіе въ походѣ, въ который сынъ его Ліудольфъ уже выступилъ самовольно, хотя и не совсѣмъ успѣшно. Само собою разумѣется, что Беренгаръ не могъ и подумать тягаться въ силахъ съ Оттономъ; онъ не съумѣлъ даже уберечь своей плѣнницы, которая тѣмъ временемъ нашла возможность ускользнуть изъ своего заточенія. У ней были въ Италіи свои приверженцы, да притомъ она обладала достаточными личными преимуществами, чтобы и самъ вдовый Оттонъ могъ предложить ей руку: — свадьба ихъ состоялась еще въ томъ же году, въ Павіи, и была справлена весьма торжественно, а молодая, прекрасная и умная Адельгейда съумѣла вскорѣ подчинить своему вліянію короля-супруга. Однакоже, ему не удалось привести на этотъ разъ въ исполненіе свой замыселъ о возстановленіи имперіи Карла Великаго и короновании въ Римѣ императорскою короною. Папа, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ брата своего, сенатора Альберика, не выказалъ расположенія къ выполненію Оттонова замысла, а Оттонъ и не думалъ захватывать вѣнецъ императорскій силою; притомъ же, вскорѣ выяснилось, какія именно затрудненія проистекали для него изъ новаго положенія, въ которомъ онъ очутился вслѣдствіе своего политическаго брака и перехода королевства Италійскаго во власть его.

„Otto Rex × Pacificus".—„Argentina Uoto" (Udo).
Монета Оттона Великаго.

Чеканена въ Страсбургѣ при епископѣ Удонѣ. Хранится въ Берлинскомъ мюнцъ-кабинетѣ.

Королевство Италія. Возстаніе Ліудольфа и Конрада.

Съ самимъ Беренгаромъ онъ справился безъ особыхъ затрудненій. Тотъ явился къ нему въ Магдебургъ для изъявленія своей покорности и получилъ королевство Ломбардское въ лэнъ отъ Оттона; однакоже, маркграфства, составлявшія прежнее герцогство Фріульское, были отдѣлены отъ Италіи и присоединены къ Баваріи, гдѣ герцогомъ былъ Генрихъ (братъ Оттона), пользовавшійся при новомъ порядкѣ очень большимъ вліяніемъ и ясно выраженнымъ расположеніемъ королевы. Именно это и возбудило неудовольствіе сына Оттонова, Ліудольфа, отъ перваго брака, который давно уже былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ съ дядей Генрихомъ, и зятя Оттонова, Конрада Лотарингскаго. И вновь поднялась

борьба, вновь цѣлый рядъ вѣроломствъ, предательствъ и злодѣйствъ съ обѣихъ сторонъ, какъ и въ началѣ царствованія Оттона. Теперь оказывается невозможно изслѣдовать, дѣйствительно-ли было у Ліудольфа основаніе для опасеній за престолонаслѣдіе, послѣ того, какъ Адельгейда родила сына (его прозвали въ честь дѣда Генрихомъ); однакоже, нельзя не отмѣтить того факта, что заговорщики,—къ которымъ присталъ и очень хитрый и двуличный духовный сановникъ, архіепископъ Фридрихъ Майнцскій,—пользовались большимъ сочувствіемъ. Заговорщики заманили короля Оттона въ Майнцъ, гдѣ онъ надѣялся съ ними покончить миромъ; слишкомъ поздно убѣдился онъ въ томъ, что попался въ западню и находится въ ихъ власти. Онъ вынужденъ былъ согласиться на условія, предложенныя сыномъ и зятемъ, — какія именно, мы не знаемъ, — и только тогда получилъ свободу. Но и онъ поступилъ, какъ истинный сынъ своего вѣка: онъ и не подумалъ объ исполненіи вынужденныхъ у него договоровъ. Вернувшись въ Саксонію, онъ быстро оправился, созвалъ съѣздъ князей въ Фрицларѣ, и тамъ думалъ предложить на общее обсужденіе притязанія Ліудольфа и Конрада—въ ихъ же присутствіи. Однакоже, они не явились, а потому заочно были осуждены на изгнаніе, вмѣстѣ съ епископомъ Майнцскимъ, и лишены своихъ герцогствъ; но они были достаточно сильны для того, чтобы отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ, и потому поднялась борьба, наполнившая всю Германію громомъ оружія. Король съ большимъ войскомъ подступилъ къ Майнцу, который выдержалъ многомѣсячную осаду. Дѣло дошло до свиданія обоихъ мятежниковъ съ королемъ-отцомъ передъ воротами города: лѣтописецъ разсказываетъ, что Брунонъ, дядя, рѣзко выговаривалъ ослѣпленному Ліудольфу за его проступокъ и заблужденіе, но—тщетно. Между тѣмъ возстаніе охватило и Баварію, и даже въ Саксоніи удалось Конраду и Ліудольфу найти себѣ приверженцевъ; въ Швабіи и Франконіи мятежники одержали даже верхъ надъ королемъ—отъ Регенсбурга онъ вынужденъ былъ отступить безъ всякаго успѣха, какъ и отъ Майнца. Только въ Лотарингіи перевѣсъ оказался на сторонѣ Оттона. Здѣсь необычайное положеніе вынудило короля къ принятію необычайной мѣры: когда, по смерти Кёльнскаго архіепископа, Брунонъ былъ назначенъ на его мѣсто (953 г.), то король ему же предоставилъ и герцогскія права на Лотарингію.

Ближе вглядываясь въ борьбу короля съ сыномъ и зятемъ, мы не видимъ у мятежниковъ никакой серьезной политической цѣли; о какой бы то ни было германско-національной оппозиціи противъ Оттоновой итальянской политики не можетъ быть и рѣчи; въ основѣ притязаній, заявленныхъ Ліудольфомъ и Конрадомъ, видны только чисто-своекорыстныя цѣли, и тщетно ищемъ мы оправданія имъ въ какомъ-нибудь благородномъ побужденіи или заблужденіи. Пагубныя послѣдствія всѣхъ этихъ раздоровъ не замедлили проявиться: ранней весною 954 г. Магъяры, много разъ терпѣвшіе пораженіе отъ герцога Генриха, огромнымъ полчищемъ вторглись въ Баварію. Эти враги имени Христова, очевидно, были призваны Ліудольфомъ и Конрадомъ, чтобы облегчить имъ борьбу противъ Оттона. Но король поступилъ очень умно: собралъ войско, какъ бы для отраженія Магъяръ изъ Баваріи, которую они, тѣмъ временемъ,

успѣли уже покинуть,—и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы подчинить себѣ и Баварію. А между тѣмъ вторженіе Магъяръ многихъ образумило, и королевская партія всюду вновь подняла голову. Оттонъ же, со своей стороны, съумѣлъ окончательно сломить сопротивленіе сына и зятя тѣмъ, что въ одномъ мѣстечкѣ близъ Нюрнберга назначилъ день, въ который они должны были къ нему явиться для примиренія. Конрадъ покорился ему первый и сложилъ оружіе, явившись на этотъ съѣздъ, на который съѣхалось очень много духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ. Архіепископъ Фридрихъ явился также и испросилъ себѣ помилованье; явился и Ліудольфъ, но еще не могъ преодолѣть ненависти къ дядѣ, тайно уѣхалъ со съѣзда и еще разъ попытался прибѣгнуть къ оружію; нѣсколько мѣсяцевъ спустя и онъ тоже прибѣгнулъ къ милости короля. Вскорѣ послѣ того, на одномъ изъ съѣздовъ, Ліудольфъ и Конрадъ были присуждены къ лишенію герцогствъ и коронныхъ лэнныхъ владѣній, но ихъ личная собственность была имъ оставлена. Около того же времени архіепископъ Фридрихъ умеръ, его каѳедра осталась вакантною, и король передалъ ее своему побочному сыну, *Вильгельму*. Только въ слѣдующемъ, 955 г., сдался, наконецъ, такъ упорно оборонявшійся Регенсбургъ, и тѣмъ закончилась эта уже вторая междоусобная война въ правленіе Оттона I.

Битва съ Венгерцами на Лехскомъ полѣ. 955 г.

Король возвратился въ Саксонію и собирался направить силы на Сѣверо-Востокъ, чтобы закончить однимъ ударомъ ту борьбу съ Славянами (Вендами), которую съ трудомъ выдерживали его маркграфы—Германъ и Геро, какъ вдругъ до него дошла вѣсть о предстоящемъ вторженіи Магъяровъ, и онъ вновь долженъ былъ двинуть силы на Югъ. Полчища враговъ были на этотъ разъ болѣе чѣмъ когда-либо многочисленны, и собрались въ долинѣ Аугсбургской. Сначала они направились къ городу Аугсбургу, гдѣ вѣрный приверженецъ короля, епископъ Ульрихъ, ободрилъ гражданъ къ мужественной оборонѣ. Однакоже, враги отхлынули отъ города только тогда, когда до нихъ дошло извѣстіе о приближеніи королевскаго войска. Извѣстія, дошедшія до насъ о знаменитой битвѣ на Лехскомъ полѣ (въ августѣ 955 г.), хотя и весьма подробны, однакоже по нимъ довольно трудно съ полною достовѣрностью возстановить правильную картину боя. Оттону удалось собрать не особенно многочисленное, но стройное войско, въ составъ котораго входили контингенты его вассаловъ, и только Лотарингцамъ не удалось прибыть къ мѣсту битвы во-время; тутъ были и Саксы, и Баварцы, и Швабы, и Франки, и въ войскѣ королевскомъ находилась войсковая святыня, такъ называемый «ангелъ», т. е. копье съ изображеніемъ архангела Михаила; бывшій герцогъ Лотарингскій, Конрадъ, искупилъ здѣсь свою измѣну мужествомъ противъ враговъ отечества и палъ смертью героя, а исконный врагъ и побѣдитель Магъяръ,—герцогъ Генрихъ,—по болѣзни не могъ принять участія въ этой рѣшительной битвѣ. Битва эта приняла сначала оборотъ неблагопріятный, такъ какъ нѣкоторой части непріятелей удалось зайти въ тылъ королевскому войску и напасть на обозъ его; но главная сила ихъ не выдержала стройнаго натиска нѣмцевъ, врѣзавшихся въ ихъ полчища въ видѣ отборнаго коннаго отряда закованныхъ

въ желѣзо и тяжело вооруженныхъ всадниковъ. Магъяры ударились въ бѣгство, и бѣгство это оказалось для нихъ еще гибельнѣе самой битвы. Оттонъ преслѣдовалъ бѣгущихъ настойчиво; воины его никого не брали въ плѣнъ; тамъ, гдѣ враги старались укрыться въ жилищахъ и другихъ укромныхъ мѣстахъ, воины подкладывали огонь и жгли ихъ безпощадно. Послѣ этого страшнаго пораженія, дикія орды Магъяровъ уже не дерзали болѣе вторгаться въ западныя страны.

Побѣда надъ Вендами.

Въ октябрѣ того же года, подъ личнымъ предводительствомъ Оттона, одержана была большая побѣда надъ Вендами при Рекницѣ: голова вендскаго князя, павшаго въ битвѣ, была принесена королю, 700 плѣнниковъ безпощадно обезглавлены. Въ этой битвѣ и сынъ Ліудольфъ бился въ рядахъ королевскаго войска (въ Лехскомъ сраженіи онъ не участвовалъ).

Второй походъ въ Италію.

Вечеромъ, въ день побѣды, одержанной на Лехскомъ полѣ надъ Магъярами, собравшіеся около короля рыцари его и вельможи привѣтствовали его, какъ «императора»—такъ сообщаютъ намъ современные лѣтописцы; и, дѣйствительно, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, онъ имѣлъ право подумать о возстановленіи въ лицѣ своемъ той императорской власти, какою нѣкогда обладалъ Карлъ Великій. Послѣднія восемнадцать лѣтъ его царствованія протекли гораздо болѣе мирно и спокойно, нежели первыя девятнадцать лѣтъ (до Лехской битвы). Неутомимо занимаясь дѣлами по внутреннему устройству государства, Оттонъ непрерывно переѣзжалъ изъ

„Otto Imperator Augustus".
Императорская печать Оттона Великаго.

мѣста въ мѣсто, изъ округа въ округъ: гдѣ онъ являлся, тамъ уже ожидали его накопившіяся разнообразныя дѣла, требовавшія его разрѣшенія, споры и тяжбы, ожидавшія его резолюціи. Первымъ совѣтникомъ Оттона, до самаго конца, оставался его братъ Брунонъ, который (въ особенности послѣ смерти его третьяго брата, Генриха, въ 955 г.) былъ какъ бы соправителемъ короля. И королева Адельгейда пользовалась также боль-

шимъ вліяніемъ на супруга, гораздо бо̀льшимъ, чѣмъ его мать Матильда, которая послѣ смерти сына своего, Генриха, исключительно посвятила себя дѣламъ духовнымъ: королевѣ Адельгейдѣ принадлежитъ честь введенія и поддержанія при дворѣ Оттоновомъ такихъ строгихъ обычаевъ и такого достоинства въ отношеніяхъ, которыя дѣлали этотъ дворъ нимало не похожимъ на дворы меровингскихъ и каролингскихъ королей.

Только уже въ 961 г. Оттонъ предпринялъ свой второй походъ въ Италію. Здѣсь давно уже измѣнились прежнія отношенія, такъ какъ Беренгаръ не способенъ былъ долго сносить свое положеніе вассала. Въ 956 г., по порученію короля Оттона, сынъ его, Ліудольфъ, воевалъ въ Италіи и побѣдилъ Беренгарова сына, Адальберта; вскорѣ послѣ этого, самъ Ліудольфъ скончался (957 г.). Во внутреннемъ бытѣ государственномъ эта смерть не произвела никакой перемѣны: сынъ отъ брака съ Адельгейдою, *Оттонъ* по имени, былъ уже на во̀зрастѣ; съ нимъ вмѣстѣ воспитывался и другой *Оттонъ*, сынъ Ліудольфа. Герцогство Баварское было предоставлено 4-хъ-лѣтнему сыну Генриха, также Генриху по имени, надъ которымъ опекуншею была его мать, Юдиѳь. Въ 960 году король опять объѣзжалъ свое королевство; всѣ знали, что онъ вскорѣ долженъ будетъ отправиться въ Римъ. Въ маѣ слѣдующаго года назначенъ былъ съѣздъ епископовъ и свѣтской знати въ Вормсѣ,—и здѣсь-то 7-ми-лѣтній мальчикъ Оттонъ, сынъ Оттона I и Адельгейды, былъ избранъ королемъ Восточно-Франкскаго государства, и, нѣсколько дней спустя, коронованъ въ Аахенѣ. Послѣ того, когда всѣ эти мѣры были приняты, въ виду обезпеченія будущаго, король двинулся за Альпы, куда теперь призывалъ его порочный юноша, сидѣвшій на папскомъ престолѣ подъ именемъ *Іоанна XII*; утѣсняемый Беренгаромъ, онъ взывалъ о помощи къ Оттону. Когда Оттонъ явился съ войскомъ въ Ломбардіи, могущество Беренгара разлетѣлось прахомъ; большое войско, собранное имъ, разбѣжалось, бѣжалъ и онъ самъ, и Оттонъ безпрепятственно явился подъ стѣнами Рима,

Оттонъ императоръ. 962 г.

Принятъ онъ былъ наилучшимъ образомъ: въ воскресенье, послѣ торжественной встрѣчи (2-го февраля 962 г.), папа вручилъ ему императорскую корону въ церкви Св. Петра, а императоръ обѣщалъ возвратить ему прежнія церковныя владѣнія папъ. Вообще, сближеніе съ папой было для императора тѣмъ болѣе необходимо, что онъ имѣлъ въ виду осуществленіе многихъ важныхъ плановъ — хотѣлъ возвести Магдебургъ въ архіепископію, учредить епископію въ Мерзебургѣ — да и вообще при управленіи государствомъ, болѣе чѣмъ какой-либо государь, опирался и вынужденъ былъ опираться на духовный элементъ, на епископовъ, такъ какъ свѣтская аристократія во многихъ случаяхъ противилась возрастающему могуществу его государства.

Императоръ и папа.

Но согласіе съ этимъ папою оказалось непродолжительнымъ. Могущество императорской власти въ рукахъ Оттона представляло само по себѣ силу весьма осязательную, и порочному, слабому Іоанну XII это могущество было не по-нутру. Онъ сталъ сноситься съ Беренгаромъ, затѣвая заговоръ противъ Оттона: затѣмъ принялъ у себя въ Римѣ сына Беренгарова, Адальберта, бѣжавшаго къ Арабамъ. Но императоръ, въ

ноябрѣ 963 г., явился въ Римъ побѣдителемъ и взялъ клятву съ населенія, что оно, на будущее время, никогда не изберетъ папы и не допуститъ посвященія его въ этотъ санъ, не испросивъ на то согласія императора. Тутъ же воспользовался онъ случаемъ для примѣненія своей власти на дѣлѣ. Онъ созвалъ мѣстный соборъ для суда надъ папою Іоанномъ XII, и самъ въ томъ соборѣ предсѣдательствовалъ. Въ обвинительномъ актѣ приведенъ былъ длинный рядъ тяжкихъ прегрѣшеній, которыми этотъ папа опозорилъ престолъ Св. Петра—онъ былъ смѣщенъ и на мѣсто его избранъ папа *Левъ VIII*. Конечно, дѣло не обошлось безъ смутъ и волненій, въ которыхъ дѣятельное участіе принималъ Беренгаръ и его порочная супруга, Вилла, но они вскорѣ попались въ плѣнъ Оттону и были отправлены имъ въ ссылку, въ далекій Бамбергъ. Папа Іоаннъ еще разъ попытался силою вернуть себѣ власть, но, по возвращеніи въ Римъ, скоропостижно скончался отъ удара. Партія его въ Римѣ задумала было, попрежнему, избрать папу по своему произволу; но Оттонъ не допустилъ этого, вторично вступилъ въ Римъ побѣдителемъ и возстановилъ Льва VIII на папскомъ престолѣ (964 г.).

Въ началѣ 965 г. Оттонъ былъ уже вновь въ Германіи. Его мать, вдова короля Генриха, окруженная многими членами его семьи, встрѣтила сына въ епископскомъ дворцѣ въ Кёльнѣ и привѣтствовала его, какъ императора.

Въ томъ же году императоръ понесъ чувствительную утрату: умеръ его братъ, другъ и совѣтникъ, архіепископъ Брунонъ, и умеръ именно въ такое время, когда помощь его была болѣе всего необходима, такъ какъ императоръ около этого времени занятъ былъ учрежденіемъ новой архіепископіи Магдебургской *), и ему не мало приходилось бороться съ своекорыстіемъ и строптивостью высшаго духовенства.

Третій походъ въ Италію. 966 г.

Собравъ еще разъ вельможъ и князей на съѣздъ въ Вормсѣ, Оттонъ (осенью 966 г.) въ третій разъ двинулся въ Италію. Замѣна одного папы другимъ на этотъ разъ произведена была, согласно праву, которое присвоилъ себѣ Оттонъ: новый папа Іоаннъ XIII, былъ преданъ императору и рѣшилъ всѣ вопросы церковные согласно его волѣ. Но дальнѣйшіе планы, выполненіемъ которыхъ Оттонъ думалъ было заняться въ это свое пребываніе въ Италіи, не могли осуществиться настолько скоро, насколько онъ того желалъ. Ему хотѣлось бы освободить полуостровъ изъ-подъ власти Сарациновъ и окончательно присоединить Италію къ своему царству; съ этою цѣлью онъ задумывалъ даже женить своего сына и наслѣдника, Оттона (II) на дочери греческаго императора Романа II—на Теофано. Юный Оттонъ въ концѣ октября 967 г. прибылъ въ Римъ, и въ самое Рождество былъ коронованъ папою, какъ будущій императоръ. Но не все удавалось Оттону уладить такъ успѣшно, какъ его отношенія къ Риму.

Отношенія къ Арабамъ.

Въ Кордовѣ правилъ въ то время человѣкъ замѣчательный — *Абдерраманъ III*, вступившій на тронъ Калифата въ 912 г. Власть его простиралась и по сю, и по ту сторону Гибралтарскаго пролива. Онъ ста-

---

*) Эта архіепископія была поставлена во главѣ подчиненныхъ ей епископій въ Мерзебургѣ, Зейцѣ, Мейссенѣ, Бранденбургѣ и Гавельбергѣ.

рался мирнымъ путемъ прекратить борьбу Арабовъ на Сѣверѣ съ христіанскими государствами, а потому и къ Оттону отправилъ посольство: на это посольство восточно-франкскій король отвѣчалъ нѣсколько времени спустя такимъ же точно посольствомъ, и до насъ дошла часть отчета о немъ лотарингскаго монаха Іоанна, который принималъ участіе въ этой несовсѣмъ безопасной дипломатической миссіи. Этотъ любопытнѣйшій памятникъ служитъ намъ яснымъ доказательствомъ того, въ какой степени глубоко-чуждыми другъ другу были тогда эти оба міра, франкско-христіанскій и испанско-мухамеданскій. Отчетъ монаха Іоанна вполнѣ напоминаетъ собою нынѣшніе разсказы путешественниковъ о посѣщеніи ими странъ внутренней Африки или отдаленнѣйшихъ окраинъ Азіи, но только при чтеніи этого отчета никакъ нельзя сказать, чтобы посланный христіанской державы производилъ на насъ лучшее впечатлѣніе, нежели тѣ, къ кому онъ былъ посланъ. Главнымъ затрудненіемъ при соглашеніи былъ обоюдный религіозный фанатизмъ: всѣ въ Кордовѣ были чрезвычайно возмущены, такъ какъ прошелъ слухъ, будто письмо франкскаго короля заключаетъ въ себѣ нападки на исламъ. Но калифъ все же отнесся милостиво къ Іоанну, такъ какъ тотъ на требованіе, обращенное къ нему, чтобы онъ снялъ одежду своего ордена, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ и вообще выказалъ мужество, которое внушило къ нему уваженіе. Особенно заслуживаетъ вниманія то мѣсто отчета, которое излагаетъ самую аудіенцію во дворцѣ Абдеррамана: «въ *одномъ* только твой господинъ не выказываетъ особенной мудрости» —такъ говорилъ калифъ посланному—«въ томъ, что онъ не всю власть въ рукахъ своихъ держитъ, а раздаетъ своимъ приближеннымъ части государства...» Онъ, видимо, зналъ о возстаніи Ліудольфа и о вторженіи Магъяръ. Цѣль посольства—требованіе, чтобы Арабы очистили Фраксинетумъ—не была достигнута; точно такъ же не добился ея и самъ Оттонъ, лично, во время этого третьяго, весьма продолжительнаго пребыванія на Югѣ.

Отношенія къ Византіи. Бракосочетаніе съ греческой принцессой. 972 г.

Именно въ это время, Оттона, однакоже, главнымъ образомъ, занимали его отношенія къ Греческой имперіи. Такъ, послѣ долгаго правленія Константина (913—959) и послѣ того, какъ сынъ его, Романъ II, умеръ въ 963 году еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, воцарился мужественный воинъ, *Никифоръ Фока*, которому Теофано, вдова Романа, отдала руку; онъ успѣшно воевалъ съ Арабами и отнялъ у нихъ важный островъ Критъ; отъ него-то и зависѣло согласіе на бракъ юной принцессы Теофано съ сыномъ Оттона. Греки, повидимому, подавали видъ, будто они имѣютъ полную возможность сохранить за собою свое положеніе въ Южной Италіи, хотя, ради этой цѣли, онъ и долженъ былъ на время уступить Сарацинамъ островъ Сицилію. Въ 968 г. Оттонъ послалъ одного изъ своихъ духовныхъ дипломатовъ, епископа *Ліутпранда* Веронскаго въ Константинополь. Но и тотъ ничего не добился при византійскомъ дворѣ. И только уже послѣ смерти Никифора Фоки, убитаго Іоанномъ Цимисхіемъ, воцарившимся на его мѣсто, — переговоры привели къ благополучной развязкѣ. Въ началѣ 972 г., юная Теофано прибыла въ Апулію и свадьба ея съ Оттономъ II была отпразднована съ пышностью, достойною столь высокаго бракосочетанія.

Статуи Оттона Великаго и Эдиты въ одной изъ капеллъ Магдебургскаго собора.

Затѣмъ старшій изъ двоихъ императоровъ вернулся въ Германію; весьма многозначительнымъ доказательствомъ высокаго авторитета, достигнутаго имъ, служитъ то, что въ теченіе его 6-ти-лѣтняго отсутствія (966—972 г.) не произошло никакого серьезнаго нарушенія спокойствія ни внутри, ни извнѣ. Пасху 973 г. Оттонъ встрѣтилъ въ Кведлинбургѣ, въ кругу своей семьи и среди многочисленнаго собранія графовъ, князей и епископовъ, съѣхавшихся по случаю прибытія императора въ тотъ же городъ. Вскорѣ послѣ того (7 мая 973 г.) Оттонъ скончался на 61 году.

Оттонъ II. Отъ 973—983 г.

Оттону II было всего 18 лѣтъ отъ роду, когда онъ вступилъ въ дѣйствительное управленіе великимъ государствомъ, императоромъ котораго онъ числился уже съ 13-ти-лѣтняго возраста. Современные лѣтописцы изображаютъ намъ его малорослымъ, но подвижнымъ и мужественнымъ. Къ тому же кратковременное (973—983) правленіе его доставило ему полную возможность выказать это мужество. По смерти Бурхарда, герцога Швабскаго, онъ передалъ это герцогство Оттону, Ліудольфову сыну, который съ нимъ вмѣстѣ выросъ; съ другой стороны, *Восточную марку* (Ostmark) — нынѣшнее эрцгерцогство Австрійское, онъ поручилъ въ управленіе Люитпольду, герцогу Бабенбергскому. Это предпочтеніе, оказанное Бабенбергскому дому и Оттону, сыну Ліудольфа, возбудило зависть герцога Генриха (II) Баварскаго, который, въ союзѣ съ князьями Богеміи и Польши, возсталъ противъ императора Оттона II. Онъ былъ усмиренъ, и, послѣ вторичнаго возстанія въ 976 году, лишенъ своего герцогства, которое передано было Оттону Швабскому. Въ то же время *Каринтія* была отдѣлена отъ могущественнаго герцогства Баварскаго и, въ соединеніи съ *Веронскою маркою*, образовала особое герцогство; оно было передано во владѣніе Генриху Младшему, сыну бывшаго герцога Баварскаго, Бертольда.

Война трехъ Генриховъ.

Въ 974 г. юный императоръ совершилъ походъ противъ Даніи, и кровавая битва произошла при знаменитомъ укрѣпленіи, Донервикъ. Укрѣпленіе было взято, и король Гаральдъ покорился; вскорѣ послѣ того смирился и Богемскій герцогъ Болеславъ. Но затѣмъ, вновь вспыхнуло возстаніе въ Баваріи, гдѣ знамя бунта было поднято тремя Генрихами: изгнаннымъ Генрихомъ, Генрихомъ, герцогомъ Каринтійскимъ, и однимъ изъ ихъ родственниковъ, епископомъ Генрихомъ Аугсбургскимъ. Возстаніе было подавлено: оба герцога съѣздомъ князей осуждены на низложеніе и изгнаніе; епископу Генриху, послѣ кратковременнаго заключенія, дозволено было возвратиться въ его епископію.

Оттонъ II подъ Парижемъ.

Осенью того же года неожиданное нападеніе съ Запада побудило юнаго короля совершить весьма смѣлый походъ. Король Западно-Франкскаго государства, Лотаръ (954—986 г.), братъ котораго, Карлъ, еще незадолго передъ тѣмъ принялъ лэнное владѣніе въ Нижней Лотарингіи изъ рукъ императора Оттона I, въ мирное время и даже безъ объявленія войны, внезапно вторгся съ сильнымъ войскомъ въ Лотарингію. Онъ прямо ударилъ на Аахенъ, гдѣ въ то время императоръ находился, съ видимымъ намѣреніемъ захватить его въ плѣнъ: и дѣйствительно Оттонъ II, съ молодою супругою своею, едва успѣли ускользнуть въ Кёльнъ. Лотаръ удовольствовался тѣмъ, что повернулъ изображеніе орла на император-

Оттонъ II и его супруга Теофано, благословляемые Христомъ.

Рѣзанное на слоновой кости изображеніе на ковчежцѣ съ мощами. Хранится въ Клюнійскомъ музеѣ, въ Парижѣ.

Надписи: Іисусъ Христосъ.

Оттонъ, императоръ Римскій. Теофано, императрица.

Христе! Помоги Твоему помазаннику! Аминь.

скомъ дворцѣ съ востока на западъ, и вновь удалился въ свои владѣнія; но королевскіе вассалы на этотъ разъ собрались необычайно быстро, «и всѣ единодушно, какъ одинъ человѣкъ, были возмущены нанесеннымъ императору оскорбленіемъ»—и вотъ Оттонъ, во главѣ войска, «какого ни до того, ни послѣ того не видывали» (предполагаютъ около 60,000 чел.), вступилъ въ предѣлы Западно-Франкскаго государства. Онъ дошелъ до самаго Парижа и могъ его окинуть взглядомъ съ «горы Мучениковъ» (Монмартра). Тутъ собралъ онъ духовенство со всего войска и приказалъ пѣть «Тебѣ Бога хвалимъ», — и тоже вернулся въ свои предѣлы. Въ 980 г., при личномъ свиданіи съ нимъ, Лотаръ отказался отъ своихъ притязаній. Незадолго передъ тѣмъ и польскій князь Мѣшко изъявилъ Оттону полную покорность и такимъ образомъ ему удалось прочно утвердить свое владычество въ предѣлахъ того царства, которое было ему завѣщано отцомъ.

Походъ въ Италію. 980 г.

Когда ему это удалось — ему, первому изъ императоровъ, оказалось необходимо совершить походъ въ Италію, и этотъ походъ являлся неизбѣжною для него обязанностью, почти долгомъ. Его вынуждалъ къ этому походу самый титулъ римскаго императора, который былъ не пустымъ словомъ, а такимъ же многозначащимъ и громкимъ, какъ и самый титулъ «папы». Возстановленіе этого многозначительнаго политическаго понятія имѣло естественнымъ слѣдствіемъ то, что все, недовольное германскою властью въ Италіи, обратило взоры въ сторону Константинополя, гдѣ многіе (и не только въ придворныхъ кружкахъ) смотрѣли на германскую императорскую власть въ Италіи, какъ на узурпацію. Тамъ же происходило вотъ что: въ 976 г. умеръ *Іоаннъ Цимисхій*, съумѣвшій быстро поднять значеніе Греческой имперіи и своимъ необычайно счастливымъ походомъ на Востокъ вновь заставившій уважать могущество Византіи. Самъ калифъ Багдадскій трепеталъ передъ побѣдоноснымъ войскомъ «Ромейцевъ», уже занявши Месопотамію. И вдругъ государство очутилось во власти двоихъ братьевъ супруги Оттона II,—*Василія II* и *Константина IX*, не обладавшихъ ни воинской, ни какой-либо иной энергіей; само собою разумѣется, что и по отношенію къ италійскимъ владѣніямъ Византіи (въ Апуліи и Калабріи) находились въ полной нерѣшительности: они и уступить не хотѣли, и защитить ихъ надлежащимъ образомъ не могли. Эти мѣстности, а вмѣстѣ съ ними и вся Южная и Средняя Италія были совершенно беззащитны отъ нападеній страшнѣйшаго изъ всѣхъ враговъ—Арабовъ, которые въ 976 г., подъ начальствомъ Абульказема, намѣстника Сѣверной Африки *), опустошили и Апулію, и Калабрію огнемъ и мечомъ, и угрожали Ломбардскимъ княжествамъ Беневентскому и Сполетскому,—составлявшимъ какъ бы преддверіе Рима. Однимъ словомъ, здѣсь, въ Италіи, исламъ опять начиналъ переходить къ наступленію.

Апулійская катастрофа. 982 г.

Осенью 980 года Оттонъ II съ супругою и малолѣтнимъ сыномъ отправился въ Италію. Этотъ шагъ примирилъ сына и съ матерью его,

*) Начиная съ 969 года въ Сѣверной Африкѣ и въ Египтѣ утвердилась могущественная династія Фатимидовъ.

Адельгейдой, съ которой отношенія нѣсколько поразстроились, и матери вернулъ ея прежнее значеніе. По прибытіи въ Римъ, онъ вернулъ и возстановилъ на папскомъ престолѣ папу, незадолго передъ тѣмъ изгнаннаго изъ Рима возмутившеюся противъ него знатью. Приведенное императоромъ изъ Германіи не особенно сильное войско, мало-по-малу, пополнилось итальянскимн контингентами и призванными на службу ратниками изъ Лотарингіи, Франкскаго герцогства, Южной Германіи. Въ сентябрѣ 981 года императоръ выступилъ въ походъ, но только въ слѣдующемъ году дѣло дошло до рѣшительнаго сраженія. При *Колоннѣ*, на самомъ югѣ Италіи, близъ древнихъ городовъ Кротоны и Тарента, была одержана блестящая побѣда надъ Арабами: самъ Абульказемъ, или, по выраженію современной хроники, «король этихъ язычниковъ Булликассинусъ», палъ въ битвѣ. Но вскорѣ послѣ этого обстоятельства вдругъ совершенно измѣнились. Подробности катастрофы намъ неизвѣстны: знаемъ только, что, на обратномъ пути изъ Южн. Италіи, войско императора попало на засаду или подверглось столь внезапному нападенію Арабовъ, что только какимъ-то чудомъ удалось Оттону ускользнуть отъ общей гибели, добраться до моря и попасть на стоявшій близъ берега корабль. Корабль оказался греческимъ, и съ него, по приближеніи къ дружественнымъ берегамъ, Оттону пришлось спасаться чуть-ли не вплавь, чтобы избѣжать новыхъ, грозившихъ ему приключеній.

Съѣздъ князей въ Веронѣ.

Пораженіе, понесенное Оттономъ, вездѣ вызвало сильное возбужденіе; не вполнѣ еще усмиренные сосѣдніе народы на сѣверной и восточной окраинахъ государства—заволновались; въ Германіи же и въ особенности въ Саксоніи все населеніе и могущественнѣйшіе вассалы отнеслись къ этому пораженію со стороны невѣрныхъ съ негодованіемъ и понятнымъ желаніемъ отмщенія. Оттонъ II, выказавшій себя среди этихъ опасностей достойнымъ своего отца, созвалъ общій съѣздъ въ *Веронѣ*, — и съѣздъ оказался весьма многочисленнымъ (въ іюнѣ 983 г.). На съѣздѣ присутствовали и члены его семьи—его мать Адельгейда, его супруга, его сестра Матильда, абатисса Кведлинбургская, а равно и великое множество германскихъ и итальянскихъ князей; предприняты были большія вооруженія и самъ Оттонъ задался широкимъ замысломъ:—въ возмездіе за понесенное пораженіе онъ рѣшился окончательно освободить Италію отъ Арабовъ и отнять у нихъ Сицилію. За смертью (незадолго до съѣзда) Оттона, герцога Баварскаго, это герцогство было вновь передано въ лэнное владѣніе *Генриху Младшему*, сыну Бертольдову, чѣмъ и былъ возстановленъ миръ съ Баварскимъ домомъ. Безъ всякаго труда, единогласно, на томъ же съѣздѣ, маленькій Оттонъ былъ избранъ королемъ восточно-франкскаго и италійскаго государства, которое здѣсь впервые явилось единымъ и общимъ.

Кончина Оттона II, 983.

Вооруженія велись очень ревностно, и императоръ отправился въ Римъ; здѣсь, во время его пребыванія, въ октябрѣ 983 г., умеръ папа, и Оттонъ, присутствуя при выборахъ новаго папы, способствовалъ избранію преданнаго ему человѣка. Извѣстія, доходившія съ далекаго Сѣвера и Сѣвера-Востока, были неутѣшительны:—въ Даніи и въ землѣ Вендовъ и христіанство, и нѣмецкое вліяніе были сильно поколеблены какими-то но-

выми движеніями въ язычествѣ. Въ Даніи, сынъ принявшаго христіанство короля Гаральда, Свенъ, возсталъ противъ отца, и отъ него удалось отстоять только Шлезвигскую марку; а славянскія племена огненнымъ потокомъ протекли по всѣмъ городамъ, служившимъ резиденціей христіанской миссіи—Гавельбергу, Бранденбургу, Гамбургу; церкви и монастыри были разрушены, мощи святыхъ осквернены, духовенство—гдѣ не успѣло бѣжать — перебито или уведено въ плѣнъ и повсемѣстно возстановлено «бѣсовское служеніе» (983 г.); отъ вторженія и неистовствъ язычниковъ на-скоро собранными войсками удалось охранить только побережья Эльбы. Въ довершеніе бѣдствія, императоръ, при полученіи этихъ извѣстій, тяжко заболѣлъ въ Римѣ, и 7-го декабря 983 г. умеръ, на 28-мъ году, оставивъ все царство свое въ наслѣдство четырехлѣтнему младенцу.

Регентство императрицы Теофано.

Извѣстіе о кончинѣ императора пришло въ Аахенъ какъ разъ въ то время, когда двое епископовъ, нѣмецъ и итальянецъ—Виллигисъ Майнцскій и Іоаннъ Равеннскій—торжественно вѣнчали младенца Оттона королевскою короною (объ Рождествѣ 983). О правѣ наслѣдованія никто уже и не думалъ спорить: государственное единство, насколько оно успѣло установиться въ послѣднія три царствованія, стало уже въ тѣснѣйшую связь съ весьма многими интересами, такъ что поколебать его было уже не легко. Вопросъ поднялся только о томъ, кому быть опекуномъ и регентомъ на время малолѣтства Оттонова?—матери ли его, Теофано, или ближайшему родственнику покойнаго императора. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и происковъ со стороны одного изъ ближайшихъ родственниковъ царствующаго дома, партія вдовствующей императрицы взяла верхъ, при усердной помощи со стороны одного изъ важнѣйшихъ духовныхъ сановниковъ имперіи—*Виллигиза,* архіепископа Майнцскаго *) — и Теофано была назначена правительницей впредь до совершеннолѣтія короля Оттона.

Виллигизъ Майнцскій.

Теофано правила весьма разумно и ея регентство, протекшее довольно мирно и спокойно, дѣлаетъ великую честь тонкому политическому такту этой молодой греческой княжны. На воспитаніе царственнаго младенца нѣкоторое вліяніе оказала и бабка его, Адельгейда, и тетка его, абатисса Матильда Кведлинбургская: тамъ, гдѣ дѣло касалось интересовъ династіи, эти женщины сходились между собою легко, хотя въ остальномъ далеко не всегда жили въ ладу. Главнымъ дѣльцомъ и руководителемъ въ дѣлахъ государственныхъ былъ архіепископъ Майнцскій, Виллигизъ, а главнымъ воспитателемъ юнаго короля былъ епископъ Бернвардъ Гильдесгеймскій, одинъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей своего времени.

Перемѣна династіи въ Западно-Франкск. государствѣ.

Одною изъ важныхъ задачъ регентства въ эти годы младенчества короля Оттона III было сохраненіе мирныхъ отношеній къ Западно-Франкскому государству, гдѣ произошла около этого времени перемѣна династіи. Въ 986 г. умеръ Лотаръ II, а въ слѣдующемъ году и сынъ его, Лудвигъ V, и единственнымъ отпрыскомъ дома Каролинговъ остался тотъ *Карлъ*, которому Оттонъ II (въ 977 г.) отдалъ Нижнюю Лотарингію въ лэнъ; уже эта лэнная зависимость отъ императора германскаго дѣлала

*) Виллигизъ былъ сынъ простого крестьянина изъ Нижней Саксоніи; проницательный Оттонъ I съумѣлъ отличить его въ средѣ духовныхъ, а Оттонъ II способствовалъ возведенію его въ высшій духовный санъ.

Карла ненавистнымъ для западно-франкской знати, тѣмъ болѣе, что и женатъ онъ былъ на дочери простого служилаго человѣка. Вотъ почему большинствомъ знати въ короли былъ избранъ могущественнѣйшій изъ западно-франкскихъ вельможъ, *Гугонъ*, герцогъ Франціи, иначе — *Гуго-Капетъ* (987). Но и у Карла были свои приверженцы, и между обоими соперниками завязалась довольно долгая борьба, закончившаяся тѣмъ, что Карлъ былъ предательски захваченъ въ плѣнъ, выданъ Капету, и вскорѣ умеръ въ заключеніи. Новый король, однакоже, имѣлъ свои основанія быть очень осторожнымъ по отношенію къ Восточно-Франкскому государству и потому отношенія между сосѣдями сложились весьма удовлетворительно для Теофано.

Ей даже до нѣкоторой степени оказалось выгоднымъ то, что западно-франкскіе епископы изъ партіи Гуго-Капета стали въ нѣкоторую оппозицію съ папскимъ престоломъ:—это еще тѣснѣе скрѣпило связь между Римомъ, Италіей и Саксонской династіей, постоянно заботившейся о поддержкѣ церковнаго единства. Но молодая и умная правительница прожила недолго: въ 991 г. она скончалась, и вдовствующая императрица Адельгейда поспѣшила изъ Италіи (гдѣ она занималась дѣлами управленія), чтобы замѣнить собою правительницу; но уже четыре года спустя, юный король, которому минуло 15 лѣтъ, принялъ участіе въ одномъ изъ походовъ противъ Славянъ, а затѣмъ вступилъ и въ управленіе дѣлами.

Оттонъ III. 983—1002.

Очень мудрено было бы сказать что-нибудь вполнѣ опредѣленное объ этомъ несчастномъ юношѣ, которому пришлось вступить на престолъ на 15-мъ году, и умереть на 22-мъ году. Знаемъ о немъ, что онъ обладалъ пріятною внѣшностью, что былъ одаренъ рѣдкими способностями и, по тому времени, получилъ прекрасное образованіе; но, принявъ бразды правленія въ такомъ раннемъ юношескомъ возрастѣ, онъ, конечно, долженъ былъ неудержимо предаться увлеченіямъ юности, и то выказывалъ себя непомѣрно-уповающимъ въ свою императорскую власть, то вдругъ переходилъ къ самоуничиженію и самобичеванію. Онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы имѣть возможность естественно отнестись къ своему положенію и побѣдить ту неправду, которой онъ уже съ самаго начала поддался, подчиняясь различнымъ вліяніямъ.

Первое пребываніе въ Римѣ, 996.

Его первый походъ въ Римъ былъ весьма успѣшенъ. Папа только что скончался и послы римскіе встрѣтили Оттона III въ Равеннѣ; онъ (вѣроятно, по чьему-нибудь совѣту) указалъ имъ на *Брунона*, близкаго родственника своего, сына герцога Каринтійскаго, какъ на кандидата, и этотъ 26-ти-лѣтній юноша былъ избранъ въ папы, подъ именемъ *Григорія V*. Онъ и короновалъ Оттона императоромъ въ Римѣ, послѣ чего Оттонъ возвратился въ Германію. Здѣсь, еще во время обратнаго путешествія, онъ поддался вліянію одного изъ современныхъ подвижниковъ, епископа пражскаго *Адальберта* *), проводившаго жизнь въ постѣ и молитвѣ и стремившагося къ мученичеству и страданіямъ за вѣру Христову: — вскорѣ послѣ того, онъ и дѣйствительно былъ замученъ Пруссами-язычниками,

---

*) Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ—родомъ чехъ, изъ знатнѣйшей фамиліи; до поступленія въ монашество ему имя было Войтѣхъ.

среди которыхъ онъ явился ревностнымъ проповѣдникомъ христіанства. Оттонъ III, и по смерти его, относился къ нему съ самымъ искреннимъ уваженіемъ, и въ разныхъ мѣстахъ государства воздвигъ храмы и обители въ честь Адальберта, причисленнаго Западною Церковью къ лику святыхъ. Немного спустя среди приближенныхъ юнаго императора явился другой духовный сановникъ, прямая противуположность Адальберту:—то былъ архіепископъ *Гербертъ* реймскій, французъ родомъ, человѣкъ, по тому времени, высоко-ученый, и при этомъ тонкій царедворецъ и неугомонный честолюбецъ, постоянно занятый всякими фантастическими планами церковно-политическихъ реформъ, къ которымъ онъ съумѣлъ расположить и юнаго императора. Между тѣмъ, юный папа Григорій V горячо принялся за реформы во внутреннемъ устройствѣ Западной Церкви, въ духѣ тѣхъ идей, какія ревностно проводила въ обществѣ особая религіозная партія, которая свила себѣ прочное гнѣздо въ аквитанскомъ Клюнійскомъ монастырѣ, основанномъ въ 910 г. Съ большою настойчивостью папа Григорій V повелъ борьбу противъ французскихъ епископовъ и противъ короля Роберта, вступившаго на престолъ по смерти Гуго-Капета (за то, что Робертъ не хотѣлъ расторгнуть брака, недозволительнаго по церковнымъ законамъ). Но этимъ энергическимъ способомъ дѣйствій молодой папа возбудилъ противъ себя одну изъ партій среди римской знати, и эта партія, захвативъ власть въ руки, избрала новаго папу, одновременно съ Григоріемъ V. Тогда пришлось Оттону вторично двинуться въ походъ черезъ Альпы (997). Онъ снова вернулъ въ Римъ папу Григорія, вынудилъ мятежниковъ сдать крѣпость св. Ангела, въ которой они укрылись, и казнилъ 12 человѣкъ зачинщиковъ мятежа; Григорій же созвалъ мѣстный соборъ, въ присутствіи котораго, по его приказанію, на анти-папѣ было разорвано епископское облаченіе, и затѣмъ его посадили задомъ напередъ на осла и возили по улицамъ Рима для осмѣянія и посрамленія. Такъ какъ папа Григорій вскорѣ послѣ того умеръ, то императоръ избралъ ему преемникомъ Герберта, незадолго передъ тѣмъ назначеннаго архіепископомъ Равеннскимъ. Подъ именемъ *Сильвестра II* Гербертъ и вступилъ на папскій престолъ.

Второй походъ въ Римъ, 997.

Вліяніе византійское.

Во время этого второго пребыванія въ Италіи, Оттонъ ревностно предавался истязаніямъ плоти въ духѣ св. Адальберта и его многочисленныхъ итальянскихъ послѣдователей; но съ этимъ религіознымъ упражненіемъ онъ соединялъ и всякіе политическіе планы, совершенно фантастическаго свойства. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ о возстановленіи «римской республики», и, въ качествѣ римскаго императора, оставался пò-долгу на Авентинскомъ холмѣ въ Римѣ; въ то же время онъ окружилъ себя чисто византійскимъ церемоніаломъ, наряжался въ вычурныя одежды, носилъ мантію, расшитую апокалипсическими изображеніями и знаками зодіака, учредилъ управленіе Римомъ на новый ладъ и всѣмъ придалъ новые титулы, точно также, какъ и себѣ самому присвоилъ именованіе «царя царей»; мы слышимъ о вестіяріяхъ и протовестіяріяхъ, о логоѳетахъ и архилогоѳетахъ; епископъ Бернвардъ Гильдесгеймскій теперь былъ возвеличенъ византійскимъ титуломъ «примискринія». И императоръ, и папа, очевидно, носились съ идеей о возведеніи Рима въ значеніе міровой сто-

Оттонъ III, окруженный представителями различныхъ сословій государства: владѣтельными князьями, знатью и духовенствомъ.

Титульная миніатюра сборника Евангельскихъ чтеній, посвященнаго императору аббатомъ Хлотаріемъ, а императоромъ подареннаго Аахенскому собору. Хранится въ соборной сокровищницѣ.

лицы и способны были въ этомъ направленіи дѣйствовать за-одно: кажется, что у этихъ людей, высоко-возмечтавшихъ о себѣ, являлась уже и мысль объ освобожденіи Гроба Господня изъ-подъ власти невѣрныхъ.

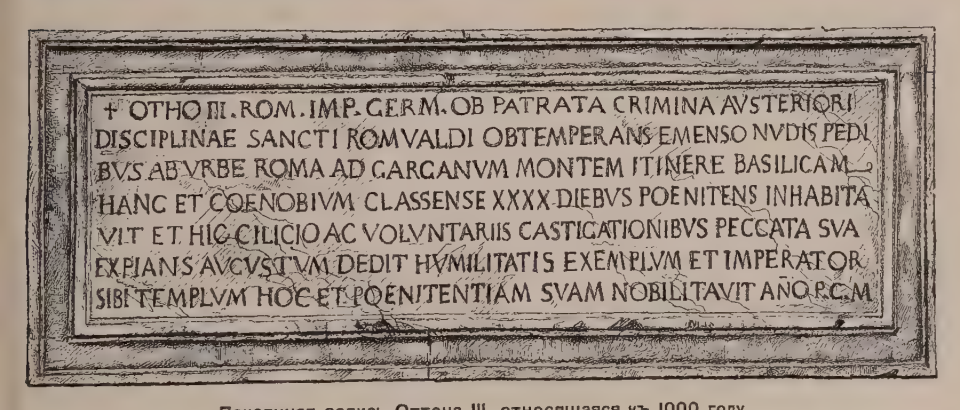
Оттонъ и папа Сильвестръ.

Въ концѣ 999 года Оттонъ вернулся въ Германію, вскорѣ послѣ кончины бабки своей, вдовствующей императрицы Адельгейды. Онъ тотчасъ же направился въ Гнѣзно, куда, тѣмъ временемъ, были привезены останки св. Адальберта, чуть-ли не на вѣсъ золота выкупленные у Пруссовъ. Съ этимъ посѣщеніемъ Гнѣзно было тѣсно связано церковное устройство Польши, въ которой учреждена одна архіепископія и семь епископій. Герцогъ Болеславъ, хорошо понимавшій, какъ слѣдуетъ принять этого юношу-императора, устроилъ ему великолѣпную встрѣчу и не скупился на лесть. Императоръ и для него придумалъ классическій титулъ, назвавъ его «другомъ и союзникомъ римскаго народа»; въ то же время онъ развязалъ ему руки для полной свободы дѣйствій въ дѣлахъ церковныхъ, въ которыхъ польскій князь старался, по возможности, избавиться отъ вліянія нѣмецкаго, замѣщая мѣста священниковъ то итальянцами, то чехами. Изъ Польши Оттонъ направился въ Аахенъ, и здѣсь спускался въ могильный склепъ своего достославнаго предшественника, Карла Великаго; онъ вынесъ съ собою оттуда только одинъ зубъ Карла, въ видѣ реликвіи—и, полгода спустя, уже вновь спѣшилъ въ Италію. Лангобардскія княжества, какъ онъ успѣлъ въ томъ убѣдиться, начали все болѣе и болѣе ускользать изъ-подъ его власти, и въ самомъ Римѣ онъ подвергался опасности отъ его буйнаго населенія, которое возстало противъ Оттона за то, что онъ не принялъ его сторону въ усобицѣ съ городкомъ Тибуромъ, съ которымъ Римляне издавна враждовали. Торжественно примирившись съ мятежниками, Оттонъ отправился въ Равенну, по пути переходя отъ военныхъ приготовленій къ благочестивымъ упражненіямъ и бесѣдамъ назидательнаго свойства; въ маѣ 1001 г. онъ опять явился подъ стѣнами Рима, гдѣ вѣтеръ уже успѣлъ снова повернуть въ другую сторону, но въ городъ не вступилъ, а пошелъ къ Беневенту, который ему покорился, и потомъ двинулся обратно къ Равеннѣ, въ окрестностяхъ которой, на небольшомъ островкѣ, поселилась небольшая община благочестивыхъ отшельниковъ. Одинъ изъ нихъ, св. Ромуальдъ, съ которымъ Оттонъ особенно часто сносился, старался и юнаго императора склонить къ отреченію отъ міра; но юноша уже мечталъ объ иномъ—онъ только что отправилъ въ Константинополь пословъ, чтобы искать руки одной изъ греческихъ княженъ. Около этого времени Оттоновы планы итальянской политики возбудили положительное недовольство въ средѣ нѣмецкой знати: князья уже начинали съѣзжаться между собою и вступать другъ съ другомъ въ весьма опасные для императора переговоры; даже и преданнѣйшій слуга Саксонскаго дома, архіепископъ Виллигизъ, не скрывалъ своего крайняго раздраженія. Между нимъ и Бернвардомъ Гильдесгеймскимъ завязалась нескончаемая распря изъ-за монастыря Гандерсгеймскаго, расположеннаго какъ разъ на границѣ Майнцской и Гильдесгеймской епархій; надо замѣтить, что Бернвардъ, бывшій воспитатель Оттона, сталъ около этого времени сильно увлекаться идеями своего воспитанника, на котораго Виллигизъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія здравой государственной политики.

Императоръ задумалъ было передать распрю германскихъ епископовъ на обсужденіе собора, который рѣшилъ созвать въ окрестностяхъ Сполето; но соборъ не состоялся—и это обстоятельство ясно указываетъ намъ, до какой степени поколеблено было значеніе императорской власти; не менѣе поколеблено было и общее уваженіе къ папѣ, а въ Германіи папско-императорская политика Сильвестра встрѣчала въ духовенствѣ даже открытое порицаніе. Мало-по-малу, несчастный юноша пришелъ къ тому убѣжденію, что внутренняя связь съ народомъ своимъ имъ окончательно утрачена. Онъ опять двинулся къ Риму, и такъ какъ ворота вѣчнаго города, вновь охваченнаго возмущеніемъ, не были ему открыты, то онъ поселился въ окрестностяхъ Рима, въ замкѣ Патерно, на Соракте. Здѣсь онъ вскорѣ и скончался, послѣ кратковременной болѣзни (23-го января 1002 г.). Духовные и свѣтскіе сановники, присутствовавшіе при кончинѣ его, приняли отъ него его послѣднюю волю; они вынуждены были скрыть его кончину, пока имъ не удалось стянуть къ замку свое далеко не многочисленное войско: надо было перевезти тѣло императора Оттона въ Германію черезъ мѣстности, взволнованныя возстаніемъ и полныя мятежнаго духа, и это удалось произвести не безъ труда.

Смерть Оттона III. 1002.

Въ Германіи, согласно волѣ императора Оттона III, его останки были погребены въ Аахенѣ. Годъ спустя умеръ и Сильвестръ, посаженный Оттономъ въ папы, и послѣ смерти Оттона съумѣвшій очень ловко примириться съ населеніемъ Рима.



Покаянная запись Оттона III, относящаяся къ 1000 году.

Хранится въ Равеннѣ, въ ц. Св. Аполлинарія—in Classe.

† Otho III. Rom. Imp. Germ. Ob Patrata Crimina Austeriori
„† Оттонъ Третій, Римскій императоръ Германцевъ, по причинѣ совершенныхъ имъ проступковъ, строжайшему
Disciplinae Sancti Romualdi Obtemperans Emenso Nudis Pedi
Правилу св. Ромуальда послушный, босыми ногами
Bus Ab Urbe Roma Ad Garganum Montem Itinere Basilicam
отъ города Рима до горы Гаргана прошелъ весь путь; въ этой базиликѣ
Hanc Et Coenobium Classense XXXX Diebus Poenitens Inhabita
И монастырѣ Классенскомъ 40 дней въ покаяніи про-
Vit Et Hic Cilicio Ac Voluntariis Castigationibus Peccata Sua
жилъ и здѣсь вкладомъ киликійскаго ковра и добровольными истязаніями плоти свои грѣхи
Expians Augustum Dedit Humilitatis Exemplum Et Imperator
Искупивъ, подалъ высокій примѣръ смиренія и, какъ императоръ,
Sibi Templum Hoc Et Poenitentiam Suam Nobilitavit Anno P. C. M.
Прославилъ этотъ храмъ и свое покаяніе. Въ 1000 году по Р. Хр.“

III. Генрихъ II.

Императоръ Оттонъ III скончался до вступленія въ бракъ: недолго пришлось Германской имперіи пользоваться благами наслѣдственной монархіи. Неожиданная смерть Оттона пробудила честолюбивыя стремленія многихъ: одна довольно значительная партія стояла за маркграфа Экгарда Мейсенскаго, закаленнаго въ бояхъ со Славянами, другая—за герцога Германа Швабскаго. Однакоже ближайшимъ родственникомъ Оттона былъ герцогъ *Генрихъ Баварскій*, потомокъ короля Генриха I; къ тому же, въ то время, когда печальная процессія съ тѣломъ покойнаго императора проходила черезъ его владѣнія, онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы завладѣть царственной утварью. Саксонскіе князья признали его наслѣдственныя права законными, а случайно совершившееся около этого времени измѣнническое убійство маркграфа Экгарда *) избавило его отъ опаснѣйшаго изъ двоихъ его соискателей. Въ октябрѣ 1002 года архіепископъ Виллигизъ короновалъ Генриха въ Майнцѣ, и онъ почти безъ затрудненій былъ всѣми владѣтельными князьями нѣмецкими признанъ королемъ.

Генрихъ II. Король *Генрихъ II* (1002—1024 г.) принялъ королевскую власть уже въ значительно-ослабленномъ видѣ. Онъ уже и самъ получилъ нѣкогда свое герцогство по избранію вельможъ, утвержденному королемъ, а не по королевскому назначенію, и потому ему самому приходилось теперь считаться съ герцогскою властью, какъ съ властью самостоятельныхъ владѣтельныхъ князей. Въ виду этого, при всѣхъ предпріятіяхъ своей дѣятельной жизни, онъ вынужденъ былъ довольствоваться даже и весьма умѣренными результатами. Перемѣною правленія болѣе всѣхъ воспользовался герцогъ Болеславъ, распространивъ свою власть на Мейсенскую область и на всю Богемію; съ нимъ пришлось трижды воевать Генриху. Миръ, скорѣе вынужденный, нежели почетный, былъ заключенъ съ Болеславомъ въ Бауценѣ, въ 1018 году: Болеславъ остался вассаломъ только по имени. Съ Вендами, а въ особенности съ безпокойнымъ племенемъ Лютичей, удалось заключить болѣе продолжительный миръ (1003 г.), но онъ купленъ былъ дорогою цѣною:—ихъ язычество пришлось терпѣть, при чемъ они требовали, чтобы къ нимъ Нѣмцы относились, какъ къ союзникамъ, и вотъ во время войнъ съ Болеславомъ, къ немалому ужасу и огорченію христіанскаго духовенства, эти язычники выступали въ поле о-бокъ съ Нѣмцами, неся съ собою своихъ идоловъ и символы своей языческой вѣры. Не болѣе успѣшны были и Генриховы походы въ Италію; и они тоже не приводили ни къ какимъ важнымъ и существеннымъ результатамъ. Въ Италіи, послѣ Оттона III, наступила полнѣйшая анархія: всюду боролись партіи, всюду выказывался полный разладъ и отсутствіе какого бы то ни было единенія. Во время перваго похода (1004 г.) Генрихъ добился только того, что онъ былъ коронованъ въ Павіи королевскою короною. Второй походъ (въ 1013 г.) былъ вызванъ тѣмъ,

*) Это убійство было дѣломъ личной мести со стороны нѣсколькихъ его-же вельможъ.

что папа Бенедиктъ VIII, утѣсняемый партіями, самъ призвалъ Генриха на помощь. Съ войскомъ, весьма не многочисленнымъ, Генрихъ явился въ Италію, и здѣсь долженъ былъ главнымъ образомъ утрачивать свои силы и власть на то, чтобы отвоевывать въ пользу церквей и монастырей отнятыя у нихъ владѣнія. Послѣ отчаянной рѣзни между Нѣмцами и римскимъ населеніемъ на Тибрскомъ мосту, Римляне смирились передъ папой, который помазалъ и короновалъ Генриха на царство императорскою короною; но прежде, чѣмъ ввести его и его супругу Кунигунду въ церковь Св. Петра, онъ задалъ ему слѣдующій многозначительный вопросъ: «Пребудешь-ли ты покровителемъ и защитникомъ Римской Церкви и останешься-ли во всемъ вѣренъ мнѣ и моимъ преемникамъ?»

Общее положеніе дѣлъ въ Италіи.

Третій походъ былъ вызванъ дѣйствительно весьма критическимъ положеніемъ, въ которомъ Италія находилась. Идеи Оттона III и папы Сильвестра не остались безслѣдными: папа Бенедиктъ VIII, человѣкъ болѣе Сильвестра практичный, извлекъ изъ этихъ идей только ту истину, что Италію слѣдуетъ во что бы то ни стало освободить отъ чужеземнаго владычества, изгнавъ изъ нея и Арабовъ, и Грековъ. Ему и дѣйствительно удалось въ 1012 году, собравъ порядочное наемное войско, нанести Арабамъ на Тосканскомъ побережьи тяжкое пораженіе и такимъ образомъ на нѣсколько лѣтъ обезпечить Италію отъ ихъ набѣговъ. Иного рода опасность грозила съ Юга: здѣсь, въ Апуліи и Калабріи, не защищаемыхъ правительствомъ Греческимъ отъ безпрерывныхъ нападеній Арабовъ изъ Сициліи и Африки, явилось весьма естественное стремленіе отложиться отъ Византіи. Во главѣ этого движенія сталъ нѣкто Мелусъ, одинъ изъ именитѣйшихъ гражданъ города Бари. Апулія и дѣйствительно отложилась отъ Византіи, и, когда византійское войско высадилось въ Апуліи и осадило городъ Бари, Мелусъ рѣшился молить о помощи папу Бенедикта, который отлично понялъ, что наступило время для разрѣшенія кризиса, переживаемаго Италіей. Къ тому же Арабы возобновили свои нападенія съ Запада и уже держали городъ Салерно въ тяжкой осадѣ, когда счастливая случайность привела къ этому городу горсть норманнскихъ витязей, возвращавшихся изъ странствованія, совершеннаго ими на поклоненіе Гробу Господню. Воодушевленные мужествомъ, они рѣшились вступить въ битву противъ невѣрныхъ, и избавили городъ Салерно отъ неминуемой опасности. Тутъ впервые узнали въ Италіи объ этихъ удальцахъ и стали призывать ихъ на помощь противъ Арабовъ и другихъ внѣшнихъ враговъ (1016 г.); и дѣйствительно, Норманны двинулись толпами въ Италію, прослышавъ о томъ, какъ дорого цѣнится здѣсь мужество. Въ слѣдующемъ году Мелусъ, собравъ отрядъ изъ этихъ норманнскихъ выходцевъ, перешелъ въ наступленіе; но и Греки тоже выставили сильное войско, и рѣшительное сраженіе произошло на знаменитомъ полѣ Ганнибаловой битвы, на равнинѣ при *Каннахъ*. Мелусъ потерпѣлъ страшное пораженіе, и восточно-римская мощь явилась, болѣе чѣмъ когда-либо, грозною на Югѣ Италіи (1017 г.). Тогда всѣ взоры обратились въ сторону Германіи: туда явился сначала Мелусъ и норманнъ Рудольфъ, а въ 1020 г. и самъ папа. Опасность была дѣйствительно велика. Одинъ изъ южно-италійскихъ князей, Пандульфъ Капуан-

скій, уже перешелъ на сторону Грековъ, и Салернскій правитель тоже склонялся къ нимъ же, и въ 1021 г. борьба перенесена была уже на римскую территорію. Только въ этомъ году Генрихъ могъ, наконецъ, предпринять *третій* походъ свой въ Италію, который вызывался настоятельною необходимостью.

Правленіе Генриха. Положеніе дѣлъ въ Германіи.

Не легко было Генриху и въ самой Германіи прочно утвердить свою власть, и Генриху потребовалась на выполненіе этой задачи не малая доля житейской мудрости. Его положеніе было тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что онъ не былъ прирожденнымъ королемъ и коронованнымъ преемникомъ родовой власти. Герцоги и владѣтельные князья знали его въ былое время, какъ равнаго себѣ, да и вообще всѣ политическія и общественныя отношенія въ Германіи приняли въ послѣднія два столѣтія послѣ смерти Карла Великаго такой оборотъ, который былъ весьма неблагопріятенъ для королевской власти. Король въ данное время уже не могъ разсчитывать на массу свободнаго населенія, какъ на готовую военную силу, и вынужденъ былъ постоянно держать извѣстное количество войска въ полной боевой готовности. Именно тягости военной службы и вынуждали все бо́льшее и бо́льшее количество свободнаго населенія передавать свои свободныя земельныя владѣнія во власть могущественной знати, графовъ, епископовъ и т. д., становиться отнынѣ въ лэнную зависимость, но за то и пріобрѣтать въ лицѣ ихъ вѣрную защиту отъ всякихъ тягостей; такимъ образомъ король все болѣе и болѣе вынужденъ былъ заискивать благорасположенія тѣхъ, которые получили непосредственно изъ его рукъ свои лэнныя владѣнія — въ крупныхъ вассалахъ, которые, кромѣ своего лэна, обладали обширными аллодіальными владѣніями и повелѣвали надъ многими и многими вассалами. Графы, первоначально, какъ мы упоминали, бывшіе простыми чиновниками короля, съумѣли воспользоваться благопріятными условіями времени, дабы обратить свою должность и связанное съ нею владѣніе—въ наслѣдственную собственность; и въ данное время, въ иныхъ случаяхъ, дѣйствительно мудрено было бы различить ихъ наслѣдственныя земли отъ тѣхъ, которыя даны были имъ королями въ пожизненное владѣніе. По отношенію къ своимъ вассаламъ они чувствовали себя владыками и потому именно къ королю относились уже не съ прежними усердіемъ и покорностью. Такимъ образомъ все государство стало мало-по-малу приближаться къ аристократическому строю и вполнѣ свободнымъ въ немъ могъ себя считать только сильный; и когда эти сильные вассалы съ болѣе или менѣе значительною дружиною изъ своихъ подначальныхъ вассаловъ являлись на призывъ короля, чтобы принять участіе въ его военныхъ предпріятіяхъ — они это ставили себѣ въ особенную заслугу и ожидали за нее щедрой награды въ видѣ дарованія новыхъ правъ на новыя земельныя владѣнія или поддержки ихъ притязаній на подобныя владѣнія. Безпокойное стремленіе къ обладанію и власти охватило всю знать и вскорѣ оказалось почти невозможнымъ охранить миръ и порядокъ въ странѣ, которые и составляли главную задачу единаго и тѣсно-сплоченнаго государства. И вотъ мы видимъ, что почти съ первыхъ же дней правленія Генрихъ постоянно занятъ борьбою съ сильными вассалами и во всѣхъ концахъ его государства — во Фландріи,

Генрихъ II, Божіею милостью принимающій на главу вѣнецъ, а въ руки—священное копье и государственный мечъ.

Миніатюра изъ молитвенника, принадлежавшаго Генриху и имъ подаренпаго Бамбергскому собору. Нынѣ въ королевской библіотекѣ, въ Мюнхенѣ.

Ecce coronatur divinitus atque beatur
Rex pius Heinricus proavorum stirpe polosus

Propulsans coram sibi confert angelus hastam
Aptat et hic ensem cui persignando timorem

Clemens Christe, tuo longum da vivere Christo.
Ut tibi devotus non perdat temporis usus.
Hujus Udalricus cor regis signet et actus
Emmeranus ei laveat solamine dulci.

Смотри! Вѣнчается Богомъ и одаряется счастьемъ
Благочестивый король Генрихъ, превозвышенный родомъ своихъ предковъ.

Прикрывая его, ангелъ приноситъ ему копье.
А этотъ мечъ держитъ на-готовѣ. Передъ нимъ распространился страхъ.

Милостивый Боже! дай долгую жизнь Твоему Помазаннику.
Дабы Твой вѣрный не покончилъ жизнь преждевременно.
Этого короля сердце и дѣянія опиши ты, Удальрикъ.
А ты, Эммеранъ, доставь ему сладостное утѣшеніе.

Фрисландіи, Лотарингіи, Швабіи и Саксоніи—ведется ожесточенная борьба въ средѣ самихъ вассаловъ, такъ что вся жизнь этого короля проходитъ въ почти непрерывныхъ осадахъ, усмиреніяхъ возмущеній и лживыхъ примиреніяхъ съ ними. Несмотря на то, что здоровье его было не изъ особенно крѣпкихъ, однакоже оказалось, что эта бурная жизнь не могла его сломить;—мало того: среди этихъ запутанныхъ обстоятельствъ онъ выказалъ даже политическую проницательность и опредѣленную правительственную систему. Основная идея этой системы совершенно ясна: въ борьбѣ своей противъ свѣтской знати, противъ наслѣдственной, родовой аристократіи, онъ постоянно опирался на сановниковъ духовныхъ, неродовитыхъ — на епископовъ и духовенство.

Германская Церковь въ послѣдніе полвѣка чрезвычайно возвысилась и въ смыслѣ значенія, и въ смыслѣ земельныхъ владѣній: около высшихъ духовныхъ сановниковъ видимъ уже цѣлый штатъ служащихъ — *министеріаловъ*, и въ высшей степени любопытною и даже утѣшительною является многосторонняя дѣятельность такихъ представителей современнаго духовенства, какъ напримѣръ епископъ Бернвардъ Гильдесгеймскій. Раннее утро застаетъ его уже за выполненіемъ его духовныхъ обязанностей; затѣмъ онъ занимается разборомъ тяжебъ, которыя ему приносятъ на разсмотрѣніе, даетъ необходимыя указанія тому духовному лицу, которому вообще поручены заботы о бѣдныхъ, посѣщаетъ лично всякія мастерскія, имъ самимъ устроенныя, осматриваетъ въ нихъ работы заглядываетъ и въ ту комнату, въ которой производится переписка книгъ для библіотеки; умѣренная трапеза и краткій отдыхъ прерываютъ эту многостороннюю дѣятельность, при которой Бернвардъ ни одной минуты не остается празднымъ, и, по словамъ его біографа, постоянно заботится о томъ, чтобы «воздать Божіе Богови», но не упускаетъ изъ виду и того, что «Кесарево слѣдуетъ отдать Кесареви». Имѣнья церквей и монастырей гораздо лучше управлялись, чѣмъ какія бы то ни было иныя владѣнія, такъ что еще съ Оттона I короли считали болѣе выгоднымъ для финансовъ государственныхъ—увеличивать по возможности церковныя владѣнія новыми вкладами и дарами, такъ какъ болѣе возвышенный доходъ съ этихъ земель косвеннымъ образомъ и для правительства приносилъ свою долю пользы. За то и самыми вѣрными слугами королей были ихъ епископы-вассалы: ихъ войско было всегда готово къ услугамъ короля и по первому его призыву принимало участіе въ его войнахъ и походахъ. Мощь этихъ вассаловъ была его мощью, насколько онъ самъ имѣлъ право назначать этихъ духовныхъ сановниковъ. Той же самой политики слѣдовалъ и Генрихъ II. Ко всему, что касалось Церкви, онъ относился съ особеннымъ участіемъ и въ этой области имѣлъ положительныя и обширныя свѣдѣнія; да и вообще былъ человѣкъ знающій, обладавшій даромъ краснорѣчія, даже весьма убѣдительнаго; къ церквамъ и церковнослужителямъ онъ всюду относился съ великимъ уваженіемъ, и какъ онъ самъ, такъ и супруга его, Кунигунда, могли всѣмъ служить образцомъ христіанскаго благочестія и готовности всякими мѣрами способствовать благолѣпію церковному. Будучи бездѣтнымъ, Генрихъ даже высказывалъ желаніе отречься отъ міра и удалиться на покой

Верхняя доска переплета книги, изготовленная подъ надзоромъ св. Бернварда, въ его мастерскихъ. Хранится въ соборной ризницѣ въ Гильдесгеймѣ.

въ одну изъ обителей — желаніе весьма естественное въ средѣ высшихъ представителей власти въ то тревожное время. Но его благочестіе не заключало въ себѣ ничего фантастическаго, ничего отвлеченнаго, и далеко было отъ увлеченій его предшественника; Генрихъ, въ противуположность ему, не только не давалъ никому изъ епископовъ воли надъ собою, не только не поддавался ихъ вліянію, а напротивъ того умѣлъ ихъ вліяніемъ и слабостями пользоваться для достиженія своихъ цѣлей. Отовсюду угрожаемый ненасытною алчностью знатныхъ вассаловъ, епископы настолько же нуждались въ королѣ, насколько и онъ въ нихъ; права свои онъ умѣлъ отстоять такъ же энергично, какъ иногда, при случаѣ, умѣлъ пользоваться и хитростью: то, чего онъ хотѣлъ, что разъ забиралъ онъ себѣ въ голову—того ужъ непремѣнно добивался, несмотря ни на какія затрудненія.

Heinricus imperator. Chunigunt imperatrix.

Генрихъ II и Кунигунда, какъ храмоздатели.

Съ титульнаго изображенія одного изъ кодексовъ Бамбергской библіотеки, подъ заглавіемъ «De vita et de Gestis S. Heinrici imperatoris et confessoris». Полу-фигура въ полукругѣ, внизу, представляетъ собою написателя книги: «Adalbertus diaconus»; подъ этимъ изображеніемъ, по нижнему краю его, въ оригиналѣ стоятъ слова: «Мною для тебя, король, расписана эта страница книги».

Право назначенія епископовъ, тогда еще не вызывавшее особенныхъ споровъ и пререканій, поддерживалось имъ весьма настойчиво; онъ даже до нѣкоторой степени подготовлялъ себѣ необходимыхъ для церковной службы людей, принимая способныхъ молодыхъ клерковъ въ свою капеллу или въ канцелярію, и зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы у него постоянно были подъ рукою люди, пригодные для замѣщенія открываю-

НАРОДЫ ИМПЕРІИ, ПРЕКЛОНЯ

Изъ книги Евангельскихъ чтеній
Бамбергскому собору. Теперь хранит

я ПЕРЕДЪ ИМПЕРАТОРОМЪ.

а II, принесенной имъ въ даръ
оролевской Мюнхенской библіотекѣ.

щихся вакансій на важныя церковныя должности. Его безупречное благочестіе, при его умѣ и извѣстномъ расчетѣ, давало ему нѣкоторое право строгаго надзора за монастырями и другими духовными учрежденіями, при чемъ онъ нерѣдко настаивалъ даже и на необходимыхъ реформахъ, которыя проводилъ не обинуясь и даже не щадя на такія богоугодныя дѣла церковныхъ доходовъ. Болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ онъ умѣлъ соблюдать экономію: осторожно пользуясь своею королевскою властью, онъ зналъ къ кому и насколько слѣдуетъ быть щедрымъ, и самъ себя при этомъ никогда не обдѣлялъ. Главною цѣлью всѣхъ его стремленій было возможное умиротвореніе общества и усиленіе государственнаго начала, тѣмъ болѣе, что онъ прекрасно зналъ и не упускалъ изъ виду и нужды низшихъ слоевъ народа, который уже начиналъ совсѣмъ скрываться за всѣми этими герцогами и графами, маркгерцогами и маркграфами, архіепископами, епископами, аббатами, пфальцграфами и т. д.; по свойственной ему практичности, онъ нимало не пытался ослабить вліяніе и значеніе этихъ представителей власти, но за то чаще, чѣмъ всѣ его предшественники, собиралъ ихъ около себя на сеймы, на съѣзды, на совѣщанія и пытался ихъ пріучить къ тому, чтобы они рѣшали свои тяжбы мирнымъ путемъ.

Голова Генриха II.
Съ изображенія на восточномъ порталѣ Бамбергскаго собора.

Такъ наконецъ ему-таки удалось понемногу успокоить государство и даже нѣсколько расширить его предѣлы съ одной стороны. Бездѣтный король Рудольфъ III, пятый изъ арелатскихъ королей (993—1032 г.), закрѣпилъ за нимъ, какъ за племянникомъ своимъ *), право престолонаслѣдія въ Бургундіи. Бургундской знати (которую Генрихъ, повидимому, разгадалъ лучше многихъ позднѣйшихъ историковъ) это, конечно, не понравилось. Они, при своемъ слабомъ королѣ, могли распоряжаться въ Бургундіи, какъ имъ угодно, и на будущее время желали надъ собою такой же слабой власти—желали возвести на престолъ выборнаго короля; по мѣткому выраженію одного современника, «ни одинъ изъ нихъ не желалъ быть королемъ, хотя каждому хотѣлось быть первымъ». Они стали утверждать, что ихъ король не имѣлъ права такъ распорядиться своею короною. Рудольфъ поколебался и войска императора неоднократно вступали въ предѣлы Бургундіи. И здѣсь также Генриху удалось пріобрѣсти себѣ сторонниковъ между епископами, и, наконецъ, по *Базель-*

Пріобрѣтеніе Бургундіи.

*) Генрихъ II былъ сынъ старшей сестры его Гизелы.

скому договору 1023 г., его права на наслѣдованіе были признаны всѣми, при чемъ онъ отказался отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла управленія страною при жизни Рудольфа.

Третій походъ въ Италію.

Въ декабрѣ того же года (1021) Генрихъ выступилъ въ свой третій походъ въ Италію; въ Веронѣ собрались по его призыву итальянскіе епископы со своими вассалами, а также и важнѣйшіе представители свѣтской знати. Въ ближайшую весну, сопутствуемый папою Бенедиктомъ VIII, Генрихъ совершилъ очень удачный походъ противъ мятежныхъ княжествъ Беневентскаго, Капуанскаго и Салернскаго, и, подчинивъ ихъ своей власти, двинулся къ Риму. Но тутъ въ войскѣ проявились заразныя болѣзни, которыя и произвели въ немъ большой уронъ. Тогда императоръ поспѣшилъ перебраться за Альпы, нашелъ Германію вполнѣ спокойною и, окончательно утвердивъ свою власть, а съ папою скрѣпивъ неразрывную связь, могъ наконецъ отдохнуть отъ своихъ многолѣтнихъ заботъ и трудовъ.

Вопросъ о церковныхъ реформахъ.

Его послѣдніе годы были посвящены церковнымъ реформамъ, затронутымъ папою Бенедиктомъ VIII и весьма сильно занимавшимъ всѣ умы во Франціи и Германіи; обсужденіе этихъ реформъ даже побудило Генриха въ 1023 году къ свиданію съ королемъ Робертомъ I, вторымъ изъ дома Капетинговъ. Выступили на первый планъ вопросы, которые должны были такъ сильно занимать все европейское общество въ теченіе XI и XII вѣка. Преобладающее значеніе папы, въ смыслѣ лже-исидоровскихъ декреталій, еще не было ничѣмъ установлено и самостоятельность высшаго духовенства энергично отстаивалась многими епископами, въ особенности же архіепископомъ Майнцскимъ Арибономъ; императоръ же начиналъ склоняться на сторону воззрѣній той партіи монашества, которая избрала себѣ центромъ пропаганды Клюнійское аббатство и такъ много способствовала впослѣдствіи возрастанію папскаго могущества. Среди всѣхъ этихъ подготовительныхъ совѣщаній, обсужденій и общаго тревожнаго настроенія умовъ, папа Бенедиктъ VIII умеръ (въ 1024 г.); не надолго пережилъ его и императоръ Генрихъ, скончавшійся въ томъ же году, на 52 году жизни.

Бамбергскій соборъ, въ которомъ погребенъ Генрихъ II.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Короли Салическаго дома: Конрадъ II, Генрихъ III, Генрихъ IV.— Королевская власть и княжеская власть; королевская власть и папская власть; Григорій VII.

Результаты властвованія Саксонской династіи.

То столѣтіе, въ теченіе котораго Саксонская династія правила Германіей, было періодомъ весьма плодотворнымъ во многихъ отношеніяхъ, въ особенности если припомнимъ, въ какомъ разрозненномъ и разстроенномъ состояніи германскія земли находились до вступленія на престолъ Саксонской династіи. Прежде всего бросается въ глаза то весьма важное явленіе, что надвигавшіеся на Германію *сосѣдніе народы*—Магъяры, Норманны, Славяне — *были оттѣснены*, набѣги ихъ прекращены и даже среди нихъ положены основы просвѣщенія и культуры. Такое обезпеченіе германской территоріи было первымъ условіемъ возможности дальнѣйшаго процѣтанія и развитія ея населенія. Всюду можно было видѣть слѣды обезпеченнаго народнаго труда и, благодаря ему, возрастающаго благосостоянія народнаго,—хотя бы даже въ томъ множествѣ названій мѣстечекъ, деревень, монастырей, городковъ, какія встрѣчаемъ напр. въ Саксоніи: не простою случайностью было и то, что въ это время уже открыты были серебряныя руды въ Гарцѣ и что онѣ уже разрабатывались, и то, что монастыри являлись центрами, въ которыхъ съ относительнымъ спокойствіемъ могла производиться работа научная и теоретически-прогрессивная, безъ которой не можетъ успѣшно и постоянно развиваться никакое внѣшнее и матеріальное благосостояніе. Эта же дѣятельность, направленная на знаніе и искусство, — которыя послѣ смерти Карла Великаго все болѣе и болѣе падали и наконецъ пали очень низко, — въ періодъ властвованія Саксонской династіи, получила вновь сильное поощреніе къ развитію, благодаря энергически-обновленной связи съ Италіей, гдѣ продолжали процвѣтать попрежнему и городская жизнь, и всѣ присущія ей отрасли искусства. Напрасно было бы думать, что это *обновленіе идей Римской имперіи* и тѣсной связи съ Италіей было роковымъ для Германіи, правители которой, благодаря именно этимъ условіямъ, будто бы, были отвлекаемы отъ своихъ ближайшихъ и насущнѣйшихъ задачъ. Напротивъ того, мы склонны думать, что идея не только религіознаго, но и политическаго, и общественнаго *единенія* всѣхъ христіанскихъ наро-

довъ, для каждаго изъ этихъ народовъ имѣла уже сама по себѣ большое цивилизующее значеніе и даже самыя путешествія въ Италію, совершаемыя нѣмцами, клериками или мірянами (по какимъ бы поводамъ они ни совершались), были во всякомъ случаѣ весьма цѣннымъ образовательнымъ средствомъ—не говоря уже о томъ, что именно благодаря Италіи кругозоръ современныхъ Германцевъ могъ еще болѣе расширяться и захватывать даже тотъ греческій Востокъ, съ котораго также заносились въ Среднюю Европу сѣмена образованности. Въ тѣсной зависимости отъ того идеальнаго государства, которое носило громкое названіе «Римской Имперіи» (Imperium Romanum), въ періодъ Саксонской династіи въ особенности развилась *лэнная система*, т. е. первая дѣйствительная форма государственной общественности. При посредствѣ лэнныхъ отношеній, между владѣльцемъ лэна — *сеніоромъ* (senior, старѣйшій), какъ тогда говорили—и вассаломъ установилась связь, основанная на ясно-опредѣленныхъ нравственныхъ обязательствахъ, и какъ ни были, въ сущности, грубы нравы того времени, однакоже важно было уже то, что у каждаго былъ свой господинъ, что жизнь каждаго была и ограничена, и упорядочена извѣстнаго рода законными условіями. Благодаря этимъ порядкамъ, образовалось множество маленькихъ общинъ, явилось попеченіе о родинѣ: это въ особенности становится для насъ ясно, когда мы, читая хроники монаховъ, видимъ, съ какимъ, чисто-мѣстнымъ пристрастіемъ они относятся къ своему монастырю, къ его прославленію, къ блеску чудесъ покровительствующаго ему святого, къ обладанію цѣлительными мощами и богатыми имѣніями — очевидно, почитая и честь монастыря, и его владѣнія какъ бы собственною честью и собственнымъ своимъ достояніемъ. Внѣшнія формы быта, за это время, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ — въ пищѣ, одеждѣ, жилищахъ—были еще чрезвычайно просты, а измѣнялись на германской территоріи весьма медленно, такъ какъ торговля, въ обширномъ значеніи этого слова, еще не успѣла въ Германіи развиться, да и важнѣйшіе пути существующей торговли проходили не черезъ Германію; не было еще и отдѣльнаго ремесленнаго сословія, и каждый поселянинъ былъ въ сущности и ремесленникомъ, а въ большихъ хозяйствахъ ремесленная работа не различалась отъ другихъ поденныхъ занятій. Весь германскій народъ еще представлялъ собою большой земледѣльческій народъ, среди котораго было сильно развито чувство любви къ родинѣ, вызванное привязанностью къ земельнымъ владѣніямъ, которое ни мало не ослабѣвало вслѣдствіе перехода земель въ лэнную зависимость. А изъ этой любви къ родинѣ развилось впервые и настоящее сознаніе государственности или національности, и это, конечно, слѣдуетъ считать важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ періода династіи Саксонской. По справедливости, слѣдуетъ замѣтить, что Церковь въ Германіи играла весьма важную роль въ пробужденіи и утвержденіи этого чувства національнаго самосознанія.

Это чувство сознанія національнаго единства впервые съ полною силою проявилось по поводу неожиданной и всѣми искренно оплаканной кончины Генриха II. Можно предположить, что и самъ Генрихъ до нѣкоторой степени уже разсчитывалъ на эту силу, такъ какъ онъ не озаботился

Избраніе Конрада II, 1024 г.

своевременно о томъ, чтобы избрать себѣ надежнаго преемника. Междуцарствіе, во время котораго государствомъ правила вдовствующая императрица Кунигунда и совѣтъ, составленный изъ нѣсколькихъ сановниковъ — протекло въ полномъ спокойствіи и день выборовъ новаго короля былъ назначенъ на 4-е сентября 1024 г., въ *Майнцѣ*. При этомъ выяснилось, какъ еще мало была стѣснена личная свобода въ этомъ государствѣ, и какъ еще были неопредѣленны и слабы законныя основы выборовъ; можно было бы почти сказать, что въ этихъ выборахъ могъ принимать участіе каждый, кто вздумалъ бы пріѣхать въ Майнцъ. Въ назначенный для выборовъ день, на прибрежной Рейнской равнинѣ между Майнцемъ и Вормсомъ собралось всенародное множество: — по сю сторону рѣки Баварцы и Швабы, Саксы и часть Франковъ; на лѣвомъ же берегу разбили свои шатры верхне-лотарингскіе, рипуарскіе и нижне-лотарингскіе Франки; это все первостепенные сановники (примасы) государства, герцоги и князья, архіепископы, епископы и аббаты со своими свитами; затѣмъ начались между вліятельнѣйшими изъ этихъ «примасовъ», во многихъ мѣстахъ, обсужденія важнаго вопроса, и велись быстро, такъ какъ вѣроятно онъ уже предварительно былъ всѣми обсужденъ и обдуманъ. И вотъ остановились на двухъ франкскихъ князьяхъ: — оба Конрады по имени, близкіе родственники, оба — потомки того Конрада, который палъ смертью храбрыхъ на Лехскомъ полѣ. Въ пользу старшаго изъ двоихъ Конрадовъ располагали нѣкоторыя личныя преимущества, болѣе зрѣлыя лѣта, отчасти также и богатство, и связи его умной супруги Гизелы *), а можетъ-быть, даже и вліяніе Майнцскаго архіепископа Арибона. Послѣ небольшой сцены взаимной уступчивости и преклоненія передъ волею народа, старшій былъ избранъ и провозглашенъ королемъ. Тогда явилась императрица Кунигунда съ царственными клейнодами, и на слѣдующій день новый король уже былъ помазанъ на царство. Что этотъ выборъ не всѣмъ пришелся по вкусу (нижне-лотарингскіе князья, а съ ними и архіепископъ Пильгримъ Кёльнскій, уѣхали еще до окончанія выборовъ)—разумѣется само-собой при этомъ способѣ выборовъ; точно также, какъ разумѣется и то, что собравшееся народное множество заглушило своими единодушными криками всякую попытку выразить неудовольствіе.

Начало царствованія Конрада.

Конрадъ II (1024—1039), тогда уже достигнувшій сорокалѣтняго возраста, былъ человѣкъ, одаренный свѣтлымъ умомъ и сильною волею: не обладая тѣми научными свѣдѣніями, которыя тогда уже начинали распространяться и среди свѣтской знати, онъ былъ однакоже весьма опытенъ въ практической жизни. Его образованіе было (какъ мы бы это теперь сказали) исключительно юридическаго характера: онъ хорошо былъ знакомъ съ законами; при этомъ смотрѣлъ на вещи въ высшей степени здраво, безъ примѣси всякой идеалистики или фантазіи. Изумительно быстро освоился онъ со своею задачею. Онъ не лѣзъ въ карманъ за словомъ и умѣлъ отвѣчать очень мѣтко; такъ напримѣръ, когда къ нему явились въ 1025 г. послы отъ гражданъ Павіи съ извиненіями по поводу

*) Вдова герцога Эрнста I Швабскаго и племянница короля Рудольфа Бургундскаго.

раззоренія королевскаго дворца послѣ смерти Генриха II, Конрадъ сказалъ имъ: «вы не сообразили того, что король-то умеръ, да королевская-то власть не миновала: какъ бы тамъ ни было, вы кругомъ виноваты». Всюду, куда онъ являлся лично, ему тотчасъ же приносили присягу въ вѣрности: такъ было въ *Лотарингіи*, гдѣ архіепископъ Кёльнскій Пильгримъ поспѣшилъ примириться съ Конрадомъ и короновалъ его супругу, Гизелу, которую отказался короновать Арибонъ Майнцскій, не одобрявшій Конрадова брака по близкому его родству съ Гизелой; то же было и въ *Саксоніи*, гдѣ Конрадъ подтвердилъ всѣ существовавшіе въ странѣ старые законы и юридическіе обычаи, и въ *Баваріи*, и въ *Каринтіи*, и въ *Швабіи*, гдѣ у Гизелы, какъ вдовы бывшаго герцога, были огромныя помѣстья. Сюда, между прочимъ, явился къ нему вліятельнѣйшій изъ итальянскихъ сановниковъ, архіепископъ *Миланскій Ариберть* и призывалъ его въ Италію, чтобы тамъ короноваться. На съѣздѣ князей, въ Трибурѣ, походъ въ Италію былъ рѣшенъ; но его пришлось отложить, потому что общее положеніе дѣлъ въ государствѣ вызывало нѣкоторыя опасенія. Съ одной стороны, польскій князь, *Болеславъ I Храбрый*, послѣ смерти Генриха, отложился отъ имперіи, объявилъ себя независимымъ, принявъ титулъ короля. Онъ вскорѣ умеръ, но сынъ его, *Мечиславъ II*, удержалъ за собою титулъ отца и отказался отъ обычной уплаты дани. Около того же времени и на западной окраинѣ явились тревожные симптомы: графъ Шампаньи, *Одонъ*, вассалъ короля Французскаго, заявилъ свои притязанія на обладаніе Бургундіей и вступилъ въ союзъ не только со своимъ королемъ, но и съ недовольными князьями Лотарингскими. И въ самой Германіи младшій Конрадъ, неизбранный въ короли, не скрывалъ своего недовольства, и его недовольству вполнѣ сочувствовалъ герцогъ *Эрнстъ II*, *Швабскій*, пасынокъ короля. Съ другой стороны и Мечиславъ вступилъ въ союзъ съ молодымъ королемъ Датскимъ, *Кнудомъ*. Но Конрадъ съумѣлъ все уладить; союзъ Кнуда съ Мечиславомъ онъ разстроилъ тѣмъ, что уступилъ Кнуду Шлезвигскую марку и такимъ образомъ вошелъ съ нимъ въ ближайшія сношенія; всѣ остальныя опасности, грозившія Конраду, разсѣялись сами собою, благодаря тому, что между врагами его не оказывалось никакого единства. Въ февралѣ 1026 г. собралось королевское войско въ Аугсбургѣ; здѣсь же на съѣздѣ князей, 8-ми-лѣтній сынъ Генрихъ былъ утвержденъ въ правахъ престолонаслѣдія—и тогда Конрадъ двинулся въ походъ черезъ Альпы.

Походъ въ Италію 1026 г.

Походъ онъ совершилъ и быстро, и удачно. Въ концѣ марта 1026 г. онъ былъ коронованъ архіепископомъ Арибертомъ въ Миланѣ, какъ король Итальянскій. Равенна и Павія вздумали было оказать ему сопротивленіе, но были сломлены; въ мартѣ 1027 г. онъ уже стоялъ подъ стѣнами Рима, куда призывалъ его папа Іоаннъ XIX, недостойный преемникъ брата своего Бенедикта VIII. Здѣсь встрѣтилъ онъ короля Рудольфа Бургундскаго и короля Датскаго Кнуда, которые находились на пути въ Римъ, какъ странники, по обѣту; въ присутствіи блестящаго собранія свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ (среди послѣднихъ особенно выдавался могущественный аббатъ клюнійской обители, Одилонъ)—Конрадъ былъ коронованъ папою, вмѣстѣ съ супругою своею. Тутъ пришлось ему пере-

жить весьма тревожные дни; дѣло не обошлось безъ возстанія черни римской, вслѣдствіе какой-то ссоры Римлянъ съ Нѣмцами; но все же въ эти дни были порѣшены многіе важные споры и вопросы—и намъ сохранилось даже письмо короля Кнуда къ англійскимъ епископамъ, въ которомъ онъ передаетъ имъ впечатлѣнія, вынесенныя изъ пребыванія въ Римѣ въ эти знаменательные дни. Изъ Рима Конрадъ двинулся на Югъ, угрожаемый высадкою греческаго войска, во главѣ котораго задумывалъ явиться въ Италію самъ старый императоръ, Василій II, братъ покойной императрицы Теофано. Опасность однакоже миновала, такъ какъ Конрадъ

„Chuonradus Dei Gratia Romanorum Imperator Augustus".

Императорская печать Конрада II. Съ акта, писаннаго въ Госларѣ, въ февралѣ 1031 г. Хранится въ тайномъ государственномъ архивѣ въ Берлинѣ.

удовольствовался только закрѣпленіемъ за собою трехъ княжествъ: Бенневентскаго, Капуанскаго и Салернскаго.

Герцогъ Эрнстъ Швабскій.

Въ концѣ мая 1027 г. Конрадъ уже снова былъ въ Германіи. Здѣсь опять взялся за оружіе и нашелъ себѣ союзниковъ въ мятежѣ герцогъ Эрнстъ Швабскій, вѣроломно-измѣнившій своимъ лживымъ обѣщаніямъ, даннымъ на томъ аугсбургскомъ съѣздѣ, на которомъ онъ и получилъ отъ Рудольфа прощеніе своихъ винъ. Конрадъ назначилъ ему въ *Ульмѣ* день

суда, для разбора съ нимъ распри на новомъ княжескомъ съѣздѣ; Эрнстъ и явился туда, съ большою самоувѣренностью, въ сопровожденіи многочисленной свиты: но онъ не зналъ того настроенія, которое среди этой свиты преобладало. Участвовавшіе въ ней лица заявили ему, что лэнныя ихъ обязательства къ нему, герцогу, нимало не обязываютъ ихъ идти противъ короля, который является защитникомъ ихъ свободы дѣйствій. При этомъ почти сразу выяснилось успѣшное дѣйствіе политики Конрада, которая безъ особенныхъ усилій давала ему большую мощь въ руки. Онъ поднялъ вопросъ о *наслѣдственности лэннаго владѣнія* и пытался эту основу его видоизмѣнить въ выгодномъ для короля смыслѣ. Само собою разумѣется, что вассалъ долженъ былъ чувствовать себя гораздо болѣе свободнымъ, если зналъ, что послѣ его смерти владѣлецъ лэна не будетъ имѣть права безусловно распорядиться своимъ лэномъ. Въ виду такого оборота дѣла герцогъ Эрнстъ долженъ былъ подчиниться королю, и былъ посаженъ въ заточеніе. Герцогствомъ Швабомъ Конрадъ сталъ управлять самъ, а Баварію, оставшуюся около этого времени безъ герцога, передалъ сыну своему Генриху. И младшему Конраду пришлось также покориться; и онъ также попалъ въ заточеніе; въ томъ же году король Рудольфъ III Бургундскій призналъ Конрадова сына Генриха своимъ наслѣдникомъ, и въ Пасху 1028 года этотъ 11-ти-лѣтній мальчикъ былъ коронованъ въ Аахенѣ. Не такъ удачны были войны Конрада на Востокѣ, которыми преимущественно и былъ занятъ ближайшій годъ.

Войны Конрада на Востокѣ.

Противъ Мечислава Польскаго Конраду удалось пріобрѣсть союзника въ юномъ Бретиславѣ, сынѣ герцога Богемскаго, и такимъ образомъ воспрепятствовать весьма опасному сліянію Богеміи и Польши; но вообще говоря, войны съ Польшей были неудачны, и не далѣе какъ въ 1030 г. Мечиславъ жестоко опустошилъ германскія земли между Эльбой и Залой. Всѣ усилія свои Конрадъ направилъ къ подчиненію Венгріи, гдѣ ни о какомъ преобладающемъ господствѣ Германіи и слышать не хотѣли. Послѣ несчастной для Магъяръ Лехской битвы, въ Венгрію стало проникать христіанство и явились попытки сплотить мелкія разрозненныя владѣнія въ одно сильное королевство. Это удалось привести въ исполненіе королю *Гейзѣ* (972—997), который крестился въ 973 году. Миссіонеры и нѣмецкіе переселенцы были призваны въ Венгрію, и слѣдующій правитель, король *Стефанъ Святой* (997—1038) довершилъ дѣло, начатое его предшественникомъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ папою Сильвестромъ II, который прислалъ ему королевскій вѣнецъ; внутренній строй Венгріи былъ Стефаномъ перенятъ съ франкскаго образца. Все королевство было подѣлено на 72 графства или *комитата*, во главѣ которыхъ поставлены были графы (comes). Эти графы и крупные землевладѣльцы, вмѣстѣ съ епископами стали съѣзжаться на сеймы, которые еще долго носили на себѣ характеръ весьма шумныхъ и безпорядочныхъ собраній; вслѣдъ за вышепомянутыми сословіями шли свободные землевладѣльцы, составлявшіе высшій классъ дворянства и назначавшіе сельскихъ судей, которые имѣли право обращаться съ своими заявленіями къ графу. Христіанство быстро распространялось въ массѣ народа, такъ какъ крещеніе было сопряжено съ освобожденіемъ отъ рабства; не то было въ

средѣ знати, въ которой, весьма естественно, христіанство ограничивало широко развитое грубое кулачное право; долго не могло проникнуть въ эту среду чувство законности и чистота нравовъ. Походъ противъ Венгріи, предпринятый Конрадомъ съ 1030 г., былъ неудаченъ: самая цѣль похода не совсѣмъ для насъ ясна. Онъ закончился договоромъ, который былъ заключенъ королемъ Стефаномъ съ королемъ-младенцемъ, Генрихомъ, и противъ котораго Конрадъ не возражалъ.

Только послѣ этого примиренія со Стефаномъ Венгерскимъ, Конрадъ могъ настойчиво продолжать войну противъ Польши; она закончилась въ 1032 г. полнымъ подчиненіемъ Мечислава, который призналъ себя вассаломъ Конрада; но послѣ его смерти поднялись такія нескончаемыя внутреннія смуты, съ которыми уже не подъ силу было совладать Германіи.

Окончательное пріобрѣтеніе Бургундіи.

Въ сентябрѣ 1032 г. скончался старый король Рудольфъ Бургундскій; по завѣщанію его корона Бургундіи перешла къ Конраду. И еще разъ пришлось воевать изъ-за этой важной земли, отъ обладанія которою зависѣло отчасти господство въ Италіи. Одонъ, графъ Шампаньи, опираясь на многочисленную партію, которой не по сердцу было подчиняться могущественному владыкѣ, еще разъ рѣшился на борьбу съ императоромъ. Но Конрадъ заключилъ союзъ съ молодымъ королемъ Французскимъ, Генрихомъ I, которому тоже мятежный вассалъ не могъ быть пріятенъ. Въ первый свой походъ въ Бургундію Конрадъ подчинилъ себѣ ея аллеманскую часть; во второй—лѣтомъ того же года, онъ вступилъ въ Шампань, наслѣдственное владѣніе Одона; въ третій походъ, онъ, наконецъ, достигъ своей цѣли. Съ Сѣвера вступило въ Бургундію нѣмецкое войско, съ Юга, черезъ Сенъ-Бернаръ и долину Роны—итальянское войско; оба войска соединились въ окрестностяхъ Женевы. Сопротивленіе оказалось невозможнымъ и завоеваніе Бургундіи было закончено, тѣмъ болѣе, что всѣ проходы черезъ Альпы были теперь въ рукахъ Конрада.

Второй походъ въ Италію.

Еще разъ пришлось Конраду вступиться въ итальянскія дѣла. Миланскій архіепископъ Ариберть, человѣкъ въ высшей степени честолюбивый и тщеславный, задумалъ образовать изъ Миланской области особое, самостоятельное «*владѣніе Св. Амвросія*», по образцу папскаго владѣнія Св. Петра. Согласившись съ крупнѣйшими вассалами Ломбардіи, такъ-называемыми *капитанами* (главарями), онъ сталъ немилосердно тѣснить мелкихъ вассаловъ (*вальвассоровъ*), которые, наконецъ, не выдержали притѣсненій—и началась кровавая борьба. Обѣ стороны обратились съ жалобами и просьбами о помощи къ императору Конраду, который, въ началѣ 1037 года, явился съ войскомъ въ Италію, предварительно заручившись союзомъ съ богатѣйшимъ маркграфомъ *Бонифаціемъ Тусційскимъ*—злѣйшимъ врагомъ Ариберта Миланскаго. Разрывъ съ этимъ гордымъ архіепископомъ послѣдовалъ на сеймѣ въ Павіи, когда тотъ заявилъ, что ни по чьему велѣнію не поступится ни одною пядью владѣній «*Святого Амвросія*». По приказанію Конрада, онъ былъ посаженъ въ заточеніе, однакоже бѣжалъ изъ него и долго еще велъ упорную и ожесточенную борьбу съ вальвассорами, поддерживаемый Миланцами, которые за него стояли горой.

Закончить эту борьбу Конраду не удалось. Однакоже онъ сдѣлалъ смѣлый шагъ, который разомъ измѣнилъ всю ту политику, какой прежніе германскіе государи держались по отношенію къ Италіи; онъ смѣстилъ архіепископа Миланскаго и вслѣдъ за тѣмъ издалъ указъ, знаменитую *Павійскую конституцію*, въ которой удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ вальвассоровъ: объявилъ лэны наслѣдственными, далъ имъ судъ, составленный изъ ихъ же выборныхъ, съ правомъ апелляціи къ императору и его пфальцграфамъ и т. д. Арибертъ на свое смѣщеніе отвѣчалъ тѣмъ, что предложилъ корону Ломбардскаго королевства Одону, герцогу Шампаньи, врагу Конрада. Тотъ принялъ предложеніе и вторгнулся съ войскомъ въ Лотарингію, но потерпѣлъ здѣсь жестокое пораженіе и самъ палъ въ битвѣ. Голова его прислана была въ Италію, въ знакъ побѣды надъ нимъ одержанной. Но борьба все же продолжалась и затягивалась все болѣе и болѣе—и Конрадъ, не дождавшись конца ея, и поручивъ ея веденіе дружественнымъ ему Итальянскимъ князьямъ, вернулся въ Германію. Павійская конституція.

Въ Германіи все было спокойно, и онъ, созвавъ бургундскихъ вельможъ въ Золотурнѣ, могъ безъ всякаго затрудненія и Бургундію передать во владѣніе сыну своему Генриху, который, такимъ образомъ, явился уже правителемъ Швабіи, Баваріи, герцогствъ Франкскаго и Бургундіи. Вскорѣ послѣ того, Конрадъ умеръ въ Утрехтѣ (въ 1039 г.); онъ былъ погребенъ въ Шпейерскомъ соборѣ, который онъ заложилъ еще въ 1030 г. Только уже внуку его суждено было закончить величавое зданіе этого собора. Смерть Конрада. 1039.

Переходъ власти къ сыну его, Генриху III (1039—1056), совершился безъ всякаго потрясенія: молодой, двадцатидвухлѣтній принцъ былъ уже давно посвященъ въ дѣла и пользовался, въ высшей степени, общимъ довѣріемъ. Воспитанный крайне тщательно, онъ получилъ и возможное, по тому времени, научное образованіе, которому отецъ его придавалъ тѣмъ бо̀льшую цѣну, что самъ былъ совершенно его лишенъ. Въ сущности, въ Генрихѣ замѣчается идеальная сторона, которой уже вовсе не было у Конрада. Его біографъ, Виппо, приписываетъ ему всѣ добродѣтели христіанскаго государя, что, разумѣется, не даетъ еще личной характеристики. Описывается онъ, какъ человѣкъ очень высокорослый, на цѣлую голову выше средняго мужского роста, и съ крайне смуглымъ цвѣтомъ лица. Онъ былъ женатъ на дочери Датскаго короля, Гунгильдѣ,—имя это было передѣлано въ Германіи, на общепринятый ладъ, въ Кунигунду,—но она умерла послѣ двухлѣтняго супружества, въ 1038 г. Генрихъ III.

Обстоятельства слагались необыкновенно благопріятно для воцаренія Генриха. Народная власть герцоговъ могла считаться упраздненной: только въ Саксоніи и Лотарингіи оставались еще герцоги. Каринтія освободилась именно въ эту минуту; самые значительные изъ современныхъ властителей, Датскій, Кнудъ Великій, и Стефанъ Святой, Венгерскій, умерли еще ранѣе Конрада, не оставя, подобно ему, равныхъ имъ по достоинству сыновей. Всѣ наиболѣе здравомыслящія лица ожидали отъ новаго короля церковной реформы, составлявшей назрѣвшій вопросъ, по отъ котораго, по самой природѣ своей, всячески сторонился Конрадъ; самый Его воцареніе. Италія.

римскій престолъ, все еще занятый недостойнымъ Бенедиктомъ IX, настоятельно нуждался въ реформахъ, и однимъ изъ первыхъ послѣдствій новаго управленія оказалось то, что столь заносчивый Миланскій архіепископъ Арибертъ сталъ искать примиренія, для чего и явился въ Ингельсгеймъ на Пасхѣ 1040 года. Онъ былъ возстановленъ въ своемъ епископскомъ званіи, и, такимъ образомъ, въ Германіи, какъ въ Бургундіи и Италіи, водворились порядокъ и миръ.

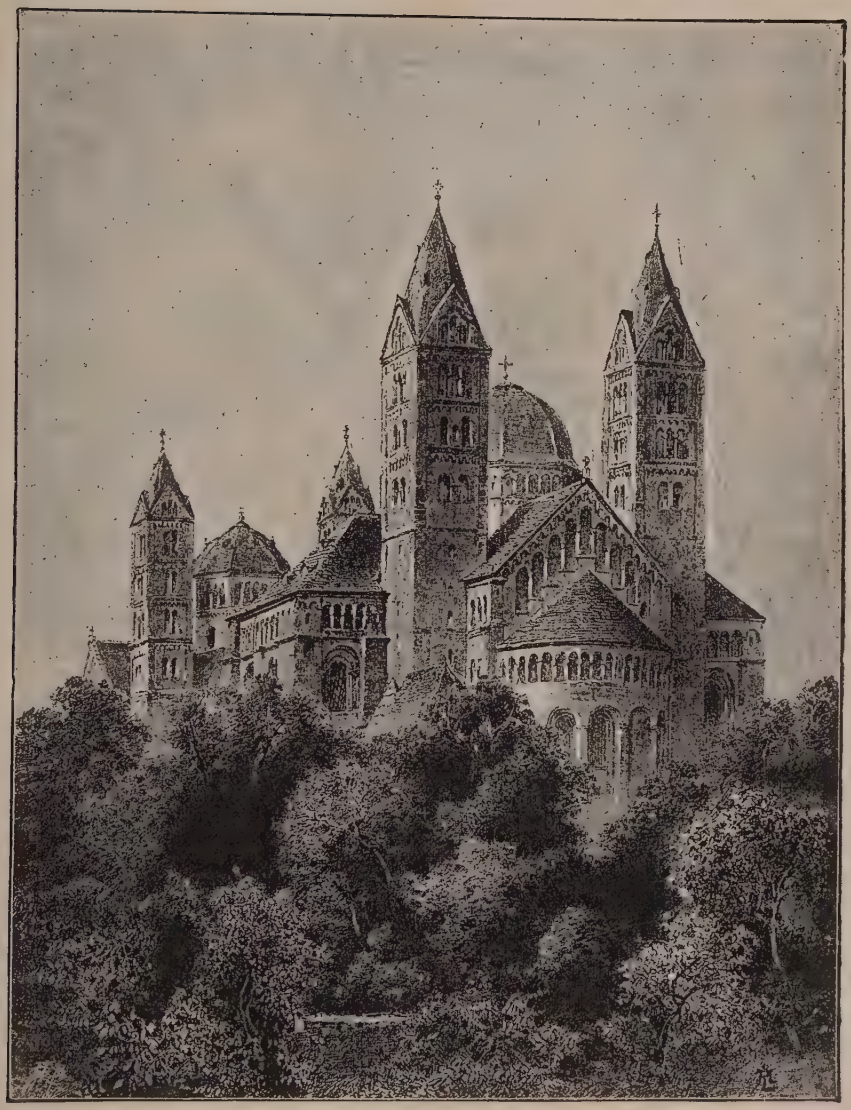
Отношенія на Востокѣ. Богемія.

Особеннаго вниманія требовали обстоятельства на Востокѣ, къ которымъ Конрадъ относился въ послѣднее время нѣсколько равнодушно. Въ Польшѣ, по смерти Болеслава, господствовала анархія и снова возникло язычество; въ Венгріи, положеніе преемника Стефана Святого, его зятя, Петра, было затруднительно, и христіанство не пустило еще глубокихъ корней и здѣсь. Богемскій герцогъ Бретиславъ, пылкій, способный и честолюбивый, воспользовался польскою смутой. Быть можетъ, ему было суждено осуществить то, что удалось, на короткое время, могущественному Болеславу Храброму: основать великое и независимое славянское государство. Въ одинъ походъ, почти не встрѣтивъ сопротивленія, онъ овладѣлъ Краковомъ и Гнѣзномъ, при чемъ вывезъ изъ послѣдняго города драгоцѣнную и важную добычу: останки Св. Адальберта; они были перемѣщены имъ въ богемскій главный городъ, Прагу, которую Бретиславъ хотѣлъ обратить въ столицу своего великаго государства. Онъ желалъ сойтись съ Генрихомъ, думая обмануть его своею мнимою покорностью; это ему не удалось, и началась война. Первый походъ (1040) былъ неудаченъ, но тѣмъ побѣдоноснѣе оказался второй (1041). У Праги соединились три нѣмецкія арміи; Бретиславъ покорился; онъ предсталъ передъ королемъ въ Регенсбургѣ, и Генрихъ выказалъ тутъ свой государственный смыслъ: онъ принялъ отъ Бретислава изъявленіе его покорности и отреченіе отъ Богемскаго престола, но возвратилъ ему его герцогство, вмѣстѣ съ Силезіей, обративъ его, такимъ образомъ, въ своего союзника, который оказалъ ему потомъ большія услуги на Востокѣ, принимая весьма близко къ сердцу дѣло распространенія христіанства.

Польша и Венгрія.

Что касается Польши, то законный наслѣдникъ престола, Пястъ-Казиміръ, находился въ Германіи; съ разрѣшенія короля, онъ пытался, и съ успѣхомъ, завоевать снова и умиротворить свои владѣнія (1041), послѣ чего правилъ ими, въ качествѣ герцога и вассала Германскаго короля.

Петръ Венгерскій былъ низвергнутъ бурнымъ возстаніемъ и бѣжалъ къ королю Генриху въ Регенсбургѣ; вмѣсто него, побѣдившая партія выбрала одного изъ вельможъ, Абу. Этотъ Аба, несмотря на то, что христіанство еще держалось, обратился къ прежнему, дикому, языческому обычаю хищническихъ набѣговъ: не объявляя войны, онъ вторгнулся въ Баварію (1042), однако, проникъ не далеко: благодаря мѣстнымъ военнымъ силамъ, онъ потерпѣлъ пораженіе, а осенью того же года Генрихъ самъ вступилъ въ Венгрію, разбилъ въ двухъ сраженіяхъ короля-самозванца и воротился назадъ, овладѣвъ страною до границы и оставивъ вездѣ свои гарнизоны. Онъ предпринялъ новый походъ въ 1043 г., когда Аба завладѣлъ опять властью, но до войны не дошло, потому что Аба предложилъ миръ на



Шпейерскій соборъ, заложенный императоромъ Конрадомъ (который въ немъ и погребенъ) и законченный внукомъ Конрада.

выгодныхъ условіяхъ: онъ признавалъ главенство Германіи и предоставлялъ въ ея владѣніе всѣ земли до Литахи и Мархіи. При всѣхъ этихъ битвахъ, Генрихъ встрѣчалъ усердную и доброхотную поддержку со стороны своего рыцарства,—того многочисленнаго сословія, которое было сплочено, или, собственно, даже создано Конрадомъ II. Генрихъ охотно вознаграждалъ этихъ воиновъ за ихъ храбрость, и могъ, благодаря завоеванной добычѣ, одѣлять ихъ деньгами и землями.

Королева Агнеса.

Осенью того же года (1043), молодой король вступилъ вторично въ бракъ, избравъ себѣ невѣстой аквитанскую принцессу Агнесу Пуатье, дочь богатѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ западно-французскихъ вассаловъ, герцога Гильома аквитанскаго: монастырь Клюни былъ обязанъ своимъ основаніемъ этой фамиліи. Свадьба была отпразднована въ Ингельгеймѣ, куда съѣхалось, въ ожиданіи богатой благостыни, великое множество всякаго народа: музыкантовъ, фигляровъ, пѣвцовъ, преимущественно изъ Южной Франціи, почитавшейся тогда классическою страною всѣхъ вольныхъ искусствъ. Но эти люди весьма ошиблись въ расчетѣ, потому что степенный король не выказалъ имъ никакого благоволенія, а духовенство, давно уже осуждавшее такія потѣхи, раздѣляло, въ этомъ случаѣ, воззрѣнія короля, и заняло противъ нихъ враждебное положеніе.

Венгрія. 1040 г.

Этотъ бракъ былъ, вѣроятно, въ связи съ обширными планами, основанными на слабости королевской власти въ восточныхъ французскихъ областяхъ. Но для выполненія ихъ, равно какъ для проведенія задуманныхъ церковныхъ реформъ, требовавшихся особенно усердно въ Аквитаніи съ ея вольными искусствами, явно враждебными этимъ самымъ реформамъ, у Генриха были еще связаны руки. Обстоятельства снова усложнились въ Венгріи: король Аба плохо платилъ Генриху за его снисхожденіе, и новый походъ противъ него становился необходимымъ. Аба отступилъ внутрь страны передъ сильнымъ германскимъ войскомъ и приготовился принять бой лишь по ту сторону Раабы. Битва, называемая битвой подъ Менфе, оказалась рѣшительной: венгерскія войска были разбиты на-голову, и король Петръ былъ снова возведенъ на престолъ. Его соперникъ бѣжалъ, но былъ пойманъ и обезглавленъ по повелѣнію Петра (1044 г.). Генрихъ отпраздновалъ у своего вассала, въ Штульвейсенбургѣ, Духовъ день 1045 г. Передъ тѣмъ, ему пришлось усмирять тяжелую смуту въ Лотарингіи: въ 1044 г. тамъ умеръ герцогъ Гизело; старшій его сынъ, Готфридъ, опираясь на свою личную доблесть и несомнѣнныя заслуги, ожидалъ утвержденія за собой нераздѣльнаго лѣннаго герцогства, между тѣмъ, король предоставилъ владѣніе Нижнею Лотарингіей младшему брату Готфрида. Готфридъ взялся за оружіе; возстала при этомъ и Бургундія, но король подавилъ мятежъ. Готфридъ предсталъ передъ судомъ князей, былъ приговоренъ къ заключенію и отвезенъ въ Гибихенштейнъ. Смерть младшаго герцога не измѣнила рѣшенія короля: Готфридъ былъ прощенъ, но долженъ былъ довольствоваться только Верхнею Лотарингіей; Нижняя досталась одному баварскому вельможѣ. Король, не слѣдуя примѣру отца, не оставлялъ герцогскихъ престоловъ незанятыми, но лишь избѣгалъ сажать на нихъ мѣстныхъ уроженцевъ, вслѣдствіе чего новые герцоги находились въ бо̀льшей отъ него зависи-

мости. Лѣтомъ 1046 г. обстоятельства оказывались уже настолько благопріятными, что Генрихъ могъ отправиться въ Италію: онъ ѣхалъ въ страну вполнѣ умиротворенную—настолько же, насколько и покидаемая имъ. Всюду: на сѣверѣ и югѣ, на востокѣ и на западѣ, уважалась и внушала страхъ власть нѣмецкаго государя.

Поѣздка Генриха въ Римъ. Церковныя дѣла. Миръ Господень.

Поѣздка Генриха въ Римъ была важнымъ событіемъ. Отъ нея ожидали большого вліянія на церковныя дѣла, давно уже находившіяся въ критическомъ положеніи. Съ одной стороны, духовенство сознавало свою громадную силу и свое высокое назначеніе. Но оно идеализировало его чудовищнымъ образомъ и доводило до послѣдней крайности почитаніе и обоготвореніе патроновъ и святыхъ основателей всякой церкви, всякаго монастыря и всякой епархіи, прибѣгая, для прославленія этихъ угодниковъ, къ самымъ нелѣпымъ чудесамъ, къ весьма грубо-подтасованной лжи. Не мало зла причинялъ и промышлявшій этимъ нищій сбродъ, надъ которымъ производились, у могилы какого-нибудь святого, болѣе или менѣе искусно поддѣланныя чудесныя исцѣленія, при чемъ очевидный обманъ не колебалъ вѣры въ подобныя чудеса. Порученіе свѣтскихъ дѣлъ духовнымъ лицамъ, — что̀ совершенно вошло въ обычай при послѣднихъ царствованіяхъ, — только возвысило ихъ значеніе и дало имъ, въ то же время, возможность довершить свою іерархическую организацію и сдѣлать себя необходимыми всюду. Такія благопріятныя условія позволяли имъ чрезвычайно увеличивать свои владѣнія, которыя никогда не давали такого роскошнѣйшаго дохода, какъ подъ ихъ разумнымъ управленіемъ. Съ другой стороны, этимъ самымъ богатствамъ постоянно угрожала ненасытная алчность великихъ и полувеликихъ мірянъ, что уже издавна заставляло духовенство озаботиться о пріисканіи средства для отвращенія бѣды. Средство заключалось въ поставленіи извѣстной церкви, извѣстнаго монастыря подъ покровительство близкаго или отдаленнаго могущественнаго лица, способнаго защищать духовныя имущества отъ насилія другихъ, тоже могущественныхъ лицъ. Такой мірской опекунъ былъ безусловно необходимъ, потому что значительная часть правовыхъ порядковъ, по самому существу своему, не допускала духовныхъ лицъ къ извѣстному управленію. Но часто отношенія къ самому такому опекуну становились для нихъ источникомъ угнетенія; во всякомъ случаѣ, онъ предлагалъ свои услуги не даромъ. Онъ взималъ свой процентъ, свою часть дохода, у него были сыновья и дочери, которые, пока они не были пристроены въ мірѣ, могли содержаться спокойно на счетъ церковныхъ суммъ и угодій. Посредствомъ этого, въ жизнь духовенства вторгался еще шире мірской элементъ, которому и такъ уже были настежь открыты двери. Болѣе здравые умы усматривали съ прискорбіемъ возраставшую порчу: грубое насиліе, наглое лукавство, бражничанье, развратъ,—столь рѣзко противорѣчившіе предписаніямъ церковной нравственности, которая, съ своей стороны, требовала почти невозможнаго самоотреченія, полнаго умерщвленія человѣческаго естества и истязанія плоти,—и требовала всего этого тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ рѣже исполнялись людьми даже и менѣе тяжкія требованія. Чудовищнымъ зломъ, наиболѣе бросавшимся въ глаза и непосредственно ощущаемымъ всѣми, было

непрерывное пролитіе крови, вѣчныя распри, явно противныя христіанской любви и сопровождаемыя всевозможными бѣдствіями и злодѣйствами. Уже одинъ обычай «судебныхъ поединковъ» доказываетъ, какъ присуща еще была человѣчеству его первобытная дикость съ ея порѣшеніемъ всего грубой силою, съ ея «кровью за кровь», со всѣми ея ужасами. Одинъ епископъ свидѣтельствуетъ, что въ теченіе одного года въ его округѣ пало не менѣе 35 лицъ въ такихъ поединкахъ. Широко распространившееся мнѣніе о скоромъ свѣтопреставленіи вызвало сильный и серьезный подъемъ религіознаго настроенія; но устрашавшій всѣхъ 1000 годъ прошелъ, не вызвавъ паденія небеснаго огня на землю, и всѣ продолжали грѣшить попрежнему. Дѣйствительныя бѣдствія породили, наконецъ, замѣчательную мысль о блаженномъ умиротвореніи всего христіанства, и эта мысль о «мирѣ Господнемъ» возникла именно тамъ, гдѣ наиболѣе господствовали чувственность и наслажденіе земными благами: въ Южной Франціи. Послѣдовательные неурожаи 1028—1030 г. вызвали страшный голодъ; во многихъ мѣстахъ народъ питался только кореньями, травой, глиной; на проѣзжавшихъ нападали, убивали ихъ и съѣдали; недостатокъ путей сообщенія затруднялъ доставленіе помощи, и благотворительность духовенства, раздача милостыни и монастырскія народныя трапезныя были недостаточны для борьбы съ страшными размѣрами бѣдствія. Ужасные дожди прекратились лишь въ 1031 году, ожививъ снова надежду на будущее. Подобное настроеніе—самое плодотворное для человѣческихъ дѣлъ; мысль о только что пережитомъ бѣдствіи и сладостное ощущеніе возврата къ жизни сливаются въ одну силу,—она-то и внушила духовному сословію возвышенную мечту о насажденіи вѣчнаго мира. Этотъ христіанско-идеалистическій порывъ объялъ всю Францію, мѣсто своего зарожденія, и потомъ распространился по всей Европѣ. Соборы занялись этою прекрасною грёзой и постановили учрежденіе «мира Господня». И въ теченіе нѣкотораго времени такъ сильно было господство этой идеи, что общественное мнѣніе принуждало и несогласныхъ съ нею принимать ее и покоряться тому, что́ требовалось отъ нихъ именемъ Божіимъ. Но когда нѣсколько урожайныхъ годовъ послѣдовало за голоднымъ періодомъ, люди размыслили, что прекрасная мысль, въ своемъ общемъ, неосуществима. Желательно было, однако, спасти хотя часть ея: вмѣсто мира Господня установить хотя перемиріе Господне—«Treuga Dei». Повидимому, и это практическое видоизмѣненіе возвышенной идеи возникло, прежде всего, въ Аквитаніи. Благодаря соглашенію епископовъ съ мірскою знатью, было рѣшено, что всякія распри должны пріостанавливаться на время отъ среды вечера и до утра понедѣльника (1040 г.). За нарушеніе этого правила, скоро освященнаго народнымъ обычаемъ, назначались церковныя эпитеміи и мірскія кары. Уже Конрадъ относился сочувственно къ этой мысли, а Генрихъ III, при полномъ соотвѣтствіи его общаго настроенія такому учрежденію, постарался, по возможности, ввести его въ своихъ владѣніяхъ; по крайней мѣрѣ, въ Бургундіи была принята *Treuga Dei*. Древнѣйшимъ документомъ о такомъ многознаменательномъ прогрессивномъ движеніи служитъ посланіе аббата Одилона Клюнійскаго и нѣкоторыхъ другихъ бургундскихъ епископовъ изъ Арля, Авиньона и Ниц-

цы, написанное ими отъ имени всего галльскаго духовенства въ видѣ обращенія къ духовенству итальянскому (1041 г.).

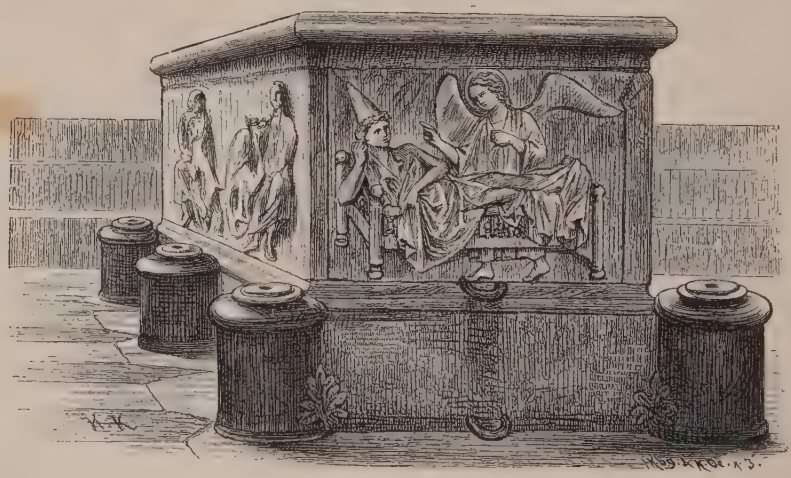
Клюнійская конгрегація.

Такая идея доказываетъ силу духовнаго направленія въ половинѣ XI столѣтія. Но могущественная партія, все яснѣе сознававшая необходимость церковныхъ реформъ, не хотѣла остановиться только на этомъ. Центромъ ея, главной твердыней, былъ монастырь въ Клюни, основанный герцогомъ Гильомомъ Аквитанскимъ въ 910 г. и принявшій уставъ Св. Бенедикта, подобно многимъ другимъ; но этотъ монастырь, подчиненный непосредственно Римской Церкви и ставшій главою многочисленныхъ, основанныхъ уже имъ, или добровольно приписавшихся къ нему, другихъ обителей, пріобрѣлъ скоро большое значеніе, въ качествѣ средоточія и главы цѣлой конгрегаціи. Эти присоединенные, «конгрегаціонные», монастыри не выбирали сами своихъ настоятелей, но ихъ «пріоры» назначались имъ аббатомъ клюнійскимъ. Самымъ выдающимся изъ этихъ аббатовъ, стоявшимъ во главѣ конгрегаціи съ 994 по 1040 гг. и входившимъ въ болѣе или менѣе тѣсныя сношенія съ четырьмя государями—Оттономъ III, Генрихомъ II, Конрадомъ II и Генрихомъ III, былъ *Одилонъ*, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей своего времени. Церковная идея разрабатывалась въ Клюни съ возраставшею ясностью взгляда на предметъ и проводилась до крайнихъ предѣловъ. Два главныя злоупотребленія, противъ которыхъ усерднѣе всего ратовала эта оппозиція, въ виду вызываемаго ими всеобщаго негодованія, были, такъ-называемые, *симонизмъ* и *николаизмъ*. Подъ первымъ названіемъ клюнійцы и единомышленники ихъ разумѣли торговлю духовными мѣстами, покупку или обмѣнъ церковныхъ почетныхъ званій посредствомъ денегъ или другихъ земныхъ выгодъ; это былъ грѣхъ, прототипомъ котораго считался Симонъ-кудесникъ (Дѣянія апост., 8), предложившій, однажды, апостоламъ Петру и Іоанну научить его, за деньги, какъ сообщать наитіе Св. Духа наложеніемъ рукъ. Второе названіе заимствовано изъ Апокалипсиса и обозначаетъ плотскую грѣховность духовныхъ лицъ. Общее негодованіе было рѣзко возбуждено въ обоихъ отношеніяхъ: положеніе епископовъ, въ тѣ дни, было столь многосторонне, выгодно и блестяще, что оно возбуждало поползновенія какъ знатныхъ, такъ и простыхъ лицъ. Никогда еще не былъ такъ приложимъ текстъ: «взыскивающій епископства, взыскиваетъ сокровища»—вслѣдствіе чего такихъ мѣстъ домогались всякими средствами. Но усердіе преобразователей, подчиняясь духу времени, вращавшемуся среди рѣзкихъ противоположностей и обнимавшему все лишь въ грубыхъ чертахъ, стало скоро подводить подъ понятіе о симоніи всякое назначеніе духовныхъ служителей мірскою властью, а подъ именемъ «николаизма» разумѣть даже и браки духовныхъ лицъ, весьма обычные, въ то время, въ средѣ низшаго духовенства, и на которые разумнѣйшіе изъ вождей Церкви смотрѣли, хотя и съ неодобреніемъ, но какъ на зло ничтожное. Король Конрадъ, при своемъ свѣтскомъ и практическомъ взглядѣ на вещи, не стѣснялся раздавать епископскія каѳедры и аббатства за деньги, и всякое новое назначеніе на высшее духовное мѣсто доставляло порядочный доходъ королевской казнѣ; но король Генрихъ, изъ уваженія и къ Церкви, и къ строгой нравственности, осудилъ, согласно съ клюнійцами, всякую

симонію, настоятельно выражая это при каждомъ торжественномъ случаѣ. То, что называли николаизмомъ, можно было прекратить лишь по уничтоженіи его главнаго источника—симоніи. Такимъ образомъ, ближайшею цѣлью реформаторовъ было устраненіе симоніи, но оно могло исходить лишь отъ императора, потому что папство уже издавна само глубоко погрязло въ этомъ порокѣ.

Папскій престолъ.

Дѣйствительно, позорнѣйшій развратъ гнѣздился подъ сѣнью святилища. Порочному Бенедикту IX противопоставили было Сильвестра III, но Бенедиктъ одержалъ верхъ въ этой смутѣ. Однако, его самого тяготилъ его санъ; онъ мечталъ о супружествѣ и скоро, по форменному условію, продалъ свое духовное верховенство, за 1000 серебряныхъ марокъ, одному римскому клерику, который принялъ имя Григорія VI и употребилъ нечисто-пріобрѣтенное достоинство, по крайней мѣрѣ, на доброе дѣло, а именно на утвержденіе церковныхъ реформъ. Но какъ Бенедиктъ, такъ и Сильвестръ, оба служившіе орудіями партіи, были устранены ненадолго, такъ что, когда Генрихъ вступилъ въ Италію (1046 г.), въ ней было трое папъ.



Гробница папы-нѣмца Климента II, единственнаго изъ папъ, погребеннаго въ Германіи, въ Бамбергскомъ соборѣ.

Въ головахъ гробницы изображеніе папы, призываемаго ангеломъ въ царствіе небесное. На бокахъ гробницы изображеніе христіанскихъ добродѣтелей. Надпись на верхней доскѣ слѣдующая:

Rmus INCHROPATER | ET DNS. D. SVIDGERVS. A MAYENDORFF SAXO. 2. EPS | BAMB. POSTEA | SVMM: PONT: CLEM. 2dus DICT OBIIT. ROMÆ. 10. OCTOB. AO. 1047.

Т. е. Reverendissimus in Christo pater et dominus, dominus Suidgerus a Mayendorff, Saxo, secundus Episcopus Высокочтимый отецъ и во Христѣ владыко, господинъ Сундгеръ фонъ-Майендорфъ, изъ Саксоніи (родомъ), второй епископъ

Bambergensis, postea summus pontifex Clemens secundus dictus. Obiit Romae 10. Octobris Anno 1047. Бамбергскій, впослѣдствіи наименованный папою Климентомъ II, умершій въ Римѣ 10 октября 1047 г.

Съ цѣлью прекратить такой соблазнъ, былъ созванъ соборъ въ Сутри (Тоскана). Григорій VI призналъ себя на немъ виновнымъ и отрекся отъ своего, грѣховно-добытаго, сана; оба другіе папы были низложены и королю было предоставлено избраніе новаго главы Церкви. Среди итальянскаго духовенства, развращеннаго болѣе всѣхъ прочихъ, не находилось ни одного человѣка, который соотвѣтствовалъ-бы всѣмъ требованіямъ высокаго положенія, и выборъ Генриха палъ на епископа бамбергскаго, знатнаго саксонца Суитгера, который очень неохотно покинулъ свою епархію, чтобы явиться папой. Это былъ безупречнѣйшій человѣкъ. Онъ принялъ имя Климента II и совершилъ коронованіе императора въ день Рождества 1046 г. Въ сопровожденіи этого новаго папы, императоръ отправился въ Южную Италію для распоряженія Апуліей, отнятой въ предшествовавшемъ году у Грековъ, преимущественно благодаря отвагѣ норманнскихъ рыцарей. Онъ утвердилъ тамъ существовавшій порядокъ, предоставивъ графство Апулію въ лэнное владѣніе одному изъ норманнскихъ вождей, Дрогону (1047). Въ маѣ того же года онъ воротился въ Германію. Соборъ въ Сутри. 1046.

Здѣсь ему предстоялъ походъ въ Венгрію, гдѣ король Петръ былъ низвергнутъ и мятежники, одновременно съ тѣмъ начавшіе жестоко преслѣдовать христіанъ и ихъ духовенство, избрали въ короли одного родича старой королевской отрасли, потомка Арпада, по имени Андрея. Этотъ король, вѣрный своему христіанскому имени, склонился на путь прежней церковной политики и поддерживалъ христіанство. Предположенный Генрихомъ походъ былъ, поэтому, отложенъ на время, тѣмъ болѣе, что герцогъ Лотарингскій, Готфридъ, снова взялся за оружіе, возбудивъ мятежъ и во Франціи, Бургундіи и Италіи. Смута возросла до того, что Бенедиктъ IX, воспользовавшись смертью Климента II, возвратился опять въ Римъ съ помощью маркграфа Бонифація, до того времени усерднаго сподвижника императора, а теперь тайнаго союзника лотарингскихъ мятежниковъ. Генрихъ скоро расправился съ мятежомъ въ Италіи; назначенный имъ папа, бриксенскій епископъ Поппонъ, вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Дамаса II (1048); съ французскимъ королемъ тоже возстановились хорошія отношенія. Но иная опасность возникла въ Саксоніи, гдѣ герцогская фамилія Билунгеровъ преслѣдовала, съ злобною ненавистью, преданнаго императору бременскаго архіепископа Адальберта, выжидая лишь случая, чтобы проявить эту ненависть болѣе осязательно. Опасность со стороны Лотарингіи миновала только въ 1049 г., когда императорскія войска, подъ предводительствомъ герцога верхнелотарингскаго, Гергарда, нанесли рѣшительное пораженіе вожакамъ возстанія, графу Дитриху и герцогу Готфриду. Въ этой борьбѣ, союзникомъ императора былъ папа Левъ IX, бывшій тульскій епископъ Брунонъ, занявшій римскій престолъ по смерти Дамаса II. Императоръ указалъ римскимъ посланцамъ на него, какъ на достойнѣйшаго, и онъ вступилъ, въ февралѣ 1048 г., въ Римъ, босой, въ монашескомъ одѣяніи, читая молитвы и съ соотвѣтственною свитой. Начавъ тамъ упорную борьбу съ симоніей, онъ отправился, на нѣкоторое время, къ императору и, находясь въ его лагерѣ, предалъ мятежниковъ отлученію отъ Церкви. Могущество Готфрида рушилось, и онъ, вмѣстѣ съ своимъ союзникомъ, гра- Генрихъ III въ Германіи.

фомъ Балдуиномъ Фландрскимъ, просилъ императора о помилованіи (лѣто 1049 г.).

Императоръ Генрихъ и папа Левъ IX.

Въ теченіе короткаго времени императорская и папская власть дѣйствовали за-одно; представителями той и другой были люди замѣчательные, и въ первые годы управленія Льва IX дѣятельность его является возвышенной, одушевленной благороднѣйшими намѣреніями, такой, на которой отрадно остановиться. Вскорѣ онъ настоялъ на своемъ вторичномъ, формальномъ, избраніи въ Римѣ, что было имъ заранѣе выговорено у императора; затѣмъ упорядочилъ внѣшнія сношенія римскаго епископата, весьма запущенныя, и приступилъ къ совершенно новой системѣ духовнаго управленія. Онъ сталъ править своими обширными владѣніями не черезъ легатовъ, но лично, переѣзжая изъ мѣста въ мѣсто, какъ императоръ: тутъ онъ созывалъ соборъ подъ своимъ предсѣдательствомъ, тамъ улаживалъ споръ между двумя епископами, далѣе, освящалъ церкви, посѣщалъ монастыри, проповѣдывалъ, совершалъ паломничества къ гробницамъ прославленныхъ святыхъ. Такъ разъѣзжалъ онъ по Франціи и Германіи, не забывалъ своей бывшей тулльской епархіи, которую онъ оставилъ за собой, и поспѣвалъ потомъ, къ празднованію Пасхи, обратно въ Римъ, уже начинавшій, съ своей стороны, чувствовать на себѣ живительное вліяніе такого дѣятельнаго управленія. Самая внѣшность Льва IX производила обаятельное впечатлѣніе: онъ былъ высокъ ростомъ, родомъ эльзасецъ, потомокъ одного стариннаго графскаго дома въ Аллеманіи; его происхожденіе, равно какъ воспитаніе, полученное въ процвѣтавшей тогда монастырской коллегіи въ Туллѣ, давали ему возможность удовлетворять всѣмъ многостороннимъ обязанностямъ, возлагаемымъ на него положеніемъ, въ которомъ свѣтскіе интересы связывались съ духовными.

Вначалѣ, это оживленіе папской власти отражалось благопріятно и на усиленіи императорской власти; казалось, что наступаетъ счастливая будущность. Эти надежды возросли еще болѣе, когда у императора, послѣ семилѣтняго брака, родился, наконецъ, сынъ (1050). Радость была велика, и императоръ, въ длинномъ, весьма любезномъ, по обычаю того времени, письмѣ, приглашалъ аббата клюнійскаго, Гугона, быть воспріемникомъ мальчика. Крестины происходили въ Кельнѣ, на Пасхѣ 1051 г.; обрядъ совершалъ архіепископъ Германъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ сторонниковъ императора.

Послѣдніе годы Генриха III.

Но нельзя сказать, чтобы послѣднее время правленія Генриха III, а также вся жизнь столь радостно привѣтствованнаго ребенка, оправдали эти надежды. Тяжелый трудъ, выпадавшій на долю нѣмецкаго короля, бывшаго, въ то же время, и римскимъ императоромъ,—трудъ, включавшій въ себѣ, на дѣлѣ, не одну неразрѣшимую задачу, возобновлялся снова. Генрихъ поступилъ крайне рискованно, выпустивъ изъ заточенія герцога Лотарингскаго, Готфрида, для того, чтобы направить его противъ графа Балдуина Фландрскаго, нѣкогда его сообщника по мятежу, и теперь поднявшаго снова оружіе; самъ императоръ пошелъ на Венгрію, съ которою миръ не былъ никогда продолжительнымъ. Но онъ потерпѣлъ неудачу, какъ въ 1051, такъ и въ 1052 г., и та нѣмецкая область, на которую ему необходимо было разсчитывать для покоренія Венгріи, Бава-

рія, была потрясена междоусобицей, вслѣдствіе распри двухъ могущественныхъ владѣтелей: герцога Конрада и регенсбургскаго епископа Гебгардта, дяди императора. Провозглашеніе князьями въ Трибурѣ трехлѣтняго сына Генрихова будущимъ королемъ могло считаться лишь сомнительнымъ успѣхомъ, потому что клятвы нѣмецкихъ князей не имѣли большого значенія; примѣромъ тому могъ служить баварскій герцогъ, который, вмѣсто того, чтобы отозваться на приглашеніе императора, бѣжалъ въ Венгрію и потомъ, во главѣ венгерскаго войска, вторгся въ Каринтію. Борьба съ Балдуиномъ Фландрскимъ, между тѣмъ, продолжалась; онъ не покорялся, несмотря на нанесенное ему имперскими силами тяжкое пораженіе въ 1054 г. Въ сентябрѣ того же года, во время пребыванія императора въ Майнцѣ, къ нему явилось посольство изъ Рима съ печальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Льва IX; эти послы просили императора о назначеніи новаго папы.

Папа и Норманны.

Левъ IX, воротясь отъ императора въ Италію въ 1053 г., принялся снова за свои преобразованія. Обезпечивъ себя совѣтами и содѣйствіемъ нѣсколькихъ достойныхъ лицъ, онъ достигнулъ того, что духовенство римской епархіи приняло совершенно иной характеръ. Но онъ не пренебрегалъ тоже и свѣтскими интересами святого престола: утвердилъ владѣнныя записи на принадлежавшія Риму угодья, равно какъ и ложную дарственную грамоту Константина, и горячо занялся военными сборами противъ Норманновъ, осаждавшихъ городъ Беневентъ, который, среди своихъ бѣдствій, присягнулъ на вѣрность ему. Императоръ не могъ немедленно двинуться въ Италію, поэтому неутомимый Левъ IX самъ собралъ войско и вступилъ въ соглашеніе съ греческимъ главнокомандующимъ въ Бари, съ тѣмъ, чтобы напасть съ двухъ сторонъ на ненавистныхъ Норманновъ и совершенно изгнать этихъ притѣснителей изъ Итальянской земли. Норманны сплотили всѣ свои боевыя силы, ядромъ которыхъ было ихъ рыцарство, закаленное въ безчисленныхъ бояхъ и опасностяхъ. Но владѣли Норманны уже едва-ли не однимъ только тѣмъ полемъ, на которомъ должно было произойти сраженіе, потому что противъ нихъ возстала вся Апулія, жаждавшая сбросить съ себя ихъ иго. Проигранная битва уничтожила бы ихъ безслѣдно, но встрѣтившія ихъ папскія войска (главная квартира самого папы,—если можно такъ выразиться,—находилась въ одномъ мѣстечкѣ на сѣверной границѣ Апуліи съ герцогствомъ Беневентскимъ) состояли изъ весьма сомнительнаго сброда, который не устоялъ передъ натискомъ грозныхъ рыцарей, и предоставилъ лучшую часть папской арміи, небольшой аллеманскій отрядъ, въ жертву превосходнымъ силамъ Норманновъ. Норманны одержали рѣшительную побѣду; самъ папа находился въ отчаянномъ положеніи среди населенія Чивитате, которое было готово выдать врагамъ человѣка, навлекавшаго на мѣстность всѣ ужасы норманнскаго нашествія. Но именно это и послужило къ своего рода странному примиренію: сами Норманны явились выручить папу, предлагая ему свою защиту, если онъ сниметъ съ нихъ отлученіе. Это было исполнено, и они доставили его сохранно въ Беневентъ. Но это пораженіе подѣйствовало на папу угнетающимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что благочестивые люди ставили ему въ вину, и совершенно справедливо, его

личное участіе въ войнѣ, вовсе несогласное съ характеромъ его сана. Едва возвратясь въ Римъ, онъ занемогъ и скончался черезъ нѣсколько дней (апрѣль 1054 г.).

Клюнійцы. Гильдебрандъ.

Среди лицъ, окружавшихъ покойнаго папу, замѣчательнѣе всѣхъ былъ бывшій капелланъ Григорія VI, Гильдебрандъ, котораго Левъ IX, такъ неохотно принимая папское достоинство, привезъ съ собою изъ клюнійскаго монастыря, гдѣ тотъ почти постоянно пребывалъ по смерти Григорія. Воззрѣнія Гильдебранда на папскій престолъ и на его замѣщеніе должны были обнаружиться послѣ. Онъ держался всѣхъ понятій клюнійцевъ относительно Церкви и ея верховенства, не отступая передъ самымъ крайнимъ развитіемъ этихъ идей. Но, по крайней мѣрѣ, въ то время, онъ обладалъ и тѣмъ государственнымъ взглядомъ, который указывалъ ему на возможность мѣръ лишь при ихъ своевременности, а положеніе вещей въ Италіи было тогда таково, что нарушеніе союза съ императоромъ подвергло бы крайней гибели самое папство. Поэтому, вовсе не мечтая о санѣ римскаго первосвященника для себя, онъ сталъ во главѣ посольства, отправившагося къ императору съ просьбою отъ римскаго народа назначить преемника Льву, и даже самъ указывалъ, при этомъ, на эйхштедскаго епископа Гебгарда, такого же достойнаго члена нѣмецкаго епископства, какимъ былъ и Левъ, и обладавшаго, сверхъ того, большимъ практическимъ смысломъ. Послѣ долгаго сопротивленія, Гебгардъ изъявилъ, наконецъ, согласіе, затѣмъ былъ формально переизбранъ въ Римѣ, въ угоду взглядамъ клюнійцевъ, и посвященъ подъ именемъ Виктора II. Вскорѣ послѣ того, самъ императоръ посѣтилъ Италію, во второй разъ въ теченіе своего царствованія. Онъ крѣпко стянулъ бразды и разстроилъ, въ особенности, опасную интригу, начатую съ обильнаго своими послѣдствіями брака Готфрида Лотарингскаго съ Беатрисою, вдовою вышеупомянутаго маркграфа тусційскаго, Бонифація. Но полученныя имъ важныя вѣсти заставили его поскорѣе вернуться въ Германію. Среди нѣмецкихъ князей, которымъ было ненавистно строгое и разумное управленіе Генриха, возникъ заговоръ, и во главѣ его стоялъ дядя императора, епископъ регенсбургскій, Гебгардъ. Дѣло шло объ умерщвленіи Генриха: вельфскій обычай — не затрудняться ни ядомъ, ни кинжаломъ — начиналъ прививаться уже и въ Германіи. Но заговоръ былъ открытъ и епископъ схваченъ, прежде нежели онъ успѣлъ заподозрить опасность. Съ этой заботой было скоро покончено, но на смѣну ея не замедлили явиться другія. Дѣла на Востокѣ были весьма неудовлетворительны: Венгрія не усмирена; въ Богеміи, новый герцогъ, преемникъ Бретислава, былъ ненадеженъ; въ Вендской землѣ, Лютичи снова впали въ язычество. За то императоръ могъ помиловать своего дядю, и съ лотарингскимъ герцогомъ установились у него тоже хорошія отношенія (1056).

Въ сентябрѣ того же года, Генрихъ отправился въ Госларъ, гдѣ проживалъ всего охотнѣе и воздвигалъ большія постройки; здѣсь же пришлось ему принять папу, котораго онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Посѣщеніе было кстати. Въ Бодфельдѣ,— крѣпостцѣ или охотничьемъ замкѣ,— куда ему сопутствовалъ папа, онъ получилъ извѣстіе о пораженіи имперцевъ Лютичами. Эта вѣсть такъ подѣйствовала на него, человѣка впе-

Императорскій дворецъ въ Госларѣ, мѣсторожденіе и любимѣйшая резиденція Генриха IV, построенный Генрихомъ III (предполагаютъ даже, будто былъ заложенъ Генрихомъ II). Здѣсь происходили весьма многіе сеймы.

Кромѣ двухъ устоевъ, прислоненныхъ къ фасаду, этотъ дворецъ нимало не измѣнилъ своей прежней внѣшности и можетъ служить прекраснымъ образцомъ построекъ романскаго стиля въ Сѣверной Германіи.

чатлительнаго и никогда не пользовавшагося крѣпкимъ здоровьемъ, что онъ заболѣлъ лихорадкой, скоро принявшей дурной оборотъ. Но Генрихъ успѣлъ еще составить свое завѣщаніе; у одра умирающаго успѣли собраться многіе князья и епископы. Они обязались еще разъ признать наслѣдникомъ его единственнаго сына; затѣмъ, объявивъ еще весьма обширную амнистію, императоръ скончался 5 октября 1056 г. Ему было всего тридцать девять лѣтъ. 28 числа того же мѣсяца, —день его рожденія, — его схоронили въ Шпейерѣ, въ соборѣ, гдѣ покоились уже Конрадъ и Гизела.

Генрихъ IV. Регентство.

Успѣлъ-ли бы онъ, проживъ долѣе, осуществить великую церковную реформу, установивъ, при этомъ, и императорскую власть на болѣе прочныхъ основахъ,—это вопросъ праздный, но немыслимо представить себѣ положеніе, неблагопріятнѣе того, которое наступало. Присутствіе папы было еще счастіемъ: онъ много помогъ императрицѣ справиться съ первыми затрудненіями; но въ слѣдующемъ, 1057 г., умеръ и онъ, а Генрихъ IV (впослѣдствіи царствовавшій отъ 1056 до 1106 г., цѣлые полъ-вѣка), былъ тогда еще шестилѣтнимъ ребенкомъ. Регентство

было въ рукахъ матери его, Агнесы, женщины ограниченной, стоявшей постоянно въ зависимости отъ тѣхъ, кому она довѣряла. Самымъ вліятельнымъ изъ нихъ былъ Генрихъ, епископъ аугсбургскій, заслуживавшій, впрочемъ, такого довѣрія; но его положеніе возбуждало зависть другихъ, и всякое назначеніе, всякое заявленіе благосклонности двора создавало правительству, на одного довольнаго или полудовольнаго, десятерыхъ озлобленныхъ этою милостью. Всѣ такія интриги и дрязги не могутъ быть описаны вкратцѣ, но въ Венгріи, во время регентства, наступилъ переворотъ, при которомъ Бэла, враждебный нѣмцамъ братъ Андрея (сынъ котораго былъ обрученъ со второю дочерью императрицы, Софіей), захватилъ власть; еще важнѣе было то, что происходило въ Италіи. По смерти Виктора, папою былъ избранъ братъ герцога лотарингскаго, Готфрида, кардиналъ Фридрихъ,—слѣдовательно опять нѣмецъ,—подъ именемъ Стефана X. Но онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и тогда, по стачкѣ нѣкоторыхъ римскихъ дворянъ, былъ избранъ Бенедиктъ X, вслѣдствіе чего партія Гильдебранда должна была удалиться на время изъ Рима и снова была вынуждена обратиться къ императрицѣ для полученія отъ нея согласія на избраніе новаго папы въ лицѣ флорентійскаго епископа Гергарда, котораго и привезъ въ Римъ герцогъ Готфридъ, самый могущественный изъ князей въ Италіи, послѣ Гильдебранда. Новый папа былъ нареченъ Николаемъ II.

Римъ. Папа Николай II.

Партія Гильдебранда дѣйствовала энергично. Она побѣдила анти-папу Бенедикта, который былъ лишенъ духовнаго сана по приговору латеранскаго собора (апрѣль 1059), смирила и архіепископа миланскаго, и державшее его сторону духовенство, возбудивъ, посредствомъ своихъ агентовъ, народъ противъ женатыхъ священниковъ; она же настояла на утвержденіи тѣмъ же соборомъ порядка избранія папъ, при чемъ такой порядокъ имѣлъ важое значеніе для усиленія папской власти. Папы должны были избираться, отнынѣ, кардиналами, т. е., высшими сановниками римской куріи, «сердцемъ» или краеугольнымъ камнемъ всего христіанства, а не знатью или народомъ. Соизволеніе короля было оставлено въ силѣ, но въ выраженіяхъ, допускавшихъ легко иной смыслъ; при этомъ, весь декретъ былъ предоставленъ въ общее свѣдѣніе въ искаженномъ видѣ и внесенъ въ собраніе церковныхъ узаконеній (1059). Въ то же время, названный соборъ установилъ строжайшія правила по отношенію къ симоніи и николаизму: мірянамъ воспрещалось присутствовать при богослуженіяхъ, совершаемыхъ женатыми священниками. На этомъ же многозначительномъ соборѣ былъ рѣшенъ важный догматическій вопросъ. Различіе воззрѣній на евхаристію, бывшее причиною разногласія между Пахазіемъ Радбертомъ и Ратрамнусомъ въ IX столѣтіи, возобновилось въ послѣднее время: *Беренгаръ*, глава турской школы, развивалъ со всей остротой діалектика, ученіе Ратрамнуса, признававшаго во вкушеніи тѣла и крови Христовой лишь символическое значеніе, между тѣмъ какъ противникъ его, *Ланфранкъ*, состоявшій въ то время схоластикомъ при галльскомъ монастырѣ Бекъ, защищалъ горячо существенность тѣла и крови Христовой вкушаемыхъ, въ видѣ хлѣба и вина, при причастіи. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Гильдебрандъ раздѣлялъ первое, спиритуалистическое

воззрѣніе Беренгара; онъ самъ присовѣтовалъ ему отправиться въ Римъ на этотъ соборъ. Но все міровоззрѣніе той эпохи склонялось болѣе къ догматическому истолкованію Ланфранка, и крайне развившееся, вмѣстѣ съ развитіемъ послѣднихъ поколѣній, высокомѣріе духовенства оцѣнило вполнѣ, насколько возрастетъ могущество Церкви, когда народъ будетъ видѣть священнослужителя, возносящаго передъ нимъ въ Св. Дарахъ самую плоть и кровь Христову. Поэтому, оно было готово склониться въ сторону того ученія, по которому, въ силу произносимыхъ словъ молитвы, совершалось чудо претворенія. Понимая это, Гильдебрандъ не рѣшился поддержать Беренгара, когда тотъ явился на соборъ. Напротивъ того, Беренгаръ долженъ былъ присоединиться къ ученію своихъ противниковъ въ самой рѣзкой и осязательной его формѣ, признавая, что истинное тѣло и истинная кровь Господа преломляется и подносится руками священнослужителя и «вкушается вѣрующими». Но собраніе занималось не одними декретами и догматическими рѣшеніями. Послѣднія событія доказывали ясно, что папство нуждается въ могучемъ свѣтскомъ союзникѣ, прежде всего для противодѣйствія римскому дворянству, постоянно стремившемуся обратить папскій престолъ въ орудіе своихъ жалкихъ интересовъ, а затѣмъ и для борьбы съ властью нѣмецкихъ государей, если бы эти послѣдніе задумали удержать за собой свое прежнее положеніе. Николай и его ближайшій совѣтникъ нашли такого союзника въ *Норманнахъ*, во главѣ которыхъ находились тогда—князь Ришаръ Капуанскій и Робертъ, одинъ изъ многочисленныхъ сыновей Танкреда д'-Отвиль.

Папа и Норманны. Робертъ-Гискаръ.

Этотъ Робертъ-Гискаръ можетъ служить нагляднымъ примѣромъ той легкости, съ которою люди возвышались въ то время; начавъ свое поприще съ обыкновеннаго воровства (онъ угонялъ съ полей, по ночамъ, чужой скотъ), онъ повысился до грабежа на большихъ дорогахъ, а потомъ сталъ вождемъ рыцарско-разбойничьей шайки наемниковъ, которые, укрѣпясь на какой-нибудь удобной возвышенности, дѣлали оттуда набѣги на окрестности, для собиранія съ нея дани. Наконецъ, наводя страхъ уже на болѣе обширныя мѣстности, онъ сталъ величать себя герцогомъ Апуліи и Калабріи. Такихъ двухъ людей принялъ папа на свою службу, при чемъ они принесли ему свою лэнную присягу, вслѣдствіе чего были уже теперь тѣмъ, чѣмъ себя именовали, не просто, а «милостью Божіей и Св. Петра». Этотъ договоръ былъ выгоденъ для обѣихъ сторонъ, — столь же выгоденъ, какъ, однажды, союзъ Пипина съ папой Захаріемъ. Норманны получали тѣмъ какъ бы права итальянскихъ уроженцевъ, а партія Гильдебранда пріобрѣтала въ нихъ вѣрный оплотъ противъ всѣхъ, кто сталъ бы угрожать самостоятельности папскаго престола или хотя бы только противодѣйствовать проявленіямъ этой самостоятельности. Относительно Апуліи, Калабріи и всѣхъ земель, которыя могли еще быть отняты у невѣрныхъ, папа и та партія, орудіемъ и вождемъ которой онъ былъ, были того мнѣнія, что они властны тамъ распорядиться, проникнувшись уже вполнѣ сознаніемъ того, что все имъ позволено. Они обладали ключомъ, отворявшимъ всякую дверь или способнымъ, повидимому, сообщать право ее отворить; ключъ этотъ былъ: «благо Церкви». Государ-

ственное благо должно быть высшимъ закономъ, гласило извѣстное неоспоримое правило римскаго понятія о правѣ; но и этотъ высшій мірской законъ государства долженъ былъ уступать еще высшему: благу Церкви,— а въ чемъ состояло это благо, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, это предоставляли рѣшать исключительно только себѣ высокія духовныя лица и единственные компетентные толкователи текстовъ.

Схизма.

Гильдебрандъ умѣлъ проложить себѣ дорогу среди всякихъ затрудненій. Состоя архидіакономъ Римской Церкви, онъ пріобрѣталъ значительное вліяніе и подчинялъ себѣ окружающихъ превосходствомъ своего ума. Въ іюлѣ 1061 года Николай II умеръ; Гильдебрандъ склонилъ выборы въ пользу епископа луккскаго, Ансельма, и убѣдилъ этого папу, принявшаго имя Александра II, выступить противъ анти-папы Кадала, котораго выбрали ломбардскіе епископы, враждебно расположенные къ партіи, главенствовавшей въ Римѣ. Это дѣло еще не было покончено, когда въ Германіи произошелъ государственный переворотъ, измѣнившій положеніе дѣлъ.

Аннонъ Кёльнскій. Переворотъ. 1062 г.

Слабость и произволъ правительства вызывали въ Германіи справедливыя жалобы; вмѣстѣ съ тѣмъ, они открывали дорогу всякимъ честолюбивымъ и смѣлымъ замысламъ, особенно со стороны духовенства. При шаткости всѣхъ отношеній, духъ захвата обуялъ, преимущественно, лицъ высшей духовной іерархіи, которыя, благодаря своему умственному развитію, превосходили свѣтскихъ князей, располагали многочисленными служилыми людьми и вассалами, а также тѣмъ, что можно назвать прессою того времени и что составляло всегда немалую силу. Читая набожныя посланія, съ которыми королева, напримѣръ, обращается къ такимъ святымъ лицамъ, выражая свою полнѣйшую увѣренность въ томъ, что молитвы клюнійскихъ монаховъ спасли бы ея мужа отъ смерти, если бы они только того захотѣли (она такъ и писала этой смиренной общинѣ), можно понять, до чего могло возрасти высокомѣріе сословія, которому весь міръ приписывалъ особую, обыкновенному человѣку мало-уяснимую, таинственную, и потому еще болѣе подавляющую, власть. Между монахами, окружавшими того бременскаго Адальберта, который лелѣялъ честолюбивую мечту объ учрежденіи сѣвернаго патріархата, выдавался кёльнскій архіепископъ Аннонъ, вышедшій изъ низкой среды, но пробившій себѣ дорогу своею природной энергіей; движимый честолюбіемъ, онъ не хотѣлъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ утоляли свою жажду богатства и власти люди посредственные. Онъ полагалъ, можетъ-быть, и справедливо, что съумѣетъ вести дѣла лучше, нежели стоявшее у кормила правительство. Находясь во главѣ нѣмецкаго епископата, онъ не безосновательно страшился новоримскаго направленія, въ силу котораго, на Латеранскій соборъ 1059 г. не было вызвано ни одного изъ нѣмецкихъ епископовъ. Онъ сошелся втайнѣ съ нѣкоторыми князьями, между которыми находился и пользовавшійся большимъ расположеніемъ императрицы Оттонъ фонъ-Нордгеймъ, знатный саксонецъ, только что получившій въ лэнъ герцогство Баварію (1061). Вѣроломное дѣло было приведено въ исполненіе на Пасхѣ 1062 г. въ Кайзервертѣ,—тогда островъ Св. Свибертсверта,—гдѣ проживала императрица съ своимъ сыномъ: заговорщики заманили двѣнадцатилѣтняго

мальчика, подъ предлогомъ катанья, на бортъ расцвѣченнаго флагами судна, уже заготовленнаго ими на Рейнѣ, и повезли его, вверхъ по рѣкѣ, въ Кёльнъ. Разсказываютъ, что ребенокъ, замѣтивъ умыселъ, бросился въ воду, надѣясь доплыть до берега, на которомъ собралась толпа, но одинъ изъ заговорщиковъ вытащилъ его изъ воды. Преступная продѣлка удалась: образовалось новое правительство, при которомъ, номинально, завѣдывали дѣлами, сообща, всѣ епископы, чувствовавшіе себя теперь властителями міра; въ сущности же, распоряжался всѣмъ кёльнскій архіепископъ. Онъ привлекъ къ государственному управленію сначала майнцскаго архіепископа Зигфрида, а потомъ архіепископа бременскаго, проникнутаго честолюбіемъ не менѣе сильнымъ, хотя и другого оттѣнка. Это былъ человѣкъ необычайно-даровитый, высокаго происхожденія, съ блестящею внѣшностью, плавною рѣчью, обширными помыслами; при этомъ, несмотря на всю пышность, которою онъ любилъ себя окружать, столь же строгаго поведенія, какъ и Аннонъ; онъ не уступалъ ему ни въ страстности, ни въ властолюбіи. Оба они заботились о чести и блескѣ своихъ епархій согласно взглядамъ церковныхъ князей того времени. Въ особенности развилось тогда мѣстничество между высшими клериками. Такъ, въ Духовъ день 1063 г., въ присутствіи самого молодого короля, вслѣдствіе спора о первенствѣ между гильдесгеймскимъ епископомъ Гезилономъ и аббатомъ Видерадомъ Фульдскимъ, соборная церковь въ Госларѣ превратилась въ арену ожесточенной и весьма кровопролитной схватки между подчиненными спорившихъ духовныхъ сановниковъ. Аннонъ награждалъ своихъ родственниковъ и приверженцевъ съ безстыднѣйшимъ непотизмомъ, расточая для нихъ государственное добро, и замѣщалъ всѣ высшія церковныя должности своими сторонниками. Новое правительство могло дѣйствительно похвалиться лишь нѣкоторыми внѣшними успѣхами; такъ, въ 1063 г., счастливо закончился походъ въ Венгрію, подъ предводительствомъ Оттона фонъ-Нордгеймъ, при чемъ сынъ короля Андрея, низвергнутаго въ 1060 году, Соломонъ, былъ возведенъ на престолъ и коронованъ потомъ въ Штульвейсенбургѣ, въ присутствіи молодого короля, его свояка.

Аннонъ и Адальбертъ бременскій.

Церковная схизма продолжалась; тѣмъ временемъ римскій папа, Александръ II, все еще боролся съ ломбардскимъ папою Кадаломъ, или Гоноріемъ II; въ теченіе нѣкотораго времени, самый Римъ распался на двѣ половины и улицы его были мѣстомъ ожесточенныхъ побоищъ между двумя партіями. Нѣмецкій дворъ, къ которому вернулась теперь императрица (іюнь 1064), былъ въ нерѣшительности; великіе князья германскіе, какъ и Аннонъ, сознавали опасность, которая грозила имъ,—особенно имъ, — отъ неограниченныхъ притязаній партіи Гильдебранда. Такое положеніе дѣлъ заставило Аннона рѣшиться на весьма важную мѣру, которая могла быть и ловкимъ шагомъ съ его стороны: вступивъ въ соглашеніе съ честнѣйшими членами самой реформенной партіи, какимъ былъ, напримѣръ, строгій Петръ Даміани, онъ настоялъ на созваніи въ Мантуѣ собора, на которомъ слѣдовало разрѣшить вопросъ о схизмѣ, и отправился самъ на этотъ съѣздъ. Но это путешествіе оказалось гибельнымъ для его авторитета. Архіепископъ Адальбертъ, искренно преданный дѣлу монархіи и болѣе снисходительный опекунъ, нежели Аннонъ, уже давно

оттѣснилъ его отъ юнаго Генриха. Соборъ, безъ особыхъ пререканій, призналъ вновь папою Александра II, осудивъ Кадала, но Аннонъ, вернувшись, увидѣлъ себя уже отстраненнымъ на второй планъ. Его паденіе довершилось, когда пятнадцатилѣтній король самъ принялъ въ Вормсѣ мечъ, съ чѣмъ вмѣстѣ прекращалась опека: верховенство Аннона закончилось. Императрица, уже нѣсколько лѣтъ носившая монашескую одежду, могла теперь невозбранно послѣдовать своему влеченію къ монастырской жизни. Первымъ совѣтникомъ пятнадцатилѣтняго короля, конечно, остался Адальбертъ.

Паденіе Адальберта.

Но не прошло и года, какъ онъ успѣлъ сдѣлаться столь ненавистнымъ всѣмъ князьямъ, что подобное положеніе могло разрѣшиться лишь насильственнымъ образомъ. Онъ съумѣлъ разстроить поѣздку короля въ Римъ, которая именно теперь была бы весьма своевременна; льстя молодому королю, не предостерегая его нисколько, какъ кажется, отъ распутства и всякихъ заблужденій молодости, онъ пользовался королевскимъ именемъ для своихъ личныхъ цѣлей, къ которымъ стремился съ близорукою страстностью. Особенное неудовольствіе возбуждалось той алчностью, съ которою онъ оставилъ за собою нѣсколько богатыхъ аббатствъ. Злѣйшимъ врагомъ его былъ герцогъ Бернгардъ Саксонскій, поклявшійся, что, пока живъ онъ или одинъ изъ его сыновей, архіепископъ не увидитъ ни одного спокойнаго дня въ своей бременской епархіи. Вокругъ Аннона тоже собрались быстро его сторонники и онъ могъ думать, что его часъ снова насталъ. Майнцскій архіепископъ Зигфридъ, герцогъ Оттонъ Баварскій, Бертольдъ Каринтійскій и Швабскій герцогъ Рудольфъ фонъ-Рейнфельденъ (бывшій, еще незадолго передъ тѣмъ, незамѣтнымъ молодымъ человѣкомъ, пока благоволившая къ нему императрица Агнеса не выбрала его въ супруги дочери своей Матильды и не пожаловала ему герцогства), возстали противъ архіепископа, короля и ихъ плановъ. Заговоръ, весьма усилившійся въ тиши, разразился на сеймѣ, созванномъ королемъ въ Трибурѣ. Насколько уже созрѣлъ планъ, видно изъ той дерзости, съ которою заговорщики предложили молодому королю на выборъ: отстранить архіепископа, или самому быть низложеннымъ. Адальбертъ понесъ страшное пораженіе: король долженъ былъ отказаться отъ него, а когда онъ воротился въ свою епархію, то на него накинулись всѣ его многочисленные враги; другъ его, оботритскій князь Готшалькъ, былъ убитъ; во всей Вендской землѣ восторжествовало снова язычество; онъ былъ вынужденъ сравняться съ Билунгерами, и неправедно-накопленныя имъ въ его обители богатства умалились быстро. Король, съ своей стороны, подпалъ теперь подъ суровую опеку князей, въ дѣйствительности принявшихъ власть въ свои руки.

Король и князья.

Генрихъ возбуждалъ негодованіе распутною жизнью, которой онъ предавался вмѣстѣ съ молодыми людьми, его приближенными; эти люди захватывали власть и правили по-своему, не признавая притязаній высшей аристократіи. Князья заставили его вступить въ бракъ съ дочерью маркграфини туринской, съ которой онъ былъ помолвленъ еще въ дѣтствѣ (1066). Онъ покорился тому, чего не могъ избѣжать, но отдалился отъ супруги. Въ сущности, новое правительство было не лучше преж-

няго: оно не воспользовалось обстоятельствами въ Италіи, гдѣ партію папы тѣснили ею же самою вызванныя силы, Норманны, и она тщетно обращалась съ слезными призывами къ королю. Былъ предпринятъ только одинъ счастливый походъ (1069) противъ Лютичей, при которомъ король выказалъ несомнѣнныя боевыя способности. По своемъ возвращеніи, онъ подавилъ очень счастливо, и съ очевидной умѣлостью, возстаніе въ Тюрингіи, но положеніе его ухудшилось снова, потому что онъ старался, болѣе всего, отдѣлаться отъ навязанной ему жены, а это послужило къ его столкновенію не только съ могущественными князьями, но и съ папой. Онъ подчинился, однако, строгимъ настояніямъ папскаго легата, Петра Даміани, котораго можно отнести къ числу немногихъ прямодушныхъ людей того времени; супружескія отношенія улучшились также вслѣдствіе того, что Берта, своими женскими добродѣтелями и вѣрностью долгу, съумѣла, наконецъ, побѣдить нерасположеніе мужа. Понятно, что при этомъ тѣ порядки, которые въ Римѣ клеймили именемъ симоніи и николаизма, продолжали существовать. На Пасхѣ 1070 года, трое знатнѣйшихъ германскихъ епископовъ: майнцскій, кёльнскій и вюрцбургскій,—слѣдовательно, и самъ грозный Аннонъ,—получили приглашеніе явиться въ Римъ для оправданія себя въ взводимомъ на нихъ обвиненіи въ симоніи. Но было ясно, что при сосредоточеніи власти въ рукахъ сильнѣйшихъ епископовъ, раздача духовныхъ мѣстъ за деньги или ради цѣлей мірской политики должна была получить самое широкое распространеніе.

Оттонъ фонъ-Нордгеймъ.

Съ годами, сознавая яснѣе свое королевское достоинство, Генрихъ сталъ сильно тяготиться путами, наложенными на него княжескою аристократіею, главари которой руководились притомъ лишь личными побужденіями. Отъ одного изъ этихъ противниковъ, посѣдѣлаго во всѣхъ интригахъ и изворотахъ тогдашней политики, лотарингскаго герцога Готфрида, избавила его смерть; а сынъ его, Готфридъ, по прозванію Горбатый, былъ женатъ на Матильдѣ, дочери королевской мачихи Беатрисы, отъ ея перваго брака съ Бонифаціемъ, маркграфомъ Тусційскимъ, и оставался вѣрнымъ сторонникомъ короля. Противъ другого, еще болѣе безпокойнаго врага, баварскаго герцога Оттона фонъ-Нордгейма, Генрихъ возбудилъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ, называя его умышлявшимъ на жизнь его, короля. Дѣло было крайне темное, и Генрихъ прибѣгнулъ тутъ къ мѣрамъ самымъ недостойнымъ: такъ какъ Оттонъ отказался отъ предложеннаго ему судебнаго поединка, то король добился отъ саксонскаго княжескаго суда обвинительнаго приговора, по которому Оттонъ признавался недостойнымъ своего герцогства,—и молодой вельфъ, сынъ маркграфа Аццо д'Есте, не затруднился принять эту герцогскую корону, хотя былъ женатъ на одной изъ дочерей изгнаннаго Оттона. Оттонъ, необыкновенный силачъ и прирожденный боевой вождь, рѣшился воевать, но не могъ, однако, устоять противъ короля, обнаруживавшаго болѣе и болѣе свои воинскія способности; онъ покорился и получилъ обратно свои аллодіальныя владѣнія (1071). Король оставался побѣдителемъ; Аннонъ, сообщникомъ котораго, при государственномъ переворотѣ, былъ нѣкогда тотъ же Оттонъ, удалился въ монастырь.

Правленіе короля.

Въ паденіи Оттона былъ замѣшанъ тоже одинъ изъ Билунгеровъ, герцогъ саксонскій Магнусъ, внукъ Бернгарда, и Генрихъ, желая упрочить свою побѣду, хотѣлъ особенно обуздать Саксонію. Еще отецъ его имѣлъ то же намѣреніе, стараясь достигнуть цѣли благоразумными политическими мѣрами, но двадцатилѣтній король, слѣдуя только внушеніямъ своей собственной пылкой, своенравной натуры и совѣтамъ тѣхъ лицъ, изъ которыхъ онъ произвольно составилъ свой кабинетъ, сталъ дѣйствовать тиранническимъ образомъ. Онъ принялся распоряжаться въ странѣ по-военному: заложилъ укрѣпленные города, которые снабдилъ гарнизономъ; въ особенности, Гарцбургъ, лежавшій въ одной милѣ отъ Гослара, былъ имъ превращенъ въ сильную крѣпость. Имперскіе князья были отстранены въ пользу любимцевъ или сами злобно держались въ сторонѣ; ненавистный всѣмъ и снова начавшій наводить страхъ бременскій архіепископъ становился могущественнымъ не менѣе прежняго; онъ завязывалъ сношенія съ датскимъ королемъ, Свендомъ Эстритсономъ, и эти переговоры были направлены противъ Билунгеровъ или истолковывались въ такомъ смыслѣ. На востокѣ, именно въ Венгріи, молодой король съумѣлъ дѣйствительно утвердить значеніе нѣмецкаго монархическаго начала. Но оппозиція усиливалась, и когда, въ мартѣ 1072 г., умеръ Адальбертъ,—до того занятый еще своими честолюбивыми планами, что не успѣлъ во-время выполнить надъ собой требуемаго Церковью смертнаго обряда,—Генрихъ увидѣлъ себя вынужденнымъ,—или, быть-можетъ, разумно счелъ за лучшее, снова вызвать престарѣлаго Аннона изъ его монастыря и поручить ему руководство дѣлами. Онъ помирился со своимъ своякомъ, швабскимъ герцогомъ Рудольфомъ, хотя врядъ-ли серьезно, потому что неуклонно продолжалъ развивать свои планы. Оттонъ фонъ-Нордгеймъ былъ освобожденъ изъ заключенія, но съ Билунгеромъ Магнусомъ было поступлено иначе: одновременно съ Адальбертомъ умеръ отецъ Магнуса, герцогъ Ордульфъ, и тогда король предложилъ сыну купить свое освобожденіе цѣною отреченія отъ герцогства. Послѣ этого, Аннонъ удалился вновь, а король продолжалъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Въ противоположность прежнимъ государямъ, управлявшимъ страною при переѣздахъ изъ пфальца въ пфальцъ, онъ намѣревался устроить себѣ постоянную резиденцію въ Госларѣ, обезпечивъ область какъ противъ Славянъ, такъ и противъ самой независимой части нѣмецкой аристократіи, именно саксонской знати. Съ этою цѣлью, онъ окружилъ себя войскомъ изъ надежныхъ, большею частью, аллеманскихъ солдатъ, найдя тоже нѣсколькихъ неразборчивыхъ исполнителей среди южногерманскаго дворянства; въ числѣ ихъ особенно отличался графъ Эбергардъ фонъ-Нелленбургъ. Король задумывалъ походъ противъ Поляковъ, герцогъ которыхъ, Болеславъ II, нападалъ на Венгрію и Богемію, но во всѣхъ саксонскихъ земляхъ распространилось убѣжденіе, что собираемое королемъ войско назначено для порабощенія Саксоніи, и въ іюнѣ 1073 г. тлѣвшій повсюду огонь вспыхнулъ открытымъ возстаніемъ.

Возстаніе въ Саксоніи. 1073.

Для выступленія въ польскій походъ, вызвавшій вооруженіе всей Южной Германіи, король созвалъ въ Госларъ саксонскихъ князей. Но когда они прибыли въ большомъ составѣ, онъ не явился въ собраніе, а

уѣхалъ тайно въ укрѣпленный имъ Гарцбургъ. Быть-можетъ, онъ и имѣлъ къ тому основаніе, потому что, немедленно вслѣдъ за тѣмъ, возстала вся Саксонія, отъ дворянъ до крестьянъ, съ цѣлью отвоевать старинную свободу и старинныя права Саксонцевъ. Во главѣ возстанія стоялъ Оттонъ фонъ-Нордгеймъ. Когда король, разсчитывавшій на подкрѣпленіе войсками съ юга, вступилъ въ переговоры, Оттонъ предложилъ именемъ Саксоніи непремѣннымъ условіемъ—срытіе заложенныхъ крѣпостей, съ чѣмъ, само собою, связывалась полная перемѣна правительственной системы, удаленіе бывшихъ совѣтниковъ короля, привлеченіе имперскихъ князей къ участію въ управленіи и освобожденіе герцога Магнуса. Силы возставшихъ возрастали, а король не получалъ помощи; онъ рѣшился спастись бѣгствомъ отъ грозившей ему гибели, скрылся черезъ густой лѣсъ и благополучно достигъ дружественной земли. Отдохнувъ въ Герсфельдѣ, онъ началъ стягивать къ себѣ войска, между тѣмъ какъ Гарцбургъ все еще осаждался и саксонское возстаніе распространилось и на тюрингенскія области. Будучи уменъ, Генрихъ пошелъ на уступки: онъ послалъ въ Гарцбургъ повелѣніе освободить Магнуса и постарался поставить возставшихъ въ ложное положеніе. Дѣйствительно, при переговорахъ, происходившихъ въ Корвеѣ, а потомъ въ Вюрцбургѣ, въ присутствіи самого короля, Саксонцы выставили себя въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ непомѣрностью своихъ притязаній. Но нѣмецкіе князья того времени не могли обойтись безъ вѣроломства: при дальнѣйшемъ ходѣ переговоровъ, которые велись въ Герстунгенѣ, между королевскими комиссарами и саксонскими князьями, прибывшими туда съ цѣлымъ войскомъ, было заключено тайное соглашеніе, направленное къ низложенію короля и назначенію ему преемника. Уполномоченные короля воротились къ нему съ подложнымъ соглашеніемъ, которое Генрихъ не поколебался одобрить. Въ то же время продолжалась своимъ чередомъ позорная борьба посредствомъ извѣтовъ; между прочимъ, былъ выставленъ какой-то негодяй, заявлявшій, что король подкупалъ его на убійство непокорныхъ князей Рудольфа Швабскаго и Бертольда Каринтійскаго.

Генрихъ на Рейнѣ.

Чувствуя подъ собою непрочную почву, Генрихъ воротился на Рейнъ, въ старую отчину своего дома, и нашелъ здѣсь опору въ городахъ, уже издавна недовольныхъ епископскимъ управленіемъ и видѣвшихъ въ сильной королевской власти единственный оплотъ того порядка, въ которомъ нуждались развивавшаяся торговля и промышленныя занятія. Это движеніе, открывавшее дорогу многому въ будущемъ, было особенно сильно въ Вормсѣ: жители прогнали своего епископа и восторженно встрѣтили короля, который ловко воспользовался обстоятельствами. Онъ съумѣлъ, выказывая сожалѣніе, если не безусловно склонить на свою сторону сѣверныхъ князей, то хотя заставилъ ихъ колебаться; весьма характеристична для своего времени главная уступка, сдѣланная князьями королю при переговорахъ въ Оппенгеймѣ, и состоявшая въ томъ, что королю предоставлялось право опровергнуть вышеупомянутое обвиненіе его въ покушеніи на убійство посредствомъ судебнаго поединка между кѣмъ-нибудь изъ его приверженцевъ и обвинителемъ. Поединокъ не состоялся, но Генрихъ снова прибѣгнулъ къ военнымъ дѣйствіямъ, потому что саксонскіе князья

не слагали оружія, хотя и не ратовали уже теперь за правое дѣло. Наконецъ, они рѣшились объявить свои условія, и король согласился на нихъ, несмотря на ихъ тягость, потому что видѣлъ себя окруженнымъ лишь ненадежными людьми.

Миръ 1074 г. Срытіе Гарцбурга.

Онъ отклонилъ отъ себя на время самое крайнее униженіе: быть низложеннымъ по приговору суда князей или рейхстага. Безъ сомнѣнія, опасность была отстранена лишь на часъ; тѣмъ не менѣе, уступчивость его была дѣломъ благоразумія. Положеніе его противниковъ было чрезвато тайными бѣдами, которыя должны были обнаружиться вскорѣ, — прежде всего при срытіи крѣпостей: когда приступили къ разрушенію ненавистнаго Гарцбурга, то саксонскіе крестьяне кинулись на это дѣло съ языческою яростью и такимъ порядкомъ, который противорѣчилъ заключенному договору. Не оставя камня на камнѣ, снеся и церковь, они не пощадили самыхъ гробницъ, даже реликвій и мощей. Оказывалось, что князья сняли узду съ элемента, который могъ сдѣлаться опаснымъ для нихъ самихъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и, во всякомъ случаѣ, весьма запутывалъ ихъ дѣло. Примѣръ Вормса нашелъ одновременное подражаніе и въ болѣе значительномъ городѣ, именно въ Кёльнѣ. Служители архіепископа Аннона грубо потребовали одной баржи для перевоза духовнаго сановника, гостившаго у ихъ господина, на другую сторону Рейна; сынъ владѣльца этого судна воспротивился тому и за споромъ послѣдовалъ взрывъ уже издавна подготовленнаго враждебнаго замысла; по крайней мѣрѣ, многіе утверждали, что при натискѣ толпы на архіепископскій дворецъ передъ «неразумнымъ народомъ» бѣжалъ самъ насадитель всякаго зла, самъ дьяволъ въ шлемѣ и панцырѣ, размахивавшій сверкавшимъ мечомъ и бившійся впереди всѣхъ. Архіепископъ скрылся въ соборъ и бѣжалъ изъ города, пока толпа грабила его дворецъ и опустошала его погреба. Но онъ воротился скоро, созвавъ войска, и произвелъ расправу со всею жестокостью оскорбленной прелатской гордыни. Однако, положеніе было шаткимъ и требовало королевскаго вмѣшательства. Генрихъ прибылъ лично въ Кёльнъ и его дѣла снова улучшились; онъ могъ предпринять еще одинъ походъ въ Венгрію въ томъ же году, но это не привело его еще, понятнымъ образомъ, къ цѣли. Въ октябрѣ 1074 г. онъ воротился въ Вормсъ.

Новая война.

Онъ не захотѣлъ слушать извиненій саксонскихъ князей по поводу ужасовъ, происходившихъ въ Гарцбургѣ, и ловко повернулъ дѣло, испрашивая у папы помощи противъ осквернителей святыни. Его власть на югѣ Германіи была возстановлена. Положеніе дѣлъ въ Венгріи оправдывало новыя вооруженія; въ Саксоніи между князьями господствовало несогласіе, и глубокое недовѣріе разъединяло плебейскіе элементы возстанія съ аристократическими—крестьянъ съ дворянствомъ. Король выступилъ въ походъ, весною 1075 года, съ большою увѣренностью, между тѣмъ какъ въ Саксоніи распространялось уныніе. При Гогенбургѣ на Унструтѣ, въ іюнѣ, королевскія войска, при которыхъ, кромѣ самого короля, находился и его своякъ Рудольфъ, напали врасплохъ на Саксонцевъ. Предводительство и храбрость Оттона фонъ-Нордгейма не послужили ни къ чему въ этотъ разъ: побѣда осталась за королемъ и преслѣдуемая

непріятельская армія распалась. Королевскія войска опустошили всю тюрингенскую область, которую подвергнулъ еще и отлученію отъ Церкви майнцскій архіепископъ Зигфридъ, находившійся теперь на сторонѣ короля. Коалиція была уничтожена и мятежные властители, одинъ за другимъ, заключали миръ съ королемъ. Еще однажды главари возстанія попытались возобновить войну, но крестьяне теперь уже настойчиво требовали мира. Въ октябрѣ 1075 года, близъ Зондергаузена, послѣдовало объявленіе безусловной покорности; между выстроившимися шпалерами королевскихъ войскъ, потянулся рядъ побѣжденныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ, саксонскихъ и тюрингенскихъ властителей, по направленію къ возвышенности при Спирагѣ (Шпиръ), гдѣ ихъ ожидалъ король. Побѣда была полная; спустя шесть недѣль умеръ и кёльнскій Аннонъ.

Подчиненіе князей. 1075 г.

Такъ добылъ себѣ Генрихъ или упрочилъ за собою трудной войною свое королевское положеніе въ нѣмецкихъ земляхъ; въ данную минуту, на его сторонѣ были и нѣмецкіе епископы, возмущавшіеся противъ безмѣрныхъ притязаній куріи и введенія безбрачія въ духовенствѣ. Генрихъ избралъ снова свой резиденціею Госларъ, гдѣ многочисленные князья (Рождество 1075) признали наслѣдственныя права его сына Конрада. Казалось не затруднительнымъ доставить ему и императорскій титулъ, равно какъ утвердить за нимъ тѣ церковныя права, которыми пользовался его отецъ, такъ какъ самъ папа прислалъ Генриху поздравленія, по случаю его побѣды надъ Саксонцами.

Италія. Избраніе Григорія VII.

Въ 1073 году умеръ папа Александръ II. Нѣмецкое вліяніе весьма ослабѣло въ Италіи въ послѣдніе года, между тѣмъ какъ римскій престолъ былъ здѣсь средоточіемъ при всякихъ политическихъ осложненіяхъ и борьбѣ и умѣлъ заявлять всюду свое вліяніе. При послѣднихъ папахъ, руководителемъ ихъ политики былъ Гильдебрандъ, занимавшій при этомъ самое выгодное положеніе, какое можетъ выпасть на долю энергичнаго государственнаго дѣятеля: онъ былъ, повидимому, второстепеннымъ лицомъ, а въ дѣйствительности — первымъ. Ему шелъ пятидесятый годъ. Съ виду, Гильдебрандъ былъ очень невзраченъ, малъ ростомъ; онъ происходилъ изъ народа (отецъ его владѣлъ небольшой крестьянской усадьбой близъ одного тусційскаго городка), былъ помѣщенъ своимъ дядею съ материнской стороны въ одинъ изъ римскихъ монастырей, въ которомъ господствовали клюнійскія воззрѣнія, и остался истымъ монахомъ даже послѣ того, какъ узналъ весь ходъ мірскихъ дѣлъ въ его различнѣйшихъ проявленіяхъ, изучилъ всякія личности и ихъ отношенія. Однажды начавъ заниматься дѣлами, онъ возвысился очень быстро. Уже Григорій VI питалъ къ нему безграничное довѣріе; дѣловитость Гильдебранда не уступала его ловкости; при высокихъ, многообъемлющихъ, идеальныхъ воззрѣніяхъ, онъ обнаруживалъ большую практическую смѣтливость, способность вникать въ подробности, въ прозаическую часть дѣла, напримѣръ, финансовую, и благодаря такому рѣдкому въ людяхъ соединенію качествъ, повидимому, противуположныхъ,—въ сущности же, и составляющихъ тайну человѣческаго величія — онъ подчинялъ себѣ самые различные характеры. Онъ развертывалъ всю пышность высокаго духовнаго сана тамъ, гдѣ находилъ это нужнымъ; суровый аскетъ, Петръ

Даміани, смотрѣлъ неодобрительно на этотъ блескъ, но и онъ не рѣшался высказывать прямо своего осужденія, подчиняясь, вмѣстѣ съ другими, обаянію его превосходнѣйшаго ума. И онъ былъ правъ: честолюбіе Григорія VII было направлено не на внѣшность; это было справедливое, естественное и необходимое честолюбіе человѣка выдающагося, чувствующаго потребность отдать свои силы на служеніе глубокому убѣжденію, на пользу дѣла, которое,—какъ это бываетъ всегда у всеобъемлющихъ натуръ,—невольно отожествлялось въ немъ съ его собственной личностью. Дѣло это было—главенство Церкви, и онъ, какъ сынъ своего времени, какъ итальянецъ, не могъ понимать осуществленія этой идеи въ смыслѣ медленнаго прогресса въ теченіе вѣковъ, но представлялъ ее себѣ въ готовой, наличной формѣ, созданіе которой было его правомъ, притомъ превозмогающимъ всѣ прочія, правомъ безусловнымъ, неоспоримымъ, божественнымъ и на него возложеннымъ. Весьма правдоподобно, что онъ не стремился къ папскому престолу, предпочитая свое выгодное положеніе: — быть первымъ слугою всякаго папы, властвуя надъ нимъ; однако, прежде даже, нежели кардиналы успѣли собраться для избранія новаго папы, шумная народная толпа уже предрѣшила ихъ выборъ, провозгласивъ Гильдебранда. Ему пришлось согласиться. Послѣдовавшее затѣмъ избраніе его кардинальской коллегіей состоялось лишь для показа. Въ уваженіе къ памяти своего благодѣтеля, Григорія VI,—хотя такое чувство, дѣлая честь Гильдебранду, несостоятельно въ виду его строгаго антисимонизма,—онъ принялъ имя Григорія VII (1073).

Григорій и Генрихъ.

Избраніе Гильдебранда произвело большое впечатлѣніе; было ясно чего можно было ожидать отъ этого новаго папы и потому одни впали въ уныніе, другіе возликовали. Онъ не торопился съ опредѣленіемъ своихъ отношеній къ германскому королю; необходимыя заявленія по этому предмету должны были возлагаться на посольство, отправляемое вскорѣ къ нѣмецкому двору, а уже самое положеніе дѣлъ вынуждало короля Генриха состоять пока въ дружбѣ съ представителемъ церковной идеи, потому что самая эта идея служила ему оружіемъ противъ саксонскихъ мятежниковъ. Между тѣмъ, Григорій утвердилъ свою власть въ Римѣ и Италіи и принялъ строгія мѣры противъ симоніи и брака священнослужителей. На соборѣ въ Римѣ (февраль 1075) прежніе указы были еще усилены, при чемъ папа впервые посягнулъ на интересы короля и сферу его власти, объявивъ подлежащими отлученію пятерыхъ совѣтниковъ короля, въ случаѣ ихъ неявки въ Римъ въ теченіе назначеннаго имъ очень кратковременнаго срока, для отвѣта передъ Церковью въ грѣхѣ симоніи. Къ величію Григорія принадлежало то, что и обезпечивало ему часто успѣхъ: беззавѣтная смѣлость, съ которою онъ поступалъ вездѣ, гдѣ чувствовалъ себя вполнѣ безупречнымъ; онъ расточалъ тутъ угрозы, отлученія, кары и низложенія во всѣ стороны. Самымъ важнымъ результатомъ римскаго собора было принятіе того основного правила, которое поражало симонію въ самомъ ея корнѣ: духовнымъ лицамъ возбранялось отнынѣ получать какія-либо мѣста отъ мірскихъ властей; равнымъ образомъ, мірянину, который рѣшился бы опредѣлить духовное лицо на такое мѣсто, воспрещался входъ въ церковь, до отмѣны беззаконнаго распоряженія.

Это касалось, такъ-называемыхъ, *инвеституръ*, при чемъ соблюдался такой обрядъ: король передавалъ назначенному имъ, или какъ-либо иначе избранному, аббату или епископу перстень и посохъ; онъ вводилъ его этимъ во владѣніе лэномъ, приписаннымъ къ той епархіи или тому аббатству, при чемъ принималъ отъ этого лэнника вассальную присягу. Безъ такой инвеституры дѣйствительное вступленіе въ духовную должность было немыслимо; но за то было вполнѣ возможно занять такую должность помимо всякаго избирательнаго акта, который, впрочемъ, было легко составить, по одному королевскому соизволенію. Мѣра, принимаемая теперь Григоріемъ, заключала въ себѣ страшный переворотъ и дѣйствительную неприложимость. Свѣтскіе властители не могли отказаться отъ права связывать передачу лэна съ условіями, отъ которыхъ зависѣло ихъ собственное положеніе; съ другой стороны, и Церковь не была въ состояніи отказаться отъ пользованія лэнами, доставлявшими доходъ епископіямъ и аббатствамъ. Но объ этомъ отказѣ не было рѣчи; папа заботился лишь о проведеніи принципа безусловной независимости духовенства отъ всякой мірской власти; если бы только этотъ принципъ былъ признанъ, то Григорій, безъ всякаго сомнѣнія, при своемъ умѣньи приноравляться ко всѣмъ положеніямъ, съумѣлъ бы и тутъ, во всякомъ отдѣльномъ случаѣ, не пойти въ разрѣзъ съ дѣйствительными требованіями жизни. Онъ не настаивалъ и теперь на непосредственномъ примѣненіи этого указа, давая понять, что хочетъ еще о немъ переговорить съ Генрихомъ.

Споръ объ инвеститурахъ. Латеранскіе указы.

Инвеститура епископа королемъ.
Изъ рукописнаго сборника X в. въ С. Омерской библіотекѣ.

Но и прочихъ его распоряженій было достаточно, чтобы возмутить всѣхъ противниковъ церковныхъ реформъ въ Ломбардіи и Германіи. Въ Миланѣ, при начавшихся безпорядкахъ, былъ убитъ вождь партіи папистовъ, и большинство ломбардскихъ епископовъ собралось подъ хоругвь Св. Амвросія, явно возставая противъ Рима. Въ самомъ Римѣ вспыхнулъ мятежъ. Въ ночь на Рождество 1075 года вожакъ тускуланской партіи, Ченчи, напалъ на Григорія во время богослуженія, и съ помощью своей шайки, ворвавшейся въ церковь, потащилъ его въ свою башню, близъ Пантеона, но вскорѣ собравшійся народъ, привлеченный слухомъ о

Разрывъ съ королемъ Генрихомъ. 1075.

томъ, что папу убили (онъ былъ, дѣйствительно, раненъ во время свалки), освободилъ Григорія силою. Ченчи бѣжалъ. Около этого времени произошелъ разрывъ папы съ Генрихомъ, обратившимъ также мало вниманія на отлученіе отъ Церкви членовъ его совѣта, какъ и на отмѣну мірской инвеституры. Несмотря на свой умъ, онъ преувеличивалъ свое могущество и придавалъ слишкомъ мало значенія могуществу папы; однако, не случилось еще ничего, что̀ могло бы отнимать всякую надежду на соглашеніе, и переписка между папою и королемъ не утрачивала дружественнаго характера. Но въ декабрѣ 1075 года, отправляя къ королевскому двору посла съ сравнительно-любезнымъ письмомъ, Григорій поручилъ ему поставить королю на видъ его противуцерковный образъ дѣйствій, снова потребовать отставки отлученныхъ отъ Церкви совѣтниковъ и назначить ему родъ срока, по истеченіи котораго, въ случаѣ неудовлетворенія королемъ требованій Церкви, самъ онъ могъ быть исключенъ изъ числа вѣрующихъ. Король, по молодости своей, по горячности натуры, и въ упоеніи еще недавно одержанной побѣды надъ крайне-опаснымъ союзомъ князей, пришелъ въ ярость; до этого времени онъ не былъ врагомъ идеи реформъ, но теперь перешелъ тотчасъ же на противную сторону. Папскіе послы были высланы изъ придворной резиденціи въ Госларѣ и тотчасъ же были отправлены королевскіе гонцы по всѣмъ направленіямъ, съ цѣлью созвать всѣхъ епископовъ и аббатовъ на національный соборъ въ Вормсѣ, который и состоялся, дѣйствительно, въ январѣ 1076 года, въ каѳедральной церкви этого города. Не было недостатка въ смѣшныхъ обвиненіяхъ и клеветахъ; все это было пущено въ ходъ съ обѣихъ сторонъ; основательнѣе прочаго было обвиненіе Григорія въ томъ, что избраніе его совершилось неправильно и было незаконно. Вслѣдствіе этого, онъ не признавался болѣе папою; лишь нѣкоторые присутствовавшіе усомнились, большинство же подписало такое рѣшеніе. Королевское посланіе, включавшее это постановленіе собора, было озаглавлено такъ: «Генрихъ Божіею волей, а не захватомъ, король, Гильдебранду, болѣе не папѣ, а лживому монаху»... Заключеніе гласило: «Я, Генрихъ, Божіею милостію, купно со всѣми нашими епископами, говорю тебѣ, сойди съ престола, сойди!»

Отлученіе короля.

Григорій поступилъ, дѣйствительно, слишкомъ смѣло въ виду преобладающей численности нѣмецкаго духовенства. Ломбардскіе епископы, на своемъ соборѣ въ Піаченцѣ, примкнули къ рѣшенію вормскаго собора. Но шагъ, сдѣланный Григоріемъ, былъ изъ тѣхъ, которые не допускаютъ уже отступленія, и папа твердо рѣшился идти до конца. Обычный великопостный соборъ происходилъ въ Латеранѣ (февраль 1076 г.). Королевскіе послы прибыли съ грамотой Генриха и бывшій во главѣ ихъ имѣлъ дерзость начать читать ее при всемъ этомъ собраніи епископовъ изъ Южной и Сѣверной Италіи, Франціи и Бургундіи. Поднялся страшный шумъ, и смѣльчакъ былъ бы убитъ, если бы его не защитилъ самъ папа. На слѣдующій же день, королю былъ нанесенъ отвѣтный ударъ. Въ формѣ молитвы, обращенной къ Св. Петру, Григорій VII изгонялъ Генриха изъ паствы церковной, лишалъ его монаршихъ правъ надъ Германіей и Италіей, и въ силу дарованнаго Богомъ Св. Петру полномочія «вязать и рѣ-

шить», снималъ со всѣхъ христіанъ ихъ присягу на вѣрность Генриху. Папа кончалъ словами Писанія (Матѳ. 16, 18): «ты, Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ее». Эти слова, простой, первоначальный смыслъ которыхъ не былъ уже доступенъ теперь народу, пріобрѣтали страшное значеніе въ устахъ человѣка смѣлаго и произносящаго ихъ при исключительно-торжественномъ случаѣ. Они указывали на крайнюю ступень развитія самовластія, согласно которому вся расправа на землѣ, единственное истинное верховенство и безусловность приговоровъ принадлежали одному человѣку, въ которомъ, по увлеченію, или въ силу неправильно-истолкованнаго права, свѣтъ видѣлъ «представителя Христова» или даже «намѣстника Божія». Отлученіе, которымъ папы и прежде грозили свѣтскимъ властителямъ, падало теперь на перваго изъ нихъ, о чемъ было сообщено во всѣ государства папскими посланіями. Это былъ ударъ, отъ котораго содрогнулся міръ. Начиналась борьба на жизнь и на смерть между двумя высшими могуществами,—и какъ ни ничтожны были, вообще, вѣрность слову и понятіе о справедливости у людей той эпохи, нельзя не признать, что возникшее столкновеніе глубоко потрясло многіе умы. Какія же правовыя отношенія могли существовать, если и данную вѣрноподданическую присягу разрѣшалось нарушить?

Сверженіе папы.

Король узналъ о рѣшеніи собора, находясь въ Утрехтѣ. Онъ считалъ побѣду за собой послѣ вормскихъ постановленій и намѣревался собирать дань съ усмиренныхъ саксонскихъ мятежниковъ. Гнѣву его не было предѣловъ, и тотчасъ же нашелся епископъ,—тутъ же въ Утрехтѣ, Вильгельмъ,—который произнесъ анаѳему надъ Гильдебрандомъ. Но обосновать ее формально можно было только на соборѣ, который и долженъ былъ собраться въ Вормсѣ въ непродолжительномъ времени. Вскорѣ стало извѣстно, что ломбардскими епископами въ Павіи произнесена тоже анаѳема противъ Гильдебранда. Но Григорій зналъ свѣтъ и свое могущество лучше, нежели король умѣлъ сознавать свое. Онъ подумалъ о необходимости усилить свое политическое значеніе до наступленія предстоявшихъ военныхъ дѣйствій; въ сочувствіи римскаго народа онъ былъ теперь увѣренъ и потѣшилъ чернь, обойдясь круто съ королевскими послами; но онъ счелъ тоже нужнымъ войти въ соглашеніе съ Робертомъ Гискаромъ и его Норманнами, съ которыми возникали постоянно всевозможные споры; онъ нашелъ близкую и безусловно-надежную союзницу въ лицѣ Матильды, маркграфини тусційской, поставлявшей себѣ за величайшую честь быть вѣрной слугой Святого Петра. Но у него были союзники и въ Германіи, какъ ему это было извѣстно. Клюнійское ученіе распространялось и здѣсь болѣе и болѣе; многіе изъ нѣмецкихъ епископовъ склонялись на его сторону, нѣкоторые по искреннему сочувствію къ взглядамъ папы, другіе изъ расчета или потому, что ихъ противники стояли за короля. Были и такіе, которые не высказывались, выжидали или позволяли себя уговорить. Въ особенности было на сторонѣ папы монастырское духовенство, потому что онъ ратовалъ за ихъ идею. Такое настроеніе господствовало и между князьями, и хотя папа не могъ еще открыто разсчитывать на нихъ, но былъ въ нихъ увѣренъ. Это положеніе выяснилось скоро: соборъ въ

Вормсѣ оказался столь малолюднымъ, что для принятія рѣшительныхъ мѣръ было найдено необходимымъ созвать новый, въ Майнцѣ. Мецскій епископъ Германъ перешелъ открыто на сторону папы и выпустилъ на свободу саксонскихъ дворянъ, отданныхъ ему подъ стражу при послѣднихъ смутахъ. Въ Саксоніи тотчасъ же возгорѣлся новый мятежъ, и хотя на Майнцскомъ соборѣ, привлекшемъ большее число членовъ, Григорій былъ подвергнутъ отлученію, однако, Генрихъ счелъ самъ за лучшее освободить дворянъ, заточенныхъ имъ послѣ послѣдняго возмущенія. Но клятва, взятая съ нихъ, не вела ни къ чему, потому что нарушеніе присяги королю было теперь выраженіемъ покорности къ Церкви, слѣдовательно дѣломъ достойнымъ.

Заговоръ князей. Сеймъ въ Трибурѣ. 1076.

Въ томъ же еще 1076 году, счастье совсѣмъ измѣнило королю. Во время неудачнаго похода въ Саксонію, его сѣверо-германскіе враги соединились и вступили въ союзъ съ папою, который напускалъ теперь на себя большую умѣренность и пользовался выгодами своего церковнаго положенія. Оттонъ фонъ-Нордгеймъ, бывшій долгое время въ довѣріи у короля, перешелъ опять на противную сторону. Герцоги швабскій, баварскій и каринтійскій, вмѣстѣ со многими другими князьями и епископами, собрались въ Ульмѣ и назначили, на октябрь того же года, общій княжескій съѣздъ въ Трибурѣ, съ цѣлью возстановить спокойствіе въ государствѣ и въ Церкви. Это собраніе было весьма многолюднымъ; въ немъ преобладали противники короля; они старательно выставляли на видъ свою приверженность къ папству; какъ было извѣстно уже давно, они добивались низложенія короля. Это было не такъ легко выполнить, однако; самъ король съ войскомъ находился на другомъ, лѣвомъ берегу Рейна. Но онъ упалъ духомъ и былъ готовъ пойти на все, что ручалось бы за спокойствіе въ будущемъ. Однако, слишкомъ рѣзкое постановленіе собранія было сомнительнымъ, потому что одного акта о низложеніи было мало: надо было выбрать другого короля на мѣсто низложеннаго, а на этотъ счетъ не было единомыслія у собравшихся. Притомъ, хотя очень немногіе колебались передъ полуизмѣной, но на совершеніе ея полностью не хватало у нихъ духа. Колебался и самъ папа. Какъ ни преданъ былъ онъ идеѣ всемогущества Церкви, однако, не былъ безчувственъ и къ понятію о правѣ, и ему могъ представляться далеко еще не рѣшеннымъ вопросъ о возможности осуществить какія-либо великія идеи съ помощью этихъ князей и епископовъ, руководимыхъ одною личною выгодой, да еще при королѣ, избранномъ ими, слѣдовательно безсильномъ.

Князья и Григорій VII.

Такимъ образомъ дѣло кончилось полумѣрой, при которой принялъ на себя посредничество, какъ полагаютъ, клюнійскій аббатъ Гугонъ, бывшій воспреемникъ короля отъ купели. Король долженъ былъ испросить себѣ у папы снятіе отлученія, на что ему давался самый поздній срокъ до 22 февраля слѣдующаго года; если бы это ему не удалось, онъ лишался престола навсегда. Но 2-го февраля долженъ былъ состояться княжескій съѣздъ въ Аугсбургѣ, на который приглашался и папа для произнесенія своего приговора. Смыслъ такого постановленія заключался въ подчиненіи германской короны третейскому суду римскаго первосвященника; всякая самостоятельная правительственная мѣра была возбранена королю, равно

Развалины зàмка Каносскаго.
Съ натуры рисовано Фр. Преллеромъ.

какъ и возложеніе на себя всѣхъ внѣшнихъ признаковъ королевскаго сана до тѣхъ поръ, пока не будетъ снято съ него отлученіе.

Этотъ моментъ, а не послѣдовавшіе за нимъ, былъ наиболѣе глубоко унизительнымъ для Германіи; добровольно, безъ всякой нужды, изъ побужденій, не бывшихъ вполнѣ чистыми ни у кого, а у многихъ и очень нечистыми, этотъ княжескій съѣздъ избралъ папу судьею и вершителемъ германскихъ судебъ. Эти князья желали низложенія короля и не осмѣлились на это, но самъ Григорій не могъ надѣяться на то, что было предподнесено ему здѣсь духовною и мірскою аристократіей,—преимущественно послѣдней; краеугольный камень его теоріи, по которой свѣтская власть должна была лишь истекать изъ духовной, сохранявшей за собою право давать и отнимать по своему усмотрѣнію,—этотъ камень былъ твердо заложенъ въ Германіи на аугсбургскомъ съѣздѣ. Молчаливо подразумѣвалось при этомъ—не допускать короля до полученія папскаго прощенія впредь до новаго съѣзда въ Аугсбургѣ. Удалясь въ Шпейеръ, Генрихъ видѣлъ, что его недовѣрчиво сторожатъ; Григорій, съ своей стороны, поспѣшилъ отъѣздомъ, насладясь уже униженіемъ многихъ приверженцевъ изгнаннаго короля, которые спѣшили черезъ Альпы, чтобы получить лично отъ него разрѣшеніе грѣховъ. Въ весьма высокомѣрномъ посланіи,—какими были, впрочемъ, и всѣ офиціальныя извѣщенія этого папы, проникнутыя не то горделивымъ смиреніемъ, не то смиреннымъ высокомѣріемъ, что унаслѣдовано отъ него и позднѣйшимъ папствомъ,—Григорій возвѣщалъ о своемъ скоромъ прибытіи, и былъ уже у Мантуи, когда ему стало извѣстнымъ, что Генрихъ на пути въ Италію. Папа подумалъ, что онъ является не иначе, какъ съ враждебными намѣреніями, что онъ хочетъ вынудить у него разрѣшеніе силою, и имѣлъ право предполагать это, потому что рѣзко отклонилъ желаніе короля прибыть лично въ Римъ за прощеніемъ. Въ страхѣ, папа бѣжалъ въ замокъ Каноссу, самое надежное изъ укрѣпленныхъ мѣстечекъ, принадлежавшихъ его вѣрнѣйшей сторонницѣ, маркграфинѣ Матильдѣ. Во всей Ломбардіи, гдѣ Григорія смертельно ненавидѣли, всѣ были тоже въ томъ убѣжденіи, что Генрихъ идетъ съ цѣлью наказать оружіемъ папу за захватъ римскаго престола.

Событіе въ Каноссѣ. 1077.

Но, на этотъ разъ, проницательнаго, многоопытнаго Григорія перехитрилъ молодой, двадцатисемилѣтній король. Напрасно князья, опасавшіеся его ума, связали его сѣтью всевозможныхъ условій; онъ прозрѣвалъ самую сущность положенія, понимая, что ему не устоять передъ соединенною силою папскаго проклятія и враждебности князей, и что, на аугсбургскомъ съѣздѣ, злоба этихъ послѣднихъ заставитъ Григорія высказаться противъ него, хотя бы тотъ и не желалъ этого лично. Было необходимо разрушить этотъ союзъ враговъ противъ него и отнять всякое значеніе у аугсбургскаго собранія. Весьма разумно и прозорливо рѣшилъ онъ добиться отмѣны отлученія силою,—но не силою ружія, а моральнаго принужденія. Онъ выполнилъ этотъ планъ съ изумительною энергіей и послѣдовательностью: скрылся изъ Шпейера и, въ необычайно холодную зиму 1076—77 года, перебрался черезъ Альпы и Монъ-Сенисъ съ своею супругою Бертою, которую онъ научился уже цѣнить, и трехлѣтнимъ малюткою-сыномъ. Онъ не поколебался въ своемъ рѣшеніи даже

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

къ миніатюрѣ современной рукописи.

Rex rogat Abbatem: Mathildim supplicat atque,
Король проситъ аббата и умоляетъ Матильду.

Императоръ Генрихъ IV преклоняетъ колѣно передъ маркграфиней Матильдой въ Каноссѣ; на головѣ у него діадема, съ тремя лиліеобразными украшеніями по краю ея, отличающаяся по формѣ отъ обычнаго образца діадемы.

Современное изображеніе изъ пергаменной рукописи монаха Донизо, писанной въ монастырѣ Каносскомъ: «*Жизнеописаніе Матильды;*» это произведеніе было писано для Матильды и закончено въ годъ ея смерти (1114). Авторъ очень пристрастно относится къ Матильдѣ, папѣ Григорію и Генриху V, и очень враждебно—къ Генриху IV. Наше изображеніе представляетъ собою точную копію.

Рукопись хранится нынѣ въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ.

ИМПЕРАТОРЪ ГЕНРИХЪ IV ПРЕКЛОНЯЕТЪ КОЛѢНО ПЕРЕДЪ МАРКГРАФИНЕЙ МАТИЛЬДОЙ ВЪ КАНОССѢ.

Миніатюра современной рукописи.

тогда, когда, при его вступленіи въ Ломбардію, всѣ противники папы, епископы, графы, капитаны и вассалы, предложили ему свои услуги. Онъ продолжалъ свой путь; папа видѣлъ, что его перехитрили, разстроили его планы, но онъ не могъ преградить дорогу грѣшнику, шедшему принести передъ нимъ свое покаяніе, и король, съ небольшою свитою, подошелъ къ крѣпостцѣ, въ которой находились церковь и монастырь. Три дня сряду являлся онъ, въ покаянной одеждѣ, власяницѣ и босой, къ воротамъ, прося о допущеніи; на второй день, онъ простоялъ такъ съ утра и до вечера, между тѣмъ какъ клюнійскій аббатъ Гугонъ и сама маркграфиня уговаривали папу, который, лишь на третій день и послѣ горячаго сопротивленія, сдался, наконецъ, и уступилъ моральной необходимости. Ворота внутренней окружной ограды отворились, папа принялъ церковное покаяніе короля, снялъ съ него отлученіе, пріобщилъ Св. Тайнъ возвращеннаго вновь въ лоно Церкви и отпустилъ его на другой же день, преподавъ ему свое апостольское благословеніе.

Отпустилъ не безъ условій, разумѣется; король далъ обѣщаніе оставаться и теперь, получивъ разрѣшеніе, вѣрнымъ слугою папы; въ случаѣ нарушенія этого слова, снятіе церковнаго отлученія должно было считаться недѣйствительнымъ. Папа прикрывалъ такимъ условіемъ свое пораженіе, но оно оставалось, тѣмъ не менѣе, фактомъ. По издавна укоренившемуся воззрѣнію, знаменитая сцена въ Каноссѣ свидѣтельствуетъ только о полномъ пренебреженіи короля, о глубочайшемъ уничиженіи королевскаго права и величайшемъ торжествѣ папской власти; дѣйствительно, она была торжествомъ папства въ томъ смыслѣ, что важнѣйшій изъ государей той эпохи смирился передъ *идеею Церкви*, въ лицѣ главы этой Церкви, призналъ себя виновнымъ въ грѣхѣ, принесъ въ томъ покаяніе по обряду, требуемому Церковью, и получилъ разрѣшеніе отъ духовнаго лица, на обязанности котораго было давать разрѣшеніе кающимся грѣшникамъ. Но—и только. Въ общемъ же, побѣжденнымъ при Каноссѣ былъ папа Григорій VII, а побѣдителемъ—Генрихъ IV. Принесеніе покаянія, само по себѣ, не налагало безчестія: что совершилъ Генрихъ, какъ не то же, что, однажды, и великій императоръ Ѳеодосій въ Миланѣ? И Ломбардцы укоряли Генриха не за самый актъ покаянія, а за то, что онъ принесъ его передъ этимъ папой, ихъ и его смертельнымъ врагомъ. Но, получивъ разрѣшеніе, онъ становился снова королемъ, — королемъ, которому всѣ были обязаны подчиненіемъ въ силу данной присяги и Божьяго повелѣнія. Аугсбургское собраніе являлось теперь, въ сущности, безцѣльнымъ, и что бы ни задумалъ папа, онъ выходилъ тѣмъ изъ своей духовной роли, терялъ ту почву, на которой былъ неуязвимъ, чтобы переступить въ ту область, гдѣ право было уже не на его сторонѣ. А прежде всего, онъ нарушилъ свое,—явное или тайное,—соглашеніе съ противниками короля, которые не могли уже отнынѣ ему довѣрять. Не даромъ и противился Григорій; онъ имѣлъ основанія заподозрить искренность королевскаго раскаянія и не ошибался, быть-можетъ. Оно было столь же правдиво и неправдиво, какъ и собственное поведеніе Григорія, постоянно путавшаго духовное съ мірскимъ и побѣжденнаго теперь своимъ собственнымъ оружіемъ, въ лицѣ юнаго короля.

Послѣдствія. Анти-король Рудольфъ.

Это обнаружилось вскорѣ. Ломбардцы негодовали сначала на короля и встрѣтили его очень недружелюбно при его возвращеніи. Но онъ продлилъ свое пребываніе въ краѣ и скоро снова сошелся съ ними. Тогда сѣверо-германскіе радикалы княжеской партіи рѣшились дѣйствовать открыто. Извѣстіе о прощеніи Генриха папою поразило ихъ какъ громомъ; но, ошеломленные, смущенные сначала новымъ поворотомъ дѣлъ, они довершили свою государственную измѣну. Собравшись въ Форшгеймѣ (мартъ 1077) на княжескій съѣздъ, на который пригласили и папу, они избрали королемъ швабскаго герцога Рудольфа, свояка королевскаго, хотя собраніе и не насчитывало полнаго числа голосовъ; такъ, напримѣръ, изъ епископовъ было на-лицо всего тринадцать. Избраніе состоялось въ присутствіи папскаго легата, хотя и не съ явнаго одобренія папы, который отказывался снова отлучить Генриха и признать Рудольфа; онъ все еще желалъ быть вершителемъ судебъ германской короны. Новому королю пришлось подкупать голоса въ свою пользу весьма дорогою цѣною; коронованіе совершалъ человѣкъ, привыкшій перебѣгать отъ одного знамени къ другому: архіепископъ майнцскій, Зигфридъ. Порядки при анти-королѣ были никакъ не лучше, нежели при Генрихѣ, насколько можно судить; но церковь и ея глава мало о томъ заботились.

Возникло страшное, продолжительное, гибельное междоусобіе. Во главѣ княжеской партіи съ избраннымъ ею, безсильнымъ королемъ, стоялъ Оттонъ фонъ-Нордгеймъ, ея вождь, какъ въ совѣтѣ, такъ и въ полѣ. Силы были почти равномѣрны, но положеніе Генриха очевидно улучшилось: повсюду находилъ онъ приверженцевъ, даже съ высоты каѳедръ раздавались голоса въ его пользу; сельское духовенство стояло за него, зная, что лишится и мѣстъ, и женъ своихъ, при торжествѣ церковнаго радикализма грегоріанцевъ. Вокругъ Генриха сплотились всѣ, находившіе свою выгоду въ продолженіи настоящаго порядка вещей. Вопросы о правѣ тщательно изучались и разъяснялись, но папа держалъ себя крайне двусмысленно, говоря о двухъ короляхъ и не утвердивъ, однако, отлученія, которому его легатъ снова подвергнулъ Генриха. Папа особенно охотно приводилъ слова пророка: «Проклятъ кто воздерживаетъ свою руку отъ крови», — и кровь проливалась въ достаточномъ количествѣ... Но за кого слѣдовало проливать кровь, этого онъ не договаривалъ. Король Генрихъ былъ, въ это время, уже такимъ противникомъ, съ которымъ приходилось считаться. Онъ выказывалъ примирительныя наклонности, принялъ съ большою почтительностью папскихъ легатовъ, въ началѣ 1078 г., но нисколько не отложилъ, при этомъ, своихъ воинственныхъ приготовленій и выказалъ свои природныя воинскія способности въ особенно выгодномъ свѣтѣ при дѣйствіяхъ въ полѣ. Рудольфъ выбралъ своимъ мѣстопребываніемъ Госларъ, въ центрѣ Саксонской области, бывшей его главной опорой; Генрихъ оборонялъ важный Вюрцбургъ,—ключъ къ верхней Германіи. При новомъ походѣ Саксонцевъ противъ этого города, въ августѣ 1078 года, произошла битва въ Франконіи, при Мельрихштадтѣ; Рудольфъ не стяжалъ въ ней никакихъ лавровъ, однако, побѣда осталась нерѣшенною и война продолжалась съ обоюднымъ ожесточеніемъ. Самою надежною опорою Рудольфа была ненависть Саксон-

цевъ къ Генриху; съ своей стороны, Генрихъ создалъ въ собственномъ герцогствѣ Рудольфа, Швабіи, гдѣ тотъ никогда не былъ любимъ, опаснаго ему врага въ лицѣ графа фонъ-Бюренъ или фонъ-Штауфенъ, котораго женилъ на своей единственной дочери, Агнесѣ (1080). Въ январѣ этого года произошло новое сраженіе при Флархгеймѣ, близъ Мюльгаузена. Въ этотъ разъ, Рудольфъ и опаснѣйшій изъ противниковъ короля, Оттонъ фонъ-Нордгеймъ, одержали верхъ; но такія побѣды не имѣли еще рѣшающаго значенія, и война продолжалась. Въ маѣ того же года (1080), Григорій сталъ открыто на сторону Рудольфа и подвергъ снова отлученію законнаго короля. Изъ рѣчи, произнесенной имъ по этому случаю на римскомъ соборѣ, явствуетъ вполнѣ, насколько горячность и неосмысленное ученіе, признаваемое имъ или, пожалуй, развившееся постепенно само собой, относительно всемогущества Св. Петра и его преемниковъ, отуманивало столь ясный умъ Григорія VII. Но отлученіе вовсе не произвело теперь такого впечатлѣнія,

Бронзовая надгробная доска Рудольфа Швабскаго въ Мерзебургскомъ соборѣ.

Надпись:

Rex hoc Rodulfus patriae pro lege peremptus
plorandus merito conditur in tumulo.
Rex illi similis, si regnet tempore pacis,
Consilio gladio non fuit a Karolo

Qua vice res viruit, hic sacra victima belli

— mors sibi vita fuit — ecclesiae cecidit.

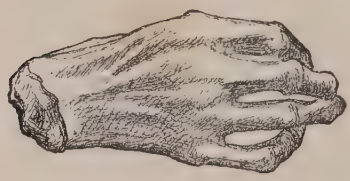
Переводъ:

Король Рудольфъ, павшій за права отчизны,
Истинно-достойный сожалѣнія, покоится здѣсь въ могилѣ.
Короля, который бы ему—правъ онъ въ мирное время—
Былъ подобенъ и въ совѣтѣ, и въ дѣлѣ, не бывало со временъ Карла.
Тамъ, гдѣ его дѣло одерживало верхъ, тамъ, какъ священная жертва —
(Смерть ему жизнью была) —палъ онъ, защищая Церковь.

какъ въ первый разъ. Противная папѣ партія привыкла смотрѣть на вещи спокойнѣе, сознавая право на своей сторонѣ; большинство нѣмецкихъ епископовъ понимало тоже, въ чемъ была суть: дѣло короля противъ папы и нѣмецкой свѣтской аристократіи было и ихъ собственнымъ дѣломъ. «Опасный человѣкъ», говорили они про Григорія, «хочетъ быть всемогущимъ и повелѣвать епископами, какъ своими мызниками». Вскорѣ созванный въ Майнцѣ соборъ низложилъ Григорія и рѣшилъ приступить къ избранію новаго папы. Это рѣшеніе было поддержано другимъ, болѣе многочисленнымъ собраніемъ мірской и духовной знати въ Бриксенѣ, при чемъ нѣмецкіе и ломбардскіе епископы остановили свой выборъ на равеннскомъ архіепископѣ Вибертѣ, человѣкѣ, внушавшемъ извѣстное уваженіе даже врагамъ, — зависѣвшее, впрочемъ, не отъ признанія его личныхъ достоинствъ, правоты его дѣлъ и убѣжденій, а только отъ его воинскаго искусства.

Междоусобица въ Германіи. Смерть Рудольфа. 1080.

Григорій принялъ теперь самое горячее участіе въ войнѣ: онъ искалъ всюду союзниковъ и его легаты разъѣзжали по разнымъ дворамъ. По свойству человѣческой природы и какъ то было почти неизбѣжно при подобной борьбѣ, онъ совершенно устранилъ всякое различіе между «духовнымъ» и «мірскимъ»; и при такихъ противудуховныхъ стремленіяхъ, ему пришлось испытать тоже цѣлый рядъ разочарованій. Самое горькое изъ нихъ не заставило себя ждать. Въ октябрѣ 1080 г., обѣ арміи сошлись такъ близко въ окрестностяхъ Наумбурга, что столкновеніе между ними было неизбѣжно. Благодаря храбрости и искуснымъ распоряженіямъ Оттона фонъ-Нордгеймъ, паписты одержали полную побѣду; но, воротясь изъ погони за разбитымъ непріятелемъ, Оттонъ нашелъ весь саксонскій лагерь въ смятеніи: король лежалъ смертельно раненый въ своей палаткѣ и не было никакой надежды на его спасеніе. Правая рука у него была отсѣчена, животъ распоротъ копьемъ или мечомъ. Въ ту же ночь, онъ скончался. Если когда-нибудь Божій судъ казался яснымъ вѣрующей массѣ, то это было теперь: отсѣчена была правая рука, та, которую Рудольфъ поднималъ, присягая на вѣрность своему королю. И если позднѣе разсказывалось, что умиравшій слагалъ на окружающихъ всю отвѣтственность за свое избраніе въ короли, выражая свое раскаяніе, и что всадили ему копье именно двое: вѣрный королю племянникъ герцога, Готфридъ Нижне-Лотарингскій и преемникъ его впослѣдствіи Готфридъ Бульонскій, которому предназначалась еще такая славная роль въ будущемъ,—то всѣ эти разсказы только отражаютъ первое впечатлѣніе, произведенное событіемъ. Значеніе Божьяго приговора, смутившее партію Св. Петра, которая видѣла единственный результатъ битвы въ этомъ приговорѣ, такъ ободрившемъ приверженцевъ короля, усиливалось еще болѣе отъ самоувѣреннаго пророчества папы Григорія, предрекшаго скорую смерть лже-короля: онъ разумѣлъ Генриха.



Отрубленная кисть руки Рудольфа Швабскаго.

Въ сакристіи Мерзебургскаго собора.

Переговоры, начавшіеся послѣ этого событія въ Германіи, не привели ни къ какимъ результатамъ. Все оставалось на военномъ положеніи, но дѣла Генриха поправились настолько, что онъ могъ думать о походѣ въ Италію для рѣшенія вопроса. Мысль была хорошая: Григорій потерялъ многихъ сторонниковъ; Норманны и ихъ вождь, «хитрецъ» Гискаръ, помышляли только о своихъ интересахъ, никакъ не о церковныхъ; даже нѣкоторые изъ вассаловъ маркграфини отпали, и Генрихъ, обладая государственнымъ умомъ и не уступая своему противнику въ умѣньи ставить другихъ въ неправое положеніе, не выказалъ здѣсь, очень разумно, ни малѣйшей непримиримости: онъ перешелъ черезъ Альпы съ небольшими военными силами. Но всѣ попытки склонить Григорія къ миру были тщетными. Никогда еще,—было-ли это въ немъ вѣрою, или сознаніемъ своей силы,—не выказывалъ онъ такой самонадѣянности; формула присяги, составленная имъ для того, кто былъ бы избраннымъ на мѣсто Рудольфа, была безуміемъ даже по понятіямъ того времени: онъ требовалъ, чтобы этотъ король присягнулъ ему, папѣ, въ качествѣ его вассала. Римскій походъ (май 1081 г.), предпринятый Генрихомъ съ немногочисленнымъ войскомъ, былъ неудаченъ. Его прокламація къ духовенству и народу не произвела никакого дѣйствія, хотя была составлена умно и умѣренно, а противники его въ Германіи, ободренные его неудачей, приступили къ избранію новаго короля въ лицѣ Германа, происходившаго изъ одного люксамбургскаго дома; коронацію его совершалъ опять майнцскій архіепископъ Зигфридъ, но въ Госларѣ, на саксонской землѣ (декабрь 1801 г.). Вспыхнувшая при этомъ въ Германіи новая междоусобица уравновѣсила положеніе въ томъ смыслѣ, что саксонцы не могли помочь папѣ, а сторонники Генриха своему королю. Второй походъ Генриха на Римъ (мартъ 1082 г.) былъ опять неудаченъ, но войска его осадили городъ, который, повидимому, не могъ продержаться долго безъ выручки. Въ Германіи смерть Оттона фонъ-Нордгеймъ, замѣчательнѣйшаго изъ вождей своей партіи, значительно ослабила наступательныя дѣйствія Германа (1083 г.) и онъ отошелъ обратно въ Саксонію, вмѣсто того, чтобы пробиться въ Италію. Въ 1083 году Генрихъ снова энергично осадилъ Римъ и въ началѣ іюня его войска вторглись въ городъ; папа, назначенный Генрихомъ, былъ провозглашенъ, подъ именемъ Климента III, въ церкви Св. Петра, между тѣмъ, какъ Григорій, находившійся въ зàмкѣ Св. Ангела, снова объявилъ Генриха отлученнымъ отъ церкви.

Генрихъ въ Италіи. Анти-папа Германъ.

Почему Генрихъ не довершилъ выигранной на половину побѣды, это остается невыясненнымъ; но онъ вступилъ въ переговоры съ римскимъ дворянствомъ и съ греческимъ императоромъ, желавшимъ покорить ихъ общаго врага—Норманновъ. Во время этого смутнаго положенія, Григорій созвалъ соборъ въ Латеранѣ, съ цѣлью порѣшить споръ и обѣщая подчиниться рѣшенію этого синклита. Появилась обманчивая надежда на примиреніе: при открытіи собора, на который явились очень немногіе, папу осадили просьбами объ этомъ примиреніи; но онъ не могъ преодолѣть себя или же продолжалъ думать, что ведетъ дѣло Господне. Но римскимъ гражданамъ становилось уже въ тягость приносить жертвы. Генрихъ овладѣлъ Латераномъ и хотя Григорій держался въ зàмкѣ Св.

Генрихъ IV на тронѣ, въ вѣнцѣ, со скиптромъ и державнымъ яблокомъ.
Миніатюра изъ Экхардовой Хроники 1113 г. Рукопись находится въ Кэмбриджѣ.

Ангела и нѣкоторые его сторонники, изъ дворянъ, укрѣпились тоже въ своихъ городскихъ зàмкахъ и крѣпостцахъ, но король могъ устроить посвященіе Климента III въ папы, послѣ чего этотъ новый папа увѣнчалъ императорскою короною Генриха и его супругу (мартъ 1084 г.). Григорій обнаруживалъ большую твердость и оставался въ зáмкѣ Св. Ангела, который былъ осажденъ. Онъ надѣялся на норманнскаго герцога Роберта Гискара, который, дѣйствительно, прибылъ, наконецъ, съ войскомъ, въ то время, когда король съ папою Климентомъ снова выбыли изъ города.

Норманны въ Римѣ.

Сцена снова перемѣнилась. Норманнское войско было многочисленно, но состояло изъ порядочнаго сброда, между которымъ было не мало и сицилійскихъ сарацинъ. Они овладѣли городомъ безъ особеннаго сопротивленія и освободили папу. Но необузданный норманнскій герцогъ пришелъ въ бѣшенство, узнавъ объ умерщвленіи одного изъ его вассаловъ, и въ варварское наказаніе за эту обиду, предоставилъ городъ произволу своихъ шаекъ. По всѣмъ извѣстіямъ, онѣ разбойничали здѣсь такъ, какъ никогда еще не приходилось терпѣть Риму ни отъ какого народа, и эти насилія порвали навсегда всякую связь между римскимъ населеніемъ и папою Григоріемъ, который принужденъ былъ видѣть эти ужасы и, въ сущности, быть отвѣтственнымъ за нихъ. Онъ не могъ оставаться долѣе, одинокимъ, въ Римѣ и не было ему мѣста иначе, какъ въ лагерѣ Норманновъ, имѣвшихъ, однако, очевидно, совершенно-иныя заботы, нежели интересы Св. Петра. Григорій покинулъ Римъ вмѣстѣ съ этими союзниками. Онъ кончилъ свою карьеру, по язвительному выраженію одного историка, среди римскихъ развалинъ.

Конецъ Григорія. 1085 г.

Величіе Григорія рушилось. Хотя, прибывъ въ Салернъ, онъ принялся за новые замыслы и разсылалъ по свѣту своихъ легатовъ, но ему пришлось скоро оставить надежду воротиться въ Латеранъ, потому что союзникъ его, Робертъ Гискаръ, выступившій въ походъ противъ греческаго императора, у котораго онъ думалъ даже отвоевать Константинополь, претерпѣвалъ неудачи. И конецъ Григорія VII былъ уже близокъ... Онъ умеръ въ Салернѣ въ маѣ 1085 г. По однимъ изъ его послѣднихъ словъ: «я любилъ справедливость, ненавидѣлъ неправду, а потому и умираю въ

изгнаніи», можно заключить, что онъ оставался до послѣдней минуты вѣренъ своему міровоззрѣнію. Въ дѣйствительности, у такихъ людей, особенно среди духовенства, которые болѣе другихъ привержены къ буквѣ закона, нѣтъ мѣста для раскаянія, плода искренняго и безпристрастнаго самообличенія; а Григорій тѣмъ болѣе не могъ испытывать никакого раскаянія, что низменныя побужденія, низменное честолюбіе, низменное себялюбіе, низменная ненависть или зависть, были совершенно чужды ему. Столь далекое отъ первоначальнаго ученія Христова обоготвореніе земной Церкви, которая приравняла къ божеству бѣднаго, пламеннаго, но все же слабаго рыбаря Генисаретскаго озера, — это обоготвореніе не было создано самимъ Григоріемъ: но онъ принялъ его, какъ вѣрованіе своего вѣка и какъ составную часть уже издавна развившагося міровоззрѣнія. О немъ можно сказать, что трудно уяснимый для нашего нынѣшняго сознанія, но искреннѣйшій идеализмъ вкоренялъ въ него глубокое убѣжденіе въ томъ, что всякая свѣтская власть, какая бы она ни была, должна вполнѣ подчиняться духовной, божественной, церковной, папской власти. По простому теченію мыслей у тѣхъ, кто идеализируетъ дѣйствительную (и, въ этой дѣйствительности, весьма очеловѣченную) Церковь, — духовное начало выше мірского, божественное—выше земного, и поэтому низшее должно подчиняться высшему, а не наоборотъ. Нельзя не признать извѣстнаго величія въ подобномъ воззрѣніи,— но дѣло въ томъ, что оно примѣнялось на дѣлѣ уже слишкомъ реально. Всемірно-историческое обольщеніе, смѣшивающее понятія церковнаго съ божественнымъ, папскаго съ церковнымъ и папскаго съ божественнымъ, — обольщеніе, признаваемое въ наши дни заблужденіемъ, было для Григорія истиной, въ которую онъ вѣрилъ; и благодаря его могучей личности, этотъ обманъ или (выражаясь снисходительнѣе) этотъ миражъ религіозной мечтательности пріобрѣлъ особую силу. Но, разумѣется, не ту силу, о какой мечтали Григорій и слѣдовавшіе за нимъ идеалисты, надѣясь, съ помощью этой силы, исправлять людей и христіански устроить міръ. Случилось скорѣе обратное: обмірщилась Церковь; она стала, изъ столѣтія въ столѣтіе, менѣе и менѣе походить на Церковь, преображаясь болѣе и болѣе въ государство, которое только прикрывало свой вполнѣ свѣтскій характеръ, болѣе или менѣе удачно, торжественною обрядностью и разными самообольщеніями, укрываясь само отъ себя. Въ идеализмѣ Григорія есть все же нѣчто высокое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ужасающее въ своей безповоротности: «Проклятъ, воздерживающій свою руку отъ крови!» И съ этой прямолинейностью, неоцѣнимой лишь при такой непогрѣшимости, какую можетъ приписывать человѣческому уму только наивное или ребяческое недомысліе, онъ причинилъ неисчислимый вредъ современному обществу, оставя и въ послѣдующемъ времени мало слѣдовъ того дѣйствительно-благотворнаго вліянія, которое заключается въ разумно-умѣренныхъ притязаніяхъ духовной власти, не доводимой, подобно власти папской, до крайнихъ предѣловъ.

Послѣдніе годы Генриха.

Борьба продолжалась, потому что партія Григорія пережила своего вождя, но дѣло утратило уже свой непосредственный интересъ и подробности этой борьбы съ ея перемѣннымъ счастьемъ и отдѣльными эпизодами

такъ схожи съ предыдущими, что ея позднѣйшая исторія до смерти Генриха IV можетъ быть передана въ краткихъ словахъ. Въ 1084 году Генрихъ воротился въ Германію императоромъ и оставался въ ней до 1090 года. Продолжавшаяся война производила опустошенія попрежнему. Разбойничьи зáмки множились; съ тѣмъ вмѣстѣ расширялись монастырскія зданія, не вмѣщавшія уже всѣхъ, желавшихъ бѣжать отъ ужасовъ, творимыхъ въ міру. Народъ,—та часть его, которая не жила войною,—жаждалъ мира и идея «мира Господня», пустившая глубокіе корни, дѣйствительно оказывала уже свое вліяніе: вѣрная королю, лютихская епархія, съ ея епископомъ Генрихомъ и всѣмъ клиромъ, положила тому начало въ 1081 г.; болѣе значительная кельнская епархія примкнула къ тому же движенію въ 1083 г.; несмотря, однако, на эти повторяемыя усилія, миръ въ государствѣ не наступалъ. Въ 1086 г. король Генрихъ проигралъ новое сраженіе при Плейхфельдѣ, въ окрестностяхъ Вюрцбурга, выступивъ противъ своего соперника, Германа, дѣло котораго, впрочемъ, тоже не подвигалось впередъ, и самъ онъ покончилъ свою безполезную жизнь лѣтомъ 1088 г. Заступившій его мѣсто, честолюбивый и вѣроломный маркграфъ Экбертъ фонъ-Мейсенъ, уже почти упрочивъ свое положеніе, былъ убитъ въ 1090 г. нѣкоторыми изъ приверженцевъ Генриха въ саксонской землѣ; въ этомъ 1090 г. миръ былъ возстановленъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ, настолько, что Генрихъ могъ отправиться въ Италію, гдѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ его противниковъ, и они могли, дѣйствуя оттуда, поддерживать постоянную смуту и въ Германіи.

Война въ Германіи. Урбанъ II.

По смерти Григорія, сторонники его пришли въ нѣкоторое замѣшательство, потому что никто не хотѣлъ принять на себя его наслѣдія. Наконецъ, рѣшился на это Дезидерій, аббатъ въ Монте-Кассино. На долю этого Виктора III, въ теченіе его короткаго первосвященства, выпали самые тяжкіе дни: вокругъ Рима и въ самомъ городѣ бушевала борьба между его приверженцами и сторонниками Климента. Не только мѣстность, прилегающая къ собору Св. Петра, но самая церковь была мѣстомъ побоища. По смерти Виктора въ 1088 г., григоріанская партія избрала, въ Террачинѣ, остійскаго епископа Льва, подъ именемъ Урбана II, француза по рожденію, человѣка столь же строгихъ правилъ, какъ и Григорій, но болѣе уступчиваго и благоразумнаго. Онъ былъ признанъ въ Испаніи, Франціи, Англіи, большей части Италіи, но не могъ утвердиться въ самомъ Римѣ, пока не была сломлена власть императора. Онъ скрѣпилъ союзъ нѣмецкихъ и итальянскихъ противниковъ Генриха, женивъ молодого вельфа, семнадцатилѣтняго сына нѣмецкаго соперника Генриха, на болѣе нежели сорокалѣтней маркграфинѣ Матильдѣ, приносившей, въ своемъ усердіи къ дѣлу Св. Петра, новую жертву такимъ вступленіемъ во вторичный фиктивный бракъ. Съ 1090 по 1092 г. императоръ оставался въ Италіи, воюя съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ 1092 году его злѣйшій врагъ, маркграфиня Матильда, едва не попала въ его руки, въ самой Каноссѣ. Но весьма опасныя усложненія въ Германіи вызвали его обратно туда; несчастіе преслѣдовало его здѣсь подъ другимъ видомъ. Онъ вступилъ, въ 1088 г., во второй бракъ съ вдовой маркграфа Нордмаркскаго, принцессой русскаго происхожденія, Евпраксіей или Параске-

вой, принявшей въ Германіи имя Адельгейды. Этотъ бракъ принесъ ему горе: Адельгейда съумѣла склонить Конрада, его девятнадцатилѣтняго сына отъ перваго брака, на измѣну отцу.

Измѣна Конрада.

Поводы къ этой измѣнѣ, обнаружившейся въ 1093 г., остаются не вполнѣ ясными. Молодой человѣкъ, по описанію, былъ красивъ, ловокъ, образованъ и «истый католикъ», по одному источнику; слѣдовательно, можно предположить, что побужденіемъ къ разладу послужили церковные взгляды и различіе убѣжденій; это различіе, понятнымъ образомъ, усложнялось, съ обѣихъ сторонъ, весьма мірскими расчетами, непрестанно возникавшими и усиливавшими его. Разрывъ былъ подготовленъ въ Италіи, при чемъ папа Урбанъ и маркграфиня выставили Конрада главою и знаменосцемъ папской партіи. Снова были пущены въ ходъ всѣ тѣ средства, которыя употреблялись уже ранѣе для борьбы съ императоромъ, и не съ меньшимъ успѣхомъ, нежели прежде. Его собственная супруга подготовляла гибель ненавистнаго мужа, безстыдно выставляя свои личные пороки на позоръ свѣту. Великая маркграфиня, которую ея біографъ величаетъ «Деборой», сблизилась съ этой женщиной, и даже тяжело передавать всѣ подвиги благочестивой ненависти и партійной ярости, совершенные ими. Въ Италіи сторонники Урбана и маркграфини взяли рѣшительно перевѣсъ, между тѣмъ какъ Германія уже утомлялась борьбою и движеніе въ пользу «мира Божія» усиливалось тамъ непрерывно. Во главѣ его стоялъ самъ императоръ. Новый подъемъ духа, съ которымъ познакомимся ниже, направлялъ церковныя силы въ иную, живую сторону; это была мысль, взлелѣянная еще Григоріемъ,—мысль объ освобожденіи Св. Гроба и другихъ святынь изъ рукъ невѣрныхъ. И вотъ эта мечта осуществлялась на практикѣ: папа Урбанъ былъ именно человѣкомъ, способнымъ обратить вышеказанное движеніе на пользу увеличенія церковнаго могущества. Онъ созвалъ, въ 1095 г., большой соборъ въ Клермонѣ; блескъ и воодушевленіе этого съѣзда нашли откликъ въ Италіи. Со времени разгрома Норманнами, въ 1084 г., Римъ былъ слишкомъ ненадежнымъ мѣстомъ для папы, державшагося воззрѣній Григорія VII, и лишь въ концѣ

Юный Конрадъ, сынъ Генриха IV. Современное изображеніе въ пергаментной рукописи «Жизнеописанія Матильды», законченной въ 1114 г. Теперь въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ.

1096 г. Урбанъ могъ водвориться въ немъ уже на долгое и спокойное житье, между тѣмъ какъ Генрихъ, власть котораго въ итальянскихъ земляхъ значительно ослабѣла въ послѣдніе года, покинулъ въ это время Италію и воротился въ Германію, заключивъ миръ съ Вельфскимъ домомъ, алчность котораго обманула графиню Матильду.

Начало Крестовыхъ походовъ. Мирное время.

Наступило сравнительно мирное время: начало Крестовыхъ походовъ придавало общественному настроенію новый характеръ, и Генрихъ постарался воспользоваться этимъ для умиротворенія страны, что̀ удалось ему въ главнѣйшей части Германіи, именно въ Баваріи, Швабіи и Саксоніи. Можно было надѣяться на лучшія времена: личное значеніе Генриха, положеніе, постепенно достигнутое имъ государственной мудростью, оказывали уже свое плодотворное вліяніе на все. Намъ остались описанія этого счастливаго времени, въ которое народъ снова вздохнулъ свободнѣе, а сословіе воинственныхъ вассаловъ, необыкновенно размножившееся и возгордившееся при непрестанной борьбѣ, отступило снова на задній планъ. Но почва была все еще непрочна, разумѣется, и епископы въ особенности не представляли собою надежной опоры для императора, не столько потому, что грегоріанское ученіе распространялось среди нѣмецкаго духовенства, какъ потому, что эти епископы страшились возстававшихъ противъ нихъ городскихъ населеній, которыя составляли главный оплотъ Генриха. Въ 1099 г. (іюль) скончался Урбанъ, черезъ нѣсколько дней послѣ завоеванія крестоносцами священнаго города. Но эта смерть не принесла пользы Генриху и его анти-папѣ. Кардиналы избрали немедленно Пасхалія II. Климентъ III, игравшій, въ теченіе двадцати лѣтъ, неблагодарную роль имперскаго папы, умеръ въ слѣдующемъ 1100 г. Генрихъ не настаивалъ особенно на избраніи новаго анти-папы, хотя и дѣлалъ попытки къ тому въ Римѣ; но онъ тщательно заботился о водвореніи спокойствія въ своихъ земляхъ. Въ 1099 г. (іюнь) его второй сынъ, шестнадцатилѣтній Генрихъ, принялъ отъ него королевскую корону въ Ахенѣ. Въ 1101 г. умеръ во Флоренціи старшій, несчастный король Конрадъ, слишкомъ поздно понявшій свое ничтожное значеніе и ту роль, которую его заставляли играть, для цѣлей, носившихъ лишь личину благочестія и служенія Церкви. Генрихъ IV, рано постарѣвшій, пришелъ къ мысли, навѣянной ему новымъ столѣтіемъ, начатымъ Крестовыми походами. Воодушевленіе на пользу этихъ походовъ проникало уже отчасти въ германскій народъ, относившійся сначала къ движенію только съ любопытствомъ и удивленіемъ, но холодно. Въ Майнцѣ, 1103 года, Генрихъ заявилъ о своемъ намѣреніи отправиться тоже въ Святую Землю, передавъ правленіе сыну.

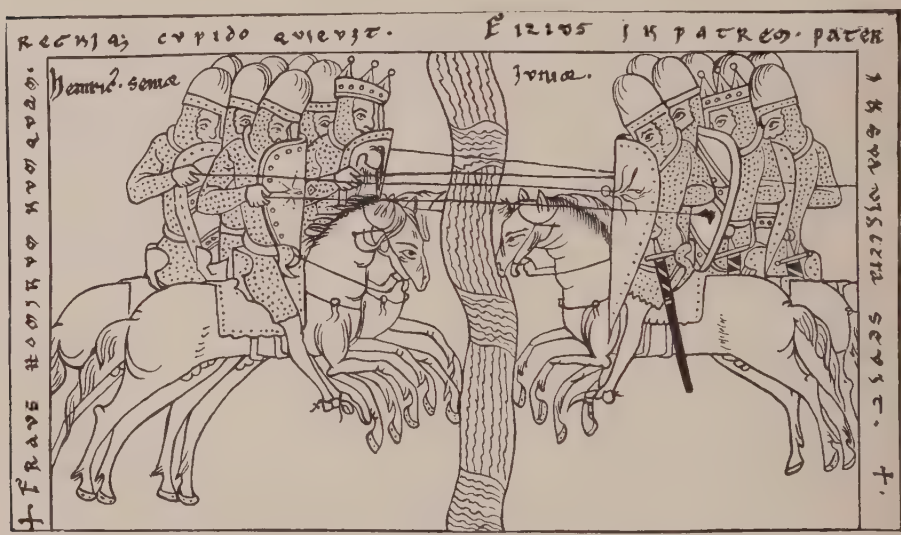
Но такой мирный конецъ не долженъ былъ выпасть на долю человѣка, истерзаннаго всякими муками. Генрихъ хотѣлъ довершить сначала, до своего отбытія, дѣло успокоенія страны; въ тотъ самый день, когда онъ заявилъ о своемъ достойномъ намѣреніи, имъ былъ изданъ актъ, всѣхъ призывавшій присягою къ миру въ государствѣ. Этотъ миръ, согласно извѣстіямъ, держался много лѣтъ довольно удовлетворительно и принесъ большую пользу низшимъ классамъ, особенно промысловому люду, купцамъ, поселянамъ, евреямъ, вообще народной массѣ, въ интересы которой Ген-

рихъ постоянно вникалъ. Уваженіе къ императору замѣтно усиливалось и повторенное противъ него Пасхаліемъ II отлученіе отъ Церкви не произвело никакого рѣшительнаго воздѣйствія, потому что было лишено всякаго обоснованнаго повода или хотя-бы предлога. Тѣмъ не менѣе, для Генриха была несчастіемъ эта длившаяся рознь съ папствомъ, — папствомъ преобразованнымъ и ореолъ котораго крайне расцвѣлъ въ послѣднее время, благодаря успѣхамъ на Востокѣ. Къ тому же, продолжительная междоусобица оставила повсюду сѣмена, благодарную почву и поводы или предлоги для новыхъ смутъ. Кромѣ того, въ самихъ общественныхъ условіяхъ Германіи того времени было не мало такого, что̀ не могло способствовать продолжительному спокойствію въ государствѣ.

Новый заговоръ князей. Король Генрихъ.

И вотъ, въ прославленной странѣ вѣрности возникаетъ, безъ особыхъ очевидныхъ поводовъ къ тому, новый заговоръ князей, во главѣ котораго они постарались поставить, и не безъ успѣха, самого, недавно короованнаго, наслѣдника престола, Генриха. Его дальнѣйшая исторія доказываетъ, что онъ былъ властолюбивъ и способенъ къ власти. Царствованіе отца казалось ему слишкомъ продолжительнымъ; онъ боялся тоже, быть-можетъ, что, подъ отцовскимъ управленіемъ, королевское могущество ослабѣетъ еще болѣе. Злой, жестокій, лукавый, онъ принялъ на себя роль, которую предлагали ему князья-заговорщики, при чемъ онъ могъ надѣяться и на поддержку григоріанцевъ, задавшись, разумѣется, въ то же время, намѣреніемъ обмануть ихъ. Въ декабрѣ 1104 года, сопровождая императора въ походѣ его противъ одного мятежнаго саксонскаго вассала, нарушившаго спокойствіе въ странѣ, онъ тайно покинулъ отцовскій лагерь, скрылся въ Баварію, отправилъ пословъ къ папѣ и собралъ вскорѣ вокругъ себя всѣхъ, кого только могли вооружить противъ императора открытая ненависть къ нему, жажда перемѣны или папистскій фанатизмъ: весьма кстати было при этомъ помянуто, что императоръ находился еще подъ гнетомъ церковнаго отлученія. Король Генрихъ унаслѣдовалъ отъ своего отца умѣнье притворяться; особенно искусно надѣвалъ онъ на себя личину крайняго благочестія. Папа не замедлилъ осѣнить юношу своимъ благословеніемъ, хотя тотъ поступалъ далеко не во всѣхъ отношеніяхъ согласно ново-церковнымъ правиламъ. Въ 1105 году, сынъ и отецъ, король и императоръ, выступили со своими арміями другъ противъ друга, а въ августѣ мѣсяцѣ, послѣ неудавшихся переговоровъ, враждебныя силы сошлись на битву, раздѣляемыя лишь рѣкой Регенъ. Сынъ былъ настолько уменъ, что не принялъ боя, распустивъ всюду слухъ будто старается только о примиреніи своего отца съ папою. Но у него были завязаны сношенія съ войскомъ, стоявшимъ по ту сторону рѣки, и императоръ хорошо зналъ, какъ мало можно было довѣрять нѣмецкимъ князьямъ. Онъ самъ отказался отъ своего дѣла и уѣхалъ изъ арміи, которая разошлась. Сила короля возрастала; императоръ, не имѣя войска, потерявшій всякую бодрость, прибылъ въ октябрѣ 1105 года въ Майнцъ, но скоро покинулъ этотъ городъ, который изъявилъ свою покорность королю. Генрихъ IV оставался нѣкоторое время въ нерѣшимости, но наконецъ согласился на свиданіе съ сыномъ въ Кобленцѣ. Молодой Генрихъ разыгралъ здѣсь свою роль въ совершенствѣ: онъ клялся въ своей сыновней

преданности, въ своей вассальной вѣрности, требуя отъ отца только одного: его примиренія съ римскимъ престоломъ. Заполучивъ его такимъ образомъ въ свою власть, онъ повезъ его не въ Майнцъ, гдѣ долженъ былъ состояться княжскій съѣздъ и населеніе было весьма расположено къ императору, а въ сосѣдній за́мокъ Бёкельгеймъ. Здѣсь, подъ гнетомъ дурного обращенія и угрозъ, епископъ шпейерскій, приставленный къ императору, вынудилъ у него, подъ страхомъ самыхъ крайнихъ мѣръ, актъ отреченія, который и привезъ 27 декабря королю на майнцскій



Изображеніе столкновенія, которое чуть было не произошло между Генрихомъ IV и его сыномъ (позднѣе Генрихомъ V). Заимствовано изъ Іенской ркп. хроники Оттона Фрейзингенскаго.

Весьма характерно представляетъ и вооруженіе современныхъ воиновъ, и самый ихъ способъ битвы. Оба строя, выставивъ впередъ копья, устремляются другъ противъ друга. Императора Генриха IV не трудно узнать по одноглавому орлу на щитѣ и надписи (въ углу налѣво) «Heinricus senior» (Генрихъ старшій). Сынъ его, съ другой стороны, обозначенъ подписью: «junior» (младшій). Кругомъ изображенія надпись:

«Fraus hominum numquam regnique cupido quievit;
Кривдѣ человѣческой и алчбѣ власти не бываетъ конца;
Filius in patrem, pater in sua viscera sevit».
Сынъ свирѣпствуетъ противъ отца, отецъ противъ своего дѣтища.

Вотъ какъ описываетъ это событіе Оттонъ Фрейзингенскій (ок. 1144 г.): «и вотъ каждый изъ нихъ, и отецъ, и сынъ, занимаютъ свои позиціи на берегахъ р. Регенъ. Уже и станы ихъ убраны, и боевые строи устроены, уже и приверженцы ихъ возбуждаютъ къ убійственной распрѣ—отца противъ сына, сына противъ отца. И только рѣка, протекающая между ними, препятствуетъ выполненію столь безбожнаго замысла.

княжескій съѣздъ. Королевскія регаліи были доставлены въ Майнцъ и архіепископъ поднесъ ихъ королю, которому князья повторили свою присягу на вѣрность.

Послѣ того, какъ римскій легатъ утолилъ еще разъ месть Церкви надъ Генрихомъ, заставивъ его сначала исповѣдоваться, а затѣмъ отказавъ ему въ отпущеніи грѣховъ, императоръ могъ уѣхать въ Ингельгеймъ. Дѣло казалось поконченнымъ, но онъ покинулъ этотъ городъ, имѣя основанія опасаться за свою жизнь. Его встрѣчали съ большимъ сочувствіемъ во всѣхъ городахъ, въ которыхъ послѣднія событія вызывали сильное негодованіе. Это пробудило въ немъ еще разъ монаршую твердость: остановясь въ Люттихѣ, преданномъ идеѣ «мира Господня», и принятый крайне привѣтливо горожанами, Генрихъ объявилъ недѣйствительнымъ свое отреченіе, исторгнутое у него частью хитростью, частью угрозами. Оружіе было поднято снова. Сильнымъ операціоннымъ базисомъ для императора сдѣлался Кёльнъ, и король тщетно осаждалъ этотъ городъ въ слѣдующемъ году. Первая половина 1106 года прошла въ приготовленіяхъ къ новой борьбѣ и въ переговорахъ; съ обѣихъ сторонъ пересылались письма и послы, но—императоръ скончался въ Люттихѣ, 7 августа, послѣ кратковременной болѣзни.

Онъ примирился съ Богомъ и причастился Св. Таинъ и препроводилъ еще къ сыну, котораго прощалъ, просьбу: не мстить за вѣрность тѣмъ, кто помогалъ ему, императору, среди его послѣднихъ бѣдствій. Такое примирительное настроеніе не нашло отголоска въ представителяхъ той среды, которая именовала себя вселенскою или католическою Церковью, или Церковью Св. Петра, или иными титулами. За нѣсколько столѣтій тому назадъ, на такъ-называемомъ «Трехглавомъ спорѣ», въ духовныхъ сферахъ поднимался серьезный вопросъ о непримѣнимости анаѳемъ къ покойникамъ. Но съ тѣхъ поръ римская Церковь шагнула впередъ въ отношеніи духовной злобы, и потому тѣло Генриха IV, вынутое изъ могилы по распоряженію епископа, оставалось пять лѣтъ безъ погребенія въ неосвященной часовнѣ, и было схоронено въ Шпейерскомъ соборѣ (какъ того желалъ покойный) лишь въ 1111 г. Сужденія о Генрихѣ IV выяснялись медленно, потому что партійный раздоръ, среди котораго протекла вся его жизнь, продолжался и въ послѣдующее время, мало измѣняясь въ своихъ проявленіяхъ. Ошибки Генриха теперь очевидны, но вмѣстѣ съ ними и смягчающія ихъ обстоятельства. Лишенный отца еще въ дѣтствѣ, онъ росъ подъ опекою слабой и ограниченной матери, и еще будучи отрокомъ, былъ вовлеченъ въ водоворотъ борьбы партій; близъ него не было никого, кто могъ бы, въ годы его возмужанія, внушать ему уваженіе своею чистою доблестью и дѣйствительнымъ превосходствомъ ума. Не удивительно, если его одолѣваютъ всѣ страсти и пороки своевольной юности и въ немъ разгорается пылъ своевластія. Этого нельзя не признать, даже допуская всѣ тѣ искаженія отдѣльныхъ фактовъ и тѣ обвиненія, которыми обливалъ его ядъ партійныхъ клеветъ, служившій во всѣ времена римскому духовенству безпощаднымъ орудіемъ противъ враговъ. Но мало-по-малу, по мѣрѣ своего развитія,—во всякомъ случаѣ очень рано, — Генрихъ обнаружилъ недюжинныя способности, о чемъ свидѣтельствуютъ даже и сами его противники, главнымъ изъ коихъ былъ папа Григорій: они не злобствовали бы такъ противъ него, если бы опасались его менѣе; и страхъ, наводимый имъ, прекратился

лишь съ его смертью. Но какъ бы ни были велики его заблужденія, никто изъ людей не поплатился на землѣ за свои грѣхи столь дорогою цѣною, какъ этотъ злополучный и весьма замѣчательный человѣкъ, вся жизнь котораго протекла въ борьбѣ съ силами, грознѣе которыхъ ничего нельзя себѣ вообразить. Въ союзѣ противъ него участвовало и самыя высшія, и самыя низкія побужденія, самыя возвышенныя и самыя грубыя: съ одной стороны возвышеннѣйшій изъ человѣческихъ замысловъ, осуществленіе царствія Господня на землѣ, при чемъ представителемъ такой идеи былъ человѣкъ столь высоко парящаго ума, какъ Григорій; съ другой—гнусное самолюбіе въ его омерзительнѣйшихъ проявленіяхъ,—и обѣ эти стороны согласовалось и соединялись въ борьбѣ противъ него. Однако, борьба Генриха не была напрасной. Онъ стоялъ за королевскія права и, съ тѣмъ вмѣстѣ, за права государства, то-есть, за «право» въ общемъ смыслѣ; и если этому борцу пришлось покончить несчастливо, то все же онъ, по крайней мѣрѣ, умалилъ побѣду партіи Св. Петра на нѣмецкой землѣ и отклонилъ отъ этой земли иго духовнаго абсолютизма.

Сынъ его и преемникъ, Генрихъ V, унаслѣдовалъ отъ отца эту идею, не позаимствовавъ у него ничего иного, присущаго ему, какъ человѣку: ни изъ его человѣческихъ добродѣтелей, ни изъ человѣческихъ заблужденій.

Но прежде нежели обозрѣть его царствованіе, необходимо бросить взглядъ на другія европейскія государства, на достигнутое ими развитіе и на то поразительное движеніе въ пользу Крестовыхъ походовъ, въ которомъ впервые обозначилась яснѣе общность и связь всей европейской жизни.

† Heinricius D(e)i Gra(tia) Rex.

Королевская печать Генриха IV. На треть уменьшена.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Европейскія внѣ-германскія государства до конца одиннадцатаго столѣтія.

Не одинъ только естественный интересъ къ исторіи своей націи заставляетъ насъ ставить Германію на первый планъ при изображеніи средневѣковаго быта. Германія была, дѣйствительно, серединнымъ государствомъ, и соединеніе нѣмецкой королевской власти съ высшимъ достоинствомъ, какое тогда вообще было въ мірѣ, именно,—съ правомъ носить и римскую императорскую корону,—было, отчасти, слѣдствіемъ преобладающаго могущества Германіи, отчасти же, явнымъ признаніемъ его, заявляемымъ, при случаѣ, и иностранными государями. Но при всемъ допущеніи этого цезарства, какъ фикціи почетной и весьма удобной для напоминанія при разныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ, повсюду развивался націонализмъ и понятіе о національной государственности. Поэтому, прежде нежели идти далѣе, мы должны уяснить себѣ, насколько развилась государственная жизнь въ Европѣ на рубежѣ одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтій. По общепринятому взгляду, населеніе Европы распадается на три главныя этнографическія составныя части, по сравненію съ которыми остальныя занимаютъ лишь второстепенное мѣсто; это:—германская, романская и славянская расы; и тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ общимъ представленіемъ объ европейской жизни, такое раздѣленіе оказывается удобнѣйшимъ. Но при разсмотрѣніи настоящаго, первоначальнаго періода необходимо не упускать изъ вида, что національности, которыя мы зовемъ теперь романскими, образовались подъ вліяніемъ болѣе сильныхъ германскихъ элементовъ, господствовавшихъ тогда на Западѣ: въ Италіи, Галліи и Испаніи, и что въ тогдашнемъ европейскомъ мірѣ была еще одна закваска, весьма сильно повліявшая на судьбы юго-западныхъ странъ: Италіи, даже Галліи, но, въ особенности, Испаніи. Мы разумѣемъ Аравитянъ. Различныя части Римской имперіи.

Основаніе испанской монархіи Карломъ Великимъ (785; 797; 802) положило здѣсь преграду поступательному движенію этого народа. На западѣ, около самыхъ горъ сѣверо-испанскаго побережья, находилось маленькое королевство Астурія, въ которомъ сосредоточились силы христіанскаго населенія. Мало-по-малу, изъ графствъ и герцогствъ образовались, различнымъ Аравитяне. Испанія.

путемъ, — путемъ войнъ или раздѣловъ, — нѣсколько государствъ: Леонъ, Кастилія, Наварра, — при чемъ послѣдняя, при Санхо Великомъ († 1035) стала преобладающимъ средоточіемъ христіанской Испаніи. Но по смерти Санхо, это государство снова распалось. Леонъ и Кастилія были соединены, послѣ того какъ послѣдній леонскій король палъ въ битвѣ противъ Фердинанда I (1037), и это государство стало главнымъ на западѣ Испаніи, подобно тому, какъ была Аррагонія на востокѣ. Этотъ же 1037 годъ былъ роковымъ для омаядскаго калифата на Пиринейскомъ полуостровѣ, подвергнувшагося участи всѣхъ магометанскихъ и вообще восточныхъ деспотическихъ государствъ. Въ началѣ XI вѣка правительственная власть была здѣсь такъ ослаблена, что въ Кордовѣ былъ провозглашенъ калифомъ (1016) одинъ изъ принцевъ соперничествовавшаго съ царствовавшей династіей дома *Эдризидовъ*, утвердившихся въ сѣверо-западной Африкѣ съ 785 г. Эти внутренніе раздоры магометанъ поощряли христіанъ къ нападеніямъ; но успѣхъ колебался. Въ половинѣ столѣтія аравійская Испанія распалась на множество мелкихъ и весьма ненадежныхъ владѣній, мѣнявшихъ правителей согласно исходу борьбы, благодаря чему королю кастильскому, Альфонсу VII, удалось нанести мусульманамъ тяжелый ударъ, отнявъ у нихъ Толедо. Но свѣтило ислама возсіяло вновь: ратующая правовѣрная секта или свѣжая династія,—Альморавиды или *Мораветы*,—основала въ Марокко новое государство и двинула свои войска на помощь единовѣрцамъ, умолявшимъ о заступничествѣ. Восьмидесятилѣтній вождь, Юсуфъ, переправился съ этой арміей въ Испанію. Онъ встрѣтился съ Альфонсомъ при *Салаккасѣ*, на Гвадіанѣ. Но сраженіе было отложено на извѣстный день вслѣдствіе довольно любопытнаго соглашенія: въ пятницу закономъ не дозволялось сражаться мусульманамъ, въ субботу— евреямъ, по причинѣ шабаша, въ воскресенье — христіанамъ. Дѣло было отнесено, поэтому, на понедѣльникъ. Христіане потерпѣли страшное пораженіе. Съ этимъ временемъ ожесточенной борьбы совпадаютъ геройскіе подвиги великаго христіанскаго воителя, прославленнаго поэзіей, рыцаря Рюй-Діаза, прозваннаго *Сидомъ* (властителемъ). Онъ взялъ, въ 1094 г., Валенсію, но по смерти его, въ 1102 году, городъ перешелъ опять во власть Аравитянъ.

Италія. Что касается древней серединной земли, Италіи, то ея исторія совпадаетъ вполнѣ, съ 476 г. и до начала Крестовыхъ походовъ, съ исторіею Германіи. Двѣ германскія народности, — сначала Остъ-готы, а потомъ Лангобарды, — долго владѣли здѣсь значительною долей страны, и какъ ни мало осталось здѣсь Остъ-готовъ послѣ восточно-римской реставраціи, и какъ ни малочисленны могли быть Лангобарды по отношенію къ туземному населенію, но все же въ Верхней Италіи, какъ между дворянствомъ, такъ и среди поселянъ, было много германской крови. Большія нашествія не повторялись уже послѣ Лангобардскаго. Водвореніе немногочисленнаго норманнскаго рыцарства, или ихъ наемныхъ шаекъ, въ Южной Италіи, не можетъ считаться такимъ нашествіемъ, несмотря на все значеніе этого норманнскаго элемента. Весьма много отдѣльныхъ лицъ германскаго происхожденія переселялись тоже въ Италію, со временъ Карла Великаго, притомъ, большею частью, занимая здѣсь положеніе вліятельное:

то были графы, маркграфы, герцоги, епископы, архіепископы. Этотъ германскій элементъ слился безъ затрудненія съ туземнымъ. Какъ мы уже видѣли, вторженіе Венгровъ и Аравитянъ ускорило этотъ процессъ, облегчавшійся еще общностью вѣроисповѣданія и тѣмъ, что латинскій языкъ былъ общецерковнымъ и культурнымъ языкомъ того времени. Однако, чувство единенія въ Италіи не проявлялось; напротивъ того, эта страна, созданная самою природою для образованія единаго государства, раздробилась на мелкія общины, и стремленіе отдѣльныхъ частей къ самостоятельности взяло перевѣсъ надо всѣмъ. За югъ, Сицилію и области Апулію и Калабрію спорили Греки и Аравитяне, но овладѣли окончательно тою и другою страною не они, а Норманны. Какъ было сказано выше, Робертъ Гискаръ умеръ герцогомъ Апуліи и Калабріи (1085); младшій его братъ, Рожеръ, завоевалъ себѣ (съ 1066) отдѣльныя владѣнія въ Сициліи. Княжества Беневентское, Салернское, Капуанское, мѣняли своихъ властителей, но оставались самостоятельными; такое же стремленіе къ обособленію господствовало въ остальной Италіи подъ различными формами. Мы упоминали о соперничествѣ города Св. Амвросія съ притязаніями преемниковъ Св. Петра; другіе духовные властители были также сильно проникнуты духомъ партикуляризма, раздѣляемымъ, обыкновенно, и населеніемъ ихъ владѣній. Бо̀льшею частью, именно жизненный элементъ городовъ, этихъ старинныхъ муниципій въ странѣ, былъ насадителемъ того благосостоянія и культуры, которыя развивались, несмотря ни на какія преграды. Каждая изъ этихъ городскихъ общинъ усвоила себѣ — и многія изъ нихъ съ давнихъ поръ — свой особый, обусловленный ея исторіею, характеръ; нѣкоторые города, какъ, напримѣръ, Миланъ, Генуя, Равенна, гордились уже тысячелѣтнимъ прошлымъ; другіе, напротивъ, подобно столь своеобразно развившейся *Венеціи*, поставляли себѣ за честь свою юность. Зародившись изъ поселковъ, заложенныхъ бѣглецами на безчисленныхъ островкахъ устьевъ По, во времена Аттилы и Альбоина, общины, возникшія здѣсь, были вначалѣ вполнѣ демократичными, а потомъ стали соединяться мало-помалу, пока, наконецъ, не образовали настоящаго государства, избравшаго себѣ перваго «дуку» или «дожа» въ лицѣ Паулуччи Анафесто (697). Въ 810 году мѣстопребываніе центральной власти было перенесено на Ріальто, средній и бо̀льшій изъ всѣхъ островов, а остальные, меньшіе, превратились какъ бы въ кварталы одного обширнаго города. При постоянной необходимости отражать морскіе разбои, набѣги Истрійцевъ и Аравитянъ, жители выработались въ отличныхъ мореходовъ и къ 1000 г. новый городъ стоялъ уже давно на равной ногѣ съ своими гордыми братьями-городами, основанными еще во времена Римлянъ или Этрусковъ. Папство, достигшее уже высокой степени могущества, было, однако, совершенно неспособно служить единенію различныхъ политическихъ, общественныхъ и національныхъ элементовъ. Римскій духъ обособленности былъ подавленъ въ тяжелой борьбѣ, но не для того, чтобы дать мѣсто итальянской національной политикѣ, а лишь для созданія одной власти надъ властями, — власти, которая возносилась-бы надъ всѣми народами, и, наконецъ, именно въ силу этой своей всеобъемлемости была осуждена на погибель.

Галлія. Въ Галліи дѣла приняли иной оборотъ, хотя и эта страна включала въ себѣ весьма разнородное населеніе. Основнымъ камнемъ было здѣсь романизированное кельтійское первобытное племя, которое удержалось въ своемъ первоначальномъ видѣ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ (напримѣръ, въ Бретани); но жизнь высшихъ сословій, ихъ языкъ и обычай были уже существенно римскими въ то время, когда германскій элементъ вторгся въ страну въ лицѣ своихъ разнообразныхъ представителей: Готовъ, Бургундовъ, Аллемановъ и Франковъ. Мы уже видѣли, какъ всѣ эти народности подѣлились при войнѣ и мирѣ въ Франкскомъ государствѣ и зажили мирными сосѣдями въ возобновленной Карломъ Великимъ Римской имперіи. Къ той связи, которую налагала на нихъ общность религіи и Церкви, присоединился теперь еще государственный строй, заставлявшій епископовъ и мірскія власти съѣзжаться на частые сеймы и приносившій несомнѣнную пользу во всѣхъ отношеніяхъ, пока власть находилась въ рукахъ сильнаго государя. Но борьба сыновей Людовика Благочестиваго еще при жизни его, а потомъ и послѣ его кончины, завершилась Вердёнскимъ договоромъ, по которому Франція раздѣлилась на восточную и западную, первообразомъ чего было уже прежнее дѣленіе на Австразію и Нейстрію. Въ одной половинѣ соединились племена, говорящія на нѣмецкомъ языкѣ; въ другой преобладалъ, вырабатывавшійся изъ народнаго латинскаго, романскій языкъ,— и романскій укладъ утвердился здѣсь тѣмъ сильнѣе, что третья часть государства, выпавшая на долю Лотарія, Лотарингія, въ которой тоже жило нѣмецкое племя, никогда не оставалась на долгое время въ составѣ Западной Франціи. Но корень карловингской власти сталъ вымирать еще при Карлѣ Лысомъ. Эта власть и лично самъ король не были въ силахъ отразить норманнскихъ морскихъ разбойниковъ, эту язву второй половины девятаго столѣтія. Одно изъ преимуществъ Франціи, ея многоводныя рѣки, текущія по извилистымъ русламъ въ Атлантическій океанъ, оказывалось, на дѣлѣ, крайне гибельнымъ для нея, вслѣдствіе непринятыхъ своевременно мѣръ къ созданію морской силы: эти самыя рѣки служили викингамъ открытыми дорогами для проникновенія внутрь страны. Какъ было выше сказано, уже по смерти Карла Толстаго (888), нѣкоторые вельможи избрали короля изъ другой династіи, однако, Карловинги продержались еще болѣе столѣтія въ Западной Франціи. Мнѣніе, будто бы дѣла шли въ это время здѣсь тѣмъ же чередомъ, какъ и по смерти Хлодвика, не вполнѣ состоятельно: западно-франкскіе короли, потомки Карла Великаго, были вовсе не такими ничтожными, какъ послѣдніе Меровинги; скорѣе въ самой системѣ управленія было нѣчто неизбѣжно ослаблявшее монархію. Лэнное право сообщало владѣтелямъ большихъ коронныхъ лэнныхъ помѣстій громадную силу, дозволяя имъ подраздѣлять свои владѣнія между множествомъ второстепенныхъ вассаловъ, обязанныхъ подчиненіемъ имъ. Стремленіе къ обособленію, возраставшее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ-то: въ Аквитаніи, Бургундіи, питало еще болѣе эту силу и порождаемое ею высокомѣріе крупныхъ вассаловъ. Такъ, уже при второмъ преемникѣ Карла Плѣшиваго, Людовикѣ III, Бургундія отложилась и герцогъ ея, Бозонъ, былъ провозглашенъ королемъ своими

приверженцами (879). Этому примѣру послѣдовалъ, въ 888 г., Рудольфъ: его сторонники въ Сенъ-Морисѣ признали его тоже королемъ надъ горною областью между Юрою и Аппенинскими Альпами, называемою Верхней Бургундіей. Оказывалось, что мѣстные вассалы считали своего непосредственнаго лэннаго владѣтеля, а никакъ не короля, за дѣйствительнаго повелителя всей страны, и такой же взглядъ обнаружился и въ другихъ большихъ лэнахъ: Вермандуа, Шампани, Бретани, Гасконіи, Тулузѣ, Аквитаніи, подробная исторія которыхъ, по всей вѣроятности, должна быть любопытнѣе, какъ болѣе поучительная, чѣмъ исторія Западной Франціи въ ея общмъ составѣ. Въ 911 г. къ этимъ королевствамъ прибавилось еще одно новое: противъ графа Одона Парижскаго, котораго, послѣ смерти Карла Толстаго, часть знати выбрала въ короли, былъ выставленъ другою партіей, — или заговорщиками, во главѣ которыхъ стояло опять духовное лицо: реймскій архіепископъ Фулькъ, — Карловингъ Карлъ, признанный, по смерти Одона въ 898 году, единовластнымъ королемъ. Этотъ Карлъ рѣшился на отчаянную, но удачную мѣру, чтобы избавиться отъ норманнскихъ нападеній: онъ предложилъ грозному вождю норманновъ, Роллону, всю нижнюю область Сены, какъ западно-французское лэнное герцогство. Роллонъ принялъ христіанство съ именемъ Роберта, герцога Норманнскаго, и вступилъ въ бракъ съ одною изъ королевскихъ дочерей. Норманнскіе набѣги, дѣйствительно, здѣсь прекратились. Не стоитъ слѣдить далѣе за борьбою и интригами въ Лотарингіи, продолжавшимися при Карлѣ и его преемникахъ, Лудовикѣ IV и Лотаріѣ, и усложняемыми борьбою съ претендентами на престолъ; эти смуты не могли служить къ упроченію королевской власти и когда, въ 987 году, умеръ сынъ и преемникъ Лотарія, Людовикъ V, прозванный исторіею Лѣнивымъ, за то, что онъ въ теченіе своего одногодняго царствованія (мартъ 986—май 987) не имѣлъ случая совершить ничего хорошаго или дурного, подготовленное заранѣе собраніе провозгласило королемъ герцога Гугона, владѣвшаго *Франціей*, областью при средней Сенѣ, съ городомъ Парижемъ; вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ онъ и былъ коронованъ въ Реймсѣ архіепископомъ Адальберомъ. Герцогъ Карлъ Лотарингскій, получившій свое герцогство, какъ лэнъ, отъ нѣмецкаго короля, былъ послѣднимъ изъ Карловинговъ; при посредствѣ весьма обычнаго въ то время предательства, онъ былъ выданъ новому королю и вскорѣ умеръ въ заточеніи.

Гугонъ Капетъ (987—996)—такое прозвище могло происходить отъ одежды немонашествующихъ аббатовъ, хотя соотношеніе тутъ все же остается не выясненнымъ — былъ родоначальникомъ цѣлаго ряда государей. Привилегіи и полученное уже въ даръ оставалось за вельможами, избравшими короля, и онъ, въ сущности, былъ лишь первымъ среди сорока большихъ и множества мелкихъ магнатовъ; однако, въ то время, какъ владычество Каролинговъ было вынуждено ограничиваться однимъ только городомъ Ланомъ, Гугонъ увеличилъ силы короны придачею ей хорошаго удѣла, герцогства Франціи, лежавшаго по обѣ стороны средней Сены, въ условіяхъ самыхъ благопріятныхъ для основанія сильнаго государства. Въ 996 г. ему наслѣдовалъ безпрепятственно его сынъ, Робертъ, принцъ образованный и набожный въ духѣ того времени. Сохра- Капетинги. 987.

нилось преданіе, что онъ допустилъ безнаказанно срѣзать золотые галуны съ своей царской мантіи, выражая то мнѣніе, что они, по всей вѣроятности, болѣе нужны вору, нежели ему, королю. Онъ совершалъ не менѣе трехъ паломничествъ къ Св. Гробу. Его правленіе было полезно, по крайности, своею продолжительностью (996—1031), давшею населенію возможность привыкнуть къ новой династіи. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Генрихъ I, коронованный въ Римѣ (1027) еще при жизни отца и тоже долго царствовавшій (1031—1060). При немъ, какъ уже сказано выше, королевство Бургундія перешло къ нѣмецкой коронѣ (1032). За столѣтіе предъ тѣмъ (930), оба государства по сю и по ту сторону Юры составили одно, именовавшееся Арелатскимъ, отъ своего главнаго города Арля. Приблизительно во время вышеупомянутаго перехода, обнаружилось движеніе въ пользу установленія «мира Божія», которое привело по крайней мѣрѣ къ обезпеченному самою Церковью перемирію и извѣстному упорядоченію военныхъ обычаевъ. Весьма характерно для обозначенія слабости королевской власти то обстоятельство, что эта «Trenga Dei» не признавалась вначалѣ именно Франціей. Но какъ ни слаба была эта королевская власть, всѣ приходили къ убѣжденію въ ея необходимости. Намъ извѣстны ея многочисленныя, часто неудачныя, столкновенія съ надменными вассалами, не подчинявшимися королевскимъ рѣшеніямъ; но до насъ не дошло свѣдѣній объ еще болѣе многочисленныхъ случаяхъ, при которыхъ короли упрочивали правовыя отношенія, рѣшали спорныя дѣла и вообще трудились на пользу государства; нѣтъ этихъ свѣдѣній, потому что память человѣческая хранитъ лишь то, что́ выступаетъ изъ обычнаго теченія жизни. Въ 1059 г., на многочисленномъ съѣздѣ, въ присутствіи самого короля, былъ избранъ или признанъ королемъ его сынъ *Филиппъ*, — но о дѣйствительномъ избраніи, даровавшемъ прежде такой титулъ, не было уже рѣчи. Филиппъ I (1060—1108) былъ, лично, не замѣчательнѣе своихъ двоихъ предшественниковъ. Его царствованіе составляетъ какъ бы параллель къ почти одновременному съ нимъ царствованію нѣмецкаго короля Генриха IV: вступивъ на тронъ еще несовершеннолѣтнимъ, принявъ бразды правленія еще въ юности, Филиппъ какъ и Генрихъ, предался всякимъ увлеченіямъ, и подобно ему же, подвергся тоже тяжкому столкновенію съ Григоріемъ VII. Церковныя реформы и безпощадная требовательность Григорія возбуждали во Франціи неудовольствіе и смуту: Григорій изображалъ положеніе страны въ самыхъ несдержанныхъ выраженіяхъ, позоря короля. По смерти Григорія, Филиппъ довелъ свой вольный образъ жизни до того, что повѣнчался съ анжуйскою графиней Фулько при жизни своей законной жены (1092), за что навлекъ на себѣ церковное отлученіе, которое было подтверждено папой Урбаномъ II на знаменитомъ Клермонскомъ соборѣ, въ 1095 г. Король избавился отъ этой кары лишь въ 1104 г., выказавъ самую уничиженную, но и весьма лицемѣрную покорность. Въ теченіе его царствованія произошли два замѣчательныя событія: завоеваніе Англіи могущественнѣйшимъ изъ французскихъ вассаловъ, норманнскимъ герцогомъ Вильгельмомъ II (1066), и начало Крестовыхъ походовъ, мысль о которыхъ нашла себѣ именно здѣсь, во Франціи, самую благодарную почву (1096).

Первое изъ этихъ событій относится къ исторіи Франціи, потому что норманнскіе завоеватели принадлежали къ новой народности, образовавшейся изъ романскихъ и германскихъ элементовъ на галльской землѣ, и потому еще, что новое положеніе бывшаго вассала, ставшаго государемъ, совершенно измѣняло отношенія его и преемниковъ его къ ихъ лэнному властителю. Для Англіи же этотъ захватъ имѣлъ значеніе полнаго переворота въ ея внутреннемъ строѣ. Британія.

Британскіе острова вошли позже другихъ европейскихъ странъ въ составъ Римскаго государства и отдѣлились отъ него ранѣе и полнѣе прочихъ. Въ стоявшихъ здѣсь римскихъ легіонахъ было уже много германцевъ. Многочисленныя государства, основанныя на островѣ Англо-Саксами, еще начиная съ конца V столѣтія, среди борьбы съ туземнымъ племенемъ Бритовъ, были чисто-германскими, и религія побѣжденныхъ, христіанство, подвергалась жестокому преслѣдованію со стороны пришельцевъ. Но, по минованіи бури, когда кельтійско-римскій элементъ былъ изгнанъ или подавленъ, христіанство быстро возродилось въ странѣ, еще въ VI столѣтіи, благодаря умѣренному и разумному дѣйствію миссій, направляемыхъ папою Григоріемъ I. Побѣдители Англо-Саксы обратили тоже свои взоры къ общему оракулу, римской святынѣ, которую одинъ новѣйшій писатель называетъ довольно удачно средневѣковыми Дельфами. Христіанство внесло за собой и культуру; въ монастыряхъ Мерсіи и Норгумберлэнда читали Цицерона и Виргилія, и имена высокочтимыхъ Бэды, Винфрида, Алкуина, Скота Эригена свидѣтельствуютъ о такомъ соотношеніи религіи съ просвѣщеніемъ. Въ народѣ былъ сильно развитъ демократическій элементъ, истекавшій изъ равенства воиновъ, обратившихся въ поселянъ; однако, рядомъ со знатью, «высокородными», существовавшими здѣсь, какъ и у материковыхъ Саксовъ, создавалось лэнное или служилое дворянство, и епископы укрѣпляли этотъ аристократическій элементъ, устранили вмѣшательство Карла и управляли королями, выступая въ собраніяхъ (витенагемотъ) въ качествѣ «витановъ» или «мудрецовъ». При Экбертѣ, королѣ Уэстсэкса и Суссэкса, многовластіе на островѣ перешло въ единовластіе, и королевство приняло названіе *Англіи* († 836). Бритты и Англо-Саксы.

Но и этотъ островъ—онъ даже ранѣе другихъ—подвергался нападеніямъ Норманновъ, наводившихъ здѣсь ужасъ подъ именемъ Датчанъ, и такая борьба двухъ германскихъ племенъ, длившаяся въ теченіе шести поколѣній, сильно вредила росту юной англо-саксонской цивилизаціи. Въ 871 г. на престолъ вступилъ благородный, замѣчательный государь, Альфредъ Великій. Онъ вытѣснилъ Датчанъ и спасъ христіанское ученіе, вникая въ него съ достойною любознательностью; съ трудомъ усвоилъ онъ его себѣ, но за то вполнѣ. Тѣ Норманны, которые оставались въ Англіи, тоже приняли христіанство, при чемъ Альфредъ надѣялся на ихъ помощь для отраженія новыхъ нашествій ихъ соплеменниковъ. Но послѣ его смерти (901) Датчане нагрянули снова. Второй преемникъ Альфреда, король Этельредъ, рѣшился отдѣлаться отъ нихъ, напавъ на нихъ врасплохъ (1002), но эта отчаянная, кровопролитная попытка, стоившая, безъ сомнѣнія, многихъ страшныхъ жертвъ обѣимъ сторонамъ, послужила, въ результатѣ, лишь къ привлеченію новыхъ мстительныхъ шаекъ Англо-Саксы и Датчане.

на островъ. Такъ, въ 1013 г. прибылъ въ Англію, съ огромнымъ полчищемъ, престарѣлый король Свэнъ, язычникъ, который покорилъ всю страну. Съ его смертью наступило лишь короткое перемиріе; сынъ Свэна, Канутъ, довершивъ завоеваніе, обратилъ весь островъ въ провинцію своего обширнаго государства. Этельредъ умеръ въ Лондонѣ, во время этого датскаго нашествія (1016). Устранивъ его сына, молодого Эдмунда, Канутъ короновался въ Лондонѣ и заключилъ съ англо-саксонскою знатью союзные договоры, которые соблюдалъ. Грозныя опустошенія страны прекратились; Канутъ былъ христіанинъ и поставлялъ себѣ за честь завязывать тѣсныя сношенія съ христіанскою и цивилизованной Европой. Какъ было нами упомянуто, онъ присутствовалъ при коронованіи Конрада II въ Римѣ. Онъ жилъ, окруженный своею гвардіей, «гусцеорласами», состоявшей изъ 3—6,000 человѣкъ, но страна осталась спокойною и по возвращеніи его въ Данію. Мирныя занятія возобновились повсюду и благосостояніе улучшалось. Кануту удалось великое дѣло, не повторявшееся уже впослѣдствіи: онъ объединилъ весь Сѣверъ Европы; даже сѣверное государство на островѣ, Шотландія, покорилось ему незадолго до его смерти, постигшей его въ Англіи въ 1035 г., послѣ восемнадцатилѣтняго счастливаго царствованія. Но соединеніе столькихъ земель и коронъ не могло быть продолжительнымъ. Въ Англіи престоломъ распоряжалась знать, датская и англо-саксонская, и когда въ 1042 г. умеръ второй изъ сыновей и преемниковъ Канута, *Гартиканутъ*, эти вельможи призвали на царство сына Этельредова, *Эдуарда*, благочестіе котораго и покровительство духовенству заслужили ему отъ этого послѣдняго наименованіе «Исповѣдника». Такимъ образомъ, былъ возстановленъ родъ старинныхъ саксонскихъ королей, но Эдуардъ не выказалъ твердости; онъ не съумѣлъ прекратить столкновеній между нѣкоторыми магнатами, кентскимъ графомъ Годвиномъ и мерсійскимъ Леофрикомъ. Умирая въ январѣ 1066 г. и будучи бездѣтнымъ, онъ назначилъ своимъ преемникомъ Гаральда, сына Годвинова. Этотъ Гаральдъ успѣлъ справиться съ враждебною ему партіею въ сѣверныхъ графствахъ, но съ юга ему грозила бо̀льшая опасность въ лицѣ старинныхъ враговъ Англіи, Норманновъ, являвшихся теперь лишь въ иномъ видѣ и изъ слишкомъ близкаго сосѣдства, именно съ противулежащаго галльскаго берега, притомъ съ цѣлью довершить покореніе Англіи, какъ бы завѣщанное имъ ихъ предками.

Норманны. Вильгельмъ-Завоеватель 1066.

Норманны, утвердившіеся въ Нормандіи, были въ извѣстной степени весьма просвѣщенный народъ: изъ пиратовъ-язычниковъ они обратились въ рыцарей - христіанъ, усвоили языкъ и нравы высшихъ галльскихъ сословій и, какъ уже объяснено выше, тѣсно примкнули къ новому церковному направленію и къ партіи Св. Петра. Ихъ настоящій герцогъ, Вильгельмъ II, былъ одушевленъ тѣмъ же честолюбіемъ, какъ и тѣ счастливые соплеменные ему искатели приключеній, которые завоевали въ это время Южную Италію; и совѣсть его была столь же покладиста, какъ у нихъ. Подобно имъ же, онъ былъ въ тѣсномъ союзѣ съ партіей Гильдебранда, главы и вожака сторонниковъ церковной реформы. Дѣло не становилось и за подысканіемъ благовидныхъ предлоговъ для нападенія, насколько таковые могли требоваться духомъ того времени: въ бытность

Гаральда въ Нормандіи, Вильгельмъ вынудилъ у него нѣкоторыя обязательства. Онъ собралъ теперь войско, которому прислалъ знамя самъ папа Александръ II. При новыхъ притязаніяхъ Церкви, она лишь выигрывала отъ возникновенія всякихъ насилій, которыя нуждались въ ея напутствіи. Норманны высадились въ Англіи въ сентябрѣ 1066 г., въ то время, когда Гаральдъ былъ еще занятъ на сѣверѣ; въ арміи Вильгельма насчитывалось не менѣе 60,000 ч.; къ ней присоединилось множество падкихъ на добычу искателей счастья, при пріемѣ которыхъ не стѣснялись ихъ прошлымъ. По старо-норманнской системѣ, войско заложило укрѣпленіе у Гастингса, близъ котораго высадилось, и совершало отсюда опустошительные набѣги на всю окрестность. Гаральдъ поспѣшилъ возвратиться, но, по-видимому, слишкомъ торопливо пошелъ на враговъ, не стянувъ къ себѣ предварительно всѣ боевыя, притомъ превосходныя силы, на которыя могъ разсчитывать. Въ нѣсколькихъ миляхъ внутрь страны, при мѣстечкѣ, носящемъ теперь названіе Бэтль-Абби, произошла великая битва двухъ германскихъ армій. Военная хитрость,—притворное бѣгство,—сломила твердые ряды Англо-Саксовъ, уже одерживавшихъ верхъ, но теперь пораженныхъ съ тыла самою страшною боевою силою герцога Вильгельма, его конницей. Саксы бились съ отчаянной храбростью, даже когда потеряли всякую надежду на успѣхъ; самъ король ихъ палъ, и его обезображенный трупъ былъ лишь съ трудомъ отысканъ на полѣ сраженія на слѣдующій день, среди тысячи другихъ тѣлъ. Эта одна битва порѣшила дѣло завоеванія, такъ какъ англо-саксы лишились своего связующаго центра въ лицѣ своего короля, хотя борьба и продолжалась еще довольно значительное время отдѣльными стычками. Это сопротивленіе, хотя упорное, но разрозненное, не могло устоять противъ могучихъ боевыхъ силъ, благодаря которымъ самъ Вильгельмъ лично могъ даже пребывать большею частью въ Нормандіи. Онъ раздѣлилъ островъ на 60,215 лэновъ, изъ которыхъ самъ новый король удержалъ за собой 1,400, раздавъ ихъ потомъ своимъ служилымъ людямъ; не менѣе 28,015 были приписаны къ церковнымъ владѣніямъ или остались въ числѣ ихъ по-прежнему. Остальное принадлежало (около 700) баронамъ, которые въ свою очередь подраздѣлили эти земли между своими собственными вассалами. Самый достопримѣчательный документъ древнѣйшей англійской исторіи, «переписная книга земель» (Dooms-day-book), излагаетъ въ подробности громадный переворотъ, произведенный такимъ образомъ въ территоріальныхъ отношеніяхъ и возникшій именно въ сказанное время, при чемъ въ «книгѣ» приводятся имена владѣльцевъ и обществъ съ исчисленіемъ всего причитавшагося имъ имущества, въ томъ видѣ и объемѣ, которые были установлены норманнскимъ завоеваніемъ. Новый король вознаграждалъ всяческія заслуги: такъ, его любимый музыкантъ, менестрэль или потѣшникъ, получилъ въ даръ помѣстье въ Глосестершайрѣ *).

Король Вильгельмъ предъявлялъ своего рода права́ на корону, и воцареніе его совершилось какъ-бы въ силу избранія, происходившаго въ Лондонѣ (1066); онъ выказывалъ тоже, сначала, нѣкоторую умѣренность, Владычество Норманновъ.

*) Percy. Reliques of Ancient English Poetry. 1, 21.

но сопротивленія и возстанія, возникшія уже послѣ окончательнаго его признанія, дали ему поводъ къ обширнымъ конфискаціямъ земель, при чемъ новое распредѣленіе этихъ послѣднихъ уже вполнѣ утвердило чужеземное господство. Даже аббаты и епископы англійской національности были смѣщены и завоеватель могъ рѣшиться на это, не боясь ссоры съ Григоріемъ VII, которому было не подъ силу бороться съ норманнскими деспотами. Это чужеземное иго было крайне тяжко; особенно характерны были лѣсные законы: за убіеніе оленя или кабана виновный подвергался ослѣпленію, потому что король любилъ крупную дичь по-отечески, по выраженію одного лѣтописца. Онъ извлекалъ большіе доходы съ земли, употребляя часть этихъ доходовъ на содержаніе иностранныхъ наемниковъ. Кроткое управленіе Канута Великаго покончилось съ устраненіемъ датской династіи. Вильгельмъ не хотѣлъ подвергать такой опасности себя или своихъ наслѣдниковъ; поэтому, хотя феодальная система и проводилась имъ въ Англіи со всею строгостью, но принимала черты совершенно иныя, нежели во Франціи, гдѣ она сводила почти на ничто монаршую власть. Самые крупные лэны, дарованные Вильгельмомъ своимъ баронамъ, далеко уступали, какъ по объему, такъ и по значенію, большимъ лэнамъ французской короны; сверхъ того, Вильгельмъ ввелъ новый, весьма важный законъ, согласно которому, вмѣсто одной присяги, приносимой каждымъ вассаломъ только своему непосредственному господину, король потребовалъ, въ Салисбери, въ 1085 г., присяги ему, королю, не только отъ своихъ главныхъ вассаловъ, но и отъ тѣхъ второстепенныхъ, которые присягали этимъ послѣднимъ. Управленіе норманнскихъ бароновъ было, вообще, крайне суровое и тяжелое. Если быстрое покореніе Англіи зависѣло, отчасти, отъ того, что въ ней было мало зàмковъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, то потомъ страна не могла жаловаться на недостатокъ въ нихъ. Повсюду возвышались огражденные стѣнами зàмки норманнской знати, соединявшей въ себѣ все высокомѣріе лишь внѣшне-пріобрѣтеннаго лоска со всею грубостью воинской касты хищническаго народа. Эти люди говорили на чуждомъ языкѣ, ввели его и въ свое судопроизводство, что совершенно разъединяло ихъ съ туземнымъ населеніемъ и дворянствомъ, которое сносило иноземное иго молча, но съ неуклонною злобою. Одно только благо принесли съ собою Норманны: они не допускали ничьихъ постороннихъ разбоевъ на островахъ. Не было болѣе слышно о набѣгахъ Норвежцевъ или Датчанъ, прекратились также тѣ распри частныхъ лицъ, которыя порѣшались, обыкновенно, мечомъ; дороги стали безопасными; говорилось, что теперь «даже дѣвушка съ мѣшкомъ золота можетъ пройти нетронутой чрезъ все королевство». Нельзя, однако, приписывать слишкомъ большого цивилизаторскаго значенія правительству, которое опустошило цѣлый округъ близъ Винчестера, ради устройства здѣсь королевскаго охотничьяго загона; о гибельныхъ послѣдствіяхъ завоеванія говорятъ и точныя цифры, которыя заимствуемъ для примѣра: изъ 1607 домовъ, которые насчитывались въ Іоркѣ, во времена Эдуарда Исповѣдника, Англія въ «Переписной книгѣ земель» показываетъ уже лишь 967; въ Оксфордѣ изъ 721 оставалось 273; въ Честерѣ изъ 487 только 205.

Преемникъ Вильгельма I.

Вильгельмъ умеръ въ 1087 г., въ Руанѣ. Саксы были такъ уничтожены, что не подумали о возстановленіи правъ отрасли своей племенной династіи или сыновей Гаральда, и младшій сынъ завоевателя, Вильгельмъ II Рыжій, могъ безпрепятственно унаслѣдовать королевскую корону (1087—1100), между тѣмъ какъ старшій, менѣе способный, Робертъ, получилъ Нормандію. Споры двухъ братьевъ представляютъ интересъ лишь въ томъ отношеніи, что они побудили англійскаго короля къ войнѣ съ французскимъ, какъ верховнымъ лэннымъ государемъ Нормандіи. Но второму норманнскому королю было суждено скоро умереть, хотя онъ былъ еще молодъ: ему исполнилось всего 40 лѣтъ. Охотясь однажды въ Винчестерѣ, онъ отсталъ какъ-то отъ своей свиты, а вечеромъ нашли его трупъ, пронзенный стрѣлою: неизвѣстный убійца, вѣроятно, былъ саксонецъ. Вильгельмъ II оставилъ по себѣ нехорошую память, даже между норманнами; преемникомъ его былъ меньшой братъ, Генрихъ I, который издалъ нѣчто въ родѣ прокламацій или обязательствъ, принимаемыхъ имъ на себя при избраніи, и согласно которымъ онъ обѣщалъ уничтожить всѣ злоупотребленія предыдущаго царствованія. Онъ одержалъ верхъ надъ своимъ старшимъ братомъ Робертомъ, который, возвратясь изъ Крестоваго похода, заявилъ притязаніе на англійскую корону, но, послѣ долгой борьбы, Генрихъ отнялъ у него и Нормандію. Въ 1120 году, одолѣвъ всѣхъ своихъ враговъ, онъ отплылъ обратно въ Англію, послѣ долгаго пребыванія во Франціи; но этотъ переѣздъ былъ несчастливъ: судно, на которомъ былъ сынъ и наслѣдникъ Генриха, Вильгельмъ, потерпѣло крушеніе и принцъ былъ въ числѣ погибшихъ. Другихъ правоспособныхъ сыновей у Генриха не было, и онъ задумалъ передать корону дочери своей, Матильдѣ, вдовѣ императора Генриха V, вступившей во второй бракъ съ Годефруа, графомъ Анжуйскимъ. Генрихъ I умеръ въ 1135 году. Возникъ споръ о наслѣдствѣ, несмотря на принесенную уже Матильдѣ присягу на вѣрность ей и ея потомству, и разрѣшился въ пользу племянника Генрихова, Стефана Блуасскаго. Положеніе покореннаго населенія и вся тягость иноземнаго господства мало измѣнились: завидѣвъ двухъ или трехъ всадниковъ, въѣзжавшихъ вмѣстѣ въ селеніе, народъ разбѣгался, и между Саксами вошло въ поговорку, «что, несмотря на ихъ горячія молитвы, бѣдствію ихъ нѣтъ конца, потому что Христосъ почилъ со своими святыми»*).

Сочетаніе судебъ Франціи и Англіи.

Событія 1066 года имѣли своимъ несомнѣнно благопріятнымъ послѣдствіемъ то, что Англія вновь, и прочнѣе чѣмъ когда-либо, была вовлечена въ обще-европейскую жизнь; произошло это на политико-экономической почвѣ, посредствомъ лэнной системы, господствовавшей на материкѣ и введенной съ полной послѣдовательностью и здѣсь, притомъ въ области церковной, такъ какъ новые короли, вмѣстѣ съ норманнскимъ дворянствомъ, вращались въ томъ кругу іерархическихъ идей, которыя преобладали въ Римѣ и оттуда мощно распространялись повсюду. Самымъ вліятельнымъ лицомъ при Вильгельмѣ Завоевателѣ былъ никто иной, какъ возведенный имъ въ санъ архіепископа кентерберійскаго, Ланфранкъ, авторъ сочиненія «*Liber de corpore et sanguine Domini*», великій догма-

*) Hallam. State of Europe during the Middle Ages. II, 101.

тикъ и діалектикъ своего вѣка, установившій столь важное для церковнаго господства и новаго направленія того времени ученіе о пресуществленіи Тѣла и Крови Христовой. Особенно многозначительно было это возсоединеніе Англіи съ материкомъ потому, что оно происходило именно въ тотъ моментъ, когда европейская жизнь и ея руководящія сферы, рыцарское лэнное дворянство и духовенство, проявляли такой сильный подъемъ духа, благодаря Крестовымъ походамъ.

Скандинавія.

Та группа германскихъ народностей, которая носитъ названіе скандинавской, не участвовала въ этомъ взаимно-плодотворномъ общеніи съ другими странами. Держась только своихъ родныхъ земель, Даніи, Швеціи, Норвегіи, эти народности оставались чуждыми теченію обще-европейской жизни, и отдѣлившіеся отъ основного скандинавскаго корня соплеменные имъ южно-италійскіе и сѣверо-франкскіе Норманны оказывали весьма ничтожное вліяніе на свою первоначальную родину. На такъ-называемомъ, Скандинавскомъ полуостровѣ, на островахъ и въ Ютландіи финское населеніе было вытѣснено германскимъ, которое жило здѣсь отдѣльными племенами, подъ главенствомъ старшинъ или царьковъ, до тѣхъ поръ, пока разработка скудной отъ природы земли не оказалась недостаточной для пропитанія умножавшагося населенія и не заставила его — или значительную его часть — искать себѣ добычи на морѣ. Изъ трехъ группъ или образовавшихся странъ: Даніи, Швеціи и Норвегіи, первая была счастливѣе прочихъ; какъ мы уже видѣли, ея владѣтели принимали непосредственное участіе въ саксонской войнѣ Карла, а датскаго короля Гаральда встрѣчаемъ при дворѣ Людовика Благочестиваго, при чемъ онъ принимаетъ крещеніе въ Майнцѣ. Но вынесенное имъ отсюда сильное впечатлѣніе, какъ его описываетъ поэтъ этого двора, было непродолжительно: Гаральдъ снова впалъ въ язычество; въ 841 г. онъ принималъ участіе въ войнѣ императора Лотарія противъ его брата, уже какъ язычникъ. Наступившая вслѣдъ за тѣмъ кровавая эпоха морскихъ набѣговъ не способствовала, однако, къ укрѣпленію единства въ Даніи и къ усиленію ея могущества; лишь въ концѣ столѣтія, король зеландскій, *Гормъ*, уже старецъ, добился какъ бы верховенства надъ прочими королями. Его домъ, происходя изъ совершенно языческой страны, искоренилъ вновь (около 890 г.) всѣ скудные зачатки христіанства, посѣянные здѣсь нѣмецкими Гамбургскими епископами. Мы указали уже выше на старанія королей и императоровъ саксонской династіи о распространеніи христіанства по ту сторону Эльбы и на встрѣчаемыя ими къ тому препятствія. Лучшее будущее наступило для Датчанъ лишь при Канутѣ Великомъ, который, завоевавъ Англію, сталъ, по смерти своего брата, и датскимъ королемъ (1018), соединивъ подъ своею державой, на извѣстное время, всѣ сѣверныя государства: Норвегію, Швецію и Англію съ Шотландіей. Благодаря ему, восторжествовало христіанство. Но при его преждевременной смерти (ему не было еще сорока лѣтъ) созданное имъ могущество рушилось и въ Швеціи, гдѣ, въ началѣ столѣтія, король Олафъ (1008 г.) принялъ христіанство, снова взяло верхъ поклоненіе Одину и Тору. Общая святыня главныхъ составныхъ частей населенія, Готовъ и Шведовъ, сохранилась въ уваженіи въ Упсалѣ. Норвегія, въ которую ввелъ хри-

стіанство *Олафъ Тригвесъ Младшій*, въ концѣ X вѣка, перешла, по смерти Канута (1035 г.), къ его сыну *Магнусу*, попытавшемуся возстановить все могущество своего отца, но умершему вскорѣ, въ 1047 году, успѣвъ, однако, пріобрѣсть преобладаніе и въ Даніи; на престолъ ея вступилъ теперь племянникъ Канута, *Свендъ Эстритсонъ*; королевская власть осталась, съ этихъ поръ, за домомъ этого Свенда. Около того же времени, въ Швеціи воцарился одинъ графъ, родственникъ стараго королевскаго дома, Стенкиль, династія котораго тутъ упрочилась. Борьба между христіанствомъ и язычествомъ продолжалась еще здѣсь съ перемѣннымъ счастьемъ, и стремленія Григорія VII, ревность и честолюбіе котораго простирались и на эти отдаленныя страны, не вознаграждались, пока, осязательными успѣхами. Нравы оставались языческими; попрежнему были въ обычаѣ кровомщеніе и жестокое рабство; свободные поселяне составляли народъ; между ними и королемъ не стояло ни дворянства, ни духовнаго сословія, и народъ на своихъ собраніяхъ (тингъ) порѣшалъ свои дѣла по старому праву. Ранѣе другихъ возникло дворянство въ Швеціи, но и оно, въ виду вооруженнаго населенія, не могло пользоваться никакою силою. Причиною того, что жизнь въ этихъ сѣверныхъ странахъ удерживала столь долго демократическую окраску въ противоположность направленію германской и романской Европы, было, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что вооруженныя переселенія и морское разбойничество, занимавшее нѣсколько поколѣній подъ-рядъ, не только отвлекали изъ родины лицъ, призванныхъ быть вождями, но и позволяли каждому энергичному человѣку бѣжать отъ всякихъ бѣдствій и притѣсненій на родинѣ, присоединясь къ одному изъ этихъ «морскихъ владыкъ». Эти выходцы, вторгаясь во Францію, Италію, Англію, образовывали тамъ властвующее сословіе. Въ томъ же IX столѣтіи, другія толпы Норманновъ направились въ Исландію; нѣкоторые смѣльчаки проникли даже въ Гренландію и сѣверо-восточныя части Америки.

Общее развитіе Европы.

Въ настоящее время, мы слишкомъ наклонны приписывать успѣшность человѣческаго прогресса тому, что называется національнымъ чувствомъ. Во всякомъ случаѣ, національное чувство содѣйствуетъ успѣхамъ культуры лишь при соединеніи своемъ съ извѣстнымъ гуманнымъ направленіемъ,—болѣе или менѣе яснымъ сознаніемъ общности всѣхъ народовъ въ отношеніи ихъ этическихъ цѣлей. И вѣчною заслугою христіанской Церкви останется то, что она, среди мрака тѣхъ столѣтій, пробуждала и распространяла это сознаніе между народами. Какъ бы ни были велики суевѣріе, эгоизмъ и фанатизмъ, порожденные властолюбіемъ Церкви и пущенные въ ходъ западнымъ монашествомъ, но все же несомнѣнно, что движеніе на пользу реформъ, названное нами клюнійскимъ, (по имени аквитанскаго монастыря Клюни), частью осуществило прогрессъ, частью хотя возвѣстило его и приготовило ему путь. Величественный идеализмъ, проявившій себя въ идеѣ «мира Господня» и поборовшій, на этой почвѣ, съ нѣкоторымъ успѣхомъ, насилія и распри, укоренившіяся какъ нѣчто обычное, проявляется, хотя смутно и съ примѣсью многихъ нечистыхъ элементовъ, и въ другихъ требованіяхъ этой партіи, занявшей господствующее положеніе среди западно-европейскаго общества въ концѣ XI вѣка; таково уничтоженіе симоніи и николаизма, хотя, при этомъ, про-

тивники симоніи, со всею необузданностью непросвѣтленнаго наукою, неспособнаго къ обобщеніямъ ума и расширяли понятіе о ней до того, что лишали свѣтскую власть ея достоинства и благородной самостоятельности, и требуя безбрачія духовенства, обнаруживали весьма грубый, не библейскій и не христіанскій взглядъ на супружество, при чемъ поощряли не столько истинную нравственность, сколько лицемѣрную добродѣтель аскетовъ. Мощный размахъ, сообщенный движенію сильною и, во многихъ отношеніяхъ, выдающеюся личностью Григорія VII, придавалъ идеѣ нѣчто отважное, воинственное, ободряющее къ борьбѣ; можетъ быть также, что воинственный духъ мірскихъ сферъ, погруженныхъ въ неустанныя распри и войны, отражался, въ свою очередь, на церковномъ движеніи; событія же, происходившія, между тѣмъ, на Востокѣ, указали этому общему, воинственному подъему духа на достойную цѣль — отвоеваніе Святой Земли. Это отвоеваніе составляетъ вѣнецъ величаваго зданія, задуманнаго могучимъ умомъ Гильдебранда. Съ сокрушеніемъ видѣлъ онъ старанія дьявола исторгнуть христіанъ тамъ, за морями, изъ лона католической Церкви, и потому не усомнился посулить неувядаемую славу всѣмъ, которые захотѣли бы отправиться за эти моря, въ качествѣ воиновъ Царя Небеснаго*).

Славянскія земли.

Широко-распространенное и многочисленное племя славянское дѣлилось издревле, по составу языка своего, на двѣ большія вѣтви: *западную* и *восточную*. Западная вѣтвь, ближе примыкавшая къ Европѣ, получила отъ нея и христіанство, въ видѣ католицизма, и первые начатки цивилизаціи. Мы можемъ здѣсь добавить лишь немногое къ тому, что̀ было сказано мимоходомъ о Западныхъ Славянахъ въ германской исторіи.

Замѣтимъ о Западныхъ Славянахъ, что всѣ ихъ попытки образовать одно общеславянское государство оказывались тщетными: Моравское государство, основанное Святополкомъ въ X столѣтіи, снова распалось и стало добычею Нѣмцевъ и Венгровъ; остатокъ его, нынѣшняя Моравія, соединилась съ Богеміей, дѣля съ нею ея судьбы; великіе замыслы Болеслава I (ум. 1025 г.) о созданіи могущественной христіанской Славоніи тоже не осуществились. Уцѣлѣли только два главные государства: Польша и Богемія, оставшіяся самостоятельными, и въ Богеміи, въ 1053 году, герцогъ Бретиславъ установилъ законъ престолонаслѣдія, по которому власть должна была всегда переходить нераздѣльно къ старшему сыну. Въ обѣихъ этихъ земляхъ былъ введенъ нѣкоторый государственный порядокъ и побѣда католической Церкви стала неоспоримой, вслѣдствіе чего западное славянство, въ противуположность восточному, было затронуто историческими событіями послѣдующихъ вѣковъ, направившими западно-европейскій міръ на новые пути.

I. Древнѣйшая исторія Славянъ восточныхъ.—Образованіе Русскаго государства на Сѣверѣ и на югѣ.—Утвержденіе христіанства на Руси.

(862—988).

Первыя извѣстія о Руси.

Не то было съ *восточною* вѣтвью славянскихъ народовъ. Въ то время, когда Средняя Европа была занята борьбою первыхъ Каролинговъ и всѣ

*) Jaffé, Monumenta Gregoriana II, 37. Стр. 101.

ея страны болѣе или менѣе принимали въ ней участіе, въ то время, когда папство, быстро возрастая въ могуществѣ, начинало оказывать весьма сильное вліяніе не только на духовную, но и на политическую жизнь Европейскаго Запада, у Восточно-Римской имперіи явился новый и весьма опасный врагъ, съ которымъ ей приходилось серьезно считаться... Врагъ этотъ были *Руссы* или *Русь*—народъ славянскаго племени, родственнаго Чехамъ, Ляхамъ, Сербамъ, Моравамъ и Славянамъ Балтійскимъ, съ которыми германское племя уже находилось отчасти въ мирныхъ сношеніяхъ, отчасти же въ непрерывной борьбѣ. Цѣль борьбы была двоякая: съ одной стороны желаніе отнять у Славянъ какъ можно болѣе земли, столь необходимой для быстро-разраставшагося германскаго племени; съ другой—желаніе какъ можно далѣе раздвинуть предѣлы христіанства путемъ сильно развитой миссіонерской дѣятельности. Едва-ли даже и по наслышкѣ знали Германцы во времена Каролинговъ, что за землями Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ и Моравъ, за пограничными областями Аваровъ и Магьяръ, неутомимыхъ въ борьбѣ и набѣгахъ, живутъ еще какіе-нибудь славянскіе народы? Большинство думало, что за ближайшею къ Германіи славянской окраиной начинается пустая степь, заселенная бродячими и безличными племенами кочевниковъ. Не болѣе вѣрны и не болѣе правильны были въ то же время и понятія Византійцевъ о странахъ, лежавшихъ къ Сѣверу отъ береговъ Тавриды и Понта Эвксинскаго, хотя, казалось-бы, Греки и должны были имѣть довольно вѣрныя о нихъ свѣдѣнія, такъ какъ и Таврида, и сѣверные берега Понта были унизаны греческими колоніями, которыя издавна состояли въ торговыхъ сношеніяхъ съ славянскими племенами, жившими въ низовьяхъ Днѣпра, а также и на среднемъ его теченіи и по важнѣйшимъ притокамъ его.

Нападеніе Руси на царьградъ въ 865 г.

Какъ бы то ни было, но мы съ полною достовѣрностью можемъ утверждать, что когда, въ маѣ 865 года, многочисленные корабли воинственной Руси нежданно явились на Босфорѣ, подъ стѣнами Константинополя, то Греки впервые услышали имя «Руси» и положительно не знали, откуда явился къ нимъ новый врагъ. Этотъ первый морской набѣгъ Руси на Константинополь (за которымъ послѣдовали многіе другіе) былъ отраженъ; но онъ послужилъ началомъ и завязкою для непосредственныхъ и разнообразныхъ сношеній Византіи съ новыми, дотолѣ еще неизвѣстными ей варварами. Византія, съ одной стороны, стала заманивать и привлекать ихъ къ себѣ всякаго рода торговыми льготами и облегченіями въ обмѣнѣ товаровъ, а съ другой—поспѣшила привязать ихъ къ себѣ въ смыслѣ религіозномъ, отправивъ къ нимъ ловкихъ миссіонеровъ, которые явились къ нимъ уже съ готовыми переводами Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на языкѣ родственныхъ Руси Славянъ, жившихъ въ предѣлахъ самой Византійской имперіи. Этимъ миссіонерамъ удалось подчинить своему вліянію на Руси князей *Кіевскихъ* и свить въ Кіевѣ настолько прочное гнѣздо, что тамъ былъ даже выстроенъ храмъ, въ которомъ христіане кіевскіе могли свободно совершать богослуженіе, хотя значительная доля кіевскаго населенія, какъ и вся Русь, еще пребывала въ язычествѣ.

Первые договоры Руси съ Греками.

Эти сношенія, вскорѣ, привели къ весьма осязательнымъ результатамъ: уже въ 907 г. былъ заключенъ первый формальный торговый договоръ между Византіей и Русью, при Кіевскомъ князѣ Олегѣ, и этотъ договоръ, уже въ 911 г., при князѣ *Игорѣ*, былъ дополненъ и расширенъ новыми статьями. Благодаря этимъ, довольно удачно установившимся сношеніямъ, Грекамъ удалось ближе ознакомиться съ Русскими Славянами, успѣвшими уже заселить весьма обширное пространство земель по Днѣпру и Западной Двинѣ, и къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ этихъ рѣкъ до Чудскаго и Ладожскаго озеръ и верховьевъ Волги. Многіе, и притомъ весьма серьезные, писатели византійскіе (въ томъ числѣ императоры Маврикій и Константинъ Порфирородный) занялись изученіемъ быта Русскихъ Славянъ и сохранили намъ о нихъ весьма любопытныя свѣдѣнія.

Древнѣйшая исторія Руси.

Морской набѣгъ Русскихъ Славянъ на Византію (865 г.), при которомъ они впервые выступили на сцену европейской исторіи, конечно, былъ не первымъ фактомъ ихъ частной исторіи, а только однимъ изъ послѣдующихъ результатовъ ихъ многовѣковой исторической жизни. Заброшенные по окончаніи великаго переселенія народовъ на Востокъ Европы, на окраину великой восточно-европейской равнины, они поселились здѣсь на грани, отдѣлявшей степь отъ обширныхъ дремучихъ лѣсовъ и быстро стали разселяться по рѣкамъ въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленіи, оттѣсняя финскія племена и ведя почти непрерывныя войны съ ордами степныхъ кочевниковъ, все еще прибывавшими изъ Азіи. Для этихъ ордъ роскошныя луговыя степи на югѣ восточно-европейской равнины служили удобнымъ путемъ, по которому они свободно двигались со своими громадными стадами, то мирно кочуя, то воюя съ встрѣчными племенами. Ихъ грозныя нашествія закончились въ XIII вѣкѣ нашествіемъ Монголовъ на Русь, которой пришлось своею грудью защитить Западную Европу отъ этихъ варваровъ; начало же этихъ нашествій слѣдуетъ искать въ глубокой древности, за много вѣковъ ранѣе IX вѣка. Такъ, мы видимъ Славянъ въ войскѣ Аттилы, который, вѣроятно, увлекъ нѣкоторыя племена славянскія вслѣдъ неудержимому стремленію своихъ полчищъ. Преданія, сохраненныя намъ первымъ русскимъ лѣтописцемъ, свидѣтельствуютъ о продолжительной и упорной борьбѣ съ *Аварами* (или *Обрами*), основавшими свое царство, въ V вѣкѣ по Р. Хр., на развалинахъ грознаго царства Аттилы. И въ IX вѣкѣ мы ихъ застаемъ въ борьбѣ съ Торками и Печенѣгами, кочевавшими въ южнорусскихъ степяхъ. Борьба съ послѣдними была въ особенности тягостна для Руси, потому что Печенѣги препятствовали сношеніямъ Кіевской Руси съ богатыми греческими колоніями Тавриды и сѣвернаго берега Понта, а иногда, овладѣвъ Днѣпровскими порогами, наносили страшный вредъ торговлѣ Кіева съ Византіею. Но, по весьма мѣткому и справедливому замѣчанію одного изъ русскихъ историковъ, «все вынесло, все преодолѣло это упругое русское племя, пробиваясь на широкую дорогу своей исторической жизни, и эта трудная и долгая школа закалила его характеръ и подготовила его къ послѣдующимъ испытаніямъ».

Раздѣленіе Руси на племена.—Путь „изъ Варягъ въ Греки".

Племя Славянъ Русскихъ дѣлилось на семь важнѣйшихъ племенъ: *Полянъ*, *Древлянъ*, *Кривичей*, *Сѣверянъ*, *Радимичей*, *Вятичей* и *Славянъ Ильменскихъ*. По мѣсту поселенія эти племена распредѣлялись такъ, что Поляне занимали среднюю часть Днѣпра, отъ р. Припяти до р. Роси; Древляне жили сѣвернѣе Полянъ, по р. Припяти; Кривичи—въ верховьяхъ Днѣпра и Зап. Двины; Сѣверяне жили на Востокъ отъ Древлянъ и Полянъ, между рр. Десною и Сулою; Радимичи—между Днѣпромъ и р. Сулою; далѣе, по р. Окѣ, жили Вятичи; сѣвернѣе всѣхъ, по берегамъ р. Волхова и озера Ильменя, жили Славяне Ильменскіе *). На территоріи, занимаемой этими племенами Славянъ, въ половинѣ IX в., мы уже видимъ много городовъ, и притомъ не новыхъ, а давно построенныхъ, имѣвшихъ уже свою старину и преданія; такимъ былъ г. *Кіевъ* въ землѣ Полянъ, г. *Черниговъ*—въ землѣ Сѣверянъ, г. *Смоленскъ*—въ землѣ Кривичей, г. *Коростенъ*—въ землѣ Древлянъ, г. *Новгородъ*—въ землѣ Славянъ Ильменскихъ. Изъ всѣхъ этихъ земель и племенъ выдѣлились съ теченіемъ времени и пріобрѣли особенное значеніе два племени: *Поляне* и *Славяне Ильменскіе*,—выдѣлились отчасти потому, что были способнѣе и предпріимчивѣе прочихъ, отчасти и потому, что центры ихъ исторической жизни (Кіевъ и Новгородъ) лежали на концахъ великаго торговаго пути, по которому еще въ глубокой древности шли съ Юга на Сѣверъ бронзовыя издѣлія (въ бронзовомъ вѣкѣ), а позднѣе съ Сѣвера на Югъ перевозился драгоцѣнный янтарь и пушные товары. Путь этотъ,—пролегавшій по Днѣпру до его верховьевъ, а потомъ по Западной Двинѣ или по р. Ловати, оз. Ильменю и р. Волхову до Ладожскаго озера,—соединялъ Черное море съ Балтійскимъ и служилъ, вѣроятно, не для однихъ только Славянъ Русскихъ, а также и для другихъ племенъ Балтійскаго побережья, находившихся съ Славянами въ частыхъ, почти непрерывныхъ, то враждебныхъ, то мирныхъ сношеніяхъ. Племена эти въ древней Руси были извѣстны подъ однимъ общимъ именемъ *Варяговъ*, и даже помянутый выше водный путь съ Сѣвера на Югъ былъ извѣстенъ подъ общимъ названіемъ пути *«изъ Варягъ въ Греки»*. Понятно, что на этомъ пути, крайніе его пункты, Кіевъ и Новгородъ, должны были пріобрѣсти издавна важное значеніе главныхъ складочныхъ мѣстъ, и Кіевляне (Поляне) и Новгородцы (Славяне Ильменскіе) должны были ранѣе другихъ разбогатѣть и выдвинуться на пути государственной жизни. Но ея развитію въ значительной степени мѣшали непрерывные раздоры между славянскими племенами, которыя, наконецъ, рѣшились избѣгнуть этого зла тѣмъ, что, устранивъ своихъ мѣстныхъ правителей, призвали къ себѣ на княженіе трехъ витязей изъ норманнскаго племени, которое тоже носило названіе *Родсъ* или *Росъ*. Эти три витязя: *Рюрикъ*, *Синеусъ* и *Труворъ*—такъ гласитъ преданіе—явились со своими дружинами къ Славянамъ Ильменскимъ и стали править ими и ближайшими къ нимъ союзными финскими племенами. Стали править, по мирному соглашенію и желанію Славянъ, которые призвали ихъ къ себѣ «правити и володѣти», — слѣдовательно, это не было ни завоеваніемъ,

Призваніе князей.

*) См. карту разселенія славянскихъ племенъ на Руси.

ни насиліемъ со стороны пришлыхъ варяжскихъ князей, тѣмъ болѣе, что ихъ дружины, ничтожныя по числу, быстро ассимилировались съ окружающею славянскою средою и почти безслѣдно исчезли въ третьемъ, четвертомъ поколѣніи. Но нельзя отрицать того, что норманнскіе витязи, отъ которыхъ повелся родъ князей русскихъ, все же придали нѣкоторый своеобразный оттѣнокъ первому поколѣнію русскихъ князей, которые несомнѣнно носятъ на себѣ родовыя черты норманнскихъ дружинниковъ. Новгородъ,—хотя и былъ важенъ какъ городъ торговый и богатый, служившій складочнымъ мѣстомъ не только для пути изъ «Варягъ въ Грекію», но и для пути Волжскаго, по которому велась торговля съ отда-

Развалины такъ-называемой Рюриковой крѣпости въ Старой Ладогѣ.

леннымъ Востокомъ,— однакоже не могъ долго удержать на суровомъ Сѣверѣ предпріимчивыхъ князей, которымъ пзстари, и по преданію, и по опыту, хорошо былъ знакомъ путь въ благодатныя страны Юга, проходившій черезъ Кіевъ. Къ Кіеву и направили они свои стремленія, постепенно распространяя свою власть, сначала на страну Кривичей и Полочанъ, а затѣмъ и далѣе—и наконецъ осѣли въ Кіевѣ, «матери городовъ Русскихъ». Русскія лѣтописи приписываютъ князю *Олегу*, основавшемуся въ Кіевѣ и объединившему сосѣднія племена съ Полянами, удачный походъ подъ стѣны Царьграда и выгодный договоръ 907 г., дошедшій до насъ только въ отрывкахъ, въ составѣ другого договора (911 г.), заключеннаго княземъ Игоремъ. Тѣ же лѣтописи съ особеннымъ уваже-

ніемъ упоминаютъ о княгинѣ *Ольгѣ* (супругѣ Игоря), которая была *первою христіанкою среди князей кіевскихъ* и даже совершила въ старости странствованіе въ Константинополь, на поклоненіе его святынямъ. Особенно прославился ея сынъ, князь кіевскій Святославъ, котораго лѣтопись рисуетъ намъ беззавѣтно-храбрымъ воиномъ; въ немъ, несомнѣнно, уже сливались черты норманнскаго типа со славянскимъ.

Князь Святославъ и его походы.

Чрезвычайно любопытнымъ представляется намъ то, что объ этомъ князѣ съ восторгомъ говорятъ не только русскія лѣтописи:—его необычайную смѣлость и удаль прославляютъ и источники византійскіе, и арабскіе писатели. Всю жизнь провелъ онъ въ войнѣ съ сосѣдями, то усмиряя

Курганъ, извѣстный подъ названіемъ Синеусова, близъ Бѣла-озера.

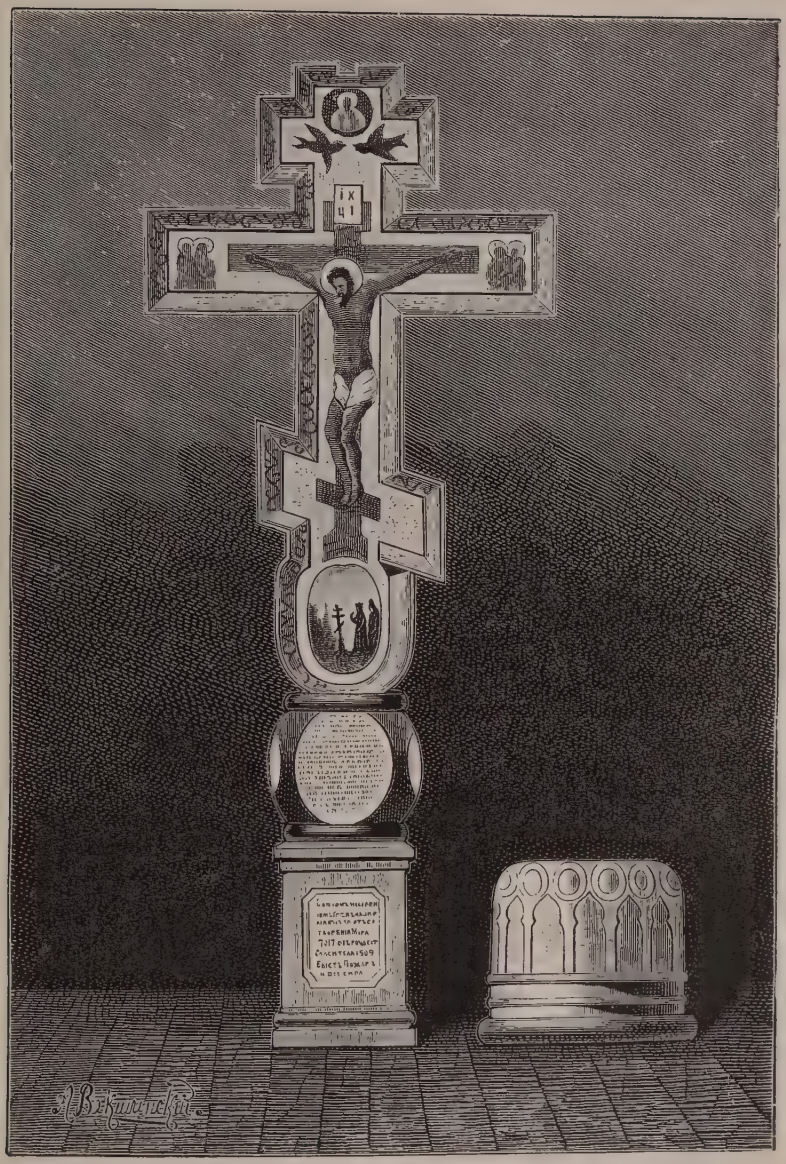
подчиненныя Кіевомъ сосѣднія племена славянскія, то воюя съ грозными *Хазарами*, утвердившимися въ низовьяхъ Дона и Волги, то предпринимая дальніе походы на побережья Азовскаго и Каспійскаго морей и наводя ужасъ на тамошніе богатые торговые города. Подъ его тяжкими ударами и пало нѣкогда грозное Хазарское царство, смирились и Печенѣги, трепетавшіе имени Святославова. Слава его достигла и гордой Византіи, которую въ это время отовсюду одолѣвали враги внѣшніе; и вотъ, въ 967 г., императоръ *Никифоръ Фока* прислалъ пословъ къ Святославу, приглашая его прійти съ войскомъ на помощь противъ Болгаръ Дунайскихъ, тѣснившихъ Византію. Быстро собравшись въ походъ, Святославъ явился на зовъ императора съ сильнымъ войскомъ, усмирилъ Болгаръ Дунайскихъ, овла-

дѣлъ ихъ городами и, увлеченный дивнымъ обаяніемъ природныхъ условій страны, а также и ея близостью къ Византіи, рѣшился, повидимому, окончательно поселиться въ этой благодатной землѣ, покинувъ Русь на произволъ судьбы. Только ожесточенныя нападенія Печенѣговъ, ободренныхъ отсутствіемъ Святослава и чуть было не овладѣвшихъ Кіевомъ, вынудили смѣлаго князя къ возвращенію на родину, хотя и возвращенію временному, такъ какъ онъ не могъ разстаться съ мыслью о покореніи Болгаріи. Онъ разбилъ еще разъ Печенѣговъ, отогналъ ихъ далеко въ степи и остался на Руси до смерти своей престарѣлой матери Ольги, которая вскорѣ скончалась, а впослѣдствіи была причтена русскою Церковью къ лику святыхъ.

Ладья древнихъ викинговъ VIII—IX вѣковъ.

Борьба Святослава съ Цимисхіемъ.

Но едва только это совершилось, какъ Святославъ поспѣшилъ раздѣлить свои владѣнія на Руси между своими сыновьями, а самъ вновь возвратился въ Болгарію. Но здѣсь его ожидали совсѣмъ иныя условія: преемникъ Никифора, императоръ *Іоаннъ Цимисхій*, былъ воинъ опытный и храбрый. Онъ не задумался вступить въ борьбу съ Святославомъ: потребовалъ очищенія городовъ болгарскихъ и удаленія княжескаго войска. Когда же Святославъ не исполнилъ его требованія, Цимисхій загородилъ сильнымъ флотомъ выходъ изъ Дуная въ море и подступилъ къ городу Дористолу (на мѣстѣ нынѣшней Силистріи), гдѣ засѣлъ Святославъ со своею дружиною. Войско у Цимисхія было отборное, закаленное въ бояхъ, превосходно вооруженное, снабженное всѣми современными и совершеннѣйшими осадными орудіями. Началась борьба безпримѣрная, между двумя противниками, которые другъ друга стоили. Византійскій писатель, очевидецъ этой борьбы, Левъ Дьяконъ Калойскій, описываетъ намъ ее по-



Крестъ и шапка Св. Ольги, хранящіеся въ Троицкомъ соборѣ въ Псковѣ.

дробно, изо дня въ день, и перечисляетъ всѣ подвиги, совершаемые съ той и съ другой стороны и достойные гомеровскихъ героевъ. И Святославъ, и Цимисхій были постоянно впереди, сражаясь какъ простые воины; но искусство одолѣло и взяло верхъ надъ мужествомъ: Русскіе, изнуряемые голодомъ и постоянными битвами, бились до послѣдней крайности и, наконецъ, должны были уступить Грекамъ. Мрачными красками описываетъ Левъ Дьяконъ страшныя ночныя тризны этихъ суровыхъ воиновъ надъ кострами, на которыхъ они сожигали тѣла своихъ павшихъ товарищей, совершая при этомъ какіе-то таинственные обряды, утопляя въ въ волнахъ Дуная черныхъ пѣтуховъ и обагряя мечи кровью невинныхъ младенцевъ и женщинъ, закалаемыхъ въ честь сожигаемымъ воинамъ.

Остатки ладьи древнихъ викинговъ, найденные въ Норвегіи близъ Санденфьорда, въ Королевскомъ курганѣ.

Современное описаніе наружности Святослава.

Когда дѣло дошло до переговоровъ, а затѣмъ и до заключенія договора, грозные противники захотѣли свидѣться. Свиданіе состоялось на берегу Дуная. Цимисхій явился на берегъ въ великолѣпномъ позлащенномъ вооруженіи, окруженный свитою въ блестящихъ доспѣхахъ. Святославъ приплылъ на мѣсто свиданія съ другой стороны Дуная, на лодкѣ, при чемъ гребъ весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Левъ Дьяконъ оставилъ намъ любопытное описаніе его наружности: «онъ былъ средняго роста, носъ у него былъ плоскій, глаза голубые, густыя брови; мало волосъ на бородѣ, а усы длинные, косматые. Вся голова была выстрижена, кромѣ одного клока, висѣвшаго по обѣимъ сторонамъ, въ знакъ его знатнаго происхожденія. Шея у него была плотная, грудь широкая и всѣ

Тризна Святославовыхъ воиновъ подъ Дористоломъ. Извѣстная фреска Семирадскаго въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.

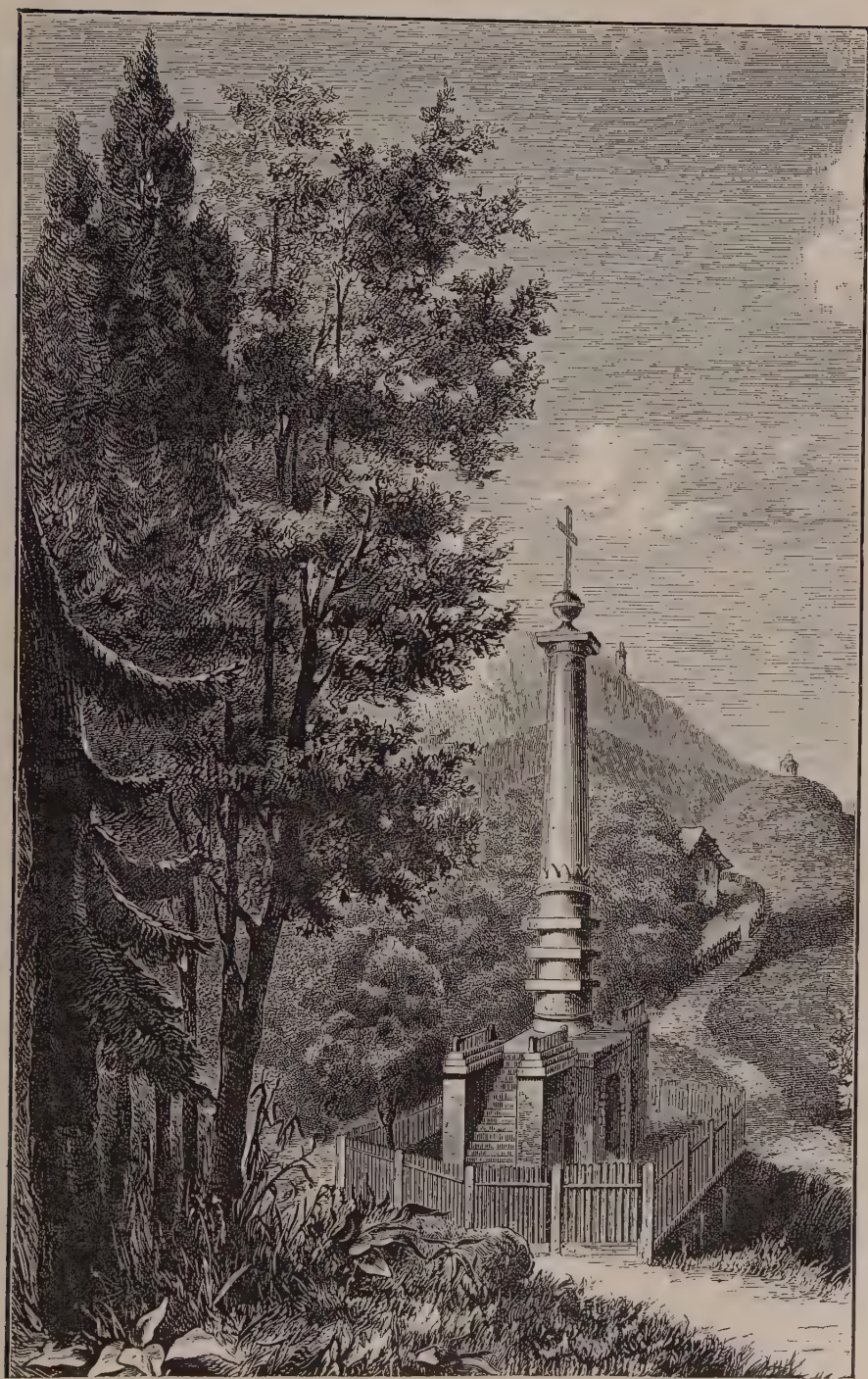
прочіе члены очень стройны. Но вся наружность представлялась мрачною и суровою. Въ одномъ ухѣ висѣла серьга, украшенная карбункуломъ и двумя жемчужинами. Бѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ одежды прочихъ Русскихъ».

На обратномъ пути изъ Болгаріи, Святославъ отправилъ войско свое сухопутьемъ, а самъ вздумалъ съ малою дружиною пробраться въ ладьяхъ къ Кіеву, вверхъ по Днѣпру; но Печенѣги, заслышавъ о малочисленности княжеской дружины, подстерегли Святослава въ порогахъ и перебили его дружину: самъ храбрый князь палъ въ неравной битвѣ жертвой своей неразумной смѣлости.

Общій видъ пороговъ Днѣпра.

Владиміръ Равноапостольный.

Изъ сыновей Святослава вскорѣ выдвинулся *Владиміръ*, княжившій сначала въ Новѣгородѣ, а потомъ овладѣвшій и Полоцкомъ, и Кіевомъ. Владиміръ былъ не только храбрымъ, но и умнымъ, и дальновиднымъ княземъ. Онъ засталъ Кіевъ наполовину уже христіанскимъ городомъ, и, вѣроятно, самъ не прочь былъ принять христіанство, по примѣру своей бабки, Св. Ольги; но, подобно Хлодвигу, опасался уронить свое достоинство слишкомъ поспѣшнымъ переходомъ отъ язычества къ христіанству. Онъ зналъ, что уже всѣ сосѣднія племена—и Болгаре Дунайскіе, и Угры, и Поляне — отказались отъ язычества, но, гордый своимъ достоинствомъ единовластнаго повелителя обширной страны, рѣшился «завоевать» себѣ



Памятникъ въ Кіевѣ, надъ Крещатицкимъ ручьемъ, въ которомъ, по преданію, крещены были сыновья Владиміра.

вѣру. Въ 987 году, воспользовавшись какимъ-то ничтожнымъ поводомъ, онъ объявилъ войну Византіи и осадилъ городъ *Корсунь* (въ Крыму, близъ Севастополя). Корсуняне долго и упорно сопротивлялись и, говорятъ, будто князь Владиміръ далъ обѣтъ — креститься, если одолѣетъ корсунянъ. Вскорѣ городъ дѣйствительно сдался ему, и тогда Владиміръ, уже какъ побѣдитель, вступилъ въ переговоры съ Византійскими императорами *Василіемъ* и *Константиномъ*, заявилъ о своемъ желаніи креститься и требовалъ руки греческой царевны *Анны*, сестры императоровъ. Царевна Анна приплыла изъ-за моря въ Корсунь, рѣшившись на подвигъ ради высокой цѣли обращенія языческой страны въ христіанство, и, когда Владиміръ крестился, вышла за него замужъ. Возвратившись изъ Корсуня съ греческою царевною-супругою и съ греческимъ духовенствомъ, Владиміръ крестилъ здѣсь своихъ сыновей и немедленно велѣлъ повсюду истреблять идоловъ, а народъ — поучать новой вѣрѣ и подготовлять къ крещенію. Дѣло обращенія пошло весьма успѣшно, такъ какъ и до того времени въ Кіевѣ было уже не мало христіанъ. Вскорѣ, по повелѣнію князя Владиміра, всѣ некрещеные кіевляне были созваны на берегъ Днѣпра и тамъ крещены въ 988 г.

Послѣ крещенія кіевлянъ, Владиміръ сталъ заботиться о распространеніи христіанства по другимъ областямъ Русской Земли, о постройкѣ храмовъ и основаніи монастырей. Въ самомъ Кіевѣ въ 989 г. заложенъ былъ Владиміромъ первый на Руси каменный храмъ, во имя Пресвятой Богородицы, воздвигнутый византійскими зодчими, такъ какъ русскіе въ то время (да и гораздо позже) не умѣли еще строить обширныхъ каменныхъ зданій. Эту церковь назвали «*Десятинною*», такъ какъ князь Владиміръ поднесъ въ даръ ей *десятую часть* (десятину) своихъ доходовъ, на поддержаніе. Вскорѣ послѣ того и въ другихъ русскихъ городахъ стали возникать храмы, а около нихъ заводились и *первыя училища*, въ которыхъ обучали грамотѣ, первымъ началамъ христіанской вѣры и церковному пѣнію.

На Сѣверѣ Руси христіанство распространялось далеко не такъ успѣшно и быстро. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Новѣгородѣ, язычники даже оказывали открытое сопротивленіе введенію новой вѣры и уступали только послѣ упорной борьбы. Особенно туго вводилось христіанство въ далекой и глухой Ростовской области и въ землѣ суровыхъ Вятичей, которые даже замучили *Св. Кукшу*, перваго насадителя вѣры Христовой на этой дальней окраинѣ. Но Владиміръ не жалѣлъ на это дѣло ни трудовъ, ни силъ, и, благодаря ему, еще при жизни его, язычество, открыто исповѣдуемое, исчезло среди различныхъ племенъ Русскихъ Славянъ. 15 іюля 1015 г. Владиміръ скончался и Церковь Русская, причтя его къ лику святыхъ, наименовала его *Равноапостольнымъ*, въ память заслугъ его.

Важное значеніе религіозной независимости Руси отъ Запада.

Весьма важно было для Руси именно то условіе, что христіанство внесено было на Русь не съ Запада, не римскими миссіонерами, а пришло къ нимъ съ Греческаго Востока, который въ ту пору уже былъ наканунѣ разрыва съ Римомъ. Тяжкія пререканія и раздоры между Церковью Западною и Восточною, начавшіеся еще при патріархѣ Фотіи, не прекращались въ теченіе X вѣка и въ началѣ XI привели къ полному разрыву, который навсегда отдѣлилъ Востокъ отъ Запада. Церковь

Русская, принявшая благословеніе и преданія отъ Восточной греко-каѳолической Церкви, твердо и постоянно держалась ихъ, и никакія самыя льстивыя обѣщанія и заискиванія папъ не могли поколебать Русскую Церковь и склонить ее на уступки въ пользу вымышленныхъ правъ папы, какъ единаго вселенскаго патріарха. Эта обособленность религіозная, конечно, должна была до нѣкоторой степени повліять на обособленность Руси отъ Западной Европы и въ смыслѣ политическомъ, но за то, съ другой стороны, она способствовала и сохраненію, и выработкѣ того оригинальнаго и самобытнаго типа русской народности, который настолько же тѣсно связанъ съ историческими условіями жизни русскаго народа, насколько и съ его «православною вѣрою», налагающею особый отпечатокъ на каждаго простого русскаго человѣка.

2. Раздробленіе Руси на удѣлы.—Русскіе князья и Половцы.—Суздаль и Новгородъ.— Появленіе Ливонскаго ордена. — Внутреннее состояніе Руси до конца XII вѣка.

1015—1200.

Первое раздѣленіе Руси и Ярославъ I Мудрый.

Князь Кіевскій Владиміръ, слѣдуя примѣру отца своего Святослава, раздѣлилъ важнѣйшіе города и области Русской Земли между своими семью сыновьями. Вскорѣ послѣ его смерти, одинъ изъ сыновей его, *Святополкъ*, задумавъ править всею Русью, умертвилъ троихъ своихъ братьевъ и сталъ княжить въ Кіевѣ, опираясь на помощь тестя своего, польскаго короля Болеслава Храбраго; но противъ брата-злодѣя возсталъ княжившій въ Новѣгородѣ *Ярославъ*, и, усердно вспомоществуемый Новгородцами, неоднократно разбивъ Святополка, вынудилъ его бѣжать изъ Русской Земли. Затѣмъ онъ сталъ княжить въ Кіевѣ (1019—1054 г.) *), и прежде всего далъ Новгородцамъ, за ихъ услуги въ трудной борьбѣ съ Святополкомъ, особыя льготы и права (такъ-называемыя *Ярославовы грамоты*), много способствовавшія возвышенію и усиленію этого города въ ближайшіе послѣдующіе вѣка. Затѣмъ Ярославъ княжилъ долго и правилъ землею твердо и разумно, усиленно заботясь о построеніи новыхъ городовъ на далекихъ окраинахъ (такъ построилъ онъ *Юрьевъ* въ землѣ Чуди и *Ярославль* на Волгѣ), о распространеніи христіанства среди сосѣднихъ финскихъ племенъ, и грамотности — среди городского населенія. По его желанію, въ Новѣгородѣ были заведены такія же училища для обученія юношей и подготовленія ихъ къ духовному званію, какъ и въ Кіевѣ. Самъ Ярославъ любилъ чтеніе, собиралъ книги, приказывалъ ихъ переводить съ греческаго языка на русскій и переписывать со славянскихъ подлинниковъ. Памятниками благочестія Ярославова остались построенные имъ въ Кіевѣ и Новѣгородѣ соборные храмы во имя Святыя Софіи Премудрости Божіей, отчасти сохранившіеся и донынѣ. Князю Ярославу приписываютъ также первое собраніе писаныхъ русскихъ законовъ, извѣстное подъ общимъ названіемъ «*Русской Правды*»—сборника законовъ весьма замѣчательнаго по тому времени и нимало не уступавшаго

*) По смерти своего послѣдняго брата, Мстислава, онъ сталъ даже единовластнымъ повелителемъ всей Руси.

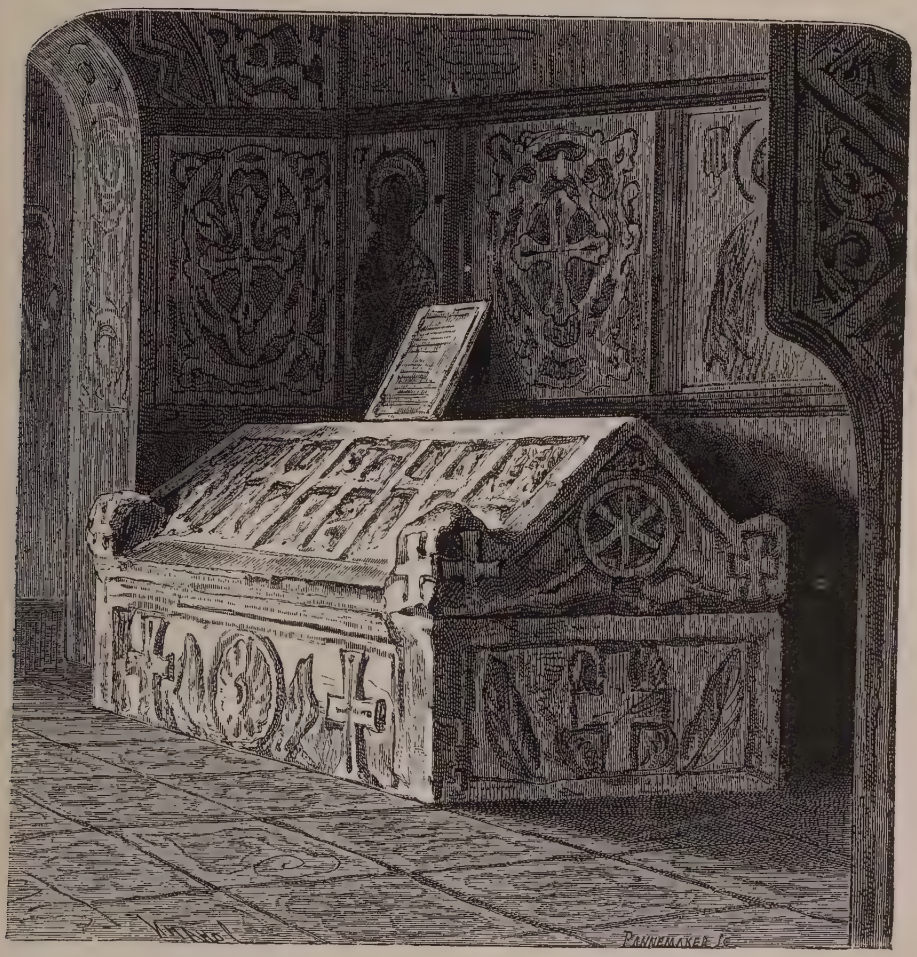
по своимъ юридическимъ достоинствамъ всѣмъ современнымъ германскимъ и франкскимъ законодательствамъ, явившимся самостоятельно, т.-е., не развившимся изъ основы римскаго права. Въ княженіе этого князя, любившаго грамотность и просвѣщеніе, былъ основанъ, между прочимъ, знаменитый монастырь *Печерскій*, близъ Кіева, послужившій разсадникомъ духовныхъ пастырей для всей древней Руси и центромъ русской духовной письменности, не уступавшимъ по значенію знаменитѣйшимъ обителямъ европейскимъ, въ родѣ Корвейской или С.-Галленской.

Остатки такъ-называемыхъ Золотыхъ воротъ въ Кіевѣ—памятникъ временъ Ярослава Мудраго.

Внѣшняя политика Ярослава.

Заботясь о просвѣщеніи Руси, о водвореніи въ ней внутренняго спокойствія и безопасности, Ярославъ менѣе всего думалъ о завоеваніяхъ; во враждебныя отношенія къ сосѣдямъ онъ вступалъ только въ томъ случаѣ, когда они сами его къ тому вынуждали. За то онъ положилъ предѣлъ дальнѣйшимъ вторженіямъ Печенѣговъ, нанеся имъ въ 1036 г., подъ стѣнами Кіева, такое пораженіе, отъ котораго они уже не могли оправиться, и, съ этого времени, уже не возобновляли болѣе своихъ нападеній на Русскую Землю. Какъ на любопытную черту княженія Ярославова, укажемъ на то, что при немъ былъ совершенъ *послѣдній мор-*

ской походъ въ Грецію, окончившійся неудачно для Русскихъ:—этимъ походомъ древнѣйшій періодъ Русской Исторіи какъ-бы заканчивается и начинается тотъ нескончаемо-длинный періодъ внутреннихъ междоусобій, который извѣстенъ въ Русской Исторіи подъ общимъ названіемъ *періода удѣловъ*.



Такъ-называемая „Ярославова гробница" въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Бѣломраморная, въ византійскомъ стилѣ.

«Удѣломъ» называлась та часть земли или тотъ городъ съ областью, которые каждый членъ княжеской семьи получалъ отъ отца въ управленіе и «въ кормленіе». У Ярослава было пятеро сыновей и всѣмъ онъ роздалъ части Русской Земли *въ удѣлы*; а старшему изъ нихъ, *Изяславу*, отдалъ *Кіевъ* и придалъ ему, какъ князю Кіевскому и какъ старшему въ родѣ,

Удѣлы. Понятіе о старшинствѣ и отношенія между князьями.

титулъ *великаго князя* *). Понятіе о Русской Землѣ, какъ о чемъ-то цѣльномъ, какъ о *государствѣ*, очевидно, еще не существовало; обособленность земель, входившихъ въ составъ Руси, вѣроятно, еще была очень ощутительна—и это въ значительной степени способствовало тому патріархальному, чисто-семейному раздѣленію Руси, какое было допущено Ярославомъ между членами его семьи. Грядущее, «чреватое послѣдствіями» этого раздѣленія, очевидно еще вовсе не принималось во вниманіе.

Видъ на Днѣпръ и окрестности Кіева съ урочища, называемаго „Аскольдовой могилой".

Въ самомъ завѣщаніи Ярослава, насколько передаетъ его древнѣйшій русскій лѣтописецъ, чувствуется полное отсутствіе государственнаго начала, слышится голосъ отца, обращающагося къ дѣтямъ съ послѣдними распоряженіями и увѣщаніями, которыя едва-ли для кого-либо изъ нихъ могли быть обязательными. Ярославъ завѣщалъ дѣтямъ жить въ мирѣ, довольствоваться своими удѣлами и во всемъ повиноваться *старшему брату, великому князю Кіевскому*; въ свою очередь, и старшему брату онъ завѣщалъ заботиться о младшихъ братьяхъ, *какъ о своихъ дѣтяхъ*. А между тѣмъ, по издревле-установившемуся обычаю, старшинствомъ признавалось *старшинство не семейное, а родовое*, и оно-то, главнымъ образомъ, и послужило поводомъ къ начавшимся вскорѣ раздорамъ и усобицамъ. По

*) Только Новгородъ, можетъ быть, въ виду своего особаго льготнаго положенія, никому не былъ отданъ въ удѣлъ, хотя и оставался въ зависимости отъ князя Кіевскаго.

этому старшинству *не сынъ наслѣдовалъ отцу, а братъ отца*, который, такимъ образомъ, обездоливалъ своихъ племянниковъ и вынуждалъ ихъ довольствоваться меньшимъ удѣломъ. Притомъ же, ни одинъ изъ удѣловъ, не исключая и самого Кіева, не былъ наслѣдственнымъ, не составлялъ еще въ это время наслѣдственной собственности. По смерти великаго князя, его мѣсто могъ заступить *только старшій по немъ братъ его*, который переходилъ изъ своего удѣла въ Кіевъ и становился великимъ княземъ Кіевскимъ; а всѣ остальные князья передвигались, по старшинству своему, изъ худшихъ удѣловъ въ лучшіе; старшій же сынъ великаго князя могъ получить право на великокняжескій престолъ въ Кіевѣ только уже *по смерти всѣхъ дядей* своихъ, такъ какъ онъ становился старшимъ въ родѣ, по отношенію къ ихъ дѣтямъ. Такое запутанное понятіе о старшинствѣ неминуемо должно было съ одной стороны вести къ раздорамъ и попыткамъ захвата великокняжеской власти путемъ насилія; съ другой стороны, обладаніе Кіевомъ, съ которымъ неразрывно связанъ былъ титулъ великокняжескій, становилось цѣлью всѣхъ стремленій и вожделѣній, при чемъ, конечно, князья способны были весьма мало заботиться о своихъ удѣлахъ и ихъ внутреннемъ устройствѣ. Поднялась, вскорѣ послѣ смерти Ярослава, борьба не только между его сыновьями, но и между ними, и народившимся поколѣніемъ младшихъ князей. Старшіе, въ видѣ обезпеченія своихъ правъ и ради ограниченія правъ младшихъ князей, придумали такое правило, по которому только *дѣти великихъ князей имѣли право на старшинство и на великокняжеское достоинство*—и этимъ окончательно развязали руки произволу и насилію. Старшіе заботились только о своихъ выгодахъ, а младшіе, озлобленные несправедливостью, не разбирали средствъ для отмщенія:—къ тому же, вскорѣ, у нихъ нашелся и союзникъ, которому очень было выгодно поддерживать и разжигать раздоры между князьями.

Половцы.

Союзникъ этотъ были *Половцы*, — многочисленный и сильный народъ тюркскаго племени, въ концѣ XI вѣка нахлынувшій изъ азіатскихъ степей въ степи южно-русскія. Здѣсь Половцы побили и повоевали всѣхъ прочихъ кочевниковъ, покорили себѣ Печенѣговъ, и уже съ 1070 г. стали производить опустошительные набѣги на Русскую Землю. Набѣги эти были такъ стремительны, такъ неудержимы, на первыхъ порахъ, что всѣ русскія княжества, прилегавшія открытою границею къ степному пространству (*Кіевское*, *Переяславское*, *Новгородъ-Сѣверское*, отчасти и *Муромо-Рязанское*), въ теченіе 30—40 лѣтъ исключительно должны были сосредоточить все свое вниманіе на борьбѣ съ дикими кочевниками, которая составляла главный интересъ ихъ жизни, тѣмъ болѣе, что нерѣдко Половцы являлись пособниками той или другой стороны въ княжескихъ распряхъ, или только ловко пользовались ими для своихъ гибельныхъ вторженій. Особенно часто къ помощи половецкой прибѣгалъ одинъ изъ внуковъ Ярослава Мудраго, безпокойный князь *Олегъ Святославичъ Черниговскій*, несправедливо лишенный удѣла и добивавшійся его всѣми способами. Эти раздоры и бѣдствія вызвали наконецъ общее негодованіе и желаніе во что бы то ни стало уладить дѣло миромъ. На двухъ *съѣздахъ* княжескихъ (въ Любечѣ 1097 г. и въ Витичевѣ 1100 г.) всѣ вопросы, волновавшіе Русь, были подвергнуты многостороннему обсужденію, и всѣ

Съѣзды князей. Владиміръ Мономахъ.

князья невольно подчинились благотворному вліянію князя *Владиміра Всеволодовича Мономаха* — одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей того времени. Владиміръ Мономахъ весьма разумно указалъ князьямъ на главную нужду времени: на необходимость общими силами предпринять походъ противъ Половцевъ. Первый *общій походъ* князей, по его иниціативѣ, и былъ предпринятъ въ 1100 году, и послужилъ прототипомъ цѣлаго ряда подобныхъ же общихъ и частныхъ военныхъ предпріятій, которыя значительно осадили Половцевъ и обуздали ихъ хищническіе набѣги, хотя борьба съ ними и длилась въ теченіе почти всего XII вѣка и служила постояннымъ поприщемъ для русской удали и молодечества.

Вскорѣ послѣ Половецкаго похода, скончался великій князь Кіевскій (Святополкъ II), и хотя старшинство принадлежало Олегу Святославичу Черниговскому, но никто не хотѣлъ видѣть великимъ княземъ человѣка, наводившаго Половцевъ на Русскую землю; по общему соглашенію и желанію Кіевлянъ, великимъ княземъ былъ избранъ и посаженъ въ Кіевѣ Владиміръ Мономахъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, котораго онъ вполнѣ заслуживалъ по своимъ выдающимся достоинствамъ.

Характеристика Мономаха.

Дѣйствительно, этотъ князь былъ образцомъ всѣхъ доблестей, какія могли служить украшеніемъ правителя въ то время. Неустрашимо-храбрый воинъ, Владиміръ Мономахъ *) былъ въ то же время разумнымъ политикомъ и образованнѣйшимъ изъ людей своего времени. Одаренный твердымъ характеромъ и сильною волею, онъ всегда шелъ неуклонно къ избранной цѣли, умѣлъ превосходно пользоваться всѣми законными средствами къ ея достиженію, и никогда не злоупотреблялъ ни своею властью, ни своею силой. Стараясь все улаживать мирнымъ путемъ, Мономахъ прибѣгалъ къ оружію только въ крайности; но взявшись за оружіе, умѣлъ проучить своего противника. Неутомимо-дѣятельный и подвижный, онъ особенно зорко наблюдалъ за тѣмъ, чтобы «сильный не обижалъ слабаго». Прекраснымъ памятникомъ его ума и характера остались намъ уцѣлѣвшія его письма и въ особенности «*Поученіе дѣтямъ*», въ которомъ онъ разсказываетъ, имъ въ назиданіе, свои походы и подвиги, совершенные на войнѣ и «*на лѣвахъ*» (т.-е. охотѣ), а также и даетъ важнѣйшія правила общежитія и нравственности.

Мономаховичи и Ольговичи.

Вліяніе крупной и замѣчательной личности Мономаха отчасти оказывается и послѣ его смерти (въ 1125 г.), такъ какъ Кіевскій престолъ, противъ установившагося обычая, перешелъ къ его сыну *Мстиславу I*, который походилъ на отца и умомъ, и характеромъ, и находилъ себѣ твердую опору въ своихъ родныхъ братьяхъ, правившихъ четырьмя важнѣйшими княжествами; но затѣмъ (Мстиславъ I умеръ въ 1132 г.) началась борьба между *Мономаховичами* и *Ольговичами*, перешедшая потомъ въ борьбу между однимъ изъ сыновей Мономаха, княземъ Ростовско-Суздальскимъ *Юріемъ Долгорукимъ* и внукомъ Мономаха, *Изяславомъ Мстиславичемъ*, который и умомъ, и храбростью, и блестящими дарованіями

*) Онъ прозванъ былъ такъ по родству съ греческимъ императоромъ Константиномъ *Мономахомъ*, который приходился Владиміру Всеволодовичу дѣдомъ (со стороны его матери, греческой царевны).

далеко превосходилъ всѣхъ современныхъ русскихъ князей, а привѣтливостью и доступностью привлекалъ къ себѣ всѣ сердца.

Результатомъ этой долгой, упорной и изнурительной борьбы было значительное ослабленіе Кіевскаго княжества, а также и паденіе великокняжескаго достоинства, которое стало переходить отъ одного князя къ другому, уже не на основаніи права, а на основаніи бо̀льшей силы. И хотя Юрію Долгорукому, по смерти Изяслава Мстиславича, удалось наконецъ овладѣть великокняжескимъ престоломъ и удержаться на немъ до кончины,—центръ тяготѣнія русской исторической жизни сталъ видимо колебаться между двумя вновь-возникнувшими княжествами, быстро возраставшими въ силѣ и значеніи. Съ одной стороны, этотъ центръ сталъ перемѣщаться болѣе на Западъ и Юго-Западъ Руси, гдѣ образовались могущественныя княжества: Волынское и Галицкое (впослѣдствіи слившіяся въ одно Галицкое княжество); съ другой—на Сѣверо-Востокъ, гдѣ явилось также весьма сильное княжество Ростовско-Суздальское. Такимъ образомъ, мало-по-малу, стало выясняться явное раздвоеніе Южной Руси отъ Сѣверной, въ которой, рядомъ съ Ростовско-Суздальскимъ княжествомъ, стала возникать и еще одна весьма важная политическая единица, въ видѣ земли Новгородской, быстро богатѣвшей и во всѣ стороны расширявшей свои предѣлы. Ослабленіе Кіева. Усиленіе другихъ княжествъ.

Уже сынъ Юрія Долгорукаго, князь Андрей (впослѣдствіи прозванный *Боголюбскимъ*), которому отецъ собирался передать велико-княжеское достоинство и Кіевское княженіе, отказался отъ этой чести и удалился въ Суздальскую землю, удѣлъ своего отца, гдѣ избралъ резиденціею городъ *Владиміръ* (на Клязьмѣ). По смерти Юрія, когда изъ-за Кіева поднялась вновь распря между князьями, Андрей вдругъ предъявилъ на него свои права и вступилъ въ борьбу съ князьями, которая окончилась полнымъ пораженіемъ князей и жестокимъ опустошеніемъ и разграбленіемъ г. Кіева (1169 г.). Присвоивъ себѣ титулъ великаго князя, Андрей какъ бы намѣренно пожелалъ выказать свое пренебреженіе къ Кіеву, и остался жить во Владимірѣ, который пріобрѣлъ при немъ важное, первенствующее значеніе въ Русской землѣ. Отсюда, пользуясь своими связями и могуществомъ, властолюбивый и гордый Андрей Юрьевичъ распоряжался судьбами Кіевской Руси...

Въ это же время, на западъ отъ Кіева, возникла новая сила, въ видѣ княжества *Волынскаго*, съ его неприступными городами (Владиміръ Волынскій, Луцкъ и Дорогобужъ) и цѣлымъ рядомъ талантливыхъ князей, который закончился крупною личностью *Романа Мстиславича* (1172—1205). Этотъ замѣчательный князь прославился въ особенности своими упорными войнами противъ дикихъ и свирѣпыхъ Литовцевъ, на которыхъ своею безпощадною суровостью наводилъ такой ужасъ, что матери стращали имъ дѣтей своихъ. Въ 1198 году, Романъ ловко сумѣлъ воспользоваться смутами въ сосѣднемъ Галицкомъ княжествѣ и присоединилъ это княжество къ своимъ владѣніямъ, послѣ долгой и ожесточенной борьбы съ могущественными и богатыми галицкими боярами.

Вообще говоря, къ концу XII в. замѣчаемъ по всей Руси одно и то же, общее явленіе:—княжества удѣльныя, переходившія изъ рукъ въ Внутренній бытъ Новгорода.

руки, отъ князя къ князю, по правамъ старшинства, обращаются мало-по-малу въ княжества *наслѣдственныя*, которыя удерживаются въ томъ или другомъ княжескомъ родѣ, какъ его родовая собственность. Исключеніемъ изъ другихъ земель и княжествъ является только земля Новгородская съ ея столицею, *Новгородомъ Великимъ* (на р. Волховѣ) и его многочисленными пригородами. Тамъ князья являются не на основаніи какихъ бы то ни было правъ старшинства и не на основаніи правъ родового наслѣдованія, а *по добровольному призыву и выбору* самихъ гражданъ новгородскихъ. Какъ и когда установился этотъ обычай избранія князей изъ среды всѣхъ князей русскихъ — неизвѣстно, точно такъ же, какъ неизвѣстно и то время, когда Новгородъ высвободился изъ-подъ своей зависимости отъ Кіева? Легко можетъ быть, что это право избранія князей стояло въ нѣкоторой связи съ тѣми льготами, которыя нѣкогда далъ Новгороду Ярославъ Мудрый:—по крайней мѣрѣ, Новгородцы, въ этихъ случаяхъ, когда дѣло касалось ихъ вольностей, любили ссылаться на древнія «Ярославовы грамоты». Можетъ-быть, на основаніи тѣхъ же грамотъ, а можетъ-быть и просто, въ силу обычая постепенно установившагося въ далекомъ и обособленномъ отъ остальной Руси Новѣгородѣ, и власть князя явилась въ Новѣгородѣ не такою полною и значительною, какъ въ другихъ княжествахъ:— она была здѣсь ограничена *народнымъ собраніемъ* (вѣчемъ) и кружкомъ выбираемыхъ вѣчемъ городскихъ представителей или чиновниковъ (посадниками, тысяцкими и т. д.). Многіе изъ князей русскихъ, избираемыхъ Новгородцами, уживались съ вольнолюбивыми гражданами Новгорода, княжили долго, иногда даже и до самой смерти, и умирали, оплакиваемые всѣми. Иные, напротивъ того, сразу вступали въ препирательство съ Новгородцами, не ладили и раздорили съ ними, и тогда дѣло кончалось тѣмъ, что вѣче говорило князю: «кланяемся тебѣ, не можемъ жить съ тобою; ступай отъ насъ, а мы себѣ другого князя промыслимъ». Князь былъ болѣе всего важенъ для Новгорода, *какъ судья* и безпристрастный рѣшитель тяжбъ между мѣстными сословіями, безпрестанно сталкивавшимися изъ-за разнообразныхъ интересовъ земельныхъ, торговыхъ, промышленныхъ и чисто-административныхъ. Точно такъ же важенъ былъ князь и *какъ военачальникъ*, который, во главѣ новгородскаго ополченія, долженъ былъ, въ случаѣ нужды, силою отстаивать торговые интересы Новгорода, наказывать его возмутившихся данниковъ, а главное — защищать Новгородъ отъ внѣшнихъ враговъ, грозившихъ ему съ Сѣвера и Запада.

Новгородъ и Суздаль.

Но, при всей самостоятельности и богатствѣ, у Новгорода была своя слабая сторона, которою отлично сумѣли воспользоваться его ближайшіе сосѣди, князья Суздальскіе. Скудная производительностью земледѣльческою, Новгородская земля получала весь свой хлѣбный запасъ изъ Поволжья, которое находилось во власти князей Суздальскихъ. Это ставило Новгородцевъ въ нѣкоторую зависимость отъ нихъ, такъ какъ въ случаѣ войнъ и несогласій они легко могли задержать хлѣбные запасы, идущіе съ Волги, и тогда Новгороду угрожалъ голодъ. Андрей Юрьевичъ Боголюбскій — тонкій и безпощадный политикъ — первый понялъ всю силу этого бытового условія жизни Новгорода и рѣшился имъ вос-

пользоваться. Онъ съумѣлъ привлечь на свою сторону часть новгородскихъ гражданъ и, при ихъ помощи, навязалъ въ князья Новгороду одного изъ своихъ родственниковъ. Князь сталъ распоряжаться самовольно, и Новгородцы, изгнавъ его, вошли въ сношенія съ кіевскимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ и призвали къ себѣ въ князья знаменитаго сына его, *Романа* (1168 г.). Озлобленный этимъ, Андрей объявилъ войну Новгородцамъ, двинулъ противъ нихъ сильное войско и осадилъ самый Новгородъ. Осада была неудачна, приступы суздальской рати были отбиты съ значительнымъ урономъ и, наконецъ, она была вынуждена къ отступленію, преслѣдуемая Новгородцами, которые приписывали свою побѣду чуду древней иконы Знаменья Божіей Матери, обносимой по стѣнамъ города, во время наступленія суздальской рати. Эта икона и понынѣ хранится въ Новѣгородѣ, какъ величайшая мѣстная святыня.

Знаменскій соборъ въ Новѣгородѣ, въ которомъ хранится древняя чудотворная икона Знаменья.

Хотя эта удача и не принесла Новгородцамъ никакой существенной пользы, такъ какъ они, вскорѣ послѣ того, сами вынуждены были къ примиренію съ княземъ Андреемъ, однакоже и самый фактъ ихъ борьбы (притомъ еще успѣшной) съ могущественнымъ Суздальскимъ княземъ, передъ которымъ преклонялась въ ту пору почти вся Русь—свидѣтельствуетъ уже въ пользу того, какой силы и значенія успѣлъ достигнуть Новгородъ на Сѣверѣ древней Руси во второй половинѣ XII вѣка.

Появленіе Ливонскаго ордена.

Гораздо страшнѣе для Новгородской земли былъ тотъ врагъ, который пришелъ съ Запада и прочно основался на Балтійскомъ побережьи, заселенномъ Чудью, Ливами и Латышами, платившими дань Новгороду и Полоцкимъ князьямъ. Въ половинѣ XII вѣка, въ устье Двины бурею занесены были корабли бременскихъ купцовъ, и съ той поры они стали сюда ежегодно являться съ товарами. Слѣдомъ за купцами явился сюда (въ 1187 г.) и нѣмецкій миссіонеръ, священникъ *Мейнгардтъ*, построилъ церковь близъ селенія Икескола (около нынѣшней Риги), а потомъ, при помощи собравшихся около него нѣмцевъ, воздвигъ и замокъ. Латыши и Ливы туго поддавались проповѣди христіанской, тѣмъ болѣе, что Слово Божіе проповѣдывалось имъ на чуждомъ для нихъ языкѣ, и проповѣдники относились къ своей паствѣ весьма сурово, болѣе помышляя о захватѣ земель, нежели о проповѣди. Убѣдившись въ этомъ, туземцы возстали противъ пришельцевъ и стали избивать ихъ немилосердно. Но на выручку Нѣмцамъ явился новый епископъ, *Альбертъ Буксгевденъ* (1199 г.), человѣкъ находчивый и энергическій, и привелъ съ собою большое войско. Туземцы вынуждены были покориться силѣ, и стали креститься по неволѣ; а епископъ Альбертъ построилъ крѣпкій городъ *Ригу* и въ немъ основалъ свою резиденцію. Затѣмъ уже, подъ предлогомъ болѣе успѣшной борьбы съ язычествомъ, и какъ бы для защиты новыхъ христіанъ отъ ихъ злобы, Альбертъ выпросилъ у папы разрѣшеніе учредить особый *Ливонскій орденъ* духовныхъ рыцарей, подъ названіемъ «Меченосцевъ». Рыцари этого ордена получили отъ папы право на владѣніе покоренными землями, въ зависимости отъ мѣстнаго епископа. Во главѣ ордена былъ поставленъ особый, выбираемый изъ среды ордена *магистръ*. Тогда уже миссіонерская дѣятельность Альберта свелась прямо къ завоеванію: туземцамъ навязывали крещеніе насильно, крестили ихъ разомъ цѣлыми селами, непрерывно грозя имъ огнемъ и мечемъ. Малѣйшее неповиновеніе или сопротивленіе подавлялось самыми жестокими мѣрами и ужасными насиліями. Мало-по-малу, меченосцы овладѣли всѣмъ прибалтійскимъ побережьемъ, а затѣмъ стали простирать свои виды и далѣе, направляя удары въ сторону Новгородской земли, у которой они вскорѣ отняли городъ *Юрьевъ*, построенный Ярославомъ Мудрымъ (и переименовали его въ *Дерптъ*). Съ этой-то поры началась на Новгородской окраинѣ упорная борьба съ Нѣмцами, длившаяся нѣсколько столѣтій, и въ которой Новгородцы оказали Русской землѣ большія услуги, отстаивая цѣлость ея территоріи отъ чужеземнаго захвата и область Церкви своей отъ попытокъ распространенія въ ней католицизма.

Очеркъ внутренняго быта Руси до конца XII в.

Если мы оглянемся на результаты очерченныхъ намъ трехъ вѣковъ исторической жизни Русскаго народа до конца XII вѣка, то мы должны будемъ придти къ тому выводу, что въ общемъ своемъ составѣ русское общество конца XII и начала XIII вѣка, по уровню своего образованія, по понятіямъ и воззрѣніямъ, по обычаямъ и быту, въ бо́льшей своей части, нимало не отличалось отъ современнаго общества европейскаго, а по нравственности своей стояло даже и значительно выше общества европейскаго. Мы видимъ и общественныя, и сословныя, и юридическія отношенія правильно установленными, органически-развивающимися, под-

чиненными общему, равному для всѣхъ, писанному закону. Съ одной стороны мы видимъ *князей* съ ихъ *дружинами*, какъ власть административную и судебную, ограниченную однакоже и закономъ, и обычаемъ, съ другой—видимъ городское и сельское поселенія, *людей* (какъ они себя называли) свободныхъ и не тѣснимыхъ ни чьимъ произволомъ. Видимъ раздоры и междоусобныя войны между князьями, въ которыхъ *люди* не принимаютъ никакого участія, не сочувствуя частнымъ и личнымъ интересамъ князя, и видимъ городское и сельское населеніе цѣлыхъ областей, которое, какъ одинъ человѣкъ, вступается за своего любимаго князя. Видимъ и такіе примѣры, когда князь, давно уже не правящій извѣстною землею, спѣшитъ издалека на выручку ея гражданъ отъ какого-нибудь бѣдствія и опасности, и жертвуетъ для этого своимъ спокойствіемъ и личною безопасностью. Женщина занимаетъ въ обществѣ видное, выдающееся положеніе; она является и опекуншею дѣтей своихъ, и воспитательницею; ея личная свобода ничѣмъ не стѣснена, и въ то же время ея права имущественныя и иныя вполнѣ обезпечены закономъ. Княжны и княгини строятъ храмы, учреждаютъ монастыри, путешествуютъ по святымъ мѣстамъ—въ Царьградъ и на поклоненіе Гробу Господню; въ распряхъ между князьями онѣ являются миротворицами и ходатаями за обиженныхъ и угнетенныхъ. Церковь Русская, по сравненію съ любою изъ Церквей Западной Европы, имѣла несомнѣнныя и важныя преимущества: она говорила съ народомъ на языкѣ ему понятномъ и жила съ нимъ одною жизнью. Богослужебныя книги и Св. Писаніе были внесены въ Русскую землю въ славянскомъ переводѣ Св. Кирилла и Меѳодія, и художественно-созданный и выработанный языкъ этого перевода въ такой же степени послужилъ основой для развитія древне-русской литературы и письменности, въ какой и латинскій текстъ Св. Писанія на Западѣ послужилъ основою средневѣковой латинской литературы и письменности. Великимъ преимуществомъ Церкви Русской было еще и то, что она, находясь въ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ къ князьямъ и дружинѣ, никогда не посягала ни на какое участіе въ мірской власти, строго держалась *церковнаго устава*, составленнаго по образцу греческаго Номоканона (еще при князѣ Владимірѣ Равноапостольномъ; дополненнаго при Ярославѣ I). Своими проповѣдями и примѣромъ русское духовенство много способствовало общему улучшенію и смягченію нравовъ; въ этомъ отношеніи особенно важно то *право суда*, которое предоставлялось духовенству церковнымъ уставомъ, такъ какъ церковному суду подлежали всѣ преступленія противъ религіи, нравственности и семейной жизни. Весьма важное значеніе въ древне-русской жизни имѣли и *монастыри*, не только какъ центры религіозные, но и какъ разсадники просвѣщенія. Въ монастыряхъ велись лѣтописи, писались книги, переводились сочиненія съ греческаго, латинскаго и древне-болгарскаго языковъ на древне-русскій. Князья и дружина ихъ представляли собою сословіе не только грамотное, но и въ болѣе обширномъ смыслѣ образованное; многіе изъ князей знали по нѣскольку иноземныхъ языковъ, а знаніе греческаго языка было въ княжей средѣ довольно обычнымъ; многіе князья собирали у себя въ палатахъ цѣлыя библіотеки книгъ, за которыя, по тому

времени, приходилось платить очень дорого, и ничего не жалѣли на пріобрѣтеніе книжной премудрости. Въ княжеской и дружинной средѣ и зародились тѣ первые начатки свѣтской литературы (изъ нихъ дошло до насъ очень немногое), которые могли сулить ей въ будущемъ блестящее развитіе; авторами этихъ произведеній, какъ и на Западѣ, были міряне, изъ дружинниковъ или *княжескихъ пѣвцовъ* (своего рода миннезэнгеровъ). Понятно, что при такомъ уровнѣ образованности,—повторяемъ: ни въ чемъ не уступавшемъ европейскому—и связи съ Европой были тѣсны, и сношенія оживленны. Это особенно ярко проявляется въ томъ, что браки между русскими княжескими родами и княжескими родами греческими и западно-европейскими были явленіемъ весьма обычнымъ. Припомнимъ въ доказательство хотя бы времена Ярослава Мудраго: самъ онъ былъ женатъ на дочери норвежскаго короля Олафа, *Ингигердѣ*; его сестра *Марія* была въ замужествѣ за королемъ польскимъ Казиміромъ (1043 г.); дочери: *Анастасія*—за венгерскимъ королемъ Андреемъ; *Елисавета*—за норвежскимъ королемъ Гаральдомъ IV; *Анна* — за королемъ французскимъ Генрихомъ I. Греческія царевны выходили за русскихъ князей:—отецъ Мономаха былъ женатъ на греческой царевнѣ. Съ другой стороны, на тѣсную близость Европы (не только Западной, но и Средней) съ древнею Русью до-монгольскаго періода указываетъ и общность интересовъ экономическихъ и торговыхъ:—древняя Русь къ началу XIII вѣка занимала уже такое видное мѣсто въ торговлѣ обще-европейской, что средне-европейскія торговыя товарищества (вскорѣ послѣ своего возникновенія) уже не могли обойтись безъ участія Руси и даже суровая Ганза включила Новгородъ въ сѣть своихъ торговыхъ конторъ и факторій, какъ равноправнаго участника и компаньона. Но въ первой половинѣ XIII вѣка на Русь обрушилось страшное и нежданное бѣдствіе, которое разомъ отдѣлило ее отъ остальной Европы и замедлило ходъ ея развитія на цѣлыхъ два вѣка, исключительно сосредоточивъ всѣ нравственныя и умственныя силы Русскаго народа на заботахъ о личной безопасности и охраненіи важнѣйшихъ, основныхъ началъ Русской жизни *).

*) Иллюстраціи, помѣщаемыя нами въ русскомъ отдѣлѣ «Всеобщей Исторіи» профессора О. Іегера, должны носить на себѣ нѣсколько иной характеръ, сравнительно съ иллюстраціею другихъ отдѣловъ книги, потому что наша старина вообще бѣдна вещественными памятниками; такъ напр., болѣе или менѣе достовѣрные портреты нашихъ князей и царей начинаются не ранѣе, какъ со временъ Василія III, а медали съ изображеніями правителей стали чеканить у насъ не ранѣе, какъ съ Петровскаго времени. Вотъ чѣмъ объясняется отсутствіе подобнаго рода памятниковъ на страницахъ нашей книги. *Ред.*

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Отъ начала Крестовыхъ походовъ до Рудольфа Габсбургскаго.

(1096—1273 гг. по Р. Хр.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первые Крестовые походы.—Италія и Германія въ царствованіе Генриха V, Лотарія Саксонскаго и Штауфена Конрада.

Положеніе дѣлъ на Востокѣ. Сельджуки.

Замѣчательное и богатое своими послѣдствіями движеніе, извѣстное подъ названіемъ Крестовыхъ походовъ, составляетъ одинъ изъ эпизодовъ той великой борьбы между Востокомъ и Западомъ, которая, лишь мѣняя видъ и окраску, тянется черезъ всю исторію, и въ которой то Востокъ, то Западъ принимаютъ на себя роль наступательную. Какъ христіанство, такъ и исламъ, заявляли свои притязанія на всемірное религіозное господство. По внѣшности и вслѣдствіе заимствованія христіанскихъ идей исламомъ, у нихъ было много общаго, но все же они существенно исключали другъ-друга, и ихъ отношенія могли быть только враждебными. На Западѣ Европы, въ концѣ XI вѣка, побѣда въ такой борьбѣ осталась за христіанствомъ: мусульмане должны были очистить Сицилію; послѣдняя

твердыня ихъ въ Галліи, Фраксинетъ, была взята и раззорена туземцами области, вскорѣ по смерти Оттона I; они вытѣснялись и изъ Испаніи, какъ было указано выше. Но на Востокѣ дѣла приняли угрожающій оборотъ для христіанства и его передового поста, Восточной Римской имперіи. Тюркское племя, называвшееся или названное по имени своего вождя, Сельджука, *сельджукскимъ*, вторглось въ Багдадскій калифатъ въ началѣ XI столѣтія; немногочисленныя, но твердо сплоченныя военныя силы скоро одолѣли разъединенныхъ всяческою враждою мусульманскихъ владѣтелей и вождей въ этихъ западно-азіатскихъ мѣстностяхъ. Въ то самое время, когда Морабеты распространяли съ новымъ успѣхомъ магометанскую вѣру въ Западной Африкѣ, Сельджуки основали свои султанства въ Сиріи и Малой Азіи. Послѣ того, какъ глава ихъ, султанъ Альпъ-Арсланъ, нанесъ тяжкое поряженіе греческому императору Роману-Діогену, въ 1071 г. (въ Арменіи, близъ Манцикерта), Сельджуки стали владыками Малой Азіи, и Святая Земля, Палестина, оказалась тоже въ ихъ рукахъ. Самъ императоръ былъ взятъ ими въ плѣнъ и преемникъ его, Михаилъ VII, обратился за помощью къ папѣ Григорію VII, суля ему въ будущемъ въ видѣ награды: возсоединеніе Восточной и Западной Церкви.

Прежнія паломничества.

Оборотъ дѣлъ на Востокѣ служилъ уже, самъ по себѣ, къ возбужденію умовъ на Западѣ. Паломничества къ Св. Гробу и другимъ святынямъ не прекращались, собственно, никогда на Западѣ; люди, неудовлетворявшіеся обѣтомъ странствованія къ Св. Яго Кампостельскому или въ Римъ, къ гробницамъ апостоловъ Петра и Павла, находили успокоеніе своей тревожимой совѣсти, утоляли свою жажду сверхобычнаго духовнаго подвига, странствуя на поклоненіе Святой Землѣ. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ уже намъ своею силою идей, умножалось число этихъ странниковъ съ раковинами, нашитыми на шапкѣ и пилигримскими посохами въ рукахъ. Въ громадной процессіи, двинувшейся въ Палестину въ 1064 г., вслѣдъ за майнцскимъ архіепископомъ Зигфридомъ, желавшимъ искупить свою лицемѣрную, грѣховную жизнь такимъ покаяніемъ, насчитывалось не менѣе 7,000 человѣкъ. Эти пилигримы молились у Гроба Господня, купались въ водахъ Іордана и приносили съ собою, при возвращеніи домой, всякія памятныя вещицы и реликвіи, если оканчивали благополучно свое долгое и опасное странствованіе, а не были дорогой ограблены или убиты, что случалось тоже не рѣдко. Вообще, магометанскіе владыки Св. Земли не препятствовали прежде такимъ паломничествамъ, но теперь дѣло приняло иной оборотъ: Сельджукамъ не были, разумѣется, безызвѣстны переговоры, возникшіе между Римомъ и Константинополемъ, и они перемѣнили, сообразно тому, свой образъ дѣйствій: вскорѣ стали всюду доноситься слухи о притѣсненіяхъ, насиліяхъ и вымогательствахъ, которымъ подвергались поклонники, шедшіе къ Гробу Господню.

Григорій VII, въ безпредѣльныхъ замыслахъ своего церковнаго властолюбія, вовлекавшаго его въ борьбу, которая и загубила его, никакъ не могъ осуществить своего грандіознаго замысла о возсоединеніи обѣихъ Церквей и завоеваніи Святой Земли; напротивъ того, его необузданный союзникъ, норманнскій король, Робертъ Гискаръ, вторгнулся въ Византійскую имперію именно въ то время, когда ея новый

императоръ Алексѣй, изъ дома Комниновъ (Алексѣй I, съ 1081), храбрый и доблестный властитель, укрѣпилъ государство настолько, что могъ снова приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Сельджуковъ. Попытка Гискара не удалась; Алексѣй могъ тоже съ успѣхомъ отразить Печенѣговъ,—дикое племя, появившееся изъ-за Балканъ; но ослабѣвшему государству было уже не подъ силу выбить и Сельджуковъ изъ ихъ грозной позиціи въ Малой Азіи; Алексѣй обратился, поэтому, за помощью къ папѣ Урбану II.

Урбанъ II. Съѣздъ въ Клермонтѣ.

Самая мысль о богоугодной войнѣ за освобожденіе Святыхъ мѣстъ изъ-подъ власти невѣрныхъ, пустила корни уже давно на Западѣ. Миръ Господень и христіанская совѣсть возбраняли братоубійственныя столкновенія между христіанами, а стихійнымъ стремленіямъ къ рѣзнѣ указывалась теперь болѣе достойная цѣль. На многочисленный духовный съѣздъ въ Піаченцѣ (мартъ 1095) прибыли и посланцы Алексѣя, и не мало присутствовавшихъ тутъ же дали обѣтъ отправиться на помощь христіанскому царю, въ Константинополь. Дѣло шло объ этомъ прежде всего; именно въ этомъ видѣ воплотилась впервые возвышенная идея; но вскорѣ движеніе разрослось и замыслы перешагнули за эту первую цѣль, такъ что, когда папа прибылъ въ свою родную землю,—въ которой былъ настоящимъ владыкою онъ, а не король Филиппъ,—и созвалъ соборъ въ Клермонтѣ, то на этотъ съѣздъ поспѣшили не одни духовные сановники, епископы и аббаты, но и безчисленныя толпы мірянъ высшаго и низшаго званія. И когда папа Урбанъ, подъ открытымъ небомъ,—потому что никакое зданіе не могло-бы вмѣстить этихъ тысячъ,—сталъ говорить объ угнетеніи христіанъ «нечестивыми Агарянами», то его собственное одушевленіе увлекло его, встрѣтивъ еще болѣе восторженный откликъ въ собраніи; тысячи устъ повторили единогласно: «Deus lo volt! Господь того хочетъ!»—одобряя великое начинаніе, требуя его и приступая къ нему теперь же, не съ одною цѣлью помочь Алексѣю, но и ради завоеванія Іерусалима. По разсказамъ, многіе тутъ же нашили себѣ красные кресты на одежду, въ ознаменованіе себя воинами Христовыми, и первымъ изъ нихъ былъ епископъ пюійскій Адемаръ, котораго Урбанъ и нарекъ полномочнымъ вождемъ похода, благоразумно воздерживаясь отъ личнаго принятія этого дѣла на себя.

Агитація въ пользу Крестоваго похода.

Среди духовныхъ народныхъ проповѣдниковъ, распространявшихъ мысль о походѣ, выдавался особенно одинъ отшельникъ изъ аміенской епархіи, Петръ, которому легенда—а по ея слѣдамъ и историческое воззрѣніе—приписываютъ бо̀льшее и непосредственнѣйшее участіе въ движеніи, нежели то было въ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что проповѣди этихъ людей были обращены къ весьма воспріимчивымъ слушателямъ. Простой народъ, крайне невѣжественный, способный на всякое преувеличеніе воображенія во мракѣ своихъ суевѣрій, ждалъ себѣ всевозможныхъ наградъ земныхъ и небесныхъ за свое участіе въ предпріятіи, и Церковь не скупилась на всяческія обѣщанія, выставляя на видъ смягченіе церковныхъ каръ и другія приманки; многихъ влекло тоже отнюдь не благочестіе, но эгоизмъ и корысть; они жадно грезили о захватѣ сокровищъ или свѣтской власти въ завоеванныхъ странахъ. Мысль о походѣ была особенно

популярна во Франціи и распространилась здѣсь, какъ повѣтріе; нѣсколько медленнѣе назрѣвала она въ Италіи, Испаніи, Англіи и Скандинавіи. Въ Германіи къ ней относились еще вполнѣ скептически, когда уже, весною 1096 года, большія, безпорядочныя толпы поселянъ, монаховъ и всякихъ бродягъ двинулись вдоль Рейна, подъ предводительствомъ двухъ рыцарей, изъ которыхъ одинъ прозывался многозначительно Вальтеръ «Senzavehor» или «Senzaveir» (Sans Avoir), то-есть, Вальтеръ «Неимущій». Съ ними шелъ и Петръ Аміенскій, который сталъ проповѣдывать въ Кёльнѣ. Возбужденный фанатизмъ обрушился, въ рейнскихъ городахъ, всѣмъ своимъ ужасомъ на евреевъ, которыхъ тщетно, хотя и непритворно, старались защитить епископы. Предлогомъ къ погрому было то, что они, то-есть, нѣкоторые изъ предковъ ихъ, за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ, распяли Спасителя; съ бо̀льшимъ основаніемъ обвинялись они въ томъ, что безбожно пользовались нуждою многихъ проходившихъ паломниковъ. Фанатики хватались за такіе удобные предлоги, если, вообще, нуждались въ нихъ. Эти передовыя полчища, валившія безъ всякаго порядка и руководительства, приходили въ неизбѣжное столкновеніе съ жителями тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя тянулись. Такъ, одна такая громадная орда, приблизительно въ 200,000 человѣкъ и подъ начальствомъ нѣсколькихъ дворянъ, вступила въ открытую войну съ Венгерцами и ихъ королемъ Коломаномъ (съ 1093 г.), при чемъ была большею частью уничтожена. Петръ Аміенскій прибылъ съ своимъ отрядомъ,—около 40,000 человѣкъ,—благополучно въ Константинополь. Онъ былъ настолько благоразуменъ, что хотѣлъ выждать здѣсь прибытія болѣе надежнаго войска; но толпа стремилась впередъ, требуя, чтобы онъ велъ ее въ Азію; тамъ, вступивъ въ слишкомъ неравныя битвы съ Сельджуками, эти несчастные были почти поголовно перебиты или взяты въ плѣнъ. Самъ Петръ Пустынникъ успѣлъ вернуться въ Константинополь. Можно считать навѣрное, что уже болѣе ста тысячъ людей погибло, прежде нежели выступило въ походъ настоящее войско.

Главное войско.

Къ странностямъ этого перваго похода, отъ котораго вѣетъ особымъ романическимъ очарованіемъ, принадлежитъ еще то, что во главѣ его не было ни одного крупнаго властителя, и что два государя, нѣмецкій и французскій короли, находились въ это время подъ гнетомъ церковнаго отлученія. Одни большіе феодалы собирали вокругъ себя, единолично или сговорясь съ другими, своихъ вассаловъ съ ихъ служилыми людьми. Такъ дѣйствовали во Франціи: богатый прованскій владѣтель, графъ Раймондъ Тулузскій, графъ Гуго Вермандуа, братъ короля Филиппа, Стефанъ, владѣтель Блоа и Шартра, герцогъ норманнскій, Робертъ, братъ англійскаго короля Вильгельма II, и графъ фландрскій Робертъ. Изъ нѣмцевъ былъ впереди всѣхъ герцогъ Нижней Лотарингіи (съ 1089 г.), Готфридъ Бульонскій, со своими двумя братьями, Евстаѳіемъ и Бальдуиномъ. Изъ Италіи явились два норманнскихъ князя: Боэмундъ, сынъ Роберта Гискара, и его племянникъ Танкредъ. Однихъ этихъ именъ достаточно для доказательства того, что князьями руководило не одно религіозное настроеніе: норманнскіе искатели приключеній имѣли въ виду никакъ уже не борьбу во имя Господне, а помышляли, съ самаго начала, о возможности захвата земель и владѣній въ тѣхъ восточныхъ странахъ.

Общаго предводительства при этомъ быть не могло; каждый князь шелъ съ своимъ войскомъ къ Константинополю по удобнѣйшему для себя пути; такъ, Лотарингцы съ Готфридомъ слѣдовали Дунаемъ, Раймундъ съ Провансальцами черезъ Далмацію, часть Французовъ и Норманны изъ Апуліи—моремъ. Эта слишкомъ обильная помощь привела въ затрудненіе императора Алексѣя; онъ оградилъ себя отъ ближайшей опасности, потребовавъ отъ главныхъ вождей вассальной присяги на тѣ земли, которыя могли быть завоеваны ими. Наименьшее сопротивленіе этому оказалъ тотъ, на котораго можно было менѣе всего полагаться: Боэмундъ. Самый знатный изъ вождей, графъ Гуго, тоже не затруднился дать присягу, но Готфридъ, прибывшій съ Нѣмцами къ Константинополю 23 декабря 1096 г., оказывался упорнымъ. Послѣ долгихъ и тщетныхъ переговоровъ, въ самую Страстную пятницу 1097 г., Алексѣй рѣшительно выступилъ въ бой противъ Лотарингцевъ и нанесъ имъ полное пораженіе. Герцогъ покорился этому «Божьему суду» и, вслѣдъ за нимъ, всѣ прибывавшіе вожди приносили присягу, за исключеніемъ одного Раймунда, въ характерѣ котораго странно соединялись гордость, монашеское смиреніе, набожность и алчность. Но и для него была придумана, наконецъ, особая формула присяги, которую и онъ согласился принести. Вожди крестоносцевъ подъ Константинополемъ.

Войска, переправившагося въ Малую Азію, насчитываютъ громадную цифру: отъ 300 до 400,000 вооруженныхъ людей; ясно, что убыль должна была быть громадной съ первыхъ же дней, потому что военныя средства того времени были вовсе не приспособлены къ веденію войнъ въ совершенно чужихъ земляхъ, при крайней отдаленности отъ родины и при обремененіи такою массою людей. Первая атака была направлена противъ хорошо укрѣпленной Никеи, главнаго города Килиджъ-Арслана, самаго могущественнаго изъ сельджукскихъ эмировъ или султановъ Малой Азіи. При битвѣ въ открытомъ полѣ западно-европейскіе рыцари выказали свое превосходство, но городъ палъ, 20 іюня, вслѣдствіе тайной сдѣлки, благодаря которой византійскія войска въ него проникли. Обладаніе этимъ городомъ имѣло громадное значеніе для Алексѣя, который вознаградилъ за него паломниковъ другими богатыми дарами. Спустя десять дней, крестоносцы встрѣтились на Дорилеймской равнинѣ съ большимъ сельджукскимъ отрядомъ, собраннымъ Килиджъ-Арсланомъ. И на этотъ разъ побѣда осталась за христіанами; при ихъ дальнѣйшемъ слѣдованіи черезъ Малую Азію, они много терпѣли отъ жара и неудовлетворительности своихъ порядковъ, но непріятель не тревожилъ ихъ болѣе. Сельджукская власть не укоренилась еще глубоко и подрывалась раздорами, какъ и весь мусульманскій міръ; притомъ, естественными союзниками крестоносцевъ являлись Армяне, поселившіеся между среднимъ Евфратомъ и Тавромъ, основавъ здѣсь нѣсколько княжествъ. Уже въ этихъ мѣстностяхъ поднялся споръ между Норманномъ Танкредомъ и Балдуиномъ, братомъ Готфрида. Успѣвъ пріобрѣсть расположеніе населенія своими побѣдами надъ Сельджуками, въ теченіе зимы, Балдуинъ вытѣснилъ изъ Эдессы туземнаго князя и утвердилъ его власть за собою. Въ Малой Азіи.

21 окт. 1097 г. главная часть войска христіанъ подошла къ хорошо укрѣпленной и обильно-снабженной продовольствіемъ многолюдной Антіохіи. Осада Антіохіи.

Но они не только встрѣтили здѣсь сильныя препятствія, а подверглись даже большой опасности. Не было никакого единства въ начальствѣ надъ арміей, набранной изъ людей различныхъ національностей, въ числѣ которыхъ было множество неподчинявшихся дисциплинѣ бродягъ или случайно взявшихся за оружіе. Предположеніе о томъ, что главно-командующимъ былъ Готфридъ Бульонскій, вовсе неосновательно; скорѣе наиболѣе выдающимся изъ вождей былъ Боэмундъ, хотя тоже никакъ не старшимъ военачальникомъ или, тѣмъ болѣе, единовластнымъ распорядителемъ военныхъ дѣйствій. Однако, осада, хотя и лишенная правильнаго плана, все же подвигалась впередъ; къ устью Оронта прибыли новыя толпы пилигримовъ, большею частью на генуэзскихъ и пизанскихъ судахъ: смѣтливые судовладѣльцы и торговцы уже спѣшили воспользоваться движеніемъ для своихъ выгодъ. Магометанскіе властители въ Багдадѣ и Каирѣ не думали, съ своей стороны, о томъ, чтобы выручить городъ, столь важный для ислама, соединенными силами; одинъ Кербога, эмиръ изъ Мосуля на Евфратѣ, двинулся впередъ съ большимъ войскомъ. Крестоносцамъ грозила большая опасность, но Боэмундъ завязалъ сношенія съ однимъ армянскимъ ренегатомъ, жителемъ Антіохіи, и спасъ своихъ христіанскихъ братьевъ; только, какъ пстый сынъ Гискара, онъ заставилъ ихъ купить это спасеніе цѣною уступки Антіохіи ему во владѣніе. Приступивъ къ штурму въ мѣстѣ, условленномъ имъ съ армяниномъ и неожиданно для осажденныхъ, онъ завладѣлъ городомъ (2 іюня 1098); однако, Сельджуки удержали за собой цитадель, находившуюся въ южной, возвышенной части города, и когда, черезъ нѣсколько дней, подошелъ Кербога съ своимъ многочисленнымъ войскомъ, христіане оказались окруженными и въ весьма опасномъ положеніи. Ради своего спасенія, многіе забывали свои обѣты и спускались за стѣну на веревкахъ, чтобы очутиться на свободѣ; но религіозное настроеніе восторжествовало еще разъ. Одинъ человѣкъ простого званія, по имени Петръ-Варѳоломей, заявилъ своему господину, что ему явился во снѣ Св. Андрей и указалъ ему на мѣстонахожденіе драгоцѣннѣйшей реликвіи: того самаго копья, которымъ было прободено тѣло Спасителя. Стали рыть землю въ указанномъ мѣстѣ и нашли копье; общее воодушевленіе и сознаніе опасности возстановили тогда согласіе между христіанами, между тѣмъ какъ раздоръ продолжалъ господствовать въ мусульманскомъ лагерѣ. Подкрѣпивъ духъ войскъ всѣми средствами, христіане произвели, 28 іюня, большую вылазку, кончившуюся удачей и освобожденіемъ осаднаго отряда. Но согласіе было возстановлено этимъ успѣхомъ лишь на время; оно скоро нарушилось, особенно при новой бѣдѣ: появленіи заразной болѣзни, жертвою которой палъ и папскій легатъ Адемаръ. Поднялись распри, даже и на религіозной почвѣ: Норманны препирались съ Провансальцами, оспаривая подлинность найденнаго священнаго копья. Толпа становилась, между тѣмъ, все нетерпѣливѣе, обращая взоры на конечную цѣль своего похода: Святой городъ. Требованія ея становились столь грозными, наконецъ, что вожди рѣшились тронуться съ мѣста. То же повторилось подъ Триполисомъ, подъ которымъ хотѣлъ остановиться графъ Раймундъ Тулузскій, чтобы завоевать себѣ тутъ, по дорогѣ, владѣніе, подобно тому, какъ врагъ его, Боэмундъ, взялъ себѣ

Антіохію. Наконецъ, 7 іюня 1099 г., войско достигло высотъ, съ которыхъ открывается видъ на Святой городъ. Здѣсь возобновился общій взрывъ восторга: всѣ пали на колѣни, славя Господа за то, что сподобилъ ихъ дожить до такой минуты.

Штурмъ Іерусалима. 1099.

Городъ защищали войска каирскаго султана изъ дома Фатимидовъ, подъ начальствомъ султанскаго визиря; число способныхъ носить оружіе было въ христіанскомъ лагерѣ уже не велико: около 20,000 человѣкъ. Первый штурмъ не удался. Но поблизости оказался лѣсъ, доставившій строительный матеріалъ для двухъ подвижныхъ башенъ; осадное искусство того времени не шло еще далѣе средствъ, завѣщанныхъ древностью. Генуэзскія суда прибыли тоже какъ разъ во-время въ Яффскую гавань съ нужными приспособленіями и орудіями. Послѣ вооруженной процессіи вокругъ города для воодушевленія воиновъ, 14 іюля было приступлено къ отчаянно-смѣлой попыткѣ—новому штурму. 15 числа, утромъ въ 9 часовъ,—по другимъ источникамъ, послѣ полудня, — осаждающимъ удалось спустить подъемный мостъ съ восточной башни на стѣну, а въ другомъ мѣстѣ пробить брешь, благодаря чему ворвались въ городъ, съ одной стороны Готфридъ и его братъ, съ другой—Норманны: Танкредъ и герцогъ Робертъ; съ третьей—успѣли вскорѣ проникнуть и Провансальцы, воспламененные появленіемъ «небеснаго борца съ Масличной горы». Цѣль была достигнута, хотя и цѣною громаднаго урона въ людяхъ, и было еще вопросомъ, стоило-ли добывать этотъ городъ цѣною такихъ жертвъ. Побѣдители удовлетворили, прежде всего, свою жажду мщенія, безпощадно истребивъ все сарацинское населеніе во взятомъ городѣ. Описанія этого побоища достигаютъ апокалипсическаго паѳоса: «крови было пролито столько, что она доходила до конскихъ удилъ». Обыкновенно, такіе отчеты кровавѣе самой дѣйствительности, но нѣтъ однакоже сомнѣнія, что здѣсь и въ эти минуты совершались ужасы, превосходившіе видѣнное когда-либо на землѣ, и тѣмъ болѣе грустные и позорные, что опьянѣніе фанатизмомъ ставило ихъ еще въ заслугу людямъ. Затѣмъ, воины омылись отъ грязи и крови, слѣдовъ битвы и грабежа, и потянулись всею толпою на покаянное поклоненіе Гробу Господню.

Королевство Іерусалимское.

Но положеніе дѣлъ требовало немедленнаго принятія мѣръ для сохраненія за собою великаго завоеванія. Было необходимо учредить здѣсь правленіе. Весьма характерно то, что духовныя лица, бывшія при войскѣ, вполнѣ проникнутыя крайнимъ понятіемъ о превосходствѣ божескаго надъ человѣческимъ и духовнаго надъ мірскимъ, — что въ то время и въ ихъ сословіи принималось за равнозначущее, — требовали учрежденія церковнаго государства, избранія патріарха; столь же характерно и то, что свѣтскіе властители, изъ которыхъ весьма многіе понимали, что важные политическіе вопросы не рѣшаются одними словами, противились этому предложенію и рѣшились избрать мірского правителя. Но самый титулъ его смущалъ нѣкоторыхъ, и весьма возможно, что не одному только недалекому графу Раймунду Тулузскому (ему первому была предложена власть) казалось грѣхомъ принятіе королевскаго титула, и вѣнчаніе королевскою короною въ томъ самомъ городѣ, гдѣ на Спасителя былъ возложенъ вѣнецъ терновый. Голоса соединились въ пользу заслуженнаго вождя,

вполнѣ благочестиваго въ духѣ того времени, вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно опытнаго и ловкаго въ мірскихъ дѣлахъ и, сверхъ того, обладавшаго весьма цѣннымъ достоинствомъ: не выдаваться слишкомъ ни въ какомъ отношеніи. Таковъ былъ Готфридъ Бульонскій. Онъ принялъ титулъ «Охранителя Св. Гроба», при чемъ ему пришлось весьма скоро оправдывать это названіе на дѣлѣ. Фатимидскій губернаторъ Іерусалима, Алафдаль, успѣлъ спастись, вѣроятно, и съ значительнымъ числомъ защитниковъ города, собралъ подкрѣпленія, стекавшіяся къ нему теперь въ изобиліи, при возраставшемъ возбужденіи мусульманскаго міра, и стоялъ уже съ сильною арміей у Аскалона. Сраженіе произошло подъ стѣнами этого города; христіане, подъ предводительствомъ Готфрида, одержали полную побѣду надъ превосходными силами непріятеля; опасность была отстранена на ближайшее время.

Но завоеваніе Святой Земли было все же лишь поверхностное и оно удалось, главнымъ образомъ, только благодаря раздорамъ, волненіямъ и неустройству съ мусульманской стороны. Такое же отсутствіе единства водворилось и среди побѣдителей, порождая цѣлый рядъ борьбы и смутъ, которыя тянутся въ теченіе десятилѣтія, но лишены всякаго интереса. Значительнѣйшею позиціею христіанъ было княжество Антіохійское, которое Боэмундъ съумѣлъ укрѣпить за собой съ большою прозорливостью и твердостью; но его старались отнять у него и соперники-князья, и императоръ Алексѣй, и эмиры сельджукскіе. При битвѣ съ однимъ изъ этихъ послѣднихъ, онъ попалъ въ плѣнъ, приблизительно въ то же время, когда въ Іерусалимѣ умеръ Готфридъ (1100). По смерти его, тотчасъ же возникъ споръ между духовно-норманнскою партіей и княземъ Эдесскимъ, Балдуиномъ, братомъ Готфрида. Будучи избранъ, Балдуинъ не пренебрегъ королевскимъ титуломъ: христіански-смиренный идеализмъ перваго іерусалимскаго властителя не проявлялся болѣе въ его преемникахъ. Всѣ одумались уже достаточно для уразумѣнія того, что и на освященной почвѣ дѣла идутъ какъ на простой, и что здѣсь, менѣе чѣмъ гдѣ-либо, можно обходиться безъ королевскаго титула и сопряженной съ нимъ власти.

Успѣхи, одержанные въ 1099 г. и передаваемые съ преувеличеніями возвращающимися паломниками, вызывали сильное возбужденіе повсюду на Западѣ. Громадныя полчища Ломбардцевъ, Французовъ и Нѣмцевъ отправлялись въ новый походъ, но эти силы разрознились и хотя прибыли въ Малую Азію, можетъ-быть, въ числѣ до 200,000 человѣкъ и помышляли о завоеваніи самаго Багдада, но не смогли даже освободить Боэмунда и жалостно погибли (1101). Въ 1103 году Боэмундъ былъ освобожденъ Сиваскимъ эмиромъ за значительный выкупъ и собралъ христіанское войско, съ которымъ думалъ взять важный Харанъ — древнюю Каррэ. Но онъ потерпѣлъ тяжкое пораженіе при этомъ мѣстѣ, роковомъ для западнаго оружія. Боэмундъ отправился въ Италію, оставя въ Антіохіи Танкреда. Рыцарство всѣхъ странъ отозвалось на кличъ славнаго вождя, возвѣщавшаго новый походъ, по благословенію папы Пасхалія; но этотъ походъ Боэмунда былъ направленъ болѣе противъ Греческой имперіи и оказался столь же неудачнымъ, какъ и подобное же предпріятіе его отца въ 1085 году. Среди приготовленій къ новымъ вооруженіямъ,

Боэмундъ умеръ въ Апуліи въ 1111 году. Между тѣмъ, Сельджуки вторглись снова въ Малую Азію, императоръ Алексѣй удержалъ, однако, за собою пріобрѣтенное имъ при первомъ Крестовомъ походѣ. Онъ умеръ въ 1118 г., когда между крестоносцами уже начались междоусобія: старая рознь между Норманнами и Провансальцами возгорѣлась снова. Спорили между собою Танкредъ Антіохійскій и Бертранъ, сынъ Раймунда Тулузскаго, успѣвшій получить княжество Триполійское въ качествѣ лэна отъ короны іерусалимской. Между тѣмъ, даже теперь, черезъ 20 лѣтъ по взятіи Іерусалима, христіанскимъ властителямъ было трудно держаться противъ магометанъ, которые хотя и не достигали особыхъ успѣховъ при своихъ отдѣльныхъ нападеніяхъ, но не усмирялись никакими, даже самыми рѣшительными, пораженіями.

Судьбы новаго государства.

Что касалось самого королевства Іерусалимскаго, средоточія и главнѣйшаго изъ этихъ іерархически-рыцарскихъ государствъ или колоній, то вступленіе на престолъ Балдуина I доставило свѣтской власти побѣду надъ заносчивостью и безуміемъ клерикальной іерархіи. Всѣ надежды новаго государства основывались на воинскихъ доблестяхъ короля и его рыцарей, но основнаго камня благоустройства, опредѣленной національности, здѣсь не было: туземные христіане, Пулланы, Суріяне, которые должны были бы служить основой, были вовсе не воинственное и ненадежное племя. Между тѣмъ, рыцарство было немногочисленно: оно насчитывалось лишь сотнями, въ лучшемъ случаѣ, возрастая внезапно до тысячъ при новомъ наплывѣ паломниковъ, но эти полчища таяли съ такою же быстротою, какъ и возникали. Съ помощью ихъ удалось оборониться отъ Египтянъ, но вырвать у нихъ столь важную позицію, какъ Аскалонъ, все еще было невозможно. Въ послѣдующіе года паломники прибывали, преимущественно моремъ, на пизанскихъ, генуэзскихъ и венеціанскихъ судахъ, такъ какъ сухопутныя дороги были закрыты: Сельджуки еще господствовали въ Малой Азіи. Колоніи выселенцевъ изъ малоазійскихъ городовъ, получившія при этомъ многія льготы, оказывали нѣкоторую помощь новому королевству; такъ, въ маѣ 1104 года, король Балдуинъ успѣлъ захватить портъ Аккону, и христіане владѣли теперь, по крайней мѣрѣ, двумя приморскими городами: Акконою и Триполисомъ. Въ 1110 г., съ помощью норманнскихъ крестоносцевъ, подъ предводительствомъ ихъ короля Сигурда, былъ взятъ Сидонъ, между тѣмъ какъ мусульмане держались еще въ Тирѣ. Король Балдуинъ умеръ въ 1118 г., во время своего похода противъ Египтянъ, завлекшаго его до самаго Нила.

Ему наслѣдовалъ, безъ всякихъ препятствій, племянникъ его, графъ Эдесскій, Балдуинъ II, который пошелъ тотчасъ же на помощь Антіохіи, тѣснимой мессопотамскими Сельджуками. Дѣла приняли, повидимому, благопріятный оборотъ со смертью самаго грознаго изъ этихъ сельджукскихъ вождей, эмира Мардинскаго. Но надъ всѣмъ христіанскимъ предпріятіемъ тяготѣла какая-то роковая случайность: въ самомъ разгарѣ успѣха, Балдуинъ попался въ засаду одному магометанскому отряду. Несмотря на это, въ слѣдующемъ году (1124), съ помощью значительнаго венеціанскаго флота, былъ взятъ Тиръ, при чемъ шейхъ, въ рукахъ котораго находился Балдуинъ, выпустилъ его на свободу, взявъ съ него

клятву выплатить за себя извѣстную выкупную сумму и не вступать въ союзъ съ его, шейха, врагами. Ни Балдуинъ, ни патріархъ антіохійскій не посовѣстились нарушить эту клятву, и король, безъ всякаго стыда, поступилъ совершенно обратно тому, въ чемъ поклялся. Въ 1130 году дѣла въ Палестинѣ обстояли, вообще, довольно благополучно. Отношенія между различными колоніями, — это названіе для нихъ подходящее, — Іерусалимомъ, Триполисомъ, Антіохіей и Эдессой, были удовлетворительны: осѣдлое населеніе умножалось, сношенія съ Западомъ пріобрѣтали извѣстную правильность и рыцарская храбрость «франковъ» производила глубокое впечатлѣніе на восточныхъ жителей; силы христіанъ сплотились и окрѣпли въ двухъ монашески-рыцарскихъ общинахъ, въ высшей степени характерныхъ для обрисовки этихъ походовъ, войнъ и государствъ. Общины эти были: орденъ *Рыцарей Храма* и орденъ *Страннопріимныхъ или Іоаннитовъ*. Первый изъ нихъ былъ основанъ въ 1118 г. нѣсколькими французскими рыцарями, присоединившими къ тремъ обычнымъ монашескимъ обѣтамъ—четвертый: защищать паломниковъ и Святую Землю. Король Балдуинъ отвелъ этому ордену помѣщеніе во дворцѣ, возлѣ мѣста, на которомъ стоялъ, нѣкогда, храмъ Соломоновъ; вскорѣ, когда эти храмовники навербовали братьевъ и во Франціи и заручились покровительствомъ выдающихся лицъ, они образовали сильное учрежденіе, принявъ уставъ одного изъ бенедиктинскихъ орденовъ, и достигли могущества и богатства, благодаря привлеченію новыхъ членовъ и приношеніямъ. Они отличались отъ другихъ бѣлыми мантіями съ краснымъ крестомъ; эта одежда была, впрочемъ, присвоена только рыцарямъ, при которыхъ капелланы и служащая братія, оруженосцы, занимали подчиненное положеніе. Во главѣ этого хорошо организованнаго «Воинства Св. Гроба» былъ гроссмейстеръ, магистръ тампліеровъ, который сталъ скоро занимать вліятельное положеніе не только въ Іерусалимѣ, но и въ мірѣ вообще. Второй орденъ, Страннопріимцевъ, возобновилъ въ духѣ времени, подъ вліяніемъ воинственныхъ порывовъ эпохи, скромное учрежденіе одного гражданина города Амальфи, основанное имъ еще до начала Крестовыхъ походовъ, для призрѣнія недужныхъ паломниковъ. Эти рыцари, ухаживавшіе за больными въ госпиталѣ Св. Іоанна и носившіе черную мантію съ бѣлымъ крестомъ, включали борьбу съ невѣрными тоже въ кругъ своихъ обязанностей. Ихъ уставъ былъ сколкомъ съ устава тампліеровъ и былъ тоже утвержденъ папою. Услуги ихъ были необходимы, потому что, съ 1127 г., поселеніямъ сталъ угрожать страшный врагъ въ лицѣ новаго эмира Мосульскаго, Эмаддедина Зенки, и послѣ злополучнаго 1131 года, въ который скончались Балдуинъ II и второй Боэмундъ Антіохійскій, между владѣтелями возникли опять несогласія. Королевство наслѣдовалъ графъ

Тампліеръ (храмовникъ) въ полномъ вооруженіи и орденской одеждѣ.

Фулько Анжуйскій, супругъ старшей дочери Балдуина; Антіохія перешла къ графу Раймунду Пуатусскому, и возможность заключить союзъ съ дамасскимъ эмиромъ Анаромъ противъ Эмадеддина, была большимъ счастіемъ для христіанъ. Дѣла поправлялись, повидимому; при Фулькѣ, кажется, былъ изданъ сводъ государственныхъ законовъ «Ассизы (уложеніе) королевства Іерусалимскаго», заглавіе и содержаніе котораго указываютъ на сильное преобладаніе французскаго элемента въ колоніяхъ. Это было государство лэнное; во главѣ его находились: король со своими высшими коронными чинами и феодальное дворянство со своими подвластными; затѣмъ шли большія общины двухъ рыцарскихъ орденовъ; въ нѣкоторыхъ городахъ стояло гражданство съ дарованными ему льготами; повсюду находилось вліятельное духовенство. Среди всего этого удерживался также древній языческій обычай порѣшать дѣла «Божіимъ судомъ» посредствомъ судебнаго поединка.

Еще при жизни Фулька, это угрожаемое всевозможными врагами и слабое, само по себѣ, государство подверглось новой опасности. Энергичный преемникъ византійскаго императора Алексѣя, сынъ его Іоаннъ (съ 1118), одержавшій счастливо верхъ надъ своими врагами въ Европѣ, пожелалъ заявить свои права лэннаго владыки и въ государствахъ, основанныхъ крестоносцами. Онъ достигъ здѣсь успѣха въ 1137 году. Въ 1142 году онъ появился вновь съ своей арміей. Таково было положеніе дѣлъ, когда умеръ Фулько (1143). Оно не измѣнилось и со смертью Іоанна, скончавшагося почти одновременно, такъ какъ меньшой сынъ его, Мануилъ, провозглашенный войскомъ, унаслѣдовалъ какъ воинскую доблесть отца, такъ и его притязанія.

Изъ всего сказаннаго видно, что завоеванія 1099 года могли удержаться лишь въ томъ случаѣ, если бы западные государи приняли подъ свою защиту все, что̀ основалось здѣсь, но чему со своей стороны они оказывали лишь весьма посредственную и вялую помощь.

Самый могущественный изъ этихъ властителей, Генрихъ V, король Германскій, пользовался, съ 1106 года, неправедно пріобрѣтенной имъ властью. Но если іерархическая или папистская партія надѣялась найти въ немъ правителя въ своемъ духѣ, именно послушное орудіе церковнаго направленія, то она весьма ошибалась. Собственнымъ и послѣднимъ поводомъ къ возстанію Генриха противъ отца было скорѣе, по всей вѣроятности, опасеніе, что тотъ, насколько было можно судить по его прежней дѣятельности, не выкажетъ достаточнаго отпора іерархической партіи; гнѣвъ этой послѣдней не страшилъ его, и ему была знакома монета, которою расплачиваются съ духовенствомъ. Онъ былъ великимъ мастеромъ на слова и театральныя выходки, наслѣдовалъ отъ отца его умъ, но умѣлъ сдерживать свои страсти лучше, нежели онъ. Властолюбивый и необщительный, онъ отлично угадывалъ слабости людскія и употреблялъ ихъ на свою пользу. Западъ. Генрихъ V.

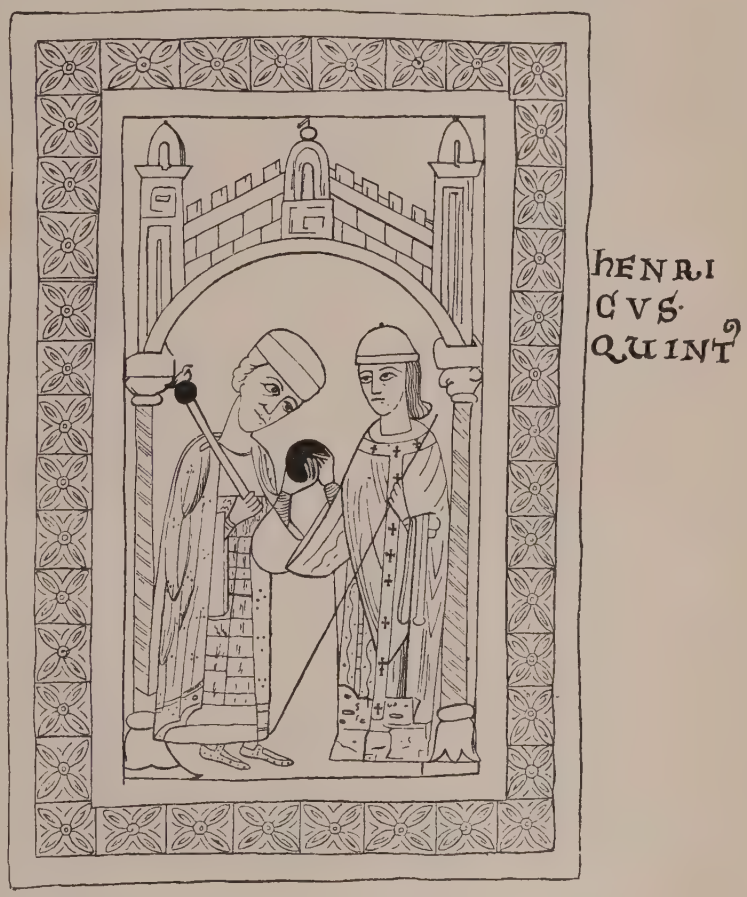
Самою жгучею злобою дня былъ вопросъ объ инвеститурахъ, не разрѣшенный, а лишь усложненный еще папой Урбаномъ черезъ постановленіе правила, въ силу котораго ни одинъ клерикъ не могъ состоять въ лэнной зависимости отъ мірянина,—что было равномѣрно безусловному Вопросъ объ инвеститурѣ.

уничтоженію инвеституръ. Генрихъ V, инвестируя лэномъ избраннаго епископа, передавалъ ему, по старому обычаю, какъ вещественные знаки достоинства, посохъ и перстень, совершая эту церемонію лично самъ или черезъ уполномоченное лицо. Этимъ обрядомъ епископъ или аббатъ вводились во владѣніе землями и правами, связанными съ даннымъ мѣстомъ, принося, вмѣстѣ съ тѣмъ, королю лэнную присягу, которая заключала въ себѣ опредѣленныя обязательства. По невѣроятному ослѣпленію своему, григоріанская партія требовала правъ и выгодъ, сопряженныхъ съ духовными должностями, отрицая всякія обязательства и необходимыя гарантіи со стороны духовенства. Германскіе епископы и высшее духовенство понимали хорошо, что за уничтоженіемъ ихъ лэнной зависимости отъ государей послѣдуетъ и отнятіе у нихъ лэнныхъ владѣній, и что полная ихъ независимость отъ мірянъ тѣмъ сильнѣе подчинитъ ихъ сановной іерархіи и, въ конечномъ результатѣ, папа обратитъ ихъ въ своихъ мызниковъ, которыми онъ можетъ помыкать по своей прихоти, какъ они жаловались во времена Григорія. На соборѣ въ Троа (1107) папа Пасхалій II упрекалъ германскую паству въ томъ, что не находитъ въ ней желательнаго смиренія. Но далѣе того онъ не рѣшился идти, и дѣло заглохло; переговоры не были прерваны, и отношенія между папою и королемъ оставались сносными. Въ 1110 году, послѣ неособенно успѣшныхъ походовъ на Востокъ, въ Польшу, Венгрію и Богемію, Генрихъ V отправился за Альпы изъ Регенсбурга, гдѣ сообщилъ князьямъ о своемъ намѣреніи. Онъ велъ съ собою большое и надежное войско: число рыцарей, воиновъ-вассаловъ, весьма умножилось при послѣдней войнѣ и большинство изъ нихъ было, въ настоящую минуту, безъ дѣла. Въ свитѣ его было и нѣсколько ученыхъ мужей (literati), слѣдовательно, лицъ изучившихъ правовые вопросы и способныхъ ихъ рѣшать. Какъ видно, при Генрихѣ IV, продолжительная война, междоусобная и партійная,—этотъ могучій «учитель», по мѣткому выраженію древне-греческаго историка—научила человѣчество употреблять въ дѣло и такого рода оружія. Генрихъ вступилъ въ Верхнюю Италію весьма твердо и рѣшительно. Принимали его вездѣ хорошо, и дворянство спѣшило въ его главную квартиру въ Пармѣ; сама маркграфиня Матильда выказала преданность коронѣ, въ то время какъ папа привезъ изъ своей поѣздки въ Южную Италію, къ норманнскимъ князьямъ, отъ этихъ старыхъ друзей Церкви одни только словесныя завѣренія. Королевскіе послы встрѣтили радушный пріемъ въ самомъ Римѣ; папа оказывался совершенно безсильнымъ въ эту минуту, но Генрихъ не скупился на снисходительныя и почтительныя выраженія въ отношеніи къ нему. Еще на походѣ, ему были предложены, черезъ посредничествующую церковную партію, такія условія отъ папы: онъ, король, долженъ былъ отказаться отъ инвеституры, взамѣнъ чего «церкви отказывались бы отъ своихъ (лэнныхъ) герцогскихъ, графскихъ, маркграфскихъ правъ, какъ-то: вотчинныхъ, таможенныхъ, чекана монеты и всякихъ регалій». «Церкви будутъ довольствоваться лишь своей десятиной и добровольными даяніями», сказалъ папа королевскимъ посламъ.

Генрихъ V и Пасхалій.

Если папа хотѣлъ вырыть яму королю, что довольно правдоподобно, предлагая ему такія неисполнимыя условія, которыя должны были пере-

вернуть вверхъ дномъ все общественное устройство, и произвести невѣроятную перестановку во всемъ, то попалъ самъ въ эту яму, подготовленную, впрочемъ, самымъ существомъ дѣла при данныхъ обстоятельствахъ. Генрихъ принялъ условія, надлежащія гарантіи были выданы и онъ вступилъ въ городъ весело, шумно привѣтствуемый со стороны населенія. Вѣнчаніе его императорскою короною должно было произойти по обнародованіи договора. Король озаботился о томъ, чтобы соборъ Св. Петра охранялся его людьми; но, по прочтеніи договора, поднялся невообразимый шумъ, вызванный ознакомленіемъ толпы съ такимъ актомъ, который лишалъ равномѣрно и духовенство, и мірянъ ихъ достоянія и долженъ былъ породить полный хаосъ. Весьма естественное раздраженіе нѣмецкихъ епископовъ изъ свиты Генриха обратилось противъ папы, и среди поднявшагося смятенія была пролита кровь. Папа требовалъ теперь отмѣны постановленія объ инвеституре, король настаивалъ на коронованіи, обезпеченномъ ему договоромъ. Сила была на его сторонѣ, и онъ быстро рѣшилъ арестовать папу. Но оставаться долѣе на жгучей римской почвѣ онъ не хотѣлъ и покинулъ городъ послѣ кровопролитнаго дня, увозя съ



Папа Пасхалій II вручаетъ Генриху V царскую утварь.

Миніатюра изъ императорской хроники 1113 года, написанной монахомъ Экгардтомъ фонъ-Аурахъ. Рукопись хранится въ Кэмбриджѣ. Эта хроника — главный источникъ для временъ Генриха V, къ которому, повидимому, авторъ былъ очень близокъ.

собой папу и нѣсколькихъ кардиналовъ. На его сторонѣ были мірскіе интересы многихъ и потому онъ могъ дерзнуть на то, чего не смѣлъ ранѣе сдѣлать ни одинъ король. Пасхалій-же не походилъ на какого-нибудь Григорія VII; его осаждали уговорами уступить, а король, опытный актеръ, осуществилъ теперь въ лицахъ свое обѣщаніе, данное имъ вначалѣ царствованія тому, кто былъ теперь его плѣнникомъ: онъ обѣщалъ тогда чтить Церковь, какъ мать свою, видѣть въ папѣ отца. И поэтому онъ бросился теперь передъ папою на колѣни, какъ нѣкогда передъ своимъ отцомъ, просилъ его о прощеніи, клялся ему въ покорности,—только бы онъ оставилъ за нимъ права его предшественниковъ. И папа уступилъ: каждый епископъ или аббатъ, избранный свободно, безъ симоніи, долженъ былъ получать свой лэнъ отъ короля, и никто не могъ быть посвященъ до полученія королевской инвеституры. Генрихъ вернулся въ Римъ съ умиротвореннымъ папой, былъ увѣнчанъ императорскою короной безъ дальнѣйшихъ затрудненій, и затѣмъ отправился снова въ Германію, гдѣ при участіи и въ присутствіи множества князей и епископовъ, предалъ землѣ тѣло своего отца въ Шпейерскомъ соборѣ.

Генрихъ въ Германіи.

Его власть не оспаривалась; обильный урожай поддерживалъ хорошее настроеніе въ народѣ. Но, естественнымъ образомъ, папа старался воротить снова то, что̀ было исторгнуто у него хитростью и насиліемъ. Григоріанская партія осаждала его упреками, такъ что онъ, на латеранскомъ соборѣ, въ которомъ осиливали григоріанцы, отказался отъ совершеннаго имъ и призналъ обязательными для себя декреты его блаженныхъ предшественниковъ, Григорія VII и Урбана II; но на отлученіе императора еще не отваживались (1112). Князья были, съ своей стороны, раздражены тѣмъ, что Генрихъ V склонялся къ политикѣ своего отца, сближался съ городскими общинами и водворялъ въ верхнерейнской равнинѣ, опираясь на города Шпейеръ, Майнцъ и др., свою силу тѣмъ же порядкомъ, какъ нѣкогда Генрихъ IV въ Саксонской землѣ. Завелась прежняя игра: князья составили заговоръ, но злѣйшій изъ заговорщиковъ, архіепископъ майнцскій Адальбертъ, попалъ въ руки императора, который успѣлъ тоже усмирить мятежъ, вспыхнувшій въ Саксоніи. Благодаря всему этому, Генрихъ, празднуя свой бракъ съ принцессой Матильдой, дочерью англійскаго короля Генриха I, въ январѣ 1114 г., былъ уже окруженъ всѣмъ блескомъ законнаго властителя. На торжествѣ присутствовали герцоги: баварскій, швабскій, каринтійскій, богемскій; явился искать императорской милости и саксонскій герцогъ *Лотарій*, графъ суплимбургскій, которому Генрихъ далъ Саксонію по смерти послѣдняго изъ Билунгеровъ (Магнуса, 1106), и который игралъ весьма недвусмысленную роль при возстаніи. Но могущество Генриха слишкомъ опиралось на внушаемый имъ страхъ и его непримиримость и граждане сильнаго города Кёльна знали хорошо, что онъ не забылъ ихъ поведенія въ 1106 г., и сопротивленіе, оказанное ими по случаю одного императорскаго похода въ Фрисландію, послужило поводомъ къ вспышкѣ новаго княжескаго мятежа, при чемъ пламя распространилось по Лотарингіи, Вестфаліи, Тюрингіи, Саксоніи. Господствовавшая въ дѣлахъ неурядица видна изъ того, что одинъ изъ папскихъ легатовъ, кардиналъ Куно изъ Пренесты,

позволилъ себѣ безъ папскаго соизволенія, по своему личному фанатизму, провозглашать отлученіе императора, разъѣзжая по разнымъ мѣстамъ, при чемъ эта нѣкотораго рода частная анаѳема не оставалась безъ воздѣйствія. Въ этой борьбѣ, охватившей весь Сѣверъ Германіи, счастіе не благопріятствовало Генриху. Въ 1115 г. онъ потерпѣлъ пораженіе при Вельфесгольтѣ (Вельфесгольцѣ), гдѣ потерялъ лучшаго изъ своихъ сподвижниковъ, своего боевого вождя, графа Гойера фонъ-Мансфельдъ. Епископъ гальберштадтскій, принадлежавшій къ числу возставшихъ, простеръ при этомъ свою злобу до отказа въ погребеніи павшимъ сторонникамъ императора: церковный фанатизмъ старательно раздувалъ пламя раздора. Но Генрихъ былъ благоразумнѣе своего отца; онъ умѣлъ возстановлять если не право противъ права, то интересы противъ интересовъ. Ему удалось не допустить папу до открытаго участія въ дѣлѣ мятежниковъ, и когда, въ томъ же году, пришла вѣсть о кончинѣ маркграфини Тусціійской, Матильды, онъ предоставилъ борьбу въ Германіи своимъ приверженцамъ, преимущественно своимъ родственникамъ, Штауфенамъ, а самъ отправился въ Италію съ женою, но безъ войска. Онъ вступилъ здѣсь, безъ всякихъ проволочекъ, во владѣніе громаднымъ наслѣдствомъ, въ которомъ никто не могъ оспаривать у него государственныхъ земель, а все остальное, что̀ могло считаться сомнительнымъ, такъ какъ не доказана была принадлежность къ землямъ государственнымъ, (слѣдовательно, лэннымъ, или же аллодіальнымъ владѣніямъ) подпадало, по крайней мѣрѣ временно, подъ его опеку. Онъ пріобрѣталъ, благодаря этому, средства для вознагражденія за преданность и за содѣйствіе, чѣмъ и воспользовался очень широко: съ помощью привилегій, дарованныхъ городамъ, и подарковъ дворянству, онъ создалъ себѣ, хотя и недолговѣчную, но годную въ данное время и сильную власть.

Генрихъ V и Каликстъ.

Онъ договаривался съ папою. Пасхалій, человѣкъ совѣстливый и умѣренный, былъ самъ въ затруднительномъ положеніи, не имѣлъ силъ справиться съ фанатичными григоріанцами, интригами дворянъ и буйнымъ римскимъ населеніемъ. Пребываніе его въ Римѣ угрожало ему даже опасностью, чѣмъ ловко и твердо воспользовался король. Онъ явился самъ въ Римъ (1117), не уменьшая ни въ чемъ своихъ притязаній относительно инвеституры; но споръ все же не кончился и, напротивъ, затянулся на долгое время, потому что григоріанцы, сами по себѣ, не имѣли власти что-либо сдѣлать, а Пасхалій, котораго они никакъ не могли склонить на новое отлученіе Генриха, скончался среди этихъ запутанныхъ обстоятельствъ, въ началѣ 1118 г., пробывъ папою восемнадцать лѣтъ. Послѣ него былъ избранъ Гелазій, но онъ скрылся отъ императора; тотъ сталъ убѣждать его воротиться, давая ему дружественныя обѣщанія, но папа продолжалъ уклоняться, доказывая тѣмъ, что намѣренъ держаться двусмысленной политики своего предшественника; тогда Генрихъ быстро заставилъ избрать новаго папу, который принялъ имя Григорія VIII. Хотя Гелазію и удалось пробраться въ Римъ, однако онъ былъ тамъ не въ безопасности: ярость партій возросла до-нельзя, и онъ бѣжалъ во Францію, въ которой григоріанцы преобладали. Но онъ умеръ вскорѣ (1119), и тогда былъ избранъ, подъ именемъ Каликста II, жесточайшій противникъ

императора, віенскій архіепископъ Гвидонъ, однажды уже отлучившій Генриха собственной властью. Расколъ былъ теперь полный: папы осыпали другъ друга и обоюдныхъ приверженцевъ страшными проклятіями. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что христіанская нравственность менѣе страдала, нежели то можно думать, среди такихъ распрей, способныхъ смутить совѣсть. Немногіе, хранившіе истинный завѣтъ Христовъ, столь далекій отъ подобныхъ препирательствъ, оставались тѣмъ, чѣмъ были; главная масса, какъ въ знатномъ, такъ и низшемъ сословіи, была не хуже и не лучше подъ однимъ знаменемъ, нежели подъ другимъ.

Вормскій конкордатъ. 1122.

Генрихъ воротился, между тѣмъ, въ Германію (осенью 1118). Война взволновала страну, всюду кишѣли разбои и поджоги; впрочемъ, значительныя части государства, Швабія — Баварія, Верхняя Лотарингія — оставались спокойными. Всѣ жаждали мира и на многочисленномъ сеймѣ въ Трибурѣ (1119), въ присутствіи императора, выказавшаго лично большое благоразуміе и сдержанность, былъ установленъ миръ въ государствѣ; но расколъ не былъ устраненъ, хотя и относительно этого начались переговоры. Въ духѣ, съ которымъ они велись, чувствуется уже присутствіе новаго элемента, не чуждаго, можетъ-быть, вначалѣ и порывистому уму Григорія VII, но затѣмъ вполнѣ забытаго имъ: то былъ элементъ юридическій. Можно было уже почти сговориться, но дѣло рушилось вновь, по обоюдной нечестности или, во всякомъ случаѣ, по взаимному недовѣрію. На реймскомъ соборѣ, сулившемъ водвореніе мира, Каликстъ произнесъ новое церковное отлученіе противъ Генриха V; въ Германіи опять возгорѣлась война; однако, въ 1121 г., когда войска императора и возставшихъ князей и епископовъ сошлись для рѣшительной битвы у Майнца, князья нашли возможность уладить дѣло, и пользуясь такимъ случаемъ—выступить въ роли третейскихъ судей между императоромъ и папой, государствомъ и Церковью, короною и тіарой, «regnum et sacerdotium», какъ выражается одинъ источникъ. Комиссія изъ князей, по двѣнадцати съ каждой стороны, нашла примирительный исходъ, согласно которому, отправила общую депутацію къ папѣ Каликсту, который воротился, тѣмъ временемъ, изъ Франціи и одержалъ верхъ надъ своимъ противникомъ-папою (1121). Онъ отправилъ отъ себя легата, тоже съ примирительными инструкціями, и тогда въ Вормсѣ, на большомъ съѣздѣ (который былъ, одновременно, нѣмецкимъ національнымъ соборомъ и сеймомъ) было установлено соглашеніе, къ крайнему удовольствію заинтересованныхъ сторонъ и всей націи. Папа и императоръ издали двѣ грамоты, которыми утверждались взаимно-признаваемыя за ними права. Императоръ отказывался отъ всякой инвеституры «посохомъ и перстнемъ»; онъ допускалъ каноническіе выборы и свободу посвященія; но эти выборы епископовъ и непосредственно отъ государства зависящихъ аббатовъ должны были происходить въ присутствіи императора, внѣ всякаго принужденія или симоніи. Императоръ, отъ скипетра своего, жалуетъ избранныхъ коронными землями, какъ лэнниковъ, а они несутъ связанныя съ этимъ обязанности. Въ Германіи дарованіе лэна слѣдуетъ за посвященіемъ; въ другихъ земляхъ государь даруетъ лэнъ предварительно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждая сторона объявляла миръ и полную амнистію

приверженцамъ противной партіи. Какъ видно изъ этого, религіозное было здѣсь отдѣлено отъ мірского «воздавалось Божіе Богови, а Кесарево — Кесарю».

Таковъ былъ вормскій конкордатъ (1122), сверхъ того, санкціонированный еще на латеранскомъ соборѣ въ 1123 г. Каликстъ умеръ мирно (декабрь 1124) въ Латеранѣ. Образъ его не столь величественъ, какъ образъ Григорія, но онъ чище: вормское соглашеніе положило основу продолжительному установленію законности и права, а этому много способствовала умѣренность, проявленная Каликстомъ II. Менѣе удачно справлялся онъ съ силами, противуборствовавшими ему въ средѣ самого духовенства и возбуждавшими крайнія смуты въ Римѣ и его окрестностяхъ. Избраніе его преемника, Ламберта изъ Остіи, нареченнаго *Гоноріемъ II*, сопровождалось большими волненіями.

Кончина Генриха.

Въ 1125 г. скончался въ Утрехтѣ и Генрихъ V, проведя свои послѣдніе годы въ новыхъ распряхъ съ герцогомъ саксонскимъ Лотаріемъ, дѣйствовавшимъ совершенно самостоятельно, поссорясь тоже съ своими племянниками, братьями Штауфенами, и замышляя многое противъ Франціи, къ чему его поощряла связь съ англійскимъ королевскимъ домомъ. Онъ умеръ бездѣтнымъ и достигнувъ лишь сорокатрехлѣтняго возраста. Объ его личности и образѣ жизни сохранилось мало свѣдѣній. Въ посланіяхъ князей передъ новымъ избраніемъ говорится о тяжеломъ рабствѣ, которому они подвергались; Генрихъ былъ, дѣйствительно, жесткимъ, необходительнымъ правителемъ; однако, къ чести его нельзя не сказать, что онъ велъ дѣла необыкновенно умно и съ сознательною твердостью, вслѣдствіе чего оставилъ государство въ положеніи несравненно лучшемъ противъ того, въ какомъ онъ его принялъ.

Взглядъ на время господства Салійскаго дома.

При взглядѣ на развитіе Германіи въ теченіе того почти столѣтія, въ которое власть принадлежала королямъ Салійскаго дома, мы видимъ вполнѣ непоколебленнымъ еще, въ теоріи, принципъ всемірнаго господства германской короны: было принято за политическую аксіому, что германскій король долженъ быть, одновременно съ тѣмъ, и римскимъ императоромъ, и что прочіе государи и страны должны находиться въ своего рода подчиненіи у этого короля-императора. Но фактически императорская власть, въ то время, какъ она присоединила подъ свою корону Бургундію, не значила уже ничего во Франціи и въ Англіи; Венгрія была тоже почти независимой; Богемія и Польша стали, по меньшей мѣрѣ, самостоятельнѣе при смерти Генриха V, нежели были при воцареніи Конрада II. Въ Германіи и Италіи могущество императора, теоретически, было весьма велико и блескъ его усиливался именно теперь, вслѣдствіе вновь наступившаго изученія римскаго кодекса и завершенія церковнаго спора,— завершенія многозначительнаго для короны (regnum), для мірской власти, хотя въ томъ отношеніи, что имъ было установлено болѣе трезвое отдѣленіе свѣтскаго элемента отъ духовнаго въ положеніи высшихъ клерикальныхъ сановниковъ, нежели то было возможно при прежнихъ безграничныхъ притязаніяхъ Григорія. Устранить эти притязанія навсегда было невозможно по самой естественности—или неестественности—положенія, которое приписывалось духовному званію по понятіямъ той эпохи: воз-

нося духовныхъ выше обыкновеннаго человѣчества, люди заставляли большинство этихъ лицъ, не доросшее до требуемыхъ отъ нихъ идеаловъ и обязанностей, искать себѣ удовлетворенія въ порывахъ къ власти и богатству,—порывахъ, которые не становились чище отъ того, что прикрывались великимъ именемъ Церкви.

Внутреннее благоустройство государства упрочилось въ извѣстной степени въ этотъ періодъ. Никакъ не слѣдуетъ забывать, что при упоминаніи о войнахъ и боевомъ кличѣ—отнюдь не должно представлять себѣ всегда громадныхъ воинскихъ полчищъ; затѣмъ, если въ государствѣ наступалъ рѣдко всеобщій миръ, то все же «миръ Господень» и тотъ, который поддерживали, въ своихъ отдѣльныхъ владѣніяхъ, разные вельможи, графы, герцоги, епископы или города, ради своихъ собственныхъ выгодъ, способствовалъ промышленной дѣятельности народа. Всюду крѣпло чувство родины, сознаніе общности германскаго отечества, которое лишь усиливалось отъ странствій въ чужія земли и паломничества въ Римъ. Одинъ изъ лѣтописцевъ XI столѣтія, мерзебургскій епископъ Адемаръ, пишетъ объ императорѣ Генрихѣ II: «Онъ одолѣлъ трудности альпійскаго перехода и снова узрѣлъ наши поля, которыя улыбнулись ему привѣтливѣе, потому что воздухъ и люди той чужой страны намъ не по сердцу. Въ Римской области и Ломбардіи слишкомъ преобладаютъ хитрость и коварство. Всѣхъ прибывающихъ туда встрѣчаютъ нелюбезно; за все, что̀ требуется иностранцу, надо платить, да еще опасаться, какъ бы не обманули».

Внутренній распорядокъ былъ явно-аристократическаго пошиба. Во главѣ обществѣ стоялъ *король* съ своимъ дворомъ и ему, по крайней мѣрѣ на словахъ, воздавались всякія почести. Но важнымъ недостаткомъ было именно то, что королевская власть не пріурочивалась ни къ какому постоянному мѣсту; она не нашла себѣ опредѣленной резиденціи, такъ что въ Германіи не было дѣйствительнаго центра, какого-либо главнаго, стольнаго города. Старанія королей Салійскаго дома установить такую столицу были безуспѣшны. Послѣ короля, важнѣйшими по положенію были *духовные сановники*: шесть архіепископовъ (Майнцъ, Кёльнъ, Триръ, Магдебургъ, Бременъ, Зальцбургъ) и сорокъ три епископа филіальныхъ епархій, существовавшихъ въ то время въ Германіи. Это составляло духовную аристократію, которой окончаніе спора объ инвеституратахъ было выгодно, поскольку оно дѣлало теперь это высшее духовенство болѣе зависимымъ отъ папы, нежели отъ короля, что, на первыхъ порахъ, было менѣе обременительно. Третью ступень занимала *свѣтская знать*, титулованные князья, вся мірская аристократія: герцоги, маркграфы, пфальцграфы, ландграфы, бургграфы, владѣльцы обширныхъ помѣстій и лица, занимавшія высшія административныя должности, которыя, понемногу, стали превращаться, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, изъ смѣняемыхъ въ пожизненныя и даже наслѣдственныя, или уже почти таковыя. Равнымъ образомъ, *графы* были уже не правительственными чиновниками, а обладателями почетнаго титула, образуя изъ себя, поэтому, одновременно и служилое, и поземельное дворянство. Ниже этихъ, на ближайшей ступени, стояли *бароны*, владѣльцы, у которыхъ вассалами были — вла-

дѣльцы свободныхъ имѣній,—*рыцари*, и свободные люди низшаго сословія, число которыхъ уже весьма уменьшилось. Въ мірской средѣ происходило рѣшительное отдѣленіе горожанъ отъ сельчанъ; свободные вассалы переходили въ королевскіе слуги: лэнныя отношенія не заключали въ себѣ ничего унизительнаго, подлежа къ повсемѣстному общественному укладу и доставляя законно обезпеченное положеніе, освященное и обычаемъ. Для народной свободы открывалась новая, хотя и довольно отдаленная еще надежда въ развитіи городовъ, которые стали пріобрѣтать значеніе именно въ періодъ владычества франкскихъ государей въ Германіи. Свободные люди въ городахъ образовали свое дворянство, патриціатъ, противу котораго несвободные сплочивались въ цехи, соотвѣтственно своимъ ремесламъ; но городская знать опиралась не столько на земельное владѣніе, сколько на движимое имущество, возраставшая сила котораго стала скоро весьма ощутительной, а естественныя условія и послѣдствія совмѣстной городской жизни должны были вскорѣ пробудить здѣсь вновь демократическія начала, почти вовсе исчезнувшія изъ остальной нѣмецкой жизни или, по крайней мѣрѣ, отступившія въ ней на задній планъ.

Аристократическій строй отпечатлѣвается и на умственной жизни: все, что можно было назвать высшимъ образованіемъ, было связано съ изученіемъ латыни, и забота объ этомъ образованіи лежала всецѣло на духовенствѣ, которое насаждало его, преимущественно, въ аристократическихъ кругахъ, къ которымъ само принадлежало. Франція и завоеванная Французами Англія далеко опередили Германію въ дѣлѣ умственнаго развитія. Во главѣ новаго богословски-догматическаго направленія, шедшаго объ-руку съ іерархическимъ, находился, какъ уже сказано выше, архіепископъ *Ансельмъ Кэнтерборійскій* а во Франціи скоро заставилъ говорить о себѣ смѣлый мыслитель и великій наставникъ *Петръ Абеляръ*; на ряду съ клюнійцами, сила которыхъ какъ бы истощилась, возникали новые ордена: *картезіанскій*, получившій свое названіе отъ обители близъ Гренобля (*La Chartreuse*) и основанный въ 1086 г. кёльнцемъ Брунономъ; *систеріанскій* (отъ обители *Citeaux*), учрежденный близъ Дижона (1098); они возросли вскорѣ въ большую конгрегацію, подобную клюнійской, но превосходившую ее и нашедшую себѣ, въ лицѣ одного бургундскаго дворянина, молодого *Бернара*, аббата въ Клерво, такого вождя, о громадномъ вліяніи котораго намъ придется говорить впослѣдствіи (аббатствовалъ съ 1115 г.). Былъ основанъ еще орденъ *премонстрантовъ* нѣкіимъ регентомъ хора изъ Ксантена, Норберомъ, который поселился въ одномъ округѣ близъ Лана, потомъ былъ избранъ въ архіепископы магдебургскіе и пріобрѣлъ здѣсь большое значеніе въ дѣлѣ обращенія Вендовъ, еще мало подвинувшемся впередъ. Собственно общественная жизнь была тоже очень развита въ Южной Франціи. Искусство странствующихъ пѣвцовъ и музыкантовъ, встрѣтившихъ такой плохой пріемъ въ Германіи на свадьбѣ Генриха III, и, какъ мы выразились бы теперь, имѣвшихъ столкновеніе съ полиціей, находило покровителей въ высшихъ рыцарскихъ кругахъ и облагораживалось: поэзія, процвѣтавшая на югѣ и на сѣверѣ Франціи и создавшая стихотворные разсказы, эпическія поэмы о Карлѣ Великомъ и королѣ Артурѣ, исходила отъ мірянъ и производила сильное воздѣйствіе на

Умственная жизнь.

міръ свѣтскій, хотя, можетъ быть, не одному клюнійскому монаху и приходилось приносить покаяніе въ томъ, что и онъ усвоилъ кое-что изъ этой поэзіи въ минуту искушенія. Лишь отсюда зачалось нѣчто подобное и въ Германіи. Пѣсни и разсказы, которыми могъ тѣшиться здѣсь народъ, совершенно исчезли для насъ, но, во всякомъ случаѣ, умственная жизнь была небогата: древнѣйшій романъ, «Руодлибъ», произведеніе весьма посредственное, написанъ по-латыни. Влеченіе къ созданіямъ поэтическимъ могло быть занесено только Крестовыми походами, которые, сближая европейскія націи путемъ безчисленныхъ частныхъ сношеній, должны были, именно поэтому, пробудить особенности ума и силъ у различныхъ народовъ. Но Нѣмцы принимали еще мало участія во всемъ движеніи на пользу Крестовыхъ походовъ, и, повидимому, не скоро еще намѣревались вознаградить себя за потерянное время.

Борьба, происходившая у нихъ уже въ теченіе полувѣка, далеко не исчерпала еще всѣхъ своихъ видоизмѣненій и вѣроятій исхода.

Избраніе Лотарія. 1125.

Послѣ того, какъ послѣдній императоръ Салійскаго дома былъ схороненъ въ Шпейерскомъ соборѣ, славномъ созданіи его предковъ, именитѣйшіе князья имперіи были созваны на день Св. Варооломея въ Майнцъ для избранія новаго короля. Въ народѣ не сомнѣвались, что выборъ падетъ на старшаго изъ племянниковъ покойнаго короля, швабскаго герцога *Фридриха,* человѣка въ самомъ цвѣтѣ мужества,— ему было тридцать пять лѣтъ,— одареннаго многими личными достоинствами и имѣвшаго значительныя семейныя связи: онъ былъ женатъ на дочери баварскаго герцога Генриха. Домъ его укрѣпилъ и распространилъ свое могущество въ юго-западной Германіи: пріобрѣтая городъ за городомъ, помѣстье за помѣстьемъ, онъ властвовалъ надъ всѣми верхне-рейнскими землями черезъ посредство своихъ служилыхъ людей и вассаловъ. Повидимому, самъ Фридрихъ не сомнѣвался въ своемъ избраніи; однако, на майнцскомъ съѣздѣ одержала верхъ клерикальная интрига, нити которой сплеталъ майнцскій архіепископъ Адальбертъ; Фридрихъ узналъ о ней слишкомъ поздно или былъ не въ состояніи разрушить ее, и въ короли былъ выбранъ *саксонскій герцогъ Лотарій,* изстари враждовавшій съ Генрихомъ V, и котораго можно назвать главою партіи Св. Петра въ Германіи. Довольно вѣроятно, что самъ онъ уклонился бы очень охотно отъ тяжелой германской короны: ему было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ и онъ пользовался въ Саксонской землѣ такою безусловною властью, которая не выпадала ни на чью долю со временъ Оттона. Выгодный брачный союзъ съ Рихенцой, внукой Оттона фонъ-Нордгеймъ, послужилъ основою счастья для незначительнаго графа Суплимбургскаго, который оказался достойнымъ счастья, и пользовался разумно и твердо всѣми обстоятельствами: въ то время, какъ Штауфены пріобрѣтали почти королевскую власть на югѣ, Лотарій съумѣлъ достигнуть того же здѣсь, на сѣверо-востокѣ, послѣ того какъ вымерла отрасль Билунгеровъ. Онъ короновался въ Аахенѣ и, какъ истый сынъ Церкви, отправилъ пословъ въ Римъ, чтобы подтвердить свое избраніе благословеніемъ Божіимъ. Однако, желая править и охранять свою власть въ мирѣ съ Церковью, онъ не хотѣлъ служить слѣпымъ

діемъ клерикальной партіи, самъ будучи достаточно честолюбивымъ и отнюдь не дюжиннымъ человѣкомъ.

Штауфены примирились съ совершившимся фактомъ и изъявили покорность новому королю. Но раздоръ не замедлилъ возникнуть. Лотарій зналъ, гдѣ найти противъ нихъ союзника, зналъ и цѣну, за какую можно его пріобрѣсть: онъ обручилъ свою единственную дочь Гертруду, двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, съ молодымъ герцогомъ баварскимъ Генрихомъ, вступившимъ на престолъ по смерти своего отца (1126 года). Такимъ образомъ, онъ заключилъ тѣсную связь съ Вельфскимъ домомъ, который, въ свою очередь, прозрѣвалъ черезъ то блестящую будущность. Относительно салійскаго наслѣдія существовалъ споръ или юридическое разногласіе по вопросу о томъ, что̀ должно было считаться государственнымъ достояніемъ и что̀ частнымъ удѣломъ фамиліи,—и герцогъ Фридрихъ, вступившій, безъ околичностей, во владѣніе этимъ наслѣдствомъ, не соглашался подчиниться произнесенному противъ него приговору. Этотъ приговоръ объ его водвореніи состоялся на гослярскомъ сеймѣ въ 1126 году; приведеніе его въ исполненіе совершилось, понятнымъ образомъ, не столь скоро. Прежде всего, Лотарій потерпѣлъ неудачу въ своемъ походѣ противъ Богемцевъ, избравшихъ себѣ нежеланнаго ему герцога: саксонскія войска, выставленныя имъ противъ этого герцога Собеслава, понесли рѣшительное пораженіе въ Кульмской долинѣ, что̀ повергло въ уныніе всю Саксонію. Съ Собеславомъ было, впрочемъ, скоро заключено соглашеніе и онъ сталъ дѣятельнымъ пособникомъ Лотарія въ его борьбѣ противъ Фридриха; но эта борьба весьма затянулась, благодаря стойкости обоихъ Штауфеновъ и твердому сопротивленію городовъ Нюренберга и Вюрцбурга. Баварскій герцогъ Генрихъ, доблесть котораго вовсе не равнялась его непомѣрному честолюбію,—онъ и былъ прозванъ «Гордымъ», — не стяжалъ здѣсь особенныхъ лавровъ. Сторонники Штауфеновъ были настолько смѣлы, что провозгласили въ Нюренбергѣ (въ декабрѣ 1127 года) королемъ младшаго брата, Конрада, что возбудило ярость всей церковной партіи, и собравшіеся вокругъ Лотарія епископы отвѣтили тотчасъ же на это избраніе отлученіемъ Конрада отъ Церкви. Весною 1128 года, Конрадъ отправился въ Италію, гдѣ будущее сулило ему нѣчто хорошее. Папа Гонорій II подвергъ, съ своей стороны, его и брата его отлученію, но благодаря старой ненависти Милана къ Риму, возгорѣвшейся снова въ это время, главный городъ Ломбардіи открылъ передъ Конрадомъ свои ворота, и миланцы принудили своего архіепископа короновать отлученнаго въ Монцѣ. Но существенный успѣхъ Конрада этимъ и ограничился. Завладѣть наслѣдіемъ Матильды или удержать изъ него то, что̀ удалось захватить, Конраду было не подъ силу, и въ самой Германіи Лотарій одерживалъ верхъ. Обѣ главныя опоры Штауфеновъ, города Шпейеръ и Нюренбергъ, покорились ему послѣ продолжительнаго сопротивленія (1130); Фридрихъ оставался непобѣжденнымъ лишь у себя въ герцогствѣ, но утвердить короны за Штауфенами ему не удалось.

Лотарій и Штауфены.

Еще до полнаго низложенія Штауфеновъ церковныя дѣла, усложняясь все болѣе и болѣе, заставили короля Лотарія идти въ Италію. Григо-

Лотарій въ Италіи.

ріанцы предались самымъ несбыточнымъ надеждамъ при его воцареніи. Они ждали, по меньшей мѣрѣ, отмѣны избранія епископовъ и настоятелей германскихъ монастырей въ присутствіи короля; это условіе, которымъ вормскій договоръ налагалъ узду на клерикальныя притязанія, было, дѣйствительно, не изъ легкихъ, и хотя избраніе такихъ лицъ самимъ королемъ тоже ограничивалось извѣстными правилами, но придворная дипломатія и борьба интересовъ между высшими клериками помогали столь многоопытному человѣку, какъ Лотарій, замѣщать важнѣйшія мѣста духовными лицами изъ числа его единомышленниковъ, какъ это доказываетъ передача столь значительнаго архіепископства, какъ магдебургское, совершенному чужаку, Норберту, основателю премонстрантскаго ордена. Гонорій II, среди всякихъ своихъ бѣдствій и терпя особенно отъ притязаній молодого графа Сицилійскаго Рожера на герцогство Апулію, послѣ кончины герцога Гильома II, ожидалъ Лотарія съ нетерпѣніемъ. Когда Гонорій умеръ въ февралѣ 1130 г., то, еще прежде его похоронъ, двѣ спорившія дворянскія партіи, Франджипани и Піерлеоне, вступили въ борьбу, которая кончилась,—или, правильнѣе, началась,—тѣмъ, что обѣ стороны избрали, въ одинъ и тотъ же день, каждая—своего папу: Анаклета II и Иннокентія II.

Двое папъ.

Въ первое время Піерлеоне одержали верхъ и Иннокентій долженъ былъ удалиться изъ Рима. Обѣ стороны искали благоволенія Лотарія, обѣ предлагали ему императорскую корону, обѣ порѣшали германскіе вопросы въ его пользу, и выборъ между ними былъ дѣйствительно затруднителенъ, вслѣдствіе того, что и ихъ церковныя воззрѣнія не представляли различія. Была минута, въ которую Миланъ высказался за Анаклета, но Иннокентій, при своемъ бѣгствѣ во Францію, успѣлъ склонить въ свою пользу величайшій духовный авторитетъ этой страны, аббата Бернара изъ Клерво, и тѣмъ одолѣлъ партію Анаклета. Англія приняла тоже сторону Иннокентія; въ томъ же смыслѣ высказался въ Германіи соборъ, созванный въ Вюрцбургѣ. Анаклетъ старался найти себѣ опору противъ за-альпійскихъ государствъ въ самой Италіи, и потому удовлетворилъ вполнѣ честолюбивые замыслы Норманна Рожера, предоставивъ ему соединить Апулію, Капую, Неаполь и Сицилію въ одно королевство, столицею котораго Рожеръ избралъ Палермо, принявъ на себя обязательство выплачивать лишь умѣренную сумму въ 600 золотыхъ гульденовъ Св. Петру, въ качествѣ его вассала.

Королевство Сицилійское. Наслѣдіе Матильды.

Иннокентій встрѣтился съ Лотаріемъ въ Люттихѣ, причемъ король изъявилъ передъ папою всю смиренную вѣжливость, какая только могла утѣшить сердце первосвященника, но для отправленія въ Римъ представлялось много препятствій: еще не поконченная борьба съ Штауфенами и походъ въ Данію, при которомъ Лотарій достигъ требуемаго имъ отъ датскаго короля признанія себя вассаломъ (*hominium*). Поѣздка въ Римъ могла быть предпринята лишь въ сентябрѣ 1132 г. Она ознаменовалась печальнымъ началомъ еще на нѣмецкой землѣ, доказывающимъ, насколько эти времена и эти люди были погружены еще въ варварство, несмотря на христіанство и на преобладаніе духовенства. Въ Аугсбургѣ весьма незначительная ссора между горожанами и нѣкоторыми военными повела къ безпорядкамъ, дошедшимъ до кровопролитной уличной

схватки, сопровождавшейся всякими ужасами и оскверненіемъ церквей; въ заключеніе, городъ былъ подвергнутъ страшной карѣ разгнѣваннымъ королемъ. Впрочемъ, при Лотаріи было немного войска, всего 1,500 человѣкъ, и поэтому дѣло обошлось еще довольно умѣренно. Иннокентій давно уже ожидалъ короля въ Италіи и вступилъ съ нимъ въ Римъ, но Анаклетъ держался въ части города, по правую сторону Тибра, съ замкомъ Св. Ангела и соборомъ Св. Петра, при чемъ требовалъ отъ короля нелицепріятнаго рѣшенія послѣднихъ выборовъ. Положеніе короля было очень выгодное, и если бы папа былъ прозорливъ, то долженъ былъ бы понять, что церковные интересы могли только пострадать отъ дальнѣйшаго умаленія королевской власти, потому что отъ выговоренныхъ въ Вормсѣ условій выиграли собственно одни лишь свѣтскіе князья. Въ сущности, Лотарій прибылъ за тѣмъ, о чемъ заговаривалъ уже въ Люттихѣ: за возстановленіемъ вполнѣ своихъ королевскихъ правъ на инвеституру, что, однако, ему опять-таки не удалось. Онъ добился лишь торжественнаго подтвержденія вормскаго договора: ни одинъ епископъ не могъ пользоваться коронными землями, прежде нежели былъ надѣленъ лэномъ «отъ скипетра» и не «воздалъ королю подобающаго ему». Другимъ указомъ папа предоставлялъ Лотарію аллодіальныя владѣнія покойной графини Матильды, но лишь въ пожизненное пользованіе; послѣ же его смерти, римская Церковь вступала вновь въ свои имущественныя права. Уступка дѣлалась притомъ подъ тѣмъ условіемъ, что король будетъ выплачивать папѣ ежегодно 100 фунтовъ серебра. Такимъ образомъ, можно было подсмѣиваться надъ тѣмъ, что императоръ обращался въ папскаго вассала, и на одной позднѣйшей картинѣ изображенъ самый актъ принесенія сказанной дани. Но дѣло не было лишено основанія: Лотарій находился подъ вліяніемъ самаго усерднаго защитника церковнаго верховенства, магдебургскаго архіепископа Норберта, и онъ допустилъ, чтобы и въ документѣ, пространно-описывающемъ императорское коронованіе, папа говорилъ, что возноситъ его на кесарство по наитію Святого Духа. Это коронованіе должно было совершиться въ Латеранѣ; получивъ императорскій титулъ, Лотарій снова покинулъ Италію безъ всякаго пролитія крови, но и не достигнувъ какого-либо матеріальнаго или моральнаго успѣха, за исключеніемъ сказаннаго титула (1133).

Лотарій въ Германіи. Подчиненіе Штауфеновъ.

Однако, онъ все же освободился изъ довольно приниженнаго положенія, въ которомъ находился при своемъ избраніи и непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, такъ что теперь, возвратясь въ Германію, могъ пользоваться полною властью, ощутительною и для ближайшихъ народностей: Датчанъ, Венгровъ, Богемцевъ и Вендовъ. Въ 1134 г., послѣ того какъ императоръ и его зять, соединяя въ своихъ рукахъ могущественнѣйшія владѣнія, герцогства Саксонію, Баварію, помѣстья графини Матильды, славянскія пограничныя земли и имѣя такихъ данниковъ, какъ Польша и Данія, одержали счастливо побѣду и въ Швабіи,—Штауфены поняли, что ихъ дѣло проиграно. Фридрихъ, изъявившій покорность на сеймѣ въ Бамбергѣ (мартъ 1135), встрѣтилъ въ императорѣ великодушнаго побѣдителя. Въ государствѣ возстановился миръ, обстоятельства складывались благопріятно и на сеймахъ, равно какъ на княжескихъ съѣздахъ, которые быстро чере-

довались въ Кведлинбургѣ, Магдебургѣ, Мерзебургѣ. Частыя посольства, прибывавшія изъ другихъ государствъ (даже изъ Византіи явились посланцы императора Іоанна съ жалобами на морскіе разбои норманнскаго короля Рожера), явно обнаруживали высокое значеніе имперіи и ея главы. Въ томъ же году изъявилъ свою покорность и Конрадъ, «король-самозванецъ», въ Мюльгаузенѣ Эльзасскомъ. Лотарій оставилъ за нимъ его владѣнія, какъ и княжеское достоинство за Фридрихомъ; оба они только обязывались доставить войско при походѣ въ Италію.

Второй походъ въ Италію.

Къ этому походу, направленному противъ Норманновъ, именно противъ сицилійскаго короля Рожера, дѣлались большія приготовленія. Въ сентябрѣ 1136 г. черезъ Бреннеръ переправилось сильное, хорошо вооруженное войско. Аббатъ Бернаръ изъ Клерво, о чудесахъ котораго ходило уже много толковъ, предпринялъ еще ранѣе свой походъ противъ Рожера и покровительствуемаго имъ анти-папы. Его дѣятельная пропаганда расчищала дорогу императорскимъ войскамъ, состоявшимъ изъ рыцарей, прошедшихъ свою школу въ нѣмецкихъ войнахъ и превосходившихъ мужественно «латинскихъ воякъ». Походъ былъ побѣдоноснымъ: германская армія проникла на югъ далѣе, нежели то случалось со временъ Оттона: въ концѣ мая Лотарій и состоявшій подъ его начальствомъ полководецъ, его зять, Генрихъ Баварскій, прибыли въ Бари. Рожеръ, тѣснимый и съ моря пизанскимъ флотомъ, былъ на краю окончательной гибели; онъ долженъ былъ покинуть материкъ. Лотарій не могъ преслѣдовать его и въ Сициліи, въ виду возраставшаго недовольства нѣмецкихъ войскъ, стремившихся къ возвращенію на родину; мѣшало преслѣдованію и не-

+ „Lotharius Dei Gratia Imp(erato)r Aug(ustus)".
Императорская печать Лотарія Саксонскаго.
Уменьшена.

согласіе между папою и императоромъ по вопросу о степени достоинства апулійскаго лэна, порѣшенное самымъ страннымъ порядкомъ, а именно: при церемоніи передачи лэна новому герцогу Райнульфу Алифскому, императоръ держалъ древко, а папа остріе герцогскаго знамени. Самымъ значительнымъ пріобрѣтеніемъ побѣдителя при этомъ блестящемъ походѣ было то, что герцогъ Баварскій Генрихъ признавался маркграфомъ

Тусціи и получалъ владѣнія Матильды въ лэнъ отъ папы, слѣдовательно, пріобрѣталъ громадную силу въ Италіи, что̀ имѣло особенный вѣсъ по положенію его германскаго герцогства и при его видахъ на будущее.

Старый императоръ столько же желалъ возвратиться въ Германію, какъ и его войско. Онъ поразилъ своею набожностью монаховъ въ Монте-Кассино, у которыхъ прожилъ недѣлю; но въ Римъ онъ уже не заѣхалъ: силы его замѣтно падали, такъ что становилась для него сомнительною даже возможность добраться до нѣмецкой земли. Это ему однакоже удалось; но прибывъ въ горную тирольскую деревушку Брейтенвангъ, старецъ скончался въ простой крестьянской лачужкѣ (*vilissima casa*), послѣ двѣнадцатилѣтняго царствованія, на 72 году отъ рожденія, въ декабрѣ 1137 года. Не было недостатка въ епископахъ для пріобщенія Св. Тайнъ умиравшаго благочестиваго государя; знаки королевскаго достоинства были переданы зятю его, герцогу Генриху. Получилъ-ли онъ тоже въ лэнъ герцогство саксонское, какъ ему давно было обѣщано, остается сомнительнымъ. Тѣло императора было предано землѣ въ церкви саксонскаго городка Кенигслутеръ. Смерть Лотарія. 1137.

Царствованіе Лотарія не было совершенно ничтожнымъ. Безъ сомнѣнія, послѣдній итальянскій походъ, несмотря на свой внѣшній блескъ, въ сущности не принесъ никакого прочнаго успѣха; онъ не прекратилъ и раскола, потому что Анаклетъ умеръ лишь черезъ годъ, мѣсяцемъ позже императора, притомъ въ Римѣ, а Рожеръ Сицилійскій, весьма скоро послѣ удаленія императора, занялъ свое прежнее положеніе на материкѣ. По смерти герцога Райнульфа, папа Иннокентій осмѣлился пойти самъ въ походъ на Рожера, но потерпѣлъ неудачу, попалъ въ засаду (1139) и долженъ былъ, находясь въ плѣну, заключить миръ, по которому признавалъ владычество Рожера надъ Сициліей, Апуліей и Капуей, при чемъ тотъ оставался, однако, вассаломъ папы, что̀ могло оказаться очень неудобнымъ для лэннаго господина. Успѣхи Лотарія были прочнѣе на Сѣверѣ, гдѣ онъ, еще не будучи королемъ, былъ уже могущественнѣйшимъ изъ сѣверныхъ князей, въ качествѣ герцога Саксонскаго. Христіанство было теперь укрѣплено на болѣе твердыхъ основахъ въ вендскихъ земляхъ, особенно въ Помераніи, благодаря дружнымъ усиліямъ бамбергскаго епископа Оттона и его усерднаго сподвижника, Болеслава Польскаго.

Судьба не дала Лотарію сыновей, но онъ оставлялъ Генриху, супругу своей единственной дочери, такое могущество, какимъ не владѣлъ еще ни одинъ государь въ нѣмецкихъ земляхъ. Подъ его властью находились оба большія герцогства, Баварія и Саксонія, вмѣстѣ съ величайшими лэнными владѣніями въ Италіи, при громаднѣйшей аллодіальной земельной собственности, какъ наслѣдіи отъ многихъ богатыхъ родовъ. Лотарій старался всѣми силами поддерживать связь съ Церковью, при всемъ своемъ могуществѣ; ей слѣдовало теперь доказать, помнитъ-ли она это, и намѣрена-ли она уважить его явно выраженную волю о переходѣ королевской власти къ его зятю Генриху. Положеніе Генриха Гордаго.

Генрихъ внушалъ очень мало личнаго расположенія къ себѣ и многіе не сочувствовали мысли вручить столь громадную власть такому надменному человѣку. Но трудно было бы воспрепятствовать его избранію при

тѣхъ громадныхъ средствахъ, какими онъ располагалъ, если бы избирательное собраніе, созванное въ Майнцѣ, состоялось обычнымъ порядкомъ. Но дѣло повелъ очень ловко беззастѣнчивый трирскій архіепископъ Адальберо; майнцская каѳедра была еще не занята и новый кёльнскій архіепископъ не получалъ еще освященной части одѣянія, своего омофора; воспользовавшись этимъ, Адальберо, по соглашенію съ папскимъ легатомъ, нѣкоторыми магнатами изъ штауфенской партіи и ихъ кандидатомъ, уже бывшимъ королемъ Конрадомъ, провозгласилъ этого послѣдняго королемъ на весьма шумной и безчинной сходкѣ въ Кобленцѣ, городѣ своей епархіи (мартъ, 1138), и потомъ поспѣшно короновалъ этого Конрада III въ Аахенѣ, въ слѣдующее же затѣмъ воскресенье. Такимъ образомъ, этотъ вельфскій духовный сановникъ, родомъ французъ и другъ Бернара Клервосскаго, съумѣлъ отстранить, благодаря наглой смѣлости, такого кандидата, громадная власть котораго въ его областяхъ могла казаться опасной для Церкви, и подставилъ, взамѣнъ его, другого, сравнительно безпомощнаго и потому неспособнаго стать въ независимое положеніе отъ духовныхъ владѣтелей.

Избраніе Конрада. 1138.

Это избраніе было одинаково позорно какъ для пронырливыхъ папистовъ, которымъ, согласно усвоеннымъ имъ воззрѣніямъ, было, конечно, мало дѣла до чести германской короны, такъ и для самого избранника, который пользовался нѣкоторою популярностью, вслѣдствіе своего открытаго, рыцарскаго, веселаго нрава. Но избраніе совершилось, и созванный въ Бамбергѣ сеймъ или княжій съѣздъ былъ многолюденъ. На него прибыла и вдовствующая императрица; Генрихъ не явился лично, но выдалъ государственные клейноды, находившіеся въ его рукахъ, и вступилъ въ переговоры. Если бы ему удалось только удержать за собой Саксонію и Баварію, то онъ остался бы все еще могущественнѣйшимъ человѣкомъ въ государствѣ изъ когда-либо носившихъ корону. Но Конрадъ понималъ это не хуже, чѣмъ Вельфъ, и передалъ поэтому герцогство Саксонію маркграфу Альберту, прозванному Медвѣдемъ, чѣмъ создалъ себѣ союзника, достаточно сильнаго и значительнаго для того, чтобы не уступить никому своихъ владѣній.

Война между Вельфомъ и Вейблингеномъ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ этого рѣшенія была междоусобица въ самой Саксоніи, при которой, понятнымъ образомъ, страдали и подвластныя сосѣднія славянскія племена. Король отнялъ тогда у своего противника-Вельфа и второе его герцогство, Баварію, но тотъ самъ явился въ Саксонію и покорилъ себѣ почти всю страну. Между тѣмъ, Конрадъ перешелъ въ Баварію, назначая это герцогство своему сводному брату, австрійскому маркграфу Леопольду. Онъ приготовился къ походу въ Саксонію и собралъ значительное войско; трирскій архіепископъ, которому онъ былъ обязанъ своимъ избраніемъ, прибылъ во главѣ пятисотъ рыцарей; но до сраженія не дошло. Начались переговоры, окончившіеся тѣмъ, что Саксонцы признали за Конрадомъ его королевскій титулъ, а самъ король удалился изъ страны и Генрихъ остался ея властелиномъ (1139). Но случилось неожиданное: среди своего успѣха, находясь въ Квэдлинбургѣ, онъ умеръ въ октябрѣ того же года, будучи лишь тридцати пяти лѣтъ, и едва успѣвъ представить саксонскимъ магнатамъ своего сына Генриха, десятилѣтняго мальчика. Партія, однажды боровшаяся противъ Генриха IV и

возстававшая теперь противъ Штауфена, только какъ противъ его наслѣдника, все еще крѣпко держалась; герцогская власть весьма укоренилась въ Саксоніи, и маркграфъ Альбрехтъ не имѣлъ успѣха. Въ Южной Германіи шла та же борьба: герцогъ Леопольдъ, герцогъ Фридрихъ и король бились противъ Вельфа, брата Генриха Гордаго. Онъ потерпѣлъ пораженіе при мѣстечкѣ Вейнсбергъ, выдержавшемъ тогда осаду (1140), которая останется навсегда памятной, благодаря знаменитому разсказу, утвердившему за городскою горой названіе «Женская вѣрность» (Weibertreue) *). Колебанія этой борьбы не представляютъ интереса; со смертью Леопольда Австрійскаго (октябрь, 1141), открылся путь къ примиренію, которое и было заключено во Франкфуртѣ (май, 1142). Молодой Генрихъ получилъ Саксонію; маркграфу Альбрехту были возвращены его прежнія владѣнія; Баварія досталась младшему брату Леопольда, Генриху, прозванному, въ отличіе отъ безчисленныхъ Генриховъ нѣмецкой исторіи, «Язомирготъ» (Ja, so mir Gott), по привычной его поговоркѣ при утвержденіи чего-либо. Вдова Генриха Гордаго, дочь императора Лотарія, еще молодая женщина, отдала ему свою руку. Она прибыла лично въ Франкфуртъ и засѣданія сейма закончились свадьбой.

Примиреніе. Послѣдствія.

Въ продолженіе короткаго времени Конрадъ имѣлъ не малое вліяніе на политическія событія. Онъ вступилъ въ переговоры съ греческимъ императоромъ Іоанномъ II о возобновленіи союза, заключеннаго при Лотаріи, для противодѣйствія сицилійско-норманнскому королю. Изъ Италіи, гдѣ паписты и самъ Бернаръ Клервосскій не находили теперь достаточно лестныхъ словъ для Рожера, который еще такъ недавно былъ осыпаемъ ихъ проклятіями, обращались къ Конраду всѣ потерпѣвшіе отъ такихъ порядковъ или угрожаемые ими въ будущемъ. И другіе дворы заискивали его дружбы; съ правителями Польши и Венгріи онъ состоялъ въ родственной связи; молодому богемскому герцогу Владиславу (съ 1140 г.) онъ оказалъ большую помощь, быстро отправясь въ походъ, тотчасъ же послѣ франкфуртскихъ празднествъ, благодаря чему Владиславъ восторжествовалъ надъ враждебною партіей, угрожавшей его престолу (1142).

Но внутреннія неурядицы были ненадолго усмирены франкфуртскими переговорами, въ которыхъ не участвовало, притомъ, важное лицо: братъ Генриха Гордаго, Вельфъ. Молодая баварская герцогиня Гертруда, которая могла служить примирительнымъ звеномъ въ этой борьбѣ, умерла еще въ 1143 году. Смута возникала не изъ-за несогласій между свѣтскою и духовною властью: Конрадъ сохранялъ хорошія отношенія съ Церковью. Онъ защищалъ, по мѣрѣ возможности, всякія обители отъ захватовъ и насилій, и ихъ собственныя, нескончаемыя препирательства изъ-за обладанія мірскими благами заставляли ихъ не покидать короля, потому что у него одного могли они найти правильное рѣшеніе спора. Въ 1143 году Иннокентію II наслѣдовалъ Целестинъ II, который призывалъ германскаго короля въ Римъ, нуждаясь тоже въ его помощи про-

*) Когда жители Вейнсберга принуждены были къ сдачѣ города, то побѣдители рѣшили выпустить изъ него только женщинъ, дозволивъ каждой изъ нихъ вынести на себѣ то, *что у ней было самаго дорогого.* Пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, онѣ вынесли на себѣ изъ города своихъ мужей, и этимъ вынудили побѣдителей пощадить ихъ.

тивъ опаснѣйшаго изъ вассаловъ Св. Петра, норманнскаго короля, въ отношеніи котораго новый папа хотѣлъ совершенно измѣнить политику своего предмѣстника. Умиротворенію Германіи мѣшало болѣе всего соперничество главныхъ династическихъ домовъ, какими были Штауфены, Вельфы, Бабенбергеры, Церингеры, съ ихъ постоянною взаимною враждою и всевозможными интригами, потрясавшими самую верховную власть и государственные интересы, хотя носитель этой власти и одерживалъ на время побѣду надъ всѣми распрями.

Событія въ Италіи. Паденіе Эдессы.

Эти событія имѣли свое воздѣйствіе на Италію, еще болѣе нежели Германія, нуждавшуюся въ твердой свѣтской власти, и лишенную ея еще въ большей степени. Двое папъ смѣнились здѣсь быстро одинъ за другимъ: по смерти Луція (февраль 1145), былъ избранъ аббатъ одного римскаго монастыря, подъ именемъ Евгенія III; но городъ былъ въ рукахъ партіи, олицетворявшей какое-то національное стремленіе или возрожденіе: она стала неожиданно требовать возстановленія Сената,—*Senatus populusque romanus*; во главѣ этого движенія былъ одинъ честолюбивый патрицій, Іорданъ Піерлеоне, и папа, хотя ученикъ Бернара Клервосскаго, но не обладавшій житейскою мудростью своего наставника, долженъ былъ не однажды удаляться изъ Рима передъ этимъ вождемъ. Но и безъ того Италія была полна смутъ и нуждалась въ присутствіи Конрада; сверхъ того, въ силу своего договора съ греческимъ императоромъ, онъ долженъ былъ, въ союзѣ съ нимъ, идти на короля Рожера; но неурядицы въ Германіи препятствовали какому-либо прочному рѣшенію дѣлъ; между тѣмъ, какъ-будто Западу было еще мало своихъ собственныхъ осложненій, всѣ мысли обращались и на Востокъ, гдѣ дѣла принимали плохой оборотъ: въ декабрѣ 1144 г., несмотря на свою геройскую оборону, Эдесса пала и перешла во власть эмира Эмадеддина Зенки.

Бернаръ Клервосскій.

Вѣсть о томъ снова оживила тотъ духъ, который проявился съ такою несокрушимою силою за полстолѣтія тому назадъ, но не удержался потомъ на прежней высотѣ. И теперь, какъ тогда, ранѣе и могучѣе всего возгорѣлся онъ во Франціи. Молодой король, Людовикъ VII (съ 1136), имѣвшій основательныя причины къ угрызеніямъ совѣсти и раскаянію, давно помышлялъ о Крестовомъ походѣ; папа Евгеній, запрошенный имъ, объявилъ свое соизволеніе на походъ; св. Бернаръ, «прославившійся знаменіями и чудесами и чтимый народомъ въ Галліи и Германіи за равнаго апостоламъ и пророкамъ», послужилъ дѣлу всѣмъ пыломъ своего краснорѣчія, вліяніе котораго простерлось далеко за французскіе предѣлы. «Внемлите, братья... Се настало время... Се дни спасенія... Что дѣлаете вы, герои? Что дѣлаете вы, служители Креста?.. Неужели предадите вы святыню псамъ, предоставите бисеръ свиньямъ?..» Въ своемъ восторженномъ одушевленіи, онъ вѣрилъ тому, что скоро «исполнятся времена» и власть языческая падетъ передъ царствіемъ Господнимъ. На Рейнѣ проповѣдывалъ, съ своей стороны, монахъ Радульфъ, ярый фанатикъ, требовавшій и истребленія евреевъ, для которыхъ снова наступало тяжелое время; король и другіе благомыслящіе вожди охраняли ихъ съ трудомъ отъ гоненія, и часто совсѣмъ безуспѣшно. Бернаръ появился самъ вскорѣ въ Германіи, осудилъ выходки Радульфа и принудилъ непризваннаго

проповѣдника воротиться въ клервосскій монастырь. Его собственная проповѣдь была очень успѣшной: онъ вызывалъ здѣсь такое же воодушевленіе, какъ и въ сосѣдней странѣ. На сеймѣ въ Шпейерѣ, созванномъ въ декабрѣ 1146 г., онъ совершилъ то, что самъ называлъ чудомъ изъ чудесъ: произнося одну изъ своихъ могучихъ проповѣдей, 27 декабря, онъ прямо осадилъ императора Конрада, обратясь въ церкви лично къ нему. Императоръ, уже исполнившій долгъ крестоносца въ своей ранней молодости и имѣвшій теперь самыя основательныя причины оставаться дома для исполненія своихъ непосредственныхъ, ближайшихъ обязанностей, не могъ, однако, устоять противъ хорошо разсчитаннаго впечатлѣнія, и принялъ крестъ изъ рукъ великаго проповѣдника. Снова настала минута всеобщаго одушевленія христіанскаго міра одною мыслью, и частныя распри затихли, между тѣмъ какъ воины и не-воины спѣшили къ указаннымъ сборнымъ мѣстамъ.

Второй Крестовый походъ. 1147—49.

Это предпріятіе—*второй Крестовый походъ*, по принятому исчисленію (1147—49)—оказалось вполнѣ неудачнымъ. Огромная нѣмецкая армія изъ семидесяти тысячъ рыцарей и цѣлыхъ полчищъ всякаго безпорядочнаго сброда, двинулась изъ Регенсбурга по старой дунайской дорогѣ, черезъ Венгрію. Одни только саксонскіе владѣтели не приняли участія въ этомъ походѣ, сознавая весьма разумно, что могутъ исполнить свой крестовопоходный обѣтъ и поблизости, среди языческихъ славянскихъ племенъ: миссіонерская дѣятельность пробудилась здѣсь серьезно лишь въ послѣдніе десятки лѣтъ. Обстоятельства усложнялись тѣмъ, что король Рожеръ счелъ данную минуту благопріятной для новаго нападенія на Греческую имперію, что побудило греческаго императора Михаила заключить миръ съ Сельджуками въ Малой Азіи. Нѣмцы, вступившіе теперь во владѣнія Михаила, были его союзниками, но дисциплина между ними была плоха, войско слишкомъ многочисленно, и онъ былъ радъ переправить этотъ народъ, всячески обременительный для страны, въ Азію прежде, нежели прибыли туда Французы. Войско хотѣло идти тотчасъ же впередъ, и Конрадъ, совершенно неспособный вести дѣло, которое было ему насильно навязано и противъ котораго возставалъ его государственный смыслъ, а можетъ-быть, и совѣсть его, какъ правителя, не устоялъ противъ общаго стремленія, которому и сочувствовалъ, желая возможно скорѣе раздѣлаться съ непріятною миссіей. Въ Никеѣ часть несогласныхъ идти — тысячъ пятнадцать человѣкъ—отдѣлилась; главныя силы направились тою дорогой, которою шелъ однажды Готфридъ Бульонскій; двигались медленно, обремененные лишнимъ обозомъ. Въ концѣ октября, при Дорилеѣ, крестоносцы наткнулись на сельджукскую армію, которая утомила франкскихъ рыцарей притворнымъ бѣгствомъ, потомъ опрокинула ихъ и разогнала полчища невооруженныхъ, слѣдовавшихъ за войсками. На военномъ совѣтѣ, созванномъ Конрадомъ, было рѣшено отступить къ морю, съ тѣмъ, чтобы перейти потомъ въ наступленіе вмѣстѣ съ Французами; но когда прибыли къ морю, то на-лицо не было уже настоящей арміи, а изъ тѣхъ людей, которые прибывали въ Константинополь, многіе не шли далѣе, но возвращались домой. Вышеупомянутыя пятнадцать тысячъ, при которыхъ находился и фрейзингскій епископъ Оттонъ, лѣтописецъ, тоже

не избѣгли гибели, и лишь немногіе изъ этого отряда могли спастись въ Сирію, послѣ рокового пораженія при Памфиліи, въ февралѣ мѣсяцѣ 1148 г. Между тѣмъ, прибыли къ Босфору Французы, выступившіе двумя мѣсяцами позднѣе Нѣмцевъ и по той же дорогѣ, и хотя многіе изъ нихъ хотѣли немедленно устремиться на Константинополь, но греческому императору удалось войти въ мирное соглашеніе съ французскимъ королемъ Людовикомъ и благополучно переправить его войска на азіатскій берегъ. Но имъ столь же мало благопріятствовала судьба, какъ и нѣмецкому войску, жалкіе остатки котораго присоединились къ нимъ при Никеѣ. Подъ впечатлѣніемъ разсказовъ этихъ несчастныхъ, Французы двинулись другою дорогой, берегомъ, и въ южномъ направленіи. Въ Эфесѣ Конрадъ заболѣлъ и воротился въ Константинополь со своею свитою. Людовикъ пошелъ далѣе; близъ Лаодикеи, къ югу отъ Верхняго Меандра, онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Сельджуковъ и отступилъ тогда еще южнѣе, къ приморскому городу Аталіи. Здѣсь, воспользовавшись греческими судами, высшія власти, прелаты и бароны, отплыли въ Сирію, предоставя простыхъ людей пронырству греческихъ проводниковъ и проходимцевъ, которые брались доставить ихъ въ Тарсъ Киликійскій; ни одинъ изъ нихъ не дошелъ туда.

Неудавшіяся предпріятія.

Король Людовикъ съ своею супругою Элеонорою и его рыцари достигли Святой Земли; Эмадеддинъ-Зенки уже погибъ насильственною смертью въ это время, но его замѣняли его два сына, изъ которыхъ младшій, Нуреддинъ, оказался потомъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Въ мартѣ 1148 года, оправясь отъ своей болѣзни, прибылъ сюда и Конрадъ. Соединивъ свои силы, оба государя, къ которымъ примкнулъ и весьма юный іерусалимскій король, Балдуинъ III, выступили въ походъ противъ Дамаска, но были вынуждены воротиться безъ всякаго успѣха. Войско ихъ состояло изъ пятидесяти тысячъ человѣкъ, но среди этихъ Французовъ, Нѣмцевъ и Іерусалимцевъ было столько неумѣлости, раздоровъ и интригъ, что предпріятіе не могло быть удачнымъ. Не удалось тоже второе или третье нападеніе, направленное сообща противъ Аскалона. Въ сентябрѣ 1148 года король Конрадъ воротился, черезъ Константинополь, въ Германію, куда прибылъ весною 1149 года. Людовикъ отправился тоже домой черезъ Италію, гдѣ имѣлъ свиданіе съ королемъ сицилійскимъ Рожеромъ и папою Евгеніемъ, который съ самаго начала былъ недоволенъ порядками этого Крестоваго похода.

Крестовый походъ саксонскихъ князей, между которыми находились молодой Генрихъ, по прозванію Левъ, и маркграфъ Альбрехтъ, не имѣлъ тоже особеннаго успѣха: христіанство, водворенное ими среди вендскихъ племенъ, удерживалось лишь благодаря страху бывшихъ язычниковъ передъ христіанскими силами.

Впечатлѣніе на Западѣ.

Постыдный исходъ второго Крестоваго похода произвелъ глубокое впечатлѣніе на Западѣ и весьма умалилъ обаяніе клервосскаго пророка, но онъ, съ обычнымъ духовенству воззрѣніемъ и съ сознаніемъ того, что велъ дѣло Божіе, утѣшалъ всѣхъ, приписывая неудачу похода,—въ которой было повинно, въ значительной степени, его слишкомъ пылкое усердіе, не внимавшее никакимъ доводамъ благоразумія и безусловно

пропитанное личнымъ самомнѣніемъ, — однимъ только грѣхамъ и ошибкамъ самихъ участниковъ предпріятія. Изъ числа ихъ Конрадъ дѣйствительно выказалъ въ весьма невыгодномъ свѣтѣ свои способности, какъ государь и какъ военноначальникъ. Въ горькихъ сужденіяхъ хроникеровъ о началѣ предпріятія, въ ихъ рѣзкихъ указаніяхъ на двусмысленные элементы, примыкавшіе къ походу ради весьма нечистыхъ вожделѣній, сквозитъ уже разочарованіе, произведенное неудачнымъ исходомъ дѣла и нанесшее ударъ церковному идеализму, который выступилъ здѣсь въ роли слѣпого, руководящаго слѣпыми. Новѣйшій же историкъ, глубже проникающій въ событія той эпохи, не можетъ не сравнить воздѣйствія этихъ неудачъ на настроеніе времени съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое было произведено, вначалѣ нынѣшняго столѣтія, отступленіемъ Наполеона изъ Россіи и страшными катастрофами зимы 1812—13 года.

Возвращеніе Конрада.

Конрадъ испыталъ уже немного радостей и по своемъ возвращеніи. Передъ своимъ отъѣздомъ на Востокъ, онъ заставилъ франкфуртскій сеймъ (мартъ 1147 г.) избрать королемъ сына его, Генриха, и учредилъ правительство, во главѣ котораго были майнцскій архіепископъ Генрихъ и аббатъ Вибальдъ изъ Стабло — опекуны малолѣтняго принца. При своемъ возвращеніи, Конрадъ нашелъ дѣла не въ лучшемъ и не въ худшемъ положеніи, нежели прежде. Его появленіе разстроило планы графа Вельфа, бывшаго въ тѣсномъ союзѣ съ норманнскимъ королемъ. Конрадъ замышлялъ походъ въ Италію, но его здоровье было сильно расшатано и онъ поправился лишь въ началѣ 1150 года, благодаря искусству одного итальянскаго врача.

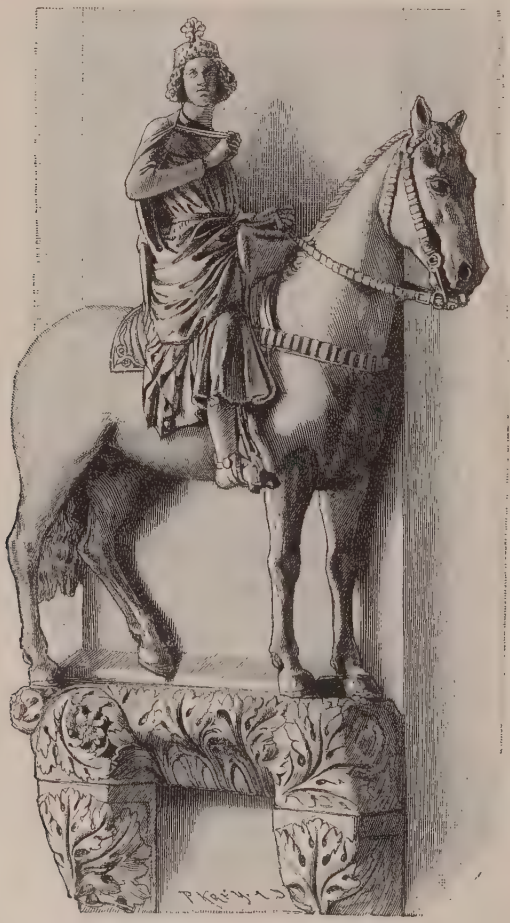
Могущество Генриха-Льва.

Во время сейма, созваннаго Конрадомъ въ Шпейерѣ, имъ было получено пріятное извѣстіе о подавленіи возстанія, задуманнаго графомъ Вельфомъ: молодой король Генрихъ разбилъ этого противника при Флохбергѣ, въ Швабіи. Императоръ принялся горячо за государственныя дѣла, но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, тринадцатилѣтній король Генрихъ умеръ внезапно, и въ государствѣ возникли новыя смуты. Притязанія и возраставшее могущество герцога Генриха-Льва вызывали болѣе и болѣе опасныя осложненія, которыя затрудняли поѣздку Конрада въ Италію, необходимую ему для полученія императорской короны. Герцогъ Генрихъ, требовавшій у Конрада, до его отправленія въ Крестовый походъ, утвержденія за нимъ въ наслѣдство герцогства Баваріи, долженъ былъ, пока, удовлетвориться однимъ обнадеживаніемъ; но Крестовый походъ въ земли Вендовъ, — послужившій для многихъ лишь простымъ поводомъ къ уклоненію отъ продолжительнаго и съ самаго начала не обѣщавшаго большой удачи восточнаго Крестоваго похода,—кончился, во всякомъ случаѣ, благополучнѣе этого послѣдняго, и ходъ дѣлъ въ тѣхъ странахъ увеличивалъ, со дня на день, могущество герцога, именно потому, что земли вендскія, въ которыхъ онъ пользовался сравнительно-наибольшею властью, были трудно-доступны какъ для императора, такъ и для папы. Всѣ прибѣгали къ нему, и ни одинъ епископъ или архіепископъ не могъ утвердиться здѣсь вопреки его волѣ. Его врагъ и соперникъ, маркграфъ Альбрехтъ, называвшійся теперь Бранденбургскимъ, по крѣпости и городу того имени, создалъ себѣ, на средней

Эльбѣ, подобное же властное земельное положеніе, какъ Генрихъ на нижней Эльбѣ, но если онъ и былъ тамъ первымъ, то пользовался здѣсь лишь весьма второстепеннымъ значеніемъ. Генрихъ возобновилъ теперь свои притязанія, и король созвалъ княжій сеймъ въ Ульмѣ для рѣшенія вопроса (іюнь 1151). Генрихъ, именовавшій уже себя: «Божіею милостью, герцогъ баварскій и саксонскій», не явился на это собраніе, но вступилъ въ переговоры, вслѣдствіе чего, лѣтомъ того же года, состоялся новый сеймъ въ Регенсбургѣ, потомъ еще одинъ въ Вюрцбургѣ. Генрихъ все же не появлялся, воротясь изъ Южной Германіи въ Саксонію, откуда ему было легче отразить близкое нападеніе.

Кончина Конрада III. 1152.

Конрадъ могъ спокойно предоставить это нападеніе многочисленнымъ противникамъ Вельфа, яростно завидовавшимъ его неслыханному богатству и могуществу. Въ ноябрѣ съѣхались въ Альтенбургѣ эти враги Генриха: ландграфъ тюрингенскій Лудвигъ, Альбрехтъ-Медвѣдь, Конрадъ, графъ мейсенскій, епископы изъ Гальберштадта, Гавельберга, Наумбурга, Миндена, Падеборна, — затѣмъ и самъ король, еще съ нѣкоторыми противниками герцога. Король занялся потомъ своими приготовленіями къ римской поѣздкѣ. Въ февралѣ 1152 года, онъ, германскій король, не имѣющій своей опредѣленной резиденціи, созвалъ князей въ Бамбергъ. Но онъ прибылъ туда уже хворый и чувствовалъ, что конецъ его близокъ. Къ чести его, онъ не подумалъ о передачѣ короны сыну своему Фридриху, которому было тогда всего восемь лѣтъ; его, вмѣстѣ съ престоломъ, завѣщалъ онъ своему племяннику, герцогу швабскому Фридриху, который, при существующемъ положеніи вещей, казался, во всякомъ слу-



Статуя Конрада III въ Бамбергскомъ соборѣ.

чаѣ, наиболѣе подходящимъ преемникомъ. 5 февраля 1152 г. Конрадъ умеръ; онъ былъ погребенъ въ бамбергскомъ соборѣ. Его нельзя причислить къ выдающимся государямъ въ германской исторіи, хотя въ самой личности его было, повидимому, нѣчто привлекательное. Какъ кажется, ему не доставало монаршей степенности, — не той, впрочемъ, которую усвоиваютъ себѣ герои на сценѣ и тѣ, которые имъ подражаютъ— онъ принималъ все слишкомъ легко, довольствовался полумѣрами, не обнаруживалъ послѣдовательности и настойчивости въ своихъ дѣйствіяхъ, хотя, въ сущности, времена были благопріятнѣе, чѣмъ когда-либо, для утвержденія державной власти. Онъ умеръ въ пятидесятивосьмилѣтнемъ возрастѣ; трудно предположить, чтобы ему удалось достигнуть чего-либо, если бы онъ прожилъ и долѣе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Фридрихъ Барбаросса.

Выборы во Франкфуртѣ.

Изумительно быстро на этотъ разъ были произведены выборы, въ присутствіи весьма многочисленнаго собранія, которое съѣхалось во Франкфуртъ; кажется, что уже и при избраніи мѣста собранія имѣлось въ виду сдѣлать пріятное предназначенному для выбора герцогу Фридриху, которому Майнцъ (при воспоминаніи о событіяхъ 1125 года) не могъ бы быть, въ данномъ случаѣ, пріятнымъ предзнаменованіемъ. Первое, что вынудило, до нѣкоторой степени, обратить вниманіе на герцога, была его родственная связь съ обѣими преобладающими фамиліями, соперничество которыхъ оказывало столь сильное вліяніе на общее положеніе дѣлъ въ Германіи. Къ Штауфенамъ онъ принадлежалъ черезъ отца своего, Фридриха, который былъ старшимъ братомъ Конрада III; къ Вельфамъ—по матери своей Юдиѳи, дочери Генриха Гордаго и сестрѣ Льва. То «указаніе Божіе», какое Оттонъ Фрейзингенскій видѣлъ въ этомъ бракѣ Штауфена съ Вельфкой, было ужъ слишкомъ очевидно, чтобы князья - избиратели могли его не замѣтить. Но на его сторонѣ были и личныя качества:— это былъ мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ (ему только что минуло 30 лѣтъ), стройно-сложенный при среднемъ ростѣ, со свѣтло-русыми волосами и рыжеватой бородкой, обладавшій вполнѣ всѣми рыцарскими доблестями, при благородной осанкѣ, самостоятельномъ разумѣ и рѣшительномъ характерѣ. Выхваляли не даромъ его умѣнье выражаться—его краснорѣчіе— и онъ вполнѣ оправдалъ эти отзывы въ томъ письмѣ, которое отправилъ къ папѣ Евгенію III, извѣщая его о своемъ избраніи. Онъ пишетъ ему, что приложитъ все свое тщаніе, дабы «изукрасить Церковь всѣми ея преимуществами и возвратить власти Римскаго императора его прежнюю

„Fredericus Romanorum Imperator Augustus".
Скульптурное изображеніе на входныхъ дверяхъ собора во Фрейзингенѣ. Послѣ пожара, разрушившаго старый соборъ (1159 г.), новое зданіе его было возведено епископомъ Альбертомъ, при особомъ содѣйствіи Фридриха и его супруги Беатрисы. Современность этихъ изображеній подтверждается непосредственною связью ихъ съ каменными глыбами, изъ которыхъ порталъ построенъ. Одежда императора какъ будто подверглась нѣкоторой передѣлкѣ въ XV в. и носитъ слѣды этой эпохи.

силу, ибо всѣмъ міромъ правятъ двѣ силы: священная власть духовенства и королевская мощь». О какомъ бы то ни было участіи папы въ выборахъ не было и помину, и это произошло не случайно. Нельзя отрицать того, что плачевная исторія второго Крестоваго похода слишкомъ очевидно для всѣхъ указала предѣлы духовнаго и мірского вліянія на ходъ историческихъ событій; притомъ же и самое положеніе папы въ Римѣ было въ высшей степени невѣрнымъ и шаткимъ.

Послѣ вѣнчанія въ Аахенѣ, Фридрихъ собралъ первый сеймъ въ Мерзебургѣ и на немъ рѣшилъ споръ двоихъ датскихъ принцевъ по престолонаслѣднію: Свэнъ IV Петръ, которому присуждена была королевская датская корона, принесъ новому королю обычную лэнную присягу. Ближайшею заботою вслѣдъ затѣмъ было рѣшеніе затрудненій, возникшихъ въ Баваріи, по вопросу о распредѣленіи власти между представителями важнѣйшихъ фамилій. Новый король, зрѣло обдумавъ дѣйствительное положеніе дѣлъ, рѣшился поближе держаться Вельфскаго дома; графу Вельфу, дядѣ своему (со стороны матери), онъ отдалъ въ лэнъ маркграфство Тусційское, и пытался Генриха Бабенбергскаго побудить къ добровольному отреченію отъ герцогства Баварскаго, которое онъ рѣшилъ отдать Генриху Саксонскому. Особая комиссія или судъ князей, засѣдавшихъ въ Госларѣ, которому король передалъ на рѣшеніе тяжбу обоихъ Генриховъ, высказался въ пользу притязаній Вельфа, который одинъ только и явился на судъ. Вообще говоря, въ теченіе полутора года, Фридрихъ успѣлъ не только внушить всѣмъ довѣріе къ своему безпристрастію и къ своей твердости, но и дѣйствительно уладить и сгладить множество всякихъ раздоровъ и несогласій, и тѣмъ самымъ привелъ свое государство въ такое положеніе, что могъ предпринять обычный походъ въ Италію за императорскою короною; а императорскій титулъ, по отношенію къ такой личности,

какъ Фридрихъ, долженъ былъ имѣть совсѣмъ иное значеніе, нежели по отношенію къ королямъ обыденнаго склада.

Положеніе дѣлъ въ Италіи. Арнольдъ изъ Брешіи.

Вся Италія, около этого времени, переживала весьма тягостный кризисъ, который имѣлъ значеніе не только мѣстное, по отношенію къ Риму, какъ резиденціи папской, но распространялся и далеко за предѣлы Италіи. Сильное и глубокое движеніе въ нѣдрахъ самой Церкви, приводящее намъ на память имя Григорія VII, не могло ограничиться только борьбою противъ извѣстныхъ злоупотребленій или учрежденій; не могло оно улечься послѣ обнародованія того Вормскаго конкордата, который нѣсколько укротилъ знаменитый споръ объ инвеституре, но не порѣшилъ его окончательно. Въ то самое время, когда римская Церковь явилась громадною силой, безусловно владѣвшей умами, когда достаточно было проповѣди французскаго аббата, чтобы поднять на ноги двоихъ могущественныхъ королей и сотни тысячъ людей всѣхъ сословій устремить на выполненіе предпріятія, которое при сколько-нибудь спокойномъ обсужденіи оказалось бы невозможнымъ и несбыточнымъ—да, въ это же самое время, на этой же почвѣ, впервые пробудилось *сомнѣніе*, духъ діалектики, способный руководиться только логическими основами и выводами. Насколько въ іерархическомъ развитіи Церкви идея папскаго всемогущества (какъ она представлялась клюнійскимъ инокамъ и самому папѣ Григорію) стала въ своемъ родѣ выводомъ, послѣднимъ словомъ, настолько же другіе умы стремились прійти къ такому же выводу *въ области богословія*, въ области христіанскаго самосознанія, въ системѣ вѣроученій или догматовъ, и одинъ изъ современиковъ Григорія VII, архіепископъ *Ансельмъ Кэнтерберійскій*, можетъ быть названъ вѣрнѣйшимъ представителемъ этой церковной науки или *схоластики*. Преобладающею, основною идеею этой науки было стремленіе облегчить человѣческому мышленью познаваніе христіанской истины,—доказать истинность, логическую необходимость вѣрованья. Но этимъ путемъ пришлось дойти и до вопроса объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ, и нашелся даже такой смѣльчакъ, который этимъ путемъ дошелъ до изслѣдованія «разумныхъ основъ вѣрованія», такъ называемыхъ «*rationes fidei*». Смѣльчакъ этотъ былъ извѣстный парижскій богословъ и преподаватель философіи, французъ *Петръ Абелярдъ* (съ 1115 г.), своей искусной діалектикой и горячей рѣчью привлекавшій къ себѣ массу учениковъ. То озлобленіе, съ которымъ выступилъ противъ Абелярда Бернардъ, аббатъ клервосскій, въ то время одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей въ Западной Церкви, доказываетъ намъ несомнѣнно, что критическіе и скептическіе элементы уже начинали проявляться довольно осязательно въ современномъ обществѣ; Бернардъ напалъ на самое ученіе Абелярда, порицалъ жестоко то вліяніе, которое онъ оказывалъ на молодыхъ богослововъ, и, въ жалобѣ на него, поданной папѣ и кардиналамъ, привелъ цѣлый рядъ положеній изъ его трактатовъ. На мѣстномъ соборѣ въ Сансѣ (1140 г.) всѣ эти положенія были признаны лжеученіями, и Петръ Абелярдъ осужденъ на монастырское заточеніе. Гораздо болѣе опаснымъ мыслителемъ проявилъ себя одинъ изъ учениковъ Абелярда, *Арнольдъ* изъ Брешіи, принадлежавшій къ духовному званію и сынъ клерика. Онъ съ большимъ жаромъ и притомъ во всеобщее свѣдѣніе проповѣ-

дывалъ, что всѣмъ духовнымъ лицамъ слѣдуетъ съ величайшимъ презрѣніемъ относиться ко всему мірскому. Клерикъ не долженъ имѣть никакого имущества, епископы никакихъ «регалій», монахи—никакой собственности; въ своемъ ученіи онъ собралъ только крайніе выводы идей, уже до него высказанныхъ клюнійскими отшельниками; онъ выставлялъ всѣмъ на видъ то глубокое лицемѣріе и гибельную ложь, которыя заключались въ томъ, что духовенство, присвоивъ себѣ власть надъ душою міряпъ, въ то же время не отрекалось ни отъ мірского стяжанія, ни отъ всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ соблазновъ. Его ученіе было встрѣчено весьма сочувственно, тѣмъ болѣе, что въ Италіи споръ объ инвеституре пробудилъ критическій духъ и въ связи съ нимъ упорное стремленіе къ самостоятельности, которое стояло въ нѣкоторой связи съ древне-республиканскими воспоминаніями и традиціями большихъ муниципій въ Сѣверной Италіи. Не помогло нимало воспрещеніе, наложенное латеранскимъ соборомъ 1139 г. на его ученіе: Арнольдъ не унимался, относя себя къ тѣмъ людямъ, которые порвали всякія связи съ офиціальными церковными порядками. Въ самомъ Римѣ его идея нашла себѣ могучій отголосокъ и въ значительной степени содѣйствовала тому революціонному движенію 1143 г., когда папской власти была вдругъ противопоставлена народная власть возстановленной Римской республики—*Senatus Populusque Romanus*. Среди этихъ волненій, умеръ Евгеній III (1153 г.). Не трудно было понять, что въ этомъ республиканскомъ и въ то же время анти-іерархическомъ движеніи, такъ сильно развившемся именно вслѣдствіе долгаго отсутствія посредствующей власти императоровъ,—и папской, и королевской власти приходилось бороться противъ одного общаго врага.

Кстати замѣтимъ, что Ломбардія была около этого времени въ состояніи высшаго процвѣтанія: новыя связи съ Востокомъ и быстрое развитіе левантинской торговли при посредствѣ Крестовыхъ походовъ,—все это воздѣйствовало оживляющимъ образомъ на богатую отъ природы страну, обильно орошаемую рѣкою По и ея многочисленными притоками. Замѣчательно, что здѣсь дворянство тѣсно сжилось съ городами и въ такой степени сплотилось съ низшими сословіями, что ставило выше всего не свои интересы, а интересы города, въ которомъ почетныя должности были доступны всѣмъ сословіямъ: эти-то интересы и сближали высшую знать съ мелкимъ дворянствомъ и даже съ плебеями.

Первый походъ Фридриха въ Римъ. 1154.

Съ весьма небольшимъ войскомъ — 1,800 рыцарями и ихъ свитой — явился впервые Фридрихъ въ Италію, осенью 1154 года. На Ронкальской долинѣ (къ ю.-в. отъ Плаценціи) онъ сдѣлалъ смотръ своему войску, а затѣмъ сталъ выслушивать жалобы, съ которыми къ нему приходили отовсюду. Самыя тяжкія жалобы были обращены противъ «гордаго *Милана*»—царя городовъ ломбардскихъ. Высокомѣріе свое Миланъ выказалъ на нѣкоторыхъ маленькихъ городахъ, которые не хотѣли подчиниться его волѣ — надъ Комо и Лоди, которые были миланцами раззорены и обращены въ простыя деревни. Всѣ оправданія миланскихъ консуловъ были найдены недостаточными, и когда городъ не захотѣлъ подчиниться волѣ короля, то былъ объявленъ въ опалѣ. Войско королевское опустошило всю Миланскую область и разрушило нѣсколько миланскихъ замковъ; союзный

Милану городъ Тортона, понадѣявшись на миланцевъ, также вздумалъ не повиноваться королю, но, послѣ пятинедѣльной осады, былъ взятъ и раззоренъ. Много помогала въ данномъ случаѣ королю взаимная зависть большихъ городовъ, а послѣ того, какъ онъ утвердилъ такимъ образомъ свою власть въ Сѣверной Италіи, — онъ двинулся къ Риму, гдѣ въ то время находился Арнольдъ изъ Брешіи и дѣла были въ такомъ положеніи, что папа увидѣлъ себя вынужденнымъ предать весь Римъ отлученію отъ Церкви.

Рыцарь въ полномъ вооруженіи, во времена Гогенштауфеновъ.

Миніатюра изъ Генуэзской лицевой хроники, начатой въ XII в., въ высшей степени важной и интересной по отношенію къ эпохѣ Крестовыхъ походовъ и войнамъ Гогенштауфеновъ въ Италіи.

Адріанъ IV.

Съ конца 1154 г., папою былъ Адріанъ IV, человѣкъ достойный, который могъ служить образцомъ того, какъ на службѣ Церкви можно было возвыситься, не имѣя ни славныхъ предковъ, ни состоянія, ни родственныхъ связей—одними только выдающимися личными свойствами. Онъ былъ родомъ англосаксъ и притомъ весьма незнатнаго происхожденія, Брэкспиръ по фамиліи; былъ у себя на родинѣ монахомъ въ одномъ изъ монастырей, затѣмъ добился кардинальства и епископства, и, въ качествѣ легата, оказалъ Церкви важныя услуги въ крайнихъ сѣверныхъ церковныхъ областяхъ. Не легко было въ эту пору править церковнымъ кораблемъ: съ большимъ трудомъ могъ онъ добиться, наконецъ, примиренія съ населеніемъ Рима; но съ другой стороны онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ произнести отлученіе отъ Церкви надъ королемъ

Вильгельмомъ Сицилійскимъ (въ 1154 г. наслѣдовавшимъ Рожеру II), т. е. пустить въ ходъ единственное оружіе, какое у него было подъ рукою, до прибытія германскаго войска, для обузданія норманнскихъ насилій. Адріанъ вышелъ навстрѣчу королю, не безъ опасенія, что тотъ пожалуй воспользуется его безпомощнымъ положеніемъ для предъявленія непомѣрныхъ требованій. Однакоже, онъ вскорѣ былъ на этотъ счетъ успокоенъ, и только вопросъ простого этикета смутилъ ихъ первую встрѣчу въ Сутри. Папа ожидалъ, что король, по обычаю, будетъ держать ему стремя при спѣшиваньи, но тотъ счелъ это унизительнымъ для своего достоинства, почему и папа, въ свою очередь, лишилъ его обычной чести «лобзанія мира»; однакоже, Фридриху растолковали старшіе князья, что обычай, несоблюденный имъ, былъ принятъ издревле. Затѣмъ послѣдовали необходимыя совѣщанія; посольство, присланное королю римской коммуной и говорившее весьма высокомѣрно, было встрѣчено очень немилостиво королемъ, который велѣлъ тотчасъ же занять городъ и церковь Св. Петра войсками — и здѣсь совершилось коронованіе Фридриха императорскою короною, о которомъ масса римскаго населенія узнала только тогда, когда оно было закончено. Послѣдовало неистовое возстаніе, которое удалось подавить только послѣ весьма упорной битвы. Тогда и Арнольдъ изъ Брешіи былъ схваченъ и преданъ въ руки папы, который осудилъ его на смертную казнь; онъ умеръ мужественно и спокойно, не отрекшись отъ своихъ убѣжденій, которыя всему высшему духовенству и многимъ изъ мірянъ казались «заблужденіями»... Трупъ его былъ сожженъ и даже пепелъ его брошенъ въ Тибръ, чтобы народъ не вздумалъ его собирать и хранить, какъ святыню.

Король Фридрихъ. Германскія дѣла.

Предосторожность была тѣмъ болѣе необходима со стороны папы, что Римъ не былъ окончательно имъ усмиренъ, и та вторая услуга, которой папа ожидалъ отъ императора—приниженія Норманновъ—также не была имъ оказана. Это произошло не по волѣ Фридриха, хотя онъ и былъ въ этомъ дѣлѣ связанъ нѣкоторыми опредѣленными обязательствами по отношенію къ греческому императору: дѣло въ томъ, что могущественные вассалы, изъ дружинъ которыхъ, въ большей своей части, состояло войско Фридриха, не изъявили расположенія двинуться въ походъ на югъ въ самое жаркое время года. Притомъ стали появляться опасныя болѣзни въ войскѣ, и Фридрихъ долженъ былъ рѣшиться на обратный походъ. На пути онъ жестоко наказалъ тусційскій городъ Сполето, отказавшій войску въ продовольствіи и выплатившій контрибуцію фальшивою монетою. Коварство, свойственное ломбардскому населенію,—испытавшему мощь Фридриха, присмирѣвшему, но не смирившемуся,—проявилось даже на одномъ изъ послѣднихъ переходовъ, совершенныхъ императорскимъ войскомъ по итальянской территоріи. Послѣ того, какъ императорскій поѣздъ благополучно перебрался по мосту черезъ Эчь, повыше Вероны, дорога въ одномъ узкомъ горномъ проходѣ оказалась прегражденною:—въ замкѣ, господствовавшемъ надъ этимъ проходомъ, засѣла шайка какихъ-то головорѣзовъ и грозила задержать движеніе войска. Но въ императорскомъ войскѣ нашлись смѣльчаки, которые эту позицію обошли, замокъ былъ взятъ и съ засѣвшими въ немъ безумцами поступлено, какъ съ разбойниками (1155).

Возвратившись въ Германію, Фридрихъ проявилъ власть императорскую во всей ея силѣ. Онъ обнародовалъ весьма энергичный указъ о ненарушеніи общаго мира во всемъ государствѣ и всѣ были чрезвычайно поражены, когда онъ примѣнилъ къ нѣкоторымъ родовитымъ нарушителямъ общаго мира старинную и весьма позорную мѣру взысканія, извѣстную подъ названіемъ «несенія собаки».

Сеймъ въ Безансонѣ. 1157.

Въ слѣдующемъ, 1156 г., былъ наконецъ разрѣшенъ баварскій вопросъ, изъ-за котораго враждовали Вельфы съ Бабенбергами. Герцогство Баварское отдано было въ лэнъ Генриху Льву, оказавшему серьезныя услуги императору во время его похода въ Италію; но отъ Баваріи была отдѣлена Восточная марка и изъ нея образовано отдѣльное государство Австрійское. Оно, въ качествѣ самостоятельнаго, наслѣдственнаго владѣнія, было дано дядѣ императора, Генриху Язомирготту и его супругѣ, греческой княжнѣ. Въ томъ же году, разведясь со своею первою супругою, Фридрихъ женился на *Беатрисѣ*, наслѣдницѣ богатѣйшаго графства Верхне - Бургундскаго. Не даромъ многіе женихи искали ея руки: — владѣнія ея были настолько обширны и населенны, что въ ея распоряженіи находилось постоянно войско, состоявшее изъ 5,000 рыцарей. Послѣ небольшой борьбы съ Болеславомъ IV Польскимъ, — борьбы, закончившейся успѣшно для Фридриха,—онъ созвалъ на бургундской почвѣ, въ *Безансонѣ* (въ октябрѣ 1157 г.), сеймъ, и тутъ-то явились къ нему папскіе легаты, съ которыми пришлось вступить въ объясненія не совсѣмъ пріятныя. Отношенія императора и папы Адріана были поколеблены. Папа имѣлъ полное основаніе быть недовольнымъ результатами Фридрихова италійскаго похода, такъ какъ они оказались выгодными только ему, между тѣмъ какъ папа былъ предоставленъ имъ на произволъ судьбы и нимало не огражденъ ни отъ римской партіи независимыхъ, ни отъ короля Вильгельма. Въ виду этого папа совсѣмъ измѣнилъ политику: вступилъ въ переговоры съ королемъ Вильгельмомъ, который послѣ удаленія императора Фридриха опять ободрился, и затѣмъ, опираясь на Норманна (котораго онъ избавилъ отъ церковнаго отлученія, вновь принявъ отъ него

«Conjux Beatrix. Comitissa Burgundiæ Ao. MCLXI (1161).
Супруга Фридриха Барбароссы Беатриса.
Скульптурное изображеніе половины XII в. на порталѣ Фрейзингенскаго собора.

присягу, какъ отъ вассала), примирился и съ римской коммуной. Легатамъ папскимъ было приказано передать императору письмо папы, въ которомъ онъ очень извинялся и тонко намекалъ на то, что Фридрихъ всѣмъ обязанъ святой римской Церкви и ничѣмъ еще не выказалъ ей своей признательности. Канцлеръ имперіи, *Райнальдъ фонъ-Доссель*, человѣкъ высокообразованный, съумѣлъ уразумѣть настоящій смыслъ нѣкоторыхъ туманныхъ выраженій папскаго посланія и указалъ Фридриху на то, что папа, повидимому, считаетъ императорскій санъ какъ бы «даромъ» императору Фридриху или даже «лэномъ». Это подняло сильный шумъ на сеймѣ и разомъ вооружило всю свѣтскую знать противъ папы; когда одинъ изъ легатовъ папскихъ, Роландъ, епископъ сіенскій, сталъ папу выгораживать и рѣзко спросилъ: «отъ кого же получилъ Фридрихъ свое императорское достоинство, если не отъ святѣйшаго папы?»—тогда одинъ изъ князей, Оттонъ Вительсбахскій, погрозилъ легату мечомъ. Фридрихъ смирилъ волненіе присутствующихъ, предложилъ папскимъ легатамъ немедленно удалиться, а самъ обнародовалъ во всеобщее свѣдѣніе манифестъ, въ которомъ, излагая притязанія папы, заявлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и власть королевскую, и власть императорскую онъ получилъ, въ силу избранія князей, «отъ единаго Бога».

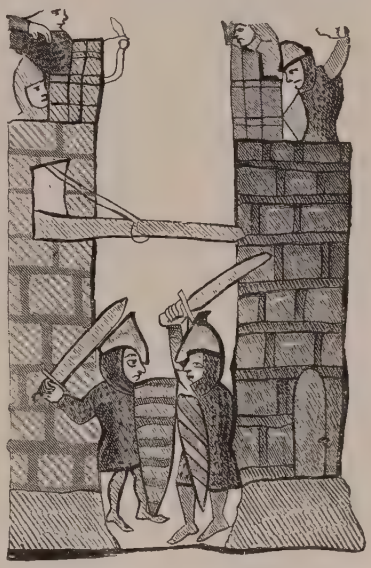
Италія. Второй походъ. 1158.

Важный вопросъ государственнаго права, поднятый на сеймѣ въ Безансонѣ, сдѣлался предметомъ не только горячихъ обсужденій въ обществѣ, но даже и серьезныхъ юридическихъ изслѣдованій, которыми занялись юристы изъ школы знаменитаго болоньскаго ученаго *Ирнерія* (жившаго на четверть вѣка ранѣе); результаты ихъ изслѣдованій оказали огромную услугу Фридриху, когда онъ въ 1158 г. предпринялъ второй походъ въ Италію. Вначалѣ поводомъ похода было своеволіе Милана, который попрежнему стремился къ гегемоніи надъ всѣми ломбардскими городами, возстановилъ раззоренную императоромъ Тортону и еще пуще прежняго раззорилъ Лоди и Комо. Напрасно старался папа, приславъ новое посольство къ императору, разъяснить въ иномъ смыслѣ выраженія своего перваго посланія и отклонить грозу, — Фридрихъ двинулся съ многочисленнымъ войскомъ въ Италію, гдѣ его посланные, отправленные впередъ, пользуясь раздоромъ итальянскихъ городовъ, вербовали ему союзниковъ противъ Милана.

Приниженіе Милана. Ронкальскіе декреты.

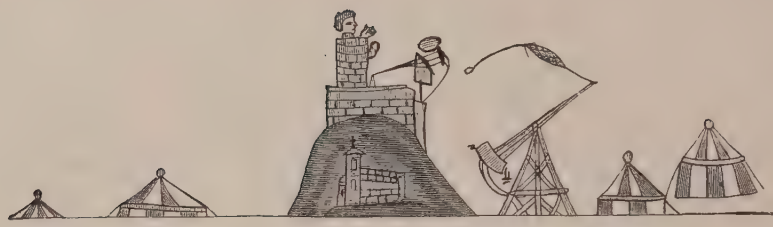
Войско Фридриха на этотъ разъ было многочисленно и очень строгая дисциплина сдерживала тѣ разнородные элементы, изъ которыхъ войско это было составлено. Въ іюнѣ приступлено было къ осадѣ Милана; однакоже, вскорѣ начались переговоры о мирѣ, и городъ согласился на предложенныя ему условія. Миланцы обязались не препятствовать возстановленію городовъ Комо и Лоди, заплатили весьма значительный денежный штрафъ, представили заложниковъ; имъ оставлено было право избранія консуловъ, которые, однакоже, не могли вступить въ исправленіе своихъ обязанностей прежде, нежели принесутъ присягу въ вѣрности императору, который ихъ долженъ утвердить. Послѣ того, какъ условіе это было подписано, произошла слѣдующая сцена: въ лагерь императора явилось все миланское духовенство, съ преднесеніемъ распятій, за нимъ консулы и старшины города, съ величайшимъ смиреніемъ, босоногіе, въ одеждѣ кающихся;

міряне шли, склонивъ голову подъ обнаженнымъ меочмъ, который держали у себя на затылкѣ. «Послѣ этого *тріумфа*,—по выраженію одного современнаго бытописателя,—они были императоромъ прощены...» Въ ноябрѣ же, на *Ронкальской* равнинѣ (послѣ долгаго совѣщанія съ духовными и свѣтскими сановниками), при громадномъ стеченіи народа, было объявлено введеніе новаго императорскаго права, которому Фридрихъ далъ названіе «*Возстановленія*». Въ манифестѣ, изданномъ по этому поводу, излагалось, что гражданское право (jura civilia) не обладаетъ достаточною силою, а право государственное (regnorum leges) требуетъ нѣкотораго выясненія; и это выясненіе было сдѣлано очень искусно, въ духѣ болоньской школы, ученикомъ Ирнерія, съ которымъ совѣщался императоръ. Основнымъ принципомъ выясненія было слѣдующее: народъ перенесъ всю свою законодательную власть на особу императора; поэтому всѣ регаліи, всѣ герцогскія, маркграфскія и графскія права, всѣ пошлины, всѣ доходы должны быть предоставлены во власть императора, который, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ихъ принадлежность можетъ быть доказана актами, оставляетъ ихъ за владѣльцами, а тамъ, гдѣ она не можетъ быть доказана, императоръ поступаетъ по справедливости; равно и консуловъ, и всѣ начальствующія лица—на будущее время—назначаетъ самъ императоръ съ согласія народа; всякія передачи или отчужденія лэновъ, безъ прямого согласія на то владыки лена, воспрещаются; тотъ вассалъ, который не явится по призыву владыки лэна и не приметъ участія въ объявленномъ походѣ, утрачиваетъ права на лэнъ. За всѣ эти важныя права и весьма значительное приращеніе власти, императоръ обѣщалъ одно — правильное и опредѣленное судоустройство. Само собою разумѣется, что эти «ронкальскіе декреты» встрѣтили сильнѣйшее сопротивленіе, такъ какъ они полагали предѣлъ всему доселѣ существовавшему развитію городской и сословной жизни на этой почвѣ, притомъ же еще предоставлялись во власть императора большіе доходы и совершенно подрывалось все то, что было пріобрѣтено Италіей въ области права во времена Григорія VII. Новое положеніе о *назначеніи* городскихъ властей (*Potestates* или *Podestas*) императоромъ противорѣчило заключенному въ предшествующемъ году договору съ Миланомъ, въ которомъ говорилось только объ *утвержденіи* ихъ императорскою властью. При переговорахъ, возникшихъ по этому поводу, у миланцевъ вырвались весьма характеризующія ихъ слова:



Изображеніе боя въ улицахъ и на укрѣпленіяхъ въ итальянскомъ городѣ.

Изъ отверстія башни тараномъ разбиваютъ противуположную стѣну. Стрѣлки, стоящіе наверху, укрываются за плетенками. Заимствовано изъ Генуэзской хроники 1194 г.



Осада итальянскаго города во времена Гогенштауфе-

Миніатюры эти очень характерны и важны для выясненія устройства городскихъ укрѣпленій во времена нихъ названа почему-то *traducos*) въ различныхъ періодахъ ихъ дѣйствія; далѣе видны шатры лагеря осаж-

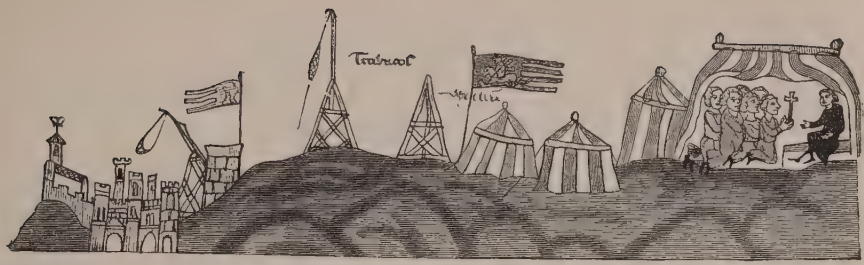
когда имъ напомнили о присягѣ, они отвѣчали, что «дѣйствительно присягали, но присягу соблюсти не обѣщали». Тогда имъ опять была объявлена опала, и войско Фридриха, усиленное новыми подкрѣпленіями, итальянскими и нѣмецкими, обратилось прежде всего противъ союзнаго Милану города Кремоны, который защищался упорно и съ ожесточеніемъ.

Положеніе, принятое папою.

Между тѣмъ, и папа противопоставилъ «ронкальскимъ декретамъ» свои требованія. Онъ протестовалъ противъ какихъ бы то ни было правъ императора на Римъ, гдѣ всѣ коронныя права принадлежатъ Св. Петру, и противъ уплаты *fodrum*'а на территоріи Папской области, ходатайствовалъ о возвращеніи владѣній римской Церкви, въ особенности Матильдиной территоріи, и требовалъ, чтобы итальянскіе епископы приносили императору только присягу въ вѣрности ему, а не лэнную присягу, какъ вассалы. Императоръ отвѣчалъ на это, что тогда епископы должны будутъ отказаться отъ коронныхъ правъ, и вскорѣ послѣ того принялъ посольство отъ города Рима и отпустилъ съ милостивымъ словомъ, оповѣстивъ въ то же время пословъ въ Римѣ, чтобы они «оказали поддержку Сенату». Враждебные же ему города—Пьяченца, Брешія, Миланъ и осажденная Фридрихомъ Кремона — вступили въ тайное соглашеніе съ папою, по которому они не должны были заключать никакого договора съ императоромъ безъ разрѣшенія папы, и король Сицилійскій Вильгельмъ также присоединился къ этому соглашенію. Среди всѣхъ этихъ смутъ папа Адріанъ и скончался.

Расколъ въ папствѣ. Александръ III и Викторъ IV.

При томъ разъединеніи, какое существовало между партіями, трудно было ожидать, чтобы не произошло двойного выбора папъ. «Сицилійская» партія (такъ называли теперь партію, враждебную императору) избрала того самаго кардинала Роланда, который такъ рѣзко поставилъ извѣстный вопросъ на безансонскомъ сеймѣ; онъ назвался *Александромъ III*, и былъ избранъ большинствомъ 14 кардиналовъ. Меньшинство же изъ 9 кардиналовъ, составлявшихъ императорскую партію, избрало кардинала Октавіана, подъ именемъ *Виктора IV*. Фридрихъ съумѣлъ извлечь выгоду изъ этого разъединенія папской власти. Онъ созвалъ въ Павіи мѣстный соборъ, который долженъ былъ разобрать распрю между двумя папами: соборъ собрался въ февралѣ 1160 года и, конечно, рѣшилъ вопросъ въ пользу Виктора, присутствовавшаго на соборѣ, которому Фридрихъ весьма охотно оказалъ обычныя почести. Окружное посланіе, отъ имени важнѣй-



новъ. Изъ миніатюръ Генуэзской хроники. 1227 г.

Барбароссы и въ послѣдующую эпоху. Изображеніе представляетъ намъ камнеметныя машины (одна изъ дающихъ; и среди нихъ войсковое знамя (при чемъ надпись „vexillum"); направо изображена сдача города.

шихъ участниковъ собора, оповѣстило весь міръ объ этомъ избраніи, а папа Александръ отвѣчалъ на него отлученіемъ императора отъ Церкви. Но отъ этого онъ ничего не выигрывалъ; ему отвѣчали тѣмъ же:—весь вопросъ былъ въ томъ, кто окажется въ Италіи болѣе сильнымъ въ ближайшемъ будущемъ.

Раззореніе Милана. 1162.

Тѣмъ временемъ Кремона пала. Жителямъ города пощажена была жизнь и дозволено покинуть городъ со всѣмъ тѣмъ имуществомъ, какое они могли унести на плечахъ; затѣмъ городъ былъ отданъ на разграбленіе и преданъ пламени. Съ Генуей императорскимъ комиссарамъ удалось уладить дѣло миромъ. Завязалась рѣшительная борьба изъ-за Милана. Расколъ въ папствѣ оставался въ прежней силѣ; посольства обѣихъ сторонъ поочередно являлись къ различнымъ дворамъ, и каждое говорило въ пользу своей партіи; война также не прекращалась въ Ломбардіи въ теченіе всего послѣдующаго 1161 года. Фридрихъ съ обычною своею настойчивостью стремился къ одной ближайшей цѣли — къ ниспроверженію Милана. Но только въ мартѣ 1162 г., послѣ того, какъ населеніе города перенесло самыя ужасныя крайности, оно рѣшилось на безусловное подчиненіе побѣдителю. Въ г. Лоди явились сначала къ императору консулы миланскіе съ немногими изъ знати, и заявили о смиреніи города; на слѣдующее воскресенье они явились вновь съ еще большею рыцарскою свитою и передали Фридриху ключи города. Третій, наступившій затѣмъ день, былъ самымъ тяжкимъ изъ всѣхъ:—никогда еще не видано было болѣе грубаго уничиженія при сдачѣ города на полную волю побѣдителя. Всѣ граждане Милана явились съ петлями на шеѣ; у всѣхъ головы посыпаны были пепломъ; знамена отдѣльныхъ городскихъ общинъ или кварталовъ были снесены въ кучу и переданы побѣдителю. Затѣмъ, главная городская святыня, такъ-называемая *carroggio* (повозка), среди которой водружено было высокое и массивное древко, а на немъ городское знамя съ изображеніемъ Св. Амвросія и распятіемъ на вершинѣ,—была провезена мимо Фридрихова трона; по его знаку, тяжелое древко склонилось и знамя съ него было снято. Тогда вся толпа горожанъ пала на колѣни и молила о помилованіи. Помилованіе было дано населенію, но въ немъ было отказано городу. Стѣны Милана (насколько это возможно было въ такомъ обширномъ городѣ) были разрушены, рвы засыпаны, и въ этомъ раззореніи грозному Фридриху помогали весьма

охотно враждебные миланцамъ граждане другихъ итальянскихъ городовъ. Само собою разумѣется, что вполнѣ разрушить городъ было невозможно: однакоже, было запрещено жить въ нѣкоторыхъ кварталахъ, и, сверхъ того, повиновеніе миланцевъ было обезпечено значительно увеличеннымъ числомъ заложниковъ. Очевидцы разсказываютъ намъ, что, во время всей этой раздирающей и унизительной сцены изъявленія покорности миланцами, лицо Фридриха ни на мгновеніе не измѣнилось, не выказало ни состраданія, ни ненависти: онъ, очевидно, былъ убѣжденъ, что дѣйствуетъ побуждаемый государственною необходимостью. До нѣкоторой степени онъ былъ правъ: раззореніе Милана навело ужасъ на всѣхъ; самъ папа Александръ не рѣшился долѣе оставаться въ Италіи и бѣжалъ во Францію, гдѣ былъ принятъ съ великимъ почетомъ.

Фридрихъ третій разъ въ Италіи 1163 г. Епископы Райнальдъ и Христіанъ.

Возвратившись въ Германію, Фридрихъ оставилъ въ Италіи своего канцлера Райнальда для окончательнаго улаженія нѣкоторыхъ вопросовъ; самъ же онъ еще разъ побывалъ въ Италіи въ 1163 г., осенью, на короткое время, и даже безъ войска. Въ Германіи ему пришлось также вступиться въ церковныя дѣла: майнцскій архіепископъ Арнольдъ былъ убитъ горожанами во время бунта. Императоръ наказалъ горожанъ, виновныхъ въ убійствѣ, и замѣстилъ Арнольда архіепископомъ *Христіаномъ*, который былъ ему горячо преданъ и притомъ былъ человѣкомъ способнымъ и энергическимъ. Затѣмъ и другую важную архіепископію, Кёльнскую, Фридрихъ замѣстилъ канцлеромъ своимъ Райнальдомъ (1165 г.), и это окончательно утвердило его власть надъ всею западною частью Германіи. Опираясь на большое и сплошное доминіальное владѣніе въ Рейнской равнинѣ, въ Бургундіи и Италіи, приносившія ему большой и правильно-получаемый доходъ, имѣя постоянно въ своемъ распоряженіи многочисленное рыцарство, связанное съ нимъ многими личными интересами, постоянно увеличивая число крѣпостей и за́мковъ, и при этомъ поддерживаемый большинствомъ нѣмецкихъ епископовъ, которые, въ свою очередь, предоставляли въ его распоряженіе значительную военную силу,— Фридрихъ былъ въ силахъ подавить всякое сопротивленіе его волѣ, гдѣ бы оно ни проявилось.

А между тѣмъ церковный расколъ продолжался. Въ апрѣлѣ 1164 г. умеръ Викторъ IV, и Райнальдъ тотчасъ распорядился о выборѣ папы изъ его кардиналовъ, которые и выбрали *Пасхалія III*. Всѣ симпатіи людей, строго придерживавшихся церковнаго начала, были конечно на сторонѣ Александра; въ современныхъ извѣстіяхъ находимъ даже и такой разсказъ объ архіепископѣ магдебургскомъ: онъ предпринялъ странствованіе въ Святую Землю и, попавшись въ плѣнъ Туркамъ, далъ обѣтъ — перейти на сторону папы Александра, если Богу угодно будетъ освободить его отъ турецкаго плѣна. А между тѣмъ на вюрцбургскомъ сеймѣ (1165 г.) Фридрихъ заставилъ всѣхъ присутствующихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ обязаться клятвенно — никогда не выбирать никого въ папы, кромѣ Пасхалія, а буде онъ умретъ, то кого-нибудь изъ его же партіи; и онъ чрезвычайно сурово поступалъ съ тѣми, которые отказывались повиноваться его волѣ. Иные со слезами подписывали это обязательство (juramentum), противъ своего

убѣжденія или даже безъ всякаго убѣжденія — лишь бы не лишиться коронныхъ правъ.

Четвертый походъ. 1166.

Тѣмъ временемъ Александру удалось, при помощи сицилійской партіи и короля Вильгельма I, вернуться въ Римъ (въ концѣ 1165 г.). Обстоятельства въ Италіи сложились такъ, что Фридрихъ увидѣлъ себя снова вынужденнымъ вмѣшаться лично въ итальянскія дѣла, махнувъ рукою на положеніе дѣлъ въ Германіи, гдѣ возрастающее могущество Генриха Льва вызвало противъ него большую коалицію духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ въ Саксоніи, слѣдовательно въ Сѣверной Германіи. Сначала поѣхалъ въ Италію архіепископъ Райнальдъ, а за нимъ вслѣдъ, позднею осенью 1166 г., двинулся и самъ императоръ въ четвертый разъ черезъ Альпы. Здѣсь же, подъ гнетомъ управленія императорскихъ чиновниковъ, идеи коммунальной свободы успѣли разрастись очень широко. Нѣмцы-чиновники распоряжались здѣсь съ безпощадною и тиранническою послѣдовательностью, на основаніи коронныхъ правъ вымогая у населенія подати и оброки; граждане итальянскихъ городовъ, скрѣпивъ союзъ между собою частыми съѣздами, пришли къ тому убѣжденію, что имъ лучше умереть съ честью, нежели жить среди такого позора. Съ миланскими выборными сошлись выборные изъ Кремоны, Бергама, Брешіи, Мантуи, Феррары; и хотя, на словахъ, они и оставались попрежнему вѣрны императору, однакоже имѣли положительно въ виду возстановленіе Милана. Несмотря на присутствіе императора, несмотря на успѣхи его, этотъ тайный союзъ городовъ распространился очень широко: въ него вошли и Венеція, и Верона, и Пьяченца, и Болонья, и др.; они рѣшились стремиться къ возстановленію того положенія, какое существовало отъ временъ Генриха V и до вступленія во власть Фридриха Барбароссы. Императоръ осаждалъ Анкону, а между тѣмъ архіепископъ Райнальдъ съ небольшимъ отрядомъ войска двинулся къ Риму. Встрѣтившись съ весьма значительными силами Римлянъ, онъ вынужденъ былъ укрыться въ Тускулумъ, и въ лагерѣ подъ Анконой стали обсуждать, не слѣдуетъ-ли отказаться отъ движенія къ Риму вообще, и порѣшили прежде всего выручить Райнальда изъ его опаснаго положенія. Но Фридрихъ не покинулъ осаду Анконы, а только отправилъ на выручку Райнальда архіепископа Христіана съ 500 рыцарей и 800 наемныхъ воиновъ. Оба архипастыря, очевидно, были настолько же опытны въ военномъ дѣлѣ, насколько и въ дѣлахъ государственныхъ; очень ловко обдумавъ планъ атаки, они нанесли римскому войску, состоявшему изъ всякаго сброда, сильнѣйшее пораженіе при Тускулумѣ. Затѣмъ явился и самъ Фридрихъ, съ главными силами и ввелъ своего папу, Пасхалія III, въ Римъ, изъ котораго анти-папа долженъ былъ, переодѣтый, бѣжать въ Гаэту и затѣмъ въ Беневентъ. Населеніе Рима, еще разъ испытавшее силу германскаго оружія, вынуждено было вступить въ соглашеніе съ побѣдителемъ.

Гибельный исходъ похода.

Но на этой опасной почвѣ зародились иныя, неожиданныя бѣдствія: въ августѣ вдругъ разразилась страшная эпидемія и съ поразительною быстротою охватила городъ и войско. Множество выдающихся мужей, знатнѣйшихъ сановниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ (въ томъ числѣ и архіепископъ Райнальдъ), пали жертвами страшной повальной болѣзни.

Войско таяло на глазахъ у вождей:—«рыцари, пѣхотинцы, оруженосцы»—всѣхъ пожирала смерть безъ различія, при чемъ, конечно, падало войско и духомъ, такъ какъ въ народѣ всѣ открыто толковали, что болѣзнь послана Богомъ въ наказаніе за безбожныя дѣянія Фридриха. Фридрихъ вскорѣ увидѣлъ себя совершенно обезсиленнымъ. Онъ поспѣшилъ удалиться въ вѣрную ему Павію. Но возстаніе уже всюду было въ полномъ ходу: федерація ломбардскихъ городовъ (такъ называли *Веронскій союзъ*) стала брать городъ за городомъ, и въ мартѣ 1168 г. Фридрихъ вернулся въ Германію съ ничтожнымъ остаткомъ своего войска. Отступленіе его было бѣдственнымъ, и онъ долженъ былъ прибѣгать то къ хитростямъ, то къ безобразнымъ жестокостямъ *), чтобы избавиться отъ натиска враговъ, преслѣдовавшихъ его по пятамъ. По удаленіи Фридриха, Веронскій союзъ имѣлъ полную возможность приступить къ возстановленію Милана: — семь лѣтъ протекло до того времени, когда Фридриху вновь удалось лично явиться въ Италію.

Фридрихъ въ Германіи. 1168—75.

Между тѣмъ на Сѣверѣ Германіи, попрежнему, еще бушевала буря, вызванная борьбою свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ противъ Генриха Льва; однакоже при посредничествѣ короля удалось здѣсь установить перемиріе. На сеймѣ въ Бамбергѣ онъ горько жаловался на эту усобицу въ Саксоніи, которая способствовала отпаденію Ломбардіи. Послѣ долгихъ переговоровъ на различныхъ сеймахъ, онъ добился-таки того, что миръ былъ возстановленъ, при чемъ однакоже Вельфъ ничѣмъ не поплатился. Напротивъ того, Генрихъ, около этого времени, вступилъ въ бракъ съ особою изъ королевскаго дома — Матильдою, дочерью Генриха II, короля англійскаго. Мощь его возросла до чрезвычайности: онъ могъ тягаться силами съ самимъ Фридрихомъ. Трудно себѣ представить, чтобы Фридрихъ не предвидѣлъ той опасности, которая угрожала его собственному дому со стороны этой быстро развивающейся и возрастающей мощи одного изъ владѣтельныхъ князей въ его государствѣ; онъ даже видимо поспѣшилъ увеличить въ Швабіи владѣнія своего дома, чтобы такимъ образомъ установить нѣкоторое равновѣсіе по отношенію къ могуществу герцога. Онъ закрѣпилъ за собою и богатое наслѣдство старшаго Вельфа, у котораго умеръ сынъ; Фридрихъ, болѣе дальновидный, нежели его племянникъ герцогъ Генрихъ, зная, что тотъ постоянно нуждается въ деньгахъ, ссудилъ его деньгами подъ залогъ его выморочнаго имущества при наслѣдствѣ. Вскорѣ послѣ того, въ 1169 г., по предложенію архіепископа Христіана майнцскаго, 4-хъ-лѣтній сынъ императора Генрихъ былъ коронованъ въ Аахенѣ, какъ его наслѣдникъ. Мало-по-малу миръ опять установился въ Германіи въ такой степени, что въ 1172 году Генрихъ Левъ задумалъ отправиться по обѣту въ Святую Землю, на поклоненіе Гробу Господня, а Фридрихъ въ томъ же году заявилъ, на сеймѣ въ Вормсѣ, о приготовленіяхъ къ пятому походу въ Италію.

Пятый походъ въ Италію. 1174.

Положеніе дѣлъ въ Италіи было запутанное. Расколъ все еще продолжался и германскіе епископы были лишены весьма важной опоры, которую

*) Такъ, онъ велѣлъ вѣшать по дорогѣ заложниковъ, которые находились у него при войскѣ, выказывая этимъ, что поступитъ такъ и со всѣми остальными, если его не перестанутъ преслѣдовать.

Бронзовый левъ, воздвигнутый въ 1166 г. въ Брауншвейгѣ Генрихомъ Львомъ, въ знакъ его княжескаго господства.

Каменный постаментъ его былъ много разъ возобновляемъ.

постоянно находили въ единой папской власти, и для нихъ было чрезвычайно важно, чтобы расколъ прекратился поскорѣе; они даже готовы уже были признать Александра, лишь бы онъ въ свою очередь призналъ епископовъ, назначенныхъ его анти-папою. Начали по этому поводу переговоры, но они не достигли цѣли, и папа Александръ былъ вовлеченъ въ союзъ съ ломбардскими городами, между тѣмъ какъ епископы германскіе вынуждены были держаться въ тѣсномъ единеніи съ императоромъ. И такъ кончина Пасхалія III, съ императорской стороны, привела только къ тому, что выбранъ былъ новый папа, *Каликстъ III;* а ломбардскіе союзные города (союзъ заключалъ въ себѣ уже 36 городовъ), какъ бы въ насмѣшку императору, дали въ честь своего папы названіе *Александріи* той крѣпости на правомъ берегу средняго теченія По, которую они выстроили около этого времени. Эта крѣпость и была ближайшею цѣлью нападенія для императорскихъ войскъ, когда въ 1174 г. Фридрихъ двинулся въ пятый походъ свой въ Италію. Хотя онъ и запасся всякими осадными орудіями того времени, однако не могъ взять Александріи. Союзные города, со своей стороны, тоже собрали весьма значительное войско, однакоже дѣло не дошло до генеральнаго сраженія. Начаты были переговоры, къ участію въ которыхъ Фридрихъ привлекъ и папу Александра. Тотъ прислалъ своихъ трехъ кардиналовъ; императоръ, со своей стороны, готовъ былъ на уступки, но требовалъ непремѣнно срытія Александріи; на этомъ условіи миръ и не состоялся, хоть и былъ уже почти заключенъ. А между тѣмъ, затягиваніе войны, при своеобразности нѣмецкаго военнаго устройства, для Ломбардцевъ было менѣе обременительно, чѣмъ для императора. Подкрѣпленія подходили изъ Германіи очень туго, и какъ разъ въ это время отъ него отпалъ могущественнѣйшій изъ нѣмецкихъ князей, Генрихъ Саксоно-Баварскій; а тѣ подкрѣпленія, которыя привелъ къ императору въ 1176 г. архіепископъ кёльнскій Филиппъ, были недостаточны для продолженія войны. Такъ дѣло дошло до весьма тяжкаго бѣдствія: при *Леньяно* (между Миланомъ и Лоди) дана была битва, которая длилась шесть часовъ сряду, и въ началѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ германскихъ войскъ, но затѣмъ натискъ Нѣмцевъ сломился о несокрушимое сопротивленіе отборнаго ломбардскаго войска, а дружина ратниковъ изъ Брешіи неожиданно ударила Нѣмцамъ во флангъ, и императорскія войска понесли страшное пораженіе. Войско горожанъ-союзниковъ, на сторонѣ котораго былъ значительный численный перевѣсъ, одержало побѣду надъ рыцарями. Побѣдители до самыхъ береговъ Тичино гнались за побѣжденными, а затѣмъ вернулись на поле битвы и стали искать тѣло императора между убитыми. Но Фридрихъ былъ живъ: съ незначительною свитою ему удалось пробраться въ Павію.

Битва при Леньяно. 1176.

Конгрессъ въ Венеціи. 1177.

Фридрихъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ мужей, которые всегда умѣютъ извлечь нравоученіе изъ событій и даже въ превратностяхъ судьбы не теряютъ способности соображать, что̀ именно возможно и достижимо. Онъ очень хорошо понималъ, что папа только случайный союзникъ Ломбардцевъ, что для него важнѣе всего возстановленіе мира въ Церкви, а этотъ миръ безъ согласія съ императоромъ не-

возможенъ; съ другой стороны, Фридрихъ прекрасно понималъ, что ему слѣдуетъ спѣшить въ Германію и тамъ приняться за гораздо болѣе важную политическую работу—за борьбу противъ преобладанія Вельфскаго дома. Поэтому, вскорѣ послѣ битвы, хотя она и не вполнѣ лишила Фридриха средствъ къ продолженію войны — дѣло дошло до переговоровъ. Ему не удалось разъединить папу съ Ломбардцами, потому что и тотъ тонко понималъ современное политическое положеніе; переговоры велись съ обѣихъ сторонъ очень осторожно, велись настоящими государственными людьми, которые знали другъ другу цѣну и вѣрно оцѣнивали значеніе порученныхъ имъ интересовъ. Такъ, мало-по-малу, всѣ пришли къ убѣжденію въ необходимости общаго мира, и *конгрессъ* для заключенія его собрался въ *Венеціи*. Переговоры были продолжительны и трудны. Въ іюлѣ 1177 г. миръ былъ заключенъ, но въ видѣ перемирія—6-тилѣтняго съ Ломбардцами, 15-ти-лѣтняго съ королемъ Вильгельмомъ II Сицилійскимъ (съ 1166 г.); обѣ стороны обѣщали стараться о томъ, чтобы въ теченіе перемирія могъ быть заключенъ прочный миръ. Подобное соображеніе повліяло и на рѣшеніе вопроса о Матильдиныхъ владѣніяхъ, который, въ числѣ вопросовъ свѣтскаго характера, былъ однимъ изъ самыхъ спорныхъ: въ концѣ концовъ императоръ получилъ ихъ въ пользованіе на ближайшія 15 лѣтъ. Другой важный пунктъ—устраненіе церковнаго раскола—было уже не трудно уладить, такъ какъ обѣ стороны равно тяготились расколомъ. Каликстъ былъ устраненъ и папа Александръ—человѣкъ великодушный и не способный къ мелочной мстительности и личной враждѣ — обошелся съ нимъ весьма благодушно. Отлученіе отъ Церкви, произнесенное надъ императоромъ, его слугами и приверженцами, было снято. Празднество торжественнаго примиренія было отпраздновано въ соборѣ Св. Марка въ *Венеціи*. Папа Александръ съ епископами стоялъ передъ соборомъ въ ожиданіи императора, который явился въ сопровожденіи дожа и патріарха. Очевидецъ-современникъ разсказываетъ намъ, что Фридрихъ, «побуждаемый къ тому духомъ Божіимъ, и въ лицѣ Александра преклоняясь передъ Богомъ»,—палъ передъ папою ницъ, послѣ чего Александръ его тотчасъ поднялъ и далъ ему «лобзаніе мира». Тогда они отправились въ соборъ; императоръ «взялъ папу за правую руку (такъ подробно былъ выработанъ церемоніалъ!) и ввелъ его въ Божій храмъ, гдѣ папа и далъ ему свое благословеніе». Затѣмъ, на соборѣ, тѣсно связанномъ съ этимъ празднествомъ, папа Александръ произвелъ необходимыя новыя назначенія епископовъ и подтвердилъ прежнія, въ духѣ императора. 1-го августа императоръ держалъ торжественную рѣчь на соборѣ, въ которой изложилъ, что «до этого онъ бродилъ во мракѣ невѣдѣнія, а нынѣ вернулся къ свѣту истины», что онъ признаетъ Александра III папою каѳолической Церкви, и такимъ образомъ возвращаетъ миръ Церкви, высокочтимому королю Сицилійскому и Ломбардцамъ. Папа чувствовалъ, однакоже, что ему нельзя вначалѣ обойтись безъ защиты императора, а поэтому воинственный канцлеръ, архіепископъ майнцскій Христіанъ (одинъ изъ утвержденныхъ папою на соборѣ) былъ оставленъ Фридрихомъ въ Средней Италіи; самъ же императоръ въ 1178 г. двинулся

въ Бургундію и уже въ началѣ 1179 г. собралъ въ Вормсѣ князей нѣмецкихъ на сеймъ.

Здѣсь поднятъ былъ вопросъ объ отношеніяхъ къ Генриху Льву, разрѣшеніе котораго выжидалось многочисленными врагами могущественнаго герцога. Положеніе герцога было неблагопріятное; онъ плохо разсчиталъ, предположивъ, что императоръ будетъ надолго отвлеченъ итальянскими дѣлами. Съ герцогомъ рѣшено было поступить по закону, и Фридрихъ, заранѣе предвидя, чѣмъ кончится дѣло, имѣлъ полную возможность выказать себя умѣреннымъ: три раза былъ назначаемъ герцогу день для явки и принесенія оправданій, но Генрихъ не явился ни въ одинъ изъ назначенныхъ дней, потому-ли, что явиться не рѣшался, или же потому, что гордость не дозволяла ему явиться. Тогда состоялся въ 1180 году окончательный приговоръ на вюрцбургскомъ сеймѣ; согласно лэнному праву, установлено было явное оскорбленіе Величества, а потому и были у него отобраны оба герцогства, равно какъ и всѣ его коронные лэны, которыми и распорядились слѣдующимъ образомъ: Саксонія была подѣлена между архіепископіей кёльнской и Бернгардомъ, сыномъ Альбрехта Медвѣдя; Баварія же отдана въ руки вѣрнаго слуги Фридрихова, Оттона фонъ-Виттельсбаха, въ домѣ котораго она съ тѣхъ поръ и осталась, за исключеніемъ Штиріи, отдѣленной въ видѣ особаго герцогства.

Германскія дѣла. Паденіе Вельфовъ. 1180.

Однакоже этотъ приговоръ суда князей могъ быть приведенъ въ исполненіе не иначе, какъ силою, и послѣ долгой войны, охватившей весь Сѣверо-Западъ Германіи. Генрихъ, вначалѣ, велъ ее довольно удачно. Однакоже лѣтомъ въ тотъ годъ императоръ самъ привелъ войско, замки герцога въ Гарцскихъ горахъ сдались безъ особеннаго сопротивленія и окончательный ударъ ему былъ нанесенъ подчиненіемъ *Любека*, которому императоръ оставилъ его льготы и вольности неприкосновенными: онъ остался тѣмъ же, чѣмъ предназначилъ ему быть Генрихъ, когда его основывалъ, т. е. очагомъ высшей культуры для всей окрестной страны, и достигъ весьма значительнаго процвѣтанія. Слишкомъ поздно обратился теперь Генрихъ къ благорасположенію императора, которымъ такъ долго пользовался; на сеймѣ въ Эрфуртѣ ему пришлось преклонить колѣна предъ императоромъ, и всѣ князья выказали въ данномъ случаѣ столько ненависти къ нему и своекорыстія, что если бы даже Фридрихъ задумалъ смягчить принятыя имъ рѣшенія, князья не допустили бы этого. Во владѣніи герцога остались только наслѣдственныя земли, составлявшія его вотчину, да еще Брауншвейгъ и Люнебургъ: самъ онъ долженъ былъ удалиться въ изгнаніе и оставаться въ немъ до тѣхъ поръ, пока не призоветъ его императоръ. Герцогу не была оказана помощь и со стороны Франціи (на которую онъ очень разсчитывалъ), такъ какъ тамъ опасались могущества Фридриха. И вотъ Генрихъ удалился съ семействомъ въ Англію. Такимъ образомъ значеніе императорской власти было вновь возстановлено и предѣлы ея расширены до самаго взморья, что, впрочемъ, вовсе не было особеннымъ счастьемъ для сѣверо-германскихъ областей, гдѣ, вмѣстѣ съ паденіемъ сильной герцогской власти, наступило безначаліе и всякаго рода неурядицы. Паденіемъ вельфскаго могущества

Изсѣченное на камнѣ изображеніе Фридриха Барбароссы.

На косякѣ окна въ монастырѣ Св. Зенона близъ Рейхенгалля въ Баваріи.

въ особенности воспользовался король Датскій Вальдемаръ, пособлявшій въ войнѣ противъ герцога Генриха.

Констанцскій миръ. 1183 г.

Въ 1182 г. скончался папа Александръ III, въ слѣдующемъ — архіепископъ майнцскій Христіанъ, который, несмотря на свою духовную одежду, былъ скорѣе свѣтскимъ владѣтельнымъ княземъ, нежели духовнымъ сановникомъ. Въ теченіе цѣлыхъ 11-ти лѣтъ онъ съумѣлъ поддержать въ Италіи значеніе и преобладаніе имперіи. Въ самый годъ его смерти, на сеймѣ въ *Констанцѣ*, куда собрались посольства отъ многихъ ломбардскихъ городскихъ общинъ, удалось установить прочный миръ, по которому Фридрихъ сдѣлалъ значительныя уступки (съ государственной точки зрѣнія) новому городскому элементу, который всюду сталъ мощно развиваться и проявляться; хотя при этомъ Фридрихъ отказался и отъ «ронкальскихъ рѣшеній», однакожъ, въ общемъ, нисколько не уронилъ своего высокаго положенія. За городами были признаны ихъ коронныя права—автономія по старымъ обычаямъ; имъ предоставлено было избирать себѣ городскія власти, консуловъ, которые вслѣдъ затѣмъ утверждались въ своей должности уполномоченными императора или мѣстнымъ епископомъ *); эти консулы избирались изъ тѣхъ, которые уже принесли императору присягу въ вѣрности, или же принесутъ ее по избраніи своемъ; города имѣли право возводить укрѣпленія и заключать между собою союзы; однакоже, они обязаны приносить императору *fodrum*, когда онъ вступаетъ на ихъ территорію, принимаютъ на себя заботы по содержанію его войскъ и содержатъ въ порядкѣ мосты и дороги; каждое десятилѣтіе, присяги (fidelitates) должны быть возобновляемы. Города добились, однакоже, выполненія только части ихъ требованій: такъ, коронными правами они могли пользоваться только въ своихъ городскихъ стѣнахъ и на той территоріи, которая имъ несомнѣнно и безспорно принадлежала, а не на всемъ пространствѣ графства или епископства, среди котораго они были расположены. Такимъ образомъ, они представляли собою «какъ бы острова», отовсюду окруженные владѣніями, въ которыхъ дѣйствовало императорское право, и не составляли цѣльной, сплоченной области; вообще говоря, во всемъ сказывалось то мощное положеніе, которое Фридрихъ занялъ въ политическомъ мірѣ со времени уничтоженія Вельфскаго «государства въ государствѣ».

Майнцскій сеймъ. 1184 г.

Прежде чѣмъ Фридрихъ еще разъ посѣтилъ умиротворенную Италію, онъ собралъ сеймъ въ Майнцѣ (1184 г.), сопровождавшійся такими празднествами, которыя на долгое время остались въ народной памяти: одинъ изъ современныхъ поэтовъ (Генрихъ фонъ-Вельдеке), воспользовавшись яркими красками и блескомъ этихъ празднествъ, создалъ на основаніи ихъ описаніе свадебнаго торжества героевъ своей поэмы. Поводъ къ этимъ торжествамъ поданъ былъ тѣмъ, что императоръ праздновалъ «опоясанье мечомъ» своихъ двухъ сыновей—короля Генриха и герцога Фридриха Швабскаго. На эти торжества отовсюду съѣхалось (не изъ одной только Германіи) множество знатныхъ посѣтителей, отчасти по личному

*) Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ епископъ, въ силу древняго права или императорской привилегіи, обладалъ графскими правами (comitatus).

приглашенію императора: по одному современному свидѣтельству, болѣе 70 князей съѣхалось тогда въ Майнцъ, съ соотвѣтствующею свитою. Весь остальной людъ (его насчитываютъ до 70,000) ютился подъ шатрами громаднаго стана, раскинутаго за воротами города. И этотъ громадный съѣздъ былъ привлекателенъ и поучителенъ не только для поэта, но и для историка, какъ стройное собраніе всѣхъ элементовъ свѣтской, духовной и народной жизни государства, во главѣ котораго стоялъ мощный правитель, равно опытный и въ политикѣ, и въ воинскомъ дѣлѣ, окруженный воинственною знатью, которая несла на себѣ всѣ тягости войны, между тѣмъ какъ низшіе слои населенія заняты были своимъ посильнымъ трудомъ, а возникающее городское сословіе уже предавалось оживленной промышленной и торговой дѣятельности.

Шестой походъ въ Италію. 1184 г.

Осенью того же 1184 г. Фридрихъ въ шестой разъ вступилъ на почву Италіи. Папа *Люцій III*, подобно многимъ изъ своихъ предшественниковъ, и въ самомъ Римѣ чувствовалъ себя не безопаснымъ съ тѣхъ поръ, какъ скончался грозный архіепископъ майнцскій Христіанъ, вѣрный слуга императора:—Фридрихъ встрѣтилъ папу уже въ Веронѣ. Отношенія ихъ тотчасъ же помутились. Папа выказалъ себя непокладливымъ и въ вопросахъ церковныхъ, и въ разногласіяхъ (еще неулаженныхъ) по поводу Матильдиныхъ владѣній. Недовольство папы было, впрочемъ, вполнѣ понятно; императору удалось сдѣлать, около этого времени, такой ловкій ходъ, который въ значительной степени подрывалъ всю политику римской куріи: Фридрихъ высваталъ сыну своему Генриху наслѣдницу королевства Сицилійскаго, дочь короля Рожера и тетку правившаго въ то время бездѣтнаго короля Вильгельма II,—слѣдовательно, къ Генриху, на основаніи прежняго договора, должны были современемъ перейти и Сицилія, и Апулія, и герцогство Капуанское. Между императоромъ и папой начались неудовольствія изъ-за церковныхъ вопросовъ, касавшихся германской Церкви,—и папа отказался вѣнчать императорскою короною Генриха, котораго Фридрихъ хотѣлъ сдѣлать своимъ соправителемъ: несогласіе свое папа мотивировалъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, непристойно было двумъ императорамъ стоять во главѣ Германской имперіи. Въ противоположность этому съ ломбардскими городами установились отличныя отношенія. Миланцы испросили, въ видѣ особой милости, у императора, даровавшаго имъ многія привилегіи, чтобы свадьба короля Генриха была отпразднована въ ихъ городѣ, что и совершилось въ 1186 г. при огромномъ съѣздѣ гостей, съѣхавшихся изо всей Италіи, изъ-за Альпъ. Тогда папа увидѣлъ себя отовсюду окруженнымъ обширными владѣніями Штауфеновъ; самыя твердыя опоры куріальной политики,—норманнское царство и ломбардскіе города,—были, въ данную минуту, въ рукахъ императора. Юный король—ему былъ всего 21 годъ, а его супругѣ Констанціи на десять лѣтъ болѣе—былъ въ Миланѣ коронованъ королевскимъ вѣнцомъ, какъ король Италіи, и самимъ императоромъ возведенъ въ Цесарь, т.-е. въ соправители, для чего содѣйствіе папы оказывалось вовсе ненужнымъ. Это привело къ еще бо̀льшей натянутости отношеній, которыя и безъ того при Урбанѣ III (съ 1185 г.) не улучшились: — онъ оставался въ Веронѣ почти въ положеніи плѣнника. Генрихъ остался въ

Италіи и держалъ въ уздѣ Тусцію, между тѣмъ какъ самъ Фридрихъ вернулся въ Германію, гдѣ папѣ и его соумышленнику архіепископу Филиппу Кёльнскому удалось вызвать нѣкоторую оппозицію въ средѣ епископовъ. Съ этой оппозиціей Фридрихъ очень быстро управился: уже на ближайшемъ сеймѣ настроеніе епископовъ совсѣмъ измѣнилось и они, къ великому изумленію папы, отправили ему напоминаніе (1187 г.) о необходимости примиренія съ императоромъ: вскорѣ подчинился императору и кёльнскій архіепископъ.

До полнаго разрыва съ папой у императора не дошло. Этому въ значительной степени помѣшали тѣ печальныя вѣсти, которыя донеслись лѣтомъ 1187 г. съ Востока, а вслѣдъ затѣмъ пришла и печальнѣйшая изъ всѣхъ: 3-го октября Іерусалимъ вновь подпалъ власти невѣрныхъ.

Дѣла восточныя.

Неудачный исходъ второго Крестоваго похода, весьма естественно, только ухудшилъ и безъ того уже весьма плохія дѣла. Входить въ большія подробности относительно выясненія этихъ дѣлъ было бы излишнимъ: довольно будетъ сказать, что если ужъ и въ западныхъ странахъ уровень нравственности оставлялъ желать многаго, то ужъ здѣсь-то, въ «заморской Церкви», онъ былъ и еще менѣе утѣшительнымъ. Здѣшнее христіанское общество стояло лицомъ къ лицу съ врагомъ, противъ котораго всѣ средства оказывались дозволенными только потому, что онъ боролся противъ истинной вѣры:—само собою разумѣется, что тотъ, кто можетъ ставить себѣ въ заслугу и предательство, и коварство, и вѣроломство, и жестокость въ борьбѣ съ невѣрными, тотъ не затруднится пустить въ ходъ всѣ эти пріемы и по отношенію къ своимъ единовѣрцамъ, и мы дѣйствительно видимъ, что исторія Іерусалимскаго королевства переполнена всякаго рода гнусностями.

Въ 1154 г. эмирство Дамасское, до того служившее христіанамъ нѣкотораго рода оплотомъ, подпало власти Нуреддина, который отсюда (онъ перенесъ свою резиденцію въ Дамаскъ) сталъ непосредственно угрожать Антіохіи и Іерусалиму. Однакоже, на нѣкоторое время, франкское мужество, которое болѣе всего блистательно прославилось въ средѣ рыцарскихъ орденовъ, остановило побѣды мослемитскаго оружія:—на нѣкоторое время рыцарямъ удалось дѣйствовать за-одно́ съ греческимъ императоромъ Мануиломъ (его племянница въ 1157 г. вышла замужъ за *Балдуина III*, короля іерусалимскаго), а въ первые годы правленія его брата и наслѣдника *Амальриха* (1162—1173 г.) христіанамъ были еще поданы нѣкоторыя надежды тѣмъ раздвоеніемъ, которое произошло въ мухамеданскомъ мірѣ. Нуреддинъ задумалъ покорить Египетъ, династія котораго, Фатимиды, была слаба сама по себѣ и притомъ ненавистна всѣмъ остальнымъ правовѣрнымъ, какъ шіитская. Вмѣсто того, чтобы Фатимидовъ поддержать, Амальрихъ воспользовался слабостью фатимидскаго султана только для того, чтобы произвести позорный хищническій набѣгъ на его владѣнія (1167 г.). Это привело къ сближенію послѣдняго изъ фатимидскихъ калифовъ къ Нуреддину, который далъ ему въ визиря своего полководца Ширку, а затѣмъ его племянника Салаэдина: и этотъ-то Салаэдинъ (или Саладинъ) сталъ править Египтомъ послѣ смерти послѣдняго Фатимида въ качествѣ Нуреддинова вассала или уполномоченнаго.

Остатки современныхъ Барбароссѣ построекъ въ Гельнгаузенѣ, отчасти уцѣлѣвшіе, отчасти возстановленные, по рисункамъ Гундесгагена, Г. Кнакфусомъ.

Во время всѣхъ этихъ событій, христіане пребывали въ полномъ спокойствіи: они были радёшеньки, что на нихъ никто не нападалъ, и такимъ образомъ Генриху Льву, явившемуся въ Палестину съ значительною свитою въ 1172 г., вовсе не представлялось случая совершить какой бы то ни было геройскій подвигъ. Но въ 1174 г., годъ спустя послѣ смерти короля Амальриха, умеръ Нуреддинъ, и это событіе, которому христіане очень обрадовались, оказалось для нихъ весьма гибельнымъ.

Султанъ Саладинъ.

Саладинъ, сынъ Эйюба, выросшій и воспитавшійся на службѣ у своего дяди Ширку, вполнѣ сочувствовалъ стремленіямъ Нуреддина: — въ юности своей, проведенной въ Дамаскѣ, онъ, главнымъ образомъ, предавался изученію наукъ и принималъ участіе въ общественной жизни, и только уже впослѣдствіи постепенно вошелъ въ роль суроваго и воинственнаго бойца за исламъ. Онъ утвердился въ Египтѣ, поборовъ фатимидскую партію, которая составила противъ него заговоръ и, пытаясь его свергнуть, призывала на помощь даже норманнскій флотъ изъ Сициліи; а затѣмъ, когда началась въ Сиріи и Мессопотаміи борьба за наслѣдство Нуреддина и онъ прямодушно принялъ въ ней сторону Нуреддинова сына, тотъ отвѣчалъ ему на благорасположеніе враждою и тѣмъ самымъ разрѣшилъ его отъ всякихъ по отношенію къ себѣ обязательствъ. Саладинъ принялъ титулъ султана, и тогда-то наступило опаснѣйшее изъ всего, чего когда-либо могла опасаться христіанская колонія въ Палестинѣ: Египетъ и Сирія соединились подъ властью одного правителя, и притомъ еще весьма способнаго (1176 г.). Это произошло въ тотъ же самый годъ, когда и греческій императоръ Мануилъ, собиравшійся однимъ ударомъ сразить могущество Сельджуковъ въ Малой Азіи, самъ потерпѣлъ отъ нихъ страшное пораженіе (при Миріокефалонѣ), положившее конецъ всѣмъ упованіямъ на помощь съ этой стороны. Новый король іерусалимскій, Балдуинъ IV (1173 г.), былъ еще несовершеннолѣтнимъ: — регентомъ явился графъ Раймундъ Триполисскій. Христіане не съумѣли воспользоваться тѣмъ благопріятнымъ перерывомъ времени, въ теченіе котораго Саладинъ, занятый упроченіемъ своего могущества съ разныхъ сторонъ, не имѣлъ возможности нанести рѣшительный ударъ христіанскому королевству. Какъ жалко и ничтожно было по своему политическому значенію это королевство, можно видѣть изъ того, что одинъ изъ мѣстныхъ могущественныхъ феодаловъ, Райнальдъ Шатильонскій, по собственному произволу, вздумалъ вести войну съ Саладиномъ, производя разбойническіе набѣги на его владѣнія, и тѣмъ самымъ навлекъ его месть на королевство Іерусалимское. Но какъ ни было плохо управленіе этимъ королевствомъ, страна все же находилась въ положеніи весьма высокаго матеріальнаго процвѣтанія. Въ промежуточные перерывы между Крестовыми походами и даже несмотря на нихъ и рядомъ съ ними процвѣтала торговля, развитію которой много способствовало благопріятное положеніе страны, а равно и промышленность, уже издревле здѣсь установившаяся: шелководство, стеклянное производство, пурпурное окрашиваніе тканей. Рука объ руку со всѣми этими выгодными промыслами существовалъ и еще одинъ — рыцарскій разбойничій, едва-ли не самый прибыльный изо всѣхъ, и въ обществѣ господствовала ужаснѣйшая без-

КАРТА КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

Изданіе и собствен. А. Ф. Маркса въ С. Петербургѣ.

Печат. въ артистич. зав. А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Примѣчаніе. На этой картѣ показаны не всѣ страны, принимавшія участіе въ Крестовыхъ походахъ; не показаны. Англія, Фрисландія (Голландія) и скандинавскія государства (Швеція, Данія, Норвегія). Не показаны онѣ потому, что всѣ крестоносцы, направлявшіеся въ Св. Землю изъ этихъ государствъ, избирали путь моремъ, вдоль береговъ Европы, затѣмъ черезъ Гибралтарскій проливъ и по Средиземному морю. Главная же задача этой карты—показать важнѣйшіе пути крестоносцевъ черезъ Южную Европу и Малую Азію.

Ред.

нравственность и распущенность, отъ которыхъ не избавлены были и высшіе представители духовенства. Въ довершеніе бѣдствія, быстрыя перемѣны трона слѣдовали одна за другою: — Балдуинъ IV умеръ въ 1184 г., едва достигнувъ совершеннолѣтія, а въ 1186 г. скончался и малолѣтній племянникъ его, Балдуинъ V, — и это повело къ новымъ усобицамъ, которыхъ и безъ того не обобраться было въ мѣстномъ рыцарствѣ. Королемъ явился ближайшій родственникъ Балдуина IV, *Гвидо Лузиньянъ*; внѣшнимъ предлогомъ къ нанесенію послѣдняго удара христіанамъ (къ которому Саладинъ уже готовился) послужило разбойническое нападеніе Райнальда Шатильонскаго на караванъ, въ которомъ находилась, между прочимъ, и сестра самого Саладина. Въ удовлетвореніи ему было отказано; тогда Саладинъ стянулъ свои войска, и въ іюнѣ 1187 г., на З. отъ Генисаретскаго озера послѣдовалъ цѣлый рядъ битвъ. Послѣдняя, при Гаттинѣ или *Гиддинѣ* (5 іюля 1187 г.), была гибельна для христіанъ; лишь очень немногимъ удалось пробиться и спастись — остальное войско было уничтожено—пало на мѣстѣ или взято въ плѣнъ, и между плѣнниками находился самъ король Гвидо, гроссмейстеръ тампліеровъ и Райнальдъ Шатильонскій; его, по обѣту, Саладинъ закололъ своею рукою, а попавшихся въ плѣнъ тампліеровъ и іоаннитовъ приказалъ казнить. Послѣ этой битвы борьба въ открытомъ полѣ уже была невозможна; мухамеданское войско разсѣялось по всей странѣ; городъ за городомъ, замокъ за замкомъ — сдавались въ руки побѣдителей: 19 сентября войско мосленитское собралось подъ стѣнами Іерусалима, который защищался слабо и вскорѣ сдался на капитуляцію. 2 октября ворота Іерусалима открылись передъ Саладиномъ. Кресты были немедленно сброшены съ церквей, колокола разбиты и всѣ храмы были вновь освящены по мосленитскому обычаю — опрысканы розовой водой и окурены благоуханіями. Христіанамъ удалось отстоять только Тиръ, Триполисъ и Антіохію.

Іерусалимъ въ рукахъ невѣрныхъ. 1187.

Фридрихъ Барбаросса—защитникъ Іерусалимской Церкви.

Это печальное событіе тотчасъ положило конецъ распрѣ между папой и императоромъ. Послы новоизбраннаго папы *Климента III* явились въ мартѣ 1188 г. въ Майнцѣ предъ императоромъ и просили его прійти на помощь порушенной невѣрными «заморской Церкви». Императоръ уже и до прихода пословъ принялъ это рѣшеніе:—при томъ настроеніи, которое было вызвано пораженіемъ христіанъ, подобное рѣшеніе было нравственною необходимостью, и всѣ взоры разомъ обратились на него, какъ на перваго между всѣми христіанскими государями. И даже если бы онъ самъ не раздѣлялъ общаго всѣмъ христіанамъ чувства негодованія, возбужденнаго поруганіемъ христіанской святыни, то отъ его проницательнаго взгляда не могло бы укрыться то, что тутъ представлялся удобный случай (даже пожалуй и необходимость) осуществить на дѣлѣ идею высшей императорской власти, идею, которая, со временъ Карла Великаго, ни въ комъ не находила себѣ такого полнаго выраженія, какъ въ императорѣ Фридрихѣ.

Третій Крестовый походъ. 1189.

Этотъ *третій Крестовый походъ* (1188—1192 г.), въ нѣкоторомъ отношеніи, по общему характеру своему, отличался отъ предшествующихъ походовъ. И на этотъ разъ, какъ и въ предшествующій походъ, все дѣло

Фридрихъ Барбаросса въ одеждѣ крестоносца.

Титульная миніатюра рукописи, поднесенной однимъ изъ Баварскихъ духовныхъ лицъ императору въ 1188 г. Точное воспроизведеніе оригинала, находящагося въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ.

Въ надписяхъ значится:

при фигурахъ:

Fridericus Romanorum Imperator. — Heinricus präpositus dedicat.
(Фридрихъ, императоръ Римскій. — Посвящено благочиннымъ Генрихомъ.)

Наверху направо и налѣво:

Hic est depictus Rome Cesar Fridericus
(Изображенъ здѣсь императоръ Римскій Фридрихъ,)
Signifer invictus celorum regis amicus.
(Знаменоносецъ непобѣдимый, царя Небеснаго любимецъ.)

Внѣшній край:

Cesar magnificus pius augustus Fridericus
(Цезарь великій, благовѣрный, августѣйшій Фридрихъ)
De terra domini pellat gentem Saladini.
(Да изгонитъ онъ изъ земли Господней язычниковъ Саладина.)

Внутренній край:

Nulli pacificum Sarraceno Fridericum
(Его, непримиримаго къ Сарацинамъ Фридриха,)
Dirigat iste liber ubi sit locus a nece liber.
(Да руководитъ эта книга въ мѣста, гдѣ бы смерть его пощадила.)

Фридрихъ Барбаросса, изображенный въ одеждѣ Крестоносца.
Миніатюра, исполненная баварскимъ духовнымъ около 1188 г. Точная копія съ оригинала, хран. въ Ватиканской библіотекѣ. Въ первый разъ является въ печати.

оказалось въ рукахъ крупнѣйшихъ феодаловъ: какъ мы увидимъ далѣе, и короли англійскій и французскій не устояли противъ неудержимаго стремленія своихъ націй. Но духовный, и въ особенности монашескій элементъ, равно какъ и народно-плебейскій, уклонились отъ участія въ Крестовомъ походѣ: участіе въ этомъ предпріятіи было весьма разумно ограничено извѣстнаго рода цензомъ, обезпеченіемъ путевыхъ расходовъ суммою въ три марки серебра (около 60 р. с.), и это ужъ, конечно, устранило весь тотъ сбродъ, который былъ такою тягостною обузою при первыхъ двухъ походахъ и такъ много способствовалъ ихъ неудачѣ. И во всемъ остальномъ приготовленія велись съ большою осмотрительностью. Посольства были отправлены и къ королю венгерскому, и къ греческому императору, и къ сельджукскому султану Килиджъ-Арслану, который очень недружелюбно смотрѣлъ на возрастаніе Саладинова могущества; и къ Саладину также были посланы послы, и, когда онъ отклонилъ предложенный ему ультиматумъ, ему была объявлена война. Изъ этого ясно, что о грубой и безпорядной военной сумятицѣ перваго похода тутъ не было уже и помину, и что самыя формы государственныхъ сношеній стали гораздо болѣе приличными. Не трудно было устроить управленіе имперіею въ отсутствіе императора: онъ предоставилъ власть свою сыну Генриху, возвратившемуся изъ Италіи. Одно только обстоятельство показалось Фридриху довольно опаснымъ: Генрихъ Левъ вернулся изъ Англіи въ Германію, а между тѣмъ уклонился отъ предложеннаго ему участія въ походѣ. Въ виду этого, надо было непремѣнно обезпечить себя отъ всякихъ съ его стороны попытокъ захвата власти въ отсутствіе императора; и вотъ на сеймѣ въ Регенсбургѣ (въ апрѣлѣ 1189 г.) рѣшено было «еще на три года» удалить безпокойнаго принца изъ отечества. Въ концѣ того же апрѣля, изъ Регенсбурга, который былъ для всѣхъ крестоносцевъ назначенъ сборнымъ пунктомъ, масса вооруженныхъ странниковъ двинулась въ дальній путь: — двинулось войско, какого прежде и не видано было, состоявшее изъ 100 тысячъ рыцарей, хорошо вооруженныхъ, дисциплинированныхъ, разумно предводимыхъ. Путь, избранный ими, былъ старый путь Готфрида Бульонскаго, и они поплыли внизъ по Дунаю.

Фридрихъ при Константинополѣ.

Начало похода было весьма благопріятное. Въ Венгріи король Бэла, согласно договору, озаботился заготовкою провіанта, и дисциплина поддерживалась въ войскѣ образцовая. Гораздо болѣе затрудненій встрѣтилось въ исполненіи предпріятія, когда, за Бѣлградомъ, крестоносцы переступили черезъ греческую границу. Здѣсь, незадолго передъ тѣмъ (1185 г.) произошла перемѣна династій: *Комнены* были свергнуты *Ангелами*, знатной фамиліей, владѣвшей большими землями въ Азіи. Глава новой династіи, *Исаакъ Ангелъ*, прославился побѣдою, одержанною имъ надъ Норманнами, которые, овладѣвъ Ѳессалоникой, уже направлялись къ Константинополю. И онъ, и весь греческій народъ были враждебно настроены противъ «Франковъ», и онъ гораздо охотнѣе предпочелъ бы союзу съ ними—союзъ съ Саладиномъ противъ *своего* ближайшаго врага—сельджукскаго султана Килиджъ-Арслана. Недоброжелательство Грековъ проявилось очень ясно; императоръ Исаакъ обошелся съ послами Фридриха почти какъ съ плѣнниками, и даже не захотѣлъ признать его импера-

торскаго титула; тогда пришлось поневолѣ отнестись къ владѣніямъ императора греческаго, какъ къ враждебной странѣ, и если бы война началась, то вѣроятно было бы не сдобровать Византійской имперіи; однакоже, въ послѣднюю минуту, наканунѣ разрыва, Исаакъ измѣнилъ политику, и въ 1190 г. войско крестоносцевъ могло двинуться въ дальнѣйшій путь изъ Адріанополя, гдѣ оно проводило зиму. Въ силу договора, скрѣпленнаго заложниками, войско рыцарское было переправлено за Геллеспонтъ на греческихъ судахъ.

Походъ въ Малой Азіи. Кончина Фридриха.

Тутъ-то и началась самая трудная часть похода, которому, по несчастію, незадолго передъ тѣмъ, въ странѣ Сельджуковъ предшествовала перемѣна правленія и, вмѣстѣ съ нею, полная перемѣна тамошней политики: наслѣдникъ Килиджъ-Арслана вступилъ въ союзъ съ Саладиномъ противъ наступающихъ Франковъ. Фридриху пришлось проходить всю Малую Азію изъ конца въ конецъ, въ почти непрерывной борьбѣ съ природными препятствіями, съ недостаткомъ въ продовольствіи и съ многочисленнымъ непріятелемъ, хорошо подготовленнымъ къ борьбѣ. Наконецъ, ему удалось, при помощи его сына, герцога Швабскаго, захватить Иконіумъ; затѣмъ, весьма благополучно удалось одолѣть и послѣднее препятствіе—переходъ черезъ Таврскія горы, и, наконецъ, послѣ долгаго и труднаго похода, значительно пострадавшая отъ него, но все еще многочисленная армія Фридриха вновь увидѣла себя на христіанской территоріи, въ Киликіи, въ богатой и плодоносной равнинѣ, близъ Селевкіи;—и тутъ-то вдругъ армію постигло нежданное бѣдствіе... Императоръ Фридрихъ утонулъ въ р. Каликаднѣ! По однимъ извѣстіямъ, онъ дѣйствительно утонулъ въ то время, когда, впереди всего войска, указывая ему дорогу, устремился въ быстрый потокъ; по другимъ, онъ, на 70-мъ году жизни, умеръ отъ удара во время купанья въ рѣкѣ (въ іюнѣ 1190 г.) Печаль и сокрушеніе были общими въ войскѣ, которое оказалось какъ бы стадомъ безъ пастыря въ пустынѣ и уже начало разбредаться: однако, герцогу Фридриху Швабскому все же удалось довести весьма значительную воинскую силу до Антіохіи, гдѣ тѣло императора Фридриха и было предано землѣ въ мѣстной церкви Св. Петра.

„Fridericus Imperato".

Серебряный брактеатъ Фридриха I Барбароссы. Изъ частной коллекціи въ Берлинѣ.

Императоръ изображенъ въ вѣнцѣ, надѣтомъ поверхъ каппы; въ правой рукѣ у него скипетръ, закапчивающійся лиліей, въ лѣвой—царственное яблоко. Трономъ ему служитъ складной рѣзной стулъ. Единственная монета, на которой императоръ показанъ съ усами и бородой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Окончаніе третьяго Крестоваго похода.—Генрихъ VI.—Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV.—Начало дѣятельности Фридриха II.

Продолженіе Крестоваго похода.

Для продолженія разсказа о третьемъ Крестовомъ походѣ необходимо припомнить, что возбужденіе умовъ, вызванное среди европейскихъ народовъ вѣстями изъ Палестины, побудившими къ походу, было чрезвычайно сильно. Долго враждовавшіе между собой короли *Генрихъ II* Англійскій и *Филиппъ II Августъ* Французскій помирились подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ слуховъ о взятіи Іерусалима невѣрными; однакоже только по кончинѣ перваго изъ нихъ и по вступленіи на престолъ сына его *Ричарда I* (1189 г.), начались приготовленія къ походу, и потомъ, когда оба короля съѣхались въ Мессинѣ, между ними опять-таки начались раздоры, замедлявшіе отплытіе ихъ и вызванные грубыми выходками англійскаго короля. Наконецъ, въ мартѣ 1191 года, французскій король отплылъ одинъ. Ричардъ послѣдовалъ за нимъ и достигъ острова Кипра, которымъ правилъ въ это время одинъ изъ князей рода Комненовъ, по имени Исаакъ, съ титуломъ императора. Островъ былъ завоеванъ Англичанами, которые вслѣдъ затѣмъ, въ іюнѣ, явились въ лагерѣ крестоносцевъ подъ стѣнами города Аккона, уже два года выносившаго осаду. Небольшое мѣстное христіанское войско, хотя и усиленное отовсюду прибывавшими отрядами крестоносцевъ, дѣлало все же весьма медленные успѣхи, съ одной стороны угрожаемое арміей Саладина, съ другой—раздираемое внутренними, непрекращавшимися усобицами. Всѣ тѣ дурныя стороны, отъ которыхъ изначала страдало все дѣло Крестовыхъ походовъ, какъ будто сосредоточились въ одной общей картинѣ здѣсь, въ лагерѣ подъ

Аккономъ, гдѣ сошлись всевозможныя національности Востока и Запада. Все здѣсь было случайнымъ, неожиданнымъ; ничто не подчинялось строгимъ правиламъ; все зависѣло отъ произвола; войско то страдало отъ тяжкой нужды, то поддавалось соблазнамъ изобилія; рыцарство колебалось постоянно, переходя отъ подвиговъ безумно-смѣлаго мужества и высшаго одушевленія къ полнѣйшему упадку духа, отъ монашескаго аскетизма къ самой дикой распущенности... Никто и слышать не хотѣлъ о подчиненіи военныхъ дѣйствій власти одного военачальника—каждый дѣлалъ, что вздумаетъ, и благодаря такому разладу, въ зиму 1190—91 г. всѣмъ крестоносцамъ пришлось терпѣть такой сильнѣйшій недостатокъ въ припасахъ, который вызвалъ въ войскѣ повальныя болѣзни. Жертвою ихъ, между многими другими знаменитыми рыцарями, палъ и сынъ императора Фридриха, герцогъ Швабскій. По счастью для крестоносцевъ, и Саладину также приходилось около этого времени терпѣть разныя неудачи, въ особенности же бороться съ равнодушіемъ своихъ единовѣрцевъ, и такимъ образомъ, послѣ долгихъ усилій, христіанамъ удалось-таки, наконецъ, взять Акконъ (лѣтомъ 1191 г.).

Ричардъ Львиное Сердце.

Ричардъ I (Львиное Сердце). Съ гробницы его въ монастырѣ Фонтевро̀.

Но и этотъ временный успѣхъ не внесъ согласія въ войско крестоносцевъ. Король Филиппъ Французскій воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы возвратиться домой; такимъ образомъ завоеваніе Іерусалима и верховное начальствованіе арміей крестоносцевъ, направлявшейся къ этой цѣли, выпало на долю Ричарда Англійскаго. Онъ былъ, несомнѣнно, храбрѣйшимъ изъ всѣхъ рыцарей въ войскѣ, страстнымъ любителемъ всякихъ самыхъ невѣроятныхъ приключеній, и при этомъ еще склоннымъ къ самому необузданному проявленію своего рыцарскаго произвола: то великодушно оказывалъ гостепріимство мухамеданскимъ принцамъ, то приказывалъ сотнями избивать мослемитскихъ заложниковъ. Но при всѣхъ этихъ личныхъ качествахъ, онъ не обладалъ ни малѣйшею способностью полководца. Возбуждая въ средѣ враговъ своихъ изумленіе и наводя на нихъ ужасъ своимъ геройствомъ, король Ричардъ все же не успѣлъ ничего добиться, не съумѣлъ удалиться съ театра войны во̀-время (несмотря на весьма дурныя вѣсти, получаемыя изъ Англіи) и закончилъ свою дѣятельность договоромъ, который заключилъ въ сентябрѣ 1192 года со своимъ знаменитымъ противникомъ; въ силу этого договора, христіане удержали за собою береговую полосу отъ Іоппе до Тира, Аскалонъ былъ разрушенъ и мирное посѣщеніе Святыхъ Мѣстъ дозволено христіанамъ, но Іерусалимъ, вмѣстѣ съ драгоцѣнною святынею

Императоръ Генрихъ VI, по изображенію, помѣщенному въ парижской рукописи твореній миннезэнгеровъ (XIV вѣка).

Креста Господня, попавшаго въ руки мусульманъ послѣ пораженія при Хиддинѣ—остался во власти Саладина.

Возвращеніе Ричарда. Его плѣнъ. 1192.

9 октября Ричардъ покинулъ Сирію; но обратный путь для него былъ небезопасенъ, потому что и германскій, и французскій короли были ему одинаково врагами, да и въ самой Англіи онъ не могъ навѣрно разсчитывать на хорошій пріемъ, такъ какъ тамъ братъ его Іоаннъ поставилъ себя по отношенію къ нему въ весьма двусмысленное положеніе. Съ безразсудною смѣлостью пустившись въ путь наудачу, онъ приплылъ въ Адріатическое море, чтобы высадиться гдѣ-нибудь въ Италіи, оттуда черезъ Германію пробраться на дружественную ему вельфскую территорію и черезъ нее попасть въ Англію. Онъ вышелъ на берегъ близъ Аквилейи; переодѣтый перешелъ онъ черезъ Каринтію и вступилъ во владѣнія своего смертельнаго врага, герцога Леопольда Австрійскаго, которому нѣкогда при взятіи Аккона нанесъ кровавое оскорбленіе; здѣсь, въ окрестностяхъ Вѣны, онъ былъ узнанъ, схваченъ и заключенъ въ за́мокъ Дюрренштейнъ на Дунаѣ, къ великой радости короля Генриха VI, который имѣлъ всѣ поводы опасаться Ричарда, какъ союзника Вельфовъ и сторонника враждебной партіи въ Сициліи. И вотъ ему-то и былъ выданъ знаменитый плѣнникъ, котораго онъ и держалъ въ заточеніи, пока не была выплачена за него вся сумма потребованнаго тяжкаго выкупа.

Генрихъ VI. Его правленіе.

Эти событія уже стояли въ тѣсной связи съ продолженіемъ или съ возобновленіемъ вельфскихъ смутъ, которыя составляли и для Генриха VI одну изъ наиболѣе тяжкихъ заботъ государственныхъ. Генрихъ Левъ вернулся въ Германію еще въ самый годъ отправленія императора Фридриха въ Св. Землю; онъ видимо махнулъ рукою на тѣ клятвы, которыми онъ былъ связанъ на время предпринятаго императоромъ Крестоваго похода. Онъ захватилъ владѣнія графа Адольфа Голштинскаго, также участвовавшаго въ Крестовомъ походѣ, и, по мѣрѣ силъ, отмстилъ всѣмъ своимъ обидчикамъ; въ развалинахъ Бардевика, взятаго и разореннаго имъ, всѣ увидѣли «слѣды Льва». Король Генрихъ, уполномоченный къ управленію имперіей отцомъ своимъ, возмутился тою наглостью, съ которою Вельфъ противъ него дѣйствовалъ, и собирался наказать его, когда вѣсть о смерти короля Вильгельма II (1189 г.), открывавшей ему сицилійскій престолъ, отвлекла его мысль въ другую сторону и вынудила къ немедленному отправленію на Югъ.

Походъ въ Италію. 1190.

На сеймѣ въ Мерзебургѣ Генрихъ нашелъ себѣ много сторонниковъ, готовыхъ за него воевать противъ Генриха Льва, у котораго между князьями все еще было болѣе враговъ, чѣмъ друзей:—но съ этимъ грознымъ противникомъ нельзя было покончить дѣло короткой расправой, и потому, при посредствѣ архіепископовъ кёльнскаго и майнцскаго, непріязненныя дѣйствія на время были пріостановлены *Фульдскимъ договоромъ* (1190), при чемъ оба сына Генриха Льва, Генрихъ и Лотаръ, были отданы королю Генриху въ заложники. Походъ въ Италію былъ еще на нѣкоторое время замедленъ вѣстью о кончинѣ императора Фридриха, такъ что только осенью 1190 г. король могъ пуститься на Югъ. Приходилось, прежде всего, воевать за наслѣдство, такъ какъ мѣстная сицилійская знать успѣла уже самовольно избрать себѣ въ короли графа Танкреда,

Надмогильныя изображенія Генриха Льва и его супруги Мехтильды въ построенномъ имъ (1172–1194 г.) соборѣ въ Брауншвейгѣ.

происходившаго изъ боковой линіи норманнскаго дома. При этомъ, императорскую корону Генрихъ получилъ, такъ сказать, мимоѣздомъ. Папа Климентъ III въ томъ году скончался весною, а его преемникомъ явился дряхлый старикъ *Целестинъ III*, вѣнчавшій Генриха и его супругу Констанцію императорской короной; расположеніе Римлянъ было куплено при этомъ случаѣ очень дорогою цѣною: Генрихъ отдалъ имъ на полную волю преданный императорамъ сосѣдній городъ, Тускулумъ, съ которымъ Римляне давно уже враждовали. Буйное, своевольное и глубоко-испорченное населеніе папской резиденціи немедленно разорило Тускулумъ и совершило надъ его населеніемъ цѣлый рядъ возмутительнѣйшихъ насилій. Но императорскій титулъ явился единственною прибылью этого перваго похода въ Италію, вообще очень неудачнаго. Завоеваніе Апуліи не удалось; четыре мѣсяца тщетно осаждалъ Генрихъ Неаполь и долженъ былъ съ него снять осаду вслѣдствіе появившихся въ войскѣ эпидемическихъ болѣзней; ему пришлось пережить даже и такое униженіе: императрица Констанція попала въ плѣнъ къ сторонникамъ Танкреда и была освобождена изъ него только при посредствѣ папы. Пришлось возвратиться въ Германію ни съ чѣмъ (1191 г.); а между тѣмъ, сынъ Генриха Льва, Генрихъ Младшій, сопровождавшій короля въ итальянскомъ походѣ, успѣлъ бѣжать къ непріятелю и черезъ Францію возвратиться въ Саксонію, гдѣ давно уже снова кипѣла ожесточенная борьба. На сеймѣ въ Вормсѣ (1192 г.) былъ произнесенъ приговоръ изгнанія противъ Генриха Младшаго; но и противъ самого императора Генриха тоже образовался обширный заговоръ между владѣтельными князьями, въ которомъ принимали участіе и папа Целестинъ, и апулійскій узурпаторъ Танкредъ, и самъ король Ричардъ Англійскій... Рѣчь шла уже о низложеніи императора и даже намѣчали ему преемника въ лицѣ герцога Генриха Брабантскаго. А тутъ-то именно и случилось, что англійскій король Ричардъ попался въ руки герцога Австрійскаго Леопольда, и это разстроило всѣ планы заговорщиковъ. Въ 1193 г., на сеймѣ въ Шпейерѣ, были установлены условія освобожденія Ричарда: выкупъ въ 150,000 марокъ, изъ которыхъ третья доля выпадала австрійскому герцогу; при этомъ, англійскій король долженъ былъ признать себя въ лэнной зависимости отъ Римскаго императора. Только на этихъ условіяхъ былъ онъ выпущенъ на свободу въ началѣ 1194 г.

Примиреніе съ Вельфами. 1194.

За этимъ событіемъ, въ томъ же году, послѣдовало примиреніе съ Вельфскимъ домомъ. Въ это дѣло замѣшался даже небольшой романъ: Генрихъ Младшій, сынъ Генриха Льва, и Агнеса, дочь пфальцграфа Конрада (брата Фридриха Барбароссы), еще съ дѣтства любили другъ друга и предназначены были для брачнаго союза. Императоръ Генрихъ былъ противъ этого союза и разстроилъ его; но, помимо воли императора и пфальцграфа *), мать юной графини, Ирменгарда, тайно впустила однажды жениха въ свой за́мокъ, близъ Бахараха на Рейнѣ, и тотчасъ повѣнчала его съ своею дочерью. Императоръ примирился съ совершившимся фактомъ и согласился на свиданіе со старымъ герцогомъ, которое

*) По крайней мѣрѣ, тотъ клялся впослѣдствіи, что ничего не зналъ объ этой затѣѣ.

и привело къ примиренію. Послѣ этого юный герцогъ Брауншвейгскій даже и сопровождалъ Генриха въ его второмъ походѣ въ Италію.

Второй походъ въ Италію. 1194.

Этотъ второй походъ удался вполнѣ. Лѣтомъ 1194 г. Танкредъ умеръ. Генрихъ направился на югъ Италіи со своимъ войскомъ, покорилъ и Кампанію, и Апулію, не встрѣтивъ нигдѣ серьезнаго сопротивленія: и въ томъ же году, въ самое Рождество Христово, онъ уже короновался въ Палермо королемъ Сицилійскимъ. Констанція, около этого времени родившая ему сына, была, на Пасхѣ 1195 года, провозглашена регентшей. Часть мѣстной сицилійской знати, которую, можетъ-быть, и не безъ основанія обвиняли въ умышленіи на жизнь императора, Генрихъ увелъ съ собою подъ стражей въ Германію, да туда же отправилъ изъ Палермо и богатѣйшую денежную казну норманнскихъ королей.

Обширные замыслы: новый Крестовый походъ.

Эти богатства очень пригодились ему для осуществленія его обширныхъ плановъ:—еще будучи въ Италіи, Генрихъ принялъ на себя «крестъ» и далъ обѣтъ участвовать въ новомъ Крестовомъ походѣ, которому теперь все, повидимому, благопріятствовало. Генрихъ былъ, въ данную минуту, полнымъ распорядителемъ судебъ Италіи, которая была очень важна по своему центральному положенію для подобнаго военнаго предпріятія. Мухамеданскіе князья сѣвернаго побережья Африки платили ему дань; правитель Арменіи *Левъ II*, овладѣвшій всей Киликіей и добивавшійся королевскаго титула, еще въ 1194 году призналъ свою лэнную зависимость отъ Римскаго императора и въ такія же точно отношенія къ Генриху вступилъ и *Амальрихъ* Лузиньянскій, братъ послѣдняго короля Іерусалимскаго и король Кипрскій; въ самой Палестинѣ положеніе дѣлъ благопріятствовало планамъ Генриха, такъ какъ Саладинъ въ 1193 г. умеръ и его власть раздѣлилась между его 17-ю сыновьями. Въ особенности же со стороны *Греческой имперіи* открывались обширные политическіе горизонты. Императоръ Исаакъ Ангелъ, правитель весьма неспособный, сталъ заискивать въ помощи императора Генриха, въ виду различныхъ грозившихъ ему опасностей. Генрихъ поставилъ ему условіемъ этой помощи, чтобы ему лично или, вообще, Западной имперіи уступлены были во владѣніе земли между Диррахіумомъ и Ѳессалоникой. Вскорѣ послѣ того Исаакъ Ангелъ былъ ослѣпленъ своимъ братомъ Алексѣемъ и заточенъ въ темницу, что и давало Генриху право или предлогъ для вмѣшательства, тѣмъ болѣе, что дочь Исаака, Ирина, незадолго передъ тѣмъ была помолвлена съ братомъ императора Генриха, Филиппомъ, и Матильдинскія владѣнія, вмѣстѣ съ Тосканою, были предназначены въ приданое новобрачнымъ. Притомъ, папа, уже вслѣдствіе обаянія, распространеннаго новымъ Крестовымъ походомъ, не рѣшался ни въ чемъ перечить Генриху, хотя и не могъ не сознавать, что, если бы *этотъ* походъ оказался удачнымъ, Западная имперія должна была пріобрѣсти такую мощь и такой блескъ, передъ которымъ всякая иная власть явилась бы уже только второстепенною.

Генрихъ въ Германіи 1195.

Положеніе Генриха на этотъ разъ, при его возвращеніи изъ Италіи, настолько оказалось прочнымъ и могущественнымъ, что онъ задумалъ осуществить еще и другой планъ, который, пожалуй, представлялъ болѣе затрудненій, нежели затѣянный имъ Крестовый походъ: онъ пожелалъ

обратить основанное на выборныхъ началахъ государство германское въ наслѣдственную монархію, подобно тому, какъ то уже существовало во Франціи и Англіи. Взамѣнъ этого, онъ предлагалъ свѣтскимъ князьямъ обратить ихъ коронные лэны въ наслѣдственныя владѣнія, которыя бы могли переходить и въ женскую линію, а также присоединить Сицилійское королевство къ общему составу Германской имперіи, что, конечно, многимъ частнымъ лицамъ должно было представлять значительныя выгоды. Духовнымъ сановникамъ онъ предлагалъ уступить свое императорское право на движимое имущество, остающееся по смерти прелата; и такимъ образомъ ему удалось склонить на сторону своего плана 52 владѣтельныхъ князя. Но этого было недостаточно для рѣшенія такого важнаго вопроса: необходимо было или рѣшеніе единогласное, или рѣшеніе подавляющаго большинства, а между тѣмъ на такое большинство разсчитывать было трудно, въ виду того, что новая реформа привела бы къ значительному ограниченію власти и значенія епископовъ, какъ избирателей, и императоръ ничѣмъ не могъ вознаградить ихъ за это. Генрихъ понялъ, что ему трудно будетъ добиться рѣшенія этого вопроса теперь же, притомъ и сознавалъ, что можетъ обождать для подобнаго рѣшенія болѣе благопріятной минуты, а потому удовольствовался только тѣмъ, что на Франкфуртскомъ сеймѣ, 1196 г., его сынокъ былъ признанъ королемъ.

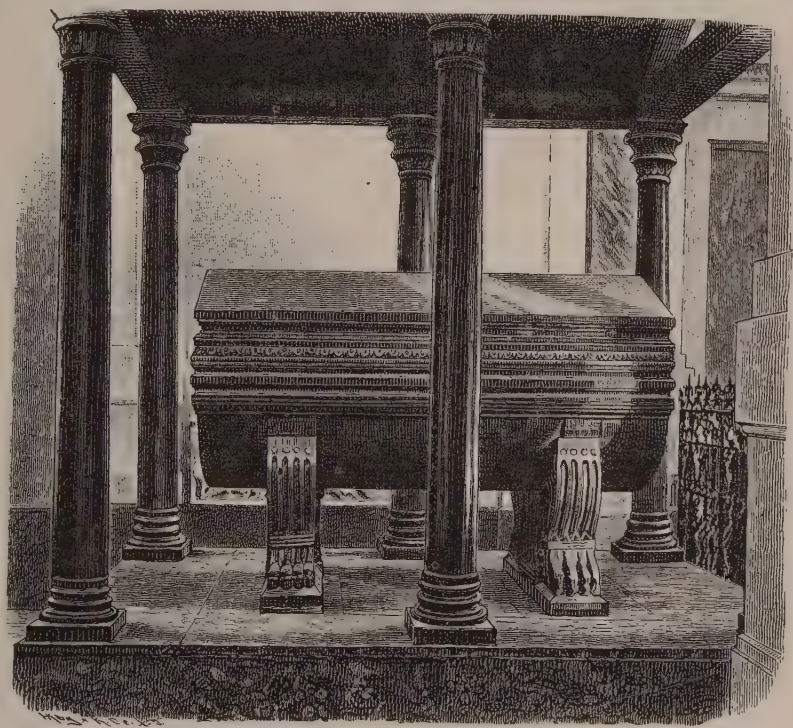
Возвращеніе въ Сицилію.

Между тѣмъ множество князей и рыцарей уже произнесли обѣтъ участія въ Крестовомъ походѣ, который, при вышепомянутыхъ условіяхъ, обѣщалъ быть весьма удачнымъ. Генрихъ VI самъ отправился въ Италію лѣтомъ 1196 года, дабы довершить послѣднія приготовленія къ походу. При этомъ онъ вступилъ въ переговоры съ папою, который долженъ былъ крестить его малолѣтняго сына (онъ былъ все еще не крещенъ) и короновать его королевскою короною. Но Целестинъ упирался и не соглашался короновать малолѣтняго принца королемъ Сицилійскимъ и Германскимъ, и отъ самого Генриха, какъ короля Сицилійскаго, требовалъ лэнной присяги. Прежде чѣмъ этомъ споръ пришелъ къ концу, императору пришлось поспѣшить въ Сицилію, гдѣ, среди мѣстной знати, составился противъ него заговоръ, котораго, повидимому, не чужда была и сама императрица Констанція; Генриху назначенъ былъ уже и преемникъ его власти, въ случаѣ, если бы заговоръ удался и онъ былъ бы умерщвленъ. Но замыселъ открылся и Генрихъ выступилъ противъ заговорщиковъ съ самыми суровыми мѣрами взысканія. Несчастному соперникуу своему онъ приказалъ пригвоздить къ головѣ желѣзную корону; другихъ его сообщниковъ приказалъ жечь на кострахъ и топить въ водѣ: «разыгралъ съ ними Нерона» (neronizavit) — по весьма оригинальному выраженію современной итальянской хроники. Затѣмъ онъ обратилъ все свое вниманіе на Крестовый походъ: уже въ мартѣ 1197 года первые 30 кораблей отплыли въ Сирію. Громадныя массы крестоносцевъ-странниковъ шли черезъ всю Италію и собирались на апулійскомъ берегу. Нижне-нѣмецкія подобныя же дружины (какъ то отчасти было уже и во время третьяго Крестоваго похода) направлялись другимъ путемъ: моремъ вокругъ Пиринейскаго полуострова, и уже на португальскихъ прибрежьяхъ вступали въ битву съ мослемитами; въ началѣ сентября,

подъ предводительствомъ Генрихова канцлера Конрада, архіепископа майнцскаго, отплылъ и весь громадный флотъ. Успѣхъ предпріятія, котораго въ данномъ случаѣ можно было ожидать съ полнѣйшимъ вѣроятіемъ, могъ бы привести къ весьма большимъ переворотамъ въ исторіи современной Европы...

Кончина Генриха, 1197.

Но всѣ эти обширные замыслы были пресѣчены неожиданно. Генрихъ, которому было всего 32 года, не отличался ни крѣпостью сложенья, ни особенно-завиднымъ здоровьемъ. Ничтожный случай (неосторожное употребленіе холоднаго питья въ жаркій день) вызвалъ лихорадку, которая



Гробница императора Генриха VI въ Палермскомъ соборѣ.

черезъ нѣсколько дней свела его въ могилу, въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ развитіи его могущества.

Партіи въ Германіи. Двойное избраніе.

Но при всемъ своемъ блескѣ, при всей обширности замысловъ, которые императоръ Генрихъ могъ питать при жизни, это могущество оказалось все же настолько непрочнымъ, что его безвременная кончина привела къ чрезвычайно затруднительному и двусмысленному положенію. Братъ императора Генриха, *Филиппъ* Швабскій (женатый на греческой принцессѣ Иринѣ или Маріи, какъ ее звали Нѣмцы), былъ на пути къ брату своему, чтобы принять отъ него послѣднія распоряженія по управленію дѣлами государственными и отвезти его сына въ Германію,

какъ вдругъ, въ Монтефьясконе, до него дошла печальная вѣсть о кончинѣ императора. Оказалось, что нечего было и думать о продолженіи путешествія: въ Италіи всюду зашевелились мѣстныя партіи и все разомъ поднялось противъ германскаго владычества. Младенецъ-сынъ императора долженъ былъ остаться въ Сициліи и вдовствующая императрица вынуждена была, чтобы только удержать за собою положеніе, дать обѣщаніе норманнской партіи, что она тотчасъ удалитъ всѣхъ приближенныхъ Нѣмцевъ. Съ великимъ трудомъ удалось Филиппу выбраться изъ Италіи. Герцогъ этотъ, первоначально предназначенный къ поступленію въ духовное сословіе, чрезвычайно образованный и по самой природѣ своей человѣкъ тонкій и благочестивый, хотѣлъ было вначалѣ честно и законно отстаивать права своего племянника; но вскорѣ онъ увидѣлъ, что всѣ своекорыстныя стремленія стали проявляться съ полнѣйшею разнузданностью и всѣ князья Штауфенской партіи убѣдили его въ томъ, что въ такое бурное время немыслимо было бы ему принять на себя однѣ только обязанности регента, — и, согласно этому заявленію, выбрали его на мюльгаузенскомъ сеймѣ въ короли (въ мартѣ 1198 г.). Современная софистика весьма легко избавила его отъ присяги его племяннику, опираясь на то, что такая присяга «не крещенному ребенку» будто бы не могла имѣть никакого значенія.

Однакоже, это поруганіе присяги было слишкомъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для противниковъ Штауфенскаго дома, чтобы они имъ не воспользовались. Послѣ нѣкотораго исканія, эта партія, съ архіепископомъ Адольфомъ Кёльнскимъ во главѣ, остановила свой выборъ на *Оттонѣ*, сынѣ покойнаго Генриха Льва, который уже съ 8-ми-лѣтняго возраста жилъ при англійскомъ дворѣ, у дяди своего, Ричарда Львиное Сердце, и пользовался большимъ его расположеніемъ: отъ него, въ 1196 г., онъ даже получилъ въ лэнное владѣніе графство Пуату. Этотъ юноша (ему было въ данное время 23 года), повидимому, многое позаимствовалъ въ развитіи своемъ отъ славнаго дяди. Одно изъ современныхъ извѣстій характеризуетъ его какъ юношу весьма простодушнаго и въ то же время высокомѣрнаго—почти, какъ глупаго гордеца; по внѣшности, онъ былъ настоящій богатырь — рослый, сильный и храбрый. На съѣздѣ князей въ Кёльнѣ, въ которомъ принимала участіе и корпорація старѣйшихъ горожанъ, и богатое купечество, состоявшее въ торговыхъ сношеніяхъ съ Англіей,—Оттонъ былъ избранъ, а затѣмъ, по обычаю, коронованъ въ Аахенѣ.

Папа Иннокентій III, 1198.

При такомъ положеніи германскаго королевства, значеніе папы сразу возвысилось до того преобладанія, которое было въ послѣднее время до нѣкоторой степени подавлено Фридрихомъ Барбароссой и Генрихомъ VI. Въ самомъ началѣ 1198 года дряхлый Целестинъ III скончался и выборъ кардиналовъ палъ на человѣка весьма умнаго, тонкаго и хитраго, происходившаго изъ средне-италійскаго графскаго рода,—на Лотара-де-Сеньи, который и былъ возведенъ въ папское достоинство подъ именемъ *Иннокентія III*. Одаренный обширнымъ умомъ государственнымъ, въ цвѣтѣ силъ и разума (ему было всего 37 лѣтъ), новый папа, горячо принявшись за дѣло, рѣшилъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами

для заявленія тѣхъ же притязаній, отъ которыхъ римская курія не отрекалась со временъ Григорія VII. Программу своей политики онъ выразилъ коротко и ясно въ словахъ: «церковная свобода лучше всего можетъ быть обезпечена тогда, когда Церковь Римская явится вполнѣ независимою и въ свѣтскихъ, и въ духовныхъ дѣлахъ». И затѣмъ онъ началъ съ того, что дѣйствительно освободился отъ всякаго посторонняго вліянія въ своихъ ближайшихъ владѣніяхъ: подчинилъ себѣ поставленнаго императоромъ префекта въ Римѣ, уничтожилъ засѣдавшій въ Капитоліи коммунальный Сенатъ и прямо вступилъ въ борьбу съ крупными сановниками и феодалами Средней Италіи, державшими сторону Штауфеновъ; къ тому же императрица Констанція скончалась въ ноябрѣ 1198 года и назначила папу Иннокентія III опекуномъ своего малолѣтняго сына, чѣмъ и признала его верховнымъ лэннымъ владыкою Сицилійскаго королевства, которое, конечно, около этого времени находилось въ состояніи, близкомъ къ анархіи. Главною цѣлью папы, въ данномъ случаѣ, было отдѣленіе Сициліи отъ Германской имперіи. И такъ, фактически, онъ стоялъ уже во главѣ итальянской національной партіи, и благодаря борьбѣ за престолонаслѣдіе, возникшей въ Германіи, Иннокентію III еще гораздо легче было выступить въ роли всемірнаго рѣшителя судебъ, нежели самому Григорію VII: — и едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что съ его-то именемъ и связано представленіе о высшемъ развитіи папской мощи.

Иннокентій и Оттонъ.

Но именно руководясь примѣромъ Григорія VII, Иннокентій и не думалъ спѣшить вмѣшательствомъ въ дѣла германскія, хотя Оттонъ и его партія съ самаго начала весьма усердно заискивали въ немъ опоры. Но онъ ограничился лишь весьма неопредѣленными обѣщаніями. Тѣмъ временемъ завязалась въ Германіи междоусобная война между Оттономъ и Филиппомъ, который сначала, до нѣкоторой степени, воевалъ удачно. Вернувшійся изъ Крестоваго похода канцлеръ покойнаго императора, архіепископъ майнцскій Конрадъ, попытался было создать еще новую, третью партію, которая бы поддержала законныя права Фридриха, сына Генриха VI; но онъ потерпѣлъ въ этой попыткѣ полнѣйшую неудачу. Вскорѣ однакоже выяснилось, что, въ силу внутренней логики самихъ обстоятельствъ, папа Иннокентій сталъ клонить на сторону Вельфской партіи. Какъ ни былъ король Филиппъ, по натурѣ своей, мягокъ и податливъ, однакоже не могъ отказаться отъ того принципа самостоятельности, который при императорахъ изъ Штауфенскаго дома обратился въ главную основу государственнаго права, и это очень скоро привело къ обостренію отношеній между имъ и папой. «Мы избрали Филиппа въ Римскіе императоры»—такъ писали германскіе князья папѣ (28 мая 1200 г.); «только по рукоположенію высшаго первосвященника получаетъ императоръ окончательное и дѣйствительное утвержденіе въ своемъ санѣ: отъ папы исходитъ и благословеніе, и вѣнчаніе, и возложеніе на него внѣшнихъ знаковъ императорской власти»—вотъ что отвѣчалъ имъ папа. Въ подтвержденіе своихъ воззрѣній, папа сослался даже и на библейское сказаніе о мірозданіи, напоминая о томъ, что Богъ создалъ два свѣтила— одно бо̀льшее, дневное, другое меньшее, ночное, и отъ дневного заим-

ствующее свой свѣтъ. Кого разумѣлъ при этомъ Иннокентій подъ свѣтиломъ дневнымъ, и кого подъ свѣтиломъ ночнымъ — было для всѣхъ очевидно и ясно. Но сила оказалась на сторонѣ Филиппа: дѣло Оттона казалось проиграннымъ, тѣмъ болѣе, что и покровитель его, король англійскій, около этого времени умеръ (1199 г.); это побудило папу поспѣшить со своимъ рѣшеніемъ: для него было важно, чтобы мнимое право куріи было признано хотя бы и такимъ королемъ германскимъ, который, собственно говоря, былъ королемъ лишь по имени. И вотъ, въ посланіи своемъ отъ 1 марта 1201 г., папа призналъ право на престолъ за Оттономъ, «въ силу Божеской власти, переданной намъ Св. Петромъ». Оттонъ безпрекословно принялъ это посланіе въ Кёльнѣ, куда оно было ему доставлено папскими легатами. Въ особомъ актѣ, данномъ въ іюнѣ того же года, въ такъ-называемомъ *Нейсскомъ конкордатѣ*, «Оттонъ, Божіею милостію король Римлянъ, своему господину и папѣ Иннокентію, а равно и его преемникамъ» обѣщалъ принять на себя защиту всѣхъ владѣній и всѣхъ почетныхъ преимуществъ Римской Церкви, и при этомъ перечислялъ всѣ владѣнія въ подробности: «экзархатъ Равеннскій, Пентаполисъ, марку Анконскую, герцогство Сполетское, владѣнія графини Матильды». Такимъ образомъ, Оттонъ, не долго задумываясь, поступился одновременно и верховнымъ значеніемъ имперіи, и самой Италіей, и даже допустилъ, чтобы Датчане вновь заняли Голштинію; даже принялъ предложенное ему папою посредничество для возстановленія дружелюбныхъ отношеній съ королемъ французскимъ, который воевалъ съ Англіей, какъ съ союзницей Вельфовъ. Затѣмъ Филиппъ и его сторонники подверглись отлученію отъ Церкви. Но это, конечно, не привело ни къ чему, потому что сторонники той и другой партіи руководились большею частью своими личными своекорыстными цѣлями.

Король Филиппъ.

Серебряный брактеатъ Филиппа Швабскаго. (Изъ частной коллекціи въ Берлинѣ).

До 1203 года Оттону положительно счастливилось въ борьбѣ съ Филиппомъ; но въ 1204 г. многіе изъ его приверженцевъ, и притомъ наиболѣе видныхъ, напр. его родной братъ, пфальцграфъ Генрихъ, ландграфъ Тюрингенскій, король Богемскій, кёльнскій архіепископъ, герцогъ Генрихъ Брабантскій, перешли на сторону Филиппа: Оттонъ, очевидно, не умѣлъ привязать владѣтельныхъ князей къ интересамъ своей партіи. И вотъ въ Аахенѣ, въ 1205 г., на весьма многочисленномъ съѣздѣ князей, Филиппъ былъ вторично избранъ въ короли и затѣмъ коронованъ тѣмъ же архіепископомъ кёльнскимъ Адольфомъ, который уже прежде короновалъ Оттона. Въ 1206 г. даже и самый городъ Кёльнъ отшатнулся отъ Оттона, который уже только при поддержкѣ Англіи могъ кое-какъ отстаивать свое весьма ненадежное положеніе. Даже и самъ папа Иннокентій сталъ, если не заискивать въ переговорахъ со Штауфеномъ, то, по крайней мѣрѣ, не уклоняться отъ нихъ, въ виду того весьма важнаго переворота на Востокѣ, который былъ несомнѣнно послѣдствіемъ *четвертаго Крестоваго похода* и отчасти штауфенской политики вообще.

Весь 1207 г. прошелъ въ подобныхъ переговорахъ. Папа послалъ къ Филиппу двоихъ кардиналовъ и снялъ съ него церковное отлученіе, на сеймѣ, происходившемъ въ Вормсѣ: и его приверженцы изъ духовенства, какъ напр. архіепископъ Адольфъ, вновь были удостоены папскихъ милостей. Папа Иннокентій очень ловко далъ понять, что обоимъ противникамъ слѣдуетъ прійти между собою къ извѣстному соглашенію, основанному на взаимныхъ добровольныхъ уступкахъ; и дѣйствительно оба противника свидѣлись на съѣздѣ въ Кведлинбургѣ. Здѣсь, Филиппъ, при посредствѣ кардиналовъ, предложилъ Оттону руку одной изъ четырехъ своихъ дочерей и герцогство Аллеманское сверхъ всего остального вознагражденія. Оттонъ, рѣзко отвергнувъ это предложеніе, отвѣчалъ, что до смертнаго часа не откажется отъ короны и, словно въ насмѣшку, предложилъ Филиппу гораздо болѣе высокое вознагражденіе за отказъ отъ его притязаній. Тогда папская политика склонилась окончательно на сторону Филиппа, тѣмъ болѣе, что онъ предложилъ руку своей второй дочери брату папы, графу Ричарду, а папа обѣщался отказаться отъ своихъ притязаній на Тусцію, Сполето и Анконскую марку, предоставляя эти владѣнія въ собственность своему брату или одному изъ племянниковъ (nepotes), которые должны были произойти отъ его брака съ дочерью короля Филиппа. По всему было видно, что наступили времена мірского владычества папъ и той политики «непотизма», которая впослѣдствіи развилась до такихъ пагубныхъ крайностей. Не менѣе ясно было и то, что дѣло Вельфскаго короля окончательно проиграно, и борьба началась снова, такъ какъ и Филиппъ собралъ значительное войско, и Оттонъ нашелъ возможность упорно обороняться отъ его нападеній. Но совершенно неожиданная и рѣдкая въ германскихъ мѣстностяхъ случайность вдругъ дала новый оборотъ событіямъ.

Умерщвленіе Филиппа. 1208.

Король Филиппъ, присутствуя въ Бамбергѣ на свадьбѣ своей племянницы (21 іюня 1208 г.), удалился съ нѣкоторыми изъ своихъ приближенныхъ на отдыхъ въ одинъ изъ покоевъ епископскаго дворца. Туда же явился и одинъ изъ знатныхъ его вассаловъ, пфальцграфъ Оттонъ фонъ-Виттельсбахъ. Мы не знаемъ въ подробности, что именно тутъ произошло, но только пфальцграфъ вдругъ выхватилъ кинжалъ и нанесъ королю ударъ, отъ котораго тотъ тотчасъ же скончался. Поводъ къ убійству, повидимому, былъ чисто личный: Филиппъ пообѣщалъ ему руку одной изъ своихъ дочерей и не сдержалъ обѣщанія. Всякія иныя объясненія этого факта являются, по нашему мнѣнію, не болѣе, какъ украшеніями фантазіи.

Король Оттонъ.

Когда такимъ образомъ король Филиппъ, всѣми любимый и уважаемый, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ (ему шелъ 31 годъ), былъ такъ внезапно похищенъ смертью, дѣла должны были сами собою принять иной оборотъ. Хотя короля Оттона никто особенно и не любилъ, но всѣ, конечно, предпочли его избраніе — грозившей анархіи. И такъ, въ томъ же году онъ былъ признанъ, по соглашенію со Штауфенской партіей, королемъ и вновь единогласно избранъ всѣми во Франкфуртѣ. Такъ какъ Оттонъ былъ еще не женатъ, то залогомъ мира между Вельфами и Штауфенами намѣчена была дочь умерщвленнаго короля Филиппа, Беатриса, явив-

шаяся на съѣздъ во Франкфуртъ испросить наказаніе убійцѣ ея отца. Приговоръ надъ нимъ дѣйствительно былъ произнесенъ и въ слѣдующемъ году приведенъ въ исполненіе: его отрубленная голова была брошена въ волны Дуная. А въ маѣ 1209 г. произошло въ Вюрцбургѣ, съ разрѣшенія папы *), торжественное обрученіе Оттона и Беатрисы, которая принесла своему жениху въ приданое весьма значительную долю родового Штауфенскаго достоянія, которое уже и при Филиппѣ стало расточаться мало-по-малу. Оттонъ, изъ главы партіи обратившійся въ полновластнаго государя, видимо рѣшился сурово проявить свою королевскую власть для подавленія анархическихъ стремленій окружавшаго его общества. Но эта власть досталась ему не даромъ:—папа, за оказанную имъ поддержку, потребовалъ не только подтвержденія прежде данныхъ обѣтовъ, но получилъ и еще новое обѣщаніе: король обязался *помогать ему въ искорененіи ересей*, которое, по измѣнившимся временамъ, оказывалось необходимымъ и отнынѣ уже составляло весьма существенную часть политической программы римской куріи.

Оттонъ въ Римѣ.

Теперь Оттону не доставало только императорской короны, и онъ, для полученія ея, двинулся въ Италію съ весьма значительнымъ войскомъ: онъ уже почиталъ своею обязанностью, даже считалъ себя вынужденнымъ по возможности вернуть себѣ то положеніе, которое занимали Штауфены въ Италіи. Походъ совершенъ былъ безъ всякихъ препятствій. Король былъ хорошо принятъ въ Италіи, встрѣтился съ папою въ Витербо, и затѣмъ, по улаженіи нѣкоторыхъ недоразумѣній, принялъ отъ папы вѣнецъ императорскій. Однакоже согласіе съ папою было непродолжительно; Оттонъ, стоявшій во главѣ большой воинской силы, задался тщеславнымъ замысломъ возстановленія былыхъ владѣній Генриха VI въ ихъ полномъ составѣ, и вскорѣ отвернулся отъ папы. Безъ дальнихъ околичностей онъ просто присвоилъ себѣ нѣкоторыя, еще спорныя территоріи Матильдина наслѣдства и сталъ открыто готовиться къ походу противъ апулійско-сицилійскаго королевства, которое стояло въ лэнномъ подчиненіи папѣ. Всѣ предупрежденія папы оказались тщетными. Тогда Иннокентій произнесъ знаменитую свою фразу: «каюсь въ томъ, что я вывелъ этого человѣка въ люди»—и отлучилъ его отъ Церкви. Не обращая на это ни малѣйшаго вниманія, императоръ Оттонъ вступилъ въ Апулію, подчинилъ и ее, и Калабрію своей власти, что ужъ было положительно не согласно съ присягою, принесенною имъ при вѣнчаніи. Онъ даже собирался переправиться и въ Сицилію, и тамъ уничтожить господство Штауфеновъ, присвоивъ себѣ права наслѣдственности Генриха VI; но тутъ оказалось, что произнесенное надъ нимъ отлученіе отъ Церкви было не пустымъ словомъ.

Разрывъ съ папою.

Во власти Иннокентія былъ мститель Оттону въ лицѣ *Фридриха*, сына Генриха VI, которому въ эту пору минулъ уже 18-й годъ. Интересы папской власти на мгновеніе совпали съ интересами Штауфенской династіи, да и въ самой Германіи не мало было такихъ людей, которые

*) Разрѣшеніе было необходимо потому, что женихъ и невѣста стояли въ довольно близкихъ родственныхъ отношеніяхъ; впрочемъ, папа далъ его весьма охотно за надѣленіе двухъ монастырей землями и угодьями.

выжидали только благопріятнаго мгновенія, чтобы отказаться отъ повиновенія нелюбимому государю. Архіепископъ майнцскій Сигфридъ, ландграфъ Тюрингенскій Германнъ, король Оттокаръ Богемскій, стали во главѣ цѣлой коалиціи князей, и, опираясь на авторитетъ папы и на помощь короля французскаго, подняли знамя бунта противъ императора. Коалиція возрастала и усиливалась, несмотря на неистовое опустошеніе Майнцскаго епископства войсками пфальцграфа Генриха, брата Оттонова. Къ коалиціи приступили герцоги Баварскій и Австрійскій, и въ сентябрѣ 1211 г. въ Нюрнбергѣ коалиціею былъ избранъ король Сицилійскій Фридрихъ въ короли Германскіе и будущіе (coronandum) императоры. Положеніе дѣлъ оказалось настолько опаснымъ, что Оттонъ рѣшился вернуться въ Германію. Его возвращеніе нѣсколько подкрѣпило партію его приверженцевъ, къ которой пристали и нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ коалиціи; только духовные сановники удалялись всякаго общенія съ нимъ. Какъ истый рубака, Оттонъ, не задумываясь, набросился на владѣнія ландграфа Тюрингенскаго и предалъ ихъ неумолимому опустошенію, по варварскому обычаю современныхъ войнъ; это нимало не помѣшало ему, однако, среди битвъ и опустошеній, отпраздновать въ это же время свою свадьбу съ дочерью покойнаго короля Филиппа, Беатрисой, которая однакоже нѣсколько недѣль спустя скончалась *). Смерть ея была тяжелымъ политическимъ ударомъ для Оттона. Къ тому же вѣсти, пришедшія съ Юга, вынудили его покинуть опустошительную войну въ Тюрингіи и выступить навстрѣчу папскаго ставленника, короля Фридриха, который направился въ Германію изъ Италіи.

Возвышеніе Фридриха. Конецъ дѣятельности Оттона.

Фридрихъ — юноша рѣдкихъ способностей, выросъ и рано развился среди необычайно-тягостныхъ условій, развился, усвоивъ себѣ ту политику хитростей и уловокъ, которая была свойственна римской куріи. Онъ явился въ Римъ, гдѣ былъ съ почетомъ принятъ папою и населеніемъ, и принесъ папѣ лэнную присягу, въ качествѣ короля Сицилійскаго. Дальнѣйшій путь Фридриха лежалъ на Геную, Кремону, Верону и далѣе, за Альпы, на Хуръ; тамошній епископъ и аббатъ С. Галленскій сопровождали его сначала въ Констанцу, потомъ въ Базель. Такимъ образомъ онъ ускользнулъ отъ встрѣчи съ грознымъ войскомъ Оттона. Въ Констанцу онъ вступилъ всего съ 60 рыцарями, но число его приверженцевъ возрастало быстро, такъ какъ онъ не скупился на обѣщанія и завѣренія въ томъ, что удовлетворитъ всѣ желанія князей и епископовъ, и притомъ являлся союзникомъ Церкви. Уже въ Майнцѣ многіе приносили ему клятву въ вѣрности, и король Оттонъ, вообще имѣвшій мало приверженцевъ въ Верхней Германіи, увидѣлъ себя вынужденнымъ отступить къ Кёльну. Въ Вокулёрѣ, на р. Маасѣ, Фридрихъ съѣхался съ наслѣдникомъ французскаго престола и здѣсь было постановлено, что, безъ согласія короля Французскаго, Фридрихъ не вступитъ въ переговоры съ Оттономъ или его союзниками, въ особенности же съ королемъ Англійскимъ, Іоанномъ. Затѣмъ, на очень многочисленномъ съѣздѣ князей, Фридрихъ былъ из-

*) Какъ предполагаютъ, не безъ основанія, отъ яда, поднесеннаго ей соперницей, любовницей Оттона, вывезенной имъ изъ Италіи.

бранъ въ короли (въ декабрѣ 1212 г.). Съѣздъ происходилъ во Франкфуртѣ и князья проводили его оттуда для вѣнчанія въ Майнцъ, такъ какъ Франкфуртъ былъ въ то время королевскимъ, а не епископскимъ городомъ. Такимъ образомъ одержанный имъ перевѣсъ явился торжествомъ папской политикѣ. Послѣ его вѣнчанія, война его съ императоромъ длилась еще нѣкоторое время. Рѣшительная битва произошла при *Бувинѣ*, во Фландріи (въ нынѣшней Франціи, въ департаментѣ Сѣвера), въ 1214 г. Войско Оттона было очень многочисленно и знамя его везли передъ его строемъ, по обычаю итальянскихъ коммунъ, на особой повозкѣ; это была настоящая рыцарская битва, при которой оба царственные предводителя войскъ — король Филиппъ Французскій и императоръ Оттонъ, лично участвуя въ бою, выказали много мужества. Не отстали отъ своего короля въ мужествѣ и войска, выставленныя французскими городами, и побѣда въ тотъ день осталась на сторонѣ Французовъ. Такъ какъ, вслѣдъ за этимъ пораженіемъ, всѣ союзники, одинъ за другимъ, стали отпадать отъ Оттона, то онъ увидѣлъ, что на его сторонѣ остается лишь одинъ его родовой Брауншвейгъ. Нѣкоторое время онъ еще кое-какъ тянулъ неприязненныя дѣйствія противъ своего противника, но затѣмъ, въ 1218 г., скончался въ Гарцбургѣ, на 43 году жизни. Еще незадолго до своей кончины онъ получилъ отъ папы полное разрѣшеніе; впрочемъ, онъ не переставалъ до самаго конца считать себя полноправнымъ и законнымъ императоромъ и владыкой.

„Otto Imp(er)ator".
„Оттонъ имп(ер)аторъ".

Серебряный брактеатъ Оттона IV. (Изъ частной коллекціи).

Fridericus D(e)i gra(tia) Romanor(um) Rex et semp(er) August(us) et Rex Sicil(iae).
Печать Фридриха II.

Прекрасно сохранившійся отпечатокъ ея изъ краснаго воска на одномъ изъ актовъ въ городскомъ архивѣ во Франкфуртѣ-на-М.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Фридрихъ II. — Конрадъ IV.

1. 1215—1228 по Р. Хр.

Битвою при Бувинэ междоусобная война была порѣшена въ пользу Фридриха, и лѣтомъ 1215 г. совершено было его торжественное коронованіе въ Аахенѣ архіепископомъ Сигфридомъ Майнцскимъ, какъ легатомъ апостольскаго престола. Уже здѣсь Фридрихъ принялъ на себя одежду крестоносца и по его внушенію многіе изъ князей послѣдовали его примѣру. Въ томъ же году папа Иннокентій, быстро переходившій отъ успѣха къ успѣху, собралъ въ Латеранѣ соборъ, необычайный по многочисленности съѣхавшихся на немъ епископовъ, которыхъ насчиты- Фридрихъ II.

вали до 400. На этомъ соборѣ было вновь подтверждено низложеніе Оттона и признаніе правъ Фридриха на престолъ. Затѣмъ соборъ, принявшій въ то же время весьма важныя мѣры по отношенію къ управленію Церковью и къ церковной дисциплинѣ, обратился къ приготовленіямъ того новаго Крестоваго похода, который на этотъ разъ исходилъ прямо отъ папы и въ первое время правленія Фридриха составлялъ какъ бы центръ, около котораго все вращалось. И дѣйствительно, въ началѣ XIII вѣка съ особенною силою возникло вновь то движеніе, которое лежало въ основѣ Крестовыхъ походовъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи, правда, не трудно замѣтить, что въ этомъ возникновеніи проявилось уже нѣчто искусственное, дѣланное, что въ немъ уже сильно сказывался элементъ поэтическій, и что, какъ Церковь, такъ и въ особенности глава ея, Иннокентій, имѣли свои особыя причины напрягать всѣ усилія къ проведенію той мысли, которая, сто лѣтъ тому назадъ, вызвала такой общій и естественный порывъ одушевленія.

Новыя вѣянія. Ереси.

И дѣйствительно: авторитетъ Церкви въ значительной степени зависѣлъ отъ удачи этой новой попытки завоеванія Св. Земли. Ибо рядомъ съ возрастающимъ равнодушіемъ высшихъ классовъ, которые отвращались отъ этихъ благочестивыхъ предпріятій или вносили въ нихъ иныя, чуждыя, ничуть не духовныя побужденія, явилось передъ лицомъ церковныхъ и свѣтскихъ властей еще другое зло, постоянно возраставшее и крѣпнувшее:—это зло было *еретичество*. Частныя противорѣчія и враждебное отношеніе къ господствующей Церкви и ея ученію существовали издавна въ европейскомъ обществѣ. Разныя сектаторскія заблужденія, зарождаясь на отдаленныхъ окраинахъ, въ XI в., словно зараза, проявились вдругъ въ Италіи и Южной Франціи. Сильное реформаторское движеніе въ Церкви, наполнившее собою весь XI вѣкъ, а затѣмъ бурное одушевленіе Крестовыхъ походовъ,—нѣсколько сдержали эти первыя проявленія ересей и отодвинули ихъ на задній планъ; но вскорѣ послѣ того, оживленіе сношеній съ Востокомъ и въ особенности тяжкое разочарованіе въ мнимомъ обновленіи Церкви и духовнаго сословія, которое, между тѣмъ, достигло громаднаго значенія и могущества, — все это вновь пробудило тѣ же стремленія въ массѣ. Въ XII вѣкѣ стала быстро распространяться на югѣ Франціи секта *Каѳаровъ* (или *Чистыхъ*); центромъ ея распространенія была *Тулуза*; при общей, въ массѣ народа, ненависти къ духовенству, секта стала дѣлать быстрые успѣхи и вскорѣ охватила всѣ южныя области—Провансъ, Гюэнну, Лангедокъ, Гасконью. Сектанты въ замкахъ бароновъ проповѣдывали свое странное ученіе о паденіи душъ, о добромъ и зломъ Богѣ: произвольно пользуясь, для покрѣпленія своихъ доводовъ, мѣстами Св. Писанія, они прямо отвергали все то, что въ нихъ противорѣчило ихъ спиритуалистическимъ воззрѣніямъ. Они были строгіе вегетаріанцы и употребленіе мяса въ пищу относили къ числу семи смертныхъ грѣховъ; бракъ отвергали; принятіе въ секту ихъ совершалось путемъ «духовнаго крещенія» (consolamentum), которое состояло въ простомъ возложеніи рукъ на главу крещаемаго. У нихъ былъ, якобы, высшій епископъ, надзиравшій за ихъ отдѣльными общинами, и отъ 1167 г. до насъ дошло извѣстіе о томъ, что въ С.-Феликсѣ-де-Караманъ (близъ Тулузы) у

нихъ собранъ былъ настоящій соборъ. Гораздо ближе, по своимъ убѣжденіямъ, подходили къ библейской истинѣ *Вальденцы*, — секта, основанная въ 1170 г. въ Ліонѣ, тамошнимъ купцомъ *Петромъ Вальдусомъ* (Petrus Valdus): по разсказу Св. Писанія о богатомъ юношѣ, онъ роздалъ все свое достояніе бѣднымъ и сталъ проповѣдникомъ. Стремясь приблизиться къ древнѣйшимъ христіанскимъ воззрѣніямъ первобытныхъ христіанскихъ общинъ, Вальденцы отрицали значеніе святыхъ угодниковъ, отвергали возможность получить отпущеніе грѣховъ черезъ посредство священниковъ; къ числу смертныхъ грѣховъ они относили и ложь; всякая клятва и всякое кровопролитіе воспрещались ихъ законоположеніями. Испорченной, по ихъ мнѣнію, видимой Церкви, съ папою во главѣ, они противуполагали Церковь «невидимую», и даже въ самой средѣ своей различали простыхъ вѣрующихъ отъ «*праведниковъ*», которые жили въ нищетѣ и смиреніи, стараясь подражать Христу. По началу казалось, что Вальденцы могли бы, пожалуй, не быть изверженными изъ Церкви, но вскорѣ выяснилось, что они-то и были ея опаснѣйшими врагами, такъ какъ въ ихъ укорахъ современной Западной Церкви заключалось много справедливаго; въ нихъ-то именно проницательный Иннокентій III и провидѣлъ тѣхъ лисицъ, которыя способны были раззорить вертоградъ Христовъ. Особенно многочисленны были они въ городѣ *Альби* (оттуда и самое наименованіе ихъ *Альбигойцами*), на опасной грани, отдѣлявшей Галлію отъ Испаніи и Италіи; здѣсь-то природное сатирическое настроеніе и оживленная веселость Провансальцевъ, въ соединеніи съ суровыми реформаторскими стремленіями сектантовъ, вызвали весьма упорную оппозицію противъ Церкви, которая была исключительно предана мірскимъ заботамъ; здѣсь же сектанты, у которыхъ было много приверженцевъ между знатью, нашли себѣ горячаго защитника и покровителя въ просвѣщенномъ могущественномъ графѣ Тулузскомъ, *Раймундѣ VI*.

Иннокентій и Палестинская церковь.

Судьбы Св. Земли, однакоже, и въ это время до такой степени еще занимали всѣхъ, стоявшихъ во главѣ Церкви, что и папа Иннокентій, едва достигнувъ власти, уже счелъ долгомъ своимъ ревностно приняться за дѣло освобожденія Гроба Господня изъ-подъ власти невѣрныхъ. На мгновеніе, папа, въ данномъ случаѣ, явился въ глазахъ всего европейскаго общества могущественнѣйшимъ монархомъ. Казалось, что цѣль стремленія папъ (и въ особенности папы Иннокентія, стремившагося къ ней съ полнымъ сознаніемъ) была достигнута. Воззванія Иннокентія разнеслись по всему свѣту — Германіи и Франціи, Англіи, Шотландіи, Италіи и Венгріи — и въ числѣ посланныхъ имъ во всѣ стороны ревностныхъ проповѣдниковъ новаго Крестоваго похода въ особенности отличался священникъ Фулько Нёльійскій, всѣмъ и каждому вырѣзавшій изъ своей одежды кресты, которые онъ раздавалъ заявившимъ желаніе участвовать въ походѣ. И дѣйствительно, движимые его проповѣдью, многіе изъ бароновъ и рыцарей дали обѣтъ крестоносцевъ. Походъ долженъ былъ начаться изъ Венеціи, а потому главные вожди крестоносцевъ и вступили въ соглашеніе съ тамошнимъ дожемъ, *Генрихомъ Дандоло*.

Четвертый Крестовый походъ.

Но изъ этого такъ-называемаго четвертаго Крестоваго похода вышла военная экспедиція совсѣмъ мірского характера. Между тѣмъ какъ от-

дѣльныя группы и цѣлыя толпы людей, увлеченныхъ религіозными мечтами, спѣшили въ Сирію изъ фландрскихъ гаваней, изъ Марсели и Генуи, главная масса французскихъ крестоносцевъ въ лѣтніе мѣсяцы 1202 года собралась на венеціанской почвѣ: они избрали себѣ въ предводители маркграфа Бонифація Монферратскаго. Но тутъ уже сразу начались денежныя затрудненія: оказалось, что у крестоносцевъ нечѣмъ заплатить за переѣздъ на венеціанскихъ корабляхъ за море, а Венеціанцы не соглашаются везти даромъ. Пришлось вступить въ нѣкотораго рода соглашеніе съ дожемъ Дандоло, хитрымъ и умнымъ 90-лѣтнимъ старцемъ; онъ предложилъ крестоносцамъ, вмѣсто платы за морское путешествіе, оказать Венеціи небольшую военную услугу: раззорить далматинскій городъ Зару, докучавшій Венеціи морскими разбоями (1202). Городъ былъ взятъ и раззоренъ, и хотя папа Иннокентій разразился жестокимъ гнѣвомъ противъ тѣхъ, которые, противно христіанскому смиренію, дерзнули раззорить христіанскій же городъ (даже подвергъ ихъ отлученію отъ Церкви), однакоже, видимо, не слишкомъ устрашилъ и обуздалъ разноплеменное полчище крестоносцевъ. А тутъ, какъ разъ, подоспѣли послы отъ германскаго короля, которые ходатайствовали о томъ, чтобы флотъ крестоносцевъ, по пути въ Сирію, завернулъ въ Константинополь и принялъ тамъ сторону греческаго князя Алексѣя Ангела и его отца Исаака, свергнутаго его братомъ, Алексѣемъ III. Такое направленіе силъ крестоносцевъ въ сторону Византіи, которая въ это время находилась въ состояніи полнѣйшаго разстройства, очень пришлось по вкусу Венеціанцамъ и ихъ старому дожу; оно было сочувственно встрѣчено и самими крестоносцами, среди которыхъ стремленіе къ рыцарскимъ и инымъ предпріятіямъ, сулившимъ добычу, преобладало надъ благочестивою ревностью на пользу освобожденія Св. Земли; мало того: даже и весьма религіозные люди относились къ этой затѣѣ благосклонно, соединяя съ нею смѣлыя надежды на возможность подчиненія Восточной Церкви подъ верховную власть Св. Петра. Однимъ словомъ, флотъ отплылъ изъ Венеціи съ сорокатысячнымъ войскомъ, и въ концѣ іюня 1203 г. бросилъ якорь въ Босфорѣ; въ половинѣ іюля произведено было нападеніе на городъ, изъ котораго Алексѣй III бѣжалъ, между тѣмъ какъ ослѣпленный Исаакъ Ангелъ вновь былъ возведенъ на тронъ и сынъ его, Алексѣй IV, приданъ былъ ему въ соправители. Войско крестоносцевъ расположилось лагеремъ близъ Перы и ждало выполненія обѣщаній, которыя были даны юнымъ Цезаремъ еще подъ стѣнами Зары. Оказалось однакоже, что онъ обѣщалъ гораздо болѣе, нежели могъ сдержать. Онъ никакъ не могъ собрать той громаднѣйшей суммы, которую задолжалъ франкскому войску, а о подчиненіи папѣ римскому населеніе

Плаваніе рыцарей въ Св. Землю на генуэзскихъ галерахъ (1187 г.).

Современное изображеніе, заимствованное изъ генуэзской хроники.

и слышать не хотѣло. Тогда въ ноябрѣ 1203 г. вновь начались военныя дѣйствія и въ январѣ 1204 г. разразилась въ Константинополѣ революція, во главѣ которой явился дальній родственникъ Ангеловъ, Мурзуфлъ, — человѣкъ разумный и энергическій. Старый Исаакъ Ангелъ скончался среди этихъ смутъ, Алексѣй IV былъ удавленъ приверженцами новаго Цезаря, который назвался *Алексѣемъ V*, и, собравъ всѣ силы, сопротивлялся нападающимъ до послѣдней крайности, хотя всѣ попытки его сразиться съ ними въ открытомъ полѣ приводили къ убѣжденію въ томъ, что Византійцы не могутъ тягаться въ мужествѣ съ западнымъ рыцарствомъ.

Завоеваніе Константинополя. 1204. Латинская имперія.

Богатая добыча, которую надѣялись получить въ Константинополѣ, была уже заранѣе подѣлена въ лагерѣ при Перѣ, въ силу договора, заключеннаго дожемъ съ Бонифаціемъ Монферратскимъ и важнѣйшими изъ остальныхъ вождей. Флотъ Венеціанцевъ расположился въ заливѣ Золотого Рога, войско крестоносцевъ все высадилось на берегъ; но первый штурмъ ихъ (9 апрѣля) окончился неудачею. 12 апрѣля штурмъ былъ возобновленъ и удался вполнѣ:—одному изъ французскихъ рыцарей, по имени Петру Аміенскому, богатырю ростомъ и силою, удалось разбить одни изъ городскихъ воротъ, и масса Франковъ разомъ ворвалась черезъ нихъ внутрь города. Въ ту же ночь, въ церкви Св. Софіи, былъ избранъ новый императоръ, зять Алексѣя III, *Ѳеодоръ Ласкарисъ*; но онъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія и бѣжалъ на азіатскій берегъ. Тщетно старались на другой день вожди войска остановить безобразный грабежъ и нескончаемыя убійства крестоносцевъ среди беззащитнаго населенія Константинополя. Когда, наконецъ, злобная месть ихъ была насыщена, вожди приступили къ устройству завоеваннаго царства. 9 мая 1204 г., графъ *Балдуинъ* Фландрскій былъ единогласно избранъ императоромъ новой *Римской Имперіи;* его соперникъ, Бонифацій Монферратскій, удовольствовался королевствомъ *Ѳессалоникійскимъ.* Былъ избранъ и римско-католическій патріархъ; добыча,

Крестоносцы подъ стѣнами Византіи.

доставшаяся побѣдителямъ въ видѣ земельныхъ владѣній и движимаго имущества, была подѣлена пополамъ между республикою Венеціанскою и участниками этого мнимо-крестоваго похода, которые поставили себя въ лэнную зависимость отъ новаго императора. Такимъ образомъ, эта *Латинская имперія* явилась плохимъ подражаніемъ дурному образцу — королевству Іерусалимскому, и первой попыткой господства Франковъ на Востокѣ въ 1099 году, и конечно ей предстояло погибнуть отъ собственной слабости еще скорѣе, чѣмъ погибло это королевство.

Само собою разумѣется, нечего было и помышлять о томъ, чтобы эта новая имперія могла оказать хоть какую-нибудь поддержку христіанамъ въ Св. Землѣ, такъ какъ она сама еле могла держаться, отражая нападенія старыхъ враговъ Византіи, Болгаръ, подавляя ненависть мѣстнаго населенія къ пришельцамъ и ведя борьбу съ свергнутой династіей, представители которой основались близёхонько отъ Константинополя, въ Никеѣ. О завоевательныхъ планахъ относительно Св. Земли здѣсь, повидимому, никто и не помышлялъ; а между тѣмъ, папа Иннокентій III энергично продолжалъ проводить ту же мысль о необходимости вторичнаго завоеванія Св. Земли и освобожденіи священнаго города изъ-подъ власти невѣрныхъ, и три первыя десятилѣтія XIII вѣка были переполнены мечтаніями о Крестовыхъ походахъ: особенно характерно выразилось это настроеніе времени въ двухъ чрезвычайно курьезныхъ извращеніяхъ, которыя были вызваны этимъ болѣе или менѣе искусственнымъ вторымъ расцвѣтомъ идей, лежавшихъ въ основѣ Крестовыхъ походовъ: въ *Крестовомъ походѣ дѣтей* 1212 г. и въ одновременно происходившемъ *первомъ Крестовомъ походѣ противъ еретиковъ.*

Крестовый походъ дѣтей.

Мѣстомъ дѣйствія обоихъ этихъ походовъ была Южная Франція. Пламенныя рѣчи нѣкоторыхъ черезчуръ ревностныхъ проповѣдниковъ, къ которымъ взрослые люди изъ простонародья и въ особенности высшія сословія относились уже равнодушно,—подѣйствовали возбуждающимъ образомъ на умы дѣтей и подростковъ и сообщили имъ неудержимое одушевленіе, которое быстро распространилось повсемѣстно. Вскорѣ большія толпы мальчиковъ и дѣвочекъ собрались отовсюду, увлекаемыя благочестивыми мечтаніями о томъ, что, по словамъ Св. Писанія, имъ, «младенцамъ», дарована будетъ свыше возможность завоевать Св. Землю; руководимые монахами-фанатиками, эти толпы стекались въ Марсель, чтобы оттуда отплыть на Востокъ. Церковныя власти, въ данномъ случаѣ, держали себя весьма двусмысленно; самое движеніе было для нихъ выгодно, и можетъ-быть, многія изъ духовныхъ лицъ уповали даже на возможность удачи этого безумнаго предпріятія. Поэтому духовенство уклонилось отъ этой несчастной затѣи и дало возможность этому бѣдствію достигнуть такого предѣла, когда уже никакая власть не въ силахъ была его отвратить. Къ толпамъ несчастныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которыя возросли до нѣсколькихъ тысячъ, присталъ всякій сбродъ, а въ томъ числѣ и разные промышленники изъ работорговцевъ и поставщиковъ на невольничьи рынки; часть этихъ дѣтскихъ толпъ, предводимая мальчикомъ, дѣйствительно, отъ береговъ Рейна успѣла добраться до Брундузіума—и здѣсь была остановлена епископомъ, который весьма разумно не дозво-

лилъ юнымъ крестоносцамъ отплыть далѣе. Другія толпы дѣтей отправились на Геную, сѣли на корабли, и всѣ были проданы въ рабство; нѣкоторые корабли были прибиты бурею къ восточнымъ берегамъ Адріатики, и несчастныя дѣти погибли массами отъ голода и холода.

Крестовый походъ противъ еретиковъ.

Въ то же самое время подготовлялся иной крестовый походъ, сулившій и богатую добычу, и всякія иныя блага, при весьма небольшой затратѣ усилій и весьма немудреной службѣ, для которой вовсе не нужно было пускаться за море. Одинъ изъ миссіонеровъ, посланныхъ въ графство Тулузское для обращенія еретиковъ на путь истины, нѣкій Петръ Кастельно, былъ убитъ однимъ изъ служилыхъ людей графа Раймунда Тулузскаго, который уже давно не пользовался милостями папы за то, что онъ не хотѣлъ примѣнять суровыхъ мѣръ противъ своихъ трудолюбивыхъ и ни въ чемъ неповинныхъ подданныхъ, да и другимъ не давалъ ихъ въ обиду. Послѣ убіенія Петра Кастельно, папою разрѣшенъ былъ Крестовый походъ противъ еретиковъ и многочисленное войско собралось съ этою цѣлью въ Ліонѣ (1209 годъ) подъ начальствомъ ревнителя вѣры, графа *Симона Монфортскаго* и монаха-фанатика *Арнольда,* настоятеля въ аббатствѣ Ситò (Citeaux), назначеннаго папскимъ легатомъ. Первымъ крупнымъ воинскимъ подвигомъ было взятіе штурмомъ Безьера, при которомъ безпощадно перебито было не менѣе 20,000 человѣкъ, составлявшихъ населеніе города. Затѣмъ война или, правильнѣе сказать, неистовое опустошеніе и разграбленіе богатой страны, длилась очень долго. Наконецъ, графъ Тулузскій былъ вынужденъ вступить въ переговоры: однакоже тѣ условія, которыя были ему предложены въ 1211 г. въ Арлѣ, были до такой степени безобразны, что онъ снова взялся за оружіе. При Муретѣ, на юго-западъ отъ Тулузы, на Гароннѣ, Раймундъ, вмѣстѣ со своимъ союзникомъ, Петромъ III, королемъ Аррагонскимъ, рѣшился сразиться въ открытомъ полѣ съ Симономъ Монфортскимъ и его крестоносцами,—и былъ разбитъ (1214 г.). Тогда всѣ земли, завоеванныя въ этомъ походѣ, были переданы во владѣніе графу Симону—главному вождю этого столь угоднаго Церкви воинскаго предпріятія; однакоже спокойствіе еще долго не могло быть установлено въ этой мѣстности, и полное умиротвореніе наступило только тогда, когда самъ графъ Симонъ уступилъ, наконецъ, свои права на графство Тулузское французской коронѣ, къ владѣніямъ которой графство и было присоединено въ 1249 г.

Нищенствующій орденъ монашества.

Во время всѣхъ этихъ кровавыхъ усобицъ и среди всякихъ усилій и попытокъ осуществленія общаго Крестоваго похода—Иннокентій III умеръ, на 54-мъ году жизни, въ Перуджіи (1216 г.): умеръ въ полномъ развитіи своего могущества, во главѣ Церкви, которой онъ успѣлъ положить прочную догматическую основу и придать ея организаціи окончательную форму. Преемникъ его, старецъ *Гонорій II*, оказался не менѣе его ревностнымъ въ своей церковно-административной дѣятельности. Однимъ изъ первыхъ дѣяній его духовнаго правленія было утвержденіе одного изъ двухъ новыхъ орденовъ монашества, которые служатъ многознаменательнымъ выраженіемъ нѣсколько искусственнаго, чтобы не сказать болѣзненно-религіознаго возбужденія этого времени: первымъ изъ этихъ ор-

Францискъ Ассизскій проповѣдуетъ передъ папою Гоноріемъ III.—Фреска Джіотто (род. 1276 г.) въ церкви Св. Франциска въ Ассизи.

деновъ былъ орденъ *Доминиканцевъ*; вторымъ (нѣсколько лѣтъ спустя) орденъ *Францисканцевъ*. Первый изъ этихъ орденовъ, Доминиканскій, развился прямо на почвѣ борьбы съ еретиками: основатель ордена, *Доминго Гусманъ*, духовное лицо, происходившее изъ знатнаго кастильянскаго рода, долго странствовалъ по Южной Франціи, пытаясь обращать еретиковъ на путь правой вѣры: и главнымъ дѣломъ учрежденнаго имъ ордена такъ и осталась *проповѣдь правовѣрія*, которая ставилась въ обязанность каждому монаху-доминиканцу; впослѣдствіи, этому же ордену поручена была и *инквизиція*, т.-е. разслѣдованіе или выслѣживанье всякихъ остатковъ еретическаго зараженія, и эта новая обязанность, порученная имъ и представлявшая сама по себѣ понятіе весьма растяжимое, послужила главнымъ отличіемъ доминиканцевъ отъ всѣхъ иныхъ монаше-

скихъ братствъ. Обѣтъ *бѣдности*, въ смыслѣ полнаго отреченія отъ мірскихъ благъ, вслѣдствіе котораго обоимъ этимъ орденамъ и было придано наименованіе *нищенствующихъ* орденовъ, доминиканцы переняли отъ *францисканцевъ*, которые также предназначили себя на борьбу съ еретичествомъ, но въ болѣе утонченной формѣ. Та самая оппозиція противъ слишкомъ явнаго проявленія мірскихъ стремленій Церкви, которая выразилась въ ученіи Вальденцевъ (или Альбигойцевъ), въ средѣ послѣдователей и учениковъ Св. Франциска незамѣтно обратилась въ силу, дѣйствовавшую по указаніямъ Церкви. *Франческо*, сынъ богатаго купца въ Ассизи (въ округѣ Перуджійскомъ), исходилъ въ своемъ ученіи изъ тѣхъ же началъ евангельскаго ученія, съ которыхъ начиналъ свою дѣятельность и Петръ Вальдусъ: «даромъ вы это получили, даромъ и давайте»—говоритъ Христосъ ученикамъ своимъ, посылая ихъ на проповѣдь и увѣщевая ихъ не захватывать съ собою ни денегъ, ни посоха, ни обувь на дорогу. Но Франческо придалъ особенное, выдающееся значеніе тому, что было лишь прямымъ слѣдствіемъ христіанскаго ученія о ничтожествѣ земного міра и всѣхъ его благъ. Собравъ около себя единомышленниковъ, Франческо создалъ для нихъ цѣлую житейскую систему, на основаніи изреченій, заимствованныхъ изъ «нагорной проповѣди» Христа. И вотъ, облекшись въ темные балахоны (нѣкоторое подобіе мѣстной одежды низшихъ классовъ народа), подпоясанные веревкой, францисканцы разбрелись повсюду, проповѣдуя всѣмъ безвозмездно, и поддерживая свое существованіе испрашиваемою милостынею; Гонорій далъ этимъ «Fratres minores»—«меньшимъ братьямъ» или *миноритамъ*—право повсемѣстной проповѣди и исповѣди, и такимъ образомъ оба эти ордена, благодаря своему строгому обѣту нищенства пріобрѣтшія общее расположеніе въ народѣ, пріобрѣли въ короткое время огромное значеніе и могущество. И стали они около папскаго престола, въ качествѣ преданнаго, никакимъ имуществомъ не отягощеннаго и всегда готоваго къ бою воинства; а папскій престолъ, вскорѣ послѣ того, пришелъ въ такое положеніе, при которомъ это воинство оказалось для него весьма пригоднымъ въ борьбѣ противъ свѣтской власти императоровъ—противъ государства.

Новый Крестовый походъ; приготовленія къ нему. Неудачи на Востокѣ.

И папѣ Гонорію, такъ же какъ и Иннокентію, не удалось побудить всѣхъ къ общему и немедленному походу въ Св. Землю. Въ 1217 году король Венгерскій Андрей переплылъ за море въ Акконъ изъ Спалатро, во главѣ довольно большого количества странниковъ-крестоносцевъ; въ слѣдующемъ году приплыла въ Палестину довольно значительная флотилія (отъ 200 до 300 кораблей), съ крестоносцами изъ прирейнскихъ мѣстностей и Фрисландіи, уже испытавшихъ силу своего оружія въ борьбѣ съ прирейнскими Маврами; опираясь на эти и на другія, непрерывно прибывавшія подкрѣпленія, то большія, то малыя, гроссмейстеры трехъ рыцарскихъ орденовъ и *Іоаннъ Брієннскій*, носившій титулъ короля Іерусалимскаго, рѣшились попытаться завоевать *Египетъ*, исходя изъ того совершенно правильнаго взгляда, что спокойное обладаніе Сиріею невозможно безъ одновременнаго и вполнѣ упроченнаго занятія Египта. И вотъ крестоносцы обложили Даміэтту (на одномъ изъ восточныхъ рукавовъ Нила) и стали осаждать этотъ городъ (1218 г.). Египетъ же въ то время

находился во власти Эйюбида *Аль-Камиля*, племянника великаго Саладина; городъ защищался храбро и успѣшному ходу этой обороны еще способствовали неравномѣрные приливы и отливы воиновъ въ войскѣ осаждающихъ, благодаря которымъ никакая правильность въ военныхъ дѣйствіяхъ не могла быть соблюдена; наконецъ, въ ноябрѣ 1219 г., городъ былъ взятъ христіанами. Но эта удача была почти мимолетною. Аль-Камиль предлагалъ крестоносцамъ миръ; предлагалъ даже обмѣнять Даміэтту на Іерусалимъ. Но во главѣ христіанскаго воинства стоялъ одинъ изъ тѣхъ духовныхъ диллетантовъ, которые вообще пользовались такимъ важнымъ значеніемъ во время Крестовыхъ походовъ,—папскій легатъ кардиналъ Пелагій, и вотъ онъ-то высокомѣрно и отвергъ предложеніе Аль-Камиля. Затѣмъ войско двинулось смѣло вверхъ по Нилу, но дурно предводимое, очутилось разомъ между двухъ бѣдъ — наступающими войсками Аль-Камиля и искусственнымъ наводненіемъ отъ спущенныхъ водъ Нила; по счастью, врагъ крестоносцевъ, Аль-Камиль, оказался настолько уменъ и великодушенъ, что не захотѣлъ окончательно погубить крестоносцевъ и удовольствовался договоромъ съ ними, по которому Даміэтта была ему возвращена, весь Египетъ очищенъ отъ крестоносцевъ, и установленъ миръ, который въ теченіе послѣдующихъ восьми лѣтъ былъ только однажды нарушенъ однимъ изъ западныхъ королей, самолично явившимся съ войскомъ въ Палестину (1221 г.).

Фридрихъ и папа.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что, послѣ этой неудачи и этого договора, взоры всѣхъ, болѣе чѣмъ когда-либо, обратились на перваго и могущественнѣйшаго изъ вѣнценосцевъ—на Фридриха II, и что въ кругу ревнителей Церкви на него стали негодовать за его медлительность, которой и приписывали эту неудачу. Съ современной точки зрѣнія, однакоже, подобныя обвиненія представляются намъ странными, такъ какъ священнѣйшею обязанностью государя, въ положеніи Фридриха, было, конечно, внутреннее устроеніе тѣхъ странъ, которыя поручены были его управленію. Только въ 1218 г. смерть Оттона IV нѣсколько развязала ему руки: въ Госларѣ, братъ Оттона, пфальцграфъ Генрихъ, передалъ ему царственную утварь. Тогда начались переговоры о коронованіи императорскомъ. Въ одномъ изъ актовъ, данныхъ въ Страсбургѣ въ 1216 г., Фридрихъ обѣщался папѣ Иннокентію, что онъ, тотчасъ послѣ вѣнчанія императорскою короной, передастъ сыну своему Генриху королевство Сицилійское, какъ лэнъ Римской Церкви — какъ онъ и самъ имъ владѣлъ — и на время малолѣтства сына назначитъ туда регентомъ лицо по благоусмотрѣнію папы. Фридрихъ подтвердилъ и папѣ Гонорію III (1220 г.) это обѣщаніе, которое касалось одного изъ насущнѣйшихъ для римской куріи вопросовъ; однакоже намекнулъ папѣ, что онъ отъ его «отеческой благости ожидаетъ въ будущемъ отмѣны этого уговора». Въ томъ же году, Генрихъ, уже прежде возведенный въ Швабскіе герцоги, былъ избранъ въ короли:—власть императорская и корона сицилійская были совершенно отдѣлены отъ короны германской. Въ соправители и совѣт-

Царственное яблоко (держава).—Изъ коронаціонной утвари с. р. имперіи; нынѣ хранится въ имп. кор. сокровищницѣ въ Вѣнѣ.

Германскій императорскій вѣнецъ.

Corona aurea imperialis.

Германскій императорскій вѣнецъ изъ массивнаго золота, украшенъ большимъ количествомъ восточныхъ жемчужинъ и нешлифованныхъ драгоцѣнныхъ камней. Онъ по формѣ осьмигранный; состоитъ изъ восьми золотыхъ щитковъ, свободно движущихся на шарнирахъ, а внутри скрѣпленныхъ тоненькою желѣзною полоскою. Внутрь короны вложена красная бархатная шапочка, которая при каждомъ коронованіи передѣлывалась, сообразно головѣ коронуемаго императора.

Вѣнецъ состоитъ изъ 3-хъ частей: собственно вѣнечнаго обруча, составленнаго изъ 8 округленныхъ сверху щитковъ; изъ латинскаго креста, возвышающагося надъ наибольшимъ среднимъ щиткомъ, и изъ золотой дуги, скрѣпляющей переднюю часть вѣнца съ заднею. Драгоцѣнные камни, посаженные въ высокихъ гнѣздахъ и окруженные искусною филигранью, представляютъ собою сапфиры, гранаты, смарагды, аметисты и рубины.

Четыре меньшихъ щитка вѣнца заняты библейскими изображеніями, изъ перегородчатой эмали; на нашемъ приложеніи виденъ тотъ щитокъ, на которомъ изображенъ Спаситель, окруженный херувимами, держащій въ одной рукѣ «книгу живота», а другою благословляющій на латинскій образецъ. Выше этого изображенія многозначительная надпись: «per me reges regnant» (Мною цари царствуютъ).

Дуга, скрѣпляющая переднюю и заднюю стороны вѣнца, состоитъ также изъ восьми небольшихъ щитковъ и на нихъ изъ мелкихъ жемчужинокъ составлена надпись:

Съ лицевой стороны: CH UON RAD US DEI GR AT IA.

Съ оборотной: RO MA NOR UI MPE RA TOR AUG.

Надпись эта ясно указываетъ, что вѣнецъ этотъ ведетъ свое начало не отъ Карла Великаго, которому его приписывало преданіе. Судя по работѣ, есть основаніе предположить, что это мастерское произведеніе искусства есть дѣло рукъ сарацинско-сициліанскихъ художниковъ XI—XII вѣка. Къ которому изъ Конрадовъ слѣдуетъ отнести этотъ вѣнецъ—къ II или III?—это рѣшить невозможно.

Въ настоящее время, вмѣстѣ съ прочими клейнодами, вѣнецъ хранится въ королевско-императорской сокровищницѣ въ Вѣнѣ.

Судьбы германскихъ государственныхъ клейнодовъ.

До самаго конца среднихъ вѣковъ, новоизбранный глава царства долженъ былъ, по обычаю, трижды короноваться: однажды—въ Аахенѣ, германскою королевскою короною, на тронѣ Карла Великаго, затѣмъ—въ Монцѣ или Миланѣ, желѣзною короною Ломбардскою, и, наконецъ, въ Римѣ, надъ могилою св. Петра—римскимъ императорскимъ вѣнцомъ.

Надо предполагать, что первая царственная утварь явилась при императорахъ Саксонской династіи; при Оттонахъ же чаще встрѣчаемъ о ней упоминаніе. До временъ Гогенштауфеновъ каждый изъ коронованныхъ монарховъ сохранялъ эту утварь въ особомъ мѣстѣ, избирая для того свою любимую резиденцію или одинъ изъ наиболѣе крѣпкихъ замковъ.

При Фридрихѣ II, во время знаменитой вылазки Пармцевъ и пожара «Викторіи», имъ удалось овладѣть нѣкоторою частью царственной утвари; другая часть ея погибла въ пожарѣ, во время свадьбы коронованнаго Вильгельма Голландскаго, въ Аахенѣ. Первую утрату Фридрихъ II пополнилъ въ Сициліи, чѣмъ и объясняются сарацинскіе орнаменты и надписи на германскихъ государственныхъ клейнодахъ; остальную часть клейнодовъ Ричардъ Корнваллійскій приказалъ привезти къ своему коронованію изъ Англіи.

Съ Рудольфа Габсбургскаго клейноды стали при каждомъ новомъ царствованіи переселяться въ новое хранилище:—хранились и въ Мюнхенѣ, и въ Прагѣ, и въ Богеміи, а при Сигизмундѣ даже и въ Венгріи. Это вызвало недовольство въ средѣ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей и, по ихъ настоянію, въ 1424 г. клейноды были перевезены на храненіе въ Нюренбергъ.

Здѣсь долго хранились они въ особомъ тайникѣ надъ ризницей въ церкви Св. Духа, ежегодно выставляемые торжественно на поклоненіе всенародному множеству. При каждомъ же вѣнчаніи особое торжественное посольство, состоявшее изъ членовъ городского совѣта, везло ихъ во Франкфуртъ.

Въ 1796 г., французы, подъ командою Журдана, овладѣли беззащитнымъ Нюренбергомъ и государственные клейноды при этомъ подвергались величайшей опасности. Журдану дано было приказаніе непремѣнно овладѣть ими. Однакоже, они были спасены. Въ ночь передъ вторженіемъ французовъ городскія власти тайно проникли въ тайникъ и приказали вынести всѣ клейноды въ двухъ большихъ корзинахъ. Затѣмъ они были тщательно уложены въ ящики, и ранёшенько были вывезены изъ города на тѣлегѣ, заваленные конскимъ навозомъ. Затѣмъ, долгое время хранились они въ Регенсбургѣ, въ дрянномъ черномъ сундукѣ, засыпанные овсомъ. Только въ 1818 г. клейноды были перевезены въ Вѣну, гдѣ въ 1848 году счастливо избѣгли притязаній революціоннаго правленія, которое черезъ депутацію требовало отправки клейнодовъ во Франкфуртъ, на національное собраніе. Съ той поры они хранятся въ императорской королевской сокровищницѣ въ Вѣнѣ.

Въ число клейнодовъ входитъ всего 14 предметовъ: 1) *исподняя одежда,* 2) *сандаліи,* 3) *альба,* 4) *оба пояса,* 5) *стóла,* 6) *пурпурная тога,* 7) *пурпурная далматика съ орлами,* 8) *императорская мантія* (pallium), 9) *перчатки,* 10) *два скипетра,* 11) *золотое царственное яблоко,* 12) *императорскій вѣнецъ,* 13) *золотой императорскій мечъ,* такъ-называемый Карла Великаго, 14) *мечъ св. Маврикія.*

Восемь остальныхъ предметовъ, входившихъ въ составъ клейнодовъ, какъ напримѣръ, *золотыя шпоры* и *наручи*—утрачены въ концѣ прошлаго столѣтія, во время перевозки этихъ сокровищъ съ мѣста на мѣсто.

ГЕРМАНСКІЙ ИМПЕРАТОРСКІЙ ВѢНЕЦЪ „CORONA AUREA“.

До 1796 г. хранился, вмѣстѣ съ прочими царственными клейнодами, въ церкви Св. Духа въ Нюрнбергѣ.

Нынѣ хранится въ Императорской сокровищницѣ въ Вѣнѣ.

Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ

ники сыну своему Фридрихъ далъ архіепископа кёльнскаго Энгельберта, устроивъ такимъ образомъ государственное управленіе на все время своего предстоящаго отсутствія. И папѣ также съ особою настойчивостью указывалъ онъ на то, что и не помышляетъ о сліяніи императорской власти съ обладаніемъ короною сицилійскою, да и за приготовленія къ Крестовому походу принялся, повидимому, весьма серьезно. Но не слѣдуетъ забывать, что Фридрихъ былъ тонкимъ, прирожденнымъ дипломатомъ, да и рано успѣлъ при папскомъ же дворѣ пройти хорошую школу лицемѣрія. И вотъ онъ отправился въ Италію, въ ноябрѣ того же года былъ коронованъ въ Римѣ императорскою короною, вмѣстѣ со своею супругою Констанціей, и возобновилъ обѣтъ крестоносца; папа выказалъ себя вполнѣ къ нему благосклоннымъ, тѣмъ болѣе, что Фридрихъ весьма охотно вызвался оказать духовнымъ судамъ помощь со стороны свѣтской власти въ борьбѣ съ еретиками. Затѣмъ онъ послалъ подкрѣпленія въ Египетъ, которыя прибыли какъ разъ въ то время, когда разразилась Нильская катастрофа, а самъ отправился въ Сицилійское королевство и тамъ твердою рукою возстановилъ совершенно-расшатанный порядокъ, сдѣлалъ или, по крайней мѣрѣ, подготовилъ кое-какія немаловажныя преобразованія во внутреннемъ строѣ королевства, и ревностно приказалъ собирать деньги на предстоящій Крестовый походъ. Папѣ это не понравилось; однакоже, Фридрихъ, въ угоду ему, повоевалъ съ Сарацинами въ Сициліи, а въ слѣдующемъ 1223 г. даже далъ нѣкотораго рода ручательство въ томъ, что онъ непремѣнно приведетъ въ исполненіе намѣченный имъ Крестовый походъ:—такъ какъ супруга его Констанція въ 1222 г. скончалась, то онъ помолвился съ Изабеллою, дочерью короля Іоанна Іерусалимскаго.

И вотъ вновь начались всюду—въ Англіи, во Франціи, въ Германіи—проповѣди, призывавшія всѣхъ къ участію въ Крестовомъ походѣ. Въ Германіи, по порученію самого Фридриха, дѣйствовалъ въ этомъ же духѣ его другъ, гроссмейстеръ нѣмецкаго ордена, Германъ фонъ-Зальца: на этотъ разъ едва-ли даже замедленіе похода происходило по винѣ императора, такъ какъ походъ этотъ представлялъ ему даже нѣкоторыя выгоды. Повидимому, и самъ папа признавалъ это, потому что въ 1225 г. даже заключилъ съ Фридрихомъ уговоръ, по которому выступленіе въ походъ было отложено, самое позднее, на 1227 г.;—въ случаѣ же, если бы это выступленіе и тогда не состоялось, то и ему, и всему его царству грозило отлученіе отъ Церкви. Ближайшіе два года Фридрихъ непрерывно пребывалъ въ Италіи. Ему удалось установить твердую власть въ его Сицилійскомъ королевствѣ и противопоставить тамъ прочную правительственную организацію феодальной анархіи; въ 1226 г. онъ уже почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что, по его предположенію, могъ уже отнестись какъ полновластный владыка и императоръ къ притязаніямъ могущественныхъ ломбардскихъ городскихъ автономій. Тѣмъ временемъ архіепископъ Энгельбертъ Кёльнскій былъ убитъ однимъ изъ своихъ родственниковъ и на его мѣсто, въ соправители и руководители къ королю Генриху, избранъ былъ герцогъ Лудвигъ Баварскій. Не легко было ему справляться съ этимъ молодымъ человѣкомъ, упрямымъ, капризнымъ, расточительнымъ, живо напоминавшимъ продѣлками своими юность Ген-

риха IV; и точно такъ же, какъ тотъ, онъ тоже противъ своей воли былъ повѣнчанъ съ австрійской принцессой. По приказанію императора, онъ двинулъ было изъ Германіи войска къ Равеннѣ, но равеннцы и ихъ союзники преградили дорогу юному королю, и онъ долженъ былъ вернуться съ войскомъ въ Германію. Такъ какъ предстоявшій въ близкомъ будущемъ Крестовый походъ не давалъ возможности Фридриху вступить въ долгую и трудную борьбу съ ломбардскими городами, то онъ принялъ посредничество папы и при его помощи вступилъ съ ними въ соглашеніе. Фридрихъ надѣялся, подъ предлогомъ Крестоваго похода и искорененія еретичества, усилить свою власть въ Ломбардіи; но, на основаніи соглашенія, города обязались только поставить въ войско императора 400 рыцарей и соблюдать между собою миръ.

Григорій IX и императоръ.

Статуя Фридриха II,
которая еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ стояла около римскихъ воротъ въ Капуѣ, затѣмъ была сброшена, и теперь, изувѣченная, хранится въ Капуанскомъ музеѣ.

Въ мартѣ 1227 г. Гонорій умеръ. Его преемникъ *Григорій IX*, 80-тилѣтній старикъ, отнесся къ Крестовому походу съ величайшею ревностью и всѣми силами старался ускорить отправленіе въ походъ императора, который между тѣмъ успѣлъ обвѣнчаться съ наслѣдницею Іерусалимской короны и дѣйствительно уже былъ готовъ приступить къ походу. Большими толпами стали сбираться весною и лѣтомъ 1227 г. всѣ крестоносцы (преимущественно Нѣмцы и Итальянцы) въ окрестностяхъ Брундузіума, мѣста отплытія. Правильное продовольствіе этой громадной массы людей не было въ достаточной степени обезпечено; имъ было даже негдѣ укрыться отъ палящихъ лучей солнца, и вотъ между ними открылись повальныя болѣзни, отъ которыхъ ряды воиновъ Христовыхъ стали быстро рѣдѣть. Однакоже, главная масса войска, въ началѣ сентября, отплыла въ море, въ видѣ довольно значительной флотиліи. Нѣсколько дней спустя, за войскомъ послѣдовалъ и самъ императоръ съ ландграфомъ Лудвигомъ Тюрингенскимъ; однакоже, имъ недолго пришлось пробыть въ морѣ: они оба отплыли въ дальній путь не совсѣмъ здоровые, поэтому вернулись на берегъ и высадились въ Отранто, гдѣ ландграфъ и умеръ нѣсколько дней спустя.

При полученіи извѣстія о возвращеніи Фридриха, папа, давно уже относившійся къ нему весьма недовѣрчиво, прогнѣвался на него жестоко. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ отлучить императора отъ Церкви, не принимая во вниманіе и не выжидая его оправданій, и немедленно возвѣ-

стилъ всему христіанскому міру въ окружномъ посланіи о своемъ безумномъ поступкѣ. Фридрихъ, со своей стороны, тоже отвѣчалъ на это такимъ же окружнымъ посланіемъ, въ которомъ заявлялъ, что отнимаетъ у куріи всѣ области, уступленныя ей, какъ имъ самимъ, такъ и Оттономъ IV. Со стороны папы посыпались новыя проклятія; онъ разрѣшилъ крестоносцевъ отъ связывавшаго ихъ обѣта и еще разъ подтвердилъ отлученіе отъ Церкви императора, распространявшееся и на всѣ тѣ мѣстности, которыя бы онъ избралъ для своего пребыванія. А между тѣмъ Фридрихъ, еще на нѣкоторое время задержанный неожиданною кончиною своей супруги Изабеллы, преспокойно закончилъ свои приготовленія къ походу и отплылъ изъ Брундузіума въ концѣ іюня 1228 г.

2. 1228—1245.

Пятый Крестовый походъ. 1228 г.

Этотъ *пятый* Крестовый походъ, предпринятый отлученнымъ отъ Церкви императоромъ, отличался отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что въ основѣ дѣйствій главнаго его вождя мы видимъ не слѣпое религіозное рвеніе, не безумное мужество, а весьма спокойныя и разумныя политическія соображенія. Императоръ воспользовался раздоромъ султана Египетскаго съ Дамасскимъ, и, еще до отправленія своего въ походъ, уже вступилъ съ Аль-Камилемъ въ дружественныя сношенія. Высадившись въ Сиріи, Фридрихъ собралъ во-едино разрозненныя силы христіанъ (Тампліеры и Госпиталиты вначалѣ отказывались дѣйствовать съ ними за-одно), и затѣмъ, не предпринимая никакихъ военныхъ дѣйствій, заключилъ съ Аль-Камилемъ договоръ, который, по отношенію къ Св. Мѣстамъ, заключалъ въ себѣ все, что для христіанъ могло имѣть дѣйствительное значеніе. Султанъ возвратилъ всѣхъ христіанъ-плѣнниковъ, уступилъ императору городъ Іерусалимъ въ полную собственность, а къ нему въ придачу и другія Св. Мѣста, какъ, напр., Виѳлеемъ и Назаретъ. Все побережье моря, отъ Бейрута на сѣверѣ до Іоппе на югѣ, осталось во владѣніи королевства Іерусалимскаго, такъ что каждый, высадившійся въ одной изъ этихъ гаваней, могъ спокойно направиться въ Іерусалимъ и, по совершеніи обѣта, такъ же спокойно вернуться оттуда въ отечество. За то и мослемитамъ также предоставлена была въ Іерусалимѣ мечеть Омара съ ея околоткомъ, въ которой они должны были сходиться на молитву безоружные, и никому изъ христіанъ въ тотъ околотокъ входить не дозволялось. 17 марта Фридрихъ вступилъ въ Іерусалимъ, гдѣ всѣ его радостно привѣтствовали.

Возвращеніе Фридриха.

Принявъ всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія и утвержденія своихъ мирныхъ завоеваній, самъ Фридрихъ пустился въ обратный путь и въ іюнѣ 1229 г. вновь вступилъ на почву Апуліи. А между тѣмъ папа всѣми силами старался вредить императору, возбуждая противъ него его враговъ, разрѣшая его подданныхъ отъ данной имъ присяги, и даже прямо собралъ войско для борьбы съ нимъ; но, конечно, Фридрихъ очень скоро доказалъ папѣ, что ему не подъ силу бороться съ императоромъ. Послѣ краткаго промежутка военныхъ схватокъ и сшибокъ, обѣ стороны предпочли примириться. Примиреніе, при посредствѣ германскихъ князей, соверши-

Свиданіе въ С.-Джермано.

лось въ *Санъ-Джермано* (1230 г.). Императоръ далъ полную амнистію всѣмъ приверженцамъ папы, поднявшимъ за него оружіе; папа, въ свою очередь, снялъ отлученіе съ императора и всѣхъ его сторонниковъ и призналъ, что Фридрихъ, участіемъ въ Крестовомъ походѣ, выполнилъ свой обѣтъ. Нѣсколько времени спустя папа свидѣлся лично съ Фридрихомъ въ Ананьи; они долго бесѣдовали между собою наединѣ (одинъ только Германъ фонъ-Зальца присутствовалъ при этой бесѣдѣ), и, повидимому, вынесли изъ этого свиданія обоюдно-пріятныя впечатлѣнія.

Италія, послѣ Санъ-Джерманскаго договора, продолжала, попрежнему, привлекать главнымъ образомъ вниманіе Фридриха II. Управленіе Германіею онъ вполнѣ предоставилъ своему сыну Генриху, хотя между отцомъ и сыномъ не было ничего общаго. Замѣчательно, что и въ Германіи, въ этотъ періодъ, городской бытъ сталъ быстро развиваться, хотя и не въ той формѣ, какъ въ Ломбардіи, однакоже, несомнѣнно въ связи съ тѣмъ, что происходило въ городахъ ломбардскихъ; мало-по-малу отношенія этихъ городовъ къ мѣстнымъ владѣтельнымъ князьямъ и соблюденіе *общаго мира* какъ важнѣйшаго *государственнаго принципа*, явились важнѣйшими задачами современной внутренней политики. «Общій миръ» не считался нарушеннымъ частными распрями (faida) отдѣльныхъ владѣльцевъ, которые не были лишены права воевать между собою; а такъ какъ въ подобныхъ междоусобіяхъ не было недостатка, то одинъ городъ за другимъ сталъ испрашивать себѣ или присвоивать право постройки укрѣпленій, и простонародье всюду привыкло видѣть въ этихъ огражденныхъ стѣнами городахъ наиболѣе желательныя и надежныя убѣжища. Эти городскія общины постепенно освободились отъ непосредственнаго вліянія лэннаго управленія, и хотя всѣ онѣ развивались въ томъ же направленіи, однакоже, во внутреннемъ своемъ строѣ представляли великое разнообразіе.

Саксъ-поселенецъ и плѣнный вендъ.

Отличительною чертою перваго является его широкій ножъ (sahs); второй отличается своею бѣлою одеждою и въ особенности обувью съ оборами; эта часть одежды считалась принадлежностью язычества и потому строго была воспрещена рыцарямъ ордена. Изъ современной ркп. (Sachsenspiegel), хранящейся въ Гейдельбергѣ.

Нѣмецкій орденъ въ Пруссіи.

Немаловажно было также и то, что около этого времени происходило на С. Одинъ изъ за-вислянскихъ владѣтельныхъ князей, *Конрадъ Мазовецкій*, состоялъ въ постоянныхъ враждебныхъ отношеніяхъ съ языческимъ племенемъ Пруссовъ (или Боруссовъ), заселявшимъ низовья Вислы и морское побережье и безпрестанно производившимъ опустошительные набѣги на его владѣнія. Посовѣтовавшись со своими вельможами и епископами, Конрадъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи «рыцарей чернаго креста», и отправилъ посольство къ гроссмейстеру нѣмецкаго ордена Герману фонъ-Зальца, дружившему и съ императоромъ, и съ папой. Гроссмейстеръ заручился у императора большими привилегія-

ми по отношенію къ той странѣ, которую собирался присвоить ордену, а затѣмъ отправилъ нѣсколькихъ «братьевъ», чтобы ближе ознакомиться съ страною и заключить съ княземъ Конрадомъ Мазовецкимъ необходимыя предварительныя условія. Только уже въ 1226 г. начата была постройка перваго зàмка (Фогельзанкъ) на новой территоріи, занятой рыцарями, и въ томъ зàмкѣ поселено весьма небольшое количество рыцарей и служилыхъ людей.

Отношенія къ Даніи.

До какой степени уже успѣла около этого времени развиться самостоятельность отдѣльныхъ сословій и городскихъ общинъ, доказывается отчасти тѣми событіями, которыя произошли въ первой четверти XIII вѣка на границѣ Германіи и Даніи. Дѣло въ томъ, что въ 1214 г., во время еще неоконченной борьбы Фридриха съ Оттономъ IV, Фридрихъ, формальнымъ актомъ, даннымъ въ Мецѣ, уступилъ всѣ земли на С.-В., между Эльдой и Эльбой, до самаго моря, королю Датскому Вальдемару II. Но мѣстные владѣтельные князья и богатые пограничные города были недовольны уступкою такого обширнаго и богатаго участка государственной территоріи королю Датскому. Завязалась борьба на границѣ и закончилась въ 1227 году тѣмъ, что цѣлая коалиція сѣверо-германскихъ князей и городовъ (епископъ Бременскій, герцогъ Саксонскій, графы Шауенбургскій и Шверинскій, граждане Бремена и Любека и даже дитмарскіе крестьяне) нанесли Вальдемару II тяжкое пораженіе и заставили его отказаться отъ уступленной ему территоріи. Вскорѣ послѣ того городу Любеку удалось добиться отъ императора такого акта, по которому ему даны были большія вольности: по этому акту, городъ поставленъ былъ только въ личную зависимость отъ императора, и его изображеніе чеканилось на любекскихъ монетахъ.

Императоръ Фридрихъ и города.

Вообще говоря, Фридрихъ II оказывалъ покровительство городамъ и благопріятствовалъ развитію тѣхъ изъ нихъ, на которые онъ могъ вліять непосредственно. Въ этомъ отношеніи его германская политика совершенно отличалась отъ той, которой онъ придерживался въ своемъ Сицилійскомъ королевствѣ; въ Германіи правилъ сынъ его, Генрихъ, и между сыномъ и отцомъ готовилось столкновеніе. Генрихъ былъ окруженъ дворомъ, въ которомъ знать пользовалась преобладающимъ вліяніемъ; ему подчинялся и самъ Генрихъ и, сообразно съ этимъ, заботился исключительно объ удовлетвореніи крупныхъ владѣтельныхъ князей, пренебрегая интересами другихъ сословій и городовъ. На сеймѣ въ *Вормсѣ* (1231 г.) права этихъ *владѣтельныхъ князей* (domini terrae — какъ они впервые были здѣсь поименованы) были значительно расширены, а городамъ строжайше воспрещено вступать между собою во всякіе союзы, коалиціи и конфедераціи; равно воспрещено имъ давать у себя убѣжище такимъ гражданамъ, которые не имѣютъ осѣдлости въ самомъ городѣ и «состоятъ въ какой бы то ни было зависимости отъ князей, знатныхъ людей, министеріаловъ или церквей».

Равеннскій сеймъ.

Соотвѣтственно этому, въ слѣдующемъ 1232 г. самъ императоръ, на сеймѣ въ *Равеннѣ*, принялъ также мѣры для поддержанія своей власти и значенія. Въ силу новыхъ положеній Равеннскаго собора, въ епископскихъ городахъ все управленіе было вновь передано въ руки духовныхъ

владѣтельныхъ сановниковъ: всѣ старшины городскихъ общинъ, совѣтники и власти, которыя были избраны и поставлены гражданами безъ одобренія епископскаго, были признаны незаконными, всѣ братства и сообщества, слѣдовательно и цехи, въ которые сплотились ремесленники, уничтожены. Этимъ путемъ Фридрихъ старался закрѣпить свою связь съ крупными владѣтельными князьями и епископами, сознавая, что они еще представляютъ грозную силу, а городской элементъ населенія еще не настолько успѣлъ окрѣпнуть, чтобы на него можно было опереться. По отношенію къ ломбардскимъ городамъ, которымъ эти реакціонныя законоположенія не могли нравиться, Фридрихъ старался обезпечить себя тѣснѣйшимъ сближеніемъ съ папою, въ угоду которому издалъ необычайно жестокій законъ противъ еретичества. Сама Церковь, правда, не проливала крови: ея судьи только разслѣдовали и произносили приговоръ, а затѣмъ передавали виновнаго въ руки мірской власти. Тотъ, кто изъявлялъ готовность возвратиться въ «лоно единой Церкви», обрекался только на вѣчное заточеніе, но вообще за еретичество назначалась смертная казнь; а дабы искоренить самые зачатки «еретической заразы» въ Германіи, по Равеннскимъ законоположеніямъ, направленнымъ противъ ересей—и укрыватели, и покровители еретиковъ подвергались одинаковой съ еретиками смертной казни, и даже дѣти и внуки еретиковъ лишались всякихъ правъ своихъ на лэны, должности и почести. Только одно исключеніе изъ этого правила допускалось этими варварскими законоположеніями: имъ не подлежали только тѣ дѣти еретиковъ, которыя сами уличали своихъ родителей въ еретичествѣ. И эти законоположенія—увы!—вполнѣ соотвѣтствовали духовнымъ потребностямъ современной дѣйствительности! Не только въ Италіи и Южной Франціи, но и въ Германіи уже проявлялась готовность яростно преслѣдовать мнимыя отступленія отъ догматовъ Церкви, и гессенскій монахъ-францисканецъ, Конрадъ Марбургскій, уже странствовалъ всюду, пламенно проповѣдуя гибель еретикамъ. Онъ былъ всецѣло поглощенъ своею религіозною миссіей: ни корысть, ни внѣшнія почести его не привлекали—онъ стремился только къ тому, чтобы какъ можно болѣе еретиковъ увидѣть на пылающихъ кострахъ. Само собою разумѣется, что при подобномъ яростномъ преслѣдованіи еретичества, ни о какой справедливости не могло быть и рѣчи. Сердца судей были недоступны никакому чувству: они смотрѣли очами и не видѣли ничего, кромѣ того, что представлялось въ воображеніи ихъ фанатизму:—по ихъ воззрѣніямъ, каждый, обвиненный въ еретичествѣ, былъ уже въ немъ виновенъ; не принималось во вниманіе даже то, что обвиненіе нерѣдко могло исходить отъ зависти, ненависти и своекорыстныхъ расчетовъ обвинителя. Самъ Конрадъ, ослѣпленный своимъ безумнымъ рвеніемъ, не обращалъ ни на что вниманія, не затруднялся никакими личными отношеніями, пока, наконецъ, не вызвалъ противъ себя взрывъ отчаянія: невдалекѣ отъ Марбурга, этотъ изувѣръ былъ убитъ во время народнаго смятенія. Въ какой степени и какъ быстро эта борьба противъ ересей извращала всѣ нравственныя воззрѣнія,—это доказываетъ намъ война противъ *Штединцевъ*, поселянъ, жившихъ къ западу отъ низовьевъ Везера. Они просто отказались отъ выполненія нѣкоторыхъ обязательствъ своихъ по отношенію къ графу

Ольденбургскому и архіепископу Бременскому: тогда нашли, что они отрекаются отъ повиновенія папской власти. На мѣстномъ соборѣ этихъ несчастныхъ обвинили въ ереси и противъ нихъ пошли Крестовымъ походомъ. Штедингцы, пользуясь благопріятными условіями мѣстности, защищались отчаянно. Наконецъ, въ 1234 г. противъ нихъ было двинуто сильное рыцарское войско, предводимое герцогомъ Брабантскимъ и графомъ Голландскимъ; оно-то и привело въ исполненіе приговоръ собора надъ несчастною страною, истребивъ все населеніе, «безъ различія пола и возраста».

Фридрихъ въ Германіи. 1235.

Послѣ пятнадцатилѣтняго отсутствія, императоръ былъ, наконецъ, вынужденъ вернуться въ Германію, потому что сынъ его Генрихъ, давно уже не ладившій съ отцомъ, поднялъ тамъ противъ него знамя бунта. Поводомъ или предлогомъ къ возстанію послужило то особенное расположеніе, которое отецъ выказывалъ младшему сыну своему, Конраду (отъ второго брака), а также и неудовольствіе, высказанное Фридрихомъ по поводу нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣропріятій сына. Тотъ, какъ мы уже видѣли выше, опирался главнымъ образомъ на министерьяловъ, на низшее дворянское сословіе, которое со временъ Генриха IV и при быстромъ возрастаніи могущества князей утратило всякое значеніе. При этомъ онъ выказывалъ себя также сторонникомъ городскихъ общинъ и вступилъ въ сношенія съ ломбардскими городами; и, вообще говоря, его манифестъ, объявлявшій во всеобщее свѣдѣніе о его разрывѣ съ отцомъ, былъ встрѣченъ сочувственно многими недовольными. Но сочувствіемъ все дѣло и ограничилось. Едва только императоръ Фридрихъ явился въ Германію,—попытка Генриха оказалась совершенно тщетною. Отецъ его справился съ возмущеніемъ даже не принимаясь за оружіе. Сынъ, по зову отца, явился въ Вормсъ, въ іюлѣ 1235 года, былъ посаженъ въ заточеніе, пытался бѣжать, и потомъ былъ отправленъ отцомъ въ Апулію, гдѣ вскорѣ послѣ того (1242 г.) и умеръ въ заточеніи, на 31 году. Это грустное семейное событіе нимало не помѣшало императору Фридриху извлечь изъ своего пребыванія въ Германіи возможную пользу: онъ вступилъ въ третій бракъ съ англійской принцессой Изабеллой, сестрою короля Генриха III. Встрѣча нареченной невѣсты въ Кёльнѣ и свадебное пиршество въ Вормсѣ сопровождались празднествами и блестящими рыцарскими турнирами (въ іюлѣ 1235 г.).

Майнцскій повсемѣстный миръ.

Нѣсколько недѣль спустя, духовные и свѣтскіе сановники собрались въ *Майнцѣ* на съѣздъ. Здѣсь, весьма подробнымъ законодательнымъ актомъ былъ установленъ *повсемѣстный миръ*, по которому и частное право войны, между отдѣльными владѣтельными лицами, было значительно ограничено: къ насилію могъ прибѣгать лишь тотъ, кто, предварительно заявивъ о своемъ требованіи судьѣ, не получитъ удовлетворенія по закону; тогда онъ, «среди бѣла дня», долженъ предъявить свою претензію противнику, и затѣмъ еще четыре дня подъ-рядъ обѣ стороны, въ ожиданіи мирнаго исхода дѣла, должны воздерживаться отъ всякаго насилія. Нарушеніе договора, скрѣпленнаго присягою, наказывалось отсѣченіемъ правой руки. Учрежденъ былъ для разбора тяжебъ постоянный трибуналъ, съ коронным судьею во главѣ; этотъ судья (justiciarius curiae) разбираетъ тяжбы отъ имени императора и его рѣшенія заносятся *нотаріусомъ*

Изображеніе фрисландскихъ поселянъ, относящееся къ

Представители семи фрисландскихъ сельскихъ округовъ, подчиненныхъ юрисдикціи собора: дары состоятъ въ сырѣ, маслѣ и домашнихъ животныхъ. Колѣнопреклоненіе какъ одно изъ немногихъ изображеній быта и

въ книгу, дабы они могли, въ подобныхъ же случаяхъ, служить руководствомъ для разбирательства; императоръ удерживаетъ за собою право личнаго разбирательства особенно важныхъ дѣлъ и тяжебъ между «высокопоставленными лицами». Такимъ образомъ было положено первое начало въ основу будущаго государственнаго права и сборника его законоположеній.

Примиреніе съ Вельфами.

На томъ же самомъ сеймѣ удалось устроить и примиреніе съ Вельфскимъ домомъ. Наслѣдникомъ Генриха, послѣдняго изъ сыновей Генриха Льва, былъ его племянникъ *Оттонъ Люнебургскій*: Фридрихъ образовалъ новое герцогство изъ Брауншвейга, Люнебурга, Гослара и нѣкоторыхъ другихъ областей, сдѣлалъ его наслѣдственнымъ по мужскому и женскому колѣну, и отдалъ его въ лэнъ Оттону. На слѣдующій день Фридрихъ задалъ всѣмъ князьямъ и рыцарямъ пиръ и шумный, богатѣйшій праздникъ и тѣмъ самымъ расположилъ ихъ окончательно къ благопріятному рѣшенію еще одного, послѣдняго, вопроса на этомъ важномъ сеймѣ: къ принятію участія въ общемъ походѣ противъ тѣхъ ломбардскихъ городовъ, которые дерзнули вступить въ союзъ противъ него, за-одно съ его мятежнымъ сыномъ.

Фридрихъ въ Италіи.

Противъ Италіи теперь излилась вся злоба и ненависть Фридриха; этими чувствами проникнутъ былъ и тотъ манифестъ, въ которомъ заявлялось о началѣ военныхъ дѣйствій противъ федераціи ломбардскихъ городовъ. Онъ признаетъ «особый Божественный Промыслъ въ томъ, что ему удалось подчинить своей власти королевство Іерусалимское, королевство Сицилійское и умиротворить господствующую надъ остальными

половинѣ XIII вѣка. Фреска Мюнстерскаго собора.

Мюнстерскаго епископа, приносятъ дары Св. Павлу, какъ покровителю Мюнстерскаго пенные старшины подносятъ лукошки съ золотыми монетами.—Фреска замѣчательна, одежды нѣмецкихъ поселянъ этого періода.

(praepotens) странами Германію; и вотъ теперь только эта середина Италіи (illud Italiae medium), хотя и отовсюду окруженная его могуществомъ, противится возсоединенію своему съ имперіей». По всему видно, что онъ имѣлъ вполнѣ ясное представленіе о томъ, что мы теперь называемъ «монархическимъ принципомъ», а въ своемъ письмѣ къ французскому королю онъ настолько же ясно высказываетъ и свои понятія о солидарности монархическихъ интересовъ, порицая его «высокомѣріе и преизбытокъ (luxuria) извѣстнаго рода суетныхъ представленій о свободѣ», которую города ломбардскіе будто бы предпочитаютъ спокойному и мирному положенію, и по этому поводу высказываетъ королю, что намѣренъ «искоренить это чужеядное растеніе», которое начинаетъ уже распространяться и по инымъ, сосѣднимъ странамъ.

Внутреннее устройство Сицилійскаго королевства.

Фридрихъ обладалъ умомъ яснымъ и положительнымъ и безъ сомнѣнія былъ изъ всѣхъ германскихъ императоровъ наименѣе способнымъ къ какимъ бы то ни было идеалистическимъ теоріямъ и фантастическимъ планамъ. Такое настроеніе его ума и практической дѣятельности лучше всего проявляется въ томъ внутреннемъ устройствѣ, которое онъ далъ своему Сицилійскому королевству. И дѣйствительно, въ этой странѣ, раздираемой анархическими стремленіями, онъ съумѣлъ учредить правильно построенное государство, дать общую и притомъ весьма основательную форму правленія для весьма разнообразныхъ народностей, жившихъ рядомъ на территоріи этого королевства. Феодальныя власти онъ лишилъ всякаго значенія. Никому не было дозволено носить оружіе, кромѣ королевскихъ чиновниковъ и ихъ служащихъ. Все королевство было подѣлено

на 9 провинцій, съ сословными собраніями и правомъ обложенія податями, съ благоустроенными финансами; королевскіе чиновники вѣдаютъ правосудіемъ: суды есть во всѣхъ провинціяхъ свои, особые, и одинъ общій для всѣхъ провинцій, высшій королевскій судъ, съ главнымъ королевскимъ судьею во главѣ (magnus justiciarius curiae regis); варварскій обычай судебныхъ поединковъ въ Сицилійскомъ королевствѣ былъ уничтоженъ; лицамъ, желавшимъ получить государственныя должности или даже заняться частною дѣятельностью, болѣе или менѣе отвѣтственною (напр. медицинской практикой), доступъ къ подобной дѣятельности былъ открытъ только при посредствѣ государственнаго экзамена, а необходимыя для этого свѣдѣнія можно было получать въ *Салерно* или въ новоучрежденномъ (1224 г.) университетѣ *Неаполитанскомъ*. За порядкомъ и общественною безопасностью наблюдала хорошо организованная и строгая полиція; а постоянное, и притомъ весьма преданное Фридриху, войско было имъ создано изъ имъ же покоренныхъ сицилійскихъ Мослемитовъ, и это войско было особенно важно для него тѣмъ, что не способно было пугаться самаго страшнаго изъ современныхъ орудій — того отлученія отъ Церкви, и тѣхъ проклятій, на которыя папы въ послѣднее время были такъ щедры по отношенію къ императорамъ.

Походъ противъ Фридриха Австрійскаго.

Уже на походѣ въ Италію Фридрихъ вынужденъ былъ показать примѣръ строгости на одномъ изъ нарушителей «общаго мира», установленнаго на Майнцскомъ сеймѣ. Противъ герцога Австрійскаго, Фридриха Строптиваго, который знать не хотѣлъ законоположеній этого сейма, былъ произнесенъ приговоръ изгнанія и выполненіе приговора возложено на враждебныхъ ему сосѣдей, короля Венцеслава I Чешскаго и герцога Баварскаго. Въ Италіи, гдѣ внутренніе раздоры никогда не прекращались, Фридрихъ очень ловко воспользовался ими, поручивъ на первое время веденіе борьбы противъ ломбардскихъ городовъ (Милана, Брешіи, Мантуи, Болоньи, Падуи, Виченцы, маркграфа д'Эсте и Бонифація Монферратскаго) своимъ приверженцамъ и союзникамъ итальянскимъ; а самъ, съ главными силами, обратился противъ Австріи, чтобы поскорѣе покончить начатую тамъ войну. Онъ прибылъ въ Вѣну, которая уже въ 1236 году открыла свои ворота императорскимъ войскамъ; принятый населеніемъ весьма торжественно, онъ оставался въ Вѣнѣ ровно три мѣсяца, собралъ здѣсь съѣздъ князей, которые избрали его 9-ти-лѣтняго сына Конрада въ «короли Римскіе и будущіе императоры»; затѣмъ Австрію, Штирію и Крайну присоединилъ къ имперіи, а Вѣну причислилъ къ городамъ имперскимъ и наградилъ ея населеніе такими вольностями и привилегіями, какими немногіе города пользовались въ имперіи. Въ довершеніе всего, въ Вѣнѣ основанъ былъ университетъ для воспитанія мѣстнаго юношества. Послѣ этого, управленіе государствомъ было передано въ руки архіепископа Сигфрида Майнцскаго, какъ «архиканцлера и прокуратора священной Римской Имперіи,» а самъ императоръ направился въ Италію, гдѣ, послѣ тщетной попытки завязать переговоры, въ декабрѣ 1237 года, онъ нанесъ рѣшительное пораженіе ломбардской федераціи при *Кортенуово* на р. Огліо. Ломбардцы потеряли убитыми около 10.000 человѣкъ; а на отбитой у нихъ повозкѣ со знаменемъ былъ

Битва при Кортенуово. 1237.

привезенъ въ Кремону взятый въ плѣнъ подеста главенствующаго города Милана.

Быть-можетъ, теперь именно удобнѣе всего было бы заключить миръ на снисходительныхъ условіяхъ. Но Фридрихъ придалъ слишкомъ большое значеніе своему успѣху и потребовалъ безусловнаго повиновенія. Дѣйствительно, города сдавались ему одинъ за другимъ; войско у него было собрано сильное и многочисленное; въ немъ были и англійскіе, и французскіе, и испанскіе рыцари,—и съ этою силою Фридрихъ надѣялся окончательно сломить то сопротивленіе, которое еще оказывали ему нѣкоторые города. Однакоже походъ 1238 года закончился неудачею: Фридрихъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ напрасно осаждалъ Брешію и наконецъ вынужденъ былъ снять осаду; и первымъ слѣдствіемъ этой неудачи было то, что его войско стало быстро рѣдѣть, такъ какъ его покинули всѣ тѣ, которые разсчитывали на побѣду и добычу. А тутъ и папа поднялся противъ императора. Давно уже недовольный самовольными распоряженіями Фридриха, папа окончательно разгнѣвался, когда Фридрихъ отдалъ одному изъ своихъ побочныхъ сыновей *Сардинію*, которую папа считалъ лэномъ Св. Петра. И когда Фридрихъ оставилъ безъ вниманія всѣ жалобы папы, представленныя ему папскимъ легатомъ въ Кремонѣ,—тогда папа Григорій IX, въ обширномъ окружномъ посланіи, отлучилъ императора отъ Церкви, «предавъ сатанѣ его тѣло на погибель, дабы спасти—если возможно—его душу».

Новая борьба между папою и императоромъ.

И вотъ началась горячая распря: — обѣ стороны во время ея непрерывно обмѣнивались посланіями и противупосланіями, и въ этой полемикѣ впервые проступили наружу такія идеи, о которыхъ въ прежнее время не было и помину. Въ своемъ отвѣтѣ на окружное посланіе, которому Фридрихъ также придалъ форму циркулярной ноты ко всѣмъ христіанскимъ державамъ, онъ требовалъ общаго собора, на которомъ и онъ бы могъ предъявить со своей стороны имѣющіяся у него противъ папы обвиненія; при этомъ онъ взываетъ ко всѣмъ государямъ, приглашая и ихъ быть съ нимъ за-одно, такъ какъ въ лицѣ его, императора Римскаго, всѣмъ имъ нанесена обида. Папа отвѣчалъ на эту императорскую ноту новымъ посланіемъ, въ которомъ взводилъ на Фридриха всякія небылицы. Такъ, напр., сравнивая его личность съ «чумною заразою», онъ обвиняетъ его въ страшномъ богохульствѣ и отрицаніи основныхъ христіанскихъ догматовъ; а затѣмъ взводитъ на него и такое—весьма опасное по тому времени — обвиненіе: будто человѣкъ не долженъ ничему вѣрить, чего не можетъ разслѣдовать путемъ неотразимыхъ умозаключеній естественнаго разума. Для характеристики этого времени важно уже и то, что подобныя идеи тогда были высказаны: это несомнѣнно доказываетъ, что вѣрованье въ церковное ученіе начинало колебаться во многихъ умахъ, и надо предполагать, что подобныя колебанія были до нѣкоторой степени слѣдствіемъ Крестовыхъ походовъ, во время которыхъ крестоносцы успѣли ознакомиться съ мухамеданскими вѣрованіями, суевѣріями и даже невѣріемъ и сравнить все это со своими религіозными понятіями и воззрѣніями. Точно-ли позволялъ себѣ Фридрихъ высказывать мысли, навязываемыя ему второй папской энцикликой,—мы этого не зна-

емъ, хотя знаемъ, что онъ, какъ человѣкъ живой, любилъ споры и въ спорѣ, среди кружка довѣренныхъ лицъ, у него могли срываться иногда и весьма смѣлыя фразы. Даже и строгое преслѣдованіе ересей, установленное имъ, не служитъ доказательствомъ въ его пользу, такъ какъ мы знаемъ, что во всѣ времена люди высокопоставленные допускали по отношенію къ себѣ такое свободомысліе и свободоязычіе, за проявленіе котораго строго взыскивали съ людей имъ подчиненныхъ и ниже стоявшихъ въ общественномъ положеніи. Однакоже Фридрихъ не замедлилъ отвѣтомъ и на вторую энциклику, на «эти басни лже-намѣстника Христова»,—и отвѣтилъ сильно и энергично. Оказалось, что папское отлученіе на этотъ разъ вообще произвело на общество впечатлѣніе весьма слабое; попытка создать коалицію противъ Фридриха, среди преданныхъ папѣ нѣмецкихъ князей, не удалась. Германскіе прелаты старались всѣми силами дѣйствовать примирительно: притомъ и *гибеллины* (партія императора) всюду въ Италіи торжествовали надъ врагами Фридриха. Самъ императоръ въ началѣ 1240 года былъ уже недалеко отъ Рима. Переговоры не привели ни къ чему, такъ какъ папа потребовалъ, чтобы и «ломбардскіе мятежники» включены были въ условія общаго мира; въ виду такой неудачи онъ созвалъ въ Римѣ общій соборъ и сталъ высматривать между князьями такое лицо, которое бы онъ могъ, въ качествѣ претендента на престолъ, противопоставить Фридриху. Но и тутъ папѣ не посчастливилось. Графъ Робертъ д'Артуа, братъ Лудовика IX, короля Французскаго, положительно отказался отъ той роли, которую ему хотѣлъ навязать папа; а когда множество французскихъ, англійскихъ, испанскихъ и итальянскихъ епископовъ и прелатовъ (въ апрѣлѣ 1241 года) сѣли въ Генуѣ на корабли, чтобы отправиться на соборъ въ Римъ, флотъ Пизанцевъ, преданныхъ императору, заградилъ имъ дорогу, вынудилъ ихъ принять сраженіе и овладѣлъ 20 кораблями изъ 27. Въ числѣ плѣнныхъ находилось множество духовныхъ и высшихъ церковныхъ сановниковъ, которые, вмѣстѣ съ двумя папскими легатами, были отправлены по приказанію императора въ Неаполь.

Слухи о нашествіи Монголовъ.

Въ это время и до отдаленнаго Запада дошли слухи о новой грозившей европейскому міру опасности. Страшная волна татарскаго нашествія, сломившаяся о русскую грудь, чуть-чуть задѣла юго-восточную окраину европейскихъ государствъ; ничтожная часть всей монгольской орды заглянула и въ Венгрію, и въ Силезію, развѣяла прахомъ выставленныя противъ нея венгерскія и силезскія рыцарскія дружины, и вновь отхлынула въ привольныя степи Русскаго Юга, оставляя по себѣ слѣды опустошенія и грозные слухи о возможности грядущихъ близкихъ нашествій. По Европѣ молніей пронеслись имена Чингисъ-Хана и Батыя и вызвали общій, потрясающій ужасъ. Всѣ заговорили о необходимости крестоваго похода противъ Монголовъ, всѣ спѣшили сплотиться около папы и императора, съ которымъ, по этому случаю, примирились даже и такіе ожесточенные враги его, какъ напримѣръ герцогъ Австрійскій Фридрихъ.

Иннокентій IV. 1243.

А между тѣмъ распря между императоромъ и папой продолжалась. Кое-какія упованія на прекращеніе ея явились тогда, когда старый и

раздражительный Григорій IX скончался, какъ разъ въ то время, когда императорское войско находилось уже близёхонько отъ Рима; однакоже новый выборъ папы затянулся почти на два года, до іюня 1243 года, и два года сряду Фридрихъ стоялъ на высотѣ величайшаго могущества, внушавшаго даже опасенія сосѣднимъ государямъ. Наконецъ, выборъ палъ на знатнаго генуэзца, Синибальда Фіеско, изъ графскаго дома де-Лаванья; онъ издавна дружилъ съ императоромъ и можно было надѣяться, что и теперь не станетъ относиться къ нему враждебно. Однакоже Фридрихъ, повидимому, не согласенъ былъ обольщать себя суетными надеждами: когда его стали поздравлять съ выборомъ новаго папы, онъ отвѣчалъ коротко и сухо, что «ни одинъ папа не можетъ быть гибеллиномъ». Однакоже онъ выказалъ себя весьма примирительно настроеннымъ и тотчасъ же вступилъ съ новымъ папою *Иннокентіемъ IV* въ переговоры, которые длились въ теченіе всего 1243 года, сопровождаемые пріостановкою военныхъ дѣйствій. Императоръ спѣшилъ окончаніемъ переговоровъ, такъ какъ до него доходили весьма неблагопріятные слухи изъ Германіи *), и въ мартѣ 1244 года переговоры продвинулись уже настолько, что двое комиссаровъ Фридриха—высшіе представители правосудія въ его королевствѣ, Петръ Винеа и Ѳаддей Суэсскій—отправились уже въ Римъ для принесенія присяги по предварительнымъ пунктамъ вполнѣ обусловленнаго мирнаго соглашенія. А между тѣмъ обѣ стороны хитрили и не довѣряли другъ другу и зорко слѣдили за обоюдными дѣйствіями. Фридрихъ изъ всего хода переговоровъ вывелъ такое заключеніе, что папа, слѣдуя путемъ своихъ предшественниковъ, стремится къ *абсолютной, безусловной власти*, съ которою возможно соглашеніе только на почвѣ *безусловнаго повиновенія*, къ которому онъ не чувствовалъ въ себѣ расположенія и готовности. Съ другой стороны и папа не могъ оставаться равнодушнымъ къ быстрому возрастанію императорской власти. И вотъ въ то самое время, когда онъ прикидывался, будто готовится къ личному свиданію съ императоромъ, онъ приказалъ небольшой генуэзской эскадрѣ приплыть въ гавань Чивита-Веккіи, близъ Рима, сѣлъ на корабль и отплылъ въ Геную, а оттуда направился въ Ліонъ, городъ, который de jure принадлежалъ къ составу имперіи, а на самомъ дѣлѣ, какъ резиденція архіепископа, былъ почти независимымъ.

Соборъ въ Ліонѣ. 1245.

Прибывъ сюда и уклонившись, такимъ образомъ, изъ-подъ непосредственной зависимости отъ случайностей, которыми все же могъ руководить могущественный императоръ, папа разослалъ всюду (1245 г.) приглашенія къ духовенству явиться на соборъ въ Ліонъ, для обсужденія различныхъ вопросовъ: опасности, грозившей со стороны татарскаго нашествія, еретичества, бѣдствія, постигшаго Іерусалимъ, который вновь подпалъ власти невѣрныхъ, а также и его распри съ Фридрихомъ, котораго онъ даже не называлъ императоромъ, а просто «princeps». Этотъ шахматный ходъ папы могъ оказаться весьма опаснымъ для императора; въ Ліонѣ Иннокентій, при общемъ настроеніи галльскаго духовенства,

*) Тотъ самый архіепископъ Сигфридъ Майнцскій, котораго онъ поставилъ тамъ правителемъ государства, сталъ въ оппозицію противъ него, во главѣ большой партіи.

могъ смѣло разсчитывать на преданное ему большинство; въ Германіи — важнѣйшіе духовные сановники, архіепископы Майнцскій и Кёльнскій, во главѣ враждебной императору партіи, только выжидали удобнаго момента, чтобы выставить своего претендента на королевскій престолъ. Фридрихъ нашелъ возможнымъ съ своей стороны принять только одну мѣру предосторожности: онъ послалъ на ліонскій соборъ краснорѣчивѣйшаго и надежнѣйшаго изъ своихъ приверженцевъ, Ѳаддея Суэсскаго. Посолъ императора, по порученію своего господина, не жалѣлъ обѣщаній и посуловъ: между прочимъ, онъ указывалъ и на то, что Фридрихъ согласенъ принять на себя еще разъ тяжкій трудъ освобожденія Св. Земли отъ невѣрныхъ и даже сообщилъ, что короли англійскій и французскій готовы за него поручиться... Но папа отлично понималъ выгоды своего положенія, и отклонилъ всѣ заманчивыя обѣщанія императора, а въ особенности ручательство королей, замѣтивъ очень тонко, что императоръ, пожалуй, и «ихъ подведетъ подъ духовное наказаніе, и тогда папѣ придется имѣть дѣло уже не съ однимъ врагомъ Церкви, а съ тремя». Изъ этого уже не трудно видѣть, что тутъ дѣло шло вовсе не о христіанствѣ, не о рѣшеніи церковныхъ задачъ и вопросовъ,—а задачъ чисто политическихъ. Всѣ остальные вопросы, дѣйствительно, были на соборѣ отложены и отодвинуты на второй планъ, и папа, упоминая о язвахъ, раздиравшихъ Церковь, главнымъ образомъ налегалъ на тѣ «невѣроятно дерзновенные поступки» (enormitates) императора, которыми, по его словамъ, были потрясены самыя основы Церкви. При этомъ онъ грозилъ проклятіемъ каждому, кто бы задумалъ ему противорѣчить, какъ напр. патріархъ Аквитанскій, дерзнувшій ему напомнить о томъ, что «міръ покоится на *двухъ* столпахъ — папѣ и императорѣ». И вотъ, уже на третьемъ засѣданіи собора, послѣ исчисленія всѣхъ винъ и четырехъ смертныхъ грѣховъ императора *), папа поднялъ вопросъ о низложеніи его, и этотъ вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно громаднымъ большинствомъ присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ. Одновременно съ рѣшеніемъ этого вопроса, всѣ присягавшіе императору въ вѣрности разрѣшались отъ данной ими присяги, и къ этому пункту добавлялось: «тѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, могутъ избрать ему преемника въ имперіи, а по отношенію къ королевству Сицилійскому мы поступимъ по нашему собственному усмотрѣнію».

3. 1245—1254.

Отвѣтъ императора.

Императоръ не оставилъ рѣшеніе собора безъ отвѣта. Въ циркулярной нотѣ къ князьямъ и государямъ онъ опровергаетъ взведенныя на него обвиненія въ еретичествѣ и смертныхъ грѣхахъ, но заимствуетъ отъ еретиковъ оружіе, котораго Церковь Западная болѣе всего опасалась въ ихъ рукахъ. Съ особенною настойчивостью указываетъ онъ на извращеніе дѣятельности духовенства и на слишкомъ большое увлеченіе Церкви мірскими дѣлами, при чемъ она заботится главнымъ образомъ лишь о

*) Въ томъ числѣ и «кощунство», которое папа видѣлъ въ плѣненіи прелатовъ, плывшихъ изъ Генуи въ Римъ.

СИГФРИДЪ ФОНЪ-ЭПШТЕЙНЪ, АРХІЕПИСКОПЪ МАЙНЦСКІЙ.
По бокамъ его изображены германскіе короли: Генрихъ Расле и Вильгельмъ Голландскій.

Раззолоченное и размалёванное надгробіе на гробницѣ архіепископа въ Майнцскомъ соборѣ.

накопленіи громадныхъ богатствъ; онъ говоритъ, не стѣсняясь, о томъ, что всегда намѣревался и теперь считаетъ необходимымъ низвести духовенство до смиренія, въ какомъ пребывали нѣкогда апостолы, а за ними и вся первобытная Церковь христіанская; отнятіе этихъ пагубныхъ земныхъ богатствъ онъ, молъ, считаетъ дѣломъ душеполезнымъ даже и въ смыслѣ общей христіанской любви:—однимъ словомъ, онъ поднимаетъ вопросъ о прямой реформѣ въ Церкви и полагаетъ, что эта реформа должна быть произведена властью свѣтскихъ князей. Само собою разумѣется, что это все были не болѣе какъ громкія фразы, въ которыя и самъ Фридрихъ никогда не могъ вѣрить, отлично сознавая, что епископовъ, бывшихъ на его сторонѣ, привязываетъ къ нему, конечно, не стремленіе къ простотѣ и смиренію первыхъ временъ христіанства, а, напротивъ того, вполнѣ мірское влеченіе и соблазны.

Германія. Новый избранникъ.

Тогда и германскіе духовные сановники сбросили съ себя личину, которую сохраняли такъ долго:—въ маѣ 1246 г. былъ избранъ въ *Вюрцбургѣ* въ короли тотъ самый ландграфъ Тюрингенскій *Генрихъ Распе*, котораго еще въ 1242 г. Фридрихъ поставилъ правителемъ на время своего отсутствія. Избраніе состоялось, главнымъ образомъ, при посредствѣ духовенства, почему новоизбранный король и получилъ названіе «короля клериковъ» или «папскаго короля». Подъ вліяніемъ духовенства и нищенствующихъ орденовъ монашества, которое особенно ревностно прославляло это избраніе, на сторону Генриха перешло все низшее духовенство; но всѣ князья, вѣрно оцѣнивая могущество Фридриха, остались на его сторонѣ. Первая битва новаго короля съ королемъ Конрадомъ (сыномъ Фридриха) произошла близъ Франкфурта, и въ ней перевѣсъ былъ на сторонѣ Генриха, который тотчасъ же поспѣшилъ написать своимъ союзникамъ Миланцамъ, что онъ надѣется точно такъ же одержать побѣду и надъ отцомъ. А между тѣмъ, императоръ Фридрихъ, въ виду наступающей опасности, поспѣшилъ войти въ тѣснѣйшій союзъ съ Баварскимъ домомъ при посредствѣ женитьбы сына своего Конрада на дочери герцога Оттона, который видѣлъ также свои, чисто-династическіе и территоріальные интересы въ этомъ сближеніи съ императорскимъ домомъ. Такимъ образомъ борьба папы съ императоромъ стала разрастаться все шире и шире и привлекать къ участію въ ней все бо̀льшее и бо̀льшее количество владѣтельныхъ князей, и папа никому изъ нихъ не давалъ покоя, то разсылая всѣмъ свои посланія, то увѣщая ихъ черезъ своихъ легатовъ въ необходимости вступиться за интересы Церкви. Говорятъ даже, будто и самого султана Египетскаго папа старался отвратить отъ дружественныхъ отношеній къ императору Фридриху.

Борьба въ Германіи и Италіи.

Но несмотря на всю страстность рвенія, выказаннаго папою въ этой начавшейся борьбѣ, онъ не могъ похвалиться особенной удачей. Поощряемый имъ и имъ выдвинутый противъ Фридриха претендентъ очень быстро окончилъ свою невполнѣ достославную карьеру: въ началѣ 1247 г., возвратившись въ Тюрингію изъ похода въ Сѣверной Германіи, онъ скончался, нѣсколько недѣль спустя, въ Вартбургѣ; Людовикъ IX, король Французскій, на котораго папа разсчитывалъ, не захотѣлъ вступить въ борьбу съ Фридрихомъ, такъ какъ, видимо, не сочувствовалъ папѣ въ

этой распрѣ, и, напротивъ того, собиралъ всѣ силы для новаго Крестоваго похода, который не могъ бы совершить безъ поддержки со стороны императора Германіи; и въ Англіи общественное настроеніе высказалось противъ папы. Мы не станемъ слѣдить за подробностями этой борьбы на обоихъ ея театрахъ — германскомъ и итальянскомъ. Скажемъ только, что папѣ удалось выставить новаго претендента на королевскій престолъ въ Германіи, въ лицѣ графа *Вильгельма Голландскаго*, избраннаго лишь весьма ограниченнымъ числомъ князей. Ему удалось только переманить на свою сторону городъ Кёльнъ, которому онъ даровалъ новыя привилегіи, да вслѣдъ затѣмъ занять Аахенъ, послѣ долгой осады; но далѣе мѣстностей, лежавшихъ по среднему теченію Рейна, его вліяніе и значеніе не простиралось. Въ Италіи борьба ознаменовалась отпаденіемъ важнаго города Пармы отъ императора, что и вынудило Фридриха немедленно приступить къ осадѣ города. Для этой цѣли онъ выстроилъ подъ стѣнами Пармы, для своего войска, цѣлый временной городокъ, которому слишкомъ самонадѣянно далъ названіе «городъ Побѣды» (Victoria). Парма, дѣйствительно, вскорѣ была доведена до послѣдней крайности: тогда осажденные рѣшились на отчаянно смѣлую вылазку, напали врасплохъ на Викторію, сожгли ее и при этомъ захватили, въ общей суматохѣ, многихъ знатныхъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ и Ѳаддея Суэсскаго, Фридрихова уполномоченнаго на Ліонскомъ соборѣ. Фридрихъ вынужденъ былъ отступить въ Кремону, нимало, впрочемъ, не потерявъ бодрости духа отъ этой неудачи, и сталъ дѣятельно готовиться въ своемъ Сицилійскомъ королевствѣ къ новымъ и обширнымъ вооруженіямъ.

Петръ Винеа.

До какой степени неразборчивы были участники этой запутанной борьбы въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей—видно изъ того, что случилось въ 1249 г. съ однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ и довѣреннѣйшихъ совѣтниковъ императора, съ Петромъ Винеа, который такъ много потрудился надъ внутреннимъ устройствомъ Сицилійскаго королевства. Онъ былъ заподозрѣнъ въ соучастіи съ заговорщиками, которые замышляли отравить императора; заговоръ былъ открытъ еще во́-время, и Петръ Винеа, изъ простого званія поднявшійся до значенія перваго министра, былъ, по приказанію императора, ослѣпленъ и вскорѣ послѣ того умеръ. Въ томъ же году Фридрихъ потерпѣлъ и другую неудачу: побочный сынъ его Энціо (или Гейнцъ), правившій Сардиніею, попалъ на засаду болонцевъ и былъ ими захваченъ въ плѣнъ; но эта неудача была заглажена успѣшною битвою подъ стѣнами Пармы, при чемъ войска императорскія отбили у гордыхъ Пармскихъ гражданъ повозку съ ихъ знаменемъ. Неутомимый и неистощимый въ борьбѣ, Фридрихъ собирался еще разъ лично въ ней принять участіе, но, въ декабрѣ 1250 г., скончался въ зàмкѣ Фіорентино, близъ Луцеріи: изъ всѣхъ его сыновей одинъ только Манфредъ присутствовалъ при его кончинѣ. Онъ успѣлъ еще передъ смертью написать завѣщаніе; дружественный ему архіепископъ Палермскій призналъ его членомъ Церкви, исповѣдалъ и далъ ему разрѣшеніе грѣховъ; говорятъ даже, будто онъ умеръ, облеченный въ монашескую рясу и вполнѣ примиренный съ Церковью и успокоенный духомъ.

Смерть Фридриха II. 1250.

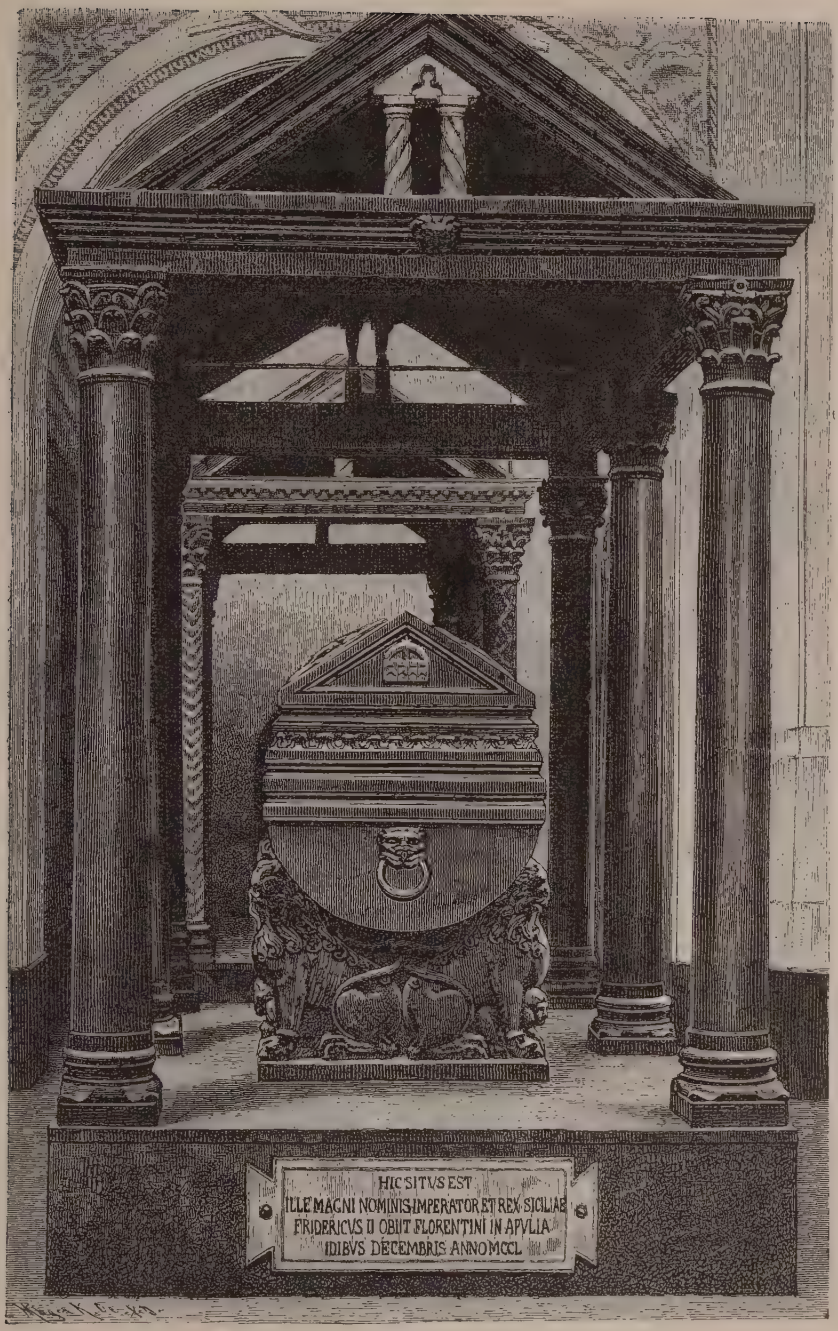
Этотъ замѣчательный и чрезвычайно разносторонній человѣкъ обла-

далъ необычайно живымъ и подвижнымъ умомъ, выказывалъ большую любознательность, легко усваивалъ себѣ знанія и такъ же легко передавалъ ихъ въ оживленной и легкой рѣчи; при этомъ онъ выказывалъ расположеніе къ наукѣ, къ логикѣ, медицинѣ, естествознанію, обладалъ довольно значительною библіотекою, въ которой, между прочимъ, находился и греческій и арабскій экземпляръ произведеній Аристотеля; ему приписывается составленіе книги о соколиной охотѣ и итальянское стихотворное произведеніе (дошедшія до насъ), а тѣ циркулярныя ноты и памятныя записки, въ составленіи которыхъ онъ принималъ несомнѣнно большое личное участіе, выказываютъ въ немъ несомнѣнный и довольно значительный публицистическій талантъ. Особенное удовольствіе находилъ онъ въ присутствіи при спорахъ, въ оживленномъ изложеніи различныхъ воззрѣній. Это расположеніе къ диспутамъ всякаго рода на многихъ производило такого рода впечатлѣніе, какъ будто и онъ самъ раздѣляетъ тѣ мнѣнія, къ которымъ такъ охотно прислушивается: одинъ изъ мухамеданскихъ пословъ, посѣтившихъ его дворъ, нашелъ даже, что Фридрихъ питаетъ большое расположеніе къ мослемитамъ, и можетъ-быть поэтому именно Церковь, даже и до полнаго разрыва съ нимъ, никогда не вѣрила безусловно въ твердость его религіозныхъ убѣжденій. И къ этому было нѣкоторое основаніе: онъ ужъ слишкомъ много размышлялъ о предметахъ религіозныхъ, слишкомъ вдавался въ споры догматическаго характера,— гораздо болѣе, чѣмъ то могло быть допущено Церковью и ея руководителями въ особѣ государя. Большимъ недостаткомъ Фридриха была двойственность, неустойчивость его нравственнаго существа, преисполненнаго самыхъ рѣзкихъ противорѣчій: вольнодумство и преслѣдованье ересей, строгое отношеніе къ окружающимъ и собственная распущенность—все это уживалось въ немъ одновременно и должно было отталкивать отъ него многихъ. Легко можетъ быть, что эта неровность его происходила именно отъ той весьма дурной обстановки, среди которой ему пришлось вырасти и развиться:—въ этой обстановкѣ честность и прямота, столь рѣдкія во всякое время, были почти немыслимы. Рано научился онъ разсчитывать, хитрить и лицемѣрить, прибѣгать ко всякаго рода уловкамъ, легко и щедро разсыпать обѣщанія и играть своимъ словомъ. Несмотря на все это, въ немъ едва-ли можно признать только хитраго политика и дипломата: въ своей послѣдней борьбѣ съ папствомъ онъ выказалъ себя человѣкомъ государственнымъ, способнымъ твердо и убѣжденно отстаивать самостоятельность свѣтской власти противъ гнетущаго преобладанія папства. Большою ошибкою Фридриха было именно то, что онъ придавалъ слишкомъ важное значеніе своему императорскому сану, и, стараясь всѣми силами это значеніе поддержать, разбрасывался, путался въ безчисленныхъ и многосложныхъ отношеніяхъ, сопряженныхъ съ его саномъ, и въ то же время пренебрегалъ весьма жизненными началами, которыя уже начинали проявляться въ народной жизни его родной страны. Такъ, напримѣръ, онъ не съумѣлъ воспользоваться пробуждающеюся самостоятельностью городской и сословной жизни, какъ и многими другими весьма плодовитыми задатками развивающагося народнаго самосознанія. Держась упорно крупныхъ владѣтельныхъ князей, онъ въ то же время,

повидимому, не сознавалъ, что власть его, какъ императора, должна падать и терять значеніе по мѣрѣ того, какъ возрастала власть князей, съ одной стороны, а съ другой—и остальныя сословія начинали заявлять свои вполнѣ законныя притязанія на участіе въ общей жизни государства.

Конрадъ IV. 1250—1254.

Само собою разумѣется, что велика была въ папскомъ лагерѣ радость по поводу смерти грознаго врага, котораго ненавидѣвшій его Иннокентій IV оцѣнивалъ по достоинству: не даромъ сказалъ онъ, по поводу вѣсти о смерти Фридриха, что теперь «бурный вихрь превратился лишь въ нѣжный вѣтерокъ». Онъ тотчасъ покинулъ Ліонъ и вернулся въ Италію. А для сына Фридрихова, *Конрада IV* (1250—1254), величайшимъ бѣдствіемъ представлялась необходимость борьбы въ Италіи изъ-за сицилійскихъ владѣній, наслѣдственныхъ въ его домѣ. Весьма неохотно принялся онъ за продолженіе этой безнадежной борьбы, среди которой скончался его отецъ:—онъ понималъ, что о примиреніи съ папой нечего было и думать, такъ какъ и онъ, и вся Вельфская партія поклялись загубить династію Штауфеновъ. Въ 1251 году 26-ти-лѣтній король, при помощи своего (не единоутробнаго) брата Манфреда, явившись въ Италію, подавилъ возстаніе и отстоялъ свои права; въ 1253 году онъ даже овладѣлъ послѣднимъ оплотомъ мятежниковъ—крѣпкимъ городомъ Неаполемъ. Но эти успѣхи оказались совершенно безплодными, такъ какъ уже въ маѣ 1254 г. онъ умеръ въ Лавелло (въ Апуліи). По немъ остался наслѣдникомъ 2-хъ-лѣтній мальчикъ, сынъ его *Конрадъ*, отъ брака съ Елисаветой, дочерью герцога Оттона Баварскаго.



Гробница императора Фридриха II въ Палермскомъ соборѣ.
Надпись на ней: «Здѣсь покоится высокоименитый императоръ Фридрихъ II, король Сицилійскій, умершій въ Фіорентино, въ Апуліи, 13 декабря 1250 года».

Скандинавскій военный корабль XII вѣка.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Внѣ-германскія государства въ XII и XIII вѣкахъ. — Окончаніе Крестовыхъ походовъ.

Внѣ-германская Европа. Скандинавія.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ изложенію дальнѣйшей трагической судьбы дома Штауфеновъ, мы должны бросить бѣглый взглядъ на развитіе остальныхъ европейскихъ государствъ и обще-европейской жизни въ «періодъ Крестовыхъ походовъ», какъ называютъ вообще время между 1096—1270 годами, по наиболѣе выдающемуся и характеризующему это время явленію.

Около этого времени христіанство распространилось уже по всей Европѣ и господствовало всюду, проявляясь въ государственной и общественной жизни народовъ какъ нравственное начало, всѣми признанное и всѣмъ одинаково доступное. Язычество—въ смыслѣ вѣрованія въ языческихъ боговъ и служенія кумирамъ—было искоренено даже тамъ, гдѣ оно держалось всего долѣе и всего упорнѣе, т. е. и въ Скандинавіи, и на славянскомъ Сѣверо-Востокѣ. Норвегія, какъ отдаленнѣйшая страна европейскаго Сѣвера, по самому положенію своему и по природнымъ условіямъ принимавшая наименьшее участіе въ общей европейской жизни, и та поставила одного ратника въ общую рать Христовыхъ воиновъ—короля норвежскаго *Сигурда* (1103—1130), и даже тамъ имя священнаго для христіанъ города «Іорсала» производило на умы чарующее, обаятельное дѣйствіе. Король Сигурдъ не мало времени провелъ въ своемъ

благочестивомъ странствованіи, сражался съ Сарацинами и въ Португаліи, и въ Сициліи, и, на обратномъ пути изъ Іерусалима, оставилъ часть своихъ дружинниковъ на службѣ у греческаго императора въ Константинополѣ, гдѣ подобные скандинавскіе наемники были издавна явленіемъ весьма обычнымъ. Надо однакоже замѣтить, что условія исторической жизни на этомъ отдаленномъ Сѣверѣ складывались весьма неблагопріятно: въ странѣ, слабо населенной и скудной по производительности почвы, видимъ однакоже нескончаемые раздоры то между королями изъ-за права наслѣдованія, то среди народа, въ которомъ возникали различныя партіи, безпощадно другъ друга преслѣдовавшія. Времена морскихъ набѣговъ въ большихъ размѣрахъ — времена выселенія викинговъ въ иныя страны — уже миновали. Учрежденіе мѣстнаго архіепископства на норвежской почвѣ, въ *Дронтгеймѣ*, на берегу фіорда того же имени (1152 г.), еще очень мало повліяло на улучшеніе этихъ дикихъ нравовъ. Только уже при *Гаконѣ V*, на сеймѣ или народномъ собраніи въ *Бергенѣ* (1223 г.) престолонаслѣдіе было окончательно установлено, и тотъ же самый король, который, въ теченіе своего долгаго правленія (1207—1263 гг.), много способствовалъ умиротворенію страны, въ 1247 году былъ коронованъ папскимъ легатомъ. Вліяніе духовенства стало возрастать мало-по-малу и въ этой отдаленнѣйшей странѣ: съ 1273 г. епископамъ дано было право участія въ законодательствѣ, которое около этого времени было королемъ *Магнусомъ VII* собрано въ нѣкотораго рода сборникъ. Въ *Швеціи* христіанство окончательно установилось не ранѣе половины XII вѣка; особенно противились введенію христіанства именно *Шведы*, жившіе въ сѣверной части полуострова, даже и въ то время, когда оно уже окончательно укоренилось между жившими на югѣ *Готами*. И здѣсь лѣтописи также переполнены не имѣющими для насъ никакого значенія именами королей и претендентовъ на ихъ престолъ и описаніями безплодной борьбы между ними; несомнѣнно однакоже, что въ этой борьбѣ нѣкоторое значеніе имѣла и племенная вражда, такъ какъ столѣтній періодъ между 1150 и 1250 годами почти сплошь занятъ войнами между готскимъ родомъ *Сверкеровъ* и шведскимъ родомъ *Бондовъ*. Около 1253 года на тронъ вступилъ представитель рода *Фолькунговъ*, *Биргеръ* *) — могущественнѣйшій изъ ярловъ или намѣстниковъ, которые, подобно германскимъ графамъ, первоначально были коронными чиновниками, а затѣмъ стали независимы отъ короля и обратили свой санъ въ наслѣдственное достоинство. Онъ пользовался *de facto* королевскою властью, и старшій сынъ его, Вальдемаръ, уже носилъ и титулъ королевскій. Со введеніемъ христіанства и церковной іерархіи, по мѣрѣ того, какъ общественная жизнь начинала складываться на новыхъ началахъ, мало-по-малу сталъ крѣпнуть въ Швеціи и *аристократическій* элементъ. Единственнымъ завоеваніемъ шведскихъ королей была *Финляндія*, куда, также съ 1157 года, со временъ Эриха Святого, проникло христіанство. Въ *Даніи*, которая уже по самому своему географическому положенію привлечена была къ участію

*) Это тотъ самый Биргеръ, котораго на берегахъ Невы такъ сурово наказалъ Новгородскій князь Александръ Ярославичъ за его дерзкую попытку обращенія въ католичество уже просвѣщенныхъ христіанствомъ новгородскихъ данниковъ. *Ред.*

въ политическихъ событіяхъ нѣмецкаго Сѣверо-Востока, все еще держалась на тронѣ та династія, которая въ 1047 году достигла власти, въ лицѣ *Свэна Эстридсона*. Здѣсь дѣла вскорѣ приняли такой оборотъ, который, въ значительной степени, способствовалъ быстрому развитію такой же могущественной знати, какъ и въ Германіи. Въ церковномъ отношеніи Данія была независима отъ Германіи уже съ 1104 года, т. е. со времени учрежденія самостоятельнаго архіепископства Лундскаго, а лэнная зависимость отъ имперіи, хотя она и была возобновлена при императорѣ Фридрихѣ Барбароссѣ, утратила вскорѣ всякое значеніе. Собственно, право престолонаслѣдія не было окончательно установлено въ Даніи, однакоже короли избирались постоянно изъ членовъ одного царствующаго дома; этимъ правомъ избранія пользовалось дворянство, рыцари и немногочисленное высшее духовенство. Завоеванія на южномъ берегу Балтійскаго моря начались съ *Вальдемара I*, прозваннаго *Великимъ* (1157—1182), которому между прочимъ ставилось въ заслугу искорененіе язычества на островѣ Рюгенѣ; продолжались они и при *Кнудѣ VI* (1182—1202), который титуловалъ себя даже «королемъ Датскимъ и Славянскимъ», и состоялъ въ родственныхъ отношеніяхъ съ Вельфскимъ и Французскимъ царственными домами. Наибольшаго могущества и наибольшей военной силы достигъ, въ числѣ Датскихъ королей, *Вальдемаръ II* (1202—1242), неоднократно-воевавшій и вступавшій въ союзы съ сѣверными нѣмецкими князьями. Онъ воспользовался внутренними междоусобіями Германіи и борьбою за германскій престолъ и успѣлъ достигнуть того, что Фридрихъ II добровольно уступилъ ему земли по ту сторону Эльбы во владѣніе (Любекъ еще въ послѣдніе годы царствованія Кнуда былъ уже датскимъ городомъ), и затѣмъ распространилъ свою власть до самыхъ береговъ Финскаго залива, гдѣ водрузилъ свой *Данеброгъ*—датское знамя съ бѣлымъ крестомъ на красномъ полѣ—даже и на пустынныхъ берегахъ отдаленной Эстоніи. Мы уже видѣли выше (стр. 327), какъ сѣверные князья и города нѣмецкіе, послѣ долгой борьбы, добились отъ Вальдемара обратной уступки владѣній за-эльбскихъ, переданныхъ ему Фридрихомъ II; борьба эта окончилась пораженіемъ, положившимъ предѣлъ завоевательнымъ стремленіямъ Вальдемара, который провелъ послѣдніе годы жизни въ мирѣ и тишинѣ, занимаясь внутреннимъ устроеніемъ своего государства, которому, между прочимъ, оставилъ по себѣ на память сборникъ законовъ; вскорѣ послѣ его обнародованія Вальдемаръ и умеръ (1242). Изъ его преемниковъ слѣдуетъ еще упомянуть объ *Эрихѣ* Глиппингѣ, котораго въ 1283 году возставшая противъ него знать вынудила къ ограниченію его власти ежегодно созываемымъ совѣщательнымъ собраніемъ. Послѣ этого, конечно, аристократическій элементъ еще болѣе усилился. Низшіе слои населенія все болѣе и болѣе отступали на задній планъ передъ крупными землевладѣльцами, и крѣпостная зависимость, постепенно возрастая въ Даніи, дошла въ XIII вѣкѣ до того, что народъ впалъ въ положительное рабство и люди покупались и продавались вмѣстѣ съ землею, какъ рабы. Большія заботы прилагались къ обработкѣ земли, но зато городская жизнь была весьма мало развита, и даже городъ Копенгагенъ (Kiöbenhafn — собственно:

купеческая гавань) только въ XIII вѣкѣ сталъ пріобрѣтать нѣкоторое значеніе.

Англія, съ 1066 г., при Плантагенетахъ.

Весьма важными для *англійской* исторіи были тѣ два столѣтія, въ теченіе которыхъ собственно и происходили Крестовые походы: — въ это именно время изъ сліянія побѣдителей съ побѣжденными и образовалась англійская нація. Когда въ 1154 г. умеръ король *Стефанъ*, четвертый со времени завоеванія Англіи Норманнами, ему наслѣдовалъ *Генрихъ II* (1154—1189 гг.), первый изъ дома *Плантагенетовъ* *). Онъ женился на Элеонорѣ, съ которою развелся Лудвигъ VII, король Французскій, и, благодаря этому браку, пріобрѣлъ обширныя владѣнія на юго-западѣ Франціи; присоединивъ эти владѣнія—*Пуату* и *Гюйэну*—къ прежде принадлежавшимъ ему графствамъ *Анжу* и *Мэнъ*, а всѣ эти графства къ *Нормандіи*, слѣдовательно, владѣя цѣлою третью Франціи, да при этомъ еще нося англійскую корону, онъ сталъ по отношенію къ королю Французскому въ положеніе угрожающее, хотя тотъ и былъ его лэннымъ владыкой (сюзереномъ). Къ тому же, въ 1171 г., на основаніи папской буллы, онъ завладѣлъ и Ирландіей, а въ 1174 г. король *Шотландскій* призналъ также его верховенство и принесъ ему присягу въ вѣрности. При этомъ могущественномъ королѣ раздоръ между королевскою и духовною властью разразился и въ Англіи, гдѣ его избѣгали старательно. Король Генрихъ II неуклонно держался издавна принадлежавшаго ему права избранія епископовъ и вообще всѣхъ правъ, предоставлявшихъ ему высшій надзоръ за внутренней жизнью государства. Въ этомъ именно смыслѣ были созданы и такъ-называемыя *Кларендонскія положенія*, которыя были утверждены въ 1164 г. на собраніи свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ; по этому акту, въ противоположность высокомѣрнымъ притязаніямъ современнаго духовенства, каждое въ чемъ-либо провинившееся духовное лицо должно было подлежать королевскому суду. И архіепископъ Кэнтерберійскій, *Ѳома Бекетъ*, прежде бывшій канцлеромъ и ближайшимъ совѣтникомъ короля и имъ же возведенный въ примасы королевства, также подписался подъ этимъ актомъ; но затѣмъ подалъ апелляцію папѣ и бѣжалъ на материкъ Европы, откуда и повелъ борьбу противъ того новаго направленія, на которомъ упорно настаивалъ король и свѣтскія власти.

Генрихъ II, король Англійскій.
Съ гробницы его въ монастырѣ Фонтевро.

*) Онъ былъ сынъ графа Готфрида Анжуйскаго, отъ супружества его съ Матильдою, вдовою императора Генриха V.

Затѣмъ воспослѣдовало примиреніе, чисто-внѣшнее и лицемѣрное; Ѳ. Бекетъ возвратился въ Англію на свое прежнее мѣсто, но тотчасъ же отлучилъ отъ Церкви тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя держали сторону короля. Тогда король вскипѣлъ гнѣвомъ и воскликнулъ: «клянусь очами Божьими (таково было его любимое присловье), неужели же изъ всѣхъ тѣхъ, которые пользуются моими милостями, не найдется ни одного, который бы рѣшился защитить меня отъ подобныхъ оскорбленій!» Нѣкоторые изъ приближенныхъ къ нему рыцарей, услышавъ это, рѣшились въ угоду королю на страшное дѣло: четверо изъ нихъ убили епископа Кэнтерборійскаго въ самомъ соборѣ его, во время служенія. Это событіе, конечно, вооружило противъ короля все духовенство: могила Ѳ. Бекета сдѣлалась предметомъ страстнаго поклоненія, повсюду стали распространяться легенды о дивныхъ исцѣленіяхъ, которыя на той могилѣ происходятъ, и когда, въ 1173 г., Ѳ. Бекетъ былъ формально причтенъ къ лику святыхъ, самъ король Генрихъ II долженъ былъ отправиться на поклоненіе его могилѣ. Здѣсь принесъ онъ полное покаяніе: принялъ даже бичеваніе отъ священниковъ, и только тогда удостоенъ былъ разрѣшенія отъ грѣха (1174 г.); вслѣдъ затѣмъ и непріятные папѣ пункты были исключены изъ «Кларендонскихъ положеній». Этотъ раздоръ съ Церковью отозвался пагубно и на домашней жизни короля Генриха II: его старшій сынъ возсталъ противъ него, а послѣдніе годы его жизни были отравлены усобицами между младшими сыновьями, изъ которыхъ одинъ, Генрихъ, скончался еще при отцѣ, а вступилъ на престолъ слѣдующій за Генрихомъ сынъ, *Ричардъ* (1189 г.). Въ исторіи Англіи король *Ричардъ I* является и по своимъ доблестямъ, и по своимъ порокамъ образцомъ рыцаря:— не даромъ получилъ онъ и свое прозваніе—*Львиное Сердце*. Но, какъ правитель страны, онъ былъ далеко не замѣчателенъ. Мы уже знаемъ объ участіи его въ Крестовыхъ походахъ и о послѣдующихъ его приключеніяхъ въ Германіи; добавимъ здѣсь только, что и по возвращеніи въ Англію онъ очень мало принималъ участія въ управленіи страною, а больше занятъ былъ нескончаемыми усобицами со своими вассалами. Во время одной изъ такихъ усобицъ онъ и скончался, смертельно раненый стрѣлою подъ стѣнами одного замка въ Лимузенѣ (1199). Гораздо болѣе было важно по своему значенію для

Печать архіепископа Кэнтерборійскаго, изображающая убіеніе Ѳ. Бекета.

По всѣмъ вѣроятіямъ, относится къ половинѣ XIV вѣка. Хранится въ тайномъ государственномъ архивѣ въ Берлинѣ.

Англіи, и не для одной только Англіи, царствованіе его преемника и брата *Іоанна* (1199—1216). Во время бытности своего брата въ Палестинѣ, Іоаннъ сталъ во главѣ недовольныхъ, которые боролись противъ поставленнаго Ричардомъ въ намѣстники епископа Вильгельма Элійскаго, и наконецъ свергли его. Однакоже недовольство бароновъ обратилось противъ самого Іоанна, когда внезапно скончался его племянникъ Артуръ, сынъ старшаго брата, а потому имѣвшій болѣе правъ на престолъ, нежели Іоаннъ; этотъ Артуръ уже былъ признанъ королемъ въ южно-французскихъ владѣніяхъ Плантагенетовскаго королевства, и потому на Іоанна пало тяжкое подозрѣніе, какъ на виновника смерти Артура. Въ то же самое время возобновилась и церковная распря по поводу замѣщенія Кэнтерборійской архіепископской каѳедры. Папа Иннокентій III очень хорошо зналъ, какъ непрочна была власть этого страстно-прихотливаго, безнравственнаго короля. Онъ наложилъ интердиктъ на страну, вслѣдствіе того, что Іоаннъ не хотѣлъ признавать предложеннаго кандидата; а король Французскій, Филиппъ-Августъ, которому было невыносимо могущество Плантагенетовъ, поспѣшилъ пойти войною на изгнаннаго, вторгнувшись въ самую Англію. Однако, Іоаннъ, не желая оправдывать насмѣшливой клички «Безземельнаго», приданной отцомъ своему младшему сыну, отвратилъ отъ себя опасность рѣшительной мѣрой: онъ заявилъ, что готовъ принять свои владѣнія въ качествѣ лэна отъ папы. Торжественный актъ этотъ былъ совершенъ въ 1213 г., при чемъ папскій легатъ, архіепископъ Стефанъ Лангтонъ, снялъ отлученіе съ короля. Такимъ образомъ, Французамъ не удалось высадиться, но не такъ легко было Іоанну поладить съ оппозиціею магнатовъ, которымъ Иннокентій приказывалъ не противиться отнынѣ болѣе его лэннику. Іоаннъ, только что вернувшійся послѣ пораженія при Бовинэ, предлагалъ имъ предоставить дѣло рѣшенію папы и надѣялся править по-прежнему, благодаря поддержкѣ такого союзника. Но противная сторона умѣла тоже постоять за себя.

Печать Ричарда I (Львиное Сердце).
Въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

Горожане лондонскіе,—которыхъ, какъ гражданъ главнѣйшаго города въ странѣ, именовали тоже баронами или магнатами,—примкнули къ врагамъ короля, и ему не оставалось болѣе ничего, какъ пойти на уступки. Онъ прибылъ изъ Виндзорскаго дворца на Рённемедскую равнину и подписалъ договоръ, предложенный ему баронами (1215).

Magna charta. 1215.

Это была та «Великая хартія», ограждавшая гражданскую свободу, «*Magna charta libertatum*», которая была направлена противъ королевскаго и церковнаго произвола, охраняла весьма обстоятельно права не одного только дворянства, но и всѣхъ классовъ населенія, и составляла родъ конституціи, свидѣтельствуя, съ тѣмъ вмѣстѣ, объ исчезновеніи розни между Норманнами и Англо-Саксами. Этотъ весьма обширный документъ (19 іюня 1215 г.) включалъ 63 статьи, которыми устанавливалось: свободное избраніе епископовъ; устраненіе неправильныхъ притязаній верховнаго лэннаго владыки; возвышеніе налоговъ (за нѣкоторыми исключеніями) допускалось отнынѣ лишь съ согласія высшаго совѣта, членами котораго должны были состоять непосредственные лэнники короля, бароны и епископы королевства. Обычное право должно было оставаться въ своей силѣ, при постоянномъ засѣданіи суда въ Уэстминстерѣ; рѣшеніе споровъ по лэннымъ вопросамъ предоставлялось судамъ лэнныхъ графствъ, состоявшимъ изъ коронныхъ чиновниковъ, но въ соприсутствіи четырехъ членовъ отъ рыцарства. Собственность признавалась неприкосновенною, разумѣя: у свободнаго лица—его свободу и имущество; у купца—его товаръ; у несвободнаго—его земледѣльческія орудія. Свободный подвергался приговору лицъ своего сословія, слѣдовательно—суду присяжныхъ, и безъ повальнаго обыска. Городъ Лондонъ и другіе города сохраняли свои старинныя привилегіи; всякія произвольныя пошлины возбранялись; въ мѣрахъ и вѣсахъ вводилось однообразіе; иностранные купцы имѣли свободный доступъ; недавно огражденные лѣса не признавались частной собственностью. Провозглашалась амнистія; комиссія изъ двадцати пяти бароновъ королевства—между ними и лондонскій мэръ—должна была наблюдать за выполненіемъ и поддержаніемъ и впредь всѣхъ статей этой великой освободительной грамоты. Иннокентій подвергнулъ отлученію бароновъ и лондонскихъ гражданъ и отрѣшилъ тоже архіепископа Лангтона, участвовавшаго заодно съ ними въ такомъ «развратномъ» дѣяніи. Тотчасъ же разгорѣлась борьба изъ-за хартіи; король умеръ вскорѣ (1216), но при его сынѣ, *Генрихѣ*, вступившемъ на престолъ девятилѣтнимъ ребенкомъ, эта конституція вошла въ силу, хотя зависимость государства отъ папы и связанныя между собою папскія и королевскія притязанія еще долго не переставали посягать на нее. Все продолжительное царствованіе Генриха занято этою борьбою противъ хартіи и войнами съ Франціей. Англійскій историкъ Маколей замѣчаетъ совершенно справедливо, что при безусловно счастливомъ исходѣ этихъ войнъ для Французовъ центръ тяжести всего могущества перешелъ бы во Францію, и Англія обратилась бы лишь въ провинцію сильнаго французскаго государства; если же военныя дѣйствія закончились бы для Французовъ потерею областей по сю сторону Гаронны, то главнымъ государствомъ осталась-бы Англія. Но въ борьбѣ за конституцію побѣда осталась за вдохновителями и сторон-

Генрихъ III, король Англійскій. Съ гробницы его въ Вестминстерскомъ аббатствѣ въ Лондонѣ.

никами великаго освободительнаго уложенія. Съ своимъ вожакомъ, Симономъ Монфорскимъ, они прибавили къ этой хартіи еще статутъ,—такъ-называемый «Оксфордскій указъ», крайне ограничивающій королевскую власть. При возникшей, по этому поводу, новой борьбѣ, Симонъ Монфорскій, «капитанъ» партіи бароновъ, пришелъ къ рѣшенію, важному по своимъ послѣдствіямъ: онъ созвалъ уполномоченныхъ отъ рыцарства, отъ городовъ и отъ «пяти пэровъ», для ихъ совмѣстнаго засѣданія въ парламентѣ съ баронами. Могущество этихъ собраній, хотя не окрѣпшихъ еще въ опредѣленную форму, выказалось уже въ противодѣйствіи лицамъ царствовавшаго тогда дома, какъ, напримѣръ, при вопросѣ о проектѣ, измышленномъ Иннокентіемъ IV изъ-за его ненависти къ Штауфенскому дому: согласно этому плану, младшій сынъ Генриха III, *Эдмондъ*, долженъ былъ овладѣть короною Неаполя и Сициліи. Предпріятіе осталось даже неначатымъ, только благодаря разумному отпору парламента, осуждавшаго такую политику приключеній и отказавшаго въ выдачѣ денегъ (1257).

Франція со временъ Филиппа I.

Въ то время какъ въ Англіи мѣстная аристократія, въ связи съ демократическими или, по крайней мѣрѣ, городскими элементами, пріобрѣтала большое значеніе, одержавъ вышеупомянутую побѣду надъ королевскимъ полновластіемъ, — или неограниченнымъ произволомъ, — во Франціи замѣчается скорѣе обратное направленіе въ царствованіе *Филиппа I* (1060—1108), *Людовика VI* († 1136), *Людовика VII* († 1180), *Филиппа II Августа.* († 1223), *Людовика VIII* († 1226) и *Людовика IX* или *Святого* († 1270). Ни въ одной странѣ не возбуждала такого энтузіазма мысль о Крестовыхъ походахъ, какъ мы это увидимъ, нигдѣ не держалась она такъ упорно, но королевская власть извлекала изъ этого уже не столько непосредственной пользы, какъ это предполагается: при трехъ первыхъ изъ упомянутыхъ королей, до 1196 г., съ короною не соединялось никакого значительнаго лэна. Въ продолженіе всего этого періода главные вассалы очень могущественны: народная жизнь протекаетъ въ этихъ обособленныхъ и своеобразныхъ предѣлахъ, и самая мысль о завоеваніи Святой Земли находитъ своихъ первыхъ и усерднѣйшихъ ревнителей среди крупныхъ землевладѣльцевъ. Но еще со временъ Хлодвига французское духовенство искало у королей покровительства противъ посягательствъ свѣтскихъ вельможъ. Такъ, сенъ-денисскій аббатъ Сугерій призываетъ Людовика VII обратно, заставляя его покинуть богоугоднѣйшее изъ церков-

ныхъ дѣлъ, Крестовый походъ, ради того, чтобы «не оставлять долѣе стада на произволъ волковъ». Два царствованія, Филиппа-Августа (1180—1223) и Людовика Святого (1226—1270), особенно замѣчательны. При воцареніи перваго, половина страны, которую мы зовемъ теперь Франціей, была въ рукахъ Англичанъ. Послѣ начатой войны, оба короля, Филиппъ-Августъ и Ричардъ Англійскій, соединились для общаго Крестоваго похода, при чемъ Филиппъ, какъ мы это видѣли, выбралъ болѣе удачно время для своего возвращенія, нежели Ричардъ. Филиппъ-Августъ былъ прямымъ, твердымъ, послѣдовательнымъ правителемъ и съумѣлъ, въ качествѣ верховнаго судьи, заставить и Англійскаго короля Іоанна,—по закону, его вассала, — признать, послѣ битвы при Бовинэ (1214), его, Филиппа, права: онъ доказалъ ему, что принудитъ каждаго изъ своихъ бароновъ,— будь онъ хотя король Англійскій, — уважать однажды принесенную присягу. Въ этомъ сраженіи ему помогали и общинныя войска; вѣсть о побѣдѣ вызвала общую радость во всей странѣ; въ этомъ движеніи замѣтенъ впервые какъ-бы проблескъ общаго національнаго чувства во французскомъ народѣ. Папа, питавшій прежде сильное неудовольствіе на Филиппа за то, что онъ развелся безъ достаточной причины съ своею супругою, датскою принцессой, и затѣмъ, не обращая никакого вниманія на папскія увѣщанія, вступилъ въ новый бракъ, думалъ сначала воспользоваться имъ, какъ орудіемъ противъ Іоанна Англійскаго; этотъ завоевательный походъ не состоялся, но вмѣсто того вспыхнула на Югѣ Франціи альбигойская война, которая особенно усилилась при внукѣ Филиппа, Людовикѣ IX. Во время регентства вдовы Людовика VIII, испанской принцессы Бланки Кастильской, въ 1229 г. былъ заключенъ договоръ съ графомъ Тулузскимъ, который передавалъ свое богатое, но раззоренное войною графство французской коронѣ; при Филиппѣ-Августѣ непосредственные удѣлы этой послѣдней были уже столь обширны, что ни одинъ изъ главнѣйшихъ вассаловъ не могъ уже единолично возставать противъ нея.

Печать Генриха III.
Изъ актовъ Британскаго музея въ Лондонѣ.

Правленіе Людовика IX.

Правленіе Людовика IX было однимъ изъ благодѣтельнѣйшихъ, когда-либо упоминаемыхъ исторіей. Благочестіе этого короля, хотя и носившее, согласно духу времени, монашески-аскетическую окраску (онъ постоянно держалъ при себѣ, въ мѣшечкѣ у пояса, тонкія цѣпи, которыми его духовникъ бичевалъ часто его нѣжное тѣло), было, тѣмъ не менѣе, вполнѣ искреннимъ и глубокимъ. Онъ понималъ серьезно свое королевское призваніе, былъ проникнутъ идеею справедливости, которую уважалъ всегда, хотя бы даже въ ущербъ своему личному интересу. Прежде всего, въ сферахъ дѣйствія, зависѣвшихъ непосредственно отъ короны, онъ ввелъ хорошіе судебные уставы, совершенно устранилъ судебные поединки; далѣе онъ опредѣлилъ порядокъ обжалованія приговоровъ баронскихъ судовъ передъ судомъ королевскимъ, или даже посредствомъ прямой подачи жалобы ему, королю, весьма внимательно-вникавшему во всякое дѣло и обладавшему несомнѣнною, прирожденною судейскою способностью. Учрежденіе сказаннаго порядка вызвало вскорѣ общее сочувствіе уже потому, что король часто присуждалъ вздорныхъ жалобщиковъ къ денежнымъ штрафамъ, а самая возможность подачи такихъ апелляціонныхъ жалобъ при убѣжденіи, что «никто не стоитъ такъ высоко, чтобы нельзя было и его притянуть къ королевскому суду», пробуждала въ народѣ несокрушимое сознаніе права. Правовѣдѣніе, развиваясь далѣе на основѣ римскаго права, усвоивало уже понятіе о causae regiae,—особыхъ обстоятельствахъ, подлежащихъ суду самого короля,—почерпнувъ тоже изъ римскаго кодекса понятіе о преступленіи «противъ Величества». Частныя распри не прекратились, понятнымъ образомъ, но повсюду,—въ области административной, податной, полицейской, законодательной,—водворялся «государственный строй», средоточіемъ и вѣнцомъ котораго былъ король. Къ нему обращались взоры всѣхъ и отъ него ожидали всѣ рѣшающаго слова въ безчисленномъ множествѣ отношеній и случаевъ. Къ такому устроенію государства были привлечены, прежде всего, великіе вассалы: герцоги Норманнскій, Гюеннскій, Бургундскій, графы Шампанскій, Тулузскій и Фландрскій; эти шесть свѣтскихъ «пэровъ Франціи» съ равнымъ числомъ духовныхъ сановниковъ: архіепископа Реймскаго и епископовъ изъ Бове, Шалона, Нойона, Лана и Лангра,—составляли верховный коро-

Король Французскій Людовикъ IX на тронѣ.
По миніатюрѣ въ рукописи XIV в., хранящейся въ національной библіотекѣ въ Парижѣ.

левскій совѣтъ, имѣвшій постоянно значительное, но не тормозящее вліяніе на ходъ дѣлъ. Въ 1259 г., Людовикъ заключилъ договоръ съ Англіей, при чемъ выказалъ свою разумно-государственную сдержанность: онъ добровольно уступалъ Англійскому королю нѣсколько областей, при чемъ тотъ присягнулъ ему на вѣрность, отказываясь, въ то же время, отъ всѣхъ своихъ правъ на Нормандію, Анжу, Турэнь, Мэнъ и Пуату въ пользу французской короны. Еще къ большей славѣ Людовика служитъ то, что его строгое понятіе о правѣ и долгѣ не покидало его и въ его отношеніяхъ къ Церкви, несмотря на всю его набожность, на которую духовенство возлагало слишкомъ много излишнихъ надеждъ. Иннокентій IV, въ своей великой борьбѣ съ римскимъ императоромъ, забывалъ всякую мѣру: духовныя средства борьбы—отлученія и интердикты—употреблялись позорно для вымоганія денегъ, въ которыхъ безгранично нуждались, повидимому, эти, хотя и не семейныя, духовныя лица. Но въ 1247 г., именно во Франціи, образовался большой союзъ высшаго дворянства для отпора противъ становившихся, наконецъ, нестерпимыми притязаній церковниковъ; а незадолго до своей смерти, въ 1269 г., самъ Людовикъ издалъ постановленіе, подъ именемъ «Прагматической Санкціи», которою опредѣлялись съ точностью церковныя отношенія, и всѣ притязанія духовныхъ лицъ заключались принудительно въ извѣстныя границы. Такимъ образомъ, Людовикъ съумѣлъ защитить свое королевское достоинство и своихъ подданныхъ даже противъ такого могущественнаго папы, какъ Иннокентій IV.

Печать Людовика IX.
Въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

Христіанство и исламъ. Пиринейскій полуостровъ.

Благочестіе Людовика просіяло съ особенной силою, которая могла пристыдить остальной міръ, еще въ одномъ дѣлѣ: съ его именемъ связаны послѣднія попытки, сдѣланныя для освобожденія Святой Земли изъ-подъ власти невѣрныхъ. Отношенія христіанскихъ государствъ къ мусульманскому міру, составлявшія восточный вопросъ того времени, принимали весьма разнообразныя формы. Ихъ нельзя назвать рѣшительно враждебными, потому что, при всемъ превосходствѣ своемъ, руководящіе классы европейскаго общества обнаруживали на себѣ вліяніе этого міра при исходѣ такъ-называемыхъ Крестовыхъ походовъ. Всего непосредственнѣе отражалось это вліяніе на Пиринейскомъ полуостровѣ, гдѣ необходимость борьбы съ исламомъ служила собственно какъ-бы побужденіемъ къ созиданію государствъ. Побѣда христіанства въ Испаніи рѣшалась именно въ эту эпоху. Изъ четырехъ христіанскихъ государствъ или государственныхъ

группъ, которыя можно признавать существующими въ это время на полуостровѣ, то-есть, королевствъ Наваррскаго, Арагонскаго, Кастильскаго и Португальскаго; послѣднее образовалось позднѣе всѣхъ, и именно въ этотъ періодъ. Одинъ изъ кастильскихъ королей, *Альфонсъ VI*, передалъ отнятую имъ у Аравитянъ, на нижнемъ Дуэро, область своему зятю *Генриху Бургундскому*, изъ дома Капетинговъ, въ наслѣдственное владѣніе (1109). Послѣ одной побѣды надъ маврами при *Урикѣ* (1139), преемникъ этого Генриха, Альфонсъ I, былъ провозглашенъ королемъ; онъ и его наслѣдники продолжали тѣснить Мавровъ, при чемъ, получая случайную помощь, какъ было уже разсказано выше (1147), отъ проходившихъ войскъ крестоносцевъ, расширяли постепенно свои владѣнія къ югу до Альгварайскихъ горъ и даже далѣе. Эта борьба, въ которой принимали участіе и Тампліеры, и Іоанниты, придала аристократическій строй государству: при сословныхъ собраніяхъ, которыя созывались въ Ламехо, лежавшемъ къ югу отъ средняго Дуэро, представители городовъ отступали на задній планъ. Королевство Кастильское расширялось тоже насчетъ Аравитянъ, и здѣсь, какъ и въ Португаліи, постоянныя битвы вызвали учрежденіе рыцарскихъ орденовъ по образцу палестинскихъ, и проникнутыхъ подобно имъ духомъ аристократической независимости, основанной на твердой организаціи ордена и громадности его владѣній. Таковы были ордена *Калатравы* (1157), *Св. Яго* (1175) и *Алькантары* (1219). Несчастная система наслѣдственныхъ раздѣловъ, обезсиливавшая королевскую власть, была уничтожена лишь Фердинандомъ III (1230—1252), который установилъ законъ о нераздѣльности Кастиліи, Леона и Галиціи; при немъ же были отняты у Аравитянъ вся долина Гвадалквивира, область Андалузія и часть Мурсіи, прилегающая къ Средиземному морю: мусульмане должны были ограничиваться одною юго-восточной частью полуострова—Гренадой. Фердинандъ положилъ основаніе судебному уложенію, установилъ порядокъ престолонаслѣдія и учредилъ верховное судилище, какъ высшую апелляціонную инстанцію; но третьему сословію было трудно одерживать здѣсь верхъ надъ грандами, которые обратили свой обычай противорѣчить королю, въ иныхъ случаяхъ, въ формальное право, и состоя большею частью въ союзѣ съ духовенствомъ, держали города и села въ полнѣйшемъ подчиненіи. Земли, отвоеванныя арагонскими королями у Мавровъ, придавали возрастающее значеніе области, сначала ничтожной; въ 1118 г. Арагонцами была взята и обращена въ столицу *Сарагосса* на среднемъ Эбро. Благодаря счастливому браку (1137), къ Арагонскому королевству было присоединено графство Каталонское, чѣмъ было положено основаніе дѣйствительно-сильному государству, а король *Хаиме* или *Іаковъ I* (1213—1276) упрочилъ это могущество, отнявъ у мусульманъ Майорку, Валенсію и часть Мурсіи. Здѣсь, въ приморскихъ мѣстностяхъ, города занимали уже болѣе независимое положеніе на ряду съ дворянствомъ, духовенствомъ и оброчнымъ сельскимъ населеніемъ: уже въ XII столѣтіи они высылали своихъ представителей на арагонскіе сеймы.

Въ то время, какъ на Западѣ христіанство и слѣдовавшія за нимъ созидательныя государственныя дѣйствія начали переходить изъ обороны въ наступленіе, болѣе и болѣе тѣсня мусульманъ, обреченныхъ лишь на

Востокъ. Латинская имперія.

затруднительную самозащиту, на Востокѣ происходило обратное: наступательныя дѣйствія, которымъ придается, вообще, названіе Крестовыхъ походовъ, рѣшительно не удавались. Прежде всего, оказалась несостоятельною Латино-Греческая имперія, отъ которой можно было ожидать поддержки христіанскимъ колоніямъ, основаннымъ въ Палестинѣ. Въ то время, какъ упомянутый *Ѳеодоръ Ласкарисъ* былъ признанъ императоромъ въ Малой Азіи и избралъ своею резиденціей *Никею*, почти насупротивъ самаго Константинополя, первый изъ латинскихъ императоровъ, Балдуинъ, умеръ въ болгарской темницѣ (1206). Ему наслѣдовалъ братъ его Генрихъ, человѣкъ очень способный, съ которымъ вступилъ въ союзъ Ѳессалоникійскій король, маркграфъ *Бонифацій*, для совмѣстнаго дѣйствія противъ Болгаръ и непокорныхъ греческихъ подданныхъ. Но Бонифацій былъ убитъ въ сраженіи противъ Болгаръ (1207) и его голова была представлена, какъ трофей, ихъ королю Іоанну. Для прочнаго развитія франкскаго господства на Востокѣ было необходимо предварительное соединеніе римской и греческой Церкви, но этому упорно противилось туземное населеніе, и многоначаліе въ «Романіи» съ безконечными раздорами различныхъ владѣльцевъ препятствовало какъ этому, такъ и всякому шагу впередъ. Вскорѣ послѣ того, какъ королевство Ѳессалоникійское подпало подъ власть деспота Эпирскаго, пятый изъ этихъ безсильныхъ государей, *Балдуинъ II*, былъ вынужденъ умолять Западъ о помощи, и жалкое положеніе его правленія достаточно обрисовывается тѣмъ, что онъ долженъ былъ заложить драгоцѣннѣйшую изъ реликвій, терновый вѣнецъ Спасителя. Но помощь съ Запада не пришла, и уже въ 1261 г. исполнились судьбы Константинополя, не устоявшаго передъ нападеніемъ императора *Михаила VIII* или одного изъ его военноначальниковъ. Нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ государствъ, основанныхъ на древне-греческой территоріи, имѣли свой кратковременный цвѣтущій періодъ: таковы были герцогство Аѳинское и княжество Ахайское; но одни Венеціанцы извлекли долговременную выгоду изъ предпріятія, задуманнаго ихъ великимъ согражданиномъ и проведеннаго имъ съ практическимъ примѣненіемъ благочестія и разсчетливой смѣткою.

Сирія и Египетъ.

Для великой цѣли собственно «Крестовыхъ» походовъ Латинская имперія была лишь помѣхой. Срокъ перемирія, заключеннаго императоромъ Фридрихомъ II, истекъ въ 1239 году, и борьба возобновилась. Въ этомъ же году король Наварскій Теобальдъ и нѣкоторые другіе большіе владѣтели предприняли Крестовый походъ; въ слѣдующемъ году высадились въ Акконѣ англійскія войска подъ начальствомъ графа Ричарда Корнваллійскаго, брата короля Генриха III. Первое изъ этихъ предпріятій не имѣло успѣха; при второмъ Ричарду удалось заключить миръ, посредствомъ переговоровъ съ сыномъ Эль-Камиль-Эюба, благодаря чему было освобождено много плѣнныхъ Франковъ (1241). Но, черезъ три года, Эюбъ принялъ въ свои войска турецкихъ наемниковъ, «*Ховаресмійцевъ*», которые вели войну такимъ жестокимъ способомъ, что, при ихъ приближеніи, христіане, со своимъ патріархомъ во главѣ, бѣжали изъ Іерусалима, предоставляя его, безъ боя, варварской ордѣ, при чемъ городъ навѣки былъ утраченъ для христіанства. Войска христіанъ соеди-

нились еще однажды, но потерпѣли позорное пораженіе при *Газѣ* (1244). Соединеніе короны іерусалимской, отнятой у Штауфеновъ, съ кипрскою, въ 1246 году, мало помогло дѣлу; можно было предвидѣть полное уничтоженіе христіанскаго господства въ Сиріи, и въ весьма близкомъ будущемъ. Такое положеніе дѣлъ очень озабочивало Иннокентія IV: проповѣди на пользу Крестовыхъ походовъ возобновились, все христіанское духовенство было обложено сборомъ, самъ папа и кардиналы жертвовали десятый процентъ со своихъ доходовъ; но Иннокентій самъ подорвалъ успѣхъ предпріятія своею борьбою съ императоромъ и постыднымъ злоупотребленіемъ крестоваго знамени и крестоносческихъ обѣтовъ. Настроеніе правящихъ классовъ въ Европѣ было уже и такъ охлаждено прежними неудачами; наступало критическое отношеніе къ дѣлу, и новый походъ подготовлялся безъ воодушевленія,—можно сказать, даже съ явнымъ несочувствіемъ. Для того, чтобы побороть затрудненія, требовался авторитетъ личности, подобной Людовику IX, и проникнутой его глубокой религіозностью. Онъ возобновилъ теперь, вполнѣ сознательно, обѣтъ, данный имъ однажды, во время тяжкой болѣзни, и походъ состоялся въ 1248 году.

Шестой Крестовый походъ. 1248.

Въ сентябрѣ Людовикъ прибылъ со своимъ рыцарствомъ, на генуэзскихъ судахъ, къ острову Кипру. По долгомъ обсужденіи, было рѣшено напасть, прежде всего, на Египетъ. Войско сѣло на суда въ февралѣ 1249 года. Высадка у Даміэты совершилась благополучно: мусульманская армія очистила поле безъ большого сопротивленія, предоставляя Французамъ столь важный пунктъ, какъ Даміэта. Усилясь еще прибывшими отрядами паломниковъ, Людовикъ двинулся въ походъ, вверхъ по теченію Нила, къ Кагирѣ; но войско, передвиженіе котораго, весьма затруднительное, велось до крайности неумѣло, попало, среди Нижняго Египта, пересѣченнаго каналами, въ крайне тяжелое, даже отчаянное, безвыходное положеніе. Самъ король, его братъ и многіе рыцари должны были сдаться въ плѣнъ, послѣ того, какъ непріятельскія войска, съ новымъ страшнымъ отрядомъ въ нихъ, «мамелюками», безпощадно расправились съ нижними чинами арміи; многіе изъ взятыхъ въ плѣнъ и не подававшихъ хорошей надежды на выкупъ или отказывавшихся принять мусульманство, обезглавливались на мѣстѣ. Королю удалось заключить перемиріе, но цѣною громаднаго выкупа; Даміэта была отдана вновь и многіе изъ уцѣлѣвшихъ крестоносцевъ вернулись на родину; самъ Людовикъ съ небольшимъ числомъ преданныхъ лицъ отправился моремъ въ Акконъ. Раздоры и всякія смуты, господствовавшія въ мусульманскомъ лагерѣ не менѣе, нежели въ христіанскомъ, помѣшали еще побѣдителямъ воспользоваться вполнѣ пораженіемъ крестоносцевъ, и Людовикъ, котораго мать его, Бланка, тщетно убѣждала возвратиться, пробылъ въ Сиріи еще до 1254 года. Въ трогательномъ посланіи къ своимъ подданнымъ проситъ онъ ихъ не оставлять неоконченнымъ богоугодное дѣло. Это воззваніе послужило лишь источникомъ новыхъ бѣдствій. Высшіе классы оставались равнодушными, но низшіе воспламенились фанатизмомъ. Въ дикомъ опьянѣніи несбыточными мечтами, тысячи людей собирались въ громадныя полчища, мнившія себя призванными къ освобожденію Святой

Земли. Къ нимъ примыкалъ всякій сбродъ и скоро эти толпы, презиравшія всякую подчиненность, даже и въ отношеніи духовенства, потянулись изъ мѣста въ мѣсто, внося всюду опустошеніе и разбой. Даже и послѣ того, какъ онѣ разсѣялись, потерявъ своего вожака, воспоминаніе объ ужасахъ, совершенныхъ этими «пастушками» (pastorelle), только усиливало общее нерасположеніе къ Крестовымъ походамъ. По возвращеніи Людовика во Францію, положеніе дѣлъ въ Палестинѣ стало еще безнадежнѣе, тѣмъ болѣе, что большіе итальянскіе города—Венеція, Генуя и Пиза—перенесли свои торговыя распри и въ Сирію, гдѣ безъ того не было недостатка въ раздорахъ. Христіанскія колоніи еще держались, временно, благодаря опасности, которая угрожала магометанскимъ государствамъ со стороны Монголовъ, съ которыми христіане вступили теперь, поэтому, въ дружественныя сношенія. Но съ 1260 г. имъ сталъ угрожать новый опасный врагъ въ лицѣ мамелюкскаго князя Бибарса, который, умертвивъ эюбидскаго султана, присоединилъ Сирію къ Египту и сильно утвердился въ обѣихъ странахъ. Онъ овладѣлъ въ 1265 году Цезареей, въ 1268 году — Яффой, въ томъ же году — Антіохіей, захватывая такъ всѣ мѣстные города, одинъ за другимъ.

Седьмой Крестовый походъ. 1270.

Такія бѣдствія заставили французскаго короля прибѣгнуть къ послѣднимъ средствамъ. Снова были пущены въ ходъ тѣ пружины, которыми оживлялись умы въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій. Собралось войско; другіе государи: король Наварскій, Теобальдъ, король Арагонскій, братъ Людовика, Карлъ,—новый властитель Сициліи, руки котораго еще не были омыты отъ крови послѣдняго Штауфена, какъ будетъ разсказано ниже,—возложили на себя крестъ. Послѣднее обстоятельство, тоесть, участіе короля Сицилійскаго въ этомъ походѣ, имѣло, повидимому, рѣшающее значеніе въ планѣ военныхъ дѣйствій: было опредѣлено идти сначала на Тунисъ, одолѣть тамошняго эмира или обратить его въ христіанство, какъ на то надѣялись, и тогда уже двинуться противъ Египта. Но предпріятіе не удалось, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ успѣховъ; климатъ оказался губительнѣе для войска, нежели самъ непріятель: 3 августа 1270 года умеръ сынъ короля Людовика, а черезъ нѣсколько недѣль позже, и самъ Людовикъ, слабое здоровье котораго было совершенно неспособно противустоять трудностямъ похода съ самаго начала этого предпріятія. Съ кончиною короля померкъ священный характеръ похода, который завершился договоромъ, даровавшимъ христіанскому духовенству право свободнаго отправленія обрядовъ своей религіи въ тунисскихъ владѣніяхъ; сверхъ того, эмиръ принималъ на себя обязательство выплачивать извѣстную дань новому королю Сициліи, подобно тому, какъ онъ платилъ ее прежде Штауфену.

Паденіе Акона. 1291.

Такъ закончилась эта экспедиція, которую слишкомъ громко называютъ «седьмымъ Крестовымъ походомъ» (1270). Прежде нежели успѣло завершиться столѣтіе, палъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, и послѣдній оплотъ христіанъ въ Палестинѣ, хорошо укрѣпленный, многолюдный и богатый Акконъ (1291).

Сарацынское оружіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣдствія Крестовыхъ походовъ и времена междуцарствія.— Смерть Конрадина.

Крестовые походы. Общій взглядъ.

Обѣты освобожденія Святыхъ Мѣстъ держались еще нѣсколько времени, какъ идея, а вскорѣ перешли только въ фразу, которую никто уже не думалъ осуществить на дѣлѣ. Эта фраза осталась вѣскимъ орудіемъ въ благоустроенномъ арсеналѣ Западной Церкви,—орудіемъ, которое было снова пущено въ дѣло, когда, при великой исторической борьбѣ Запада съ Востокомъ, нападеніе шло съ Востока; употреблялось то же орудіе и при другихъ случаяхъ. Остроумно и глубоко выразился философъ-изслѣдователь исторіи человѣчества, Гегель, говоря, что европейское человѣчество, при своихъ воинственныхъ паломничествахъ къ гробу Спасителя, обрѣло тамъ тотъ же отвѣтъ, который былъ нѣкогда данъ ученикамъ: «Что ищете Живого среди мертвыхъ? Его нѣтъ здѣсь, Онъ возсталъ». Великія основы христіанства и ихъ сила, увлекающая и освобождающая народы, не связаны съ обладаніемъ извѣстными мѣстностями, бывшими земнымъ поприщемъ первой дѣятельности Спасителя, завѣщавшаго Своимъ ученикамъ, что Онъ пребудетъ съ ними до конца вѣковъ, всегда и вездѣ. Той грёзѣ, которая, изъ поколѣнія въ поколѣніе, утрачивала, болѣе и болѣе, свой набожный характеръ, приносились въ жертву, почти ежегодно, въ теченіе многихъ лѣтъ, громадныя массы народа,—а между тѣмъ, обладаніе Св. Гробомъ скоро было утрачено, и притомъ навсегда. Тѣмъ не менѣе, эти походы составляютъ въ высшей степени знаменательную и полную глубокаго значенія эпоху въ исторіи человѣчества. Во многихъ отношеніяхъ, вліяніе ихъ можно сравнить съ тѣмъ, которое вызывается въ жизни отдѣльнаго лица совершеніемъ большого путешествія; но слѣдуетъ, разумѣется, остерегаться признавать за исключительное послѣдствіе

Крестовыхъ походовъ то, что было результатомъ работы разнообразнѣйшихъ, присущихъ тому времени, силъ.

Усиленіе вѣры.

Движеніе народилось, вначалѣ, изъ переполнявшаго души чувства, которому религіозное вѣрованіе указало опредѣленную цѣль; можно тоже сказать, что избытокъ населенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вызвалъ эту, своего рода, эмиграцію. Походы эти нельзя назвать чѣмъ-то совершенно новымъ, ни съ матеріальной, ни съ духовной стороны: относительно первой, мы видимъ, что передвиженія, скитанія людей за поисками земель не прекращались со времени великой колонизаціи, которую принято называть эпохою переселенія народовъ; что касается духовной стороны дѣла, то извѣстно тоже, что съ давнихъ временъ, задолго до 1096 г., ежегодно, каждой весною, изъ итальянскихъ портовъ отправлялись цѣлыя толпы въ Іерусалимъ. Въ данное время, такое движеніе пріобрѣло новое значеніе, потому что мысль объ освобожденіи Св. Земли становилась собственно модною мыслью, оставаясь модною и на долгое время, и что всѣ страсти и душевныя побужденія, какъ хорошія, такъ и дурныя, какъ высокія, такъ и низменныя, смѣшивались съ этою мыслью, служили ей на пользу, принимали отъ нея свою окраску, вслѣдствіе чего, весьма часто, сообщали сами благочестивому движенію весьма мірской характеръ. Грубая физическая сила и самое чувственное представленіе о священныхъ предметахъ, тупое невѣжество и недостатокъ развитія, предававшее лицъ высшихъ и низшихъ сословій, духовенство и мірянъ въ жертву необузданной фантазіи, простодушная, дѣтская вѣра, какъ и столь же простодушная и дѣтская погоня за новизной и забавой,—все это одинаково содѣйствовало движенію, въ основѣ котораго лежала та вѣра въ сверхъестественное, въ чудеса, о силѣ которой мы не можемъ имѣть и представленія въ настоящее время. Возможность осуществленія великой теократической идеи,—ея проникновенія въ общественный строй,—поощряла духовенство къ возможно сильнѣйшему возбужденію умовъ въ сказанномъ фантастически-набожномъ направленіи; поэтому этотъ періодъ ознаменованъ наивысшимъ господствомъ Церкви и ея служителей. Съ тою же наивною смѣлостью, съ которою папы того времени заявляли свои притязанія на всемірное главенство, и въ словахъ Спасителя Петру: «Я дамъ тебѣ ключи Царствія Небеснаго», усматривали такой смыслъ, что Св. Петру и его преемникамъ даны бразды правленія надъ міромъ небеснымъ и земнымъ,—съ такою же наивностью папскіе легаты и патріархи, а въ низшихъ сферахъ отшельники и монахи вели большія арміи и принимали на себя руководство военными дѣйствіями, о которыхъ понятія не имѣли. Сообразно этому безчисленны были и жертвы. Трудно найти въ исторіи другія боевыя предпріятія или переселенія, которыя сопровождались бы подобными или хотя бы приблизительно подобными потерями человѣческихъ жизней и скопленіемъ столькихъ бѣдствій, представляя въ то же время, въ конечномъ результатѣ своемъ, такое жалкое несоотвѣтствіе между достигнутымъ, или и вовсе не достигнутымъ, и тѣми силами, которыя были приведены въ дѣйствіе для достиженія этой цѣли.

Ослабленіе вѣры.

Вслѣдствіе именно этого, конечныя событія и вліяніе послѣднихъ походовъ представляютъ нѣчто совершенно противоположное тому, что было

первоначально. Наступило потрясающее, всеобщее отрезвленіе. Чудеса, вѣра въ которыя была такъ сильна, что всегда находилось множество очевидцевъ ихъ совершенія, оказались обманомъ; въ чужихъ земляхъ, даже въ той, которая именовалась *Святою*, обстояло все такъ же, или почти такъ же, какъ и на родинѣ паломниковъ, и за морями жили люди тѣмъ же порядкомъ, какъ и здѣсь. Скоро пробудился критическій духъ, далеко не сходный съ «Deus lo volt» Клермонтскаго собора. Отрезвленные умы находили, что если бы Господь былъ недоволенъ тѣмъ, что Святыя Мѣста—въ рукахъ у Сарацинъ, то измѣнилъ бы такое положеніе дѣла и безъ Крестовыхъ походовъ. Но этого было еще мало: люди имѣли случай познакомиться съ другими народами и другими вѣроисповѣданіями, узнали ихъ теперь не по однимъ пристрастнымъ изображеніямъ ограниченнаго духовенства, но сталкиваясь съ ними лично, на мѣстѣ, и приходили къ тому убѣжденію, что съ послѣдователями Магомета еще можно ладить. Многіе и именно изъ числа членовъ тѣхъ орденовъ, которые первые же воодушевляли всѣхъ, увлекались теперь до легкомысленнѣйшаго невѣрія и опасныхъ святотатственныхъ выходокъ. Собственно, впрочемъ, съ самаго начала существовало извѣстное теченіе мысли, осуждавшее это стремленіе вдаль, въ погоню за приключеніями. Это противодѣйствіе сказывалось особенно между Нѣмцами, склонными къ спокойной работѣ на родинѣ, при честномъ отчужденіи отъ всякой неразборчивой, неразумной, безшабашной непосѣдливости. Такое настроеніе одержало верхъ, оправдываясь сотни и тысячи разъ примѣрами тѣхъ, которые возвращались разочарованными, обнищавшими, и еще большимъ числомъ не возвратившихся, пропавшихъ безъ вѣсти. Но, вообще, мірскіе расчеты, матеріальные интересы выступали все болѣе и болѣе на первый планъ при повтореніи походовъ. Въ какой степени заслуживали отпущенія грѣховъ побывавшіе въ Св. Землѣ—это становилось сомнительнымъ, потому что тамъ весьма процвѣтали всякіе грѣхи, какъ мѣстные, такъ и вывезенные съ чужбины; но что тамъ можно было нажить денегъ и всякаго добра — это было ясно, судя по обогащенію итальянскихъ приморскихъ городовъ, которые пользовались вѣрнѣйшими барышами. Общимъ послѣдствіемъ всего этого было то, что люди, отрѣшась отъ надежды добиться силою небесныхъ благъ, рѣшились старательнѣе воздѣлывать землю, примѣняя силы, дарованныя человѣку, болѣе разумно и на своей отечественной почвѣ.

Измѣненіе жизненныхъ условій. Могущество духовенства.

Несомнѣнно, что жизнь, вообще, въ теченіе этихъ двухъ столѣтій, стала богаче, свѣтлѣе, свободнѣе; это видно особенно изъ наблюденія надъ отдѣльными классами общества. Крестовые походы вызвали, или помогли вызвать,—переустройство соціальное, лишь косвенно повліявъ и на политическое. Менѣе всего были задѣты этимъ движеніемъ крупные землевладѣльцы, знатнѣйшіе князья. Они не руководили имъ, позволяя лишь увлечь себя, частью весьма неохотно и только потому, что участіе въ Крестовомъ походѣ считалось, въ высшемъ кругу, одною изъ обязанностей хорошаго тона. Государство или, лучше сказать, государства,—потому что собственно имперія не имѣла никакой прочной связи съ вновь основанными въ Палестинѣ владѣніями и, вообще, со всѣмъ этимъ движеніемъ,—государства извлекали изъ этихъ походовъ тоже мало пользы.

Напротивъ того, они потерпѣли даже временную потерю, потому что движеніе, вызываемое Крестовыми походами, крайнѣ возвысило вліяніе духовенства: не говоря о папахъ, можно-ли представить себѣ болѣе могучую власть, нежели та, которую пріобрѣлъ аббатъ Бернаръ Клервосскій, въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, и которая конечно вовсе не соотвѣтствовала его личному значенію и способностямъ? Лица правящія, великіе папы той эпохи, весьма разсчетливо пользовались такими явленіями, старательно избѣгая при этомъ подвергать лично свою особу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и авторитетъ Св. Петра, случайностямъ этихъ слишкомъ смѣлыхъ предпріятій. Нельзя не удивляться тому, что никого не смущало постоянное отсутствіе папъ во всѣхъ бывшихъ походахъ во имя Креста. Церковь, разумѣя подъ этимъ духовенство во всей его іерархической связи и монашескія общины, находила прежде всего въ этомъ движеніи свою матеріальную выгоду. Многіе паломники, ради удовлетворенія своихъ обѣтовъ и душевнаго стремленія, закладывали или отчуждали свои имѣнія вполнѣ или частью, при чемъ для Церкви открывалась возможность скупать дешево такія помѣстья; сверхъ того, обычныя пожертвованія благочестивыхъ людей на церкви и монастыри крайне усилились, при общемъ возбужденіи умовъ во время Крестовыхъ походовъ. Многія лица, которыя не могли или не хотѣли принять прямое участіе въ походѣ, старались умилостивить Бога или своего святого, или своего епископа приношеніемъ, и своеобразное порожденіе этого времени, рыцарскіе ордена, пріобрѣли весьма скоро громаднѣйшія состоянія.

Рыцарскіе ордена. Ордена Нищенствующіе.

Въ такое благопріятное время, Церковь упрочила свои средства къ пріобрѣтенію могущества, и та система, которая отмѣчена именемъ Григорія VII, получила свое окончательное развитіе. Браки священниковъ прекратились, хотя еще въ 1229 г. встрѣчаются женатые даже между лицами высшаго духовнаго званія. Устройство сословія, совершенно отдѣленнаго такимъ образомъ отъ мірянъ, завершилось; форма, установленная для исповѣди, подвергала ихъ вполнѣ церковной дисциплинѣ, передъ которою раскрывались всѣ тайны. Отлученія и интердикты расцвѣли пышнѣе чѣмъ когда-либо, и надзоръ надъ мірянами и даже надъ самимъ духовенствомъ страшно усилился, благодаря учрежденію *инквизиціи*, при которой трудно было опредѣлить, гдѣ оканчивается шпіонство и гдѣ начинается судебное разбирательство; но уже самое учрежденіе ея доказывало, что старая простодушная вѣра была уже поколеблена. Духовенство набирало попрежнему своихъ членовъ изъ высшихъ сословій, и эта связь аристократіи съ іерархіей выказывается всего яснѣе въ *рыцарскихъ орденахъ*. Но папы съумѣли весьма прозорливо создать себѣ большую силу и изъ демократическихъ элементовъ, учредивъ *нищенствующіе* ордена, сохранявшіе простонародный характеръ. Эти ордена составляли извѣстный противовѣсъ бенедиктинцамъ и другимъ орденамъ, устроеннымъ по ихъ образцу, и, будучи вполнѣ народными по своему общему составу, но снабженные весьма обширными привилегіями отъ папъ, они проникали всюду, часто и въ *университеты*, при чемъ соперничество, издавна существовавшее между бѣлымъ и чернымъ, свѣтскимъ и монашествующимъ духовенствомъ, обострилось чрезвычайно и перешло частью въ отъявленную

вражду. Вначалѣ нищенствующіе ордена совершенно подлежали установленному церковному порядку, строго соблюдая повиновеніе; какъ ни далеко заходили францисканцы въ поклоненіи основателю своего ордена, приписывая ему всевозможныя чудеса, все же они не задумывали, какъ не задумывалъ того и самъ Св. Францискъ, настаивать слишкомъ упорно на той противуположности, которую представляло все направленіе господствовавшей папской политики, стремившейся къ свѣтской власти и свѣтскому достоянію, съ ихъ чисто-евангельскимъ убожествомъ.

Схоластика. Мистика.

И самая *наука* не только вращалась въ предѣлахъ церковныхъ воззрѣній и догматики, но и была въ нѣкоторой степени монополіей духовнаго сословія. Была собственно лишь одна наука—*богословіе*, и то, что могло быть пріобрѣтено знаніемъ, укладывалось въ эти же рамки, составляло нераздѣльную часть богословія. Это средневѣковое богословіе, бывшее съ тѣмъ вмѣстѣ и философіей, носитъ названіе «*схоластики*». Схоластика особенно процвѣтала въ этотъ періодъ. Приведя въ систему церковное ученіе, придавъ ему научную форму, сдѣлавъ его правдоподобнымъ для мыслящихъ умовъ, она подкрѣпила съ новой стороны превозмогавшую все силу Церкви и духовнаго сословія. Къ великимъ учителямъ XI и XII столѣтій: Ансельму Кентэрборійскому, Беренгару Турскому, Ланфранку, Абеляру, Бернару Клервосскому, Петру Ломбарду, присоединились теперь знаменитые догматики нищенствующихъ орденовъ, доминиканецъ *Ѳома Аквинскій* (1225—1274) и францисканецъ *Іоаннъ Денсъ Скотсъ* († 1308). Согласно ихъ воззрѣнію, церковное ученіе содержитъ объективно-неопровержимую истину. Съ строгою, глубокопроницающею послѣдовательностью развиваютъ они свою научную систему, изслѣдуя соотношеніе разума къ откровенію, существо и естество Божіе, углубляются въ таинство Троицы, вѣчности или предѣльности міра, въ отношеніе человѣческой свободы къ Божескому Промыслу; разбираютъ существо ангеловъ и степень ихъ сознанія сравнительно съ сознаніемъ человѣческимъ, грѣховность и благодать, искупленіе и прощеніе; представляя Церковь въ видѣ мистическаго тѣла, къ которому принадлежатъ и ангельскіе чины, они извлекаютъ изъ этого представленія число семи таинствъ, углубляясь особенно въ истолкованіе важнѣйшаго изъ нихъ, таинства Евхаристіи,—изощряютъ всю тонкость своего ума на истолкованіе того, какимъ образомъ благодать Божія дѣйствуетъ въ таинствахъ, и нисходятъ даже до разсмотрѣнія такихъ догматическихъ и мелочно-обрядныхъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ имъ остается только одинъ выходъ: прибѣгнуть, разумѣется, къ премудрости Божіей, и «*Deus novit*» полагаетъ конецъ ихъ сомнѣніямъ. Тѣмъ путемъ схоластическихъ тонкостей было объяснено, почему священнослужитель никоимъ образомъ не могъ принимать Тѣла безъ Крови,—хлѣба безъ вина, — между тѣмъ какъ міряпинъ могъ, и даже долженъ былъ дѣлать это: священнослужитель, говорило ученіе, приноситъ жертву во имя всѣхъ, а «Христосъ содержится всецѣло подъ обоими видами». Въ этомъ пунктѣ выступаетъ всего ярче связь между схоластической догматикой (выражаемая въ полномъ совершенствѣ Ѳомою Аквинскимъ) и могуществомъ іерархіи. Въ 1264 г. Урбанъ IV придалъ наглядное и весьма ловкое выраженіе этой связи, учредивъ новѣйшее изъ

всѣхъ церковныхъ празднествъ, именно общій «праздникъ Тѣла Господня» (Corpus Dei). Рядомъ съ схоластикою и ея опиравшейся на Аристотеля діалектикой, развивалось въ богословіи и другое направленіе, которое характеризуется именами Гугона († 1141) и Ришара († 1173) изъ обители С. Виктора: это была мистика, которая, оставляя за собою вѣру и науку, доводила религіозное чувствованіе до непосредственнаго созерцанія божественной истины, — или, по крайней мѣрѣ, вела къ предвкушенію такой непосредственности.

Самомнѣніе и высокомѣрное смиреніе духовнаго сословія дошли, въ лицѣ Григорія VII, до своего высшаго, въ своемъ родѣ недосягаемаго развитія. Въ одномъ изъ своихъ посланій къ мецскому епископу Герману (1081) онъ ставитъ «съ полнымъ смиреніемъ» вопросъ: «можетъ-ли кто сомнѣваться въ томъ, что служители Христовы поставлены быть отцами и руководителями королей, князей и всѣхъ вѣрующихъ?» И онъ подходитъ весьма близко къ демократическимъ разглагольствованіямъ позднѣйшихъ вѣковъ, восклицая при томъ же теченіи мысли: «кто же не знаетъ, что короли и князья происходятъ и ведутъ свой родъ отъ тѣхъ, которые и не вѣдали о Богѣ, а съ помощью высокомѣрія, насилія, коварства, разбоя, словомъ, преступленій всякаго рода, посѣянныхъ княземъ міра сего, то-есть діаволомъ, достигли своего господства надъ людями, ближними своими, и властвуютъ съ слѣпою жадностью и невыносимой гордыней?... Кто изъ нихъ дерзаетъ совершать самое высшее въ вѣрѣ Христовой: словомъ своимъ изображать Тѣло и Кровь Господню?»

Рыцарство.

Но чудовищное могущество духовнаго сословія, владѣвшаго до того времени почти нераздѣльно силою слова, устнаго и письменнаго, литературой и проповѣдью, имѣло много и слабыхъ сторонъ. Оно покоилось на потребности человѣка вѣрить въ сверхъестественныя соотношенія міра и человѣческой души. Но самая эта потребность была такъ велика, что люди, постоянно стремясь за *матеріаломъ для вѣры* (если позволительно такъ выразиться), были всегда готовы вѣрить еще всему иному, новому, помимо предлагаемаго Церковью съ ея догматами и легендами; съ другой стороны, разумно-обоснованные научные пріемы схоластики при разработкѣ церковнаго ученія пробуждали въ умахъ стремленіе къ критической оцѣнкѣ, духъ разумной провѣрки,—*сомнѣніе*. Это поколебало значеніе духовенства во многихъ, хотя и отдѣльныхъ, низшихъ народныхъ кружкахъ, между которыми очень распространилось кощунство, несмотря на всѣ варварскія казни за него, и одновременно съ большимъ общественнымъ поворотомъ, наступившимъ съ развитіемъ рыцарства при Крестовыхъ походахъ, и довершеннымъ самими этими походами.

Названіе рыцаря — *Ritter, Eques, Miles* — обозначало сперва просто человѣка, обязаннаго слѣдовать въ походѣ за какимъ-либо дворяниномъ,— княземъ, графомъ, маркграфомъ, — и владѣвшаго соотвѣтственнымъ лэномъ. Рыцари принадлежали сами, поэтому, лишь рѣдко къ дворянскому сословію, а часто набирались даже изъ числа податныхъ. Но въ самомъ существѣ этихъ странныхъ экспедицій было то, что эти одѣтые въ броню всадники, составлявшіе единственную стройную и нѣсколько дисциплинированную часть арміи, порѣшавшую своею храбростью исходъ

Рыцарь и его оруженосцы. Изображеніе, относящееся къ 1190 г. Одна изъ миніатюръ Генуэзской хроники.

Даетъ понятіе о воинскомъ вооруженіи во времена Барбароссы.

сраженій, выдѣлялись аристократически изъ общей массы полчища. Общность священной цѣли, привычка къ совмѣстной боевой и лагерной жизни съ ея опасностями и досугами, существенная однородность общаго невысокаго развитія—сглаживали различіе сословій между этими воинами и они сливались въ одно общее, свое сословіе, въ особый классъ общества, что сказывалось въ нихъ еще ощутительнѣе оттого, что въ этихъ арміяхъ сталкивались люди различныхъ европейскихъ народностей, обладавшіе одинаковыми признаками общественнаго положенія. Главный тонъ задавали Французы, какъ вожди; такимъ образомъ, при этихъ дальнихъ, рискованныхъ походахъ вырабатывались въ рыцарствѣ свои общіе нравы, общія понятія, игры, добродѣтели и пороки; они усвоивались имъ въ битвахъ съ чуждымъ сарацинствомъ, которое, въ свою очередь, включало родственные рыцарству элементы, и эти элементы потомъ крѣпли еще болѣе среди распрей на родинѣ, подъ впечатлѣніемъ испытаннаго въ тѣхъ походахъ и битвахъ. Замѣчательно было тутъ, что при аскетическомъ жизненномъ идеалѣ, который изстари выражалъ собою все высшее, въ смыслѣ нравственномъ — вступало въ свои права начало боевое, свѣтское, удовлетворявшее естественнымъ стремленіямъ человѣка. Цѣнилась въ рыцарѣ не одна храбрость, но и утонченная, царедворская, приличная его званію выдержка во всемъ. Создался родъ кодекса вѣжливости, касавшійся всего, начиная съ правилъ при ѣдѣ и питьѣ, и до законовъ обращенія съ раненымъ противникомъ при рыцар-

скихъ потѣхахъ или турнирахъ, и даже при серьезныхъ поединкахъ и на войнѣ. При установленіи подобныхъ условныхъ знаковъ утонченной нравственности, женщины, пользовавшіяся весьма ограниченнымъ значеніемъ при господствѣ прежнихъ воззрѣній, заняли вновь положеніе, дозволявшее имъ распространять свое благотворное вліяніе въ наиболѣе глубокомъ отношеніи. Подготовленіе къ рыцарскому званію начиналось рано. Мальчикъ поступалъ сначала пажомъ ко двору знатнаго лица, гдѣ научался тонкостямъ рыцарскаго образа жизни, потомъ обращался въ прислужника, оруженосца, наблюдавшаго за боевымъ конемъ, въ довѣреннаго слугу или гонца, изучая при этомъ и болѣе суровыя стороны и требованія рыцарской службы, пока, наконецъ, при какомъ-либо случаѣ, — турнирѣ при празднованіи княжеской свадьбы или при столкновеніи цѣлыхъ армій въ настоящей войнѣ,— его не посвящали въ рыцари съ соблюденіемъ предписанныхъ обрядовъ, съ чѣмъ вмѣстѣ ему присвоивались всѣ права привилегированнаго сословія. Само собой разумѣется, что при этомъ играли важную роль наруж-

Посвященіе въ рыцари.
По миніатюрѣ, заимствованной изъ Оксфордскаго кодекса.

ные знаки, цвѣта, гербовые щиты, шлемы и тому подобныя отличія, равно какъ извѣстныя слова и формулы. Сознаніе принадлежности къ рыцарскому сословію и соблюденіе рыцарскихъ обычаевъ поддерживалось особенно турнирами или рыцарскими играми, составлявшими любимѣйшую забаву около 1200 г. Онѣ были цѣлымъ событіемъ для провинціи, округа, города,—потому что и горожане, по крайней мѣрѣ, высшаго круга, пристрастились къ этимъ потѣхамъ; — поднимались споры о превосходствѣ того или другого рыцаря въ одиночномъ бою, или о томъ, чья сторона, при валовой схваткѣ, забрала болѣе плѣнныхъ, лучше исполнила то или другое движеніе. Заклады и призы играли свою роль при этомъ, и прославленные бойцы странствовали съ турнира на турниръ не всегда ради одного только своего честолюбія или служенія дамѣ. Въ этой пестротѣ,

оживленіи и всемъ рыцарскомъ бытѣ было много блеска, хотя часто и мишурнаго. Водились молодцы, которые обращали свою виртуозность

Турниръ въ XIII вѣкѣ. Рѣзная изъ слоновой кости крышка ковченца, хранящаяся въ Равеннской библіотекѣ.

Въ «бесѣдкахъ» и на стѣнѣ городской — зрители, большею частью дамы, которыя различнымъ образомъ выражаютъ свое участіе и сочувствіе зрѣлищу. Въ сторонѣ—трубачи, подающіе сигналъ къ началу боя. Направо и налѣво—колѣнопреклоненные рыцари получаютъ изъ рукъ своихъ дамъ шлемы и копья.

въ нанесеніи или отпарированіи удара въ выгодный промыселъ. Если стараніе выслужиться при дворѣ, рыцарская гордость, стремленіе добиться благоволенія знатной дамы имѣли, во многихъ случаяхъ, свою воспита-

тельную силу, которую нельзя не оцѣнивать, то эта самая сила, весьма часто, измѣняла себѣ или принимала ложное направленіе. Всему внѣшнему придавалось слишкомъ много значенія: снисканіе благосклонности государя обратилось въ льстивость и низкопоклонство; рыцарская гордость въ грубость или легкомысленное отношеніе къ слабымъ и къ ихъ честному труду. Во многихъ мѣстностяхъ рыцари болѣе и болѣе обращались въ тирановъ и вступали въ явный и губительный антагонизмъ съ рабочимъ сословіемъ, свободными поселянами и жителями городовъ. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи и въ служеніи рыцарства женщинамъ окажется болѣе тѣневыхъ сторонъ, нежели свѣтлыхъ. Крестовые походы, отвлекавшіе мужчину на цѣлые мѣсяцы и годы отъ его первыхъ и ближай-

Женщина подъ защитою рыцарства.
Аллегорическая миніатюра изъ Псалтири, хранящейся въ національной библіотекѣ въ Парижѣ.

шихъ обязанностей, были прямо губительны для степенной, правильной семейной жизни, совершенно противорѣча всѣмъ ея началамъ. Тѣ изящныя дамы провансальскія и нормандскія, которыя сами отправлялись въ Св. Землю, подавали поводъ иногда къ неосновательнымъ, а иногда и къ совершенно справедливымъ и весьма непохвальнымъ толкамъ, а то, что мы узнаемъ о нравственности, господствовавшей въ сирійскихъ поселеніяхъ, въ военномъ станѣ подъ Акконою и во многихъ другихъ, доказываетъ, что крестоносцы гораздо тверже и мужественнѣе исполняли свои обязанности воинскія, нежели болѣе трудныя обязанности, налагаемыя христіанскою нравственностью. Въ особенности же служеніе женщинѣ стало вырождаться въ нѣчто весьма глупое и карикатурное съ той поры,

какъ турниры вошли повсемѣстно въ обычай. Въ книгѣ о «служеніи женщинѣ», написанной однимъ австрійскимъ рыцаремъ, Ульрихомъ фонъ-Лихтенштейнъ († 1276), передъ нами развертывается полная картина этого безсмысленнаго, смѣшного, дикаго ухаживанья, — ради котораго, напримѣръ, женатый рыцарь, состоявшій въ служеніи у жены другого рыцаря, переряживался въ шутовской нарядъ «миѳической Венеры» (Frau Venus — нѣмецкихъ преданій) и слѣдовалъ за предметомъ своего служенія съ турнира на турниръ, всюду ломая въ честь ея копья, въ безопасномъ, но и безцѣльномъ, и безсмысленномъ бою. Эти выходки, конечно, представляли собою еще наименьшее изъ золъ: несомнѣнно однакоже, что это служеніе женщинѣ, въ высшихъ кружкахъ общества, вносило въ жизнь и элементъ значительной испорченности нравовъ, подъ личиною вычурнаго почтенія къ женщинамъ давая просторъ и чувственности, и не совсѣмъ приличнымъ шуткамъ. Даже и на обрядовой сторонѣ культа Св. Дѣвы, особенно сильно развившагося именно въ это время, отразились черты этого преувеличеннаго служенія женщинѣ, хотя и нельзя не признать, что этотъ культъ Св. Дѣвы, какъ идеалъ женской кротости и чистоты, представляетъ собою одно изъ весьма утѣшительныхъ явленій въ это время общаго огрубѣнія нравовъ, когда умѣнье владѣть мечомъ составляло едва-ли не главную цѣль жизни каждаго рыцаря и благороднаго.

Рыцарская поэзія. Трубадуры.

Въ результатѣ исторической жизни двухъ вѣковъ получился однакоже тотъ выводъ, что уже не одно духовенство занимало первое мѣсто въ европейскомъ обществѣ, и что рядомъ съ нимъ развилось и явилось вполнѣ мірское, рыцарское сословіе. Принадлежность къ этому сословію была цѣлью самыхъ пламенныхъ стремленій и желаній низшихъ сословій, горожанъ и поселянъ: — и дѣйствительно находились такіе счастливцы, которые изъ низшихъ сословій, личными заслугами своими, поднимались въ это высшее рыцарское сословіе; были и такіе, которые изъ владѣтельныхъ князей обращались въ простыхъ рыцарей; но, конечно, сословіе рыцарское вскорѣ совсѣмъ измѣнилось, когда сдѣлалось наслѣдственнымъ, т. е. перестало зависѣть отъ личныхъ заслугъ. Хотя нравы, обычаи и воззрѣнія этой военной аристократіи придавали во всей Европѣ нѣкоторую однородность высшему слою общества, однакоже, съ другой стороны, рыцарство вліяло и на развитіе національныхъ особенностей въ каждомъ изъ европейскихъ народовъ; рыцарство сближало ихъ, но не обезличивало. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ рыцарства всюду развилась національная *литература*, главными носителями которой явились привилегированные, рыцарскіе классы общества. Въ этомъ отношеніи духовенство уже не могло тягаться съ рыцарствомъ; и какъ ни былъ сильно распространенъ латинскій языкъ въ обществѣ, однакоже народный языкъ явился языкомъ этой новой литературы, и даже тѣ духовныя лица, которыя пустились въ поэзію, должны были творить на языкѣ народномъ. Сильнѣе всего этотъ новый духъ проявился въ средѣ французскаго рыцарства: — въ любовныхъ пѣсняхъ, въ *сирвентахъ* или «служебныхъ пѣсняхъ» съ ихъ сатирическимъ оттѣнкомъ, въ стихотворныхъ спорахъ и діалогическихъ пѣсняхъ трубадуровъ. Перечитывая оживленныя и полныя

свѣжихъ поэтическихъ образовъ произведенія талантливѣйшаго изъ южнофранцузскихъ лириковъ, *Бертрана-де-Борна*, мы поневолѣ переносимся въ эти времена, переполненныя непрерывнымъ военнымъ шумомъ, и начинаемъ понимать тотъ паѳосъ, съ которымъ онъ обращается къ своему лэнному владыкѣ, Ричарду Львиное Сердце, или тотъ неистовый восторгъ, съ какимъ онъ описываетъ битвы и штурмы за́мковъ:

«Да! Это—это всему предпочитаю:
И сну, и пиру, когда звучитъ
Мнѣ въ уши труба: «впередъ! впередъ!»
И вотъ ужъ мчится конь безъ сѣдока,
Оглашая воздухъ громкимъ ржаньемъ...
И раздаются крики: «дружнѣй, дружнѣе въ бой!»
И воины, сплотившись тѣснымъ рядомъ,
Уже падаютъ на стѣнѣ—
И у многихъ, въ груди, выставляясь изъ-подъ одежды,
Еще торчитъ копье—причина его страданья!»

Тотъ же воинственный духъ иногда побуждаетъ поэтовъ этого времени дерзновенно поднимать голосъ и противъ весьма опасныхъ соперниковъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ сѣверно-французскихъ поэтовъ, Гюйо-де-Провэнъ, не обинуясь, описываетъ римскій дворъ, «преисполненный тяжкаго грѣха, вмѣстилище злобы, исходище всякихъ пороковъ»; при этомъ разсказываетъ о продажѣ и перепродажѣ приходовъ и церквей, о корыстолюбіи и расточительности архіепископовъ и епископовъ, о безпутной жизни низшаго духовенства, даже и монаховъ, о которыхъ сообщаетъ между прочимъ, что есть между ними и такіе, «которые на ночь заплетаютъ свою бороду на три части, чтобы какъ-нибудь не испортить ея красоту».

Миннезингеры.

Точно такъ же и нѣкоторые изъ нѣмецкихъ миннезингеровъ почерпали болѣе серьезное содержаніе своихъ стихотворныхъ произведеній изъ области своего служенія опредѣленнымъ политическимъ убѣжденіямъ. Но вообще говоря, эта *нѣмецкая лирика* рыцарскихъ временъ, при большомъ разнообразіи внѣшнихъ формъ, отличается замѣчательнымъ однообразіемъ внутренняго содержанія: одинъ изъ нѣмецкихъ изслѣдо-

Къ поэзіи миннезингеровъ: Изображеніе богини Любви.
Рѣзная изъ слоновой кости крышка зеркала, XIII—XIV вѣка. Хранится въ Берлинскомъ музеѣ.

Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде.

Миніатюра, заимствованная изъ Парижской (Манессійской) рукописи.

вателей сравнилъ довольно вѣрно эту лирику со щебетаньемъ птицъ. Инымъ духомъ вѣетъ отъ произведеній самаго выдающагося изъ миннезингеровъ, *Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде*, который былъ ярымъ сторонникомъ императоровъ и писалъ для утѣхи Филиппа Швабскаго, Оттона IV, Фридриха II, переполнялъ свои стихотворенія рѣзкими нападками на папу и его ухищренія: враги его не дарамъ утверждали, будто онъ своими произведеніями многія тысячи людей «одурачилъ и отвратилъ отъ Бога и отъ повиновенія папѣ». Такимъ же горячимъ сторонникомъ императорской власти является и другой миннезингеръ-сатирикъ, по имени *Фрейданкъ*; въ своемъ произведеніи, которое онъ называетъ «скромнымъ назиданіемъ», этотъ авторъ съ поразительною по тому времени ясностью указываетъ на противорѣчіе между ученіемъ Христовымъ, между дѣятельностью апостольскою, съ одной стороны—и между практическою дѣятельностью римской Церкви. Особенно остроумно и живо выставляетъ онъ на видъ то извращеніе, которое допущено было папами и высшими сановниками въ христіанское ученіе объ отпущеніи грѣховъ, послужившее къ внесенію многихъ злоупотребленій въ отношенія духовенства къ паствѣ. Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ, нельзя не замѣтить, при разборѣ этой лирики, что она довольно тяжела и что ощущенія, положенныя въ ея основу, очень скудны и однообразны.

Эпосъ. Гораздо болѣе плодовитою и благодарною, въ смыслѣ разработки, являлась всюду *поэзія эпическая*. Ея развитіе на германской почвѣ оказывается возможнымъ прослѣдить только въ самыхъ общихъ чертахъ. Народная, первоначальная основа этой поэзіи, и даже та форма, въ которой разносили ее повсюду странствующіе народные пѣвцы, весьма естественно утрачена для насъ навсегда: объ этой основѣ, объ этихъ сагахъ, мы можемъ составить себѣ нѣкоторое приблизительно-вѣрное понятіе по тѣмъ произведеніямъ, въ которыя впослѣдствіи эти саги были внесены на германской почвѣ. Такою переработкою древняго матерьяла народныхъ сказаній является, напримѣръ, «пѣснь о Вальтерѣ Сильномъ» — Walterius manu fortis — около 930 г. сложенная *Экгардомъ*, монахомъ знаменитаго С. Галленскаго монастыря:—въ этомъ произведеніи онъ переложилъ въ латинскіе стихи, подражая размѣру Виргилія, одно изъ древнихъ народныхъ сказаній героическаго эпоса. Но въ періодъ Крестовыхъ походовъ эпическая поэзія видимо развивается, расширяетъ полетъ свой и весьма усердно принимается за разработку все новыхъ и новыхъ сюжетовъ. Благочестивыя легенды и вообще вся область духовныхъ сказаній уступаютъ мѣсто свѣтскому роману, который, въ первыхъ своихъ попыткахъ (въ XI в.), представляется намъ еще бѣднымъ и по формѣ, и по содержанію. Мелкія эпическія произведенія, которыя прежде пѣвали народные пѣвцы, замѣняются теперь болѣе крупными произведеніями, для которыхъ основою служатъ сказанія объ Александрѣ Великомъ и о Карлѣ Великомъ, а также и французскія, англійскія, древне-римскія и древне-германскія саги. Подобная литература является въ Германіи около 1170 г., и существованіе ея заставляетъ предполагать уже извѣстный кругъ читателей,—не просто слушателей. Въ довольно обширной области подобнаго рода произведеній видимъ и «пѣснь о Роландѣ» священника Конрада, и

Объяснительная таблица къ рукописному отрывку изъ «пѣсни о Нибелунгахъ».

(Переводъ подстрочный).

(Изъ XXIV авентюры: «какъ посланцы пришли на Рейнъ и какъ тамъ погибли».

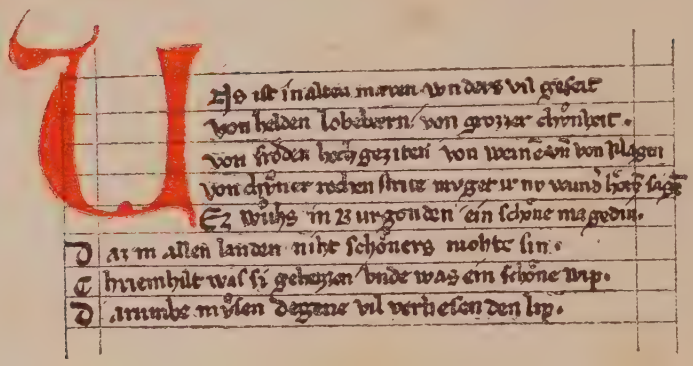
— wir müezen an die vart: Ez waldet guoter sinne, der sich alle zîte bewart.
пора намъ въ путь. Правъ тотъ, кто всегда бываетъ на-сторожѣ.
Nu lât iuch unbilden, sprach dô Hagene, niht mîne rede darumbe: swie halt iu
„Не очень на себя полагайтесь", сказалъ Гагенъ, „и рѣчь моя не о томъ: какъ и всегда съ вами
geschiht, ich rât iu an den triuwen, welt ir iuch wol bewarn, sô sult ir zuo den Hiunen
случается, я совѣтую вамъ правильно. Коли точно хотите быть на сторожѣ, то должны къ Гуннамъ
vil gewerlîche varn. Sît ir niht welt erwinden, sô besendet iwer man, die
хорошо вооруженные ѣхать. Такъ какъ не хотите отложить, то прикажите слѣдовать вашимъ вассаламъ,
besten die ir vinden oder inder müget hân: sô wel ich ûz in allen tûsent ritter guot, sone
лучшимъ, какіе найдутся или можете добыть; то выберу я изъ нихъ всѣхъ 1,000 рыцарей добрыхъ, тогда
kann uns niht gewerren der argen Kriemhilde muot. Des wil ich gerne volgen, sprach
не можетъ намъ повредить коварной Кримгильды злоба". „Этому охотно послѣдую", сказалъ
der künec zehant. dô hiez er boten rîten wîten in sîn lant: dô brâhte man der
король тотчасъ же. И приказалъ гонцамъ скакать далеко въ его страну: и приведено было
helde driu tûsent unde mer. si wânden niht erwerben alsô gremelîchiu sêr. Si riten
богатырей 3,000 и болѣе; не думали они, что дойдутъ до столь гибельнаго конца. Они поѣхали
willeclîche in Gunthers lant; man hiez in gebn allen ros unt ouch gewant, die mit in
охотно въ страну Гунтера; приказано было дать всѣмъ коней и одежды, кто съ ними
varn worden zuo den Hiunen dan: der künec in guotem willen der vil manegen
хотѣлъ ѣхать къ Гуннамъ оттуда: король добровольно изъ нихъ очень многихъ
gewan. Do hies von Tronege Hagene Dancwart den bruoder sîn ir beider recken sehzec
склонилъ (къ тому). Тогда приказалъ Гагенъ фонъ-Тронеге своему брату Данкварту изъ ихъ витязей 60
bringen an den Rîn. die kômen ri terlîche: harnasch unt gewant, des brâkten vil die
привести на Рейнъ; они прибыли (какъ подобаетъ) рыцарямъ: доспѣховъ и одежды—этого принесли много
degene in daz Gunthers lant. Dô kom der herre Volkêr, ein küene spilman, hin ze hove
рубаки въ страну Гунтера. Тутъ прибылъ и Фолькеръ, смѣлый игрецъ, ко двору,
nâch êren mit drîzec sîner man: die hêten sölch gewæte, ez möht ein künec
почетнѣйшимъ образомъ съ 30 своими людьми: на тѣхъ было такое платье, которое могъ бы и король
tragen. daz er zen Hiunen wolde, daz hiez er dem künege sagen. Wer der Volker wære,
носить; что и онъ тоже къ Гуннамъ хочетъ, это онъ велѣлъ королю сказать. Кто этотъ Фолькеръ былъ,
daz will ich iuch wizzen lân. er was ein edel herre: im was ouch undertân vil der guoten
это я объясню: онъ былъ благородный господинъ, и ему были подчинены многіе добрые
recken in Burgonden lant: durch daz er videln kunde, was er der spilman genant. Tûsent
витязи въ Бургундіи: такъ какъ онъ могъ играть на гудкѣ, то былъ прозванъ *игрецомъ*. Тысячу
welte Hagene: die hête er wol bekant, unt waz in starken stürmen hete gefrümt
выбралъ Гагенъ: тѣ всѣ ему были знакомы, и то, что въ грозныхъ битвахъ выполняли
ir hant, unt swaz sie ie begiengen, des hêt er vil gesehn: in kunde ouch ander nie-
ихъ руки, и что они когда-либо совершали, изъ того онъ многое видѣлъ, о нихъ не могъ и другой ни-
men niwan frümekeite jehn. Die boten von den Hiunen vil sêre dâ verdrôz, wande
кто ничего сказать, кромѣ (того, что) они храбрецы. Тогда послы Гунновъ очень этимъ были раздосадованы, ибо
ir vorht zir herren diu was harte grôz: si gerten tägelîche urloubes von dan.
ихъ боязнь передъ господиномъ была велика: они каждый день просили отпустить ихъ оттуда.
des engunde (in) niht Hagene: daz was durch liste getân. Er sprah zuo sîme herren:
Не дозволилъ того Гагенъ: это было сдѣлано не даромъ. Онъ сказалъ своему господину:
wir suln daz wol bewarn, daz wir si iht lâzen riten, ê daz wir selbe varn dar
мы должны тому воспрепятствовать, чтобы ихъ отпустить, прежде чѣмъ сами поѣдемъ туда,
nâch in tagen sîtenen, wider în ir lant: treit uns iemen argen muot, daz wirt
за ними велѣдъ, черезъ 7 дней, въ ихъ же страну: если кто замыслитъ что дурное противъ насъ, это будетъ
uns deste baz bekant. Sone kan ouch sich vrou Kriemhilt bereiten niht dar zuo,
намъ тѣмъ лучше извѣстно. Такъ не можетъ и госпожа Кримгильда приготовиться къ тому,
das uns durch irræte iemen schaden tuo: hât aber si den willen, ez mag ir
чтобы намъ кто-либо, по ея совѣтамъ, нанесъ вредъ: а если она того желаетъ, это можетъ ей
leide ergân, wande wir füeren hinnen manegen ûz erwelten man. Sâtel unde
на гибель быть, ибо мы ведемъ туда отборныхъ молодцовъ". Сѣдла и
schilde unt ander ir gewant, daz si füeren solden in Ezelen lant, daz waz nu
щиты и прочая ихъ одежда, какую должны были везти въ страну Эцеля, то все теперь было
gar bereitet vil manegem künem man: die Ezelen videlaere hiez man dô ze hove
приготовлено для этихъ смѣльчаковъ; эцелевыхъ музыкантовъ позвали тогда ко двору
gân. Dô si die fürsten sâhen, dô sprach Gêrnôt: der künec wil nu lei(sten) — — — —
прійти. Когда они князей увидѣли, тогда сказалъ Гернотъ: „король теперь..."

wir nu ren an die varn. er walder gvter sinne: d' sich alle ire bewart.
lat wch vnbilden. spch do Hagene nihr. mine rede darvmbe: swie hait iv
geschihr. ich ir iv an den ringen. weit ir wch wol bewarn. so svlt ir zv
den Hvnen. vil gewarliche varn. Ob ir nihr weit erwinden. so besen
der iv man. die besten die ir vinden. od' ind' mvgen han. so wel ich vz in al
len. vsent rite gvt. sone chan vns nihr gewerren. d' argen Chriemh mvt
Del wil ich gerne volgen. sprach d' kunic rehart. do hiez er boten riten. w
ten vilin lant: do brahte man d' belde. driv tvsint vn mer: si wanden nihr
erwerben also gremelichiv ser: Si riten willechliche. in Gunthers lant:
man hiez in gebn allen. volle vn ovch gewant: die mit in varn wolden.
zv den Hvnen dan. d' kunic in gvtem willen. d' vil manigen gewan. Do
hiez von Tronege Hagene. Danchwart den brvd' sin: ir bead' rechen schrich.
bringen an den Rin. die chomen rittliche. harnasch vn gewant: des brah
ten vil die degene. in daz Gunthers lant: Do chom d' herre Volker: ein
kvne spileman. hinze hove nach eren. mit drizech siner man. die heten
solch gewarte. er mohr ein kunic tragen. daz er zen Hvnin wolde. dachiez
er den chvnige sagen. Wer d' volker wære. daz wil ich writen lan. er
was ein edel herre. im was ovch vndan. vil d' gvten rechen. in Burgon
den lant. durch daz er vidln kunde. was er d' spileman genant: Vsent
weit Hagene. die here er wol bechant. vn war in starchen svermen. here
gefvnt ir hant. vn swaz si ie begingen. des hier er vil gesch. in chvnde
ovch and's in mein. nwan frvnchere ichn. Do ir boten von den Hv
nen. vil sere da v' drozz. wanden ir volk zir herren. div was harte groz.
si gerten tageliche. vrlovbes von dan. des engunde nihr Hagene. daz was
durch liste getan. Er spch zv sine herren. wir svln daz wol bewarn. daz
wir si ihr lazen riten. e daz wir selbe varn. daz nach intragen sibenen wid'
intr lant. trew vns iemen argen mvt. daz wirt vns deste bar bechant:
Sone chan ovch sich vv Chriemh. bereiten nihr dar zv. daz vns durch ir
ere. iemen schaden tv. hat ab' si den willen. er magt ir leide ergan. wande
wir svren innen. manigen vz erwelten man. Saul vn schilde. vn
and' ir gewant. daz si svren solden. in Grelen lant: daz was iv gar be
reiter. vil manigem chvnem man. die Grelen videlære. hier man do ze
hove gan. Do si die fersten sahen. do spch Ernot. d' chvnic wil nvlei

Одна страница изъ Гогенемъ-Лассбергской Рукописи,
(съ 1855 г. хранится въ княжеской придворной библіотекѣ въ Донаушингенѣ)—
древнѣйшаго изъ всѣхъ сохранившихся списковъ «Пѣсни о Нибелунгахъ».
Ркп. относится къ началу XIII в.

Пѣснь о Нибелунгахъ.

Ркп. второй половины XIII вѣка.


Uns ist in alten maeren wunders vil geseit
von helden lobebaern von grozzer chunheit.
von froeuden hochgeziten von weinen unn von klagen
von chuoner recken strite muget ir nu wunder hoeren sagen
Ez wuohs in Burgonden ein schoene magedin.
Daz in allen landen niht schoeners mohte sin.
Chriemhilt was si geheyzen unde was ein schoene wip.
Darumbe muosen degene vil verliesen den lip.

Начало пѣсни о Нибелунгахъ по Гогенэмско-Мюнхенской ркп. (А). Съ 1810 г. хранится въ королевской библіотекѣ въ Мюнхенѣ.

Подстрочный переводъ.

Uns ist in alten maeren vonders vil geseit,
Намъ въ старыхъ сказаніяхъ чудеснаго много разсказывается,
von helden lobebaern, von grozzer chuonheit,
о витязяхъ достославныхъ, о ихъ великой смѣлости,
von froeuden hochgeziten, von weinen unn von klagen
о весельяхъ и празднествахъ, о плачахъ и сокрушеніяхъ,
von chuoner recken strite muget ir nu wunder hoeren sagen
о борьбѣ удалыхъ богатырей услышите вы и здѣсь чудеса.

Ez wuohs in Burgonden ein schoene magedin
Выростала въ Бургундіи прекрасная дѣва
daz in allen landen niht shoeners mohte sin.
И прекраснѣе ея нигдѣ не могло быть (другой).
Chriemhilt was si geheyzen unde was ein schoene wip
Кримгильдой она называлась и была красавицей
darumbe muosen degene vil verliesen den lip.
И изъ-за нея должны были многіе витязи лишиться жизни.

«пѣснь объ Александрѣ»—священника Лампрехта, и переложеніе Энеиды, написанное Генрихомъ фонъ-Вельдеке; но изъ общей массы такихъ произведеній выступаютъ два большихъ эпоса, — *Пѣснь о Нибелунгахъ* и *Гудруна*,— авторы которыхъ неизвѣстны, хотя и то, и другое, очевидно, относятся въ окончательной своей обработкѣ къ штауфенскому періоду (къ началу XIII вѣка). Около того же времени видимъ уже и придворныхъ поэтовъ, подобныхъ *Готфриду Страсбургскому* или *Вольфраму фонъ-Эшенбаху*, которые уже вполнѣ сознательно и обдуманно относятся къ своимъ произведеніямъ (первый создалъ «*Тристана и Изольду*», второй—*Парцивиля*), и въ нихъ мы уже видимъ болѣе глубокое пониманіе современной духовной жизни и тѣхъ интересовъ, которые занимали въ это время высшіе классы. Но въ «пѣснѣ о Нибелунгахъ» и «Гудрунѣ», возникшихъ изъ народной основы, мы ближе знакомимся и съ жизнью, и съ духомъ, и съ воззрѣніями не отдѣльныхъ классовъ общества, а всей германской націи; притомъ и въ основѣ этихъ двухъ произведеній видимъ не какіе-нибудь временные и преходящіе интересы, а такія отношенія, которыя, въ томъ или другомъ проявленіи своемъ, всегда привлекали къ себѣ вниманіе и участіе всего человѣчества. Весьма важно, по отношенію къ этимъ произведеніямъ, было и то, что подобныя произведенія, привлекавшія вниманіе общества, стали являться не на чуждомъ большинству латинскомъ языкѣ, а на языкѣ народномъ, и что авторами подобныхъ произведеній были уже не духовныя лица, грамотныя по преимуществу и по обязанности своего званія, а міряне—рыцари или пѣвцы по ремеслу—которые могли воспѣвать все, что вздумается, и, не затрудняясь ничѣмъ, выражать свои дѣйствительныя ощущенія и воззрѣнія.

Преобладаніе мірского интереса надъ духовнымъ.

Эта литература ясно доказываетъ намъ, въ какой степени духовный горизонтъ расширился въ эти столѣтія, а духовная жизнь европейскихъ народовъ стала и богаче, и разнообразнѣе, и надо предположить, что и мысли, и разговоры современныхъ людей стали гораздо болѣе, чѣмъ прежде, вращаться въ области мірского. Если мы слышимъ въ это время обращенные къ Церкви и духовенству укоры въ излишнемъ увлеченіи мірскими интересами, то поводомъ къ этому, конечно, была не одна только жажда власти и обладанія со стороны епископовъ и папъ, а и то, что вообще всѣ умы данной эпохи обратились главнымъ образомъ къ мірскому, и это направленіе отразилось и на духовномъ сословіи, которое тѣмъ менѣе имѣло возможности отъ него уклониться, что, въ періодъ Крестовыхъ походовъ, было призвано къ участію во всѣхъ политическихъ и военныхъ дѣлахъ. Оба сословія — и рыцарское, болѣе и болѣе перерождавшееся въ аристократію, и духовное — нимало не враждовали другъ съ другомъ, и мы видимъ, что Церковь весьма охотно придаетъ свои формы и рыцарскимъ празднествамъ, и даже рыцарскимъ забавамъ. Такъ, напр., церемонія вступленія въ рыцарство начиналась съ того, что сначала служили обѣдню; да и вообще говоря, самое образованіе рыцарства было слишкомъ поверхностно и слишкомъ проникнуто суетностью, чтобы рыцарство могло помышлять хотя о сколько-нибудь серьезной оппозиціи по отношенію къ духовенству и Церкви. Болѣе серьезное и болѣе глубокое воззрѣніе на соотношеніе Божескаго и человѣческаго начала въ

жизни скорѣе готовилось въ тѣхъ кружкахъ и слояхъ народа, въ которыхъ суровыя работы и трудовая дѣятельность составляли главное содержаніе жизни.

Народъ. Мужицкое сословіе.

Изъ этихъ слоевъ, собственно *мужицкое сословіе*—сословіе свободныхъ землепашцевъ-собственниковъ — уже въ теченіе многихъ вѣковъ стояло весьма низко въ общественномъ положеніи. Съ презрѣніемъ смотрѣлъ рыцарь на мужика, который давно уже не носилъ оружія, и мужикъ отвѣчалъ на это презрѣніе со стороны своего тирана глубокою ненавистью, и, гдѣ было возможно, платилъ ему за насиліе насиліемъ. Крестовые походы нимало не улучшили бытъ этого слоя населенія, хоть за это время и замѣчаемъ нѣкоторый прогрессъ въ улучшеніи обработки земли. И вообще говоря, древне-германское свободное земледѣльческое сословіе хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и удержалось, однакоже сильно сократилось и было въ упадкѣ. Оно все болѣе и болѣе подчинялось зависимости отъ посредствующихъ, свѣтскихъ и духовныхъ властей и господъ, и, сверхъ тягостной службы, которую должно было нести, на законномъ основаніи, подъ властью этихъ

Землепашцы и плугъ XIII вѣка.
Изъ миніатюръ Гейдельбергской рукописи «Саксонскаго зерцала».

Мужики на закладкѣ новаго поселенія.
Владѣлецъ земли передаетъ ее старшинѣ на наслѣдственномъ оброчномъ правѣ, при посредствѣ документа (на немъ явственно читаемъ: «ego dei gratia»), съ привѣшенною къ нему треугольною печатью. Миніатюра изъ той же рукописи.

господъ, вынуждено было еще терпѣть жестокія насилія и оскорбленія отъ тиранства рыцарей и различныхъ пособниковъ ихъ.

Городскія сословія.

Само собою разумѣется, что, при такомъ стѣсненномъ положеніи, это сословіе не могло способствовать медленному и спокойному поступатель-

ному движенію общественной жизни: эта миссія, главнымъ образомъ, выпала на долю *сословія горожанъ*. Чрезвычайно любопытно припомнить здѣсь, что, по древне-германскому воззрѣнію, всякое огражденное стѣнами поселье уже представлялось стѣсненіемъ личной свободы; а въ данное время, напротивъ того, только за толстыми стѣнами городовъ и оказывалась возможность пользоваться извѣстною личною свободою, столь необходимою для прогресса въ общественной жизни.

Развитіе городского быта.

Мы уже видѣли какъ благотворно повліяло возобновленіе сношеній съ Востокомъ и временныя завоеванія и колонизація въ восточныхъ странахъ—сначала на *итальянскіе города*, какъ старѣйшіе и наиболѣе развитые въ Европѣ, а черезъ ихъ посредство и вообще на бытъ городовъ. Итальянскіе города добились въ этотъ періодъ своей полной независимости: сѣверно-италійскіе, Венеція, Генуя, Пиза, Миланъ и прочіе ломбардскіе обратились въ настоящія республики. Эта независимость ихъ была обезпечена тѣми событіями, которыя подготовляли конецъ владычеству Штауфенскаго дома въ Италіи, и въ то же время—конецъ могуществу императоровъ: насколько же, и въ какой степени эта полная свобода должна была послужить имъ самимъ на пользу—это ужъ былъ другой вопросъ. Ни во *Франціи*, ни въ *Англіи* о такой абсолютной свободѣ не могло быть и рѣчи. Городской элементъ во Франціи, окрѣпнувшій еще въ тѣ времена, когда Галлія была римской провинціей, возрасталъ въ тѣсной связи съ возрастаніемъ королевской власти. Самосознаніе городскихъ населеній пробудилось здѣсь ранѣе, чѣмъ въ Германіи, еще въ началѣ XII вѣка. Многозначащее слово *коммуна* (commune) получило въ это время новое значеніе и стало обозначать не только подтвержденную присягой связь гражданъ отдѣльнаго города съ извѣстнымъ количествомъ городовъ, но и вообще союзъ нѣсколькихъ городовъ, на основаніи одной общей программы дѣйствій, а равно и эту самую программу. А программа эта заключалась въ слѣдующемъ: самосудъ въ случаѣ нарушенія какихъ бы то ни было городу предоставленныхъ законовъ, весьма обширная судебная власть въ предѣлахъ города, назначеніе судей и чиновниковъ для управленія городомъ по выбору горожанъ и право самостоятельно распоряжаться административною и полицейскою частью, при точно установленныхъ обязательствахъ по отношенію къ одному владыкѣ—епископу или иному господину. Вообще говоря, надо отдать справедливость королямъ французскимъ, что они, съ гораздо бо́льшею политическою проницательностью, нежели государи нѣмецкіе (въ особенности Штауфенскаго дома), отнеслись къ тѣмъ политическимъ выгодамъ, какія подобное развитіе городовъ представляло для королевской власти: нѣмецкіе короли обратились за помощью къ этимъ союзникамъ уже тогда, когда было слишкомъ поздно. Король Людовикъ IX издалъ, по возвращеніи изъ перваго своего Крестоваго похода, распоряженіе о выборѣ мэра—городскихъ властей вообще—и управленія городскими доходами, и въ особенности занялся преобразованіемъ управленія своей столицы, Парижа, который, какъ и всѣ города, состоявшіе подъ непосредственною властью королевской, страдалъ уже не отъ насилій со стороны сосѣднихъ магнатовъ, а отъ злоупотребленій, развившихся въ городской средѣ, благодаря городскимъ партіямъ и непотизму. Въ

Англіи развитію городовъ способствовало суровое правленіе первыхъ норманнскихъ королей, которое, по крайней мѣрѣ, обезпечило ихъ отъ мелкихъ тирановъ:—эти короли очень скоро пришли къ сознанію того, что благосостояніе, накопляемое въ городахъ трудомъ и рвеніемъ гражданъ, есть ихъ собственное благосостояніе, и потому со временъ Вильгельма II ни одно правленіе не обошлось безъ того, чтобы городамъ или отдѣльнымъ корпораціямъ въ нихъ не было дано какихъ-нибудь новыхъ хартій, льготныхъ грамотъ или привилегій. Старинный обычай (который велся еще со временъ саксонскаго владычества), вызванный тревожными временами,—обычай соединяться въ *гильдіи* или тѣсные кружки, въ которыхъ члены связаны были круговою порукою по охранѣ жизни и имущества, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по отношенію къ мщенію и возмездію,—способствовалъ установленію въ этихъ городахъ аристократическаго строя. Власть сосредоточена была въ рукахъ сравнительно немногихъ семействъ и родственныхъ союзовъ, и для нихъ конечно очень выгодна была привилегія, со временъ Іоанна Безземельнаго нерѣдко выпадавшая на долю городовъ—право свободнаго выбора городскихъ властей. Величайшимъ городомъ въ королевствѣ, благодаря его несравненному положенію, былъ *Лондонъ*; несмотря на это, въ половинѣ XIII вѣка, въ немъ едва-ли были и 30,000 жителей.

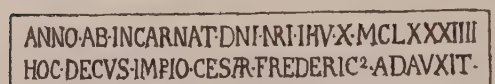
Въ Германіи. Оригинально и въ высшей степени разнообразно развивалась городская жизнь и бытъ горожанъ въ *Германіи*: вкратцѣ даже довольно трудно очертить всю полноту этой разнообразной жизни. Древнѣйшими городами и въ нѣкоторомъ смыслѣ образцами для всѣхъ были римскіе города на Дунаѣ и Рейнѣ; другіе города возникли около королевскихъ замковъ и епископскихъ резиденцій; третьи явились торжками или основались у переправъ черезъ большія рѣки или вблизи мѣстъ нахожденія какихъ-нибудь цѣнныхъ природныхъ богатствъ; иные, наконецъ, были построены въ качествѣ военныхъ пунктовъ или крѣпостей. Поводомъ къ постройкѣ многихъ городовъ была совокупность различныхъ условій, дѣйствовавшихъ одновременно. По мѣрѣ возрастанія и развитія власти князей, къ старымъ городамъ прибавлялись еще *новые*, построенные князьями, и, ко многимъ прежнимъ бытовымъ отличіямъ городовъ, прибавилось еще различіе въ правахъ между этими *новыми городами* (княжескими) и *старыми* (Reichsstädte—государственными, основными). Бѣглый обзоръ исторической жизни и быта древнѣйшаго изъ городовъ тогдашней Германіи, *Кёльна*, можетъ представить намъ любопытную страницу изъ исторіи развитія средне-европейской городской жизни.

Городъ Кёльнъ. Въ половинѣ XIII вѣка, городъ Кёльнъ — въ ту пору несомнѣнно первый городъ Германіи—могъ уже хвалиться почти тысячелѣтнимъ существованіемъ, такъ какъ первоначальное его основаніе терялось во мракѣ временъ, предшествовавшихъ римскому владычеству. Древнее поселье Убіевъ, *civitas Ubiorum*, большая германская деревня, первоначально расположенная только на правомъ берегу Рейна, была обращена въ римскую военную колонію, съ очень сильнымъ гарнизономъ, при чемъ къ военному элементу и первоначальному туземному земледѣльческому присоединились и ремесленники, и торгаши. Во времена войнъ съ Франками

городъ былъ неоднократно и до основанія разрушенъ (какъ свидѣтельствуютъ о томъ раскопки), затѣмъ потерялъ всякое значеніе, и поднялся вновь уже только тогда, когда здѣсь основана была новая епископія, которая до VI вѣка держалась въ городѣ съ трудомъ, такъ какъ онъ еще отовсюду былъ окруженъ языческимъ элементомъ. Древне-германскія понятія о равенствѣ земельныхъ владѣній уже исчезли въ это время; архіепископства, равно какъ и другія духовныя учрежденія, владѣли значительными участками земли и въ самомъ городѣ, и въ непосредственной близости къ нему, и заселяли эти участки своими служилыми людьми; но рядомъ съ ними, на тѣхъ же земляхъ, сидѣли и свободные собственники, и сама Церковь находила для себя прибыльнымъ предоставлять имъ въ обработку часть своихъ земельныхъ владѣній, а охотниковъ на заселеніе этихъ участковъ было много, потому что всѣхъ стало привлекать сюда самое положеніе города, столь благопріятствовавшее развитію мѣстной торговли. Затѣмъ, городъ Кёльнъ былъ отданъ во владѣніе Брунону (953—965), брату Оттона I, архіепископу Кёльнскому, и въ это время населеніе города значительно увеличилось массою чиновниковъ, *министеріаловъ*, принадлежавшихъ и къ управленію архіепископіей, и къ свитѣ *бургграфа* или королемъ посаженнаго губернатора, который получилъ въ лэнъ свое право суда и расправы въ городѣ — не отъ архіепископа, а отъ короля. Внутреннему благосостоянію города, постоянно возраставшему въ теченіе всего періода отъ X по XIII вѣкъ, много способствовало то, что, по тогдашнимъ условіямъ мореплаванія и кораблестроенія, Кёльнъ имѣлъ значеніе приморской гавани, стоялъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Англіей, и вслѣдствіе этого даже игралъ довольно важную роль въ современной политикѣ. Не мѣшаетъ припомнить, что горожане кёльнскіе принимали видное участіе и въ Крестовыхъ походахъ; особенно много ихъ отправилось въ Палестину, черезъ англійскіе порты, въ 1147 году. Въ городскомъ населеніи преобладалъ свободный элементъ: потомки древнѣйшихъ гражданъ города, прежнихъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, большею частью перешли къ занятіямъ торговлею, которая явилась главною основою городского благосостоянія. Они образовали «товарищества», изъ которыхъ избирались присяжные въ городской судъ, имѣвшіе нѣкоторое значеніе и въ городскомъ управленіи *). Въ 1112 году они составили *торговую гильдію* (*conjuratio*, т. е. сообщество, котораго члены были связаны взаимною присягою), которую называли «цехомъ богачей». Около 1200 г. во главѣ города видимъ и *совѣтъ городской*, о которомъ не знаемъ, когда именно и какъ онъ образовался. Такимъ образомъ, въ этомъ «совѣтѣ», въ комиссіи присяжныхъ и въ «цехѣ богачей» сосредоточился высшій классъ городского населенія, патриціатъ старыхъ родовъ горожанъ, и притомъ весьма хорошо организованный, такъ что собственно управленіе города было вполнѣ въ ихъ рукахъ; однакоже, рядомъ съ ними, возникла и другая, постоянно возраставшая сила, *ремесленное сословіе*, организованное плебействомъ. Орга-

*) Первоначально центромъ городского управленія были приходы городскихъ церквей.

низація ихъ была очень проста: всѣ ремесленники, занимавшіеся *однимъ* мастерствомъ, жили въ *одной* улицѣ (отъ нихъ происходило и названіе самой улицы, до сихъ поръ сохранившееся), и каждое ремесло также составляло, въ свою очередь, особый цехъ или братство, которыя уже потому имѣли нѣкоторое политическое значеніе, что они, въ то же время, представляли собою силу, прочно организованную въ военномъ отношеніи, ради защиты города. Было, конечно, не мало поводовъ къ раздору между могущественною городскою аристократіей и возрастающимъ плебейскимъ сословіемъ, и борьба началась дѣйствительно въ первой четверти XIV в., при архіепископѣ Энгельбертѣ Святомъ (1216 по 1225 годъ). Самое

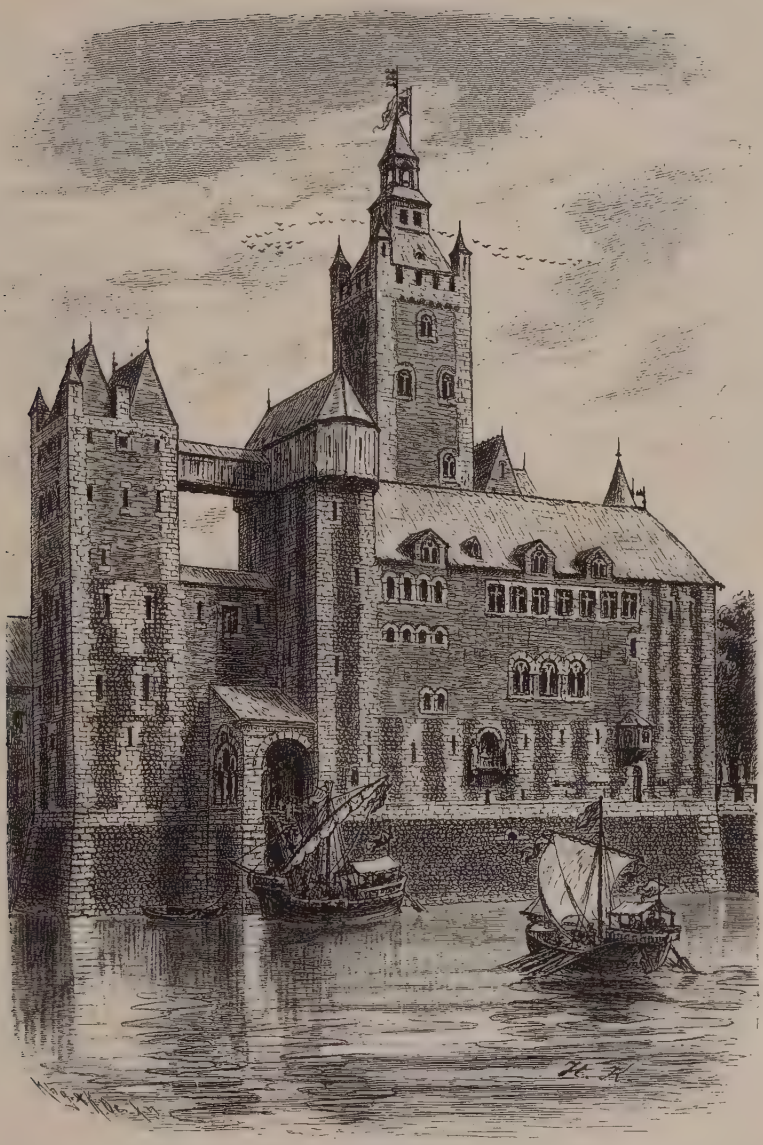


Anno ab incarnatione domini nostri Jesu Christi MCLXXXIIII Hoc decus imperio Cesar Fredericus adauxit Justiciam stabilire volens et ut undique pax sit.

Въ годъ воплощенія Нашего Господа Іисуса Христа 1184 это украшеніе царства императоръ Фридрихъ увеличилъ, желая обезпечить право и миръ повсемѣстно.

Надпись, нѣкогда помѣщавшаяся надъ главнымъ входомъ въ замокъ Фридриха Барбароссы въ Кейзерсвертѣ.

бурное время борьбы наступило при архіепископѣ *Конрадѣ фонъ-Гогштаденѣ* (1238—1261), который, будучи человѣкомъ весьма честолюбивымъ и политикомъ въ весьма обширномъ смыслѣ слова, избралъ храбраго Вильгельма Голландскаго орудіемъ своихъ плановъ и претендентомъ на престолъ королевскій въ Германіи. Горожане, подкупленные обѣщаніемъ большихъ привилегій, перешли на сторону новаго короля и приняли его въ 1247 году, забывъ, повидимому, о томъ, что еще 12 лѣтъ тому назадъ они же торжественно принимали въ своихъ стѣнахъ невѣсту законнаго своего короля, блистая всѣмъ великолѣпіемъ своихъ городскихъ богатствъ. Конрадъ возстановилъ прежнюю епископско-герцогскую власть, и 15 августа 1248 года положилъ первый камень въ основаніе знаменитаго Кёльнскаго собора, на постройку котораго уже собирались деньги еще съ того пожара, который уничтожилъ старый соборъ Кёльнскій и понудилъ приступить къ новой постройкѣ. Однакоже оказалось, что согласіе между архіепископомъ и гражданами было непрочно. Конрадъ задумалъ было воспользоваться раздорами между мѣстной аристократіей и ремесленными цехами (между «cives majores» и «cives minores») въ ущербъ городскимъ привилегіямъ; ради этой цѣли онъ внезапно покинулъ городъ и изъ окрестностей его прислалъ гражданамъ объявленіе войны. Посредникомъ между гражданами и архіепископомъ выступилъ всѣми уважаемый ученый доминиканецъ *Альбертъ фонъ-Болльштэдтъ*, извѣстный «Albertus Magnus», человѣкъ весьма замѣчательный по тому времени. Это былъ страстный естествоиспытатель, который устроилъ въ садахъ своего монастыря теплицу, въ которой всю зиму поддерживалъ плодовыя деревья и цвѣтущія растенія, и, ревностно изучая Аристотеля, посвящалъ большую часть времени на весьма остроумные опыты, въ то же самое время увлекался своего рода «философскимъ камнемъ», стараясь добиться того, чтобы вѣтки простого дуба, посаженныя въ землѣ, при помощи особаго



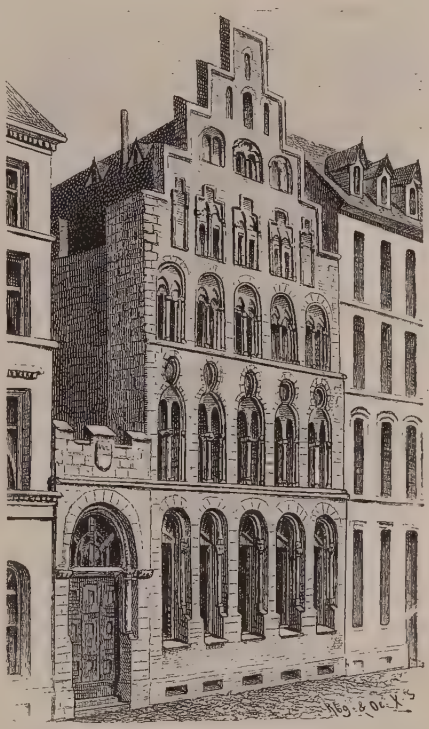
Замокъ императора Фридриха Барбароссы въ Кейзерсвертѣ на Рейнѣ.
Возобновленъ по уцѣлѣвшимъ остаткамъ. Надпись, приведенная на стр. 376, помѣщалась нѣкогда надъ главнымъ порталомъ.

Конрадъ фонъ-Гогштаденъ.
Съ гробницы его въ Кёльнскомъ соборѣ.

ухода, обратились въ виноградную лозу *). Миръ, кое-какъ возстановленный Альбертомъ, опять былъ нарушенъ вслѣдствіе незначительныхъ недоразумѣній. Конрадъ, въ гнѣвѣ, вновь покинулъ городъ и, засѣвъ въ сосѣднемъ Роденкирхенѣ, держалъ Кёльнъ въ блокадѣ. Усобица разгорѣлась и дѣло дошло до открытой битвы, которая закончилась пораженіемъ архіепископскаго войска. Альбертъ опять добился того, что миръ былъ возстановленъ, и въ результатѣ его явился весьма обстоятельный актъ, такъ-называемый *Laudum Conradinum* (1258 г.), нѣчто въ родѣ *Великой Хартіи*, которымъ всѣ административныя отношенія Кёльна были улажены и собственно демократическому принципу были сдѣланы первыя уступки. Вскорѣ, однакоже, Конрадъ воспользовался жалобой, принесенной ему мѣстною знатью на новыхъ присяжныхъ, избранныхъ изъ числа ремесленниковъ, чтобы нѣсколькихъ важнѣйшихъ представителей изъ нея заманить въ западню и разсажать по своимъ крѣпкимъ за́мкамъ въ заточенье. Ко времени его властвованія относится и несчастное правленіе Энгельберта Фалькенбургскаго (1261—1274). Постройка укрѣпленныхъ за́мковъ на Рейнѣ, выше и ниже города, привела къ сближенію патриціевъ кёльнскихъ съ плебеями, вооруживъ тѣхъ и другихъ противъ архіепи-

*) Гумбольдъ. Космосъ II, 130, 284.

скопа, который вынужденъ былъ освободить своихъ плѣнниковъ изъ заточенія. Патриціатъ опять пріобрѣлъ большую силу и привлекъ на свою сторону многихъ бароновъ изъ окрестностей Кёльна, выдавъ имъ грамоты на званіе почетныхъ гражданъ города; а Конрадъ, которому нѣкоторое время пришлось провести въ своемъ городскомъ домѣ, какъ плѣннику, выхлопоталъ у папы запрещеніе богослуженія, которое и наложилъ на свой городъ. Борьба вновь возгорѣлась въ 1267 году. Во время этой борьбы архіепископа съ горожанами и ихъ союзниками, архіепископъ захватилъ въ плѣнъ Энгельберта и 4 года подъ-рядъ держалъ его въ тѣсномъ заточеніи. Между тѣмъ раздоры и партіи явились и среди патриціевъ; Вейзы стали воевать съ Оверштольцами, ихъ сторонниками и пособниками, и Вейзы надѣялись одолѣть Оверштольцевъ, но должны были бѣжать изъ города, уступая силѣ могущественныхъ противниковъ. Однакоже въ городѣ у нихъ остались тайные приверженцы; въ особенности тянулъ къ нимъ одинъ изъ демагоговъ, Германъ-Рыболовъ. Тотъ подговорилъ какого-то бѣдняка, жившаго вблизи городскихъ воротъ, прокопать подъ его жилищемъ потайной ходъ подъ стѣну, за городъ; и черезъ этотъ ходъ Вейзы, въ ночь на 15 октября 1267 года, съ отрядомъ своихъ вооруженныхъ приверженцевъ, проникли въ городъ. Но Оверштольцы еще успѣли объ этомъ узнать во-время, и поспѣшили на мѣсто: долго бились они у воротъ, одолѣваемые болѣе многочисленнымъ врагомъ, между тѣмъ ремесленныя братства стояли неподалеку оттуда въ сборѣ, вооруженныя. Они еще не знали, на что имъ рѣшиться, когда одинъ изъ Оверштольцевъ явился къ нимъ съ мѣста побоища и во имя всѣмъ имъ родного города сталъ ихъ умолять, чтобы они помогли оттѣснить враговъ. Тѣ послушались и помогли отбить нападавшихъ. Затѣмъ произошло примиреніе съ плѣннымъ архіепископомъ. При послѣдующемъ архіепископѣ, Сигфридѣ фонъ-Вестенбургѣ (1274—1297), граждане еще разъ выдержали сильнѣйшую усобицу съ нимъ; такъ какъ городъ былъ очень недоволенъ постройкою новаго архіепископскаго замка, который могъ значительно вредить ихъ торговлѣ, то граждане, — въ борьбѣ архіепископа Кёльнскаго изъ-за наслѣд-



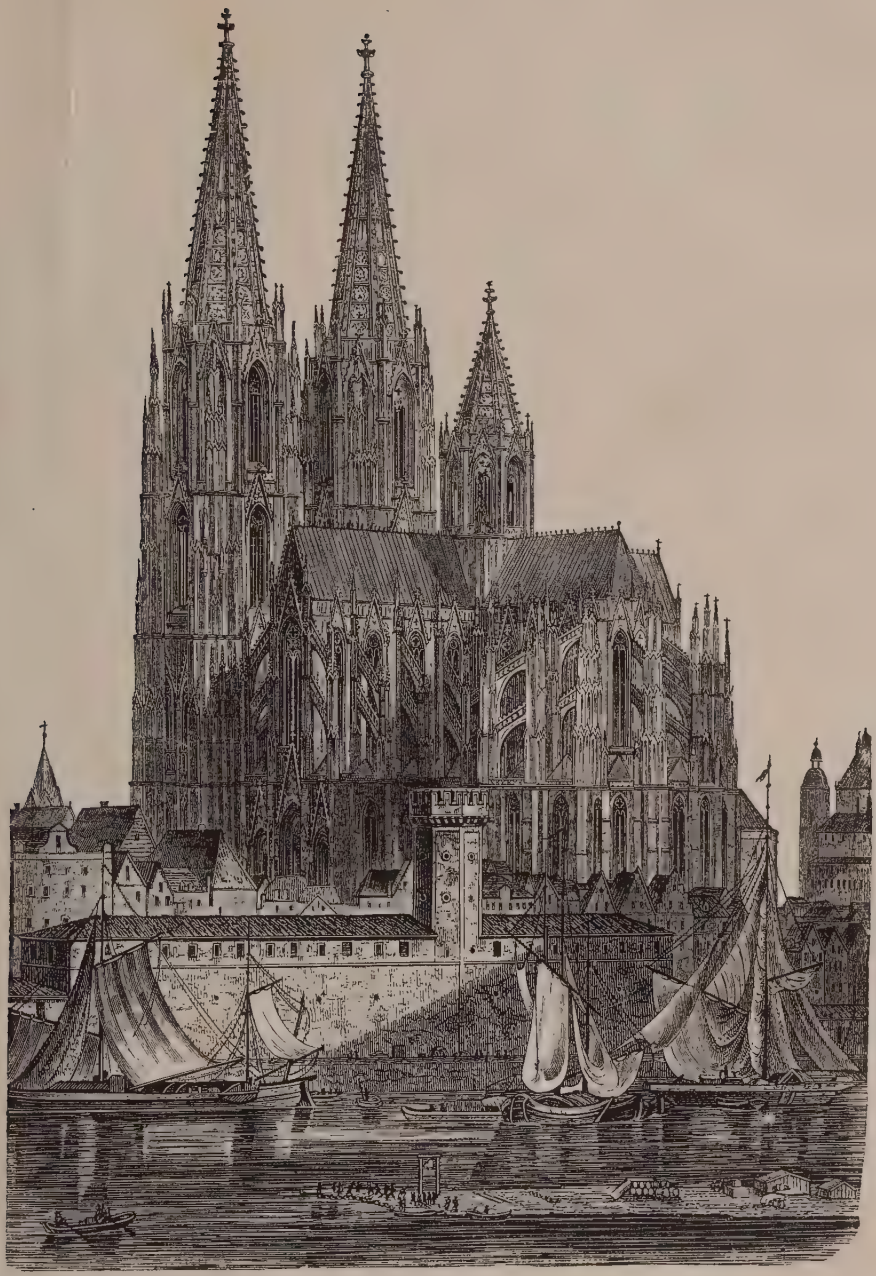
Древнѣйшій изъ частныхъ домовъ въ Германіи, такъ-называемый храмовый домъ въ Кёльнѣ.

Родовой домъ фамиліи *Оверштольцъ*, выстроенный въ началѣ XIII вѣка.

ства графовъ Лимбургскихъ,—стали на сторонѣ его противниковъ, и, въ союзѣ съ герцогомъ Брабантскимъ, одержали побѣду надъ архіепископскимъ войскомъ (1288). За этою побѣдою послѣдовало новое примиреніе, благодаря которому городъ наконецъ добился полнѣйшей автономіи въ управленіи своими внутренними дѣлами.

Городская культура.

До 1250 г. почти всѣ важнѣйшіе нѣмецкіе города уже были на-лицо, за исключеніемъ лишь весьма немногихъ, позднѣе построенныхъ по прихоти князей и государей (какъ напр. Потсдамъ или Маннгеймъ). Около этого времени замѣчается уже большой прогрессъ во внѣшнихъ условіяхъ городской жизни, хотя, весьма естественно, не всѣ города были въ этомъ отношеніи равны: такъ напр. между городами прирейнскими и городами саксонскими наблюдалось гораздо бо́льшее различіе тогда, нежели въ настоящее время. Улицы внутри городскихъ стѣнъ оставались попрежнему узкими, потому что интересы защиты города требовали такой тѣсной постановки домовъ; однакоже, уже начинали улицы мостить (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя) или хоть шоссировать, и въ каждомъ изъ большихъ городовъ осталось до сихъ поръ отъ этихъ давнихъ временъ названіе «Каменной улицы» или «Каменной дороги» за одною изъ его нынѣшнихъ улицъ. Въ то же время принимались и кое-какія полицейскія мѣры, касавшіяся чистоты и порядка на улицахъ. Печальное зрѣлище судебныхъ поединковъ, вызвавшихъ даже своеобразный промыселъ, уже исчезло; съ другой стороны и грубыя формы пиршествъ и угощеній стали уступать болѣе утонченнымъ нравамъ и болѣе мягкимъ формамъ. Въ церковномъ быту, вмѣсто мрачной, суровой и исключительной религіозности, проявилось благородное и своеобразное стремленіе къ красотѣ и изяществу въ двухъ совершенно противуположныхъ направленіяхъ:—въ области *музыки* и *строительнаго искусства*; и то, и другое искусство, за это время, быстро шагнули впередъ, и именно къ этому времени относится появленіе новаго, *готическаго* стиля, который постепенно развился изъ романскаго. Та многознаменательная противуположность и различіе, какія нѣкогда существовали между стилемъ дорическимъ и іоническимъ въ древности, проявились и здѣсь, на высшей ступени развитія и не менѣе плодотворнымъ образомъ: серьезный, торжественный, спокойный характеръ романскаго храма вдругъ измѣнился и ожилъ — его формы оживились дивнымъ стремленіемъ линій, стройно вздымавшихся отъ земли въ высь и поражавшихъ взоръ своимъ чуднымъ, гармоническимъ сочетаніемъ. Историкъ, по отношенію къ этимъ произведеніямъ средне-вѣковаго искусства вообще и готическаго стиля въ особенности, долженъ отмѣтить тотъ любопытный и важный фактъ, что его величавыя произведенія ничего не имѣли общаго съ бытомъ рыцарства и дворянства, что они были именно продуктомъ дѣятельности ремесленныхъ цеховъ въ той формѣ, которая развита была городскою жизнью. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ этихъ городскихъ общинахъ — въ особенности въ большихъ имперскихъ городахъ—развился и очень сильный, очень глубокій мѣстный патріотизмъ; тѣмъ болѣе, что у каждаго города гораздо болѣе, чѣмъ въ настоящее время, была своя физіономія, своя индивидуальность. Очень многіе изъ горожанъ, отъ рожденія и до смерти, не переступали



Кёльнскій соборъ въ его настоящемъ видѣ, уже достроенный.

даже и за черту своего городского округа, обозначенную поставленными на ней изображеніями святыхъ его патроновъ; даже и тотъ, кого торговыя дѣла или война, или иное что влекло вдаль, — стремился только къ одной цѣли, къ одному высшему идеалу спокойной и безопасной жизни за крѣпкими стѣнами родного города. И вотъ наступило время и для нѣмецкихъ городовъ или, по крайней мѣрѣ, для бо́льшей ихъ части,— проявить себя силою, способною къ взаимной оборонѣ и поддержкѣ, въ видѣ тѣсно сплоченныхъ городскихъ союзовъ, какіе мы видѣли прежде только среди городовъ ломбардскихъ. И произошло это въ то самое время, когда императорская власть утратила всякое значеніе и еще не было въ виду возможности обновленія этой власти, которой всѣ привыкли дерзновенно противиться или отъ нея уклоняться, пока она находилась въ твердыхъ рукахъ, и отсутствіе которой всѣ скорбно ощущали съ тѣхъ поръ, какъ она была утрачена.

Междуцарствіе: 1254—1273.

Время—отъ смерти Конрада IV (1254) до новаго избранія всѣми желаннаго и признаннаго главы государства, послѣдовавшаго только уже въ 1273 г., — обычно называютъ *междуцарствіемъ*; писатели, близкіе къ этой эпохѣ, говорятъ о ней съ ужасомъ и характеризуютъ ее словами Св. Писанія: «въ то время не было судьи во Израилѣ, и каждый дѣлалъ то, что ему вздумается». Когда король Вильгельмъ въ 1256 г. скончался въ походѣ противъ Французовъ, то не безъ опасенія произносились имена нѣкоторыхъ князей, которые могли бы его замѣстить: заходила рѣчь и о юномъ Конрадѣ, сынѣ послѣдняго короля изъ рода Штауфеновъ; но избранъ былъ главою государства кандидатъ, указанный папою и поддерживаемый величайшимъ изъ духовныхъ интригановъ въ государствѣ, архіепископомъ Конрадомъ Кёльнскимъ,—графъ *Ричардъ Корнваллійскій*, братъ короля Англійскаго Генриха III; онъ и былъ провозглашенъ королемъ во Франкфуртѣ, въ январѣ 1257 г. Вѣнецъ, который былъ возложенъ на него, едва-ли стоило покупать такъ дорого, какъ онъ ему достался. Враждебная Конраду партія, во главѣ которой стоялъ епископъ Трирскій и которую можно пожалуй назвать «гибеллиновской», противупоставила англійскому кандидату внука короля Филиппа, короля *Альфонса X Кастильскаго*, который также былъ провозглашенъ во Франкфуртѣ два мѣсяца спустя. Надо замѣтить, что и тотъ, и другой изъ этихъ избранниковъ играли не безславную роль въ исторіи своей родной страны: но для Германіи ни тотъ, ни другой не могли имѣть никакого значенія. Король Альфонсъ даже и не ступалъ на почву Германіи. Король Ричардъ явился въ маѣ 1257 г. въ Аахенъ и здѣсь былъ коронованъ Кёльнскимъ архіепископомъ, который получилъ за это весьма круглую сумму въ 12,000 ф. стерлинговъ; при коронаціи присутствовали еще два другіе архіепископа, тридцать князей и до 3,000 рыцарей. Но трое важнѣйшихъ изъ числа владѣтельныхъ князей — герцоги Бранденбургскій, Богемскій и Саксонскій—держали сторону Альфонса. Ричардъ собралъ сеймъ въ Кёльнѣ и лѣтомъ предпринялъ поѣздку вверхъ по Рейну; при этомъ онъ захватилъ съ собою туго набитую казну, которая однакоже вскорѣ опустѣла: нѣсколько времени спустя, онъ уже долженъ былъ посылать въ Англію приказы о продажѣ своихъ лѣсовъ. Такъ доѣхалъ онъ до Базеля;

но здѣсь деньги у него изсякли, и хроникеръ, разсказывающій объ этомъ, добавляетъ, что «тогда же покинули его и князья, объявивъ ему, что они избрали его не изъ-за личныхъ его достоинствъ, а въ надеждѣ на его денежныя средства». Онъ удалился, потомъ вернулся вновь въ 1260 г., и вообще изъ тѣхъ 15 лѣтъ, въ теченіе которыхъ носилъ свой королевскій вѣнецъ, онъ провелъ только четвертую часть на германской почвѣ, но совершенно безуспѣшно.

Король Альфонсъ Кастильскій.
Снимокъ со статуи его, принесенной въ даръ Толедскому собору.

Конецъ властвованью Штауфеновъ въ Италіи. Беневентъ. 1266.

Между тѣмъ свершилась судьба Штауфенскаго дома на территоріи Италіи, столь гибельной и для этой династіи, и вообще для Германской монархіи. Тамъ, въ декабрѣ 1254 года, скончался Иннокентій IV; его преемники твердо держались своихъ притязаній на Сицилійское королевство и потому враждебно относились къ Манфреду (сыну Фридриха), который правилъ этимъ королевствомъ, какъ намѣстникъ юнаго Конрада. Но Манфредъ съумѣлъ справиться со своими противниками и показалъ себя настолько искуснымъ и опытнымъ въ дѣлахъ, что, когда пронесся слухъ о смерти Конрада, то вся знать и всѣ города Сицилійскаго королевства стали просить его, чтобы онъ самъ принялъ корону сицилійскую; онъ сдался на ихъ уговоры и въ августѣ 1258 г. былъ коронованъ въ Палермо. Казалось, что вернулись вновь времена Фридриха II—страна вздохнула свободно; однакоже, ненависть римской куріи не ослабѣла и по отношенію къ новому правительству. Урбанъ IV, въ 1260 году наслѣдовавшій Александру IV, изрекъ противъ Манфреда отлученіе отъ Церкви, которое однакоже осталось бы недѣйствительнымъ, если бы не нашлась свѣтская власть, которая способна была привести церковное проклятіе въ исполненіе. Интрига съ англійскимъ принцемъ Эдмундомъ, какъ мы видѣли, не удалась. Гораздо удачнѣе пошло дѣло съ графомъ *Карломъ Анжуйскимъ*, братомъ Людовика IX, короля Французскаго. Однакоже, переговоры еще тянулись нѣкоторое время, такъ какъ папа не вполнѣ довѣрялъ французскому претенденту; только уже преемнику Урбана, Клименту IV, провансальцу родомъ, удалось осуществить договоръ, по которому Карлу было обезпечено наслѣдственное обладаніе Сицилійскимъ королевствомъ, за ежегодную уплату 8,000 унцъ лэнной пошлины и за единовременную выплату довольно

значительной суммы, по совершеніи завоеванія. Церковныя дѣла надлежало упрочить на строгой канонической основѣ: весьма характеризующимъ духъ этого договора было условіе, по которому новый король долженъ былъ утратить свое королевство, если бы задержалъ уплату лэнной дани долѣе, чѣмъ на шесть мѣсяцевъ. Въ противуположность предшественнику своему Манфреду, онъ не отличался пріятною внѣшностью; даже и та партія, которая его услугами воспользовалась, не довѣряла ему; но онъ зналъ, чего добивался, и въ выборѣ своихъ средствъ не затруднялся ни честью, ни правомъ. Такъ и въ рѣшительной битвѣ, которая произошла въ февралѣ 1266 г. при *Бенневентѣ*, онъ отдалъ приказаніе (противное всѣмъ рыцарскимъ обычаямъ) — закалывать лошадей подъ рыцарями; когда же Манфредъ увидѣлъ, что побѣды уже не вернуть, онъ устремился въ сѣчу, ища смерти, а разрозненное сопротивленіе его приверженцевъ уже не могло воспрепятствовать покоренію страны Французами. Однакоже, штауфенская партія все же оставалась въ королевствѣ преобладающею, и пока юный Конрадъ былъ живъ, господство Французовъ въ странѣ было весьма ненадежнымъ; а между тѣмъ Карлъ такъ безпощадно пользовался своею побѣдою, что даже возбудилъ противъ себя недовольство папы. Такой способъ дѣйствій побудилъ вскорѣ нѣкоторыхъ вождей побѣжденной партіи отправиться ко двору герцога Лудвига Баварскаго, гдѣ пребывалъ «Конрадинъ». Этотъ юноша, едва вышедшій изъ отрочества (онъ род. въ 1252 г.), возросъ въ сознаніи предлежащей ему великой задачи и, попавши въ руки дурныхъ совѣтниковъ, растратилъ остатки своихъ земельныхъ владѣній на пріобрѣтеніе себѣ приверженцевъ; даже и родовой замокъ его семейства былъ уже не въ его рукахъ, когда вдругъ представилась соблазнительная возможность вновь завоевать Сицилійское королевство. Онъ ухватился за этотъ замыселъ со всею горячностью неопытнаго юноши, употребилъ на выполненіе его остатки своего состоянія, и осенью 1267 г. пустился въ походъ съ войскомъ почти въ 10,000 человѣкъ. Вначалѣ походъ былъ довольно удаченъ:—извѣстіе объ его появленіи по-сю сторону Альповъ вызвало тотчасъ же сильное возстаніе въ Сициліи; флотъ его сторонниковъ, Пизанцевъ, одержалъ въ сицилійскихъ водахъ побѣду надъ французскимъ флотомъ (августъ 1268); и хотя папа, тотчасъ послѣ появленія Конрадина въ Италіи, отлучилъ его отъ Церкви, однакоже онъ былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ въ Римѣ, гдѣ преобладала партія, враждебная Карлу Анжуйскому. При полученіи извѣстія о наступленіи Конрадина, Карлъ тотчасъ же покинулъ осаду Луцеріи, главнаго города Сарацынъ; онъ спѣшилъ покончить дѣло рѣшительною битвою, которая и дѣйствительно воспослѣдовала 22 августа 1268 г. близъ *Скуркола*. Съ французской стороны войсками командовалъ опытный воинъ Эраръ де-Валерій, который, 18 лѣтъ тому назадъ, сопутствовалъ королю Людовику Святому въ его несчастномъ египетскомъ походѣ: онъ повелъ дѣло такъ, что въ то время, когда гибеллиновское войско уже полагало, что побѣда имъ одержана и потому начало расходиться съ поля битвы, Эраръ вдругъ ударилъ на него изъ засады и разомъ измѣнилъ исходъ битвы. Самъ Конрадинъ, его другъ Фридрихъ, сынъ маркграфа Баденскаго, и принцъ Генрихъ Кастильскій,

Конрадинъ на соколиной охотѣ.

Миніатюра изъ Парижской (Манессійской) миннезингерской рукописи XIV вѣка.

нѣсколько дней спустя, были захвачены въ плѣнъ и очутились въ рукахъ Карла, который, прикидываясь законнымъ королемъ Сициліи, не расположенъ былъ миловать своихъ враговъ. Смертный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ Неаполѣ, на площади, близъ кармелитской церкви, 29 октября 1268 г.:—сначала былъ обезглавленъ Конрадинъ, а затѣмъ Фридрихъ.

Смерть Конрадина. 1268.

Это событіе обозначаетъ собою конецъ связи между Германской имперіей и Италіей, и въ немъ не безъ основанія видятъ окончательное пораженіе идеи преобладанія императорской власти надъ папствомъ. И вотъ теперь, когда не стало болѣе императора, папа явился въ христіанскомъ мірѣ если не высшею силою, то, по крайней мѣрѣ, высшимъ по титулу среди правителей. Ему уже никто не могъ воспрепятствовать въ распоряженіи престолами и царствами. Папа Урбанъ IV вознесся даже до того, что и «обоихъ королей Германскихъ», Ричарда и Альфонса, пригласилъ въ Римъ для окончательнаго рѣшенія ихъ тяжбы. Конечно, далеко не всѣ готовы были подчиняться притязаніямъ папъ; съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что и вообще разрушеніе древней монархіи Германской, въ самомъ центрѣ Европы, послужило далеко не на пользу преобладанія Церкви и папства: никому еще не удавалось безнаказанно разрушить мощную власть, установившуюся между людьми.

Германія. Семь курфюрстовъ.

Въ Германіи около этого времени закончилось то преобразованіе общаго политическаго положенія, которое способствовало успѣшной борьбѣ большинства противъ единичныхъ представителей власти, и отдѣльныхъ «земель» противъ объединявшаго ихъ государства, и аристократическаго элемента противъ монархическаго. Владѣтельные князья, закончивъ весьма долго длившійся періодъ развитія своей власти, окончательно стряхнули съ себя характеръ и значеніе сановниковъ, назначаемыхъ государственною властью на извѣстнаго рода должности: они были истинными владѣльцами земли, господами своихъ владѣній. Положеніе этихъ князей и графовъ было въ такой степени завиднымъ, что всякій, кто чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, добивался этого положенія и захватывалъ его, не взирая ни на какія права и отношенія, и мало-по-малу образовалось такихъ владѣтельныхъ князей—крупныхъ, среднихъ и мелкихъ—чрезвычайно много, и изъ нихъ-то постепенно выдѣлилась олигархія, состоявшая изъ *семи курфюрстовъ* (или князей-избирателей): — то были *Майнцскій*, *Кёльнскій* и *Трирскій* архіепископы и герцоги: *Богемскій*, *Саксонскій*, *Бранденбургскій* и *Франконскій*, впослѣдствіи игравшіе такую важную роль при избраніи королей, такъ какъ они себѣ и присвоили исключительное право этого избранія. Но въ описываемое нами время этотъ новый порядокъ вещей былъ еще далеко не окончательно установившимся. Здѣсь установить его препятствовали остатки стараго правоваго порядка; во многихъ другихъ мѣстахъ новый строй общественный нарушался путемъ явнаго насилія, и духовной аристократіи приходилось особенно жутко отъ матерьяльнаго преобладанія аристократіи свѣтской. Ни въ какое иное время церкви и монастыри въ такой степени не нуждались въ защитѣ своихъ бароновъ-покровителей, и никакое иное время не было болѣе благопріятнымъ для этихъ магнатовъ въ смыслѣ эксплуатаціи ихъ покровительственнаго положенія.

Коронованіе Германскаго императора желѣзною короною въ Монцѣ, въ присутствіи шести курфюрстовъ. Древнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ изображеній курфюрстовъ. Мраморное рельефное изображеніе конца XIII вѣка въ Монцскомъ соборѣ.

Весьма неразборчивыя латинскія надписи гласятъ: 1) Надъ главною группою двустрочная (въ переводѣ): „Бога Всевышняго и святого апостольскаго престола соизволеніемъ вѣнчаю я, какъ установлено, въ г. Монцѣ, который признается за столицу Ломбардіи и резиденцію сего царства, въ святомъ храмѣ Св. Іоанна Крестителя, тебя въ благоговѣніи желѣзною короною, по правамъ королевства, какъ правильно избраннаго и помазаннаго короля плодоносной Италіи". 2) Надъ группою гражданъ (въ переводѣ): „Граждане г. Монцы, отъ высшаго и до низшаго, всегда были и теперь пребываютъ императорскому величеству вѣрными". 3) При отдѣльныхъ лицахъ (слѣва направо): „Архипастырь этой церкви". „Императоръ". „Архіепископъ Кельнскій". „Герцогъ Саксонскій". „Архіепископъ Трирскій". „Ландграфъ", т. е. пфальцграфъ Рейнскій. „Архіепископъ Майнцскій". „Маркграфъ Бранденбургскій". 4) Между маркграфомъ и гражданами (въ переводѣ): „Господину королю, конечно, извѣстно сказанное вами, потому то онъ ваши привилегіи и значительно расширитъ, и утвердитъ". 5) На грамотѣ, которую держитъ въ рукахъ маркграфъ Бранденбургскій: „Privilegia Civitatis Modoetiae".

Союзы общественнаго благоустройства. Союзы городовъ.

Изъ всего вышеизложеннаго мы видимъ, что «не было судьи во Израилѣ»—не было никакой высшей, общественной власти, которая бы способна была настойчиво всюду поддерживать государственный строй и порядокъ и всюду заставить себя уважать. А между тѣмъ этотъ государственный порядокъ былъ безусловною необходимостью, и эта необходимость еще до междуцарствія побудила уже нѣкоторыхъ владѣтельныхъ князей къ формальнымъ *союзамъ общественнаго благоустройства*. Болѣе же всего эта потребность, конечно, ощущалась въ городахъ, какъ центрахъ промышленной дѣятельности націи, въ которыхъ накоплены были наибольшіе запасы матерьяльныхъ богатствъ и въ которыхъ въ то же время жило вполнѣ понятное чувство сознанія силы. Это привело къ величавой политической организаціи въ видѣ *союзовъ городовъ*, представляющихъ собою послѣдній и характернѣйшій результатъ этого періода. Такіе союзы восходятъ еще къ послѣднимъ годамъ правленія императора Фридриха II, проявляясь въ видѣ обязательства обоюдной защиты торговли, установленнаго между нѣкоторыми вестфальскими городами—Мюнстеромъ, Оснабрюкомъ, Минденомъ; еще нѣсколько ранѣе, между Берномъ и Фрейбургомъ; къ началу того же вѣка относится союзъ Гамбурга и Любека, который былъ возобновленъ во времена нашествія Монголовъ и быстро распространился на множество нижне-саксонскихъ городовъ и послужилъ зародышемъ знаменитой *Ганзы*; а изъ союза двухъ рейнскихъ городовъ, Майнца и Вормса, въ 1247 году произошелъ почти въ то же время «*рейнскій союзъ городовъ*». Въ самое короткое время къ этому союзу примкнули города: Кёльнъ, Бингенъ, Оппенгеймъ, Шпейеръ, Страсбургъ и Базель; въ теченіе года въ составъ союза вошли 70 городовъ и между ними находились даже и такіе, которые лежали въ сторонѣ отъ рейнскаго воднаго пути. На собраніяхъ горожанъ, быстро чередовавшихся, было выработано внутреннее устройство союза. Душою этого союза, необычайно-своевременнаго, былъ одинъ изъ старѣйшихъ горожанъ Майнца, *Арнольдъ Вальдпотъ*, и ближайшая цѣль союза была достаточно ясна для общаго пониманія:—то было сохраненіе общаго мира, обезпеченіе сношеній торговыхъ, оборона личной и имущественной безопасности противъ обще-распространеннаго грабительства разбойничьихъ шаекъ, предводимыхъ рыцарями и всюду свирѣпствовавшихъ по дорогамъ. Эту охрану городскіе союзы распространили на всѣхъ слабыхъ, на всѣхъ нуждавшихся въ помощи, на всѣхъ поселянъ и даже на Евреевъ, и добились того, что король Вильгельмъ Голландскій подтвердилъ и закрѣпилъ своимъ изволеніемъ права, присвоенныя себѣ союзомъ (1254). По его смерти, въ этотъ союзъ внесенъ былъ новый политическій элементъ именно тѣмъ, что союзники рѣшили признавать только одного, единогласно избраннаго короля. Однакоже, это не удалось имъ привести въ исполненіе: при слѣдующемъ двойномъ избраніи и союзники распались на двѣ партіи, и дальнѣйшему, болѣе обширному и величавому развитію союза городовъ, препятствіемъ послужило то обстоятельство, что владѣтельные князья сами поспѣшили примкнуть къ союзу, сами способствовали уничтоженію несправедливо взимаемыхъ пошлинъ, усмиренію нарушителей мира и полюбовному улаженію раздоровъ между членами союза при посредствѣ выборныхъ на-

чальныхъ людей. Всѣ трое архіепископовъ, многіе епископы, пфальцграфъ Рейнскій Лудвигъ, герцогъ Верхне-Баварскій и даже тевтонскій рыцарскій орденъ — вступили въ составъ союза, и ихъ примѣру послѣдовали еще многіе графы и бароны: это участіе въ союзѣ владѣтельныхъ князей въ значительной степени благопріятствовало достиженію ближайшей цѣли его, и во всякомъ случаѣ граждане не имѣли возможности это участіе отклонить. Событія, послѣдовавшія по кончинѣ Вильгельма, потрясли быстро развившуюся дѣятельность союза городовъ; единогласный выборъ короля, на который возлагались такія упованія, не состоялся, а извѣстныя уже намъ кёльнскія усобицы нанесли значительный ущербъ дальнѣйшему развитію союза: наступили времена частныхъ раздоровъ и частныхъ союзовъ между городами, и только уже много времени спустя установилось вновь общее согласіе.

Избраніе Рудольфа Габсбургскаго.

Въ апрѣлѣ 1272 года скончался король Ричардъ и такъ какъ Альфонсъ Кастильскій не пользовался никакимъ значеніемъ, то этимъ вызвана была необходимость положить конецъ невыносимому порядку вещей. Самъ папа Григорій X пришелъ къ тому убѣжденію, что прежде всего слѣдуетъ возстановить въ Германіи такую свѣтскую власть, которая была бы всѣми одинаково признана. Къ тому же французское вліяніе, въ Южной Италіи, грозило папству еще гораздо бо́льшими опасностями, нежели былая мощь Штауфенскаго дома; потому Григорій X самъ принялъ на себя починъ въ дѣлѣ избранія новаго короля Германскаго, приказавъ курфюрстамъ приступить къ этому избранію, о которомъ особенно усердно хлопоталъ майнцскій архіепископъ *Вернеръ*, для общей пользы. Избраніе это, наконецъ, состоялось во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, 29 сентября 1273 г., и выборъ палъ на одного изъ южно-нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей, на графа *Рудольфа*, изъ рода, носившаго титулъ графовъ Габсбургскихъ, отъ названія ихъ родового за́мка въ Ааргау, построеннаго въ началѣ XI вѣка.

Военный корабль рейнскаго союза городовъ.

Изображеніе рыцаря, совершающаго обычное преклоненіе передъ королемъ, какъ своимъ сюзерэномъ.

Времена Рудольфа Габсбургскаго. Изъ Кассельской лицевой рукописи Вильгельма Оранскаго.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ Рудольфа Габсбургскаго до начала реформаціи.

(1273—1517 гг.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Рудольфъ Габсбургскій и его наслѣдники до смерти Генриха VII.— Начало „Вавилонскаго плѣненія“ Церкви.

(1273—1313 гг.).

Самъ избранникъ, графъ Рудольфъ, нимало не былъ застигнутъ избраніемъ врасплохъ; само собою разумѣется, что выборамъ предшествовали довольно продолжительные переговоры. Предполагаютъ, что на корону имѣло нѣкоторые виды совсѣмъ другое лицо: *Оттокаръ II*, король Богемскій, третій изъ королей Богеміи, человѣкъ, обладавшій несомнѣнными личными достоинствами. Татарское нашествіе нанесло его королевству довольно чувствительный ущербъ, который онъ старался загладить поощреніемъ переселенія нѣмцевъ-бюргеровъ и нѣмцевъ-поселянъ, и всѣми

силами пытался отстоять этотъ элементъ отъ нападокъ мѣстной аристократіи. Отчасти брачнымъ союзомъ, отчасти умѣньемъ пользоваться обстоятельствами въ такое время, когда право не пользовалось особеннымъ почетомъ, отчасти прямо оружіемъ — онъ съумѣлъ расширить предѣлы своего царства, и такимъ образомъ около 1273 г. владѣлъ почти всѣми нѣмецкими землями, входящими въ составъ нынѣшней Австріи. Разбивъ Венгерскаго короля Бэла (или Владислава IV) въ битвѣ на равнинѣ Маршской,—гдѣ и самъ впослѣдствіи потерпѣлъ пораженіе,—онъ женился на его внучкѣ: предварительно онъ развелся съ первою своею супругою, Маргаритою Австрійскою, не отказавшись однакоже отъ ея приданаго. Его дальновидное честолюбіе побуждало его стремиться къ полученію германской короны и нѣкоторое время онъ даже могъ разсчитывать, что и добьется свой цѣли: Энгельбертъ, архіепископъ Кёльнскій, велъ съ нимъ переговоры, но Оттокаръ не принялъ предложенныя ему условія, а избирателямъ, конечно, не могъ быть особенно желательнымъ правитель, равный ему по могуществу и по силѣ характера.

Рудольфъ I. 1273—1291.

Въ противуположность Оттокару, графъ Рудольфъ въ глазахъ великихъ курфюрстовъ обладалъ тѣмъ несомнѣннымъ преимуществомъ, что, будучи довольно богатъ и пользуясь немалымъ вліяніемъ, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи большихъ земельныхъ владѣній. До своего избранія, онъ съумѣлъ воспользоваться всѣми благопріятными обстоятельствами къ своему обогащенію и къ возвышенію своего значенія, и выказалъ себя весьма дѣятельнымъ и въ войнѣ, и въ мирѣ. Нельзя отрицать того, что и принявъ вѣнецъ королевскій онъ продолжалъ быть весьма дѣятельнымъ и подвижнымъ: въ длинномъ ряду государей того дома, которому онъ придалъ свое имя, онъ былъ безспорно наиболѣе замѣчательнымъ, и даже то обстоятельство, что онъ рѣшился принять на себя предложенную ему весьма трудную и неблагодарную роль короля Германскаго, указываетъ уже на избытокъ въ немъ честолюбія и смѣлой само-

Конная статуя Рудольфа Габсбургскаго на фасадѣ Страсбургскаго собора 1291 г.

увѣренности человѣка, которому многое удавалось въ мелочахъ, а потому онъ задумалъ, что и въ бо̀льшемъ будетъ пользоваться такою же удачею, оцѣнивая это бо̀льшее—скорѣе по количеству, нежели по его существеннымъ качествамъ. Притомъ еще онъ былъ отцомъ большого семейства (6 дочерей и 3 сына) и расчеты на возможность получше устроить свою семью въ значительной степени вліяли на принятіе имъ королевскаго титула. Въ смыслѣ политическомъ и церковно-религіозномъ онъ не представлялъ собою ничего опредѣленнаго: онъ пріобрѣлъ значеніе какъ приверженецъ Штауфенской партіи, и не разъ подвергался отлученію отъ Церкви; самая грамота объ его избраніи въ короли была ему привезена бургграфомъ Нюрнбергскимъ, Фридрихомъ Гогенцоллерномъ, въ то время, когда онъ со своимъ войскомъ осаждалъ городъ Базель, такъ какъ былъ впутанъ въ распрю съ епископомъ Базельскимъ: городу Базелю онъ, прежде всего, и даровалъ внутренній миръ, въ силу своего новаго достоинства. Нѣсколько недѣль спустя послѣдовало его коронованіе въ Аахенѣ и въ то же время были отпразднованы свадьбы двухъ его старшихъ дочерей, вышедшихъ замужъ за двоихъ курфюрстовъ (герцога Лудвига Баварскаго и герцога Альбрехта II Саксонскаго), которые такимъ образомъ до нѣкоторой степени заручились, какъ для себя, такъ и для другихъ курфюрстовъ, готовностью короля не выходить изъ повиновенія ихъ волѣ. Онъ даже обязался, при каждомъ важномъ рѣшеніи, испрашивать на то ихъ «письменное» согласіе. Что касается папы Григорія X, то онъ далъ согласіе на избраніе Рудольфа на довольно льготныхъ условіяхъ, взявъ съ него слово, что онъ отправится черезъ четыре года въ Крестовый походъ, а также и вынудивъ его окончательно отказаться отъ притязаній на Среднюю Италію и Сицилію. Папа даже лично свидѣлся съ королемъ Рудольфомъ въ Лозаннѣ, въ ноябрѣ 1275 года: тамъ они и условились обо всемъ.

Рудольфъ и курфюрсты.

Рудольфа укоряютъ въ томъ, что онъ воспользовался своею королевскою властью только для того, чтобы увеличить свое состояніе и удовлетворить другимъ личнымъ интересамъ. Но къ такому своекорыстію въ значительной степени вынуждало его общее положеніе дѣлъ въ государствѣ, ибо какъ только онъ задумалъ потребовать возвращенія коронѣ законно принадлежавшихъ ей земель, отнятыхъ у нея въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, такъ уже тотчасъ долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что ему невозможно будетъ добиться выполненія этого требованія законнымъ и мирнымъ путемъ. Онъ увидѣлъ, въ чемъ именно заключается главный недостатокъ врученной ему власти: — въ матерьяльной силѣ; и случилось такъ, что первая и весьма важная политическая задача, представившаяся ему для разрѣшенія, тотчасъ же поставила его въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ или все выиграть, или все проиграть.

Подчиненіе Оттокара.

Эта задача заключалась, собственно говоря, въ разбирательствѣ съ Оттокаромъ Богемскимъ, который ни въ выборахъ короля, ни въ его коронованіи не принималъ участія и на всѣ призывы новаго короля отвѣчалъ полнѣйшимъ невниманіемъ. Онъ даже, видимо, отказывался признать Рудольфа королемъ, такъ какъ не явился и ходатайствовать передъ

нимъ о передачѣ ему, Оттокару, въ лэнъ тѣхъ коронныхъ земель, которыми онъ владѣлъ. Мало того: Оттокаръ не потрудился даже скрыть своего презрѣнія къ «бѣдному графу»; однакоже, оказалось, что онъ плохо зналъ людей, и что расчетъ его противника былъ основательнѣе. Часть рыцарства въ нѣмецкихъ земляхъ Оттокара уже была недовольна его правленіемъ и, не затрудняясь присягою, по обычаю времени, даже состояла въ тайныхъ сношеніяхъ съ Рудольфомъ. Герцогъ Генрихъ Нижне-Баварскій первый присоединился къ Рудольфу со своими 1,000 всадниками, и открылъ ему, такимъ образомъ, путь въ Австрію. Къ коалиціи, образовавшейся противъ Оттокара, присоединился и графъ Мейнгардъ Тирольскій, польстившійся на возможность получить часть богатой добычи и руку одной изъ дочерей Рудольфа. Оттокаръ со страхомъ замѣтилъ тотъ оборотъ, который принимаетъ общее положеніе дѣлъ: съ одной стороны ему грозили Магьяры, съ другой—онъ видѣлъ кругомъ себя измѣну и въ самой Богеміи. Враги между тѣмъ осадили Вѣну, и когда этотъ городъ, послѣ долгой и упорной обороны, сдался, Оттокаръ просилъ мира, и миръ былъ обусловленъ признаніемъ Рудольфа въ королевскомъ достоинствѣ, уступкою Австріи, Штиріи, Каринтіи и Крайны, при чемъ постановлено было связать династіи Оттокара и Рудольфа двойнымъ брачнымъ союзомъ:—Венцеславъ, наслѣдникъ престола Оттокарова, долженъ былъ сочетаться бракомъ съ четвертою дочерью короля Рудольфа, а Гартманнъ, сынъ Рудольфа—съ чешскою княжною Кунигундою. Само собою разумѣется, что при этомъ Оттокаръ не былъ избавленъ и отъ тѣхъ унизительныхъ обрядовъ, которыми обставлялось принесеніе присяги лэнными владыками своему сюзерену, и нѣмецкіе хронисты особенно подробно и охотно распространяются о той противуположности, которая всѣмъ бросалась въ глаза во время принесенія лэнной присяги Оттокаромъ въ Вѣнѣ, такъ какъ король Рудольфъ былъ при этомъ случаѣ въ простомъ воинскомъ доспѣхѣ, а гордый Оттокаръ въ богатомъ королевскомъ одѣяніи.

Возобновленіе войны. Паденіе Оттокара. 1278.

Вышеуказаннымъ бракамъ не суждено было состояться. Удача Рудольфа была ужъ слишкомъ внушительна и потому не могла привести къ прочному миру. При общераспространенномъ между князьями и баронами вѣроломствѣ, недавніе союзники короля, по заключеніи мира, обратились въ его противниковъ, и, благодаря этому, Оттокаръ могъ еще разъ получить нѣкоторую надежду на успѣхъ. Денежная нужда, отъ которой Рудольфъ не могъ избавиться (онъ передалъ ее въ наслѣдье и всему своему дому), побуждала его къ обремененію новопріобрѣтенныхъ странъ тяжкими налогами; вскорѣ онъ увидѣлъ себя отовсюду окруженнымъ измѣною, и когда Оттокаръ, подстрекаемый къ тому своею высокомѣрною женою, боснійскою княжною Кунигундою, возобновилъ войну, то Рудольфъ ни въ комъ изъ важнѣйшихъ владѣтельныхъ князей не нашелъ себѣ опоры. Граждане вѣнскіе дошли даже до такого простодушія, что просили у Рудольфа разрѣшенія на избраніе иного владыки, такъ какъ онъ ихъ не можетъ защитить отъ Оттокара. Но Рудольфъ выказалъ въ данномъ случаѣ большую смѣлость: все поставивъ на карту, онъ, съ небольшимъ рыцарскимъ войскомъ и подоспѣвшимъ во-время вспомогательнымъ отрядомъ венгерскихъ войскъ, выступилъ противъ Оттокара и рѣшился принять битву (въ августѣ 1278 г.)

на *Маршевскомъ полѣ*, близъ Дюрнкрута. Битва эта походила скорѣе на большой рыцарскій турниръ, нежели на дѣйствительное сраженіе, и побѣда была рѣшена усиліями горсти мужественныхъ рыцарей. И Рудольфъ, и Оттокаръ лично принимали въ ней участіе и выказали много мужества. Послѣдній еще продолжалъ битву даже и послѣ того, какъ большая часть его войскъ уже обратилась въ бѣгство; онъ и палъ въ битвѣ среди общей свалки. Эта побѣда послужила основой могущества Габсбурговъ, и Рудольфъ съумѣлъ воспользоваться ею весьма разумно, даже съ нѣкоторымъ великодушіемъ, которое, вообще говоря, не принадлежало къ числу его добродѣтелей. Такъ, самое королевство Богемское онъ предоставилъ 11-ти-лѣтнему сыну Оттокара *Венцеславу*, на котораго, пользуясь его беззащитностью, отовсюду поднялись хищные сосѣди; этого отрока онъ предназначалъ себѣ въ зятья, а третьяго сына своего *Рудольфа* предполагалъ женить на сестрѣ юнаго короля. Моравію онъ оставилъ себѣ въ качествѣ вознагражденія за военныя издержки. Карнитію предоставилъ Мейнгарду Тирольскому, въ награду за его услуги. Австрійскія земли онъ подѣлилъ между своими двумя сыновьями, Альбрехтомъ и Рудольфомъ; однакоже первый изъ нихъ долженъ былъ остаться единымъ и полнымъ ихъ обладателемъ, какъ только второму удастся добыть себѣ особое, собственное княжеское владѣніе.

Пріобрѣтенія Рудольфа. Время правленія его послѣ 1281 г.

Все это совершилось не скоро: только уже въ 1281 г. Рудольфъ могъ настоящимъ образомъ вновь приняться за устройство остальныхъ своихъ дѣлъ по управленію государствомъ. Съ особеннымъ усердіемъ хлопоталъ онъ о поддержаніи повсемѣстнаго мира, и въ одинъ годъ издалъ постановленія о немъ въ Баваріи, Франконіи, Швабіи и Рейнской области; постановленія эти были не болѣе, какъ повтореніемъ извѣстнаго Майнцскаго указа 1235 г., и всѣ клонились къ одной цѣли: обузданію и усмиренію хищническихъ и разбойническихъ подвиговъ своевольнаго низшаго дворянства. Но и среди заботъ объ исполненіи своей королевской обязанности, Рудольфъ не упускалъ изъ виду главной своей личной цѣли:—обогащенія и упроченія своего дома. Такъ, напр., когда, по смерти послѣдняго изъ Штауфеновъ, герцогство Швабское—прямая собственность короны—подпало власти нѣсколькихъ владѣтельныхъ князей, Рудольфъ заявилъ на него свои права и сталъ добиваться этого герцогства для своего сына Рудольфа. По этому поводу ему пришлось вести долгую и упорную борьбу съ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ и буйныхъ вассаловъ своихъ, графомъ *Эбергардомъ Вюртембергскимъ*, и даже осаждать и взять приступомъ столицу его княжества, Штутгардъ (1286).

Въ Сѣверной Германіи Рудольфъ пользовался лишь весьма малымъ значеніемъ. Его зять, герцогъ Альбрехтъ Саксонскій, поддерживалъ, по мѣрѣ силъ и возможности, его авторитетъ, стараясь соблюдать его постановленія о всеобщемъ внутреннемъ умиротвореніи страны; но все же власть короля здѣсь была почти неощутительна и даже тѣ союзы городовъ и владѣтельныхъ князей, которые заключались, повидимому, для соблюденія мира и тишины въ странѣ, во многихъ мѣстахъ являлись оплотомъ противъ самого короля. Рудольфъ не пытался даже и вступаться въ ту борьбу, которая была вызвана *Лимбургскимъ споромъ о наслѣдствѣ*, и въ

тѣ *Кёльнскія усобицы* (закончившіяся битвою при Воррингенѣ), которыя волновали всю Сѣверо-Западную Германію. Только однажды, въ 1289 г., Рудольфу удалось успѣшно примѣнить свою королевскую власть въ Тюрингіи, гдѣ онъ положилъ предѣлъ полной анархіи, и, разрушивъ нѣсколько разбойничьихъ рыцарскихъ замковъ, казнилъ человѣкъ 20 главныхъ нарушителей общественнаго спокойствія.

Замыслы Рудольфа.

До конца жизни Рудольфъ все носился съ такими планами и замыслами, которые исключительно клонились къ обогащенію его дома и усиленію его значенія. То онъ задумывалъ возстановленіе *Арелатскаго* королевства, которое прочилъ своему младшему сыну въ надѣлъ вмѣстѣ съ рукою одной изъ англійскихъ принцессъ; то вмѣшивался въ дѣла Венгріи, и послѣ убіенія короля Владислава (1290 г.) пытался даже серьезно присоединить ее къ королевству Германскому. Эти своекорыстныя стремленія Рудольфа мало-по-малу всѣхъ отъ него оттолкнули и недовѣріе къ нему стало всеобщимъ. Этимъ недовѣріемъ и недовольствомъ, возбужденнымъ въ прирейнскихъ городахъ тяжкими податями Рудольфа, воспользовался одинъ обманщикъ, выдававшій себя за императора Фридриха II, нашелъ себѣ сторонниковъ и надѣлалъ временно тревоги Рудольфу, который однакоже перехитрилъ его, захватилъ врасплохъ и сжегъ какъ еретика (1285). Рудольфа совершенно напрасно укоряли въ томъ, что онъ не побывалъ въ Италіи и не добылъ императорскаго титула: въ желаніи добиться этого титула у Рудольфа не было недостатка, точно такъ же, какъ и въ угодливости передъ папою; но главное препятствіе заключалось, конечно, въ недостаткѣ матерьяльныхъ средствъ. Пытался онъ добиться того, чтобы сынъ его, Альбрехтъ, еще при жизни его, Рудольфа, былъ избранъ въ короли,— но и это ему не удалось, такъ какъ онъ всюду встрѣчалъ только недовольство и противорѣчіе. Надо отдать ему справедливость, что онъ до конца оставался и подвижнымъ, и дѣятельнымъ, несмотря на свои 72 года *), что онъ съ большой энергіей старался пробивать себѣ свой трудный путь, борясь постоянно то съ городами и рыцарствомъ, то съ князьями и духовенствомъ, но до самаго конца жизни оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ и при вступленіи на престолъ—личностью второстепенною по уму и способностямъ.

Кончина Рудольфа.

Кончина застигла Рудольфа на пути въ Шпейеръ—мѣсто успокоенія королей и императоровъ Франконскаго дома. Силы его покинули прежде, чѣмъ онъ достигъ города, и, въ іюлѣ 1291 г., онъ умеръ въ мѣстечкѣ *Гермерсгеймъ*.

Адольфъ I. 1292—98.

Такъ какъ королевская власть, несмотря на всѣ анархическія и олигархическія стремленія, преобладавшія въ германскомъ обществѣ, всѣми признавалась необходимымъ элементомъ общаго мира и спокойствія, то выборы короля не замедлили. Главнымъ претендентомъ на престолъ явился сынъ Рудольфа, Альбрехтъ, герцогъ Австрійскій, котораго отецъ еще при жизни своей назначалъ себѣ въ наслѣдники. Человѣкъ онъ былъ очень способный и смыслилъ толкъ въ правленіи; но онъ никому не былъ прія-

*) Уже далеко переваливъ за шестой десятокъ, Рудольфъ еще таки женился на 14-ти-лѣтней княжнѣ Бургундской, почти ребенкѣ.

Надгробный памятникъ Рудольфа Габсбургскаго въ Шпейерскомъ соборѣ *).

тенъ и какъ разъ въ это время вынужденъ былъ обратить все свое вниманіе на возстаніе штирійскаго дворянства. Вслѣдствіе этого выборъ палъ на графа *Адольфа Нассаускаго* (1292 г.) человѣка вполнѣ достойнаго и «доблестнаго рыцаря», по признанію даже тѣхъ хронистовъ, которые несомнѣнно держали сторону Габсбургскаго дома. Притомъ же онъ былъ въ самомъ расцвѣтѣ мужества (37 лѣтъ) и обладалъ рѣдкимъ по тому времени образованіемъ:—владѣлъ языками нѣмецкимъ, французскимъ и латинскимъ. Земельныя же владѣнія его ограничивались графствомъ Нассаускимъ, которое тогда едва-ли равнялось $^3/_4$ нынѣшняго объема Нассаускаго герцогства. Курфюрстамъ это было на руку: они (и въ томъ числѣ родственникъ его, архіепископъ Майнцскій) воспользовались его избраніемъ въ короли, чтобы добиться отъ него еще разныхъ новыхъ льготъ. Однакоже начало правленія его было довольно счастливо; на первомъ же и весьма многочисленномъ съѣздѣ въ Кёльнѣ онъ вынудилъ князей, бароновъ и выборныхъ отъ городовъ къ принесенію присяги въ томъ, что они обязуются въ теченіе 10 лѣтъ сохранять въ полной неприкосновенности постановленія о внутреннемъ мирѣ и тишинѣ, и даже выказалъ себя весьма энергичнымъ противъ тѣхъ, кто задумывалъ нарушать эти постановленія. Даже и самъ Альбрехтъ Австрійскій, его прямой соперникъ, не рѣшился противъ него возстать, безпрекословно выдалъ

*) Надпись кругомъ гласитъ: «Rudolfus de Habesburg Romanorum rex anno regni sui XVIII. Obiit anno Domini MCCXCI (1291) mense Julio in die Divisionis Apostolarum». (Т. е. Рудольфъ и проч. въ 18 годъ своего правленія умеръ тогда-то, въ мѣсяцѣ іюлѣ, въ день раздѣленія Апостоловъ). Руки, жезлъ и часть вѣнца подновлены, вѣроятно, въ новѣйшее время, когда весь памятникъ этотъ былъ реставрированъ по повелѣнію императора Франца-Іосифа.

ему на руки царственные клейноды и принесъ ему обычную лэнную присягу. Страннымъ противорѣчіемъ въ правленіи этого новаго короля представлялось то, что самъ король, прежде чѣмъ примѣнить свою власть на дѣлѣ, долженъ былъ испрашивать на то разрѣшеніе. Положеніе Адольфа однакоже нѣсколько улучшилось и самая зависимость его отъ избирателей нѣсколько была ослаблена тѣмъ, что онъ вступилъ въ союзъ съ Эдуардомъ I, королемъ Англійскимъ (1294) противъ Филиппа Красиваго, короля Французскаго. Этотъ союзъ отчасти вызванъ былъ тѣмъ, что Филиппъ угрожалъ захватами на юго-западной границѣ Германскаго королевства, отчасти же нуждою въ деньгахъ, которой удовлетворяла до нѣкоторой степени англійская субсидія. Нѣкоторое время Адольфъ оставался вѣренъ этому союзу, но затѣмъ угрозы папы, который тогда еще дружилъ съ королемъ Французскимъ, и льстивыя обѣщанія Филиппа заставили его этотъ союзъ нарушить. И его стремленія также, какъ и слѣдовало ожидать, были направлены главнымъ образомъ къ пріобрѣтенію возможно бо̀льшаго личнаго вѣса и значенія. Ради подобной цѣли онъ вошелъ въ тѣсныя сношенія съ городами и далъ имъ такія права, которыя были весьма выгодны и важны для усиленія городовъ, но шли въ разрѣзъ съ имущественными правами князей и бароновъ *).

Возрастающимъ недовольствомъ аристократіи воспользовался сынъ Рудольфа, герцогъ австрійскій Альбрехтъ, который ничуть не отказался отъ выполненія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, а только отсрочилъ его до болѣе удобнаго момента. Отношенія обоихъ соперниковъ оставались натянутыми: каждый изъ нихъ старался вредить другому, гдѣ могъ. Къ концу 1297 года габсбургскій заговоръ сталъ принимать весьма грозный характеръ. Курфюрсты королевства были озабочены оборотомъ, который приняла политика короля, а прочіе князья смотрѣли съ большимъ недовѣріемъ на сближеніе короля съ низшимъ дворянствомъ. Обѣ стороны собирали войска. Князья, участвовавшіе въ заговорѣ противъ короля, а также и Майнцъ, Саксонія, Бранденбургъ, отчасти даже и Кёльнъ и Богемія—открыто обвинили короля въ цѣломъ рядѣ неблаговидныхъ поступковъ, низложили его и на его мѣсто избрали Альбрехта. Этотъ шагъ былъ совершенно противузаконнымъ, но далеко не безпримѣрнымъ въ исторіи Германіи; что же касается народа и большинства остальныхъ князей, то они совершенно равнодушно и не трогаясь съ мѣста ожидали дальнѣйшихъ послѣдствій столкновенія и собирались при немъ присутствовать, какъ при турнирѣ двухъ знаменитыхъ бойцовъ. Рѣшеніе борьбы послѣдовало очень скоро: Альбрехтъ явился во главѣ сильнаго войска, а король Адольфъ былъ слишкомъ доблестный рыцарь и слишкомъ плохой полководецъ, чтобы уклониться отъ сраженія. Оно и произошло при *Гельгеймѣ* (въ Пфальцѣ), у Громовой горы (іюль 1298), и, въ сущности, свелось къ рыцарской схваткѣ, хотя рыцарскіе обычаи при этомъ и не были со-

*) Вопросъ, главнымъ образомъ, касался того класса несвободныхъ гражданъ, которые переселялись изъ-подъ власти бароновъ и графовъ, съ ихъ земельныхъ владѣній, въ города, лишая ихъ, такимъ образомъ, рабочей и платежной силы. Города же охотно принимали къ себѣ этихъ гражданъ, не выдавали ихъ и принимали подъ свою защиту.

блюдены. Желательно было, конечно, добиться того, чтобы одинъ изъ двоихъ королей нашелъ смерть въ этомъ бою, и въ этихъ видахъ Альбрехтъ многимъ изъ своихъ рыцарей роздалъ свои воинскіе знаки, чтобы привлечь къ нимъ вниманіе противника. Увѣряютъ, что онъ приказалъ своимъ рыцарямъ колоть лошадей у противниковъ, и такое приказаніе его кажется намъ весьма вѣроятнымъ. Король Адольфъ— «король бароновъ и вольныхъ городовъ», какъ называетъ его одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей— упалъ съ коня во время битвы, былъ унесенъ съ поля въ безсознательномъ состояніи, но, оправившись, вновь вернулся въ битву, когда уже побѣда склонялась на сторону Габсбурга, и былъ убитъ въ общей свалкѣ. Говорятъ, будто онъ палъ отъ руки своего торжествующаго противника.

Король Адольфъ въ рукопашной схваткѣ.
Рѣзьба на кости конца XIII вѣка. (Германскій музей въ Нюрнбергѣ).

Альбрехтъ I. 1298—1308.

Альбрехтъ I (1298—1308) подчинился новому избранію, при которомъ онъ не скупился на обѣщанія. Когда подумаешь, какъ обычно было въ эти времена нарушеніе данныхъ обѣщаній, то, право, можно удивляться только одному, что постоянно находились такіе люди, которые этимъ обѣщаніямъ еще вѣрили. Новоизбранный король былъ также жаденъ до пріобрѣтенія, какъ и его отецъ; и у него было не менѣе, чѣмъ у отца, поводовъ, побуждавшихъ его къ пріобрѣтеніямъ: — и у него тоже было огромное семейство (шесть сыновей и пять дочерей). Но онъ былъ чрезвычайно послѣдователенъ въ своихъ поступкахъ, строго логиченъ въ выводахъ, неразборчивъ въ средствахъ и совершенно свободенъ отъ всякаго идеализма. И онъ, точно такъ же, какъ многіе изъ его предшественниковъ, въ основу всѣхъ своихъ дѣйствій полагалъ постоянно одну цѣль: сдѣлать корону наслѣдственною въ своемъ домѣ. Къ этому и его также побуждало то внутреннее противорѣчіе, которое неразлучно связано съ каждымъ выборнымъ королевствомъ и болѣе всего должно тяготить самого избранника. Это-то сознаніе, главнымъ образомъ, и послужило основою для направленія его политики. Въ противуположность своему предше-

ственнику, онъ сблизился съ Франціей, такъ какъ вполнѣ раздѣлялъ съ королемъ Французскимъ его весьма вольнодумныя воззрѣнія на Церковь и ея права. Папа Бонифацій VIII, — уже недовольный тѣмъ покровительствомъ, которое Альбрехтъ оказывалъ Евреямъ, въ то время безпощадно-преслѣдуемымъ папами, — не призналъ Альбрехта королемъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ убилъ своего предшественника. При одномъ изъ свиданій съ королемъ Филиппомъ (1299 г.), на которомъ присутствовали нѣкоторые курфюрсты, открылся и затаенный планъ Альбрехта— удержать корону королевскую въ своемъ родѣ, какъ наслѣдственную собственность. Дѣло шло ни болѣе, ни менѣе, какъ о бракосочетаніи Альбрехтова сына Рудольфа съ сестрою короля Филиппа; послѣ коронованія Альбрехта императорскою короною, его сына Рудольфа должны были избрать въ короли Германіи, а въ надѣлъ онъ долженъ былъ получить Арелатъ. Вскорѣ составился заговоръ въ средѣ курфюрстовъ (въ немъ принимали участіе трое духовныхъ курфюрстовъ и Рудольфъ, пфальцграфъ Рейнскій); но Альбрехтъ былъ не таковъ, чтобы его можно было застать врасплохъ. Подобно своему предшественнику, онъ вступилъ въ тѣсныя связи съ городскимъ сословіемъ, къ которому примкнули еще приверженцы Адольфа, нѣкоторое количество рыцарей и мелкихъ бароновъ; когда, такимъ образомъ, онъ увидѣлъ себя достаточно подготовленнымъ къ борьбѣ, онъ издалъ манифестъ къ рейнскимъ городамъ (1301 г.), въ которомъ очень мѣтко нанесъ ударъ своимъ противникамъ, объявивъ объ уничтоженіи всѣхъ новыхъ пошлинъ, самовольно назначенныхъ духовными курфюрстами и другими прирейнскими владѣльцами. Ставъ, такимъ образомъ, во главѣ интересовъ городского сословія, онъ, при помощи городовъ, одержалъ полнѣйшую побѣду (1302 г.). Съ войскомъ своимъ король явился подъ стѣнами Кёльна; тамошній архіепископъ, а вслѣдъ за нимъ и Трирскій должны были покориться, какъ уже покорились архіепископъ Майнцскій и пфальцграфъ Рейнскій; новопостроенныя таможни исчезли, часть коронныхъ имуществъ опять оказалась въ рукахъ короля; точно такъ же удалось королю и повсемѣстное возстановленіе мира и тишины въ странѣ, и Альбрехтъ въ этомъ отношеніи слѣдовалъ новой, быть-можетъ, и очень правильной политикѣ, заключая отъ своего лица, какъ король, союзы для обезпеченія мира съ отдѣльными государственными сословіями. Союзъ же его съ королемъ Филиппомъ оказался непрочнымъ. Въ той борьбѣ, которая, въ ближайшемъ будущемъ, завязалась между Филиппомъ и папою Бонифаціемъ (мы вскорѣ ознакомимся съ ея сущностью), Альбрехтъ увидѣлъ возможность склонить папу на свою сторону ради осуществленія своихъ плановъ о престолонаслѣдіи. При этомъ онъ разорвалъ свои связи съ Филиппомъ, да и отъ униженія передъ папою не много получилъ прибыли, тѣмъ болѣе, что тотъ, вскорѣ послѣ признанія Альбрехта королемъ (въ 1303 г.), сошелъ со сцены. Тогда Альбрехтъ увидѣлъ, что существуетъ только одно средство для достиженія намѣченной имъ цѣли: — избраніе страною, вслѣдствіе перевѣса силы на его сторонѣ, и съ той поры неуклонно пошелъ этимъ путемъ. Въ Южной Германіи и въ Швейцаріи онъ дѣйствовалъ довольно удачно. Ловко пользуясь разными замѣшательствами въ сосѣднихъ стра-

пахъ, онъ значительно пріумножилъ уже весьма немалыя владѣнія своего дома въ Южной Германіи и Швейцаріи; еще бо̀льшій, хотя и весьма мимолетный, успѣхъ имѣлъ онъ въ Богеміи. По смерти короля *Андрея III* (1301) Венгерскаго, венгерская знать разъединилась: одна часть ея объявила себя на сторонѣ Венцеслава II, внука Оттокара II, другая же— на сторонѣ Карла-Роберта Неаполитанскаго — сына Карла Анжуйскаго. Венцеславъ II, король Богемскій, умеръ въ 1305 г., а годъ спустя умеръ и его сынъ; и вотъ тогда-то удалось Альбрехту добиться того, что сынъ его, Рудольфъ, былъ избранъ въ короли Богеміи и Моравіи (1306) и женился на вдовѣ Венцеслава II. Но онъ вскорѣ послѣ того скончался, и такимъ образомъ всѣ планы Альбрехта разлетѣлись прахомъ, а на мѣсто его сына въ короли Богеміи избранъ былъ герцогъ *Генрихъ Каринтійскій.*

Новыя удачи и неудачи. Альбрехтъ убитъ. 1308.

Что въ этой неудачѣ, какъ и во многихъ другихъ, немаловажную роль играли враждебные ему курфюрсты, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, въ особенности же архіепископъ Майнцскій, Петръ Айхшпальтеръ, заклятый врагъ Габсбургскаго дома. Есть основаніе думать, хотя и нельзя доказать положительно, что ненависть этого сановника Церкви оказала нѣкоторое вліяніе на тотъ гибельный исходъ, которымъ закончилась жизнь Альбрехта въ 1308 г. Тотъ племянникъ Іоаннъ, сынъ Альбрехтова брата Рудольфа, который убилъ Альбрехта, долгое время находился въ ближайшихъ отношеніяхъ съ Айхшпальтеромъ. Этому юношѣ по праву принадлежало графство Кобургское, доставшееся ему въ наслѣдство отъ матери; а между тѣмъ, Альбрехтъ, по свойственной ему алчности, медлилъ отдачею ему этого графства: ему не легко было разстаться съ тѣмъ, что попало къ нему въ руки! Къ тому же юноша питалъ нѣкоторыя притязанія и на богемскую корону и былъ обиженъ, когда, помимо его, въ короли Богемскіе избранъ былъ его двоюродный братъ, Рудольфъ, сынъ Альбрехта. Такъ, мало-по-малу, въ душѣ юноши созрѣвала ненависть къ Альбрехту, который вообще ни въ комъ не возбуждалъ къ себѣ симпатіи. Насмѣшки, которыми король отвѣчалъ Іоанну на его новыя и усиленныя просьбы объ отдачѣ ему наслѣдственнаго графства, еще болѣе возмутили юношу и въ его головѣ, а также и въ кружкѣ приближенныхъ ему рыцарей составился планъ злодѣйства, которое, какъ они думали, должно было прійтись по вкусу многимъ. Габсбургскій хронистъ, Оттокаръ фонъ-Горнекъ, оставилъ намъ подробное описаніе этого страшнаго событія: — произошло оно невдалекѣ отъ родового за̀мка Габсбурговъ, въ Аргау; король, возвращавшійся изъ Бадена къ женѣ, находился въ пути съ очень небольшой свитой и достигъ береговъ Рейна, гдѣ ему приходилось переправляться черезъ эту рѣку на паромѣ; заговорщики — рыцари фонъ-Вартъ, фонъ-Тегерфельдъ, фонъ-Эшенбахъ—помѣстились на томъ же самомъ паромѣ, рядомъ съ королемъ, и переправились за рѣку вмѣстѣ съ нимъ; герцогъ Іоаннъ съумѣлъ устроить дѣло такъ, что свита короля была на нѣкоторое время задержана по-сю сторону рѣки. Между тѣмъ заговорщики окружили короля и двинулись съ нимъ далѣе по пути; герцогъ, нагоняя ихъ, крикнулъ имъ: «начинайте!»—и вотъ Эшенбахъ схватилъ королевскаго коня подъ уздцы.

(„In reditu de Curia nunciatur ei obitus Alberti Regis Romanorum").

„При возвращеніи изъ куріи ему возвѣщаютъ о кончинѣ Альбрехта, короля Римскаго".

Гонецъ, посланный архіепископомъ Петромъ Майнцскимъ, передаетъ возвращающемуся изъ Рима новопоставленному архіепископу Трирскому, Балдуину Люцельбургскому, извѣстіе, что король Альбрехтъ убитъ, а графъ Генрихъ Люцельбургскій (братъ Балдуина) долженъ готовиться къ тому, чтобы принять королевство въ управленіе, такъ какъ онъ (Петръ, архіепископъ Майнцскій) предложитъ его на выборахъ.

Миніатюра заимствована изъ такъ-называемой *Балдуиновой книги* (Balduineum)— роскошнаго рукописнаго сборника актовъ, писаннаго на пергаментѣ и украшеннаго изображеніями, относящимися къ личной исторіи жизни Балдуина и къ исторіи его брата-императора. Хранится въ провинціальномъ архивѣ въ Кобленцѣ.

Тотъ принялъ это за шутку... «Нѣтъ, тутъ ужъ не до шутокъ!» — отвѣчалъ ему на это рыцарь. Удары мечей посыпались на короля справа и слѣва, и онъ, уже обливаясь кровью изъ страшной раны, пересѣкавшей ему все лицо, крикнулъ герцогу: «помоги!» Тогда и тотъ бросился на него, воскликнувъ: «вотъ тебѣ моя помощь!»—и пронзилъ его сзади мечомъ съ такою силою, что остріе его вышло спереди изъ груди. Затѣмъ они бросили на пути истекающаго кровью Альбрехта и умчались; Іоаннъ даже не постыдился захватить королевскаго коня, на котораго онъ пересѣлъ по совершеніи злодѣянія.

Кандидаты на германскую корону.

Внезапная смерть Альбрехта пресѣкла его весьма полезную десятилѣтнюю административную дѣятельность. О сыновьяхъ его, на предстоящихъ выборахъ, конечно, не могло быть уже и рѣчи. Всѣ ужасались совершеннымъ злодѣяніемъ, всѣ осуждали убійцъ (они всѣ умерли въ

изгнаніи), но даже и ужасъ, внушенный гибельнымъ концомъ Альбрехта, никого не примирялъ съ воспоминаніями объ его дѣятельности. Общее настроеніе было положительно направлено противъ всякой наслѣдственности короны, и никому даже и въ голову не приходило хотя бы и на нѣкоторое время предоставить корону одной и той же династіи. Притомъ не было недостатка ни въ подходящихъ кандидатахъ на королевскій престолъ, ни въ прямыхъ соискателяхъ его. Въ современной Германіи насчитывалось уже 38 дворовъ и самостоятельныхъ княжескихъ областей:— владѣтельные дома гордились тѣми представителями своими, которыхъ удавалось возвести на престолъ королевскій, да и помимо наслѣдственности (которая могла и не установиться въ томъ или другомъ родѣ) обладаніе королевскою властью въ Германіи было дѣломъ не безвыгоднымъ въ глазахъ тѣхъ, которые способны были смотрѣть на права королевской власти, какъ на доходныя статьи, не задаваясь при выполненіи королевскихъ обязанностей никакими нравственными задачами. Между искателями германской короны на этотъ разъ былъ и одинъ чужеземецъ— Филиппъ IV, король Французскій, который добивался короны для своего брата, Карла Валуа. Вообще говоря, домъ Капетинговъ, въ данное время, являлся весьма могущественнымъ; обладая уже и французскою, и неаполитанскою коронами, Капетинги добивались обладанія венгерскою и германскою коронами. И на сторонѣ этихъ стремленій была очень вѣская сила — папство, которое, восторжествовавъ надъ Гогенштауфенами, полвѣка спустя пришло къ конечной гибели, вслѣдствіе событій, которыя мы сейчасъ изложимъ и которыя поставили папъ въ позорнѣйшую зависимость отъ Французскихъ королей.

Папство. По смерти Людовика Святого, послѣ краткаго и незначительнаго правленія его сына, Филиппа III (1270—1285), на тронъ вступилъ его старшій сынъ, *Филиппъ IV*, въ лицѣ котораго явился правитель, который, впервые съ полною ясностью, а потому и съ блестящимъ успѣхомъ съумѣлъ противопоставить мощь національнаго государства всѣмъ поползновеніямъ на всемірное владычество со стороны Церкви. Эти притязанія папства на всемірное господство, укоренившіяся со временъ Григорія VII, нашли себѣ въ 1294 году весьма рѣзкаго представителя въ лицѣ *Бонифація VIII*. Этотъ папа — до папства носившій имя Каэтана Ананьи—суровый священнослужитель и ученый юристъ, посѣдѣвшій на службѣ папской куріи, былъ человѣкомъ въ высшей степени гордымъ и глубоко преданнымъ внѣшнему формализму; не обладая государственнымъ умомъ Григорія VII или Иннокентіевъ III и IV, онъ пытался однакоже въ такой степени рѣзко проводить ихъ воззрѣнія, что этимъ подорвалъ наконецъ и самый авторитетъ папства. Временныя и второстепенныя пререканія, возникавшія между Римомъ и королями французскими, вдругъ обратились въ великую борьбу между папствомъ и національною королевскою властью. Поводомъ къ борьбѣ послужило то, что король Филиппъ IV, во время войны съ Англіей, обложилъ извѣстнаго рода налогомъ и духовенство:—папа отвѣчалъ на это общимъ воспрещеніемъ такой мѣры въ буллѣ, извѣстной подъ названіемъ «Clericis laicos»—на основаніи которой подвергались одинаково отлученію отъ Церкви и тѣ клерики, ко-

торые вздумали бы платить вышеупомянутый налогъ, безъ разрѣшенія папы, и тѣ міряне, которые, безъ этого разрѣшенія, стали бы взимать этотъ налогъ. Король—вступившій на престолъ 17-ти-лѣтнимъ юношей и теперь находившійся въ цвѣтѣ мужества — отразилъ этотъ ударъ очень ловко, воспретивъ вывозъ изъ своего королевства денегъ и всякаго рода драгоцѣнностей, и весьма опредѣленно высказалъ мысль, что только безполезный и «*такъ-сказать парализованный*» членъ тѣла можетъ отказывать тѣлу въ помощи, и что въ нуждахъ государственныхъ обязаны равно участвовать міряне и духовные. Такимъ образомъ онъ и духовенство признавалъ составною частью (членомъ) государственнаго организма. На мгновеніе споръ какъ бы пріутихъ. Папа, которому было очень невыгодно наложенное королемъ воспрещеніе на вывозъ цѣнностей, попытался придать своей буллѣ нѣсколько смягчавшее ее объясненіе; къ тому же, около этого времени, дѣдъ короля, Людовикъ IX, былъ причисленъ къ лику святыхъ—и Филиппъ заблагоразсудилъ уничтожить свое распоряженіе о невывозѣ цѣнностей. Но въ 1301 году борьба разгорѣлась вновь и еще сильнѣе прежняго. Легатъ, посланный Бонифаціемъ, вызвалъ гнѣвъ короля своимъ высокомѣріемъ и неосторожными отзывами. Король не затруднился обжаловать способъ дѣйствій прелата, который былъ его подданнымъ, и даже заключилъ его подъ стражу. Тогда начался обмѣнъ дипломатическими нотами между королемъ и папой, и эти ноты принимали все болѣе и болѣе ожесточенный тонъ. Отвѣтное посланіе папы (Ausculta fili) было въ февралѣ 1302 года публично предано сожженію въ Парижѣ; при этомъ вообще Филиппъ весьма кстати съумѣлъ перенести борьбу на почву національнаго самосознанія, которое уже и въ то время развито было во Франціи сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Онъ созвалъ бароновъ и прелатовъ королевства, и даже выборныхъ отъ городовъ въ Парижъ, гдѣ и собралъ ихъ въ церкви Парижской Богоматери. Всѣ сословія были глубоко возмущены, услышавъ, что, по утвержденію папы, ихъ король будто-бы владѣетъ королевствомъ своимъ, только какъ лэномъ, даннымъ ему папскою властью—и всѣ приняли сторону короля,

Папа Бонифацій VIII.

По картинѣ Джіотто, въ базиликѣ С. Джіованно Латеранскаго въ Римѣ.

Филиппъ IV, Красивый.

Конная статуя, нѣкогда находившаяся въ соборѣ Богоматери въ Парижѣ, разрушенная въ 1772 г. (По книгѣ Лакруа).

почитая нанесенное ему оскорбленіе своимъ личнымъ оскорбленіемъ. Духовенство французское, конечно, не могло отнестись къ дѣлу такъ же горячо, однакоже и оно обратилось къ папѣ съ посланіемъ, въ которомъ просило папу возстановить миръ и спокойствіе въ нѣдрахъ галликанской Церкви. Какъ разъ около этого времени послѣдовала (въ ноябрѣ 1302 г.) изъ Рима знаменитая папская булла «Unam sanctam» — классическое изложеніе всѣхъ коренныхъ убѣжденій и упованій римской куріи. Въ этой буллѣ излагалось, что «Церковь, единая святая, католическая, апостольская, въ какую возможно вѣрить, представляетъ собою тѣло съ *единою* главою, а не двуглавое чудовище (monstrum):— эта единая глава и есть Христосъ и его намѣстникъ на землѣ, Св. Петръ, а равно и преемникъ Петра, папа. Мечей же существуетъ два: духовный и мірской; оба они, какъ духовный, такъ и матеріальный (мірской), находятся во власти Церкви, и первый изъ нихъ можетъ быть употребляемъ въ дѣло только *Церковью*, а второй — только *въ защиту Церкви*; первымъ можетъ владѣть всякое духовное лицо, вторымъ же и короли, и рыцари (milites), но не иначе, какъ по указанію и благорасположенію (ad nutum et patientiam) духовенства: — «ибо каждому изъ смертныхъ для спасенія души его необходимо подчиняться волѣ и велѣніямъ римскаго первосвященника».

Бонифацій VIII и Филиппъ IV.

Въ отвѣтъ на эту буллу канцлеръ короля, Гильомъ де-Ногарэ, выступилъ въ собраніи нотаблей въ Луврѣ обвинителемъ противъ папы, котораго слѣдовало-де на общемъ соборѣ осудить какъ преступника: при этомъ онъ призывалъ всѣхъ присутствующихъ обратиться къ королю съ просьбою о томъ, чтобы онъ защитилъ Церковь отъ неистовствъ папы. Обнаружилось, что король имѣлъ въ глазахъ народа больше значенія, нежели папа. И вотъ вторично собрались въ Луврѣ всѣ сословія королевства въ іюнѣ 1303 г., и тутъ рѣшено было собрать въ ближайшемъ будущемъ *общій соборъ*, по иниціативѣ короля, который такимъ образомъ явился здѣсь поборникомъ вѣры и защитникомъ Церкви противъ папы— прецедентъ очень грозный для папскаго всемогущества, такъ какъ здѣсь рѣшенія собора должны были опираться на дѣйствительную силу. Во мно-

жествѣ адресовъ—ихъ насчитывали до 700—различныя корпораціи королевства, а также и университеты, и монастыри выражали свое согласіе съ принятыми на соборѣ рѣшеніями. Въ свою очередь и Бонифацій рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, бывшему въ его распоряженіи. Онъ отправился со своими кардиналами и прочею свитою въ Ананьи — на ю.-в. отъ Рима, у подошвы Аппенинъ — дабы здѣсь изготовить актъ отлученія короля отъ Церкви и освобожденія его подданыхъ отъ присяги на вѣрность ему:—и булла была уже изготовлена, какъ вдругъ неслыханное происшествіе воспрепятствовало ея обнародованію. 7 сентября 1303 г., утромъ, въ Ананьи завидѣли издали всадниковъ и многочисленный отрядъ пѣхоты, спускавшихся съ горъ; во главѣ этого войска ѣхалъ канцлеръ короля французскаго, Гильомъ де-Ногарэ, снабженный обширными полномочіями отъ своего государя и въ сопровожденіи вожака гибеллиновской партіи въ Римѣ, Скьярра Колонна, съ которымъ Ногарэ вступилъ въ нѣкотораго рода соглашеніе. Подступивъ къ городу, войско развернуло знамя Франціи, и затѣмъ проникло въ городъ, изъ котораго кардиналы поспѣшно бѣжали. Съ криками: «смерть Бонифацію—и да здравствуетъ король французскій!» папскій дворецъ былъ занятъ солдатами и маститому старцу-папѣ нанесено было тяжкое оскорбленіе... Говорятъ, что Колонна позволилъ себѣ ударить его желѣзною перчаткою по лицу и назвалъ его первенцемъ сатаны (такъ описываютъ намъ современные хронисты эту омерзительную сцену)—и папа перенесъ оскорбленіе съ полнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ главы Церкви. Само-собою разумѣется, что оккупація мѣстечка не могла быть продолжительна; граждане возстали поголовно и небольшой отрядъ войска, который не могъ бы выдержать серьезной борьбы, поспѣшилъ удалиться. Но цѣль всей этой продѣлки была достигнута:—папство, въ лицѣ одного изъ самыхъ гордыхъ своихъ представителей, было жестоко принижено и земля не разверзлась, чтобы поглотить оскорбителей, совершившихъ чудовищное преступленіе! Бонифацій поспѣшилъ въ Римъ:—онъ задумывалъ созвать вселенскій соборъ и на его рѣшеніе предоставить вопросъ о томъ, что свершилось... Однакоже силы ему измѣнили: испытаніе оказалось слишкомъ тяжко для 80-ти-лѣтняго старца, и, немного спустя, онъ скончался, въ октябрѣ того же года,—чернаго года въ исторіи Церкви.

Печать Филиппа Красиваго.
Хранится въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

Вавилонское плѣненіе Церкви.

Послѣдствія случившагося въ Ананьи обнаружились въ самомъ непродолжительномъ времени. Уже преемникъ Бонифація, *Бенедиктъ XI*, оказался уступчивымъ по отношенію къ королю французскому. Но онъ правилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, и при новомъ избраніи папы въ комиссіи кардиналовъ одержала верхъ французская партія: — избранъ былъ архіепископъ Бордосскій, *Климентъ V*, который заручился поддержкою короля, принявъ на себя всякія самыя стѣснительныя обязательства, и даже будучи уже избранъ въ папы, не покинулъ Франціи, т. е. остался въ той же сферѣ вліянія и власти короля Филиппа (1305). Съ 1309 г. онъ избралъ себѣ резиденціею *городъ Авиньонъ* (на лѣвомъ берегу Ропы) и съ 1305—1377 всѣ папы продолжали жить во Франціи: этотъ періодъ времени и называютъ *вавилонскимъ плѣненіемъ Церкви*.

Генрихъ VII —германскій король.

Король Филиппъ разсчитывалъ именно на эту зависимость папъ отъ его воли, когда сталъ добиваться германской королевской короны для одного изъ членовъ своего дома. Этого, однакоже, не удалось ему добиться, хотя нѣкоторые изъ курфюрстовъ, какъ напр. архіепископъ Кёльнскій, Генрихъ, и склонялись на его сторону. Но архіепископу Майнцскому, Петру, удалось всѣхъ привлечь къ избранію *Генриха, графа Люксембургскаго*, человѣка прекраснаго, хотя уже и пожилого, и необладавшаго ни большими владѣніями, ни большимъ значеніемъ *). При королѣ Адольфѣ онъ даже держалъ сторону Франціи и оказалъ нѣкоторыя услуги королю Филиппу IV. И въ самомъ образованіи его, и въ образѣ жизни было болѣе французскаго, чѣмъ нѣмецкаго. Подъ именемъ Генриха VII онъ правилъ отъ 1308—1313 г., и, въ противуположность своему предшественнику, явился правителемъ просвѣщеннымъ, въ личныхъ сношеніяхъ пріятнымъ и даже способнымъ стремиться къ достиженію высшихъ идеаловъ.

Счастье, повидимому, улыбалось ему. Осудивъ на изгнаніе убійцъ своего предшественника, онъ вступилъ въ соглашеніе съ Габсбургами, и такъ какъ Богемскій король, Генрихъ Каринтійскій (власть котораго была очень слаба), не ходатайствовалъ въ опредѣленный срокъ объ отдачѣ ему этого лэна, то онъ отдалъ это королевство въ лэнъ своему сыну, Іоанну, зная, что Генриху Каринтійскому и не по силамъ было бы управиться съ этимъ королевствомъ. Папа Климентъ призналъ Генриха королемъ, и, когда вслѣдъ за тѣмъ всѣ владѣтельные князья собрались на блестящій сеймъ въ Шпейерѣ, то Генрихъ VII, при этомъ случаѣ, вспомнилъ о недавнемъ печальномъ прошломъ и приказалъ торжественно похоронить останки королей Адольфа и Альбрехта въ соборѣ, гдѣ уже покоились трое послѣднихъ императоровъ Салическаго дома, а также и Филиппъ Штауфенскій, и Конрадъ I—и этотъ фактъ обрисовываетъ намъ Генриха VII, какъ человѣка тонкаго и деликатнаго.

Положеніе Италіи.

Генрихъ VII, чтобы утвердить свой авторитетъ, пошелъ путемъ многихъ своихъ предшественниковъ: онъ задался цѣлью возстановленія авторитета Германіи въ итальянскихъ земляхъ. Условія жизни въ Италіи

---

*) Вся область его равнялась какимъ-нибудь 150 кв. милямъ, съ сотнею замковъ, между Маассомъ и Мозелемъ.

Надгробный памятникъ Петра фонъ-Аспельтъ (или Айхшпальтъ), архіепископа Майнцскаго, съ изображенными на немъ тремя коронованными имъ королями: Генрихомъ VII, Людвигомъ Баварскимъ и Іоанномъ Богемскимъ. Въ Майнцскомъ соборѣ.

Надпись, окружающая надгробіе, въ тяжеловѣсныхъ латинскихъ стихахъ, восхваляетъ добродѣтели покойнаго.

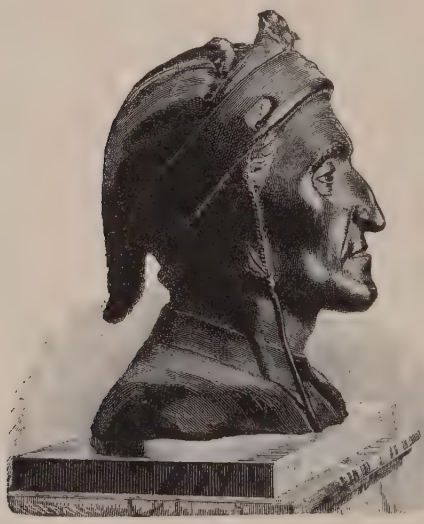
сложились такъ, что во многихъ умахъ тамъ пробудилось непреодолимое стремленіе къ возстановленію императорской власти: — отсутствіе самой власти этой и его печальныя послѣдствія увѣнчали эту власть извѣстнаго рода ореоломъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Казалось бы, что, по самой природѣ своей, Италія именно, болѣе многихъ другихъ странъ, предназначена къ единству, которымъ нѣкогда она и обладала; а между тѣмъ едва-ли какая-нибудь иная страна такъ долго вынуждена была бороться противъ розни, и съ такимъ трудомъ добиваться единства, какъ Италія. Новая династія, овладѣвшая съ 1268 г. Неаполитанскимъ королевствомъ, въ лицѣ *Карла Анжуйскаго*, около этого времени владѣла уже только материковою половиною Штауфенскаго царства. Еще въ 1282 г. ненависть противъ французскаго владычества на островѣ Сициліи привела къ обширному заговору, опиравшемуся на связи съ константинопольскимъ дворомъ и съ Петромъ III Арагонскимъ, зятемъ короля Манфреда, котораго несчастный Конрадинъ, говорятъ, уже на эшафотѣ наименовалъ наслѣдникомъ своихъ притязаній. Душою этого заговора былъ одинъ изъ представителей сицилійской знати, Іоаннъ де-Прочида. Случайное происшествіе,—насиліе, совершенное французомъ часовымъ надъ одной палермской дѣвушкой,—вдругъ возбудило народную ярость въ самый праздникъ Пасхи, въ 1282 г., и всѣ французы, какихъ только можно было разыскать на островѣ, погибли жертвою этого возстанія:—насчитываютъ до 12,000 французовъ, умерщвленныхъ во время этой страшной *сицилійской вечерни*. Временное правительство было установлено на островѣ, и, при помощи Петра III Аррагонскаго, Сицилійцамъ удалось отстоять свою независимость и отъ завоевательныхъ попытокъ французовъ, и отъ всякихъ угрозъ и карательныхъ мѣропріятій римской куріи. И даже тогда, когда Яковъ II Аррагонскій отрекся отъ притязаній на островъ, Сициліанцы, на сеймѣ своемъ, избрали его брата, *Фридриха*, себѣ въ короли и создали для себя самостоятельное правленіе (1295 г.). Такимъ образомъ здѣсь, на Югѣ, вмѣсто одного государства создались два и этимъ самымъ надолго утрачена была всякая возможность прійти къ какому-нибудь умиротворенію.

Въ остальной Италіи, гдѣ политическій процессъ образованія меньшихъ и бо̀льшихъ территоріальныхъ государствъ шелъ почти тѣмъ же путемъ, какъ и въ Германіи, хаосъ всевозможныхъ усобицъ былъ еще запутаннѣе, чѣмъ въ Германіи, а при болѣе живомъ и страстномъ характерѣ народа, эти усобицы являлись еще болѣе кровавыми и жестокими. Въ Сѣверной Италіи та независимость и свобода, которую здѣсь города отстояли въ борьбѣ съ императорами изъ Штауфенскаго дома, вызвала къ жизни много богатыхъ силъ, но въ то же время привела къ образованію множества отдѣльныхъ центровъ: на пространствѣ между Альпами и Адріатическимъ моремъ явилось бокъ-о-бокъ около 40 самостоятельныхъ общинъ, которыя переживали то же, что нѣкогда уже было пережито мелкими греческими автономіями... Жизнь этихъ городовъ представляла непрерывную цѣпь всякихъ превратностей, союзовъ, усобицъ между отдѣльными городами и коалиціями городовъ, борьбы за гегемонію, утѣсненія меньшихъ городовъ бо̀льшими городами — а внутри вѣчныя распри среди необузданной демократіи, жестокой тиранніи и безсердечной аристократіи, во всѣхъ возможныхъ

«Septem electores eligunt Henricum comitem Lutzill in regem Romanorum Frankf. XXVII.» [die novembris]. «Семь курфюрстовъ избираютъ Генриха графа Люцельбургскаго въ Римскіе короли во Франкфуртѣ 27 ноября».

Миніатюра изъ «*Балдуиновой книги*» (Balduineum)—роскошной рукописной актовой книги *Балдуина Люцельбургскаго*, архіепископа и курфюрста Трирскаго. (Объ этой книгѣ см. выше на стр. 401).

проявленіяхъ. Названія *Гвельфовъ* и *Гибеллиновъ*, давно уже утратившія свой настоящій смыслъ (такъ какъ о династіи Штауфеновъ или «Вайбелинговъ» всѣ давно уже успѣли забыть), обозначали уже только двѣ противуположныя главныя партіи, которыя тутъ и тамъ боролись уже вовсе не за опредѣленные принципы или идеи, а собственно изъ-за обладанія властью—и каждая изъ нихъ, восторжествовавъ, самымъ жестокимъ образомъ старалась воспользоваться плодами своей побѣды. Вожаки побѣжденной партіи должны были немедленно покинуть городъ, какъ изгнанники—banditi—и то значеніе, которое впослѣдствіи пріобрѣло слово *бандитъ*, лучше всего характеризуетъ способъ отмщенія своимъ согражданамъ, избираемый этими изгнанниками. При всемъ томъ, однакоже, нельзя отрицать, что эта горячая борьба изъ-за власти и преобладанія, это естественное соперничество большихъ городовъ, такихъ какъ Пиза и Флоренція, Миланъ, Генуя, Венеція—приводили и здѣсь, какъ въ городахъ древней Греціи, къ страшному напряженію силъ, и тѣмъ самымъ давали мощный толчокъ всему теченію жизни—такъ что этотъ періодъ, по отношенію къ Италіи, ни въ какомъ уже случаѣ нельзя считать періодомъ регресса. Достаточно будетъ здѣсь припомнить, что величайшій, глубокомысленнѣйшій и геніальнѣйшій изъ всѣхъ средневѣковыхъ поэтовъ, *Данте Алигіери*, родился въ 1265 г. во Флоренціи и что вся его жизнь, отъ самой ранней юности, прошла среди борьбы партіи *черныхъ* и партіи *бѣлыхъ*, какъ ихъ называли во Флоренціи. И если въ это время, на вулканической почвѣ Италіи, могло явиться поэтическое произведеніе, подобное Дантовой «Комедіи» *), то надо предположить, что на этой почвѣ дѣйствовали такія силы, которыя должны были проявляться въ людяхъ, одаренныхъ благородными и возвышенными задатками.



Дантъ.
Бронзовый бюстъ XV в. Исполненъ по слѣпку съ лица Данта по смерти его.

Походы Генриха въ Римъ. 1310.

И вотъ такіе-то люди съ грустью и помышляли о печальномъ положеніи своей родины (вышепомянутый великій поэтъ сравниваетъ Италію съ кораблемъ въ жестокую бурю и безъ путеводныхъ звѣздъ), и теперь, когда даже и папство подпало позорной зависимости отъ французской короны—съ надеждою обращали взоры въ сторону германскаго короля, который, по ихъ мнѣнію, могъ быть единственнымъ миротворцемъ и третейскимъ

*) Наименованіе *Божественной Комедіи*, повидимому, дано ей публикою.

Мраморная гробница Генриха VII въ Campo Santo въ Пизѣ.

Произведеніе, вышедшее изъ школы Джіованни Пизано; фигуры апостоловъ на фризѣ исполнялъ Тино-ди-Камайно. Въ высшей степени замѣчательна та совершенно естественная поза, которая придана тѣлу покойнаго, окутанному дорогими одеждами. Въ кругообразныхъ орнаментахъ нижней одежды видны всюду изсѣченные художникомъ Люксембургскіе львы, а въ орнаментахъ верхней мантіи—государственные орлы. Въ надписи, относительно новѣйшей, сказано, между прочимъ, что останки императора лежатъ въ гробницѣ нетлѣнными.

судьею среди бушующей борьбы партій. Многіе изъ благомыслящихъ людей даже поспѣшили войти въ сношенія съ Генрихомъ VII, который именно смотрѣлъ на свою задачу въ Италіи исключительно съ этой идеалистической точки зрѣнія третейскаго судьи. Онъ предавался благороднымъ мечтамъ о томъ, какъ онъ совладаетъ съ этими раздирающими усобицами партій при посредствѣ доброй воли и полнаго безпристрастія. Мечты эти поддерживались отчасти и итальянцами; а самъ папа Климентъ V, несмотря на свое стѣсненное положеніе, относился благосклонно къ замыслу Генриха. Но, увы! королевская мощь въ современной Германіи была не велика, и это особенно ясно видно изъ того ничтожнаго количества войскъ (всего какихъ-нибудь 5,000 человѣкъ), съ какимъ Генрихъ двинулся за Альпы въ октябрѣ 1310 г. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, его походъ въ Италію мало отличался отъ многихъ предшествующихъ походовъ. Вначалѣ все шло довольно складно; Генриху даже удалось устроить нѣчто въ родѣ соглашенія между вожаками двухъ главныхъ партій въ Миланѣ. Однакоже, вскорѣ послѣ того, ненависть взяла верхъ надъ миролюбіемъ и король, конечно, не могъ дѣйствовать иначе, какъ рѣшительно принявъ сторону одной изъ партій и предавъ ей подъ ножъ другую. Онъ поставилъ одного изъ членовъ фамиліи Висконти, Маттео, градоправителемъ въ Миланѣ, украсилъ чело свое знаменитой желѣзной короной, затѣмъ отплылъ изъ Пизы съ 1,300 рыцарями и прибылъ въ Римъ. И здѣсь онъ засталъ въ самомъ разгарѣ борьбу двухъ враждебныхъ партій:—вождемъ одной были Орсини, другой—фамилія Колонна; и здѣсь его пребываніе сопровождалось тревогами и кровавыми схватками, которыя длились въ теченіе всего времени, пока король готовился къ коронованію императорскою короною. Коронованіе это и было наконецъ совершено, по приказанію папы, въ Латеранѣ (іюнь 1312 г.), такъ какъ Ватиканъ и церковь Св. Петра находились во власти партіи, противной императору.

Кончина Генриха. 1313.

Естественнымъ вождемъ гвельфовъ въ Италіи былъ король *Робертъ Неаполитанскій*, противъ котораго Генрихъ и вступилъ въ союзъ съ Фридрихомъ Сицилійскимъ. Надо замѣтить, что гвельфская партія преобладала во Флоренціи, да и во всей Сѣверной Италіи была сильнѣе гибеллиновской; затѣмъ въ дѣла Италіи вмѣшалась и Франція: Филиппъ IV предложилъ Генриху уступить ему Арелатское королевство, обѣщаясь, въ случаѣ уступки, оставаться нейтральнымъ по отношенію къ его дѣйствіямъ въ Италіи. Когда же Генрихъ отказалъ ему въ уступкѣ, то Филиппъ IV, а затѣмъ и папа—оба перешли на сторону враговъ императора, у котораго и войска, и денегъ было слишкомъ мало, чтобы онъ могъ рѣшить борьбу однимъ ударомъ. Между тѣмъ сынъ Генриха *Іоаннъ*, оставленный имъ въ Германіи правителемъ, успѣлъ благополучно утвердиться въ обладаніи Богемскимъ королевскимъ престоломъ, и на сеймѣ, созванномъ Іоанномъ въ началѣ 1313 г. въ Нюренбергѣ, война противъ Роберта Неаполитанскаго была признана общегосударственною войною и рѣшено отправить въ Италію весьма значительныя военныя силы. Господству въ Неаполѣ французской династіи (вообще нелюбимой) грозила большая опасность, и Генрихъ собирался уже, — несмотря на то, что папа грозилъ ему отлу-

ченіемъ отъ Церкви—двинуться въ походъ противъ своего сильнаго врага... Какъ вдругъ, во время похода, въ августѣ 1313 г., въ м. Буонконвенто (Сіеннской области), его постигла смерть на 51-мъ году жизни! По слухамъ онъ былъ отравленъ, и ядъ, будто бы, и данъ былъ ему доминиканцемъ въ причастіи. Смерть его, конечно, избавляла и Флорентинцевъ, и Неаполитанскаго короля отъ большой опасности, и отравленіе во всѣхъ видахъ было въ тогдашней Италіи дѣломъ весьма обычнымъ—однакоже все это, конечно, еще не можетъ быть ручательствомъ за несомнѣнность этого страшнаго факта; но уже и самые слухи и толки такого рода служатъ для насъ указаніемъ на то, что въ этой странѣ яростныхъ и разнузданныхъ страстей «все было возможно», выражаясь словами одного современнаго хрониста. Послѣ смерти Генриха вельфская партія опять получила перевѣсъ. Войско, собранное имъ, разсѣялось: изъ числа нѣмецкихъ солдатъ, такъ-называемыхъ «ольтрамонтани» Генриха, весьма многіе были приняты на службу княземъ Веронскимъ, Каномъ-делла-Скала, важнѣйшимъ изъ гибеллинскихъ вождей, и ко всѣмъ бѣдствіямъ, какія обрушились на Италію, прибавились еще и эти шайки наемниковъ, на которыя опиралась тираннія, вызванная и здѣсь, какъ и въ древней Греціи, гдѣ избыткомъ свободы, а гдѣ и чрезмѣрнымъ высокомѣріемъ господствующей аристократіи.

Гербъ Люксембургскаго дома.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Фамиліи Габсбургъ, Виттельсбахъ, Люксембургъ.—Фридрихъ Красивый и Лудвигъ Баварскій.—Правленіе Лудвига.

(1313—1347).

Габсбурги и Люксембурги.

Такимъ образомъ, неожиданная кончина императора разрушила планъ новаго усиленія германской короны черезъ возобновленіе римскаго имперскаго достоинства. Для Германіи кратковременное царствованіе Генриха VII имѣетъ значеніе лишь въ томъ смыслѣ, что оно выдвинуло въ ряды уже наличныхъ большихъ владѣтельныхъ домовъ еще домъ Люксембургскій, имѣвшій такія же высокія притязанія, какъ и тѣ; вслѣдствіе этого, установленіе наслѣдственной монархіи, уже достигнутое во Франціи, Англіи и государствахъ Пиринейскаго полуострова, или близкое тамъ къ осуществленію, было снова замедлено для Германіи, а борьба знатныхъ фамилій за корону наступала съ удвоенной силою. Изъ пяти сыновей, оставшихся послѣ Альбрехта I, второй, Леопольдъ, превосходилъ другихъ умомъ и энергіею. Онъ хотѣлъ доставить корону своему старшему брату, главѣ дома, Фридриху, съ которымъ былъ тѣсно связанъ истинно братской любовью; этотъ Фридрихъ былъ добрый, лично храбрый, но ограниченный человѣкъ, при этомъ обладавшій величавой наружностью, которая доставила ему прозвище «Красиваго»,—не особенно часто придававшееся членамъ Габсбургскаго дома. Онъ принялъ, на всякій случай, свои мѣры еще до событія 1313 г. Онъ могъ, повидимому, разсчитывать на курфюрста Кёльнскаго, архіепископа Генриха, Рейнскаго пфальцграфа Рудольфа, Саксонскаго герцога Рудольфа и двухъ маркграфовъ Бранденбургскихъ;—слѣдовательно, пять изъ семи избирательныхъ голосовъ были на его сторонѣ. Во главѣ партіи, противной Габсбургамъ, стоялъ Петръ, архіепископъ Майнцскій. Голоса за Триръ и Богемію были въ рукахъ Люксембургскаго дома, такъ какъ архіепископомъ въ этихъ областяхъ былъ братъ покойнаго императора, Балдуинъ. Эта партія не намѣревалась проводить своего собственнаго кандидата, короля Богемскаго, Іоанна; ему было всего семнадцать лѣтъ, но, кромѣ того, онъ не годился уже потому, что былъ сыномъ послѣдняго короля. Поэтому, партія избрала своего кандидата изъ Виттельсбаховъ, именно герцога Верхней Баваріи, Лудвига, только что стяжавшаго себѣ громкую славу блистательнымъ военнымъ дѣломъ,—побѣдою надъ дворянами Нижней Баваріи и ихъ союз-

никомъ, герцогомъ Австрійскимъ, Фридрихомъ. Лудвигъ, съ помощью своихъ городовъ, разбилъ противниковъ при Гамельсдорфѣ (9 ноября 1313). Это былъ государь лично весьма дѣльный, пригодный для своего положенія, но бѣдный, самъ по себѣ не располагавшій большою силою, слѣдовательно, остававшійся въ зависимости отъ своихъ избирателей. Его легко убѣдили въ томъ, что онъ можетъ не сдерживать обѣщанія, даннаго имъ, послѣ битвы при Гамельсдорфѣ, герцогу Фридриху,—товарищу его юности,—обѣщанія поддерживать его, Фридриха, въ притязаніяхъ на корону. Это обѣщаніе, говорили ему, теряетъ свою силу, коли ту же корону пред-

„† Fridericus Dei gracia Romanorum rex semper Augustus".
Королевская печать Фридриха Австрійскаго.

лагаютъ ему самому. Вслѣдствіе этого, произошло двойное и весьма сомнительное избраніе. Въ Саксенгаузенѣ, меньшинство,—Кёльнъ, Пфальцъ Саксонія,—провозгласило королемъ Фридриха; на другой день, по ту сторону Майна, во Франкфуртѣ, большинство,—Майнцъ, Триръ, Бранденбургъ, Богемія,—избрали Людовика. Фридриха короновалъ въ Боннѣ архіепископъ Кёльнскій; Людовика, въ Аахенѣ, архіепископъ Майнцскій,—изъ чего выходило, что надъ первымъ былъ совершенъ обрядъ надлежащимъ лицомъ, но не въ надлежащемъ мѣстѣ, а надъ вторымъ—въ надлежащемъ мѣстѣ, но не надлежащимъ лицомъ.

Междоусобица. Фридрихъ Красивый. Лудвигъ Баварскій.

Это повело къ долголѣтней междоусобной войнѣ, и характерно для времени то обстоятельство, что родной братъ Людовика, пфальцграфъ Рудольфъ, былъ на сторонѣ его противниковъ. Сѣверная Германія почти не принимала участія въ этой войнѣ, обуреваемая другою борьбою: весь Сѣверъ подѣлился на двѣ партіи,—партію нѣмецкой монархіи и датско-славянскую. На сторонѣ послѣдней были сѣверные государи, дома асканскій и вельфскій, короли Польскіе, князья Мекленбургскіе; на другой сторонѣ—маркграфъ Бранденбургскій и нѣкоторые города; споръ вызванъ былъ однимъ изъ нихъ, Штральзундомъ; въ 1316 г., его осадила большая армія союзныхъ князей. Граждане сдѣлали удачную вылазку противъ Саксонскаго герцога Эриха, ближе другихъ подошедшаго къ городу, при чемъ взяли въ плѣнъ его самого и другихъ знатныхъ лицъ. Къ великому посрамленію князей, побѣду эту, при Гайнгольцѣ, одержали надъ ними ремесленники. Но союзникъ городовъ, маркграфъ Бранденбургскій былъ не такъ счастливъ: онъ былъ разбитъ на-голову при Гранзе; при этомъ случаѣ, содѣйствовали побѣдѣ тоже плебейскіе элементы, именно пѣшіе крестьяне, храбро сражавшіеся въ рядахъ противниковъ маркграфа. Заключенный въ Темплинѣ миръ (1317) прервалъ эту рѣзню, но лишь не надолго.

Швейцарія. Битва при Моргартенѣ. 1315 г.

Такое энергическое вмѣшательство демократическаго элемента въ общій ходъ событій, противополагаясь элементу рыцарско-аристократическому, сообщаетъ глубокій интересъ и южно-германской войнѣ, продолжавшейся безъ рѣшительнаго результата восемь лѣтъ. Рыцарство и родовитые горожане были расположены въ пользу Австріи; пріобрѣтавшіе силу городскіе элементы — цехи стояли за Баварію. Города помогали королю Лудвигу, ссужая его кредитомъ и деньгами, въ которыхъ онъ нуждался. Впрочемъ, эта война, которая была причиною неурожая и длившейся три года (1315—1318) дороговизны, вслѣдствіе опустошенія края, не была особенно кровопролитной, благодаря малочисленности армій, а также вслѣдствіе того, что она прерывалась на мѣсяцы, даже на годы, при истощеніи средствъ у противниковъ. Австрійскія войска понесли большое пораженіе въ 1315 г., въ Верхней Алеманіи. Событія, которыя повели къ основанію Швейцарскаго Союза, будучи тенденціозно разсказаны лѣтописцами, послужили потомъ предметомъ не менѣе пристрастной легенды среди побѣдителей, и воплощенныя, наконецъ, въ позднѣйшемъ чудномъ поэтическомъ произведеніи, озарились блескомъ, не утрачивающимъ своего очарованія и даже своей правдивости, несмотря на тщательныя и безпристрастныя изслѣдованія, по которымъ оказывается, что безчеловѣчія австрійскихъ намѣстниковъ были переданы въ сильно искаженномъ и преувеличенномъ видѣ, и что разсказъ о знаменитомъ выстрѣлѣ Вильгельма Телля въ яблоко, а затѣмъ въ самое сердце Габсбургскаго намѣстника,—не болѣе какъ древняя сага сѣвернаго происхожденія, лишь возсозданная съ необыкновенною жизненной силою. Существенно же во всемъ этомъ слѣдующее: и здѣсь уже, въ горахъ, демократическія начала усиленно пролагали себѣ дорогу, несмотря на преобладаніе аристократіи, лэнныхъ владѣтелей и высшаго духовенства, рыцарства и патриціата; среди Альпійскаго міра, въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Фирвальдштэтскому озеру: Швицѣ, Ури и

Рыцарская схватка изъ временъ битвы при Мюльдорфѣ.

Изъ роскошной лицевой рукописи Вильгельма Оранскаго, изготовленной около 1334 г. по заказу ландграфа Генриха Гессенскаго. Рукопись заключаетъ въ себѣ рыцарскій эпосъ; хранится въ Кассельской библіотекѣ.

Миніатюры этого кодекса принадлежатъ къ совершеннѣйшимъ въ этомъ родѣ произведеніямъ средневѣковаго искусства и весьма вѣрно передаютъ одежду, вооруженіе и т. п. бытовыя подробности эпохи.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Печат. въ Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1

Унтервальденѣ, строй жизни былъ демократическій; Рудольфъ Габсбургскій имѣлъ владѣнія въ Верхней Алеманіи; по его смерти, его домъ получилъ наслѣдственныя владѣтельныя права надъ вышеназванными тремя кантонами, и сынъ Рудольфа, Альбрехтъ, замышлялъ соединить эти Габсбургскія земли въ горной Швейцаріи въ одно австрійское княжество; сказанные три кантона, какъ и многія современныя тому общины, въ виду подобнаго австрійскаго плана, или же опасаясь самой его возможности,—заключили между собой «вѣчный союзъ», который и слѣдуетъ признать за возникновнніе «Швейцарскаго Союза» (1291); въ послѣдующее время, Швейцарія оставалась всегда на сторонѣ противниковъ Габсбургскаго дома. Она признала королемъ Лудвига; герцогъ Леопольдъ собралъ (1315) цвѣтъ горнаго дворянства и мелкихъ владѣльцевъ Фирвальдштетскаго округа, образовавъ изъ нихъ блестящее рыцарское воинство, до того увѣренное въ побѣдѣ, что оно запасло даже веревки для связыванія плѣнныхъ. Горцы, числомъ не болѣе 1,300 человѣкъ, вооруженные сѣкирами, стояли на крутомъ склонѣ, спускавшемся къ озеру Эгери, и извѣстномъ подъ названіемъ Моргартена, когда, 15 октября,—на югозападномъ берегу озера, показалось войско, поднимавшееся вверхъ по долинѣ. Крайняя неосторожность, съ которою рыцари вступили въ пересѣченную мѣстность, заставила ихъ потерпѣть полное пораженіе. Битва длилась не долѣе $1^1/_2$ часа; рыцарскій отрядъ былъ разбитъ, одно спасеніе было въ бѣгствѣ, но, не подготовленные къ отступленію, рыцари были большею частью изрублены или сброшены въ озеро. Герцогъ, таившій подъ невзрачной наружностью гордую и честолюбивую душу, едва не былъ убитъ такимъ позоромъ, а побѣда, возбудившая повсемѣстное вниманіе, послужила весьма на пользу Лудвигу. Однако, междоусобица продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ, служа, очевидно, къ общей деморализаціи. За недостаткомъ возвышенныхъ цѣлей, не было и великихъ подвиговъ, великихъ силъ; весьма характерно, напр., то, что три Рейнскіе курфюрста заключили въ Кобленцѣ договоръ (1318), который каждому изъ нихъ предоставлялъ право помогать избранному имъ Римскому королю, подъ условіемъ только: не вредить своимъ союзникамъ...

Битва при Мюльдорфѣ. 1322 г.

Обѣ стороны приготовились къ рѣшительному сраженію лишь въ 1322 г. Фридрихъ велъ съ востока войска, на соединеніе съ войсками, которыя братъ его, Леопольдъ, собралъ въ Швабіи; но, увлекаясь своею рыцарскою отвагой и понадѣявшись на многочисленность своей арміи, онъ имѣлъ неосторожность принять бой на Ампфингерской равнинѣ, близъ городка Мюльдорфа, на лѣвомъ берегу Инна. Онъ былъ не прочь порѣшить дѣло единоборствомъ между вождями, какъ при Гёльгеймѣ, но Лудвигъ, имѣвшій уже болѣе зрѣлыя и практическія идеи насчетъ обязанностей главнокомандующаго, не согласился на это. Битва длилась десять часовъ и участь ее порѣшилъ Нюренбергскій бургграфъ Фридрихъ, изъ дома Гогенцоллерновъ, примкнувшій къ Лудвигу. Онъ сдѣлалъ обходъ, пробудившій на мгновеніе надежду австрійцевъ, принявшихъ сначала его войска за вспомогательный отрядъ Леопольда, ожидавшійся съ такимъ нетерпѣніемъ. Въ числѣ добычи, доставшейся побѣдителю, былъ и самъ анти-король Фридрихъ. Лудвигъ обошелся со своимъ сверстникомъ, то-

варищемъ его дѣтства въ Вѣнѣ, съ тою рыцарской вѣжливостью, которая высоко цѣнилась тогдашнимъ обществомъ. Мѣстомъ его заточенія была назначена крѣпость Трауснитцъ на Иннѣ (1322). Вмѣстѣ съ Фридрихомъ были взяты въ плѣнъ 1,400 его рыцарей. Побѣда при Мюльдорфѣ могла считаться одержанною гражданствомъ, потому что въ арміи Лудвига, благосклоннаго къ горожанамъ и которому особенно была одолжена столица его, Мюнхенъ, находилось много городскихъ представителей, составлявшихъ особыя команды, по цехамъ. Если вѣрить одной старинной былинѣ, воспѣвающей цехи, то все сраженіе было выиграно лишь благодаря мюнхенскимъ пекарямъ.

Завоеваніе Бранденбургской мархіи.

Эта побѣда возвеличила Лудвига на нѣкоторое время и дала ему возможность пріобрѣсть область, въ которой крайне нуждалась корона Виттельсбаховъ въ то время и при могущихъ быть случайностяхъ въ будущемъ. Домъ Асканіевъ, царствовавшій въ Брандебургской мархіи два столѣтія, угасъ съ Вальдемаромъ (1319) или его племянникомъ Генрихомъ (1320); король Лудвигъ могъ теперь отдать эту область въ лэнъ своему 12-лѣтнему сыну Лудвигу. Но относительно всего прочаго, его положеніе было еще весьма затруднительно. Опаснѣйшій изъ его противниковъ, герцогъ Леопольдъ, былъ на свободѣ и властенъ примѣнить, такъ или иначе, свои силы и свою многостороннюю предпріимчивость. Перенесеніе владѣнія мархіей на королевскаго сына было встрѣчено съ неудовольствіемъ люксембургцами, важнѣйшими союзниками Лудвига; поэтому Леопольду было очень легко устроить интригу, въ которую были бы вовлечены Франція и папа. Во Франціи, гдѣ произошла быстрая смѣна правленія (за Филиппомъ IV послѣдовалъ сынъ его, Филиппъ V), царствовалъ тогда Карлъ IV, вступившій на престолъ въ 1322 г., по смерти своего брата, и возобновившій притязанія Филиппа Красиваго на германскую корону; въ то же время папа Іоаннъ XXII, занявшій папскій престолъ послѣ долгаго его пустованія, былъ совершенно на сторонѣ Франціи (съ 1316 г.). Онъ поклялся въ Ліонѣ своимъ избирателямъ, что не осѣдлаетъ животнаго иначе, какъ для возвращенія въ Римъ,—почему и отправился въ Авиньонъ внизъ по Ронѣ, въ галерѣ.

Столкновеніе съ папой.

Столкновеніе произошло еще въ 1323 г. Съ тою беззастѣнчивостью куріальной логики, которая оставалась незыблемою въ теченіе вѣковъ, папа сталъ проводить ту мысль, что клятва, произносимая германскими государями при ихъ вѣнчаніи императорскою короной и состоявшая собственно лишь въ обѣтѣ защищать Церковь отъ ея враговъ, есть *клятва лэнная*, изъ чего Климентъ V выводилъ, что назначеніе представителя правъ на императорскую корону, при опустѣніи германскаго престола, принадлежитъ въ Италіи одному папѣ. Удивляться этому было нечего, и преемникъ Климента отдалъ, сообразно этому воззрѣнію, императорскія права Неаполитанскому королю Роберту, чему воспротивился вождь Гибеллиновъ въ Верхней Италіи, Маттео Висконти, герцогъ Миланскій. Папа Іоаннъ не замедлилъ тогда начать съ нимъ процессъ, какъ съ еретикомъ и «слугою дьявола». Маттео умеръ въ годъ битвы подъ Мюльдорфомъ; восемьсотъ рейтаровъ, посланные Лудвигомъ сыну этого Маттео, Галеаццо Висконти, наслѣдовавшему его власть въ Миланѣ и

снова придавшему силу партіи Гибеллиновъ, послужили поводомъ,—или предлогомъ,—къ новому политико-церковному столкновенію, неизбѣжному при новой формѣ, въ которую облеклись старыя папскія притязанія, но принявшему, во многихъ отношеніяхъ, иной характеръ, нежели прежніе споры. Въ то время, какъ папы, со временъ Генриха IV, находили всегда союзниковъ въ стремившихся къ расширенію власти нѣмецкихъ владѣтеляхъ, Іоаннъ встрѣтилъ теперь скорѣе противниковъ въ этихъ князьяхъ, ставшихъ государями, или почти государями среди своихъ громадныхъ поземельныхъ владѣніяхъ; и если король или императоръ выступилъ нынѣ противъ него, то ратуя за ихъ же интересы и даже болѣе, чѣмъ за свои собственные.

Іоаннъ XXII издалъ въ Авиньонѣ прокламацію, въ которой требовалъ, чтобы Лудвигъ отказался отъ своихъ правъ на главенство въ государствѣ до тѣхъ поръ, пока они не будутъ подтверждены имъ, папою; въ случаѣ сопротивленія онъ, Лудвигъ, и его приверженцы подлежали отлученію. Лудвигъ протестовалъ, доказывая, что папское толкованіе посягаетъ, прежде всего, на право курфюрстовъ. Срокъ, положенный папою, прошелъ, отлученіе было провозглашено; Лудвигъ настоятельно подтвердилъ во Франкфуртѣ свое намѣреніе не отступать, предоставляя рѣшеніе дѣла вселенскому собору (1324).

При возгорѣвшейся борьбѣ Лудвигъ имѣлъ бо̀льшія надежды на успѣхъ, нежели кто-либо изъ прежнихъ нѣмецкихъ королей. Французская интрига не подвигалась впередъ; курфюрсты были мало расположены къ поддержанію кандидатовъ изъ домовъ, привычныхъ къ наслѣдственной власти, и при дипломатическихъ переговорахъ въ Рензе между уполномоченными отъ папы, Французскаго короля, герцога Леопольда и духовныхъ курфюрстовъ, при участіи еще нѣкоторыхъ духовныхъ сановниковъ, предложенія двухъ первыхъ лицъ были отклонены. Братъ архіепископа Майнцскаго, владѣтельный членъ Тевтонскаго ордена, Бертольдъ фонъ-Бухегъ, далъ перевѣсъ въ пользу Лудвига, заявивъ о несогласіи ордена съ папою Іоанномъ XXII, который, при долговременномъ спорѣ ордена съ рижскими архіепископами, рѣшилъ дѣло въ ущербъ рыцарямъ. Еще важнѣе было то, что Лудвигъ нашелъ себѣ союзниковъ въ францисканцахъ, которые ратовали за него среди народа и публицистическимъ путемъ. Спиритуализмъ, идеализмъ направленія этихъ монаховъ представлялъ, самъ по себѣ, очень непріятныя стороны для господствовавшихъ церковныхъ порядковъ. Между этимъ орденомъ и доминиканскимъ шелъ споръ о пониманіи *евангельской нищеты* и предѣлахъ нищенскаго обѣта. Доминиканцы утверждали, что человѣкъ, будь онъ даже и монахъ, все же имѣетъ *право собственности* на безусловно ему необходимое, ежедневно имъ потребляемое, между тѣмъ какъ францисканцы, или наиболѣе строгіе среди ихъ, не допускали никакой подобной уступки въ отношеніи силы ихъ обѣта. Иннокентій IV придумалъ остроумнѣйшій способъ для успокоенія взыскательной совѣсти францисканцевъ и прекращенія спора, принимавшаго по временамъ слишкомъ опасный характеръ: онъ объявилъ святѣйшій престолъ *собственникомъ* всего, что францисканцы употребляли и чѣмъ они *владѣли* для своего непосредственнаго употре-

Францисканцы и король.

бленія (1245). Но идеализмъ не удовлетворялся такимъ удачнымъ исходомъ или обходомъ; и если, какъ говорили то усердные толкователи, самъ Христосъ и апостолы, наши образцы, не имѣли никакой собственности, то такъ-ли поступали ихъ послѣдователи, папы? Какъ относилась къ этому Церковь?.. Вопросъ становился щекотливымъ; до чего не могъ бы онъ довести?.. Соображая это, папа Іоаннъ XXII объявилъ такія воззрѣнія францисканцевъ ересью, и знаменитые богословы и вожди этого ордена, проживавшіе въ Авиньонѣ, поступили благоразумно, удалившись возможно скорѣе изъ предѣловъ непосредственнаго владычества папы. Но орденъ представлялъ собой силу и папскіе громы оказались мало дѣйствительными въ Германіи, гдѣ францисканцы пользовались, вообще, бо̀льшимъ сочувствіемъ, нежели доминиканцы.

Лудвигъ и Габсбурги.

Лудвигъ старался, прежде всего, о примиреніи съ Габсбургами. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ своимъ узникомъ и отпустилъ его на свободу, но Леопольдъ не одобрилъ сдѣлки и потому Фридрихъ воротился въ Трауницъ (1325), несмотря на то, что папа грозилъ ему отлученіемъ за этотъ возвратъ, т. е. за исполненіе даннаго рыцарскаго слова. Вскорѣ Лудвигъ и Фридрихъ, довѣрявшіе другъ другу, какъ въ дни своей юности, согласились на веденіе сообща государственныхъ дѣлъ; во время римскаго похода, при которомъ герцогъ Леопольдъ долженъ былъ сопровождать короля Лудвига, Фридрихъ бралъ на себя управленіе Германіей. Но курфюрсты воспротивились этому договору, заключенному въ Мюнхенѣ (январь 1326); онъ противорѣчилъ, дѣйствительно, простому понятію о королевской власти. Дѣло и не представило, однако, опасности, потому что Леопольдъ умеръ вскорѣ (февраль 1326), достигнувъ лишь 34-лѣтняго возраста, а Фридрихъ, самъ по себѣ незначительный, потерялъ опору, благодаря несогласіямъ, возникшимъ среди самой Габсбургской фамиліи, по проискамъ младшаго брата Фридрихова, Оттона. Папа старался повредить и съ другой стороны ненавидимому имъ королю, отъ котораго ему не удалось еще ничего оттягать: онъ подстрекнулъ Польскаго короля, Владислава Короткаго, вторгнуться въ Бранденбургскую мархію. Двѣ арміи вступили въ область и подвергли ее всѣмъ ужасамъ опустошенія, но добились лишь того, что населеніе примкнуло еще усерднѣе къ Гибеллинамъ. Въ Берлинѣ, гдѣ одинъ изъ чужеземныхъ прелатовъ осмѣлился обнародовать папскій приговоръ объ отлученіи молодого маркграфа и короля, его отца, народъ расправился самосудомъ съ этимъ сановникомъ: сжегъ его передъ Маріинской церковью. Такимъ образомъ, интердиктъ, (воспрещеніе богуслуженія)—самое острое и презрѣннѣйшее орудіе папства, позорящее самую внутреннюю сущность христіанства,—производилъ здѣсь, какъ и во всей остальной Германіи, весьма ничтожное впечатлѣніе: при заносчиво выступавшемъ повсюду демократическомъ духѣ, обнаруживаемомъ городами, обыватели находили средства вынуждать духовенство къ исполненію требъ, а тамъ, гдѣ это не удавалось, обходились, извѣстное время, и безъ обычныхъ церковныхъ обрядовъ. Польское нашествіе, вызвавшее большое негодованіе, послужило косвенно на пользу королю Лудвигу, который и приступилъ, весною 1327 г., къ своему римскому походу, хотя не съ большими силами, но при хорошихъ предзнаменованіяхъ.

Лудвигъ въ Римѣ. Анти-папа.

Армія Лудвига увеличилась тотчасъ же по вступленіи на итальянскую территорію, а въ Миланѣ его встрѣтили послы отъ города Рима, приглашавшіе его туда на коронованіе. Дѣйствительно, онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями римскимъ населеніемъ, которое, съ одной стороны, негодовало на перенесеніе папской резиденціи, а съ другой — умѣло воспользоваться отсутствіемъ папскаго правительства. Лудвигъ вступилъ въ Римъ въ январѣ 1328 г. Глава гибеллиновскаго дворянства, Шіара Колонна, былъ римскимъ городскимъ губернаторомъ, «Capitano», съ подобраннымъ, сообразно духу партіи, городскимъ совѣтомъ, 52 «Conservatori del popolo». Именемъ ихъ, — потому что, какъ говорили они, городу, а никакъ не главѣ Церкви, принадлежитъ право короновать императоровъ,—была возложена на Лудвига, въ соборѣ Св. Петра, но мірскими руками, императорская корона, послѣ чего два епископа, находившіеся подъ интердиктомъ, совершили надъ нимъ обрядъ мѵропомазанія. Такой успѣхъ, какъ будто, совершенно отуманилъ Лудвига, разумъ котораго не соотвѣтствовалъ возраставшимъ задачамъ его царствованія. Называя папу лишь «Іаковомъ изъ Кагора», какъ тотъ называлъ его только «герцогомъ Баварскимъ», онъ прибѣгнулъ къ какому-то воображаемому судебному праву для произнесенія приговора, по которому папа былъ присужденъ къ низложенію за еретичество, симонію, государственную измѣну и всякія еще преступленія, какія только можно было на-скоро

Коронованіе Лудвига Баварскаго въ церкви Св. Петра, въ Римѣ, совершаемое епископомъ Арецкимъ, Гвидо Тарлати ди-Пьетрамале.

Рельефъ на надгробномъ памятникѣ этого епископа въ соборѣ г. Ареццо.

подобрать. Затѣмъ, онъ возвелъ на папскій престолъ одного простого минорита, подъ именемъ Николая V (1328).

Возвращеніе. Смерть Фридриха. 1330.

Но этимъ закончились эти успѣхи. Счастье быстро повернулось. Благодаря цѣлому ряду ошибокъ, онъ оттолкнулъ отъ себя самыхъ выдающихся вожаковъ императорской партіи, какъ, напримѣръ, могущественнѣйшихъ и наиболѣе значительныхъ въ духовномъ отношеніи гибеллинскихъ главарей въ Тосканѣ: Катруччіо Кастракани и Висконти въ Миланѣ; въ Римѣ тоже отъ него отшатнулись, потому что народъ былъ недоволенъ подачкою въ тридцать тысячъ золотыхъ гульденовъ, такъ что Лудвигу пришлось спасаться скорѣе съ такой жгучей почвы, вмѣстѣ съ своимъ папой. Не могло быть и рѣчи о завоевательномъ походѣ на Неаполь, задуманномъ Лудвигомъ въ союзѣ съ Сицилійскимъ королемъ Фридрихомъ. Въ декабрѣ 1329 г. императоръ воротился въ Германію, не успѣвъ основать нигдѣ ничего прочнаго, между тѣмъ какъ анти-папа смиренно заявилъ въ Авиньонѣ о своемъ отреченіи, а въ слѣдующемъ году (1330), послѣ публичнаго покаянія въ своей винѣ, съ выраженіемъ всяческаго раскаянія, былъ принятъ снова въ церковное лоно. Однако, императорскій титулъ — единственная добыча, привезенная изъ итальянскаго похода, былъ вовсе немаловаженъ, а смерть Фридриха, послѣдовавшая въ томъ же году, еще болѣе улучшила положеніе Лудвига. Хотя Фридрихъ, особенно въ послѣдніе годы, не придавалъ своею личностью никакого значенія своему королевскому титулу, все же самое существованіе другого короля тормозило бы дѣятельность Лудвига и могло бы сдѣлаться даже опаснымъ для него. Вообще, обстоятельства складывались благопріятнѣе для императора, нежели для его предшественниковъ. Самый могущественный изъ большихъ нѣмецкихъ домовъ, Люксембургскій, долго оказывалъ ему самую надежную опору. Одинъ изъ главъ этого дома въ то время, архіепископъ Трирскій, Балдуинъ, выдающійся политикъ и столь же замѣчательный правитель своей области, не допустилъ обнародованія папской буллы и оказалъ весьма хорошее вліяніе какъ на Лудвига, такъ и на своего племянника, второго главу Люксембургскаго дома, короля Богемскаго Іоанна. Этотъ послѣдній, высокодаровитый человѣкъ, какъ многіе изъ «Люцельбурговъ», честолюбивый и неспокойный, съумѣлъ утвердить за собой и своимъ домомъ право на наслѣдство послѣ бездѣтнаго герцога Каринтійскаго, Генриха; онъ же принялъ на себя то дѣло, которое не удалось императору въ Италіи, именно роль третейскаго судьи, вооруженнаго нейтральнаго владѣтеля въ разъединенной странѣ, при обращеніи ея часто къ нему съ просьбами, и въ надеждѣ на свое дипломатическое искусство. Онъ мечталъ о соединеніи Моравіи и Богеміи, Каринтіи и Тироля, равно какъ и владѣній въ Италіи въ одно большое территоріальное цѣлое. Но ему тоже не удалось основать прочнаго владычества въ Италіи, несмотря на столь блестящее къ тому начало; онъ скоро возвратился изъ нея, предоставляя довершеніе дѣла своему пятнадцатилѣтнему сыну Карлу. Однако, несмотря на свои завоевательные планы, опасные для дома Виттельсбаховъ, онъ успѣлъ заручиться снова благорасположеніемъ императора. Среди безконечно-разнообразныхъ проектовъ династической политики

этихъ государей, былъ и планъ брака между маркграфомъ Лудвигомъ Бранденбургскимъ и одною изъ дочерей короля Іоанна; императоръ надѣялся при этомъ, что Іоаннъ уладитъ его примиреніе съ папой.

Лудвигъ жаждалъ этого примиренія со всею трусливостью святоши. Столкновеніе съ главою Церкви,—хотя бы, очевидно, этотъ глава Церкви былъ только орудіемъ чисто мірскихъ поползновеній и происковъ,—слишкомъ тяготило этого добродушнаго, но вполнѣ дюжиннаго, тѣлесно и душевно, человѣка, по этому самому полнаго противорѣчій, — что, впрочемъ, было не рѣдкостью среди правящихъ лицъ во всѣ времена. Іоаннъ провелъ его или заставилъ дѣлать то, что хотѣлъ: онъ строилъ разные брачные и честолюбивые планы съ Французскимъ королемъ, а императоръ Лудвигъ, ради примиренія съ Куріей, былъ готовъ даже, въ случаѣ необходимости, отречься отъ короны, которую получилъ-бы тогда другой изъ Виттельсбаховъ, герцогъ Генрихъ Нижне-Баварскій, зять Іоанна. Эта интрига, особенно выгодная для Французскаго короля, была уже въ полномъ ходу, но папа еще колебался; между тѣмъ, постыдный договоръ, по которому все Арелатское королевство съ угодьями должно было отойти къ Франціи, сдѣлался извѣстнымъ, и многіе имперскіе города обратились, по этому поводу, съ запросами къ королю, который отперся отъ всего въ циркулярномъ посланіи къ нимъ (1334), для того, чтобы кинуться потомъ, на время, въ противоположную крайность, согласно политикѣ всѣхъ слабодушныхъ.

Положеніе Лудвига. Съѣздъ князей въ Рензе.

Въ 1335 г. умеръ Генрихъ, герцогъ Тироля и Каринтіи, и его наслѣдіе послужило поводомъ къ ожесточенному спору, при которомъ Лудвигъ и Габсбурги выступили, сначала, противъ Іоанна и его союзниковъ: короля Венгерскаго Карла и нѣкоторыхъ имперскихъ князей. Въ это время Лудвигъ могъ бы примириться съ тѣмъ, что онъ считалъ Церковью: преемникъ враждебнаго ему папы, умершаго въ 1334 г., Бенедиктъ XII, самъ желалъ этого примиренія, потому что тяготился французскими оковами. Однако, новый папа тоже не могъ высказать своего рѣшенія безъ согласія на то Французскаго короля, а императоръ раздражилъ послѣдняго своей колеблющейся и недостойной политикой: при спорѣ, имѣвшемъ, какъ увидимъ ниже, большое значеніе, онъ уговаривался одновременно съ Филиппомъ IV противъ Англійскаго короля Эдуарда III, а съ Эдуардомъ противъ Филиппа. Повторительныя посольства его къ папѣ не принесли результата. Собственно, Лудвигъ и не нуждался въ этомъ примиреніи, потому что общественное мнѣніе въ Германіи стало на его сторону съ самаго начала спора такъ горячо, какъ не бывало еще при прежнихъ императорахъ. Впереди всѣхъ шли имперскіе города, ставшіе въ послѣднія десятилѣтія ареною свѣжей дѣятельности и бодраго стремленія къ прогрессу; они отнимали у клериковъ одну область общественнаго преуспѣянія за другой, вводя во все новые порядки, сообразные съ мірской точкой взгляда. Наступила эпоха, въ которую повсемѣстно завоевывалъ себѣ мѣсто, болѣе или менѣе успѣшно, демократическій элементъ, *цехи*, втиравшіеся въ городское управленіе наряду съ элементомъ аристократическимъ—*родовитостью*. Это было достигнуто уже, такъ или иначе, напр. въ Шпейерѣ (1327—1330), въ Страсбургѣ (1332), въ Ре-

генсбургѣ (1334), въ Базелѣ (1336). Эти города переносили очень спокойно папскій интердиктъ: Цюрихъ, напримѣръ, въ теченіе 17 лѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ прибѣгали и къ устрашенію духовенства, ставя ему на выборъ: «либо пѣть, либо прочь убираться». Въ Эрфуртѣ монаховъ, не соглашавшихся ни пѣть, ни звонить въ колокола, заперли въ монастырѣ и морили голодомъ, пока они не уступили. Но и само духовенство, подчиняясь болѣе и болѣе францисканскимъ идеямъ, возставало противъ папы и это было замѣтно не между однимъ низшимъ клиромъ; вообще, единомыслія въ духовномъ сословіи уже не было. Возникало множество споровъ при избраніяхъ епископовъ,—особенно долго тянулся одинъ изъ-за майнцской каѳедры, между Балдуиномъ Трирскимъ и Генрихомъ (фонъ-Фирнебургъ) Кёльнскимъ; наконецъ, послѣ неудачной попытки къ общему примиренію, сдѣланной нѣкоторыми епископами на съѣздѣ въ Авиньонѣ (1338), въ томъ же году послѣдовала весьма знаменательная мѣра: шесть курфюрстовъ,—всѣ, за исключеніемъ богемскаго,—съѣхались въ прирейнской деревнѣ Рензе и составили декларацію, въ которой оповѣщали всѣхъ о своемъ рѣшеніи не поступаться ни для кого своими избирательными правами. Избранный всѣми курфюрстами, или большинствомъ ихъ, глава государства не долженъ былъ нуждаться въ соизволеніи апостолической каѳедры для исполненія своихъ обязанностей.

Франкфуртская декларація.

Дѣло становилось серьезнымъ для папскаго престола. На съѣздѣ, созванномъ во Франкфуртѣ на Майнѣ и на который явились представители отъ двухъ третей Германіи, приблизительно, Лудвигъ представилъ свое дѣло какъ бы на судъ націи; присутствовавшія духовныя лица выразили то мнѣніе, что имъ, королемъ, сдѣлано все, чего только можно требовать, для удовлетворенія Церкви, и что съ нимъ поступлено крайне несправедливо. Поэтому съѣздъ рѣшилъ возстановить богослуженіе во всей Германіи съ признаніемъ недѣйствительности интердикта; противящіеся этому подлежали карѣ, какъ государственные преступники. Затѣмъ были признаны начала, выработанныя съѣздомъ въ Рензе; вслѣдъ за этимъ, Лудвигъ издалъ (8 августа) декларацію, гласившую о непосредственно-божественномъ происхожденіи королевской власти и о томъ, что избранный всѣми курфюрстами, или большинствомъ ихъ, становился черезъ это, и только черезъ это одно, королемъ и императоромъ. Теорія государственнаго права, которую проводили, за четырнадцать лѣтъ передъ тѣмъ (1324), Марзилій Падуанскій и Іоаннъ Яндунскій въ своемъ общемъ трактатѣ «*Defensor pacis*», признавалась теперь торжественно; черезъ нѣсколько недѣль, при свиданіи императора съ Англійскимъ королемъ Эдуардомъ III, въ Кобленцѣ, она была подтверждена и принята ими въ руководство для общей программы дѣйствій. Этотъ съѣздъ былъ особенно блестящъ: на рыночной площади въ Кобленцѣ, передъ императорскимъ трономъ, стоялъ Англійскій король, принимая грамоты, которыми онъ облекался въ званіе имперскаго намѣстника въ нижне-рейнскихъ провинціяхъ. Противъ сопротивлявшагося духовенства были приняты здѣсь тоже строгія мѣры и въ немъ не замедлилъ обнаружиться расколъ. Обѣ стороны не щадили обоюдныхъ ругательствъ, какъ о томъ имѣется слишкомъ много свидѣтельствъ; но, въ общемъ, преданное правительству ду-

ховенство имѣло перевѣсъ, и это движеніе было такъ сильно, что въ слѣдующемъ году и король Богемскій примкнулъ на дѣлѣ къ программѣ, выработанной въ Рензе (1339).

Къ сожалѣнію, самъ Лудвигъ не удержалъ за собою такого блистательнаго положенія и продолжалъ идти прежней дорогой уступокъ и вымаливаній, стараясь о примиреніи съ папой. Онъ былъ такъ ограниченъ и малодушенъ, что самъ не вѣрилъ въ отважное возвѣщеніе о независимости, которое могло дѣйствительно послужить къ освобожденію всего христіанства или, по крайней мѣрѣ, нѣмецкой націи, отъ ига совершенно извращенной духовной власти. Это было, впрочемъ, еще не послѣднимъ примѣромъ того, какъ лично храбрые государи, въ своей борьбѣ съ исполинскимъ призракомъ папизма, послѣ перваго своего смѣлаго натиска, робѣли и трусливо отступали назадъ. Союзъ съ Эдуардомъ III, столь существенный для Лудвига при этой борьбѣ, поддерживался имъ тоже очень двусмысленно. Никакъ нельзя утверждать, чтобы этому слабохарактерному человѣку не доставало того, что люди называютъ счастьемъ. Въ 1340 г. угасла нижне-баварская линія Виттельсбаховъ съ кончиною десятилѣтняго сына Генриха II, и нижне-баварскіе государственные чины, радуясь случаю, выбрали Лудвига своимъ государемъ. Одновременно съ тѣмъ ему представлялась возможность присоединить и Тироль къ прекраснымъ баварскимъ владѣніямъ, хотя и не вполнѣ безупречнымъ путемъ. Наслѣдница Тироля, Маргарита, дочь герцога Каринтійскаго Генриха, находила основательныя или неосновательныя причины къ жалобамъ на своего супруга Іоанна-Генриха, второго сына Іоаннова, короля Богемскаго, и тайно предлагала императору свою руку его овдовѣвшему сыну, маркграфу Лудвигу. Нежеланіе его взять жену, которая носила прозвище «Толсторожей»,—такая кличка не намекаетъ, конечно, на красоту,—не представило непреодолимаго затрудненія; но были другія препятствія. Іоаннъ-Генрихъ былъ законнымъ супругомъ этой графини Маргариты и княжилъ въ области; къ расторженію брака не было сколько-нибудь подходящаго повода; притомъ, такое расторженіе зависѣло исключительно отъ папы, а получить его, при данныхъ обстоятельствахъ, было рѣшительно невозможно, не говоря уже о церковныхъ препятствіяхъ къ браку между лицами, состоявшими въ третьей или какой-то подобной степени родства, а таково было именно отношеніе предполагаемыхъ жениха и невѣсты. Но въ человѣческой душѣ, и именно въ душѣ слабаго человѣка, уживаются самыя грубыя противорѣчія: тотъ самый государь, который, ради примиренія съ главой Церкви, былъ готовъ снизойти до крайняго униженія, — до отреченія отъ престола,— теперь, изъ династической корысти, не задумался объявить бракъ Маргариты недѣйствительнымъ, и далѣе, въ силу своей императорской власти, нашелъ и родство брачущихся не препятствіемъ. Если бы, значилось въ документѣ, такое родство было преградою по Божескому закону, то и никакой папа, даже никакой ангелъ небесный не могъ бы дать, въ этомъ случаѣ, разрѣшенія; между тѣмъ, папа разрѣшалъ часто подобные браки, изъ чего очевидно, что дѣло касается лишь людского устава, а допускать изъятія изъ такого устава—дѣло императора. Такимъ образомъ, произо-

Пріобрѣтеніе Тироля. 1342.

шло нѣчто неслыханное: съ помощью недовольныхъ люксембургскимъ княземъ дворянъ, онъ былъ изгнанъ изъ Тироля и бракъ его жены состоялся (1342).

Анти-король Карлъ Богемскій.

Безразсудство, съ которымъ Лудвигъ, ради усиленія власти своего дома, присвоилъ себѣ права, принадлежавшія исключительно Церкви, по религіознымъ и правовымъ понятіямъ того времени, снова возбудило противъ него князей. Люксембургскому дому была нанесена тяжкая, непосредственная обида, а разрывъ съ папскимъ престоломъ обострился необдуманнымъ поступкомъ Лудвига, тѣмъ болѣе, что папою состоялъ, по смерти Бенедикта (1342), Климентъ VI, другъ Люксембурговъ. Лудвигъ повернулъ назадъ: императорская заносчивость его смѣнилась смиреніемъ. Но папскія притязанія были направлены уже, грубѣйшимъ образомъ, не столько противъ императорскихъ, сколько противъ княжескихъ интересовъ: церковный споръ вступалъ на новую почву и становился опаснѣе для папства, вступившаго на эту почву въ ослѣпленіи. Князья имѣли основаніе упрекать императора за то, что онъ худо дѣйствовалъ въ ихъ пользу, которая была, съ тѣмъ вмѣстѣ, и пользою государственною, и между ними назрѣвалъ планъ—придать императору въ помощь еще римскаго короля. Вступивъ въ переговоры съ нимъ по этому поводу, они предложили ему Карла, сына короля Богемскаго. Между тѣмъ, счастье не покидало Лудвига. Въ 1345 г., графъ Вильгельмъ IV, владѣвшій Голландіей, Зеландіей, Утрехтомъ, Фрисландіей и Геннегау, палъ въ битвѣ съ Восточными Фризами; съ нимъ кончился родъ графовъ Голландскихъ по мужской линіи, и ближайшей законной наслѣдницей его, любимой населеніемъ, была старшая сестра покойнаго, Маргарита, супруга императора Лудвига, который и предоставилъ ей въ лэнъ владѣнія, оставшіяся послѣ ея брата (1346). Это вызвало полную коалицію его враговъ. Въ апрѣлѣ того же года папа вновь объявилъ Лудвига отлученнымъ отъ Церкви и требовалъ отъ курфюрстовъ избранія новаго главы государства. Пятеро изъ нихъ повиновались, и въ Рензе, отъ имени Саксоніи, Богеміи и трехъ архіепископовъ, былъ избранъ королемъ старшій сынъ Іоанна, Карлъ, маркграфъ Моравскій. Въ числѣ другихъ уступокъ папѣ,—или, вѣрнѣе, тому, кто властвовалъ надъ папою въ данную минуту, Французскому королю,—Карлъ давалъ обѣщаніе отдавать на рѣшеніе папы всѣ споры между Франціей и Германіей, какъ настоящіе, такъ и будущіе. Такое обязательство не тяготило его: подобныя клятвы давались не съ тѣмъ, чтобы ихъ выполнять. Это избраніе мало пошатнуло положеніе Лудвига: Карлъ, папскій король, не могъ даже добиться коронованія. Городъ Аахенъ заперъ передъ нимъ свои ворота; вообще, города стояли за Лудвига, а это было главнымъ дѣломъ въ данную минуту. Несмотря на всю неустойчивость своей политики, Лудвигъ доказывалъ свое расположеніе къ горожанамъ и сдѣлалъ для городского устройства болѣе, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ. На городскомъ съѣздѣ въ Шпейерѣ (сентябрь 1346), городскіе представители высказались весьма опредѣленно въ его пользу и многіе владѣтельные князья, тоже явившіеся на съѣздъ, послѣдовали ихъ примѣру. Нѣмецкая корона укрѣпилась, а пораженіе, понесенное, незадолго передъ тѣмъ, Французами при Креси, въ битвѣ ихъ

Богемскій король Іоаннъ (Люксембургскій) въ полномъ вооруженіи (по его печати, хранящейся въ городскомъ архивѣ Франкфурта на Майнѣ).

На щитѣ его изображенъ польскій орелъ; на значкѣ копья — богемскій двухвостый левъ; на попонѣ коня его нашитъ гербъ съ изображеніемъ льва Люксембургскаго.

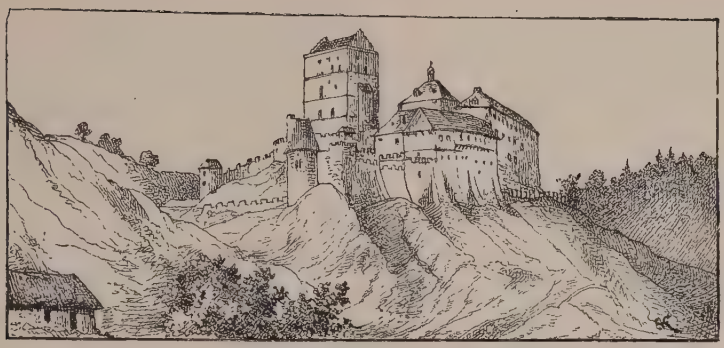
съ Англичанами, при чемъ потерпѣли и Люксембурги, отецъ и сынъ, находившіеся во французскомъ лагерѣ, ослабило, на время, и значеніе короля Карла. Король Іоаннъ, его отецъ, палъ въ сраженіи; самъ Карлъ былъ тяжело раненъ. Счастливо добравшись до своей наслѣдственной области, Богеміи, онъ сталъ готовиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ (1347). Смерть избавила Лудвига отъ необходимости отразить это нападеніе. Охотясь на медвѣдя близъ Мюнхена, онъ былъ сраженъ апоплексіей и скончался, призывая Пресвятую Дѣву, которую чтилъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ германскихъ государей. «Царица сладчайшая... Матерь наша...» произносилъ онъ, умирая (октябрь 1347). Онъ дожилъ до шестидесяти-трехлѣтняго возраста.

Смерть Лудвига. 1347.

Тридцати-четырехлѣтнее царствованіе Лудвига Баварскаго было не безъ значенія для Германіи, несмотря на то, что онъ лично можетъ казаться не подходящимъ къ своему высокому положенію. При его правленіи явно зарождаются новыя времена, хотя самъ онъ мало соотвѣтствуетъ этимъ новымъ временамъ и ихъ міровоззрѣнію, оставаясь непреклонно-вѣрнымъ своимъ прежнимъ религіознымъ понятіямъ и усвоенной набожности. Но повсюду, среди ученыхъ и неученыхъ, въ народѣ и въ знати, проявляется уже новое, рѣшительно антиклерикальное и антипапистское направленіе. Мы уже видѣли, что это движеніе, замѣчаемое

Голова Лудвига Баварскаго, съ изображенія, помѣщеннаго на его гробницѣ въ Мюнхенской церкви Богоматери.

лишь весьма немногими современниками, какъ это обыкновенно бываетъ среди подобныхъ процессовъ, находилось во внутренней связи съ развитіемъ городской жизни въ эту эпоху. Борьба за устроеніе, подобная происходившей подъ разными видами и съ бо̀льшею или мѐньшею силою въ большинствѣ нѣмецкихъ городовъ, съ цѣлью уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, ограниченія обычныхъ сословныхъ привилегій, вызываетъ всегда, какъ по законной необходимости, и нужныхъ бойцовъ на полѣ гражданской битвы; она образовываетъ ихъ. Но, прежде всего, такое движеніе способствуетъ громадному развитію рабочей дѣятельности, промышленности, изгоняя мечтательный, аскетическій, фантастичный взглядъ на жизнь, подобный господствовавшему еще такъ сильно въ предшествовавшихъ поколѣніяхъ,—въ поколѣніяхъ современныхъ Крестовымъ походамъ. Идея государственнаго порядка проложила себѣ путь въ видѣ независимыхъ, автономныхъ городскихъ общинъ, въ которыхъ возродилась, въ духѣ времени, древняя нѣмецкая народная община. Принципъ сообщества, связующій всѣхъ городскихъ обывателей и создающій ихъ «общину», выказалъ здѣсь свою зиждительную государственную силу заключеніемъ союзовъ между городами, ихъ мирными договорами, распространеніемъ правосудія и порядка. Лежавшіе въ развалинахъ за́мки и крѣпости разбойничавшихъ рыцарей свидѣтельствовали уже повсюду о могуществѣ, достигнутомъ этими городскими общинами; но онѣ впервые еще заявили и свою политическую силу въ царствованіе Лудвига. Интриги курфюрстовъ, выставившихъ анти-королемъ Люксембурга, не имѣли успѣха и Лудвигъ продолжалъ спокойно царствовать или, вѣрнѣе, исправлять свою королевскую обязанность, потому что настоящее владычество, разумѣя подъ нимъ центральное, господствующее положеніе среди силъ, двигающихъ народомъ, уже не было болѣе дѣломъ нѣмецкихъ государей. Города стояли за Лудвига, потому что онъ сочувствовалъ городскому сословію и городской жизни, сердечно понимая ихъ нужды, не былъ «королемъ рыцарства», какъ прежніе государи; вслѣдствіе этого, онъ обладалъ могуществомъ, которое придаетъ большое значеніе его личности, въ сущности весьма посредственной.



Старинное изображеніе замка Карльштейнъ (въ Богеміи), любимой резиденціи Карла IV; мѣсто храненія царственныхъ клейнодовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Германія во второй половинѣ XIV столѣтія: короли изъ Люксембургскаго дома: Карлъ IV, Венцеславъ, Сигизмундъ и великія федераціи.—Городскіе союзы и войны: швабско-рейнскій союзъ—Ганза.—Швейцарскій союзъ.

Карлъ IV.

Смерть Лудвига не вызвала никакихъ потрясеній: анти-король — Карлъ IV былъ тотчасъ же признанъ многими за законнаго государя. Онъ былъ еще молодъ, ему шелъ только тридцать первый годъ; раннюю юность свою онъ провелъ при дворѣ Французскаго короля Карла IV, приходившагося ему дядей, и вступилъ скоро въ бракъ съ французскою принцессою Бланшъ Валуа. Его научное образованіе соотвѣтствовало новому духу времени, предъявлявшему правителямъ иныя требованія, нежели въ эпоху Оттона и Карла Великаго. Онъ говорилъ и писалъ на пяти языкахъ; въ противоположность своему отцу, натурѣ неспокойной, воинственной, жаждавшей приключеній, онъ былъ человѣкъ мирный, разумный, послѣдовательный, разсчетливый. Несмотря на то, что у Лудвига осталось шесть сыновей, Виттельсбахи не заявляли притязаній на корону ни для кого изъ своихъ; они выставили только кандидатуру Англійскаго короля Эдуарда III, который и былъ избранъ въ Оберланштейнѣ четырьмя, нѣсколько сомнительными, голосами. Онъ искалъ, впрочемъ, германской короны не ради ея самой, а лишь въ виду тѣхъ выгодъ, которыя она доставила бы ему въ его войнѣ съ Франціей.

Лже-Вальдемаръ; Гюнтеръ фонъ-Шварцбургъ.

Эта кандидатура, однакоже, не имѣла никакого значенія; но за то весьма серьезная опасность для Виттельсбаховъ явилась со стороны весьма смѣлой, хотя и не особенно обдуманной затѣи, при посредствѣ кото-

рой Люксембурги или ихъ партіи задумали выставить имъ противника именно въ самомъ ненадежномъ пунктѣ ихъ сферы владѣнія. Новая власть (съ 1323 года) была тамъ, на Бранденбургской мархіи, не очень любима и еще живы были воспоминанія о прежнемъ Асканіевскомъ княжескомъ домѣ; и вдругъ, въ августѣ 1348 года явился человѣкъ, выдававшій себя за маркграфа Вальдемара. Въ то же время была пущена въ обращеніе исторія такого рода: будто маркграфъ Вальдемаръ, мучимый угрызеніями совѣсти по поводу того, что состоялъ въ слишкомъ близкомъ родствѣ со своею женою, по указанію папы, *incognito* отправился въ Св. Землю и тамъ предался покаянію; это случилось, молъ, довольно давно, 28 лѣтъ тому назадъ, и весь этотъ разсказъ тѣмъ болѣе долженъ былъ представляться невѣроятнымъ, что предосудительный бракъ былъ заключенъ съ папскаго разрѣшенія. Другіе говорили, что мельникъ, по имени Яковъ Рэебокъ, принялъ на себя роль маркграфа Вальдемара, а между тѣмъ, дерзкій самозванецъ благополучно продолжалъ дѣйствовать, тѣмъ болѣе, что многіе изъ знати не стыдились поощрять этотъ обманъ, и Карлъ IV далъ ему даже марку въ лэнъ (въ октябрѣ 1348 г.). Баварская партія сдѣлала соотвѣтствующій этому противный шахматный ходъ, побудивъ одного изъ испытанныхъ приверженцевъ покойнаго императора, графа *Гюнтера фонъ-Шварцбурга*, къ тому, чтобы онъ принялъ на себя неблагодарную роль короля-соперника. Въ іюнѣ 1349 года онъ и дѣйствительно былъ избранъ въ короли во Франкфуртѣ обоими курфюрстами Виттельсбахской партіи, герцогомъ Эрихомъ Саксенъ-Лауенбургскимъ и архіепископомъ майнцскимъ. Но карьера его закончилась очень скоро. Онъ вскорѣ и самъ сталъ тяготиться своимъ положеніемъ и заболѣлъ; оба соперничествующіе дома вступили въ переговоры и оба отказались отъ поддержки выставленныхъ ими кандидатовъ: Гюнтеръ дешево продалъ свою фальшивую корону—за 20,000 марокъ (и расплату съ кредиторами), затѣмъ умеръ, нѣсколько недѣль спустя, естественною смертью. Князья Виттельсбахской партіи признали Карла IV, который, за это, въ свою очередь, низвергъ лже-Вальдемара: назначено было нѣчто въ родѣ разслѣдованія и присяжные выразились очень осторожно, объявивъ, что они—если бы имъ пришлось присягать, настоящій-ли онъ или нѣтъ—скорѣе бы стали присягать въ послѣднемъ. Самъ же самозванецъ не остался въ накладѣ: ангальтская родня Асканіевскаго дома содержала его во всю жизнь, такъ, какъ если бы онъ былъ настоящій князь; по-княжески его и погребли, когда онъ умеръ.

Черная смерть. 1348.

Эти годы, 1348—1350, были отмѣчены ужаснымъ, гибельнымъ бѣдствіемъ, которое ясно выказываетъ намъ, какъ еще безпомощны были въ ту пору люди противъ всѣхъ повальныхъ болѣзней. Страшная болѣзнь, которой гибнущее населеніе недаромъ придало грозное имя *черной смерти*, посѣтила Германію и особенно свирѣпствовала въ ея многолюдныхъ и тѣсно-застроенныхъ городахъ. Находимъ въ современныхъ извѣстіяхъ такія цифры смертности, которыя превосходятъ всѣ наши представленія и на основаніи которыхъ можно предположить, что Германія въ эти годы лишилась почти $1^1/_2$ милліона своего населенія. Соотвѣтственно этому, страшная эпидемія опустошила и сосѣднія страны, прихотливо избирая

Надгробіе Гюнтера фонъ-Шварцбурга въ соборѣ Франкфурта на Майнѣ.

Все надгробіе расписано красками и раззолочено; на связкахъ, которыя держатъ фигуры, изображенныя въ углахъ, начертаны на древне-нѣмецкомъ языкѣ хвалебные покойному стихи.

свои жертвы, набрасываясь на однихъ и обходя другихъ мимо. Этотъ вѣкъ еще не умѣлъ доискиваться естественныхъ причинъ громадной смертности и энергически и разумно противодѣйствовать имъ естественными мѣрами предосторожности. Измученное и разгоряченное воображеніе народа тотчасъ стало искать причину бѣдствія въ отравленіи колодцевъ Евреями, которые и стали жертвою общей ненависти и корысти. Началось повсемѣстно возмутительнѣйшее изъ всѣхъ возмутительныхъ избіеніе Евреевъ, какое когда-либо происходило въ европейскихъ странахъ вообще и въ особенности въ Германіи. Куда ни оглянемся, вездѣ видимъ то же: несчастныхъ жгутъ на кострахъ или зажигаютъ улицы, въ которыхъ они живутъ; иногда и сами Евреи поджигаютъ свои дома, потому что нигдѣ и ни въ чемъ не видятъ себѣ спасенія. Въ иныхъ мѣстахъ у этихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, несчастныхъ пыткой вымучивали показанія, служившія внѣшнимъ поводомъ и побужденіемъ для отвратительныхъ неистовствъ, которыя, конечно, произошли бы и помимо этихъ признаній, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ религіознымъ фанатизмомъ, дѣйствовало въ массѣ и корыстолюбіе, благодаря которому за-одно дѣйствовали и горожане, и дворянство, а мѣстами даже и князья, такъ какъ всѣ они были въ долгу у Евреевъ и въ данномъ случаѣ видѣли удобное средство избавиться отъ своихъ долговыхъ обязательствъ. Буря эта бушевала такъ страшно, что увлекала къ неистовствамъ и болѣе человѣчно настроенныхъ правителей, и разумныя городскія власти, тѣмъ болѣе, что чернь, мѣстами, какъ напр. въ Страсбургѣ, прямо смѣщала тѣхъ представителей власти, которые не тотчасъ выдавали ей намѣченныя народною злобою жертвы, и вымещала свою злобу на имуществѣ этихъ чиновниковъ. Король Карлъ IV вступился въ дѣло, но не съ достаточной энергіей, и не изъ чисто-гуманныхъ побужденій. У него былъ свой интересъ щадить и охранять «*вѣрныхъ слугъ нашей королевской казны*» — такъ называлъ онъ Евреевъ въ своемъ оффиціальномъ актѣ: они собирали ему подати и составляли извѣстнаго рода фондъ, изъ котораго онъ постоянно могъ почерпать. Но, собственно говоря, его власти не хватало на то, чтобы серьезно наказать за совершенныя злодѣйства; однакоже то, что было пощажено ураганомъ разыгравшейся народной стихіи, было снова возстановлено попрежнему въ своихъ правахъ, насколько тутъ могла быть рѣчь о правѣ вообще.

Бичующіеся. Другимъ слѣдствіемъ повальной болѣзни были процессіи «*бичующихся*». Общественное мнѣніе способно было видѣть въ этомъ страшномъ бѣдствіи ничто иное, какъ ниспосланное Богомъ наказаніе, а противъ этого не могло быть никакого иного средства, какъ покаяніе, выражавшееся въ видѣ тягостнаго, грубаго, потрясающаго самоистязанія, которое должно было хотя до нѣкоторой степени соотвѣтствовать ужасной карѣ небесной. Въ Австріи, повидимому, прежде всѣхъ другихъ странъ стали такіе кающіеся сходиться толпами и затѣмъ, въ видѣ длинныхъ шествій, переходить изъ города въ городъ, изъ мѣста въ мѣсто, по всему пространству королевства Германскаго. Современныя городскія хроники даютъ намъ весьма оживленныя описанія этихъ покаянныхъ странствованій, которыя вскорѣ обратились въ истинное бѣдствіе для мѣстныхъ жителей: вотъ

одна изъ такихъ процессій, человѣкъ въ двѣсти, со знаменемъ и свѣчами, съ краснымъ крестомъ, нашитымъ на шляпахъ, тянется по-парно, по направленію къ Страсбургу; тамъ, гдѣ они приближаются къ деревнѣ, начинается громкій перезвонъ колоколовъ; впереди всей процессіи идутъ двое запѣвалъ; той печальной пѣснѣ, которую они распѣваютъ, мало-помалу начинаетъ вторить хоръ. Населеніе села встрѣчаетъ ихъ въ полномъ составѣ, оглядываетъ съ любопытствомъ; они идутъ въ церковь, преклоняютъ тамъ колѣна, и затѣмъ, послѣ краткаго пѣснопѣнія, падаютъ крестомъ наземь. Тогда запѣвалы затягиваютъ надъ ними заунывнымъ и однообразнымъ тономъ:

Воздѣньте руки къ небу,
Просите да отвержетъ Господь великую смертность!
Воздѣньте къ небу руки,
Молите, да сжалится Господь надъ нами.

Бичеваніе они совершали надъ собою дважды въ день. Подъ звуки тѣхъ же заунывныхъ пѣснопѣній выходили они въ поле торжественно процессіей и бичевали себя по обнаженному тѣлу ремнями, къ которымъ на концѣ пришиты были пуговицы или вбиты небольшіе гвозди. Подобныя самоистязанія допускались и современными церковными обычаями, но то возбужденное состояніе, въ которое бичующіеся приводили себя, выражалось иногда въ весьма опасныхъ крайностяхъ. Не только процессіи эти, спустя нѣсколько время, обратились въ весьма удобное прикрытіе для всякаго рода непристойностей и пороковъ, но и привели къ дерзкимъ пререканіямъ съ духовными властями. Бичующіеся, возгордившись, стали относиться къ священникамъ съ пренебреженіемъ, ссылались на откровеніе небесное—на посланіе, будто-бы ниспосланное съ неба: а въ томъ посланіи прописано было во всеобщее свѣдѣніе, что Господь, прогнѣванный грѣховностью міра, хотѣлъ уже окончательно міръ разрушить, и лишь съ великимъ трудомъ далъ умолить Себя «Своей Матери» и своимъ ангеламъ. Когда же духовенство обращалось къ вожакамъ «бичующихся», и спрашивало ихъ, увѣрены-ли они въ подлинности этого посланія, тѣ отвѣчали на эти вопросы злобными сомнѣніями въ подлинности Св. Писанія. Все это привело наконецъ, въ 1349 г., къ папскому запрещенію всякихъ странствованій «бичующихся», и всѣ города перестали впускать къ себѣ ихъ процессіи: тотъ, кто желалъ бичевать себя,—такъ рѣшили городскія власти города Страсбурга—могъ бичевать себя тайно, въ своемъ домѣ, сколько ему угодно.

Золотая булла. 1356.

Для Германіи, въ ея общемъ составѣ, правленіе Карла IV, главнымъ образомъ, было важно по той *конституціи* 1356 г., которая послѣ долгихъ обсужденій на сеймахъ въ Нюренбергѣ и Мецѣ была окончательно оформлена и, по привѣшенной къ ней золотой печати, получила впослѣдствіи названіе «Золотой Буллы».

Не слѣдуетъ забывать, что эта булла, до самаго конца Германской имперіи (въ нынѣшнемъ столѣтіи), составляла основной законъ ея организаціи, ея законнаго строя, а потому и полагала во многихъ отношеніяхъ предѣлъ своеволію. Она устраняла всякое папское участіе при избраніи королей; городамъ воспрещала пріемъ въ среду свою гражданъ

Золотая покрышка на печати Карла IV, съ „Золотой Буллы".

Въ городскомъ архивѣ во Франкфуртѣ на М.

Лицевая сторона ея: императоръ на тронѣ, по обѣ его стороны—гербы: Римской имперіи и королевства Богеміи. Надпись кругомъ: «Karolus quartus divina favente clementia Romanorum imperator semper augustus et Boemiae rex (Карлъ IV по великому Божіему милосердію императоръ преавгустѣйшій и Богеміи король)». *Оборотная сторона*: изображеніе фантастическаго зданія съ надписью: Aurea Roma (Золотой Римъ) Надпись кругомъ: Roma caput mundi regit orbis frena rotundi (Римъ, глава міра—держитъ въ уздѣ всю вселенную)».

извнѣ, а также ограничивала ихъ права на союзы и коалиціи; съ другой стороны были опредѣленно указаны и права князей по отношенію къ различнымъ категоріямъ ихъ подданныхъ. Главнымъ образомъ содержаніе буллы касалось избранія римскихъ королей, а также правъ и преимуществъ курфюрстовъ. Въ ней перечисляются всѣ семеро главныхъ избирателей—три архіепископа, Майнцскій, Кёльнскій и Трирскій, король Богеміи, пфальцграфъ Рейнскій, герцогъ Саксонскій, маркграфъ Бранденбургскій: избраніе рѣшается большинствомъ; на избраніе созываются курфюрсты архіепископомъ Майнцскимъ, мѣсяцъ спустя послѣ кончины императора, а если бы такого созыва не послѣдовало, то они и безъ приглашенія съѣзжаются во Франкфуртъ на М. Избирательныя права курфюрста тѣсно связаны съ его областью, которая, какъ ненарушимое цѣлое, переходитъ въ наслѣдство къ его первенцу, при чемъ всѣ подданные курфюрста, по особой и весьма важной привилегіи ихъ, судятся исключительно въ мѣстныхъ судахъ: въ силу привилегіи *о не вызовѣ* (de non evocando), никто не имѣетъ права апеллировать на рѣшеніе этихъ судовъ въ высшей инстанціи. Курфюрстамъ на пространствѣ ихъ территорій принадлежатъ такъ называемыя «регаліи»—право чеканить монету, право налагать пошлины, право водворять или не водворять у себя евреевъ. Такимъ образомъ, на основаніи этой буллы, они становились полными господами земли своей, и составляли нѣкотораго рода олигархію, которая рѣзко отличалась отъ остальныхъ князей и въ сильнѣйшей сте-

Императоръ Карлъ IV, при коронаціонномъ пиршествѣ, за которымъ ему прислуживаетъ старшій стольникъ (пфальцграфъ Рейнскій) и присутствуетъ духовенство.

Изъ миніатюръ роскошно-иллюстрированной Золотой буллы, первоначально хранившейся въ замкѣ Амбрасъ въ Тиролѣ, а потомъ въ императорско-королевской придворной библіотекѣ въ Вѣнѣ. Копія съ 40 стр. оригинала, въ которомъ роскошные современные рисунки иллюстрируютъ опредѣленія *Золотой буллы*, связывая ихъ съ личностью Карла IV и Венцеслава.

пени возбуждала ихъ зависть. Сверхъ того, булла предписывала главѣ государства ежегодно въ опредѣленные сроки съѣзжаться на собраніе съ курфюрстами, для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ: важнѣйшимъ изъ курфюршествъ, Богемскимъ, владѣлъ самъ Карлъ, и судя по современному положенію дѣлъ, имѣлъ право надѣяться на то, что ему удастся то, что не удалось его предшественникамъ, а именно: удержать императорскую власть въ своемъ домѣ и такимъ образомъ, хотя и при помощи нѣкотораго обхода—черезъ олигархію—создать для Германіи монархію въ лицѣ представителей Люксембургской династіи.

Правленіе Карла въ Богеміи.

Этого монархически-династическаго положенія можно было достигнуть только обладая большимъ личнымъ могуществомъ, сосредоточеннымъ въ рукахъ *одного дома*: на этомъ основаніи установилась монархическая власть нѣсколько позднѣе, 500 лѣтъ спустя. Стремленіемъ къ такому возможно-бо̀льшему и возможно прочнѣйшему единовластію былъ проникнутъ и Карлъ IV, и шелъ къ своей цѣли осторожно, послѣдовательно и разумно, какъ настоящій государственный мужъ, не слишкомъ, впрочемъ, озабочиваясь о нравственномъ значеніи избираемыхъ имъ средствъ. Особенной похвалы заслуживаетъ его управленіе своею наслѣдственною землею, королевствомъ *Богеміей*, горные промыслы которой обезпечивали ему прочное финансовое положеніе. Онъ создалъ здѣсь и порядокъ, и полнѣйшую безопасность при помощи строгаго правосудія; зорко слѣдилъ онъ за постепеннымъ возрастаніемъ народнаго благосостоянія, за виноградарствомъ и плодоводствомъ, за обработкою рудниковъ, за постройкою мостовъ и проведеніемъ дорогъ, за правильной чеканкой монеты, за усовершенствованіемъ городской жизни: вскорѣ его столичный городъ, *Прага*, значительно имъ расширенный, могъ уже тягаться съ любымъ изъ итальянскихъ городовъ и превзошелъ значеніемъ многіе изъ городовъ, по сю сторону Альповъ. Въ особенности къ чести его слѣдуетъ приписать основаніе *Пражскаго университета*, перваго въ предѣлахъ Германской имперіи *), притомъ же основаннаго имъ въ началѣ его правительственной карьеры, въ 1348 г. Одновременно съ этимъ, онъ заботился о постройкѣ моста черезъ Молдаву и о сооруженіи Пражскаго собора — и такое соединеніе заботъ о чисто-матеріальныхъ нуждахъ населенія съ заботами о его духовныхъ стремленіяхъ характеризуетъ въ нашихъ глазахъ Карла IV, какъ правителя весьма замѣчательнаго.

Германія.

Многіе укоряли его за то, что онъ не въ такой степени заботился объ остальной Германіи и какъ бы забросилъ ее; но для того, чтобы заботиться о ней въ равной степени съ Богеміей, онъ долженъ былъ бы имѣть право и Германіей распоряжаться, какъ своею собственностью. Всѣми средствами стремился онъ къ расширенію своихъ личныхъ владѣній, и времена были очень благопріятны въ этомъ отношеніи для правителя мощнаго и умѣлаго, да притомъ еще обладавшаго значительными матеріальными средствами. Въ особенности много способствовала этому расширенію владѣній та рознь и то безпутство, которыя господствовали

*) Авторъ не упоминаетъ, что этотъ новый университетъ былъ основанъ на славянской почвѣ. *Ред.*

въ домѣ Виттельсбаховъ, между тѣмъ какъ онъ самъ шелъ рука-объ-руку со своими братьями Іоанномъ-Генрихомъ и Венцеславомъ. Первый изъ нихъ правилъ Моравіей, какъ лэномъ Богемскаго королевства; второй—родовымъ владѣніемъ дома (нынѣ герцогства) Люксембургскаго. Важнѣйшее изъ родовыхъ владѣній Виттельсбаховъ, марку *Бранденбургскую*, Карлъ понемногу скупалъ у младшаго изъ шести сыновей, своего предшественника Оттона, и, наконецъ, по договору 1373 г. окончательно скупилъ всю, за послѣднюю уплату въ 500,000 гульденовъ золотомъ; надо замѣтить, что нѣкоторая часть этого владѣнія, Нижне-Лужицкая марка, давно уже была поглощена Люксембургомъ. При этомъ съ обычною своею политическою ловкостью, Карлъ съумѣлъ вполнѣ изолировать Виттельсбаховъ, такъ что имъ оставалось лишь одно:—принять условія, предлагаемыя императоромъ; титулъ курфюрста былъ сохраненъ за послѣднимъ изъ маркграфовъ Виттельсбахскаго рода до самой его смерти. Еще легче удалось ему присоединить къ королевству Богемскому *Силезію*, лежащую между Богеміей и маркой Бранденбургской. Еще ранѣе удалось въ значительной степени онѣмечить эту страну, распадавшуюся на 16 болѣе или менѣе слабыхъ королевствъ: еще отецъ Карла IV, пользуясь благопріятными обстоятельствами, уже успѣлъ обратить нѣкоторыя изъ этихъ княжествъ въ Богемскія лэнныя владѣнія, и Карлъ продолжалъ слѣдовать системѣ отца. Рядомъ съ этими болѣе значительными пріобрѣтеніями, Карлъ IV не упускалъ случая увеличивать свои владѣнія во всей Германіи и небольшими клочками—покупкою замковъ и городовъ, графствъ и баронствъ: онъ былъ настолько дальновиденъ, что трудился для будущаго и понималъ, въ какой степени даже и небольшое владѣніе могло быть прибыльнымъ въ рукахъ человѣка власть имущаго. Мало-по-малу онъ распространилъ такимъ образомъ свое владычество на всѣ онѣмеченныя славянскія земли, отъ береговъ Дуная до Балтійскаго взморья,—Богемію, Моравію, Силезію, и Верхне- и Нижне-Лужицкую марку, Бранденбургъ; а въ 1364 г., совершенно въ духѣ того времени, жаднаго до наслѣдованія, заключилъ съ Габсбургскимъ домомъ договоръ, по которому, въ случаѣ вымиранія одного дома, другой—переживший, долженъ былъ унаслѣдовать всѣ владѣнія вымершаго дома. Сближеніе же императора послужило на пользу Габсбурговъ въ томъ отношеніи, что они пріобрѣли Тироль, который Карлъ (послѣ кончины несчастной Маргариты), въ 1369 г., отдалъ въ лэнъ своему зятю, герцогу Рудольфу IV Австрійскому. Такіе брачные союзы были въ ту пору вѣрнымъ связующимъ звеномъ и вообще въ большомъ ходу; въ такой брачный союзъ вступилъ Карлъ и съ домомъ *Гогенцоллерновъ*, тогда только что начинавшимъ пріобрѣтать значеніе: онъ женилъ сына своего Венцеслава на одной изъ Гогенцоллернскихъ принцессъ. Этотъ бракъ былъ вскорѣ расторгнутъ императоромъ, когда ему представился случай женить сына на болѣе видной и выгодной невѣстѣ—наслѣдницѣ Венгерской короны. Мало того, онъ вступалъ даже въ такіе договоры съ князьями, по которымъ бракомъ предполагалъ сочетать между собою дѣтей еще не родившихся, но которыя должны были родиться въ ближайшемъ будущемъ.

Такой политическій дѣятель, какъ Карлъ, могъ пожалуй приняться за Италія.

Миніатюра изъ Золотой Буллы Карла IV: императоръ Карлъ въ царственной одеждѣ; рядомъ съ нимъ сынъ его Венцеславъ и епископы.

разрѣшеніе даже и такихъ задачъ, которыя были постояннымъ камнемъ преткновенія для нѣмецкой государственной мудрости: онъ способенъ былъ извлечь надлежащую пользу и изъ современнаго положенія Италіи. Первый свой походъ въ Италію онъ совершилъ въ 1354 г. Съ большимъ умѣньемъ воспользовался онъ раздорами между папою Иннокентіемъ VI и быстро возраставшимъ въ могуществѣ домомъ Висконти, а также и ихъ обоюдными сторонниками. Онъ повелъ дѣло такъ искусно, что и Висконти не нанесъ ущерба, а папѣ оказалъ существенныя услуги. Въ январѣ 1355 г. онъ овладѣлъ въ Миланѣ Ломбардскою короною и въ тотъ же день покинулъ городъ, въ которомъ больше ужъ и нечего было взять. 5 апрѣля того же года онъ принялъ въ Римѣ императорскую корону изъ рукъ уполномоченныхъ Иннокентіемъ кардиналовъ. Ловко пользуясь запутанными дѣлами Италіи для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, онъ еще умѣлъ всѣхъ вынудить къ уплатѣ ему крупныхъ суммъ за оказываемыя имъ услуги. Въ слѣдующемъ же году онъ сильно опечалилъ папу введеніемъ въ дѣйствіе того государственнаго устройства, которое опиралось на его Золотую буллу, и выказалъ себя очень твердымъ, когда Иннокентій задумалъ было обложить нѣмецкое духовенство чрезвычайными налогами; при его преемникѣ, Урбанѣ V, онъ ближе вдумался въ цѣль возстановленія папской резиденціи въ Римѣ, и тѣмъ самымъ пріобрѣлъ большое значеніе въ глазахъ всѣхъ итальянцевъ: онъ даже обѣщалъ папѣ оказать помощь противъ всѣхъ его враговъ, какъ только воспослѣдуетъ самое возвращеніе его въ Римъ. Связующимъ звеномъ въ цѣлой цѣпи этихъ интригъ, среди которыхъ каждый каждаго старался перехитрить, былъ Карловъ *второй походъ* въ Римъ (1368), во время котораго онъ долгое время пробылъ въ Римѣ съ Урбаномъ V, не испытавъ тѣхъ непріятныхъ впечатлѣній, какія выпадали на долю его предшественниковъ. Онъ

съумѣлъ даже явиться миротворцемъ между папою и его злѣйшимъ врагомъ Барнабо Висконти; когда же послѣдній нарушилъ этотъ только что возстановленный миръ, то императоръ, въ угоду папѣ, осудилъ Барнабо на изгнаніе, но и не думалъ приводить этотъ приговоръ въ исполненіе. Урбанъ въ 1370 г., глубоко опечаленный, вернулся въ Авиньонъ. Онъ тамъ и умеръ въ томъ же году; его преемникъ, Григорій XI, дѣйствительно долженъ былъ рѣшиться на возвращеніе въ Римъ (1377); но вскорѣ изъ-за этого произошли новыя смятенія, которыя способствовали еще большему разъединенію Церкви и повели къ большимъ переворотамъ.

Германія. Ассоціаціи.

Въ теченіе того вѣка, который протекъ со времени междуцарствія, понятіе о такомъ всеобщемъ государственномъ строѣ, въ составъ котораго должна входить каждая отдѣльная сила, успѣло значительно развиться и возрасти; но, конечно, всѣ еще были очень далеки отъ нашего современнаго воззрѣнія на государство, присущаго каждому изъ насъ. Дошли уже до того, что общій внутренній миръ—т. е. государственное благоустройство или нѣчто подобное ему—стали считать нормальнымъ положеніемъ, желательнымъ, долженствующимъ существовать; въ теченіе этого столѣтія порядочно-таки поубавилось и разбойничьихъ замковъ рыцарства: и эти начала государственнаго благоустройства исходили и опирались не на правительство, не на власть князя, короля, императора, а на вполнѣ частную иниціативу—на принципъ свободнаго союза, на *ассоціацію*. Въ этомъ отношеніи XIV в. въ Германіи заслуживаетъ полнаго вниманія. Мы видимъ около 200 городовъ, укрѣпленныхъ, вооруженныхъ, почти самобытныхъ въ своей внутренней жизни, тѣсно-связанными между собою всякаго рода мѣстными союзами, сообразно своимъ частнымъ интересамъ, видимъ ихъ готовыми вынудить и дворянство, и князей духовныхъ и свѣтскихъ къ измѣненію ихъ быта, такъ что ужъ тѣ, наконецъ, начинаютъ искать поддержки своему значенію и могуществу въ ассоціаціяхъ и союзахъ подобныхъ городскимъ. Исторія политики и пріобрѣтеній Карла IV представляетъ намъ не маловажную, но все же незначительную долю поступательныхъ шаговъ Германіи на пути политическаго развитія во второй половинѣ XIV вѣка. Важнѣйшее совершилось безъ его участія или по крайней мѣрѣ такъ, что вліяніе его императорской власти оказывалось лишь косвеннымъ и второстепеннымъ. И въ Сѣверной и въ Южной Германіи во время его правленія произошли многія событія, весьма важныя по своимъ послѣдствіямъ.

Союзъ рейнскихъ городовъ. Ганза.

Всюду на германской территоріи мы видимъ, какъ уже упомянули выше, возникновеніе бо́льшихъ или ме́ньшихъ федерацій городовъ. Мы упоминали уже о большомъ *союзѣ рейнскихъ городовъ*, въ составъ котораго входила бо́льшая часть швабскихъ, франконскихъ, эльзасскихъ, средне-рейнскихъ городовъ: гораздо еще шире раскинулся союзъ нѣкоторыхъ сѣверно-нѣмецкихъ приморскихъ городовъ — Любека, Ростока, Штральзунда,—который, подъ именемъ *Ганзы* *), въ теченіе полувѣка распространился по всей Сѣверной Германіи и даже проникъ глубоко

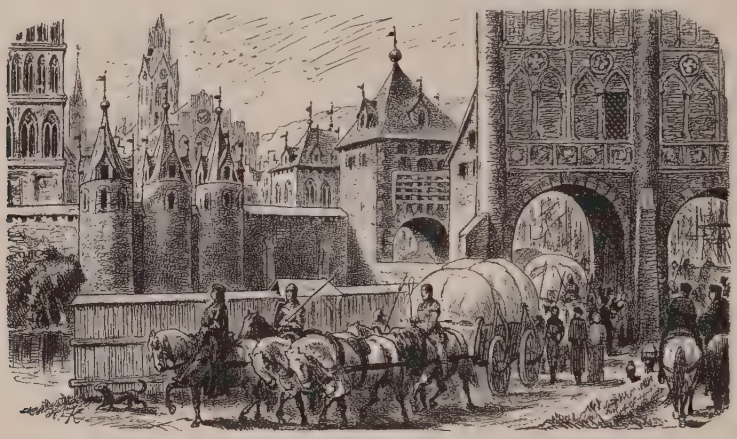
*) Слово *Ганза*—древне-нѣмецкое, встрѣчаемъ въ значеніи: сотоварищество или сообщество.

Ганзейскій военный корабль XIV вѣка.

внутрь ея, отъ Ревеля и Риги до Фландріи, отъ береговъ Балтійскаго моря до Тюрингіи. Первоначально Ганза была чисто-торговымъ товариществомъ и для торговаго ея значенія именно то и было важно, что это предпріятіе осуществилось и дѣйствовало не въ тяжеловѣсной формѣ политическаго тѣла, а въ болѣе свободной, болѣе глубокой и менѣе стѣснительной формѣ торговой ассоціаціи. Такимъ-то путемъ нѣкоторымъ нѣмецкимъ городамъ, даже и нѣкоторымъ торговымъ фирмамъ въ Англіи и въ Скандинавскихъ государствахъ удалось добиться привилегій и выгодъ, которыя впослѣдствіи должны были послужить на пользу всѣхъ участниковъ предпріятія: и это было вызвано цѣлою цѣпью случайностей и успѣховъ, которые проявлялись въ различныхъ формахъ житейской ежедневности и за которыми трудно, почти невозможно, было бы услѣдить. Нѣкоторая организація и кое-какія общія федеративныя нормы были необходимы, такъ какъ во второй половинѣ XIV вѣка въ составъ Ганзы входили гораздо болѣе 80 большихъ и малыхъ общинъ, распадавшихся на *три трети*, уже въ самомъ началѣ царствованія Карла IV: *вендскую треть*, съ *Любекомъ*, въ качествѣ главнаго центра, и городами Нижнесаксонскими, Мекленбургскими, Голштинскими, Померанскими, а также Гамбургомъ и Бременомъ; *вестфальскую треть*, съ главнымъ городомъ Кёльномъ; къ этой трети, кромѣ вестфальскихъ городовъ, относились еще прусскіе: Кульмъ, Эльбингъ, Кёнигсбергъ, Торнъ, Браунбергъ, Данцигъ и нѣкоторые изъ голландскихъ; *нормандская треть* съ городами: Ригою, Ревелемъ, Дерптомъ и Визби на о. Готландѣ. Едва-ли нужно говорить о томъ, что Ганза, воспитывавшая въ каждомъ купцѣ сознаніе силы и собственнаго достоинства, конечно, должна была оказать громадное вліяніе на всю европейскую торговлю вообще, во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Стоитъ только, напр., припомнить, что одною изъ самыхъ

важныхъ отраслей торговли ганзейской была торговля сельдями и что ради закупки сельдей, ежегодно, сотни кораблей сбирались у береговъ *Шонена*, гдѣ одинъ рыбачій станъ становился рядомъ съ другимъ и потому цѣнился каждый квадратный аршинъ берега, разными рыбачьими и торговыми артелями строились и церкви, и часовни, и порядокъ поддерживался строгимъ полицейскимъ надзоромъ и строгимъ правосудіемъ, — а при этомъ удобномъ случаѣ производился обширный торгъ и всѣми иными, не одними только рыбными товарами. Собственно политики Ганза не касалась вовсе; однакоже обширная торговля сама по себѣ уже способствовала въ средѣ Ганзы развитію аристократическихъ и консервативныхъ элементовъ и потому именно въ нихъ не проявлялись демократическія стремленія такъ рѣзко и буйно, какъ въ верхне-нѣмецкихъ городахъ. Напротивъ того, въ нихъ даже проявлялась тенденція къ охраненію стараго, установившагося гражданскаго строя противъ всякихъ возстаній и попытокъ буйства; города, въ которыхъ подобныя попытки проявлялись, были подвергаемы странной мѣрѣ взысканія:—*исключенію изъ состава Ганзы* (Verhansung), вслѣдствіе чего каждый изъ гражданъ города, подвергнутаго этой карѣ, лишался всѣхъ своихъ правъ и преимуществъ въ торговлѣ, и оказывался какъ бы въ положеніи изгнанника. Само-собою разумѣется, однакоже, что у Ганзы, при ея обширно-развитыхъ связяхъ и отношеніяхъ, должна была современемъ явиться своя *«внѣшняя политика»*, и въ область ея входили всѣ государства, на территоріи которыхъ Ганза вела свой торгъ. Такъ напр. въ 1360 г. Ганзѣ пришлось поднять оружіе противъ *датскаго короля Вальдемара IV*, который, несмотря на добрыя отношенія къ городу Любеку, вдругъ напалъ на городъ Визби. «Дай-ка я пойду на этотъ городъ», сказалъ будто бы онъ,—«гдѣ и свиньи изъ серебряныхъ корытъ ѣдятъ». И точно пошелъ, и жестоко разгромилъ городъ, даже не принявъ отъ него того изъявленія покорности, которое городъ готовъ былъ ему принести. Тогда Любекъ и союзные города объявили ему войну, флотъ ганзейскій выступилъ въ море, Гельсингборгъ былъ осажденъ; однакоже князья, состоявшіе въ союзѣ съ ганзейскими городами, очень медленно сбирались, иные изъ нихъ даже измѣнили союзу, и ганзейскій флотъ въ іюлѣ 1362 года потерпѣлъ жестокое пораженіе. Пришлось согласиться на перемиріе, которое однакоже не привело ни къ какому миру, а только къ новымъ замѣшательствамъ и ущербамъ. Необходимо было принять какое-нибудь общее рѣшеніе и въ *Кёльнѣ* былъ созванъ общій ганзейскій сеймъ, весьма бурный. 77 городовъ положили вести войну противъ королей датскаго и норвежскаго, вступившихъ въ союзъ, и со страшною силою обрушились на владѣнія коварнаго Вальдемара IV, который уже заранѣе поспѣшилъ удалиться въ Германію, подъ защиту дружественныхъ ему князей. Ганзейцамъ было оказано лишь весьма слабое сопротивленіе, Копенгагенъ былъ взятъ и ограбленъ, и въ маѣ 1370 года датское правительство заключило съ Ганзою въ Стральзундѣ миръ, очень выгодный для Ганзейцевъ, которые были вознаграждены за всѣ понесенные ими убытки. Это было великимъ торжествомъ для Ганзы. Ея флотъ, созданный свободными усиліями частныхъ людей, явился вдругъ чуть-ли не первою въ Европѣ морскою

силою. И не слѣдуетъ забывать, что въ этихъ событіяхъ на германскомъ Сѣверѣ не принимали никакого участія ни императоръ, ни курфюрсты. Что касается императора, то онъ даже постарался извлечь нѣкоторую пользу и для себя лично, и для экономическаго процвѣтанія своей наслѣдственной страны изъ этого возрастанія мощи Ганзейскаго союза, суще-



Городскія ворота Любека, около 1400 года. По старинному рисунку.

ствованіе котораго, собственно говоря, не согласовалось съ основнымъ положеніемъ его *Золотой Буллы*. Онъ пожелалъ явиться главою и покровителемъ союза. Онъ осыпалъ городъ Любекъ милостивыми рескриптами и даже удостоилъ его чести личнаго посѣщенія, вмѣстѣ съ супругою своею и блестящею свитою высокопоставленныхъ особъ (1375 г.). Онъ былъ принятъ съ рѣдкимъ великолѣпіемъ; цѣлыхъ десять дней продолжались празднества на счетъ богатаго города; но цѣли своей Карлъ IV все же не достигъ, такъ какъ купцы прекрасно умѣли отличать обязанности гостепріимства по отношенію къ высокоименитому гостю отъ своихъ личныхъ торговыхъ выгодъ.

Верхняя Германія. Города. Князья. Рыцари.

Нѣсколько иначе шли дѣла въ *верхне-германскихъ областяхъ*. Здѣсь всюду ремесленные цехи пріобрѣли болѣе или менѣе вліятельное положеніе, да притомъ и постоянная борьба рыцарства противъ сельскаго населенія (при которой крестьяне и бюргеры не разъ наносили пораженіе рыцарству и даже князьямъ) сильно поколебали значеніе дворянства, не только рыцарскаго, но и городского (или патриціанскаго). Бѣднѣющее дворянство съ завистью смотрѣло на возрастающее богатство городовъ. Здѣсь образовался мало-по-малу и даже довольно быстро союзъ швейцарскихъ городовъ, съ *Люцерномъ*, *Цюрихомъ* и *Берномъ* во главѣ, къ которому вскорѣ примкнули и австрійскіе города: *Цугъ* (1352) и *Гларусъ* (1353); и многіе другіе уже изъявляли желаніе къ нимъ примкнуть, такъ какъ воспрещеніе союзовъ и даже воспрещеніе принятія въ города новыхъ вольныхъ поселенцевъ — никѣмъ не принимались во вниманіе, и никого не пугали. За то мѣстами возгоралась жестокая, непримиримая борьба между городами и мѣстными князьями; такъ напр. въ Швабіи,

гдѣ города мѣшали распространенію владѣній быстро возрастающаго дома князей Вюртембергскихъ, наиболѣе энергическій изъ нихъ, *Эбергардъ II*, пользовался всѣми средствами, чтобы повредить городамъ и помѣшать ихъ росту. Само-собою разумѣется, что и города отплачивали ему тѣмъ же, принимая подъ свое покровительство всѣхъ тѣхъ подданныхъ Эбергарда, которые изъявляли желаніе поселиться въ городахъ. Между обоими этими элементами былъ еще третій,—рыцарское дворянство. И это сословіе также должно было уразумѣть, къ чему клонились требованія времени: и они тоже стали между собою вступать въ союзы, образовывать товарищества. Однимъ изъ первыхъ въ числѣ этихъ товариществъ, было товарищество *Св. Мартина*, основанное въ день этого святого, въ 1370 году; за нимъ послѣдовали и другія, и важнѣйшее изъ нихъ «*Львиный союзъ*», учреждено было въ 1379 году въ Висбаденѣ. Эти товарищества въ значительной степени обуздывали рыцарскій задоръ и водворяли миръ среди рыцарства, но нимало не унимали его отъ буйныхъ выходокъ противъ князей и городовъ, чуть только былъ задѣтъ кто-нибудь изъ ихъ среды; однимъ словомъ, у нихъ было принято за правило: уважать только свои права и всюду проводить только свое право—чѣмъ, конечно, они сами произнесли надъ собою приговоръ. Среди всѣхъ этихъ весьма сложныхъ отношеній, императоръ велъ весьма двусмысленную игру: опредѣленно онъ не становился ни на чью сторону. Онъ милостиво поощрялъ города тамъ, гдѣ это ему сулило прямыя выгоды; но онъ равнодушно предоставилъ города эльзасскіе на произволъ судьбы, когда въ 1360 году въ предѣлы ихъ владѣній ворвались скопища отпущенныхъ со службы французскихъ наемниковъ; точно также спокойно отнесся онъ и къ пораженію, которое нанесъ швабскимъ городамъ Эбергардъ Вюртембергскій близъ Ульма (1372 г.), и вступившись въ эти отношенія въ качествѣ миротворца, способствовалъ только заключенію мира, очень невыгоднаго для городовъ.

Битва при Рейтлингенѣ, 1377.

Собственно поводомъ къ разрыву между императоромъ и городами верхне-нѣмецкими послужилъ тотъ планъ, осуществленіемъ котораго онъ занятъ былъ въ послѣдніе годы жизни. Онъ хотѣлъ непремѣнно побудить всѣхъ, еще при жизни своей, къ избранію старшаго сына своего, *Венцеслава* (онъ родился въ 1361 году въ Нюренбергѣ) въ римскіе короли. Ему и дѣйствительно удалось, не пренебрегая никакими средствами, добиться согласія на это со стороны папы (вовсе не нужнаго по новому законоположенію), задобривъ его подарками и смиренными рѣчами, и даже согласія курфюрстовъ, которое Карлъ IV купилъ громадными подкупами и обѣщаніями: при этомъ онъ задумалъ воспользоваться городами и тою откупною системою, которою уже столько разъ и столь многіе злоупотребляли. Такъ какъ отдача нѣкоторыхъ статей дохода въ городахъ на откупъ тому или другому изъ владѣтельныхъ князей угрожала нарушеніемъ свободы и независимости городовъ, то можно было ожидать, что многіе изъ нихъ сами поспѣшатъ внести откупную сумму. Но на этотъ разъ города оказали сопротивленіе. Четырнадцать швабскихъ городовъ заявили, что они только въ томъ случаѣ присягнутъ въ вѣрности (какъ разъ въ это время избранному во Франкфуртѣ) королю Венцеславу, если

Старый замокъ въ Нюренбергѣ. Мѣсто рожденія Венцеслава.

Со стариннаго «Изображенія достохвальнаго города Нюренберга», работы Лаутензака.

они будутъ избавлены отъ вышепомянутаго злоупотребленія. Императоръ рѣшился принудить ихъ силою, двинулся вмѣстѣ съ Эбергардомъ Вюртембергскимъ и другими владѣтельными князьями къ Ульму, но вскорѣ долженъ былъ съ него снять осаду (въ октябрѣ 1376 года); а въ маѣ 1377 года сынъ Эбергарда, Ульрихъ, потерпѣлъ такое тяжкое пораженіе при *Рейтлингенѣ*, что императоръ поспѣшилъ войти въ соглашеніе съ союзомъ городовъ.

Король Венцеславъ. 1378.

Среди этихъ смутъ Карлъ IV скончался въ ноябрѣ 1378 года, въ Прагѣ. Правленіе сына его, *Венцеслава* (1378—1410), наслѣдовавшаго отцу безпрепятственно, отмѣчено было тѣмъ, что при немъ закончилась усиленная борьба городовъ съ владѣтельными князьями,—закончилась, впрочемъ, не при его посредствѣ, такъ какъ онъ относился къ ней скорѣе отрицательно, нежели положительно, и не принималъ въ ней сознательнаго участія. Онъ вступилъ на престолъ 18 лѣтъ: возрастъ не очень надежный для занятія такого высокаго положенія, въ особенности, когда всѣ предшествующіе годы юности были проведены, какъ провелъ ихъ Венцеславъ, подъ строгимъ надзоромъ и среди серьезныхъ политическихъ заботъ. А въ данное время въ положеніи Венцеслава надо было явиться человѣку дѣятельному, неутомимому въ дѣлахъ. Такимъ именно дѣятелемъ былъ его отецъ и ему дѣйствительно удалось достигнуть многаго; а Венцеславъ, напротивъ того, искалъ удовольствій, любилъ спокойствіе и удобства жизни; притомъ онъ со страстью предавался охотѣ, этому благороднѣйшему изъ всѣхъ видовъ праздности. По природѣ своей онъ неспособенъ былъ ни къ прямому и рѣшительному способу дѣйствій, ни къ рѣзкимъ вспышкамъ гнѣва; но это излишнее спокойствіе натуры вскорѣ и поставило его въ ложное положеніе по отношенію къ постоянно враждовавшимъ между собою различнымъ партіямъ въ королевствѣ, такъ какъ онъ поневолѣ обманулъ ихъ своекорыстныя упованія.

Придворныя увеселенія во времена Венцеслава. Охота въ XIV вѣкѣ.

Гипсовый слѣпокъ съ рѣзьбы на слоновой кости, въ Германскомъ музеѣ въ Нюренбергѣ. Участвующія въ охотѣ дамы, по средневѣковому обычаю, держатъ на рукѣ соколовъ; одна кормитъ сокола, другая вабитъ отлетѣвшаго сокола вабиломъ. Стрѣльба производится изъ лука; оленя закалываютъ мечомъ. Ручей, украшенный урной, повидимому, долженъ указывать на то, что охота происходитъ въ паркѣ, а не въ лѣсу.

Союзы внутренняго мира.

При вступленіи Венцеслава на престолъ федерація городовъ въ юго-западной Германіи стояла на высотѣ своего могущества. Въ договорѣ, заключенномъ въ Баденѣ 32 швабскими городами, къ которымъ присоединились и кое-кто изъ князей, выражено было уже полное признаніе *швабскаго союза городовъ* политическою единицею (1381), и это—въ такой моментъ, когда именно началось сближеніе между этой федераціей и Ганзой. Сближеніе это не состоялось, но зато въ томъ же году нѣсколько отдѣльныхъ городскихъ союзовъ слились во-едино, такъ что число участвующихъ въ этомъ общемъ союзѣ городовъ достигло 70; съ удивительною энергіею, хотя и далеко не всегда на законномъ основаніи, города продолжали дѣло уничтоженія рыцарскихъ замковъ. Было совершенно ясно, что рыцарству не подъ силу было съ городами бороться; и весь вопросъ сводился къ тому, гдѣ именно окончится это побѣдоносное шествіе городовъ, такъ какъ воспрещеніе городскихъ союзовъ, провозглашенное Золотою буллою, оставалось по меньшей мѣрѣ мертвою буквою. Опасность этого положенія, въ особенности по отношенію къ владѣтельнымъ князьямъ, ничуть не уменьшалась отъ того, что и рыцари тоже пытались сплотиться въ союзы и отплачивали городамъ зломъ за зло:—эти *рыцарскіе союзы*, всюду возникавшіе въ данное время подъ самыми разнородными наименованіями, должны были представляться князьямъ не менѣе опасными, нежели и городскіе союзы. Пришлось тогда и князьямъ прибѣгнуть къ тому же средству. Въ 1383 г., на сеймѣ въ *Нюренбергѣ*, императоръ, нѣкоторое число владѣтельныхъ князей и всѣ курфюрсты соединились въ *союзъ мира*, на 12-ти-лѣтній срокъ, и императоръ приказалъ, чтобы всѣ приступили къ этому союзу, а отъ всякихъ иныхъ отказались, такъ какъ «общій миръ» долженъ былъ распространяться на всю имперію. Это не повело ни къ чему, и Венцеславу пришлось еще разъ возобновить свой призывъ князей къ союзу, годъ спустя, на новомъ

съѣздѣ въ *Гейдельбергѣ*, и на этотъ разъ на призывъ его откликнулись очень многіе. Подобный союзъ мира оказался какъ нельзя болѣе кстати въ томъ именно смыслѣ, что около того времени (1385 г.) въ *Констанцѣ* состоялся давно ожидаемый и вызывавшій общія опасенія князей союзъ между швабскими и швейцарскими городами (онъ заключалъ въ себѣ 55 швейцарскихъ, швабскихъ и рейнскихъ городскихъ общинъ), главнымъ образомъ направленный противъ возрастающаго могущества Австріи.

Битва при Земпахѣ. 1386.

Однакоже этотъ обширный союзъ оказался далеко не въ такой степени грознымъ, какъ первоначально казался. Когда въ слѣдующемъ, 1386 г., верхне-нѣмецкіе города изготовились къ борьбѣ противъ Габсбурга, то Швейцарцы стали медлить, а когда уже начались непріязненныя дѣйствія между Австріей и Швейцарцами—нѣмецкіе города, въ свою очередь, не выполнили *Констанцскаго договора*,—не подали немедленной помощи; а скорѣе выказали наклонности къ примиренію. Это ободрило смѣлаго герцога австрійскаго Леопольда (VIII) къ тому, чтобы нанести тяжкій ударъ Швейцарцамъ, тѣмъ болѣе, что онъ нашелъ себѣ горячихъ сторонниковъ и союзниковъ среди рейнскихъ рыцарствъ и даже въ средѣ патриціата союзныхъ городовъ, покинувшаго ихъ во время послѣднихъ смутъ. Всего подъ знаменами Леопольда собралось не менѣе 10,000 человѣкъ рыцарей съ ихъ свитою, и настроеніе въ этомъ войскѣ было весьма бодрое и воинственное. Однакоже оказалось, что ихъ свѣдѣнія о непріятелѣ были несовсѣмъ вѣрны: при люцернскомъ городѣ *Земпахѣ*, въ самый полдень жаркаго іюльскаго дня, имъ пришлось принять битву. Такъ какъ биться приходилось съ пѣшею ратью, то рыцари, по своему обычаю, спѣшились, сняли съ обуви своей желѣзные наконечники и образовали изъ себя непроницаемую фалангу, которая отовсюду выдвигала впередъ остріе своихъ копій. Союзное швейцарское войско было значительно менѣе войска рыцарскаго, но, повидимому, лучше подготовлено и удобнѣе вооружено для битвы, въ іюльскій зной, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ рыцарей просто задыхались въ своемъ доспѣхѣ; при этомъ Швейцарцы по древне-германскому обычаю построились *клиномъ*. Долго не удавалось имъ пробить лѣсъ копій; наконецъ,—такъ по крайней мѣрѣ гласитъ преданіе, болѣе или менѣе достовѣрное,—это удалось, благодаря подвигу Унтервальденца, *Арнольда Винкельрида*, который, будучи высокъ ростомъ и силенъ, пожертвовалъ жизнью своей, чтобы пробить фалангу и паденіемъ своимъ проложилъ «дорогу» Швейцарцамъ. Фаланга была разсѣяна; завязалась битва въ одиночку, боецъ противъ бойца, въ которой конечно рыцари были связаны своимъ вооруженіемъ, не приспособленнымъ для одиночнаго, пѣшаго боя, и битва приняла оборотъ весьма неблагопріятный для Австрійцевъ. Многіе изъ рыцарей настаивали, чтобы герцогъ Леопольдъ спасался, но этотъ храбрецъ не пожелалъ и думать объ этомъ; спасая отъ рукъ непріятеля австрійское знамя, герцогъ былъ убитъ. 600 графовъ, бароновъ, рыцарей и ихъ челядинцевъ, и много простыхъ воиновъ покрыли своими тѣлами поле битвы; по другимъ источникамъ, 400 рыцарей и 200 поселянъ пали въ этой битвѣ. И такъ, граждане и крестьяне еще разъ одержали побѣду надъ рыцарскимъ войскомъ. Казалось, наступила минута, весьма благопріятная для того, чтобы окончательно сломить силу дво-

Битва при Земпахѣ: рыцари среди сѣчи. Миніатюра 1385 года, изъ рукописи „Всемірной хроники" Рудольфа Гогенэмскаго, хранящейся въ Кассельской библіотекѣ.

Живо представляетъ намъ тогдашнее весьма тяжелое и неуклюжее рыцарское вооруженіе, состоявшее изъ сплошной брони. и тѣмъ самымъ поясняетъ намъ пораженіе, нанесенное австрійскому рыцарству при Земпахѣ.

рянства и знати во всей Верхней Германіи, а значеніе бюргерства поставить на твердую основу, но этою минутою не успѣли воспользоваться. Городамъ недоставало выдающагося вождя, недоставало единичной воли: легко можетъ быть, что въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ даже и подкупъ, но, какъ бы то ни было, мы знаемъ, что именно со стороны швабскаго союза явились попытки завязать переговоры, попытки посредничества, направленнаго къ примиренію враждующихъ сторонъ. Однимъ словомъ, выказалась старинная, весьма объяснимая неспособность демократіи къ какой бы то ни было широко задуманной внѣшней политикѣ. И вотъ, въ то самое время, когда, по истеченіи перемирія, въ апрѣлѣ 1388 года, Швейцарцы одержали еще другую, гораздо болѣе славную побѣду при *Нэфельсѣ* (въ кантонѣ *Гларусъ*) надъ значительно-превосходившими ихъ въ числѣ австрійскими войсками, послѣдствіемъ чего было заключеніе мира между Габсбургскимъ домомъ и Швейцарцами, въ Цюрихѣ, — на верхне-германскіе города вдругъ обрушилась страшная катастрофа.

Битва при Дёффингенѣ. 1388.

Въ 1387 г. король Венцеславъ, недовольный князьями, сталъ снова заискивать въ сближеніи съ городами, предполагая въ нихъ найти опору своей власти. Его приближенные, на одномъ изъ съѣздовъ, выступили даже и посредниками между князьями и городами, настаивая на продленіи срока Гейдельбергскаго соглашенія. Но тотчасъ же вслѣдъ за этимъ баварскій князь выказалъ себя съ самой дурной стороны:—заманивъ къ себѣ на съѣздъ архіепископа Пилигрина Зальцбургскаго, состоявшаго въ тѣсной связи съ городскими союзами, онъ безчестно захватилъ его въ плѣнъ со всею его свитою. Тогда возгорѣлась война, въ которой города выступили съ одной стороны, а съ другой выступили противъ нихъ графъ Эбергардъ Вюртембергскій, бургграфъ Нюренбергскій Фридрихъ V, маркграфъ Баденскій и многіе изъ знати. Рѣшительная битва произошла при вюртембергской деревнѣ «*Дёффингенъ*» (авг. 1388 г.) и горожане уже склоняли побѣду на свою сторону, когда неожиданная помощь, подоспѣвшая на выручку графу Эбергарду, рѣшила битву. Города потерпѣли страшное пораженіе. Враги разсыпались всюду, все опустошая и грабя,—сумятица поднялась ужасная. Бились всюду и успѣхъ колебался то на ту, то на другую сторону. Наконецъ, эта безконечная усобица всѣмъ надоѣла. По требованію государственныхъ чиновъ и сословій, король Венцеславъ выступилъ защитникомъ порядка и благоустройства государственнаго, и на съѣздѣ въ *Эгерѣ* (май 1389 г.) всѣ частные союзы и коалиціи были еще разъ воспрещены и на мѣсто ихъ учрежденъ общій *союзъ мира*, въ составъ котораго вступили Швабія, Баварія, Франконія и Гессенъ, Тюрингія и верхне-рейнскіе города. Этотъ союзъ, хотя и ничѣмъ не обезпечивалъ общій миръ въ государствѣ, все же нанесъ большой ущербъ значенію городовъ. Единственнымъ осязательнымъ успѣхомъ *Эгерскаго соглашенія* можно было признать то, что въ случаѣ неизбѣжной внутренней усобицы, обѣимъ враждующимъ сторонамъ предписывалось: не касаться церквей и духовенства, не раззорять мельницъ, полей и виноградниковъ, не разрушать дорогъ; всѣ нарушители этихъ положеній должны быть признаваемы разбойниками, а потому и поступлено должно быть съ ними, какъ съ разбойниками.

Эгерскій союзъ мира. 1389.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій этой долгой междоусобной войны и сопровождавшихъ ее опустошеній, было общее финансовое истощеніе и задолженность. Легчайшимъ средствомъ избавленія отъ этого бѣдствія представлялось, конечно, объявленіе общаго банкротства, которое и послѣдовало, сообразно условіямъ и понятіямъ того времени, въ наигрубѣйшей формѣ. Сообразно одному изъ рѣшеній Нюренбергскаго сейма 1390 г. король приказалъ *Евреямъ* (не слѣдуетъ забывать, что, по современнымъ юридическимъ понятіямъ, они и все ихъ имущество составляли собственность казны священной римской имперіи) выдать всѣ находившіеся въ ихъ рукахъ залоги и долговыя обязательства. Само собою разумѣется, что, при этой операціи, на его долю выпала львиная доля барышей; за исключеніемъ города Франкфурта, всѣ были очень довольны такимъ упрощеннымъ способомъ погашенія долговъ, который всѣми, при первой возможности, объяснялся тѣми ростовщическими процентами, которые будто бы взимались Евреями, да и должны были взиматься съ такихъ плательщиковъ. Конечно, Евреи должны были подчиниться правительственному распоряженію, и подчинились: но само собою разумѣется, что немного спустя, послѣ этого финансоваго оборота, дѣла оказались въ томъ же самомъ положеніи, какъ и прежде.

„S(igillum) pacis per d(omi)n(u)m Wentzeslav(um) Romanoru(m) et Boemie rege(m) ordi(n)ate. Печать „союза мира", учрежденнаго королемъ Венцеславомъ.

Между тѣмъ какъ всѣ эти междоусобныя войны положили конецъ политическимъ планамъ, которые были связаны съ городскими федераціями на Югѣ,—на Сѣверѣ дѣла также приняли оборотъ, который въ значительной степени ослабилъ смѣлый и быстрый ходъ развитія ганзейской политики. Споръ изъ-за престолонаслѣдія, въ которомъ выдающаяся роль выпала на долю *Маргариты*, дочери Вальдемара IV, женщины замѣчательно умной—взволновалъ весь сѣверный міръ и внесъ даже разладъ въ самую среду ганзейскихъ городовъ. Союзникъ этихъ городовъ, избранный Шведами въ короли Альбрехтъ Мекленбургскій, въ 1388 г. попался въ руки Маргариты, и только Стокгольмъ не покорялся этой сѣверной Семирамидѣ. Для того, чтобы избавить этотъ тѣснимый Маргаритою городъ отъ опасности, города Ростокъ и Висмаръ выдали отъ себя каперскія свидѣтельства мореходамъ, и это опасное средство повело

Перемѣна на Сѣверѣ.

къ быстрому развитію морского разбойничества въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ морѣ. Пираты—такъ-называемыя «продовольственныя» братства—выполнили свою ближайшую задачу, т. е. снабдили Стокгольмъ жизненными припасами, но нанесли вмѣстѣ съ тѣмъ страшный ущербъ торговому мореходству. Тогда Ростокъ и Висмаръ—въ видѣ кары—подверглись исключенію изъ состава Ганзейскаго союза. А между тѣмъ бѣдствія на морѣ продолжалось даже и послѣ 1395 г., когда король Альбрехтъ былъ освобожденъ: пираты утвердились въ г. Визби, на Готландѣ, и продолжали наводить ужасъ на всѣхъ купцовъ и корабельщиковъ Сѣвера. Наконецъ, уже въ 1397 г. королевѣ Маргаритѣ, супругѣ норвежскаго короля Гакона, удалось въ *Кальмарѣ* скрѣпить три скандинавскія державы въ одинъ общій союзъ, которымъ было поколеблено господствующее положеніе Ганзы на Сѣверѣ. Около того же времени (1386) брачный союзъ литовскаго великаго князя *Ягелло* съ наслѣдницею польской короны, Гедвигой, положилъ предѣлъ дальнѣйшему возрастанію и распространенію Тевтонскаго ордена въ Пруссіи. Само собою разумѣется, что въ теченіе этого періода смутъ и войнъ Сѣверъ не принималъ никакого участія въ развитіи и ростѣ государственнаго строя Германіи.

Трое Люксенбургцевъ.

Тотъ же, весьма низкій уровень общественной нравственности, какой мы уже видимъ въ вышеупомянутой мѣрѣ относительно Евреевъ, проявлялся и въ событіяхъ, напоминающихъ вторую половину правленія короля Венцеслава. Карлъ IV, согласно принятому обычаю, раздѣлилъ огромныя, накопленныя имъ земельныя владѣнія, между своими тремя сыновьями, и притомъ такъ, что старшій, Венцеславъ, получилъ Богемію и Силезію, бо́льшую часть Лужицкой марки, кое-какія мелкія владѣнія, *Сигизмундъ*—марку Бранденбургскую, *Іоаннъ*—остальную часть Лужицкой марки, а Моравія выпала на долю сыновей умершаго Іоанна-Генриха, племянниковъ Венцеслава. Сигизмундъ, наиболѣе способный изъ братьевъ, женился въ 1380 г. на княжнѣ Маріи, дочери Лудвига Великаго, короля Венгерскаго (1324—1382):—послѣ смерти тестя онъ и добился того, что былъ провозглашенъ королемъ Венгерскимъ (1387). Между тѣмъ слабый Венцеславъ ввязался въ нескончаемыя распри и борьбу съ племянниками своими, изъ которыхъ одинъ особенно ловко умѣлъ воспользоваться слабостью его характера и неумѣньемъ ладить со знатью и высшими представителями духовенства. По поводу извѣстнаго злодѣянія, совершеннаго Венцеславомъ—а именно: утопленія достойнаго священнослужителя Яна Непомука въ Молдавѣ—вся богемская знать возстала противъ короля, а къ мятежникамъ примкнули и его племянники, Моравскіе князья. Они даже захватили Венцеслава въ плѣнъ и держали его нѣкоторое время въ заточеніи. Хотя онъ и былъ изъ него избавленъ курфюрстами, по настоянію брата своего Іоанна, однакоже, всѣ должны были прійти къ убѣжденію, что слабому Венцеславу не пристало быть во главѣ государства, въ особенности въ такую пору, когда съ юго-востока на Европу надвигалась серьезная опасность, въ видѣ быстро возрастающаго могущества *Османскихъ Турокъ*, уже наводнившихъ своими полчищами владѣнія Византійской имперіи.

Низложеніе Венцеслава.

Тогда курфюрсты, согласившись между собою и заручившись поддержкою многихъ князей и Майнцскаго архіепископа Іоанна (изъ Нассаускаго

Изображеніе Рупрехта и его супруги, съ ихъ надгробія въ церкви Св. Духа въ Гейдельбергѣ.

На гробницѣ ихъ надпись:

Rupertus Bavariae dux, Comes Rheni Palatinus, Romanorum rex justus, pacis et religionis Amator,
Рупрехтъ, герцогъ Баварскій, пфальцграфъ Рейнскій, правосудный король римскій, мира и благочестія другъ,
dignus Deo visus qui pro justitia pateretur, hujus sacrae aedis, et collegii institutor, hic cum
Богу показавшійся достойнымъ пострадать за правду, основатель сего Св. Храма и коллегіи, покоится здѣсь,
castissima coniuge Elisabetha Norici montis Burgravia quescit; (de)functus anno Christi MCCCCX. Kal.:
со своею добродѣтельнѣйшею супругою Елисаветою, бургграфиней Нюренбергской; скончался въ годъ отъ
Juni XV.
Р. Хр. 1410, въ 15 день передъ календами Іюня (18 Мая).

дома)—рѣшили пригласить короля Венцеслава на княжескій съѣздъ въ *Обсрланштейнъ*, дабы онъ могъ тамъ оправдаться передъ князьями отъ многихъ взводимыхъ на него обвиненій. Когда же онъ на судъ не явился (какъ того и слѣдовало ожидать), то князья объявили его лишеннымъ престола и въ короли былъ избранъ весьма искусственно подготовленнымъ большинствомъ пфальцграфъ *Рупрехтъ III* (январь 1401 г.). Никто изъ братьевъ короля Венцеслава, конечно, не рѣшился выступить въ защиту его, тѣмъ болѣе, что самый могущественный изъ нихъ, Венгерскій король Сигизмундъ въ это время не успѣлъ еще оправиться отъ страшнаго пораженія, которое нанесли ему Турки подъ *Никополемъ* (1396 г.) и которое грозило близкимъ погромомъ всему его королевству.

Правленіе Рупрехта.

Печальное правленіе Рупрехта, въ сущности человѣка весьма способнаго и доброжелательнаго, длилось десять лѣтъ, но не привело ни къ какому результату. По счастью, ни онъ, ни Венцеславъ—не обладали порядочной силой для того, чтобы затѣять настоящую борьбу за обладаніе короной. Затѣмъ, побуждаемый кое-какими упованіями на возможность усиленія своего значенія и власти, Рупрехтъ попытался было двинуться въ Италію за полученіемъ императорской короны, но близъ *Брешіи* не могъ выдержать битвы даже съ наемнымъ войскомъ Іоанна Галеаццо Висконти и вынужденъ былъ вернуться въ Германію, гдѣ уже встрѣтилъ весьма серьезнаго противника, въ лицѣ Сигизмунда. Оправившись нѣсколько отъ понесеннаго имъ пораженія, Сигизмундъ, совладавъ съ нѣкоторыми внутренними неурядицами въ Венгріи, принялся со свойственною ему энергіей за дѣло, близко касавшееся чести его дома. Онъ принялъ на себя бразды правленія въ Богеміи, посадилъ брата своего Венцеслава въ заточеніе, вступилъ въ тѣсныя связи съ Габсбургскимъ домомъ. Вскорѣ король Рупрехтъ утратилъ всякое значеніе въ глазахъ князей; всѣ усилія его—возстановить поколебленный порядокъ во внутреннемъ строѣ Германіи—не приводили ни къ чему... Его же собственные сторонники возстали противъ него, и среди начавшихся смутъ онъ скончался (1410 г.), къ чести его сказать—усиленно занятый заботами объ уплатѣ своихъ личныхъ долговъ.

1410. Три короля. Избраніе Сигизмунда. 1411.

Поднялась невѣроятная сумятица, легко указывавшая на то, что давно уже нуженъ былъ во главѣ правленія человѣкъ умный и властный. Партіи разбушевались до того, что во Франкфуртѣ, на съѣздѣ 1410 г. избрано было разомъ три короля, и всѣ трое изъ Люксенбургской династіи: Венцеславъ, Сигизмундъ, и ихъ племянникъ, одинъ изъ Моравскихъ князей. По счастью, послѣдній изъ этихъ претендентовъ вскорѣ скончался, а братья пришли между собою къ соглашенію, по которому всѣ Люксенбурскія владѣнія, съ Моравіей включительно, были между ними вновь подѣлены, и Сигизмундъ обязался не добиваться, при жизни Венцеслава, римской императорской короны. Къ этому соглашенію присоединились и всѣ курфюрсты и въ іюлѣ 1411 г. *Сигизмундъ* былъ единогласно избранъ въ короли на новомъ Франкфуртскомъ съѣздѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Внѣ-германскія государства до начала XV столѣтія.—Церковныя отношенія.—Джонъ Виклифъ въ Англіи.

Римское государство въ XIV столѣтіи.

Если, при изложеніи исторіи Среднихъ вѣковъ,—разумѣя подъ нею періодъ отъ возникновенія германскаго владычества на итальянской почвѣ и до такъ-называемой нѣмецкой реформаціи,—мы принимаемъ Германію за центръ, а разсматриваемъ прочія земли и народности въ мѣрѣ и степени ихъ тяготѣнія къ ней, то это оправдывается вполнѣ за то время, въ которое Римская имперія осуществляла собою идею связующую воедино всѣ европейскія государства. Нельзя умалять значенія нравственной, цивилизующей силы этой идеи. Она сообщала европейскимъ народамъ чувство солидарности,—общей принадлежности къ одному политическому цѣлому на основѣ христіанской вѣры, поддерживая, съ тѣмъ вмѣстѣ, сознаніе связи съ прошедшимъ, что составляетъ не менѣе важный моментъ и средство для преуспѣянія человѣчества на пути къ высшему духовному развитію. Съ другой стороны, способствовала этому единенію церковная идея, и даже въ болѣе глубоко проникающей степени: благодаря католическому вѣроисповѣданію, всѣ европейскіе народы чувствовали себя чѣмъ-то единымъ и, въ то же время—звеньями цѣпи, тянувшейся изъ отдаленнѣйшихъ вѣковъ. Понятіе о томъ, что императорская корона могла получаться лишь въ Римѣ, и коронованіе могло совершаться лишь высшимъ представителемъ церковнаго единства, имѣло свой хорошій и глубокій смыслъ. Историческія событія предоставили германскимъ королямъ ближайшее право на эту корону, изъ чего истекало ихъ близкое соотношеніе съ Италіей; поэтому, исторія Европы оставалась долгое время продолженіемъ исторіи Римскаго государства,—и это справедливо особенно въ смыслѣ исторіи Германіи.

Но въ ту эпоху, которую мы разбираемъ теперь, было уже не то. Названіе Римской имперіи еще сохранялось; то одинъ, то другой изъ германскихъ королей, правившихъ съ 1273 по 1410 г., получалъ императорскій титулъ обычнымъ порядкомъ; но этотъ титулъ сообщалъ уже лишь достоинство, почетное положеніе, налагалъ извѣстныя почетныя обязательства, не даруя дальнѣйшихъ правъ и могущества. Прочіе короли—уже такіе же государи, какъ и этотъ императоръ. Другія государства: Англія, Франція, Швеція, Польша и пр., успѣли, кто болѣе, кто менѣе, достигнуть дѣйствительнаго государственнаго единства, а на основѣ

его, и національнаго сознанія; иногда, наоборотъ, сильное развитіе этого національнаго чувства способствовало созданію твердаго государственнаго единства. Но Германія и Италія не дорастали до этого, и главная вина тому заключалась именно въ всеобъемлемости притязаній, заявляемыхъ императорствомъ и папствомъ на почвѣ своихъ правъ.

Востокъ. Византійская имперія.

Необходимо, поэтому, взглянуть именно съ этой точки зрѣнія на достиженіе главнѣйшими европейскими народами своей національной государственности,—весьма несовершенной, разумѣется, по нашимъ современнымъ понятіямъ. Старѣйшее изъ тогдашнихъ европейскихъ государствъ, восточно-римское или византійское, имѣетъ здѣсь мало значенія: хотя, порою, казалось, что Крестовымъ походамъ суждено послужить къ сближенію западныхъ народовъ съ христіанскимъ населеніемъ этихъ древнихъ странъ, но, на дѣлѣ, окончательнымъ послѣдствіемъ того было лишь возросшее еще отчужденіе Запада отъ Востока. Въ 1261 г., императоръ Михаилъ VIII вернулся въ Константинополь, слѣдовательно, возвратилъ себѣ корону; старанія его къ возсоединенію съ латинскою церковью, желательному съ извѣстной политической стороны, повели лишь къ бурнымъ вспышкамъ сопротивленія въ средѣ народа и духовенства, и сынъ Михаила, Андроникъ (1282—1328), былъ вынужденъ уничтожить всѣ слѣды этихъ несчастныхъ попытокъ къ сближенію. Въ Малой Азіи, могущество османскихъ турокъ весьма возрастало; населеніе и правительство были уже не въ силахъ противустоять воинственному пылу этихъ варваровъ; а тѣ средства, которыя, по необходимости, были употреблены противъ нихъ, обратились сами во вредъ больному и одряхлѣвшему государственному организму. Итальянскіе и испанскіе наемники византійскихъ императоровъ, извѣстные подъ именемъ «каталанцевъ», навели, дѣйствительно, страхъ на турокъ, подъ начальствомъ своего вождя, Рожера де-Флоръ, но оказались не менѣе грозными и для собственныхъ подданныхъ имперіи. Обыкновенное средство слабыхъ, коварное убійство Рожера и его свиты въ Адріанополѣ (1307), послужило лишь къ тому, что его отряды основали въ Галиполи свое собственное военное или наемницкое государство, умѣя вознаграждать себя вполнѣ за недоплаченное жалованье и за презрѣніе, которое питали къ нимъ жители, обзывавшіе ихъ богохульниками и «варварами». Старые безпорядки продолжались; Андроникъ былъ лишенъ престола (1328) и неудивительно, если уже при его преемникѣ, Андроникѣ III, османы проникли въ Малую Азію и Урканъ, сынъ Османа (1326—1359) укрѣпилъ свое владычество въ Бруссѣ. Пріязнь или вражда османовъ имѣли уже большой вѣсъ въ Византіи. При Мурадѣ I (1360), турки взяли Адріанополь и падишахъ избралъ его своей резиденціей, — назначая столицу, слѣдовательно, уже на европейской землѣ. При наступающей ближе и ближе опасности, Іоаннъ V Палеологъ возобновилъ переговоры съ папой, въ надеждѣ на помощь съ Запада. Онъ отправился лично въ Римъ (1369) и былъ готовъ отступиться отъ догматовъ, признающихъ Св. Духа исходящимъ лишь отъ Отца, а не отъ Отца и Сына, отъ употребленія прѣснаго хлѣба при таинствѣ причащенія и другихъ разногласій, разъединявшихъ восточную Церковь отъ западной. Снова возникла проповѣдь на защиту Креста, но папа не властвовалъ уже попрежнему

надъ умами народовъ; онъ воротился въ Авиньонъ и было уже недалеко то время, когда папское единовластіе,—которое одно поддерживало еще, въ извѣстной степени, связь между западными народами, — должно было ослабѣть, и надолго.

Послѣднимъ подвигомъ Мурада было пораженіе Сербовъ подъ Коссовой (1389). Сынъ его, Баязетъ (1389—1402), продолжалъ его завоеванія. Онъ покорилъ Болгарію, Молдавію и Валахію, Ѳракію, Македонію, усилилъ боевыя средства своего побѣдоноснаго варварскаго народа новымъ войскомъ «іени-чери (янычары)», ставшимъ вскорѣ самою грозною частью его арміи. Строй воинственнаго государства былъ очень простъ: по завоеваніи какой-либо области, она дѣлилась на лэны между вождями, но безъ наслѣдственной передачи, такъ что не создавалось дворянства, которое могло бы стать опаснымъ для абсолютизма владыки. Каждый долженъ былъ начинать съ низшей ступени; но каждый владѣлецъ лэна, каждый «тимаръ», долженъ былъ быть готовымъ къ священной войнѣ; объ обработкѣ земли собственнымъ трудомъ въ покоренной землѣ не могло быть и рѣчи между этими варварскими завоевателями. Все держалось простою военной организаціей. Повелѣніе верховнаго властителя передавалось двумъ беглербеямъ, европейскому и азіатскому; отъ нихъ оно шло къ беямъ санджаковъ, отъ тѣхъ къ алайбеямъ, вождямъ отрядовъ или сіаметамъ, и черезъ нихъ къ отдѣльнымъ начальникамъ (тимарли); всѣ тотчасъ же садились на коней и соединялись въ полчище, являвшееся всесокрушающимъ орудіемъ въ рукахъ верховнаго деспота. Сверхъ того, при главномъ войскѣ находились конные наемники, спаги, и вновь образованная пѣхота, янычары, набиравшаяся изъ отребья рода человѣческаго въ покоренныхъ странахъ. Оторванные съ дѣтства отъ родины, не имѣя съ ней связи, завися единственно отъ милости падишаха, они считали своей родиной только лагерь:—произволъ властителя могъ низвергать ихъ во прахъ или же возвышать до верховнаго достоинства. Османы.

Ближайшей страною, которой угрожалъ теперь царствовавшій султанъ, по прозванію Эль-Деримъ,—Молніеносный, была Венгрія, въ которой, со смертью Андрея III (1301), угасъ родъ Арпада, а новая династія не могла еще утвердиться. Второй король изъ дома Анжу, сынъ Карла-Роберта, Людовикъ Великій, успѣвшій, въ теченіе своего сорока-лѣтняго царствованія (1342—1382), ввести строгій порядокъ и законность въ государственный строй, при чемъ, вообще, королевство процвѣтало, не оставилъ послѣ себя сыновей, и власть досталась, послѣ долгихъ смутъ, мужу его дочери, Сигизмунду Люксембургскому. Ему предстояла тяжелая задача дать отпоръ туркамъ, и онъ обратился, при этомъ, за помощью къ Западу. Дѣйствительно, пробудилось еще разъ нѣчто въ родѣ призыва къ Крестовому походу: отовсюду прибыли рыцари, англійскіе, нѣмецкіе, преимущественно же французскіе и бургундскіе; всѣ они, соединясь съ родосскими іоаннитами и мадьярскими, валахскими, болгарскими и сербскими воинственными племенами, составили общую армію въ 60,000 человѣкъ. Битва произошла близъ крѣпости Никополисъ на правомъ берегу Дуная, которую обложилъ Сигизмундъ. Баязетъ явился къ ней на выручку съ 200,000 арміей, и если французскіе рыцари похвалялись, въ Венгрія. Бой при Никополѣ. 1396.

духѣ кельтійскихъ предковъ своихъ, что смогутъ подпереть своими рыцарскими копьями небо, если-бы стало оно рушиться, то Баязетъ, съ своей стороны, клялся, что обратитъ алтарь Св. Петра, въ Римѣ, въ стойло для своего коня. Западныя войска выказали въ полномъ блескѣ свою храбрость въ этой битвѣ при Никополисѣ (1396). Благодаря рыцарямъ, особенно французскимъ, одна за другою отражались всѣ атаки, даже и произведенная янычарами. Но Баязетъ выдвинулъ свой резервъ, 40,000 человѣкъ, и западныя войска не могли устоять; побѣда осталась за мусульманами; Сигизмундъ, тщетно старавшійся поправить дѣло, самъ спасся съ трудомъ. Между плѣнными попался въ руки турокъ шестнадцатилѣтній оруженосецъ, Гансъ Шильтбергеръ, мюнхенскій уроженецъ, который былъ очевидцемъ страшной кровавой расправы разъяреннаго варварскаго султана съ военноплѣнными; та же участь ждала и юношу, но ему посчастливилось привлечь на себя взглядъ одного изъ принцевъ султанскаго дома, и онъ былъ помилованъ. Послѣ тридцатилѣтней, полной всякихъ приключеній жизни, этотъ пропавшій безъ вѣсти человѣкъ воротился въ Мюнхенъ (1427) и описалъ тогда свои похожденія въ «бусурманщинѣ», на службѣ у султана. Знатные люди выкупались изъ плѣна; черезъ Венгрію потянулись вьючныя животныя съ дарами Карла VI французскаго: тутъ были сокола изъ Норвегіи, тонкія полотна изъ Реймса, ковры изъ Арраса съ затканными на нихъ событіями изъ жизни Александра Великаго; все это везлось въ столицу османскаго владыки. Но дальнѣйшихъ послѣдствій это пораженіе не имѣло, потому что Баязетъ былъ вынужденъ поспѣшить обратно на Востокъ, въ виду грозившей ему тамъ большой опасности, и потому воздержался отъ дальнѣйшихъ завоеваній въ Европѣ.

Королевство Польское.

Среди славянскихъ восточныхъ земель достигло большого могущества королевство Польское. Особенно значительно было здѣсь правленіе Казиміра Великаго (1333—1370), который озаботился защитить сельское населеніе противъ всевластія знати и содѣйствовалъ развитію городской жизни. Но положеніе страны было мало благопріятно для торговли, а нѣмецкій элементъ, которому Казиміръ весьма покровительствовалъ, не могъ укрѣпится здѣсь, вслѣдствіе ненависти поляковъ къ нѣмцамъ; при этомъ, благодаря поддержкѣ князей и плохимъ экономическимъ порядкамъ въ дворянскихъ хозяйствахъ, всюду втерлись евреи, ставшіе помѣхой честному заработку и возможности обезпечить свое существованіе для крестьянъ. Но Казиміру удалось присоединить Галицію или Червонную Русь къ Польшѣ, а въ 1386 году произошло событіе, измѣнившее отношенія государствъ на востокѣ и сѣверо-востокѣ Европы ко вреду Германіи: Казиміру, не оставившему сыновей, наслѣдовалъ (1370) сынъ его сестры, Людовикъ Великій, Венгерскій; послѣ его смерти (1381) дворянство высказалось въ пользу его дочери, Гедвиги, которая была коронована въ Краковѣ (1384), но должна была отказаться отъ брака съ австрійскимъ принцемъ, герцогомъ Вильгельмомъ, въ силу того, что онъ былъ нѣмецъ, и вступила въ бракъ съ язычникомъ, великимъ княземъ Литовскимъ, Ягелло, который, въ благодарность за это, принялъ христіанство со всѣмъ своимъ народомъ.

Тевтонскій орденъ.

Такъ образовалось здѣсь могущественное государство, которое, прежде всего, должно было подавить Тевтонскій орденъ, побѣдоносно проникшій въ эти мѣста. Въ первыя пятьдесятъ лѣтъ послѣ своего прибытія сюда (1226) орденъ велъ тяжелую борьбу съ упорствомъ населенія и съ трудно воздѣлываемою почвою при всѣхъ своихъ стараніяхъ положить здѣсь начало высшей культурѣ. Рыцари получали, при этомъ, лишь случайную помощь отъ монаховъ, переселенцевъ и большихъ или малыхъ владѣльцевъ, которые, при невозможности выполнить свои обѣты личнымъ участіемъ въ Крестовыхъ походахъ, замѣняли странствіе въ Святую Землю другимъ способомъ, въ сущности болѣе полезнымъ. При одномъ изъ такихъ походовъ сюда (1255), прибылъ и Богемскій король Оттокаръ, въ честь котораго былъ основанъ городъ Кёнигсбургъ или Кёнигсбергъ. Въ свитѣ его находился графъ Рудольфъ Габсбургскій,—впослѣдствіи его побѣдитель.

Печать гроссмейстера Тевтонскаго ордена. Изъ Королевскаго тайнаго государственнаго архива въ Берлинѣ.

Рыцари проникали далѣе въ страну, соединясь, съ 1237 г., съ небольшимъ орденомъ того же характера въ Лифляндіи: орденомъ Меченосцевъ. Въ томъ же году, любекскіе горожане основали городъ Эльбингъ. Благоразумные владѣтели областей давали такимъ закладываемымъ городамъ муниципальныя льготы (Кульмское право), и мало-по-малу, видъ страны измѣнялся: вмѣсто луговъ и пустырей появлялись города, церкви, села, обработанныя поля, гавани. Страна раздѣлилась на четыре епархіи, но власть епископовъ не была опасна для ордена, потому что замѣщеніе епископскихъ каѳедръ находилось въ его распоряженіи, и папа, оставаясь верховнымъ лэннымъ владыкою, уважалъ особенности строя этого монашескаго государства. Уже въ половинѣ XIII вѣка рыцари заключили родъ капитуляціи съ большинствомъ туземнаго населенія, поставивъ первымъ условіемъ введеніе христіанства въ странѣ. Каждый благородный пруссакъ могъ быть рыцаремъ, и въ 1283 г., при выселеніи послѣдняго туземнаго вождя въ Литву, борьба закончилась. Весьма важно было рѣшеніе, принятое главнымъ капитуломъ ордена въ Марбургѣ, въ 1309 г., и согласно которому, резиденція гроссмейстера ордена переносилась изъ Венеціи въ Пруссію, становившуюся, такимъ образомъ, мѣстомъ центральнаго управленія учрежденіемъ. Въ сентябрѣ того же года Зигфридъ фонъ-Фёйхтвангенъ, бывшій въ то время гроссмейстеромъ, переселился въ Маріенбургъ. Орденъ занялся здѣсь дѣятельно обработкою земли, которая была раздѣлена на тридцать комтуровъ или административныхъ участковъ; были сдѣланы даже попытки разведенія виноградной лозы на этой неблагодарной почвѣ. Города Кульмъ, Торнъ, Эльбингъ, Данцигъ, служили культурными центрами для окружности; ни крѣпостного права, ни евреевъ

здѣсь не было; благосостояніе страны возрастало, благодаря союзу городовъ съ Ганзою, и самый орденъ, правящая власть, занимался торговлей; но наступали уже времена, въ которыя должны были дать себя почувствовать внутренніе недостатки этого государства воинствующихъ монаховъ, не пустившаго живыхъ корней въ почву страны.

Сѣверъ. Скандинавскія государства. Норвегія.

Главнѣйшимъ моментомъ въ жизни скандинавскихъ государствъ, въ этотъ періодъ, были ихъ взаимныя отношенія и тѣ, въ которыхъ они находились къ нѣмецкой Ганзѣ. Съ развитіемъ культуры возрастало и неравенство владѣнія, знанія и власти, что послужило къ образованію дворянства,—на сколько оно могло, въ частности, образоваться здѣсь, — и затѣмъ возросла власть этого дворянства, каково бы оно ни было. Такъ происходило и въ отдаленнѣйшемъ изъ трехъ государствъ: Норвегіи; но тутъ было лишь придворное и чиновное дворянство, и лэны оставались ненаслѣдственными. Въ придворномъ штатѣ короля Магнуса (1263 — 1280) значатся герцоги, графы, бароны, намѣстники. Этому Магнусу было придано названіе «Законодателя» (Лагабетеръ); при его мирномъ и дѣльномъ правленіи установился государственный строй. Но городской элементъ не имѣлъ большого значенія ни при немъ, ни при его ближайшихъ преемникахъ, Эрихѣ II (—1299), Гаконѣ VII (—1319), Магнусѣ V, Смекѣ(—1350), Гаконѣ VIII(—1380), Олафѣ (—1388). Лежащій въ благопріятной мѣстности, на юго-западномъ берегу, Бергенъ, былъ главнымъ торговымъ городомъ въ странѣ, рѣдко населенной вообще, служившей мѣстожительствомъ свободныхъ поселянъ, и не знавшей болѣе рабства. Норвегія не достигала никогда, въ отдѣльности, особеннаго значенія, такъ что представляется даже не-

Ландграфъ Конрадъ Тюрингенскій († 1241), въ орденской одеждѣ Тевтонскихъ рыцарей. Надгробный камень въ ц. Св. Елисаветы въ Марбургѣ.

обходимость смотрѣть на всѣ эти три сѣверныя государства не иначе, какъ на одно цѣлое. Въ XIV столѣтіи приготовлялось, дѣйствительно, подобное объединеніе, которое могло предоставить возможность этимъ тремъ народностямъ европейскаго Сѣвера, столь схожимъ между собою по своимъ существеннѣйшимъ свойствамъ и положенію, хорошимъ качествамъ и недостаткамъ, впервые получить большій вѣсъ въ общечеловѣческихъ судьбахъ.

Швеція.

Съ кончиною Гакона VII вымеръ древній норвежскій королевскій родъ. Въ это же время, въ Швеціи, Биргеръ, король изъ дома Фолькунгеровъ, враждовавшій съ своими двумя братьями и отплатившій имъ за прежнее предательство, тоже предательски умертвивъ ихъ, былъ изгнанъ изъ королевства противною партіей; спустя два года, сынъ его, наслѣдникъ престола, былъ беззаконно казненъ подъ предлогомъ его участія въ преступленіяхъ отца; не оставалось болѣе никого, кромѣ несовершеннолѣтняго сына одного изъ умерщвленныхъ братьевъ, Магнуса Эрихсона, который считался королемъ уже съ 1319 г. и въ томъ же году унаслѣдовалъ и норвежскую корону, послѣ смерти дѣда своего, Гакона VII. Вначалѣ, въ обѣихъ странахъ были учреждены регентства; самостоятельно править сталъ Магнусъ съ 1333 г. Но Норвегія жаловалась на пренебреженіе его, такъ какъ Магнусъ предпочиталъ Швецію для своего пребыванія; вслѣдствіе этого, онъ назначилъ своего младшаго сына, Гакона, королемъ Норвежскимъ (1350). Этотъ Гаконъ VIII лишилъ престола своего отца (1361) и соединилъ Швецію и Норвегію подъ своею властью на короткое время; потомъ онъ снова помирился съ отцомъ. Въ 1363 г., другая партія, въ Стокгольмѣ, избрала въ короли герцога Альбрехта Мекленбургскаго, который продержался тоже нѣкоторое время.

Данія. Кальмарская Унія. 1397.

Третье государство, Данія, имѣло болѣе непосредственное значеніе для прочей европейской исторіи, преимущественно же для германской. Мы знаемъ уже о столкновеніяхъ Даніи съ нѣмецкой Ганзой, объ ея счастливой и несчастливой войнѣ, и о мирѣ, заключенномъ въ 1371 г. и знаменующемъ собою высшій расцвѣтъ ганзейскаго могущества. Въ 1363 г., Вальдемаръ IV выдалъ свою одиннадцатилѣтнюю дочь, Маргариту, за Гакона Норвежскаго. Этой женщинѣ удалось—хотя тоже не надолго—составить федерацію или союзъ трехъ народностей. Вальдемаръ IV умеръ въ 1378 г., послѣ шестидесятилѣтней жизни, обильной смѣлыми замыслами и весьма искусными проектами, тревожно-дѣятельной, но, въ сущности, совершенно безплодной. Государство раздѣлилось на Мекленбургскую и Норвежскую партіи. Королемъ былъ избранъ Олуфъ, сынъ Гакона и Маргариты, которая была назначена регентшей; Ганза признала Олуфа за Датскаго короля. Въ 1380 г. умеръ его отецъ, Гаконъ, король Норвежскій; Олуфъ получилъ его корону; онъ сталъ подписываться: «Король Даніи и Норвегіи и дѣйствительный наслѣдникъ шведскаго престола», но умеръ въ 1387 г., не достигнувъ еще совершеннолѣтія,—ему шелъ семнадцатый годъ. Королева Маргарита, заявившая себя хорошей регентшей, была признана въ обоихъ королевствахъ «княгинею и основательницею государства», безъ королевскаго титула, который былъ опущенъ. Она повела войну съ Альбрехтомъ Мекленбургскимъ, королемъ Шведскимъ, который потерпѣлъ пораженіе при Фалькопингѣ (1389), былъ

взятъ въ плѣнъ и просидѣлъ семь лѣтъ въ Линдгольмской тюрьмѣ. Но Стокгольмъ долго сопротивлялся королевѣ и, какъ мы уже видѣли, Мекленбургскіе герцоги и города Висмаръ и Ростокъ вызвали, при этомъ случаѣ, позорныя и пагубныя безчинства пиратовъ. Король Альбрехтъ былъ освобожденъ въ 1395 г., благодаря посредничеству Ганзы. И тогда Маргарита достигла, безъ дальнѣйшихъ затрудненій, высокой цѣли, къ которой стремилась,—соединенія трехъ сѣверныхъ государствъ. Она хотѣла утвердить наслѣдіе всѣхъ ихъ за дѣтьми своей племянницы Маріи, супруги одного Померанскаго герцога; въ Даніи и Норвегіи былъ признанъ будущимъ королемъ ея внучатный племянникъ, четырнадцатилѣтній Эрихъ. То же произошло и въ Швеціи: въ шведскомъ городѣ Кальмарѣ (Смеландъ) были созваны на сеймъ чины всѣхъ трехъ королевствъ, и здѣсь (1397) былъ заключенъ знаменитый договоръ о соединеніи, согласно которому всѣми тремя государствами долженъ былъ править одинъ король, при чемъ, однако, каждое изъ нихъ сохраняло свои законы и свое судебное право. Всякая вражда между тремя королевствами прекращалась; иностранныя сношенія и войны велись сообща; общимъ было тоже избраніе короля, но оно должно было ограничиваться королевскими сыновьями; въ случаѣ, если король умиралъ бездѣтнымъ, мѣсто его заступалъ «достойнѣйшій», по общему выбору.

Въ этомъ документѣ значилась большая держава отъ Ледовитаго моря и до Одера; такимъ образомъ, здѣсь расширенію Германіи былъ положенъ предѣлъ, подобно тому, какъ и на ея восточныхъ границахъ.

Западныя государства. Франція.

Въ числѣ государствъ Западной Европы, мы можемъ не упоминать пока о находившихся на Пиринейскомъ полуостровѣ, потому что они заняли самостоятельное положеніе въ ходѣ историческихъ событій лишь въ XV столѣтіи. Но прежде, нежели приступимъ къ описанію великихъ событій этого столѣтія, необходимо указать на развитіе Англійскаго и Французскаго государствъ, оказавшихъ большое вліяніе на ходъ всемірной исторіи, а въ особенности—на знаменательное направленіе, принятое церковными дѣлами.

Филиппъ Красивый и орденъ Тампліеровъ.

Идея національнаго государства нашла ревностнаго поборника, какъ мы уже видѣли, въ томъ Филиппѣ Красивомъ, о столкновеніи котораго съ папой Бонифаціемъ VIII было разсказано выше. Вслѣдствіе этой борьбы, ему удалось овладѣть, нѣкоторымъ образомъ, самимъ папствомъ, и папа Климентъ V, возведенный имъ въ папы и долго пребывавшій во Франціи, служилъ ему орудіемъ противъ могущественнаго и богатаго ордена Тампліеровъ, бывшаго до того времени однимъ изъ главныхъ столповъ и украшеніемъ господствовавшей церковной системы, и олицетворявшаго собою самый блестящій періодъ церковнаго владычества. Пребываніе на Востокѣ, общеніе съ Сарацинами, политическая и иная безнравственность, царившая въ тѣхъ христіанскихъ колоніяхъ еще со временъ Крестовыхъ походовъ, неномѣрныя богатства, которыми пользовался орденъ, на ряду съ сравнительною праздностью, на которую обрекало рыцарей безнадежное положеніе дѣлъ въ Святой Землѣ, — все это, несомнѣнно, произвело неблагопріятное вліяніе на духъ и нравы этой рыцарской общины, при чемъ занимаемое орденомъ высокое положеніе развило до

крайности высокомѣріе и распущенность въ средѣ этихъ рыцарей. Ходили прискорбные слухи о тайномъ отрицаніи ими и поношеніи святынь, объ ихъ ужасныхъ кощунствахъ, чудовищныхъ обрядахъ, языческихъ жертвоприношеніяхъ и противуестественныхъ порокахъ. Король, которому уже недостаточно было его обыкновенныхъ финансовыхъ мѣръ (обиранія евреевъ и операціи съ чеканкой монеты) воспользовался этими слухами для начала судебнаго преслѣдованія, которое лишь прикрывалось личиною религіознаго усердія, но было задумано единственно по политическимъ и финансовымъ соображеніямъ, порожденнымъ властолюбіемъ и корыстью. Король могъ при этомъ вполнѣ надѣяться на такого союзника, который приходитъ всегда на помощь при уличеніяхъ и преслѣдованіяхъ, касающихся религіозныхъ вопросовъ: мы разумѣемъ фанатизмъ, который, однажды пробужденный, готовъ вѣрить всякому обвиненію, и тѣмъ охотнѣе, чѣмъ оно будетъ нелѣпѣе, находя чудовищное удовольствіе въ розыскѣ виновныхъ. Самаго отдаленнаго подозрѣнія, одной только возможности, хотя бы и неправдоподобности преступленія, достаточно уже въ этомъ случаѣ для ослѣпленныхъ фанатизмомъ людей: быть подозрительнымъ или лишь заподозрѣннымъ,—равносильно здѣсь уличенію въ винѣ. Въ такомъ духѣ, по крайней мѣрѣ, велось все разслѣдованіе, такъ что для насъ почти безцѣльно уже разбирать весь хаосъ дикихъ обвиненій, среди которыхъ невозможно опредѣлить, насколько они могли дѣйствительно соотвѣтствовать фактамъ. При сильномъ господствѣ суевѣрія, фанатизма и чувственности среди людского общества, не могло быть удивительно, что нѣкоторыя лица доходили до отвратительно-нелѣпыхъ заблужденій, до кощунственнаго поклоненія измышленнымъ божествамъ; но положительныхъ данныхъ для этого нѣтъ: ясны только слѣды деспотическаго гнета, страхъ передъ нимъ, несправедливость, корысть, жестокость. Секретными указами (14 сентября 1307) къ административнымъ лицамъ предписывалось заарестованіе всѣхъ рыцарей. Инквизиція принялась за это, примѣняя пытки со всею варварскою утонченностью того времени, благодаря чему не стало недостатка въ признаніяхъ по всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ преступленіямъ. Папа, побуждаемый къ тому королевскою тиранніей, повелѣлъ, въ 1308 г., подвергнуть повальному розыску всѣхъ рыцарей Храма; гроссмейстеръ ордена, Іаковъ Моле, былъ вызванъ хитростью съ Кипра и слѣдствіе надъ нимъ поручено папскимъ комиссарамъ. Процессъ долженъ былъ принять дурной оборотъ потому, что онъ усложнялся другимъ обстоятельствомъ. Король настоятельно напоминалъ папѣ Клименту объ его обѣщаніи разслѣдовать дѣла его предмѣстника, Бонифація VIII, и ради того, чтобы избавиться отъ тягостной обязанности обвинять «папу» въ еретичествѣ и всевозможныхъ грѣхахъ, Климентъ предалъ Тампліеровъ. На Віеннскомъ соборѣ, въ 1312 году, орденъ былъ объявленъ уничтоженнымъ и рыцари преданы суду. Нѣкоторые изъ нихъ, отрекшіеся отъ вынужденныхъ у нихъ пыткою показаній, на бывшемъ еще ранѣе соборѣ въ Віеннѣ, были приговорены къ сожженію, какъ вновь впавшіе въ ересь. Пятьдесятъ четыре изъ нихъ были уже сожжены передъ парижскими воротами (1310). Кровавая расправа довершилась теперь: самъ гроссмейстеръ, твердо отстаивавшій дѣло своего ордена, былъ возведенъ на костеръ; имущества

рыцарей были отобраны; часть ихъ была отдана Іоаннитамъ и другимъ орденамъ, но значительнѣйшія богатства достались королю. На томъ же собраніи папа Бонифацій, противъ котораго его противники приводили такія обвиненія, которыя не уступали выставляемымъ противъ Тампліеровъ (между прочимъ, онъ отрицалъ, будто бы, и безсмертіе души), былъ вполнѣ оправданъ отъ всякаго подозрѣнія въ ереси. Постыдный процессъ противъ Тампліеровъ, при которомъ Церковь допустила заставить себя поразить плоть отъ плоти своей, закончился еще тѣмъ, что король, со всѣмъ своимъ дворомъ, возложилъ на себя крестъ, какъ участникъ Крестоваго похода, который, по рѣшенію въ Віеннѣ, долженъ былъ состояться черезъ шесть лѣтъ.

Преемники Филиппа.

Королевская власть сильно окрѣпла при Филиппѣ: его указы гораздо многочисленнѣе и проникнуты бо̀льшимъ выраженіемъ безусловной воли, нежели распоряженія его предшественниковъ; они направлены, притомъ, преимущественно, противъ дворянства и духовенства, права которыхъ постоянно страдаютъ при этомъ. Угодливая администрація старалась поддерживать во всемъ королевскую власть; замѣчательно, однако, что этотъ король, которому требовались болѣе всего деньги, призвалъ, ради этой цѣли, на государственные съѣзды и представителей средняго сословія, подобно тому, какъ онъ пользовался имъ и въ своихъ пререканіяхъ съ Бонифаціемъ. Филиппъ умеръ въ 1314 г. Быстро послѣдовали за нимъ на престолъ и въ могилу его три сына: Людовикъ X (1316), Филиппъ V (1322), Карлъ IV (1328). Владѣнія французской короны весьма расширились при этихъ четырехъ государяхъ; такъ, прибавились: графство Ла-Маншъ (1303), Ангулемъ и Бигоръ (1307), городъ Ліонъ (1311); Фландрія оставалась еще незавоеванной. Но съ кончиною Карла V наступили событія, имѣвшія огромное значеніе для главнѣйшихъ западныхъ государствъ, Англіи и Франціи.

Домъ Валуа. 1328.

Карлъ IV не оставилъ сыновей. Двоюродный братъ его, Филиппъ, графъ Валуа, былъ признанъ регентомъ, а когда у вдовы Карла, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, родилась дочь, то Филиппъ, съ согласія бароновъ, принялъ королевскій титулъ, подъ именемъ Филиппа VI, перваго изъ Валуа. Но Англійскій король, Эдуардъ III, имѣлъ тоже притязанія на французскую корону, будучи сыномъ одной изъ дочерей Филиппа Красиваго: положительнаго закона, исключавшаго женщинъ изъ французскаго престолонаслѣдія, не существовало, и этотъ вопросъ о правахъ могъ считаться спорнымъ; но ни высшее сословіе во Франціи, ни народъ не хотѣли подпасть подъ власть Англичанъ. Вслѣдствіе этого, возгорѣлась большая война, продолжавшаяся въ теченіе царствованій: самого Филиппа VI (—1350), Іоанна (—1364), затѣмъ Карла VI (1380—1421) и Карла VII,—то-есть, съ короткими или длинными перерывами, цѣлое столѣтіе, истощая силы обоихъ народовъ.

Англо-французская война.

Борьба между двумя странами, лежавшими по-сю и по ту сторону пролива, не была чѣмъ-либо новымъ, и спорный вопросъ о престолонаслѣдіи былъ лишь поводомъ, а не основною причиною войны, къ которой Эдуардъ III приступалъ теперь черезъ довольно продолжительный срокъ по смерти послѣдняго изъ старшей линіи Капетинговъ. Война была

объявлена съ одобренія англійскаго парламента, который при послѣднихъ короляхъ, Генрихѣ III, Эдуардѣ I (1272—1307), Эдуардѣ II и теперь, при Эдуардѣ III (1328—1377), хотя и не установился еще въ окончательной формѣ, но успѣлъ уже сдѣлаться неизбѣжною частью правленія.

Англія со времени Эдуарда I. 1272.

Сынъ Генриха III, Эдуардъ I, возымѣлъ честолюбивую мысль соединить подъ своимъ скипетромъ весь островъ. Онъ побѣдилъ Уэльскаго принца Льевелейна, послѣдняго изъ Уэльской отрасли, покорилъ область и искоренилъ здѣсь весь старый строй: вытѣснилъ бардовъ, которые пользовались большимъ вліяніемъ въ странѣ, какъ хранители древнихъ обычаевъ и воззрѣній, польстилъ покореннымъ, давъ своему сыну, рожденному на ихъ землѣ, титулъ принца Уэльскаго, который сохраняютъ и доселѣ наслѣдники англійской короны (1282). Послѣ того, онъ обратилъ свое оружіе противъ Шотландіи, заявляя на нее лэнно-владѣтельныя притязанія. Споръ двухъ соперничавшихъ здѣсь домовъ, Брюсовъ и Беліолей, и другихъ претендентовъ на шотландскій престолъ, былъ рѣшенъ Эдуардомъ въ пользу Джона Беліоля. Но Шотландцы, отстаивавшіе свою независимость, не успокоились отъ этого, и война вспыхнула снова, грозя продлиться, вслѣдствіе помощи, оказываемой Шотландцамъ Французами. Для такой борьбы требовались большія денежныя средства, а могущественный и властолюбивый король могъ добывать ихъ лишь при посредствѣ парламента, которому онъ былъ вынужденъ за это сдѣлать уступки, переходившія далеко за выговоренныя Великою Хартіей. При борьбѣ съ папою Бонифаціемъ VIII, съ которымъ онъ пришелъ въ столкновеніе, какъ и врагъ его, Филиппъ Красивый, потому что и Бонифацій заявлялъ притязанія на Шотландію, считая ее лэномъ Церкви, Эдуардъ долженъ былъ тоже искать опоры у парламента,—тоже какъ и Филиппъ. И если такія уступки были сдѣланы энергичнымъ, воинственнымъ, гордымъ Эдуардомъ I, то слабый, окруженный любимцами, преемникъ его Эдуардъ II могъ только покориться уже совершившемуся.

Эдуардъ II. Парламентъ.

Парламентъ достигъ теперь полнаго участія въ дѣлѣ законодательства: законы создавались не иначе, какъ со взаимнаго согласія короля, магнатовъ и общинъ, и при преемникѣ Эдуарда II, Эдуардѣ III, установился, мало-по-малу, обычай, — безъ утвержденія того законодательнымъ порядкомъ,—созывать четыре государственныя сословія: прелатовъ, бароновъ, рыцарей и горожанъ, такимъ образомъ, что два первыя сословія соединялись въ Верхнюю палату, а два послѣднія—сельское дворянство и общины—въ Нижнюю палату. На обязанности ихъ было ходатайство о народныхъ нуждахъ передъ государемъ. «Добрые люди королевства, пришедшіе сюда въ парламентъ, просятъ господина нашего, короля, чтобы онъ, если ему благоугодно будетъ, бросилъ взглядъ на своихъ бѣдныхъ подданныхъ, которые весьма скорбятъ, ибо правятъ ими не такъ, какъ должно...» (1309). Въ такихъ униженныхъ выраженіяхъ и подписываясь ниже: «мы, бѣдные и глупые общинники, взывая къ нашему достославному и трижды милостивому государю», обращались общины къ своему королю, хотя несомнѣнно, что, въ это время, онѣ имѣли уже право постояннаго голоса въ рѣшеніи не только внутреннихъ, но и внѣшнихъ дѣлъ, благодаря тому, что снабженіе денежными средствами зависѣло отъ нихъ. Самая энергія,

съ которою Эдуардъ III продолжалъ политику своего дѣда противъ Шотландіи и Франціи, вынуждала его къ частому созыву парламента; въ теченіе его пятидесятилѣтняго правленія такихъ парламентскихъ сессій было не менѣе семидесяти.

Англо-французская война.

Война съ Франціею оказывалась благопріятною для Англичанъ. Эдуардъ III пользовался значительнымъ превосходствомъ противъ французскихъ королей, какъ Филиппа, такъ и сына его и преемника Іоанна (1350—1364).

Печать короля Эдуарда III.

Изъ Британскаго музея.

Онъ находилъ союзниковъ во фландрскихъ городахъ, не терпѣвшихъ ни Филиппа, благопріятствовавшаго знати, ни вообще французскаго господства. Впрочемъ, война велась медленно, прерываясь продолжительными перемиріями, переговорами, соглашеніями и лишь въ 1346 году, близъ мѣстечка Креси, въ графствѣ Пуатье, произошла большая битва между арміями англійской и французской, которыя находились обѣ подъ предводительствомъ своихъ королей. Рыцарство выказало здѣсь свою храбрость; спеціально-обученные арбалетчики дѣйствовали мастерски; тутъ же было пущено въ ходъ новое изобрѣтеніе (первоначальное происхожденіе котораго неизвѣстно): бомбарды, заряжаемыя порохомъ и пулями. Сраженіе кончилось рѣшительнымъ пораженіемъ Французовъ, которые потеряли,

вслѣдствіе этого, Калэ. Было заключено перемиріе, но для Франціи наступили тяжелыя времена; ужасная чума, свирѣпствовавшая на материкѣ, не пощадила и ее: изъ одной только большой парижской больницы, Hôtel Dieu, уносили ежедневно на кладбища по пятисотъ труповъ; какъ бывало уже не разъ, началось чудовищное преслѣдованіе евреевъ, подъ предлогомъ того, что они отравляютъ колодцы. Недовольство росло, налоги, возбуждавшіе уже большой ропотъ при Филиппѣ Красивомъ, увеличивались, и король Іоаннъ, прозванный «Добрымъ», но столь же малоспособный, какъ и его отецъ, не могъ помочь бѣдѣ, при вступленіи своемъ на престолъ въ 1350 г. Въ 1351 г., по истеченіи послѣдняго срока продленнаго перемирія, снова вспыхнула война съ Англіей; впрочемъ, вскорѣ наступило новое перемиріе, при усиліяхъ папы положить конецъ ожесточенной борьбѣ, сопровождавшейся повсюду варварскимъ опустошеніемъ земель. Но въ 1355 г. снова начались военныя дѣйствія, и въ іюлѣ 1356 г., при *Мопертюи*, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Пуатье, произошла рѣшительная битва, оказавшаяся для Французовъ еще болѣе губительною, нежели бывшая при Креси: самъ король Французскій попалъ въ плѣнъ, и ему, въ тотъ же вечеръ, прислуживалъ за столомъ его побѣдитель, принцъ Уэльскій, «Черный принцъ», командовавшій въ этотъ день англійскими войсками. Это вторичное пораженіе вызвало во Франціи взрывъ ожесточеннаго народнаго негодованія противъ дворянства. Въ это время плебейскій элементъ возрасталъ вездѣ съ большой силою. Съѣздъ сѣверо-французскихъ чиновъ, созванный въ Парижѣ регентомъ, дофиномъ Карломъ, заявилъ весьма обширныя притязанія, и мятежная толпа, подъ предводительствомъ купеческаго старшины (prévôt des marchands), Стефана Марселя, ворвалась во дворецъ, излагая свои требованія. Двое вельможъ были убиты на глазахъ регента. Та же рознь между низшимъ сословіемъ и дворянствомъ обнаружилась и въ провинціи. Раздраженіе, вызываемое необходимостью жертвовать деньги на выкупъ той знати, которая и была болѣе всего виновна въ понесенномъ пораженіи, то пренебреженіе, которое оказывалось этимъ же дворянствомъ крестьянству, угнетеніе крестьянства всякими наемниками, — всѣ эти причины заставили простонародье (этого многотерпѣливаго Жака, «Jacques Bonhomme») поднять знамя дикаго мятежа, который, быстро распространяясь, нашелъ себѣ кратковременное удовлетвореніе въ крови своихъ притѣснителей и раззореніи ихъ имущества. Эта «жакерія» (Jacquerie) была тоже подавлена кровью, но анархія и междоусобицы не прекратились и при возобновленіи войны съ Англіей. У Французовъ было мало отраднаго впереди: король Эдуардъ грозилъ добиться, на этотъ разъ, тѣхъ правъ, которыя считалъ своими; однако, благодаря посредничеству папы, былъ заключенъ миръ, носящій названіе *Бретинійскаго,* отъ той деревушки, близъ Шартра, въ которой велись переговоры по этому поводу (1360).

Бретинійскій миръ. 1360.

Мирныя условія были тяжелы. Король Эдуардъ отказывался отъ своихъ правъ на корону, но за то присоединялъ къ своимъ уже бывшимъ владѣніямъ цѣлый рядъ другихъ во Франціи: Пуату, Сентонжъ, Ла-Рошель, Перигоръ, Лимузенъ и пр., а на сѣверо-западѣ—графство Понтье, городъ Калэ съ его округомъ (графство Гюинь), такъ что почти треть нынѣш-

Эдуардъ, Черный принцъ.
Надгробіе въ каѳедральномъ соборѣ Кэнтерборійскомъ.

ней Франціи переходила подъ власть англичанъ. Король Іоаннъ вернулся домой; проснулись надежды на лучшія времена, но напрасно; особенной тягостью были изголодавшіяся наемныя войска. Безразсудный обѣтъ на совершеніе Крестоваго похода, выговоренный папою отъ короля, не могъ помочь бѣдствіямъ страны, тѣмъ болѣе, что она лишилась одного изъ плодовъ своего прежняго преуспѣянія съ отдѣленіемъ герцогства Бургундскаго, лежавшаго на западъ отъ Саоны: король отдалъ его своему младшему сыну, Филиппу (взятому въ плѣнъ вмѣстѣ съ нимъ при Мопертюи), въ качествѣ наслѣдственнаго лэна отъ французской короны, со всѣми привилегіями прежнихъ бургундскихъ герцоговъ (1363). Въ слѣдующемъ году, при своей поѣздкѣ въ Лондонъ, король Іоаннъ умеръ, оставляя своему сыну, Карлу V (1364—80), много неразрѣшенныхъ задачъ, изъ которыхъ одною изъ самыхъ настоятельныхъ и весьма трудныхъ было избавленіе страны отъ притѣсненій и разоренія шайками наемныхъ солдатъ. Впрочемъ, этимъ наемни-

Коронованіе короля Карла V, Французскаго (1364).
Миніатюра изъ хроники Фруассара, въ національной библіотекѣ въ Парижѣ.
(По книгѣ Лакруа).

камъ скоро нашлось настоящее дѣло, по тому что Эдуардъ приступилъ снова къ войнѣ (1369), въ поводахъ къ которой у него не было недостатка. Въ этотъ разъ счастье ему измѣнило; онъ самъ былъ уже не тотъ, что прежде; онъ воротился больной въ Англію и подпалъ, въ свои послѣдніе года, вліянію корыстолюбивой женщины, Алисы Пиррерсъ. Его старшій сынъ, на котораго возлагались большія надежды, умеръ; между тѣмъ, король Французскій, Карлъ V, оказался справедливымъ и способнымъ правителемъ, нашедшимъ, сверхъ того, при этой борьбѣ своей съ Англичанами и ихъ случайными союзниками, превосходнаго помощника въ лицѣ бретонца, Бертрана Дюгеклена, который обладалъ тѣми тактическими и стратегическими способностями, какихъ былъ лишенъ самъ король. Дюгекленъ отвоевалъ обратно почти все, отнятое у Франціи договоромъ въ Бретиньи. Но онъ умеръ въ 1380 г., къ несчастью для своей страны, для которой наступало самое бурное время: въ ней, подобно тому, какъ и въ Англіи, честолюбіе знати, толпившейся вокругъ слабаго правителя, должно было породить много смутъ.

Англія съ 1377 по 1400.

Царствованіе Эдуарда III Англійскаго, послѣдніе годы котораго такъ прискорбно противорѣчили славѣ его прежнихъ лѣтъ, закончилось въ 1377 году. Онъ оставлялъ престолъ одиннадцатилѣтнему мальчику, внуку своему, Ричарду II, сыну принца Уэльскаго,—какъ Карлу V пришлось оставить свой — десятилѣтнему Карлу VI. Молодому королю Ричарду предстояла борьба съ опаснымъ возстаніемъ сельскаго населенія, которое было крайне возбуждено, вслѣдствіе постоянно возраставшихъ требованій правительства на военныя нужды, а также вслѣдствіе религіозныхъ воззрѣній, на которыя будетъ указано ниже. Мятежники, составивъ громадное полчище подъ предводительствомъ кирпичника Уата,—Уата Тайлора,—яростно набросились на дворянство, оспаривая у него всякія права, на основаніи первобытнаго равенства всѣхъ людей. Они повторяли поговорку: «Когда Адамъ рылъ землю, а Ева пряла, кто былъ тогда джентльмэномъ?»

Въ теченіе нѣкотораго времени они могли считать себя во главѣ положенія. Тауэръ, крѣпкій за́мокъ Лондонскій, былъ въ ихъ рукахъ. При встрѣчѣ съ молодымъ королемъ, выѣхавшимъ къ толпѣ, Уатъ Тайлоръ сталъ наступать на него съ самыми радикальными требованіями, ухвативъ за уздцы его коня; но лондонскій лордъ-мэръ смѣлымъ ударомъ сшибъ съ ногъ государственнаго измѣнника, а молодой король воспользовался, съ большою находчивостью, замѣшательствомъ толпы, воскликнувъ: «Я самъ буду вашимъ вождемъ!» Онъ поѣхалъ во главѣ сборища, броженіе улеглось и дѣло повернуло въ хорошую сторону. Все произошло, какъ и всегда при подобныхъ возстаніяхъ, всколыхивающихъ большія людскія массы, побуждаемыя лишь нуждою и своими страстями: какіе-нибудь негодяи заправляютъ движеніемъ, и взбудораженная толпа предается, на нѣкоторое время, разрушенію и мести; но прежде, нежели она успѣваетъ придти въ себя, сообразить что-либо, силы, охраняющія существующій порядокъ, овладѣваютъ положеніемъ и усмиряютъ ее. Подавленіе возстанія, распространившагося по многимъ графствамъ и направленнаго не противъ короля, а противъ дворянства, не принесло пользы Ричарду, а только поощрило аристократію, на сторонѣ которой

была побѣда, къ новымъ жестокостямъ и усиленному самомнѣнію. Самъ король былъ слишкомъ юнъ и слишкомъ нерѣшителенъ для того, чтобы осуществить на дѣлѣ тѣ слова, съ помощью которыхъ онъ смутилъ и обезоружилъ мятежниковъ у Смитфильда. Онъ сказалъ имъ: «Слѣдуйте за мною, люди мои, я самъ буду вашимъ вождемъ...» но ему было не подъ-силу разобраться въ томъ, что могло быть справедливаго въ требованіяхъ простонародья, и заявить существенно свою королевскую власть. Послѣдовавшая реакція стала даже опасной для него самого. Во главѣ магнатовъ, стремившихся къ ограниченію королевской власти, находился младшій изъ сыновей покойнаго короля, Ѳома, герцогъ Глочестерскій, и горожане, которымъ возстаніе Уата Тайлора тоже грозило гибелью, шли теперь за-одно съ аристократіей. Такимъ образомъ, снова наступала рознь и борьба между притязаніями королевской власти и парламента. Ричарду II дали понять, что если онъ не станетъ править надлежащимъ образомъ, согласно внушеніямъ парламента, то въ волѣ этого послѣдняго будетъ низложить его, съ народнаго одобренія, и возвести на престолъ кого-либо другого изъ королевской династіи. Однажды (1397) Ричарду удалось ободриться и отвергнуть предложенныя ему стѣснительныя условія, но это продолжалось недолго. Его колебанія возстановили противъ него всѣхъ и когда его двоюродный братъ, герцогъ Ланкастерскій, Генрихъ, вернулся въ Англію, изъ ссылки, по соглашенію съ оппозиціей, то потребовалось лишь нѣсколько дней для низверженія непрочнаго престола. Генрихъ овладѣлъ самою особою Ричарда, не имѣвшаго болѣе ни одного надежнаго слуги, заставилъ его тотчасъ созвать парламентъ, объявить себя, передъ этимъ собраніемъ, недостойнымъ королевскаго сана и

Король Англійскій Ричардъ II.

По старинной картинѣ, находящейся въ церкви Вестминстерскаго аббатства въ Лондонѣ.

Печать Ричарда II.
Въ королевскомъ тайномъ государственномъ архивѣ въ Берлинѣ.

отказаться отъ престола. Ричардъ самъ надѣлъ на руку Ланкастера свой перстень съ королевской печатью, а на слѣдующій день, 30 сентября 1399 года, переворотъ довершился тѣмъ, что парламентъ, засѣдая въ Уэстминстерѣ, призналъ короля отказавшимся отъ престола,—или низложилъ его,—при чемъ, нарушая обычный порядокъ престолонаслѣдія устраненіемъ лица, имѣвшаго ближайшія права, провозгласилъ королемъ герцога Ланкастерскаго, подъ именемъ Генриха IV (1400—1413). Ричардъ умеръ въ 1400 году, въ заточеніи, въ Помфретѣ.

Церковное движеніе.

Генриху не было отказано въ благословеніи и помазаніи со стороны высшаго духовенства, съ которымъ Ричардъ тоже былъ не въ ладахъ, и новый король отблагодарилъ Церковь тѣмъ, что помогъ ей подавить ересь, весьма развивавшуюся въ Англіи. Эти еретическія стремленія росли подъ вліяніемъ человѣка, значеніе котораго простирается далеко за предѣлы Англіи, потому что онъ былъ первымъ, на-

Король Англійскій Генрихъ IV.
Надгробіе въ каѳедральномъ соборѣ въ Кэнтербори.

павшимъ на самыя основы церковной системы во всѣхъ ея проявленіяхъ, притомъ съ яснымъ, острымъ, вполнѣ сознательнымъ пониманіемъ своей цѣли. То былъ оксфордскій профессоръ Джонъ Виклифъ, съ именемъ котораго связано развитіе церковнаго вопроса, вступавшаго, какъ и вопросы гражданскій и политическій, на новую почву, совершенно измѣнявшую господствовавшія до того времени воззрѣнія и начала.

Джонъ Виклифъ.

Дѣятельность Виклифа, самаго выдающагося изъ такъ-называемыхъ провозвѣстниковъ реформаціи, составляла эпоху въ томъ отношеніи, что онъ нападалъ не на какія-либо отдѣльныя стороны установленнаго церковнаго порядка, но подрывалъ самыя основныя положенія римской Церкви. Онъ родился въ 1324 г., въ одной изъ сѣверныхъ англійскихъ деревушекъ, и провелъ большую часть своей жизни въ Оксфордѣ, занимая тамъ каѳедру богословія. Когда его ученіе было отвергнуто лондонскимъ соборомъ (1382), онъ удалился обратно въ свой Лутервордскій приходъ, гдѣ и умеръ въ 1384 г. Въ своихъ богословскихъ воззрѣніяхъ, онъ опирался на Августина, строгое понятіе котораго о предопредѣленіи, — «все совершается по неизмѣнному начертанію Господню», — привлекало его съ той силою, съ которою оно дѣйствовало и впослѣдствіи на столь многіе стойкіе и свѣтлые умы.

Хотя его мысль вращалась лишь въ кругѣ схоластическаго ученія, онъ вникалъ въ смыслъ Священнаго Писанія (которое перевелъ на англійскій языкъ съ «Вульгаты», стариннаго, одобреннаго Церковью, латинскаго перевода) и при своихъ изслѣдованіяхъ о Св. таинствахъ, возсталъ горячо противъ того положенія, которое именно служило главнѣйшею опорою церковной власти и заключалось въ ученіи о Пресуществленіи. Онъ называлъ ересью, богохульствомъ такое истолкованіе, по которому претворенное вещество могло сохранять видъ и вкусъ хлѣба и вина, а священнослужитель — созданіе слабое и тлѣнное — могъ, однимъ словомъ своимъ, совершать надъ нимъ чудодѣйственное таинство. Съ особенною и послѣдовательною энергіей онъ осуждалъ, при этомъ, нищенствующихъ монаховъ, которыхъ и такъ не долюбливали въ университетѣ, и которые были главнѣйшими поборниками существовавшей церковной системы; глубокое извращеніе ея требовало коренной реформы, даже полнѣйшаго переворота. Но кто же долженъ былъ произвести такое преобразованіе Церкви, которое должно настать, «захочетъ-ли того антихристъ или нѣтъ»? Не папа: въ самомъ папствѣ, какимъ оно было въ то время, находилось первое и главнѣйшее препятствіе тому; папство было для Виклифа «антихристомъ» или его сильнѣйшимъ орудіемъ. Но не сдѣлаетъ того и соборъ: по мнѣнію Виклифа, признаніе евангельской истины путемъ подачи голосовъ составляло, само по себѣ, ложный принципъ, противный разуму и божескому закону и измышленный діаволомъ для омраченія людей. Скорѣе должны были взять на себя починъ въ этомъ свѣтскія власти, «domini temporales», полагалъ Виклифъ, подкапываясь здѣсь и подъ другую основу церковной власти и становясь на ту почву, на которой, полтора столѣтія позднѣе, возникли протестантскія форма и содержаніе церковной общины. Согласно церковному ученію, доразвившемуся до своей окончательной формы, посвященіе въ церковнослужители составляло таинство, сообщавшее рукоположенному несмѣняемое свойство, которое дѣлало его членомъ особаго, своеобразнаго, властвующаго, священнаго сословія,—сословія, жившаго по своимъ собственнымъ уставамъ, подъ своимъ собственнымъ началомъ и имѣвшаго, въ своей сферѣ,—къ которой оно причисляло весьма многое, если не все, — безусловный перевѣсъ надъ мірянами. Виклифъ, напротивъ того, своеобразно примѣняя первоначальное евангельское понятіе о бѣдности, видитъ въ правахъ духовенства лишь милостыню, которую община ему даетъ, и которую она въ правѣ отнять, если найдетъ его недостойнымъ. Онъ приравниваетъ, нѣкоторымъ образомъ, духовное званіе къ смѣняемымъ должностямъ, дѣлаетъ мірянъ судьями надъ служащимъ имъ духовенствомъ, при чемъ оправдываетъ бывшія конфискаціи духовныхъ имуществъ и сожалѣетъ о томъ, что болѣе четверти всей страны находится въ мертвыхъ рукахъ: «Нашъ король—говоритъ онъ—владѣетъ, поэтому, не всей Англіей». По взгляду Виклифа, владѣніе землями и власть не приличествовали духовенству, по смыслу христіанства, которое самъ онъ настойчиво истолковывалъ въ духѣ «первоначальнаго ученія Христова», вполнѣ искаженнаго господствовавшей церковной системой. Изъ этого видно, что онъ возставалъ противъ всего механическаго и внѣшняго развитія

церковной жизни, противъ индульгенцій, преувеличеннаго чествованія заслугъ святыхъ и разрѣшительныхъ словъ. Путемъ весьма своеобразныхъ заключеній, онъ сводитъ всѣ эти внѣшнія выраженія «сообщенія благодати» къ той же философо-богословской ереси, съ которой уже боролся по вопросу о причащеніи.

Реакція при Генрихѣ IV.

Нельзя не удивляться той ясности и послѣдовательности, съ которою этотъ одинокій богословъ выступилъ съ совершенно новымъ взглядомъ на христіанское Откровеніе, въ противорѣчіе съ всесильно господствовавшимъ ученіемъ, между тѣмъ, какъ черезъ полтораста лѣтъ, нѣмецкіе, и особенно швейцарскіе реформаторы дошли до того-же, — въ цѣломъ и въ частностяхъ своей системы,—лишь послѣ упорнѣйшей борьбы и тягостнаго напряженія мысли. Ученіе Виклифа, которое онъ систематизировалъ вполнѣ только за два года передъ своей смертью въ своемъ «Тріалогѣ», произвело сильное впечатлѣніе. Многіе изъ знатныхъ мірянъ покровительствовали ученому, само правительство возлагало на него дипломатическія и церковно-политическія порученія. Онъ положилъ и практическій починъ своею реформою, вызвавъ существованіе «бѣдныхъ священниковъ»; это были духовныя лица, согласныя съ его ученіемъ, и которыя, основываясь на примѣрѣ апостоловъ и избѣгая осквернить себя симоніей, не принимали никакихъ бенефицій, а въ простомъ одѣяніи, не испрашивая соизволенія церковнаго начальства, проповѣдывали Евангеліе, странствуя изъ мѣста въ мѣсто. Церковная реакція, наступившая со времени лондонскаго собора въ 1382 г. и весьма обострившаяся въ послѣдующіе года, заставила считать послѣдователей Виклифа за еретическую секту, и кэнтерборійскій архіепископъ, Оома Арёндель, особенно горячо преслѣдовалъ членовъ ея, прозванныхъ «лоллардами». Одною изъ первыхъ законодательныхъ мѣръ новаго короля изъ дома Ланкастеровъ, находившаго цѣлесообразнымъ поддерживать добрыя сношенія съ Церковью, былъ парламентскій актъ «*de comburendo haeretico*», которымъ смертная казнь за еретичество обращалась въ положительный законъ.

И это произошло въ странѣ, считавшейся за наилучше-управляемую и опередившую другихъ во всемъ,—при чемъ такая оцѣнка имѣла полное основаніе, потому что частныя боевыя распри, игравшія такую роль на материкѣ, особенно же въ Германіи, здѣсь почти совсѣмъ прекратились, замѣнясь дѣйствительно мирнымъ состояніемъ края, и равенство правъ, общее равенство всѣхъ передъ закономъ достигло высшей степени развитія и устойчивости. Но церковныя обстоятельства во всей Европѣ были таковы, что никакой законъ, самый суровый и повсемѣстный, не могъ уже подавить возраставшей оппозиціи. Она могла смолкнуть лишь при основной реформѣ Церкви, и эта реформа, касаясь главы и членовъ Церкви, стала лозунгомъ всѣхъ слоевъ общества. Едва успѣло народиться новое столѣтіе, требованіе этой реформы стало естественнымъ выраженіемъ непреоборимаго движенія. Знаменательно въ этомъ моментѣ было совпаденіе дѣятельности одинокаго богослова, принципіально возставшаго противъ самой основы существовавшаго церковнаго зданія, противъ расшатанности и гнили его, проявлявшихся какъ въ верхнихъ, такъ и въ нижнихъ слояхъ тогдашняго общества.

КРАЙНІЙ ВОСТОКЪ ЕВРОПЫ:

Исторія Сѣверо-восточной Руси отъ начала XIII до конца XIV вѣка. Положеніе русскихъ княжествъ на С.-В. и на Ю.-З. Руси, передъ нашествіемъ Монголовъ.—Первое появленіе Татаръ.—Нашествіе Батыя. Покореніе Руси Монголами.—Общія бѣдствія.—Дѣятельность князей и духовенства въ періодъ Татарщины 1200—1395 гг.

Въ то время, когда вся Европа была увлечена въ неудержимый водоворотъ движенія Крестовыхъ походовъ, а затѣмъ принимала участіе въ неизбѣжно-вызванной этимъ движеніемъ борьбѣ усилившагося папства съ Германской Имперіей—Русь продолжала на крайнемъ Востокѣ Европы жить своею отдѣльною жизнью, обусловленною въ значительной степени тою религіозною отдѣльностью отъ остальной Европы, которая была естественнымъ слѣдствіемъ принятія христіанства изъ Византіи. Эта обособленность отъ остальной Европы была, конечно, не настолько велика, чтобы такія общеевропейскія движенія, какъ Крестовые походы, не находили себѣ отголоска на Руси, тѣмъ болѣе, что толпы русскихъ *паломниковъ* *) въ XI столѣтіи почти непрерывно, изъ года въ годъ, направлялись въ Іерусалимъ, на поклоненіе Св. Мѣстамъ и изъ Руси, точно такъ же, какъ изъ остальныхъ странъ Европы. Но объ участіи русскихъ князей въ Крестовыхъ походахъ не могло быть, конечно, и рѣчи, потому что во главѣ его стоялъ папа Римскій, а отъ всякихъ сношеній съ нимъ Церковь Восточная благоразумно сторонилась и уклонялась, оберегая отъ его вліянія и свою паству. Духовенство же русское было настолько благоразумно, что уже въ XII в., въ эпоху самаго разгара Крестовыхъ походовъ, стало воспрещать (и даже вносило эти воспрещенія въ церковныя правила) странствованія въ Св. Землю, въ виду тѣхъ опасностей, которымъ подвергались паломники, а также и въ виду того бродяжества, которое развивалось въ народѣ подъ личиною подобныхъ странствованій.

При этой обособленности Руси, къ концу XII в., въ ея внутренней жизни явились новыя и весьма серьезныя задачи, которыя приковывали вниманіе князей и поневолѣ вынуждали ихъ къ новой группировкѣ и къ новой политикѣ, вызываемой измѣнившимся строемъ жизни и вновь народившимися ея условіями. Изъ разрозненной массы княжествъ, по частямъ, начинало складываться государство. Выше мы уже видѣли (стр. 231), какъ къ концу XII в. измѣнился центръ тяготѣнія русской жизни и на мѣсто великаго княжества Кіевскаго поднялись болѣе его могущественныя княжества—на С.-В.—Суздальское, на Ю.-З.—Волынско-Галицкое. Но Суздальское, видимо, преобладало. Суровый и твердый правитель его, великій князь Андрей Боголюбскій, косвенно или прямо, подчинилъ себѣ всѣ сосѣднія княжества, обуздалъ вольнолюбивый Новгородъ, заставилъ трепетать сосѣднихъ

---

*) Такъ называли себя странники въ Св. Землѣ по той *пàломѣ*, пальмовой вѣтви, которую они приносили оттуда на память о своемъ путешествіи.—Одинъ изъ паломниковъ, игуменъ Даніилъ, посѣтившій Іерусалимъ вскорѣ послѣ 1-го Крестоваго похода, оставилъ дошедшее до насъ весьма любопытное описаніе своего паломничества. Изъ его записокъ узнаемъ, что онъ былъ тамъ со многими другими русскими людьми, что вступалъ въ сношенія съ королемъ Балдуиномъ и повѣсилъ у Гроба Господня лампаду «за здравіе князей русскихъ».

Смерть великаго князя Андрея Боголюбскаго (1174 г.). Рис. А. Земцова.

Тотъ теремъ, въ которомъ совершено было это убійство, и доселѣ еще сохранился въ с. Боголюбовѣ, близъ Владиміра на Клязьмѣ; сохранился и *переходъ* или сѣни, соединявшія этотъ теремъ съ церковью при княжескомъ дворцѣ. *Надъ* теремомъ теперь выстроена колокольня; *подъ* теремомъ уцѣлѣла въ древнемъ видѣ лѣстница, около столба которой князь Андрей Юрьевичъ былъ приконченъ убійцами.

болгарскихъ князей. Его политика была такъ вѣрно разсчитана и значеніе княжества Суздальскаго такъ прочно обосновано, что даже и тогда, когда онъ палъ жертвою какого-то (не вполнѣ яснаго для насъ) заговора въ средѣ его бояръ, княжество его не утратило своего значенія, и братъ его *Всеволодъ* (*Великое Гнѣздо*, по прозванію), въ свое долгое и мудрое правленіе, успѣлъ довести княжество Владиміро-Суздальское до высокой степени процвѣтанія и могущества и передалъ его дѣтямъ, какъ готовое ядро будущаго великаго государства.

При сыновьяхъ Всеволода, Ярославѣ и Юріи, наслѣдовавшихъ отцу, и совершилось то страшное нашествіе Монголовъ, которые два слишкомъ вѣка тяготѣли своимъ гнетомъ надъ Русью и на борьбу съ которыми долгое время уходили всѣ ея нравственныя силы и матеріальныя средства.

Первое появленіе Татаръ.

Въ 1224 году, къ южно-русскимъ князьямъ вдругъ пришла вѣсть, что въ степяхъ Задонскихъ явился какой-то новый, дикій и страшный народъ, который избиваетъ Половцевъ и движется на Русь изъ-за горъ Кавказа, которыя обошелъ около береговъ Хвалынскаго моря. Половцы,—которые въ это время были уже усмирены и рѣдко воевали съ русскими князьями, а со многими изъ нихъ состояли даже и въ родственныхъ отношеніяхъ,—обратились къ русскимъ князьямъ за помощью. Знаменитый своею храбростью князь *Мстиславъ Удалой*, правившій въ то время Галицкимъ княжествомъ и всѣми уважаемый, созвалъ другихъ князей на съѣздъ, на которомъ и было рѣшено: подать Половцамъ помощь противъ «невѣдомыхъ» враговъ. Южные князья собрались подъ знаменемъ Мстислава Удалого; важнѣйшими въ числѣ ихъ были: князь *Мстиславъ Кіевскій* и другой *Мстиславъ*, князь *Черниговскій*. Княжеское ополченіе двинулось въ степи, навстрѣчу наступавшему непріятелю, и соединилось съ Половцами. На берегахъ *р. Калки* (рѣка Кальміусъ въ Екатеринославской губ.) произошла битва съ Татарами. Половцы, уже много разъ до того времени испытавшіе силу ихъ оружія, не выдержали ихъ перваго натиска, дрогнули и побѣжали, смявъ ряды русскихъ воиновъ; притомъ же и князья русскіе дѣйствовали несогласно, врозь, не поддерживая другъ друга. Поэтому, несмотря на все свое мужество, русскіе князья были разбиты на-голову; многіе изъ нихъ пали въ битвѣ (въ томъ числѣ и Мстиславъ Кіевскій), а тѣ, которые попались въ плѣнъ, были страшно замучены Татарами. Современный лѣтописецъ замѣчаетъ, что въ битвѣ при Калкѣ «однихъ богатырей пало 70».

Надо полагать, что это полчище Монголовъ было отдѣльнымъ, многочисленнымъ отрядомъ полчищъ *Чингисхана*, воевавшихъ по прибрежью Каспійскаго моря; мимоходомъ опустошилъ онъ Грузію и случайно, какъ бы развѣдывая новыя, неизвѣстныя страны, проникъ и въ степи Половецкія. Послѣ битвы при Калкѣ, это полчище не двинулось далѣе на Русь, а повернуло обратно и скрылось въ степяхъ. «Невѣдомо, откуда пришли, и куда ушли»—замѣчаетъ наивно современный лѣтописецъ. Да никто, конечно, и не подумалъ развѣдывать: всѣ были рады тому, что Богъ избавилъ отъ грозившаго бѣдствія, и забыли о немъ очень скоро. Князья занялись, попрежнему, своими нескончаемыми усобицами—и жизнь Южной и Сѣверной Руси потекла по-прежнему.

Только уже 12 лѣтъ спустя, вѣсть о грозномъ и страшномъ врагѣ пришла на Русь, но уже съ совсѣмъ иной стороны. Несмѣтныя полчища Татаръ нахлынули на Волгу съ юго-востока изъ средне-азіатскихъ степей и сначала набросились на волжскихъ Болгаръ и Мордву, повоевали ихъ и опустошили ихъ страну, а затѣмъ стремительно ударили и на ближайшія русскія княжества.

Нашествіе Батыя.

Прежде чѣмъ опишемъ ту страшную эпоху русской исторіи, которая извѣстна подъ названіемъ *эпохи татарскаго ига* или просто *Татарщины*, мы должны здѣсь сказать нѣсколько словъ о самихъ Татарахъ.

Въ одномъ изъ кочевыхъ племенъ Монголіи, въ половинѣ XII вѣка, явился замѣчательный вождь, по имени *Темучинъ* (р. 1154, ум. 1227 г.). Дѣтство онъ провелъ среди тревогъ и опасностей нескончаемой борьбы мелкихъ кочевыхъ племенъ, значительную часть молодости жилъ, какъ плѣнникъ, въ Китаѣ, гдѣ многое успѣлъ видѣть и многому научиться и хорошо ознакомился съ слабыми сторонами Поднебесной Имперіи. Вернувшись въ Монголію, онъ обнаружилъ замѣчательный умъ, несомнѣнный воинскій талантъ и желѣзную волю. Тѣсно сплотивъ между собою монгольскія племена, онъ предпринялъ цѣлый рядъ счастливыхъ войнъ съ сосѣдями и уже въ 1206 г. явился грознымъ владыкою цѣлаго ряда покоренныхъ имъ странъ. Затѣмъ, онъ покорилъ царство Тангутское, долго воевалъ съ Китаемъ и постепенно подчинилъ своей власти Бухару и всѣ сосѣднія съ нею средне-азіатскія ханства. За эти побѣды и обширныя завоеванія Темучинъ получилъ отъ современниковъ почетное названіе *Чингисхана* (т. е. владыки міра).

Въ 1227 г. Чингисханъ умеръ; еще при жизни онъ подѣлилъ свое громадное царство между своими сыновьями, изъ которыхъ одинъ, *Угедей*, былъ назначенъ старшимъ ханомъ. племянникъ Угедея и внукъ Чингисхана, *Батый*, въ 1235 г., отдѣлился отъ родичей своихъ со всею своею ордою, и, съ разрѣшенія старшаго хана, двинулся на Западъ для завоеванія новыхъ земель.

Съ Батыемъ шло не войско, а цѣлый народъ въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, съ семьями своими, съ кибитками, замѣнявшими жилища кочевникамъ, съ несмѣтными стадами верблюдовъ и овецъ, съ табунами коней; народъ привычный къ простому, кочевому образу жизни, закаленный въ борьбѣ съ природою, съ дѣтства выраставшій на конѣ, проводившій всю жизнь съ оружіемъ въ рукахъ, такъ какъ мужская половина его не знала никакихъ иныхъ занятій, кромѣ войны и охоты. Въ составъ этого народа входили кочевники трехъ различныхъ племенъ: *Манджурскаго*, *Монгольскаго* и *Тюркскаго*; но всѣ эти кочевники называли себя общимъ именемъ *Та̀талъ*, откуда и взялось русское названіе: Татары.

Нравы и обычаи Татаръ.

Татары, въ эпоху ихъ нашествія на Русь, были страшны не только своею многочисленностью, но и своею сплоченностью, и своей весьма прочной организаціей. Главнымъ образомъ, сила ихъ заключалась въ слѣпомъ повиновеніи власти *одного хана*, кооторый былъ полновластнымъ властителемъ надъ жизнью и смертью, надъ личностью и имуществомъ каждаго изъ своихъ подданныхъ. Эта страшная власть чрезвычайно образно проявлялась въ обрядахъ, сопровождавшихъ вступленіе во власть новаго хана;

ближайшіе вельможи полагали передъ нимъ мечъ, а онъ ихъ спрашивалъ: «готовъ-ли каждый изъ васъ исполнять то, что я повелю, идти—куда я пошлю, убивать—кого я прикажу?» Вельможи отвѣчали: «готовы». Тогда ханъ говоритъ имъ: «впредь слово устъ моихъ да будетъ мечомъ моимъ».

Кромѣ власти хана, этотъ воинственный народъ подчинялся еще суровому, древнему закону *(ясы)*, который каждому изъ ордынцевъ предписывалъ соблюденіе нѣкотораго количества основныхъ правилъ поведенія и отношеній къ ближнимъ. По этому закону, особенно сурово карался *обманъ, неоказаніе помощи товарищу на войнѣ, всякія ссоры и раздоры между своими.* Въ отношеніи къ управленію, весь народъ раздѣлялся, какъ войско, на тысячи, сотни, десятки; десятникъ былъ подчиненъ сотнику, сотникъ—тысячнику, а тысячники, старшины и начальники—самому хану, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ соблюдалась строжайшая дисциплина и безусловное повиновеніе младшаго старшему.

При такой выдержкѣ и дисциплинѣ, при замѣчательномъ умѣньи владѣть конемъ и оружіемъ (Татары особенно отличались чрезвычайною мѣткостью стрѣльбы изъ лука), эти кочевники имѣли еще и свои, строго-выработанные пріемы и способы веденія войны, которыми значительно затрудняли борьбу съ ними. Эта тактика Татаръ также въ значительной степени обусловливалась ихъ многочисленностью. Такъ, напр., вступая въ какую-нибудь область, они раздѣляли свои полчища на нѣсколько отрядовъ, которые, охвативъ кольцеобразно большое пространство, сходились потомъ къ одному центру, стараясь окружить непріятеля со всѣхъ сторонъ. При осадѣ городовъ, они облагали ихъ валомъ или окружали тыномъ, и сначала бились изъ-за этихъ укрѣпленій съ осажденными, при чемъ одна смѣна билась, а другая отдыхала, а затѣмъ, истомивъ враговъ борьбою, бросались всею массою на приступъ.

Нашествіе этого народа, грознаго не только численностью и силою, но и своимъ внутреннимъ строемъ, можно сравнить только съ нашествіемъ Гунновъ; и если тѣ кочевники могли навести ужасъ на всю Европу, несмотря на то, что въ Европѣ въ ту пору существовали два сильныхъ и прочно организованныхъ государства, въ видѣ Западно-Римской и Восточно-Римской Имперій, то ужъ, конечно, древняя Русь, вся составленная изъ разрозненныхъ княжествъ и областей, не могла устоять противъ страшнаго, всесокрушающаго нашествія Татаръ. Одинъ изъ русскихъ историковъ совершенно справедливо замѣчаетъ о нашествіи Батыя, что «это была послѣдняя волна переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу, начавшагося еще въ глубокой древности» *).

Раззореніе русскихъ княжествъ.

Однакожъ, «волна» встрѣтила такой отпоръ, какого, собственно говоря, нельзя было и ожидать отъ маленькихъ русскихъ княжествъ, которыя даже и тутъ не помышляли о соединеніи своихъ силъ въ одну общую рать. Повоевавъ Волжскихъ Болгаръ, Татары явились въ предѣлахъ Рязанскаго княжества. Когда высланные Батыемъ послы потребовали отъ князей десятины въ ихъ имѣніи и въ людяхъ, князья приказали имъ сказать, какъ Леонидъ Персамъ подъ Ѳермопилами: «когда насъ одолѣете, все

*) Бестужевъ-Рюминъ, I, 269 и слѣд.

ваше будетъ»—и всѣ погибли въ неравной борьбѣ. Раззоривъ города и опустошивъ огнемъ и мечомъ всю Рязанскую землю, Татары вступили въ Суздальское княжество, по пути сожгли небольшой городокъ *Москву* (упоминаемый еще при Юріи Долгорукомъ, въ половинѣ XII в.) и двинулись на Владиміръ.

Послѣ упорнаго сопротивленія, городъ Владиміръ (на рѣкѣ Клязьмѣ) былъ взятъ Татарами, раззоренъ и выжженъ; семья великаго князя Юрія, епископъ и старѣйшіе бояре были сожжены въ мѣстномъ соборѣ, гдѣ искали себѣ послѣдняго убѣжища. Самъ князь Юрій, едва успѣвшій собрать войско, ожидалъ Татаръ на р. Сити. Здѣсь произошла рѣшительная битва (въ 1238 г.) и русское войско, подавленное множествомъ, все полегло на мѣстѣ. Князь Юрій былъ въ первыхъ рядахъ и былъ убитъ.

Съ береговъ Сити Татары пытались двинуться на Новгородъ, но побоялись перехода по болотамъ, такъ какъ уже начиналась весна, и повернули на юго-востокъ, откочевывая въ приволжскія степи. Все раззоряя и грабя на пути, они встрѣтили отчаянное сопротивленіе со стороны небольшого городка Козельска, подъ которымъ часть орды задержалась на нѣсколько недѣль. Татары наконецъ одолѣли козельцевъ, взяли городъ и вырѣзали всѣхъ жителей его до единаго. Современный лѣтописецъ, описывая эту страшную расправу, сообщаетъ, что одинъ изъ князей-младенцевъ «утонулъ въ крови». Не даромъ Татары, изумленные мужествомъ козельцевъ, прозвали съ тѣхъ поръ Козельскъ «злымъ городомъ».

Раззореніе Кіева и Южной Руси.

На слѣдующій годъ Татары, съ низовья Волги, двинулись южными степями въ Приднѣпровье, въ теченіе двухъ лѣтъ (1239—1240), раззоряли Южную Россію, а затѣмъ подошли къ Кіеву. Кіевомъ въ то время владѣлъ князь Даніилъ Романовичъ Галицкій, но самого его въ городѣ не было: онъ находился въ Венгріи, гдѣ у родственника и союзника своего, короля Венгерскаго, надѣялся получить вспомогательное войско. Защита Кіева была поручена боярину Димитрію, который на предложеніе о сдачѣ города отвѣчалъ отказомъ. Тогда орда татарская переправилась за Днѣпръ и обложила Кіевъ въ такомъ множествѣ, что, по замѣчанію лѣтописца, «отъ ея нестройнаго шума и криковъ, отъ скрипа телѣгъ, ржанія коней и блеянія стадъ—кіевляне были какъ бы оглушены и не могли въ городѣ разслышать другъ друга». Защищались кіевляне отчаянно, сначала на стѣнахъ, потомъ, когда Татары съ разныхъ сторонъ ворвались въ городъ, то въ домахъ, улицахъ и церквахъ. Но Татары одолѣли—и городъ былъ раззоренъ и обращенъ въ груду развалинъ.

Въ 1241 г., въ то время, когда одна часть орды двинулась на Польшу и, разбивъ польскихъ князей при *Лигницѣ*, стала раззорять Силезію, другая наступила на Венгрію и Богемію. Мужественная защита Голомуца (въ Моравіи) чешскимъ воеводою *Ярославомъ*, а также и значительныя неудобства, которыя, при сравнительной густотѣ европейскаго населенія, они всюду встрѣчали въ прокормѣ своихъ стадъ, побудили Татаръ обратиться назадъ и вновь удалиться въ привольныя южно-русскія степи. Здѣсь они основались прочно и остались надолго. Бо̀льшую часть года они кочевали между Волгою, Дономъ и Кавказскими горами съ одной

стороны, между Дономъ и Днѣпромъ—съ другой; а на зиму собирались около *ханской ставки*, въ главномъ зимовьѣ Орды—*Сараѣ* *), гдѣ впослѣдствіи образовалось нѣчто среднее между городомъ и кочевьемъ. Сюда-то, въ *Сарай*, ханы татарскіе (или какъ они сами себя величали — «ханы Золотой Орды») стали призывать къ себѣ русскихъ князей, оставшихся въ живыхъ, налагая на нихъ дань и вынуждая къ повиновенію страхомъ нашествія и опустошенія.

Порабощеніе Руси.

По воззрѣніямъ Татаръ, всѣ тѣ страны, по которымъ они прошли съ огнемъ и мечомъ, принадлежали ихъ хану, а потому и ни одинъ князь въ этихъ земляхъ не смѣлъ править своею областью, не получивъ на это *ярлыка* (разрѣшающей ханской грамоты). Для полученія ярлыка князь долженъ былъ самъ ѣхать въ Орду, везти съ собою подарки хану, его любимымъ женамъ и вельможамъ. Во время пребыванія въ Ордѣ нужно было кланяться, заискивать, подчиняться унизительнымъ обрядамъ, подавлять въ себѣ отвращеніе къ нечистымъ обычаямъ кочевниковъ. Путемъ всѣхъ этихъ униженій и испытаній добившись отъ хана грамоты (ярлыка) на княженіе, князья, пускаясь въ обратный путь, должны были обязываться за себя и своихъ подданныхъ уплатою тяжкой дани въ ханскую казну. Татарскіе ханы выказали въ порабощеніи Руси такую послѣдовательность и умѣнье, какъ и въ завоеваніи отдѣльныхъ русскихъ областей и княжествъ. Прежде всего отправлены были по городамъ и волостямъ особые чиновники, *баскаки* (буквально: *давители*), которые перечислили все населеніе съ десятилѣтняго возраста (за исключеніемъ женщинъ), и каждаго обложили извѣстною данью, сообразно его положенію и состоянію. Всѣ оброчныя статьи, всѣ промыслы, всѣ виды торговли были также обложены пошлинами. Обложенія данью и пошлинами избѣгли только монастыри и церкви и все русское духовенство, черное и бѣлое, такъ какъ законъ (ясы), признаваемый татарами, предписывалъ имъ «относиться съ уваженіемъ къ служителямъ чужого Бога» **).

Татарскіе баскаки собирали дань съ чрезвычайною суровостью, и всякій отказъ отъ уплаты или сопротивленіе баскаку влекло за собою присылку татарскаго отряда, который жегъ, раззорялъ, грабилъ непокорныхъ и уводилъ плѣнниками въ Орду. Иногда случалось, что ханы отдавали дань въ отдаленныхъ мѣстахъ Руси средне-азіатскимъ купцамъ *на откупъ*, и такіе откупщики, стараясь нажиться отъ избытковъ дани, угнетали народъ еще болѣе, нежели баскаки.

Неисчислимы и страшны были бѣдствія Русской Земли въ это тяжкое время, и великимъ счастьемъ для нея было то, что завоеватели Руси, какъ кочевники, не могли селиться въ городахъ и потому предоставляли русскимъ князьямъ править ихъ землями, по произволу, подъ условіемъ своевременной и вѣрной уплаты дани. Еще бо̀льшимъ счастьемъ было то,

---

*) Близъ нынѣшняго города *Царева* въ Астраханской губ.

**) Татары въ это время были еще язычниками и поклонялись огню и тѣнямъ предковъ. По отношенію къ русскому духовенству и монашеству они выказывали почтеніе и даже нѣкоторый суевѣрный страхъ; а ханы, впослѣдствіи, даже оберегали и доходы русскаго духовенства своими ярлыками отъ всякихъ поборовъ и насилій.

что татарское иго не коснулось главныхъ духовныхъ сокровищъ русскаго народа—его вѣры и языка.

Первымъ русскимъ княземъ, явившимся въ Орду, былъ *Ярославъ Всеволодовичъ*, вступившій, по смерти своего брата Юрія, на великокняжескій престолъ во Владимірѣ; онъ первый получилъ ханскій ярлыкъ на владѣніе своею наслѣдственною землею. Его примѣру послѣдовали и другіе князья. Послѣднимъ явился князь *Даніилъ Романовичъ Галицкій*, все еще надѣявшійся на возможность получить помощь противъ Татаръ съ Запада, изъ Венгріи и Германіи, при посредствѣ папы, съ которымъ онъ вошелъ въ сношенія, обѣщая ему даже перейти въ католичество. Но папа удовольствовался тѣмъ, что прислалъ Даніилу королевскую корону и утѣшительныя посланія. Тогда Даніилъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія и покорился хану, сохранивъ свою вѣру. Русскіе князья въ Ордѣ.

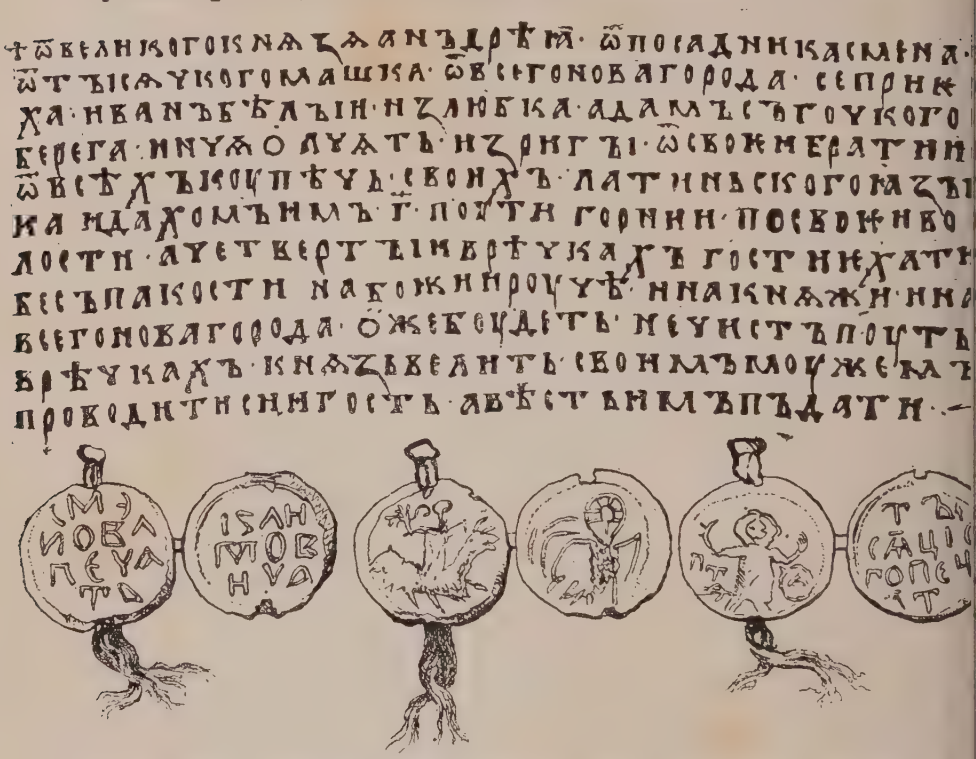
Такъ какъ Ярославъ Всеволодовичъ вскорѣ скончался *), то на его мѣсто великимъ княземъ явился знаменитый сынъ его, *Александръ Ярославичъ Невскій*, уже прославленный своими побѣдами надъ Шведами, Нѣмцами и Чудью (на берегахъ Невы и на льду Чудскаго озера), и этотъ князь былъ истиннымъ благодѣтелемъ не только своего княжества, но и всей Руси въ первый и наиболѣе тяжкій періодъ Татарщины. Александръ Невскій.

Будучи настолько же умнымъ и тонкимъ политикомъ, насколько и храбрымъ воиномъ, сознавая притомъ же полную невозможность борьбы съ Татарами, Александръ заботился только объ улаживаніи отношеній между ханомъ, русскими князьями и городами, и о возможномъ облегченіи тягостей, угнетавшихъ народъ. Съ этою цѣлью четыре раза предпринималъ онъ дальнее и трудное путешествіе въ Орду, жилъ въ ней каждый разъ по нѣскольку мѣсяцевъ и, всѣми уважаемый даже и тамъ, съумѣлъ отклонить много бѣдствій, раззореній и нашествій отъ несчастной Русской Земли. Когда онъ скончался (14 ноября 1263 г.), его оплакивала вся Русь, и митрополитъ Кириллъ имѣлъ право сказать надъ его гробомъ народу: «дѣти мои милые! понимаете-ли вы, что закатилось солнце Земли Русской!»

По смерти Александра Невскаго начались раздоры сначала между его братьями, а потомъ и между его сыновьями, за обладаніе великокняжескимъ Владиміро-Суздальскимъ престоломъ. Во время этой борьбы успѣли возвыситься, среди множества другихъ мелкихъ удѣльныхъ княжествъ, княжества *Смоленское, Рязанское* и въ особенности *Тверское*. Междоусобною борьбою русскихъ князей искусно пользовалась и Орда, раздавая ярлыки на княженіе по произволу. Мало-по-малу, подъ вліяніемъ татарскаго ига, всѣ отношенія между князьями совершенно видоизмѣнились и рушились. Не только *права родового старшинства*, но даже и *права прямого наслѣдованія* утратили всякое значеніе, потому что ни одинъ князь не могъ сѣсть на престолъ безъ ханскаго ярлыка, а ханы смотрѣли на ярлыкъ, какъ на знакъ своей особой милости и расположенія къ князю; между тѣмъ, эту милость каждый князь могъ пріобрѣсти въ Ордѣ, угождая хану, его женамъ и любимцамъ. Такимъ образомъ, и Сыновья Александра Невскаго.

*) Умеръ во время дальняго путешествія въ Среднюю Азію, куда Батый отправилъ его на поклоненіе старшему хану.

Образцы древне-русской дѣловой письменности XIV вѣка.



Охранная грамота Ганзэйскимъ купцамъ, выданная княземъ Новгородскимъ Андреемъ Александровичемъ, около 1301 года.

(Уменьшена).

Текстъ грамоты:

отъ великаго князя андрея. отъ посадника с(е)мена. отъ тысяч(с)каго машка. отъ всего новагорода. се пріѣха(лъ) иванъ бѣлыи из(ъ) любка. адамъ съ гоч(тс)каго берега. инчя олчять изъ ригы. отъ своеи братии отъ всѣхъ купеч(и)ъ своихъ латинскаго языка и дахомъ имъ три пути горнии [1]) по своеи волости, а четвертни в(ъ) рѣчкахъ гости ѣхати бес(з)ь пакости на божіей рукѣ [2]) и на княжьей и на всего новагорода. Оже (ежели-же) будетъ нечистъ путь в(ъ) рѣчкахъ князь велитъ своимъ мужемъ проводити сии гость (и) вѣсть имъ подати.

(Внизу привѣшены къ грамотѣ три печати: посадникова, вѣроятно княжеская, и тысяцкаго).

великокняжеское достоинство утратило, мало-по-малу, всякое значеніе. Великимъ княземъ считался всякій князь, получившій отъ хана ярлыкъ на престолъ Владиміро-Суздальскій: такой великій князь вовсе даже и не жилъ во Владимірѣ (на р. Клязьмѣ), и, оставаясь въ своемъ удѣлѣ, изъ него правилъ княжествомъ Владиміро-Суздальскимъ.

---

[1]) Горный путь—сухопутье. И до сихъ поръ существуетъ народное выраженіе: везти товаръ *гордю*, т. е. сухимъ путемъ. [2]) На рукѣ—въ см. на порукѣ.

Возникновеніе Москвы.

Само собою разумѣется, что при такомъ приниженномъ положеніи всѣхъ князей, при такомъ упадкѣ значенія великокняжескаго достоинства должно было падать и значеніе центра великокняжеской власти—города Владиміра. Но рядомъ съ Владиміромъ уже возвышался въ это время другой городъ — *Москва*, будущая столица сильнаго государства Московскаго. Москва впервые упоминается въ лѣтописи подъ 1147 г. по поводу пира, которымъ здѣсь угощалъ Юрій Долгорукій одного изъ своихъ союзниковъ. По преданію, на мѣстѣ г. Москвы находилось частное владѣніе боярина Степана Кучка, казненнаго Юріемъ за какую-то вину. Казнивъ боярина, Юрій присвоилъ себѣ его владѣніе, *село Кучково*, пріѣзжалъ сюда пировать и охотиться, а впослѣдствіи заложилъ здѣсь, на холмѣ, покрытомъ дремучимъ боромъ, городокъ Москву. Этотъ выгодно расположенный городокъ сталъ впослѣдствіи средоточіемъ небольшой волости, которая входила въ составъ удѣловъ Суздальскаго княжества, была даже раззорена Татарами, и наконецъ досталась младшему изъ сыновей Александра Невскаго, *Даніилу*. Умный и осторожный Даніилъ съумѣлъ устраниться отъ борьбы своихъ братьевъ, и въ то же время пользовался всякимъ случаемъ, чтобы расширить свои владѣнія на ихъ счетъ, то скупая у нихъ, то захватывая все, чего они не могли отстоять. Отъ своего племянника получилъ онъ въ наслѣдство одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Суздальской области, *Переяславль*, а отъ княжества Смоленскаго силою отнялъ *Можайскъ* и, округливъ такимъ образомъ свое княжество, значительно-разбогатѣвъ и усилившись, могъ уже оставить сыновьямъ своимъ, *Юрію* и *Іоанну*, такое владѣніе, которое равнялось и Тверскому, и Смоленскому княжеству. Тогда между князьями Московскими и князьями Тверскими завязалась борьба не на-животъ, а насмерть — изъ-за обладанія великокняжескимъ престоломъ Владиміро-Суздальскимъ. Не входя въ подробности этой борьбы, замѣтимъ, что она полна трагическихъ и кровавыхъ эпизодовъ, и такой безпощадности, которая ясно свидѣтельствуетъ о глубокомъ паденіи нравственнаго уровня въ княжеской средѣ. Изъ сыновей Даніила, старшій, *Юрій*, погибъ въ этой борьбѣ, погубивъ двоихъ Тверскихъ князей, своихъ соперниковъ, и Московское княжество очутилось въ рукахъ другого сына Даніилова, *Іоанна*.

Іоаннъ Калита. 1328—1341.

Іоаннъ I, по прозванію «*Калита*» *), былъ человѣкъ замѣчательный. Осторожный и хитрый политикъ, безжалостный къ врагамъ и не затруднявшійся въ выборѣ своихъ средствъ, онъ былъ въ то же время одаренъ умомъ государственнымъ. Сознавая необходимость объединенія и усиленія Руси для освобожденія ея отъ ненавистнаго ига, онъ стремился постоянно только къ двумъ цѣлямъ: расширенію владѣній своихъ и обогащенію казны. Съ этою цѣлью онъ не щадилъ никого изъ сосѣдей—притѣснялъ и Ростовъ, и Тверь, и Новгородъ—всюду распоряжаясь полновластно, и при этомъ превосходно умѣлъ ладить съ Татарами, тщательно оберегая свое княжество отъ всякихъ вторженій и опустошеній. Ханъ возвелъ Іоанна Калиту въ великокняжеское достоинство (1328—1341), а затѣмъ поручилъ ему сборъ ордынской дани *со всей Руси*. Это

*) *Калита*—кошель для денегъ, сумá; въ переносномъ значеніи—*скопидомъ*.

важное право, съ одной стороны, ставило всѣ остальныя княжества и земли Русскія въ подчиненное отношеніе къ князю Московскому, а съ другой стороны—предоставляло въ распоряженіе Московскаго князя большія богатства, при помощи которыхъ онъ скупалъ сёла и города у раззоренныхъ и обѣднѣвшихъ удѣльныхъ князей.

Въ томъ же направленіи—съ цѣлью возвышенія значенія Москвы—дѣйствовалъ Іоаннъ Калита и прилагалъ всѣ старанія къ перенесенію митрополіи (т. е. резиденціи митрополита) изъ Владиміра въ Москву. Наконецъ, ему удалось уговорить митрополита *Петра* навсегда поселиться въ Москвѣ, гдѣ ему было и спокойнѣе, и безопаснѣе жить, нежели во Владимірѣ, и въ угоду святому старцу заложилъ *Успенскій соборъ* (1326 г.), на постройку котораго не щадилъ ни средствъ, ни трудовъ. Это перенесеніе митрополіи въ Москву существенно подвинуло небольшой, но быстро-возрастающій городъ къ пріобрѣтенію значенія *всероссійскаго центра*, такъ какъ всѣ остальные города и области вынуждены были обращаться въ Москву по всѣмъ вопросамъ церковнымъ. Съ другой стороны и митрополиты московскіе въ значительной степени способствовали упроченію и распространенію власти Московскихъ князей надъ князьями удѣльными. Въ какой степени за время правленія Іоанна Калиты увеличились владѣнія Московскаго князя, можно видѣть изъ того, что каждому изъ старшихъ своихъ сыновей онъ могъ уже завѣщать «*по двадцати городовъ съ селами*», да столько же княгинѣ своей съ младшими дѣтьми.

Сыновья Калиты.

Сынъ Іоанна Калиты, *Симеонъ Гордый*, продолжалъ политику отца послѣ того, какъ ханъ утвердилъ его великимъ княземъ и «отдалъ всѣхъ русскихъ князей подъ его руку». Онъ и распоряжался ими полновластно, и даже въ грамотѣ своей величалъ себя «великимъ княземъ *всея Руси*». Но онъ правилъ недолго (скончался отъ моровой язвы въ 1353 году) и передалъ княженіе брату своему *Іоанну II*, такъ какъ умеръ бездѣтнымъ.

Іоаннъ II княжилъ всего 6 лѣтъ; но онъ могъ уже умереть спокойно, поручивъ своего малолѣтняго сына *Дмитрія* на попеченіе митрополита Алексѣя и старыхъ московскихъ бояръ, которые съумѣли поддержать уже установившіяся московскія традиціи. Въ особенности важной была въ этомъ отношеніи дѣятельность митрополита Алексѣя, человѣка, одареннаго обширнымъ умомъ государственнымъ, просвѣщеннаго и проникнутаго горячею любовью къ родинѣ. Пользуясь своимъ значеніемъ въ Ордѣ *), митрополитъ Алексѣй съумѣлъ отстоять права своего малолѣтняго питомца, князя Дмитрія Іоанновича, отъ притязаній всѣхъ остальныхъ князей и добился того, что 9-ти-лѣтній Дмитрій былъ возведенъ на великокняжескій престолъ.

Дмитрій Донской. 1359—1389.

Едва возмужалъ Дмитрій, какъ уже, по совѣту митрополита и старыхъ бояръ, служившихъ его отцу и дѣду, позаботился объ укрѣпленіи Москвы—обнесъ ее толстыми *каменными стѣнами и башнями*, что было необычно въ русскихъ городахъ на Сѣверо-Востокѣ, такъ какъ всѣ укрѣпленія ихъ были земляныя и деревянныя. Съ тѣхъ поръ князь Московскій, богатый и сильный, началъ полновластно распоряжаться сосѣдними княжествами, подчиняя своей власти однихъ князей, а другихъ изгоняя изъ удѣловъ.

*) Значеніе митрополита Алексѣя въ особенности возросло въ Ордѣ съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось вылечить *Тайдулу*, жену хана *Чанибека*, отъ тяжкой глазной болѣзни.

Послѣдовалъ цѣлый рядъ военныхъ столкновеній съ сосѣдними княжествами: Нижегородскими и Суздальскими князьями, Рязанью, Новгородомъ, затѣмъ, даже долгая и упорная борьба съ Тверью и Литвою, которая закончилась важнымъ и любопытнымъ договоромъ. По этому договору, князь Тверской признавалъ себя *младшимъ братомъ Дмитрія* и обязывался быть его неизмѣннымъ союзникомъ *противъ Татаръ* и Литвы.

Тутъ впервые обнаружилась та политика, къ которой Москва готовилась уже издавна, передавая завѣтную мысль объ освобожденіи отъ ига изъ поколѣнія въ поколѣніе своихъ князей. И дѣйствительно, въ теченіе 20-ти-лѣтняго княженія, окончательно утвердившись на своемъ престолѣ и собравъ въ рукахъ своихъ нити управленія всѣми сосѣдними княжествами, Дмитрій Іоанновичъ сталъ относиться иначе, нежели его предшественники, къ Ордѣ, въ которой тѣмъ временемъ происходили тоже большіе раздоры и неурядицы. То Дмитрій задерживалъ уплату дани Ордѣ, то самъ собиралъ дань съ ея данниковъ, Болгаръ Волжскихъ; то оружіемъ отражалъ набѣги Татаръ на русскія области. Наконецъ, на него поднялась изъ Орды гроза Мамай, одинъ изъ татарскихъ князей, распоряжавшійся въ Ордѣ полновластно, рѣшился наказать Москву и напомнить ей первыя времена Татарщины. Онъ собралъ огромное войско и заключилъ союзъ съ Литовскимъ княземъ, Ягелломъ, который, одновременно съ Мамаемъ, долженъ былъ ударить на Русь съ Запада.

При первыхъ извѣстіяхъ изъ Орды о сборахъ Мамая, Дмитрій Іоанновичъ собралъ войско изо всѣхъ наличныхъ силъ Руси. Въ первый еще разъ подъ знаменами великаго князя Московскаго собралось такое множество русскихъ князей со своими ополченіями! 20 августа 1380 г. войска русскія, по благословенію Св. Сергія, выступили изъ Москвы, и когда, подъ Коломною, князь Дмитрій произвелъ имъ смотръ, то оказалось, что воиновъ въ его войскѣ было 150,000 человѣкъ. Не было тутъ только ополченія князя Олега Рязанскаго, который отказался отъ участія въ общемъ дѣлѣ по ненависти къ Московскому князю, и ополченія новгородскаго, случайно не поспѣвшаго на сборный пунктъ. Отъ Коломны войско двинулось на Ю.-В., переправилось за Донъ и стало ожидать наступленія полчищъ Мамая.

Предстояло рѣшеніе важнаго, жизненнаго вопроса для всей Земли Русской—кто одолѣетъ въ предстоящей тяжкой борьбѣ, отъ которой зависѣло все будущее существованіе Русскаго государства? Битва предстояла жестокая, неумолимая, противъ врага испытаннаго, привыкнувшаго побѣждать, покорять и порабощать русскихъ людей... Въ этомъ смыслѣ подвигъ Дмитрія и его воиновъ можно смѣло сравнить съ подвигомъ героя, сражавшагося на поляхъ Каталаунскихъ противъ Аттилы:—и здѣсь, и тамъ рѣшался одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ исконной борьбы Запада съ Востокомъ, и кончился торжествомъ Запада, побѣдою христіанскаго войска надъ мусульманскимъ.

Войска русскія сошлись съ несмѣтными полчищами Мамая на Куликовомъ полѣ, при впаденіи въ Донъ рѣчки Непрядвы. Позиція, избранная Дмитріемъ, была очень крѣпка, а самое поле битвы было не настолько обширно, чтобы можно было Мамаю развернуть всѣ свои силы и

Остатки терема князя Олега Рязанскаго.
Нынѣ архіерейскій домъ въ г. Рязани.

охватить небольшое войско русское. Битва началась съ утра 8-го сентября и длилась очень долго. Каждый изъ воиновъ, участвовавшихъ въ этой битвѣ, зналъ, что онъ бьется противъ исконнаго врага Руси и жертвуетъ жизнью для освобожденія родины отъ ненавистнаго татарскаго ига. Вотъ почему всѣ дрались съ безпримѣрнымъ мужествомъ, не уступая ни пяди земли, задыхаясь въ тѣснотѣ отчаянной рукопашной свалки; князья, бояре, воеводы, даже самъ великій князь сражались въ рядахъ простыхъ воиновъ. Наконецъ, побѣда русской рати была рѣшена внезапнымъ ударомъ изъ засады запасныхъ свѣжихъ силъ, подъ предводительствомъ двоюроднаго брата великаго князя *Владиміра Старицкаго* (прозваннаго за эту побѣду *Храбрымъ*) и опытнаго воеводы великокняжескаго *Дмитрія Волынца*. Татары, уже истомленные долгой битвой, не выдержали неожиданнаго натиска свѣжихъ силъ, ударившихъ во флангъ ихъ, и обратились въ бѣгство, оставивъ весь свой громадный и богатый станъ въ рукахъ побѣдителей. Побѣда была полная, но за то и потери, понесенныя русскими въ битвѣ, были такъ чрезмѣрны, что лѣтописецъ говоритъ: «оскудѣла совершенно вся Земля Русская воеводами, князьями и всѣмъ воинствомъ».

«Оскудѣніе» это выказалось ясно два года спустя послѣ Куликовской битвы, когда новый ханъ Золотой Орды, *Тохтамышъ*, вдругъ ударилъ на Московское княжество, и, пользуясь тѣмъ, что никто нападенія съ его стороны не ожидалъ, прошелъ до самой Москвы, взялъ ее обманомъ и ограбилъ, однакоже тотчасъ послѣ того отступилъ, прослышавъ о приближеніи войска, собраннаго великимъ княземъ. Это уже было *не нашествіе*, а *только набѣгъ*. Сила Орды была сломлена; но Дмитрій справедливо опасался частыхъ опустошеній отъ подобныхъ набѣговъ, а потому отправилъ сына своего Василія съ боярами въ Орду и вновь призналъ себя данникомъ татарскихъ хановъ.

Дмитрій Іоанновичъ прожилъ недолго послѣ Куликовской битвы. Онъ

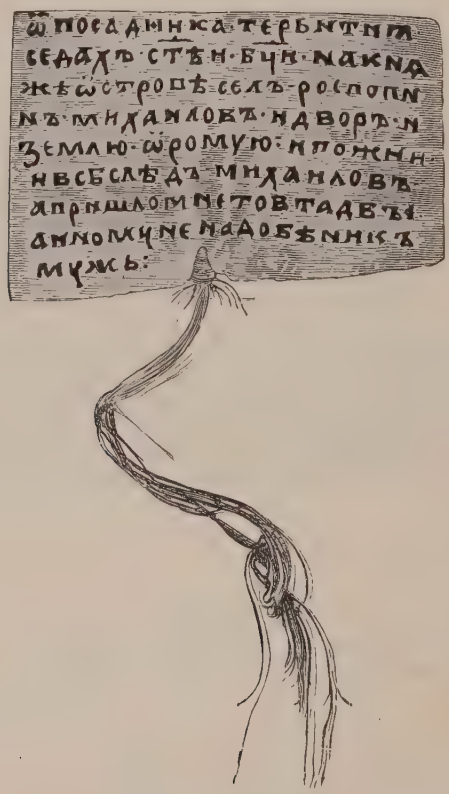
Донской монастырь въ Москвѣ, воздвигнутый въ память побѣды Дмитрія Донскаго. Въ древнемъ видѣ своемъ не сохранился.

скончался въ 1389 г. *). Но и въ послѣдніе годы своей жизни онъ не переставалъ заботиться объ ослабленіи удѣльныхъ князей и объ установленіи тѣснѣйшей связи всѣхъ русскихъ областей съ Москвою. Въ договорахъ, заключенныхъ имъ съ братьями и съ удѣльными князьями, онъ уже прямо обязывалъ ихъ «признавать старшинство Московскаго князя и

*) За побѣду, одержанную на Дону надъ Татарами, Дмитрій получилъ въ потомствѣ прозваніе *Донского*; а самый походъ русскаго войска и борьба съ Мамаемъ и его полчищами воспѣта была въ современномъ поэтическомъ произведеніи, подъ названіемъ «Сказанія о Задонщинѣ в. кн. Дмитрія Ивановича».

служить ему». Насколько усилилось при немъ могущество Московскаго княжества, видно уже изъ того, что онъ, не спрашиваясь у Орды, оставилъ свой «великокняжескій престолъ *въ наслѣдство* сыну» и въ завѣщаніи своемъ называетъ даже и великое княженіе *Владимірское* «*своею вотчиною*».

Но Русь еще не была вполнѣ свободна отъ Орды; еще въ теченіе 100 лѣтъ послѣ Куликовской битвы Московскіе князья платили ежегодную дань татарскимъ ханамъ, а въ княженіе Василія I, сына Дмитріева, страшная новая гроза чуть не обрушилась на Русскую Землю: грозный Тамерланъ, заставившій всѣ страны Средней и Малой Азіи трепетать передъ своими полчищами, приблизился къ предѣламъ Руси, дошелъ до Ельца, который раззорилъ и ограбилъ (1396 г.), и потомъ вдругъ, по причинамъ, не вполнѣ разъясненнымъ исторіею, повернулъ на Югъ и удалился отъ предѣловъ Русской Земли въ глубь азіатскихъ степей. Русскіе лѣтописцы имѣли полное право приписывать чуду избавленіе Русской Земли отъ новаго нашествія и раззоренія.



Новгородская „данная" грамота на владѣніе землею.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Состояніе Церкви. — Великій расколъ и соборное движеніе.— Гусситская война и конецъ Люксембургскаго дома. — Начало Габсбурговъ. — Конецъ базельскаго собора.

Состояніе Церкви съ 1377 г.

Какъ было уже сказано, въ 1377 г., преемникъ Урбана V, Григорій XI, снова перенесъ папскую резиденцію изъ Авиньона въ Римъ. По смерти его здѣсь въ 1378 г., римское населеніе хотѣло имѣть папою итальянца, по возможности даже римлянина, и кардиналы, хотя большею частью и французскіе, испуганные такимъ настроеніемъ умовъ, выбрали неаполитанца, архіепископа въ Бари, Урбана VI. Этотъ папа принялся горячо за реформы, не щадя упрековъ и самимъ кардиналамъ, — что не могло нравиться этимъ церковнымъ курфюрстамъ, привыкшимъ къ почету и роскоши, и не желавшимъ принудить себя къ тому аскетическому образу жизни, на который обрекалъ самого себя новый папа, требуя того же и отъ другихъ. Они считали Урбана безумцемъ, и большинство ихъ, двѣнадцать «Трамонтановъ», бѣжали въ Ананьи, объявили тамъ избраніе Урбана недѣйствительнымъ и выбрали, въ Фонди, француза, женевскаго уроженца, кардинала Роберта, подъ именемъ Климента VII. Онъ былъ признанъ Іоанной I, королевой Неаполитанской (съ 1343 г.), и Франціей, и поселился снова въ Авиньонѣ. Ему подчинились постепенно и другія государства, политически зависѣвшія отъ Франціи или находившіяся съ нею въ дружескихъ сношеніяхъ, какъ, напр., Шотландія, Савойя, Кастилія, Арагонъ, Наварра. Но нѣмецкія земли, Германія и Англія, Данія, Швеція, Польша признавали Урбана, — и такимъ образомъ возникъ великій расколъ, «схизма», разъединившая Западную Церковь.

Расколъ.

Повсюду горячо обсуждался вопросъ о правильности избранія Урбана. Со смертью его, въ 1380 году, казалось бы весьма удобнымъ возстановить единство Церкви, но римскіе кардиналы избрали тотчасъ новаго папу: Бонифація IX, а когда умеръ въ Авиньонѣ Климентъ XII (1394), французскіе кардиналы, съ своей стороны, провозгласили папою Бенедикта XIII. Послѣ кончины Бонифація, партія его избрала еще папу и затѣмъ, когда умеръ и тотъ (1406), еще новаго, подъ именемъ Григорія XII. Всѣ эти папы боролись другъ съ другомъ, извлекая духовное оружіе изъ своего неистощимаго арсенала. Они не щадили взаимныхъ анаѳемъ, что смущало народную совѣсть или, лучше сказать, притупляло ее; многіе говорили, что, вмѣсто двоихъ, можно имѣть и дюжину папъ, или, пожалуй, своего

для каждой страны. Но духовное оружіе было мало дѣйствительно въ подобной борьбѣ; нужно было другое, мірское, а для него требовались деньги; и прежде уже изобрѣтательность куріи относительно вымоганія денежныхъ средствъ вызывала изумленіе и ропотъ, но теперь всѣ такія злоупотребленія еще возросли, вполнѣ заслуживая названіе симоніи, которымъ мѣтко заклеймила ихъ старая Церковь. Къ такъ-называемымъ «бенефиціямъ», полученіе которыхъ черезъ папу совершалось тоже не безденежно, прибавились обѣщанія на будущее полученіе доходныхъ мѣстъ—«*gratiae expectativae*»; къ «аннатамъ», т.-е. годовому пользованію приходомъ, прибавились «споліи» или выморочное движимое и недвижимое имущество умершихъ прелатовъ; все это вмѣстѣ образовало богатый притокъ въ папскую казну. Коллекторы и подколлекторы собирали эти дани подъ разными рубриками: «резервацій», «превенцій», «деволюцій», «комендъ» *), смертнаго случая при папскомъ дворѣ, разрѣшительныхъ грамотъ. Вѣрнымъ признакомъ разложенія Церкви было возраставшее число сектъ и братствъ; таковы были: апостольскія братства, духословы, бегарды и бегины **), братья совмѣстнаго житія и пр., и пр. Если всѣ эти сектанты и не разрывали вполнѣ своей связи съ общею Церковью, то все же обиліе ихъ доказывало, что она, въ своемъ видѣ, не удовлетворяла религіознымъ потребностямъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ. И эта неудовлетворенность чувствовалась не только глубокими, но и легкомысленными натурами, возмущая наиболѣе серьезные умы, потому что естественнымъ послѣдствіемъ укоренившейся симоніи, разраставшейся до чудовищныхъ размѣровъ вслѣдствіе самой схизмы, было усиливавшееся обмірщеніе и искаженіе духовнаго сословія. Лицамъ, попадавшимъ случайно ко дворамъ языческихъ государей, приходилось выслушивать тамъ, что христіанамъ теперь легче живется, нежели прежде: у нихъ двое боговъ, которые могутъ отпускать имъ грѣхи,—не захочетъ одинъ, можно обратиться къ другому.

Преобразовательное движеніе. Соборъ въ Пизѣ.

Такое печальное положеніе вещей чувствовалось во всѣхъ странахъ и всѣми сословіями. Но поправить дѣло было трудно, потому что Церковь вытѣснила изъ законной сферы ихъ дѣятельности мірскихъ властителей, этихъ жизненныхъ и содѣйствующихъ членовъ Церкви, предъявляя имъ свои непомѣрныя и извращенныя притязанія. Между тѣмъ, безъ помощи этихъ самыхъ властителей, церковная реформа была немыслима. Какъ учила Виклифская ересь, дѣло должны были взять въ свои руки «domini temporales», свѣтскіе князья. Дѣйствительно, нѣмецкій король Венцеславъ и французскій король Карлъ VI рѣшили водворить въ Церкви единство, заставивъ обоихъ папъ отказаться отъ своего сана. Но тѣ и не помышляли объ этомъ. Начатые по этому поводу переговоры велись только для вида. Среди этого возникала новая, непредвидѣнная сила, которая

---

*) *Резервація* — право назначенія на мѣста, оставляемое папою за собою. — *Превенція*—право просить папу непосредственно, минуя епископовъ.— *Деволюція* — перенесеніе духовной должности папою на избираемое имъ лицо.—*Коменда*—доходъ, назначаемый папою духовному лицу, опредѣленному королемъ.

**) *Бегарды*—секта, проповѣдывавшая идеальное совершенство, хотя и допускавшая многія безобразія. *Бегины* — секта, считавшая себя 3-мъ орденомъ Св. Франциска.

находила отвѣты на то, передъ чѣмъ нѣмѣла догматика и существовавшее каноническое право: сила эта заключалась въ свободномъ знаніи, — по скольку его можно назвать таковымъ,—и его органахъ: университетахъ, которые стали быстро основываться, со второй половины XIV столѣтія, въ Прагѣ (1348), Вѣнѣ (1365), Гейдельбергѣ (1387), Кёльнѣ (1388), Эрфуртѣ (1392), при чемъ наиболѣе прославившіеся, Парижскій и Оксфордскій, занимались самыми жгучими вопросами. Злобою дня становилась церковная реформа,—реформа «сверху и до низу», и созваніе вселенскаго собора ради этой цѣли. Но кто имѣлъ право созвать его? Это было вопросомъ, и весьма серьезнымъ. Однако, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, кардиналы обѣихъ курій созвали такой съѣздъ въ Пизѣ (мартъ 1400). Два вожака реформенной партіи, епископъ Камбрійскій, Петръ д'Эльи, и канцлеръ Парижскаго университета, Іоаннъ Жерсонъ, заняли первенствующее мѣсто на этомъ соборѣ, который повелъ дѣло рѣшительно, объявилъ низложенными обоихъ папъ, Бенедикта и Григорія, и избралъ новаго, Петра Кандію, уже не молодого, подъ именемъ Александра V. Собраніе было торжественное; въ немъ насчитывалось 22 кардинала, 3 патріарха, 12 архіепископовъ, 80 епископовъ, 87 аббатовъ; представителями не менѣе нежели 15 университетовъ было 300 докторовъ богословія и каноническаго права. Не было недостатка въ весьма рѣзкихъ рѣшеніяхъ; но преобразовательное движеніе не было еще всесокрушающимъ, соборъ не опирался еще на могучую народную силу, и Александръ V, дѣльный богословъ, но, какъ человѣкъ, не способный противустоять своимъ кардиналамъ, распустилъ собраніе, между тѣмъ, какъ оба низложенные схизматика продолжали считать себя законными папами. Такимъ образомъ, оказывалось уже трое намѣстниковъ Св. Петра, при чемъ всей богословской и юридической учености было недостаточно для опредѣленія: который же изъ нихъ былъ поистинѣ самымъ настоящимъ и правомѣрнымъ?

Богемія. Іоаннъ Гуссъ.

Въ это время въ Богеміи стало обнаруживаться движеніе примыкавшее непосредственно къ ереси Виклифа. Въ Прагѣ, отличавшейся своимъ умственнымъ развитіемъ, давно уже высказывались сильные протесты; теперь же въ ряду такихъ реформаторовъ, какъ Стикна, Миличъ, Матѳей изъ Янова, присоединился молодой духовный, степенный и высоконравственный, искренній проповѣдникъ, чехъ *Іоаннъ Гуссъ,* родившійся въ 1369 г., въ пограничномъ мѣстечкѣ Гусинцѣ; онъ занялъ рано мѣсто при университетѣ и, начиная съ 1402 г., привлекалъ на себя общее вниманіе, состоя проповѣдникомъ при Виѳлеемской часовнѣ въ Прагѣ и духовникомъ королевы Софіи. Сочиненія Виклифа читались въ Прагѣ уже съ 1381 г., еще при жизни автора: университеты сохраняли тогда между собою живую связь, весьма естественно поддерживаемую постояннымъ наплывомъ и перекочевкой учащихся. Духъ этихъ сочиненій и практическая сторона ученія

«Johannes Hus Magister in artibus».
(Іоганъ Гуссъ, магистръ свободныхъ художествъ).
Подпись Іоанна Гусса.
Снимокъ съ подлинника, хран. въ Прагѣ.

Виклифа вызывали сочувствіе въ прямодушномъ Гуссѣ; онъ говорилъ, что желалъ бы поравняться съ той степенью, на которой стояла душа Виклифа; особенно повліялъ на него, повидимому, трактатъ Виклифа: «Tractatus de ecclesia», основныя положенія котораго воспроизведены Гуссомъ въ его собственномъ сочиненіи подъ тѣмъ же заглавіемъ. Опасныхъ идей о «пресуществленіи» Гуссъ, какъ кажется, не усвоивалъ, хотя и его могло привлекать, въ теченіе нѣкотораго времени, спиритуалистическое воззрѣніе на Таинства; однако онъ, при всей своей христіанской прямолинейности, выказываетъ крайнюю осторожность и совѣстливость въ своихъ сужденіяхъ о частностяхъ нѣкоторыхъ главныхъ вопросовъ. Но нѣкоторые изъ его друзей, напримѣръ, рыцарь Іеронимъ Пражскій, принимали ученіе Виклифа съ полною безусловностью. Такимъ образомъ, въ университетѣ, наполненномъ множествомъ наѣзжихъ студентовъ, господствовало большое возбужденіе. Къ богословско-философскому спору присоединялась и племенная вражда, задѣвавшая самый университетскій уставъ. Въ совѣтѣ заведенія, вѣдавшемъ весьма обширные интересы, большинствомъ голосовъ располагали нѣмцы, что унижало національныя права Чеховъ; благодаря вліянію своего знаменитаго проповѣдника, они успѣли добыть королевскій декретъ, постановлявшій, что, отнынѣ, богемская нація должна была имѣть въ совѣтѣ три голоса, а иноземцы лишь одинъ голосъ. Это повело къ большому разрыву: иностранные профессора и студенты покинули Прагу и приливъ ихъ въ новый Лейпцигскій университетъ послужилъ къ расцвѣту этого заведенія, получившаго въ томъ же году (1409) утвержденіе папы. Все это было жестокимъ ударомъ для нѣмецкаго элемента въ Богеміи и создало магистру Гуссу много враговъ. Пражскій архіепископъ, заручась полномочіемъ отъ папы Александра V, подвергъ сожженію всѣ сочиненія Виклифа и запретилъ проповѣдываніе въ частныхъ часовняхъ. Гуссъ не покорился этому распоряженію, за что былъ отлученъ; но король, дворянство и университетъ были на его сторонѣ; король выступилъ противъ архіепископа, говоря, что духовенство было довольно, пока Гуссъ обличалъ мірянъ; слѣдовало бы ему оставаться довольнымъ, когда тотъ же Гуссъ принялся и за обличеніе грѣховъ духовенства. Самъ Гуссъ, не обладавшій большимъ научнымъ глубокомысліемъ, но питавшій полное убѣжденіе въ отвѣтственности передъ Богомъ, подобно большинству чиновъ его сословія, укрѣплялся сильнѣе и сильнѣе въ той мысли, что человѣкъ, получившій отъ Самого Господа назначеніе проповѣдывать, долженъ дѣлать это, не взирая ни на какія угрозы и отлученія. Такое убѣжденіе должно было, несомнѣнно, увлечь его за предѣлы, установленные существовавшею католическою Церковью, въ чемъ, повидимому, онъ не давалъ себѣ яснаго отчета. Какъ бы ни было вѣрно то положеніе, что глубокая, внутренняя увѣренность благочестиваго человѣка въ возложенномъ на него свыше порученіи, обязываетъ его къ извѣстнымъ дѣяніямъ, безъ всякаго соображенія со взглядами какихъ бы то ни было земныхъ властей,—такое положеніе все же не католично: католическая Церковь не вѣдала болѣе никакихъ божескихъ внушеній безъ посредничества ея властей,—не вѣдала съ тѣхъ поръ, какъ превратилась въ учрежденіе церковниковъ и папъ.

Архіепископъ умолкъ на нѣкоторое время передъ возраставшимъ общимъ сопротивленіемъ; но вскорѣ расколъ выяснился рѣзче прежняго (1412); папа подвергъ Гусса отлученію и воспретилъ ему пребываніе въ Прагѣ. Отлученный удалился тогда въ Гусинецъ, но продолжалъ проповѣдывать и издалъ родъ манифеста, въ которомъ взывалъ ко Христу, для суда между нимъ и папою.

Это воззваніе,—о ложномъ, внѣшнемъ и преходящемъ проявленіи по отношенію Церкви къ ея вѣковѣчному принципу, — имѣло глубокое и могучее значеніе для того пути, по которому направился, въ общихъ своихъ чертахъ, вопросъ о церковной реформѣ. Констанцскій соборъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ безобразному положенію вещей въ германскомъ государствѣ, бывшему, какъ мы уже видѣли, въ 1410 г., такимъ же «трехглавымъ чудовищемъ», какъ и Церковь, былъ положенъ конецъ, и Сигизмундъ былъ признанъ единымъ, законнымъ королемъ, движеніе на пользу церковной реформы и ожиданіе всеобщаго собора, долженствовавшаго произвести эту желанную реформу «сверху и до низу», получили новое подкрѣпленіе. По смерти Александра (1410), былъ избранъ въ папы кардиналъ — легатъ въ Коссѣ, Балтазаръ, подъ именемъ Іоанна XXIII; согласно отзывамъ его противниковъ, онъ былъ человѣкъ весьма порочный; во всякомъ случаѣ, прошлое его,—что было, впрочемъ, обыденнымъ явленіемъ среди высшаго духовенства,—было довольно бурнымъ и далеко не безупречнымъ. Сигизмундъ встрѣтился съ этимъ папою при одной изъ своихъ поѣздокъ въ Верхнюю Италію и предложилъ ему созваніе собора въ видѣ мѣры необходимой, которую этому, искушенному въ мірскихъ треволненіяхъ, человѣку было не трудно выяснить другому, стоящему на уровнѣ съ нимъ. Они согласились и относительно мѣста для этого съѣзда, вслѣдствіе чего, въ декабрѣ 1413 г., папа издалъ буллу, которою соборъ созывался на 1 ноября 1414 г., въ Констанцѣ, на Боденскомъ озерѣ,— слѣдовательно, на германской территоріи.

Этотъ, давно желанный, соборъ открылся, дѣйствительно, 5 ноября 1414 года, въ личномъ присутствіи самого Іоанна XXIII. Даже и съ внѣшней стороны, съѣздъ былъ самый блестящій: тутъ было на-лицо 3 патріарха, 29 кардиналовъ, 33 архіепископа, 150 епископовъ (между которыми треть состояла изъ папскихъ креатуръ, «бѣдныхъ итальянскихъ прелатовъ»), 100 аббатовъ и 300 докторовъ. Сверхъ того, прибыли многія лица изъ свѣтской знати, привлеченныя важностью дѣлъ, подлежавшихъ обсужденію, и удобнымъ случаемъ. Число всѣхъ присутствовавшихъ, въ самые блестящіе дни собора, полагаютъ, доходило до 80,000. Къ Рождеству прибылъ и король Сигизмундъ. Но все внѣшнее великолѣпіе съѣзда уступало его внутреннему значенію. Дѣло шло не столько объ устраненіи самыхъ тягостныхъ и вопіющихъ злоупотребленій,—между которыми худшимъ была схизма и незаконная наличность трехъ папъ,— но о преобразованіи самодержавія Церкви въ порядокъ конституціонный, о превращеніи ея закостенѣлаго тѣла въ организмъ, способный на усовершенствованіе и постоянный прогрессъ. При этомъ, такое преобразованіе, которое въ случаѣ успѣха могло бы считаться полнымъ обновленіемъ, нарожденіемъ новой Церкви, должно было совершиться путемъ мирнымъ, за-

коннымъ, помощью учредительнаго собранія, въ составъ котораго должны были войти ученѣйшіе мужи различныхъ европейскихъ странъ. Общее настроеніе было благопріятно, перевѣсъ на сторонѣ партіи, требовавшей реформъ.

Соборъ и папы.

Соборъ ставилъ себѣ тройную задачу: дѣло о вѣрѣ (causa fidei), дѣло единенія (causa unionis) и дѣло преобразованія (causa reformationis). Но предварительно предстояло рѣшить важный вопросъ о томъ, какъ должны были подаваться голоса собравшимися отцами: понародно или поголовно? Послѣдній способъ долженъ былъ оказаться невыгоднымъ для партіи реформы, потому что большинство было бы тогда на сторонѣ итальянцевъ,— креатуръ папы Іоанна, за небольшими исключеніями; между тѣмъ какъ при голосованіи по націямъ, — Франція, Германія, Англія, Италія, — въ самомъ худшемъ случаѣ, партія имѣла бы три голоса противъ одного. Вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу либераловъ, друзей реформы (февраль 1415). Затѣмъ, какъ заявилъ ораторъ этой партіи, кардиналъ Петръ д'Эльи, прежде всего, согласно воззрѣніямъ реформаторовъ, слѣдовало искоренить схизму: всѣ трое папъ, — насколько правильно или неправильно они пользовались этимъ именемъ,—должны были добровольно сложить съ себя санъ. Пронырливый Іоаннъ тотчасъ же, въ мартѣ, обѣщалъ исполнить это требованіе, если сдѣлаютъ то же и остальные папы, Григорій и Бенедиктъ; онъ надѣялся, что соборъ изберетъ тогда его единственнымъ папой; но когда онъ замѣтилъ враждебное къ нему отношеніе, — вполнѣ заслуженное, какъ онъ не могъ не сознаться въ томъ,—то рѣшился уйти изъ непріятнаго мѣста, въ которое вступилъ, какъ говорятъ, со словами: «Такъ ловятъ лисицъ». Съ помощью герцога Фридриха Австрійскаго, которымъ руководила, отчасти, зависть Габсбургца противъ императора изъ Люксембургскаго дома, и тоже другихъ князей, папа бѣжалъ, переодѣвшись конюхомъ, во время одного турнира, въ Шафгаузенъ (20 марта). Дѣло это грозило опасностью: партія реформы была окружена интригами, цѣлью которыхъ было нарушеніе собора. Но руководители реформы не упали духомъ и стали дѣйствовать энергично: послѣ одной рѣчи канцлера Жерсона (23 марта) соборъ выразилъ рѣзко, въ видѣ основного постановленія, что онъ, святѣйшій соборъ, засѣдающій въ Констанцѣ, остается во всей своей неприкосновенности и силѣ, несмотря на все, что когда-либо и кѣмъ-либо утверждалось противъ него; другими словами, соборъ признавалъ свое верховенство, заявлялъ, что это церковное собраніе говорило отъ имени самой Церкви, было самою ею, католической Церковью. И одержавшая побѣду партія поспѣшила вывести изъ сказаннаго необходимыя для нея заключенія. Гроза разразилась, прежде всего, надъ головою Габсбургца: онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ и къ отлученію отъ Церкви; множество городовъ и владѣтельныхъ лицъ прислали ему, въ самый короткій срокъ, объявленія войны. Военноначальникомъ при исполненіи приговора объ его изгнаніи былъ назначенъ бурграфъ Нюренбергскій; походъ совершился быстро; крѣпости Фридриха и даже его старый Габсбургъ, были разрушены, онъ долженъ былъ предать себя на милость императора и лично просить о помилованіи въ трапезной Констанцскаго монастыря миноритовъ. И покровительствуемому имъ Бальта-

зару (папѣ Іоанну) не удалось уйти далеко. Нѣсколько кардиналовъ, посланныхъ въ погоню за нимъ, привезли его обратно, а либеральная партія, довершая свою побѣду, начала противъ него формальный процессъ, въ которомъ не было недостатка въ самыхъ тяжкихъ обвиненіяхъ, и который закончился его низложеніемъ (29 мая), вполнѣ заслуженнымъ, если даже и не вѣрить всему тому, что было высказано свидѣтелями противъ него на судѣ. Онъ былъ отданъ подъ стражу Фридриху Гогенцоллернскому, бургграфу Нюренбергскому. Черезъ нѣсколько недѣль снялъ съ себя санъ восьмидесятитрехлѣтній Григорій XII; одинъ Бенедиктъ XIII продолжалъ упорствовать, но скоро у него не стало вовсе приверженцевъ, потому что испанскія владѣнія отъ него отложились и Испанія присоединилась къ рѣшенію четырехъ прочихъ государствъ.

Процессъ Гусса.

Партія церковной реформы провела все это дѣло противъ папства съ большой смѣлостью. Тѣмъ болѣе считала она себя обязанною доказать Свѣту, что она пребываетъ на почвѣ старокатолическаго единства, — ортодоксальности, — и постаралась доказать это самымъ роковымъ образомъ, при посредствѣ процесса противъ чешскаго проповѣдника, Іоганна Гусса, который прибылъ въ Констанцъ, въ началѣ ноября 1414 года, съ охраннымъ листомъ императора, а 28 ноября былъ арестованъ по обвиненію въ еретичествѣ. Съ мая по начало іюля длился процессъ, закончившійся обвиненіемъ Гусса. Въ его лицѣ соборъ хотѣлъ поразить ересь и особенно ересіарха Виклифа, участіе котораго было торжественно осуждено на восьмомъ засѣданіи собора. Одинъ изъ отцовъ, докторъ Стефанъ Палецъ, сказалъ Гуссу: «Съ самаго рожденія Христова никто не писалъ болѣе губительнаго для Церкви, чѣмъ ты и Виклифъ». Гуссъ отклонялъ всякую солидарность съ Виклифомъ, особенно относительно его ученія о пресуществленіи, и утверждалъ, вопреки показаніямъ богемскихъ нотаблей, что никогда не поучалъ въ духѣ Виклифа, вообще, не отступалъ никогда отъ церковнаго ученія и не могъ признать себя еретикомъ. Но, при всемъ этомъ, онъ не переставалъ думать, и даже настойчиво подтверждалъ, что каждый, призванный Господомъ проповѣдывать, долженъ повиноваться такому призванію, несмотря на духовное начальство и всякія отлученія, и что если онъ на первомъ допросѣ заявилъ, что готовъ отречься, если хотя самый меньшой членъ собора «докажетъ» ему его заблужденіе, то это было ересью изъ ересей, потому что онъ просилъ «свободнаго поученія» тамъ, гдѣ ему приходилось лишь просто покоряться «рѣшенію» собора, властному слову Церкви. Лицомъ къ лицу, здѣсь жестоко боролись два принципа, два міровоззрѣнія, два вѣка. Съ одной стороны былъ принципъ церковнаго авторитета, въ самомъ блистательномъ своемъ проявленіи, вселенскомъ соборѣ, — даже проявленіи славнѣйшемъ, потому что этотъ соборъ готовилъ реформу, служа представителемъ великаго народнаго союза во имя возродившейся Западной Церкви; съ другой—стоялъ принципъ протестантскій, евангельскій, принципъ человѣческой совѣсти въ ея непосредственномъ общеніи съ Богомъ и Христомъ, общеніи не черезъ служителей церковныхъ, но черезъ самую Церковь. И принципъ этотъ воплощался смиренно, несовершенно, въ исповѣданіи и личномъ убѣжденіи одинакаго, не обладавшаго выдающимся умомъ, но честнаго и

набожнаго человѣка. Но большинство членовъ собора вовсе не искало смерти Гусса, какъ это утверждаютъ такъ часто слишкомъ увлекающіеся протестантскіе историки. Онъ долженъ былъ лишь отречься, то-есть покориться власти Церкви и, съ своей точки зрѣнія, — бывшей и точкой зрѣнія существовавшаго, еще не потрясеннаго, общественнаго государственнаго строя,—они были вполнѣ правы въ этомъ требованіи. Ему даже облегчали это отреченіе отъ Виклифскихъ началъ, о которыхъ шло дѣло главнымъ образомъ, и которыя онъ, будто бы, признавалъ, по представляемымъ тому доказательствамъ. Одинъ изъ главныхъ членовъ собора старался даже уяснить ему послѣдовательность такого отреченія: если онъ, Гуссъ, утверждалъ, что не раздѣляетъ извѣстныхъ положеній Виклифа, то его отреченіе было бы лишь повтореніемъ того же отказа,—просто другою формой его. Но Гуссъ устыдился прибѣгнуть къ такой, чисто схоластической діалектикѣ, допустившей уже столько лжи подъ клеймомъ истины. Онъ возразилъ съ логикой строгой правдивости, что отрекаться—значитъ отказываться отъ того, что признавалось нами прежде; но онъ не признавалъ никогда тѣхъ положеній; поэтому, ему и нельзя отрекаться отъ нихъ. Его нельзя было оспорить и потому приходилось рѣшиться убить тѣло, если нельзя было одолѣть духа. При своемъ послѣднемъ показаніи, Гуссъ повторилъ свое воззваніе, — въ этотъ разъ прося Христа судить между нимъ и соборомъ. Въ такомъ собраніи, которое имѣло на своей сторонѣ всѣ писанныя и завѣщанныя преданіемъ права, такое обращеніе могло показаться только забавнымъ, и, дѣйствительно, отвѣтомъ на слова Гусса былъ общій смѣхъ. Въ тяжкомъ, страшномъ смыслѣ происходившаго здѣсь, дали себѣ отчетъ очень немногіе и то лишь поскольку ихъ не поглощали повседневныя заботы и суета. Смертный приговоръ былъ произнесенъ и приведенъ въ исполненіе 1 іюля 1415 года. Оправданіе относительно охраннаго листа скоро нашлось; въ сущности, такая охрана не могла имѣть большого значенія тамъ, гдѣ дѣло шло о произнесеніи и исполненіи церковнаго приговора, хотя Сигизмундъ и подумывалъ о вмѣшательствѣ въ дѣло; но богословы нашли увертку въ томъ, что сдержаніе слова не обязательно въ отношеніи того, кто самъ измѣняетъ своему слову передъ Богомъ. Гуссъ перенесъ непреклонно, съ твердостью ученика Христова и мученика за великій принципъ, смерть на кострѣ,—обыкновенный родъ казни за преступленія, измышленныя фанатизмомъ (6 іюля 1415). Въ слѣдующемъ году погибъ тою же смертью Іеронимъ, привезенный тоже въ Констанцъ. Въ минуту слабости, онъ отрекся, но скоро снова ободрился духомъ и взялъ назадъ свое отреченіе. Собору пришлось вскорѣ извѣдать, что значило придать новому ученію такого мученика, какъ Гуссъ. Было внутреннее противорѣчіе въ томъ, что соборъ преобразовательный начиналъ свои реформы съ сожженія человѣка, мечтавшаго о реформахъ. И реформаторское дѣло, составлявшее главную задачу собора, приближалось уже къ той мели, о которую должно было разбиться.

Схизматическіе папы были устранены, потому что власть упорнаго Бенедикта простиралась лишь на тотъ испанскій городокъ, въ которомъ онъ избралъ свое мѣстопребываніе. Нѣмецкій народъ съ императоромъ Сигизмундомъ, а вначалѣ и Англія, требовали, чтобы преобразованіе

„Это было изображеніе нѣкогда-достопочтеннаго Гусса,
За Христа животъ свой положившаго на кострѣ".

Гуссъ на кострѣ.

Гравюра на деревѣ, относящаяся къ 1563 г. По оригиналу, хранящемуся въ Прагѣ. Изъ этой гравюры явствуетъ, что, согласно со всѣми древнѣйшими изображеніями чешскихъ утраквистовъ, до самаго XVI вѣка, Янъ Гуссъ изображался безбородымъ, какъ видимъ это и въ современныхъ рукописныхъ подлинникахъ. Нынѣ обращающееся изображеніе Гусса съ бородою и орлинымъ носомъ пошло отъ временъ Гольбейна, который смѣшалъ Гусса съ Іеронимомъ Пражскимъ.

Церкви было довершено прежде избранія новаго папы. Но большинство кардиналовъ противилось этому и на ихъ сторонѣ были прочія государства и всѣ тѣ лица, которыя терпѣли отъ неопредѣленнаго порядка вещей.

Весь 1417 годъ прошелъ въ переговорахъ, закончившихся, какъ это обыкновенно бываетъ при подобныхъ условіяхъ, чѣмъ-то среднимъ,—такъ оно, по крайней мѣрѣ, казалось, но, въ сущности, было прямымъ поворотомъ къ старому порядку вещей. Въ 39 засѣданіи собора (октябрь 1417) была принята общая программа реформъ и, спустя нѣсколько недѣль, былъ избранъ новый папа изъ дома Колонна, Мартинъ V. Стародавній, монархическій строй папства былъ возстановленъ и папа Мартинъ съумѣлъ воспользоваться обстоятельствами. Онъ былъ снова первымъ законнымъ, несомнѣннымъ, единоличнымъ папою, котораго такъ долго недоставало; восторженное настроеніе первыхъ лѣтъ на пользу реформъ ослабѣло, какъ это всегда бываетъ, среди кропотливыхъ подробностей этой преобразовательной работы; людямъ требовался отдыхъ послѣ совершеннаго, которое поэтъ такъ мѣтко называетъ «вѣчно-вчерашнимъ». Теперь не трудно было затереть все, что требовалось, именно общую реформу,—реформу «съ головы до пятъ»; новый папа протягивалъ руку къ конкордатамъ съ отдѣльными государствами, оставляя въ сторонѣ самыя вопіющія злоупотребленія. Впрочемъ, оба октябрьскія засѣданія (1417), 39 и 40, ознаменовались рѣшеніями громадной важности. Было установлено слѣдующее: правильный созывъ соборовъ черезъ каждыя пять, много десять лѣтъ; при новой схизмѣ немедленное созваніе собора и принятіе имъ верховнаго рѣшенія; этотъ церковный порядокъ обязателенъ для папъ; признается необходимымъ прекратить или ограничить многія злоупотребленія (которымъ слѣдовалъ длинный списокъ). Все это было хорошо, но собраніе, не вдохновляемое болѣе притокомъ жизненныхъ христіанскихъ силъ, не обладало уже достаточной энергіей для осуществленія сказанныхъ мѣръ: желѣзо поостыло, а холодное не куется. Папа объявилъ соборъ закрытымъ, 12 апрѣля 1418 года, послѣ 45 засѣданій, и уѣхалъ 16 мая. Его бѣлаго иноходца велъ подъ устцы императоръ; четыре имперскіе князя поддерживали кисти пунцовой конской попоны, а четыре графа несли балдахинъ надъ всадникомъ... Папство покидало роковое поле битвы со всѣми воинскими почестями.

Гусситы въ Богеміи.

Но умы были слишкомъ взволнованы для того, чтобы жизнь вошла вездѣ спокойно опять въ старое русло покорности, и въ одномъ мѣстѣ, именно въ Богеміи, сопротивленіе принимало большіе размѣры. Процессъ Гусса, презрѣніе къ Богеміи, справедливо или нѣтъ приписываемое собору, ненависть къ Сигизмунду,—все это вмѣстѣ вызывало сильнѣйшее броженіе въ странѣ. Гуссу покланялись, какъ мученику, и большое собраніе богемскихъ и моравскихъ магнатовъ отправило, еще въ сентябрѣ 1415 года, на соборъ свой протестъ, составленный въ очень непочтительныхъ выраженіяхъ; особенно важно было то, что оппозиція имѣла уже знамя, вокругъ котораго могла собираться. Одинъ пражскій пасторъ, Яковъ Мисъ, предлагалъ чашу и мірянамъ, то-есть давалъ имъ причастіе подъ обоими видами, *sub utraque*: Гуссъ, изъ темницы своей, далъ свое разрѣшеніе на эту старинную форму обряда, державшуюся въ

христіанской Церкви до XII столѣтія. Составился союзъ на защиту свободной проповѣди и для сопротивленія отлученію. Университетъ заявилъ себя тоже въ пользу *sub utraque*. Громадная толпа, подъ предводительствомъ двухъ дворянъ, Николая изъ Гусинца и Іоанна Жижки изъ Тростнова (Траутенау), отправилась на гору Таборъ близъ Праги, отпраздновала тамъ причащеніе подъ двумя видами и жестоко расправилась съ думою пражскаго Нейштадта, члены которой хотѣли помѣшать благочестивому торжеству (іюль 1419). Король Венцеславъ, не имѣвшій возможности воспрепятствовать происходившему, былъ пораженъ апоплексіей и умеръ черезъ нѣсколько дней. Императоръ Сигизмундъ, «предавшій Гусса подъ ножъ», становился теперь королемъ Богеміи: это еще подлило масла въ огонь.

Гусситскія войны.

Гусситы распались на умѣренныхъ или «каликстиновъ» (иначе *чашниковъ*, т. е. сторонниковъ причастія *и отъ чаши* или подъ двумя видами) и радикаловъ или «таборитовъ» (отъ горы Табора), которые повели свою ожесточенную войну противъ церквей и монастырей, священнослужителей и монаховъ. Сигизмунду приходилось завоевать себѣ свое Богемское королевство. Его другъ, Фридрихъ Гогенцоллернскій, ставшій, съ 1415 года, курфюрстомъ Бранденбургскимъ, подалъ ему дѣльный совѣтъ, который былъ, однако, слишкомъ простъ и хорошъ для того, чтобы ему послѣдовалъ человѣкъ такого изъ ряда вонъ выходящаго ума, какъ Сигизмундъ. Фридрихъ совѣтовалъ ему, именно, смотрѣть на дѣло чисто съ государственной точки зрѣнія, то-есть войти въ соглашеніе съ умѣренными, сдѣлавъ имъ необходимыя уступки, а все церковное предоставить рѣшенію будущаго собора. Но мысль о томъ, что въ какомъ-нибудь государствѣ могутъ спокойно проживать, бокъ-о-бокъ, люди, изъ которыхъ одни причащаются подъ однимъ, а другіе подъ обоими видами, была слишкомъ нова, хотя и можетъ казаться намъ, въ настоящее время, совершенно простою. Сигизмундъ отвергъ предложенія умѣренной партіи и требовалъ обезоруженія; встрѣтя отказъ, онъ, съ согласія папы, возвѣстилъ Крестовый походъ противъ еретической Богеміи. Собравъ значительное войско, до 100,000 человѣкъ въ общемъ, онъ терпѣлъ, однако, пораженіе за пораженіемъ. Такъ не удался ему и штурмъ Жижковой горы близъ Праги (1420). Гусситы имѣли геніальнаго вождя въ дворянинѣ Іоаннѣ Жижкѣ, который соединялъ въ себѣ, вмѣстѣ съ религіознымъ фана-

Жижка.
По старой гравюрѣ.

тизмомъ, ясность ума истаго военачальника и пользовался притомъ безграничнымъ авторитетомъ между своими. Это дозволило ему, даже послѣ того, какъ онъ совершенно ослѣпъ, удержать побѣду все же за гусситами. Нашествіе Нѣмцевъ только подстрекало религіозный и національный фанатизмъ Чеховъ. Внутри страны свирѣпствовали таборпты противъ всего, что не примыкало къ нимъ: они требовали уничтоженія всѣхъ городовъ, за исключеніемъ истинно правовѣрныхъ, всѣхъ книгъ, кромѣ Библіи; и каждый истинно-вѣрующій долженъ былъ преслѣдовать на-смерть всякое уклоненіе отъ исповѣдуемаго имъ закона. Походъ 1421 года былъ тоже неудаченъ для имперцевъ и закончился ихъ отступленіемъ; въ январѣ

Разграбленіе села во времена Гусситскихъ войнъ.

Заимствовано изъ лицевой рукописи XV вѣка, принадлежащей Германскому Музею въ Нюренбергѣ и изданной въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Средневѣковой ручной книги». Рисунки, помѣщенные въ этой рукописи, составляютъ цѣнный источникъ для бытовой иллюстраціи современной эпохи.

1422 года Жижка нанесъ имъ новое пораженіе. Онъ понималъ военное дѣло, находясь, въ качествѣ польскаго наемника, и въ битвѣ подъ Танненбергомъ (1410), столь роковой для Тевтонскаго ордена. Жижка прожилъ достаточно долго для того, чтобы дисциплинировать вполнѣ свою воинскую силу и придать ей весьма полезные тактическіе пріемы. Оружіемъ толпы служили цѣпы съ желѣзною оковкой; телѣги, на которыхъ ѣхали за этимъ войскомъ женщины и дѣти, служили Жижкѣ тоже для боевыхъ цѣлей: эти деревенскія фуры, превращенныя въ военный обозъ, быстро образовывали укрѣпленный лагерь и такъ же быстро раздвигались вновь, когда войско снималось съ мѣста. Жижка умеръ въ 1424 году. Съ его кончиной партія распалась на-двое: одна часть осталась подъ предводительствомъ Прокопія Бритаго, другая, названная «Сиротскою», управлялась военнымъ совѣтомъ, во главѣ котораго стоялъ другой Прокопій,—Прокопій Малый. Эти партіи не довольствовались обороной, но истребляли все огнемъ и мечомъ, устремляясь изъ Богеміи, представляющей собою естественную крѣпость, въ сосѣднія страны,—«земли Филистимлянъ и Моавитянъ», на языкѣ фанатизма, отуманеннаго ветхозавѣтными представленіями. Такъ опустошили они Австрію, Венгрію, Саксонію, Мейссенъ, при чемъ ученіе ихъ, подкрѣпляемое ихъ побѣдами надъ войсками, организованными по старому образцу, начинало привлекать къ себѣ родственные элементы и изъ другихъ краевъ. Фанатическая партія взяла верхъ и въ Прагѣ, губернаторъ которой, изъ партіи умѣренныхъ, былъ низложенъ. Начатые переговоры не вели ни къ чему; пятый Крестовый походъ, подъ предводительствомъ курфюрста Бранденбургскаго, Фридриха (1431), закончился еще плачевнѣе прежнихъ. При Таусѣ, войска стали обращаться въ бѣгство, едва заслышавъ грохотъ военнаго обоза гусситовъ и звуки ихъ боевой пѣсни. Кардиналъ Джуліано Чезарини, сопровождавшій войско, оставилъ даже свою шляпу въ рукахъ непріятеля, захватившаго огромную добычу.

Базельскій соборъ.

Такія прискорбныя событія снова оживили соборное движеніе и еще Мартинъ V, такъ удачно съумѣвшій выбраться на старую дорогу, былъ вынужденъ созвать одинъ соборъ въ Павіи (1423), другой въ Сіеннѣ (1424), впрочемъ, болѣе для формы, потому что оба они остались совершенно безрезультатными. Онъ созвалъ, послѣ того, третій въ Базелѣ, имѣвшій большое значеніе, именно вслѣдствіе пораженія при Таусѣ. Мартинъ умеръ вскорѣ по открытіи съѣзда; преемникъ его, Евгеній IV (1431—1447), испуганный самостоятельностью, проявляемою соборомъ, возымѣлъ несчастную мысль его распустить, и созвать новый въ Болоньѣ. Базельскій соборъ вступилъ тогда рѣшительно на путь реформы. Онъ возобновилъ констанцскія постановленія, опредѣлявшія отношенія общихъ соборовъ къ папству, и навелъ страхъ на папу и кардиналовъ введеніемъ судебныхъ порядковъ. Главнѣйшія частныя реформы, предварительно обсужденныя въ комиссіяхъ, были утверждены; папскіе доходы урѣзаны; назначались очередные соборы, епархіальные и областные; капитулы, монастыри, общины пользовались правомъ полной свободы выборовъ; многія резерваціи (назначенія, зависѣвшія отъ папъ) и аннаты (ежегодныя дани въ папскую казну за назначеніе, часто почти равнявшіяся

ежегодному доходу самихъ епископовъ) были уничтожены; но самымъ настоятельнымъ требованіемъ было примиреніе съ Богеміей, противъ которой нельзя уже было теперь выступать съ одними властными приговорами, какъ противъ Гусса. Съ «Таборитами» и «Сиротами» невозможно было заключать никакихъ условій: они продолжали распространять далѣе свои войны, но посольство отъ партіи умѣренныхъ, съ Іоанномъ Рокичаною во главѣ трехсотъ воиновъ, прибыло въ Базель. Соборъ спорилъ съ ними, съ Библіею и твореніями отцовъ въ рукахъ; закончилось все «Пражскими Компактатами», что представляетъ собой почти единственный случай, въ которомъ Церковь поступилась однимъ изъ существеннѣйшихъ своихъ догматовъ (ноябрь 1433). Богемія и мархіонатъ Моравія получили право причащенія *sub utraque*, лишь съ тѣмъ добавленіемъ, что духовенство должно было пояснять своей паствѣ, что, подъ каждымъ изъ этихъ видовъ, содержится «Христосъ вполнѣ» — «*integer et totus Christus*». Къ разрѣшенію свободы проповѣди было тоже прибавлено, что могутъ проповѣдывать «способные духовные и міряне», съ допущенія своего начальства или посланные имъ, и при сохраненіи подчиненія папѣ, согласно постановленіямъ св. Отцовъ. Общія преступленія духовныхъ разсматривались обыкновенными судами. Первымъ послѣдствіемъ такого соглашенія для Богеміи было то, что Табориты сочли его за измѣну и вступили въ открытый бой съ умѣренными. Эти послѣдніе, соединясь съ другими консервативными элементами противъ партіи разрушенія, собрались съ силами и разбили Таборитовъ при Богемскомъ-Бродѣ. Кормило правленія перешло въ руки умѣренныхъ, аристократическаго элемента въ странѣ. Сигизмундъ выказалъ предупредительность, утвердилъ компактаты и избраніе Рокичаны въ архіепископы, и прибылъ въ Прагу (1436), какъ признанный король.

Пражскіе компактаты. Соборъ и папа Евгеній IV.

Сигизмундъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ соборомъ, засѣдавшимъ въ Базелѣ и усердно проводившимъ свои реформы, благодаря этому покровительству. Въ двадцать третьемъ засѣданіи (1436) былъ утвержденъ пространный декретъ, въ которомъ, согласно съ констанцскими постановленіями, опредѣлялся порядокъ папскаго избранія и весьма подробно излагались обязанности папъ; избранный долженъ былъ произнести родъ профессіональной, конституціонной присяги при увѣнчаніи его, прежде нежели ему присягали на подчиненіе. Это не могло, понятнымъ образомъ, не раздражить папу, безъ того уже недовольнаго всѣмъ порядкомъ, которымъ велось дѣло гусситовъ. Курія обладала, во всѣ времена, преимущественнымъ правомъ требовать строгаго проведенія ея воли или, пожалуй, католическихъ принциповъ, не справляясь съ благомъ государства или населенія. Но при этомъ щекотливомъ и затруднительномъ обстоятельствѣ члены собора заявили дѣйствительное единодушіе, и папа Евгеній, обманутый мелькавшимъ передъ нимъ миражемъ возсоединенія Церквей греческой и римской, надѣялся воспользоваться этимъ самообольщеніемъ для перенесенія собора въ другое, болѣе благопріятное мѣсто. Но расчетъ оказался ошибочнымъ; на самомъ соборѣ произошли бурныя сцены между большинствомъ и меньшинствомъ, и, въ іюлѣ 1437 года, самъ папа подпалъ обвиненію. Онъ отвѣтилъ на это, въ

сентябрѣ, буллою, переносившею соборъ въ Феррару. Здѣсь, въ январѣ 1438 г., состоялся соборъ, и въ родѣ настоящаго, потому что многіе изъ базельскихъ отцовъ перешли на сторону папы. Прибылъ въ Италію и Греческій императоръ, сдѣлавшій первую попытку къ единенію или примкнувшій къ ней; его сопровождало множество епископовъ. Догматическія словопренія повелись съ большою торжественностью, но базельскій соборъ отвѣтилъ на папскую буллу и на послѣдовавшее за нею дѣйствительное открытіе анти-собора низложеніемъ папы (январь 1438).

Кончина Сигизмунда.

Съ этого времени борьба собора съ папою, епископства съ папствомъ, потребовала напряженія всѣхъ силъ и средствъ базельскаго сvнода и не трудно было предвидѣть, чѣмъ она должна была кончиться. Сигизмундъ

Коронованіе императора Сигизмунда папою Евгеніемъ IV.

Изображеніе находится на бронзовыхъ вратахъ церкви Св. Петра въ Римѣ, по заказу папы Евгенія IV исполненныхъ въ 1447 году художниками Антоніо Филарете и Симоне Донателло.

не дожилъ до этого конца; онъ умеръ въ Цнаймѣ, въ декабрѣ 1437 г., въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ; императоромъ онъ былъ лишь съ 1433 г., когда его жажда посредничества привлекла его въ Римъ.

Царствующія династіи. Знатныя фамиліи въ государствѣ.

Несмотря на свои положительныя способности и неутомимую дѣятельность, Сигизмундъ не оставилъ по себѣ доброй памяти въ подвластныхъ ему странахъ, по крайней мѣрѣ въ Германіи, гдѣ, впрочемъ, онъ ставилъ самъ себѣ неразрѣшимыя задачи.

Гогенцоллерны.

Но весьма важнымъ факторомъ въ эту эпоху,—хотя и не затрогивая особенно внутренней жизни населенія,—были отношенія Сигизмунда къ важнѣйшимъ фамиліямъ въ государствѣ, равно какъ взаимныя отношенія этихъ фамилій, Люксембурговъ, Веттинеровъ, Виттельсбаховъ, Габсбурговъ,

Гогенцоллерновъ. Въ числѣ ихъ, домъ Гогенцоллерновъ былъ самый младшій: его звѣзда только восходила теперь, подъ правленіемъ Сигизмунда; согласно старому фамильному преданію, одинъ изъ Цоллерновъ этого Швабскаго дома получилъ при Фридрихѣ Барбароссѣ достоинство и почетную должность императорскаго бургграфа и намѣстника въ Нюренбергѣ. Мѣсто было отличное, на которомъ человѣкъ, умѣвшій накопить денегъ, могъ пріобрѣсть значительныя владѣнія. Исторія происхожденія какъ большихъ, такъ и малыхъ владѣтельныхъ княжескихъ домовъ, довольно прозаична: покупается право владѣнія и данный участокъ земли за столько-то фунтовъ геллеровъ, потомъ владѣтель постепенно богатѣетъ и становится сильнѣе, все сильнѣе и богаче. Такъ и

Императоръ Сигизмундъ отдаетъ въ лэнъ бургграфу
Фридрихъ, преклонивъ колѣно передъ императоромъ, держитъ только-что полученное
держитъ мечъ императора; другіе князья скипетръ и дер
Раскрашенная гравюра на деревѣ, изъ инкунабула Пражской университетской

Цоллерны укрѣпились въ Франконіи среди трудныхъ, но счастливыхъ для нихъ обстоятельствъ, и пріобрѣтенное ими такимъ образомъ стало извѣстно, впослѣдствіи, подъ общимъ названіемъ маркграфства Кульмбахъ. Потомокъ ихъ, Фридрихъ III (1248), получилъ въ 1273 г.,—что было первымъ актомъ короля Рудольфа по его коронованіи, — наслѣдственное бургграфское достоинство для своего дома, которому онъ завѣщалъ тоже свою строго-легитимистскую преданность престолу, подобающую истому гибеллину. Намъ уже извѣстны его заслуги по избранію графа Рудольфа, котораго онъ сопровождалъ тоже и на военное поле. Фридрихъ IV, тоже имѣвшій значеніе въ государствѣ, участвовалъ въ

итальянскомъ походѣ Генриха VII и позднѣе, служа Лудвигу Баварскому, порѣшилъ участь сраженія при Мюльдорфѣ (1322). Въ спорѣ Люксембурговъ съ Виттельсбахами, Цоллерны были на сторонѣ послѣднихъ. Сынъ Фридриха IV, Іоаннъ II, былъ нѣкоторое время намѣстникомъ Бранденбургскимъ при курфюстѣ Лудвигѣ Младшемъ. Но Карлъ IV примирился съ Гогенцоллернами, а король Сигизмундъ наградилъ Фридриха VI, за его разнообразныя и важныя услуги, возведеніемъ его въ званіе курфюрста Бранденбургскаго (1411). При этомъ, чтобы не имѣть какихъ-либо столкновеній съ своимъ братомъ Венцелемъ, который могъ бы предъявить свои наслѣдственныя права, онъ наложилъ, въ то же время, на область долговое обязательство въ 150,000 золотыхъ гульде-

Фридриху Нюренбергскому марку Бранденбургскую.

имъ знамя лэна съ бранденбургскимъ краснымъ орломъ; герцогъ Рудольфъ Саксонскій жавное яблоко. Музыканты на трубахъ играютъ тушъ.

библіотеки, напечатаннаго въ Аугсбургѣ Антономъ Зоргомъ въ 1483 году.

новъ; она могла быть всегда выкуплена за ту же сумму, но такъ какъ было немыслимо, чтобы у Люксембурга могли найтись когда-либо лишнихъ 150,000 золотыхъ гульденовъ, то дѣло было устроено и дарованіе въ лэнъ курфюршества совершилось въ Констанцѣ, 17 апрѣля 1417 года.

Курфюрстъ Фридрихъ I Бранденбургскій.

Избраніе такого дѣльнаго человѣка, какъ курфюрстъ Фридрихъ I, на подобное мѣсто было весьма значительнымъ событіемъ и заслугою со стороны Люксембурга, потому что оно отвратило могучій напоръ славянства, одержавшаго, незадолго передъ тѣмъ, такую полную побѣду надъ Тевтонскимъ Орденомъ, служившимъ здѣсь самымъ передовымъ постомъ

германской культуры. Сигизмундъ хорошо соображалъ это, выдавая свою грамоту. Такое противодѣйствіе было одною изъ главныхъ задачъ дома Гогенцоллерновъ, которое, по мѣрѣ силъ, составляетъ задачу его исторіи и по наше время.

Тевтонскій Орденъ съ 1386 года.

Мы говорили уже, что великій князь Литовскій Ягелло принялъ христіанство въ 1386 году, при нареченіи Владиславомъ, и соединилъ, посредствомъ своего удачнаго брака, Польшу съ Литвой. Для ордена наступали тяжелыя времена: Литовцы рады были отомстить ему за долгія и жестокія притѣсненія. Рыцари вовсе не принимали за священную обязанность обращеніе своихъ сосѣдей-язычниковъ въ христіанство. Ихъ Крестовые походы въ эти области были для нихъ только своего рода рыцарскою потѣхой и предпринимались, обыкновенно, лишь съ прибытіемъ какого-нибудь важнаго гостя съ воинственной свитой, являвшагося для выполненія крестоваго обѣта, принятаго имъ на себя ради моды или изъ стремленія къ рыцарскимъ похожденіямъ. Подобная борьба съ язычествомъ была безуспѣшна, можно сказать, даже безцѣльна, но служила къ ослабленію ордена, который и безъ того былъ слишкомъ малочисленъ для всѣхъ разнообразныхъ нуждъ управленія страною, для ея обороны и воинственной проповѣди; между тѣмъ, ряды его не могли легко пополняться съ наступленіемъ временъ новыхъ, ставившихъ людямъ уже иныя задачи. При этомъ еще переселенческій наплывъ прекратился, вслѣдствіе страшной чумы, свирѣпствовавшей въ половинѣ столѣтія на Западѣ и не оставившей тамъ избытка въ населеніи. Орденъ согласился, или былъ принужденъ купить Ново-Мархію у Люксембургца Іоста Моравскаго, потому что, иначе, она была бы продана смертельному врагу рыцарей, Ягеллѣ (1399). Но это пріобрѣтеніе втянуло ихъ только въ споръ съ опаснымъ сосѣдомъ, вслѣдствіе неопредѣленности границы. При вспыхнувшей вскорѣ войнѣ послѣдовалъ въ 1410 г. роковой бой при Танненбергѣ (иначе: при *Грюнвальдѣ*) порѣшившій участь ордена. Внутренняя слабость рыцарскаго государства обнаружилась тотчасъ: города спѣшили навстрѣчу побѣдителямъ, Ягеллу и Витовту, съ изъявленіемъ своей покорности. Однако, побѣдители удовольствовались заключеніемъ снисходительнаго мира, перваго Торнскаго мира, налагавшаго на ордена лишь порядочную контрибуцію въ 70,000 или 100,000 шоковъ *) грошей. Но сила ордена была сломлена и для него было большимъ счастіемъ, что въ Бранденбургской Мархіи долженъ былъ княжить домъ, способный ввести въ этомъ важномъ и опасномъ пунктѣ твердый государственный строй. Область пришла, вообще, въ большой упадокъ при перемѣнахъ правленія, столь частыхъ, что населеніе не знало, наконецъ, кто собственно, имъ владѣетъ, а выродившіеся потомки рыцарей, Квицовы, Путлицы, Роховы, Бредовы, занимались только наѣздничествомъ. Фридрихъ со своими франконскими войсками возстановилъ въ странѣ порядокъ и безопасность, при чемъ встрѣтилъ поддержку въ мирной партіи. Онъ заставилъ разбойничавшихъ рыцарей усмириться, однихъ добромъ, другихъ силою оружія, при чемъ ему оказало большія услуги тяжелое произведеніе современ-

*) *Шокъ*—60 штукъ.

наго военнаго искусства, громадная пушка, которую онъ занялъ у Фридриха, ландграфа Тюрингенскаго. Народъ придавалъ этому орудію, хотя объ этомъ и не упоминаетъ ни одинъ изъ современныхъ писателей, кличку: «лѣнтяйки—Греты или Метцы» (Маргариты). Фридрихъ I пережилъ императора: онъ умеръ въ 1440 г.

Саксонія, какъ вторая Курляндія, тоже перемѣнила династію при Сигизмундѣ. Послѣдній изъ Виттенберговъ умеръ (1420), не оставя потомства. Глава государства передалъ власть маркграфу Мейссенскому, Фридриху Храброму, изъ дома Веттиновъ, которому онъ былъ обязанъ, во время гусситскихъ войнъ, за разную помощь, также и денежную. Саксонскій домъ.

Дѣла дома Виттельсбаховъ были въ большомъ разстройствѣ; но споры различныхъ членовъ этой фамиліи, тянувшіеся въ продолженіе всей первой половины XV столѣтія, не представляютъ общаго интереса. Звѣзда Габсбурговъ тоже какъ-бы клонилась къ упадку, но счастье не покидало этого дома, которому предстояло возвеличеніе именно въ близкомъ будущемъ. Какъ мы уже видѣли, герцогъ Фридрихъ (изъ Леопольдинской линіи) сдѣлалъ большую ошибку своимъ безразсуднымъ соглашеніемъ съ папою Іоанномъ XXIII, и Швейцарскій союзъ, вѣчный врагъ Габсбурговъ, напалъ на него, такъ что «Фридель съ пустымъ карманомъ», какъ прозывали его въ насмѣшку многочисленные враги, долженъ былъ откупиться отъ изгнанія и отлученія полнымъ отказомъ отъ тѣхъ земель, которыя отняли у него Швейцарцы съ согласія императора (1418). Но дѣла́ дома вознаграждались успѣхами другой линіи, Альбертинской. Сигизмундъ возобновилъ свою наслѣдственную братскую связь съ домомъ Габсбурговъ въ 1409 г., а въ 1422 г. выдалъ свою единственную дочь Елизавету за герцога Австрійскаго Альбрехта V. Венгерскіе штаты избрали ее въ наслѣдницы, въ случаѣ смерти ихъ короля Сигизмунда, и тотъ, умирая, получилъ отъ нихъ еще разъ обѣщаніе вручить корону ей и ея супругу, что̀ и было исполнено. Но богемское наслѣдство не досталось Альбрехту; католическая партія избрала его и онъ короновался въ Прагѣ, но каликстинцы воспротивились этому избранію и когда Альбрехтъ отказалъ имъ въ требуемыхъ ими уступкахъ, они провозгласили королемъ 15-ти-лѣтняго Казиміра, брата Польскаго короля Владислава. Междоусобная война не приходила здѣсь къ рѣшительному окончанію; но въ Германіи, напротивъ того, курфюрсты избрали единогласно Альбрехта королемъ (18 марта 1438); они разсчитывали, что королю изъ Габсбургскаго дома будетъ достаточно хлопотъ съ Турками и Богеміей для того, чтобы онъ могъ слишкомъ сильно и рѣзко проявлять свою королевскую власть въ Германіи. Виттельбахи. Габсбурги.

Можно было ожидать, что этотъ здравомыслящій и степенный человѣкъ, въ лучшей порѣ возмужалости, заявитъ свои государственныя способности, тѣмъ болѣе, что онъ принялъ сказанное избраніе не поспѣшно, а колеблясь и по обстоятельномъ размышленіи. Однако, Альбрехтъ II не имѣлъ значенія для исторіи Германіи. Его правленіе было непродолжительно и несчастливо. Онъ находился во главѣ арміи, собранной имъ противъ Турокъ; но при громадномъ перевѣсѣ силъ у Османовъ, ему нельзя было и подумать о вступленіи въ бой. При бѣгствѣ, достигнувъ Альбрехтъ II.

въ Венгріи Коморнскаго комитата, король Альбрехтъ умеръ (октябрь 1439); ему было лишь сорокъ два года.

Фридрихъ III.

Въ преемники ему былъ избранъ (февраль 1440) старѣйшій изъ жившихъ тогда представителей Габсбургскаго дома, герцогъ Фридрихъ Штейермаркскій, сынъ герцога Эрнеста Желѣзнаго. Это былъ двадцатипятилѣтній юноша, которому предстояло состариться на престолѣ. Онъ правилъ Германіей не менѣе пятидесяти четырехъ лѣтъ, и былъ неспособнымъ и дурнымъ правителемъ, — какъ въ политическомъ, такъ и человѣчески-нравственномъ смыслѣ, прилагая такую оцѣнку къ среднему уровню. Онъ напоминаетъ Франца II, послѣдняго Габсбургскаго императора въ Германіи XIX столѣтія; и Фридрихъ кажется намъ еще неспособнѣе и хуже, чѣмъ могъ бы казаться, именно потому, что его безразсудный и низкій эгоизмъ, его лѣность и трусость, его мелкій, тупой, лишенный всякаго высшаго порыва характеръ, стояли въ жалкомъ противорѣчіи съ духомъ времени, стремившимся неудержимо къ полному обновленію европейской жизни, къ великому преобразовательному движенію.

Церковная смута. Папа и соборъ.

Первою задачею, ожидавшею Фридриха, былъ церковный вопросъ, роковое положеніе Базельскаго собора. Французскій король, Карлъ VII, принялъ реформы, установленныя соборомъ, за обязательныя для французской Церкви, выразивъ эту мѣру въ такъ-называемой «прагматической санкціи» (іюль 1438); то же сдѣлала и Германія, по рѣшенію рейхстага, собраннаго во Франкфуртѣ, что было заявлено королемъ Альбрехтомъ въ письменномъ документѣ (май 1439). Ободренный этимъ соборъ, презирая антисоборъ, созванный въ Феррарѣ и очевидно лишенный всякой почвы, провозгласилъ папу Евгенія IV низложеннымъ (май или іюнь 1439) и избралъ, въ ноябрѣ, подъ именемъ Феликса V, въ папы бывшаго герцога Савойскаго, Амедея VIII, много сдѣлавшаго для своей страны, и отказавшагося отъ трона, чтобы вести отшельническую жизнь. Но соборъ пережилъ самого себя; многіе прелаты покинули его и въ немъ бралъ перевѣсъ юридическій элементъ: доктора римскаго права. Происходившее въ Богеміи угнетало общій духъ, что благопріятствовало возврату папскаго могущества, и съ такимъ настроеніемъ слѣдовало считаться. Нѣкоторыя государства, какъ Германія, старались воспользоваться реформами, но, не высказываясь рѣшительно за нихъ,—что было совершенно сообразно съ духомъ того, да и всякаго иного, матеріально-настроеннаго времени: всѣ громко возставали противъ духовенства и церковныхъ злоупотребленій, но тщательно сторонились отъ ереси и еретиковъ и не вдавались въ болѣе глубокое сравненіе того, что было, съ тѣмъ, что должно было быть. Энергическій правитель съумѣлъ бы, во всякомъ случаѣ, извлечь пользу для себя изъ подобнаго настроенія. При избраніи Альбрехта, курфюрсты объявили себя нейтральными въ борьбѣ собора съ папой Евгеніемъ; Альбрехтъ призналъ соборъ за законнаго представителя общей Церкви; но Фридрихъ, при своей низкой душѣ, думалъ лишь о личныхъ выгодахъ, предоставляемыхъ ему этимъ столкновеніемъ. Папа Евгеній IV нашелъ весьма полезнаго и искуснаго слугу въ чрезвычайно способномъ потомкѣ захудалой дворянской фамиліи, Энеѣ-Сильвіи Пикколомини, человѣкѣ, одержимомъ жаждою славы, денегъ и чувственныхъ удоволь-

Фридрихъ III увѣнчиваетъ лавровымъ вѣнкомъ поэта Энея-Сильвія Пикколомини.
Изъ цикла фресокъ Пинтуриккіо, изображающихъ различныя событія жизни Энея-Сильвія, въ соборной библіотекѣ въ Сіеннѣ.

ствій. Подобно многимъ такимъ способнымъ, но безхарактернымъ людямъ, онъ плылъ сначала по теченію, заявлялъ себя либераломъ, потомъ, вòвремя, перекочевалъ въ другой лагерь и, наконецъ, очутился на службѣ у Фридриха III и его канцлера, Каспара Шликъ,—князя Меттерниха своего времени. Эней принялъ на себя роль посредника: болѣе всего слѣдовало помѣшать эмансипаціи нѣмецкаго епископата, высшей духовной аристократіи отъ куріи; это движеніе было уже въ полномъ разгарѣ; чтобы противодѣйствовать ему, надо было подкупить императора и его канцлера. Оба они выгадали не мало при этомъ: порядочную сумму денегъ чистой монетой, сверхъ обѣщанной еще впослѣдствіи; право назначенія на сотню духовныхъ доходныхъ мѣстъ въ наслѣдственныхъ земляхъ; право выбора на шесть епископскихъ каѳедръ; обѣщаніе короновать Фридриха; десятину съ нѣмецкихъ церковныхъ учрежденій (начало 1446). Опираясь на это, папа Евгеній,—точно живя еще во времена Иннокентія III,—лишилъ званія двухъ имперскихъ курфюрстовъ, архіепископовъ Дитриха Кёльнскаго и Іакова Трирскаго. Императоръ не заявилъ никакого протеста, но нѣмецкіе курфюрсты созвали княжій съѣздъ во Франкфуртѣ (мартъ 1446), потребовали у императора и папы отмѣны сказаннаго низложенія и настаивали на введеніи для нѣмецкой Церкви тѣхъ льготъ, которыя были присуждены рѣшеніями констанцскаго и базельскаго соборовъ. Евгеній согласился на эти требованія съ обычными оговорками и потомъ, незадолго до своей смерти, отмѣнилъ это согласіе въ тайномъ своемъ заявленіи. Его преемникъ, Николай V, былъ тоже мастеръ на всякія уловки, на полусоглашенія, столь удобныя для поселенія раздора между противными сторонами. Конечнымъ результатомъ всего былъ обсужденный на рейхстагѣ въ Ашафенбургѣ (1147) и заключенный въ Вѣнѣ (февраль 1448) конкордатъ, въ сущности возстановлявшій всѣ прежніе порядки; императоръ лишилъ базельскій соборъ руководящей роли; папа Феликсъ вступилъ въ соглашеніе съ Николаемъ V, и то, что оставалось еще отъ собора, перенесеннаго съ 1448 г. въ Лозанну, разсѣялось вполнѣ въ 1449 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Эпоха Фридриха III и Максимиліана I.

Распущеніе собора. Время послѣ собора 1449 г.

Великая идея, лежавшая въ основѣ соборнаго движенія и согласно которой коренное преобразованіе Церкви должно было совершиться безъ разрыва съ прошлымъ и черезъ самые ея органы, слѣдовательно, путемъ мирнаго возрожденія европейскаго общества на почвѣ просвѣтленнаго,

возстановленнаго христіанства,—эта возвышенная идея не была осуществлена. Обычное, обыденное, прежнее снова добилось своихъ правъ,—правъ владѣльца. Тѣмъ не менѣе, съ Констанцскаго собора и со смерти Іоанна Гусса, началось совершенно иное время. Въ милліонахъ человѣческихъ душъ зачалась работа самоосвобожденія, которая, спустя столѣтіе, уже сдѣлала такой шагъ, что весьма простое и, само по себѣ, незначительное событіе въ небольшомъ нѣмецкомъ университетѣ могло содѣйствовать прорыву того новаго міровоззрѣнія, которое отмѣчаетъ новое время отъ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ. Два поколѣнія, раздѣляющія конецъ Базельскаго собора отъ перваго выступленія Мартина Лютера, протекли среди сильнаго развитія общества на пути прогресса; этотъ періодъ времени не отмѣченъ выдающимися, первоклассными умами, но въ немъ было много дѣльныхъ второстепенныхъ людей, тѣхъ полезныхъ, дѣятельныхъ, безвѣстныхъ, которые, не заботясь о происходящемъ въ такъ-называемомъ большомъ свѣтѣ, работаютъ въ тѣсномъ кругу, на точно опредѣленной почвѣ, и оказываются здѣсь полезными, часто изобрѣтательными, даже одаренными творчествомъ. Такъ открывается, за неизвѣданными дотолѣ морями, цѣлый міръ новыхъ странъ, когда передовое судно идетъ, медленно и осторожно, отъ берега къ берегу, отъ мыса къ мысу; съ такимъ же трудомъ, переходя отъ понятія къ понятію, завоевываетъ себѣ человѣчество новый внутренній міръ, стремясь къ свѣту. Отдѣльные успѣхи ускользаютъ отъ глазъ современниковъ; лица, наиболѣе послужившія, сходятъ въ могилу, сами не познавъ всей обширности совершеннаго ими. Но живущіе позднѣе тѣмъ яснѣе оцѣниваютъ это,—и исторія описываемыхъ шестидесяти лѣтъ кажется тѣмъ отраднѣе, что въ ней дѣйствуютъ не великіе этого міра, но трудовая толпа съ ея вожаками, и все отличается существенно плебейскимъ характеромъ. Но, прежде всего, мы должны разсмотрѣть внѣшнюю, политическую исторію европейскихъ государствъ съ выдающимися въ ней событіями, для того, чтобы уяснить себѣ, по возможности, внутреннюю жизнь народовъ и тѣ пріобрѣтенія въ области различныхъ человѣческихъ интересовъ, которыя характеризуютъ состояніе всей Европы на исходѣ среднихъ вѣковъ.

I. Юго-Востокъ Европы.

Успѣхи Турокъ.

Въ благодарность за свою, по взгляду куріи, вполнѣ правильную политику, король Фридрихъ III получилъ въ Римѣ (1452) императорскую корону, за что обѣщалъ совершить Крестовый походъ. Эней-Сильвій украсилъ этотъ обѣтъ или обѣщаніе всѣми цвѣтами своей реторики; Николай V пожертвовалъ на похвальную цѣль десятую часть церковныхъ доходовъ. Но когда появилась эта папская булла, Восточной Римской Имперіи уже не существовало: Константинополь находился уже три мѣсяца въ рукахъ Турокъ.

Монголы. Тимуръ и Баязетъ.

Какъ мы уже видѣли, еще султанъ Баязетъ приступилъ къ осадѣ Константинополя (1401), но не успѣлъ овладѣть городомъ, благодаря неожиданной диверсіи, къ счастію христіанъ; на него самого нападалъ врагъ

сильнѣйшій: монголъ Тимуръ, который, сдѣлавшись верховнымъ ханомъ надъ монгольскими племенами (около 1370), направилъ свои дикія полчища сперва на Востокъ, покорилъ Персію, вторгся въ Индію, гдѣ овладѣлъ страною до Дельги (1398), а затѣмъ повернулъ на Западъ. На короткое время всесокрушающій потокъ принялъ другое направленіе. Тимуръ одержалъ побѣду надъ египетскимъ султаномъ при Алеппо, потомъ при Дамаскѣ, а въ 1401 г. осадилъ Багдадъ. Памятниками объ этихъ побѣдахъ служили пирамиды, воздвигаемыя изъ головъ убитыхъ. Баязетъ, передъ которымъ склонились уже столькіе властители, отъ Китайской стѣны до Средиземнаго моря и до египетской границы, принялъ высокомѣрно пословъ грознаго вождя, требовавшаго покорности, но вынужденъ былъ двинуть войска навстрѣчу ему. Грозные вожди сошлись при Ангорѣ въ Галаціи; произошла битва, въ которой участвовало до милліона воиновъ. Османы не устояли противъ дикихъ враговъ и самъ Баязетъ былъ взятъ въ плѣнъ (іюль 1402). Побѣдитель пощадилъ ему жизнь и плѣнъ его раздѣлилъ мюнхенскій оруженосецъ, Гансъ Шильдбергеръ, о которомъ была уже рѣчь выше. Этотъ Гансъ сопровождалъ потомъ хромого Тимура («Тимурленка», котораго онъ простодушно переиначилъ въ «Темерлина») во многихъ его походахъ и былъ свидѣтелемъ жестокихъ побоищъ. Баязетъ вскорѣ умеръ въ плѣну у Тимура, а въ 1405 году, во время похода противъ Китая, умеръ самъ Тимуръ, образъ котораго, подъ именемъ Тамерлана, глубоко запечатлѣлся въ памяти западныхъ народовъ, хотя, въ этотъ разъ, нашествіе Монголовъ коснулось лишь окраины Европы (см. выше, 488 стр.) и даже задержало неотвратимую участь, предназначенную Восточной Римской Имперіи.

Успѣхи Турокъ.

Дѣйствительно, битва подъ Ангорой и ея послѣдствія обезпечили продолжительный отдыхъ западному христіанству, давая ему возможность приготовиться къ дѣятельной оборонѣ. Господство Монголовъ надъ областями, обращенными въ турецкія, было, разумѣется, только преходящимъ, но между сыновьями Баязета господствовала кровавая вражда и оставшійся между ними побѣдителемъ, Махмудъ I, могъ водвориться въ Адріанополѣ лишь въ 1413 году. Уже при его сынѣ, Мурадѣ II (1422—1451), Турки возобновили свои набѣги и Константинополь былъ осажденъ поклонниками ислама въ четвертый разъ. И снова городъ былъ спасенъ какъ бы чудомъ: одинъ штурмъ былъ отбитъ, а полученныя султаномъ непріятныя извѣстія заставили его снять осаду; но, въ дѣйствительности, имперія ограничивалась теперь уже только Константинополемъ съ его уѣздомъ и нѣкоторыми частями на Черномъ морѣ и въ Пелопоннезѣ. Поправить дѣло могли только новый Крестовый походъ съ Запада и общеевропейское вмѣшательство; поэтому, для устраненія главнаго, — какъ предполагалось,—къ тому препятствія, именно разногласій между Восточной и Западной Церковью, сынъ Мануила II, Іоаннъ (1425—1448), отправился въ Италію, какъ уже было говорено. Въ Западной Церкви господствовалъ, въ это время, раздоръ, поэтому Іоанну приходилось примкнуть къ которой-нибудь партіи. Онъ рѣшился стать на сторону папы Евгенія и Феррары, и здѣсь или, точнѣе, во Флоренціи, куда вскорѣ былъ переведенъ анти-соборъ, было торжественно возвѣщено великое

событіе: возсоединеніе Церквей (6 іюля 1439). Но народъ и духовенство въ Константинополѣ не хотѣли и слышать объ этомъ возсоединеніи, попокупавшемся цѣною уступокъ, противныхъ православію. Лица, составившія во Флоренціи формулу возсоединенія, не смѣли показываться публично въ Константинополѣ. Между тѣмъ, христіанство и самъ папа были нѣсколько ободрены сопротивленіемъ, какое встрѣчалъ Мурадъ при его набѣгахъ на пограничныя области. Елисавета, вдова короля Альбрехта, дочь императора Сигизмунда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти мужа, родила сына Ладислава, признаннаго королемъ большинствомъ венгерскаго народа и магнатовъ. Между опекунами малолѣтняго короля, самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ былъ Іоаннъ Гуніади, который положилъ предѣлъ опустошеніямъ отдѣльныхъ разбойничьихъ турецкихъ шаекъ, проникавшихъ въ страну, и нанесъ даже, въ двухъ блестящихъ походахъ, сильное пораженіе болѣе значительной арміи, выставленной султаномъ (1442). Уступая настояніямъ папскихъ пословъ, съ нимъ соединился и Польскій король Владиславъ (Ягелло), при чемъ ими была одержана довольно важная побѣда надъ Турками, въ ночной битвѣ при Нишѣ (1443). Слѣдствіемъ ея былъ заключенный въ Чегединѣ миръ на десять лѣтъ, съ условіемъ для обѣихъ сторонъ—не переступать Дуная съ военными цѣлями. Кардиналъ Джуліано Чезарино, присутствовавшій на совѣщаніяхъ въ качествѣ папскаго уполномоченнаго, былъ противъ этого договора, который, быть-можетъ, былъ дѣйствительною ошибкой. Но христіанамъ было все же крайне непростительно нарушить его вскорѣ, при чемъ главная вина падала на того же папскаго легата, кардинала Джуліано, и на ту безнравственную теорію, по которой папа или Церковь считали себя въ правѣ вовсе не признавать договоровъ, заключенныхъ «ко вреду Церкви», и освобождали своихъ мірскихъ подданныхъ отъ клятвеннаго обѣщанія ихъ выполнять. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что какими бы громкими словами ни пояснялась или прикрывалась эта теорія, суть ея все же въ томъ, что можно и не держать слова въ отношеніи къ невѣрнымъ. Кардиналъ съумѣлъ убѣдить Польскаго короля, признаннаго и въ Венгріи одною партіей и пользовавшагося, вообще, большимъ авторитетомъ въ эту минуту; склонилъ онъ и собраніе магнатовъ, но ему оказалось труднѣе составить тотъ великій христіанскій союзъ, на который возлагались надежды. Владиславъ перешелъ за Дунай съ войскомъ всего въ 15.000 человѣкъ и успѣлъ проникнуть до Варны, благодаря тому, что болгарская страна объявила себя за него. Предполагалось, что султанъ занятъ далеко, въ Азіи, когда тотъ былъ уже по близости со своимъ войскомъ: генуэзцы,—взявъ за іудину услугу по дукату съ человѣка,—перевезли Турокъ на своихъ судахъ, въ числѣ сорока тысячъ человѣкъ, черезъ Босфоръ, послѣ чего тѣ направились на Сѣверъ. Столкновеніе произошло при Варнѣ, 10 ноября 1444 года. Передъ битвою, сквозь ряды Османовъ была пронесена на концѣ копья грамота съ договоромъ о перемиріи, нарушенномъ теперь. Христіанъ вели въ бой: Іоаннъ Гуніадъ и, несмотря на свою болѣзнь, Польскій и Венгерскій король Владиславъ, молодой, красивый двадцатилѣтній рыцарь; Османами предводительствовалъ ихъ султанъ. Побѣда клонилась уже на сторону христіанъ; Поляки и Вен-

герцы пробивались впередъ съ несокрушимой отвагой и успѣли прогнать съ поля турецкую конницу; одни янычары держались еще, но и они стали слабѣть. Но въ христіанскихъ войскахъ замѣтили вдругъ, что не стало короля Владислава, перья на шлемѣ котораго мелькали впереди путеводнымъ знакомъ для своихъ. Молодой король занесся, дѣйствительно, въ вражескіе ряды, и въ ту минуту, когда янычары выстраивались снова, онъ упалъ съ коня и былъ тотчасъ убитъ Турками, которые отрубили ему голову, воткнули ее на копье и пронесли передъ своими

Печать короля Владислава III (Ягеллона) Польскаго.

Изъ королевскаго тайнаго государственнаго архива въ Берлинѣ.

войсками. Наступившая ночь прекратила битву. Отступленіе было для христіанъ гораздо губительнѣе самаго сраженія; кардиналъ Джуліано тоже не остался въ живыхъ; ходили слухи о томъ, что его собственные люди убили его, какъ виновника всего бѣдствія. Османы не довершили своей побѣды; Іоаннъ Гуніадъ, избранный регентомъ или охранителемъ госу-

дарства до совершеннолѣтія признаннаго теперь всѣми, Ладислава-Посмертнаго, сына Альбрехтова, принялся энергично за приготовленія къ новой войнѣ, вступивъ въ переписку съ папою и венеціанскою синьоріей. Въ 1448 году у него было войско той же численности, какъ и бывшее подъ Варной, или нѣсколько сильнѣйшее, набранное изъ Венгровъ и Валаховъ; съ Запада прибыли лишь отдѣльно кое-какіе охотники. На равнинѣ у Коссова,—на полѣ «Черныхъ дроздовъ», томъ самомъ, на которомъ, за пятьдесятъ девять лѣтъ передъ тѣмъ, потерпѣли пораженіе Венгры и Сербы,—встрѣтились теперь обѣ арміи. Дѣло кончилось какъ и при Варнѣ, съ тѣмъ различіемъ только, что измѣна вкралась, въ этотъ разъ, въ христіанскій лагерь: валахскія войска передались Туркамъ на другой день; на третій—довершилось пораженіе христіанъ. При отступленіи, Гуніадъ имѣлъ несчастіе попасть въ руки своего врага, сербскаго деспота; будучи освобожденъ цѣною самыхъ тяжелыхъ условій и громаднаго выкупа, онъ сталъ стараться о полученіи настоящей помощи съ Запада, но усилія его были столь же тщетны, какъ и прежде. Изъ денегъ, собираемыхъ на Крестовые походы, и сокровищъ, получаемыхъ папскою казною изъ новаго источника со временъ Бонифація VIII,—именно юбилейныхъ празднествъ (сроки на которыя все сокращались, а именно: съ 100 лѣтъ на 50, потомъ на 33 года, наконецъ, на 25 лѣтъ), передовые оплоты христіанства противъ Турокъ получали весьма мало. Съ другой стороны, Гуніаду не удавалось заключить съ непріятелемъ сколько-нибудь продолжительнаго мира, и при такихъ обстоятельствахъ насталъ роковой годъ.

Махмудъ II.

Въ 1451 г. Мураду, пользовавшемуся славой умѣреннаго и справедливаго властителя, наслѣдовалъ сынъ его, Махмудъ II, юноша двадцати одного года, честолюбивый, полный воинственныхъ замысловъ. Укрѣпивъ свой престолъ, по восточному обычаю, казнью казавшихся ему опасными родственниковъ, онъ счелъ наступившимъ время для возвращенія Османамъ ихъ естественной столицы. Онъ почти не скрывалъ своихъ намѣреній: въ томъ самомъ году, въ которомъ онъ достигъ власти, онъ началъ строить крѣпость на европейскомъ берегу Босфора, въ наиболѣе узкомъ его мѣстѣ, невдалекѣ отъ самыхъ Константинопольскихъ воротъ. Императоръ Константинъ IX (XIII, по другому исчисленію), носившій въ то время корону, утратившую почти всякое значеніе, тщетно пытался воспрепятствовать этимъ работамъ; султанъ даже не принималъ посольствъ, присылаемыхъ по этому поводу. Вскорѣ открылись враждебныя дѣйствія, къ которымъ подавала поводъ самая постройка этой крѣпости. Палеологъ, сознавая ихъ неизбѣжность, сталъ мужественно готовиться къ защитѣ. Онъ снова обратился за помощью къ западнымъ державамъ, прежде всего къ папѣ. Ожидаемая помощь со стороны этого послѣдняго ограничилась присылкою какого-то кардинала Исидора, который прибылъ, въ ноябрѣ 1452 г., въ погибавшій городъ и сталъ проповѣдовать, въ такое удобное время, на пользу возсоединенія Церквей. Императоръ склонился на предлагаемыя формулы исповѣданія, но это лишь раздражило все православное населеніе, подняло всѣхъ монаховъ, народъ, чернь, и прежде нежели пара галеръ, снаряжаемыхъ папою на его личныя средства или

на доставленныя ему другими государями, успѣла появиться въ восточныхъ водахъ, судьбы города уже совершились.

Древнѣйшее изображеніе воиновъ Турокъ.

Рисунокъ отъ руки, изъ временъ Фридриха III (Германскій музей въ Нюренбергѣ).

Осада и завоеваніе Константинополя. 1453.

Махмудъ далъ еще время осажденнымъ приготовиться, сколько-нибудь, къ оборонѣ, въ теченіе зимы, но самъ овладѣлъ всѣми путями, изъ которыхъ имъ могла бы подоспѣть помощь. Съ наступленіемъ весны 1453 года, онъ двинулъ изъ Адріанополя свои полчища, въ составѣ 3—400,000 человѣкъ, и когда эта армія опоясала городъ дугою, отъ моря до моря, съ суши, то къ стѣнамъ его, обращеннымъ къ морю, приблизился флотъ. Городъ оказалъ мужественное, нежданное султаномъ, сопротивленіе. Онъ былъ крѣпко защищенъ съ суши двойною стѣною; гавань, «Золотой рогъ», въ которомъ находилась маленькая эскадра изъ 16—20 судовъ, была замкнута цѣпью съ моря. Были минуты, въ которыя не только набожные и искренно-благочестивые люди, но самые вожди и всѣ понимавшіе военное дѣло, предавались надеждѣ на то, что и въ этотъ разъ, какъ бывало и прежде, язычники будутъ вынуждены къ неожиданному отступленію. Самъ императоръ былъ человѣкъ рѣшительный и самоотверженно предавался отчаянному дѣлу защиты; городъ былъ надолго обезпеченъ продовольствіемъ; среди вождей находился одинъ генуэзецъ, одаренный замѣчательными военными способностями, нѣкто Джіованни Джустиніани. По

Лицевая сторона.

Большая медаль съ изображеніемъ Мухамеда II,

По оригиналу, хранящемуся въ королевскомъ м

Оборотная сторона.

евателя Константинополя. Въ величину оригинала.

кабинетѣ въ Берлинѣ, рисовано К. Л. Бекеромъ.

гарнизонъ былъ слишкомъ малочисленъ для обороны такого обширнаго города. Онъ состоялъ, самое большое, изъ 10,000 человѣкъ, между которыми находилось до 3,000 иностранцевъ, большею частью генуэзцевъ и венеціанцевъ, между тѣмъ какъ Османы, при всемъ ихъ неумѣломъ веденіи осады, какъ и вообще при штурмахъ укрѣпленныхъ городовъ, имѣли, по крайней мѣрѣ, перевѣсъ въ людяхъ для поддержанія боя. У нихъ были осадныя орудія, нѣсколько небольшихъ пушекъ и одна громадная мортира, выбрасывавшая ядра изъ чернаго камня, вѣсомъ до 1,000 фунтовъ. Она не наносила, однако, какъ кажется, особеннаго вреда и ее разорвало при одномъ изъ семи выстрѣловъ, выпускавшихся изъ нея ежедневно. Дѣла приняли худшій оборотъ для христіанъ, когда Туркамъ удалось, благодаря огромной рабочей силѣ, которою они могли располагать, перетащить, посредствомъ настланныхъ досокъ, часть своихъ судовъ на сушу, приблизительно на семь километровъ далѣе, за цѣпь, ограждавшую входъ въ гавань. При этомъ, вслѣдствіе-ли измѣны, или благодаря случаю, осажденные не успѣли зажечь эти суда, хотя этотъ планъ уже былъ близокъ къ исполненію. Надвигаясь постепенно, Османы могли уже приступить къ штурму. Но передъ началомъ его, Махмудъ предложилъ императору удалиться свободно, обѣщая пощадить населеніе; Константинъ отклонилъ эту капитуляцію, какъ нравственную невозможность. Такой героизмъ доказываетъ, что послѣдняя искра древне-римскаго духа еще не угасла тогда и, какъ разсказываютъ, самъ султанъ не могъ воздержаться отъ изумленія и объявилъ, что не повѣрилъ бы никогда, что эти невѣрныя собаки, гяуры, могутъ обладать такимъ геройскимъ мужествомъ,—не повѣрилъ бы, если бы даже возвѣщали ему о томъ 37,000 пророковъ! 27 мая приступъ былъ объявленъ турецкимъ войскамъ на 29-е число; 28 можно было видѣть со стѣнъ всѣ приготовленія къ нему, слышать восторженные возгласы, которыми привѣтствовалась рѣчь султана. Императоръ созвалъ тоже своихъ вождей и пріобщился съ ними Св. Тайнъ въ Софійскомъ соборѣ. Приступъ начался еще до полнаго разсвѣта. Въ продолженіе двухъ часовъ велся нерѣшительный бой у самаго опаснаго пункта, Римскихъ воротъ, въ серединѣ западной стѣны; при третьемъ приступѣ Турокъ, въ пятьдесятъ разъ многочисленнѣйшихъ, христіане стали слабѣть и когда раненый Джустиніани долженъ былъ покинуть свой постъ, янычары ворвались въ городъ. Но императоръ не прекращалъ боя и скоро палъ честно, озаря славою и себя, и послѣдніе часы своего нѣкогда великаго государства. Трупъ Константина нашли лишь на другой день; городъ былъ вполнѣ взятъ еще до полудня, населеніе искало спасенія въ храмахъ или на судахъ въ гавани. Все, чего можно было ожидать послѣ многомѣсячной осады города варварами, при ихъ побѣдѣ, разумѣется, произошло; однако, число убитыхъ на улицахъ показывается лишь въ двѣ тысячи человѣкъ, — цифра весьма умѣренная въ данныхъ условіяхъ; можетъ-быть, такой пощадѣ содѣйствовала самая корысть солдатъ, которымъ султанъ предоставилъ всю добычу и всѣхъ плѣнныхъ. Послѣднее сопротивленіе было оказано со стороны гавани, но, въ полдень, самъ султанъ вступилъ уже въ завоеванный городъ (29 мая 1453 г.).

Господство Турокъ. Восточный вопросъ.

Такимъ образомъ былъ отнятъ у христіанства, на многіе вѣка, Юго-Востокъ Европы, и восточный вопросъ вступилъ въ новый фазисъ. Подобно тому, какъ уже однажды, въ VIII столѣтіи, онъ становился теперь, на долгое время, вопросомъ о томъ, какъ далеко проникнетъ въ Европу исламъ, вторгнувшійся въ нее, въ этотъ разъ, съ юго-восточной стороны. Дѣло было, во всякомъ случаѣ, не столь опасно, какъ прежде, потому что европейская жизнь сильно развилась въ теченіе семи столѣтій, протекшихъ со времени дней Тура и Хересъ-де-ла-Фронтеры, и западныя государства могли успокоиваться той мыслью, что общая ихъ коалиція представитъ достаточный отпоръ врагу. Но такой коалиціи не составилось; европейскую жизнь разъѣдала рознь, стремленіе къ обособленію высказывалось всѣми націями сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Сознаніе европейской солидарности, совпадавшее прежде съ чувствомъ христіанской или церковной общности, весьма ослабѣло. Обѣ державныя силы, папство и имперія, ограничились въ своихъ дѣйствіяхъ противъ новаго врага слабыми попытками и пустыми демонстраціями. На рейхстагѣ въ Регенсбургѣ (1453), Эней-Сильвій, въ качествѣ императорскаго уполномоченнаго, произнесъ длинную и хорошо обдуманную рѣчь о необходимости и незатруднительности новаго общаго Крестоваго похода; не было тоже недостатка въ вліятельныхъ народныхъ ораторахъ, говорившихъ съ той же цѣлью, во всякихъ воззваніяхъ къ народу. Но и папство, и императорская власть—страдали истощеніемъ, своего рода старческой немощью, и въ виду разрозненности христіанскаго міра, исламъ, твердо сплоченный и замкнутый въ себѣ, имѣлъ на своей сторонѣ ощутительный, если не моральный, то значительный матеріальный перевѣсъ, обезпечивавшій его укрѣпленіе на Юго-Востокѣ Европы. Междоусобія и дворцовые перевороты могли, по временамъ, ослаблять османское могущество, но, въ общемъ, турецкій народъ воодушевлялся однимъ ощущеніемъ и однимъ желаніемъ; и религія, — религія болѣе обряднаго характера, во всякомъ случаѣ, весьма скудно способствующая глубокимъ душевнымъ движеніямъ, но исповѣдуемая съ горячностью и суровымъ выполненіемъ ея требованій,— служила прочною связью для этого народа, сплоченнаго и безъ того уже всепроникавшимъ военнымъ деспотизмомъ и весьма несложною организаціей, обусловленной нуждами войны. Неспособность удерживать за собою съ помощью плуга то, что было завоевано мечомъ, составлявшая впослѣдствіи слабость этихъ варваровъ-побѣдителей, была, въ первыя времена, именно источникомъ ихъ силы. Этотъ народъ, не сроднившійся съ землею, которую обрабатывали за него толпы безоружныхъ рабовъ, обладалъ всею подвижностью готовой къ бою, постоянной арміи, что̀ давало ему громаднѣйшій перевѣсъ надъ крайне неудовлетворительнымъ еще состояніемъ военной части на Западѣ.

Въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій Турки постоянно подвигались впередъ, хотя христіане и одерживали, временами, нѣкоторыя славныя побѣды. Въ 1459 г. обратилась въ османскую провинцію Сербія, въ 1462 г. была покорена Валахія; подобно тому же, послѣ перемѣннаго военнаго счастья, подпало турецкой власти и королевство Боснія съ сосѣдними областями, Герцеговиной и Черногоріей (1464), благодаря чему

господство Турокъ простерлось до Адріатики. Въ одной Албаніи удерживалъ еще свое родовое княжество Георгъ Кастріотъ, прозванный Османами «Скандеръ-бегъ» или «князь Александръ». Въ прежнее время, когда его отецъ вынужденъ былъ покориться Туркамъ, этотъ Георгъ былъ выданъ Портѣ въ качествѣ аманата, вмѣстѣ со своими двумя братьями, и воспитанъ въ магометанствѣ; онъ затаилъ свою жгучую ненависть къ побѣдителямъ до той минуты, въ которую ему удалось порвать свою рабскую цѣпь; онъ бѣжалъ съ тремя стами своихъ земляковъ, появился у себя на родинѣ въ 1444 г. и началъ такъ счастливо воевать съ Турками, во главѣ своихъ воинственныхъ горцевъ, получая порою денежную помощь изъ церковнаго фонда на пользу крестоносцевъ, что самъ Махмудъ (1461) предложилъ ему миръ и свою дружбу и заключилъ мирный договоръ съ Георгіемъ, признавая его независимымъ владыкою надъ Албаніей. Но въ это время погибли послѣдніе остатки бывшаго Римскаго государства: деспотства въ Пелопоннезѣ и герцогство Аѳинское, послѣдній памятникъ франкскаго владычества. Турецкій флотъ тоже не бездѣйствовалъ: въ 1462 г., Лесбосъ, важнѣйшій изъ острововъ Эгейскаго моря, сталъ добычей Османовъ. Положеніе не измѣнилось въ сущности, когда Эней-Сильвій, человѣкъ обширныхъ замысловъ, достигъ цѣли своихъ честолюбивыхъ мечтаній,—и былъ избранъ папою подъ именемъ Пія II. Его бурное стремленіе къ войнѣ съ врагами Креста встрѣтило лишь уклончивый откликъ. Соборъ въ Мантуѣ, на которомъ слѣдовало провозгласить новый Крестовый походъ, далъ папѣ случай произносить длинныя рѣчи, болѣе для собственнаго, чѣмъ чьего-либо удовольствія, но закончился все же словами и простыми обѣщаніями, на исполненіе которыхъ было мало надеждъ, потому что они касались денежной помощи. Къ этому пустому разглагольствованію принадлежитъ и посланіе папы къ Турецкому султану: краснорѣчивый папа-ораторъ старается обратить въ христіанство могучаго воинственнаго властителя, указывая ему на то, какъ возвеличитъ его малость крестильной воды (*aquae pauxillum*). Пій умеръ въ Анконѣ, въ 1464 г., среди военныхъ приготовленій, предпринятыхъ имъ совмѣстно съ Венеціанцами, королемъ Венгерскимъ Матѳеемъ (съ 1458) и герцогомъ Бургундскимъ; преемникъ его, Павелъ II, достигъ тоже, подобно ему, коалиціи однихъ итальянскихъ государей и правительствъ, какъ наиболѣе угрожаемыхъ Османами. Венеціи пришлось вести одиноко войну за свои пелопоннезскія и левантскія владѣнія. Эта война продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ по 1479 г., въ которомъ султанъ и синьорія заключили миръ въ Константинополѣ; по этому договору, Турція получила владѣнія республики въ Мореѣ и на островахъ, за исключеніемъ весьма малаго: острова Евбеи (Негропонтъ) и Скутари на Адріатическомъ морѣ. Въ Венецію прибылъ султанскій посолъ и вручилъ дожу Джіованни Мочениго, въ числѣ другихъ подарковъ, драгоцѣнный поясъ, имѣвшій своеобразное символическое значеніе: въ случаѣ, если бы султанъ потребовалъ его обратно, дожъ долженъ былъ возвратить его немедленно и знать, что съ этой минуты всѣ договоры считались уничтоженными, потерявшими всякую силу. Республика успѣла, однако, отстоять нѣкоторыя свои торговыя выгоды и право имѣть своего собственнаго судью (bailo) для лицъ своей

національности въ Стамбулѣ,—какъ именовался теперь отуреченный Константинополь.

Попытки къ отраченію. Оборона Родоса.

Въ продолженіе этого времени Махмудъ расширялъ свои владѣнія и на азіатской сторонѣ. Трапезундская имперія была покорена (1461); малоазійская область Караманъ досталась тоже Османамъ послѣ ожесточеннаго сраженія ихъ съ Туркменами (1473); вся Малая Азія была теперь въ ихъ рукахъ. Еще при Махмудѣ, великое азіатско-европейское государство простиралось уже отъ верховьевъ Тигра до Савы. Лишь одного мѣста, въ утѣшеніе христіанству, не одолѣли еще дикія силы: островъ Родосъ, поступившій, съ 1309 г., во владѣніе ордена Іоаннитовъ, выдержалъ достославно осаду въ 1480 г. Турки выпустили противъ него 3,500 каменныхъ ядеръ и наконецъ (28 іюля) рѣшились на штурмъ. Они уже почти одерживали побѣду, на нѣкоторыхъ разрушенныхъ стѣнахъ уже развѣвались турецкія знамена, но послѣ двухчасового рукопашнаго боя защитники Родоса снова отбросили враговъ. Махмудъ умеръ въ слѣдующемъ году (1481). Послѣ его смерти, «*res orientales*», какъ дипломаты того времени называли восточный вопросъ, вступилъ опять въ новый фазисъ, довольно благопріятный для христіанскихъ державъ, вслѣдствіе междоусобія, возникшаго между сыновьями Махмуда, Баязетомъ II и Джемомъ. Джемъ, побѣжденный братомъ, предался покровительству европейцевъ, отправясь, прежде всего, на Родосъ. Въ 1489 г., интересуя своею личностью всѣ державы, имѣвшія отношенія въ Оттоманской имперіи, онъ посѣтилъ даже Римъ и гостилъ въ Ватиканѣ, у папы Иннокентія VIII. Такое положеніе вещей весьма тревожило султана Баязета и онъ отправилъ, съ извѣстнымъ простодушіемъ, къ папѣ посланіе (1494), въ которомъ приглашалъ его по возможности скорѣе освободить Джема отъ тяготъ сего міра и переселить его душу въ міръ лучшій. Папою былъ тогда Александръ VI, которому можно было осмѣлиться предлагать подобное дѣло и который, во всякомъ случаѣ, зналъ, какъ его выполнить. За услугу предлагалась не ничтожная сумма: 300,000 дукатовъ, «на покупку какого-нибудь помѣстья сыновьямъ папы», и сверхъ того еще всякое добро. Османскій принцъ превратился въ настоящій товаръ, въ предметъ сбыта: Александръ уступилъ его за 20,000 дукатовъ Французскому королю Карлу VIII (1495). По ходившимъ слухамъ, папа сбылъ, однако, товаръ, уже предварительно попортивъ его: по крайней мѣрѣ, Джемъ умеръ весьма скоро въ Неаполѣ, поступивъ во владѣніе Французскаго короля.

Въ сущности, страхъ передъ происками брата какъ-то подкосилъ энергію Баязета и опасность, угрожавшая Европѣ со стороны Турокъ, нѣсколько ослабѣла въ теченіе первыхъ четырнадцати лѣтъ его царствованія, а политика европейскихъ государствъ привыкла, между тѣмъ, считаться съ османскою властью на европейской территоріи, какъ съ совершившимся фактомъ.

Венгрія и Богемія.

Послѣ Италіи, и въ такой же мѣрѣ какъ ей, опасность грозила Венгріи, которой приходилось, при такихъ обстоятельствахъ, опираться, почти исключительно, на однѣ свои собственныя силы. Съ 1445 г., путемъ правильнаго избранія, Венгерскимъ королемъ состоялъ юный Ладиславъ, внукъ короля Сигизмунда; но онъ находился въ рукахъ Нѣмецкаго короля Фридриха III, который его не выдавалъ. Лишь въ 1453 г. хранитель госу-

дарства, Іоаннъ Гуніадъ, успѣлъ принудить къ тому императора и юноша сталъ править государствомъ. Въ 1457 г. Гуніадъ умеръ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовалъ за нимъ и восемнадцатилѣтній король, еще не успѣвъ вступить въ бракъ съ помолвленной за него французской принцессой. Не было недостатка въ претендентахъ на опустѣвшій престолъ,— даже и на два, потому что, со смертью Ладислава, оставалась свободною и богемская корона; но одержала верхъ партія, которую можно назвать національной, и Венгерскимъ королемъ былъ провозглашенъ сынъ Гуніада, Матѳей, по прозванію Корвинъ (1458). Въ Богеміи выборъ палъ на бывшаго намѣстника Георгія Подебрада, такъ что въ обѣихъ значительныхъ странахъ достигли высшаго сана и власти лица изъ простыхъ дворянъ. Пятнадцатилѣтній Венгерскій король, юноша замѣчательно дѣятельный, одаренный государственнымъ умомъ, справлялся съ большими затрудненіями: внутренними интригами, борьбою съ императоромъ и съ Турками; но когда, наконецъ, въ 1464 г., по примиреніи съ императоромъ Фридрихомъ, онъ достигъ священной короны и былъ увѣнчанъ ею, по обычаю, въ Штульвейсенбургѣ, то обратилъ свои честолюбивые замыслы противъ своего тестя, Богемскаго короля Георгія Подебрада. Сліяніе Венгріи съ Богеміей подъ однимъ главенствомъ могло осуществиться въ виду опасности, грозившей отъ Турокъ; но этотъ планъ не удался, а напротивъ того, вовлекъ Матѳея, по смерти Георгія (1471), въ столкновеніе съ Польшей, потому что Богемцы выбрали въ короли польскаго князя, а партія недовольныхъ въ Венгріи выбрала другого, тоже польскаго, князя для себя, противопоставляя его Матѳею. Все это повело къ войнѣ съ Польшей,— и такъ, то воюя, то заключая мирные договоры съ Польшей, Богеміей, Османами, императоромъ, провелъ Матѳей все время своего правленія, до самой смерти въ 1490 г., не оставя правоспособныхъ наслѣдниковъ. Корона его, на которую было много соискателей, досталась королю Богемскому, Владиславу, и въ виду опасности, угрожавшей отъ Турокъ, соединеніе Богеміи и Венгріи подъ одною властью было счастьемъ.

Король Георгій.

Что касается Богеміи, то главнѣйшимъ моментомъ въ судьбахъ ея въ эту эпоху былъ вопросъ религіозный. Какъ было уже сказано, табориты были осилены (1434), но партія утраквистовъ *) держалась крѣпко за свои права и базельскіе компактаты, которые ей приходилось оберегать отъ посягательствъ и подкоповъ княжескихъ и папскихъ. По смерти Сигизмунда (1437), какъ уже было сказано, католическою партіей былъ избранъ его зять, Альбрехтъ Австрійскій, а гусситами—тринадцатилѣтній польскій князь; но когда умеръ Альбрехтъ, то состоялось соглашеніе въ пользу сына его Ладислава (Посмертнаго), родившагося послѣ кончины отца и опекуномъ котораго вызвался быть императоръ Фридрихъ III. Правленіе представляло родъ компромисса между партіями: страною правили два намѣстника, одинъ изъ каликстинской, другой изъ католической партіи. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ былъ тотъ дворянинъ, который занялъ намѣстническій постъ съ 1444 г., принадлежа къ каликстинцамъ, вышеупомянутый Георгій Подебрадъ. Онъ пошелъ далѣе по пути, проложенному

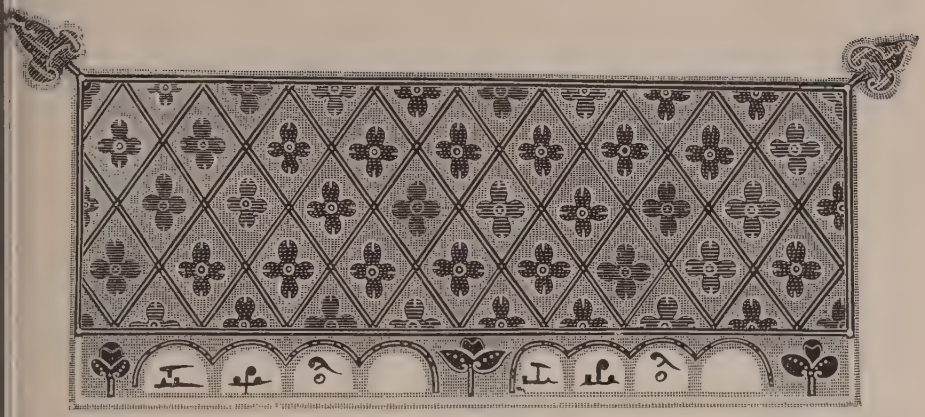
*) Утраквистъ—принимающій причастіе подъ обоими видами (хлѣба и вина).

компактатами, выказывая, однако, разумную политическую сдержанность, и старался вновь соединить націю, сдерживая крайніе элементы. Съ 1450 г., онъ одинъ оставался намѣстникомъ.

Между тѣмъ, въ Церкви восторжествовала реакція. Папа Николай V (1447—1455) правилъ совершенно въ прежнемъ духѣ и ему, какъ всей его партіи, церковная обособленность Богеміи была занозой въ глазу. Молодой король Ладиславъ, начавшій править съ рокового 1453 года, былъ тоже горячо настроенъ въ пользу католицизма. Когда онъ умеръ, послѣ кратковременнаго царствованія, не успѣвъ еще вникнуть въ дѣла Богеміи, въ короли былъ избранъ бывшій намѣстникъ, Георгій (Гирцикъ). Онъ правилъ страною въ духѣ, усвоенномъ имъ и прежде, и служившемъ ко благу ея. При своемъ коронованіи, онъ присягнулъ на вѣрность Церкви и папѣ, но поставилъ условіемъ соблюденіе компактатовъ. Уравнять всѣхъ передъ правительствомъ было славною попыткой: наступали времена, въ которыя это должно было явиться въ Европѣ общею государственною задачей. Великій «выскочка» встрѣтился, на первыхъ же порахъ, съ сопротивленіемъ куріи, къ которой воротилось ея прежнее высокомѣріе. Оно воплощалось въ увѣнчанномъ поэтѣ, краснорѣчивомъ и довольно легковѣсномъ юристѣ-богословѣ и карьеристѣ Энеѣ-Сильвіи, достигнувшемъ папства (1458), какъ было указано выше. Этотъ Пій II объявилъ компактаты недѣйствительными; его преемникъ, Павелъ II, приговорилъ Георгія къ низложенію и дошелъ даже до мысли о Крестовомъ походѣ противъ него. Смѣлый, честолюбивый замыселъ Георгія о достиженіи римской короны, замыселъ не безумный при ничтожествѣ Фридриха III и продажности нѣмецкихъ князей,—не имѣлъ, конечно, успѣха, но, въ Богеміи, Георгій сохранилъ неприкосновенною свою власть до самой своей смерти (1471); даже, благодаря упорядоченію своихъ финансовъ и прекрасно организованнымъ военнымъ силамъ, онъ пользовался, въ продолженіе всего своего царствованія, какъ бы ролью третейскаго судьи среди безконечныхъ споровъ нѣмецкихъ городовъ и князей между собою.

Король Владиславъ отъ 1471 по 1516 г.

Компактаты оставались въ силѣ и при вновь избранномъ,—но не одобренномъ папою,—польскомъ князѣ Владиславѣ, и даже остатки таборитовъ, отдѣлившихся отъ церкви подъ именемъ «богемскихъ братьевъ» и возбуждавшихъ, иногда, противъ себя новыя гоненія по своему возраставшему числу, жили спокойно при его управленіи: въ 1504 г., и онъ самъ примкнулъ къ ихъ вѣроисповѣданію. Въ 1485 еще, на сеймѣ въ Кутенбергѣ, онъ установилъ религіозный миръ, по которому и каликстинцы, и католики сохраняли свои имущественныя права. Сосѣднія съ Богеміею земли, Силезія, Моравія и Лаузицъ, которыми овладѣлъ венгерскій король Матѳей, были, по его смерти, снова присоединены къ Богеміи. Состоя королемъ Венгріи и Богеміи, Владиславъ умеръ въ 1516 г.



Заставка XV в. (изъ рукописной Псалтири, хранящейся въ Московской Сѵнодальной библіотекѣ).

II. Исторія Руси отъ конца XIV до начала XVI вѣка.—Сѣверо-Западныя области Руси подъ властью Литвы и Польши.—Послѣднія междоусобія въ Московской Руси.—Окончательный церковный разрывъ съ Западомъ.

Литва и Русь. Гедиминъ и Ольгердъ.

Изъ предшествующаго очерка мы видѣли, съ какими усиліями удалось Московскимъ князьямъ въ XIV вѣкѣ въ такой степени сплотить около новаго центра—*Москвы*—почти всю сѣверо-восточную Русь, что даже открытая борьба съ татарскою Ордою стала уже возможна. Но мы видѣли также, что не вся сѣверо-восточная Русь, въ теченіе XIV вѣка, вошла въ составъ Московскаго великаго княжества, и что оно, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ татарами, въ то же время, должно было вести постоянную борьбу и съ сосѣдними русскими княжествами (Тверскимъ, Рязанскимъ и Смоленскимъ), отстаивавшими свою независимость. Къ тому же, случилось такъ, что на сѣверо-западной границѣ Руси, въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка, въ сосѣднемъ княжествѣ Литовскомъ, явился цѣлый рядъ воинственныхъ и талантливыхъ князей, которые съумѣли превосходно воспользоваться тяготѣвшимъ надъ Русью татарскимъ игомъ и стали мало-по-малу захватывать одну область за другою, то пользуясь раздорами русскихъ князей, то оплошностью татарскихъ хановъ, которые не придавали особеннаго значенія утратѣ той или другой небольшой области или города, изъ сферы ихъ вліянія переходившихъ въ сферу вліянія Литовскихъ князей, которые, притомъ, старались ладить съ Ордою и весьма искусно избѣгали открытаго столкновенія съ нею. Такимъ образомъ, при князѣ *Гедиминѣ* Литва безъ всякой борьбы присоединила къ себѣ область Витебскую и подчинила своему вліянію Волынь; при сынѣ его *Ольгердѣ* (1345—1377), къ Литвѣ отошли княжества: Кіевское, Черниговское и Новгородъ-Сѣверское, отдѣленныя отъ Москвы независимыми княжествами Тверскимъ и Рязанскимъ, и болѣе тяготѣвшія къ княжеству Галицкому, которымъ въ это время уже владѣла Польша. И вотъ, къ половинѣ XIV вѣка, небольшое Литовское княжество, въ XII вѣкѣ зани-

мавшее лѣсистую и болотистую область въ верховьяхъ Нѣмана и его притоковъ, вдругъ раскинулось вширь и вдаль, съ одной стороны до предѣловъ Новгородской земли, Тверского и Смоленскаго княжествъ, съ другой—до береговъ Ворсклы и низовьевъ Днѣпра, включивъ въ свои предѣлы лучшія и плодороднѣйшія области древней Руси. Такіе быстрые успѣхи Литовскихъ князей въ значительной степени объяснялись весьма тонкою политикою Литовскихъ князей по отношенію къ русскимъ областямъ, которыя почти добровольно, безъ упорной борьбы, подчинялись имъ, только потому, что силою историческихъ обстоятельствъ остановлены были въ своемъ стремленіи къ естественнымъ центрамъ. При этомъ, князья Литовскіе, — сами оставаясь язычниками, — управляли русскими областями чрезвычайно разумно: не тѣснили православія, всюду оставляли мѣстные порядки, не касались мѣстныхъ законовъ и обычаевъ. При Ольгердѣ, число русскихъ подданныхъ въ Литовскомъ княжествѣ уже далеко превышало число коренныхъ Литовцевъ, и это преобладаніе болѣе развитого и болѣе способнаго русскаго племени оказывало самое благотворное вліяніе на Литовцевъ: дикіе нравы ихъ смягчилась, православіе и гражданственность дѣлали между ними быстрые успѣхи, а языкъ русскій, на всемъ пространствѣ Литовскаго княжества, становился языкомъ государственнымъ. Самъ Ольгердъ ревностно заботился о поддержаніи русскаго вліянія въ Литвѣ и оказывалъ весьма серьезное покровительство своимъ русскимъ подданнымъ, сознавая въ нихъ силу, на которую могъ опи-

Развалины Трокскаго замка, любимой резиденціи Гедимина.

раться въ своей борьбѣ съ Польшею и съ Орденомъ Тевтонскимъ. И не смотря на то, что Ольгердъ, какъ хитрый политикъ, то отстаивалъ Смоленскъ въ его борьбѣ съ Москвою, то помогалъ князьямъ Тверскимъ противъ Москвы,—онъ самъ не уклонялся отъ русскаго вліянія даже и въ семьѣ своей: такъ, обѣ его жены были изъ русскихъ княженъ, а многіе изъ его сыновей были крещены въ православную вѣру и женаты на православныхъ. Судя по всему ходу дѣлъ, можно было и тогда уже ожидать, что оба племени—русское и литовское—такъ хорошо уживавшіяся подъ властью умныхъ и талантливыхъ князей, сольются современемъ въ одинъ могущественный народъ. Но судьбы историческія сложились иначе: въ дѣла быстро-возрастающей и крѣпнущей Литвы вмѣшалась сосѣдняя Польша, и быстрымъ, благотворнымъ успѣхамъ русскаго вліянія въ Литвѣ былъ вскорѣ положенъ предѣлъ со стороны католичества, которое уже издавна пыталось проникнуть въ Литву изъ Польши и изъ Ливоніи.

Ягелло. 1377—1434.

Старшій сынъ Ольгерда, *Ягелло* (1377—1434), при помощи разныхъ ухищреній и насилій, разогналъ всѣхъ своихъ братьевъ, и умертвилъ родного дядю, Кейстута, который былъ всю жизнь усерднымъ помощникомъ Ольгерда и грозою Тевтонскихъ рыцарей. Въ то время, когда онъ такимъ образомъ захватилъ всю власть надъ Литвою въ свои руки, ему представился случай разомъ достигнуть весьма высокаго и блестящаго положенія. Сосѣднее королевство Польское, ослабленное внутренними раздорами и неурядицами, досталось въ это время въ наслѣдство дочери Венгерскаго короля Людовика—*Ядвигѣ*. За Ядвигу стали свататься многіе женихи, которымъ очень хотѣлось получить изъ ея рукъ корону Польскую. Но польскіе паны и католическое духовенство, очень сильное въ Польшѣ, остановили свое вниманіе на литовскомъ князѣ-язычникѣ, какъ на самомъ подходящемъ женихѣ для Ядвиги. Это предпочтеніе Ягелла другимъ искателямъ было вызвано тѣмъ, что Польшу, значительно ослабленную борьбою съ Нѣмцами, было выгодно соединить въ одно цѣлое съ могущественною Литвою; притомъ и духовенство польское, и польскіе вельможи съ завистью смотрѣли на обширныя и плодоносныя земли Волыни, Подоліи и Украйны, которыя такъ легко было прибрать къ рукамъ, вводя въ краѣ новую вѣру, новые порядки и обычаи. И вотъ, Ягелло торжественно крестился въ Краковѣ, а затѣмъ, 18 февраля 1386 г., сочетался бракомъ съ Ядвигою, изъ рукъ которой и принялъ польскую корону. Съ этой поры Литва надолго соединила свою судьбу съ судьбою Польши, и сближеніе ея съ Русью стало для нея возможно уже только черезъ три съ половиною вѣка, послѣ упорной и жестокой борьбы.

Сліяніе Литвы и Польши.

Въ какой степени, однакоже, тѣсна была близость и связь русскаго и литовскаго элемента въ Литовскомъ княжествѣ, мы это видимъ изъ того, что когда, послѣ коронованія Ягелла польскою короною, Поляки стали хозяйничать въ Литвѣ, а католическое духовенство насильно обращать населеніе въ католичество, не разбирая даже язычниковъ отъ православныхъ, то все населеніе Литовскаго княжества быстро перешло къ открытому возстанію. У возстанія нашелся и вождь искусный и опасный для Ягелла—двоюродный братъ его, *Витовтъ*, сынъ Кейстута. Завязалась борьба между Витовтомъ и Ягелломъ, и длилась такъ долго, и велась

такъ упорно, что, наконецъ, Ягелло, прискучивъ усобицей, согласился принять Витовта въ соправители: онъ уступилъ ему Литву въ пожизненное владѣніе, съ титуломъ *Литовскаго великаго князя.*

Витовтъ. 1392—1415.

Витовтъ (1392—1415 г.), во время своего княженія, выказалъ себя достойнымъ своего дяди, Ольгерда, и дѣда Гедимина. Заручившись родственными связями съ Московскимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ (который женатъ былъ на дочери Витовта), онъ нанесъ страшный ударъ Тевтонскому Ордену въ Грюнвальдской битвѣ *), гдѣ все рыцарское войско было уничтожено и самъ гросмейстеръ Ордена убитъ; а затѣмъ военное могущество и значеніе Витовта по отношенію къ сосѣднимъ странамъ возросло даже до такой степени, что онъ, не воюя съ Русью, могъ присоединить къ своимъ владѣніямъ и *Смоленскъ* (1395 г.), князья котораго, ослабленные раздорами, не хотѣли подчиниться Москвѣ и не могли противиться Витовту. Но польскіе вельможи и духовенство съумѣли опутать и этого умнаго и могущественнаго князя настолько, что онъ рѣшился отступить отъ традицій своихъ предшественниковъ и по *Городельскому* договору (1413) далъ окончательный перевѣсъ католичеству и польской народности надъ православіемъ и русской народностью въ областяхъ Литовскаго княжества. По этому злосчастному договору, въ управленіе Литовскимъ княжествомъ внесены были польскіе порядки и обычаи, а той части дворянства, *которая перешла въ католичество,* даны были всѣ права и преимущества польской шляхты. Такая явная несправедливость побудила къ выселенію изъ Литвы на Русь многихъ родовитыхъ литовскихъ вельможъ и князей (даже родственниковъ Витовта), не желавшихъ измѣнить православію и находившихъ себѣ весьма радушный пріемъ у великихъ князей Московскихъ.

Учрежденіе Кіевской митрополіи.

Въ послѣдніе годы жизни Витовтъ созналъ свою ошибку и старался ее всячески исправить. Съ одной стороны онъ задумалъ обезпечить своихъ русскихъ подданныхъ отъ насилій католическаго духовенства; но, съ другой стороны—хотѣлъ поставить ихъ въ самостоятельное положеніе и по отношенію къ Москвѣ. Съ этою цѣлью, онъ рѣшился отдѣлить литовско-русскія области въ церковномъ отношеніи отъ Московской митрополіи и дать имъ своего, особаго церковнаго главу. Онъ ходатайствовалъ объ этомъ у патріарха Константинопольскаго, отъ котораго тогда еще зависѣла вся русская православная Церковь:—но патріархъ не согласился назначить особаго митрополита для западно-русскихъ областей. Тогда Витовтъ, разгнѣванный отказомъ, собралъ на соборъ западно-русскихъ епископовъ и приказалъ имъ избрать и поставить митрополитомъ въ Кіевѣ ученаго болгарина *Григорія Цамвлака* (1415). Вскорѣ послѣ того Витовтъ и умеръ, никѣмъ не оплакиваемый, потому что своей невѣрной и двойственной политикой съумѣлъ равно оттолкнуть отъ себя и русскихъ, и литовскихъ своихъ подданныхъ. По смерти Витовта, Литва перешла во власть Ягелла и утратила всякое самостоятельное политическое значеніе, такъ что въ те-

---

*) О битвѣ Грюнвальдской или *Танненбергской* не мѣшаетъ замѣтить, что здѣсь побѣдою надъ рыцарями Витовтъ и Ягелло были обязаны чрезвычайной стойкости и мужеству русскихъ (именно смоленскихъ полковъ).

ченіе послѣдующихъ трехъ съ половиною вѣковъ она выступаетъ въ исторіи не иначе, какъ въ тѣсной связи съ Польшею, хотя, по временамъ, и управляется отдѣльными князьями.

Василій I и Василій II Темный.

Это довольно пространное отступленіе было намъ необходимо при нашемъ обзорѣ Русской исторіи для того, чтобы дать понятіе объ истинномъ значеніи той долгой и тяжкой внутренней политической переработки, которой должны были подвергнуться разрозненныя и слабыя княжества Сѣверо-восточной Руси, прежде чѣмъ обратились въ сильное и единое Московское княжество, которое, съ одной стороны, могло уже считаться съ Ордою и ожидать отъ нея *не нашествій*, а только *набѣговъ* и *опустошеній*; а съ другой стороны—готовилось притянуть къ себѣ и всѣ остальныя русскія земли, еще не захваченныя Литвою, чтобы собрать ихъ въ могущественное Московское государство. Но прежде чѣмъ всѣ русскія княжества и земли были собраны во-едино, подъ властью князей Московскихъ, прошло еще не мало времени, потребовалось не мало внутренней борьбы и усилій... Мы видѣли выше, что Дмитрію Іоанновичу (Донскому) наслѣдовалъ сынъ его, *Василій I Дмитріевичъ* (1389—1425 г.), князь, который былъ при жизни отца соправителемъ ему, и потому былъ опытенъ въ дѣлахъ внутренняго управленія и во внѣшнихъ сношеніяхъ съ сосѣдними правителями. Онъ и съ Ордою умѣлъ ладить, то выплачивая ей дань, то довольствуя хановъ небольшими подарками; и отъ своего тестя, Витовта Литовскаго, съумѣлъ оберечь угрожаемыя имъ Новгородскія и Псковскія области. Но когда сынъ его, *Василій II Васильевичъ Темный* (1425—1462 г.), вступилъ на великокняжескій престолъ въ 10-лѣтнемъ возрастѣ, то его младенчествомъ воспользовался родной дядя, *Юрій*, со своими мятежными сыновьями, *Василіемъ Косымъ* и *Василіемъ Шемякой*, и сталъ оспаривать у племянника права на великокняжеское достоинство.

Послѣднія междоусобія.

Борьба началась жестокая, упорная, полная трагическихъ и кровавыхъ эпизодовъ, напоминающихъ борьбу Ланкастерскаго дома съ Іоркскимъ. Она длилась 20 лѣтъ сряду, но зато была *послѣднею* борьбою родового начала съ наслѣдственнымъ и выказала совершенно ясно, что Московская Русь XV вѣка уже не походила на удѣльную Русь XII и XIII вѣковъ. Не входя въ подробности этой борьбы, замѣтимъ только, что общая потребность во внутренней тишинѣ, мирѣ и порядкѣ (которая не всѣми въ это время сознавалась и въ Германіи) была уже настолько сильна въ Московской Руси въ половинѣ XV вѣка, что всѣ сословія—боярство, духовенство и народъ—оказались на сторонѣ законной, династической власти и отстояли права Василія II противъ несправедливыхъ притязаній его родни; мало того: не только въ Московскомъ княжествѣ, но даже и въ независящемъ отъ него княжествѣ Тверскомъ, уже въ такой степени ясно сознавалось значеніе Москвы, какъ обще-русскаго связующаго центра, что князь Тверской самъ предложилъ свои войска въ помощь Московскому князю противъ его двоюродныхъ братьевъ. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, Василій II побѣдоносно выдержалъ долгую междоусобную борьбу и, утвердившись на престолѣ, всѣ послѣднія 12 лѣтъ княженія провелъ спокойно, заботясь исключительно о внутреннемъ устроеніи Московскаго княжества.

Флорентійскій соборъ. Отверженіе Уніи.

Весьма важною заслугою Василія II была та непоколебимая твердость, съ которою онъ встрѣтилъ происки папства, какъ разъ въ это время возобновившаго свои попытки о возсоединеніи Церквей Восточной и Западной. Грекъ *Исидоръ*, незадолго передъ тѣмъ поставленный въ митрополиты Московскіе патріархомъ Костантинопольскимъ, задумалъ ѣхать въ Италію для участія на соборѣ, созванномъ во Флоренціи (1439 г.), съ цѣлью возсоединенія Церквей. Великій князь Василій долго противился этой поѣздкѣ Исидора, и наконецъ сказалъ ему въ напутствіе: — «*Смотри же, приноси къ намъ древнее благочестіе, какъ мы его приняли отъ Владиміра; а новаго, чужого, не приноси — мы не примемъ*». Исидоръ притворно обѣщалъ стоять за православіе; но на соборѣ безпрекословно подписалъ грамоту о соединеніи Русской Церкви съ Западною Церковью и призналъ даже главенство папы. Когда-же по возвращеніи въ Москву, онъ дерзнулъ на литургіи, вмѣсто восточныхъ патріарховъ, помянуть папу, а послѣ литургіи задумалъ читать народу грамоту о состоявшемся будто бы возсоединеніи Церквей,—великій князь приказалъ его посадить подъ стражу и, какъ отступника, предать церковному суду. По счастью для Исидора, онъ успѣлъ, во время суда, бѣжать изъ заточенія и избѣгнуть предназначенной ему кары. Послѣ сверженія Исидора, въ митрополиты «*Московскіе и всея Руси*» былъ избранъ рязанскій епископъ *Іона*, и *поставленъ соборомъ русскихъ епископовъ*. Съ той поры (1447 г.) митрополиты Московскіе уже постоянно «поставлялись» на Руси, а не ѣздили за этимъ въ Константинополь, который, пять лѣтъ спустя, уже былъ во власти Турокъ, при чемъ и самъ патріархъ Константинопольскій оказался въ весьма приниженномъ и зависимомъ отъ султана положеніи.

Мы не безъ цѣли болѣе подробно остановились на этомъ эпизодѣ, потому что, на нашъ взглядъ, именно съ 1447 г. и наступаетъ начало долгаго и упорнаго разъединенія Русскаго Востока отъ Европейскаго Запада. Разъединеніе это, обусловливаемое желаніемъ сохранить въ полной чистотѣ свою вѣру, какъ драгоцѣннѣйшее начало русской народности, много способствовало отчужденію Руси отъ того блестящаго и быстраго прогресса, по пути котораго двинулась Европа съ конца XV вѣка, и несомнѣнно замедлило ходъ ея просвѣщенія и научной образованности; но за то съ другой стороны—это разъединеніе съ Западомъ дало возможность Руси окрѣпнуть въ своемъ самостоятельномъ ростѣ и въ высшей степени развить тѣ національныя особенности, которыя, два-три вѣка спустя, дали ей возможность выступить на поприще Европейской исторіи въ качествѣ вполнѣ самостоятельной и ни отъ кого не зависимой державы.

2. Окончательное „собраніе" Русской земли. Іоаннъ III.—Подчиненіе Новгорода; присоединеніе Рязани и Твери къ Москвѣ.—Женитьба Іоанна III на Византійской царевнѣ.—Сверженіе татарскаго ига. — Борьба съ Литвою и внутреннія преобразованія. — Сношенія съ Западной Европой. — Василій III. — Борьба съ Литвою за Смоленскъ.—Борьба съ Крымомъ и Казанью.—Конецъ удѣламъ и начало самодержавія.

Іоаннъ III 1462—1505.

По смерти Василія II Темнаго, на престолъ московскихъ великихъ князей вступилъ его сынъ, *Іоаннъ III Васильевичъ* (1462—1505), чело-

Новгородъ. Башня архіепископа Евфимія.

Владыка Евфимій былъ современникомъ Василія II Темнаго. Евфиміевская башня возвышается надъ древнею церковью во имя преподобнаго Сергія и надъ остатками корпуса древнихъ владычнихъ палатъ. На верху ея находятся древнѣйшіе въ Россіи башенные часы (теперь испорченные), которые Евфимій устроилъ на диво всему Новгороду.

вѣкъ обширнаго и тонкаго ума и желѣзной воли—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей Русскихъ. Въ началѣ княженія, онъ, повидимому, только заканчивалъ то, что такъ постепенно и такъ осторожно подготовляли его умные, дальновидные и дѣятельные предки; но затѣмъ повернулъ на иной, новый политическій путь, слѣдуя которому, сильное княжество Московское, при ближайшихъ преемникахъ Іоанна III, уже обратилось въ могущественное государство Московское.

Подчиненіе Новгорода Москвѣ. Уничтоженіе. 1478.

Прежде всего, Іоаннъ III вступился во внутреннія дѣла Новгорода, который, еще со временъ Симеона Гордаго, отъ времени до времени вынуждалъ князей Московскихъ къ вооруженному вмѣшательству въ свое крайне-запутанное, безпокойное и неустойчивое управленіе. И дѣйствительно: пользуясь своимъ удобнымъ положеніемъ на краю Русской земли, богатый и многолюдный Новгородъ, пріобрѣтавшій огромныя выгоды отъ торговыхъ сношеній съ Западомъ и со всею Литвою и Русью, съумѣлъ до самаго XV вѣка отстоять свою самостоятельность и независимость отъ всѣхъ сосѣднихъ княжествъ, сохранилъ древнія, давно всюду отжившія свой вѣкъ формы вѣчевого устройства, распространилъ свои владѣнія отъ береговъ Волхова до береговъ Бѣлаго моря съ одной стороны, до Перми, Вятки и Урала—съ другой. Эти обширныя владѣнія были заселены богатыми и сильными колоніями новгородскими, которыя всѣ тянули къ своей митрополіи, доставляя ей обильные источники доходовъ отъ своихъ промысловъ и даней, собираемыхъ съ инородцевъ, высылая свои дружины для пополненія новгородскаго ополченія, въ случаѣ грозившей Новгороду опасности. Ганзейскія торговыя конторы издавна вели съ Новгородомъ оживленный и обширный торгъ, и сами Новгородцы древнимъ «Варяжскимъ путемъ» высылали за море свои корабли съ товарами, пренебрегая препятствіями, которыя старались положить на этомъ пути Шведы, Финны или тевтонскіе рыцари. Обладая огромными богатствами, тѣсно-связанный дружбою съ «младшимъ братомъ своимъ, Псковомъ», и то успѣшно воюя съ сосѣдями, то искусно лавируя между ними путемъ всякихъ политическихъ уловокъ и компромиссовъ, Новгородъ смѣло могъ создать пословицу: «кто противъ Бога и Великаго Новгорода!»—и не даромъ его начальные люди писали въ грамотахъ и говорили въ посольствахъ отъ имени «Господина Великаго Новгорода». Пока Москва поднималась и крѣпла, и развивала постепенно свое могущество, пока она выбивалась изъ-подъ тяжкаго гнета Орды и «собирала» исподволь Русскую землю—ей неудобно было слишкомъ настойчиво вступаться въ Новгородскія дѣла, и она довольствовалась только тѣмъ, что понемногу ослабляла Новгородъ, то захватывая нѣкоторую долю его земель, то взимая съ Новгородцевъ тяжкіе окупы, которые тѣ охотно уплачивали, лишь бы избавиться отъ войны съ Москвою. Но когда Москва вполнѣ окрѣпла и, обезпечивъ себя до нѣкоторой степени со стороны Орды, собрала около себя все, что могла собрать изъ земель Восточной Руси; когда, съ другой стороны, выросло могущественное княжество Литовское и слилось съ католической Польшей—то положеніе Новгорода совершенно измѣнилось. «Господинъ Великій Новгородъ» явился заманчивою цѣлью для двухъ равныхъ и грозныхъ державъ, и одна изъ нихъ должна была неминуемо предъявить

Уничтоженіе Новгородскаго вѣча при великомъ князѣ Московскомъ Іоаннѣ III (въ январѣ 1478).

Картина К. Лебедева.

на него свои права. И дѣйствительно, въ Новгородѣ, полномъ всякихъ неурядицъ, смутъ и раздоровъ, полномъ ожесточенной вражды бѣдныхъ классовъ съ богатыми, уже съ половины XV вѣка видимъ во главѣ правленія двѣ постоянно борющіяся партіи—московскую и литовскую. Партія литовская—во главѣ которой стояли богатые и вліятельные бояре Борецкіе и ихъ мать, знаменитая *Марѳа-Посадница* (т. е. жена посадника)—сначала добилась того, что пригласила себѣ князя изъ Литвы, безъ вѣдома Московскаго князя; затѣмъ пыталась возбуждать вопросъ объ отмѣнѣ церковной зависимости Новгорода отъ Москвы и выставляла на видъ выгоды подчиненія Новгородскаго архіепископа митрополиту Кіевскому (см. стр. 526), и наконецъ дошла даже до такой наглости, что ею на вѣчѣ былъ прямо поднятъ вопросъ о посольствѣ къ великому князю Литовскому, съ просьбою о принятіи Новгородцевъ въ подданство. Такое своеволіе господствующей партіи показалось невыносимымъ не только всѣмъ разумнымъ Новгородцамъ, но даже и Псковичамъ. Многіе побѣжали изъ Новгорода въ Москву, просить защиты великаго князя—и Іоаннъ III тотчасъ рѣшился дѣйствовать. Онъ собралъ большую рать московскую, къ которой присоединились союзное ополченіе тверское и даже Псковичи, и двинулъ ее къ Новгороду (въ іюлѣ 1471 года). Любопытно, что при войскѣ великаго князя находился даже и отличный знатокъ древнихъ русскихъ лѣтописей, дьякъ *Бородатый*, «для уличенія Новгородцевъ въ ихъ неправдахъ». Дважды разбитые воеводами великаго князя, Новгородцы вынуждены были покориться. Одинъ изъ Борецкихъ и нѣкоторые другіе бояре были казнены. Новгороду временно оставлено его внутреннее устройство, но онъ связанъ былъ строгимъ договоромъ, по которому обязался: *не подчиняться Литвѣ* и архіепископовъ поставлять *исключительно въ Москвѣ*. Сверхъ того, съ Новгорода взятъ тяжкій окупъ *) и къ владѣніямъ Московскаго великаго князя присоединены богатѣйшія новгородскія колоніи на С. Двинѣ и прибрежьяхъ Бѣлаго моря.

Но на этомъ дѣло не кончилось. Іоаннъ III, послѣдовательный во всемъ, ничего не любилъ дѣлать на-половину:—участь Новгорода, уже давно рѣшенная имъ, завершилась шесть лѣтъ спустя, когда великій князь Московскій привязался къ мелочному (а можетъ быть даже предумышленному) измѣненію титула его въ сношеніяхъ Новгорода съ Москвой, и потребовалъ объясненій. Когда объясненія, какъ и слѣдовало ожидать, даны были неудовлетворительныя, въ подтвержденіе требованій великаго князя явилось сильное войско. Новгородцы не смѣли и думать о сопротивленіи и въ январѣ 1478 г. покорились Іоанну на «всей его волѣ». Іоаннъ потребовалъ уничтоженія вѣча и древняго новгородскаго устройства; по его приказанію снятъ былъ вѣчевой колоколъ и отвезенъ въ Москву. Управленіе Новгородомъ поручено было великокняжескому намѣстнику. Важнѣйшихъ бояръ новгородскихъ онъ перевелъ на службу въ Москву, а богатѣйшихъ гражданъ—выселилъ въ другіе города Московскаго княжества; на ихъ мѣсто въ Новгородъ присланы были новые по-

*) 15,500 рублей, цѣнность которыхъ надо считать по крайней мѣрѣ въ 10 разъ больше нынѣшнихъ.

селенцы. Всѣ владѣнія Новгорода вошли въ составъ Московскаго княжества:—съ той поры Новгородъ потерялъ всякое значеніе и сравнялся со всѣми городами Московскими.

Сліяніе остальныхъ удѣловъ съ Москвою.

За Новгородомъ наступила очередь остальныхъ немногихъ, еще независимыхъ княжествъ — и всѣ они, послѣдовательно и постепенно, покоряясь закону исторической необходимости, приносящей слабаго въ жертву сильному, сливались съ Москвою. Сліянія эти происходили вслѣдствіе различныхъ условій и соглашеній: одни изъ князей добровольно (какъ напр. князь Рязанскій) предоставляли свое княжество Іоанну, поручая ему опеку надъ своими дѣтьми; другіе просто продавали свои княжества и поступали на службу къ Московскому князю; третьи обезпечивали себѣ спокойное пожизненное владѣніе княжествомъ, завѣщая его Іоанну III послѣ своей смерти. Въ виду этого, Іоаннъ съ братьями своими заключилъ такое условіе, что, въ случаѣ ихъ бездѣтности, единственнымъ наслѣдникомъ ихъ удѣловъ могъ быть только онъ, великій князь *).

Дольше всѣхъ остальныхъ князей сохранилъ свою независимость князь Тверской Михаилъ, по близкимъ родственнымъ отношеніямъ къ Іоанну III (онъ былъ въ первомъ бракѣ женатъ на родной сестрѣ Тверского князя). Но при быстромъ возрастаніи Москвы, независимое существованіе маленькой и слабой Твери уже было немыслимо. Надо было во что бы то ни стало склониться на ту или другую сторону: примкнуть либо къ Литвѣ, либо къ Москвѣ, владѣніями которыхъ Тверское княжество было отовсюду охвачено. Но хитрый Іоаннъ уже обезпечилъ себя на всякій случай договоромъ, по которому его шуринъ обязался не входить «*ни въ какія сношенія съ Литвой безъ вѣдома и соглашенія великаго князя*». При первомъ нарушеніи этого договора, Іоаннъ явился съ сильнымъ войскомъ подъ стѣнами Твери и, вынудивъ Михаила бѣжать въ Литву, навсегда присоединилъ Тверское княжество къ Московскому (1485 г.).

Бракъ съ Византійскою царевною.

Такому окончательному округленію владѣній Московскаго великаго князя предшествовали два важныхъ событія, оказавшихъ вліяніе на всю дальнѣйшую историческую судьбу Русской земли. Первымъ изъ нихъ была женитьба (вторая) Іоанна Васильевича на греческой царевнѣ, *Софьѣ Ѳоминишнѣ Палеологъ*, племянницѣ послѣдняго изъ Византійскихъ императоровъ. Этому браку, изъ чисто-личныхъ видовъ, въ значительной степени способствовалъ папа римскій, который даже присоединилъ къ посольству, сопровождавшему царевну въ Москву, своего легата, и поручилъ ему еще разъ попытаться склонить Московскаго князя къ возсоединенію Церквей. Но эти надежды оказались тщетными: митрополитъ Московскій не дозволилъ даже легату торжественно въѣхать въ Москву, а когда тотъ задумалъ вступить съ русскимъ духовенствомъ въ пренія о вѣрѣ, то митрополитъ выставилъ противъ него нѣкоего *Никиту Поповича*—искуснаго книжника—который своими доводами вынудилъ легата отступиться отъ спора.

Бракъ съ Византійскою царевною значительно повліялъ на Іоанна III.

---

*) Онъ вообще присвоилъ великому князю весьма важное право *наслѣдованія выморочныхъ удѣловъ* и обязалъ братьевъ въ это наслѣдство не вступаться.

Іоаннъ III Васильевичъ.

Весьма рѣдкій, и, по замѣчанію Д. А. Ровинскаго, «достовѣрный» и «вѣроятно современный» портретъ. Заимствованъ имъ изъ книги французскаго географа Тёвэ, парижское изд. 1575 г.

Царевна оказалась женщиною гордою, умною и притомъ обладавшею весьма твердымъ характеромъ. Она съумѣла отчасти подчинить себѣ даже волю своего супруга. Подъ несомнѣннымъ ея вліяніемъ Іоаннъ сталъ отдаляться отъ вельможъ и князей, ввелъ на подобіе византійскаго двора строгое чиноначаліе и сложную обрядность среди московскихъ царедворцевъ и окружилъ себя блескомъ и великолѣпіемъ. По его повелѣнію, и *древній гербъ Московскаго княжества* (Св. Георгій на конѣ, поражающій дракона) *былъ соединенъ съ гербомъ Византійской имперіи* (чернымъ двуглавымъ орломъ), дабы показать всѣмъ, что Московскій великій князь, вступивъ въ супружество съ послѣднею царевною изъ рода Византійскихъ императоровъ, является уже прямымъ наслѣдникомъ ихъ славы и величія и главною опорою православія.

Окончательное сверженіе татарскаго ига.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Софіи Ѳоминишны произошло и другое важное событіе—*окончательное сверженіе татарскаго ига.* Хотя татарская Орда, со временъ страшнаго погрома, нанесеннаго ей Тамерланомъ, уже не возвращалась къ своему прежнему грозному могуществу; хотя раздоры, начавшіеся въ ней въ самомъ началѣ XV вѣка, довели ее до весьма большого истощенія силъ и уже при отцѣ Іоанна III побудили къ распаденію, однакоже осторожный князь Московскій, занятый тщательнымъ собираніемъ Русской земли, предпочиталъ до поры до времени поддерживать съ Татарами прежнія отношенія, страшась болѣе всего помѣхи себѣ съ ихъ стороны въ выполненіи великой задачи. Въ этихъ видахъ могущественный князь Московскій не переставалъ платить небольшую ежегодную дань ханамъ Золотой Орды, и даже не гнушался соблюдать старинный обычай вассальнаго *преклоненія передъ ханскимъ изобра-*

женіемъ (или *басмою*), съ которымъ ежегодно являлись въ Москву ханскіе посланцы, пріѣзжавшіе за данью. Но, закончивъ собираніе Русской земли, Іоаннъ тотчасъ обратился къ рѣшенію вопроса объ отношеніяхъ къ Татарамъ, въ половинѣ XV вѣка выселившимся изъ Орды въ Крымъ и осѣвшимъ въ Казани. Прежде всего, Іоаннъ воспользовался случаемъ для вмѣшательства въ раздоры сыновей Казанскаго царя Мамутека, нѣкоторымъ изъ нихъ предложилъ свою помощь и убѣжище въ Москвѣ. Войска Московскаго князя неоднократно подступали подъ самыя стѣны Казани—сажали и смѣняли въ ней хановъ и такимъ образомъ поставили ихъ въ полную зависимость отъ великаго князя Московскаго. Совсѣмъ иной политики держался Іоаннъ III по отношенію къ Ордѣ Крымской, ханы которой питали родовую непримиримую ненависть къ ханамъ Золотой Орды. Іоаннъ III вступилъ съ Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ въ тѣсную дружбу и союзъ, и предложилъ ему за-одно дѣйствовать противъ Золотой Орды.

И только обезпечивъ себя этимъ союзомъ, только подчинивъ Казань своему вліянію, Іоаннъ III рѣшился открыть дѣйствія противъ Орды. Въ 1480 г. послы хана Ахмата были приняты въ Москвѣ весьма недружелюбно: великій князь Московскій *отказался отъ обычнаго поклоненія и отъ платежа дани Ордѣ*, и отпустилъ пословъ безъ подарковъ. Когда же Ахматъ съ многочисленнымъ войскомъ подступилъ къ предѣламъ Руси, то увидѣлъ, что всѣ переправы черезъ Оку заняты сильною московскою ратью, готовой къ бою; желая перехитрить Московскаго князя, Ахматъ думалъ вторгнуться въ Русь со стороны литовскихъ владѣній и быстрымъ обходомъ перекинулъ свои полчища на берегъ рѣки Угры; но и здѣсь преграждали ему путь княжескіе полки, которые, не вступая съ нимъ въ бой, спокойно выжидали натиска Татаръ. Ахматъ не рѣшался нападать первый и оба войска долго стояли другъ противъ друга въ полномъ бездѣйствіи—а съ наступленіемъ зимы Татары отступили отъ Угры и ушли въ свои зимовья. Вскорѣ послѣ того, Ахматъ былъ убитъ въ Ордѣ и сыновья его вступили въ долгую и упорную борьбу съ Крымомъ. Эта борьба закончилась тѣмъ, что Менгли-Гирей, при помощи Московскаго князя, нанесъ окончательное пораженіе Золотой Ордѣ, раззорилъ Сарай, столицу Орды, и послѣдняго ея хана вынудилъ бѣжать въ Польшу.

Борьба съ Литвою.

И вотъ тогда, когда Іоаннъ отдѣлался отъ своего исконнаго врага и почувствовалъ себя «государемъ всея Руси» (такъ онъ сталъ писать свой титулъ въ грамотахъ), онъ обратилъ взоръ и на Западъ, на тѣ русскія области, которыя въ это время уже не пользовались прежнимъ льготнымъ положеніемъ подъ властью князей Литовскихъ, а напротивъ — страдали отъ безцеремонной и насильственной пропаганды католицизма. Вслѣдствіе этого, многіе мелкіе пограничные князья, потомки прежнихъ удѣльныхъ, весьма охотно переходили обратно отъ Литовскаго князя въ подданство и службу къ Московскому князю. Эти переходы должны были вызывать пограничные споры, и наконецъ привели къ войнѣ Іоанна съ королемъ Польскимъ Казиміромъ. Но война была прекращена на этотъ разъ въ самомъ началѣ (Казиміръ умеръ) и миръ между Москвою и Литвою былъ, повидимому, прочно закрѣпленъ бракосочетаніемъ Елены, дочери Іоанна III, съ Александромъ, княземъ Литовскимъ. Но это не помогло. Притѣсненіе

православныхъ и переходы православныхъ князей и вельможъ изъ Литвы на Русь возобновились—и война разразилась снова, при чемъ князь Литовскій терпѣлъ отъ тестя своего пораженіе за пораженіемъ, несмотря на довольно успѣшныя дѣйствія союзника Литвы, магистра Ливонскаго Ордена, *Плеттенберга*. Вынужденный къ перемирію, Александръ призналъ право Іоанна на владѣнія перешедшихъ къ нему князей и даже титулъ государя «всея Руси», особенно непріятный для Литовскаго князя, у котораго было такъ много русскихъ подданныхъ.

Заботы о внутреннемъ устройствѣ. Судебникъ.

Эта постоянная, неутомимая и неусыпная дѣятельность, эта непрерывная борьба внутренняя и внѣшняя, это неуклонное стремленіе къ выполненію весьма опредѣленнаго и широкаго политическаго плана, нимало не мѣшали Іоанну III въ его заботахъ о внутреннемъ устройствѣ его обширнаго государства. Въ виду этого, стараясь именно придать одинъ общій государственный строй всѣмъ разнообразнымъ областямъ, вошедшимъ въ составъ Московской Руси, онъ подчинилъ ихъ одному общему закону, который сглаживалъ бы всѣ мѣстные обычаи. Въ этомъ именно смыслѣ, замѣчательнымъ юридическимъ памятникомъ эпохи явился «*Судебникъ*» Іоанна III, составленный по его порученію дьякомъ Гусевымъ. По этому «Судебнику» право суда въ отдѣльныхъ областяхъ было предоставлено намѣстникамъ великокняжескимъ. Назначенный ими судья не могъ судить одинъ; при судѣ должны были присутствовать—княжій чиновникъ и выборные изъ «лучшихъ» людей. Судьи получали за рѣшеніе дѣлъ опредѣленную судебную пошлину; когда судъ, по недостатку уликъ, не могъ рѣшить дѣло по закону, то тяжущимся сторонамъ предоставлялось право рѣшить дѣло *судебнымъ поединкомъ* (судомъ Божьимъ). Согласно суровому характеру времени *смертная казнь* назначалась за всѣ преступленія уголовныя и даже за *двукратное* воровство (т. е. за рецидивизмъ); вообще же за преступленія противъ собственности судебникъ налагалъ *тѣлесныя наказанія кнутомъ на торгу*. Важныя и полезныя измѣненія, значительно расширявшія права женщины, были внесены Судебникомъ и въ законы о наслѣдствѣ.

Сношенія съ Западной Европой.

Іоаннъ III былъ первымъ изъ государей Московскихъ, возобновившимъ сношенія съ Европою; есть основаніе думать, что къ этому побудила его не только его супруга, желавшая внести сколько возможно болѣе блеска и великолѣпія въ весьма простую—до того времени—жизнь и бытъ московскихъ великихъ князей: побудило его и собственное сознаніе необходимости воспользоваться тѣми результатами европейской жизни и прогресса, о которыхъ доходили слухи и до отдаленной, забытой Европою Московской Руси. Въ 1474 г. отправленъ былъ въ Венецію посломъ *Семенъ Толбузинъ*, которому въ переводчики былъ приданъ жившій въ Москвѣ иностранецъ, Антоній Фрязинъ. Ему поручено было пригласить въ Москву различныхъ мастеровъ и художниковъ: зодчихъ, литейщиковъ, оружейниковъ, пушкарей, инженеровъ, чеканщиковъ, каменщиковъ, рѣзчиковъ, рудокоповъ и врачей. Въ числѣ другихъ приглашенныхъ въ Москву иноземцевъ пріѣхалъ и талантливый зодчій, болонецъ *Аристотель Фіоравенти*. Въ 1479 г. былъ имъ законченъ Московскій Успенскій соборъ (отчасти, по образцу Владимірскаго Успенскаго собора); послѣ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

къ царской шапкѣ перваго наряда.

Первыя упоминанія о «царскихъ утваряхъ» и о «вѣнчаніи» русскихъ государей встрѣчаемъ во время княженія Іоанна III Васильевича, по поводу вѣнчанія на столъ великокняжескій его внука (отъ перваго брака, съ Марьей Борисовной, княжной Тверской), какъ законнаго наслѣдника и преемника его власти *). Едва-ли, поэтому, можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что это вѣнчаніе явилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ того «дворскаго чина и обряда», который былъ заимствованъ Московскимъ великимъ княземъ изъ Византіи, послѣ его второго брака съ Софіею Ѳоминичною, царевною изъ дома Палеологовъ.

Такъ какъ богатства Московскаго великокняжескаго, а впослѣдствіи Царскаго двора постоянно возрастали и увеличивались, то уже въ царствованіе Іоанна IV Васильевича (Грознаго) царская казна составляла такую безцѣнную сокровищницу, какой, конечно, не было ни у одного изъ вѣнценосцевъ европейскихъ, и Грозный царь могъ съ гордостью показывать свои сокровища англичанину Горсею, который былъ пораженъ ихъ чрезвычайнымъ изобиліемъ. Когда, послѣ тяжкаго періода Смутнаго времени, наступило междуцарствіе, а затѣмъ на престолъ Московскій былъ избранъ польскій королевичъ Владиславъ, то боярамъ и духовенству, стоявшему во главѣ правительства, не малаго труда стоило охранить царскую утварь и безчисленныя сокровища царской казны отъ хищныхъ попытокъ и назойливыхъ требованій польскаго воинства, засѣвшаго въ Москвѣ подъ начальствомъ Гонсѣвскаго и Струся. Бояре, издержавъ всю денежную казну на содержаніе польскаго войска и жалованье ему, стали потомъ изыскивать иныя средства для уплаты полякамъ жалованья: — переливали и перечеканивали въ монету царскую домашнюю серебряную посуду и утварь, даже оклады съ иконъ и церковную утварь; но до казны царской и царственныхъ регалій и одеждъ не дозволяли и касаться, все сохраняя отъ хищниковъ въ глубинѣ тайныхъ, никому-невѣдомыхъ дворцовыхъ кладовыхъ. Наконецъ, когда уже нечѣмъ было платить и нечего

*) Внукъ этотъ былъ потомъ заключенъ подъ стражу и умеръ въ заточеніи: — наслѣдникомъ Іоанна явился Василій III, сынъ Іоанна III, отъ брака съ Софіей Ѳоминичной.

было передѣлывать въ монету, бояре-правители, по соглашенію съ Гонсѣвскимъ, временно рѣшились выдать «въ залогъ польскому войску, съ правомъ выкупа», два *царскихъ вѣнца, изъ семи хранившихся въ царской казнѣ*, 2 единорога, царскій посохъ изъ единорога, по концамъ оправленный золотомъ съ брильянтами, и гусарское сѣдло, украшенное золотомъ, каменьями и жемчугами *). При этомъ, кромѣ единороговъ, которые, по понятіямъ того времени, составляли большую цѣнность, хитрые бояре поступились изъ царской казны только тѣмъ, что весьма охотно удаляли изъ числа ея драгоцѣнностей, какъ непріятныя воспоминанія, а именно:—отдали изъ вѣнцовъ только вѣнецъ Годунова, да недодѣланный вѣнецъ «Дмитрія, мужа Мнишковны». Вся остальная царская утварь, накопленная въ теченіе вѣковъ въ царской казнѣ, сохранилась неприкосновенною, пережила благополучно тягостныя времена Московской разрухи и дождалась радостнаго для всей Руси восшествія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича. Есть основаніе думать, что юный царь вѣнчался на царство именно тѣмъ вѣнцомъ, изображеніе котораго мы помѣщаемъ здѣсь, такъ какъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ «шапки перваго наряда царя Михаила Ѳеодоровича».

Въ старинныхъ описяхъ, сохраняемыхъ въ архивѣ Оружейной палаты, находимъ и весьма любопытное описаніе этого великолѣпнаго и драгоцѣннаго вѣнца, въ его прежнемъ видѣ:

«Шапка Царская золотая перваго наряда, *дѣло дьяка Ефима Телепнева*; на ней крестъ золотъ, въ немъ 23 алмаза (24-го недостаетъ), да три зерна гурмыцкихъ; *подъ крестомъ лалъ великъ;* по шапкѣ травы накладныя, прорѣзныя съ финифты; въ ней 45 алмазовъ, 11 лаловъ въ золотыхъ гнѣздахъ, да 25 яхонтовъ червчатыхъ въ гнѣздахъ, 21 яхонтъ лазоревый, 22 изумруда, 15 искорокъ изумрудныхъ, 51 зерно гурмыцкое; околъ соболій».

Вѣсу въ шапкѣ было тогда 4 фунта 66 золотниковъ, безъ соболя.

Въ 1687 году алмазный крестъ былъ съ этой шапки снятъ и вообще ея убранство нѣсколько измѣнено, ибо въ настоящее время представляется въ такомъ видѣ: на верху шапки алмазный крестъ и «лалъ великъ» замѣнены огромнымъ изумрудомъ, почти въ голубиное яйцо величиною. Изумрудъ помѣщенъ на стержнѣ, закрѣпленномъ двумя крупными жемчужинами. Сверхъ того, на шапкѣ теперь видимъ: 56 бурмицкихъ зеренъ, одинъ огромный сапфиръ алмазной грани, 12 среднихъ лазоревыхъ яхонтовъ, 12 малыхъ, 17 изумрудовъ среднихъ и малыхъ, 37 лаловъ большихъ и малыхъ, 35 алмазовъ и 22 мѣста пустыхъ.

Вѣнецъ этотъ и по прекрасной работѣ, и по цѣнности своей составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній Московской Оружейной палаты.

---

*) Эти вещи потомъ не были выкуплены и подѣлены поляками между собою: по тогдашней оцѣнкѣ, онѣ представляли сумму около 250,000 руб.

Вѣнецъ Государевъ „большого наряда“.

Хранится въ царской казнѣ, въ Оружейной палатѣ.

(Копія съ рисунка академика Солнцева, помѣщеннаго въ «Древностяхъ Россійскаго Государства»).

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ. Печат. въ Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1

того построены соборы Благовѣщенскій и Архангельскій; въ 1491 г. другими иноземными зодчими достроена Грановитая палата; заложенъ обширный теремной дворецъ—и въ 1492 г. закончено строеніе стѣнъ и башенъ

Василій III Іоанновичъ, великій князь Московскій.
По старинной гравюрѣ, воспроизведенной съ портрета, сохраненнаго намъ барономъ Сигизмундомъ Герберштейномъ.

кремлевскихъ, начатое Антоніемъ Фрязиномъ. Въ то же самое время пріѣзжіе итальянцы — подобно всѣмъ художникамъ эпохи Возрожденія удивительно разносторонніе въ своихъ техническихъ свѣдѣніяхъ—занимались и другимъ дѣломъ: отливали пушки, чеканили монету, учили русскихъ людей обработкѣ металловъ и художествамъ. Слѣдуя примѣру Іоанна, и многіе изъ вельможъ, и митрополитъ Московскій—увлеклись строительною дѣятельностью и стали украшать Москву зданіями, достойными ея новаго значенія, какъ столицы мощнаго государства.

Одновременно съ попытками завязать такія чисто-утилитарныя сношенія Московской Руси съ Европой, возобновились и со стороны Европы попытки возстановленія прежнихъ болѣе тѣсныхъ сношеній съ Русью. Такія попытки прежде всего явились со стороны Германскаго императора Фридриха III. Сначала, по его желанію, посѣтилъ Москву рыцарь Попель, разсказы котораго (по справедливому замѣчанію одного русскаго историка) «открыли Россію Германіи»; въ 1489 г. тотъ же рыцарь явился уже посломъ императора и завелъ переговоры о сватовствѣ сына цезарева Максимиліана, за одну изъ дочерей великаго князя; одновременно старались склонить Іоанна и къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Польши. Изъ посольства этого, однакоже, ничего не вышло, такъ какъ Максимиліанъ вскорѣ послѣ того примирился съ Польшей.

Послѣдніе годы жизни Іоанна III.

Послѣдніе годы долгаго и плодотворнаго правленія Іоаннова были переполнены борьбою съ ересями, развившимися подъ несомнѣннымъ вліяніемъ западныхъ идей во Псковѣ и Новгородѣ и перешедшими потомъ въ Москву; въ то же время и въ семьѣ Іоанна происходила жестокая борьба между его второю женою, отстаивавшею права своего сына на престолонаслѣдіе, и невѣсткою Іоанна, которая защищала права внука Іоаннова, уже назначеннаго наслѣдникомъ. Наконецъ, Софія одолѣла, и Василій былъ утвержденъ въ правахъ наслѣдованья, при чемъ въ завѣщаніи Іоанна ему дана была власть, почти равная самодержавной: двѣ трети важнѣйшихъ и значительнѣйшихъ городовъ и земель были оставлены ему, а остальная треть подѣлена между четырьмя другими сыновьями великаго князя. При этомъ, по тому же завѣщанію, братья великаго князя были ему вполнѣ подчинены и особымъ договоромъ обязывались, въ случаѣ смерти великаго князя, *не искать великаго княженія надъ сыновьями его.* Другими словами: всѣ ихъ права на великое княженіе, какъ права родового старшинства—были окончательно отмѣнены, и всякая попытка исканія этихъ правъ могла быть наказуема, *какъ государственная измѣна.* Внѣшнимъ выраженіемъ и знаменіемъ усиленія и распространенія власти великаго князя Московскаго должно было служить и то, что, со временъ Іоанна, *право чеканить монету могло принадлежать только одному великому князю.*

Василій III 1505—1533.

27 октября 1505 г. Іоаннъ III скончался, и на престолъ великокняжескій вступилъ старшій сынъ его (отъ брака съ Софіею) *Василій III Іоанновичъ*—государь умный и твердый—но о которомъ намъ придется говорить гораздо менѣе, нежели о его замѣчательномъ отцѣ, такъ какъ все правленіе Василія III было не болѣе, какъ продолженіемъ предшествующаго правленія Іоаннова, и главнымъ достоинствомъ сына было то,

Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ.

Знаменитый своею ученостью посолъ Германскаго императора Максимиліана, дважды пріѣзжавшій въ Москву, въ 1517 и 1526 гг., и оставившій драгоцѣнное описаніе своего путешествія по современной Московіи.—Портретъ этотъ извлеченъ изъ его описанія путешествія, изд. въ Вѣнѣ, 1560 г.; Герберштейнъ изображенъ здѣсь въ той богатой собольей шубѣ, которую получилъ въ даръ отъ Василія III, о чемъ и гласитъ поставленная надъ его портретомъ латинская надпись.

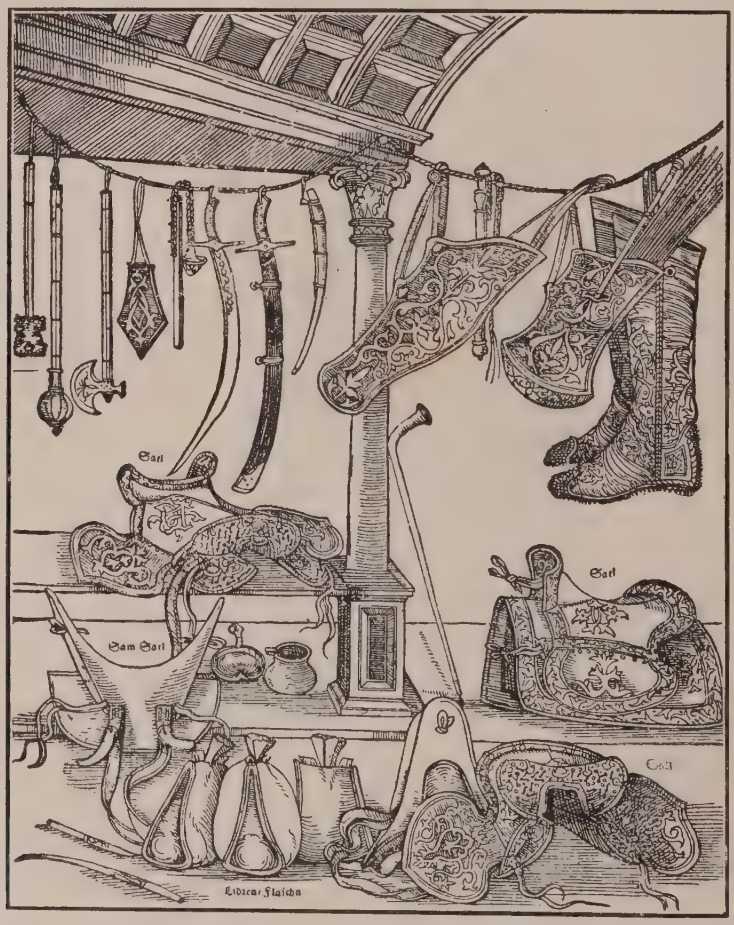
что онъ явился настойчивымъ продолжателемъ и исполнителемъ предначертаній и начинаній отца.

Присоединеніе Пскова къ Москвѣ. 1510.

Дѣйствительно, первымъ его дѣломъ было уничтоженіе послѣднихъ остатковъ вѣчевого управленія *во Псковѣ* (въ 1510 г.), который также лишенъ былъ всякой самостоятельности и самоуправленія, и сравненъ съ прочими городами Московской Руси. При этомъ триста лучшихъ семействъ были отправлены изъ Пскова на поселеніе въ Москву, и на ихъ мѣсто, по установившемуся обычаю, присланы были во Псковъ 300 семействъ купеческихъ изъ разныхъ московскихъ городовъ.

Борьба съ Литвою за Смоленскъ.

Затѣмъ все остальное правленіе Василія было посвящено упорной борьбѣ за русскія области, подпавшія власти Литвы на западной гра-



Оружіе, конская сбруя и различные предметы дорожной утвари въ Московской Руси XVI в.
По рисункамъ, приложеннымъ къ описанію путешествія барона С. Герберштейна.

ницѣ Руси. Борьба эта длилась слишкомъ шестнадцать лѣтъ, съ очень небольшими перерывами, и, несмотря на измѣнчивость и колебанія военнаго счастія—закончилась все же весьма важными результатами для Руси Московской.

Русскіе конные воины въ кулякахъ (стеганыхъ войлочныхъ доспѣхахъ).

По рисункамъ барона С. Герберштейна.

Когда умеръ князь Александръ Литовскій бездѣтнымъ, то Василій III, черезъ его вдову (а свою сестру), княгиню Елену, пытался было побудить Литву къ признанію Московскаго великаго князя княземъ Литовскимъ, и, слѣдовательно, мирнымъ путемъ соединить въ рукахъ своихъ обѣ державы. Но умно задуманная попытка не удалась и княземъ Литовскимъ избранъ былъ братъ Александра, *Сигизмундъ I Казиміровичъ*, одновременно избранный и въ короли Польскіе. Тогда по первому поводу вспыхнула война и началась такъ неудачно, что Сигизмундъ поспѣшилъ ее закончить *«вѣчнымъ миромъ»* съ Москвою (1507 г.). «Вѣчный» миръ не простоялъ однакоже и 5 лѣтъ: въ 1512 г. война возобновилась съ новымъ ожесточеніемъ и при этомъ всѣ усилія Русскихъ были направлены на завоеваніе *Смоленска*. Три года сряду московскія войска, подъ начальствомъ самого великаго князя, подступали подъ стѣны этой твердыни, и наконецъ, въ 1514 году, Смоленскъ вынужденъ былъ сдаться Василію и

вновь вошелъ въ составъ русскихъ земель, послѣ почти вѣкового пребыванія подъ властью князей Литовскихъ. Великій князь Московскій торжественно въѣхалъ въ городъ, подтвердилъ права, данныя смольнянамъ литовскими князьями, и разрѣшилъ выѣздъ изъ города всѣмъ, кто не желалъ оставаться у него *на службѣ*. Воеводою и намѣстникомъ Смоленска былъ назначенъ мужественный князь В. В. Шуйскій. Завоеваніе Смоленска и его области было упрочено такъ твердо, что даже нѣсколько пораженій, понесенныхъ русскимъ войскомъ въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ войны, не дали возможности Литвѣ и Польшѣ возвратить это важное завоеваніе. Въ 1522 году было заключено перемиріе, по которому Смоленскъ остался за Московскимъ княземъ; и хотя война не возобновлялась болѣе при Василіи III, но она все же была только началомъ той ожесточенной двухсотъ-пятидесятилѣтней борьбы Руси съ Польшею и Литвою за свою западную границу—борьбы, закончившейся полнымъ торжествомъ Россіи и полнымъ паденіемъ Польши.

Отношеніе къ Татарамъ. Крымъ и Казань.

Далеко не въ такой степени удачно складывался въ это время для Руси другой вопросъ—татарскій. Вѣрный союзникъ Іоанна, Менгли-Гирей, умеръ; сыновья его, пользуясь нескончаемою войною Василія III въ Литвѣ и подкупленные Польшею, выработали себѣ положеніе, весьма неблагопріятное для Руси и весьма выгодное для крымскихъ хищниковъ. Защищенные широкими южно-русскими степями, эти хищники, каждую весну, стали производить опустошительные набѣги, сначала на окраины Руси, а затѣмъ проникать и внутрь ея. Одно время, когда крымская Орда вступила въ тѣсныя связи съ Казанью, это положеніе, занятое Татарами, стало даже внушать весьма серьезныя опасенія Василію. Пришлось усиленно воевать съ Казанью, закладывать новые укрѣпленные города на Волгѣ (Васильсурскъ), а отъ южныхъ степей ограждать окраины Руси цѣлою системою укрѣпленій и засѣкъ, тянувшихся на сотни верстъ. Около этого времени *), на окраинахъ степного пространства, на Днѣпрѣ и на Дону, появляются и злѣйшіе враги хищныхъ кочевниковъ, усерднѣйшіе защитники Русской земли—*казаки*, которые, по собственной охотѣ, принимали на себя сторожевую службу и вели постоянную борьбу съ Татарами и другими степными кочевниками. Однакоже всѣ эти мѣры не избавили Русь отъ тяготѣвшихъ надъ нею Ордынцевъ Крымскихъ: еще въ теченіе 200 лѣтъ раззоряли и грабили они Русскую землю — и грабежи ихъ прекратились, собственно говоря, только съ завоеванія Крыма при императрицѣ Екатеринѣ II.

Характеристика Василія III.

Карамзинъ не даромъ говоритъ, что «основатели великихъ монархій не отличаются нѣжностью сердца». Этотъ отзывъ его, быть можетъ, еще въ бо́льшей степени слѣдуетъ примѣнить къ Василію III, нежели къ Іоанну III. Онъ унаслѣдовалъ въ правленіи твердость отца, а въ отношеніяхъ къ придворнымъ и боярамъ, гордость и недоступность матери. Еще болѣе, нежели отецъ, онъ окружилъ себя роскошью, богатствомъ и великолѣпіемъ; при торжественныхъ случаяхъ, онъ являлся въ блестящей

---

*) Уже съ XV вѣка. Первое упоминаніе о «казакахъ рязанскихъ» встрѣчается въ лѣтописи подъ 1444 г.

„Imp: (erator) Caes: (ar) Friedericus IIII Aug (ustus)".

Портретъ-медальонъ императора Фридриха III („IIII") въ старости. Работы Антоніо Аббондіо.

(Германскій музей въ Нюренбергѣ).

зрѣнія совѣсти и входило составной частью въ область высшей политики. Фридрихъ былъ умѣренъ, какъ Францъ II, лишенъ всякихъ сильныхъ страстей, скупъ, мелоченъ; Францъ былъ любителемъ музыки, Фридрихъ занимался садоводствомъ, тоже астрологіей и некромантіей, что выдается слишкомъ снисходительно за его стремленіе къ знанію, между тѣмъ какъ это было скорѣе уклоненіемъ отъ серьезныхъ умственныхъ работъ и настоящей дѣятельности, подъ прикрытіемъ праздныхъ занятій.

Арманьяки. 1444.

Первое его столкновеніе было съ Швейцаріей, отъ которой онъ требовалъ возвращенія всего отнятаго у его дома, прежде нежели согласиться на подтвержденіе ея льготъ. Не получая удовлетворенія, онъ выпросилъ у Французскаго короля отрядъ, наемниковъ, которые звались «арманьяками», по имени вождя и организатора этого войска, графа д'Арманьякъ. Народъ переиначалъ это названіе въ шутливое: «*arme дескеп*» («бѣдное дурачье»), хотя такая кличка болѣе подходила къ несчастнымъ жителямъ тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя проходили эти шайки. Фридрихъ увидѣлъ съ ужасомъ, что, вмѣсто просимыхъ имъ 6,000, явилось 24,000 человѣкъ подъ начальствомъ дофина. Король Французскій дружески намекалъ при этомъ, что всѣ земли до Рейна принадлежатъ Франціи. Всѣ ужасы великихъ войнъ XIV столѣтія повторились опять, и пожалуй еще въ худшей степени (1444). Швейцарцы, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, — по другимъ извѣстіямъ, лишь 800 человѣкъ, — сразились съ главнымъ непріятельскимъ отрядомъ у Св. Іакова, близъ Базеля. Они бились въ теченіе цѣлаго длиннаго лѣтняго дня противъ врага въ тридцать разъ сильнѣйшаго, и пали всѣ, но положили тоже столькихъ Французовъ, что произвели большое впечатлѣніе на вождя ихъ, дофина, и онъ отступилъ съ своимъ войскомъ, чтобы вторгнуться въ Эльзасъ. Французы покинули нѣмецкую землю лишь въ 1445 году, когда имъ стало уже опасно оставаться среди населенія, доведеннаго до отчаянія. При заключеніи мира съ Союзомъ въ 1446 году, Швейцарцы не потеряли ничего: городъ

Изъ исторіи войнъ арманьяковъ со Швейцарцами: битва между наемными латниками и защитниками города, послѣ того, какъ первые переправились черезъ рѣку.

Изъ миніатюръ бреславльской лицевой рукописи Фруассара.

Цюрихъ, обратившійся за помощью къ Австріи по своему частному расчету, долженъ былъ снова отойти къ Союзу.

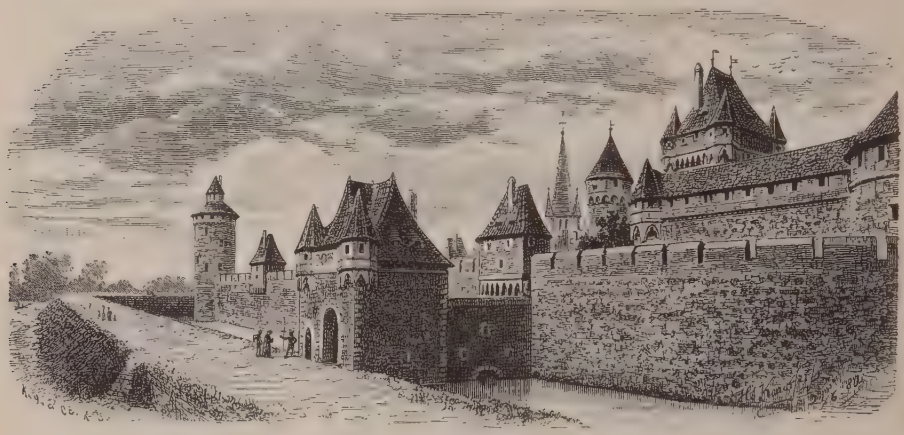
Вторая городская война. 1449.

Такимъ образомъ, побѣда осталась за демократіей, за бюргерствомъ Дворянство и правители выместили тогда свой гнѣвъ за это повторенное униженіе на сѣверо-германскихъ городахъ, раздражавшихъ ихъ своимъ возраставшимъ богатствомъ и соотвѣтственнымъ тому могуществомъ. Въ

Изображеніе курфюрста Альбрехта-Ахиллеса Бранденбургскаго на алтарной иконѣ церкви въ г. Ансбахѣ.

Позади курфюрста, его камергеръ несетъ шапку, а его маршалъ мечъ — какъ знаки его сана. Налѣво отъ его фигуры гербъ курфюршества.

виду многихъ нерѣшенныхъ споровъ съ сосѣдними князьями, швабскіе и франконскіе города, въ числѣ тридцати одного, возобновили свои старые союзы. То же сдѣлали и князья: двадцать два большихъ и множество мелкихъ владѣтелей присоединилась къ войнѣ, объявленной маркграфомъ Альбрехтомъ Бранденбургскимъ, — котораго они называли нѣмецкимъ

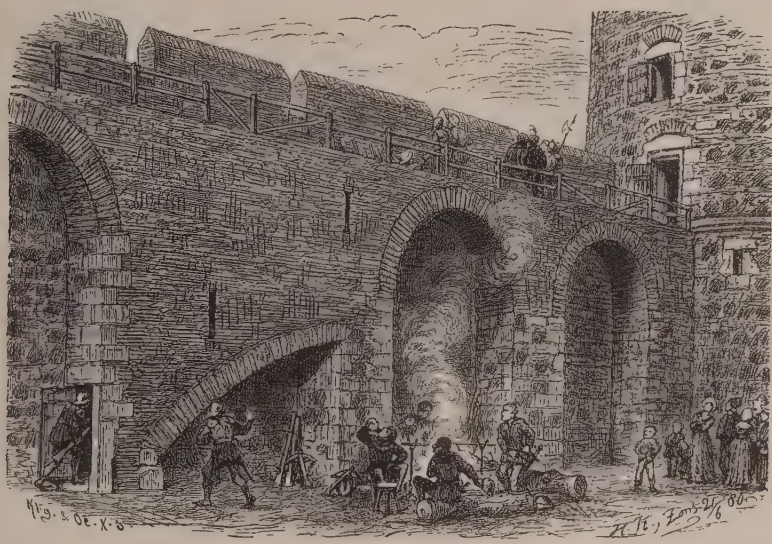


Видъ небольшого нѣмецкаго города около 1400 года.

Основою рисунка послужили донынѣ еще хорошо сохранившіеся остатки укрѣпленій города Цонсъ на Нижнемъ Рейнѣ; здѣсь эти остатки лишь весьма незначительно дополнены.

Ахилломъ,—городу Нюренбергу (1449). Это было сигналомъ ко второй «войнѣ городковъ». Непосредственнымъ поводомъ къ ней послужилъ ничтожный споръ между городомъ и маркграфомъ, и который легко уладился бы пригоршнею золота, если бы взаимное раздраженіе сторонъ не достигло уже такой степени. Хотя засѣдавшій въ Ульмѣ военный совѣтъ имѣлъ родъ высшаго руководства военными дѣйствіями, но они велись, какъ и при прежнихъ войнахъ, безъ общаго плана, отдѣльными стычками, весьма, однакоже, губительными. Маркграфъ Альбрехтъ потерпѣлъ пораженіе отъ нюренбергцевъ при Пиленрейтѣ (1450); при Эслингенѣ, Ульрихъ V Вюртембергскій одержалъ побѣду надъ союзными городами. Соглашеніе или миръ, заключенный въ Бамбергѣ, вслѣдствіе истощенія денежныхъ средствъ обѣими сторонами (1450), не измѣнилъ, въ сущности, положенія вещей. Остались въ силѣ и корысть князей, очень желавшихъ обратить имперскіе города въ областные, и зависть полнаго ненависти дворянства, у котораго было болѣе охоты къ наѣздничеству и дракѣ, нежели къ работѣ; сохранили и города ту свою тупость, которая заставляла ихъ относиться ко всѣмъ важнымъ вопросамъ, къ опасности, грозившей отъ Турокъ или Французовъ, лишь съ точки зрѣнія ограниченнаго партикуляризма и со скаредностью торгашей. Патріотизмъ ихъ становился болѣе возвышеннымъ лишь при посягательствахъ на ихъ собственный городъ, какъ было, напримѣръ, оказано городомъ Сестеромъ, при войнѣ (1444 — 1449), которую этотъ

старый городъ, плохо поддерживаемый другими мѣстными городами, велъ мужественно противъ своего ландграфа, архіепископа Кёльнскаго, Дитриха II, и его духовныхъ и мірскихъ союзниковъ. Исполняя имперскій приговоръ противъ города, духовный сановникъ ослѣпленъ былъ гнѣвомъ до того, что пригласилъ къ себѣ богемскихъ наемниковъ, еретиковъ-гусситовъ, и осадилъ городъ съ 60,000 войскомъ. Но горожане отбили штурмъ (іюль 1447), при чемъ яростную отвагу мужчинъ поддерживали и женщины своею «смертоносной стряпнею»: онѣ подносили на стѣны и крыши домовъ кипятокъ, который выливался на головы осаждающимъ. Архіепископъ покинулъ раззоренную мѣстность и заключилъ миръ съ городомъ въ 1449 году.



Городская жизнь въ XV вѣкѣ: внутренняя сторона стѣны, окружающей городъ Цонсъ на Нижнемъ Рейнѣ.

Германія въ 1453 и до 1471 г.

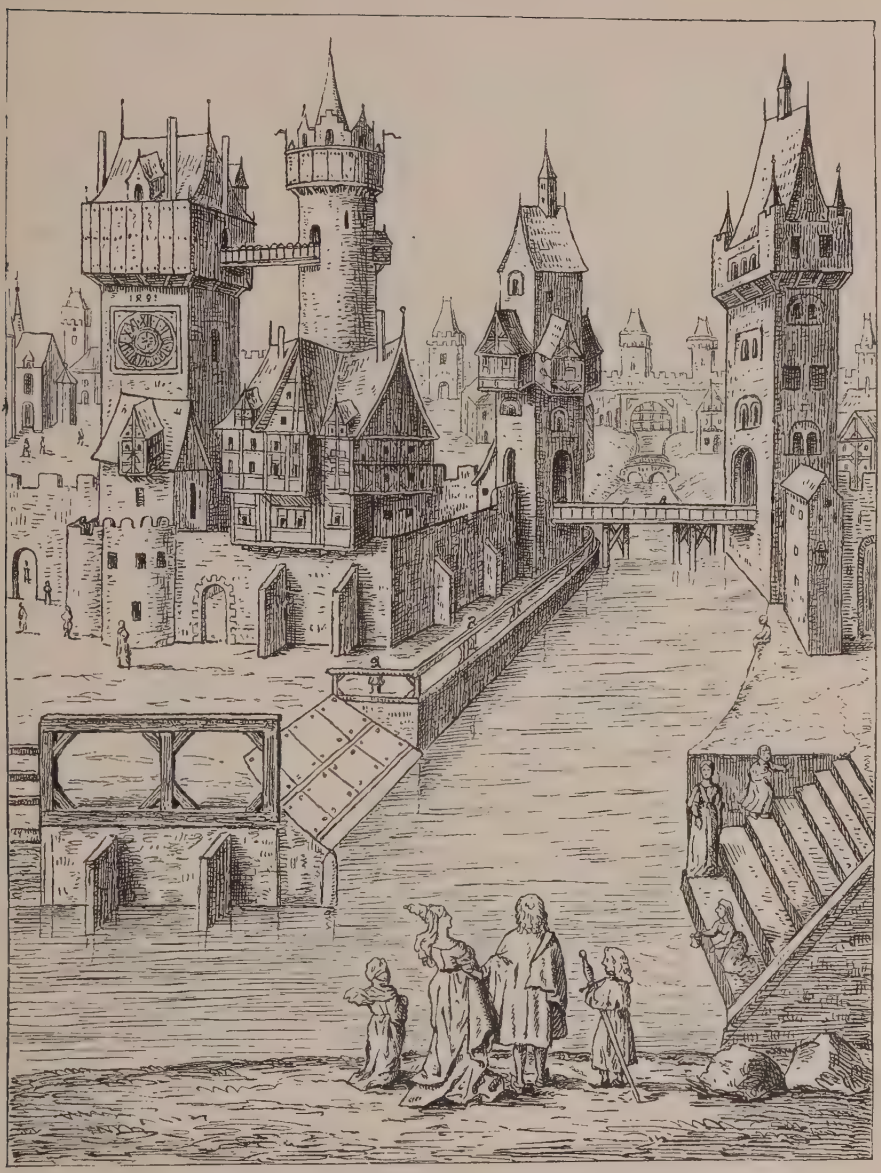
Въ ближайшихъ затѣмъ годахъ выступилъ на первый планъ восточный вопросъ. Страшная вѣсть о паденіи Константинополя взволновала на мгновеніе, какъ говорятъ, даже и императора Фридриха. Онъ и его совѣтники озабочивались и Крестовымъ походомъ, и отношеніями къ Венгріи и Богеміи, но важнѣйшимъ дѣломъ для нихъ было извлеченіе возможныхъ выгодъ изъ открывавшагося послѣ смерти Ладислава (1457) наслѣдства: Богеміи, Венгріи, герцогства Австріи. Выше было сказано, какъ устроились дѣла въ Венгріи и Богеміи: Австрія была подѣлена между Фридрихомъ и его братомъ Альбрехтомъ; городъ Вѣна съ крѣпостью принадлежалъ имъ совмѣстно. Дурное управленіе Фридриха, выразившееся, между прочимъ, и въ крайнемъ ухудшеніи монеты (народъ прозвалъ ее «живодерками»), вызвало мятежъ, въ которомъ приняли участіе *эрцгерцогъ* Альбрехтъ (всемірно историческій 1453 годъ ознаменовался введеніемъ этого новаго титула въ среду Австрійскаго дома),

Лудвигъ Баварскій и короли Венгерскій и Богемскій. Война кончилась тѣмъ, что императоръ попалъ въ плѣнъ къ своимъ вѣрнымъ вѣнскимъ гражданамъ и ихъ отчаянному демагогу Вольфгангу Гольцеру (1462). Положеніе его улучшилось, благодаря кстати случившейся смерти герцога Альбрехта; существовало даже подозрѣніе, что ядъ оказалъ здѣсь помощь природѣ, но, какъ бы то ни было, Фридрихъ сталъ полновластнымъ господиномъ надъ всею Австріей. Во время всѣхъ этихъ смутъ, дѣла въ государствѣ шли какъ попало. Самыми замѣчательными между нѣмецкими князьями были графъ Альбрехтъ Ансбахскій и графъ Пфальцскій, Фридрихъ Побѣдоносный. Первый изъ нихъ, вѣрный гогенцоллернской политикѣ, ратовалъ за интересы императора, а при этомъ и за свои собственные; второй стоялъ во главѣ партіи, враждебной императору; завидуя положенію маркграфа во Франконіи, онъ соединился съ баварскимъ герцогомъ Лудвигомъ Богатымъ («Охраной страны»), который взялъ имперскій городъ Донаусвертъ (1458). Обѣ партіи вербовали союзниковъ. Война началась и, въ іюлѣ 1460 года, Фридрихъ одержалъ побѣду надъ однимъ изъ бранденбургскихъ союзниковъ, архіепископомъ Майнцскимъ, при Пфедерсгеймѣ. Архіепископъ искалъ защиты противъ него у богемскаго короля Георгія Подебрада, «короля Герцика», который самъ тогда питалъ честолюбивый замыселъ на вѣнецъ императора Римскаго. Эта надежда на помощь не сбылась, война продолжалась, Фридриху удалось склонить многіе швабскіе и франконскіе города на свою сторону противъ Виттельсбахца.

Положеніе пфальцграфа улучшилось послѣ перваго удачнаго для него дѣла: трое изъ его главныхъ противниковъ — графъ Ульрихъ Вюртембергскій, маркграфъ Баденскій и епископъ Мецскій — попались ему въ руки, вмѣстѣ со многими другими, менѣе знатными лицами (1462); за этимъ послѣдовала побѣда Лудвига при Гингенѣ. Война длилась шесть лѣтъ, усложняясь еще посторонними спорами, пока, наконецъ, не наступило примиреніе (въ Прагѣ, 1463). Въ это время шли снова оживленные толки о Крестовомъ походѣ противъ Турокъ; но безумный фанатизмъ или высокомѣріе папъ Пія II и Павла II (которые именно теперь нападали на утраквистскаго Богемскаго короля и на компактаты) препятствовалъ словамъ перейти въ дѣло. Напротивъ того, какъ всегда, папы и папскіе прислужники, въ родѣ Фридриха III, соглашались лучше предоставить свою паству и своихъ подданныхъ на жертву языческой ярости варваровъ-непріятелей, нежели сойтись съ тѣми, кого они сами обзывали еретиками. Въ 1470 году Османы впервые внесли опустошеніе въ земли, принадлежащія уже имперіи (Крапну), а Фридрихъ III, въ союзѣ съ Венгерскимъ королемъ Матѳеемъ, воевалъ противъ Богемскаго короля.

Торнскій миръ. 1466.

«Ради Турокъ» былъ созванъ сеймъ въ Регенсбургѣ: «Имперско-христіанскій съѣздъ въ Регенсбургѣ ради Турокъ» (1471). Но дѣло не обсуждалось серьезно: Турки были еще не близко, а распоряженіе деньгами, которыя могли быть добровольно пожертвованы, порученное такому человѣку, какъ Фридрихъ, не могло внушать довѣрія никому. Положеніе Германіи на Востокѣ видимо ухудшалось; даже самое славное достояніе нѣмецкой національности, вызванное Крестовыми походами, «Рыцар-



Внутренній видъ города въ XV вѣкѣ.

Рисунокъ перомъ, относящійся къ 1491 г. Хранится въ библіотекѣ въ Эрлангенѣ.

ское государство» въ Пруссіи, совершенно подпало, при Фридрихѣ, польской зависимости. Подъ давленіемъ бѣдствій, обрушившихся на Орденъ послѣ пораженія его подъ Таненбергомъ въ началѣ столѣтія (1410), онъ совершенно выродился; нравственная его сила угасла. Учрежденіе поземельно-государственныхъ чиновъ, введенное Генрихомъ фонъ-Плауенъ, составляло дальнѣйшее зло въ разлагавшемся государствѣ. Различные поводы къ оппозиціи противъ произвола умножались и недовольные города и сельское дворянство соединились въ «прусскій союзъ», главною опорою котораго былъ Данцигъ, благодаря его связямъ и средствамъ. Это собрало недовольныхъ къ одному знамени. Болѣе благоразумные изъ правителей, какъ, напр., Конрадъ фонъ-Эрлихсгаузенъ (1441—1449), могли задерживать лишь на время возраставшее разрушеніе, и когда императоръ, разбирая дошедшія до него жалобы на управленіе Ордена, рѣшилъ, послѣ долгой проволочки, дѣло въ его пользу, предписывая распущеніе союза чиновъ (1453), недовольные передались подъ покровительство Польши. Послѣ тринадцатилѣтней борьбы, истощенный Орденъ былъ вынужденъ согласиться на Торнскій миръ (1466), по которому Западная Пруссія съ Маріенбургомъ, Торномъ, Кульмомъ, Данцигомъ и Эльбингомъ отходила къ Польшѣ, а Восточная Пруссія оставалась за Орденомъ лишь въ качествѣ польскаго лэна. Страна оказывалась, поэтому, и территоріально отрѣзанною отъ имперіи; было еще счастіемъ, что Неймаркъ былъ заложенъ Бранденбургу и сумма, лежавшая на немъ, была повышена до 100,000 гульденовъ въ 1455 г.

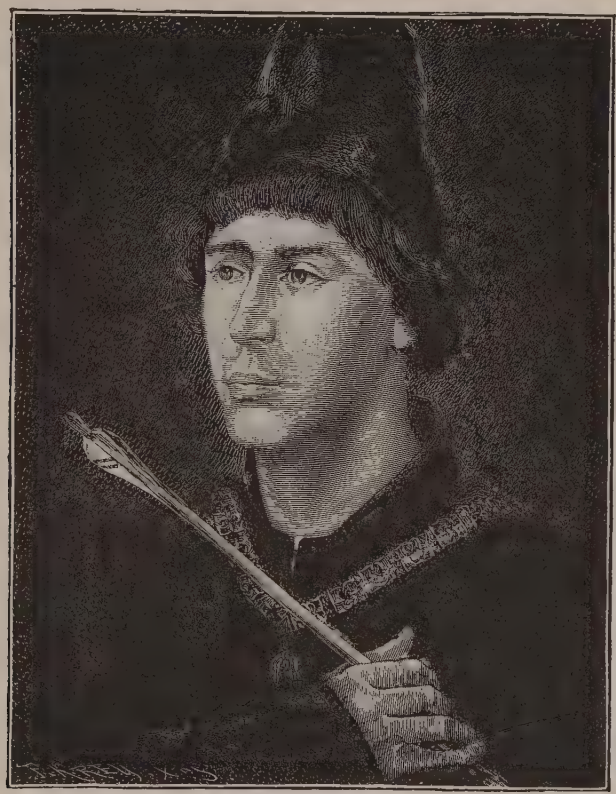
Счастіе Габсбурговъ.

Императоръ Фридрихъ относился ко всему этому безучастно, и если судить о дѣлѣ по результатамъ, то такая политика невмѣшательства была верхомъ мудрости, потому что заключительнымъ событіемъ его царствованія было,—вслѣдствіе сплетенія различныхъ обстоятельствъ,—все же достиженіе домомъ Габсбурговъ такого могущества, которое отозвалось во всей Европѣ, и которое, примѣненное послѣдовательно и искусно, могло-бы обратить римскую корону, въ ея соединеніи съ именемъ Габсбурговъ, въ нѣчто не призрачное. Къ этому Габсбургскому дому, о которомъ сложилось такое убѣжденіе, что онъ бралъ болѣе счастьемъ, нежели умомъ, прибавился еще одинъ элементъ,—то ново-бургундское государство, которое блеснуло, подобно метеору, между Франціей и Германіей.

Герцогство Бургундское. Карлъ Смѣлый.

Издавна славное Бургундское имя засіяло новымъ блескомъ по смерти послѣдняго герцога изъ старобургундской линіи (1361), который владѣлъ герцогствомъ Бургундіей, то-есть землями къ западу отъ Саоны, на правахъ наслѣдства, а пріобрѣлъ графство Бургундію или земли къ востоку отъ Саоны, благодаря своему браку. Это графство, вмѣстѣ съ владѣніями во Фландріи, получила вдова его, Маргарита; герцогство досталось французской коронѣ. Послѣ того, какъ король Іоаннъ, вопреки существовавшему дотолѣ обычаю Французскаго королевскаго дома, отдалъ герцогство, какъ лэнъ, своему младшему сыну Филиппу, какъ это было уже сказано выше, Филиппъ женился на Маргаритѣ, вслѣдствіе чего обѣ Бургундіи, соединясь, образовали государство, возвысившееся, при преемникахъ Филиппа, Іоаннѣ Безстрашномъ (1404—1419) и Филиппѣ Добромъ

(1419—1467), благодаря бракамъ, куплямъ, наслѣдствамъ и политикѣ, до степени весьма значительнаго второстепеннаго государства. Сынъ Филиппа Добраго, *Карлъ Смѣлый*, которому отецъ оставилъ, ко всему прочему, и богатую казну, казался предназначеннымъ осуществить великія судьбы этого дома. Его владѣнія, въ двухъ большихъ половинахъ, раздѣленныхъ Франціею и герцогствомъ Лотарингіей, состояли изъ бургундскихъ земель, герцогства Люксембургскаго и важнѣйшей части нынѣшней Бельгіи и Голландіи. Подобное могущество должно было, само собой, по-



Карлъ Смѣлый.

По картинѣ Рожера фонъ-деръ-Вейдена въ Брюссельскомъ музеѣ.

буждать такого гордаго государя, какимъ былъ Карлъ Смѣлый, къ дальнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ и завоеваніямъ. Весьма важно для него было то, что онъ пріобрѣлъ въ Южной Германіи: эрцгерцогъ Сигизмундъ, владѣвшій австрійскимъ Тиролемъ, нуждаясь въ деньгахъ и тѣснимый Швейцарцами, купилъ себѣ помощь Карла посредствомъ залога ему передовыхъ австрійскихъ областей (1469). У Карла не было сыновей; един-

ственною его наслѣдницей была дочь Марія, во всемъ расцвѣтѣ своей рѣдкой красоты. Императоръ Фридрихъ не могъ найти болѣе подходящей невѣсты для ея ровесника, сына своего Максимиліана. Молодые люди тоже понравились другъ другу, когда состоялась желанная ихъ встрѣча, въ сентябрѣ 1473 года, при поѣздкѣ Фридриха въ Триръ. Но дѣло не состоялось такъ скоро: между высокомѣрнымъ бургундцемъ, требовавшимъ для себя королевскаго сана, и скрытнымъ, флегматичнымъ королемъ—послѣдовалъ полный разрывъ. Герцогъ воспользовался спорнымъ дѣломъ, въ которое запутался архіепископъ Кёльнскій съ своимъ капитуломъ и частью чиновъ, для такого вмѣшательства, которое обѣщало ему дать случай къ увеличенію его владѣній. Онъ вторгнулся въ архіепископство и подступилъ къ Нейссу съ огромной арміей въ 60,000 человѣкъ. Но, въ этотъ разъ, онъ встрѣтилъ сильный отпоръ. Князья и императоръ заключили союзъ съ Людовикомъ XI, королемъ Французскимъ, котораго страшило могущество Бургундіи; по договору со Швейцарцами, было условлено произвести нападеніе на бургундскія земли

Къ осадѣ Нейсса Карломъ Смѣлымъ. Обстрѣливаніе городскихъ воротъ.

Миніатюра Бреславльской лицевой рукописи Фруассара. Весьма любопытны орудія; одно изъ нихъ трехствольное, на лафетѣ.

(Верхнюю Бургундію). Города отозвались, на этотъ разъ, необыкновенно горячо на снаряженіе имперскаго войска, вождемъ котораго былъ назначенъ маркграфъ Альбрехтъ-Ахиллъ. Нейссъ защищался очень храбро, у Кёльна собралось огромное войско и герцогъ очутился въ положеніи, заставившемъ его возобновить переговоры съ императоромъ. Какъ Фридрихъ, такъ и Французскій король, пожертвовали, при этомъ, безъ сожа-

Изъ войнъ Карла Смѣлаго со Швейцарцами: изображеніе битвы между вооруженными въ доспѣхи рыцарями и пѣхотинцами-латниками.

Изъ той же рукописи Фруассара, очень важной для изученія современнаго быта.

лѣнія интересами Швейцаріи (1475). Карлъ, заносчивые планы котораго простирались и до Италіи, обратилъ всю свою месть на Союзъ и на Лотарингію, вскорѣ послѣ своего безславнаго отступленія отъ Нейсса. По

ему пришлось вынести тяжелое униженіе, когда, въ мартѣ 1476 года, презираемые имъ мужики,—обыватели богатыхъ городовъ Союза и храбрые сельчане, — нанесли ему пораженіе у *Грансона*, на юго-западномъ концѣ Невшательскаго озера, и когда, въ іюнѣ того же года, онъ былъ вторично разбитъ тѣми же Швейцарцами и ихъ союзниками, герцогомъ Лотарингскимъ Ренатомъ и войсками габсбургца Зигмунда, у *Муртена*. Гордый Карлъ едва не лишился разсудка при этомъ позорѣ. Герцогъ Лотарингскій получилъ обратно свою область; но Карлъ, отвергнувшій посредничество папы и императора, выступилъ въ походъ противъ Рената и сталъ угрожать его столицѣ, Нанси. Близъ этого города произошло третье, губительное для Карла, сраженіе: 5 января 1477 года, лагерь его былъ взятъ штурмомъ, войско его обращено въ бѣгство; при этомъ самъ Карлъ, желая перебраться черезъ прудъ, провалился сквозь ледъ и потонулъ, окончивъ, такимъ образомъ, жизнь, подобно искателю приключеній. Но дочь его могла теперь располагать своею рукою въ пользу Максимиліана, рыцарскій образъ котораго и юношеская свѣжесть плѣняли ее, какъ и всѣхъ. Въ августѣ мѣсяцѣ того же 1477 г., въ Гентѣ, былъ заключенъ этотъ бракъ, богатый послѣдствіями.

Бракъ съ Бургундской принцессой. 1477. Максимиліанъ.

Все это не послужило, разумѣется, къ непосредственному избавленію императора отъ осаждавшихъ его вновь невзгодъ. Король Венгерскій Матѳей, раздраженный вѣроломствомъ Фридриха, который обѣщалъ ему Богемію, а теперь, по смерти Георгія Подебрада, поддерживалъ болѣе польскаго кандидата, вторгнулся въ австрійскія земли; Французы осаждали нидерландскіе города, а въ то время, какъ имперія призывала къ войнѣ противъ нихъ, Турки опустошали Штирію, Краину и Каринтію (1477). Государство, въ особенности города, поддерживали императора очень вяло. Супруга Максимиліана скончалась, едва достигнувъ двадцатилѣтняго возраста (1482 г.); она оставила ему двухъ дѣтей: сына Филиппа и дочь Маргариту. Въ 1485 г. дѣла императора противъ Матѳея приняли такой печальный оборотъ, что онъ не рѣшался показываться въ Вѣнѣ и въ своихъ собственныхъ земляхъ, и переѣзжалъ изъ мѣста въ мѣсто, ища себѣ помощи. Положеніе дѣлъ,— хотя и не прямо его личныхъ,— улучшилось, когда курфюрсты, на сеймѣ во Франкфуртѣ (1486), избрали его сына Максимиліана, внушавшаго имъ довѣріе, его помощникомъ и единственнымъ наслѣдникомъ, королемъ Римскимъ. Фридрихъ обнаружилъ тогда нѣкоторую дѣятельность: было серьезно приступлено къ водворенію общаго и прочнаго спокойствія въ странѣ,—другими словами, къ обращенію Германіи въ дѣйствительное государственное цѣлое. Во главѣ этого преобразовательнаго движенія стоялъ патріотъ изъ духовныхъ сановниковъ, Бертольдъ фонъ-Генебергъ, архіепископъ Майнцскій. Прежде всего, отдѣльный рыцарско-княжескій союзъ на пользу водворенія внутренняго міра, существовавшій подъ названіемъ «братство щита Св. Георгія», получилъ болѣе прочную организацію черезъ привлеченіе къ нему 22 городовъ и нѣкоторыхъ могущественныхъ князей: графа Вюртембергскаго, эрцгерцога Зигмунда Австрійскаго, и превратился въ благоустроенную федерацію, подъ именемъ «Швабскаго союза». Среди нѣмецкихъ правителей пробуждалось нѣчто въ родѣ національнаго чувства и сеймы не

отрицали необходимости снабжать императора или Римскаго короля войсками и деньгами для борьбы съ Венгріей или Франціей; позорный поступокъ Французскаго короля Карла VIII, отославшаго обратно обрученную ему дочь Максимиліана, Маргариту, потому что онъ нашелъ болѣе выгоднымъ бракъ съ Бретанскою наслѣдною принцессой, на которой, въ противномъ случаѣ, могъ жениться самъ Максимиліанъ ко вреду Франціи,— этотъ поступокъ, оскорблявшій честь Римскаго короля, былъ тоже сочтенъ нѣмецкими князьями за нѣкоторую обиду. Максимиліану удалось утвердить свое положеніе въ Нидерландахъ или возвратить себѣ то, которое Габсбурги занимали прежде на Востокѣ.

Максимиліанъ встрѣчаетъ возвращающуюся изъ Франціи дочь свою Маргариту (1492 г.), при чемъ ему вручаютъ обратно ключи городовъ, данныхъ за нею въ приданое.

Мраморное рельефное изображеніе съ надгробнаго памятника Максимиліана въ соборной церкви въ Инсбрукѣ.

Съ помощью войскъ «Швабскаго союза», который помогалъ ему, какъ одному изъ своихъ членовъ, Максимиліанъ вступилъ въ Вѣну и изгналъ Венгровъ изъ Австріи. Онъ примирился со своимъ оскорбителемъ, королемъ Французскимъ; по крайней мѣрѣ, тѣ графства, которыя даны были въ приданое за Маргаритой, были ему возвращены, при мирѣ, заключенномъ въ Санлисѣ (1493). Но герцогство Бургундія осталось за Франціей. Мак-

симиліанъ взялъ себѣ второю супругою не особенно знатную особу, Біанку-Марію, дочь умершаго герцога Миланскаго, Галеаццо-Маріи Сфорца, внуку того счастливаго кондотьера, Франческо Сфорца, который вышелъ изъ крестьянскаго сословія.

Въ томъ же 1493 г. скончался, на 53-мъ году своего царствованія и на 78-мъ г. возраста, Фридрихъ III. Умеръ онъ въ Линцѣ. При своемъ крѣпкомъ здоровьѣ, онъ перенесъ дважды тяжелую операцію,—ампутацію ноги, — но не вынесъ диссентеріи, которою занемогъ, скушавъ разомъ восемь дынь. Сынъ его, *Максимиліанъ I* (1493 — 1519), правилъ страною тридцать четыре года, считая и тѣ восемь лѣтъ, въ которыя былъ посвященъ въ дѣла при жизни отца. Какъ дѣтище уже новаго времени, воспріимчивый, онъ усвоилъ себѣ съ пользою многія сѣмена современной культуры, говорилъ бѣгло, кромѣ нѣмецкаго языка, по-латыни, по-французски и по-итальянски, занимался любительски разными науками, богословіемъ и медициной, а въ артиллерійскомъ искусствѣ былъ даже знатокомъ и изобрѣтателемъ. Его умственной дѣятельности соотвѣтствовала и физическая: онъ отличался на состязаніяхъ въ бѣгѣ и стрѣльбѣ изъ лука, на охотѣ и на войнѣ; его привлекала и литературная слава, весьма цѣнившаяся съ минуты того великаго развитія, которое сообщилось слову искусствомъ книгопечатанія. Онъ продиктовалъ своему частному секретарю замѣчательнѣйшія записки на латинскомъ языкѣ, обработанныя позднѣе на нѣмецкомъ, подъ заглавіемъ: «Бѣлый король», а скучнѣйшая рыцарская поэма: «Der Teuerdank» считалась если не сочиненной имъ, то написанной по его распоряженію или внушенію. Безпокойный, всегда занятый какими-нибудь планами, онъ спѣшилъ отъ предпріятія къ предпріятію. По совершеніи весьма важныхъ реформъ въ своемъ государствѣ, онъ вдругъ додумался до мысли добиться папства на старости лѣтъ, и углубился, на нѣсколько дней, въ богословіе. Но, вообще, онъ былъ дѣльнымъ правителемъ, въ которомъ лишь отражалась тревожная подвижность реформаторской эпохи.

Государственный строй.

Мысль Максимиліана о примѣненіи своего могущества въ Италіи и противъ Турокъ не могла скоро осуществиться, вслѣдствіе того, что его связывало положеніе дѣлъ въ Имперіи и его наслѣдственныхъ областяхъ. Въ то время, какъ Французскій король Карлъ VIII предпринималъ счастливый походъ въ Италію и заявлялъ себя властелиномъ во Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ,—Максимиліанъ, примкнувшій къ великому союзу Арагоніи, папы, Милана и Венеціи противъ Франціи, тщетно обращался къ государственнымъ чинамъ на сеймѣ въ Вормсѣ (1495), требуя помощи для дѣйствій противъ Французовъ и Турокъ. Какъ и на прежнихъ сеймахъ, ему отвѣчали требованіями внутреннихъ реформъ; въ особенности строптивы были города, не хотѣвшіе ничего знать, пока не были бы водворены во всемъ спокойствіе, правосудіе и порядокъ. И дѣйствительно, путемъ цѣлаго ряда сеймовъ, — въ Вормсѣ (1495), Линдау, Вормсѣ, Фрейбургѣ (1496—97), Аугсбургѣ (1500), Кёльнѣ (1505, 1512),—совершилось великое дѣло государственнаго устроенія Германіи. Еще на первомъ изъ этихъ съѣздовъ, въ Вормсѣ, было уничтожено право частнаго объявленія войны (Fehderecht) и провозглашенъ «вѣчный» внутренній миръ

Надмогильное изображеніе императора Фридриха III на его гробницѣ въ церкви Св. Стефана въ Вѣнѣ.

Работа художника Лерха, законченная въ 1513 г. На лентѣ, направо, помѣщены буквы: *A, E, I, O, U*—сокращеніе его любимой поговорки: «*A*(lles) *E*(rdreich) *I*(st) *O*(esterreich) *U*(nterthan)»—т. е. «вся вселенная подвластна Австріи».

Изображеніе Максимиліана и его молодой супруги Маріи Бургундской.

(Изъ современныхъ гравюръ на деревѣ). Въ подписи къ гравюрѣ значится: «Король и королева обучаютъ другъ друга — каждый своему родному языку». Въ этомъ изображеніи весьма любопытны подробности убранства сада во вкусѣ эпохи Возрожденія.

(Landfriede), слѣдовательно, былъ признанъ принципъ государственнаго порядка въ смыслѣ, придаваемомъ ему нашими современными понятіями, согласно чему была учреждена высшая судебная инстанція: имперскій судъ. На жалованье судьямъ былъ установленъ всеобщій налогъ, «пфениговый сборъ». Увѣнчаніе всѣхъ этихъ учрежденій, формально органи-

Портретъ Максимиліана.

(По А. Дюреру).

зованный чинъ управленія, «опредѣленіе правъ правителя», не былъ формулированъ, потому что Максимиліанъ ставилъ это вопросомъ довѣрія: онъ полагалъ, что на его управленіе доселѣ никто не могъ жаловаться. Таковы были принятыя рѣшенія, затрогивавшія самую суть государства, по тогдашнему выраженію; но рейхстаги имѣли и дальнѣйшее важное значеніе. Императоръ далъ герцогство Миланское въ пожизненный лэнъ Людовику Сфорца (по смерти его, оно возвращалось имперіи) и возвысилъ всѣ соединенныя графомъ Эбергардомъ въ Бартѣ швабскія владѣнія въ одно герцогство Вюртембергское. Это было отличіе вполнѣ заслуженное такимъ замѣчательнымъ владѣтелемъ, основателемъ Тюбингенскаго университета; но затаенною мыслью при этомъ была, конечно, возможность того,— или надежда на то,—что, съ вымираніемъ мужского колѣна, это герцогство могло быть передано австрійскому принцу, какъ и Миланское. Счастье улыбалось Габсбургамъ болѣе чѣмъ когда-либо: въ 1496 году, по смерти Зигмунда Тирольскаго, всѣ австрійскія владѣнія соединялись въ рукахъ Максимиліана. Въ 1497 г., супруга Филиппа, сына Максимиліанова, Іоанна, осталась, по смерти своего брата, единственною наслѣдницею кастильско-арагонскихъ владѣній, которыя расширялись теперь до безконечности, благодаря смѣлымъ мореплавателямъ. Выработка государственнаго строя подвинулась впередъ на Аугсбургскомъ сеймѣ 1499 г., на которомъ былъ приведенъ къ окончанію проектъ прочнаго имперскаго управленія, предложенный архіепископомъ Майнцскимъ, Бертольдомъ, замѣчательнѣйшимъ государственнымъ дѣятелемъ эпохи. Первымъ намѣстникомъ, назначеннымъ отъ императора, былъ курфюрстъ Саксонскій, Фридрихъ Мудрый. Но выработанный порядокъ не могъ еще установиться, потому что интересы короны и сословій слишкомъ разнились. Императору было выгодно пользоваться этимъ строемъ, какъ орудіемъ при европейскихъ столкновеніяхъ, между тѣмъ какъ государственные чины хотѣли, благодаря такому конституціонному порядку, именно удерживать государство отъ излишняго вмѣшательства въ эти столкновенія. Однако, все же мысль о рѣшеніи частныхъ распрей имперскимъ судомъ пріобрѣтала, болѣе и болѣе, право гражданства; такъ, напр., былъ рѣшенъ Кёльнскимъ сеймомъ (1505) большой споръ о Пфальцъ-Баварскомъ наслѣдіи послѣ войны, длившейся всего одинъ годъ. Но во всемъ томъ, что касалось иностранной политики императора, его отношеній къ Венгріи, Франціи, Италіи, онъ встрѣчалъ лишь весьма слабую поддержку.

Кёльнскій сеймъ. 1512. Мировые округа.

Дѣло конституціоннаго порядка пришло къ извѣстному окончанію на Кёльнскомъ сеймѣ въ 1512 году. Для водворенія спокойствія въ странѣ и исполненія рѣшеній имперскаго суда, нѣмецкое государство было раздѣлено на десять мировыхъ округовъ; во главѣ каждаго изъ нихъ находился окружной начальникъ съ подчиненнымъ ему совѣтомъ. Самымъ большимъ изъ этихъ округовъ,—считая отъ юга къ сѣверу,—былъ *Австрійскій*, обнимавшій до 2,000 кв. миль, включая въ себѣ почти однѣ земли владѣтельнаго дома; затѣмъ *Баварскій*, на половину меньшій, въ который входило старое герцогство и девять духовныхъ владѣній, при чемъ архіепископъ Зальцбургскій раздѣлялъ управленіе съ герцогомъ въ Мюнхенѣ; *Швабскій*, съ двумя большими территоріями, герцогствомъ Вюртембергъ и маркграф-

ствомъ Баденъ, и множествомъ мелкихъ, занимая, въ общемъ, около 700 кв. миль; *Франконскій* съ 500 кв. миль прежняго герцогства, подъ управленіемъ епископа Бамбергскаго; главнѣйшую часть территоріи составляли здѣсь бранденбургскія княжескія владѣнія; главнымъ и богатѣйшимъ городомъ былъ Нюренбергъ; два *Рейнскіе* округа, пространствомъ около 1,000 кв. миль, заключали въ себѣ богатѣйшія нѣмецкія земли, съ тремя большими духовными и Пфальцскимъ курфюршествами, двумя герцогствами, Савойей и Лотарингіей, и множествомъ епископствъ и имперскихъ городовъ; *Бургундскій*, включавшій большую часть Голландіи, Бельгіи и Люксембурга; *Вестфальскій*, простиравшійся отъ острововъ Сѣвернаго моря далеко на югъ, пространствомъ въ 1,250 кв. миль и управляемый изъ Мюнстера или изъ Клэва; наконецъ, два Саксонскіе округа: Нижнесаксонскій (около 1,420 кв. миль) и Верхнесаксонскій (1,950 кв. миль). Къ первому изъ нихъ относились: два архіепископства, Магдебургское и Бременское, три епископства, пять герцогствъ, шесть имперскихъ городовъ; ко второму—два курфюршества, Саксонія и Бранденбургъ, нѣсколько княжествъ и графствъ, но ни одного имперскаго города. Управленіе находилось въ Саксонскомъ курфюршествѣ. Въ сторонѣ оставались двѣ большія области, по названію еще принадлежавшія къ имперіи: Богемія съ прилегавшими къ ней землями, и Швейцарскій союзъ. Карта съ этимъ распредѣленіемъ очень пестра: по ней можно насчитать до двухъ съ половиною сотенъ «окружныхъ чиновъ», но меньшіе изъ нихъ имѣли на сеймахъ лишь коллективное право голоса, по куріямъ.

Нѣмецкія дѣла около 1500 г.

Но на всемъ этомъ пространствѣ не было объединяющей государственной власти. Императора ограничивали сеймы; мѣстныя обстоятельства въ округахъ вызывали и опредѣляли съѣздъ окружныхъ чиновъ; окружные сеймы и каждый владѣлецъ области, всѣ чины округовъ и государственные чины, были связаны, въ свою очередь, мѣстными управленіями. Политическая жизнь всей націи протекала среди этихъ безчисленныхъ собраній и соглашеній. Послѣдній изъ названныхъ важныхъ факторовъ, мѣстное управленіе, развился постепенно и на свой образецъ въ каждой территоріи. Но, вообще, основою его послужила необходимость для каждаго мѣстнаго владѣльца заручаться, въ важныхъ для него случаяхъ, содѣйствіемъ своихъ служащихъ и вассаловъ, а также находящихся на его землѣ монастырей, учрежденій и городовъ. Въ нѣмецкихъ земляхъ издавалось мало повелѣній, дѣлалось мало правительственныхъ распоряженій: послушаніе вынуждалось оружіемъ или же выторговывалось,—и если свобода состоитъ въ этомъ,—а такъ понимало ее, во всякомъ случаѣ, большинство націи,—то можно было, безъ сомнѣнія, говорить о «нѣмецкой свободѣ». Но она придавала политической жизни націи нѣчто крайне вялое,—и государственная жизнь этого вѣка въ Германіи представляется намъ, привыкшимъ къ быстро-работающему и всеобъемлющему правительственному и административному механизму, чѣмъ-то карикатурнымъ.

Феме (тайныя судилища).

Жизнь, развитіе, прогрессъ націи сосредоточивались въ отдѣльныхъ территоріяхъ, которыя стремились къ заявленію своей самостоятельности и къ устраненію, по мѣрѣ силъ, остатковъ прежнихъ стадій развитія. Эти остатки гнѣздились еще во всѣхъ сферахъ, но держались особенно долго

въ судебной части, и характерное учрежденіе, такъ-называемой *фэмы*, обнаруживаетъ борьбу стараго и новаго времени, государства и мѣстнаго верховенства.

Въ земляхъ герцогства Вестфальскаго удерживались еще, въ силу особыхъ обстоятельствъ, старинные народные суды со временъ сельскаго уложенія, эпохи Карла Великаго или еще болѣе ранней, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ были уже повсемѣстно введены правительственныя судебныя учрежденія. Эти особые суды происходили при всенародномъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ фрейграфа, получавшаго отъ самого императора право миловать и карать. Императорская власть ослабѣла со времени Штауфеновъ; новые областные суды не утвердились еще вполнѣ, въ ихъ организаціи было много пробѣловъ, и безчисленные грабежи и преступленія совершались безнаказанно. Среди этого, стародавность сказанныхъ судовъ придавала имъ новый авторитетъ, въ который вѣрили сильнѣе всѣхъ самые ихъ сочлены: это были суды «императорскіе»; нравственное чувство правосудія всѣхъ находило удовлетвореніе въ томъ сознаніи, что существуютъ же, хотя гдѣ-нибудь, трибуналы, которымъ можно принести жалобу на извѣстныя злодѣянія, не подлежащія никакимъ судамъ, не находящія и исполнителей приговоровъ; эти же суды, *фэмы*, вѣдали подобныя дѣла, какъ вполнѣ подлежащія имъ. Даже изъ дальнихъ мѣстъ прибѣгали къ нимъ въ трудныхъ уголовныхъ дѣлахъ (гражданскихъ дѣлъ фэма не разбирала). Но обвиняемый рѣдко появлялся; публично произнесенный приговоръ могъ тоже заставить его быть на-сторожѣ и потому сдѣлать невозможнымъ исполненіе казни; поэтому судъ пересталъ быть открытымъ; въ него имѣли доступъ одни лишь члены суда. Но кто же приводилъ въ исполненіе приговоръ, обрекавшій на смерть? Исполнителемъ могъ быть только такой же членъ суда, и приговоръ, для достиженія цѣли, хранился втайнѣ и исполнялся также таинственно. Съ середины XIII столѣтія имѣемъ мы уже извѣстія о «тайныхъ судахъ». Сложилось тройное повѣрье, сообщившее этимъ судамъ большой ореолъ: во-первыхъ, было принято, что они вѣдаютъ лишь тяжкія, подлежащія казни, преступленія; во-вторыхъ, что они дѣйствуютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда правый не находитъ нигдѣ удовлетворенія; наконецъ еще, что они установлены Карломъ Великимъ и не стѣснены никакими территоріальными границами; въ этомъ не сомнѣвался никто. Учрежденіе имѣло свои благотворныя стороны и, мало-по-малу, лица, посвященныя въ тайны «фэмы», ея кодекса и формальностей, «вѣщіе», распространились по всей Германіи, такъ что, въ сущности, со временъ короля Венцеслава (1378), въ странѣ былъ «фэмскій союзъ», члены котораго узнавали другъ друга по извѣстнымъ символическимъ знакамъ при встрѣчахъ, при необходимости имѣть пособниковъ въ исполненіи приговора. Но мѣстомъ суда оставалась все же «Красная земля», Вестфалія, и получить званіе члена союза можно было лишь тамъ. Однако, нигдѣ нѣтъ рѣчи о ночахъ и туманахъ, о таинственности засѣданій, какъ при какомъ-либо заговорѣ: они происходили подъ открытымъ небомъ, обыкновенно съ девяти часовъ утра до трехъ часовъ пополудни, и при одномъ случаѣ, въ которомъ дѣло шло о приговорѣ надъ однимъ баварскимъ герцогомъ (1439), въ засѣданіи принимали участіе, какъ извѣстно, восемнад-

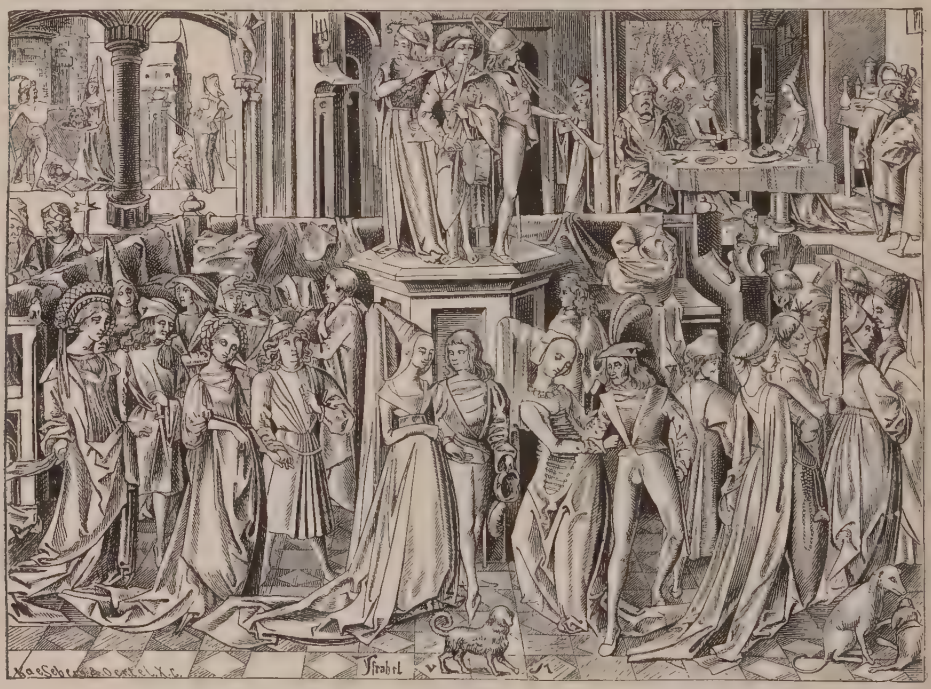
цать фрейграфовъ и восемьсотъ сочленовъ. Приглашеніе явиться на судъ доставлялось, обыкновенно, обвиняемому изъ вѣрныхъ рукъ, но онъ рѣдко отвѣчалъ на него; тогда дѣло разбиралось и приговоръ провозглашался при торжественной обстановкѣ. Если послѣ этого находили какого-нибудь

Липа тайнаго судилища въ Дортмундѣ.

Эта древняя липа, нѣсколько лѣтъ тому назадъ утратившая главную вѣтвь свою, и теперь еще довольно высока. Столъ, на которомъ виденъ слабо начертанный государственный орелъ, и лавки кругомъ стола состоятъ изъ глыбъ плохо обтесаннаго камня. Въ сторонѣ отъ липы—заборъ, которымъ ограждены наиболѣе сильные отпржски отъ ея корня. Липа во многихъ мѣстахъ скрѣплена желѣзными обручами и поддерживается проволоками.

повѣшеннаго на деревѣ съ воткнутымъ возлѣ въ землю ножемъ, это означало, что приговоръ «тайной фэмы» исполненъ. Фэма пріобрѣла страшную силу въ половинѣ XV вѣка. Нечего говорить, что она не удержалась долго на своей высотѣ, что при тяжкихъ злодѣйствахъ, которыя были подсудны такого рода суду съ самаго его возникновенія, она скоро исказилась въ своихъ началахъ; но послѣдніе слѣды этихъ тайныхъ судовъ уничтожены лишь въ девятнадцатомъ столѣтіи.

Прогрессъ. Этотъ остатокъ старо-императорской эпохи не былъ жизнеспособенъ. Всесторонній прогрессъ въ каждой отрасли быта исходилъ теперь не отъ



Городская жизнь въ XV вѣкѣ. Балъ въ патриціанскомъ домѣ.

Гравюра на мѣди Израэля фонъ-Мекененъ. Изображенная въ глубинѣ сцена усѣкновенія главы Іоанна Предтечи и поднесенія ея Ироду указываетъ на желаніе художника придать библейскій характеръ картинѣ, очевидно заимствованной изъ современныхъ нравовъ.

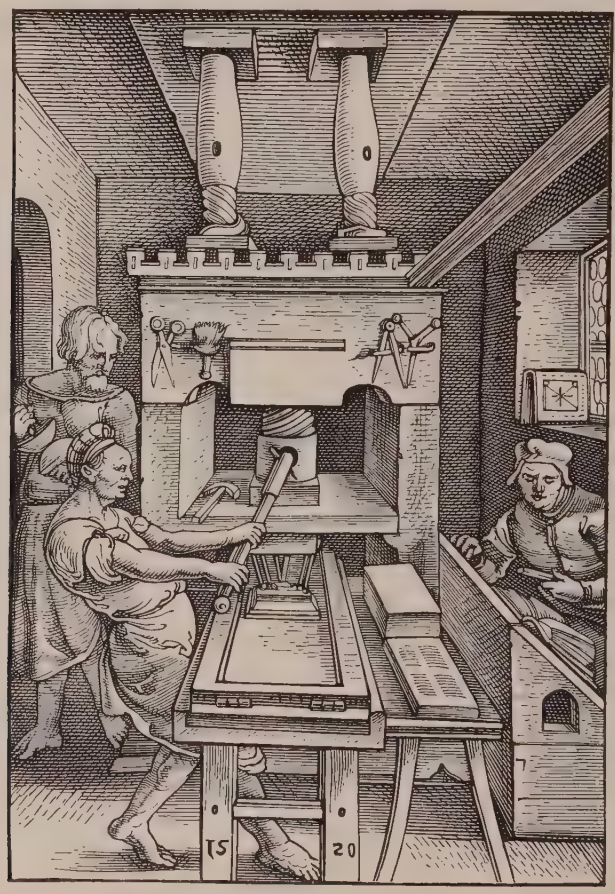
цѣлаго, а отъ частей. Перо Энея-Сильвія даритъ насъ короткимъ изображеніемъ тогдашней Германіи, которое составляетъ, конечно, лишь слабый придатокъ къ знаменитому сочиненію о Германіи великаго римскаго историка. Тѣмъ не менѣе, оно даетъ выгодное понятіе о положеніи страны и характеризуетъ, хотя и посредствомъ весьма поверхностно схваченныхъ частностей, періодъ дѣятельнаго совершенствованія, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи: замѣтенъ приростъ населенія, увеличеніе народнаго благосостоянія; весьма усиливаются взаим-

ныя сношенія Германіи съ другими странами, особенно съ Италіей, но и съ Испаніей, Франціей и прочими государствами; различныя ремесла и искусства процвѣтаютъ, производство нѣкоторыхъ товаровъ: сукна, металлическихъ и стеклянныхъ издѣлій и пр. совершенствуется, обученіе молодежи распространяется при его улучшеніи; вмѣстѣ съ тѣмъ, строятся больницы и воспитательные дома, заводятся городскіе врачи, ванны, убѣжища для женщинъ. Особенно указываетъ на прогрессъ обиліе университетовъ: послѣ Лейпцига, быстро послѣдовало учрежденіе ихъ еще въ восьми городахъ: въ Ростокѣ (1419), Грейфсвальдѣ (1456), Фрейбургѣ (1457), Базелѣ (1460), Ингольштадтѣ (1472), Тюбингенѣ (1477), Витенбергѣ (1502), Франкфуртѣ-на-Одерѣ (1506). Въ этомъ-же столѣтіи совершилось то великое умственное движеніе въ руководящихъ классахъ, которое называютъ возрожденіемъ наукъ или «гуманизмомъ». Оно совпало съ другими умственными стремленіями, а также съ изобрѣтеніемъ, имѣвшимъ неизмѣримую важность: изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Завершеніе этого изобрѣтенія, то-есть устройство печатнаго станка съ металлическимъ шрифтомъ, осуществилъ, въ 1450 году, нѣмецъ, членъ майнцской патриціанской фамиліи, которая, терпя отъ вражды между родовитыми семьями и гильдіями, покинула въ началѣ XV вѣка родной городъ. Звали этого человѣка *Іоганнъ Генсфлейшъ Гутенбергъ*. Онъ жилъ, съ 1448 года, въ Майнцѣ, гражданинъ котораго, *Іоганнъ Фустъ*, снабжалъ его необходимыми деньгами. Первымъ произведеніемъ этой печатающей машины былъ латинскій учебникъ (Donatus), въ 1451 году; затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, послѣдовала главнѣйшая работа—Библія.

Городская жизнь въ XV вѣкѣ. Рельефъ надъ воротами бывшаго зданія вѣсовъ въ Нюренбергѣ, изображающій взвѣшиваніе товаровъ и выплачиваніе за нихъ пошлины.

Работа Адама Крафта съ обозначеніемъ года 1497 и надписью: «Dir als ein andern». «И тебѣ то же, что другому».

Несравненно меньшее непосредственное вліяніе оказало другое изобрѣтеніе, которое часто приравниваютъ къ этому и которому приписываютъ большую роль въ созиданіи новой эпохи: изобрѣтеніе пороха. Строго говоря, его даже нельзя считать новымъ открытіемъ. Порохъ былъ извѣстенъ съ конца XIII столѣтія и вошелъ въ употребленіе на войнѣ, начиная съ слѣдующаго, не сообщая, однако, употреблявшимъ его тотъ



Изображеніе типографскаго станка 1520 г.

Изъ коллекціи биржевого собранія нѣмецкихъ книготорговцевъ въ Лейпцигѣ.

сильный перевѣсъ, какой мы представляемъ себѣ, основываясь на позднѣйшихъ его примѣненіяхъ. Мнѣніе о томъ, что огнестрѣльное оружіе сдѣлало излишнею рыцарскую храбрость, сообщая механическій характеръ войнѣ и тѣмъ демократизируя ее, явилось лишь позднѣе. Но искусство печатанія металлическимъ шрифтомъ вводитъ насъ непосредственно въ

періодъ новыхъ временъ; мы оцѣнимъ силу этого изобрѣтенія еще яснѣе, послѣ взгляда на политическое развитіе Франціи и Англіи, равно какъ Пиринейскаго полуострова и Италіи.

3. Англія и Франція.

Англія и Франція.

Въ этомъ столѣтіи разъединились навсегда судьбы этихъ двухъ странъ, и оба государства, Англія и Франція, развились, каждое въ своей природной сферѣ и согласно своеобразному, во многомъ противоположному, направленію. Въ продолженіе нѣкотораго времени, при Плантагенетахъ, можно было ожидать ихъ сліянія въ одну державу, но, въ минуту наибольшей опасности, національное чувство Французовъ проснулось съ изумительной силой, помогло имъ отбросить Англичанъ на ихъ островъ и оба великіе народа пошли по пути своего окончательнаго самостоятельнаго развитія.

Франція съ 1380 г.

Французскимъ королемъ съ 1380 года былъ Карлъ VI, вступившій на престолъ въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ; онъ оказался впослѣдствіи душевно-больнымъ, что вызвало необходимость продолжительнаго регентства. Вслѣдствіе ошибки его предшественника, короля Іоанна, раздѣлившаго большіе лэны между своими сыновьями и, какъ было сказано выше, скончавшагося на чужой землѣ, послѣ долгаго плѣна, были посѣяны сѣмена смутъ и раздора именно между наиболѣе близкими къ трону главами знатныхъ домовъ. Этотъ раздоръ вспыхнулъ теперь между братомъ короля, герцогомъ Людовикомъ Орлеанскимъ, и его дядею, герцогомъ Филиппомъ Бургундскимъ, изъ-за права управлять государствомъ. Эта смута подѣлила всю Францію на двѣ партіи: бургундскую и орлеанскую, или арманьякскую. При такихъ обстоятельствахъ, замѣчательный правитель Англіи (съ 1413), король Генрихъ V, возобновилъ свои притязанія на независимое владѣніе французскими областями, принадлежавшими прежде англійской коронѣ, а такъ какъ

Печать Карла VI, короля Французскаго.
Изъ Британскаго музея въ Лондонѣ.

сильнѣйшая, въ эту минуту, орлеанская партія не соглашалась съ нимъ, онъ началъ снова войну, при чемъ могъ разсчитывать на недовольные элементы въ самой Франціи. Высадясь съ большимъ войскомъ, онъ вступилъ въ бой съ Французами близъ замка Азинкуръ, въ нынѣшнемъ департаментѣ Па-де-Калэ, и нанесъ имъ страшное пораженіе: плебейскій отрядъ англійскихъ стрѣлковъ изъ лука залилъ кровью французскаго дворянства все поле сраженія. Взято въ плѣнъ было лишь полторы тысячи человѣкъ, между тѣмъ какъ число раненыхъ и убитыхъ доходило до десяти тысячъ. Ужаснѣе всего было то, что побѣда надъ Французами, усилившая гордость Англичанъ, радовала также бургундскую партію и увеличила раздоръ въ государствѣ. Но междоусобная вражда достигла крайняго предѣла послѣ того, какъ герцогъ Іоаннъ Бургундскій, при свиданіи своемъ съ дофиномъ на мосту черезъ Іонну, соединяющемъ городъ и крѣпость Монтро, былъ убитъ служителями дофина (1419). При договорѣ въ Троа (1420), герцогъ Бургундскій призналъ короля Англійскаго, Генриха, своимъ законнымъ королемъ и повелителемъ, по смерти Карла VI. Генрихъ женился на Катеринѣ, дочери Карла VI и баварской принцессы Изабеллы, — чудовищной матери, отрекшейся отъ своего сына, дофина. Такимъ образомъ, Англичане получили рѣшительный перевѣсъ. По кончинѣ несчастнаго Карла VI въ 1421 г., Генрихъ V оказался законнымъ королемъ Франціи; онъ умеръ тоже вскорѣ послѣ того (1422), оставя свое могущественное положеніе въ наслѣдіе девятимѣсячному сыну своему, Генриху VI, который былъ перевезенъ въ Парижъ. Въ теченіе семи лѣтъ господствовали Англичане въ странѣ. Природный Французскій король, Карлъ VII, потерялъ всѣ земли на сѣверъ отъ Лоары; въ 1429 году, самъ городъ Орлеанъ, ключъ къ южной части государства, былъ уже готовъ пасть передъ англо-бургундскою силою; но совершилось чудо, измѣнившее неудержимый, повидимому, роковой исходъ.

Англо-французская война. Орлеанская дѣва.

Крестьянская дѣвушка изъ Домреми, деревушки на границѣ Шампани и Лотарингіи, остановила побѣдоносное шествіе Англичанъ, вдохновила національное чувство Французовъ и образумила ихъ на мгновеніе такъ, что они могли собраться съ силами для сопротивленія и достиженія нѣкоторыхъ успѣховъ. Юность этой двадцатилѣтней дѣвушки не представляетъ ничего замѣчательнаго; ея крайняя набожность навлекала на нее иногда насмѣшки. Политическія распри проникали и въ эти лотарингскія мѣстности и даже деревни стояли за ту или другую сторону. Домреми принадлежала къ орлеанистамъ и деревенская молодежь вступала въ драки съ парнями изъ сосѣдней деревни, считавшей себя сторонницею Бургундіи. Дѣвушкѣ, страдавшей за родину, проникнутой убѣжденіемъ въ святости прирожденной королевской власти и ненавистью къ чужеземцамъ, слышались небесные голоса, которые предсказывали ей счастливый оборотъ судьбы и обрекали ее самое на роль избавительницы гибнувшаго Орлеана и на то, чтобы она проводила короля Карла въ Реймсъ для помазанія и коронованія. Чудившіеся ей голоса и лики влекли ее впередъ съ непреодолимою силою; начальнику ближайшаго гарнизона было донесено о странномъ событіи; онъ, въ свою очередь, донесъ о томъ королю,

Прибытіе Дѣвы Орлеанской въ замокъ Шинонскій 6 марта 1428.

Современное шитое цвѣтными шелками изображеніе, хранящееся въ Орлеанскомъ музеѣ. (Нѣмецкая работа). Дѣва, сопрождаемая четырьмя рыцарями, ѣдетъ въ полномъ вооруженіи на конѣ; на головѣ у ней красный головной уборъ, съ пучкомъ перьевъ надъ желѣзнымъ шлемомъ. Въ правой рукѣ она держитъ свой штандартъ съ изображеніемъ Бога между двумя ангелами, и рядомъ съ нимъ слова: «Jesus Maria» и три лиліи. Слѣва подходитъ король Карлъ VII, съ вѣнцомъ на головѣ: онъ переходитъ пѣшкомъ черезъ опускной мостъ замка; одинъ изъ рыцарей, сопровождающихъ дѣву, выѣхалъ нѣсколько впередъ и какъ бы представляетъ дѣву королю. Лента съ надписью надъ картиной гласитъ по-нѣмецки: «Вотъ подъѣзжаетъ дѣва, посланная Богомъ королю въ его страну». Величина изображенія: 80 с. высоты и 105 с. ширины. (По Лакруа).

передъ которымъ Іоанна д'Аркъ скоро предстала. Для обсужденія столь необыкновеннаго случая были приглашены богословы; дѣвушка оказалась вѣрною католичкою и ее допустили состоять при отрядѣ, который долженъ былъ доставить продовольствіе въ Орлеанъ. Экспедиція удалась: 28 апрѣля 1429 г. Іоанна проникла въ городъ и, при нѣсколькихъ стычкахъ, заставила всѣхъ вѣрить въ ея призваніе, потому что ея появленіе съ знаменемъ изъ холста, на которомъ былъ изображенъ Спаситель, ободряло и подвигало на побѣду войска; еще сильнѣе дѣйствовала ея собственная, безусловная вѣра, та, о которой въ Евангеліи сказано, что будь она величиною лишь съ горчичное зерно,— и тогда ея достаточно для того, чтобы двигать горами. Дѣйствительно, дѣла приняли счастливый оборотъ, мятежники обращались теперь опять къ королю и въ немъ самомъ укрѣплялось убѣжденіе въ томъ, что эта дѣва внушаетъ ему, съ непогрѣшимостью откровенія свыше, приказаніе Божіе — идти въ Реймсъ, чтобы увѣнчаться короной. Когда-же и это совершилось благополучно, то былъ достигнутъ громадный нравственный успѣхъ. Города переходили, одинъ за другимъ, на сторону законнаго короля; гнетъ, давившій націю и лишавшій ее силъ, исчезъ. Сама Іоанна считала свою миссію оконченной и стремилась домой. «Пусть сражаются мужи, и Господь дастъ имъ побѣду». Сама она никогда не обнажала меча и только несла знамя. По несчастью, она позволила уговорить себя остаться при войскѣ, и при попыткѣ, сдѣланной съ цѣлью освободить Компіень, осажденный Англичанами и Бургундцами, попала въ плѣнъ непріятелю (май 1430). Именемъ короля Генриха VI былъ начатъ процессъ противъ Іоанны, и соединеннымъ силамъ богослововъ и юристовъ того времени было не трудно взвести на нее болѣе чѣмъ одно преступленіе, дѣлавшее ее повинною смерти. Къ чему же и существовали инквизиція и ученые мужи Парижскаго университета? Бѣдная дѣвушка обратилась къ папѣ, но онъ былъ далеко, а отъ нея выманили обманомъ ея подпись подъ чѣмъ-то въ родѣ ея признанія; она была заключена въ тюрьму, и ее мучили тамъ, пока не доказали, что она вновь впавшая въ заблужденіе еретичка, съ которою и слѣдуетъ поступить по правиламъ «de comburendo haeretico»,—вслѣдствіе чего она и была подвергнута въ Руанѣ казни, опредѣленной лолардамъ,—т.-е. смерти на кострѣ.

Аррасскій миръ. 1435.

Война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ, истощая страну, но предположеніе соединить Англію и Францію въ одну державу, подъ англійскимъ скипетромъ, оказалось уже неисполнимо. Въ 1435 году, герцогъ Бургундскій Филиппъ заключилъ съ Карломъ VII миръ въ Аррассѣ. Здѣсь собрался большой мирный конгрессъ; переговоры между Франціей и Англіей не привели ни къ чему, но переходъ герцога на французскую сторону значилъ много, хотя былъ достигнутъ съ большими уступками и пожертвованіями. Въ томъ же году умерла, если не особенно опасная уже, но отъявленно враждовавшая съ сыномъ, его мать Изабелла. Ближайшимъ послѣдствіемъ мира, доставившаго почти полную независимость Бургундіи, былъ поворотъ борьбы къ невыгодѣ Англичанъ. Въ 1436 году они лишились Парижа; однако, перемиріе было заключено не ранѣе 1444 года; оно было продолжено нѣсколько разъ, все же не превращаясь въ

формальный миръ. На дѣлѣ, впрочемъ, Англичане удерживали только Калэ и Нормандскіе острова.

Эта война имѣла, вообще, благопріятныя послѣдствія для Франціи, хотя и принесла ей, въ частности, много золъ. Несходство съ Англичанами, бросавшееся въ глаза и ощутительное для всѣхъ, умиротворило

Дальнѣйшее правленіе Карла VII.

Карлъ VII, король Франціи.
Миніатюра изъ рукописнаго сборника XV вѣка. (По Лакруа).

партійную рознь среди своего народа и дало созрѣть французскому національному чувству. Личность Карла VII была вполнѣ пригодною для залѣченія ранъ, нанесенныхъ войною и партійною ненавистью. Со времени Аррасскаго мира, онъ былъ снова въ состояніи стоять у кормила правленія: онъ не поминалъ никому прошлаго, повинуясь при этомъ голосу своей кроткой, благодушной природы, какъ бы созданной для роли миротворца послѣ ожесточенной борьбы. Весьма важною мѣрою въ томъ же національномъ направленіи, которое указывалось ему всѣмъ его положеніемъ, было принятіе постановленій Базельскаго собора, на что изъявилъ свое согласіе и съѣздъ французскаго духовенства въ Буржѣ. Въ своемъ эдиктѣ (іюль 1438), называемомъ «Прагматической санкціей», король Карлъ провозгласилъ эти постановленія, главнымъ образомъ на-

правленныя противъ папскаго обычая раздавать духовныя мѣста чужакамъ, неизвѣстнымъ народу, а часто и весьма недостойнымъ ихъ; взамѣнъ того, возстановлялось прежнее право свободнаго выбора на эти мѣста и сообщалась, вообще, бо̀льшая самостоятельность галликанской Церкви. Въ то же время, въ управленіи, юстиціи и общественной администраціи водворялся порядокъ; парламентъ — высшая судебная инстанція — снова былъ возстановленъ въ Парижѣ; упорядоченіе финансовъ позволило принять важную мѣру: учрежденіе постояннаго войска. Наемныя войска были величайшимъ зломъ; съ минованіемъ надобности въ нихъ, при мирѣ или перемиріи, ихъ часто нельзя было распустить, потому что имъ или не было выплачено жалованье, или же они сами не находили для себя отставку выгодною. Такъ было, какъ мы уже видѣли, въ Италіи и Германіи. При первой возможности, правительства старались сбыть въ сосѣднія государства эти шайки, освирѣпѣвшія отъ войны и становившіяся еще болѣе опасными отъ временного бездѣйствія. Сверхъ того, онѣ представляли всегда сподручное орудіе для всякаго честолюбиваго магната, возстававшаго противъ законной власти или желавшаго что-нибудь съ нея сорвать. Было лишь одно средство избавить населеніе отъ бѣдствій, вносимыхъ полчищами этихъ военныхъ батраковъ, остававшихся безъ работы; и это средство заключалось въ предоставленіи правительству, государству, одному имѣть право содержать войска. Это и произошло во Франціи (1439). Магнаты, прелаты и бароны отказались отъ права имѣть войска безъ королевскаго разрѣшенія и вводить военную повинность между своими подданными. Съ этихъ поръ, въ мирное время, должны были состоять лишь королевскія «уставныя войска», которымъ платилъ жалованье король; онъ назначалъ и ихъ командировъ. Вначалѣ это была небольшая армія, всего въ пятнадцать ротъ, каждая изъ сотни «копій» (lances), или отрядовъ — въ каждомъ изъ нихъ по шести солдатъ. Всего, слѣдовательно, было только девять тысячъ человѣкъ, но важно было сдѣланное начало, а съ введеніемъ этого постояннаго войска, бывшаго дѣйствительнымъ благодѣяніемъ для страны, былъ сообщенъ рѣшительный перевѣсъ монархической идеѣ во Франціи. Корона располагала правильными доходами, собираемыми при посредствѣ приставленныхъ ею на то служащихъ; она имѣла вооруженную силу, начальники которой подчинялись тоже только ей; города и духовенство были подчинены ей и связаны съ нею, потому что ихъ интересы могли охраняться всего вѣрнѣе при твердой національной государственной власти. Рѣшеніе послѣдней, высшей судебной инстанціи произносилось отъ имени короны. Этотъ новый—новый относительно и въ извѣстныхъ предѣлахъ—принципъ всеобъемлющаго монархическаго строя получилъ дальнѣйшее развитіе при трехъ слѣдующихъ короляхъ: Людовикѣ XI (1461—83), Карлѣ VIII (1483 — 1498) и Людовикѣ XII (1498—1515).

Людовикъ XI и Карлъ Смѣлый.

Сила и самостоятельность высшаго дворянства были еще весьма значительны, соотвѣтствуя достигнутому, до этой эпохи, развитію общественнаго и государственнаго порядка во всей Европѣ, и французской коронѣ пришлось вести свою послѣднюю борьбу противъ могущественнѣйшаго изъ ея вассаловъ, перваго изъ двѣнадцати пэровъ Франціи, герцога Бургунд-

скаго. Блестящій придворный штатъ герцога Карла Смѣлаго, наслѣдовавшаго своему отцу Филиппу Доброму (1467), какъ то было упомянуто нами въ общемъ ходѣ нѣмецкихъ дѣлъ, затмевалъ собою вполнѣ скудный дворцовый обиходъ Людовика XI, скромная фигура котораго тоже терялась передъ величавымъ обличьемъ герцога. Но какъ ни блестяща была роль Карла, она была сыграна скоро, и Людовикъ нашелъ себѣ союзниковъ. Побѣды при Грансонѣ, Муртенѣ, Нанси, одержанныя Швейцарцами надъ Карломъ, послужили на пользу собственно Французскому королю. По договору 1474 г., онъ обезпечилъ себѣ на будущее, за хорошія деньги, помощь швейцарской пѣхоты; по второму Аррасскому миру (1482), Карлъ, вмѣстѣ съ рукою внучки своей, Маргариты Австрійской, помолвленной за Французскаго дофина, уступалъ Франціи самыя подходящія для нея изъ бургундскихъ земель; Неаполь и Провансъ тоже достались Людовику, послѣ того, какъ графъ Карлъ дю-Мэнъ, законный наслѣдникъ послѣдняго изъ Анжу (Рене II), за день до своей смерти, назначилъ Французскаго короля своимъ наслѣдникомъ (1481). Умирая въ августѣ 1483 г., въ уединеніи своего замка Плесси близъ Тура, Людовикъ оставилъ своему несовершеннолѣтнему сыну Карлу государство пріумноженнымъ и укрѣпленнымъ всякими средствами,—часто несовмѣстными съ королевскимъ и рыцарскимъ духомъ, но искусно и хитро проведенными во всѣхъ мелочахъ, съ большою послѣдовательностью и всегда цѣлесообразно. Опасности, которыя могли снова угрожать, вслѣдствіе малолѣтства короля, развитію монархизма, миновали благополучно. Собраніе сословныхъ представителей въ Турѣ (1484) выказало себя смѣлѣе на словахъ, нежели

Бронзовая медаль съ изображеніемъ Людовика XII, короля Французскаго, и Анны Бретанской (вдовы Карла VIII), его супруги. Чеканена въ 1499 г. Хранится въ библіотекѣ въ Мецѣ.

Судя по надписи кругомъ, чеканена въ г. Ліонѣ, по поводу бракосочетанія Людовика и Анны; они изображены, повидимому, въ свадебномъ нарядѣ.

въ принятыхъ имъ рѣшеніяхъ; вооруженное возстаніе двоихъ, оставшихся еще въ силѣ магнатовъ, герцоговъ Бретанскаго и Орлеанскаго, было подавлено регентшей, энергическою дочерью Людовика XI, Анной, съ помощью швейцарскихъ войскъ. Въ 1488 г. умеръ герцогъ Бретанскій, послѣ чего дочь его, отдавая свою руку Карлу VIII,—разумѣется, не добровольно,—принесла съ собою въ даръ Французской коронѣ и свое герцогство.

Людовикъ XII, король Французскій.

Съ миніатюры, хранящейся въ національной библіотекѣ въ Парижѣ. (По Лакруа).

Придя въ годы, Карлъ совершилъ походъ въ Италію для заявленія своихъ правъ на Неаполь, какъ на наслѣдіе послѣ дома Анжуйскаго. Завоеваніе не представляло затрудненій, и въ маѣ 1495 г. онъ вступилъ въ Неаполь; но удержать городъ за собою оказалось не такъ легко, и уже въ слѣдующемъ году король Аррагонской династіи, Фердинандъ II, воротился снова въ Неаполь. Карлъ умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ (1498), не успѣвъ попытаться поправить дѣло вторымъ походомъ; по бездѣтности его, Французская корона перешла къ его ближайшему родственнику, герцогу Орлеанскому Людовику XII.

Людовикъ XII.

При своемъ сравнительно непродолжительномъ царствованіи, Людовикъ XII оставилъ по себѣ славную память. Онъ не успѣлъ, правда, уладить итальянскихъ неурядицъ при своей жизни, но водворилъ во вну-

треннихъ дѣлахъ желанный прочный порядокъ и съумѣлъ пріобрѣсть довѣріе всѣхъ классовъ населенія, справедливо уравновѣшивая ихъ взаимные интересы. Не стремясь къ еще большей власти, онъ не вмѣшивался въ духовные выборы и предоставлялъ полный просторъ парламентамъ въ дѣлахъ правосудія. Лично слѣдя за поступленіями и расходами, онъ успѣлъ, несмотря на войну съ Италіей, понизить поголовный налогъ, взимаемый, сообразно доходамъ лицъ, государственными учрежденіями и въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ сословными представителями; при этомъ была введена тоже правильная отчетность. Посторонніе наблюдатели, какъ, напр., итальянскіе послы, отзывались весьма благопріятно о тогдашнемъ положеніи Французской монархіи по сравненію съ тѣмъ, что происходило въ ихъ отечествѣ, постоянно раздираемомъ борьбою противорѣчивыхъ элементовъ: наслѣдственная власть была непоколебимо установлена во Франціи, но, при этомъ, разумно ограничена дѣльными законами и парламентами; различныя сословія, высшее и низшее дворянство, ничѣмъ не стѣснялись въ своихъ сферахъ, но и переходъ изъ одного сословія въ другое былъ частъ. Положеніе духовенства казалось наблюдателямъ болѣе обезпеченнымъ, менѣе подверженнымъ нападкамъ, нежели въ Италіи.

Англія съ 1422 г.

Въ Англіи, напротивъ того, со смертью Генриха V (1422), наступило неспокойное время. Полный силъ король умеръ, не осуществивъ на дѣлѣ своего титула: «король Франціи и Англіи» и оставя престолъ ребенку Генриху VI (1422—1461). Дяди малютки, герцогъ Глочестеръ и герцогъ Бедфордъ, правили дѣлами, и Бедфордъ, какъ старшій, велъ войну во Франціи, сосредоточившую на себѣ преимущественно вниманіе націи. Мы указали уже на поворотъ счастія тамъ, въ 1429 г. Регентъ умеръ въ Руанѣ, совершивъ все возможное для удержанія завоеваннаго, даже въ то время, когда примиреніе короля съ герцогомъ Бургундскимъ лишило Англію незамѣнимаго союзника и привело ея дѣла въ безнадежное положеніе. Опасность грозила и со стороны Шотландіи: шотландскія войска служили Французскому королю. Въ 1450 г. борьба окончилась тѣмъ, что Карлъ VII возвратилъ подъ свою власть всю французскую землю и даже давнія англійскія владѣнія: Гюенну и Нормандію.

Англія при Генрихѣ VI. 1422—1461.

Замѣчено совершенно справедливо, что такія событія были счастіемъ, какъ для Франціи, такъ и для Англіи: обѣ страны обособились, именно черезъ это, но непосредственнымъ слѣдствіемъ неудачи великаго предпріятія было ослабленіе королевской власти въ Англіи и поводомъ къ захвату ея для честолюбивыхъ магнатовъ. Въ 1447 г. жертвою этихъ происковъ сталъ герцогъ Глочестерскій; онъ удерживался съ трудомъ противъ враждебныхъ вліяній, дѣйствовавшихъ на слабаго, безхарактернаго короля, и былъ нелюбимъ. Онъ былъ арестованъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, но, еще до начала процесса, былъ найденъ мертвымъ въ своей постели. Это было лишь вступленіемъ въ рядъ кровавыхъ дѣлъ. Герцогъ Суффолькъ, пользовавшійся милостями короля и властвовавшей надъ нимъ супруги его, Маргариты Анжуйской, занялъ мѣсто Глочестера, но палъ жертвою народной мести, послѣ того какъ успѣлъ спастись отъ ярости нижней палаты (1451). Выступала уже партія, оспа-

ривавшая право короля, требуя передачи короны герцогу Ричарду Іоркскому. Именно въ это время (1453) у короля родился сынъ, который оказался столь слабымъ физически и умственно, что былъ, очевидно, неспособенъ царствовать; партія Іорка настояла тогда на передачѣ правленія герцогу, какъ «Протектору» (1454). Пока власть переходила быстро съ одной стороны на другую, раздѣленіе на партію Іорка и партію Ланкастера, «Бѣлую и Алую розы», охватывало бо́льшіе и бо́льшіе круги населенія. Наступило примиреніе, отсрочившее на время междоусобіе, но скоро война вновь разгорѣлась. Права герцога Іоркскаго могли быть основательны: Генрихъ V, изъ дома Ланкастеровъ, достигъ престола лишь вслѣдствіе революціи; но все же эта династія держалась уже шестьдесятъ лѣтъ, что давало и ей свои права. Но собственно было и мало вопроса о правахъ. Лѣтомъ 1460 г. партія Іорка одержала верхъ: королева съ принцемъ бѣжала, король былъ въ рукахъ побѣдителей и долженъ былъ созвать парламентъ, который рѣшилъ споръ тѣмъ, что корона была оставлена за Генрихомъ V лишь пожизненно, а по смерти его должна была перейти къ герцогу и его потомкамъ. Но сила ланкастерцевъ не была еще сломлена; въ томъ же году, вождь іоркской партіи, самъ герцогъ, былъ взятъ въ плѣнъ непріятельскими войсками при неудачномъ сраженіи и немедленно обезглавленъ. Королева выиграла еще одну битву и выручила своего супруга,—простую пѣшку въ этой упорной борьбѣ. Но сынъ герцога, графъ Марчскій, Эдуардъ, снова одержалъ верхъ надъ противниками съ помощью войскъ графа Уарвика, главы партіи, и вступилъ, въ февралѣ 1461 г., въ Лондонъ, гдѣ и былъ провозглашенъ королемъ, подъ именемъ Эдуарда IV.

Война Алой и Бѣлой Розы.

Онъ царствовалъ съ 1461 по 1483 г. Борьба между «Бѣлой и Алой Розой» продолжалась среди перемѣннаго счастья, предательствъ и всякихъ ужасовъ. Въ 1463 г. Эдуардъ настолько одолѣлъ своихъ враговъ, что королева Маргарита должна была вмѣстѣ съ принцемъ искать убѣжища за моремъ, во Фландріи; въ 1464 г. несчастный король Генрихъ VI былъ захваченъ Эдуардомъ и заключенъ въ Тоуэръ. Въ теченіе нѣкотораго времени Эдуардъ могъ наслаждаться утѣхами своего сана; дѣла онъ предоставилъ Невилямъ и Водвилямъ, семьѣ графа Варвика и родственникамъ своей жены; но ихъ взаимныя пререканія повели къ новымъ смутамъ и мятежамъ,—и случилось нѣчто неожиданное: графъ Варвикъ, который возвелъ Эдуарда на престолъ, примирился со своимъ заклятымъ врагомъ, королевою Маргаритой, которую онъ встрѣтилъ въ Амбуазѣ, при дворѣ Людовика XI (1470). Дѣла приняли новый оборотъ: Варвикъ появился въ Англіи во главѣ ланкастерскаго войска. Король Эдуардъ, не успѣвъ вооружиться, бѣжалъ въ Голландію; Варвикъ и герцогъ Кларенсъ, братъ Эдуарда, прибывъ въ Лондонъ, освободили Генриха VI изъ Тоуэра и онъ былъ снова провозглашенъ королемъ. Но Эдуардъ, собравъ на бургундскія деньги военныя силы на материкѣ, высадился въ Англіи, гдѣ къ нему поспѣшили на помощь его сторонники; братъ его Кларенсъ, совершая новое предательство, велѣлъ своимъ приколоть себѣ бѣлыя розы. У Барнета, къ сѣверу отъ Лондона, произошла битва между Эдуардомъ и войсками Генриха, которыми командовалъ Варвикъ. Побѣда осталась

за Іоркомъ, самъ графъ Варвикъ погибъ въ сраженіи, Эдуардъ снова сталъ королемъ, а Генрихъ VI былъ вторично заключенъ въ Тоуэръ. Въ день битвы прибыла въ Плимутъ и королева Маргарита. Ланкастерская партія попытала еще разъ счастья съ оружіемъ въ рукахъ, при Тьюксбюри, но съ такимъ же неуспѣхомъ: сама королева и ея сынъ Эдуардъ были взяты въ плѣнъ, при чемъ принцъ былъ тотчасъ убитъ. Нѣсколько недѣль спустя, въ тотъ самый день, когда побѣдитель вступилъ въ Лондонъ, король Генрихъ умеръ въ Тоуэрѣ: послѣ убійства наслѣднаго принца, было найдено своевременнымъ устранить и его. Въ теченіе нѣкотораго времени казалось вѣроятнымъ, что Эдуардъ IV возобновитъ національную войну съ Франціей. При недостаточности суммъ, ассигнованныхъ на это дѣло парламентомъ, онъ прибѣгнулъ даже къ новой финансовой операціи,—именно къ добровольнымъ пожертвованіямъ «беневоленціямъ», со стороны богатыхъ лицъ, которыя приглашались къ тому личными просьбами короля и не осмѣливались, разумѣется, его ослушаться. Однако, герцогъ Бургундскій, на котораго онъ разсчитывалъ, истощилъ свои вспомогательныя средства, самъ Эдуардъ не былъ особенно воинственъ и Людовикъ XI, при одномъ свиданіи съ нимъ, успѣлъ склонить его на миръ (1475). Въ 1478 г. герцогъ Кларенсъ, снова разссорившійся съ королемъ, умеръ въ Тоуэрѣ, безъ сомнѣнія, насильственной смертью. Въ 1483 г. скончался и самъ король Эдуардъ IV, которому не было въ то время и сорока двухъ лѣтъ.

Потокъ крови и грязи, которымъ представляется исторія Англіи,—лучше сказать, англійской короны, въ эту эпоху несся далѣе. Эдуарду IV наслѣдовалъ его двѣнадцатилѣтній сынъ, Эдуардъ V; старшій членъ королевскаго дома, Ричардъ, герцогъ Глочестерскій, съумѣлъ стать во главѣ правленія, подъ именемъ Протектора. Обладая дьявольской изворотливостью, способный на грубѣйшее насиліе и на самую тонкую хитрость, онъ казнилъ самыхъ надежныхъ друзей вдовы и дѣтей Эдуарда IV, послѣ чего перевезъ и другого принца, младшаго брата Эдуарда V, въ Тоуэръ, бывшій и дворцомъ, и государственною тюрьмою. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ заявилъ притворное сомнѣніе относительно законнорожденности обоихъ дѣтей, оправдывая такое дерзкое предположеніе извѣстнымъ развратнымъ образомъ жизни короля, и вступилъ на престолъ (1483), облегчивъ себѣ этотъ захватъ посредствомъ подложнаго выраженія народной воли въ его пользу. Остальное слѣдовало уже само собой: не трудно было найти злодѣя, который умертвилъ обоихъ принцевъ въ Тоуэрѣ, въ угоду новому королю. Послѣ неудачной попытки къ возстанію, поднятому еще во имя убитыхъ уже принцевъ, Ричардъ III созвалъ парламентъ, который призналъ права его и его сына Эдуарда. Этотъ юноша умеръ, прежде чѣмъ тиранъ успѣлъ выполнить свое предположеніе—женить его на дочери Эдуарда IV, Елисаветѣ. Ричардъ не усомнился тогда предложить свою руку этой принцессѣ, хотя его законная жена была еще жива. Она умерла вскорѣ, но бракъ все же не состоялся. Ланкастерская партія выставила противъ кровожаднаго злодѣя своего претендента, графа Генриха Ричмондскаго, который, впрочемъ, считался вовсе несправедливо отпрыскомъ Ланкастеровъ: онъ былъ сынъ вдовы Генриха V, Катерины

Французской, отъ ея второго брака съ Оуэномъ Тюдоръ, сыномъ своднаго брата Генриха VI. Графъ, найдя поддержку во Франціи, высадился въ одной изъ гаваней юго-западнаго берега (августъ 1485). Арміи встрѣтились при Босвортѣ, въ графствѣ Лейчестеръ.

Домъ Тюдоровъ. Генрихъ VII и Тюдоры. 1485.

Ричардъ III въ этой битвѣ былъ убитъ и такъ закончилъ свою позорную жизнь. Побѣдитель его прибылъ въ Лондонъ и подтасовыванья его правъ не нашли возраженій: онъ былъ признанъ за соединяющаго въ себѣ притязанія обоихъ домовъ, Іорка и Ланкастера, и принялъ имя Генриха VII. Послѣ признанія предполагаемыхъ его правъ парламентомъ, онъ женился на Елисаветѣ, дочери Эдуарда IV. Престолъ его не разъ осаждали самозванцы, замыслы которыхъ облегчались таинственностью, съ какою исчезли со свѣта сыновья Эдуарда IV. Но, въ общемъ, его царствованіе (1485—1509) протекло спокойно и благотворно. Ему удалось основать, съ помощью парламента, родъ особаго судебнаго учрежденія или отдѣльнаго вѣдомства, такъ-называемую «Звѣздную Палату», снабженную особыми полномочіями и имѣвшую цѣлью препятствовать заговорамъ и приготовленіямъ къ мятежу и къ ниспроверженію существующаго правленія. Эта палата имѣла право налагать кары, не придерживаясь установленныхъ законоположеній. Генрихъ умѣлъ тоже избѣжать недостатка въ деньгахъ,—употребляя, разумѣется, сомнительныя средства на это,—такъ что, въ послѣднія тринадцать лѣтъ своего царствованія, онъ не нуждался въ созваніи парламента, что было ему тѣмъ легче, что онъ воздерживался отъ обширныхъ заграничныхъ предпріятій. Онъ не возобновлялъ притязаній Англіи на французскую корону; французскій королевскій домъ оказывалъ ему поддержку противъ вдовы Карла Смѣлаго, Маргариты, принцессы изъ дома Іоркъ, выставившей послѣдняго и самаго опаснаго претендента, Перкина Варбекъ, подъ именемъ Ричарда Іоркъ, младшаго сына Эдуарда IV. Генрихъ VII, какъ тонкій политикъ, укрѣпилъ свое положеніе двумя брачными союзами: онъ женилъ своего наслѣдника, Артура, на Екатеринѣ, меньшой дочери Фердинанда Католическаго, короля Арагонскаго, а дочь свою, Маргариту, выдалъ за короля Шотландскаго Іакова IV. Смерть шестнадцатилѣтняго принца расторгла первый изъ этихъ браковъ, вскорѣ по его заключеніи или совершеніи, но оба короля, Генрихъ и Фердинандъ, были такъ довольны своимъ союзомъ, направленнымъ противъ Франціи, что молодая вдова была тотчасъ же обручена съ новымъ принцемъ Уэльскимъ, вторымъ сыномъ короля, Генрихомъ. Для этого требовалось только разрѣшеніе папы, которое Юлій II и выдалъ безъ затрудненія. Самъ Генрихъ VII, по смерти своей жены (1503), помышлялъ о вступленіи въ новый бракъ по политическому расчету, но умеръ среди этихъ плановъ, въ пятидесятитрехлѣтнемъ возрастѣ (1509). Онъ оставилъ своему сыну Генриху уже вполнѣ окрѣпшій престолъ. Междоусобіе было прекращено окончательно.

Англія въ 1500 году.

Было бы весьма грустно, если бы весь итогъ исторіи великой англійской націи въ XV столѣтіи заключался въ одной этой кровавой и губительной, бурной борьбѣ за верховную власть. Но этого нельзя сказать, какъ относительно этой, такъ и прочихъ эпохъ въ жизни этого народа.

Всѣ сказанныя распри касались лишь косвенно большинства населенія: онѣ порѣшались родовитыми семьями съ ихъ вассалами и наемниками. Самыя битвы не были особенно кровавыми, и если населеніе Англіи мало увеличилось въ XV вѣкѣ и у перваго изъ Тюдоровъ было не болѣе трехъ милліоновъ подданныхъ, то война обѣихъ Розъ тутъ почти ни при чемъ. Страна преуспѣвала вообще, хотя важнѣйшіе изъ этихъ успѣховъ завоевывались ею такъ постепенно и медленно, что опредѣлить самое время ихъ очень трудно. Такъ, напримѣръ, крѣпостное право было уже, фактически, какъ бы отмѣнено; сословія сблизились вообще. Кровь обращалась быстрѣе въ общественномъ организмѣ: лица средняго сословія пріобрѣтали земельную собственность и переходили въ дворянство; знать и дворяне видѣли себя вынужденными приняться за мѣщанскіе промыслы. Сверхъ того, въ Англіи выработалось правило, весьма удобное для страны, потому что оно создало въ ней аристократію, которая осталась во главѣ народа, не обращаясь, однако, въ касту, и сохранила, напротивъ того, тѣсную связь съ народомъ, съ «commonalty»: аристократическій титулъ передавался одному первенцу въ семьѣ, между тѣмъ какъ прочія дѣти носили лишь фамильное имя, не имѣя никакого превосходства по званію надъ среднимъ сословіемъ. Простонародье возвышалось: еще при Генрихѣ VII (1500) былъ изданъ законъ, обязывавшій всякаго простого человѣка, имѣвшаго болѣе сорока фунтовъ стерлинговъ дохода, переходить въ рыцарское сословіе; большія побѣды надъ Французами были одержаны преимущественно благодаря искусству стрѣлковъ изъ лука, грознымъ отрядамъ англійскихъ однодворцевъ. Итальянскіе наблюдатели замѣчаютъ и здѣсь большую перемѣну въ военномъ дѣлѣ: исчезновеніе наемниковъ, «*dei signori chiamati Militi*», и замѣну ихъ постояннымъ войскомъ; междоусобія оказались губительными для старой аристократіи, порѣдѣвшіе ряды которой должны были пополняться повышеніемъ новыхъ фамилій; но государственный строй развился такъ удачно, что ни одинъ изъ трехъ элементовъ,—монархическаго, аристократическаго, демократическаго, — не могъ имѣть рѣшительнаго перевѣса. Корона не потеряла ни одного изъ своихъ существенныхъ правъ, ни одной прерогативы своей; но власть короля, по выраженію одного высокопоставленнаго слуги Генриха VI, заимствовавшаго слово у Аристотеля, была «политическою»; это было верховенство, ограниченное «политическими законами», и это къ ея собственному облегченію. Аристократія сохранила свое положеніе, но въ чисто-политическихъ вопросахъ она имѣла рѣшающій голосъ въ парламентѣ и тайный королевскій совѣтъ не могъ переступать передъ ней своей весьма ограниченной сферы дѣйствій. Наконецъ, представители общинъ выражались весьма униженно при своихъ представленіяхъ, жалобахъ, согласіяхъ или отказахъ, но, во всѣхъ денежныхъ вопросахъ, они имѣли первый голосъ, починъ; точно и до мельчайшей подробности опредѣляютъ они первому изъ Тюдоровъ его придворный штатъ. Эти члены палаты общинъ не подлежатъ задержанію въ продолженіе сессій, за исключеніемъ лишь случаевъ уголовныхъ, и пользуются свободою рѣчи, послѣ того какъ *спикеръ*, при открытіи парламента, испроситъ на то позволеніе, припадая къ стопамъ короля. Англійскій подданный хвалился

болѣе всего передъ жителями странъ, управлявшихся по римскому кодексу, своею судебною частью: согласно общему праву, приговоръ надъ обвиняемымъ произносили присяжные, двѣнадцать нравственно безупречныхъ людей, принадлежащихъ къ его національности и его сословію.

Направленіе, принятое прогрессомъ въ этомъ вѣкѣ, послѣ неудачи церковной реформы, касалось въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, жизни внѣшней. Весьма характеристиченъ для подобныхъ эпохъ тотъ фактъ, что руководящіе классы, допускающіе въ своей средѣ всякую вольность и крайнюю степень распущенности, возстаютъ съ извѣстною яростью противъ всякаго самостоятельнаго мышленія, всякаго противорѣчія господствующимъ церковнымъ взглядамъ и ихъ опорѣ—невѣжеству массъ. Ересь Виклифа была подавлена, достойный епископъ Регинальдъ Пикокъ, осмѣлившійся снова проявить реформатскія идеи, долженъ былъ торжественно отречься отъ нихъ (1457) и исчезъ въ какомъ-то монастырѣ. Другія научныя изслѣдованія были въ ходу, напримѣръ, отысканіе «философскаго камня»—искусства превращать простыя вещества въ золото; вмѣстѣ съ тѣмъ развивались классическія познанія, издавна занесенныя на островъ изъ Италіи, а теперь, послѣ злополучнаго событія 1453 года, распространяемыя еще ревностнѣе бѣжавшими въ Европу Греками. Регентъ, герцогъ Глочестеръ, короли Эдуардъ IV и Генрихъ VII оказывали покровительство такимъ ученымъ. Школы тоже разводились съ большимъ усердіемъ, основаннымъ на надеждѣ искоренить, съ помощью ихъ, слѣды виклифизма. Такъ были основаны въ Оксфордѣ «Коллегія всѣхъ душъ» (1438), «Магдалининская Коллегія» (1457); въ Кембриджѣ «Королевская Коллегія»; въ Итонѣ, близъ Виндзора, знаменитая «Итонская школа». Даже кровожадный тиранъ, Ричардъ III, почтилъ оба университета своимъ посѣщеніемъ и не отказывалъ въ покровительствѣ ученикамъ Итонской школы. Основывались, въ скромныхъ размѣрахъ, и библіотеки; въ семидесятыхъ годахъ была положена основа и новому искусству книгопечатанія: Уильямъ Кекстонъ первый завелъ печатню близъ Уэстминстерскаго аббатства.

Но мы не встрѣчаемъ великихъ именъ. Литература служила роскоши, пошлому времяпрепровожденію, заботилась о забавѣ знати и богачей, раздѣляя ихъ расположеніе наравнѣ съ придворными шутами, устроителями маскарадовъ, пантомимъ и аллегорій, и была далеко опережена музыкой, преобладаніе которой характерно для эпохи и народнаго быта, потому что она допускаетъ обширный диллетантизмъ, пробуждаетъ подобіе умственнаго интереса, но не требуетъ глубокаго и серьезнаго развитія мысли. Народное благосостояніе возрастало; торговля распространялась, несмотря на препятствія, порождаемыя войнами; но настоящая морская сила, военный флотъ, была въ упадкѣ. Страна богатѣла въ производствѣ сырья, потому что оставалась пощаженной отъ тѣхъ опустошеній, которыя вносятъ чужеземныя непріятельскія нашествія. Генрихъ VII, знавшій цѣну деньгамъ, весьма покровительствовалъ морской торговлѣ, а именно теперь совершались на торговомъ поприщѣ событія, которыя выставили во всемъ блескѣ несравненное положеніе Англіи. Лавры, которые стяжали себѣ португальскіе и испанскіе короли, равно какъ золо-

тыя жатвы, созрѣвавшія, повидимому, для нихъ въ неизвѣданныхъ дотолѣ странахъ, заманили и короля Генриха въ сферу новыхъ открытій и торговыхъ экспедицій.

4. Государства Пиренейскаго полуострова и вѣкъ великихъ открытій.

Португалія. Испанія.

Торговыя сношенія древнихъ простирались не далѣе Китая и предѣловъ южнаго міра, Цейлона и Явы. Аравитяне поддержали и усилили эти сношенія, при чемъ Александрія осталась главнымъ складочнымъ рынкомъ общей торговли, въ которой скоро приняли участіе и итальянскіе приморскіе города. Нашествіе Монголовъ въ XIII столѣтіи не измѣнило ничего въ этомъ порядкѣ вещей; напротивъ того, именно въ это время, нѣкоторые миссіонеры и путешественники, какъ знаменитые венеціанцы (около 1270) Маффіо и Николо Поло, и сынъ послѣдняго, Марко Поло, нашли путь въ Катай или Восточную Азію. Въ китайскихъ гаваняхъ встрѣчаются Аравитяне, въ Пекинѣ—францисканскіе монахи: тутъ, еще въ 1342 году, до низверженія отличавшихся вѣротерпимостью монгольскихъ царей, раздавался звонъ христіанскихъ колоколовъ. Дѣйствительныя очертанія Африки были еще неизвѣстны и потому всѣ стремленія къ расширенію торговли имѣли въ виду побережье Средиземнаго моря, а съ береговъ «Средиземнаго моря» распространялись уже въ глубь европейскаго материка. Первый и весьма рѣшительный ударъ это торговлѣ былъ нанесенъ Османами. Пораженіе коснулось, прежде всего, Дона и Чернаго моря, затѣмъ Сиріи, Александріи, Чермнаго и Средиземнаго морей, давъ этимъ внѣшній поводъ къ отысканію новыхъ путей сообщенія. Разныя преданія, легенды, морскія сказки, упоминали о какихъ-то «Благословенныхъ островахъ», лежавшихъ въ Атлантикѣ; но они скрывались за «Моремъ Тьмы»,—какъ называли Мавры Атлантическій океанъ,—окутанные его туманами. Исполинскія изображенія Иракла или Александра,—статуи Искендера,—должны были стоять на европейскомъ и африканскомъ берегу по сторонамъ пролива, для предостереженія путниковъ отъ дальнѣйшаго странствія въ неизвѣданное море.

Вѣкъ открытій.

Но произошло знаменательное: въ началѣ XIV столѣтія, итальянскіе моряки,—Венеціанцы и Генуэзцы,—не усомнились пройти за эти ворота и завязали непосредственныя сношенія съ Фландріей. Такой морской успѣхъ не могъ не подѣйствовать внушительно на прибрежное къ Атлантикѣ государство: Португалію. Лиссабонъ, столица этого королевства, стоящій при устьѣ Таго, пріобрѣлъ огромное значеніе въ качествѣ попутной станціи. Къ этому или нѣсколько позднѣйшему времени относится открытіе вновь Канарскихъ острововъ: въ серединѣ столѣтія, мореходы уже имѣли частыя сношенія съ гуахами или туземцами, среди которыхъ замѣчались слѣды нѣкогда высокаго развитія, которое постепенно заглохло, при полномъ отчужденіи острововъ отъ остального міра. Сами гуахи трогательно заявляли о томъ, что «Богъ помѣстилъ ихъ здѣсь, здѣсь оставилъ, а потомъ и забылъ о нихъ». Торговыя сношенія завязались; на всемъ архипелагѣ было введено христіанство, а начало XV столѣтія приноситъ уже намъ извѣстія объ африканскомъ материкѣ, знакомя со стра-

нами, лежащими далеко за предѣлами міра, который былъ извѣстенъ древнимъ. Это описаніе содержится въ дневникѣ одного монаха, котораго (1404) завлекла въ глубь Африки своеобразная фата-моргана, господствовавшая и позднѣе въ продолженіе Среднихъ вѣковъ: то были разсказы о какомъ-то архіепископѣ Іоаннѣ, христіанскомъ духовномъ властителѣ, проживавшемъ въ отдаленной, малоизвѣстной, а потому и ревностно отыскиваемой странѣ.

XV вѣкъ. Генрихъ-Мореплаватель.

Настоящимъ духовнымъ вождемъ дальнѣйшихъ открытій былъ третій сынъ короля Іоанна I, царствовавшаго съ 1383 по 1433 г. въ Португаліи, инфантъ Генрихъ-Мореплаватель. Два португальскіе дворянина, случайно занесенные бурей въ открытое море, нашли группу Мадейрскихъ островов. Сюда перевезли виноградную лозу съ Кипра, сахарный тростникъ изъ Сициліи. Въ 1430 г. былъ открытъ одинъ изъ Азорскихъ островов, въ 1434 г.—обогнутъ мысъ Бохадоръ, страшный своими бурунами, и по другую сторону его былъ водруженъ крестъ—символъ христіанскаго владычества, мало соотвѣтствовавшій усиливавшейся охотѣ за людями и торгу ими; между тѣмъ, именно этотъ торгъ былъ побудительнымъ поводомъ ко всѣмъ морскимъ экспедиціямъ. Ложное мнѣніе о томъ, что подъ низшими широтами вертикальные лучи солнца истребляютъ всякую растительность (предразсудокъ этотъ былъ вызванъ Сахарой), начинало исчезать: сказанная охота на людей, выгода отъ которой (по наивному выраженію одного лѣтописца) «ниспосылалась Господомъ въ награду за понесенные на Его пользу труды», завлекала смѣльчаковъ далѣе и далѣе на югъ. Въ 1445 г. Диницъ Діацъ, самъ того не замѣтивъ, проплылъ за устье Сенегала къ Капъ-Верде, и старинное предположеніе о необитаемости жаркаго пояса исчезло при видѣ пальмъ, вѣнчавшихъ высоты этого «Зеленаго мыса». Въ 1446 году Нуньо Тристьяо умеръ отъ отравленной стрѣлы туземца по ту сторону Ріо-Гранде; въ продолженіе 1448—81 г. были постепенно открыты португальскими каравелами всѣ девять Азорскихъ островов, образующіе цѣпь, длиною въ 85 миль. При королѣ Альфонсѣ V (1438 — 1481) это рвеніе нѣсколько ослабѣло; въ 1460 г. умеръ инфантъ Генрихъ; совершенныя по его почину и при его поддержкѣ открытія доходили до 9 градусов сѣверной широты. Донъ-Хоао, Іоаннъ VI (1481—1495), снова оживилъ дѣло; въ одной изъ снаряженныхъ имъ экспедицій съ цѣлью открытій (1484) находился и нѣмецкій космографъ, Мартинъ Бегаймъ изъ Нюренберга. Особенно знаменателенъ 1486 г. Пока португальскіе посланцы разыскивали фантастическаго архіепископа Іоанна въ Абиссиніи и Индіи, два корабля подъ командою Бартоломея Діаца отправились извѣстнымъ уже путемъ на югъ, вдоль западнаго берега Африки; около 20 град. южной широты, буря загнала ихъ далеко на юго-западъ; они повернули на востокъ, ища твердой земли, взяли курсъ къ сѣверу и снова не нашли ничего: оказывалось, что они достигли южной оконечности Африки и обогнули ее. Діацъ вернулся назадъ неохотно; мысъ Бурный, «Капо-Торментозо», какъ прозвали мореходы эту южную африканскую оконечность, былъ переименованъ королемъ въ «Капо-да-бонъ-Есперанца», мысъ Доброй Надежды; но онъ былъ посѣщенъ вторично лишь черезъ десять лѣтъ, когда былъ уже проло-

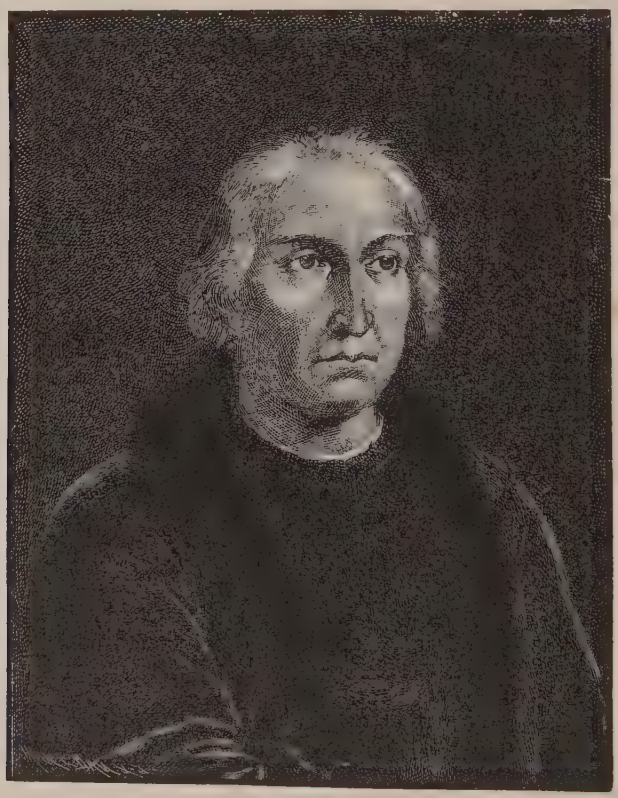
женъ путь къ новымъ открытіямъ, богатымъ своими послѣдствіями, но еще не вполнѣ оцѣненный по всему своему достоинству.

Еще ранѣе, именно до 1484 г., одинъ генуэзецъ, Христофоръ Колумбъ, предлагалъ свои услуги королю Хоао, при удивительномъ проектѣ — открыть новый путь въ Катай, какъ называли тогда богатыя области Восточной Азіи: путь этотъ долженъ былъ пролегать съ востока на западъ, по Атлантическому океану. Родившись (вѣроятно) въ 1446 г., въ семьѣ ткача шерстяныхъ издѣлій, Колумбъ посвятилъ себя съ раннихъ лѣтъ мореходству; побывалъ уже въ Левантѣ, а затѣмъ доплывалъ и до Исландіи; однако нѣтъ свѣдѣній о томъ, чтобы онъ тамъ слышалъ полуискаженныя преданія о совершенныхъ нѣкогда морскихъ походахъ викинговъ въ страны, лежавшія далеко отсюда на Западъ. Но ему, какъ опытному мореходу, казалось вполнѣ сбыточнымъ достиженіе восточныхъ странъ, направляясь на западъ: ученый соотечественникъ его, флорентинецъ Тосканелли, заявлялъ подобную же мысль въ 1474 году. Колумбъ узналъ въ Лиссабонѣ, что и другіе раздѣляли такое предположеніе, но война съ Кастиліей помѣшала выполнить полезный проектъ. Королевская коммиссія, которой было поручено его разсмотрѣть, нашла его слишкомъ неосмысленнымъ: онъ противорѣчилъ даннымъ тогдашней науки, связанной вѣковыми традиціями. Колумбъ, съ сыномъ своимъ Діего, покинулъ Португалію въ 1484 г. и отправился въ Испанію. Колумбъ.

Въ судьбахъ испанскихъ государствъ наступилъ, въ XV вѣкѣ, рѣшительный переворотъ вслѣдствіе одного брака: Донья Изабелла Кастильская, сестра Генриха IV (1454—1474), при которомъ государство было страшно потрясено продолжительною междоусобицей, вступила въ супружество съ Арагонскимъ принцемъ Фердинандомъ въ 1469 г. Съ 1474 г. Изабелла вступила на престолъ Кастильскій; четыре года спустя Фердинандъ сталъ королемъ Арагонскимъ, и хотя оба королевства остались отдѣльными, но личный союзъ правителей положилъ основу единству и, прежде всего, удвоилъ коронную власть. Испанія съ 1454 г.

Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ государствѣ, правительству удалось обуздать своевластіе дворянства, ослабленнаго постоянными раздорами между знатными фамиліями. Фердинандъ, хитростью и терпѣніемъ, успѣлъ укрѣпить за собою гроссмейстерство въ трехъ могущественныхъ рыцарскихъ орденахъ государства, въ то время, какъ Изабелла, женщина рѣдкаго ума и добродѣтели, съ своимъ женскимъ умѣньемъ, привлекла кастильскихъ грандовъ къ занятію должностей при ея дворѣ. Укрѣпленные замки разбойничавшихъ дворянъ были безпощадно разрушены, при чемъ городскія братства, «германдады», оказали большія услуги. Король и королева направили тогда соединенныя силы ихъ владѣній противъ своего общаго стариннаго врага, Мавровъ, которые отстали отъ времени и были раздираемы усобицами. Война продолжалась десять лѣтъ; она не отличалась уже геройскими подвигами временъ Сида, а велась съ помощью осадъ, новоизобрѣтенныхъ орудій и неторопливыхъ тактическихъ пріемовъ противъ не особенно крѣпкой защиты. Такъ падали городъ за городомъ, горныя укрѣпленія одно за другимъ, пока не была взята главная твердыня Мавровъ, Гренада (1492), чѣмъ и окончилась борьба. Это

было минутой блестящаго возвеличенія обоихъ королевствъ и лишь одна тѣнь ложится на картину: не было проявлено никакой пощады къ религіи побѣжденныхъ, не могло быть и рѣчи о малѣйшей вѣротерпимости. Насильственное обращеніе не перерождало, разумѣется, Евреевъ и Мавровъ, поэтому совѣсть испанскаго населенія терзалась мыслью о томъ, что священные обряды христіанской церкви терпятъ лишь поруганіе, исполняясь людями, душевно сохраняющими вѣру отцовъ; вслѣдствіе этого, страна могла даже подвергнуться Божіему гнѣву! По этой причинѣ



Предполагаемый портретъ Христофора Колумба.
Въ Морскомъ музеѣ въ Мадридѣ.

инквизиція, установленная для преслѣдованія кощунства и ереси, пользовалась вполнѣ сочувствіемъ народа.

Фердинандъ и Изабелла.

Планъ генуэзца Колумба, простой и смѣлый, и излагаемый имъ съ пыломъ религіознаго вдохновенія, содержалъ въ себѣ нѣчто плѣнительное для возвышеннаго ума королевы Изабеллы. Въ январѣ 1486 г. Колумбъ былъ принятъ на службу кастильской короны. Но война съ Маврами замедляла всестороннее обсужденіе новаго замысла. Колумбъ рѣшался уже предло-

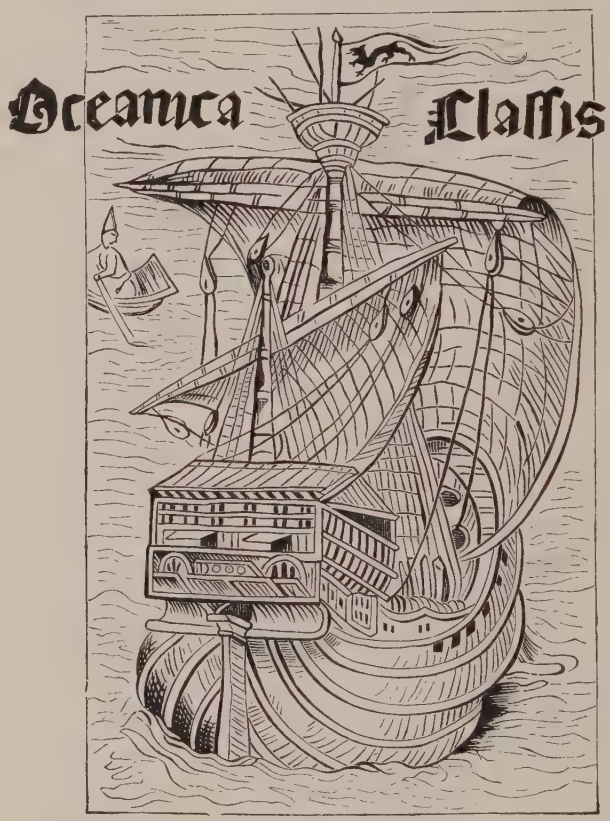
жить свои услуги французскому правительству; братъ его, Бартоломей, находился на службѣ у короля Англійскаго Генриха VII, но новыя настоянія грандовъ, покровителей моряка, заставили королеву поспѣшно призвать его обратно. Она отдала его проектъ на окончательное разсмотрѣніе и рѣшеніе. Переговоры едва не были прерваны безмѣрными требованіями генуэзца. Онъ выговаривалъ себѣ дворянское достоинство, званіе вицекороля и десятую часть съ королевскихъ доходовъ во вновь открытыхъ земляхъ. Колумбъ уже снова направился въ путь, въ Англію или во Францію, когда прозорливые люди успѣли внушить королевѣ, что даже отрицательный результатъ, то-есть доказательство невозможности пробраться этимъ путемъ въ Индію, будетъ уже стоить сдѣланныхъ на то затратъ. Посланецъ, везшій рѣшеніе королевы, нагналъ Колумба уже близъ того мѣста, въ которомъ онъ располагалъ сѣсть на корабль: въ старомъ францисканскомъ монастырѣ, оказавшемъ ему гостепріимство. Договоръ былъ заключенъ, и 3 августа 1492 г., изъ гавани Палосъ вышли три судна съ экипажемъ, состоявшимъ изъ 90 человѣкъ, подъ начальствомъ адмирала Кристобаля Колонъ,—какъ было переиначено имя Колумба на испанскій ладъ. При благопріятномъ восточномъ пассатѣ, обольщаясь обманчивыми примѣтами,—птицами, порхавшими вокругъ судовъ, и прочимъ,—мореходы бодро шли впередъ. Экипажъ держался покорно, но, когда было уже пройдено около тысячи миль, въ октябрѣ, смущеніе смѣнилось угрозами, люди находили необходимымъ немедленно возвратиться назадъ, если, вообще, возвращеніе еще было возможно... Но цѣль была уже не далеко. Признаки близости земли умножились, и 11 октября, на «Пинто», шедшемъ впереди, были вытащены изъ воды свѣже-сорванныя береговыя растенія, колъ и посохъ съ вырѣзаннымъ узоромъ. Въ десять часовъ вечера, самъ Колумбъ увидалъ свѣтъ или огни вдалекѣ, а въ два часа пополуночи, въ пятницу, 12 октября 1492 г., на палубѣ «Пинто» пронесся крикъ: «*Tierra! Tierra!*». Раздались пушечные выстрѣлы. Это былъ островъ Гуанагани, одинъ изъ Антильскихъ, берегъ котораго выдавался впередъ, озаренный луннымъ свѣтомъ.

Открытіе Новаго Свѣта. 1492.

Жители этого острова ходили совершенно нагіе; они доразвились лишь до племенного управленія подъ главенствомъ своихъ кациковъ и жили въ бѣдныхъ деревушкахъ. Поклонялись они идоламъ, имѣли свои игры и пѣсни, своихъ жрецовъ; это было мирное племя, которому угрожало другое, сильнѣйшее и болѣе развитое, наступавшее отъ устьевъ Ореноко. Этому племени, «караибамъ», не пришлось продолжать своихъ завоеваній на западъ съ появленіемъ здѣсь бѣлыхъ, вооруженныхъ людей, вышедшихъ изъ моря съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и обученными собаками. Остальные Антильскіе острова были открыты случайно, одинъ за другимъ, какъ и Куба, при чемъ Испанцы встрѣчали повсюду роскошнѣйшую растительность, а также золото, которое туземцы отдавали почти задаромъ; но эта легкость добычи не удовлетворяла, а только разжигала корысть, отъ которой не былъ свободенъ и самъ великій Колумбъ. Флотилія воротилась, построивъ небольшое укрѣпленіе и оставя въ немъ маленькій гарнизонъ. 31 марта 1493 г. Колумбъ торжественно вступилъ въ Севилью, откуда отправился ко двору, гдѣ былъ принятъ съ величайшимъ почетомъ.

Дальнѣйшія открытія и судьба Колумба.

Всѣ оставались пока въ томъ убѣжденіи, что открытые острова лежали у восточнаго берега Азіи. Новая эскадра готовилась въ путь. Между Испаніей и Португаліей завязался споръ: послѣдняя считала открытыя



Испанскіе морскіе корабли изъ временъ открытія Америки.

земли принадлежащими сферѣ ея владычества. Рѣшеніе было предоставлено папѣ Александру VI, который, смѣло раздѣливъ земное полушаріе по одному изъ меридіановъ, отдалъ спорящимъ государствамъ— одному правую, другому лѣвую половину. Въ сентябрѣ 1493 г. выступила въ море вторая эскадра, на которой было не мало дворянъ. Идя въ болѣе южномъ направленіи, нежели первая, она пристала, въ началѣ ноября, къ Гваделупѣ и прошла среди группъ острововъ, пока не поравнялась съ крѣпостью «Навидадъ» на С.-Сальвадорѣ, какъ назвалъ Колумбъ первооткрытый имъ островъ. Корабли ждали лодокъ, которыя вышли бы привѣтственно имъ навстрѣчу, но ихъ не было; европейцы вовсе не показывались, а туземцы видимо робѣли. Высадясь, прибывшіе нашли, вмѣсто крѣпости, одно пожарище; въ высокой травѣ валялись трупы бѣлыхъ. Изъ разсказовъ туземцевъ можно было понять, что оста-

вленный гарнизонъ оскорблялъ жителей самымъ гнуснымъ образомъ; потомъ эти европейцы перессорились до рѣзни между собою и тогда туземцамъ, какъ болѣе многочисленнымъ, было уже не трудно одолѣть ихъ. Испаніи было не легко удержать за собою эти вновь открытыя земли. Вначалѣ, естественнымъ образомъ, онѣ стоили дорого и потому не пользовались сочувствіемъ въ Испаніи. Адмиралу не прощали то, что онъ оберегаетъ свои «золотыя» привилегіи съ чисто-итальянскимъ барышничествомъ, но въ особенности то, что онъ генуэзецъ, «лигуріецъ». Онъ продолжалъ, однако, свои открытія на Кубѣ и Гаити, познакомился съ страшными бурями, бывающими въ этихъ мѣстностяхъ, заставлялъ нѣкоторыхъ царьковъ присягать на вѣрность заморской коронѣ; кое-гдѣ туземцы просили крещенія, какъ забавной игры, пока не стали пугаться той мысли, что имъ, вслѣдствіе такого обряда, придется, по смерти, находиться въ одномъ мѣстѣ съ испанскими притѣснителями. Когда Колумбъ воротился въ «Изабеллу» на Гаити, временное средоточіе вновь открытыхъ земель, гдѣ соединился со своимъ братомъ Бартоломео, прибывшимъ въ 1494 г., онъ нашелъ среди поселенцевъ недовольство, распущенность и крайнее злоупотребленіе властью надъ злополучными туземцами, которые, привыкнувъ къ привольной жизни, гибли подъ бременемъ непосильныхъ работъ. Лица, возвратившіяся въ Испанію, изображали положеніе колоній въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, обвиняя во всемъ Колумба, клевеща на него, такъ что когда прибылъ на острова присланный дворомъ весьма надменный комиссаръ, Колумбъ счелъ необходимымъ поѣхать въ Испанію, чтобы воротить себѣ блекнувшую королевскую милость.

Прежде нежели онъ отправился въ свою третью поѣздку, въ другомъ пунктѣ былъ уже открытъ американскій материкъ (хотя все еще не признанный материкомъ) двумя венеціанцами, Іоанномъ и Себастіаномъ Каботъ, состоявшими на службѣ Генриха VII, короля Англійскаго. Они подошли, 24 іюня 1497 г., къ берегамъ Лабрадора, подъ 56° сѣверной широты. Англичане и Французы тоже снаряжали морскія экспедиціи на Западъ и скоро столкнулись тамъ случайно съ Испанцами. Колумбъ успѣлъ добиться новаго подтвержденія своихъ привилегій испанской короной, но ему приходилось выдерживать сильную борьбу съ непопулярностью своего предпріятія и онъ могъ пуститься въ свою третью поѣздку, съ шестью судами, лишь въ 1498 г.

Въ этотъ разъ онъ увидѣлъ южно-американскій материкъ, но тоже не принялъ его за континентальную землю, прослѣдовалъ проливомъ Паріа, между островомъ Тринидадъ и дельтою Ореноко, потомъ черезъ Драконову пасть вышелъ на западъ, снова въ открытое море, и быстро достигъ тогда Малой Испаніи, — Испаньолы (Гаити). Онъ нашелъ здѣсь половину поселенцевъ погибшими отъ лихорадокъ, остальные, съ главнымъ судьею Ролданомъ во главѣ, взбунтовались противъ Колумба. Они вынудили его къ унизительному для него договору; болѣе же всего пострадали при этомъ туземцы, притѣсняемые, взапуски, обѣими сторонами. Разные мелкіе искатели новыхъ земель переплывали за море уже часто; между ними былъ и флорентинецъ Америго Веспуччи, имя котораго, по прихоти судьбы, осталось за новооткрытымъ материкомъ.

Самъ Колумбъ, «открывшій кладбище для испанскихъ гидальго», былъ въ немилости. Онъ не былъ способенъ къ управленію новооткрытой страной. Королева Изабелла, сознавая свои обязанности, какъ христіанской повелительницы новыхъ подданныхъ, скорбѣла о безпощадной торговлѣ людьми, послѣдовавшей за великимъ открытіемъ. На мѣсто была послана слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ Франческо Бобадильи. Приближаясь, въ августѣ 1500 г., къ новому поселку или городу С.-Доминго, онъ увидѣлъ на берегу висѣлицу съ казненными, по приговору Колумба, мятежниками. Самъ Колумбъ былъ въ отсутствіи. Бобадилья принялъ тотчасъ свои мѣры: безъ всякаго дознанія, превышая свои полномочія, но опираясь на непопулярность адмирала, онъ арестовалъ его по его возвращеніи и отослалъ въ оковахъ въ Испанію. При извѣстіи объ его прибытіи въ такомъ положеніи, отъ двора былъ тотчасъ отданъ приказъ снять съ него цѣпи, но Колумбъ оставилъ ихъ на себѣ и явился въ нихъ передъ королевской четою, въ декабрѣ 1500 г., въ Гренадѣ. Фердинандъ и Изабелла живо почувствовали оскорбленіе, нанесенное великому, славному имени. Они оказали Колумбу величайшія почести, возобновили привилегіи, но не отправили его болѣе за море въ качествѣ правителя, что возвратило его къ его истинному призванію: открытію новыхъ земель.

Въ маѣ 1502 г. онъ предпринялъ свою четвертую поѣздку съ цѣлью изслѣдованія средне-американскаго перешейка. Колумбъ открылъ здѣсь еще нѣсколько острововъ, приставалъ къ полуострову Юкатану, но терпѣлъ много отъ бурь, отъ сопротивленія своихъ и туземцевъ. Противъ этихъ послѣднихъ онъ воспользовался очень ловко луннымъ затменіемъ 29 февраля 1504 г. Увидя, что его угроза начинаетъ сбываться и что блестящій дискъ луны меркнетъ, дикари стали молить о пощадѣ и поспѣшили исполнить всѣ его требованія. Въ ноябрѣ того же года Колумбъ воротился въ Испанію. Его процессъ, — возникшій вслѣдствіе того, что его первоначальныя притязанія не могли осуществиться,—длился еще, когда смерть постигла великаго человѣка въ Вальядолидѣ (1506).

Дальнѣйшія открытія. Бальбоа. 1513.

Гордая надпись, уже позднѣе начертанная на его гробницѣ, гласитъ:

«A Castilla y a Leon Nuevo mundo diò Colon».	«Государствамъ Кастиліи и Леонъ даровалъ новый міръ Колонъ».

и свидѣтельствуетъ о всемірно-исторической заслугѣ Колумба, не сознанной имъ самимъ: онъ сошелъ въ могилу съ той мыслью, что открылъ путь моремъ въ Индію, восточную окраину Азіи, благодаря своему странствію съ Востока на Западъ. Сознаніе того, что былъ найденъ дѣйствительно новый материкъ, по-истинѣ «Новый Свѣтъ», предстояло еще впереди. Это суждено было сдѣлать одному кастильцу, хорошаго, но не знатнаго происхожденія, Васко Нуньецу Бальбоа, который участвовалъ въ морскомъ отрядѣ, отправленномъ для новыхъ открытій, но устроилъ заговоръ, отдѣлился, во главѣ шайки искателей приключеній, по прибытіи въ Дарійскій заливъ, и низложилъ тамъ намѣстника Никуезу, слѣдовательно, совершилъ преступленіе государственное. Туземцы этой части Панамскаго перешейка, прилегающей къ Южной Америкѣ, стояли на высшей степени нравственнаго развитія, нежели жители Антильскихъ и Караиб-

скихъ острововъ. При одномъ изъ многочисленныхъ похожденій Бальбоа, одинъ изъ туземныхъ властителей сказалъ ему: «Съ той горы можно увидѣть и другое море», указывая при этомъ на одну изъ вершинъ горнаго хребта Центральной Америки, служащаго продолженіемъ Кордильеровъ. Бальбоа, съ отрядомъ изъ 190 испанцевъ и 600 туземцевъ, пустился въ экспедицію 1 сентября 1513 г., и 25 числа, достигнувъ одной изъ безлѣсныхъ высотъ, увидѣлъ извилистый заливъ другого великаго моря, Тихаго океана. Подавленный величіемъ картины, онъ упалъ на колѣни, благодаря Бога, сподобившаго его, ничтожнаго человѣка, даже неблагороднаго происхожденія, совершить столь многозначительное открытіе. Отрядъ спустился къ берегу, при чемъ могъ наблюдать морской приливъ и отливъ. Бальбоа прошелъ въ бродъ, по колѣно въ водѣ, держа знамя съ изображеніемъ Св. Дѣвы съ Младенцемъ Іисусомъ на рукахъ, и призналъ, именемъ испанской короны, — какъ выражается одна лѣтопись, — «господство Испаніи надъ этими южными морями, землями, берегами, гаванями и островами, со всѣми принадлежностями и округами». За все это Бальбоа, по прибытіи въ Испанію, было прощено его государственное преступленіе; тѣмъ не менѣе, Бальбоа умеръ насильственной смертью, благодаря коварству одного намѣстника, Педраріи: онъ былъ казненъ въ іюнѣ 1517.

Васко де-Гама. 1498.

Великія открытія Испанцевъ пробудили, понятнымъ образомъ, и соревнованіе Португальцевъ, которые обратились, прежде всего, къ дальнѣйшему изслѣдованію западныхъ береговъ Африки. Высланныя королемъ Эмануиломъ (1495—1521) три судна подъ начальствомъ *Васко-де-Гамы*, вышли въ море 8 іюля 1497 г. Въ маѣ 1498 г., съ помощью арабскаго лоцмана и благопріятнаго юго-западнаго муссона, Васко достигъ Калькуты, на Малабарскомъ берегу; но арабы, съ вліяніемъ которыхъ ему приходилось бороться въ продолженіе всего пути, имѣли большой вѣсъ при дворѣ тамошняго раджи и крайне повредили Португальцамъ, хотя Васко обнаружилъ большую твердость. Во всякомъ случаѣ, путь былъ открытъ и скоро «ференги» смогли одолѣть своихъ арабскихъ соперниковъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что одинъ изъ португальскихъ капитановъ, Педральваресъ Кабраль, слѣдуя этимъ новымъ морскимъ путемъ въ Остъ-Индію и держа изъ Европы на Западъ, видѣлъ землю,—восточный берегъ южно-американскаго материка, именно то мѣсто, гдѣ теперь Санта-Круцъ въ Бразиліи (1500). Вооруженныя купеческія суда привозили изъ вновь открытыхъ земель прибыльные грузы пряностей. Это время было героическимъ въ жизни Португаліи, эпохою великихъ воиновъ и мореплавателей, каковы были: Дуарте Пахеко, донъ-Франциско д'Алмейда, Альфонсо Альбукерке (1510). При Альбукерке Португальцы утвердились въ Гоа и захватили также Ормуздъ, служившій ключомъ къ Персидскому заливу. Ихъ флотиліи поднимались вверхъ по Чермному морю и овладѣли, такимъ образомъ, торговлею съ Эѳіопіею и Индіей. Александрія, какъ и всѣ области при Средиземномъ морѣ, ощутила послѣдствія отъ проложенія новаго торговаго пути; но во время одной изъ своихъ экспедицій (1521) Португальцы узнали отъ явскаго морского торговца, что на Молукскихъ островахъ, составляющихъ неоспоримо португальскія владѣнія, появились другіе европейцы, прибывшіе «съ востока».

Магеланъ. 1551.

Такъ и было дѣйствительно: туда прибыли суда Фернайо Магелана, который, хотя португалецъ родомъ, представилъ на видъ испанскому двору, что Молукскіе острова лежали по сю сторону испанско-португальской раздѣльной линіи, проведенной папою, слѣдовательно, въ испанской сферѣ владѣнія. Онъ вышелъ въ море въ сентябрѣ 1519 г., продолжалъ путь, борясь съ сопротивленіемъ своихъ подчиненныхъ, но спускался все болѣе и болѣе къ югу, вдоль восточнаго берега Южной Америки, и достигъ, наконецъ, того пролива, который носитъ, съ тѣхъ поръ, его имя, и дѣлится, къ западу, на множество проходовъ среди скалъ. Подвигаться впередъ можно было лишь ощупью, люди на судахъ унывали, потому что одно изъ нихъ сѣло на мель, но Магеланъ не терялъ бодрости и, 27 ноября, нашелъ выходъ въ Тихій океанъ. Суда пошли далѣе, почти по окраинѣ Австралійскаго архипелага, но не замѣчая его; въ апрѣлѣ 1522 г. они достигли Молукскихъ острововъ. Магеланъ заставилъ здѣсь одного туземнаго царька признать своимъ владыкою Испанскаго короля Карла I, бывшаго и императоромъ Римскимъ, и принять христіанство, но самъ былъ сраженъ копьемъ въ битвѣ съ туземцами. Однакоже онъ совершилъ свое дѣло: 6 сентября 1522 г. тринадцать европейцевъ, участниковъ его экспедиціи, съ тремя азіатами, прибыли въ гавань Санъ-Люкаръ де-Баромеда. Босые и въ однѣхъ рубахахъ совершили они паломничество въ Севильскій соборъ, для принесенія Господу благодаренія за то, что онъ допустилъ ихъ къ довершенію великаго подвига: перваго кругосвѣтнаго путешествія. Громадное значеніе этихъ событій для дальнѣйшей исторіи человѣчества слишкомъ очевидно, и поэтому часто тотъ годъ, въ который Колумбъ осуществилъ свое намѣреніе: отыскать восточный берегъ Азіи своимъ плаваніемъ черезъ Атлантическій океанъ съ запада на востокъ, и тѣмъ открылъ еще одну часть свѣта, или, какъ принято говорить, «Новый Свѣтъ»,—этотъ годъ, 1492, принимается за исходную точку «Новой исторіи». Но, въ сознаніи того времени, эти событія, несмотря на всю свою важность, не могли имѣть такого значенія. Даже два столѣтія спустя, высокообразованные нѣмцы говорятъ еще объ открытомъ «Новомъ Свѣтѣ» въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ, какъ о «новомъ островѣ», и сильное общее возрожденіе въ XVI столѣтіи находится въ полной независимости отъ этихъ событій. Оба государства, Испанія и Португалія, совершившія эти открытія, не внесли своей лепты въ подготовлявшійся умственный переворотъ, несмотря на всю многозначительность совпаденія этихъ открытій новыхъ земель съ пробужденіемъ новаго духа. Чтобы понять это послѣднее, намъ необходимо бросить взглядъ на Италію,—страну, которая, несмотря на громадный прогрессъ всѣхъ государствъ, въ теченіе послѣдняго человѣческаго поколѣнія, оставалась центромъ умственнаго движенія среди европейскихъ народовъ.

5. Италія и папство.

Италія.

Политическое представленіе Римскаго государства, бывшаго въ теченіе всѣхъ Среднихъ вѣковъ выраженіемъ нравственной общности и солидарности европейскихъ культурныхъ народовъ, было тѣсно связано съ самою

Италіей. Императорскій титулъ,—бывшій все еще сущностью, благомъ желаннымъ и достойнымъ домогательства,—могъ быть все-же полученъ только въ этой странѣ, въ древней столицѣ имперіи, Римѣ. И то состоя въ союзѣ, то въ борьбѣ съ императорской властью, но нерасторжимо связанное съ нею и болѣе сильное, нежели она, какъ-бы сросшееся съ Италіей, несмотря на свои всемірныя притязанія, укоренилось здѣсь папство. Какъ ни были ослаблены, расшатаны, искажены эти обѣ власти, все же онѣ были столпами, на которыхъ покоилось общественное зданіе этой эпохи. Но сами эти великія силы или имена были причиной того, что Италія была далека отъ того политическаго единства, котораго, болѣе или менѣе, достигли Франція, Англія, Испанія, Венгрія, Скандинавія, въ нѣкоторомъ смыслѣ и Германія, къ концу Среднихъ вѣковъ. Италія же въ это время была даже далѣе отъ такой цѣли, нежели въ V или VI столѣтіи. Какъ бы созданная самою природой для образованія одного національнаго государства, эта страна, состоящая изъ узкаго полуострова, отрѣзаннаго отъ общей массы материка высокими горами, съ однимъ горнымъ хребтомъ вдоль всего ея протяженія, одаренная однообразіемъ почвы и климата,—эта страна была, по современному намъ мѣткому выраженію, только географическимъ, а не политическимъ понятіемъ.

При невозможности изложить подробно весьма любопытныя частности политической исторіи Италіи, необходимо ограничиться нѣсколькими краткими указаніями. Принятое дѣленіе страны на Верхнюю, Среднюю и Нижнюю Италію весьма основательно и удачно. Изъ нихъ «Верхняя» умѣла пріобрѣсть наибольшую индивидуальность. Ея исторія, въ послѣдній періодъ Среднихъ вѣковъ, преимущественно городская: она содержитъ въ себѣ развитіе, войны, борьбу за полновластіе знаменитыхъ муниципій: Милана, Венеціи, Генуи, Пизы и другихъ. Между ними, Венеція, господствовавшая на Адріатическомъ морѣ, и Генуя, главный городъ на морѣ Тирренскомъ, сохранили республиканскій образъ правленія, украсивъ его монархическимъ фронтономъ: учрежденіемъ дожей. Обѣ эти республики враждовали изъ-за торговли въ восточныхъ водахъ и вели между собою ожесточенныя войны. Венеція пріобрѣла рѣшительный перевѣсъ въ 1381 г., но владычество Османовъ и открытіе новыхъ путей сообщенія повредили ей, вслѣдствіе ея положенія, болѣе, нежели Генуѣ, что возстановило равновѣсіе силъ между ними. Строй Венеціи установился въ строго аристократическомъ духѣ, съ тѣхъ поръ какъ кругъ патриціанскихъ фамилій, изъ которыхъ выбирались члены совѣта, «*il maggior consiglio*», сдѣлался замкнутымъ; и эта аристократія, подвергая себя и народъ изощренному полицейскому управленію, создала, въ то же время, устойчивый и ненарушимый порядокъ во внутреннихъ дѣлахъ, и тѣмъ положила основу продолжительному матеріальному благосостоянію республики. Верхняя Италія. Венеція.

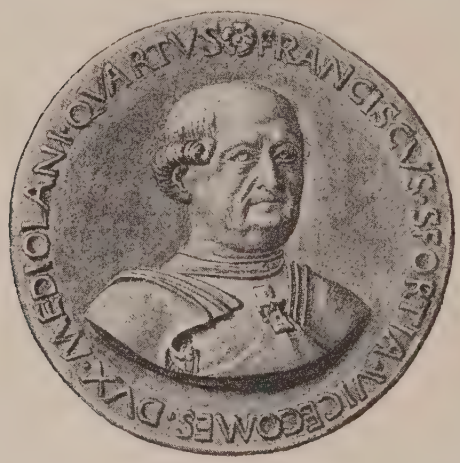
Иначе шли дѣла въ Генуѣ, внутренняя исторія которой представляетъ бурную смѣну войнъ, анархіи, вассальнаго подчиненія другимъ державамъ или полнаго порабощенія имъ, изумляя при этомъ возрастающимъ постоянно благосостояніемъ своимъ, среди всѣхъ этихъ волненій. Большое финансовое учрежденіе, «банкъ Св. Георгія», основанный въ 1407 г., оставался незыблемымъ достояніемъ города, не затрогивался ни одною партіей при все- Генуя.

возможныхъ переворотахъ. Въ Миланѣ и Флоренціи дѣла шли другимъ путемъ: изъ военныхъ и гражданскихъ смутъ здѣсь выработался монархическій строй государства.

Миланъ.

Въ Миланѣ самою могущественною была фамилія Висконти, послѣ того, какъ ей удалось одержать верхъ надъ соперничавшимъ съ нею домомъ Делла-Торре. Такъ какъ Миланъ былъ имперскимъ лэномъ, то патриціи сохраняли сношенія съ главой государства и король Венцель возвелъ Джіованни Галеаццо Висконти въ санъ герцога Миланскаго, т.-е. Ломбардскаго. Галеаццо питалъ самые честолюбивые замыслы; но его преемники, Джіованни-Марія и Филиппъ-Марія, удержали съ трудомъ за собою свои владѣнія. При войнахъ Милана съ Венеціей или Флоренціей битвъ было много, но съ незначительнымъ пролитіемъ крови, потому что «боевые ремесленники», то-есть наемники, подъ предводительствомъ своихъ начальниковъ (иначе «подрядчиковъ» или кондотьеровъ), вели сраженіе наподобіе большихъ маневровъ: они бились безъ всякой враждебности, условливались не убивать другъ друга, а только брать въ плѣнъ. Но они служили страшною язвою для населенія и становились опасны для самихъ правительствъ, которыя ихъ нанимали. Всѣмъ этимъ доказывалось еще разъ, что республиканскій строй государства не можетъ удержаться тамъ, гдѣ граждане, ведущіе уже болѣе утонченный образъ жизни, не способны сами браться за оружіе. Такимъ образомъ послѣднему изъ Висконти былъ одинаково и необходимъ, и страшенъ знаменитый кондотьеръ Франческо Сфорца, сынъ простого крестьянина. Висконти былъ вынужденъ отдать свою дочь въ супруги этому грозному вождю, а когда умеръ Филиппъ-Марія (1447), не оставя мужскихъ наслѣдниковъ, Сфорца легко нашелъ средство утвердить за собою тиранію, которую передалъ потомъ своему сыну Галеаццо-Маріи, въ 1466 г., а этотъ, павъ жертвою заговора въ 1476 г., оставилъ ее своему сыну Джіованни Галеаццо. Обыкновенное зло при подобныхъ владычествахъ, опирающихся на одно насиліе, не замедлило проявиться. Дядя малолѣтняго Джіованни,

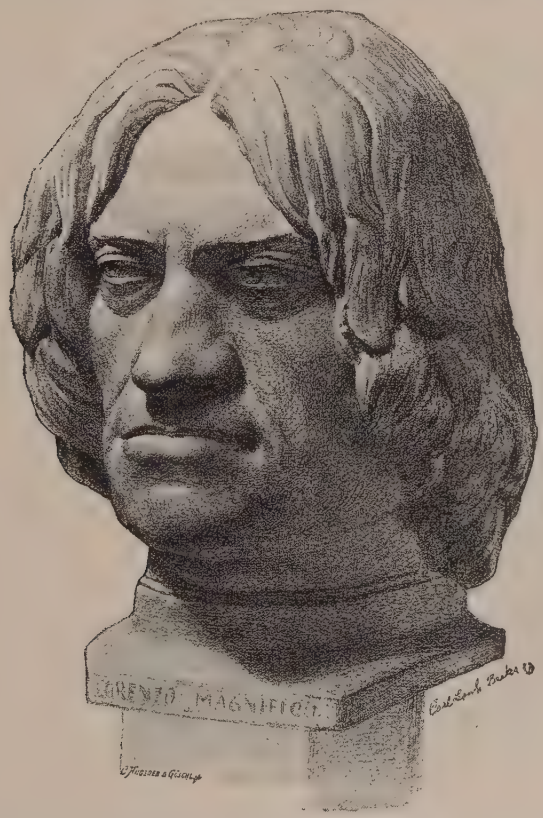
Медаль съ изображеніемъ Іоанна Галеаццо Висконти.
Королевскій мюнцъ-кабинетъ въ Берлинѣ.



Франческо Сфорца.
Съ медали, работы Сперандіо, въ королевскомъ музеѣ въ Берлинѣ.

Людовико Моро, устранилъ племянника, но погибъ среди поднятой имъ смуты, и герцогство осталось яблокомъ раздора между французской и австрійской короной.

Тиранія Медичисовъ, установившаяся во Флоренціи одновременно съ водвореніемъ Сфорца въ Миланѣ, представляетъ рѣзкую противоположность съ основаніемъ монархическаго строя и герцогской династіи въ Ломбардіи. Въ Тосканѣ, городъ Флоренція опередилъ на поприщѣ торговли, фабричнаго производства и военной организаціи прочіе города и владѣнія въ области, въ которой имперская власть не имѣла уже никакого вліянія. Флоренція.



Лоренцо Медичи (Il Magnifico).
Терракотовый бюстъ флорентинскаго мастера, около 1490 г. (Снятъ съ гипсоваго слѣпка, находящагося въ королевскомъ музеѣ въ Берлинѣ).

Городомъ правили богатые купцы и въ немъ, съ 1250 г. по начавшееся уже XV столѣтіе, не прекращались ожесточеннѣйшія междоусобія. Въ этой борьбѣ «Бѣлыхъ» и «Черныхъ», послѣ всевозможныхъ ея видоизмѣненій, побѣда осталась за демократіей, за цехами; при водвореніи нѣкотораго спокойствія, управленіе перешло въ руки богатыхъ купцовъ, и одинъ изъ этихъ

золотыхъ царьковъ, Косьма Медичи (1434—1469), пользовался, не выходя изъ республиканскихъ формъ правленія, настоящею монархическою властью. Флоренція была, подобно Аѳинамъ при Периклѣ, демократіею по имени, на дѣлѣ же управлялась единовластно однимъ гражданиномъ. Самымъ замѣчательнымъ въ этой фамиліи былъ Лоренцо (1479—1492), названный «Великолѣпнымъ», но которому воздается лучшая и заслуженная почесть ходячимъ выраженіемъ, присвоеннымъ самому его вѣку, носящему имя «вѣка Медичи». Съ помощью своего колоссальнаго богатства и повинуясь дѣйствительному влеченію, Лоренцо собиралъ вокругъ себя и поощрялъ все, что способствовало научнымъ и художественнымъ стремленіямъ прогрессивной эпохи. При этомъ, онъ правилъ разумно и искусно велъ республику—или свое княжество—среди опасностей, грозившихъ ей при неустойчивомъ положеніи дѣлъ въ Италіи. Но уже вскорѣ по его смерти стало яснымъ, до чего была шатка основа такой власти. Онъ самъ едва спасся при томъ заговорѣ, жертвою котораго палъ его братъ, Юліанъ,—причемъ весьма характерно обрисовываетъ современную Италію то обстоятельство, что нападеніе совершено было въ церкви, во время литургіи. Сынъ Косьмы, Піетро, былъ изгнанъ со всѣмъ своимъ родомъ. Наступившій за этимъ изгнаніемъ демократическій періодъ ознаменованъ своеобразною пророческою дѣятельностью доминиканскаго монаха, Джироламо Савонаролы, который пріобрѣлъ, съ 1489 г., какъ истый проповѣдникъ покаянія, огромное вліяніе на народъ. Послѣ паденія властвовавшаго дома, онъ, помимо своего желанія, былъ поставленъ во главѣ республики, но продолжалъ свою проповѣдь о нравственномъ возрожденіи съ неуклонною строгостью. Однакоже неудача военнаго похода Французскаго короля Карла VIII, отъ котораго Савонарола ожидалъ церковной реформы и полнаго возрожденія общества въ самомъ лучшемъ нравствен-

Савонарола.
Бюстъ въ церкви Св. Марка во Флоренціи.

номъ смыслѣ—поколебала его положеніе; папа отлучилъ его отъ Церкви, чѣмъ Савонарола пренебрегъ. При поворотѣ народнаго настроенія, онъ былъ схваченъ и осужденъ папою, какъ еретикъ, а синьоріей—какъ мятежникъ, и сожженъ на кострѣ (1498). Но долго еще потомъ въ чисто-католическихъ кругахъ и, въ особенности, среди доминиканскаго ордена, онъ слылъ мученикомъ за истину. Въ 1512 году Медичи воротились опять и звѣзда ихъ еще долго не угасала.

На полуостровѣ образовались лишь два государства съ пространною территоріей и сулившія прочность: королевство Неаполитанское и Церковная область.

Сицилія и Неаполь.

Честолюбивые замыслы принцевъ французской династіи, услуживавшихъ папѣ въ его мести противъ Штауфеновъ, не осуществились на дѣлѣ. Мы уже видѣли, какъ скоро отторглась Сицилія; попытки возвратить ее были неудачны; въ ней держались принцы изъ Арагонскаго дома и, по смерти Мартина II (1410), островъ соединился съ арагонской короною личною уніей: короли арагонскіе состояли и королями сицилійскими, начиная съ Фердинанда I. Отдаленный островъ не имѣлъ болѣе значенія для всемірной исторіи. Славные дни его прошли со временъ Генриха VI и Фридриха II, сохраняясь только надолго въ народной памяти, и королевство Неаполитанское, лишенное своего естественнаго дополненія, было обречено тоже на подчиненную роль. Исторія этой страны не представляетъ никакого общаго интереса. При прекращеніи мужской линіи въ домѣ Анжу, послѣднему королю, Роберту, наслѣдовала его внука, Іоанна, страшная женщина, вышедшая за Венгерскаго короля Андрея, который былъ вскорѣ задушенъ, по ея повелѣнію, послѣ чего она раздѣляла его престолъ со вторымъ, третьимъ и четвертымъ супругомъ. Возникавшія среди этого смуты, въ которыхъ принимали участіе папы, венгерскіе короли и французскіе Анжу, принадлежатъ лишь къ исторіи самихъ правителей; доказывать же, что страна бѣдствуетъ, переходя изъ рукъ въ руки, въ теченіе цѣлаго поколѣнія, благодаря борьбѣ и интригамъ высшихъ лицъ, было-бы излишнимъ.

Въ 1400 г. королемъ Неаполитанскимъ сталъ Ладиславъ, сынъ короля Венгерскаго, Карла III; послѣ его смерти, страну постигла вновь бѣдственная участь: наслѣдницей Ладислава была сестра его, вторая Іоанна, не уступавшая первой въ развратѣ и злодѣйствахъ. Въ 1421 г. она усыновила короля Арагонскаго, Альфонса V, но, по ея смерти (1438), ему пришлось отвоевать королевство у Рене Анжуйскаго, котораго она предпочла позднѣе. Альфонсъ одержалъ верхъ; въ 1458 г. онъ оставилъ престолъ своему побочному сыну, Фердинанду I (до 1494); затѣмъ, слѣдовали попытки Французовъ, вторженія Карла VIII и Людовика XII; закончились эти войны миромъ (1505) между Людовикомъ XII и Арагонскимъ королемъ Фердинандомъ Католическимъ; по обоюдному договору, Фердинандъ, женившійся на племянницѣ Французскаго короля, получалъ Неаполь, который, вслѣдствіе этого, объединялся снова съ Сициліей подъ одною короной.

Церковная область.

Что касается Церковной области, то преимущественный интересъ ея исторіи заключается въ ея непосредственной связи съ развитіемъ самого

папства. Къ концу XV столѣтія, владѣнія Церкви весьма расширились, но никакъ не представляли еще сплошной, округленной территоріи, и государству не доставало перваго условія прочности, сообщаемой другимъ странамъ опредѣленной династіей, царственнымъ домомъ, интересы котораго,—каковы бы ни были отклоненія отъ этого въ отдѣльныхъ случаяхъ,—всегда совпадаютъ, въ общихъ и главныхъ чертахъ своихъ, съ народными интересами. Главы Церкви, достигавшіе власти, большею частью, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, притомъ быстро смѣнявшіеся, не видѣли личной цѣли въ странѣ и ея благосостояніи: она принадлежала не имъ, а Церкви. При духовномъ характерѣ главы государства, правительство и администрація были тоже въ рукахъ клериковъ, слѣдовательно, дѣла велись плохо, безъ соображенія съ мірскими интересами и съ точки зрѣнія крайне односторонней. Папскіе намѣстники, присылаемые изъ Авиньона во время «плѣненія вавилонскаго», справлялись не безъ труда съ произволомъ отдѣльныхъ правителей, «тирановъ», которыми дѣлались охотно, пользуясь случаемъ, честолюбивые и властолюбивые патриціи. Въ самомъ Римѣ, между 1346 и 1354 г., разыгрался странный эпизодъ трибунства Колы Рієнци, и во время великой схизмы, трудно было рѣшить, кому собственно принадлежитъ Римъ. Послѣ кризиса, которымъ разрѣшилось соборное движеніе, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ папства, упрочилось и положеніе Рима и прочихъ владѣній Св. Петра. Управленіе страною было снова сознано за обязанность, выступающую тѣмъ сильнѣе на первый планъ, чѣмъ болѣе все, послѣ крушенія великаго движенія на пользу церковной реформы, начинало принимать существенно-мірской характеръ: люди, въ особенности принадлежащіе къ высшимъ сферамъ, руководились единственно свѣтскими побужденіями: пріобрѣтеніемъ земель, денегъ, упоеніемъ власти и богатствомъ.

Папы съ 1471 г.

Папы, занимавшіе римскій престолъ со временъ Пія II и до рокового 1517 года, слѣдовали всѣ этому мірскому направленію. Они признавали себя государями, заботились о пристроеніи своихъ родственниковъ,—которымъ придавалась теперь, съ новымъ примѣненіемъ многозначущаго латинскаго слова, кличка *«непотовъ»*,—и пользовались для этой цѣли своею духовною властью, какъ другіе государи—географическимъ положеніемъ своихъ земель или другимъ какимъ-либо преимуществомъ. Такъ дѣйствовали, въ особенности, Сикстъ VI (1477—1484), Александръ VI (1492—1503), Юлій II (до 1513), Левъ X (съ 1513). Сикстъ замышлялъ основать княжество для своего племянника и яростно преслѣдовалъ противившихся тому; а то, что совершалось при Александрѣ VI, было басней всего вѣка. Онъ былъ уже старикомъ, когда достигнулъ папскаго престола, и оглядываясь теперь на свою прошлую

Папа Александръ VI.

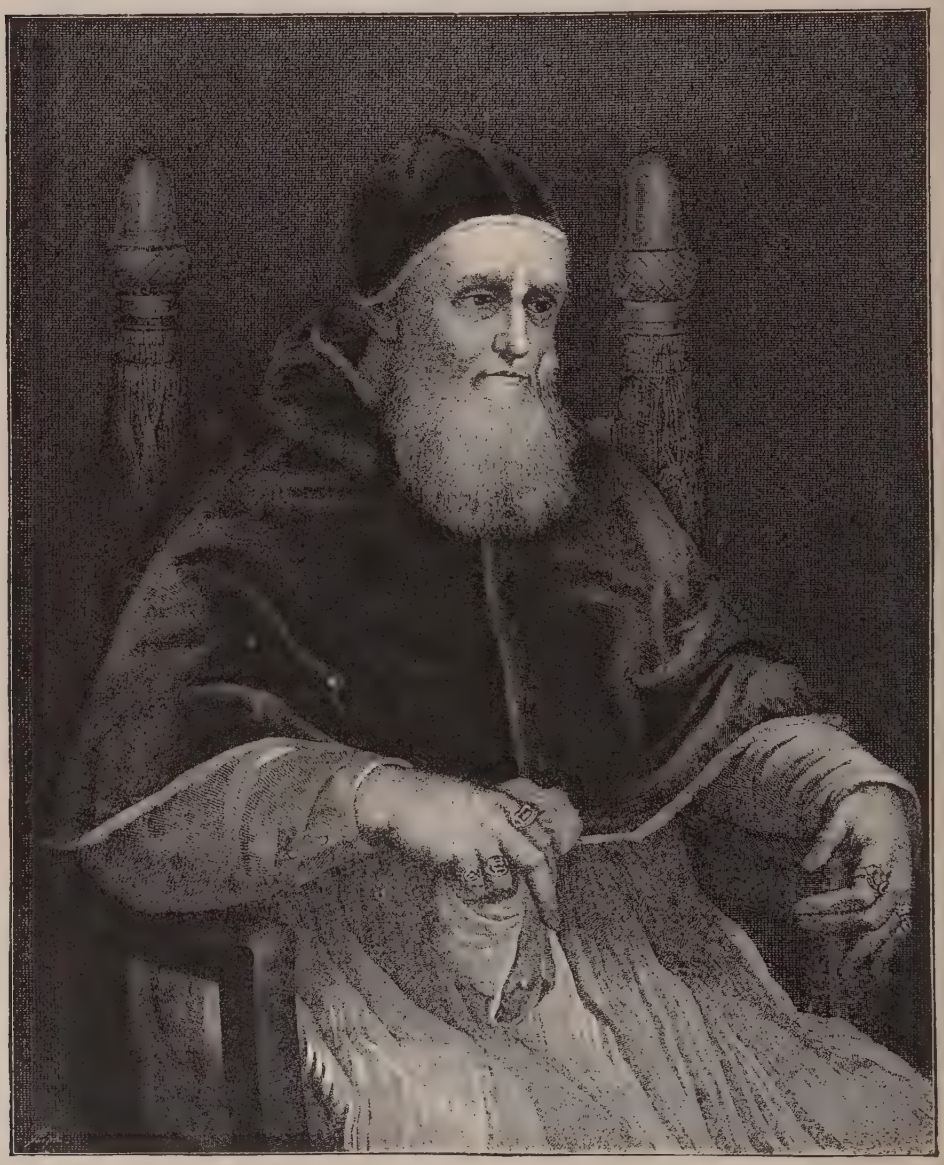
Портретъ на медали въ королевскомъ мюнцъ-кабинетѣ въ Берлинѣ.

жизнь, полную порочныхъ наслажденій, старался особенно объ обезпеченіи своихъ дѣтей. Сынъ его, Цезарь Борджіа, облегчилъ ему эту заботу, убивъ своего брата и бросивъ его въ Тибръ, что было лишь началомъ цѣлаго ряда преступленій, совершенныхъ этимъ чудовищнымъ человѣкомъ. Цезарь былъ красавецъ, одаренный физической силой, но убивавшій каждаго врага такъ же беззастѣнчиво, какъ какую-нибудь муху. Даже присутствіе его отца, папы, не служило охраной для лицъ, которыхъ онъ хотѣлъ уничтожить, — и вся эта отвратительная семья дѣйствовала ядомъ и кинжаломъ, какъ вполнѣ законными правительственными средствами,—и даже самому папѣ пришлось умереть отъ яда, приготовленнаго имъ для врага. Убійства были лишь однимъ видомъ тѣхъ преступленій, которыми былъ запятнанъ домъ Борджіевъ; объ остальныхъ можно догадываться по одному тому, что поводомъ къ убійству одного брата другимъ было то, что тотъ пользовался большимъ расположеніемъ ихъ общей сестры. Юлій II не прибѣгалъ къ столь насильственнымъ средствамъ для расширенія церковныхъ владѣній и обезпеченія своихъ родственниковъ; но и его правленіе отличалось чисто мірскимъ направленіемъ. Онъ самъ совершалъ походы со своимъ войскомъ; правилъ умѣло, но при немъ все духовное проникло́сь еще болѣе мірскимъ направленіемъ; характернымъ проявленіемъ новаго духа, господствовавшаго теперь при папскомъ дворѣ, служитъ то, что Юлій II не усомнился сломать половину базилики Св. Петра, этой древней святыни христіанства, ради того, чтобы доставить своимъ художникамъ желанную возможность воздвигнуть зданіе въ стилѣ древняго Пантеона. Папскій дворъ при Медичисѣ, Львѣ X, производилъ вполнѣ впечатлѣніе придворнаго штата мірского владыки, хотя здѣсь не было уже ничего, подобнаго разврату временъ Борджіевъ. Высокодаровитый Левъ X находилъ удовольствіе въ покровительствѣ искусствамъ, представители которыхъ покланялись ему, какъ многостороннему знатоку художествъ. Онъ умѣлъ цѣнить государственную мудрость, живопись, музыку, поэзію и поддерживалъ личныя сношенія съ Маккіавелли, Рафаэлемъ, Аріостомъ; ему не были чужды и другія царственныя удовольствія: охота на оленя, или съ соколами на цаплей, или рыбная ловля. Можно съ полнымъ правомъ говорить о «вѣкѣ Льва X», какъ объ эпохѣ, въ которую духъ древняго искусства и его человѣчно-ясной, свободной поэзіи и науки возрождался вновь, находя отзывъ въ душѣ достойнаго, щедраго, добродушнаго папы; но отъ того христіанскаго духа, который былъ заложенъ въ основу папства въ старое время, или на который ссылаются, ратуя на пользу этого учрежденія, мы уже не находимъ здѣсь, въ сущности, никакого слѣда.

Гуманизмъ.

Но изумительно, что авторитетъ папъ, какъ главъ Церкви, терялъ крайне мало среди впечатлѣній, которыя должны были вызываться такимъ мірскимъ направленіемъ папства. Развратный Александръ VI могъ, какъ упомянуто выше, подарить своею буллою 1493 г.,—въ силу власти Всемогущаго Бога, переданной папамъ черезъ Св. Петра, и въ силу его, папы, права, какъ намѣстника Христова, «въ твердомъ сознаніи и въ полнотѣ апостольской власти»,—одну половину міра Испаніи, а другую Португаліи; и самыя великія открытія возвысили еще папскій авторитетъ,

предоставляя Церкви новое, необъятное поприще для обращенія народовъ въ христіанство и заявленія своего могущества. Дѣйствительно, папскій авторитетъ усилился, или казался усилившимся болѣе прежняго, и его былая сфера оставалась незатронутой. Часто указывается на то, что при вновь



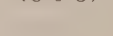
Папа Юлій II.
По картинѣ Рафаэля Санціо въ палаццо Питти во Флоренціи.

пробудившемся стремленіи къ изученію древнихъ классиковъ, давно уже зародившемся въ Италіи, а теперь получившемъ новую опору въ ученыхъ грекахъ, бѣжавшихъ на Западъ со своимъ знаніемъ и своими рукописями, послѣ рокового 1453 года, былъ совершенъ великій шагъ къ освобожденію человѣческаго ума отъ гнета церковныхъ предразсудковъ и слѣпой вѣры въ авторитетъ:—этимъ изученіемъ было подсѣчено въ корнѣ могучее древо папскаго владычества; говорятъ, что возрожденіе классицизма, распространеніе школъ, основаніе академій, а затѣмъ великое, обильное своими послѣдствіями, изобрѣтеніе книгопечатанія подвижными металлическими литерами, лишили духовенство его привилегіи быть единственнымъ источникомъ и посредникомъ въ распространеніи знаній среди интеллигентныхъ мірянъ. Справедливо, что гуманизмъ, какъ принято называть это новое жизненное явленіе, оказался вліятельнымъ въ этомъ отношеніи. Но совершенно ошибочно думать, что гуманизмъ, самъ по себѣ, могъ представлять опасность для старой Церкви; столь же мало могъ онъ вредить ей, какъ могло вредить, само по себѣ, изобрѣтеніе книгопечатанія. Изобрѣтенія, какъ книгопечатаніе или порохъ, не представляютъ сами по себѣ прогресса, но служатъ лишь новыми средствами, новыми двигателями для преуспѣвающаго ума человѣческаго. Книгопечатный станокъ, какъ и паровая машина, могутъ быть орудіями какъ истины, такъ и лжи, какъ добра, такъ и зла. Изученіе древности имѣло громадное, частью отуманивающее дѣйствіе: весьма часто возродившіяся языческія представленія примѣшивались непосредственно къ христіанскому міровоззрѣнію; такъ, напр., великій Данте не усомняется говорить о «верховномъ Юпитерѣ» (*sommo Giove*), претерпѣвшемъ за насъ на землѣ крестную смерть; Боккачіо также спокойно зоветъ Христа сыномъ Юпитера, но такое воздѣйствіе было слишкомъ слабо съ одной стороны, а съ другой—оно слишкомъ уклонялось отъ религіозной почвы, на которой одной только, въ сущности, могла совершиться дѣйствительная реформа европейскаго общества. Въ Италіи, именно, полное невѣріе считалось въ нѣкоторыхъ кругахъ, особенно высшихъ, принадлежностью хорошаго тона. Въ другихъ странахъ, тоже и на Сѣверѣ, охладѣлъ, по крайней мѣрѣ, интересъ къ церковнымъ и религіознымъ вопросамъ. Люди жили уже не въ томъ мірѣ вѣры, въ какомъ находились во времена Бонифація и Бернара Клервосскаго. Вся современная атмосфера была насыщена критическими, оппозиціонными элементами; лица, вкусившія новаго образованія, смотрѣли съ безконечнымъ презрѣніемъ на погрязшихъ во тьмѣ, схоластически-обученныхъ или выполненныхъ въ такомъ духѣ. На нихъ, державшихся старья, сыпались остроты и насмѣшки. Но міръ не сталъ свободнѣе отъ того, что издѣвался надъ своими цѣпями. Всѣ остерегались доводить свою оппозицію до риска сломать себѣ шею, помня, что четыре первыя десятилѣтія XV вѣка доказали, до чего могущественно еще папство, и конецъ гусситской революціи вселялъ страхъ въ оппозиціонные элементы. Не прекращавшіяся или возобновляемыя финансовыя вымогательства возбуждали однакоже негодованіе; неизлѣчимыя язвы среди духовенства вызывали осужденіе или смѣхъ, смотря по расположенію лицъ, но общество, вообще, предпочитало только тѣшиться розсказнями б безобразіяхъ, происходившихъ въ

мужскихъ и женскихъ монастыряхъ, при чемъ, разумѣется, лишь часть этихъ сплетень была достовѣрною. Всѣ мирились съ существовавшимъ порядкомъ вещей, обычнымъ, заведеннымъ испоконъ вѣка. Трусость и полуложь въ отношеніи церковныхъ и религіозныхъ вопросовъ, подлаживаніе, компромиссы, при полномъ внутреннемъ индифферентизмѣ,—все это знаменовало ту эпоху, какъ служитъ теперь знаменіемъ и нашей. Во всѣхъ матеріальныхъ сторонахъ жизни эта эпоха,—вторая половина XV столѣтія.—дѣлала громадные успѣхи. Всѣ человѣческіе интересы направлялись сюда; благосостояніе возрастало повсюду, а вмѣстѣ съ нимъ жажда наслажденій и роскоши. Можно было позволять себѣ все и затѣмъ примиряться со своею совѣстью посредствомъ пожертвованія или какого-либо другого добраго дѣла въ духѣ господствовавшихъ церковныхъ понятій, отлично приспособленныхъ къ сдѣлкамъ такого рода.

Мартинъ Лютеръ.

Въ общемъ, правящіе общественные классы того времени,—государи и высшее духовенство съ его свитой,—совершенно удовлетворялись, повидимому, существовавшимъ положеніемъ вещей, для нихъ, дѣйствительно, выгоднымъ. Никому не могло придти на мысль, что весьма ничтожное, по внѣшности, обстоятельство,—споръ между монахами, просто повздорившими, какъ казалось, въ небольшомъ нѣмецкомъ университетѣ, именно самомъ младшемъ изъ нихъ, Виттенбергскомъ, на Эльбѣ,—послужитъ къ совершенному перевороту европейскаго общества черезъ малое число лѣтъ. Между тѣмъ, это совершилось: при папахъ Александрѣ VI и Юліи II, въ одномъ изъ тюрингенскихъ монастырей выросталъ юноша, принимавшій къ сердцу дѣло христіанства. Онъ былъ незнакомъ съ мірскими треволненіями, не зналъ политики и степени того участія, которое принимаетъ въ ней Церковь. Въ то время, какъ слова Древняго и Новаго Завѣта являлись лишь во внѣшнемъ смыслѣ, какъ изреченія или подтвердительные тексты для такихъ дѣяній, которыя не имѣли ничего общаго съ истиннымъ дѣломъ Христовымъ,—слово Господне, Священное Писаніе, какъ нѣчто цѣлое, вмѣщающее духъ Христова ученія, тронуло душу искренняго и твердаго человѣка. Этотъ августинскій монахъ, Мартинъ Лютеръ, сынъ тюрингенскаго горнорабочаго, выступилъ со всѣмъ простодушіемъ истаго крестьянина противъ общаго неисцѣлимаго злоупотребленія, и нанесъ тѣмъ, самъ того не зная и не желая, первый ударъ зданію, которое впервые показалось тогда всѣмъ такимъ расшатаннымъ, какимъ было въ дѣйствительности, и не удовлетворяющимъ болѣе измѣнившимся потребностямъ духа европейскаго человѣчества.



Указатель ко второму тому.

Аргау, 389. 400.
Аргусъ (Гаруза), 116.
Аахенъ, 74, 81, 88, 89, 91—93, 96, 99, 113, 124, 132, 136, 137, 153, 194, 262, 270, 282, 306, 308, 313, 338, 382. Соборъ, рис., 87, 392, 415, 426.
Аба, 157, 158.
Аббасиды, 65, 67, 77.
Аббіо, 73.
Аббондіо, Антоніо, 545.
Абдаллахъ, 46.
Абдаллъ-Абулъ-Аббасъ, 65.
Абдальмаликъ, 53.
Абдеррахманъ, военачальникъ, 59.
Абдеррахманъ I, 65, 77.
Абдеррахманъ III, 125, 126.
Абеляръ, 361.
Абубекръ, 47, 51.
Абульказемъ, 130, 131.
Абу-Суфьянъ, 50.
Абу-Талебъ, 46.
Аварія, 76.
Авары, 52, 75, 76, 214.
Августинъ, 18, 19, 85, 100, 471.
Августъ, 7, 10, 12.
Авентинскій холмъ, 134.
Авиньонъ, 160, 406, 418, 420, 422, 424, 439, 455, 489.
Авраамъ, 49.
Австразія, 55, 58.
Австрійское эрцгерцогство, 128.
Австрія, 76, 275, 332, 391, 393, 394, 416, 432, 446.
Автарисъ, 41.
Агилульфъ Туринскій, 41; рельефъ, рис., 41.
Агнеса, жена Генриха III, 168, 172.
Агнеса, дочь Генриха IV, 187.
Агнеса, жена Генриха (сына Генриха Льва), 302.
Агнеса Пуатье, 158.
Адальберъ Трирскій, 262.
Адальбертъ Бременскій, 163, 170—172, 174.
Адальбертъ Ибрійскій, 119, 124.
Адальбертъ Майнцскій, 250, 253.
Адальбертъ Пражскій (Войтѣхъ), 133, 134, 136, 157.
Адальберъ Реймскій, 203.
Адальдагъ, 116.
Адамъ, 49.
Адда, 22.
Адельгейда, жена Оттона Великаго, 119—121, 123, 124, 131—133, 136.
Адельгейда (Евпраксія или Параскева), жена Генриха IV, 193.
Адельгизъ, 70.
Адемаръ Мерзебургскій, 254.
Адемаръ Пюійскій, 239, 242.
Адольфъ Голштинскій, 300.
Адольфъ Кёльнскій, 306, 308, 309.
Адріанополь, 293, 512, 516.
Адріанъ, имп., 12.
Адріанъ I, папа, 70, 84.
Адріанъ IV (Брэкспиръ), 273, 274, 275, 278.
Адріатическое море, 300, 319.
Азазилъ (Сатана), 49.
Азинкуръ, замокъ, 570.
Азовское море, 217.
Азойское княж., 345.
Азраилъ, архангелъ, 49.
Айстульфъ, 64, 69.
Аквилейя, 300.
Аквитанія, 58, 59, 83, 89—91, 93, 158, 160, 203.
Аквэ-Сексціэ, 5.
Акконъ, 245, 297, 298, 300, 354—356, 366.
Аларихъ II, 27, 29.
Алафдаль, 244.
Албанія, 519.
Алезія, 7.
Александрія, 19, 52, 591.
Александрія, крѣпость, 284.
Александръ II (Ансельмъ), 170—172, 177, 207.
Александръ III (Роландъ), 278—281, 284, 285, 288.
Александръ IV, 383.
Александръ V (Петръ Кандіо), 491—493.
Александръ VI, папа, 588, 598, 520, 599.
Александръ, князь Литовскій, 535, 541.
Александръ Ярославовичъ Невскій, 481.
Алексѣй I, 239, 241, 244, 245.
Алексѣй III, 303, 316.
Алексѣй IV, 316, 317.
Алексѣй V, 317.
Алексѣй, митрополитъ, 484.
Алеппо, 512.
Али, 47, 52.
Алиса Пиррерсъ, 468.
Алкуинъ, 85, 100, 205.
Аллахъ, 48, 51.
Аллеманы, Аллеманія, 4, 14, 26, 28, 37, 58, 62, 67, 70, 79, 92, 107, 416, 417.
Аллеманское герц., 309.
Алмейда (донъ-Франциско д'), 591.
Альберикъ, 120.

Альбертъ, король рипуарскихъ франковъ, 28,
Альбертъ ф.-Болльштэдтъ, 376, 378.
Альби, 315.
Альбигойцы, 315.
Альбоинъ, 39, 40.
Альбрехтъ Аншпахскій гр., 550.
Альбрехтъ Ахиллесъ Бранденбургскій (изображеніе), 547, 548, 555.
Альбрехтъ I, Нѣм., 394—401, 406, 417; извѣщеніе объ его кончинѣ, рис., 401.
Альбрехтъ V, герцогъ Австрійскій, 507. Онъ же Альбрехтъ II, король Германскій, ibid. и 508.
Альбрехтъ Медвѣдь, 262, 263, 266—268.
Альбрехтъ Мекленбургскій, 449, 450, 459, 460.
Альбрехтъ II, Саксонскій, 392, 394, 397.
Альбукерке (Альфонсо), 591.
Альгварайскія горы, 353.
Альмансуръ, 67.
Альморавиды, 200, 238.
Алькантары, орденъ, 353.
Альпъ-Арсланъ, 238.
Альпы, 154, 184, 189, 311, 416.
Аль-Серотъ, 49.
Альтенбургъ, 268.
Альфонсъ I, Португальскій, 353.
Альфонсъ II, король Астуріи, 77.
Альфонсъ V, кор. Португальскій, 584, 597.
Альфонсъ VI Кастильскій, 353.
Альфонсъ VII Кастильскій, 200.
Альфонсъ X Кастильскій, 382. Статуя, рис., 383, 389.
Альфредъ Великій, 205.
Амалазунта, 24, 33.
Амаларихъ, 29, 53.
Амальрихъ Іерусалимскій, 290, 292.
Амальрихъ Лузиньянскій, 303.
Амальфи, 246.
Амбрасъ, 435.
Амвросій, 18, 154, 179.
Амгеръ, 73.
Амедей VIII, герцогъ Савойскій; см. Феликсъ V.
Америго Веспуччи, 589.
Америка, 211.
Ампфингерская равнина, 417.
Амру, 52.
Анаклетъ II, 258, 259, 261.
Ананьи, 326, 405, 406, 489.
Анаръ Дамасскій, 247.
Анастасій, 23, 31.
Анастасія, дочь Ярослава I, 236.
Ангелы, династія, 295.
Англичане, 297, 426.
Англія, 204—211, 240, 253, 254, 258, 298, 300, 304, 308, 315, 323, 338, 345—349, 352, 402, 414, 440, 453, 460, 462, 465, 468—470, 489, 494, 496.
Англосаксы, 4, 61, 62, 67, 68, 205, 207, 348.
Ангулемъ, 462.
Ангора, 512.
Андалузія, 353.
Андернахъ, 115.
Андрей Александровичъ, 482.
Андрей Боголюбскій, 231—233, 474, 475 (смерть его, рис.).
Андрей I Венгерскій, 163, 236.
Андрей II Венгерскій, 321.
Андрей III Венгерскій, 400, 455.
Андроникъ II, импер. Греч., 454.
Андроникъ III, 454.
Анжу, 345, 352, 455.
Анкона, 64, 281, 308, 321.
Анконская марка, 309.
Анна, дочь герцога Бретаньскаго, супруга Карла VIII, короля Французскаго, 576.
Анна, жена Владиміра Св., 224.
Анна, дочь Людовика XI, 574.
Анна, дочь Ярослава I, 236.
Аннонъ Кёльнскій, 180—174, 176, 177.
Ансгарій, 94.
Ансельмъ Кэнтерберійскій, 255, 271, 361.
Антильскіе о-ва, 590.
Антіохія, 19, 51, 241, 242, 244—247, 290, 294, 356.
Антоній, 19.
Антоніо Аббондіо, см. Аббондіо.
Антоніо Филарете, см. Филаретъ.
Антоній Фрязинъ, см. Фрязинъ.
Антонъ Зоргъ, см. Зоргъ.
Аполлона храмъ, 60.
Аппенинскій полуостровъ, 22.
Аппенины, 405.
Апулія, 36, 98, 126, 130, 139, 163, 165, 169, 201, 241, 245, 258, 261, 289, 302, 303, 310, 325, 329.
Арабы (см. также Сарацины), 43—46, 52—55, 58, 59, 65, 67, 76, 77, 97, 98, 118, 126, 130, 131, 139.
Аравитяне, 199—201, 353.
Аравія, 44, 46; Счастливая, 44, 46; Каменистая, 44, Песчаная, 44.
Арагонія, 200, 353, 489.
Арафатъ, 50.
Ардены, 73, 92.
Арелатское государство, 204, 395, 399, 412, 423.
Арибертъ Миланскій, 151, 154, 156, 157.
Арибонъ Майнцскій, 146, 150, 151.
Аріовистъ, 5, 6.
Аріосто, 599.
Аристотель Фіоравенти, 536.
Арихисъ, 70.
Арійцы, 5.
Арль, 160, 204, 319.
Арманьякъ, графъ, 593.
Арменія, 238, 303.
Арминъ, 10—12.
Армяне, 241.
Арнольдъ изъ Брешіи, 271—274.
Арнольдъ Вальдпотъ, 388.
Арнольдъ Винкельридъ, см. Винкельридъ.
Арнольдъ Майнцскій, 280.
Арнольдъ, настоятель Сито, 319.
Арнульфъ, св., 94.
Арнульфъ, имп. рим., 97—99, 117.
Арнульфъ Баварскій, 105, 107. 108, 114.

Арпады, 455.
Аррасъ, г., 456, 572.
Артуръ, принцъ англійскій, сынъ Генрихъ VII, 580.
Артуръ, племянникъ Іоанна Безземельнаго, 347.
Аскалонъ, 244, 245, 266, 298.
Асканіи, 418, 430.
Ассизы 321.
Астурійскія горы, 77.
Астурія, 77, 199.
Аталарихъ, 24.
Аталія, 266.
Атлантическій океанъ, 58, 80.
Аттила, 22, 39, 214.
Аттиньи, 73.
Аугсбургъ, 122, 151, 182, 184, 258.
Аугсбургская долина, 122.
Африка, пров. Рима, 4, 32—34, 53, 67.
Ахенъ, см. Аахенъ.
Ахматъ, ханъ, 535.
Аццо д'Есте, 173.
Ашафенбургъ, 510.
Аэша, 52.
Аѳанагильдъ, 42.
Аѳанасій Александрійскій, 20.
Аѳинское герц., 354.
Бабенберги, 105, 264, 275.
Баварія, 28, 83, 91, 93, 105, 107, 114, 120—122, 128, 131, 151, 153, 156, 157, 164, 170, 194, 195, 252, 259, 261—263, 267, 270, 275, 394, 416, 448.
Баварцы, 58, 62, 67, 77, 122, 150.
Багдадъ, 67, 78, 130, 238, 242, 244, 512.
Баденъ, 400, 445.
Базель, 8, 311, 382, 383, 392, 501, 567.
Байенбергъ, 128.
Балдуинъ I Греч., 317, 354.
Балдуинъ II Греч., 354.
Балдуинъ I Іерусалимскій, 240, 241, 244, 245.
Балдуинъ II Іерусалимскій, 245, 246.
Балдуинъ III Іерусалимскій, 266, 290.
Балдуинъ IV Іерусалимскій, 292.
Балдуинъ V Іерусалимскій, 294.
Балдуинъ Люцельбургскій, Трирскій, 414, 422, 424: рис.: полученіе имъ извѣстія о кончинѣ Альбрехта I, 401; миніатюра изъ его книги, 409.
Балдуинъ Фландрскій, 164, 165.
Балтазаръ, см. Іоаннъ XXIII.
Балтійское море, 99, 215, 344, 437, 440, 450.
Балтійское побережье, 234.
Бальбоа (Васко Нуньецъ), 590.
Бамбергъ, 125, 259, 262, 268, 282, 309, 548. Соборъ, рис., 147.
Бардевикъ, 300.
Бари, 139, 165, 260, 489.
Бартаръ, 58.
Барц(с)елона, 78, 92.
Батавы, 12.
Батль-Абби, 207.
Батый, 334, 477, 478, 481.
Бауцела, 138.
Бахарахъ, 302.
Баязетъ I, 455, 456, 511, 512.—II, 520.
Беатриса, жена Готфрида Лотарингскаго, 166.
Беатриса, жена Барбароссы, 275; рис.: скульптурное изображ. на порталѣ Фрейзингенскаго собора, 270, 275.
Беатриса, жена Оттона IV, 309, 310, 311.
Бегаймъ (Мартинъ), 584.
Бедави, 44.
Бедръ, 47.
Бедфордъ, герц., регентъ англійскій, 577.
Бедуины, 45.
Безансонъ, 275, 276.
Безьеръ, 319.
Бейрутъ, 325.
Бекельгеймъ, 196.
Бекъ, 168.
Беліоль (Джонъ), 463.
Бельгія, 26.
Беневентъ, 70, 130, 136, 146, 152, 165, 281, 384.
Беневентское княж., 201.
Бенедиктъ Нурзійскій, 60, 62, 102, 161.
Бенедиктъ VIII, 139, 146.
Бенедиктъ IX, 157, 162, 163; —X, 168—XI, 406; —XII, 423; —XIII, 489, 491, 494, 496.
Бергамъ, 281.
Бергенъ, 343, 453.
Беренгаръ Иврійскій, 118—120, 124, 125.
Беренгаръ Турскій, 168, 169, 361.
Беренгаръ Фріульскій, 97, 117.
Берлинъ, 420.
Бернаръ Клервосскій, 255, 258, 260, 262—264, 271, 360, 361.
Бернвардъ Гильдесгеймскій, 132, 134, 136, 142; верхняя доска переплета, изготовлен. въ его мастерскихъ, рис., 143.
Бернгардъ Италійскій, 91, 92.
Бернгардъ Саксонскій, 172.
Бернгардъ Септиманскій, 92.
Бернгардъ, дядя Карла Великаго, 70.
Бернгардъ, сынъ Альбрехта Медвѣдя, 286.
Бернгарда Св. гора, 70.
Бернъ, 388, 442.
Берта, мать Карла Великаго, 69.
Берта, жена Генриха IV, 173, 184.
Бертольдъ Баварскій, 114, 116, 128; —фонъ-Бухенъ, 419; —Каринтійскій, 172, 175; —архіеп. Майнцскій, 562; —Швабскій, 107.
Бертранъ де-Борнъ, 368.
Бертранъ Дюгекленъ, 468.
Бертранъ, сынъ Раймунда Тулузскаго, 275.
Біанка-Марія, д. Галеаццо-Марія Сфорцы, гцг. Миланскаго, вторая супруга Максимиліана, 558.
Бибарсъ, 356.
Билунгеры, 163, 172, 173, 256.
Биловъ, 462.
Бингенъ, 388,
Биргеръ, 343, 459.
Бланка Кастильская, 350, 355.
Бланшъ Валуа, 429.
Блоа, 240.
Боабдилья (Францискъ де-), 590.

Бове, 351
Бовинэ, 347, 350.
Богемія, 110, 128, 138, 153, 166, 174, 212, 253, 386, 393, 394, 397, 400, 414, 415, 422, 436, 437, 450, 452, 479, 491, 492.
Богемскій бродъ, 502.
Богемцы, 257.
Боголюбово, с., 475.
Боденское озеро, 4, 493.
Бозонъ Віенскій, 97, 202.
Бойи, 10.
Боккачіо, 601.
Болгарія, Болгары: 39, 217, 218, 222, 318, 354, 455, 477, 478, 485.
Болеславъ I Храбрый, 151, 157, 212, 225.
Болеславъ II Смѣлый, 174.
Болеславъ III Польскій, 261.
Болеславъ IV Польскій, 275.
Болеславъ Богемскій, 128.
Болеславъ, герцогъ, 136, 138.
Болонья, 281, 332, 501.
Бонды, 343.
Бонифацій (Винфридъ), 63, 64, 84.
Бонифацій Монферратскій, 316, 317, 332.
Бонифацій Тусційскій, 154, 163.
Бонифацій Өессалоникійскій, 354.
Бонифацій VIII (Каэтано Ананьи), 399, 402, 403 (на картинѣ Джіотто, рис.) 405, 460, 463;—IX, 489, 515.
Боннъ, 8, 109, 415,
Борджіа (Цезарь), 599.
Борецкіе бояре, 532.
Бородатый (дьякъ московскій), 532.
Боруссы, см. Пруссы.
Боснія, 518.
Босфоръ, 213, 266, 316.
Ботфельдъ, 166.
Боэмундъ I, Антіохійскій, 240—242, 244, 245.
Боэмундъ II Антіохійскій, 246.
Боэцій, 24.
Бразилія, 591.
Бранденбургъ, 116, 125, 132, 386, 397, 415, 418, 420, 430, 437, 450.
Браниборъ, 110.
Браунбергъ, 440.
Брауншвейгъ, 286, 312.
Брейтенвангъ, 261.
Бременъ, 74, 254, 327, 440.
Бретань, 26, 202, 203.
Бретиньи, 465, 468.
Бретиславъ Богемскій, 153, 157, 212.
Брешія, 281, 332, 333, 452.
Бриксенъ, 188.
Бриндизи, 325.
Британнія, 4, 61, 67. 68.
Бритты, 26, 205.
Брунгильда, супруга Сигберта I, 42.
Брундузіумъ, 318, 324.
Брунонъ, 116, 117, 120, 121, 123, 125.
Брусса, 454.
Брэкспиръ, см. Адріанъ IV.
Бувинэ, 312, 313.
Брюсы, 463.
Буксгевденъ Альбертъ, 234.
Буонконвенто, 413.
Бургундія, 55, 58, 97, 145, 151, 154, 156—158, 160, 163, 202—204, 253, 286, 466.
Бургунды, 4, 22, 26, 29, 30.
Бурхардъ Швабскій, 128.
Бурхардъ Младшій, 107, 108.
Бурхардъ Старшій, 105.
Бухара, 477.
Бѣлградъ, 295.
Бэда, 205.
Бэла I Венгерскій, 168.
Бэла III Венгерскій, 295.
Бюренъ, графъ, 187.
Валахія, 455.
Вайфаръ Аквитанскій, 65.
Вакхъ, 19.
Валахія, 518.
Валенція, 200, 353.
Вальдемаръ I Датскій (Великій), 288, 344; II Датскій, 327, 344; IV, 441, 459.
Вальдемаръ Шведскій, 343.
Вальдемаръ Бранденбургскій-Лже, 430.
Вальденцы, 315.
Вальтеръ Неимущій, 240.
Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде, 370. Миніатюра, рис., 369.
Вальядолидъ, 590.
Вандалы, 4, 22, 23, 32, 33, 61.
Варака, 47.
Варберъ (Перкинъ), 580.
Варвикъ, графъ, 578, 579.
Варна, 513, 515.
Вартбургъ, 337.
Вартъ, фонъ, 400.
Варъ, Кв., 10, 11.
Варяги, 215.
Василій I Дмитріевичъ, 487, 488, 526, 527.
Василій II, 130, 224, 487, 488.
Василій II Васильевичъ, 527. (Онъ же—Темный), 528.
Василій Косой, 527.
Василій Шемяка, 527.
Василій III Васильевичъ, 538, 539 и слѣд. 544.
Васильсурскъ, 542.
Васко-де-Гама, 591.
Васконы, 77.
Ватиканъ, 412.
Везонціо, 6.
Вейденъ, ф. д. (Рожеръ), 553.
Вейзы, 379.
Вейнсбергъ, 263.
Велидъ I, 53, 58.
Велизарій, 32—36, 38, 61.
Вельпесгольтъ (Вельфесгольцъ), 251.
Вельфъ, 92, 263, 267, 268, 270.
Вельфы, 194, 257, 264, 269, 275, 285, 300, 307—309, 340.
Венгрія, 76, 153, 154, 158, 163, 164, 166, 168, 171, 174, 176, 265, 295, 315, 334, 395, 450, 452, 455, 456, 479, 481.
Венгерцы, 201, 240.
Венды, 110, 112, 122, 123, 131, 138, 172, 255, 267.
Венеція, 201, 281, 285, 315, 316, 318, 356, 373, 457, 597.
Венеціанцы, 354.
Венцеславъ I Чешскій, 332, 393, 394; II, 400.
Венцеславъ (кор. нѣмецк.), 437, 443—445, 448, 450, 452. Рис.: мѣсторожденіе его—Нюренбергскій замокъ, 444; придворныя увеселенія, 445; печать «Союза мира», 449, 490, 499, 505.

Венцеславъ, братъ Карла IV, Нѣм., 437.
Верденъ (Виродунумъ), 73, 74, 96.
Вермандуа, 203.
Вернеръ Майнцскій, 389.
Верона, 22, 70, 131, 146, 274, 281, 289, 311.
Веронская марка, 128.
Веронскій союзъ, 282.
Верра, 71.
Верцеллэ, 5.
Веспуччи, см. Америго.
Вессексъ, 98.
Вестготы, 4, 22, 23, 29, 53—55, 61, 77.
Вестминстеръ, 470.
Вестфалія, 250, 440.
Вестфалы, 71.
Вибальдъ изъ Стабло, 267.
Вибертъ Равенскій, 188.
Вигбертъ, 62.
Видерадъ Фульдскій, 171.
Видукиндъ Корвейскій, 106, 108, 117.
Видукиндъ Сакскій, 73.
Віенна, 461, 462.
Византія, см. Константинополь.
Визби, 440, 441, 450.
Викинговъ древнихъ ладьи (рис.), 218, остатки ладьи (рис.), 220.
Виклифъ (Уайклифъ), 471—473, 491, 492, 495, 496.
Викторія, 338.
Викторъ, 582.
Викторъ II, 166, 168.
Викторъ III (Дезидерій), 192.
Викторъ IV (Октавіанъ), 278, 280.
Вилла, 125.
Виллибродъ, 62.
Виллигизъ Майнцскій, 132, 136, 138.
Вильгельмъ Австрійскій, 456.
Вильгельмъ Голландскій, 388.
Вильгельмъ IV Голландскій, 426.
Вильгельмъ I Сицилійскій, 274, 275, 281.
Вильгельмъ II Сицилійскій, 285, 289, 300.
Вильгельмъ Завоеватель—I Англ. и II Норман., 204, 206—209.
ВильгельмъII,Рыжій,Англ., 209.
Вильгельмъ Голландскій, 338, 376, 382.
Вильгельмъ, сынъ Генриха I, Англ., 209.
Вильгельмъ Майнцскій,122.
Вильгельмъ Утрехтскій, 181.
Вильгельмъ Элійскій, 347.
Вильцы, 74,
Виндзоръ, 582.
Винфридъ, 205.
Винчестеръ, 208, 209.
Виппо, 156.
Виргилій, 205.
Висбаденъ, 443.
Висконти, 422, 438; — Галеаццо, 418, 452;—Маттео, 412. 418, 594; Барнабо 439. Джіованни-Марія (изображеніе), 594.—Филиппо-Марія, ibid.
Висла, 326.
Висмаръ, 449, 450, 460.
Витебская область, 523.
Вительсбахи, 414, 418, 422, 425, 429, 430, 437.
Витербо, 310.
Витигезъ, 34, 35.
Витизъ, 54.
Витичевъ, 229.
Витовтъ, 506, 525, 526, 527.
Виттенбергъ, 567.
Виченца, 332.
Виѳлеемъ, 325.
Владиміро-Суздальское кн., 474, 476, 479, 481, 482, 483, 485.
Владиміръ-Волынскій, 231.
Владиміръ Равноапостольный, 222, 224, 225, 235; памятникъ въ Кіевѣ, рис., 223.
Владиміръ Мономахъ, 230.
Владиміръ-на-Клязьмѣ,231, 475, 479, 481—484.
ВладиміръСтарицкій(Храбрый), 486.
Владиславъ-Богемскій, 263.
Владиславъ (Ягелло), 513.
Владиславъ III (Ягелло), Польскій король; — печать его, 514; — Короткій, 420.
Владиславъ IV Венгерскій (Бэла), 391, 395.
Вогезы, 92.
Вокулёръ, 311.
Волга, 214, 217, 225, 232, 477, 479.
Волховъ, 215, 231.
Волынское княж., 231, 523, 474.
Вольтурно, 37.
Вольфрамъ ф.-Эшенбахъ, 371.
Вормсъ, 63, 72, 88, 93, 96, 124, 125, 172, 175, 176, 180—182, 252, 282, 286, 302, 309, 327, 329, 388, 558.
Восточная марка, 128, 275.
Всеволодъ (Великое Гнѣздо), 476.
Вуглэ, 29.
Вуотанъ, 16, 17.
Вѣна, 8, 300, 332, 393, 491, 510.
Вюртембергъ, 28.
Вюрцбургъ, 175, 186, 192, 257, 258, 268, 310, 337. Монастырь, 117.
Вятичи, 215, 224.
Вятка, 530.
Габсбурги, 394, 396, 400, 406, 414, 417, 420, 423, 437, 446, 448, 452.
Гавельбергъ, 116, 125, 132.
Гавріилъ архангелъ,47—49.
Газа, 355.
Гаити, о-въ, 589.
Гайнгольцъ, 416.
Гаконъ V, 343,—VIII, Норвежскій, 458, 459.
Галатія, 33.
Галиполи, 454.
Галиція, 353, 456.
Галицкое княж., 231, 474, 476, 523.
Галлія, 4, 6, 22 — 24, 26, 29, 40, 55, 58, 65, 78, 115, 117, 199, 202, 238.
Галлъ, Св., 110.
Галлы, 12, 84.
Галль, 62.
Гальсвинѳа, 42.
Гамбургъ, 94, 99, 116, 132, 388, 440.
Гамельсдорфъ, 415.
Гандерсгеймскій мон., 117, 136.
Ганза, 236, 388, 439—441, 445, 450, 458—460. Рис.: воен. корабль XIV в., 440; охранная грамота, выданная купцамъ Андреемъ Александровичемъ, 482.

Ганибекъ, 484.
Гансъ Шильдбергеръ, см. Шильдбергеръ.
Гаральдъ I Норвежскій, 210.
Гаральдъ II Датскій, 128, 132.
Гаральдъ II Англійскій, 206, 207.
Гаральдъ IV Датскій, 236.
Гаргана, 137.
Гардское озеро, 119, 120.
Гарибальдъ, герц. Бойоаріевъ, 41.
Гарильяно, 80, 118.
Гарольдъ, 94, 95.
Гаронна, 29, 319, 348.
Гартиканутъ, 206.
Гартманнъ, сынъ Рудольфа Габсбургскаго, 393.
Гаруза, см. Аргусъ.
Гарунъ-аль-Рашидъ, 88.
Гарцбургъ, 174—176, 312.
Гарцскія горы, 286.
Гарцъ, 148.
Гасконія, 203, 314.
Гастингсъ, 207.
Гаттонъ Майнцскій, 99, 106.
Гашемиты, 46, 65.
Гаэта, 281.
Гвадалквивиръ, 54, 353.
Гваделупа, о-въ, 588.
Гвадіана, 200.
Гвельфы, 410, 412.
Гвидо Лузиньянъ, 294.
Гвидо, Тарлати ди-Пьетрамале, 421.
Гвидонъ, см. Каликстъ II.
Гебгардъ Регенсбургскій, 165, 166.
Гебгардъ Эйхштедскій, 166.
Гегель, 357.
Гедвига—см. Ядвига.
Гедиминъ, 523.
Гезилонъ Гильдесгеймскій, 171.
Гейдельбергъ, 446, 491.
Гейза, 153.
Гейзерихъ, 32.
Гейнцъ (Энціо), 338.
Гелазій II, 251.
Гелимеръ, 33.
Геллеспонтъ, 296.
Гельгеймъ, 397, 417.
Гельсингбергъ, 441.
Генисаретское озеро, 294.
Геннегау, 426.
Генрихъ I, Франц., 154, 204, 236.
Генрихъ I, Англ., 209, 250.
Генрихъ II, Англ., 297, 345, 346. Надгробн. изображ., рис., 345.
Генрихъ III, Англ., 329, 348, 349. Рис.: надгробное изображен., 349; печать, 350.
Генрихъ I, Нѣм., 106—113, 117. Рис.: печать, 108; гробница, 111.
Генрихъ II, Св. или Хромой, 124, 128, 138—140, 142—146, 149, 151, 254. Рис.: миніатюра изъ молитвенника, 141; титульное изобр. одного изъ кодексовъ Бамбергской библіотеки, 144; изобр. съ портала Бамбергскаго собора, 145; Бамбергскій соборъ, 147.
Генрихъ III, Англійскій, 463.
Генрихъ III, Нѣм., 151, 153, 154, 156—164, 166, 155.
Генрихъ IV, Англійскій (Ланкастерскій), 469, 470. надгробіе, рис., 471.
Генрихъ IV, Нѣм., 167. 172—182, 184—190, 192, 194, 195, 197, 198, 204, Рис.: на тронѣ, 190; печать, 198.
Генрихъ IV и V, изображ. столкновенія, которое чуть было не произошло между ними, рис., 196.
Генрихъ V, Нѣм., 194, 195, 198, 247—253; врученіе царской утвари папой Пасхаліемъ II, рис., 249.
Генрихъ V, король Англійскій, 569, 576, 577.
Генрихъ VI, Нѣм., 282, 288, 289, 295, 300, 302—306. Рис.: по изображ. въ парижской рукописи, 299; гробница, 305.
Генрихъ VI, король Англійскій, 570, 576, 577, 578, 579, 580.
Генрихъ VII, Нѣм., 406, 412—414. Рис.: избраніе въ короли, 409; гробница въ Campo Santo въ Пизѣ, 411.
Генрихъ VII (онъ же Ричмондскій), король Англійскій, 579, 580, 581, 589.
Генрихъ VII имп. Герм., 505.
Генрихъ Аугсбургскій, 128, 168.
Генрихъ Бабенбергскій, 270
Генрихъ Баварскій, 114—116, 120, 122—124, 256, 393;—II, 423, 425.
Генрихъ Баварскій, Гордый, 257, 260—262.
Генрихъ Брабантскій, 302, 308.
Генрихъ (фонъ-Бирнебургъ) Кёльнскій, 406, 414, 424.
Генрихъ Брауншвейгскій, 300, 302.
Генрихъ Бургундскій, 353.
Генрихъ фонъ-Вельдекъ, 288, 371.
Генрихъ Греч., 354.
Генрихъ Дандоло, 315.
Генрихъ Младшій, герцогъ Каринтіи, 128, 131.
Генрихъ Каринтійскій, 400, 406, 422, 423, 425.
Генрихъ Карпатійскій, 128.
Генрихъ Кастильскій, 384.
Генрихъ Левъ, 262, 263, 266—268, 275, 281, 282, 286, 288, 292, 295, 300, 306.
Рис.: воздвигнутый имъ бронзовый левъ въ Брауншвейгѣ, 283; надмогильное изображ., 301.
Генрихъ Лютихскій, 192.
Генрихъ Майнцскій, 267.
Генрихъ Мореплаватель, инфантъ, сынъ Іоанна I, короля Португальскаго, 584.
Генрихъ Распе, 337.
Генрихъ Саксоно-Баварскій, 284.
Генрихъ Саксонскій, 270.
Генрихъ Язомирготъ, 263, 275.
Генрихъ, сынъ Оттона Великаго, 121.
Генрихъ, сынъ Конрада III, 267.
Генрихъ, сынъ Генриха II Англійскаго, 346.
Генрихъ, сынъ Фридриха II, 322, 323, 326, 327, 329.
Генрихъ, братъ Оттона IV, 308, 311, 322.

Генсбергъ, ф. (Бертольдъ), архіеп. Майнцскій, 556.
Гентъ, г., 556.
Генуя, 201, 279, 311, 316, 319, 334, 335, 356, 373.
Георгій Кастріотъ, см. Кастріотъ.
Георгій Подебрадъ, см. Подебрадъ.
Гепиды, 39.
Гептархія, 68.
Гераклій, 52.
Герберга, 109.
Герберштейнъ, Сигизмундъ, баронъ, 538, 539. (Изображеніе), 540, 541.
Гергардъ Лотарингскій, 163
Герибертъ, 109, 110.
Геркулесовы столпы, 51.
Германикъ, 11.
Германія, 5, 10, 14, 24, 61, 63, 71, 74, 95, 107, 118, 121, 125, 131, 137, 139, 140, 146, 148, 149, 151—154, 156—158, 166, 170, 174, 176, 179, 181, 184, 189, 192, 193, 195, 199, 240, 251—254, 256, 258, 263, 280—282, 286, 289, 304, 307, 311, 315, 323, 326—329, 331, 335, 336, 338, 344, 370, 373, 374, 382, 386, 389, 394, 395, 397, 399, 402, 412, 414, 416, 420, 423, 424, 427, 430, 433, 436, 439, 445, 448, 450, 452—454, 456, 460, 481, 489, 494.
Германцы, 5, 7—11, 14—18, 22, 28, 61; рис.: первыя упоминанія ихъ имени на мраморной доскѣ, 3, семейство 4; плѣнный. 6; кавалеристъ, 7; совѣщаніе, 9; раззореніе ихъ деревни, 13; женщины, слѣдующія за войскомъ, 16.
Германъ Биллунгъ, 116, 122.
Германъ фонъ-Зальца, 323, 326.
Германъ Кёльнскій, 164.
Германъ Люксенбургскій, 189, 192.
Генрихъ Мецскій, 182, 362.
Германъ Рыболовъ, 379.
Германъ Тюрингенскій, 311.
Германъ Швабскій, 114, 116, 138.
Германъ Св., 75.
Гермерсгеймъ, 395.
Геро, 115, 116, 122.
Герстунгенъ, 575.
Герсфельдъ, 177.
Гертруда, 257, 263.
Герулы, 22.
Герцеговина, 518.
Гессенъ, 63, 448.
Геттина (Гиддина), 224.
Гибеллины, 410, 412, 419, 420.
Гибихенштейнъ, 158.
Гибралтаръ, 54, 125.
Гизела, 145, 150, 151.
Гизело Лотарингскій, 158.
Гизельбертъ Лотарингскій, 109, 114.
Гильдебрандъ, см. Григорій VII.
Гильдесгеймъ, 74.
Гильомъ Аквитанскій, 158, 161.
Гильомъ II, 258.
Гильомъ де-Ногарэ, 404, 405.
Гимильтруда, 70.
Гинкмаръ Реймскій, 100—102.
Гларусъ, 442, 448.
Глочестеръ, герц., регентъ англійскій, 577.
Глочестершайръ, 207.
Гнѣзно, 136, 157.
Гоа, 591.
Гогенбургъ на Унструтѣ, 176.
Гогенцоллернъ, Фридрихъ, Нюренбергскій, 392, 417, 448, 495.
Гогенцоллерны, 437.
Гагенштауфены, 402.
Годвинъ Кентскій, 206.
Годфруа Анжуйскій, 209.
Гойеръ фонъ-Мансфельдъ, 251.
Голландія, 26, 426.
Голомуцъ, 479.
Голштинія, 308. 440.
Гольбейнъ, 497.
Гольцеръ, Вольфгангъ, 550.
Гонорій II (Ламбертъ), 253, 257, 258.
Гонорій III, 319—322, 324.
Гормъ Датскій, 112—210.
Госларъ, 152, 166, 171, 174, 177, 180, 186, 189, 270, 322. Императорскій дворецъ, рис., 167.
Госпиталиты, см. Іоанниты.
Готландъ, 440, 450.
Готфридъ Анжуйскій, 345.
Готфридъ Бульонскій, 188, 240—244.
Готфридъ Горбатый, 173.
Готфридъ Лотарингскій, 152, 163, 164, 166, 168, 173.
Готфридъ Нижне-Лотарингскій, 188.
Готфридъ Страсбургскій, 371.
Готшалкъ, 100, 101, 172.
Готы, 14, 15, 23, 24, 28, 343; плѣнный, рис., 15.
Гранзе, 416.
Грансонъ, М., 556.
Грейфевальдъ, 567.
Греки, 103, 116, 126, 139, 140, 163, 201, 213, 214, 220, 295.
Гренада, 353, 586.
Гренландія, 211.
Гренобль, 255.
Греція, 130, 227.
Григорій I, 41, 61, 68, 205.
Григорій II, 61.
Григорій III, 63
Григорій IV, 93.
Григорій V (Бруно), 133, 134.
Григорій VI, 162, 163, 177.
Григорій VII, 166, 168 — 171, 177—182, 184, 185, 187—193, 204, 208, 211, 212, 238, 360, 362.
Григорій VIII, 251.
Григорій IX, 324, 333, 335; —X, 359, 392;—XI, 439, 489;—XII, 489, 491, 494, 495.
Григорій Турскій, 27—30.
Григорій Цамвлакъ, см. Цамвлакъ.
Гримоальдъ, 58, 61.
Громовая гора, 397.
Грузія, 476.
Грюнвальдъ, см. Таненбергъ.
Гуанагани, о—въ, 587.
Гуго Вермандуа, 240, 241.
Гуго-Капетъ (Гугонъ), 133, 134, 203.
Гугонъ Бургундскій, 118, 119.
Гугонъ Клюнійскій, 164, 182, 185.
Гунгильда (Кунигунда), 156.
Гундобальдъ, 27, 29.

Гуніади, см. Іоаннъ Гуніади.
Гунны, 23, 39.
Гунольдъ Аквитанскій, 69.
Гунтрамъ Кёльнскій, 100.
Гусинецъ, 491, 493, 499.
Гуссъ (Янъ) изъ Гусинца, см. Іоаннъ Гуссъ.
Гуттенбергъ (Іог. Гансфлейшъ), 567.
Гюинь, 465.
Гюйо-де-Провэнъ, 368.
Гюйэна (Гюйэнна), 314, 345.
Гюнтеръ фонъ-Шварцбургъ 430.
Дагобертъ I, 55, 57.
Далмація, 10, 34, 241.
Дамаскъ, 51, 53, 65, 266, 290, 292, 512.
Дамасъ II (Поппонъ), 163.
Даміэтта, 321, 312, 355.
Дандоло, 316,
Данеброгъ, 344.
Даніилъ, игуменъ, 474.
Даніилъ Александровичъ, 483.
Даніилъ Романовичъ Галицкій, 479, 481.
Данія, 98, 128, 131, 132, 206, 210, 211, 258, 259, 327, 343, 344, 459, 460, 489.
Данте Алигіери, 410; бюстъ, рис., 410.
Данцигъ, 440, 552, 459.
Датчане, 75, 112, 115, 117, 205, 308.
Двина, Западная, 214, 215, 234.
Девонширъ, 63.
Дезидерій, см. Викторъ III.
Дезидерій Тусційскій, 69, 70.
Делла-Торе, 594.
Дерптъ, см. Юрьевъ.
Десна, 215.
Деффингенъ, 448.
Дижонъ, 255.
Джемъ (братъ Баязета II), 520.
Джіованни Джустиніани, см. Джустиніани.
Джіованни Мочениго, см. Мочениго.
Джуліани Чезарино, см. Чезарино.
Джустиніани Джіованни, 510.
Діазъ (Бартоломей), 584.
Діазъ (Диницъ), 584.
Діего, с. Колумбъ, 585.
Диррахіумъ, 303.
Дитрихъ, 163.
Дитрихъ, архіеп. Кёльнскій, 510.
Дитрихъ II, архіеп. Кёльнскій.
Діонисій Св., 75.
Дмитрій, бояринъ—защитникъ Кіева, 479.
Дмитрій Волынецъ, 486.
Дмитрій Іоанновичъ (Донской), 484, 485, 487 (рис. Донск. мон.) 527.
Днѣпръ, 213—215, 222, 224; пороги, рис., 222; 479, 480,
Доминго, Гуцманъ, 320.
Доминиканцы, 320.
Домреми, дер., 570.
Донаръ, 17.
Донательо, Симоне, 503.
Донатисты, 32.
Донаусвертъ, г., 550.
Донервикъ, 128.
Донъ, 217, 479, 480, 485.
Дорилеймская долина, 241.
Дорилея, 265.
Дористолъ, 218.
Дорогобужъ, 231.
Дортмундъ, 563.
Драва, 80.
Древляне, 215.
Дрогонъ, 163.
Дронтгеймъ, 343.
Друзъ Неронъ, Клавдій, 10.
Дунай, 8, 20, 80, 86, 218, 220, 241, 295, 300, 310, 374, 437, 455.
Дуэро, 353.
Дюрренштейнъ, 300.
Дюреръ, А., 561.
Дюрнкрутъ, 394.
Дѣва Орлеанская (изображеніе), 571, 572.
Евгеній III, 264, 266, 269, 272.
Евгеній IV (папа), 501, 502, 503 (изображеніе), 508.
Евреи, 54, 55, 77, 88, 399, 432, 449, 450, 465.
Евстаѳій, братъ Готфрида Бульонскаго, 240.
Евфимій, архіеп. Новгородскій, 529.
Евфратъ, 241.
Египетъ, 19, 67, 130, 290, 292, 321—323, 355, 356.
Египтяне, 245.
Екатерина, д. Карла VI и Изабеллы Баварской, 570.
Екатерина, д. Фердинанда Католическаго, сначала замужемъ за Артуромъ; потомъ за Генрихомъ — англійскими принцами, сыновьями Генриха VII, 580.
Екатерина, вдова короля Англ., Генриха V; во второмъ бракѣ за О. Тюдоромъ, 579—580.
Елена Іоанновна, д. Іоанна III, супруга Александра, кн. Литовскаго, 535, 541.
Елецъ, 488.
Елисавета, жена Конрада IV, 340.
Елисавета Нюренбергская, 451.
Елисавета, д. Сигизмунда имп., въ замужествѣ за Альбрехтомъ V Австрійскимъ,—вдова кор. Альбрехта, 513.
Елисавета, дочь Эдуарда IV, кор. Англ., 579—580.
Елисавета, дочь Ярослава I, 236.
Женева, 154.
Жерсонъ, см. Іоаннъ Жерсонъ.
Жижка (Іоаннъ, Янъ), 499 (изображеніе). Жижкова гора, 499.
Заала, 73, 115, 153.
Зальцбургъ, 63, 106, 254.
Зара, 316.
Захарій, 60, 63.
Зеидъ, 47.
Зейцъ, 125.
Зеландія, 426.
Земпахъ, см. Семпахъ.
Земъ-земъ, 50.
Зенонъ, 3, 22, 23, 31.
Зигмундъ, эрцг. Австрійскій (изъ д. Габсбурговъ), 556, 562.
Зигфридъ, см. Сигфридъ.
Зіо (Тіо), 16.
Золотая орда, 480, 481, 484, 485, 487, 488.
Золотой Рогъ, 317.
Золотурнъ, 156.
Зондергаузенъ, 177.
Зоргъ, Антонъ, 505.

Ибнъ-аль-Араби, 77.
Игорь, 214, 216.
Идизіавизо (Идиставизо), 11.
Изабелла Баварская, супр. Карла VI, кор. Французскаго, 570—572.
Изабелла, кор. Кастильская, 585, 586, 587, 590.
Изабелла, 1-я жена Фридриха II, 323, 325.
Изабелла, 3-я жена Фридриха II, 329.
Изонцо, 22.
Изяславъ Мстиславовичъ, 230, 231.
Изяславъ Ярославовичъ, 227.
Икескола, 234.
Иконіумъ, 296.
Ильмень, 215.
Ингельгеймъ, 75, 81, 94, 116, 157, 158, 197.
Ингигерда, 236.
Ингольштадтъ, 567.
Индъ, 51, 58.
Иннокентій II, 258, 259, 261.
Иннокентій III, 306—310, 313—316, 318, 319, 321, 322, 347, 348.
Иннокентій IV (Синебальдъ Фіеско), 335, 340, 349, 352, 355, 383, 419; — VI 438.
Иннокентій VIII, папа, 520.
Иннъ, 22, 417.
Ирина, греч. императр., 78.
Ирина, дочь Исаака Ангела II, 303.
Ирина (Марія), жена Филиппа Швабскаго, 305. Дочь Ис. Ангела.
Ирландія, 621, 345.
Ирменгарда, 302.
Ирминсулъ, 72.
Ирнерій, 276, 277.
Исаакъ II Ангелъ, 295—297, 303, 316, 317.
Исаакъ, толмачъ Карла В., 88.
Исидоръ, кардиналъ, 515.
Исидоръ, митроп. Московскій, 528.
Исидоръ Севильскій, 102.
Исламъ, 48.
Исландія, 211.
Испанія, 4, 29, 33, 53—55, 65, 76—78, 117, 199, 238, 240, 352, 495.
Истрійцы, 201.
Истрія, 22.
Исфраилъ, архангелъ, 49.
Италія, 3, 22, 23, 33, 35, 36, 38—41, 61, 64, 70, 78, 79, 83. 91, 96, 97, 99, 117—120, 124, 125, 130, 131, 138—140, 146, 148, 149, 151, 154, 156, 157, 159, 162, 163, 165, 166, 168, 173,-192, 193, 199—201, 211, 240, 253, 258, 261, 264, 271, 272, 276, 280—282, 284, 285, 288, 289, 303, 304, 306, 308, 310, 314, 315, 323, 326, 328, 330, 331, 334, 338, 340, 373, 386, 389, 392, 406, 408, 410, 412, 413, 422, 438, 453, 454, 494.
Итальянцы, 324.
Іакова Св. (обитель), близъ Базеля, 545.
Іаковъ I (Хаимъ), 353.
Іаковъ, архіеп. Трирскій.
Іаковъ Молэ, 461.
Іездегердъ III, 52.
Іеменъ, 44.
Іеронимъ Св., 85.
Іеронимъ (Пражскій), 492, 496, 497.
Іерусалимъ, 51, 88, 239, 244—246, 290, 292, 294, 297, 298, 322, 325, 330, 335, 343, 354, 358, 474.
Іисусъ (Иза), 49.
Іоанна д'Аркъ, см. Дѣва Орлеанская.
Іоанна, принцесса Анжуйская, внука кор. Роберта, 597.
Іоанна I, Неаполитанская, 489.
Іоанна, супруга Филиппа, с. Максимиліана I, 562.
Іоанниты, 353, 462, 520.
Іоаннъ, архіеп. Абиссинскій, 584.
Іоаннъ Безземельный, 311, 347, 350.
Іоаннъ Безстрашный, герц. Бургундскій, 552.
Іоаннъ Богемскій, 406, 412, 414, 422, 423, 427; печать, рис. 427.
Іоаннъ Болгарскій, 354.
Іоаннъ Брїэнскій, 321.
Іоаннъ, герц. Бургундскій, 570.
Іоаннъ-Генрихъ Моравскій, сынъ Іоанна Богемскаго, 425, 437.
Іоаннъ Гуніади, 513, 520.
Іоаннъ Гуссъ, 491, 492, 493, 495, 496, 497, 498, 499, 502, 510; автографъ, 491. Изображ. его на кострѣ, 497.
Іоаннъ Добрый, Франц., 462, 464—466.
Іоаннъ Дёнсъ Скотсъ, 361.
Іоаннъ Жерсонъ, 491, 494.
Іоаннъ Іерусалимскій, 323.
Іоаннъ (Кало), греч., 247, 260, 263.
Іоаннъ I, Калита, 483, 484.
Іоаннъ II Іоанновичъ, 484.
Іоаннъ Майнцскій, 450.
Іоаннъ, сынъ Визант. имп. Мануила, 512.
Іоаннъ Равеннскій, 132.
Іоаннъ, братъ Ричарда I, 300.
Іоаннъ II (Гогенцоллернъ, с. Фридриха IV), 505.
Іоаннъ III, 528, 530 и слѣд. до 542.
Іоаннъ VI, см. Хоайо.
Іоаннъ V Палеологъ, 454.
Іоаннъ Цимисхій, 126, 130, 218, 220.
Іоаннъ Скоттъ Эригена, 101.
Іоаннъ VIII, 96.
Іоаннъ X, 118, 119.
Іоаннъ XI, 119.
Іоаннъ XII, 124, 125.
Іоаннъ XIII, 125.
Іоаннъ XIX, 151.
Іоаннъ XXII, 418, 420; — XXIII, 493, 495.
Іоаннъ, монахъ лотарингскій, 126.
Іоаннъ, племянникъ Альбрехта I, 400, 401.
Іоаннъ де-Прочида, 408.
Іоаннъ, сынъ Карла IV, Нѣм., 450.
Іоаннъ Яндунскій, 424.
Іона, митроп. Московскій, 528.
Іоппе, 298, 325.
Іорданъ Піерлеонъ, 264.
Іорданъ, 238.
Іоркъ, 208.
Іостъ Моравскій (Люксенбургскій), 506.
Іудеи, см. Евреи.
Кааба (Кіаба), 45, 47, 48, 50. Изобр. ея, рис., 46.

Каботъ, Іоаннъ, 589.—Себастіанъ, 589.
Кабраль (Педро - Альваресъ), 591.
Кавказскія горы, 479.
Кавказъ, 476.
Кагира, 355.
Кадезія, 521.
Кадиджа, 46; 47.
Казаки, 542.
Казиміръ Польскій, 236.
Казиміръ, братъ Польскаго кор. Владислава, 507.
Казиміръ Великій, король Польскій, 475, 535.
Каиръ, 242.
Кайзервертъ, 170.
Калабрія, 36, 130, 139, 169, 200, 310.
Калатравы орденъ, 353.
Календарь, рѣзной, древній, рис., 17.
Калидъ, 52.
Каликадна, 296.
Каликстъ II, (Гвидонъ), 251, 253.
Каликстъ III, 284, 285.
Калка (Кальміусъ), 476.
Каллиникъ, 53.
Калькутта, 591.
Кальмаръ (Смеландъ), 460.
Калэ, 465.
Кампанія, 37, 60, 303.
Канарскіе о-ва, 583.
Канны, 139.
Каносса, 184, 185, 192; развалины замка, рис., 183.
Кантабрійскія горы, 77.
Канутъ Великій, 206, 208, 210.
Канъ-делла-Скалла, 413.
Капетинги, 146, 353, 402, 462.
Капитолій, 307.
Капуанское княж., 201, 289.
Капуя, 146, 152, 258, 261.
Караибы, 587.
Карамзинъ, 542.
Караманъ (область), 520.
Каринтія, 128, 151, 156, 165, 300, 393, 394, 422.
Карловинги, 209.
Карломанъ, австразійскій дворянинъ, 58.
Карломанъ, сынъ Мартеля, 60, 64.
Карломанъ, сынъ Пипина Короткаго, 69.
Карломанъ, сынъ Карла Плѣш., 96.
Карлштейнъ, замокъ, рис., 429.
Карлъ Анжуйскій, 356, 383, 384.
Карлъ Валуа, 402.
Карлъ I, Великій, 66, 69—86, 88—90, 97, 103, 105, 106, 199; рис. подписи, 66; статуэтка—предполагаемое его изображеніе, 68; голова статуэтки, 69; рельефъ на ковчегѣ, заключающемъ въ себѣ кости Карла В., 86; кресло его въ Аахенскомъ соборѣ, 87; монета, 89.
Карлъ де-Мэнъ, графъ-наслѣдн. послѣдн. изъ Анжу, 575.
Карлъ Лотарингскій, 203.
Карлъ Мартель, 58—60, 63, 67.
Карлъ II, Плѣшивый, 92, 93, 95, 96, 99, 101.
Карлъ III, Толстый, 96.
Карлъ, сынъ Карла В., 88.
Карлъ, сынъ Лудвига-Заморскаго, 128, 132, 133.
Карлъ Смѣлый, герц. Бургундскій, 553 (изображеніе, ibid.), 555, 556.
Карлъ I, кор. Испанскій, 592.
Карлъ III, кор. Венгерскій, 423, 597.
Карлъ IV, Нѣм., 422, 426, 427, 329, 430, 432, 433, 436 — 440, 442 — 440, 450. Рис.: любимая резиденція—замокъ Карлштейнъ, 429; покрышка на печати съ «золотой буллы», 434; коронаціонное пиршество, 435; въ царственной одеждѣ, 438.
Карлъ IV, Франц., 418, 429, 462; — V, Франц., 462, 465, 466, 468; короноваціе, рис., 467; — VI, Франц., 456, 462, 468, 490.
Карлъ VI (изображеніе), 569.
Карлъ VII, кор. Французскій, 467, 508, 520, 570, 571 (изображеніе), 573, 577.
Карлъ VIII, кор. Французскій, 557, 558, 574, 575.
Карлъ-Робертъ Неаполитанскій, 400, 412, 418.
Каролинги, 64, 96, 99, 106, 115
Каррэ, см. Харанъ.
Карѳагенъ, 33, 53.
Каспаръ Шликъ, см. Шликъ.
Каспійское море, 217, 476.
Кассіодоръ, 62.
Кастилія, 200, 353, 489.
Кастріотъ Георгій, онъ же Скандеръ-бегъ, онъ же кн. Александръ, 519.
Каструччіо (Кастракани), 422.
Каталонія, 353.
Каэтанъ Ананьи, см. Бонифацій VIII.
Каѳары, 314.
Кведлинбургъ, 111, 112, 128, 260, 262, 309; монастырь, 117.
Кейстутъ, 525.
Кёльнъ, 8, 12, 26, 63, 72, 88, 96, 99, 121, 125, 128, 164, 171, 176, 197, 240, 250, 254, 306, 311, 329, 374—376, 378, 379, 382, 386, 388, 396, 397, 399, 415, 440, 441, 491, 558, рис.: древнѣйшій домъ, 379; соборъ, 381.
Кельты, 5.
Кенигсбергъ, 440, 457.
Кенигслутеръ, 261.
Кербога, 242.
Кіевское княж., 229, 593.
Кіевъ, 213—216, 218, 222, 224—227, 229—232; рис.: Золотыя ворота, 226; видъ на Днѣпръ, 228, 479.
Киліанъ, 62.
Килиджъ-Арсланъ, 241, 295.
Киликія, 296, 303.
Кильская бухта, 115.
Кимвры, 5.
Кипръ, 52, 297, 461, 355.
Кириллъ Александрійскій, 18.
Кириллъ, митрополитъ, 481.
Киртонъ, 63.
Китай, 477.
Кларенсъ, гцг., братъ Эдуарда IV Англійск., 578—579.
Классенскій мон., 137.
Клермонъ, 193, 204, 209, 235, 239.
Клефъ, 40.
Климентъ II, папа (Суидгеръ фонъ-Майендорфъ),

163; гробница его, рис., 162.
Климентъ III, 189, 190, 194 294, 302.
Климентъ IV, 383.
Климентъ V, 406, 412, 418, 460, 461.—VI, 426;—VII (Робертъ), 489.
Клотаръ I, 30, 42.
Клотаръ II, 42, 55.
Клюнійскій мон., 134, 146, 158, 611.
Клязьма, 231.
Кнудъ II, Великій, 151, 152.
Кнудъ VI, 344.
Кобленцъ, 195, 262, 417, 484.
Кобургъ, 400.
Козельскъ, 479.
Коломанъ Венгерскій, 240.
Коломна, 485.
Колонна, 131, 412;—Шіарра, см. это слово.
Колонна Антонина; изображ. на ней, 9, 13, 16.
Колонъ (Кристобаль), см. Колумбъ Христофоръ.
Колумбанъ, 62.
Колумбъ (Бартоломей), бр. Христофора, 587, 589.
Колумбъ (Христофоръ), 585, 586 (изображеніе), 587, 588, 589, 590.
Колумбъ Діего, см. Діего.
Комнены, 239, 295, 297.
Комо, 272, 276.
Компза, 38.
Компіень, 572.
Конрадинъ Швабскій, 340, 382, 384, 386, 404; на соколиной охотѣ, рис., 385.
Конрадинъ, 105.
Конрадъ I, 106—108; печать, рис., 105.
Конрадъ II, 150—154, 156—158, 160, 161; рис., печать, 152; Шпейерскій соборъ, въ которомъ онъ погребенъ, 155.
Конрадъ III, 257, 260, 262, 263, 265 — 269. Статуя, рис., 268.
Конрадъ IV, 329, 332, 337, 340.
Конрадъ Баварскій, 165.
Конрадъ Кёльнскій, 382.
Конрадъ Лотарингскій, 115, 120—122.
Конрадъ Мазовецкій, 326, 327.
Конрадъ Майнцскій, 305, 307.
Конрадъ Марбургскій, 328.
Конрадъ Мейсенскій, 268.
Конрадъ, сынъ Генриха IV, 177.
Конрадъ фонъ-Гогштаденъ, 376, 378, 379. Изобр. его, съ гробницы, 378.
Конрадъ, свящ., 370.
Конрадъ, сынъ Генриха IV, 193, 194. Изображ. его въ пергаментной рукописи, 193.
Константинополь, 19, 23, 30, 34, 36, 38, 52, 53, 58, 66, 67, 70, 78, 79, 119, 126, 130, 136, 139, 190, 213, 214, 216, 217, 224, 235, 238, 239—241, 265, 266, 295, 316—318, 343, 354, 457, 511, 513, 514. Крестоносцы подъ его стѣнами, рис., 317.
Константинъ IV, 53.
Константинъ V, Копронимъ, 64.
Константинъ VI, 78.
Константинъ VII, Порфирогеннетъ, 126, 214.
Константинъ VIII, 224.
Константинъ IX, 130.
Константинъ IX (по друг. счисленію XIII), импер. Визант., 515, 517.
Констанція, жена Фридриха II, 323.
Констанція, жена Генриха VI, 289, 303, 304, 307.
Констанцъ, 288, 311, 446, 493—496.
Копенгагенъ, 344, 441.
Корайшиты, 46, 47, 50, 65.
Корбійскій мон., 70.
Корвей, 175. Монастырь, 101, 117.
Кордова (Кардуба), 65, 67, 125, 126, 200.
Коростенъ, 215.
Корсика, 36, 40.
Корсунь, 224.
Кортенуово, 332.
Косса, 493.
Коссова, 455.
Коссовская равнина, 515.
Крайна, 332, 393.
Краковъ, 157, 456, 525.
Красное море, 44.
Крафтъ, Адамъ, 567.
Кремона, 131, 278, 279, 281, 311, 333, 338.
Креси, 426, 464,
Кривичи, 215, 216.
Критъ, 126.
Крымъ, 224, 535, 542.
Куба, о-въ, 587, 589.
Кукша Св., 224.
Куликово поле, 485.
Кульмбахъ, 504.
Кульмская долина, 257.
Кульмъ, 440, 452, 557.
Кунигунда, жена Генриха II, 139, 142, 150.
Кунигунда (Гунгильда), жена Генриха III, 156.
Кунигунда, чешская княжна, 393.
Кунигунда, жена Оттокара II, 393.
Кунимундъ, 39.
Куно изъ Пренесты, 250.
Кутенбергъ, 522.
Кучково с., 483.
Лабрадоръ, 589.
Лаванья, 335.
Лавелло, 340.
Ладиславъ, 513. Иначе Л. Посмертный, 515, 520, 521, 522, 549, 597.
Ладожское озеро, 214, 215.
Лактарская гора, 37.
Ла-Маншъ, граф., 462
Ламбертъ, см. Гонорій II.
Ламехо, 353.
Лампрехтъ, свящ., 371.
Лангедокъ, 314.
Лангобардія, 41, 69, 70, 75, 136.
Лангобарды, 39, 40, 61, 64, 67, 79, 83, 200.
Лангръ, 351.
Ланфранкъ, 168, 209, 361.
Ланъ, 203, 351.
Лаодикея, 266.
Лаонъ, 255.
Ла-Рошель, 465.
Латеранъ, 170, 180, 189, 190, 253, 259, 313, 412.
Латыши, 234.
Лебедевъ, К. В., 531.
Левенъ, 99.
Левъ I (Великій), 19.
Левъ II, имп., 78.
Левъ II, кор. Арменіи, 303.
Левъ III Исаврянинъ, 61.

Левъ III, папа, 79.
Левъ VIII, 125.
Левъ IX, Брунонъ, 163—166.
Левъ X, папа, 598.
Левъ Дьяконъ Калойскій, 218, 220.
Ледовитое море, 460
Лейпцигъ, 492, 567, 568.
Леньяно, 284.
Леонъ, 200, 353.
Леопольдъ Австрійскій, 262, 263, 300, 302;—VIII, Австрійскій, 446; — с. Альбрехта I, 414, 417, 420.
Леофрикъ Мерсійскій, 206.
Лерхъ, художникъ, 559.
Лехское поле, 122.
Ливонскій орденъ, 234.
Ливы, 234.
Лигницъ, 418, 462, 479.
Лигурія, 40.
Лимузенъ, 346, 465.
Линдау, г., 558.
Линдгольмъ, 460.
Лирисъ, см. Гарильяно.
Лиссабонъ, 583.
Литаха, 158.
Литва, 457, 485.
Литовцы, 231.
Лифляндія, 457.
Ліонъ, 59, 315, 319. 335.
Ліудольфинги, 105.
Ліудольфъ, сынъ Оттона I, 120—122, 124.
Ліудольфъ Швабскій, 116.
Ліутберга, 75.
Ліутгарда, 115.
Ліутпрандъ Веронскій, 126,
Ліутпрандъ Лангобардскій, 61, 64.
Ліутфридъ Швабскій, 107.
Ловать, 215.
Лоди, 272, 276, 279.
Лозанна, 392, 510.
Ломбардія, 118, 120, 124, 130, 154, 179, 184, 185, 272, 279, 282, 324, 326.
Ломбардцы, 186, 244, 284, 285, 332.
Лонгинъ, 39, 40.
Лондонъ, 206, 207, 348, 374, 466.
Лотарингія, 96, 106, 109, 115, 121, 128, 142, 151, 156, 158, 163, 250, 252.
Лотарингцы, 122, 241.
Лотарій Саксонскій, 250, 253, 256 — 261; печать, рис., 260.
Лотаръ I, 91, 92, 93, 95, 96.
Лотаръ II Рим., 100.
Лотаръ Франц., 128, 130, 132, 203.
Лотаръ Бургундскій, 119.
Лотаръ де-Сеньи, 306.
Лотаръ, сынъ Генриха Льва, 300.
Луара, 4, 24, 26.
Лувръ, 404.
Лугдунумъ, 96.
Лудвигъ I Благочестивый, 78, 82, 89 — 95, 97, 99, 103.
Лудвигъ II Римскій, 96.
Лудвигъ II Бургундскій, 117, 118.
Лудвигъ III Младенецъ, 99, 105; печать, рис. 104.
Лудвигъ III Франк., 99.
Лудвигъ IV Заморскій, 115.
Лудвигъ Нѣмецкій, 91—93, 95, 96, 98; подпись, рис., 90.
Лудвигъ Баварскій, 323, 505, 550.
Лудвигъ (Верхне-Баварскій), Нѣм. 392, 414—428. Рис.: коронованіе, 421; голова его съ изображ. на гробницѣ, 428.
Лудвигъ, сынъ Лудвига Верхне-Баварскаго, 425.
Лудвигъ Богатый («Охрана страны»), герц. Баварскій, 550.
Лудвигъ, Бранденбургскій, 418, 420, 423.
Лудвигъ Великій, Венгерскій, 450, 455.
Лудвигъ Рейнскій, 389.
Лудвигъ Тюрингенскій, 268, 324.
Лудвигъ, сынъ Карла Плѣшив., 96.
Лужицкая марка, 450. Верхняя, 437. Нижняя, 437.
Луканія, 36.
Лукини на Эльбѣ, 110.
Луллъ, 64.
Лупусъ Аквитанскій, 77.
Лутервордъ, 471.
Лутеція, см. Парижъ.
Луцерія, 338, 384.
Луцій, 264.
Луцкъ, 231.
Любекъ, 286, 327, 344, 388, 439—442. Городскія ворота, рис., 442.
Любечъ, 229.
Людовикъ III, 202.
Людовикъ IV, 203.
Людовикъ V Лѣнивый, 203.
Людовикъ V Франц., 132.
Людовикъ VI Франц., 349.
Людовикъ VII Франц., 264, 266, 349.
Людовикъ VIII Франц., 349.
Людовикъ IX, Святой, 337, 349—252, 355, 356, 373; рис.: на тронѣ, 351; печати, 352, 403;—X, 462.
Людовикъ Орлеанскій, герцогъ, братъ Карла VI, 569.
Людовикъ XI, 554, 574.
Людовикъ XII, кор. Французскій, первонач. герц. Орлеанскій, 574. (Изображеніе), 576.
Люитпольдъ Бабенбергскій, 128.
Люкаръ де-Баромедъ (Санъ), 592.
Люксенбурги, 422, 426, 430, 436, 452. Гербъ, рис., 413.
Люксенбургъ, 437.
Люнебургъ, 286.
Льевелейнъ Уэльскій, 463.
Лютичи, 138, 166, 173,
Люттихъ, 99, 197, 258.
Люцернъ, 442.
Люцій III, 289.
Маасъ, 26, 28, 58, 311.
Маврицій, 52, 214.
Мавры, 33, 321, 353, 585,
Магдебургъ, 114, 120, 124. 125, 254, 260.
Магеланъ (Фернандъ), 592.
Магнусъ I, 211.
Магнусъ VII, 343.
Магнусъ Билунгеръ, 250.
Магнусъ Законодатель, 458.
Магнусъ Саксонскій, 174, 175.
Магнусъ V Смэкъ (Эрихсонъ), 458, 459.
Магомедъ (Мухамедъ), 46—49, 51.
Магьяры, 98, 99, 106, 107, 109, 110, 112, 114, 118, 121—123, 148, 393.
Мадера, о-въ, 584.
Майнцъ, 8, 63, 86, 88, 96, 121, 138, 150, 165, 182,

188, 194—196, 250, 252, 254, 269, 288, 289, 294, 311, 312, 329, 386, 388, 397, 415.
Майорка, 353.
Македонія, 455.
Маккіавелли, 599.
Максимиліанъ I, изображеніе, 561, 562.
Максимиліанъ, сынъ имп. Фридриха III, 538. — Максимиліанъ, имп., 539.
Максимиліанъ, сынъ Фридриха III, 554, 556, 557, 558, 560.
Малабарскій берегъ, 591.
Малхъ, 103.
Мамай, 485.
Мамутекъ, царь Казанскій, 535.
Манджуры, 477.
Маннгеймъ, 380.
Мантуя, 171, 184, 281, 332.
Мануилъ I, 247, 265, 290, 292.
Мануилъ II, Византійскій имп., 512.
Манфредъ Тарентскій и Сицилійскій, 338, 340, 383, 384.
Манцикертъ, 238,
Марбуодъ, 10—12.
Марбургъ, 328, 457.
Маргарита, дочь короля Максимиліана, отъ супруж. съ Маріей Бургундской, 556, 557 (изображеніе).
Маргарита, вдова герцога Бургундскаго, 552.
Маргарита Австрійская, 391.
Маргарита (Анжуйская), королева Англійская, 577—578.
Маргарита Датская, жена Гакона Норвежскаго, 449, 450, 459.
Маргарита, жена Лудвига Верхне-Баварскаго, 426, 437.
Маріенбургъ, 457, 552.
Марія Бургундская, герцогиня, впослѣдствіи супруга короля Максимиліана, 554, 556, 560 (изображеніе въ миніатюрѣ).
Марія, жена Сигизмунда, Нѣм., 450.
Марія, племянница Маргариты Датской (жены Гакона Норв.), 460.
Марія, сестра Ярослава I, 236.
Маркоманны, 10.
Марко Поло, см. Поло.
Марозія, 119.
Марокко, 200.
Марсель, 98, 316, 318.
Мартинъ Св., 75.
Мартинъ V (папа), 498, 501.
Мархія, 158.
Марцилій Падуанскій, 424
Маршская равнина, 391, 394.
Марѳа Посадница, 532.
Массилія, 88, 96.
Мастрихтъ, 99.
Матильда, жена Генриха I, 107, 124. Гробница, рис., 111.
Матильда, дочь Генриха I Англ., 209.
Матильда, дочь Генриха III, 172.
Матильда, жена Генриха V, 250.
Матильда, жена Генриха Льва, 282.
Матильда, жена Готфрида Горбатаго, 173.
Матильда, маркграфиня Тусційская, 181, 184, 185, 192—194, 242, 251.
Матильда, аббатиса Кведлинбургская, 131, 132.
Матѳей, король Венгерскій, 519.
Матѳей, по прозв. Корвинъ, кор. Венгерскій, с. Гуніада, 521.
Матѳей, кор. Венгерскій, 556.
Матѳей изъ Янова, 491.
Махмудъ, 520.
Махмудъ I, 512.
Махмудъ II, 515, 516, 517.
Медарда, Св. мон., 93.
Медина аль Набхи, 47.
Медичисы, 595, 596, 597.— Лоренцо Медичи (изображеніе) ib., 596. — Косма, 596.—Юліанъ, ib. — Піетро, с. Космы, ibid.
Мейнгардтъ, 234;—Тирольскій, 393, 394.
Мейсенъ, 110, 125.
Мекененъ, ф. (Израэль) 566.
Мекка, 45—48, 50, 51.
Мекленбургъ, 440.
Мелусъ, 139.
Мельрихштадтъ, 186.
Менгли-Гирей, ханъ Крымскій, 535, 542.
Менфе, 158.
Менъ, 352.
Мерванъ II, 65.
Мерзебургъ, 124, 125, 260, 270, 300.
Меровинги, 26, 42, 57, 91, 202.
Мерсія, 205.
Мессинскій проливъ, 41.
Мессина, 297.
Мессопотамія, 130, 292.
Мехтильды, жены Генриха Льва — надмогильныя изображенія, 301.
Мецъ, 84, 94, 327, 433.
Мечиславъ II, 151, 153, 154.
Мидія, 52.
Миланцы, 289.
Миланъ, 18, 34, 35, 96, 151, 179, 201, 257, 258, 272, 276, 277, 279—282, 289, 332, 333, 373, 412, 418, 421, 422, 438, 593, 594.
Миличъ, 491.
Минденъ, 388.
Миріокефалонъ, 292.
Мисъ, Яковъ, 498.
Михаилъ архангелъ, 49.
Михаилъ Борисовичъ, кн. Тверской, 533.
Михаилъ VII, 238.
Михаилъ VIII Палеологъ, 354, 454.
Моавія I, 52.
Моакхибаты, ангелы, 49.
Можайскъ, 483.
Мозель, 58, 99.
Моисей (Муза), 49.
Молдава, 436, 450.
Молдавія, 455.
Молуккскіе о-ва, 591, 592.
Монашество, 19.
Монголы, 214, 334, 356, 476, 477, 481, 483, 485, 486.
Моника, 18.
Монмартръ (Гора Мучениковъ), 130.
Мономаховичи, 230.
Монте-Кассино, 60, 61, 261.
Монтефьясконе, 306.

Монторандъ, 59.
Монтро̀, крѣп., 570.
Монца, 257; вѣнчаніе Герм. императора желѣзною короною, рис., 387.
Монъ-Сенисъ, 70, 184.
Мопертюи, 465.
Морабеты, см. Альморавиды.
Моравія, 99, 212, 394, 400, 422, 437, 450, 479.
Моравы, 98.
Моргартенъ, 417.
Мордва, 477.
Москва, 479, 483—485, 487; Донской монастырь, рис., 487.
Московское кн., 483, 487, 488.
Моро (Лодовико), 594—595.
Мослемиты, 48, 332.
Мосуль, 242.
Мочениго Джіованни, дожъ, 519.
Мстиславъ Владиміровичъ, 225.
Мстиславъ Изяславовичъ, 233.
Мстиславъ I (Мономаховичъ), 230.
Мстиславъ Кіевскій, 476.
Мстиславъ Удалой, Галицкій, 476.
Мстиславъ Черниговскій, 476.
Муза, 55.
Мурадъ I, 454, 455.
Мурадъ II, 512, 513, 515.
Муретъ, 319.
Мурзуфлъ, 317.
Муромо-Рязанское княж., 229.
Мурція, 353.
Мэнъ, 345.
Мѣшко, 130.
Мюльгаузенъ, 187, 260.
Мюльдорфъ, 417, 418.
Мюнстеръ, 74, 388.
Мюнхенъ, 418, 420, 427, 456.
Наварра, 200, 353, 489.
Навидадъ, г. 588.
Назаретъ, 325.
Нанси, г., 556.
Нарбонна, 65, 88.
Нарзэсъ, 34, 36—39, 61.
Наумбургъ, 188.
Неаполисъ, 64.
Неаполь, 34, 258, 302, 334, 340, 349, 386, 412, 422.
Нева, 481.
Негавенда, 52.
Недадъ, 22.
Неймаркъ, 552.
Нейстрія, 42, 55, 58, 59.
Непрядва, 475.
Нерты, 17.
Несторій, 18.
Нидерланды, 12.
Нижегородское кн., 475.
Никея, 241, 265, 318, 354.
Никита Поповичъ, см. Поповичъ.
Никифоръ Фока, 126, 217.
Николай I, папа, 100, 101.
Николай II (Гергардъ), 168, 169, 170.
Николай V, папа, 422, 510, 511.
Николай (изъ Гусинца), 499.
Никополь, 452, 455, 456.
Никуэза, 590.
Нилъ, 20, 245, 321, 355.
Нимвегенъ, 81, 92.
Ницца, 160.
Нишъ, 513.
Новгородская земля, 524.
Новгородъ, 215, 222, 224, 225, 228, 231—234, 479, 483, 485, 530, 531, 532, 533. Знаменскій соборъ въ Новгородѣ, рис. 233.
Новгородъ-Сѣверск. княж., 229.
Новгородское княж., 523.
Ной, 49.
Нойонъ, 351.
Норберъ Ксантенскій, 255.
Норбертъ Магдебургскій, 258, 259.
Норвегія, 98, 210, 342, 456, 458—460.
Норикъ, 20.
Норійцы, 39.
Нормандія, 207, 209, 345, 352, 470.
Норманны, 71, 96—99, 139, 148, 165, 169, 173, 181, 189, 190, 201, 205—208, 210, 211, 241—245, 260, 274, 295, 348.
Нортумберлэндъ, 85, 205.
Нумидія, 18.
Нуррэддинъ, 266, 290, 292.
Нѣмецкое море, 450.
Нѣмцы, 138, 139, 152, 234, 244, 256, 265, 266, 284, 306, 324, 481.
Нэфельсъ, 448.
Нюрнбергъ, 122, 257, 311, 412, 433, 443, 445.
Оберландштейнъ, 429, 452.
Оботриты, 74, 98.
Оверштольцы, 379.
Огліо, 332.
Одеръ, 110, 115, 460.
Одилонъ Клюнійскій, 151, 160, 161.
Одинъ, 210.
Одоакръ, 3, 20, 22.
Одонъ, графъ Шампаньи, 151, 154, 156.
Одонъ Парижскій, 96, 203.
Ока, 215.
Оксерръ, 95.
Оксфордъ, 208, 471, 491, 582.
Октавіанъ, см. Викторъ IV.
Олафъ II Норвежскій, 210, 236, 458, 459.
Олафъ Тригвесъ Мл., 211.
Олегъ Вѣщій, 214, 216.
Олегъ Святославовичъ Черниговскій, 229, 230; — Рязанскій, 485, 486 (рис. его терема).
Ольга Св., жена Игоря, 217, 218. Крестъ и шапка, рис., 219.
Ольгердъ, 523, 524, 525.
Ольговичи, 230.
Омаръ, 51, 52.
Омаяды, 52, 53, 65, 67.
Оппасъ, 54.
Оппенгеймъ, 175, 388.
Орда Золотая, 534, 535.
Ордульфъ Саксонскій, 174.
Орлеанъ, 30, 570
Ормуздъ, г., 591.
Оронтъ, 242.
Орсини, 412
Османъ, 454.
Оснабрюкъ, 74, 388.
Остготы, 22, 33 — 40, 61, 200; —скій воинъ, рис., 37.
Остфалы, 71.
Отманъ, 52.
Отранто, 324.
Оттокаръ Богемскій, 311.
Оттокаръ II Богемскій, 390, —394, 457.
Оттокаръ фонъ-Горнекъ, 400.
Оттонъ Баварскій, 131, 337.
Оттонъ Бамбергскій, 261.
Оттонъ фонъ-Виттельсбахъ, 276, 286, 309.

Оттонъ Люнебургскій, 330.
Оттонъ фонъ-Нордгеймъ, 170—176, 182, 186, 188, 189, 256.
Оттонъ Саксонскій, 105.
Оттонъ Фрейзингенскій, 265, 269.
Оттонъ Швабскій, 124, 128.
Оттонъ I Великій, 112—117, 119—126, 128. Рис.: подпись, 113; монета, 120; печать, 123; статуя, 127.
Оттонъ II, 124—125, 128, 130, 131. Изображ., вырѣз. на ковчежцѣ съ мощами, рис. 129.
Оттонъ III, 131—134, 136—139. Рис.: титульная миніатюра сборника евангельскихъ чтеній, 135; покаянная запись, 137.
Оттонъ IV, 306—312, 322; серебряный брактеатъ, рис., 312.
Оттонъ, братъ Фридриха Австрійскаго, 420.
Оттонъ, сынъ Лудвига Верхне-Баварскаго, 437.
Отфридъ фонъ-Вейссенбургъ, 102.
Павелъ Варнефридъ, 84.
Павелъ-Дьяконъ, 40, 41.
Павелъ Ѳивейскій, 19.
Павелъ II, папа, 519, 522.
Павія, 37, 40, 64, 70, 97, 120, 138, 150, 151, 154, 181, 278, 282, 284, 501.
Падерборнъ, 72, 74, 79.
Падуя, 332.
Палеологи, 515.
Палеологъ, Софья Ѳоминишна, 533, 534, 536, 538.
Палермо, 34, 258, 303, 383.
Палестина, 238, 246, 292, 297, 303, 321, 322, 354, 356.
Памфилія, 266.
Панамскій пер., 590.
Пандульфъ Капуанскій, 139
Паннонія, 10, 22, 39, 98.
Паннонцы, 39.
Параскева (Адельгейда), жена Генриха IV, 192, 193.
Парижъ (Лутеція), 29, 30, 96, 97, 99, 130, 203, 373, 403, 465, 491, 572, 574.
Парма, 248, 338.
Пассау, 63.
Пасхазій Ратбертъ, 101, 168.
Пасхалій II, 194, 195, 244, 248, 249, 251; врученіе Генриху V царской утвари, рис., 249.
Пасхалій III, 280, 281, 284.
Патерно, 137.
Паулуччи Анафесто, 201.
Пахеке (Дуартъ), 591.
Пахомій, 20.
Педрарія, 591.
Пекинъ, 583.
Пелагій, британскій монахъ, 18.
Пелагій, кардиналъ, 322.
Пентаполисъ, 308.
Пера, 316, 317.
Передей, 40.
Переяславль, 483.
Переяславское княж., 229.
Перигоръ, 465.
Перкинъ Варбекъ, см. Варбекъ.
Персія, 51, 52.
Персы, 32, 35.
Перуджія, 319.
Петръ Абеляръ, 255, 271.
Петръ Айхшпальтеръ, 400, 401, 406, 414; надгробный памятникъ, рис., 407.
Петръ Аміенскій, Пустынникъ, 239, 240, 317.
Петръ, ап., 19, 60, 103.
Петръ III Аррагонскій, 319, 408.
Петръ Вальдусъ, 315, 321.
Петръ Варѳоломей, 242.
Петръ Венгерскій, 157, 158, 163.
Петръ Винеа, 335, 338.
Петръ Даміани, 171, 173, 177, 178.
Петръ Кандіо, см. Александръ V.
Петръ Ломбардъ, 361.
Петръ, митрополитъ, 484.
Петръ д'Эльи, 491, 494.
Печенѣги, 214, 217, 218, 222, 226, 229, 239.
Печерскій мон., 226.
Піаченца, 180, 239, 281.
Піерлеоне, 258.
Пиза, 356, 373, 412, 491, 593.
Пизанцы, 334.
Пій II (онъ же Эней Сильвій), папа, 519, 522.
Пикокъ (Реджинальдъ), 582.
Пиленрейтъ, 548.
Пилосъ, г., 587.
Пилигринъ Зальцбургскій, 448.
Пильгримъ Кёльнскій, 150, 151.
Пинтуриккіо, 509.
Пипинъ I, 91, 92, 93.
Пипинъ Геристальскій, 58; подпись, рис., 60.
Пипинъ Короткій, 60, 63—65, 67, 69; подпись, рис., 65.
Пипинъ Ланденскій, 58.
Пипинъ, 2-й сынъ Карла Великаго, 76, 88.
Пиринеи, 24, 58, 77.
Пиринейскій полуостровъ, 4, 53, 76, 200, 304, 352. 414, 460.
Плантагенеты, 345.
Плауенъ-фонъ, Генрихъ, магистръ Тевтонскаго ордена, 552.
Плейхфельдъ, 192.
Плимутъ, 579.
По, 201, 272, 284.
Подебрадъ, Георгій, 521. Онъ-же Георгій (Гирцикъ), 522.
Подолія, 525.
Поло-Маффіо, Николо-Маркò, 583.
Половцы, 229, 230, 476.
Полоцкъ, 222, 234.
Полочане, 216.
Польша, 453, 456, 479, 489.
Поляне, 215, 216.
Померанія, 261, 440.
Помфретъ, 470.
Понтье, 465.
Понтъ Евксинскій, 213, 214.
Попель, рыцарь, посолъ съ Московіи, 538.
Поповичъ, Никита, 533.
Поппонъ, см. Дамасъ II.
Португалія, 343, 353.
Потсдамъ, 380.
Прага, 110, 157, 436, 491—493, 499, 501, 502.
Припять, 215.
Провансальцы, 241—243, 245.
Провансъ, 314.
Прокопій (Бритый), 501.
Прокопій (Малый), 501.
Пруссія, 450, 457.
Пруссы, 133, 136, 326.
Прюмскій мон., 96.
Псковъ, 540.

Пуату, 306, 345, 352, 465.
Пуатье, 29, 59, 464, 465.
Пулланы, 245.
Пфальцъ, 397, 415.
Пфедерсгеймъ, г., 550.
Польша, 128, 136, 153, 154, 157, 174, 212, 253, 259.
Пьяченца, см. Піаченца.
Пястъ-Казиміръ, 157.
Рааба, 158.
Рабанусъ Маурусъ, 100, 103.
Равенна, 12, 22, 24, 34—36, 38, 40, 64, 133, 136, 151, 201, 308, 324, 327. Гавань, рис., 38.
Радимичи, 215.
Радпортъ, 62.
Радульфъ Клервосскій, 264.
Раймундъ Пуатусскій, 247.
Раймундъ Триполисскій, 292.
Раймундъ IV Тулузскій, 240—243, 315, 319.
Райнальдъ фонъ-Доссель, 276.
Райнальдъ Шатильонскій, 292, 294.
Райнальдъ Кельнскій, 280.
Райнальдъ Майнцскій, 281.
Райнульфъ Алифскій, 260.
Ратрамнусъ, 101, 168.
Рафаэль (Санціо), 599, 600.
Ревель, 440.
Регенсбургъ, 63, 85, 108, 121, 122, 157, 265, 268, 295, 423, 424, 518, 550.
Регенъ, 195.
Регіумъ, 34.
Реймсъ, 28, 30, 91, 203, 456, 570.
Рейнская обл., 394; равнина, 150.
Рейнъ, 6, 8, 10, 11, 26, 28, 58, 71, 72, 81, 86, 94, 96, 99, 115, 171, 175, 176, 182, 240, 302, 318, 338, 374, 378, 382, 400.
Рейтлингенъ, 444.
Рейхенаускій мон., 117.
Реккаредъ, 53.
Рекницъ, 123.
Ремигій Ліонскій, 101.
Ремигій Реймскій, 28.
Ренатъ, герцогъ Лотарингскій, 556.
Рензе, 419, 424, 426.
Реннемедская равнина, 348.
Ріаде, 112.
Ріальто, 201.
Рига, 234, 440.
Ріензи (Коло), 598.
Римини, 64.
Римляне, 5, 7, 8, 10, 11, 14, 24, 33, 34, 37, 84, 98, 103, 136, 152 281, 302.
Римъ, 4, 14, 18, 19, 22, 24, 31, 34, 36, 38, 41, 60—64, 68, 70, 79, 84, 96, 98, 102, 117, 118, 124, 125, 131, 133, 134, 136, 137, 151, 152, 159, 163—165, 169, 171, 173, 178, 179, 184, 189, 190, 192, 193, 204, 238, 248, 250, 251, 256, 259, 261, 263, 264, 272—274, 278, 281, 307, 311, 323, 334, 335, 384. 386, 412, 418, 421, 422, 453, 455, 456, 489.
Рипенъ (Рипа), 116.
Рихенца, 256.
Ричардъ Корнваллійскій, 354, 382.
Ричардъ I Львиное Сердце, 297, 298, 300, 302, 306, 346, 350, 368. Рис.: надгробное изображеніе, 298; печать, 347.
Ричардъ, братъ Иннокентія III, 309.
Ричардъ Капуанскій, 169.
Ричардъ (Іоркскій), 578.
Ричардъ II Англ., 468, 469, 470, по старинной картинѣ, рис. 469; печать, 470.
Ричардъ III, король Англійскій, 579, 580.
Робертъ I Норман., 134, 146, 203.
Робертъ II Коротконогій, Норман., 209, 240, 243.
Робертъ д'Артуа, 334.
Робертъ Гискаръ, 169, 181, 189, 190, 238, 239, 242.
Робертъ, король Неаполитанскій, 597.
Робертъ Фландрскій, 240.
Роденкирхенъ, 378.
Родерихъ, 54.
Родосъ, 52.
Родсъ (Росъ), 215, 520.
Рожеръ де-Флоръ, 457.
Рожеръ Сицилійскій I, 201.
Рожеръ Сицилійскій II, 258, 260, 261, 263, 265, 266, 274.
Рожеръ ф. д. Вейденъ, см. Вейденъ.
Розамунда, 39, 40.
Роландъ Сіенскій, 276.
Роландъ, см. Александръ III.
Ролданъ, 589.
Роллонъ (Робертъ Норманнскій), 203.
Романъ II, 125, 126.
Романъ IV, Діогенъ, 238.
Романъ Мстиславовичъ, 231, 233.
Романья, 40.
Ромуальдъ Св., 136.
Рона, 4, 26, 96, 154, 406, 418.
Ронкальская долина, 272, 277.
Ронсевальская долина, 77.
Ростиславъ, 98.
Ростовская обл., 224.
Ростовско-Суздальское княжество, 231.
Ростовъ, 483.
Ростокъ, 439, 449, 450, 460, 567.
Росъ, р., 215.
Росъ (Родсъ), племя, 215.
Ротарій, 41.
Ротгадъ Суассонскій, 102.
Руанъ, 115, 209.
Ругіи, 22.
Рудольфъ I Бургундскій, 97, 203.
Рудольфъ III Бургундскій, 145, 151, 153, 154.
Рудольфъ IV Австрійскій, 437.
Рудольфъ (графъ Габсбургскій), 504.
Рудольфъ I Габсбургскій, 389—396, 417, 457. Рис.: преклоненіе предъ королемъ, 390; конная статуя, 391; памятникъ, 396.
Рудольфъ, сынъ Рудольфа Габсбургскаго, 394
Рудольфъ Гогенэмскій, 447.
Рудольфъ Норманнъ, 139;
Рудольфъ Рейнскій, 399, 414, 416.
Рудольфъ фонъ-Рейнфельденъ, 172, 174—176.
Рудольфъ Саксонскій, 414.
Рудольфъ Швабскій, 186—188; рис.: надгробная доска, 187; отрубленная кисть руки, 188.
Рупрехтъ III, 452; надгробіе, рис., 451.
Русь (Руссы), 213—215,

218, 220, 224, 225, 228, 229, 231, 233, 236, 334. Русь, 474, 476, 477, 478, 480, 481, 483, 485, 486, 488.
Рушванъ, ангелъ, 49.
Рюгенъ, 344.
Рюи-Діазъ (Сидъ), 200.
Рюрикъ, 215; его крѣпость въ Стар. Ладогѣ, рис., 216.
Рязанское княж., 478, 481, 485, 523.
Савойя, 439.
Савонарола (Джироламо), 596, 597 (изображеніе), 596.
Саксенгаузенъ, 74, 415.
Саксенгеймъ, 74.
Саксонія, 40, 73, 74, 105—110, 115, 116, 121, 122, 131, 142, 148, 151, 156, 163, 174—176, 182, 186, 194, 250, 257, 259, 261—263, 281, 282, 286, 302, 386, 397, 415, 440.
Саксы, 14, 58, 59, 65, 67, 71—75, 77, 79, 107, 111, 114, 122, 150.
Саладинъ (Салаэдинъ), 290, 292, 294, 296—298, 300, 303.
Салаккасъ, 200.
Салерно, 139, 146, 152, 190; 332.
Салернское княж., 201.
Салисбери, 208.
Салійскій домъ, 253, 254, 256.
Сальвадоръ, С., о—въ, 588.
Само, 75.
Санлисъ, 557.
Сансъ, 271.
Санта-Круцъ, 591.
Санхо Аквитанскій, 77.
Санхо Великій, 200.
Санъ-Люкаръ, см. Люкаръ.
Сарагосса, 77, 353.
Сарай, 480, 535.
Сарацины, 78, 125, 126, 323, 343, 384, 460.
Сардинія, 33, 36, 40, 333, 338.
Сарматы, 39.
Сарна, 37.
Свенъ I, 132, 203.
Свенъ II, Эстритсонъ, 174, 211, 344.
Свенъ IV, Петръ, 270.
Сверкеры, 343.
Свибертсверта, Св. островъ, см. Кайзервертъ.
Свэвы, 4, 8, 39.
Святополкъ Моравскій, 98, 99, 212.
Святополкъ I, 225.
Святополкъ II, 230.
Святославъ, 217, 218, 220, 222; воиновъ его тризна подъ Дористоломъ; рис., 221.
Северинъ, 20.
Сегестъ, 10, 11.
Сегимеръ, 10.
Секваны, 5, 10.
Селевкія, 296.
Сельджуки, 238—242, 245, 265, 266, 292, 296.
Сельджукъ, 238.
Семенъ Толбузинъ; см. Толбузинъ.
Семирадскій, 221.
Сена, 203.
Сентонжъ, 465.
Сенъ-Бернаръ, 154.
Сенъ-Галленскій мон., 102, 106, 109, 117.
Сенъ-Дени, 64,
Сенъ-Джермано, 326.
Сенъ-Морисъ, 203.
Сенъ - Феликсъ де - Караманъ, 314.
Септиманія, 93.
Сербія, 518.
Сербы (Сорбы), 73, 74, 98, 455.
Сёстеръ, 548.
Сеута, 54.
Сигбертъ I, Австраз. король, 42.
Сигбертъ, король рипуар. Франковъ, 30.
Сигизмундъ, кор. Нѣм., 450, 452, 455, 456, 493, 496;— императоръ, 498, 499, 503, 504 (изображеніе въ миніатюрѣ), 507.
Сигизмундъ I, Казиміровичъ, король Польскій, в. князь Литовскій, 541.
Сигурдъ Норманскій, 245.
Сигурдъ Норвежскій, 342.
Сигфридъ фонъ-Вестенбургъ, 379.
Сигфридъ Майнцскій, 171, 172, 177, 186, 189, 238, 311, 313, 332, 335.
Сидонъ, 245.
Сидъ, см. Рюи-Діазъ.
Сіенна (соборъ въ), 501.
Сикстъ VI, папа, 598.
Силезія, 157, 334, 437, 450, 479.
Силистрія, 218.
Сильвестръ II, Гербертъ, 134, 137, 139, 153.
Сильвестръ III, 162.
Симеонъ Гордый, 484, 530.
Симоне Донательло; см. Донательло.
Симонъ-Кудесникъ, 161.
Симонъ Монфортскій, 319, 349.
Синай, 43.
Синайскій полуостровъ, 44.
Синеусъ, 215; курганъ, рис., 217.
Синибальдъ Фіеско; см. Иннокентій IV.
Сирія, 67, 238, 266, 292, 300, 304, 316, 321, 325, 355, 356.
Сито, 319.
Сить, р., 479.
Сицилія, 34, 36, 40, 98, 118, 126, 131, 201, 237, 258, 260, 261, 289, 300, 303, 304, 306, 307, 322, 323, 327, 330—332, 343, 349, 356, 383, 384, 386, 392, 408.
Сіагрій, 26, 27.
Скандинавія, 67, 240, 342, 440.
Скандинавы, 210.
Скандинавскій полуостр., 210.
Скутари, 384.
Славонія, 212.
Славяне восточные, 212—215.
Славяне западные, 74, 98, 110, 112, 114—116, 122, 133, 138, 148, 174, 212.
Славяне Ильменскіе, 215.
Смеландъ, см. Кальмаръ.
Смитфильдъ, 469.
Смоленское княжество, 481, 483, 524.
Смоленскъ, 215, 526, 541.
Собеславъ Богемскій, 257.
Соломонъ Венгерскій, 171.
Соломонъ Констанцскій, 106, 107.
Сомма, 4, 26, 70.
Сона, 26.
Соракть, 137.
Сорбы, см. Сербы.

Софія, дочь Генриха III, 168.
Софія, корол. Богемская, 491.
Софія Ѳоминишна Палеологъ, см. Палеологъ.
Спалатро, 321.
Спирага, см. Шпиръ.
Сполето, 70, 130, 137, 274, 308, 309.
Средиземное море, 53.
Стамбулъ, 520.
Старая Ладога, развалины Рюриковой крѣпост., рис., 216.
Стенкиль, 211.
Стефанъ II, 64.
Стефанъ III, 69.
Стефанъ IV, 91.
Стефанъ IX (Фридрихъ), 168.
Стефанъ Святой, 153, 154, 157.
Стефанъ Блуа, 209, 345.
Стефанъ Лангтонъ, 347, 348.
Стефанъ Марсель, 465.
Стефанъ Палецъ, 495.
Стефанъ Шартрскій, 240.
Стихна, 491.
Стокгольмъ, 449, 450, 459, 460.
Стральзундъ, 416, 439, 441.
Страсбургъ, 95, 322, 388, 423, 432, 433.
Суассонъ, 27, 30, 63, 84, 93.
Сугерій Сенъ-Денисскій, 349.
Суздальское кн., 474, 476, 479, 481, 482, 483, 485.
Сула, 215.
Сулейманъ, 58.
Сунниты, 53.
Суріяне, 245.
Суссэксъ, 205.
Сутри, 163, 274.
Суффолькъ, герц., регентъ англійскій, 577.
Сфорца, Галеаццо-Марія, 594.—Джіованни Галеаццо, ib.
Сфорца, Лодовико, 562.
Сфорца (Франческо), 558, 594 (изображеніе).
Сѣверное море, 80, 99.
Сѣверяне, 215.
Таборъ, 499.
Таврида, 213, 214.
Таврскія горы, 296.
Тавръ, 24.
Тагаста, 18
Тагинэ, 36.
Тайдула, 484.
Тамерланъ, 488.
Тампліеры, 325, 353, 460, 462.
Тангутъ, 477.
Танкмаръ, 114.
Танкредъ Антіохійскій, 240, 241, 243—245.
Танкредъ Апулійскій, 300, 302, 303.
Танненбергъ (иначе: Грюнвальдъ), битва при немъ, 501, 506, 526.
Танкредъ д'-Отвиль, 169.
Таренто, 131.
Тарикъ, 54.
Тарсъ Киликійскій, 266.
Тассило, 67, 75.
Татары, см. Монголы.
Таусъ, битва при, 501.
Тауэръ, 463.
Тацитъ Корнелій, 8, 11, 14 15, 43.
Тверское княж., 481, 483, 485, 523, 524.
Тверь, 483.
Тевтонскій Орденъ, 450, 457 (рис. печати); 501, 526.
Тевтоны, 5.
Тегерфельдъ, фонъ, 400.
Тей, 37.
Темплинъ, 416.
Темучинъ, см. Чингисханъ.
Тенктры, 6, 12.
Теобальдъ Наварскій, 354, 356.
Теодгадъ Трирскій, 100.
Теодебертъ, 34, 35.
Теоделинда, 41; рельефъ, рис., 41.
Теодемиръ, 22.
Теодорикъ, король Остготовъ, 22—24, 29, 30; рис.: монограмма, 23; храмъ, 25; мавзолей, 26.
Теодорикъ III, король Нейстріи, 58.
Теодорикъ IV, король Нейстріи, 60.
Теодорикъ, графъ, 73.
Теодохатъ, 33, 34.
Теофано, жена Оттона II, 125, 126, 132, 133; изображен., вырѣз. на ковчежцѣ съ мощами, рис., 129.
Теофано, жена Романа II, 126.
Террачина, 192.
Тестри, 58.
Тиберій, 7, 10—12.
Тибръ, 98, 139, 259, 274.
Тибуръ, 136.
Тимуръ, 511, 512.
Тироль, 422, 425, 426, 437.
Тиръ, 245, 294, 298.
Тисса, 80.
Тичино, 284.
Тіо (Зіо), 16.
Толбузинъ, Семенъ, посолъ въ Венеціи, 536.
Толедо, 53, 200.
Толоза, см. Тулуза.
Тольбіакъ, 28.
Тонгернъ, 63.
Торки, 214.
Торнъ, 440, 457, 552.
Тортонъ, 273, 276.
Торъ, 210.
Тоскана, 163, 303, 422.
Тосканелли, 585.
Тосканское побер., 139.
Тотила, 35, 36.
Тохтамышъ, 487.
Трауснитцъ на Иннѣ, 418, 420.
Трибуръ, 151, 165, 172, 182, 252.
Тринидатъ, о-въ, 589.
Триполисъ, 242, 245, 246, 294.
Триръ, 96, 99, 254, 386, 414, 415.
Тристьяо (Нуньо), 584.
Троа, 248, 570.
Трокскій замокъ (изображеніе), 524.
Тростковъ, 492.
Труворъ, 215.
Тулла, 164.
Тулуза, 26, 203, 314, 319.
Тумеликъ, 12.
Тунисъ, 356.
Турки, 450, 452, 455.
Турція, 76, 290.
Туръ, 59; монастырь, 85.
Турэнь, 352.
Тускулумъ, 281, 302.
Туснельда, 11, 12.
Тусція, 69, 257, 259, 261, 270, 303, 308—310
Тюксбюри, 579.
Тюбингенъ, 567.

Тюдоры, 580, 581.
Тюринги, 30, 67, 111.
Тюрингія, 62, 63, 107, 173, 250, 311, 337, 395, 440, 448.
Тюрки, 477.
Уатъ Тайлоръ, 468, 469.
Убіи, 8, 374.
Угедей, 477.
Узипеты, 6.
Украйна, 525.
Ульмъ, 152, 182, 268, 443, 444.
Ульрихъ Аугсбургскій, 122.
Ульрихъ V Вюртембергскій, 444, 548, 550.
Ульрихъ, фонъ - Лихтенштейнъ, 367.
Ульфила, 15.
Унтервальденъ, 417.
Упсала, 210.
Уралъ (горы), 530.
Урбанъ II (Левъ), 192—194, 204, 239, 247.
Урбанъ III, 289.
Урбанъ, IV 361, 383, 386.—V, 438, 439;—VI, 489.
Ури, 416.
Урика, 353.
Урканъ, 454.
Утрехтъ, 63, 156, 181, 253, 426.
Уэстминстеръ, 348.
Уэстсэксъ, 205.
Фарсалъ, 7.
Фатима, 52.
Фатимиды, 130, 243, 290.
Фева, 20.
Феликсъ V, папа, 508 (быв. герц. Савойскій Амедій VIII), 508.
Фердинандъ I, Кастильскій, 200.
Фердинандъ I, кор. Неаполитанскій, побочный с. Альфонса V, 597.
Фердинандъ II, кор. Арагонской династіи, 575.
Фердинандъ III Кастильскій, 353,
Феррара, 281, 503, 508, 512.
Филиппъ I Франц., 204, 349.
Филиппъ II, Августъ. Франц., 297, 298, 312, 347, 349, 350;—III, 402.
Филиппъ Кёльнскій, 284, 290; III, 402.
Филиппъ IV, Красивый, 397, 399, 402, 403, 406, 412, 423, 460, 462, 463, 465. Рис.: конная статуя, 404; печать, 405;—V, 462;—VI, 462, 464.
Филиппъ Швабскій, 303, 305—310; его серебряный брактеатъ, рис., 308.
Финляндія, 343.
Финскій заливъ, 344.
Филарете, Антоніо, 503.
Филиппъ, герц. Бургундскій, 569, 572.
Филиппъ Добрый, герц. Бургундскій, 552
Филиппъ, младш. сынъ кор. Іоанна Франц., жен. на Маргаритѣ Бургундской, 552.
Филиппъ, с. кор. Максиміліана, отъ супр. съ Маріей Бургундской, 556.
Фіоравенти, Аристотель, см. Аристотель.
Фіорентино, 338.
Фирвальдштетское озеро, 416;—округъ, 417.
Флавій, 10.
Фландрія, 140, 312, 440, 462.
Флархгеймъ, 187.
Флоренція, 194, 410, 412, 512, 513, 528, 594.
Флохбергъ, 267.
Фогельвейде, см. Вальтеръ.
Фогельзанкъ, 327.
Фока, 52.
Фолькунги, 343, 459.
Фонди, 489.
Фонтанета, 95.
Формозъ, 99.
Форшгеймъ, 106, 186.
Фотій, патріархъ, 224.
Фраксинетумъ, 98, 118, 126, 238.
Фраджипанни, 258.
Франкенталь, 74.
Франки, 4, 14, 26—30, 37, 42, 43, 53, 57—59, 62—64, 67, 70, 73, 76, 79, 81, 103, 107, 114, 150, 296, 317.
Франконія, 114, 115, 116, 121, 131, 156, 186, 386, 448; Франконскій домъ, 395.
Франкское госуд., 40, 42, 55, 72, 74, 75, 77, 84, 95—97, 112. Восточная половина, 96, 97, 99, 105, 109, 112, 113, 119, 124, 133. Западная половина, 96, 108, 109, 115, 119, 128, 130, 132, 133.
Франкфуртъ, 74, 85, 263, 269, 309, 310, 312, 337, 382, 389, 415, 419, 424, 430, 434, 443, 449, 452; на Одерѣ, 567.
Францисканскій орденъ, 320.
Францискъ (Франческо) Ассизскій, 321, 361. Его проповѣдь предъ папой Гоноріемъ III, рис., 320.
Франція, 146, 158, 160, 163, 202—205, 211, 240, 246, 251, 253, 255, 258, 264, 280, 286, 304, 314, 315, 318, 323, 328, 345, 348—350, 352, 373, 399, 403, 405, 406, 412, 414, 418, 423, 453, 460, 462, 464—466, 468, 489, 494.
Французы, 241, 244, 265, 266, 355, 363, 384, 426, 463, 464.
Фредегунда, 42.
Фрежюсъ, 98.
Фрейбургъ, г., 388 558, 567.
Фрейданкъ, 370.
Фрейзингенъ, 63, 106.
Фридрихъ Австрійскій, 415, 416, 417, 418, 420, 422, 494; печать, рис., 415.
Фритги, 17.
Фридрихъ I Барбаросса, 268 — 272, 274 — 282, 284 — 286, 288 — 290, 294 — 296, 306. Рис.: скульптурное изображ. на дверяхъ Фрейзингенскаго собора, 270; изсѣченное на камнѣ изображ. въ мон. Св. Зенона, 287; остатки современныхъ построекъ, 291; серебряный брактеатъ, 296; надпись надъ входомъ въ за́мокъ, 376; за̀мокъ, 377.
Фридрихъ II франц., 310, 311, 313, 322—340, 344. Рис.: печать, 313; статуя, 324; гробница, 341.
Фридрихъ III, надмогильное изображ., 559.
Фридрихъ, отецъ Барбароссы, 269.

Фридрихъ, сынъ Барбароссы, 288, 296, 298.
Фридрихъ III (Гогенцоллернъ), 504.
Фридрихъ III, императоръ (изображеніе), 545.
Фридрихъ III (изъ Габсбурговъ, герц. Штирійскій), кор. Германскій; 508, 510; императоръ онъ же, 511.
Фридрихъ III, имп. Герм., 520, 522, 538, 544.
Фридрихъ Баденскій, 384.
Фридрихъ, сынъ Конрада III, 268.
Фридрихъ Гогенцоллернъ, бургграфъ Нюренбергскій, 392, 417, 448.
Фридрихъ IV (Гогенцоллернъ), 495, 499, 504.
Фридрихъ VI (онъ же бургграфъ Нюренбергскій) Гогенцоллернъ, курф. Бранденбургск., 505 (изображеніе въ миніатюрѣ), подъ имен. Фридриха I.
Фридрихъ (Бранденбургскій курф.), 501.
Фридрихъ, ландграфъ Тюрингенскій, 507.
Фридрихъ, II, Лже-, 395.
Фридрихъ Мудрый, курф. Саксонскій, 562.
Фридрихъ Майнцскій, 121, 122.
Фридрихъ Побѣдоносный, гр. Пфальцскій, 550.
Фридрихъ Сицилійскій, 408, 412, 422.
Фридрихъ Строптивый, 332, 334.
Фридрихъ Храбрый (изъ д. Веттинеровъ), маркграфъ Мейссенскій, 587.
Фридрихъ Швабскій, 256, 257, 259, 263.
Фризы, 58, 59, 62, 63, 67, 71, 79, 88, 426.
Фрисландія, 96, 142, 250, 321.
Фрицларъ, 121.
Фріуль, 70, 120.
Фруассаръ, 546, 554, 555.
Фрязинъ, Антоній, 536.
Фульда, 71; монастырь, 64, 102, 117.
Фулько Анжуйскій, 247.
Фулько Нельійскій, 315.
Фулькъ Реймскій, 203.
Фустъ (иначе: Фаустъ), Іоганнъ, 567.
Хадези, 44.
Хазары, 217.
Хаиме (Іаковъ I), 353.
Халкедонскій соборъ, 18.
Харанъ, 244.
Хвалынское море, см. Каспійское.
Хельмихисъ, 40.
Хересъ де-ла-Фронтера, 54,
Херуски, 10, 11.
Хиддина, 300.
Хильдебертъ, 30.
Хильдерикъ I Франк., 27.
Хильдерикъ III Франк., 60.
Хильдерикъ, правитель Вандаловъ, 32, 33.
Хильперикъ I, король Нейстріи, 42.
Хильперикъ, король Бургундіи, 27.
Хлодвигъ (Хлодовей) I, 23, 27—30, 42, 57.
Хлодвигъ II, 55.
Хлодомаръ, 30.
Хлютарій, 137.
Хоайо (Донъ), 584, 585; онъ же Іоаннъ VI, кор. Португальскій.
Ховаресмійцы, 354.
Хозру I Нуширванъ, 52.
Хозру II, 52.
Христіанъ Майнцскій, 280—282, 285, 288, 289.
Христосъ, 18.
Хродегангъ Мецскій, 84.
Хротегильда, 27, 28.
Хруотландъ, 77.
Хуръ, 311.
Цамвлакъ, Григорій, 526.
Царевъ, 480.
Царьградъ, см. Константинополь.
Цезарея, 356.
Цейлонъ, 583.
Целестинъ II, 263.
Целестинъ III, 302, 304, 306.
Церингеры, 264.
Цивилисъ, 12.
Цицеронъ, 205.
Цонсъ (видъ укрѣпленія), 548, (внутренняя сторона стѣны), 549.
Цугъ, 442.
Цюрихъ, 424, 442, 448.
Чегединъ, 513.
Чезарини (Джуліани), кардиналъ, 501, 513.
Ченчи, 179, 180.
Червонная Русь, 456.
Черниговское княжество, 523.
Черниговъ, 215.
Черногорія, 518.
Черное море, 215.
Честеръ, 208.
Чехи, 98.
Чивита-Веккія, 335.
Чивитате, 165.
Чингисъ-Ханъ, 334, 476, 477.
Чудское озеро, 214, 481.
Чудь, 225, 234, 481.
Шалонъ, 351.
Шампань, 154, 203.
Шартръ, 240, 465.
Шафгаузенъ, 494.
Швабія, 105, 107, 116, 121, 142, 151, 153, 156, 194, 252, 259, 267, 282, 394, 417, 442, 448.
Швабы, 122, 150.
Шведы, 343.
Швейцарія, 399, 417; — швейцарскій союзъ: 416, 417; Швейцарцы — 446, 448.
Швеція, 98, 210, 211, 343, 453, 459, 460, 489.
Швицъ, 416.
Шіара Колонна, 421.
Шіиты, 52.
Шильдбергеръ, Гансъ, 512.
Шинонскій зам., 571.
Ширка, 290, 292.
Шликъ Каспаръ, 510.
Шлезвигъ (Слясвикъ), 112, 116, 132, 151.
Шотландія, 206, 315, 345, 463, 464, 489; Шотландцы, 463.
Шпейеръ, 63, 96, 156, 167, 184, 197, 250, 257, 265, 267, 302. Соборъ, рис., 155, 388, 406, 423, 426.
Шпиръ, 177.
Штадтбергъ, 72.
Штауфенъ, графъ, 187.
Штауфены, 251, 253, 256—259, 263, 264, 269, 289, 306, 307, 309, 310, 340, 342, 355, 373, 383, 389, 394, 410.
Штральзундъ, см. выше Стральзундъ.

Штедингцы, 328.
Штирія, 286, 332, 393.
Штульвейсенбургъ, 158, 171.
Штурмій Фульдскій, 102.
Шуйскій, В. В., 542.
Эбергардъ Баварскій, 114, 115.
Эбергардъ, гр. Вюртембергскій, 394;—II, 443, 444, 448, 562.
Эбергардъ фонъ-Нелленбургъ, 174.
Эбергардъ Франконскій, 107, 114.
Эбо Реймскій, 94.
Эбро, 77, 80, 353.
Эгтскія горы, 72.
Эгери, 417.
Эгеръ, 448.
Эгизъ, 54.
Эдесса, 241, 246, 264.
Эдита, 113, 116; статуя, рис., 127.
Эдмондъ II Англ., 206.
Эдмондъ, сынъ Генриха III Англійскаго, 349, 383.
Эдризиды, 200.
Эдуардъ Англосаксскій, 113.
Эдуардъ Исповѣдникъ, 206.
Эдуардъ I Англ., 397,463;—II, 463
Эдуардъ III Англ., 423—425, 429, 462—465; печать, рис., 464.
Эдуардъ IV, кор. Англійскій, 578, 579, 580.
Эдуардъ V, кор. Англійскій, 579.
Эдуардъ Уэльскій (Черный принцъ), 465, 468. Надгробіе, рис., 466.
Эингардъ, 81, 82, 86, 88.
Эйдеръ, 75, 80.
Эйзеръ, 71.
Эйюбъ, 292.
Экбертъ Англійскій, 205.
Экбертъ ф.-Мейсенъ, 192.
Экгардъ Мейсенскій, 138.
Экгардъ, монахъ С. Галленскій, 370.
Элеонора, жена Людовика VII, а послѣ развода — Генриха II Англійскаго, 266, 345.
Эльбингъ, 440, 459, 552.
Эль-Деримъ, 455.
Эльзасъ, 545.
Эльба, 10, 71, 73, 74, 80, 94, 110, 115, 132, 153, 268, 327.
Эльда, 327.
Эмаддединъ Зенка, 246, 247, 264, 266.
Эммануилъ, кор. Португальскій, 591.
Эммеранъ, 62.
Энгельбертъ Кёльнскій, 323, 391.
Энгельбертъ Святой, 376, 376.
Энгельбертъ Фалькенбургскій, 378.
Энгельбертъ, аббатъ Сенъ-Галленскій, 109.
Эней-Сильвій Пикколомини, 508, 511, 518, 566 (изображеніе на 509).
Энгры, 71.
Энціо (Гейнцъ), 338.
Эраръ де-Валери, 384.
Эресбургъ, 72, 107, 114.
Эригэнъ Скотъ, 205.
Эрихъ Глиппингъ, 344.
Эрихъ Датскій и Норвежскій, 460.
Эрихъ II Норвежскій, 458.
Эрихъ Саксенъ-Люценбургскій, 416, 430; надгробіе, рис., 431.
Эрихъ, Святой, 343.
Эрлангенъ, 551.
Эрлихсгаузенъ фонъ, Конрадъ, магистръ Тевтонскаго ордена, 552.
Эрнстъ I Швабскій, 150.
Эрнстъ II Швабскій, 151—153.
Эрфуртъ, 112, 286, 424, 491.
Эрхангеръ, Швабскій, 107.
Эслингенъ, 548.
Эспаньола, см. Гаити.
Эсте (д'Есте), 332.
Эстляндія, 99.
Эстонія, 344.
Этельредъ, 205, 206.
Эфесъ, 18, 266.
Эчь, 274.
Эшенбахъ, фонъ, 400.
Эйюбидъ Аль-Камиль, 322, 325, 354.
Юдиѳь, жена Лудвига Благочест., 92, 93, 94.
Юдиѳь, жена Генриха Баварск., 124.
Юдиѳь, мать Барбароссы, 269.
Юкатанъ, полуо-въ, 590.
Юліанъ Сеутскій, 54.
Юлій II, папа, 598, 592, 600 (изображеніе).
Юлій Цесарь, К., 5—7, 17, 32, 43.
Юпитеръ, 19.
Юра, 204.
Юрій Всеволодовичъ, 476, 479.
Юрій Даніиловичъ, 483.
Юрій Долгорукій, 230, 231, 479, 483.
Юрьевъ, 225, 234, 440.
Юстиніанъ, 31, 32, 34—36, 38, 39, 53. Со свитой, рис., 31.
Юстинъ I, 23, 31.
Юстинъ II, 39.
Юсуфъ, 200.
Ютландія, 210.
Юты, 67.
Ява, 583.
Ягелло, 450, 456, 506, 525.
Яго Кампостельскій, Св., 238, Яго Св. орденъ, 363.
Ядвига, 450, 456, 525.
Яковъ II, Аррагонскій, 408.
Яковъ Ребокъ, 430.
Янъ Непомукъ, 450.
Ярославль, 225.
Ярославъ I Мудрый, 225—229, 232, 235, 236; рис.: Золотыя ворота въ Кіевѣ, 226; гробница, 227.
Ярославъ Всеволодовичъ, 476, 481.
Ярославъ, чешскій воевода, 479.
Ястрѐбъ, 47.
Яффа, 243, 356.
Ѳаддей Суэсскій, 335, 336, 338.
Ѳеодора, жена Юстиніана, 32.
Ѳеодора, гетера, 119.
Ѳеодоръ Ласкарисъ, 317, 354.
Ѳессалоники, 295, 303.
Ѳессалоникійское королевство, 317, 354.
Ѳома Аквинскій, 361.
Ѳома Арендель, 473.
Ѳома Бекетъ, 345, 346.
Ѳома Глочестерскій, 469.
Ѳракія, 455.